Кл 4/328

Кл 4/328

Обзоръ
ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА

проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

Цѣна 4 руб.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

ПЕТРОГРАДЪ, Екатерининская, 4.

КІЕВЪ, Крещатикъ, 33.

1915.

Изданія книжнаго магазина

Н. Я. ОГЛОБЛИНА,

Кіевъ, Крещатикъ, 33.

Александровскій Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. I. Изд. 9-е. К. 1914. Ц. 1 руб. Тоже. Вып. II. К. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Андріяшевъ А. Руководство къ разумному пчеловодству съ приложен. календаря и таблицы пчеловодства съ 228 рисунками. Изд. 7-е. К. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Ардашевъ П. Н., проф. Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Ч. I. Эпоха гуманизма и реформаціи. К. 1914. Ц. 1 р.

Богумилъ А. Начальный періодъ народничества въ Русской литературѣ. (XVI в.—1812). К. 1907. Ц. 2 р. 20 к.

Букрѣевъ Б. Я. Курсъ приложенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія къ геометріи. Элементы теоріи поверхностей. К. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Булашевъ Г. О. Украинскій народъ въ своихъ легендахъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ. В. 1. Космологическія украинскія народныя воззрѣнія и вѣрованія. К. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Бунге Н. А., проф. Курсъ химической технологіи. Вода, Топливо и отопленіе, Освѣщеніе. Изд. 2-е, испр. и дополн. съ 175 политипажами. К. 1906. Ц. 3 р.

Ващенко-Захарченко М., орд. проф. Начала Эвклида съ поясн. введеніемъ и толкованіемъ, съ 601 политип. въ текстѣ. К. 1880. Ц. 6 р.

— Исторія математики. Историческій очеркъ развитія геометріи. Т. I. К. 1883. Ц. 6 р.

— Лекціи разностнаго исчисленія. К. 1868. Ц. 2 р.

— Аналитическая геометрія двухъ и трехъ измѣреній. К. 1877. Ц. 6 р.

— Элементарная геометрія въ объемѣ гимназическаго курса. К. 1884. Ц. 3 р.

— Алгебраическій анализъ или высшая алгебра. К. 1887. Ц. 4 р. 50 к.

— Высшая алгебра. Теорія постановленія и прилож. ея къ алгебраическимъ уравненіямъ. К. 1890. Ц. 4 р.

— Символическое исчисленіе и приложеніе его къ интегрированію линейныхъ дифференціальныхъ уравненій. К. 1862. Ц. 1 р.

— Проективная геометрія. Съ чертежами въ текстѣ. К. 1897. Ц. 3 р.

Волны вѣчности, въ русской художественной литературѣ. Изд. Религіозно-Философскаго Обществ. К. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

Владимірскій-Будановъ М. Хрестоматія по истор. русск. права. Вып. I. Изд. 6-е. К. 1908. Ц. 1 р. 2[illegible] к. Вып. II. Изд. 5-е. 1914. Ц. 1 р. 50 к. Вып. III. Изд. 4-е. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

— Обзоръ исторіи русск. права. Изд. 7-е съ допол. К. 1914. Ц. 4 р.

— Das Russische Recht. Русская Правда. К. 1911. Ц. 25 к.

— Судебникъ 1589 г., его значеніе и источники. К. 1902. Ц. 50 к.

— Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Западной Россіи XVI. К. 1911. Ц. 25 коп.

Влахопуловъ Б. А. Экономическая хрестоматія, т. I. Античный Міръ подъ ред. Е. Д. Сташевскаго. К. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

Гаврикъ П. Г. Основныя задачи податного и оцѣночнаго дѣла. Руковод. для податныхъ инспекторовъ, земскихъ и городскихъ управъ по разнымъ вопросамъ податного оцѣночнаго дѣла. К. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

Голубевъ С. Кіевскій митропол. Петръ Могила и его сподвижники (Опытъ историческ. изслѣд.). Т. II. К. 1898, стр. 1053. Ц. 6 р.

Граве Д. А. Математика страхового дѣла. Курсъ Кіевскаго коммерческаго института. 1912. Ц. 60 коп.

— Энциклопедія математики. Очеркъ ея современнаго положенія. 152 чертежа въ текстѣ. К. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

де-Ла-Бартъ, графъ. Шатобріанъ и Поэтика міровой скорби во Франціи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. К. 1905. Ц. 3 р.

Дементьевъ К. Г. Теплота и заводскія печи. Съ 330 рис. въ текстѣ и 27 чертежами. К. 1911. Курсъ, читанный студентамъ химич. отд. Кіевскаго политехнич. института Императора Александра II. Ц. 5 руб.

— Технологія строительныхъ матеріаловъ. К. 1912. Ц. 6 р.

Довнаръ-Запольскій М. В. Исторія русскаго народнаго хозяйства. Т. I. 1911. Ц. 3 р.

— (подъ редакціей). Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ т. I съ 43 рис. и 2 карт. М. 1910. Ц. 2 р., т. II. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к., т. III съ 39 рис. К. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

— Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Довнаръ-Запольскій М. В. проф. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Т. I. Изд. 2-е. К. 1914. Ц. 2 р. 20 к.

Драгомировъ М. И. Очерки: Разборъ „Войны и мира". Русскій солдатъ. Наполеонъ I. Жана д'Аркъ. К. 1898. Ц. 1 р.

Ермаковъ В. П. Аналитическая геометрія, курсъ лекцій, читан. въ политехн. инст. Императора Александра II, ч. I. Геометрія на плоскости. Изд. 3-е. 1908.

Кл 4/328

Обзоръ
ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА

проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

ПЕТРОГРАДЪ,
Екатерининская, 4.

КІЕВЪ,
Крещатикъ, 33.

1915.

Из коллекции
профессора
В. Э. Грабаря

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
20143-58

КІЕВЪ.
Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Караваевская, 5.
1915.

Въ предисловіи къ 3-му изданію „Обзора исторіи русскаго права“ нами было сказано:

„Настоящая книга, предназначенная съ перваго изданія своего для учебной цѣли, и въ теперешнемъ изданіи сохраняетъ тоже значеніе. Учебное пособіе мы бы не желали смѣшивать съ учебникомъ: первое должно лишь помогать изученію науки, второй заключаетъ въ себѣ все содержаніе науки, обязательное для учащагося; въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣднему нѣтъ мѣста.

Учебный характеръ книги опредѣляетъ ея концепцію. Въ ней много рубрикъ и подраздѣленій не вслѣдствіе особаго пристрастія къ нимъ автора, а въ силу необходимости останавливать вниманіе учащагося на существенныхъ оттѣнкахъ мысли или фазисахъ развитія явленій. Эти вѣхи, указывающія путь мысли для учащихся, могутъ показаться помѣхами для человѣка, уже переставшаго учиться. Но, къ сожалѣнію, не для этихъ читателей книга предназначена. Конечно, автору было бы пріятнѣе рисовать цѣльныя картины непрерывнаго движенія права въ его могучемъ историческомъ потокѣ и плыть по этому теченію безъ преградъ и запрудъ; но въ учебной книгѣ онъ обязанъ каждую минуту останавливать свой порывъ и указывать учащемуся на каждомъ шагу смыслъ встрѣченнаго явленія. Само собою разумѣется, что, говоря объ иномъ, болѣе свободномъ изложеніи науки, мы не имѣемъ въ виду изложеніе ея „съ птичьяго полету“ (какъ говорятъ иногда), ибо видъ съ птичьяго полету лишенъ перспективы, а въ исторической перспективѣ весь смыслъ исторіи.

Впрочемъ вся эта оговорка вызвана главнымъ образомъ отдѣленіемъ въ нашей книгѣ исторіи уголовнаго и гражданскаго права отъ исторіи права государственнаго. Обстоятельство это было объяснено уже въ прежнихъ нашихъ изданіяхъ: оно есть результатъ нашей твердой увѣренности (основанной на опытѣ) въ томъ, что два первыхъ сюжета не могутъ быть преподаны студентамъ 1-го курса и должны составлять отдѣльный предметъ преподаванія для слушателей болѣе подготовленныхъ. Вся остальная архитектура книги, со всѣми рубриками и подраздѣленіями, соотвѣтствуетъ обычному построенію историко-юридическихъ работъ: необходимо вести отдѣльныя рѣчи о князѣ, думѣ, вѣчѣ, управленіи, законодательствѣ и т. д., а въ каждомъ изъ этихъ предметовъ указаны моменты постепеннаго развитія ихъ (напр., вѣче—общеплеменная сходка—и вѣче—городское собраніе—два явленія весьма различныхъ; дума, состоящая изъ бояръ и старцевъ, не то, что дума изъ однихъ бояръ; царская власть при Іоаннѣ IV и царская власть при Екатеринѣ II нѣсколько различаются и т. д.).

Что касается до содержанія книги, то она нѣсколько полнѣе предшествующаго изданія, но не вслѣдствіе наполненія ея новыми матеріалами, а въ силу необходимости отозваться на новыя теоріи и мнѣнія, накопившіяся въ промежуткѣ между двумя изданіями ея: мы отнюдь не задавались мыслію утучнять нашу книгу сырымъ матеріаломъ и не гнались за богатствомъ фактическихъ данныхъ; полагаемъ, что такое содержаніе учебнаго пособія было бы весьма не педагогично, да къ тому же для насъ и безцѣльно, ибо, рядомъ съ настоящимъ пособіемъ, существуетъ другое наше изданіе, въ которомъ совмѣщены основные источники права въ цѣломъ ихъ видѣ; здѣсь мы только дѣлаемъ ссылки на нихъ. Необходимый лѣтописный матеріалъ (мало доступный учащемуся) приводится въ умѣренномъ количествѣ, а въ настоящемъ изданіи мы рѣшились, по возможности выдѣлить его изъ текста въ примѣчанія. Задачею своей работы мы ставили не сборникъ матеріаловъ, а возможно-пра-

вильное установленіе нормъ, руководившихъ жизнію прежнихъ поколѣній, — нормъ, которыя не всегда ясно выражены, а иногда и совсѣмъ не выражены въ законодательныхъ памятникахъ того времени. Это и заставляетъ обращаться къ фактическому матеріалу; но факты приводятся лишь для распознаванія нормъ, а отнюдь не ради самихъ фактовъ.

Имѣя постоянно въ виду тяжкую отвѣтственность предъ учащимися молодыми поколѣніями за истинность сообщаемыхъ имъ научныхъ положеній, опасаясь предложить имъ, вмѣсто твердыхъ выводовъ, нѣчто колеблющееся, сомнительное и недоказанное,—мы неизбѣжно вовлечены были въ разногласіе со многими положеніями, которыя встрѣчаются въ наличной историко-юридической литературѣ. Ясно видимъ, какъ неумѣстна полемика въ учебномъ пособіи, однако мы принуждены были допустить во многихъ мѣстахъ возраженія своимъ уважаемымъ сотоварищамъ по наукѣ, отдавая великую честь работамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: не полемическій задоръ руководилъ нами, а желаніе добраться до истины, особенно въ темахъ большой и существенной важности.

Авторъ этой книги не счелъ себя въ правѣ уклониться отъ возраженій, когда контроверсы касаются такихъ существенныхъ вопросовъ исторіи права, какъ вопросъ о происхожденіи обычнаго права (точнѣе: права вообще); о силахъ, образующихъ государственный союзъ (стр. 22—23); о пріобрѣтеніи и передачѣ верховной (княжеской) власти (38—40); о формахъ верховной власти: думѣ и вѣчѣ (45—61); о вліяніи монгольскаго государственнаго права на русское (103—112); объ основахъ единодержавія (т. е. о случайномъ или, наоборотъ, органическомъ его образованіи: 113—116); о сословномъ значеніи служилаго класса въ Московскомъ государствѣ (118—133); объ основаніяхъ (экономическихъ или, напротивъ, законодательныхъ, или же юридическихъ) прикрѣпленія крестьянъ (139—151); объ органахъ верховной власти въ Московскомъ государствѣ и, въ частности,

объ органахъ, творящихъ законъ (169—178); о значеніи и причинахъ паденія древне-русской системы представительства (187 и сл.). Не упоминаемъ о другихъ болѣе частныхъ вопросахъ исторіи русскаго государственнаго права (напр., о значеніи верховнаго таинаго совѣта: 255, о роли сената по сравненію съ значеніемъ боярской думы: 257 и др.).

Не менѣе контроверсъ возбуждаетъ исторія уголовнаго права. Не перечисляя частныхъ спорныхъ вопросовъ въ этой области, отмѣтимъ только, что спорнымъ является самый исходный пунктъ исторіи уголовнаго права: вытекаетъ ли оно изъ произвола лица (отрицанія права) или изъ сознанія права; что такое месть: самоуправство частнаго лица, или осуществленіе права (стр. 317, 333 и сл.). Такъ же колеблется другой основной вопросъ: откуда является преслѣдованіе преступленій государствомъ—изъ фискальныхъ цѣлей или изъ сознанія общественнаго вреда (342). Если присоединить сюда еще вопросы о возможности образованія новыхъ видовъ преступныхъ дѣяній, каковы: разбой, грабежъ, мошеничество, которыя (будто бы) въ эпохи древнѣйшія вовсе не считались преступленіями (329—330), а также вопросы о цѣляхъ наказанія, которые (будто бы) въ древнее время не имѣло въ виду никакихъ условій вмѣненія и могло постигнуть одинаково и виновнаго и невинныхъ (346 и др.),—то всякому будетъ ясно, какъ далеко еще отстоитъ наша наука отъ такого состоянія, при которомъ обозрѣвателю легко бы было суммировать несомнѣнныя положенія въ краткомъ учебномъ курсѣ.

Исторія русскаго гражданскаго права, несмотря на существованіе капитальнаго творенія Неволина, доставляетъ наибольшее количество спорныхъ положеній. Начать съ того, что ученіе о лицѣ вовсе не составляло предмета историческаго разсмотрѣнія, между тѣмъ установленіе понятія о лицѣ въ исторіи права есть краеугольный камень для всѣхъ другихъ сторонъ частнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, если лицомъ съ древнѣйшихъ временъ является индивидумъ, то въ сферѣ семейственнаго права возникаетъ поня-

тіе о полной раздѣльности правъ членовъ семьи (вопреки яснымъ показаніямъ историческихъ источниковъ). Если идея рода исчезаетъ въ доисторическое время, то нѣтъ правильныхъ изъясненій для права родового выкупа, и даже для права родового наслѣдованія. Авторъ принужденъ былъ (несомнѣнными фактами) установить иную схему исторіи имущественныхъ отношеній супруговъ, родителей и дѣтей, иную конструкцію родового владѣнія имуществами. Если община установляется въ текущемъ періодѣ путемъ фискальныхъ мѣръ, то нѣтъ мѣста для общиннаго владѣнія на всемъ пространствѣ древней исторіи (вопреки массѣ вопіющихъ показаній источниковъ).

Такое или иное понятіе о лицѣ всего болѣе отражается на исторической концепціи права наслѣдства: возникаетъ ли это право изъ индивидуальной воли лица (тестаментарнаго произвола) съ древнѣйшихъ временъ, или основаніемъ преемства служитъ совладѣніе группы лицъ въ семьѣ (а затѣмъ въ родѣ)? Является ли законное преемство съ самаго начала исторической жизни безграничнымъ (для отдаленнѣйшихъ родственниковъ), или кругъ призываемыхъ первоначально ограничивается тѣсными предѣлами семьи, и затѣмъ съ теченіемъ исторіи постепенно расширяется? Относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ авторъ могъ опереться на высказанныя уже въ литературѣ положенія (стоящія, однако, рядомъ съ равносильными противоположными имъ), но по другимъ ему пришлось идти „неготовыми дорогами“.

Наконецъ, самую тяжкую задачу обозрѣвателю отечественной исторіи права доставляетъ исторія права собственности. Правда, здѣсь дороги проложены давно, но отчасти попорчены долговременнымъ движеніемъ по нимъ. Съ какого момента являются ограниченія права собственности, и въ чемъ они состоятъ; даже болѣе, было ли въ древнее время вообще понятіе о правѣ собственности на важнѣйшія вещи (недвижимыя)? Здѣсь разногласія литературныхъ мнѣній не такъ легко разрѣшаются фактами, какъ въ нѣкото-

рыхъ предыдущихъ случаяхъ: фактовъ не много, и они темны; приходится прибѣгать къ аналогіямъ, а это путь не всегда безопасный. Къ счастію, древнія начала русскаго права сохранились въ значительной чистотѣ въ явленіяхъ позднѣйшей эпохи обычнаго права; только при помощи ихъ является надежда на б. или м. безошибочное рѣшеніе вопроса объ отношеніи государства къ правамъ частныхъ лицъ, родовъ, общинъ и учрежденій. Умалчиваемъ о частностяхъ (напр., объ основаніяхъ давности владѣнія, о формахъ залоговаго права и т. д.).

Этотъ перечень главныхъ вопросовъ, возбуждающихъ пререканія, дѣлается главн. обр. съ цѣлію показать, почему относительно ихъ допущены нами (по мѣстамъ) отступленія отъ обычнаго объективнаго тона учебной книги; а такъ какъ мы далеки отъ мысли, что въ настоящей книгѣ содержится окончательное рѣшеніе постановленныхъ вопросовъ, то перечнемъ ихъ имѣемъ, кромѣ того, въ виду направить вниманіе молодыхъ изслѣдователей на указанныя стороны науки".

Въ нѣсколько лѣтъ, протекшихъ съ того времени, какъ написаны были эти строки, хотя явилось не мало цѣнныхъ трудовъ по исторіи русскаго права, но большая часть отмѣченныхъ нами вопросовъ ждетъ еще своего разрѣшенія.

Кіевъ, 27 ноября 1914 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе I

Введеніе: понятіе о наукѣ, предметъ, методъ, объемъ, періоды исторіи русскаго права, литература 1

Часть первая.

Исторія русскаго государственнаго права.

Періодъ 1-й.

Территорія: элементы древне-русскаго государства, понятіе о немъ, время образованія, число земель (государствъ), внутренній составъ земли 9

Населеніе: этнографическій составъ его, соціальный составъ (классы общества): бояре, горожане, смерды 23

Власть: общія черты государственнаго устройства русскихъ земель: происхожденіе и первоначальный характеръ государственной власти; формы верховной власти 36

Княжеская власть: происхожденіе, составъ, наслѣдованіе, избраніе, потеря, права княжеской власти 36

Боярская дума: понятіе о ней, составъ (бояре, старцы), права боярской думы 44

Вѣче: понятіе о немъ, происхожденіе, составъ, способы созыва, права вѣча 51

Особенныя черты государственнаго устройства нѣкоторыхъ русскихъ земель: Галиція и Волынь, Новгородъ и Псковъ, Суздальская земля 61

Начала государственнаго объединенія всѣхъ русскихъ земель: національное единство, государственная власть (союзъ князей) . . 68

Управленіе: органы управленія: центральные, мѣстные; предметы управленія: полиція, финансы, военное управленіе . . . 75

Законодательство (источники права): обычное право, вліяніе и рецепція чужого права; договоры русскихъ съ греками, рецепція византійскаго права; уставы; Русская Правда (происхожденіе, составъ, источники); Псковская и Новгородская судныя грамоты . 86

Періодъ 2-й.

Московское государственное право.

стр.

Отношеніе къ предыдущему періоду (вліяніе татарскаго ига) . 99

Территорія: начало единодержавія; сѣверно-русскій союзъ княжествъ; установленіе единодержавія; расширеніе территоріи на востокъ 104

Населеніе: этнографическій составъ, классы общества; служилые люди; элементы служилаго класса, способъ образованія его; разряды; способы вступленія въ служилый классъ и выходъ изъ него; права служилыхъ людей 113

Тяглые люди: посадскіе; разряды ихъ; образованіе класса . . 127

Крестьяне: населеніе черныхъ волостей; населеніе частныхъ вотчинъ; отношеніе перехожихъ крестьянъ къ землевладѣльцу; прикрѣпленіе старожильцевъ; отношеніе закона къ прикрѣпленію . . 130

Власть: Великій князь и царь; титулъ; способы усвоенія и вередачи власти: наслѣдованіе, избраніе; права власти великаго князя и царя 147

Боярская дума: исторія ея; составъ боярской думы: права ея . 158

Земскіе соборы: возникновеніе и исторія ихъ; составъ и засѣданія; права и значеніе земскихъ соборовъ 174

Управленіе: Центральное управленіе: система органовъ; внутренняя организація 185

Мѣстное управленіе: исторія уѣзда въ Московскомъ государствѣ; исторія мѣстнаго управленія: система кормленія; земское самоуправленіе; приказно-воеводское управленіе; городское самоуправленіе 191

Финансовое управленіе: прямые налоги: основаніе обложенія; величина и роды податей; лица, подлежащія обложенію; способъ взиманія. Косвенные налоги. Регаліи 199

Военное управленіе; ямское и почтовое; мѣры относительно народнаго просвѣщенія 205

Законодательство: жалованныя и уставныя грамоты. Судебники: судебникъ 1497 г., судебникъ 1550 г. Стоглавъ. Указныя книги 210

Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича: исторія составленія Уложенія; источники, содержаніе и система. Новоуказныя статьи . . 221

Періодъ 3-й.

Государственное право имперіи.

Территорія 226

Населеніе: шляхетство (дворянство): способъ образованія; элементы его; способы пріобрѣтенія дворянства; права дворянства . 228

Мѣщанское сословіе. Состояніе сельскихъ обывателей и крѣпостное право: элементы и источники его; юридическое положеніе крѣпостныхъ, выходъ изъ крѣпостного состоянія, освобожденіе . . 231

Власть: новыя основанія власти; переворотъ въ порядкѣ преемства; права верховной власти 237

Управленіе: центральное: сенатъ при Петрѣ В. Верховный тайный совѣтъ и другія высшія учрежденія. Сенатъ при в. т. совѣтѣ и кабинетъ; сенатъ при Елизаветѣ, Екатеринѣ и Александрѣ I; св. Синодъ 242

стр.

Коллегіи; учрежденіе ихъ, система, вѣдомство, внутренняя организація 250

Мѣстное управленіе: учрежденія Петра В.; учрежденія Екатерины II. Муниципальное управленіе. Предметы управленія 253

Законодательство: понятіе о законѣ; формы закона: уставы, регламенты, указы, кодификація 260

Дополненія къ 1-й части.

Славянское право и отношеніе его къ русскому 267

Объ отношеніи земель къ племенамъ 269

„Земское государство“ 272

Право собственности на землю, какъ основаніе власти старшихъ городовъ надъ территоріею 274

Національное имя Русь 276

О добываніи столовъ 278

Объ отношеніи пригороднаго вѣча къ вѣчу старшаго города . 280

О законныхъ и незаконныхъ вѣчевыхъ собраніяхъ 281

О феодализмѣ на Руси 283

О федеративномъ началѣ на Руси 289

Обычное право 292

Добавочныя замѣчанія о прикрѣпленіи крестьянъ 293

О судебникѣ ц. Ѳеодора Іоанновича 301

Часть вторая.

Исторія русскаго уголовнаго права.

Понятіе объ уголовномъ правѣ 307

Періодъ 1. Уголовное право договоровъ съ греками. Уголовное право Русской Правды 308

Преступленіе: термины; субъектъ преступленія. Преступное дѣяніе. Объектъ преступленія. Классификація преступленій; преступленія противъ чести, свободы, правъ имущественныхъ, противъ правъ государства, противъ вѣры и нравственности 313

Наказаніе: понятіе о наказаніи, виды наказаній: месть; денежные штрафы: вира и головничество; продажа и урокъ; потокъ и разграбленіе; изгнаніе и ссылка; болѣзненныя и членовредительныя наказанія; смертная казнь 325

Смѣшанная система судныхъ и древнѣйшихъ уставныхъ грамотъ 332

Періодъ 2. Общая характеристика уголовнаго права Московскаго государства 335

Преступленіе: субъектъ 337

Преступное дѣйствіе 341

Объектъ и классификація преступленій: преступленія противъ религіи и церкви; преступленія государственныя; по службѣ; противъ порядка управленія; противъ судебной власти 342

Преступленія гражданскія: противъ жизни, здоровья, чести, противъ правъ имущественныхъ: разбой, грабежъ, татьба, мошенничество 349

стр.

Наказаніе: несовершенства опредѣленій Московскаго уголовнаго закона о наказаніяхъ. Принципъ и цѣль наказаній. Виды наказаній; имущественныя наказанія, личныя: изгнаніе, тюремное заключеніе; болѣзненныя и членовредительныя наказанія; смертная казнь 354

Періодъ 3. Преступленіе; субъектъ; преступное дѣйствіе. Объектъ и классификація преступленій 363

Наказаніе: цѣль; виды наказаній 370

Исторія русскаго гражданскаго права.

Лицо (субъектъ частнаго права).

Понятіе о лицѣ; условія правоспособности: полъ, возрастъ, здоровье, общественное состояніе. Ограниченія правоспособности . 375

Иноземцы и чужеземцы. Изгои 383

Холопы: происхожденіе холопства; источники его: плѣнъ; семейныя отношенія, обязательственныя, преступленія 391

Виды холопства. Укрѣпленіе холопства. Юридическое положеніе холоповъ. Освобожденіе. Конецъ рабства 401

Исторія русскаго семейнаго права.

Понятіе о семьѣ. Союзъ супружескій. 411

Бракъ: формы брака въ языческую эпоху; бракъ въ христіанскую эпоху; обрученіе 413

Условія совершенія брака: возрастъ; правильность сознанія; свободная воля и согласіе родителей; дозволеніе начальства; единоженство; повтореніе брака 418

Формы совершенія брака: церковное вѣнчаніе 431

Прекращеніе и расторженіе брака: смерть физическая и политическая, поступленіе въ монашество, безвѣстное отсутствіе; нравственныя причины расторженія. Порядокъ совершенія развода . 436

Взаимныя отношенія супруговъ: личныя: во времена древнѣйшія; въ Московскомъ государствѣ; послѣ Петра I 443

Имущественныя отношенія супруговъ въ древнѣйшую эпоху; семейная общность имуществъ: вѣно, приданое, общность правъ на купленныя вотчины; общность обязательственныхъ правъ. Раздѣльность имуществъ супруговъ 448

Союзъ родителей и дѣтей: составъ семейной власти: лица, подчиненныя родительской власти; основанія и сущность семейной власти; личныя отношенія; имущественныя отношенія. Прекращеніе родительской власти 460

Опека 468

Исторія права наслѣдства.

Происхожденіе права наслѣдства и періоды его развитія . . 472

Періодъ 1. Право наслѣдства по договорамъ русскихъ съ греками 473

Право наслѣдства по Русской Правдѣ: рядъ (завѣщаніе) . . 474

стр.

Наслѣдованіе по закону: кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству; наслѣдованіе нисходящихъ послѣ отца и послѣ матери; наслѣдованіе супруговъ 477

Періодъ 2. Право наслѣдства въ Новгородѣ и Псковѣ: наслѣдованіе по завѣщанію, по закону 488

Право наслѣдства въ Московскомъ государствѣ: духовная грамота; наслѣдованіе по закону: дочерей, жены, боковыхъ. Выморочность 494

Періодъ 3. Право наслѣдства во времена имперіи; указъ о единонаслѣдіи; время послѣ отмѣны указа о единонаслѣдіи . . . 505

Исторія русскаго вещнаго права.

Періодъ 1. Объекты вещнаго права: движимыя вещи; вещи недвижимыя. Владѣніе и право собственности 509

Субъекты и виды вещныхъ правъ 514

Періодъ 2. Способы пріобрѣтенія права собственности, оккупація, давность, находка, пожалованіе 520

Виды вещныхъ правъ: дворцовыя вотчины. Церковныя имущества: способы пріобрѣтенія и прекращеніе ихъ; попытки секуляризаціи; принципъ неотчуждаемости 527

Тяглыя имущества: происхожденіе и виды тяглыхъ общинъ; черныя волостныя земли. Меньшія сельскія общины и кооперативные союзы 536

Городскія тяглыя имущества 545

Вотчины частныхъ лицъ: родовыя имущества; родовой выкупъ. Отношеніе правъ вотчинниковъ къ правамъ государства 548

Купленныя вотчины 558

Жалованныя (выслуженныя) вотчины 562

Помѣстья; происхожденіе помѣстій; лица, могущія обладать помѣстьями; объектъ помѣстнаго права; права владѣльца на помѣстье 566

Древне-русское право залога 574

Періодъ 3. Время отъ Петра I до Екатерины II 579

Время отъ Екатерины II до свода законовъ 585

Обязательственное право.

Общее ученіе: понятіе объ обязательствѣ въ древне-русскомъ правѣ; лица, участвующія въ обязательствѣ: необходимое участіе; необходимое вступленіе; цессія 590

Возникновеніе обязательства; договоры; совершеніе договоровъ 593

Предметъ обязательства. Прекращеніе обязательства 598

Система договоровъ: мѣна, купля-продажа, дареніе, заемъ, поклажа, личный наемъ, наемъ имущества 601

Исторія русскаго процесса.

Періодъ 1. Судебныя власти: частные и государственные органы суда 610

Судопроизводство: стороны; установленіе отношеній сторонъ до суда; сводъ, слѣдъ 614

Судъ: послухи и видоки 621

стр.

Суды Божіи: жребій, рота́, ордаліи, поле. Приговоръ и его исполненіе 623

Періодъ Московскій: судебныя власти: государственные, сословные и вотчинные суды; участіе населенія въ судѣ. Инстанціи; подсудность 629

Судопроизводство: судъ (обвинительный процессъ): стороны; судебныя доказательства: послушество; суды Божіи; акты. Судебное рѣшеніе. Сила судебныхъ рѣшеній. Способы исполненія 635

Розыскъ: стороны; средства розыска: поличное; повальный обыскъ; пытка. Приговоръ и его исполненіе 639

Періодъ имперіи: „Краткое изображеніе процессовъ“: формальная теорія уликъ 641

„Форма суда“ 1723 г.: примѣненіе ея 643

Дополненія ко 2-й части.

Служилая кабала и добровольное холопство 645

Общесемейныя имущества 653

Происхожденіе древне-русскаго общиннаго землевладѣнія . . 665

Библіографическій указатель.

А. Исторія русскаго государственнаго права:

Періодъ 1-й земскій 675

Періодъ 2-й: Московское государственное право:

I. Территорія и населеніе 677

II. Власть 680

III. Управленіе 682

Періодъ 3-й: государственное право имперіи . . . 684

Б. Исторія русскаго уголовнаго права 687

В. Исторія русскаго гражданскаго права:

I. Правоспособность 689

II. Исторія русскаго семейнаго права 690

III. Право вещное 691

IV. Обязательственное право 693

Г. Исторія русскаго процесса 694

Д. Источники права 696

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторія русскаго государственнаго права.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Понятіе о наукѣ.

Понятіе о наукѣ исторіи русскаго права выводится изъ трехъ отдѣльныхъ признаковъ, входящихъ въ него, а именно изъ понятій: а) *о правѣ,* какъ совокупности обязательныхъ нормъ, опредѣляющихъ отношенія государственныя и частныя; б) *объ исторіи,* какъ прогрессивномъ движеніи явленій отъ формъ простыхъ къ болѣе сложнымъ и совершеннымъ; в) *и о націи,* какъ части человѣческаго рода, воспроизводящей въ себѣ общечеловѣческіе законы развитія въ формахъ особенныхъ (оригинальныхъ).

Итакъ, *исторія русскаго права есть наука, излагающая прогрессивное развитіе юридическихъ нормъ въ жизни русскаго народа.*

2. Предметъ науки.

Предметъ исторіи русскаго права опредѣляется первымъ изъ указанныхъ признаковъ понятія ея, т. е. понятіемъ о правѣ. Прежде эта наука именовалась исторіею *законодательства,* и сообразно съ этимъ излагала лишь свѣдѣнія о законодательныхъ памятникахъ прошлыхъ временъ. Затѣмъ, по усвоеніи ей теперешняго названія, въ содержаніе ея входитъ изложеніе не только нормъ, установленныхъ въ законѣ, но и существовавшихъ помимо закона (въ обычномъ правѣ). Предметомъ исторіи права должны быть въ *одинаковой мѣрѣ* какъ нормы *государственнаго права* (государственнаго устройства, управленія и законодательства), такъ и *частнаго права,* а равно нормы, охраняющія и то и другое (уголовное право и процессъ). *Взаимная связь* нормъ государственнаго и частнаго права можетъ быть уяснена только путемъ историческаго изученія.

3. Методъ.

Право можетъ быть изучаемо (и изучается) тремя методами: *догматическимъ, философскимъ и историческимъ.* До XVIII в. (приблизительно) господствовалъ *догматическій методъ* изученія преимущественно римскаго права (какъ дѣйствующаго) въ Западной Европѣ; въ Россіи до

XVIII в. это было практическое изученіе въ приказахъ существующихъ указовъ и Уложенія ц. А. М., сюда присоединялось иногда нѣкоторое знакомство съ иноземными кодексами (Литовскимъ статутомъ); и въ XVIII в. почти такое же изученіе права продолжалось у насъ въ институтѣ коллежскихъ юнкеровъ и въ школѣ при сенатѣ. — Разнообразіе и несовершенства дѣйствующихъ кодексовъ привели къ мысли о возможности установить лучшія правовыя нормы à priori (путемъ философскихъ построеній), что и выразилось въ попыткахъ обосновать т. н. *„естественное право“*, общее для всѣхъ временъ и народовъ. Это направленіе принесло большую долю пользы (подвинуло право къ улучшеніямъ), но и значительную долю вреда (внушивъ мысль о возможности произвольно устроять правовую жизнь посредствомъ новыхъ законовъ). У насъ философское изученіе права велось въ Академіи Наукъ и въ Московскомъ университетѣ; практически европейское философское направленіе отразилось въ реформахъ Петра I (во вліяніи Лейбница), Екатерины II и Александра I.—Послѣ переворота XVIII в. и разочарованія, постигшаго европейское общество въ 1-й четв. XIX в., нельзя уже было признать истиннымъ выраженіемъ права ни законы дѣйствующіе, ни право философски-построенное; оставалось признать такимъ право исторически данное (т. е. выразившееся въ цѣлой исторіи какого-либо народа). Тогда въ Германіи возникла т. н. *историческая школа правовѣдѣнія* (Савиньи и др.), утверждавшая, что единственно-истинный методъ изученія права есть историческій. Это подвинуло науку права, превративъ ее въ фактическое изученіе права, какъ предмета реальнаго, и вмѣстѣ благопріятно отразилось на движеніи законодательства.—Но крайности исторической школы привели къ реакціонному направленію, т. е къ стремленію возвратить формы права, уже прожитыя исторически, и къ предпочтенію національныхъ хотя бы и несовершенныхъ формъ права всякимъ другимъ.

Современное изученіе права старается дать надлежащее мѣсто всѣмъ тремъ указаннымъ методамъ какъ въ отдѣльныхъ наукахъ (догматикѣ, философіи и исторіи права), такъ и въ пріемахъ изученія каждой науки.

Для избѣжанія крайностей исторической школы, исторія права не должна забывать закона *сходства явленій* у разныхъ народовъ, — сходства, объясняемаго единствомъ психологическихъ и физическихъ законовъ природы человѣка. Этимъ опредѣляется *возможность заимствованій* правовыхъ нормъ однимъ народомъ у другого: для заимствованія, впрочемъ, существуютъ очень тѣсныя условія, именно требованіе *уподобляемости* заимствуемыхъ нормъ (т. е. непротиворѣчія ихъ другимъ существеннымъ чертамъ дѣйствующаго права).—Изъ закона сходства явленій возникаетъ необходимость *историко-сравнительнаго метода* въ изученіи права. При изученіи всеобщей исторіи права главная цѣль такого изученія есть выводъ сходныхъ чертъ, при изученіи права національнаго— выводъ не только сходствъ, но и различій, составляющихъ національныя особенности.

4. Объемъ науки.

Объемъ нашей науки опредѣляется третьимъ изъ указанныхъ признаковъ понятія ея. Она есть исторія *національнаго права* русскаго (а не исторія права русскаго государства). Хотя русское государство—по преимуществу національное, но оно не обнимаетъ всей русской націи и включаетъ въ себя нерусскія національности. Отсюда:

а) Исторія русскаго права должна включать въ себя исторію права такихъ русскихъ странъ, которыя не входили или не входятъ въ составъ русскаго государства (такова одна изъ важнѣйшихъ древне-русскихъ Земель — Галиція). Необходимо включить въ составъ нашей науки исторію права Литовско-русскаго, какъ связывающее звено между древнимъ правомъ (1-го періода) и періодомъ имперіи [1]).

б) Исторія права нерусскихъ народовъ, входящихъ въ составъ русскаго государства, не входитъ въ исторію русскаго права; таковы: право остзейское, финляндское (шведское), польское, право армянъ, грузинъ, права мусульманскихъ народовъ и др.

в) Бытъ до-національный (доисторическій) не долженъ входить въ исторію національнаго права; таковы: бытъ скиѳовъ, сарматовъ и др. народовъ, населявшихъ восточную Европу до образованія русской націи, или по крайней мѣрѣ непосредственныхъ ея элементовъ (славянскихъ племенъ).

г) Въ какомъ отношеніи стоитъ исторія національнаго русскаго права къ исторіи права славянскаго? Существованіе славянскаго права, какъ цѣлаго (а не только какъ группы законодательствъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ), не можетъ подлежать сомнѣнію, подобно тому, какъ не подвергается сомнѣнію бытіе права нѣмецкаго, несмотря на постоянную государственную разъединенность нѣмецкаго племени. Дѣйствительно, въ началѣ исторіи общность языка, быта и юридическихъ нормъ у всѣхъ славянъ извѣстна и отмѣчена уже нашимъ первымъ лѣтописцемъ: „бѣ единъ языкъ словѣнескъ“, говоритъ онъ, при чемъ слово „языкъ“ употребляетъ въ смыслѣ націи. Въ частности отношеніе русской націи къ славянской народности опредѣляется у него такъ: „а словѣнскъ языкъ и рускый—одинъ...; аще и Поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ...; языкъ словѣньскый бѣ имъ единъ“.—Въ силу этого въ начальный періодъ исторіи русскаго права нужно признать его тождественнымъ съ правомъ общеславянскимъ; факты, сообщаемые источниками о правѣ другихъ славянскихъ народовъ въ ту эпоху, могутъ быть безопасно приписаны русскому. Но затѣмъ (съ XII и XIII вв.) славянскія племена, вслѣдствіе своей исторической судьбы, надолго разошлись и обособились въ отдѣльныя народныя группы, такъ что во 2-й періодъ единство права между ними уже ослабляется, и тогда приведеніе фактовъ изъ исторіи права другихъ сла-

---

[1]) Въ виду *учебной* цѣли настоящаго изданія, мы не можемъ включить въ него исторіи литовско-русскаго права.

вянскихъ народовъ будетъ для русскаго права уже только аналогіею, хотя и ближайшею. Въ новѣйшія времена (съ XVIII вв.) начинается вторичное (сознательное) стремленіе къ единству славянскаго права, возсозданію котораго всего больше можетъ помочь именно наука (Maciejowski: Historya prawodawstw słowiańskich") [1]).

5. Періоды исторіи русскаго права.

Исторія русскаго права дѣлится естественно на три періода: 1) періодъ *земскій* (или т.н.княжескій) IX—XIII вв.; 2) періодъ *московскій* (правильнѣе—двухъ государствъ Московскаго и Литовскаго) XIV—XVI вв.; 3) періодъ *имперіи* XVIII—XIX вв. — Въ 1-мъ находимъ отдѣльныя Земли—княженія; во второмъ—два большихъ государства; въ 3-мъ—одну имперію. Въ первомъ господствуетъ обычное право; во второмъ — обычай и законъ въ равной силѣ; въ 3-мъ господствуетъ законъ.

Въ частности: *въ первомъ періодѣ начало государственное и частное слиты, какъ равносильныя.* Первоначальное общество строится по типу кровному, а въ семьѣ власть домовладыки есть въ одно и то же время и общественная и частная; въ понятіи „володѣнья" государственная власть—imperium и частная—dominium не разграничены; власть княжеская пріобрѣтается въ одно и то же время и частнымъ наслѣдованіемъ, и завѣщаніемъ, и избраніемъ народа; дань собирается князьями, какъ ихъ личный доходъ, но этотъ доходъ употребляется ими (изъ личныхъ цѣлей) на содержаніе дружины и другія общественныя надобности.—При господствѣ обычнаго права общія правовыя нормы распознаются въ частныхъ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Въ уголовной защитѣ права месть есть и удовлетвореніе частному чувству оскорбленнаго и общественное возмездіе руками мстителя. Въ сферѣ частнаго права лицо физическое еще не выдѣлилось: оно покрыто правами союзовъ семейныхъ, родовыхъ и общинныхъ; внѣ этихъ союзовъ оно теряетъ правоспособность (изгои); въ правѣ наслѣдства сливается вполнѣ завѣщательное право съ законнымъ, т. е. личная воля съ волею общественной.

Во второмъ періодѣ право государственное и частное постепенно обособляется; но прежнее смѣшеніе ихъ обнаруживается въ томъ, что въ Московскомъ государствѣ *государственное право строится по типу частному* (территорія государства приравнивается вотчинѣ; населеніе прикрѣпляется къ городу, посаду и землѣ; управленіе имѣетъ характеръ кормленія). Въ государствѣ Литовско-русскомъ *частное право строится по типу государственному*: частные вотчинники обладаютъ полными государственными правами суда и управленія въ своихъ имѣніяхъ; права политическія зависятъ отъ частныхъ: только землевладѣльцамъ принадлежитъ право на государственную службу и дѣятельность.

---

[1]) См. Дополненіе А.

Въ третьемъ періодѣ *государственное право стремится къ полному очищенію отъ примѣси частно-правныхъ началъ*: въ законахъ опредѣляется существо верховной власти, какъ государственной (при Петрѣ I), издается законъ о порядкѣ престолонаслѣдія (при Павлѣ I); сословія раскрѣпощаются (дворяне и мѣщане при Екатеринѣ II; крестьяне при Александрѣ II); права семейныя и права собственности утверждаются (при Екатеринѣ II).

6. Литература исторіи русскаго права.

а) *Источники* исторіи русскаго права суть тѣ же, какъ и источники самого права, т. е. обычай и законъ. Памятниками обычнаго права служатъ всѣ памятники русской исторіи (лѣтописи, записки, акты, отчасти литературные памятники), а равно живое обычное право и юридическія пословицы. Памятниками законовъ служатъ: договоры (международные и внутренніе), уставы и указы (отдѣльные законы) и кодексы. Важность каждаго изъ этихъ источниковъ опредѣлится ниже, при изложеніи исторіи законодательства [1]).

б) *Научная обработка исторіи русскаго права.* Исторія русскаго права есть наука новая: ея содержаніе долго не выдѣлялось изъ состава другихъ наукъ въ самобытную доктрину, а именно:

а) Въ XVIII и нач. XIX в. она входила въ общій составъ курсовъ русской исторіи (*Татищевъ*: „Исторія Россійская“; *Шлецеръ*: „Nestor. Russische Annalen“; *Щербатовъ*: „Исторія Россіи“; *Болтинъ*: „Примѣчанія на Леклерка“; въ особенности же *Карамзинъ*: „Исторія государства Россійскаго“). Въ то же время тѣ же писатели и другіе занимались изданіемъ памятниковъ древне-русскаго законодательства, большею частію взирая на нихъ, какъ на курьезъ, достойный любопытства.

б) Въ первой четверти XIX столѣтія содержаніе нашей науки стало *входить въ курсы наукъ юридическихъ*, именно гражданскаго права (Терлаича, Горюшкина и др.). Тогда же возникла внѣшняя исторія русскаго права (въ краткихъ обзорахъ исторіи древне-русскаго законодательства Васильева, Михайловскаго, Смирнова, Успенскаго и митр. Евгенія).

в) Со второй четверти XIX в. появляется наука исторіи русскаго права, *какъ самостоятельная*, подъ вліяніемъ исторической школы правовѣдѣнія въ Германіи въ трудахъ слѣдующихъ ученыхъ нѣмецкаго (или западнаго) направленія:

Ewers: „Das älteste Recht der Russen“. Dorp. 1826 (русскій переводъ *Платонова*: „Древнее русское право въ историческомъ его раскрытіи“. Спб. 1835). Это сочиненіе обнимаетъ время отъ основанія русскаго государства до Ярослава и состоитъ въ историко-юридическомъ анализѣ лѣ-

---

[1]) Для удобнѣйшаго ознакомленія съ источниками исторіи права (преимущественно законодательными) нами издана „Христоматія по исторіи русскаго права“ (въ трехъ выпускахъ), гдѣ указывается и литература, относящаяся къ памятникамъ.

тописныхъ сказаній, договоровъ русскихъ съ греками и Правды Ярослава. Эверсъ положилъ начало родовой теоріи въ исторіи русскаго государства.

Reutz: „Versuch über die geschichtiche Ausbildung der Russischen Staats-und Rechtsverfassung". Mittau. 1829 (русскій переводъ проф. Морошкина). Это—первый опытъ полнаго и систематическаго курса исторіи русскаго права, написанный подъ вліяніемъ выводовъ Эверса.

Tobien занялся изданіемъ и истолкованіемъ памятниковъ древнерусскаго права, а именно издалъ: „Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes" (здѣсь Русская Правда и договоры). Dorp. 1844; „Die ältesten Gerichtsordnungen Russlands" 1846 (уставныя грамоты и судебники).

К. А. Неволинъ — истинный основатель ученаго правовѣдѣнія въ Россіи, оставилъ обзоръ внѣшней исторіи русскаго права (во 2-й части своей „Энциклопедіи"), нѣсколько монографій по исторіи государственнаго права („О преемствѣ великокняжескаго Кіевскаго престола", „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.", „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ") и капитальный трудъ: „Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ",—трудъ замѣчательный по полнотѣ изслѣдованія, богатству матеріаловъ и основательности выводовъ, хотя страдающій не достаткомъ въ планѣ.

К. Д. Кавелинъ: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси" 1847 „Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія", 1860; „Устройство гражданскихъ судовъ отъ уложенія ц. А. М. до Петра В." 1859. Въ противоположность трудамъ Неволина, взгляды Кавелина отличаются оригинальностію, широтою и примѣненіемъ сравнительнаго метода.

Б. Н. Чичеринъ—болѣе публицистъ, чѣмъ историкъ, кромѣ капитальнаго труда по исторіи мѣстныхъ учрежденій: „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в." 1856 г., издалъ нѣсколько монографій (по исторіи сельской общины крестьянъ и о духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей), собранныхъ въ его книгѣ: „Опыты по исторіи русскаго права", 1858 г.

Н. В. Калачовъ извѣстенъ и какъ изслѣдователь, но болѣе какъ издатель: „О значеніи кормчей въ системѣ древне-русскаго права", 1850; „Уголовное право по судебнику ц. Ивана Вас.", 1842; „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Рус. Правды", 1846.

Содержаніе нашей науки, съ точки зрѣнія Эверса, вошло въ „Исторію Россіи" *С. М. Соловьева*.

Съ точки зрѣнія славянской школы, отдѣльныя части исторіи русскаго права излагаемы были въ трудахъ:

Н. Д. Иванишева: „О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ словенскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою", 1840; „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи", 1857.

И. Д. Бѣляева, представителя московскаго славянофильства; онъ, кромѣ множества монографій, оставилъ слѣд. капитальные труды: „О на-

слѣдствѣ безъ завѣщанія по древн. русск. законамъ до Уложенія ц. А. М.“ 1858; „Крестьяне на Руси“, 1860; „Разсказы изъ русской исторіи“, т. I, II, III и IV, 1865—72. По смерти автора изданы его „Лекціи по исторіи русск. законодательства“.

В. Н. Лешкова: „Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII в.“ 1858.

Ѳ. И. Леонтовича, который преимущественно посвящалъ свои труды литовско-русскому и хорватскому праву: „Русская Правда и Литовскій статутъ“; „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI ст.“ 1863; „Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ“, 1864; Очерки исторіи литовско-русскаго права, начатые въ 1894 г.; (они доведены до ист. правъ шляхетскаго сословія). Сравнительное изученіе хорватскаго и русскаго права привело его къ созданію т. н. задружной теоріи: „О значеніи верви сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ“, 1867; „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи“. 1874. Начатый имъ общій курсъ исторіи русскаго права остановился на первомъ вып. (1869 г.). Очень важенъ его трудъ по ист. обычнаго права: „Старый земскій обычай“ 1889 г.

Отдѣльные предметы исторіи русскаго права съ точки зрѣнія славянской школы издаваемы были въ обще-историческихъ трудахъ П. А. Иванова, Д. А. Валуева, К. С. Аксакова и Н. И. Костомарова.

Обѣ школы, повидимому, противоположны какъ по своей исходной точкѣ (общечеловѣческія начала права и національность), такъ и по своимъ главнымъ выводамъ (относительно рода или общины, какъ основныхъ формъ древне-русскаго государства, и относительно роли участія общества въ созданіи государства и права). Но обѣ школы разсматривали лишь двѣ стороны одного и того же предмета.

Изъ соприкосновенія результатовъ дѣятельности обѣихъ школъ, съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія образовалось нынѣшнее научное направленіе исторіи русскаго права; одинъ изъ представителей его—*Ѳ. М. Дмитріевъ* въ своемъ сочиненіи „Исторія судебныхъ инстанцій гражданскаго апелляціоннаго судопр.“, 1859 г. (сочиненіе, въ которомъ, кромѣ главнаго его предмета, излагается почти полная исторія администраціи въ Московскомъ государствѣ), основной взглядъ современнаго научнаго направленія выразилъ такъ: „Несмотря на исключительно-національный характеръ, или *лучше сказать—вслѣдствіе его,* исторія русскаго права должна со временемъ занять важное мѣсто въ юридической исторіи Европейскихъ народовъ“.

Ниже (въ концѣ книги) будетъ указана подробно литература предмета; здѣсь обозначимъ лишь сочиненія, въ которыхъ излагается б. или м. полное содержаніе нашей науки. Къ числу таковыхъ принадлежатъ труды слѣд. ученыхъ:

В. И. Сергѣевича: „Вѣче и князь“ 1867 г., „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 1883 г. (куда вошло и предыдущее его сочиненіе, а равно и изслѣдованія о земскихъ сборахъ и Екатерининской

комиссіи уложенія); „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“, 1894 г. изд. 2-е 1902 г.; „Русскія юридическія древности“, т. I, 1890, изд. 3-е 1903 г., т. II, вып. I, 1893, вып. 2, 1896, и неоднократно изданный курсъ: „Лекціи по исторіи русскаго права“.

Н. П. Загоскина, который изложилъ государственное право московскаго періода въ своей „Исторіи права Московскаго государства“, т. I, 1877 и т. II, вып. 1, 1879, а также въ нѣсколькихъ монографіяхъ; „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-петровской Руси“, 1876; „Уставныя грамоты XIV—XVI вв.“ 1875 и 1876; „Уложеніе ц. Алек. Мих.“ 1879; „Наука исторіи русск. права“ 1891) (указатель литературы), „Исторія права русскаго народа“ т. I, Каз. 1899.).

Д. Я. Самоквасова, который занялся уясненіемъ древнѣйшаго (доисторическаго) быта древнихъ славянъ, при помощи вещественныхъ памятниковъ, сначала въ сочиненіи „Древніе города Россіи“, 1873, а потомъ въ предпринятой имъ полной „Исторіи русскаго права“ (т. I, вып. 1, 1878 и вып. 2-й, 1884 г.). Затѣмъ имъ изданы: „Исторія русскаго права. Университетскій курсъ. Книга первая“. 1888; „Изслѣдованія по исторіи русскаго права“ т. I—II. М. 1896 и „Лекціи по исторіи русскаго права (студенческій конспектъ)“, вып. 2-й и 3-й, 1896.

В. Н. Латкина: „Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи (XVIII—XIX ст.)“. Спб. 1899 г. *Мроченъ-Дроздоваго:* „Исторія русскаго права“ М. 1894.

М. А. Дьяконова: „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси (до конца XVII в.)“. т. I. Юрьевъ 1907.

А. Н. Филиппова: „Учебникъ исторіи русскаго права“ (пособіе къ лекціямъ). Ч. I. Юрьевъ. 1907 г.

Въ сочиненіяхъ гг. Дьяконова и Филиппова содержится исторія русскаго государственнаго права.

Изъ новыхъ общихъ курсовъ Русской исторіи для исторіи русскаго права важны: „Русская исторія“ К. Н. Бестужева Рюмина, „Исторія Россіи“ *Д. И. Иловайскаго* и „Русская исторія“ *В. О. Ключевскаго.*

Внѣшняя исторія русск. права изложена въ соч.: *В. Н. Латкина:* „Лекціи по внѣшней исторіи русск. права. Московское государство. Россійская Имперія“. Спб. 1888, и *М. Н. Ясинскаго:* „Лекціи по внѣшней исторіи русск. права“. Вып. I (введеніе и исторія источниковъ права перваго періода). Кіевъ 1898 г. [1]).

---

[1]) Другія сочиненія названныхъ здѣсь авторовъ будутъ обозначены въ концѣ книги въ библіографическихъ указателяхъ.

Исторія русскаго государственнаго права.

ПЕРІОДЪ I ЗЕМСКІЙ (IX—XIII).

Общее понятіе о государствѣ. Государство есть союзъ лицъ, занимающихъ опредѣленную территорію и управляемыхъ одною верховною властью.

А. Территорія.

1. **Элементы, изъ которыхъ составилось русское государство,** суть тѣ первобытныя общества, которыя ему предшествовали. Такія общества могутъ быть основаны или на кровной (родственной) связи членовъ, или на сожительствѣ ихъ на одной территоріи, или на томъ и другомъ вмѣстѣ.

Кровныя и территоріальныя общества, несмотря на кажущуюся противоположность другъ другу, стоятъ *въ генетической связи* между собою: чистыя родовыя формы возможны лишь въ кочевомъ быту; осѣвшійся родъ составляетъ сначала задругу, въ которой кровныя начала еще преобладаютъ надъ территоріальными; задруга, разложившаяся на отдѣльныя жилища, составляютъ общину. Родовой характеръ первобытныхъ общинъ замѣченъ повсюду; у славянъ на это указываютъ родовыя окончанія названій общинъ (Увѣтичи, Дѣдогостичи, Дѣдичи и пр.). Однако, съ переходомъ рода въ общину родственныя (естественныя) связи общества слабѣютъ; усвоеніе чужеродцевъ (возможное и въ родовомъ быту) облегчается и совершается черезъ простое вселеніе; власть родоначальника замѣняется выборною. Община, изъ которой вышли колоніи—меньшія общины, составляетъ съ ними новый болѣе обширный союзъ—волость.

Въ исторіи, какъ и въ природѣ, ничто вполнѣ не исчезаетъ: болѣе примитивныя формы, переходя въ другія новыя, остаются замѣтными и въ послѣдующемъ быту. Всѣ названные элементы государства (въ послѣдовательномъ порядкѣ) несомнѣнно пережиты древними восточными славянами до образованія государства, такъ какъ присутствіе ихъ ясно въ послѣдующемъ государственномъ быту, съ замѣтнымъ преобладаніемъ территоріальныхъ началъ надъ кровными.

2. **Понятіе о древне-русскомъ государствѣ и термины, обозначающіе это понятіе.** Но форма общества, составлявшая государство во весь первый періодъ, есть форма высшая всѣхъ упомянутыхъ,—именно *Земля*, какъ *союзъ волостей и пригородовъ подъ властію старшаго города*[1]).

---

[1]) Для выраженія тогдашняго понятія о „государствѣ“ (терминъ, образовавшійся во второмъ періодѣ) памятники перваго періода употребляли нѣсколько терминовъ. Такъ, они именовали его иногда „княженіемъ“ и „волостію“; послѣднее есть метафора, переносящая понятіе объ одномъ элементѣ государства, т. е. власти на два прочихъ, т. е. территорію и населеніе; проф. Сергѣевичъ говоритъ: „Слово волость означаетъ собственно всякую область, состоящую подъ одною властью, а потому *одинаково* употребляется какъ для обозначенія цѣлаго государства, такъ и его административныхъ дѣленій „(Юрид. Древн. I, 1). Главное значеніе слова волость есть именно часть государства, провинція. Для обозначенія цѣлаго государства слово это употребляется въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Терминъ волость („власть“) имѣетъ ближайшее отношеніе къ слову „княженіе“ и означаетъ территорію, принадлежашую тому или другому князю: „А нынѣ поѣдита въ *свои* волости“, говорятъ кіевляне князьямъ Волынскому и Смоленскому (1149); „Святославъ... пойде на Ольга и пожьже волость *его*“ (1174); „Всеволодъ посла мужи своя къ Ярославу и умолви съ нимъ про волость *свою*“ (1196). Поэтому „волоститься“ означаетъ вести споры изъ-за княженій. Княженіемъ же именуется всякая область (провинція или цѣлая земля), управляемая княземъ. Признать государствомъ *всякое* княженіе (и слѣд. волость) значитъ утратить вовсе твердое представленіе о государственномъ строѣ древней Руси, ибо предѣлы и составъ княженій измѣнялись чуть не ежегодно. Были князья Друцкіе, Бѣлогородскіе, Бужскіе, Трубчевскіе и пр.; но никто не утверждаетъ, что были *государства* Друцкое, Бѣлогородское, Трубчевское и т. д. Одинъ князь могъ владѣть временно нѣсколькими землями.

Терминъ „Земля“ (составляющій также метафору, съ перенесеніемъ значенія территоріи на другіе два элемента государства: власть и населеніе) точнѣе обозначаетъ какъ объемъ тогдашнихъ русскихъ государствъ, такъ и внутренній характеръ ихъ. Онъ и употребляется въ памятникахъ для обозначенія государства постоянно. Для юридическаго значенія всего важнѣе знать, какъ именуютъ государство тоговременные люди въ *трактатахъ, заключенныхъ между двумя государствами*. Въ договорѣ Олега трактующіе выражаются такъ, если греческій корабль потерпитъ крушеніе, то русскіе обязаны проводить его „на *землю* крестьянскую“ (что однозначуще съ „христіанскимъ *царствомъ*“; ст. 14), а если крушеніе случится близъ земли русской, то „да проводимъ ю въ Русскую *землю*“. Когда послы Олега возвратились въ Кіевъ, то „повѣдаша Олегу вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ и урядъ положиша межу *Грецькою землею и Русскою* (первон. лѣт.). Святославъ въ своемъ договорѣ обязывался не воевать съ Византіею и не нападать на ея *провинціи* и выразилъ это такъ; „ни на *власть* Корсуньскую“.

Въ 1229 г. Смоленскій князь заключаетъ договоръ съ Ригою и Ганзейскими городами; между прочимъ договаривающіеся выражаются такъ: „Аже латинескии гость биеться мьжю събою *оу Роускои земли...*, князю то не надобѣ...“ (ст. 16): „Роусиноу не звати латина на поле биться *оу Роускои земли*, а латининоу не звати роусина на поле биться *оу Ризѣ* и на Готскомь березѣ“ (ст. 15).

Когда Новгородцы заключали договоръ съ в. кн. Литовскимъ Казимиромъ и при этомъ стремились удержать свою государственную самобытность, то стороны условились: „А посломъ и гостемъ на обѣ половины путь имъ чистъ—*по Литовской земль и по Новгородцкой*“ (ст. 28).

Затѣмъ для точнаго выраженія понятія о государствѣ важны общіе *законодательные* памятники. Въ Русской Правдѣ читаемъ: „Правда оуставлена *Роуськой земли*“. Дѣйствіе уголовнаго и гражданскаго закона ограничивается предѣлами государства, а

Основаніемъ древне-русскаго государства служатъ не княжескія (теорія Соловьева) **и не племенныя отношенія** (теорія Костомарова), **а территоріальныя.** Ближе къ истинѣ (въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ) стоялъ Н. И. Костомаровъ, котораго теорію иногда прямо называютъ *земскою*; но, по его мысли, въ основаніе земской организаціи стоитъ *племенное* начало (см. „Истор. моногр. и изслѣдов." т. I, стр. 34, 277), съ которымъ начало территоріальное во многихъ отношеніяхъ противоположно.

потому въ Рус. Правдѣ находимъ: „а исъ своего города въ *въ чужю землю* извода нѣтъ" (Кар. 26). Привилегіи при конкурсномъ взысканіи даются *чужеземцамъ* въ смыслѣ иностранцевъ (Дог. 1229 г., ст. 11) и гражданъ другой русской земли: „Аще кто многымъ долженъ будетъ, а пришелъ гость изъ иного города, или чюжоземецъ"... (Рус. Правда Кар. 69).

Показаніе международныхъ договоровъ и внутреннихъ законодательныхъ памятниковъ (достаточныя для цѣли сами по себѣ) дополняются многочисленными показаніями бытовыхъ источниковъ; изъ нихъ приведемъ лишь нѣсколько такихъ, въ которыхъ лѣтописецъ желалъ именно выразить идею государства. Первоначальный лѣтописецъ цѣлью всей своей „повѣсти" ставитъ показать: „откуда есть пошла Руская *Земля*, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Руская *Земля* стала есть"; конечно, онъ понималъ подъ этимъ не географическое пространство, а употребилъ метафору для означенія государственной жизни и государственнаго союза, созданнаго русскою націею. Тѣмъ же терминомъ лѣтопись означаетъ сосѣднія иностранныя государства (чѣмъ, конечно, не означается, что эти иноземныя государства имѣютъ такой же внутренній характеръ, какъ и русское): когда Угры, побѣдивъ славянъ, основали свое государство, то „оттолѣ прозвася *земля угорьска*". Князья Моравскіе прислали къ Византійскому императору просьбу дать имъ учителя христіанской вѣры, и говорили такъ: „*земля* наша крещена, и нѣсть у насъ учителя". Населеніе, подвластное уграмъ, есть государсто Венгерское; страна, управляемая тремя князьями Моравскими, есть государство Моравское. Игорь, помирившись съ греками, „повелѣ печенѣгамъ воевати *Болгарьскую землю*", т. е. государство, враждебное Византіи". Въ Польскомъ королевствѣ по смерти Болеслава В. возникъ мятежъ; объ этомъ нашъ лѣтописецъ говоритъ такъ: „Умре Болеславъ великый въ Лясѣхъ и бысть мятежъ въ *земли Лядьскѣ*" (Лавр. подъ 1030 г.).—Когда Святославъ задумалъ основать свое новое государство на Дунаѣ, то кіевляне послали сказать ему: „ты, княже, чюжее земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ". Возвратившись въ Кіевъ, онъ не могъ усидѣть тутъ и заявилъ: „хочю жити въ Переясловци на Дунаи, яко то есть среда въ *земли моей*", т. е. основаннаго имъ государства.

По поводу разсказа о злодѣяніяхъ Святополка, нашъ лѣтописецъ занимается вопросомъ о взаимномъ отношеніи двухъ главныхъ элементовъ государства—власти и населенія—и говоритъ: „Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей царя или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устрояетъ и судью правящаго судъ. Аще бо князи правьдиви бываютъ въ земли, то многа отдаются согрѣшенія земли аще ли зли и лукави бываютъ, то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли; тако бо Исаия рече: „согрѣшиша отъ главы и до ногу, еже есть отъ царя и до простыхъ людий" (Лавр. лѣт. 1015 г.).—Здѣсь подъ землею разумѣется союзъ управляемыхъ одною властію, при чемъ обозначаются и функціи этой власти—правительственная и судебная.

Не умножая дальнѣйшихъ примѣровъ, упомянемъ, что лѣтопись терминомъ *земля* означаетъ не только государство въ цѣломъ, но и отдѣльные элементы государства, а именно: территорію, населеніе и власть.

3. **Время образованія государства-Земли и дальнѣйшее развитіе государственной территоріи въ 1-мъ періодѣ.** а) Время происхожденія земскаго государства должно быть отнесено къ эпохѣ доисторической. Начальная лѣтопись перечисляетъ земли—княженія (б. ч. тѣ же, какія мы находимъ въ XI и XII вв.). Славянскія племена уже тогда (до начала лѣтописныхъ сказаній) перешли отъ чисто-племеннаго быта въ бытъ государственный, земскій, т. е. образовали *княженія*—зе́мли, предѣлы которыхъ не всегда совпадали съ границами племени [1]). Лѣтописецъ, разсказавъ о миѳическихъ трехъ братьяхъ—Кіевскихъ князьяхъ, продолжаетъ: „И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ (потомство) *княженье въ Поляхъ*; а въ Деревляхъ (было) *свое* (княженіе), а Дреговичи—*свое*, а Словени—*свое въ Новѣгородѣ*, а другое (княженіе) *на Полотѣ*, иже Полочане". Нѣсколько менѣе ясно выражается лѣтопись о Кривичахъ Смоленскихъ и Сѣверянахъ; о первыхъ она говоритъ, что ихъ общественная жизнь сосредоточивалась въ „градѣ Смоленьскѣ". Въ доисторическое время существовали уже старшіе города каждой земли; Кіевъ, Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ, Ростовъ. Лѣтописный разсказъ о призваніи варяж-

---

Въ 1187 г. умирающій князь Ярославъ говоритъ: „Се азъ одиною своею худою головою ходя, удержалъ всю Галичкую землю", т. е. сохранилъ всѣ части ея территоріи. Въ 1097 г. Олегъ „перея всю землю Муромскую и Ростовскую" (овладѣлъ территоріею этихъ земель). Подъ 1145 г. лѣтописецъ говоритъ: „ходиша вся Руська земля (Кіевская) на Галичь", т. е. *населеніе* Кіевской земли пошло войною на Галицію. Въ 1069 г. кіевляне говорятъ: „се ведетъ (Изяславъ Ярославичъ) на ны землю Лядскую", т. е. войско польское. Древлянскіе послы говорятъ Ольгѣ: „посла ны Деревская земля, т. е. *власть*, управлявшая этою землею.

Древніе памятники не даромъ обозначаютъ тогдашнее государство терминомъ земля: въ немъ выражены существенныя особенности этого типа государства, совершенно неуловимыя изъ терминовъ „княженіе" и „волость". Имъ означается, что древнее государство есть государство вѣчевое: если лѣтопись (1190 г.) говоритъ, что Кіевскій князь тягался (спорилъ) съ Смоленскими князьями и „Смоленскою землею", то значитъ въ этомъ государствѣ была другая власть, кромѣ княжеской. Вообще, въ чемъ заключаются особенности земскаго государства, или государства въ формѣ земли,—это объясняется всѣмъ послѣдующимъ изложеніемъ государственнаго права 1-го періода. Здѣсь достаточно замѣтить, что въ государствѣ такого типа преобладающимъ элементомъ служитъ территоріальный: государство есть союзъ общинъ; старшая община правитъ другими общинами; сама община состоитъ изъ союза сосѣдей. Государства другихъ типовъ могутъ быть союзомъ сословій (феодальное общество), или лицъ (ордена), или родовъ (колѣнъ израилевыхъ, улусовъ татарскихъ). Государствомъ можетъ именоваться монархія Александра Македонскаго, которому повиновались греки, персы, іудеи, египтяне, сирійцы и туранцы, не имѣя между собою никакой связи—ни племенной, ни территоріальной, а только одну власть царя. „Государство вообще", какъ извѣстно, не существуетъ. См. Доп. Б.

[1]) С. М. Соловьевъ говоритъ: „Первоначально границы волостей соотвѣтствовали границамъ племенъ" (И. Р. III. 24); это несогласно съ показаніями лѣтописи о племенныхъ *княженіяхъ*, которыя уже заключали въ себѣ части другихъ племенъ (см. ниже этнограф. составъ населенія). Пр. Сергѣевичъ приписываетъ мысль Соловьева и намъ См. Доп. В.

скихъ князей можетъ имѣть историческій смыслъ только при томъ предположеніи, что это былъ обычный призывъ князей В. Новгородомъ съ его владѣніями въ сѣверной части Кривичей (гдѣ Изборскъ, впослѣдствіи —Псковъ) и съ его колоніями среди Веси (Бѣлоозеро) и Мери (Ростовъ); въ этихъ предѣлахъ размѣстились потомъ братья Рюрика и его мужи. Отдѣльное упоминаніе объ участіи (въ призваніи) этихъ пригородовъ и колоній изъясняется тѣмъ, что уже тогда они начали отлагаться отъ В. Новгорода и были полунезависимы.—Дальнѣйшія завоеванія варяжскихъ князей совершаются посредствомъ покоренія одного центральнаго города каждой земли: „Олегъ прія градъ Смоленьскъ и посади въ немъ мужъ свои“ (882), между тѣмъ покорялась вся страна Кривичей. Древлянская Земля съ ея княжескою властью, вѣчевымъ устройствомъ и городами (какъ подробно описываетъ ее лѣтопись по поводу разсказа о мести Ольги подъ 946 г.), конечно, не могла образоваться послѣ пришествія Олега въ Кіевъ, когда этотъ князь и его преемникъ Игорь „примучивали“ Древлянъ. **Князья-варяги застали вездѣ готовый государственный строй.**

б) *Прибытіе* и распространеніе власти *династіи Рюриковичей* въ IX и X в. не измѣнило вполнѣ прежняго быта (отдѣльнаго существованія земель—княженій): при Ольгѣ въ каждой землѣ остаются „подъ рукою его князья свѣтлые“. Договоръ Олега съ греками 911 г. заключенъ „по волѣ и повелѣнію нашихъ князей“; Олегъ ручается въ договорѣ, что миръ не будетъ нарушенъ по винѣ „сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ“. Греки обязываются хранить любовь „къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ“. Дань, которую условились платить греки, дѣлится между Кіевомъ, Черниговомъ, Переяславлемъ, Полоцкомъ, Ростовомъ, Любечемъ и прочими городами, ибо „по тѣмъ городомъ сѣдяху князи подъ Ольгомъ суще“. Зависимость мѣстныхъ князей отъ Кіевскаго состояла только въ уплатѣ дани (военные походы совершались добровольно, ради добычи). Князья русскихъ земель были или племенные славянскіе (кн. Малъ въ Землѣ Древлянской), или иноземные—пришлые (Рогвольдъ Полоцкій). Лишь нѣкоторыя земли вскорѣ потеряли вполнѣ свою самобытность (Земля Древлянская въ пол. X в.); другія же и при потерѣ мѣстной княжеской власти сохранили своею отдѣльность: въ 970 г. пришли въ Кіевъ „люди Новгородскіе, прося князя себѣ и говоря: если не пойдете къ намъ, то найдемъ князя себѣ. И сказалъ имъ Святославъ: „да пойдетъ ли кто къ вамъ?“ Они взяли себѣ Владиміра. **Мнимое единодержавіе** X в. (Олега, Игоря, Святослава и Владиміра) **не разрушаетъ самобытности земель.**

в) Однако, династія Рюрикевичей положила первое основаніе къ *сближенію между* раздѣльными *землями,* на что указываетъ уже дань, платимая мѣстными князьями въ Кіевъ, и вообще нахожденіе ихъ „подъ рукою“ кн. Кіевскаго. Съ конца X в., т. е. со временъ Владиміра Св., и въ продолженіе XI в. связь эта усиливается тѣмъ, что мѣстные князья замѣняются младшими членами рода Рюрикевичей (начало этого поло-

жено упомянутымъ призваніемъ Владиміра въ Новгородъ): сыновья Владиміра размѣстились не по провинціямъ, искусственно выдѣленнымъ изъ состава единаго государства, а по готовымъ государствамъ—землямъ (самъ Владиміръ—въ Кіевѣ, Ярославъ—въ Новгородѣ, Станиславъ—въ Смоленскѣ, Изяславъ—въ Полоцкѣ, Святополкъ—въ Туровѣ, Святославъ—въ Землѣ Древлянской, Всеволодъ—въ Землѣ Волынской, Борисъ—въ Ростовѣ, Глѣбъ—въ Муромѣ).—Так. обр., **удѣльная система повела не къ раздробленію мнимаго единства государства, а къ большему слитію прежнихъ раздѣльныхъ земель.**

г) Въ XII в. отъ мѣстныхъ князей Рюриковичей образовались въ каждой землѣ особыя линіи княж. рода, претендовавшія на исключительное обладаніе своею землею, какъ наслѣдственнымъ достояніемъ; отъ этого произошло *кажущееся усиленіе дробности государственной территоріи*. Въ дѣйствительности же замѣтно усиливаются начала будущаго государственнаго единства (которыя будутъ указаны ниже въ своемъ мѣстѣ). Каждая земля дѣлится въ свою очередь на множество княженій (по числу членовъ своей линіи княжескаго рода); но эти княженія отнюдь не новыя государственныя единицы: князья пригородовъ замѣняютъ лишь посадниковъ; внутреннее единство земли не нарушается; во внѣшней политической дѣятельности выступаютъ не отдѣльныя княженія, а цѣлыя земли. Такъ, послы въ чужія государства отправляются не отъ каждаго изъ князей въ отдѣльности, а отъ каждой изъ русскихъ земель: когда въ 1164 г. Суздальскій епископъ Леонъ велъ пренія о постѣ въ Греціи предъ императ. Мануиломъ, то это происходило въ присутствіи всѣхъ бывшихъ у царя (русскихъ) пословъ: „Кыевьскый солъ, и Суждальскый Илья, и Переяславьскый и Черниговьскый“ (Лавр. л.); между тѣмъ въ то время былъ не одинъ князь кіевскій, черниговскій и пр., а въ каждой изъ этихъ земель было множество князей. Внутреннія войны того времени возникаютъ не только изъ вражды князей между собою (ихъ родовыхъ счетовъ), но главнымъ образомъ изъ соперничества одной земли въ отношеніи къ другимъ; при этомъ войны ведутся отъ лица цѣлыхъ земель по интересамъ этихъ послѣднихъ [1]).

---

[1]) Приведемъ слѣд. примѣры: со времени древнѣйшаго (м. б. съ отторженія Ростова—колоніи В. Новгорода—отъ своей метрополіи) идетъ постоянная вражда *Новгородцевъ* съ *Ростовцами*; въ XII в. ея отголоски выражаются такъ: подъ 1135 г. лѣтопись разсказываетъ: „тоеже зимы бишася Новгородци съ Ростовци, и побѣдиша Ростовци Новгородцѣ, и побиша множество ихъ, и воротишася Ростовци съ побѣдою великою“ (Лавр. л.). Въ нижеприводимыхъ фактахъ борьбы Новгорода съ Суздалемъ при Андреѣ Б., Всеволодѣ III, Юрьѣ, особенно же въ исторіи похода 1216 г. (окончившагося Липицкою битвою) совершенно ясно, что борьба идетъ не между князьями, а между землями. Подобные же земскіе счеты имѣли *Полоцкая* и *Смоленская* земли съ *Новгородскою*: въ 1137 г. „не бѣ (у Новгородневъ) мира съ ними (Псковичами), ни съ Сужъдальци, ни съ Смоляны, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны“ (Нов. 1-я л.). Междуземскія отношенія обрисовываются весьма яснымъ образомъ въ слѣд. фактѣ: въ 1180 г. Мсти-

Сохраненіе внутренней цѣлостности земель въ концѣ XII в. засвидѣтельствовано лѣтописцемъ въ знаменитой формулѣ: „Изначала Новгородцы, Смольняне, Кіяне, Полочане, и *всѣ власти* на вѣча сходятся, и на чемъ старѣйшіе порѣшатъ, тому слѣдуютъ и пригороды". Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что и въ концѣ XII в., по сознанію тогдашняго населенія, государственное устройство состоитъ не въ княжескихъ отношеніяхъ, а въ земскихъ (старшихъ городовъ къ пригородамъ, о чемъ ниже), и самое понятіе государства пріурочивается не къ княженіямъ, а къ тѣмъ землямъ, которыя здѣсь перечислены, и къ подобнымъ же, о которыхъ лѣтописецъ не договорилъ (Черниговской, Галицкой, Волынской).

славъ (Храбрый) пошелъ съ Новгородцами на Полоцкъ на зятя своего Всеслава, „ибо дѣдъ его (Всеслава) ходилъ на Новгородъ и взялъ іерусалимъ церковный и сосуды богослужебные и погостъ одинъ (Новгородскій) завелъ за Полоцкъ. Мстиславъ хотѣлъ оправить все это—новгородскую волость (территоріальный ущербъ) и обиду"; но братъ его Романъ Смоленскій помирилъ воюющихъ безъ битвы (Нов. 4-я л.). Здѣсь князь, связанный съ другимъ близкими узами свойства, идетъ на него войною не по княжескимъ счетамъ, а за отторженіе одного погоста управляемой имъ земли, что совершено было болѣе столѣтія тому назадъ (Всеславъ Полоцкій напалъ на Новгородъ въ 1066; Погодинъ относитъ фактъ обиды Новгородцевъ ко временамъ Полоцкаго князя Брячислава, т. е. къ началу XI в., что едва ли вѣрно). Вообще В. Новгородъ съ давнихъ временъ враждовалъ съ Полоцкомъ (походъ Брячислава Полоцкаго 1021 г.), чѣмъ и пользовались сосѣдніе князья, которые никогда не нашли бы средствъ для своихъ усобицъ, если бы не было готоваго матеріала въ соперничествѣ управляемыхъ ими земель. Особенно этимъ средствомъ пользовался знаменитый Андрей Боголюбскій: въ 1167 г. „сложился на Новгородъ Андрей Боголюбскій съ Смолянами и съ Полочанами". Въ 1169 г. пришли подъ Новгородъ Суждальцы съ Андреевичемъ (сыномъ кн. Андрея Б.) и Мьстиславъ съ Смольянами и съ Торопчанами, Муромцы и Рязанцы съ двумя князьями, Полоцкій князь съ Полочанами и вся земля просто русская. Новгородцы противостали твердо съ княземъ своимъ Романомъ" (Новг. 1-я лѣт.). Въ 1186 г. мы застаемъ опять Новгородъ въ войнѣ съ Полоцкою Землею, при чемъ, впрочемъ, Новгородцы были лишь союзниками Смольянъ. *Двѣ Кривскія Земли* (Смоленская и Полоцкая) также враждовали между собою издавна, вслѣдствіе пограничныхъ счетовъ (гл. обр. за Витебскъ и Дрютскъ). Въ 1186 г. Смоленскій князь Давидъ Ростиславичъ, воспользовавшись тѣмъ, что сынъ его Мстиславъ княжилъ въ В. Новгородѣ, составилъ союзъ Смоленской и Новгородской земель противъ Полоцкой; союзники двинулись въ походъ; „слышаша Полочане, и сдумаша рекуще: не можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смольняномъ"; если мы впустимъ ихъ въ свою землю, то хотя бы и заключили съ ними миръ, много зла намъ сотворятъ, опустошатъ нашу землю, идучи на насъ; пойдемъ къ нимъ *на сумежье*. „И собрашася вси и идоша къ нимъ, и срѣтоша я на межахъ съ поклономъ и съ честью... и разидошася въ страны своя кождо ихъ" (Лавр. лѣт. подъ 1186 г.). Этотъ фактъ показываетъ, что границы между землями были постоянны и устойчивы, несмотря на измѣнчивость состава княженій. Отношеніе Новгородской и Полоцкой Земель не всегда были, однако, враждебны; иногда между ними установлялся союзъ противъ общихъ враговъ, какими были Литва и Чудь: въ 1191 г. князь Новгородскій Ярославъ ѣздилъ въ Луки (Новгородскій пригородъ), будучи вызванъ туда Полоцкою „княжьею" (князьями) и *Полочанами*; съ нимъ была и Новгородская передняя дружина; Новгородцы и Полочане „снялись на рубежѣ, положили между собою любовь, и условились, чтобы на зиму сойтись въ общій походъ либо на Литву, либо на Чудь" (Новг. 1-я лѣт.). Но этотъ миръ между сосѣд-

Въ началѣ XIII в., когда дробленіе княжествъ достигло крайней степени, въ сознаніи современниковъ Русь представлялась, однако, не какъ пестрая сѣть этихъ княженій, а какъ союзъ тѣхъ же земель, которыя существовали съ IX в.: въ 1216 г., предъ знаменитою Липицкою битвою, одинъ изъ бояръ кн. Юрія говорилъ князьямъ: „не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобы кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную *Землю Суздальскую*, и вышелъ бы цѣлъ; и вся Русская Земля: и *Галицкая*, и *Кіевская*, и *Смоленская*, и *Черниговская*, и *Новгородская*, и *Рязанская*—никакъ противъ такой силы не успѣютъ“ (Троицк. лѣт.). Тогда же князья Суздальской земли, вполнѣ надѣясь на побѣду, заключали между собою письменный договоръ о раздѣлѣ Русской земли; грамота, послѣ пораженія ихъ Новгородцами и Смолянами, была найдена въ лагерѣ кн. Ярослава Тверск.; въ ней между прочимъ стояло: „мнѣ (кн. Юрію) Володимірская земля и Ростовская, а тебѣ (Ярославу) Новгородъ, а Смоленскъ брату нашему Святославу, а Кіевъ дай Черниговскимъ князьямъ, а Галичь—намъ же.

Вообще смыслъ исторіи такъ наз. удѣльнаго періода заключается не въ между-княжескихъ, а въ между-земскихъ отношеніяхъ; если княжескія отношенія вліяли на отношеніе земель между собою, то въ большей степени замѣчается и обратное вліяніе.

д) Съ конца XII и въ началѣ XIII в. *сосѣднія земли начинаютъ группироваться* въ болѣе крупныя государственныя единицы, именно: сѣверо-восточную, центральнымъ зерномъ которой стала земля Суздальская, и юго-западную, въ центрѣ которой стоитъ Галицкая земля, что и послужило переходомъ къ образованію въ слѣдующемъ періодѣ двухъ большихъ государствъ: Московскаго и Литовско-Русскаго [1])

ними землями длился не долго: въ 1198 г. „на осень придоша *Полочане* съ Литвою на Лукы“; зимою того же года князь Новгородскій „съ Новгородцами, Псковичами, Новоторжцами, Ладожанами и со всею областью Новгородской ходилъ къ Полоцку, и усрѣтоша *Полочане* съ поклономъ на озерѣ на Касъплѣ, и възьмъше миръ, възвратишася Новугороду“ (Новг. 1-я лѣт.). Такой же земскій характеръ (а не характеръ княжескихъ усобицъ) имѣютъ отношенія Смоленской земли къ Черниговской: въ 1195 г. „бишася *Смоляне съ Черниговци* и поможе Богъ Цьрниговьцемъ и яша князя Бориса Романовиця и не бяше мира межи ими“ (ibid). Тоже видно и въ отношеніяхъ Кіевской земли къ Черниговской, Галицкой, Полоцкой и друг. сосѣднимъ: въ 1135 г. невгородскій посадникъ Мирославъ „ходилъ мирить *Кіянъ съ Черниговцами* и возвратился безъ всякаго успѣха“ (Нов. 1-я лѣт.); тогда же зимою „пошелъ въ Русь (южную) новгородскій архіепископъ Нифонтъ съ лучшими мужами и засталъ Кіянъ и Черниговцевъ стоящими другъ противъ друга, но Божіею волею помирились“ (ibid.). Въ 1145 г. „ходиша вся Русьска земля (кіевская) на Галичь и много попустиша область ихъ; ходиша же изъ Новгорода помочь Кыяномъ“ (ibid.).

[1]) *На сѣверѣ* начались попытки къ сплоченію въ одно политическое тѣло земель Суздальской, Рязанской, Новгородской и отчасти Черниговской. Такая попытка принадлежитъ Андрею Юрьевичу и знаменитому брату его Всеволоду III—Суздальскому. Побѣдивъ Рязанцевъ (1177) и плѣнивъ князей ихъ, Всеволодъ обратилъ этихъ послѣднихъ

Не довольствуясь расширеніемъ своей власти надъ Сѣверною Русью, Всеволодъ III сдѣлалъ (преждевременную) попытку *къ утвержденію общерусскаго единодержавія:* въ 1195 г. онъ возобновилъ старый опорный пунктъ Суздальскихъ князей на югѣ, гор. Городецъ на Острѣ: „послалъ тіуна своего Юрія съ людьми въ Русь и создалъ градъ на Городцѣ, обновилъ свою отчину". Въ томъ же году, когда умеръ Кіевскій кн. Святославъ Ольговичъ, „послалъ великій князь Всеволодъ мужей своихъ въ Кіевъ и посадилъ въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича" (Лавр. л.). Въ 1201 г. „послалъ князь великій Всеволодъ Юрьевичъ сына своего Ярослава въ Переяславль Русскій (южный) княжить" (ibid). Такое распоряженіе княж. столами въ чужихъ земляхъ составляетъ рѣшительную новость! Прежде ни Кіевскіе князья, ни другіе не распоряжались столами въ Черниговской, Полоцкой или иныхъ земляхъ.

Такое стремленіе къ политическому объединенію всей Руси было преждевременно. Дѣйствительно, одновременно съ образованіемъ перваго зерна будущаго сѣверно-русскаго единодержавія, на крайнемъ *юго-западѣ за-*

въ своихъ подручниковъ, они титулуютъ Всеволода своимъ „господиномъ и отцомъ" (1180 и 1186 г. Лавр. л.), призываютъ его сами къ установленію „порядка" въ ихъ землѣ: „порядъ створивъ всей братьи, раздавъ имъ волость комуждо по старѣйшинству, възвратися въ Володимерь" (1180 г. Лавр.). Суздалскій князь забираетъ непослушныхъ Рязанскихъ князей и отсылаетъ въ заключеніе во Владиміръ (ibid). Онъ самъ безъ вызова усмиряетъ распри между рязанскими князьями (1186). Рязанскіе князья слѣдуетъ за Всеволодомъ въ военные походы, напр., на Болгаръ (1184 г.), на Черниговскую землю (1196 г.). Въ тѣсной связи съ Суздалемъ стоитъ и Смоленская земля; князья ея также послушно идутъ по приказанію Всеволода на Черниговъ (ibid).

Новгородъ В., послѣ нѣсколькихъ пораженій отъ Суздальскихъ войскъ, наконецъ покорился князю Суздальскому, прося у него сына себѣ въ князья въ такихъ выраженіяхъ: „ты господинъ князь великій Всеволодъ Гюргевичъ, просимъ у тобе сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новъгородъ" (Лавр. л. 1200). Когда въ 1206 г. Всеволодъ послалъ на княженіе въ Новгородъ другого своего сына—Константина, то Суздальскій лѣтописецъ увидѣлъ и привѣтствовалъ въ этомъ явные признаки наступленія единодержавія въ цѣлой русской землѣ: „не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣйшиньство во всей братіи твоей (говоритъ отецъ Константину), но и въ всей Русской земли" (Лавр. л.). По этому поводу Суздальскій лѣтописецъ излагаетъ цѣлую теорію самодержавной власти; ясно предвидя будущую тѣсную связь между единодержавіемъ (т. е. образованіемъ цѣльной территоріи большого государства) и неограниченностію самодержавной власти.

Во всемъ этомъ движеніи одной земли къ преобладанію надъ другими дѣйствуетъ не только личное властолюбіе Всеволода, но и стремленіе самого народа Суздальской Земли къ утвержденію своей гегемоніи надъ сосѣдями: въ 1178 г. во время похода на Новгородъ, Суздальская дружина, видя нерѣшительность своего князя, говоритъ ему: „мы не цѣловать ихъ пріѣхали, они ,князь, Богу лгутъ и тебѣ; и сказавши это, ударили по конямъ и взяли городъ (Торжокъ), мужей повязали, а женъ, дѣтей и товары взяли на щитъ и городъ сожгли весь за Новгородскую неправду" (Лавр. л.). Въ 1181 г,, когда Черниговцы въ союзѣ съ Новгородцами пришли ратью на Суздальскую Землю, то „дружина Всеволода хотѣла крѣпко ѣхать на нихъ; но Всеволодъ, будучи благосердъ, не желая крови проливать, не ѣхалъ на нихъ" (Лавр. л.).

кладываются основы другого русскаго государства. Современникъ Всеволода, Романъ Волынскій, имѣлъ здѣсь точно такое же значеніе, какъ Всеволодъ на сѣверѣ. Романъ соединилъ подъ своею властію двѣ большія и сильныя Земли—*Волынь и Галицію.* Центромъ этого новаго государства могла сдѣлаться именно Волынь, какъ по положенію свому, такъ и по могуществу; но Романъ сдѣлалъ ошибку, перенеся центръ въ пограничную Галицію, что повело ко вмѣшательству въ судьбу этого государства иноземцевъ—мадьяръ и ляховъ. Во всякомъ случаѣ при Романѣ государство его было настолько могущественно, что южно-русскій лѣтописецъ титулуетъ его такъ же, какъ сѣверно-русскій Всеволода, т. е. самодержцемъ и царемъ. Образованіе сильнаго государства повело и здѣсь къ стремленію расширить его вліяніе на сосѣдей, именно на *Кіевскую и Черниговскую* земли. Около двухъ большихъ политическихъ тѣлъ прочія начинаютъ вращаться, какъ спутники ихъ; впрочемъ судьба ихъ еще колеблется, факты недостаточно рѣшительны, чтобы опредѣлить, въ сферу какого изъ двухъ названныхъ свѣтилъ попадутъ эти спутники. Такое неопредѣленное положеніе занимаютъ Кіевская и Черниговская земли [1]).

---

[1]) Мы упомянули, что въ 1195 г. Всеволодъ посадилъ своего подручника на Кіевскій столъ, именно Рюрика. Хотя Рюрикъ заявилъ попытку соединить силы *Черниговской земли съ Кіевскими* и так. обр. *удержать самостоятельную роль между двумя самодержцами,* но дѣло кончилось для него печально: „Романъ, скопя полки Галицкіе и Владимірскіе, въѣхалъ въ Русскую (т. е. Кіевскую) Землю"; одно прибытіе его произвело здѣсь полный переворотъ: мѣстные князья, подчиненные князю Кіевскому, тотчасъ отъѣхали къ Роману, изо всѣхъ городовъ русскихъ (Кіевскикъ) люди поѣхали къ нему же; когда онъ прибылъ къ Кіеву, то отворили ему Кіяне ворота подольскія; онъ въѣхалъ въ Подолье и послалъ на Гору (въ старый Кіевъ) къ Рюрику и Ольговичамъ, которые и принуждены были исполнить его волю. Фактъ, доказывающій, что и на югѣ населеніе принимаетъ жизненное участіе въ процессѣ образованія новаго единодержавнаго государства, но въ иномъ смыслѣ чѣмъ на сѣверѣ. Рюрикъ отправился княжить въ пригородъ Овручъ, а Ольговичи во свояси—въ Черниговъ (Лавр. л.). Суздальскій лѣтописецъ разсказываетъ, что послѣ этого въ Кіевѣ посаженъ княжить Ингварь Ярославичъ отъ руки вел. кн. Всеволода и Романа. Очень можетъ быть, что въ отношеніи въ Кіевской Землѣ оба русскихъ самодержца пришли къ компромиссу, т. е. установили обоюдное вліяніе на эту страну. Когда Рюрикъ снова овладѣлъ Кіевомъ, то Романъ, явившись опять для возстановленія своей единичной власти надъ Кіевомъ и Черниговскою Землею, принужденъ былъ снова подѣлить ее со Всеволодомъ; по словамъ Сузд. лѣтописца, онъ предложилъ послать къ Всеволоду своихъ пословъ вмѣстѣ съ послами Рюрика, „абы ти далъ Кіевъ опять". Черниговскіе Ольговичи цѣловали крестъ „в. кн. Всеволоду и Роману". Но такой компромиссъ, очевидно, удержаться не могъ; въ 1205 г. Романъ, во время общаго похода на Половцевъ, схватилъ Рюрика, постригъ его въ Кіевѣ въ чернцы и захватилъ въ плѣнъ сына и брата его. „Услышавъ то вел. кн. Всеволодъ, печаленъ бысть очень... и вложилъ ему Богъ въ сердце опечалится русскою землею, онъ могъ за эго мстить, но ради христіанъ отложилъ месть", говоритъ Суздальскій лѣтописецъ; на самомъ же дѣлѣ онъ очень желалъ мстить, но не могъ; онъ удовольствовался соглашеніемъ съ Романомъ, по которому сынъ Рюрика былъ выпущенъ и сдѣланъ Кіевскимъ княземъ съ очевидною зависимостью отъ Романа. Это очевидно изъ того, что, когда въ томъ же году Романъ погибъ въ сраженіи съ Ляхами, то „Рюрикъ, услышавъ о томъ,

Но со 2-й полов. XIII вѣка сынъ и преемникъ Романа, знаменитый *Даніилъ Галицкій*, распространилъ свою власть и на Кіевскую землю, создавъ изъ южно-русскихъ земель могущественное и *обширное королевство*. На сѣверѣ продолжателемъ дѣлъ Всеволода явился Александръ Невскій, современникъ Даніила.

Такимъ образомъ дѣло основанія единодержавія *начато задолго до татаръ*.

Вообще **развитіе государственной русской территоріи въ 1-мъ періодѣ идетъ отъ меньшихъ единицъ къ болѣе крупнымъ (а не наоборотъ).**

4. **Число и внѣшній составъ** древне-русскихъ земель не могли оставаться вполнѣ неизмѣнными въ теченіе долгаго періода, при постоянныхъ б. ч. враждебныхъ столкновеніяхъ между ними и съ сосѣдями-кочевниками; выше указано слитіе Древлянской Земли съ Кіевской. Къ той же Кіевской Землѣ присоединилась часть Земли Дреговичей (Турово-Пинской); другія части ея вошли въ составъ Земли Полоцкой и Черниговской.—Ростовско-Суздальская Земля, несомнѣнно составлявшая вначалѣ колонію В. Новгорода, наконецъ достигла полной самостоятельности.—Новгородская Земля, лишившись такимъ образомъ владѣній на средней Волгѣ, вознаградила себя громаднымъ протяженіемъ въ бассейнѣ Сѣвернаго Ледовитаго океана до Уральскаго хребта. Отдѣлившійся отъ нея Псковъ до самого паденія В. Новгорода не могъ достигнуть полной самостоятельности (напр., въ церковномъ отношеніи).—Изъ колоній славянскаго племени Вятичей среди финскаго племени Муромы, въ правой половинѣ бассейна Оки, образовалась новая Земля Муромо-Рязанская.—Сѣверская Земля, выдвинувшая въ древности свои колоніи черезъ Донъ до Кубани (Тмутаракань), приведена обратными движеніями степныхъ варваровъ въ сравнительно тѣсные предѣлы бассейна р. Десны и Сулы; но и эта центральная часть Сѣверской Земли была еще слишкомъ велика и потому наклонялась къ раздвоенію по двумъ главнымъ системамъ названныхъ рѣкъ, страна по р. Сулѣ образовала особую землю—Переяславскую; но эта земля никогда не достигала совершенной самобытности и играла межеумочную роль среди Сѣверской

сбросилъ съ себя чернеческія одежды и сѣлъ на столѣ въ Кіевѣ". Такъ Роману не удалось окончательно слить подъ своею властію Кіевскую землю съ Волынью и Галиціію, и одною изъ главныхъ причинъ этой неудачи было соперничество Всеволода Суздальскаго. Послѣ Романа дѣло его взялись было продолжать въ свою пользу Ольговичи Черниговскіе, именно Всеволодъ Чермный. Ольговичи успѣли было овладѣть, кромѣ своей наслѣдственной Черниговской земли, Кіевомъ, Галичемъ и Волынью (1207). Даже Рязань склонилась на сторону этого союза. Но противъ нихъ янился тотъ же Всеволодъ Суздальскій, ибо его многолѣтнимъ усиліямъ угрожала окончательная гибель даже на сѣверѣ. Его побѣдоносный походъ на Рязань, когда онъ захватилъ въ плѣнъ и отвезъ во Владимірѣ всѣхъ Рязанскихъ князей, произвелъ реакцію и въ Кіевѣ; его подручникъ Рюрикъ опять явился въ Кіевѣ и выгналъ оттуда Всеволода Чермнаго. Так. образомъ Кіевъ остался въ сферѣ вліянія Суздальскаго князя; послѣ нашествіи татаръ Кіевомъ управлялъ намѣстникъ этого князя.

и Кіевской Земель. Сѣверская Земля владѣла весьма долго и землею Вятичей.—Самая обособленная въ этнографическомъ и географическомъ отношеніяхъ Земля Полоцкая или Кривская (Между Припетью и Западною Двиною) была въ доисторическое время въ нѣкоторой связи съ Землею Новгородскою (Рюрикъ посадилъ тамъ мужа своего); но уже въ началѣ X вѣка она является самостоятельною и ведетъ постоянную борьбу съ Новгородскою и Смоленскою Землею. Эта послѣдняя прежде простирала свои предѣлы далеко въ бассейнъ Волги, но въ XII в. должна была уступить восточныя владѣнія Суздальской землѣ. Начальная лѣтопись въ числѣ первобытныхъ княженій не упоминаетъ Волыни и Галиціи (называя Дулѣбовъ или Волынянъ и Бужанъ лишь въ числѣ *племенъ*); но относительно Волыни не можетъ быть сомнѣнія въ ея доисторическомъ бытіи въ качествѣ Земли: новый центръ ея—княжескій городъ Владиміръ—возникъ близъ древняго города—Волыни.

Такимъ образомъ послѣ различныхъ измѣненій окончательно утвердилось *десять* самобытныхъ государственныхъ единицъ, которыя и въ слѣд. періодѣ, войдя въ составъ государствъ Московскаго и Литовскаго, продолжали въ нихъ свое бытіе въ качествѣ отдѣльныхъ провинцій.

5. **Внутренній составъ Земли.** Каждая земля состоитъ изъ старшаго города, пригородовъ и волостей (другія подраздѣленія земли будутъ указаны въ исторіи мѣстнаго управленія).

Городомъ („градъ“) называется въ обширнѣйшемъ смыслѣ всякое укрѣпленное мѣсто (населенное и ненаселенное, временное или постоянное); въ болѣе тѣсномъ смыслѣ всякое укрѣпленное поселеніе; въ тѣснѣйшеиъ и собственномъ смыслѣ—центральная община, владѣющая землею (и, конечно, наиболѣе укрѣпленная). Были ли города-общины въ началѣ русской исторіи (IX и X вв.)? Споръ объ этомъ между Д. Я. Самоквасовымъ и Ѳ. И. Леонтовичемъ приводитъ къ утвердительному отвѣту. Конечно, могли быть и пустые острожки и укрѣпленныя села, но свидѣтельства о населенности нѣкоторыхъ городовъ (иногда очень значительной) начинаются съ первыхъ временъ исторической жизни (послѣ прибытія варяговъ; таковы: свидѣтельство договора Олега 907 г. о купцахъ изъ Кіева, Чернигова, Переяславля и другихъ городовъ; сказаніе первоначальной лѣтописи о соборной церкви въ Кіевѣ при Игорѣ; сказаніе о посольствѣ Древлянъ въ Кіевъ, при чемъ замѣчено: „на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ“; сказаніе о мести Ольги, которая сожгла Искоростень: „и не бѣ двора, идѣже не горяще, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася“ сказаніе объ осадѣ Кіева печенѣгами (968), когда „нельзя было ни войти въ Кіевъ, ни выйти изъ него“, а между тѣмъ въ городѣ томились голодомъ осажденные люди; свидѣтельство о томъ, что союзники Вдадиміра—варяги, взявши Кіевъ (980), требовали окупа съ жителей города по 2 гривны отъ человѣка; сказаніе объ убіеніи въ жертву богамъ толпою гражданъ сына варяга, у котораго „бѣ дворъ, идѣже есть церкви Св. Богородица“; сказаніе Дитмара о Кіевѣ: „Кіевъ чрезвычайно великъ... въ этомъ

большомъ городѣ, который служитъ столицею того царства, 8 рынковъ и народа безчисленное множество" (Chron. XVI); разсказъ лѣтописи о томъ, что Владиміръ велѣлъ развозить по городу для больныхъ съѣстные припасы; исторія крещенія народа, состоявшагося на другой день послѣ приказа о томъ Владиміра: „и сънидеся безъ числа людей"; сказаніе Іоакимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода, когда Новгородскій тысяцкій ѣздилъ по городу и убѣждалъ гражданъ стоять за старыхъ боговъ. Такая населенность городовъ не могла образоваться въ первые 50 или сто лѣтъ по прибытіи варяжскихъ князей.

Городъ старшій въ каждой землѣ есть община управляющая; „Новгородци бо изначала и Смоляне, и Кыяне, и Полочане и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся; на чтоже старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть" (лѣт. подъ 1176 г.). Когда лѣтопись говоритъ: „Кривичи..., ихъ же градъ есть Смоленскъ", то это не означаетъ, что у Кривичей былъ одинъ только городъ, а указываетъ на ихъ политическое средоточіе. Племенныя названія земель (Поляне, Словене, Кривичи) весьма рано замѣнились названіями по имени старшаго города (Кіяне, Новгородцы, Смольняне). „Се буди мати градомъ русскимъ", говоритъ Олегъ о Кіевѣ. Позднѣйшій бытъ Новгорода и Пскова есть болѣе ясное выраженіе общерусскаго быта.

Пригороды (младшіе города) существуютъ въ каждой землѣ съ древнѣйшихъ временъ; такъ, въ Новгородской Землѣ старшій князь Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ, младшіе (подручные)—въ Изборскѣ и Бѣлоозерѣ. Въ Древлянской Землѣ, кромѣ старшаго города—Искоростеня, было нѣсколько другихъ; „вси гради ваши предашаяся мнѣ", говоритъ Ольга осажденнымъ Искоротенцамъ. Въ XII в. лѣтописи указываютъ по нѣсколько пригородовъ въ каждой землѣ (напр., въ Чернигово-Сѣверской до 70, въ Кіевской Волынской и Галицкой, въ каждой около 40, въ Суздальской около 20, Полоцкой около 16, въ Новгородской около 15, въ Рязанской столько же, въ Смоленской до 8; нѣтъ сомнѣнія, что въ томъ числѣ слѣдуетъ разумѣть и отдѣльные острожки—укрѣпленія, не имѣющія значенія пригородовъ).

Волость есть округъ, подчиненный каждому пригороду въ отдѣльности; она заключаетъ въ себѣ укрѣпленныя и неукрѣпленныя сельскія общины.

Отношеніе старшаго города къ пригородамъ и волостямъ основано частію на *колонизаціи*, исходившей изъ центра къ окружностямъ земли, на что указываютъ термины: „старшій", и „младшій", „мать городовъ", а также и то, что населеніе старшихъ городовъ считается лучшимъ-боярскимъ; „то суть наши холопѣ", говорятъ ростовцы о владимірцахъ; жители Ростова именуются „старшею дружиною" („болярами").—Иногда основаніемъ власти старшаго города является большая *сила* центральной общины, которая покоряетъ себѣ пригороды войною (города Древлянской Земли обращены въ пригороды Кіевскіе); но это обстоятельство не есть первоначальный источникъ государств. связи, а явленіе, возникающее при

борьбѣ уже сложившихся земель [1]); большее и органическое значеніе силы заключается въ томъ, что главная община даетъ пригородамъ у себя защиту во время военной опасности: когда въ 1147 г. городъ Черниговской Земли Всеволожъ былъ взятъ Кіевскимъ княземъ Изяславомъ, то, услышавши объ этомъ, другіе города: „Унѣвежъ, Бѣловежа, Бохмачь, побѣжали, и иныя грады многіе бѣжали" въ Черниговъ (Ипат. лѣт.).—Третье основаніе власти старшаго города *религіозное:* въ языческую эпоху въ стѣнахъ старшаго города заключалась обыкновенно природная святыня цѣлаго племени (священный холмъ или роща), а потомъ и искусственная—капище: „Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur", говоритъ Дитмаръ о Балтійскихъ славянахъ; въ христіанскую эпоху языческія капища замѣняются центральными общеземскими храмами; новгородцы, желая утвердить свою власть надъ пригородомъ Торжкомъ, говорили: „не будетъ Новый Торгъ Новымъ Городомъ, ни Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ св. Софья, тамъ и Великій Новгородъ".—Иногда отдѣльныя части территоріи дѣлились между концами (частями) старшаго города и отдавались въ непосредственное управленіе этихъ послѣднихъ: „Весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на всѣ концы, коему же концу къ старымъ пригородамъ новые жеребьемъ дѣлили, ималъ жеребей князь Василій, князя Ѳеодора Юрьевича сынъ, съ престола" (подъ 1468 г. Слич. уставъ о мостовыхъ въ Русской Правдѣ [2]).

Отношенія старшаго города къ пригородамъ были *весьма устойчивы*, и б. ч. сохранились неизмѣнно со временъ доисторическихъ до XV в., когда древне-русскія земли въ прежнемъ своемъ составѣ вошли въ государства Московское и Литовское въ качествѣ провинцій. Однако, иногда власть старшаго города надъ пригородами терпѣла измѣненія; при равенствѣ силы старшаго города и пригорода одна земля дѣлилась на двѣ самостоятельныхъ (примѣръ—выдѣленіе Псковской Земли). Если сила пригорода перевѣшивала, то онъ становился главнымъ городомъ, а старшій—пригородомъ (примѣръ—перенесеніе власти изъ Ростова въ Суздаль и, наконецъ, во Владиміръ). Къ такому результату вела не столько потеря матеріальной силы старшимъ городомъ, но преимущественно потеря имъ *права старшинства;* онъ терялъ это право, если отказывался защищать пригороды: такъ, владимірцы считаютъ себя въ *правѣ* не подчиняться Ростову, когда этотъ послѣдній не хотѣлъ защитить землю отъ насилія князей Ростисла-

[1]) „Процессъ возникновенія первоначальныхъ волостей совершался, надо думать... не мирно, а съ оружіемъ въ рукахъ. Города строились не цѣлымъ племенемъ, а группами предпріимчивыхъ людей... Жители такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ... могли... захватывать чужія земли" (В. И. Сергѣевичъ: Юрид. Др. I, 10). Но лѣтопись говоритъ: „Кривичи, *ихъ же* градъ есть Смоленскъ"... „Нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне и до сего дне въ Кіевѣ". „Словѣни (основали) свое (княженіе) въ Новѣгородѣ"... „А перьвіи населници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьскѣ—Кривичи". Гельмольдъ говоритъ о князѣ поморянъ: „Convocavit *universam gentem suam* et coepit aedificare castrum Dubin, ut esset *populo* rufugium in tempore necessitatis". Мысль проф. Сергѣевича не согласуется съ п о л н о ю самостоятельностію пригородовъ.

[2]) См. Доп. Г.

вичей; тогда ростовцы, по мнѣнію владимірцевъ, сдѣлались „мнимыми старѣйшинами“. Къ такому же результату вело и то обстоятельство, если въ пригородѣ возникала религіозная святыня, превосходившая своимъ значеніемъ святыню старшаго города (побѣду владимірцевъ надъ ростовцами лѣтописецъ объясняетъ вліяніемъ „чюдной Матери Божіей Володимерской“). Лѣтописецъ такъ заключаетъ свой разсказъ о борьбѣ пригорода Владиміра съ старшимъ городомъ Ростовомъ: „Извѣка повелось правило: на чемъ старшіе города положатъ, тому должны повиноваться и пригороды, но здѣсь старый городъ Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре, стремясь свою правду поставить, не хотѣли сотворить правды Божіей, и сказали: какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ; Владиміръ нашъ пригородъ. Какъ въ евангеліи сказано, что Господь утаилъ (откровеніе) отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ его младенцамъ; такъ и здѣсь: не умѣли исправить правду Божію Ростовцы и Суздальцы, давніе, выдающіе себя за старѣйшинъ, а новые люди, меньшіе—Володимерцы, уразумѣвши, взялись за правду крѣпко“. Такимъ образомъ лѣтописецъ, стоящій за интересы пригорода, не отрицаетъ нимало въ принципѣ власти старшихъ городовъ, а только полагаетъ, что въ данномъ случаѣ своими проступками старшіе города потеряли свое достоинство старѣйшинства. Мнѣніе о томъ, что отношенія старшаго города къ пригородамъ опредѣлялись только пропорціею силъ того и другихъ (безъ всякихъ правомѣрныхъ основаній) не можетъ быть принято. На отношеніяхъ старшаго города къ пригородамъ и пригородовъ къ волостямъ основывается весь древній изначальный государственный строй, который, не завися отъ междукняжескихъ отношеній, во многомъ опредѣляетъ эти послѣднія.

Б. Населеніе.

Населеніе извѣстнаго государства можетъ состоять или изъ различныхъ этнографическихъ группъ, или изъ одной націи, и во всякомъ случаѣ состоитъ изъ разныхъ союзовъ общественныхъ (классовъ, сословій).

1. **Этнографическій составъ населенія русскихъ государствъ.** Русская нація не есть явленіе доисторическое; исторія въ своемъ началѣ застаетъ разрозненныя славянскія (и финскія) *племена*, еще не состоявшія между собою ни въ какомъ національномъ единствѣ. Славянскія племена, составившія основу русской націи, различались одно отъ другого въ этнографическомъ, правовомъ и культурномъ отношеніяхъ и б. ч. относились враждебно другъ къ другу (первоначал. лѣт.); нѣкоторыя изъ нихъ были западнаго происхожденія (Радимичи и Вятичи—„отъ ляховъ“; Карпатскіе хорваты). Каждая изъ древне-русскихъ земель заключала въ себѣ или цѣлое племя, или часть его. Племя Кривичей раздѣлилось на двѣ самостоятельныя и (враждебныя) земли: Полоцкую и Смоленскую, и, сверхъ того, значительная часть этого племени вошла въ составъ Новгородской

земли. Племя Вятичей не выработалось ни въ какую самостоятельную политическую форму, которая едва зарождалась было въ эпоху Владиміра Мономаха (когда у нихъ былъ князь Ходота), но тотчасъ же исчезла; племя Вятичей поглощено Черниговскою и Рязанскою Землею. Племя Дреговичей подѣлено между Кіевскою, Черниговскою и Полоцкою землями (см. Ипат. л. подъ 1116, 1149, Лавр. подъ 1098 г.). Нѣчто подобное случилось и съ Древлянами, имя которыхъ удержалось въ смыслѣ географическомъ, какъ части Кіевской земли, а племенная группа Древлянъ слилась съ населеніемъ Кіевской земли, чрезъ что не образовалось, такъ сказать, кіевской націи.

Сознаніе о единствѣ русской націи образуется въ X и XI вѣкахъ и выражается въ XI и XII вв. въ памятникахъ законодательныхъ (*Русская Правда*) и литературныхъ: первоначальная лѣтопись употребляетъ терминъ „Русская Земля“ то въ смыслѣ южно-русскихъ земель, то въ значеніи цѣлой націи; Слово о полку Игоревѣ противопоставляетъ ясное сознаніе единства русской націи государственной раздробленности княженій и междоусобной борьбѣ ихъ (см. ниже отдѣлъ „начала государств. объединенія всѣхъ русскихъ земель“).

Главнѣйшими основаніями національной связи были: сходство языка восточныхъ славянъ, единство религіи (со времени принятія христіанства греческаго исповѣданія) и общность политической судьбы (единство княж. рода, общія военныя предпріятія противъ Византіи и восточныхъ варваровъ).

Но сознаніе національнаго единства и въ XII в. не было полнымъ и всеобщимъ: Русскою землею спеціально называлась южная Русь (въ частности Кіевская земля) въ противоположность сѣверной и западной [1]).

Этнографическіе элементы, вошедшіе въ составъ русской національности. Главнѣйшій (по численности и значенію) есть элементъ *славянскій. Инородческіе и иноземные* элементы вошли въ русскую націю двоякимъ образомъ: а) посредствомъ *иммиграціи* иноземцевъ въ русскія земли съ двухъ сторонъ: съ запада—варяговъ, съ востока—тюрковъ, Тѣ и другія явились или въ качествѣ вспомогательныхъ военныхъ отрядовъ, или въ качествѣ гостей (торговцевъ); затѣмъ они частію оставались при дворѣ князей (дружинниками), или правителями областей, или частными обывателями городовъ. „И по тѣмъ городомъ (въ Новгородѣ, Изборскѣ, Бѣлоозерѣ, Полоцкѣ и Ростовѣ) суть находници варязи; а первіи насельници въ Новѣгородѣ словѣнѣ, Полотьскѣ—кривичи“ и т. д. (первон. лѣтопись; слич. о варягахъ и копбягахъ Рус. Прав. Ак. сп., ст. 9 и 10). Преувеличенное значеніе западно-европейскаго (варяжскаго) элемента въ исторіи рус. государства и права отстраняется тѣмъ, что варяжскій элементъ ассимилировался уже въ XI в. Въ то время, какъ сѣверными славянскими племенами владѣли варяги, южными владѣли хозары, которые оставили

[1]) См. дополн. Д.

слѣды своего вліянія въ титулѣ Кіевскаго князя („каганъ"—въ словѣ Иларіона), въ наименованіяхъ многихъ селеній около Кіева и проч. Ихъ смѣнили въ X в. печенѣги (по лѣтоп. въ 968 г.), которые подъ разными наименованіями проникали въ составъ городского населенія; въ цѣлыхъ массахъ замиренныя тюркія племена (Черные Клобуки) составили сплошное военное населеніе степныхъ окраинъ Кіевской и Черниговской земель (съ Переяславскою). За печенѣгами явились (въ XI в.) половцы, внѣдряясь частію насильственно, частію мирнымъ путемъ въ составъ населенія южнорусскихъ земель (о томъ свидѣтельствуютъ названія многихъ поселеній въ южной Руси). Явившееся вслѣдъ затѣмъ татарское вліяніе будетъ оцѣнено (а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще монгольское вліяніе на русское государство и національность) ниже въ своемъ мѣстѣ.

б) Посредствомъ *колонизаціи* славянъ въ странахъ инородческихъ, начавшейся съ древнѣйшихъ временъ: Новгородская Земля выдвинула свои колоніи въ доисторическое время въ чудскія (сѣверно-финскія) страны (Бѣлозерскъ—среди Веси, Ростовъ—среди Мери); Полоцкая-Кривская Земля по Западной Двинѣ и Нѣману имѣла колоніи среди латышей и литвы; Сѣверская, Черниговская и Кіевская Земли—въ степяхъ тюрко-татарскихъ, чрезъ Донъ до Кубани (Тмутаракань). Особенная способность русскаго народа къ ассимиляціи инородцевъ общепризнана.

2. **Соціальный составъ населенія (классы общества).** *Связь этнографическаго состава населенія съ соціальнымъ.* Разноплеменное происхожденіе классовъ общества замѣчается и въ русской націи, но лишь въ слабой степени: варяжскія дружины составили служилый классъ; гости, т. е. западные и восточные чужеземцы,—городской классъ. „Ти суть людье Нооугородьци отъ рода Варяжьска, прежде бо бѣша Словѣни", говоритъ перв. лѣт. о населеніи городовъ. Въ Русской Правдѣ замѣняется слово „горожанинъ" словомъ „Русинъ", слово „селянинъ" словомъ „Славянинъ" (см. прим. 4 къ Кар. сп. Русск. Пр.). Однако восточные, славяне имѣли и своихъ старѣйшинъ и свое городское населеніе уже со временъ доисторическихъ.

Три класса (но не сословія) древней Руси. Общество каждой изъ древне-русскихъ земель состоитъ изъ трехъ классовъ, которые отнюдь не могутъ быть названы сословіями въ западно-европейскомъ средневѣковомъ смыслѣ. Классы эти суть: бояре, горожане и смерды. „Бояринъ боярина плѣниша, смердъ—смерда, градъ—града", говоритъ лѣтопись объ одномъ случаѣ военнаго похода (Ипат. 1221 г.).

а) **Бояре.** Классъ бояръ *образуется* изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, изъ *лучшихъ людей* среди жителей каждой земли, а во-вторыхъ, изъ высшихъ членовъ княжескаго двора—*дружинниковъ*.

Лучшіе люди правильно (хотя и искусственно) называются *земскими боярами* (въ противоположность боярамъ княжескимъ). Лѣтопись именуетъ ихъ и другими терминами, а именно: „нарочитіи люди", „старѣйшины градскіе" и „людскіе". Ольга говоритъ Древлянамъ: „если вы просите меня дѣйствительно (замужъ за своего князя), то пришлите мужей

нарочитыхъ. Древляне избрали лучшихъ мужей, которые держали (управляли) Деревскую Землю" (первон. лѣт.). По взятіи главнаго города Древлянъ, Ольга „старѣйшинъ града взяла въ плѣнъ, а прочихъ людей однихъ перебила, а другихъ отдала въ рабство своимъ мужамъ". Что здѣсь, и впослѣдствіи при Владимірѣ Св., „старцами" или „старѣйшинами" называются лучшіе земскіе люди (бояре), доказывается тѣмъ, что лѣтописецъ словомъ „старци" переводитъ латинскій терминъ—„senatores": „взоренъ бываетъ во вратѣхъ мужь ея (доброй жены), внегда аще сядеть на сонмищи съ старци и съ жители земли", что въ латинскомъ текстѣ Библіи выражается такъ: nobilis in portis vir ejus, quando sederit cum senatoribus terrae". То же самое ясно открывается изъ того, что лѣтописецъ иногда означаетъ словомъ „старци" всѣхъ членовъ княжеской думы (т. е. бояръ по преимуществу); когда Владиміръ ввелъ смертную казнь вмѣсто виры, то противъ этого нововведенія стали говорить ему епископы и старцы (лѣт. подъ 996 г.); равнымъ образомъ словомъ бояре означаются какъ бояре-дружинники, такъ и старцы: по возвращеніи посланныхъ для ознакомленія съ разными религіями, Владиміръ созвалъ „боляры своя и старци"; выслушавъ донесеніе пословъ, „отвѣщавше боляре, рекше: аще бы лихъ законъ гречьскій, то не бы баба твоя пріяла Ольга". Никакого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что восточные славяне издревле (независимо отъ пришлыхъ княжескихъ дворянъ) имѣли среди себя такой же классъ лучшихъ людей, который у западныхъ славянъ именуется majores natu, seniores, кметы и др. терминами. Этотъ классъ вездѣ образуется изъ людей высшихъ по родовому старшинству (происхожденію, отчего члены его и называются старѣйшинами), по власти въ своемъ обществѣ (члены его „держать землю") и, наконецъ, по высшей экономической состоятельности (терминъ „лучшіе люди" въ слѣд. періодѣ означаетъ людей болѣе богатыхъ).

Этотъ классъ до XI в. ясно отличается отъ бояръ княжескихъ, т. е. высшихъ членовъ княж. двора. Владиміръ св. созывалъ на пиры „боляръ *своихъ*, посадниковъ и *старѣйшинъ* по всѣмъ городамъ" (лѣт. подъ 996); въ своемъ кіевскомъ дворцѣ онъ угощалъ „боляръ, гридей, сотскихъ, десятскихъ и нарочитыхъ мужей" (ibid). Когда въ В. Новгородѣ при Ярославѣ новгородцы перебили варяговъ княжескихъ, то князь отомстилъ имъ избіеніемъ ихъ „нарочитыхъ мужей" (лѣт. подъ 1015 г.). Затѣмъ, когда послѣ пораженія Ярослава, этотъ князь опять прибѣжалъ въ Новгородъ и собирался бѣжать за море, то сами новгородцы остановили его и рѣшили продолжать борьбу за него собственными средствами; для этого они назначили налогъ на военныя издержки, а именно: „отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18". Конечно, они собирали этотъ налогъ не отъ княжескихъ бояръ, на что и права не имѣли; сверхъ того, Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ съ 4-мя мужами, а бояре его остались въ Кіевѣ, гдѣ кор. Болеславъ „взялъ имѣнье и бояръ Ярославлихъ" (ibid). Вообще въ Новгородѣ княжескіе дружинники никогда не могли сдѣлаться мѣстными боярами; впослѣдствіи имъ запрещено было

пріобрѣтать недвижимыя имущества на Новгород. территоріи, а между тѣмъ Новгородъ не былъ лишенъ боярскаго класса (въ сенатѣ Новгородскомъ считалось до 300 бояръ); всѣ новгородскіе бояре суть земскіе бояре. Кромѣ людей, управлявшихъ общинами, въ этотъ классъ вошли и туземные князья (управлявшіе цѣлыми землями), лишенные своихъ владѣній Рюриковичами (въ договорахъ русскихъ съ греками термины „князья“ и „бояре“ употребляются, какъ одинаковые: „посланіи отъ Игоря... и всякоя княжья... А великій князь русскій и бояре его да посылаютъ въ Греки“)...

Бояре-дружинники. Слово „дружина“ не означаетъ какого-либо опредѣленнаго класса общества; этимъ терминомъ въ лѣтописяхъ называется иногда весь народъ: кн. Ярославъ, избившій лучшихъ новгородцевъ, но затѣмъ получившій извѣстіе изъ Кіева о пагубныхъ замыслахъ Святополка, собралъ остатокъ новгородцевъ и сказалъ: „о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ“ (перв. л. по 1015); иногда такъ называется народное ополченіе, стоящее рядомъ съ дружиною княжескою: когда въ 1043 г. ладьи, на которыхъ плыло русское войско на Византію, были разбиты бурею, то 6000 воиновъ (ополченія) было выброшено на берегъ; корабль же, на которомъ была княжеская дружина, уцѣлѣлъ. Выброшенные воины не хотѣли продолжать путь на Грецію и рѣшились возвратиться въ Русь; но никто „изъ княжей дружины“ не соглашался вести ихъ, кромѣ тысяцкаго Вышаты, который сказалъ: „азъ поиду съ ними, аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною“ (Лавр. л.). Далѣе дружиною называется товарищество, основанное на договорѣ, напр. общество, обязавшееся круговою порукою по уплатѣ виры (Рус. Пр. Кар. 4). Преимущественно дружиною именуется общество, составившееся искусственно; въ народномъ южно-русскомъ говорѣ поговорка „сборъ—дружина“ означаетъ собраніе разнокачественныхъ предметовъ.

Спеціально дружиною называется *дворъ князя*: „се дружина у тебя отъня и вои“, говорили дружинники св. кн. Бориса, поощряя его занять кіевскій княжескій столъ (перв. лѣт. 1015 г.). Дворъ состоялъ изъ различныхъ племенныхъ элементовъ: первоначально онъ составлялся по большей части изъ пришельцовъ какъ чужеземцевъ, такъ и жителей другихъ русскихъ земель, а именно изъ варяговъ, угровъ, торковъ и т. д. Въ 980 году совѣтникъ кн. Ярополка, отговаривавшій его слѣдовать предательскому плану Блуда, былъ Варяжко; когда же Ярополкъ не послушалъ и поѣхалъ къ Владиміру, то былъ убитъ двумя слугами Владиміра—варягами. Владиміръ избралъ изъ варяговъ (съ которыми прибылъ для борьбы съ Ярополкомъ) мужей добрыхъ, смышленныхъ и храбрыхъ и раздалъ имъ города (перв. л. 980 г.). Въ дружинѣ св. кн. Бориса былъ любимый его отрокъ Георгій, родомъ угринъ (мадьяръ); въ дружинѣ Святополка исполнителями убійства надъ Борисомъ было два варяга и между остальными—Ляшко, Поваръ св. кн. Глѣба, зарѣзавшій мученика, былъ Торчинъ. Восточные элементы встрѣчаются въ княжескихъ дворахъ и въ довольно позднее время: однимъ изъ главныхъ убійцъ кн. Андрея Боголюбскаго

былъ его ключникъ Ясинъ (см. въ договорахъ Олега и Игоря имена пословъ). Но вообще съ XI вѣка преобладающимъ элементомъ въ княжихъ дворахъ становится туземный—славянскій.

Столь же разнообразны и сословные элементы двора. Вообще члены двора суть *слуги* князя и, въ качествѣ слугъ, лица не совсѣмъ полноправныя, ибо служба только тогда не вела къ холопству, когда это именно было оговорено въ договорѣ (Рус. Пр. Кар. 121), что въ дѣйствительности совершалось рѣдко (ibid. 77). Но служба князю, который былъ не только частнымъ лицомъ, но и правителемъ государства, давала возможность слугѣ получать сразу высокое положеніе въ обществѣ: изъ приведеннаго выше примѣра видно, что только что прибывшіе варяги дѣлаются привителями областей.

Весь дворъ, по правамъ членовъ его, дѣлится на *дружину старшую и младшую*. Первая состоитъ изъ людей не только свободныхъ, но и занимающихъ высшее положеніе въ государствѣ (думѣ князя, въ военномъ и мѣстномъ управленіи). Общимъ названіемъ ихъ первоначально было—*огнищане,* къ положенію которыхъ приравнивались княжескіе тіуны, подъѣздные и конюшіе (Рус. Пр. Ак. 19, 20 и 21); впослѣдствіи за ними утвердилось названіе *княжихъ мужей* (Р. Пр. Кар. 3); но въ то же время они именовались и боярами (перв. лѣт. подъ 983, 996 г. и др.); это послѣднее названіе утвердилось окончательно послѣ сліянія земскихъ бояръ съ дружинными.—*Младшая дружина* состояла изъ лицъ низшей дворовой и государственной службы; древнее общее наименованіе ея гридь (гридница—домъ, комната) замѣнилось другими: „отроки“, „дѣтскіе“ [1]) пасынки“. Исполняя во дворѣ низшія службы (ключниковъ, конюховъ и т. п.), они въ то же время составляли военный полкъ князя: „имѣю своихъ отроковъ 800, которые могутъ стать противъ половцевъ“, говорилъ Кіев. кн. Святополкъ (Лавр. лѣт. 1093 г.). Всѣ эти лица были или несвободные, или полусвободные, хотя и младшіе члены боярскихъ фамилій, обыкновенно начинали службу съ тѣхъ же низшихъ дворовыхъ должностей, что служило замѣною и школьнаго образованія. Какъ въ физическомъ возрастѣ отрокъ становится постепенно мужемъ, такъ юридически расли права „отроковъ“, пока они не становились „мужами“ (боярами), разумѣется, не всѣ. Отсюда и наполнялась главн. обр. княжая старшая дружина; слово „огнищанинъ“ въ памятникахъ западно-славянскихъ толкуется, какъ вольноотпущенный. Средствомъ возвышенія изъ младшей дружины въ старшую были: военная служба и гражданское управленіе волостями; волости менѣе богатыя и важныя иногда поручались низшимъ дружинникамъ: кн. Святославъ Черниговскій говоритъ (жалуясь на кн. Изяслава): „я получилъ Черниговъ съ 7 пустыми городами: Моравійскомъ, Любечемъ, Оргощемъ, Всеволожемъ,—и въ тѣхъ сидятъ псари да половцы, а всю (прочую) волость Черниговскую Изяславъ собою держитъ“ (Ипат. лѣт.).

---

[1]) Различеніе юридическаго характера дѣтскихъ и отроковъ (дѣтскіе выше отроковъ) не имѣетъ основаній.

Кромѣ княжеской дружины, были *дружины (дворы) боярскія,* члены которыхъ также вошли въ составъ высшаго класса: при кн. Игорѣ его дружинники завидуютъ большему богатству „отроковъ Свѣнельда"—боярина (первон. лѣт. 945). При кн. Изяславѣ Кіев. бояринъ Іоаннъ, сынъ котораго постригся въ печерскомъ монастырѣ, былъ обиженъ тѣмъ, что князь не заступился за него и „поимъ отрокы многы, иде на святое стадо", извлекъ сына изъ монастыря (памятн., изд. Яковлевымъ, стр. XVI). Симонъ Варягъ прибылъ на службу къ Кіевскому князю съ 3000 дворянъ, При Владимірѣ Моном. сынъ его Георгій Симоновичъ, управлявшій Суздальскою Землею, рѣшившись оковать гробъ св. Ѳеодосія, послалъ въ Кіевъ съ серебромъ и золотомъ „единаго отъ бояръ своихъ, сущихъ подъ нимъ, именемъ Василія", который былъ крайне недоволенъ опаснымъ порученіемъ, но „неволею емлется въ путь" (ibid., стр. CXV). Владиміръ Мон. совѣщается съ дружиною боярина Ратибора (лѣт. подъ 1095). Въ В. Новгородѣ Семенъ Еминъ съ 400 своихъ ротниковъ" (связанныхъ съ нимъ ротою—договоромъ) лишаетъ должности посадника и тысяцкаго. „Благоплеменный вельможа" кіевскій Радіонъ Несторовичъ перешелъ на службу къ Московскому князю съ своимъ дворомъ, въ которомъ было до 1700 чел., въ томъ числѣ „княжата" и дѣти боярскія.

Изъ двухъ элементовъ—дружиннаго (служилаго) и земскаго—составляется (съ XI в.) одинъ боярскій классъ, когда дружинники, осѣвшись, сдѣлались мѣстными землевладѣльцами, а земскіе бояре, чрезъ дворовыя службы, перешли въ классъ княжихъ мужей. Тогда уже уничтожается разница княжихъ бояръ и старѣйшинъ; отдѣльное наименованіе „старци" уже не встрѣчается въ XI в.; дружинныя наименованія переходятъ и на земскіе классы; такъ, въ В. Новгородѣ, гдѣ дружинный элементъ имѣлъ наименьшее значеніе въ составѣ боярскаго класса, въ названіяхъ этого послѣдняго до XIII в. уцѣлѣли термины: огнищане, гридь (Новг. 4-я л. 1234); тоже и въ Сузд. землѣ (см. ниже). Само собою разумѣется, что княжіе дворы, продолжая существовать, приготовляли новые служилые элементы, постепенно вливавшіеся опять въ земское боярство. Слово „дворяне" (взамѣнъ—дружина или „гридь") появляется уже въ XII в.: „горожане же Боголюбстіи и дворяне разграбиша домъ княжъ" (Ипат. лѣт. 1175 г.). У насъ не установилось нѣмецкаго различія Dienst-Adel и просто Adel.

По окончательномъ образованіи этого класса, въ немъ замѣчаются нѣкоторые слѣды *особенности* его отъ прочихъ классовъ; выше приведено мѣсто лѣтописи, въ которомъ перечислены три класса общества съ ясною раздѣльностію; въ 1176 г. суздальцы (граждане и народъ), оправдываясь предъ кн. Михаиломъ Юрьевичемъ, говорили: „мы, княже, на полку томь со Мстиславомъ (соперникомъ Михаила) не были, но были съ нимъ боляре" (Лавр. л.). Въ В. Новгородѣ, гдѣ боярскій классъ не имѣлъ преобладающаго значенія, были случаи открытой вражды между боярскою партіею и народомъ: „И бысть въ вятшихъ совѣтъ золъ, яко побити меншіи" (Новг. 1-я л. подъ 1255 г.).

Тѣмъ не менѣе боярство древней Руси не имѣло ни *сословной корпоративности*, ни *сословныхъ привилегій*. Образованію корпоративности мѣшалъ земскій характеръ древнихъ русскихъ государствъ. Каждая община (городъ, волость и даже село) имѣла своихъ бояръ (равно какъ среднихъ и меньшихъ людей); въ Новгородской землѣ были бояре Водскіе, Рузскіе, Новоторжскіе, Лужскіе, Ижорскіе, Двинскіе (Костомаровъ: „Сѣверно-рус. народопр.“, стр. 28). Собственно Новгородскіе бояре распредѣляются по концамъ города, съ которыми дѣлятъ свои интересы. Въ Кіевской землѣ были свои „Вышегородскіе болярцы“ (Лавр. подъ 1015 г.). Впослѣдствіи (въ эпоху литовско-русскую) находимъ „бояръ“ въ селахъ, какъ высшій классъ прикрѣпленныхъ крестьянъ. Так. обр. земское распредѣленіе классовъ препятствовало образованію корпоративности. Этому не противорѣчитъ то, что боярами собственно (т. е. такими, достоинство которыхъ было признаваемо въ цѣломъ тогдашнемъ государствѣ—Землѣ) были лишь бояре старшаго города: такъ, при борьбѣ пригорода Владиміра съ Ростовомъ, дѣйствія бояръ и ростовцевъ отождествляются и противопоставляются дѣйствіямъ владимірцевъ, какъ людей меньшихъ, населенія не боярскаго; въ 1177 г. „привели (себѣ на княженіе) Ростовцы и бояре Мстислава Ростиславича изъ Новгорода.... Онъ, пріѣхавъ въ Ростовъ, совокупилъ Ростовцевъ и бояръ, гридьбу и пасынковъ, и всю дружину“; а соперникъ его—Всеволодъ, котораго пригласили Владимірцы, „выѣхалъ противъ него съ Владимірцами, и съ дружиною своею и съ тѣми немногими (мѣстными) боярами, которые остались у него“. Не желая рѣшать дѣло оружіемъ, Всеволодъ попробовалъ войти въ соглашеніе съ Мстиславомъ, т. е. раздѣлить съ нимъ власть так. образомъ: „братъ, тебя привела старѣйшая дружина, и ты поѣзжай въ Ростовъ...; тебя ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ и Владимірцы“. Но Мстиславъ, послушавъ рѣчи Ростовской и боярской, отказался отъ такой сдѣлки. Въ битвѣ одолѣлъ Всеволодъ; тогда „Ростовцевъ и бояръ всѣхъ повязали... и села боярскія взяли“. Между тѣмъ въ то же время и во Владимірѣ и въ Суздалѣ были свои бояре (см. Лавр. подъ 1177 г.). Изъ этихъ примѣровъ видно: а) что сословное значеніе бояръ опредѣляется значеніемъ общины; б) *все* населеніе старшей общины признается боярскимъ (высшимъ), въ отношеніи къ населенію младшихъ городовъ; в) эти послѣдніе, однако, имѣютъ своихъ бояръ.

Образованію сословной корпоративности препятствовали также и *способы вступленія* въ классъ бояръ, практиковавшіеся тогда. Бояриномъ становился тотъ, кто занималъ высшее мѣсто на *службѣ* (княжеской или земской) и пріобрѣталъ б. или м. богатое имущество: когда русскій богатырь—сынъ кожевника—побѣдилъ печенежскаго богатыря, то кн. Владиміръ Св. „великимъ мужемъ створи того и отца его“ (перв. лѣт. 992 г.). Даже въ Галиціи (странѣ наиболѣе боярской) лучшими боярами были сынъ поповъ и сынъ смердій. Вообще *личныя качества* (при возвышеніи въ обществѣ) преобладали въ древнихъ славянскихъ обществахъ надъ *рожденіемъ и наслѣдственностью*: „Armis potentiores, fide meliores, militia

fortiores et divitiis eminentiores,—his urbes et populum ad regendum committas", увѣщеваетъ старецъ молодого князя чешскаго (Jireček; Das Recht in Böhm. und Mähr. II, 31). Рожденіе вліяло на усвоеніе боярства лишь фактически, т. е. сыну боярина было *легче* достигнуть боярства. Отъ этого фамильныхъ прозваній древняя Русь не знала; лѣтопись сообщаетъ намъ лишь имена, иногда отчества бояръ (Добрыня, Иванъ Творимиричъ и др.). Этому не противорѣчитъ существованіе класса *дѣтей боярскихъ*, упоминаемаго въ первый разъ подъ 1259 г. въ В. Новгородѣ, гдѣ они составляли часть народнаго ополченія; дѣти боярскія суть потомки бояръ, не усвоившіе, однако, себѣ боярскаго званія (не бояре); это—наслѣдники измельчавшихъ боярскихъ имуществъ.

При отсутствіи корпоративности, классъ бояръ не могъ пользоваться какими-либо *привилегіями* (исключительными правами). Правда, въ сферѣ личныхъ правъ огнищане (или княжіе мужи) ограждаются двойною вирою при убійствѣ (Рус. Пр. Ак. 18, 21. Кар. 1 и 3) и высшею продажею „за мýку" (ibid. Ак. 32, 31 и Кар. 90 и 80): но это относится именно къ *княжимъ* мужамъ и изъясняется ихъ личными отношеніями къ князю; частное вознагражденіе потерпѣвшему за муку совершенно одинаково какъ для смердовъ, такъ и для бояръ, именно 1 гривна.—Въ сферѣ правъ имущественныхъ, памятники приписываютъ боярамъ право владѣнія *селами* (земельными имуществами), какъ бы принадлежащее имъ по преимуществу: въ лѣтописяхъ всегда рѣчь идетъ только о селахъ боярскихъ и церковныхъ (въ 1156 г. бояре, послѣдовавшіе за кн. Изяславомъ на Волынь, лишились своихъ селъ въ Кіевской землѣ; въ 1177 г. въ Суздальской землѣ владимірцы, побѣдивши ростовцевъ, забрали „села болярьская"; тогда же и тамъ же рязанскій князь Глѣбъ „села пожже боярскія"). Слѣды отождествленія боярства съ землевладѣніемъ встрѣчаются и въ Рус. Пр. гдѣ упоминается о сельскомъ населеніи только княжескомъ и боярскомъ (Рус. Пр. Кар. ст. 11). Но другія указанія памятниковъ не оставляютъ сомнѣнія, что *право* землевладѣнія принадлежало не только среднимъ людямъ—горожанамъ (см. Нов. Судн. гр. ст. 17), но и низшему сельскому классу (см. ниже). Вышеприведенныя свидѣтельства указываютъ только, что *фактически* землевладѣніе принадлежало боярамъ болѣе, чѣмъ лицамъ прочихъ классовъ.

Въ сферѣ правъ наслѣдства боярамъ приписываютъ привилегію передавать наслѣдство дочерямъ, при неимѣніи сыновей (Рус. Пр. Кар. 103 и 104); но такое право простирается не только на бояръ, но и на всѣхъ свободныхъ „людей", кромѣ смердовъ (см. ист. права наслѣдства).

б) **Горожане**—„люди градскіе"—означаютъ иногда все свободное населеніе (кромѣ бояръ), такъ какъ такое населеніе сосредоточивалось преимущественно въ городахъ (свободныхъ общинахъ). Поэтому они иначе называются „люди" и „мужи". Они не составляютъ цѣльнаго класса, занятаго одной какой-либо профессіей. Въ составѣ ихъ различаются: *гости*, что означало прежде чужестранныхъ торговцевъ. Мнѣніе (Погодина) о томъ, что главная масса населенія свободныхъ городскихъ общинъ соста-

вилась изъ пришлецовъ—варяговъ, не можетъ быть принято: при Владимірѣ его наемное войско—варяги—требуетъ окупа съ Кіева, какъ города завоеваннаго; въ Новгородѣ граждане избиваютъ варяговъ. Слова Дитмара о томъ, что населеніе Кіева „составилось главнымъ обр. изъ бѣглыхъ рабовъ, стекавшихся сюда со всѣхъ сторонъ, въ особенности изъ проворныхъ Дановъ (норманов)", заключаютъ въ себѣ сильное преувеличеніе. Высшій разрядъ—гости—составился, несомнѣнно, изъ иностранцевъ (см. иноземныя имена пословъ и гостей въ дог. Игоря съ греками); они, подобно дружинникамъ, состояли въ тѣснѣйшей служебной зависимости отъ князя, который ихъ посылалъ въ посольство и гостьбу (см. догов. Игоря); но они скоро ассимилировались съ господствующимъ славянскимъ населеніемъ городовъ. Послѣ того они ничѣмъ не отличаются отъ второго разряда—*купцовъ*. Эти послѣдніе пользуются, наравнѣ съ боярами, правомъ государственной службы (участвуютъ въ военныхъ походахъ, посольствахъ и въ дѣлахъ управленія и суда) и правами землевладѣнія (Новг. Судн. гр. ст. 17 и 18). Однако, они отличаются отъ бояръ, думать надобно, именно тѣмъ, что только бояре участвуютъ въ думѣ. Въ В. Новгородѣ переходнымъ классомъ отъ бояръ къ купцамъ были *житьи люди*,—терминъ, который въ обширномъ смыслѣ обнимаетъ и купцовъ (Новг. Судн. гр. 17, 6, 10).

Въ В. Новгородѣ купцы составляли корпораціи—сотни: „А купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердъ потянетъ на свой потугъ (или погостъ)". Сверхъ того, тамъ же была особенная корпорація потомственныхъ („пошлыхъ") купцовъ: „а не вложится кто въ купечество Иванское (въ корпорацію церкви св. Іоанна), ино то не пошлый купецъ" (Уст. кн. гр. Всеволода 1135 г.).

Низшій разрядъ городскихъ обывателей именуется *черными* городскими *людьми*, или *молодшими*..

Вообще городскіе обыватели не составляли средняго, или мѣщанскаго класса, и вступленіе въ ихъ среду было открыто для всѣхъ свободныхъ лицъ.

Всѣ городскіе люди, взятые въ совокупности, отличаются, однако, отъ сельскихъ обывателей: они не платятъ дани (см. Уст. гр. Смол. кн. Ростислава, прим. 40).

Противоположеніе городскихъ жителей (главной общины) классу сельскихъ смердовъ открывается изъ псковской исторіи о смердьей грамотѣ 1485—1486 г. (см. Псков. 1 и Псков. 2 лѣт.); тогда составлено было новое уложеніе о томъ, какія дани должны платить смерды вел. князю и какія городу Пскову, при чемъ Псковъ, очевидно, былъ обиженъ, а положеніе смердовъ облегчено. Въ составленіи такой грамоты были обвинены и нѣкоторые посадники, которые убѣжали къ в. князю; вѣче выдало на нихъ „мертвыя грамоты", т. е. заочный приговоръ къ смертной казни; но въ дѣлѣ замѣшаны были и сами смерды; нѣкоторые изъ нихъ были арестованы и казнены. В. князь разгнѣвался и потребовалъ освобожденія прочихъ арестованныхъ смердовъ и оправданія бѣжавшихъ посадниковъ.

Остальные посадники, бояре и житьи люди желали исполнить волю вел. князя, а „черніи люди молодіи всего того не восхотѣша“. Здѣсь *черные люди* города Пскова рѣшительно стоятъ противъ интересовъ *смердовъ* (крестьянъ [1]).

в) **Смерды**. Названіе это хотя и употребляется иногда въ обширномъ смыслѣ (обнимая все населеніе, кромѣ духовенства и бояръ: см. Рус. Пр. Ак. ст. 31 и 32), но въ тѣсномъ смыслѣ подъ смердами разумѣются сельскіе жители („бояринъ боярина плѣниша, смердъ—смерда, градъ—града“: Ипат. 1221); купецъ тянетъ къ сотнѣ городской, смердъ—въ погостъ, т. е. сельскую общину. Терминъ „сельскіе люди“ встѣчается лишь въ церк. уставѣ Ярослава (довольно поздней редакціи): за безчестье женъ „городскихъ людей 3 гривны серебра.....; а сельскихъ людей за соромъ гривна серебра“. Этотъ терминъ и не могъ быть въ употребленіи въ древнѣйшее время: тогда селомъ называлось только частновладѣльческое имѣніе: „не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села; тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры“ (Слово Даніила Заточн.; сл. Рус. Пр. Ак. ст. 22). Древнѣйшее наименованіе сельской общины есть „весь“ и „міръ“.

Классъ сельскихъ людей *состоитъ* изъ людей свободныхъ, прикрѣпленныхъ и несвободныхъ.

Свободные сельскіе обыватели, несомнѣнно, существуютъ съ древнѣйшихъ временъ. Русская Правда приписываетъ смерду личныя права (за мученіе смерда безъ княжа слова полагается за обиду 3 гривны: Ак. ст. 31), права на вещи (Ак. 25) и права наслѣдства (Кар. 103) [2]). То же подтверждаютъ лѣтописи: „А сего чему не промыслите, говорилъ Владиміръ Мономахъ союзникамъ, оже то начнетъ орати смердъ и пріѣхавъ половчинъ, ударить ѝ стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ *село его* ѣхавъ, иметь жену его и дѣти его и все *его имѣньѣ*“? (Лавр. лѣт. 1103 г.).

Хотя тѣ же памятники (Рус. Пр. и лѣтописи) содержатъ въ себѣ и обратныя указанія на безправное положеніе смердовъ, но такія указанія относятся къ смердамъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, т. е. прикрѣпленнымъ.

Свободное населеніе селъ жило или на общинныхъ земляхъ, или на частновладѣльческихъ. Но въ княжествахъ, при тогдашнемъ смѣшеніи частнаго права съ государственнымъ, положеніе тѣхъ и другихъ уравнивалось: земли общинныя считались государственными, и смерды, населявшіе

---

[1]) Реформа, вызвавшая смуту, очевидно, касалась не частновладѣльческихъ крестьянъ, а государственныхъ; въ противномъ случаѣ положеніе партій на Псковскомъ вѣчѣ было бы обратное: обиженные бояре не ссорились бы съ черными людьми, которые усердствуютъ въ ихъ интересахъ. Инвентарныя положенія, отнесенныя къ XV в., являются маловѣроятными. Обиженные, приходившіе во Псковъ съ жалобами, конечно, не землевладѣльцы, а тѣ правители, которые обыкновенно пользовались данями за свою службу.

[2]) Рус. Правда (Кар. 42 и 43) говоритъ: „таковы уроки смердамъ (преступникамъ) которые платятъ князю продажу, но если татями окажутся холопы..., то ихъ князь продажею не казнитъ“.

ихъ, были смердами князя: Янъ, воевода Святослава, спрашивалъ о волхвахъ, производившихъ безпорядки въ Ярославской и Бѣлозерской странѣ: „чья еста смерда"? и потребовалъ ихъ выдачи на томъ основаніи, „яко смерда еста моего князя" (Лавр. лѣт. подъ 1071 г.) [1]). Въ Новгородской и Псковской земляхъ смерды, жившіе на общинныхъ земляхъ (тянувшіе къ погосту), считались смердами государственными: они обязаны податями и повинностями въ пользу Новгорода или Пскова (см. дог. Новгород. съ Казимиромъ, ст. 21). Городское правительство (вѣче) защищало ихъ въ случаѣ притѣсненій со стороны князя (см. ниже обвиненіе кн. Всеволода въ 1136 г. въ томъ, что онъ не бережетъ смердовъ). Наоборотъ, если князь обращалъ въ свою пользу дани и повинности смердовъ, то городъ вступалъ съ нимъ въ борьбу (см. выше о борьбѣ Пскова съ в. княземъ въ 1486 г.).

Свободные смерды, жившіе на земляхъ частновладѣльческихъ, назывались (по Псковской Судной грамотѣ) *изорниками, исполовниками* или *четниками,* смотря по тому, что́ занимали: пахатную землю, огородъ или рыбную ловлю; изорникъ (отъ сл. „орать"—пахать) бралъ полевой участокъ, уплачивая хозяину $^1/_4$ урожая; исполовникъ или огородникъ платилъ $^1/_2$ дохода; кочетникъ, или четникъ, нанималъ *исадъ* (рыболовный участокъ). Срокъ найма одногодичный, именно общій — на Филиппово заговѣнье, 14 ноября (Пск. Судн. г. ст. 42). Въ тотъ годъ, когда крестьянинъ отходитъ, онъ уплачиваетъ владѣльцу не $^1/_4$, а $^1/_2$ урожая (ст. 63) [2]). Наемщикъ обыкновенно бралъ у хозяина *покруту,* т. е. вспоможенье деньгами, или хлѣбомъ, или орудіями производства, а при отказѣ обязанъ былъ ее возвратить (Пск. Судн. гр. ст. 51 и 76). Крестьянинъ имѣетъ право иска на своемъ землевладѣльцѣ (ibid. ст. 75, 87).

Но вообще и положеніе свободныхъ крестьянъ (государственныхъ и частновладѣльческихъ) было далеко отъ гражданскаго полноправія и легко могло перейти въ состояніе прикрѣпленныхъ.

Прикрѣпленіе могло быть или временное или всегдашнее. Временное прикрѣпленіе есть *ролейное закупничество* Русск. Правды, которое образуется изъ долгового обязательства смерда землевладѣльцу; при немъ смердъ сохраняетъ права личныя (Русск. Пр. Кар. 73), имущественныя и

---

[1]) Другое значеніе нельзя придать этому выраженію; напр., нельзя толковать его въ смыслѣ подсудности территоріальной (подданства); воеводѣ, посланному княземъ взимать дань, должно быть хорошо извѣстно, что область, куда онъ посланъ, есть территорія его князя. Подсудность же личная (опредѣляемая „правиломъ": половника не судить безъ господаря") могла быть не извѣстна въ данномъ случаѣ.

[2]) В. И. Сергѣевичъ (Р. Юр. Древн. I, 239), допуская буквальное пониманіе ст. 63, утверждаетъ, что владѣлецъ даже тогда, когда самъ отказалъ изорнику, получаетъ половину всего собственнаго имущества изорника; но при этомъ остается необъясненною *четверть*, которую терялъ владѣлецъ (по ст. 42), если отказывалъ крестьянину не въ срокъ. Наименованіе огородниковъ „исполовниками" указываетъ, что изорникъ платилъ не $^1/_2$, а $^1/_4$ урожая, какъ и рыболовъ („четникъ"). Откуда бы могло возникнуть право землевладѣльца на половину *собственнаго* имущества изорника?

право иска на господина (ibid. 70, 72); но за бѣгство и за преступленіе обращается въ холопа (ibid. 70, 75)[1]). Прикрѣпленіе постоянное можетъ образоваться путемъ давности („старые изорники“ Пск. Судн. гр., ст. 75)[2]). Прикрѣпленный не имѣетъ права иска на господина наравнѣ съ холопомъ (Догов. Новгор. съ Казим. ст. 20); онъ подлежитъ суду своего господина: „половника безъ господаря (хозяина) твоимъ (княжескимъ) судіямъ не судити“ (ibid. прим. 19). Такіе прикрѣпленные смерды были многочисленны уже въ древнѣйшіе время: Рус. Правда древнѣйшая уравниваетъ штрафъ за убійство холопа и смерда (Ак. 23, Кар. 13).

Несвободное сельское населеніе состояло изъ поселенныхъ рабовъ—*челяди*. Но институтъ холопства, какъ частный, не принадлежитъ къ предметамъ права государственнаго.

---

[1]) По мнѣнію В. И. Сергѣевича (а за нимъ Н. Дебольскаго), „закупъ есть наемный... работникъ“ (Р. Юрид. Древн. I, 177), а ролейный закупъ не отличается ничѣмъ отъ дворнаго: „и тотъ и другой закупъ есть наемный работникъ, который жилъ во дворѣ нанимателя“ (ibid. 187—188). Но слово „закупъ“ дожило до довольно позднихъ временъ въ западно-русскомъ языкѣ и въ этомъ послѣднемъ имѣетъ весьма точное значеніе: въ 1539 г. „жидъ“ Гродненскій жаловался судьѣ на Понарчица и его жену въ томъ, что они *запродали* зятя своего и жену его въ рублѣ грошей пану Внучку, который продержалъ запроданнаго одинъ годъ и выпустилъ ему „выпусту“ изъ занятаго рубля 20 грошей; а потомъ панъ перевелъ того *закупа* „жиду“ за 70 грошей, у „жида“ онъ служилъ одинъ годъ и получилъ „выпусту“ 26 грошей; затѣмъ ушелъ прочь и остальныхъ 54 гр. не возвратилъ. Судья присудилъ уплатить истцу 54 гр. (см. наше изслѣд.: „Очерки изъ истор. западно-русск. права“, II, 30—31). Это не наемный слуга, ибо здѣсь не срокомъ работы опредѣляется сумма денегъ, а суммою денегъ—срокъ работъ (перезалогъ закупа, воспрещенный Рус. Правдою, здѣсь допускается). Въ самой Рус. Правдѣ закупъ противополагается свободному человѣку: „яко свободному платити, тако и въ закоупѣ“ (Кар. 73, сл. 77).—О ролейномъ закупничествѣ Рус. Правда говоритъ, какъ объ *особомъ видѣ* закупничества. Ролейный закупъ получаетъ отъ господина ссуду (иначе онъ не былъ бы закупомъ), орудія обработки земли (плугъ и борону); онъ долженъ возвратить (или отслужить) хозяину за ссуду и подмогу. Но онъ не дворовый слуга: барщина не превращаетъ крестьянина въ дворового слугу,—Впрочемъ послѣ изслѣдованія пр. М. Н. Ясинскаго („Закупы Русской Пр. и памятниковъ западно-русскаго права“. Кіевъ, 1904 г.) дальнѣйшій споръ о закупахъ уже не имѣемъ никакого научнаго интереса (сл. В. А. Удинцева: „Исторія Займа“).

[2]) Проф. Дьяконовъ согласенъ видѣть въ цитированномъ мѣстѣ Пск. Судн. г-ты вліяніе давности (старожильства) на прикрѣпленіе крестьянъ; но возражаетъ, что это могло явиться не въ силу *одной* давности, а вслѣдствіе усложненія обязательствъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени крестьянина къ владѣльцу. Основанія давности могутъ быть разнообразны; но разъ она установляется, то уже она *одна* опредѣляетъ извѣстныя отношенія. Если по Лит. Статуту человѣкъ, просидѣвшій 10 лѣтъ, становится „непохожимъ“, то со времени этого узаконенія *всякій* (задолжавшій или незадолжавшій пану) становится прикрѣпленнымъ, если просидѣлъ 10 лѣтъ. Н. Н. Дебольскій вовсе отказывается истолковать статью Пс. Суд. Гр., между тѣмъ какъ слово „старый изорникъ“ совершенно ясно указываетъ, о чемъ здѣсь рѣчь идетъ. „Повозъ“ есть древнѣйшая и важнѣйшая повинность, которую въ древности опредѣлялась зависимость покореннаго населенія отъ побѣдителя (см. перв. лѣт. под. 984 г.; см. также Новгор. I лѣт. подъ 1209 г.).

B. Власть.

Общія черты государственнаго устройства всѣхъ Русскихъ земель.

1. **Происхожденіе и первоначальный характеръ государственной власти.** Власть общественная первоначально образуется частнымъ путемъ въ кровныхъ обществахъ. Она сохраняетъ частно-правный характеръ въ теченіе всего перваго періода. Однако, сознаніе объ общественныхъ задачахъ власти проявляется съ первыхъ моментовъ исторіи: „Вся земля наша велика и обильна, а *наряда* въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и *володѣти* нами", говорили послы новгородскіе варяжскимъ князямъ". За властію признаются обязанности: Кіяне послали къ Святославу (въ 968 г.), требуя его возвращенія для защиты отъ печенѣговъ „*отчины* своей"; они же требовали отъ Изяслава въ 1067 г. продолженія борьбы съ половцами. Изъ этихъ примѣровъ видно, что „володѣнье" имѣетъ двоякую цѣль: частный интересъ владѣющихъ и общественный интересъ подданныхъ (оба элемента пока неразличимы въ продолженіе всего перваго періода).

2. **Формы верховной власти** тройственны. Нормальный порядокъ рѣшенія государственныхъ дѣлъ усматривается изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи: въ 987 г. созвалъ Володимеръ бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и, разсказавъ имъ о томъ, что́ говорили ему миссіонеры разныхъ религій о преимуществахъ каждой изъ нихъ, „рече: да что ума придасте? Что отвѣщаете? И рѣша *бояре и старци:...* послав испытай..., како служать Богу. И бысть люба рѣчь *князю* и *всьмъ людямъ*". Въ 1096 г. „Святополкъ и Володимеръ посласта къ Олгови, глаголюща сице: поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ *епископы и предъ игумены, и предъ мужи* отець нашихъ, и предъ *людми градьскыми*". Такимъ образомъ въ составъ власти входятъ: князь, боярская дума и народное собраніе (вѣче).

а) Княжеская власть.

Происхожденіе княжеской власти доисторическое: она является и въ родовыхъ союзахъ (въ народныхъ свадебныхъ обрядахъ княземъ и княгинею называются новобрачные—родоначальники будущаго рода), и въ общинныхъ (у южныхъ славянъ княземъ называется общинный старшина). Въ земляхъ восточныхъ славянъ княжеская власть существовала до прибытія Рюриковичей: „Кій княжаше въ родѣ своемъ", т. е. въ землѣ Полянъ: „По сихъ братьи (Кія и его братьевъ) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое (княженіе), а Дреговичи—свое, а Словѣни—свое въ Новгородѣ, а другое въ Полотѣ". Другіе неоф-

фиціальные титулы власти суть: каганъ, царь, самодержецъ. Князь Даніилъ Галицкій въ XIII в. усвоилъ себѣ титулъ короля.

Составъ княжеской власти—*родовой:* власть принадлежитъ не лицу, а *цѣлому роду:* „Славяне раздѣляются на разные роды (races), изъ которыхъ одинъ владѣлъ всѣми во времена первобытныя...“ (Масуди). „Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревську землю“, говорили Древляне Ольгѣ.

Члены княжескаго рода или *соправительствуютъ безъ раздѣла* власти: примѣромъ изъ миѳическихъ временъ можетъ служить соправительство Кія, Щека и Хорива; а изъ историческихъ Аскольда и Дира. „Азъ есмь роду княжа, и се есть сынъ Рюриковъ“, говоритъ Олегъ въ доказательство своихъ правъ и въ опроверженіе права Аскольда и Дира на княжескую власть. Договоръ съ греками заключаютъ послы: отъ Игоря — Иворъ, отъ сына его Святослава—Вуефастъ, отъ Ольги княгини — Искусеви. Родовое соправительство есть явленіе глубокой древности[1]); впослѣдствіи оно уступаетъ мѣсто другому началу: члены княжескаго рода *дѣлятъ между собою власть территоріально* (Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; Святославъ и его дѣти: Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ). Этотъ послѣдній порядокъ съ конца X в. взялъ рѣшительный перевѣсъ и создалъ т. н. удѣльную систему (раздѣленіе русскихъ земель между дѣтьми Владиміра и потомъ Ярослава); но при распредѣленіи князей по цѣлымъ землямъ единство власти рода княжескаго нарушалось: въ каждой землѣ явился родъ князей-соправителей (см., впрочемъ, ниже: „начала государст. объединенія“).

Изъ принадлежности власти цѣлому роду слѣдуетъ, что *опека* и *регентство* не могли имѣть примѣненія въ тогдашнемъ государственномъ правѣ, пока продолжается родъ (Олегъ и Ольга). *Лица женскаго пола* также участвуютъ въ общей власти рода (Ольга).

Пріобрѣтеніе, передача и потеря княжеской власти. Пріобрѣтеніе кн. власти лицами совершается одновременно по наслѣдованію и по избранію. *Наслѣдованіе* здѣсь нужно понимать не въ точномъ смыслѣ: наслѣдникъ получаетъ власть не съ момента смерти предшествующаго князя; право на нее онъ пріобрѣтаетъ съ момента рожденія, а дѣйствительное участіе въ ней съ момента совершеннолѣтія (Игорь при Олегѣ; Святославъ при Ольгѣ). Смерть предшественника открываетъ для другого князя лишь бо́льшую степень участія во власти.

Оба титула наслѣдованія—*наслѣдованіе по закону и по завѣщанію*—дѣйствуютъ одновременно и въ равной силѣ: „Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, вѣдавъ ему сынъ

---

[1]) Изъ временъ болѣе позднихъ (пол. XII в.) отмѣтимъ соправительство Вячеслава съ племянниками Изяславомъ, а потомъ Ростиславомъ. Въ 1146 г. кіевляне избрали князя Игоря Ольговича и цѣловали крестъ: „оже подъ Игоремъ не льстити и подъ Святославомъ“ (Ипат.), братомъ Игоря. И тотъ и другой—одинаково князья кіевскіе.

свой на руцѣ, Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми". Но впослѣдствіи наслѣдованіе по обычаю (закону) беретъ перевѣсъ надъ волею завѣщателя; завѣщаніе Ярослава (1054 г.) сообразуется съ порядкомъ старшинства его дѣтей: „Се поручаю въ собе мѣсто столъ старѣишему сыну моему и брату вашему Изяславу—Кыевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду—Переяславль". Между тѣмъ Ярославъ любилъ больше другихъ дѣтей своихъ Всеволода и завѣщалъ ему: „Сыну мой... аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего (Кіева) по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемъ..., да ляжеши, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братіи твоее" (Лав. лѣт. подъ 1093). Завѣщаніе, противорѣчащее обычаю, не исполняется: Юрій Долгорукій завѣщалъ Суздальскій столъ младшимъ дѣтямъ, а наслѣдовалъ старшій Андрей.

Обычный *порядокъ наслѣдованія столовъ* слѣдовалъ порядку старшинства членовъ рода: по смерти Владиміра св. (1015 г.), самому любимому его сыну Борису говоритъ дружина: „се дружина у тобе отьня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни; онъ же рече: не буди ми възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто". Въ 1093 г. „Володимеръ (Мономахъ, по смерти отца) нача размышляти: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ прежде отъ отца его былъ". Частое нарушеніе этого порядка въ дѣйствительности не можетъ опровергнуть правомѣрности его [1]).

Избраніе князя народомъ есть или самостоятельный, или *добавочный* способъ передачи власти; а именно: князь избирается *при прекращеніи* или неимѣніи *княжескаго рода:* Новгородцы избираютъ варяжскихъ князей въ 862 г.; они же просятъ себѣ князя у Святослава Кіевскаго въ 970 г., говоря: „если не пойдете къ намъ, то найдемъ князя себѣ". Затѣмъ начало избранія дѣйствуетъ *рядомъ* съ началомъ наслѣдованія: власть новаго князя освящается и укрѣпляется *согласіемъ* народа, что было совершенно необходимо при постоянномъ участіи населенія въ государственныхъ дѣлахъ: въ 1015 г. „Святополкъ сѣде Кыевѣ по отци своемь и съзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье". Обыкновенно начала наслѣдственности и избранія *совпадаютъ* и (до половины XII в.) не вступаютъ въ борьбу между собою. Въ одномъ и томъ же фактѣ преемства одинъ могъ видѣть съ полнымъ правомъ наслѣдованіе, а другой—избраніе: когда въ 1132 г. умеръ Мстиславъ В., сынъ Мономаха, и власть его перешла къ брату его Ярополку, то, по словамъ одной лѣтописи (Ипат.), это произошло потому, что Мстиславъ „оставилъ княженіе брату

---

[1]) Начиная съ поп. XII в., родъ князей Рюриковичей такъ размножился, что правильные счеты кровнаго старшинства сдѣлались невозможными; а потому уже тогда начинается *искусственное* опредѣленіе степеней родства—„возложеніе старѣйшинства", возведеніе кого-либо по договору въ старшіе братья. Подобное явленіе и теперь общеупотребительно въ большихъ сложныхъ семьяхъ русскаго народа.

своему Ярополку" (т. е. завѣщалъ законному наслѣднику); а по словамъ другой лѣтописи, потому, что „людье Кыяне послаша по нь" (Лавр. лѣт.). Совпаденіе началъ наслѣдованія и избранія въ одинаковой мѣрѣ присуще и древне-германскому праву; оно дожило въ московскомъ правѣ до XVII в., а въ польскомъ—до конца XVI.

Съ полов. XII в. такое мирное совпаденіе двухъ началъ преемства нарушается во всѣхъ земляхъ; при борьбѣ ихъ *фактически беретъ перевесъ начало избранія:* въ 1146 г. кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ желаетъ передать власть брату своему Игорю и старается пріобрѣсти согласіе кіевлянъ, но кіевляне приглашаютъ Изяслава Мстиславича, говоря ему: „ты—нашъ князь, поѣзжай; а у Ольговичей (но именно у Ольговичей) не хочемъ быть въ наслѣдствѣ". Въ 1175 г. владимірцы, обижаемые своими князьями, говорятъ. „Мы есмы волная князи пріяли къ собѣ..." (Ипат. лѣт.). Сообразно съ этимъ *случаи избранія* князей становятся во всѣхъ земляхъ Русскихъ весьма частыми: въ Кіевѣ въ 1146 г. (Игоря Ольговича и Изяслава Мстиславича), 1150 (того же Изяслава Мстисл.), 1154 (Ростислава Мстисл.), 1169 (Мстислава Изяславича) и т. д.; въ Галичѣ въ 1202 (кн. Игоровичей), 1208 (Даніила Романовича) и т. д.; въ землѣ Смоленской 1175 (Мстислава Ростиславича); въ землѣ Суздальской 1175 (Ростиславичей), 1176 г. (Михаила и Всеволода Юрьевичей); въ землѣ Полоцкой 1151 (Ростислава Глѣбовича), 1158 г. (Рогволода Борисовича).

Но начало избранія не вытѣсняетъ начала наслѣдственности въ принципѣ нигдѣ, кромѣ Новгорода и Пскова.

Князь избираемъ былъ не только всегда *пожизненно* (въ принципѣ), но и *съ дѣтьми*, т. е. избраніе новаго князя каждый разъ являлось какъ бы избраніемъ новой династіи съ утвержденіемъ на будущее время наслѣдственнаго преемства престола и признавалось какъ бы явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ временною нуждою. „Увѣдавше смерть княжю (Андрея Боголюбскаго), Ростовци, и Суждальци, и Переяславци, и вся дружина отъ мала до велика, и съѣхавшеся къ городу Володимеру и рѣша: се ся уже тако створило, князь нашъ убіенъ, *а дѣтей у него нѣтуть,* сынокъ его малъ въ Новѣгородѣ, а *братья* его въ Руси; по кого хочемъ послати въ своихъ князѣхъ?.. А хочемъ Ростиславичи Мьстислава и Ярополка... А крестьнаго цѣлованья забывше", т. е. и по смерти Андрея Боголюбскаго не вспомнили своей присяги о выборѣ младшихъ сыновей Юрія Долгорукаго—братьевъ Андрея (Ипат. лѣт. подъ 1175 г.).

Кромѣ наслѣдованія и избранія, нѣтъ другихъ правомѣрныхъ способовъ пріобрѣтенія княжеской власти. *Добываніе стола* и *договоръ между князьями* не могутъ быть признаны таковыми. Добываніе (узурпація силою) нуждается въ оправданіи или правомъ наслѣдства, или правомъ избранія. Въ 1154 г. Черниговскій князь Изяславъ Давыдовичъ захватилъ Кіевъ; противъ него шелъ Юрій Долгорукій, и вопросъ о столѣ кіевскомъ долженъ былъ разрѣшиться силою; но Юрій ссылался на свои

права наслѣдства: „Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ“, а Изяславъ послалъ къ нему съ такими словами: „Я не самъ сѣлъ въ Кіевѣ, посадили меня Кіяне“. При вторичномъ захватѣ Кіева тѣмъ же княземъ, его собственный родичъ даетъ ему такой совѣтъ: „Если будешь за Днѣпромъ, то вся твоя *правда* будетъ“. Договоры между князьями утверждаютъ лишь одинъ изъ вышеуказанныхъ титуловъ преемства: „Кождо да держить отчину свою“, рѣшилъ Любечскій съѣздъ князей 1097 г. На съѣздѣ 1196 г. „вси князи выложиша Новгородъ въ свободу: гдѣ имъ любо, тоже собѣ князя поимаютъ“. Если князья договариваются между собою о захватѣ волости третьяго князя безъ всякихъ основаній, то такой договоръ есть лишь одно изъ средствъ незаконной узурпаціи (добыванія): напр., когда двое Ярославичей—Святославъ и Всеволодъ—договорились отнять Кіевъ у старшаго—Изяслава, то, по словамъ лѣтописца, это „въздвиже дьяволъ котору“ [1]).

Символами пріобрѣтенія власти было посаженье князя на столѣ народомъ. Сначала это было представленіемъ новаго князя народу. Въ 1067 г. кіевляне „поставили (Всеслава) посединѣ двора“, гдѣ, вѣроятно, было возвышеніе, родъ трона. Потомъ подобный тронъ устраивался въ „сѣняхъ“—галлереѣ княжескаго дворца. Въ этихъ символахъ выразились оба титула пріобрѣтенія княжеской власти: обыкновенно *люди* сажаютъ князя на *отцовскомъ* столѣ.—Сказаніе о коронованіи Владиміра Мономаха греческимъ епископомъ Неофитомъ, присланнымъ отъ императ. Алексѣя Комнина, и о полученіи изъ Византіи регалій (шапки Мономаха, скипетра, діадемы и креста) сложилось въ началѣ XVI в. и не подтверждается нашими древними лѣтописями.

Потеря княжеской власти. Съ избраніемъ князя народомъ соединяется *смѣщеніе князей,* которое обыкновенно предваряется выборомъ другого князя и имѣетъ видъ насильственнаго переворота (случай 1067 г. въ Кіевѣ при смѣщеніи кн. Изяслава; случай тамъ же 1146 г. при смѣщеніи Игоря Ольговича: случай въ Полоцкѣ 1158 г., когда, желая смѣстить кн. Ростислава, граждане прибѣгаютъ къ заговору и приглашаютъ его на вѣче какъ бы для мирнаго обсужденія дѣлъ; но князя предупредили: „не ѣзди, князь, вѣче на тебя въ городѣ, дружину твою избиваютъ, а тебя хотятъ схватить“). При такихъ способахъ смѣщенія воля народа не всегда приходила къ осуществленію.—Со смѣщеніемъ не соединялось право наказывать князей. Убіеніе Игоря Ольговича въ Кіевѣ есть слѣдствіе бунта, и онъ, какъ убитый невинно, причисленъ къ лику святыхъ. Убіеніе князей Игоревичей въ Галичѣ въ 1208 г. совершено мадьярами, по наущенію мятежныхъ бояръ.

Права княжеской власти. Княжеская власть есть *необходимый элементъ* государственаго устройства всѣхъ древне-русскихъ земель: „Почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша

---

[1]) См. Дополненіе Е.

сами въ себѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“ (первон. лѣт. 862 г.). Въ этихъ словахъ если и не признавать историческаго факта, то слѣдуетъ признать общее воззрѣніе древнихъ временъ, выраженное лѣтописцемъ. Въ 970 г. пришли въ Кіевъ люди Новгородскіе, прося князя себѣ и говоря: „аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ“.—Вообще въ теченіе 400-лѣтняго періода ни одна изъ Русскихъ земель (кромѣ малоизвѣстной по своему устройству—Вятки) не устраняла изъ состава верховной власти княжескаго элемента. Княжеская власть необходима для внутрянняго наряда (управленія и суда), какъ сила, уравновѣшивающая взаимное соперничество составныхъ элементовъ государства какъ кровныхъ, такъ и терриріальныхъ. Мнѣніе о томъ, что князья опирались на младшіе города въ борьбѣ противъ старшихъ, имѣетъ ту справедливую сторону, что только княжеская власть, уравновѣшивала интересы старшихъ и младшихъ городовъ. Такова же роль княжеской власти среди борьбы классовъ и партій: „Всего же паче убогыхъ не забывайте... и вдовыцю оправдите сами, а не давайте сильнымъ погубити человѣка“ (Поучен. Владиміра Моном.) Въ Новгородѣ и Псковѣ смерды находятся въ спеціальной опекѣ князя; въ 1136 г. новгородцы, смѣщая князя Всеволода, въ числѣ обвиненій противъ него на первомъ мѣстѣ поставили, что онъ не заботился о смердахъ.

Княжеская власть необходима для внѣшней защиты государства. Въ 884 г. „иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и возложи на нь дань легъку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити. рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему“. Въ 968 г. кіевляне послали на Дунай къ кн. Святославу, говоря: „едва насъ не взяли Печенѣги...; если не пойдешь и не оборонишь насъ, то опять насъ возьмутъ“. „Въ 1068 г. кіевляне выступили съ своимъ княземъ Всеславомъ на встрѣчу Болеславу Польскому; но признавъ себя беззащитнымъ, Всеславъ ночью тайно отъ кіянъ бѣжалъ; тогда люди возвратились въ Кіевъ и на вѣчѣ рѣшили: „зажегши градъ свой, уйдемъ въ греческую землю“. Вообще неизбѣжность княжеской власти видна изъ слѣд. случая: въ 1140 г. Всеволодъ Кіевскій, желая наказать новгородцевъ, не давалъ имъ князя: „Не ходите въ Новгородъ, говорилъ онъ подручнымъ князьямъ: пусть себѣ сидятъ на своей волѣ безъ князя; гдѣ хотятъ, тамъ пускай себѣ ищутъ князя“. Новгородцы оставались безъ князя десять мѣсяцевъ. „По понятіямъ вѣка, казалось невозможнымъ сидѣть безъ князя; особенно это было неудобно въ то время: тутъ партіи волновали городъ, тамъ продовольствія не пускали... Новгородцы призвали себѣ изъ Суздальской земли Ростислава Юрьевича“ (Костомаровъ: „Сѣверноруссk. народопр.“, т. I, стр. 67). Постоянная борьба всѣхъ земель противъ своихъ князей означаетъ не борьбу противъ княжеской власти, а стремленіе отыскать наилучшаго князя.

Первоначальная неограниченность княжеской власти возникла изъ прежнихъ родовыхъ основаній власти, а потомъ изъ тождества интересовъ и воли княжей и народа, который могъ избрать себѣ наилучшаго князя и смѣстить неудачнаго. Такая патріархальная неограниченность не

государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

имѣетъ ничего общаго съ позднѣйшимъ западно-европейскимъ абсолютизмомъ. Уже тогда люди книжные учили: „яко Богъ даетъ власть, ему же хощетъ, поставляетъ бо царя и князя Вышній... поне то есть глава земли“ (Лавр. лѣт. подъ 1177 г.). Князю вручается вся полнота верховной власти: „Прідите володѣть и княжить нами“, говорили славянскіе послы варяжскимъ князьямъ. Въ частности:

Въ языческую эпоху князю принадлежала *власть религіозная*: „И нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна..., и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла и Мокошь... Володимеръ же посади Добрыню, уя своего, въ Новѣгородѣ; и пришелъ Добрыня Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородстіи аки богу“ (первон. лѣт. подъ 980 г.).—Въ христіанское время князь является покровителемъ церкви, участвуя во всѣхъ главнѣйшихъ дѣйствіяхъ ея; такъ, крещеніе Руси совершено по слѣд. распоряженію князя: „аще не обрящеться кто рѣцѣ (въ рѣкѣ), богатъ ли, убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ“. Вообще о крещеніи Руси при Владимірѣ Иларіонъ говоритъ: „И не бысть ни единаго же противящагося благочестному его повелѣнію: да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крешахуся“. Князь участвуетъ въ рѣшеніи вопросовъ о внѣшней церковной жизни: въ 1164 г. Леонъ, епископъ Суздальскій, началъ учить въ Суздалѣ, что не слѣдуетъ ѣсть мяса въ господскіе праздники, и „бысть тяжа про то велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андреемъ“ (Лавр. лѣт.). Князю принадлежало право участія въ назначеніи лицъ духовныхъ: Владиміръ „помышли создати церьковь Пресв. Богородица... и поручи ю Настасу Корнянину“; Ярославъ „церкви ставляще по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы“; „Постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы“ (лѣт. подъ 1051 г.); „Въ лѣто 6655 Изяславъ (Мстиславичъ, князь Кіевскій) постави митрополита Клима, калугера, русина, особь съ шестью епископы“ („Лавр. лѣт.). Разумѣется, въ такихъ выраженіяхъ надо видѣть лишь сильное *участіе* князя въ дѣйствіяхъ церковныхъ властей (собора).—Князья вліяютъ также на низложеніе церковныхъ сановниковъ: въ 1169 „нечестивый (Ѳедоръ, епископъ Владимірскій) не всхотѣ послушати христолюбиваго князя Андрея (Боголюбскаго), веляща ему ити ставиться къ митрополиту къ Кыеву...; (Князь) изверже его изъ землѣ Ростовьскы... Посла же его Андрѣй митрополиту въ Кыевъ; митрополитъ же Костянтинъ повелѣ ему языкъ урѣзати, яко злодѣю и еретику“ (Лаврент. лѣт.). Въ 1168 г. черниговскій князь Святославъ, не согласный въ ученіи о постѣ съ своимъ епископомъ Антоніемъ, „изверже ѝ изъ епископьи“.—Князья содѣйствуютъ установленію церковныхъ законовъ (церк. уставы Владиміра, Ярослава, Ростислава).

Князю вручается вся государственная власть *управленія и суда*. Въ 1146 г. кіевляне, жалуясь на злоупотребленія княжескихъ чиновниковъ, требуютъ отъ князя не уступки судебной власти въ свою пользу, а наоборотъ, говорятъ: „впредь, если кому изъ насъ будетъ обида, то ты самъ суди“.

Князю принадлежитъ и власть *законодательная* (см. Рус. Пр. надписаніе къ 18 ст. Ак. сп.; ст. 21, 42 Ак., ст. 2 и 76 Кар. сп.).

Князь обладаетъ властію *военною* по преимуществу: „Не было тутъ князя (при борьбѣ Изяслава съ Юріемъ въ 1151 г.), а боярина не всѣ слушаютъ", говоритъ лѣтописецъ.—Кіевскій князь Изяславъ Ярославичъ (1067 г.), не исполнившій требованія народа идти противъ половцевъ, былъ смѣщенъ, какъ не исполнившій главнаго своего призванія.

Изъ этого послѣдняго примѣра видно, что полнота власти сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока князь находится въ согласіи („одиначествѣ") съ народомъ. Первоначальное сліяніе воли князя и воли народа не могло оставаться вездѣ и неизмѣнно; возможны и противорѣчія между ними. Это привело къ необходимости *опредѣлить* точнѣе власть князя, а въ Новгородѣ къ *ограниченію* этой власти.

Средствомъ для того былъ *рядъ* (договоръ) *съ новымъ княземъ*. Первоначально рядъ есть не что иное, какъ сознательная форма посаженья на столъ, и состоялъ лишь изъ *взаимной присяги* народа и князя не дѣлать другъ другу зла, т. е. ничѣмъ въ частности не ограничивалъ власти князя. Въ договорахъ съ княземъ, внушавшимъ менѣе увѣренности, начали присоединять *частныя условія* (напр., касавшіяся перемѣны чиновниковъ предшествовавшаго князя): въ 1146 г. рядъ съ кіевлянами отъ имени Игоря Ольговича заключалъ братъ его Святославъ. Кіевляне начали обвинять тіуна Всеволодова (предшествовавшаго князя) Ратшу и другого тіуна Вышгородскаго—Тудора, и сказали Святославу: „цѣлуй крестъ за своего брата, что, если кому изъ насъ будетъ обида, то пусть онъ самъ судитъ". Святославъ отвѣчалъ: „цѣлую крестъ за брата, что не будетъ вамъ никакого насилія, и тіунъ пусть будетъ выбранъ по вашей волѣ". Тогда Святославъ сошелъ съ коня и цѣловалъ на томъ крестъ къ нимъ на вѣчѣ; а Кіевляне всѣ, сошедши съ коней, цѣловали крестъ и за дѣтей своихъ, чтобы не измѣнять Игорю. Затѣмъ и самъ Игорь принесъ присягу въ томъ, что будетъ соблюдать договоръ Кіевлянъ съ братомъ его (Ипат. лѣт.). Такіе договоры повторялись съ каждымъ княземъ и содержаніе ихъ видоизмѣнялось по лицу и обстоятельствамъ времени. Во второй половинѣ XII в. они *вошли въ общій обычай:* когда въ 1154 г., по смерти кіевскаго князя Вячеслава, наслѣдовалъ ему его племянникъ Ростиславъ, который уже и прежде призванъ былъ самими кіевлянами къ соправительству съ дядею, то Ростиславъ хотѣлъ продолжать начатый военный походъ, но мужи его предостерегли: „ты ся еси еще съ людьми Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле въ Кіевъ, тоже съ людьми утвердися" (Ипат. лѣт.). Въ 1175 г. владимірцы, принявъ кн. Ярополка, весь порядъ (съ нимъ) положили въ церкви Св. Богородицы (Лавр. лѣт.). Въ 1176 г. „Михалко (сынъ Юрія Долгорукаго) ѣха... Ростову и створи людемъ весь нарядъ, утвердивъся крестнымъ цѣлованьемъ съ ними" (Лавр. лѣт.). Изъ единообразнаго повторенія такихъ договоровъ вырабатывалось и *общее ихъ содержаніе, ограничивавшее уже существенно* права княжеской власти (это, впрочемъ, видно лишь изъ новгородскихъ договоровъ, о чемъ см. ниже).

Кромѣ договора, къ ограниченію власти князя повело существованіе рядомъ съ княжескою властью другихъ формъ ея: боярской думы и вѣча.

б) Боярская дума.

Понятіе о ней. Боярскою думою [1]) называется постоянный совѣтъ лучшихъ людей (бояръ) каждой земли, рѣшающій (вмѣстѣ съ княземъ) высшіе земскіе вопросы. Такой совѣтъ могъ быть только въ одномъ старшемъ городѣ земли. Совѣты старѣйшинъ были и въ пригородахъ, но они обладали не политическою, а лишь судебною и административною властью.—*Наименованіе* „боярская дума“ не встрѣчается въ древнихъ памятникахъ и образовано искусственно на основаніи сходныхъ терминовъ („бояре думающіи“).

Совокупность лицъ, составляющихъ совѣтъ, называется нерѣдко въ лѣтописяхъ *дружиною* (по отношенію къ князю): „Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ“ (перв. лѣт. подъ 996 г.); Владиміръ Мономахъ поучаетъ дѣтей каждый день ходить утромъ въ церковь, затѣмъ, „сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати“ (судить). Но подъ дружиною здѣсь разумѣется лишь старшая дружина, т. е. бояре.

Совѣты старѣйшинъ *существуютъ* во всѣхъ русскихъ земляхъ съ древнѣйшихъ временъ (какъ видно будетъ изъ нижеприведенныхъ фактовъ).

Составъ боярской думы. Мнѣніе о неопредѣленности и случайности состава думы не можетъ быть принято: „Особаго званія совѣтниковъ князя (говоритъ В. И. Сергѣевичъ), въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ думы, не было; дума составлялась всякій разъ вновь по особому приглашенію“. Другіе прибавляютъ: „Можно только сказать, что эта дума по такому-то вопросу, по такому-то предложенію князя, потому что можетъ быть въ тотъ же день, по другому вопросу, князь будетъ совѣщаться съ совершенно другими лицами, и будетъ совершенно въ правѣ“ (С. А. Петровскій „О сенатѣ“, стр. 12—15) [2]). Напротивъ, составъ думы былъ очень опредѣленный; именно первоначальный составъ думы (X вѣка)—двойственный; въ нее входятъ:

---

[1]) Терминъ „княжеская дума“, употребляемый нѣкоторыми, не соотвѣтствуетъ предмету: княжеской думой можно назвать совѣтъ князей (на съѣздахъ ихъ).

[2]) Профессоръ Сергѣевичъ посвятилъ особый томъ своего важнаго труда (Рус. Юр. Др. II, в. 2) „совѣтникамъ князя“, именно „княжеской думѣ“, „Московской государевой думѣ“ (и „духовенству“) съ цѣлью доказать, что такихъ учрежденій совсѣмъ не существовало. Почтенный ученый разсуждаетъ такъ: „Существованіе княжеской думы съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи *не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію*. Памятники постоянно говорятъ о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и т. д. Но... была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ б. или м. опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, или это только *актъ думанія*, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ? Въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе; тѣмъ не менѣе справедливо только второе“ (стр. 337)... „Думцевъ изби-

Бояре—высшіе служилые люди. Всякій бояринъ былъ непремѣннымъ членомъ думы, и именно въ этомъ состояло его боярское отличіе; лѣтопись, разсказывая о потеряхъ, понесенныхъ русскими въ войнѣ половецкой, восклицаетъ: „гдѣ *бояре думающіи?* гдѣ мужи храборьствующіи?“ Князь не могъ, взамѣнъ бояръ, пригласить для совѣщанія другихъ лицъ—не бояръ. Хотя подобные факты случались, но современники смотрѣли на нихъ, какъ на отступленія отъ правомѣрнаго порядка: кіевскій князь Всеволодъ Ярославичъ, устарѣвши, „нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ

раетъ самъ князь и, вслѣдствіе этого, составъ ихъ опредѣляется его доброю волею; воля же князя опредѣляется его пониманіемъ окружающаго, которое, въ свою очередь, опредѣляется *вкусами князя*, его *привычками*, способностями и т. д.“ (347). Итакъ: дума княжеская есть „актъ думанія“ того или другого князя съ кѣмъ бы то ни было, съ женою, любимцемъ своимъ, съ цѣлою дружиною, а иногда „со всѣмъ народомъ“ (347); „князь могъ дѣйствовать и помимо воли своихъ вольныхъ слугъ“ (349). Въ рядѣ случаевъ совѣщаній князя съ людьми, къ которымъ онъ именно на этотъ случай обратится (онъ могъ и ни къ кому не обратиться), мы не только не имѣемъ передъ собою учрежденія даже съ наименѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціею, но и ничего правового-

Однако, тотъ же авторъ говоритъ намъ и слѣдующее: „Княжескіе мужи и бояре составляютъ высшій классъ служилыхъ людей, переднюю дружину князя. *Эти* лучшіе служилые *люди и суть обыкновенные думцы князя.* Понятно почему. Давать совѣты могутъ только опытные въ дѣлахъ люди, а такими были „старшіе“ или „передніе мужи“. Согласно этому *нормальному порядку* вещей, сложилось и *общественное мнѣніе* относительно того, кто *долженъ быть* совѣтникомъ князя. Это должны быть пожилые, опытные люди, старые и вѣрные слуги князя“ (стр. 345—346). Такимъ образомъ, составъ думы оказывается опредѣленнымъ.

Мы предпочитаемъ это послѣднее мнѣніе, какъ вполнѣ согласное съ источниками; оно притомъ необходимо получается при примѣненіи того общепринятаго методологическаго пріема (который рекомендованъ, между прочимъ, и проф. Сергѣевичемъ; см. въ его „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ“ отдѣлъ объ обычномъ правѣ). Учрежденій, снабженныхъ регламентами, какъ извѣстно, не было въ древности; тогдашнія „учрежденія“ установляются обычнымъ правомъ. При распознованіи же обычнаго права общепринято считать таковымъ рядъ однообразныхъ явленій, повторяющихся болѣе или менѣе продолжительное время, а затѣмъ признанныхъ современниками, какъ *нормальный порядокъ, долженствующій быть.*

Обращаясь къ думѣ,видимъ, что „памятники *постоянно говорятъ* о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами“, что этотъ порядокъ признанъ „нормальнымъ“ со стороны общественнаго мнѣнія и считался обязательнымъ („долженъ быть“). Получаемъ выводъ несомнѣнно правильный: дума есть учрежденіе въ смыслѣ обычнаго права, съ компетенціею и составомъ не вполнѣ опредѣленными (какъ и всѣ древнія учрежденія).

Примѣнимъ этотъ методъ къ другимъ учрежденіямъ древности, а именно—къ вѣчу: рядъ случаевъ народныхъ собраній, занесенныхъ въ лѣтописи, давно обобщенъ, и получилась идея учрежденія (никѣмъ не регламентированнаго). Однако, обязанъ ли былъ князь совѣщаться съ народомъ? Конечно, нѣтъ. Проф. Сергѣевичъ говоритъ, что князь могъ совѣщаться съ боярами, цѣлою дружиною, иногда „со всѣмъ народомъ“; очевидно, вѣче въ этомъ отношеніи совершенно уравнивается думѣ. Это и правильно. Обязанъ ли князь слушаться рѣшеній вѣча? Опять нѣтъ: въ 1147 г. кіевское вѣче отказало князю воевать съ Юріемъ, а князь пошелъ войною и набралъ изъ того же народа много добровольцевъ. Имѣло ли вѣче опредѣленный составъ? Также нѣтъ. Это—„людіе безъ всякихъ ограни-

творя съ ними... и людемъ не доходити княжее правды, начаша тіуни грабити" (Лавр. лѣт. подъ 1093). Такіе случаи составляютъ лишь ничтожное исключеніе.

Старцы, или *старѣйшины,* составляютъ вторую половину древнѣйшей думы. Это земскіе бояре. До прибытія варяжскихъ дружинъ изъ нихъ однихъ составлялся совѣтъ старѣйшинъ, какъ можно видѣть изъ разсказа лѣтописи о землѣ Древлянской при Ольгѣ, гдѣ старѣйшинами града названы лучшіе люди, управлявшіе всею землею, и изъ разсказа о думѣ въ пригородѣ Кіевской земли—Бѣлгородѣ—при Владимірѣ Св., гдѣ совѣтъ состоитъ изъ „старѣйшинъ градьскихъ". Впослѣдствіи они участвуютъ въ думѣ вмѣстѣ съ боярами—дружинниками. Въ Кіевѣ при Владимірѣ, когда онъ (983) праздновалъ удачный походъ на ятвяговъ жертвами богамъ, „рѣша старци и боляре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицю: на него же падетъ, того зарѣжемъ богомъ". По поводу вопроса о принятіи новой вѣры Владиміръ „созва боляры своя и старци градьскіѣ... И рѣша бояре и старци: вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить"... Послѣ испытанія вѣръ на мѣстѣ: „созва князь боляры своя и старци, рече Володимеръ (посланцамъ): скажите предъ дружиною". Когда Владиміръ, по совѣту епископовъ, отвергъ виры и сталъ казнить разбойниковъ, то „рѣша епископи и старци: рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди".—

ченій" (Рус. Юр. Древн. т. II, вып. 1, 52). По крайней мѣрѣ были ли это „людіе" одного какого-либо города? Нѣтъ, всякіе: и горожане и пригорожане; послѣдніе и въ старшемъ городѣ и у себя дома. Собиралось ли вѣче въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ? Отнюдь нѣтъ (см. ibid. 55—60). Требовалось ли какое-либо число (минимумъ) собравшихся для законности вѣча? Нѣтъ; „оно считалось состоявшимся при всякомъ наличномъ числѣ, достаточно многочисленномъ" (ib. 60). Соблюдался ли какой-нибудь порядокъ при совѣщаніяхъ? Нѣтъ; „вѣчевыя думы должны были представлять иногда весьма шумныя и безпорядочныя сборища" (ib. 62); предсѣдателя у нихъ нѣтъ.—Была ли какая-нибудь опредѣленная компетенція у вѣча? „Народъ можетъ привлечь къ своему усмотрѣнію всевозможные вопросы общественной жизни" (ibid. 73). Всякая попытка различить законныя вѣча отъ противозаконныхъ сборищъ осуждается (ibid. 97 и сл.).

Ниже мы увидимъ, что такая яркая картина безформенности и безпорядочности вѣча не вполнѣ согласна съ дѣйствительностію, но все же вѣче (какъ и дума) въ значительной степени было безформенно. Между тѣмъ вѣче признано (и честь этого признанія принадлежитъ, между прочимъ, проф. Сергѣевичу) государственною *властью,* конкурирующею съ княземъ, а иногда (въ В. Новгородѣ и Псковѣ) превышающею власть княжескую.

За что же столько снисходительности къ одному учрежденію и такая строгость къ другому—подобному? „Думцевъ избираетъ самъ князь"; но и въ сенатъ, и въ госуд. совѣтъ, и въ палату лордовъ членовъ назначаютъ государи.

По древне-германскому праву de minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes. Старѣйшины (principes, majores natu, seniores) у поморянъ и другихъ западныхъ славянъ составляли древнѣйшій совѣтъ, служащій первымъ объединительнымъ учрежденіемъ отдѣльныхъ общинъ въ одну землю. Такимъ образомъ, совѣтъ старѣйшинъ имѣетъ громадное значеніе въ исторіи *образованія государствъ,*—значеніе болѣе важное, чѣмъ послѣдующая его роль при княжеской (или королевской) власти, хотя и позднѣйшее значеніе его въ государственномъ устройствѣ классическихъ и ново-европейскихъ народовъ немаловажно (γερουσία, senatus, витенагемотъ).

При Владимірѣ приглашаемы были въ совѣтъ иногда и старѣйшины другихъ городовъ (пригородовъ): „съзываше боляры своя, и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ“ (для пировъ и, разумѣется, для совѣта). Впослѣдствіи такое участіе пригородныхъ старѣйшинъ замѣнено призывомъ въ думу мѣстныхъ правителей (тысяцкихъ): Владиміръ Мономахъ для установленіи новыхъ законовъ о процентахъ созвалъ дружину свою на Берестово: Ратибора, тысяцкаго кіевскаго, Прокопія, тысяцкаго бѣлогородскаго Станислава, тысяцкаго переяславскаго, и т. д.

Въ XI в., по сліяніи служилыхъ бояръ съ земскими, въ составѣ думы находятся только бояре (въ Новгородѣ—исключительно земскіе) [1]).

Кромѣ этого постояннаго состава думы, въ ней участвовали (не всегда) высшіе духовные сановники: *епископы и игумены* (главнѣйшихъ монастырей): епископы совѣтуютъ Владиміру Св. казнить разбойниковъ; они же вмѣстѣ съ боярами даютъ потомъ противоположный совѣтъ. Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ приглашали Олега Черниговскаго въ Кіевъ порядъ положить о Русской землѣ между прочимъ предъ епископами и предъ игуменами. Въ 1159 г., когда умеръ кіевскій митрополитъ въ Черниговѣ, то „Святославъ князь, здумавъ съ мужи своими и съ епископомъ“, рѣшилъ нарушить его завѣщаніе. Особенно важное значеніе въ совѣтѣ кіевскаго князя занималъ митрополитъ (по тому вліянію, какое онъ могъ проявить на другія русскія земли); напримѣръ, въ 1157 г. „началъ молвить митрополитъ и игумены всѣ (ходатайствуя за Берладника) Юрію, говоря: „грѣхъ тебѣ, цѣловавши къ нему крестъ, держать въ такой нуждѣ...; онъ послушалъ ихъ, пустилъ“ (Ипат. лѣт.).

При общемъ рѣшеніи какого-либо вопроса князьями двухъ или нѣсколькихъ земель происходили *соединенныя засѣданія* и совѣтовъ ихъ: „Въ лѣто 6611 Богъ вложилъ въ сердце князьямъ русскимъ мысль благую, Святополку и Володимеру, и сошлись думать на Долобьскѣ; и сѣлъ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею въ одномъ шатрѣ. И начали думать“. Впрочемъ, на съѣзды князья обыкновенно брали съ собою лишь немногихъ (иногда по одному) совѣтниковъ.

---

[1]) Хотя въ Новгородѣ даже во второй половинѣ XII в. сохранились дружинные термины въ наименованіи боярства (въ 1166 г. кн. Ростиславъ, прибывъ изъ Кіева, позвалъ на совѣтъ—„порядъ“—въ Луки новгородцевъ: огнищанъ, гридь и купцевъ вящихъ), но надо полагать, что тамъ уже съ древнѣйшихъ временъ дружинный элементъ имѣлъ весьма ничтожное значеніе въ мѣстномъ боярствѣ. Въ 1118 году „приведе Володимиръ (Мономахъ) съ Мстиславомъ (сыномъ его—княземъ Новгородскимъ) *всѣ бояры Новгородьскыя* Кыеву и заведя я къ честьному хресту и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на сочкаго на Ставра,—и затоци я вся“ (Новгор. 1 лѣт.). Изъ этого факта слѣдуетъ: 1) что *всѣ* бояре новгородскіе были не дружинники князи, а люди земскіе, 2) что, по мнѣнію Мономаха, они (а не вѣче) составляли дѣйствительную силу В. Новгорода (онъ ихъ приводитъ къ присягѣ, изъ нихъ избираетъ заложниковъ и ихъ караетъ за самоуправныя дѣйствія новгородскаго вѣча). Въ приведенномъ сейчасъ фактѣ 1166 г. кн. Ростиславъ вызываетъ на совѣтъ въ Луки всѣхъ бояръ (огнищанъ и гридь) и нѣкоторыхъ лучшихъ купцовъ (послѣднихъ, какъ депутатовъ вѣча).

Съ высшимъ земскимъ совѣтомъ нельзя смѣшивать фактовъ совѣщаній князя временныхъ и случайныхъ, напр., военныхъ совѣтовъ во время похода не только со своими военачальниками, но и съ союзниками и даже варварами.

Число имѣющихъ право участвовать въ думѣ равняется числу бояръ извѣстной земли; *число же* обыкновеннаго состава думы равняется числу бояръ, находящихся въ данную минуту въ мѣстѣ совѣщанія и нарочно вызванныхъ изъ пригородовъ. Число это вообще не можетъ быть значительно: при отмѣнѣ мести кн. Ярославичами было 3 боярина (Кар. 2); при изданіи нѣкоторыхъ законовъ Русской Правды Ярославичами участвовали 5 совѣтниковъ (см. Ак. сп. Р. Пр. ст. 18); при дополненіи ея Владиміромъ Мономахомъ—6 (см. Р. Пр. Кар. 66). Съ теченіемъ времени во многихъ земляхъ число думцевъ возрастало (въ В. Новгородѣ дошло до 300—приблизительно) [1]).

---

[1]) Число бояръ, участвующихъ въ совѣщаніи, въ памятникахъ обыкновенно не отмѣчается; числа, обозначенныя въ Рус. Правдѣ, отнюдь не могутъ дать точныхъ указаній; при съѣздѣ трехъ князей Ярославичей въ одномъ случаѣ было 5 совѣтниковъ, въ другомъ—три; по этому поводу проф. Сергѣевичъ говоритъ: „на каждаго князя приходится въ первомъ случаѣ $1^2/_3$, во второмъ по одному совѣтнику“ (465). Если бы дѣло обстояло всегда такъ, то мы получили бы невѣроятную картину нижеприведеннаго случая засѣданія думы во Владимірѣ Волынскомъ: „сидяху около его (князя) дружина“, т. е. князя окружалъ одинъ или полтора человѣка. Князья съѣзжались на съѣздъ изъ своихъ довольно отдаленныхъ городовъ; было бы удивительно, если бы они влекли за собою всю толпу своихъ бояръ. Достойно вниманія, что они и въ этомъ случаѣ не обходятся безъ совѣтниковъ-бояръ и везутъ съ собою хотя по одному, и что эти бояре именуются наравнѣ съ князьями, какъ законодатели.—Бояръ въ каждой землѣ было немало, ибо боярами признавались (со времени слитія дружины съ земствомъ) высшіе слуги—землевладѣльцы, число которыхъ въ каждой землѣ могло быть значительно (хотя и не „весьма“, частное землевладѣніе едва начало развиваться въ XI и XII вв.). Въ землѣ Галицкой кн. Игоревичи при одномъ случаѣ избили 500 бояръ; сверхъ того, осталось ихъ немало и послѣ такого избіенія (см. ниже). Но всѣ эти сотни именуются боярами. Никто не возьмется утверждать, что всѣ они когда-либо могли собраться въ одно засѣданіе, хотя собранія ихъ въ большихъ массахъ несомнѣнны; въ той же Галиціи въ 1226 г. всѣ бояре, напуганные ложнымъ слухомъ о новомъ предполагаемомъ избіеніи ихъ, всей толпой удалились въ горы, откуда и вели переговоры съ княземъ (припомнимъ примѣръ и Новгородскаго сената). Но можетъ быть эти массы только бояре-землевладѣльцы, а отнюдь не „бояре думающіи“? Изъ исторіи борьбы галицкихъ бояръ со своими князьями видно, что ожесточенная вражда ведется изъ-за нарушенія правъ боярства („насилья“). Какихъ же? землевладѣльческихъ? Нѣтъ, основная причина борьбы опредѣленно указана лѣтописью: „князь Владиміръ *„думы не любилъ* съ мужами своими“,—вотъ почему „мужи Галицькіи недобро живутъ къ княземъ своимъ“, inde irae. Само собою разумѣется, что при ежедневномъ фактическомъ думаніи можетъ участвовать незначительное меньшинсто ихъ. Многіе живутъ въ своихъ „селахъ боярскихъ“, другіе идутъ въ военные походы и въ посольства; большая масса ихъ разсѣяна по пригородамъ для кормленія и управленія („а дружина ти по городамъ далече“). Полагаемъ, что во всѣхъ, этихъ случаяхъ никто не „обходилъ правъ“ бояръ. Права думцевъ оставались за ними подобно тому, какъ право каждаго „свободнаго жителя волости“ участвовать на вѣчѣ старшаго города оставалось за нимъ (см. Рус. Юр. Др. II, вып. 1, 36), хотя $^9/_{10}$ такихъ жителей б. м. не имѣли случая во всю жизнь свою присутствовать на такомъ вѣчѣ.

Засѣданія совѣта происходили постоянно (каждодневно), какъ видно изъ поученія Мономаха. Въ житіи Ѳеодосія разсказывается, что, возвращаясь отъ князя изъ загороднаго дворца его въ Кіевъ раннимъ утромъ, онъ встрѣчалъ по пути бояръ, которые спѣшили изъ Кіева къ князю на совѣтъ. Тамъ же разсказывается, что, когда, князь намѣревался посѣтить Ѳеодосія, то „распускалъ всѣхъ бояръ въ домы ихъ"... Самою собою разумѣется, что рѣшенія высшихъ земскимъ дѣлъ совершались не каждодневно, а по мѣрѣ возникновенія ихъ.—Обыкновенныя засѣданія происходили во дворцѣ князя; лѣтописецъ разсказываетъ объ одномъ засѣданіи думы во Владимірѣ Волынскомъ такъ: „въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сидяху около его дружина, и посадивъ мя, рече ми..." (Лавр, лѣт. подъ 1097).

Права боярской думы. Боярская дума составляетъ *необходимый* элементъ власти въ каждой землѣ. По *отношенію ея къ князю* существуетъ мнѣніе о боярской думѣ, какъ личномъ совѣтѣ князя, который можетъ обратиться къ нему или нѣтъ по произволу; но факты указываютъ на *обязательность* для князя совѣщаній съ боярами,—обязательность, утвердившуюся обычаемъ (который тогда замѣнялъ законъ): въ 1170 г. двое бояръ, отошедшихъ отъ кіевскаго князя Мстислава къ князю Давиду, оклеветали перваго передъ послѣднимъ, яко бы онъ намѣренъ лишить князей Давида и Рюрика свободы, зазвавъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Давидъ и Рюрикъ, получивъ дѣйствительно такое приглашеніе, потребовали отъ Мстислава клятвы въ томъ, что онъ не сдѣлаетъ имъ зла. Оскорбленный такимъ подозрѣніемъ, кіевскій князь отдалъ дѣло на разсмотрѣніе своей думы: „яви дружинѣ своей... И рѣша ему дружина его: княже, не лѣпь (неосновательно) ти велита брата крестъ цѣловати; цѣ да будуть зліи человѣци, завидячи твоей любви, юже къ братьѣ имѣеши, вложили будутъ зло слово... А ты всяко правъ предъ Богомъ и предъ человѣкы: *тобѣ безъ насъ того нельзѣ было замыслити, ни сотворити,* а мы всѣ вѣдаемъ твою истиньную любовь къ всей братьѣ" (Ип. лѣт.).—Въ 1169 г. кн. Владиміръ Мстиславичъ задумалъ нарушить клятву къ кіевскому князю Мстиславу и сообщилъ о томъ двумъ боярамъ. „И рекоша къ нему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ; мы того не вѣдали. Володиміръ же рече, възрѣвъ на дѣцскы (младшихъ дворянъ): а се будутъ мои бояре". Рѣшившись осуществить свою мысль вопреки совѣту бояръ, онъ отправился за помощью къ Берендѣямъ; но тѣ „узрѣша и̑ единаго ѣздяща и рѣша ему...: се ѣздиши одинъ и *безъ мужій своихъ,* а насъ прельстивъ... И начаша въ нь пущати стрѣлы" (ibid).—Вообще тѣсная связь боярской думы съ княземъ сохранялась лишь до тѣхъ поръ, пока дума состояла главнымъ образомъ изъ дружинниковъ (дворянъ) князя, переѣзжавшихъ съ нимъ изъ одной земли въ другую. Съ усиленіемъ въ думѣ земскаго элемента, совѣтъ бояръ получаетъ все большую самостоятельность и становится *ближе къ вѣчу,* чѣмъ къ князю. Въ 1177 году Всеволодъ, кн. владимірскій, во время борьбы съ Мстиславомъ Ростовскимъ, послалъ къ нему предложеніе о мирѣ, на что, повидимому, и скло-

нялся Мстиславъ; но ростовцы *и бояре* сказали ему: „аще и ты миръ даси ему, но мы ему не дамы“ (Лавр. лѣт.) [1]). Въ Кіевѣ въ 1146 г. Глѣбъ, Лазарь и др. бояре, назначенные княземъ Игоремъ на должности тысяцкаго и воеводъ, тотчасъ перешли на сторону народа и пригласили другого князя. Земскій элементъ думы съ самаго начала стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ вѣчемъ (и первоначально замѣняетъ вѣче, какъ увидимъ ниже).— Но возможны также и противорѣчія воли думы и воли вѣча: въ 1067 г. кіевское вѣче требовало войны съ половцами, возстало за то на князя Изяслава и, явившись къ дворцу, стало препираться съ княземъ, который сидѣлъ „на сѣнехъ съ дружиною своею“, раздѣлявшею взгляды Изяслава. Въ Суздальской землѣ при Юріи и Андреѣ произошло раздвоеніе власти боярской думы и вѣча: первая осталась въ старшемъ городѣ—Ростовѣ, второе перешло во Владиміръ.

Права думы уясняются *фактами участія думы въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ*. А именно:

Дума участвуетъ въ рѣшеніи *религіозныхъ* вопросовъ (ею при Владимірѣ рѣшено введеніе человѣческихъ жертвъ, вопросъ о посылкѣ для изслѣдованія вѣръ, вопросъ о принятіи христіанства греческаго исповѣданія,—народъ говорилъ: „аще бы ее не добро было, не бы сего князь *и бояре* пріяли“). Она участвуетъ въ рѣшеніи *законодательныхъ* вопросовъ (см. Рус. Пр. Ак. 18 и Кар. 2 и 66); Владиміръ Св. разсуждалъ съ дружиною о „строѣ и уставѣ земленѣмъ“; возстановленіе виръ и отмѣна казни при Владимірѣ совершены по совѣту бояръ; уставная грамота Всеволода о церковныхъ судахъ дана имъ по совѣту съ владыкою и со „своею княгинею и съ своими бояры и съ десятью сочкыми и съ старостами“. Дума участвуетъ въ рѣшеніи вопросовъ *внутренняго государственнаго устройства*: „порядъ положимъ о Русьтѣй землѣ предъ мужи отецъ нашихъ“, говорилъ Владиміръ Моном. Олегу; бояре участвуютъ въ рѣшеніи вопроса о распредѣленіи столовъ между князьями: въ 1100 г. на Увѣтичскомъ съѣздѣ при рѣшеніи вопроса о Давидѣ Игоревичѣ, „ста Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею, розно, кромѣ собѣ“. Боярской думѣ принадлежитъ (вмѣстѣ съ вѣчемъ) право *приглашать князя и рядиться съ нимъ*: въ 1169 году князь Мстиславъ Изяславичъ взялъ „рядъ съ братьею, и дружиною и съ Кіяны“; въ 1164 г., по смерти черниговскаго князя Святослава, вдова его хотѣла передать черниговскій столъ сыну своему Олегу, „сгадавши съ пискупомъ и съ мужи князя своего съ передними и цѣловаша Св. Спаса на томъ; первое цѣлова пискупъ Антонъ Св. Спаса, и потомъ дружина цѣловаша“ (Ип. Лѣт.); въ 1177 г. владимірскій князь Всеволодъ говорилъ своему сопернику Ростовскому князю: „брате! оже тя привели старѣйшая дружина, а поѣди Ростову...; тобе Ростовци привели и боляре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ

---

[1]) Фактъ приводится, не какъ „случай совѣщанія съ боярской дружиной“ (см. Рус. Юр. Др. II, 2 стр. 464, прим.), а какъ доказательство связи думы съ вѣчемъ.

и Володимерци" (Лавр. лѣт.). Дума по преимуществу участвуетъ въ рѣшеніи вопросовъ *внѣшней политики*, войны и мира: договоры заключаются отъ имени князя и его „свѣтлыхъ бояръ"; „великій князь Игорь, и боляре его и людье вси Русьтіи послаша къ великимъ царемъ Гречьскимъ", при заключеніи мира съ греками въ 945 году; Владиміръ Св. разсуждалъ съ дружиною между прочимъ „о ратѣхъ"; въ вышеприведенномъ разсказѣ о Долобскомъ съѣздѣ князей 1103 г. вопросъ о походѣ на половцевъ обсуждается думою; въ 1093 г. Святополкъ, князь кіевскій, нарушилъ миръ съ половцами безъ совѣта съ кіевскою думою; когда послѣдствія оказались очень печальными для него, то онъ обратился къ совѣту думы, въ которой голоса раздѣлились, но разумная часть думы одержала верхъ, и „Святополкъ, послушавъ ихъ", послалъ за помощію къ Владиміру Мономаху (Лавр. лѣт.). Думѣ (иногда вмѣстѣ съ вѣчемъ) предоставляется *высшій судъ* надъ князьями и членами ихъ семействъ; судъ надъ Рогнѣдою, женою Владиміра Св., за покушеніе на убійство мужа, произведенъ такъ: Владиміръ „созвалъ бояръ и повѣдалъ имъ; они же сказали: не лишай ея жизни ради дитяти сего, но возстанови отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ" (Лавр. лѣт. подъ 1128 г.). Въ 1097 г. кіевскій князь Святополкъ, схвативши Василька, „созва бояръ и Кыянъ и повѣда имъ" мнимую вину Василька.

в. Вѣче.

Понятіе о вѣчѣ. Вѣче, какъ органъ государственной власти, есть собраніе полноправныхъ гражданъ старшаго города земли. *Терминъ* „вѣче" въ памятникахъ примѣняется не къ этому одному предмету; иногда онъ имѣетъ значеніе всякаго сборища или толпы, иногда тайнаго совѣщанія-заговора (въ 1169 году въ Новгородѣ „начаша вѣче дѣяти въ тайнѣ, по дворамъ на князя своего на Святослава на Ростиславича" (Ипат. лѣт.). Мы должны принимать терминъ „вѣче" въ его тѣсномъ историко-юридическомъ смыслѣ [1]).

---

[1]) Термины древняго языка весьма растяжимы по смыслу ихъ: такъ, титулъ „князь въ польскомъ языкѣ прилагается къ епископамъ: отсюда не слѣдуетъ, что епископъ есть носитель княжеской власти: слово вѣче (viece) въ томъ же языкѣ означаетъ судебное собраніе и самый судъ; отсюда нельзя заключать, что древнее вѣче вообще ограничиваются судебною функціею; въ западно-русскомъ языкѣ XVI в. словомъ „вѣче" именуется копа, т. е. сходка нѣсколькихъ сосѣднихъ сельскихъ общинъ для производства слѣдствія и суда. Въ древне-русскомъ языкѣ вѣчемъ (отъ слова „вѣщать") называется всякая сходка явная и тайная, на площади и по дворамъ, въ пригородахъ и старшемъ городѣ; нѣтъ сомнѣнія, что и волостныя сходки (сельскія) именовались такъ же (судя по приведенному сейчасъ наименованію вѣчемъ копы). О какомъ именно изъ этихъ предметовъ говоритъ (и должна говорить) исторія права? Разумѣется, въ исторіи процесса она должна упомянуть о вѣчѣ, какъ судебномъ собраніи, въ исторіи управленія не можетъ обойти пригороднаго вѣча; едва ли ей нужно имѣть дѣло съ вѣчемъ въ смыслѣ сходбищъ народа, которыя могли не имѣть никакого отношенія къ дѣламъ обществен-

Происхожденіе и первая эпоха въ исторіи развитія народныхъ собраній. Вѣче такого же доисторическаго происхожденія, какъ и княжеская власть и власть боярской думы. Прокопій (писатель 6-го вѣка) разсказываетъ о славянахъ, что при одномъ выгодномъ для нихъ оборотѣ дѣлъ они сошлись почти всѣ для обсужденія, „ибо эти народы, Славяне и Анты, не имѣютъ единодержавія, но съ древнѣйшихъ временъ живутъ въ народоправствѣ; счастливые или несчастные случаи созываютъ ихъ въ общее собраніе". Маврикій сообщаетъ, что въ ихъ собраніяхъ царствуютъ несогласія: „cum omnes contrarie inter se sint animati neuterque alteri velit obsequi". По нашимъ извѣстіямъ о восточныхъ славянахъ, каждое отдѣльное племя рѣшало свои дѣла: „Съдумавше Поляне, и вдаша (Козарамъ) отъ дыма мечь".—Но въ этой первоначальной формѣ народное собраніе есть *племенная сходка* и не соотвѣтствуетъ выставленному выше понятію о вѣчѣ. Чисто-племенныя собранія могутъ держаться лишь при кочевомъ бытѣ или крайне слабой осѣдлости. Попытки общеплеменныхъ собраній были и у осѣдлыхъ народовъ, напр., поморянъ, но при расширеніи территоріи удержаться не могли и уступили мѣсто собраніямъ старѣйшинъ изъ всѣхъ общинъ.

Вторая эпоха въ развитіи народныхъ собраній относится къ временамъ историческимъ (IX—X в.), когда вѣче находится въ *переходѣ отъ племенного собранія къ городскому*; тогда для рѣшенія дѣлъ сходятся

нымъ. Когда же наука исторіи права касается вѣча, какъ формы *верховной власти*, конкурирующей съ княжескою властію и простирающейся на все государство, то она должна точно обозначить, примѣняется ли это понятіе къ пригородному, волостному, или судебному вѣчу. Если пригородное вѣче совершенно равняется вѣчу старшаго города, то значитъ, пригороды суть государства, а равно и волости, и даже каждое село, гдѣ (предположительно) также были сходки. Надо не упускать изъ виду тѣснаго *историко-юридическаго* значенія предмета, каковымъ естественно окажется лишь вѣче старшаго города, что и утверждается огромнымъ числомъ фактическихъ указаній лѣтописей и принципіальными выраженіями современниковъ (см. ниже). Приведеннымъ опредѣленіемъ вѣча между прочимъ устраняется отъ понятія вѣча тайное совѣщаніе отдѣльныхъ группъ гражданъ по домамъ. Разумѣется, правительственная власть можетъ совершать свои дѣйствія въ тайнѣ; даже бывали особыя учрежденія въ родѣ Венеціанскаго совѣта 10 и русскаго верховнаго тайнаго совѣта; но если рѣчь зашла *о всенародномъ собраніи* (каковымъ и было вѣче), то весь народъ отъ народа утаиться не можетъ; учрежденія, дѣлающія дѣла въ тайнѣ, состоятъ изъ единицъ и много—десятковъ лицъ. Тѣ случаи, когда кучки гражданъ собираются по домамъ, обозначаютъ не тотъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, хотя бы лѣтопись и назвала ихъ вѣченъ. Говорятъ, что здѣсь разумѣется тайна отъ князя, но цѣлое народное ссбраніе не могло быть тайною ни для кого; утаиться могли немногочисленныя группы, собиравшіяся отдѣльно по домамъ; но это не народныя собранія.

Этими замѣчаніями о словѣ „вѣче" отнюдь не предрѣшается вопросъ о различіи законныхъ и незаконныхъ народныхъ собраній. Мы полагаемъ, что наши лѣтописные факты не даютъ намъ основаній устанавливать такое различіе (хотя бы въ идеѣ оно и было мыслимо, даже при такой враждѣ къ формальности, какую обнаруживаетъ древняя Русь). Къ мнѣнію Неволина мы никогда не примыкали (см. ниже о срокахъ созыва). См. дополн. 3.

въ старшій городъ лучшіе люди всей земли и обсуждаютъ земскіе вопросы въ присутствіи гражданъ этого города (поголовное собраніе всѣхъ взрослыхъ жителей земли, очевидно, уже невозможно). Владиміръ созывалъ въ Кіевъ „боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многы“ (для пировъ и, разумѣется, для совѣщаній). Такая обще-земская дума, совмѣщающая въ себѣ два будущихъ учрежденія—боярскую думу и вѣче, носитъ еще племенное названіе: „Древляне, сдумаше со княземъ своимъ Маломъ“, рѣшили убить Игоря; потомъ „рѣша Древляне поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ“. Активная роль въ такихъ собраніяхъ принадлежитъ лишь боярамъ и старѣйшинамъ: „люди“, т. е. простые граждане старшаго города, и тѣ пригорожане, которые были въ данномъ случаѣ въ старшемъ городѣ, присутствуютъ при совѣщаніяхъ, одобряютъ и исполняютъ рѣшенія; въ 983 г. въ Кіевѣ рѣшили принести человѣческую жертву богамъ *старцы и бояре*, но когда варягъ-отецъ, на сына котораго выпалъ жребій, отказался выдать сына, то посланцы повѣдали о томъ „*людямъ*“, которые во многочисленной толпѣ произвели потомъ дикую расправу надъ варягомъ-христіаниномъ. Въ 987 г. Владиміръ передалъ вопросъ о выборѣ новой вѣры *старцамъ и боярамъ*, которые и рѣшили послать для личнаго ознакомленія съ различными религіями въ сосѣднія страны: „и бысть люба рѣчь (ихъ) князю и всѣмъ *людемъ*“, которые, очевидно, присутствуютъ на совѣщаніи. Полное сліяніе вѣча съ думою старѣйшинъ представляетъ примѣръ бѣлгородскаго вѣча при осадѣ печенѣговъ въ 997 г.: въ городѣ, томимомъ отъ голода, „створиша вѣче“ (это первый случай употребленія такого термина въ лѣтописяхъ) и рѣшили сдаться печенѣгамъ; но одинъ *старецъ* не былъ на вѣчѣ томъ и спрашивалъ: „что ради вѣче было? И людье повѣдаша ему, яко утро хотятъ ся *людье* передати Печенѣгамъ. Се слышавъ, посла по *старѣйшины градьскыя*“; изъ этихъ послѣднихъ составилось новое вѣче, которое рѣшило отложить сдачу города и употребить хитрость. Такъ какъ вѣчевая власть не во всѣхъ земляхъ развилась одновременно, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вѣче и въ XII в. имѣетъ племенной характеръ: въ 1146 году Давидовичи черниговскіе (въ борьбѣ съ родичемъ своимъ Ольговичемъ и Юрьемъ Суздальскимъ) „съзваша *Вятичь*“ (Ипат. лѣт.).

Третья эпоха вѣчевыхъ собраній (XI—XIII в.) есть эпоха полнаго выдѣленія этой формы власти въ самостоятельную (какъ собраніе простыхъ гражданъ) и полнаго развитія ея правъ. Она совпадаетъ со временемъ окончательнаго установленія власти старшихъ городовъ. Къ вѣчу этой эпохи относятся нижеслѣдующія опредѣленія состава и правъ народныхъ собраній.

Составъ вѣча. Вѣче, какъ власть государственная, состоитъ изъ *гражданъ старшаго города*: классическое мѣсто лѣтописи (Лавр. подъ 1176 г.): „Новгородци бо изначала, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, на чтоже старѣйшія сдумаютъ, *на томъ же пригороди* стануть“, означаетъ не собраніе жителей всей волости (власти), а старшихъ городовъ, какъ видно изъ выраженія:

„на томъ же пригороди стануть“, а равно изъ связи лѣтописнаго разсказа, гдѣ рѣчь идетъ о правѣ старшихъ городовъ давать пригородамъ обязательныя постановленія. Псковская Судная грамота составлена „всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ“, Новгородская—„*всѣми пятью концами*, всѣмъ великимъ Новгородомъ на вѣчѣ“. Предположеніе объ участіи всѣхъ жителей земли противорѣчитъ обширности земель и отдаленности пригородовъ. То же подтверждается способомъ (колоколомъ и глашатаями) и временемъ созыва вѣчевыхъ собраній: вѣче составляется или въ тотъ же день, или на другой день послѣ созыва: въ 1148 г. пріѣхалъ въ Новгородъ кіевскій князь и на другой день послалъ на дворъ Ярослава и велѣлъ „съзвонить“. вѣче „и такъ сошлись на вѣче новгородци *и плесковичи*“ (очевидно, тѣ, которые случайно были въ Новгородѣ).

Участіе пригорожанъ на вѣчѣ старшаго города возможно; всякій свободный человѣкъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, можетъ (имѣетъ право) быть членомъ вѣча старшаго города, ибо идея всенароднаго участія во власти сохраняется. Но такъ какъ фактически собраніе всѣхъ жителей государства, при обширности территоріи, становится невозможнымъ, то дѣйствительное участіе пригорожанъ бываетъ лишь *случайно* и не *необходимо;* такъ, въ 1132 г. „была встань великая на людяхъ (въ Новгородѣ); пришли плесковичи и ладожане къ Новугороду и выгнали князя Всеволода“. Въ 1136 г. новгородцы нарочно пригласили псковичей для суда надъ княземъ, но выгнанный князь утвердился во Псковѣ (значитъ изъ Пскова прлглашена нарочно лишь партія враждебная князю). Если пригородъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ старшимъ городомъ (какъ въ Суздальской землѣ), то на вѣче его собираются и лучшіе люди старшаго города, не желая окончательно уступить власть пригороду [1]).

---

[1]) Возведеніе вѣча старшаго города въ значеніе общеземской власти явилось результатомъ необходимости, именно невозможности собирать для рѣшенія дѣлъ всѣхъ гражданъ земли изъ мѣстностей, иногда весьма отдаленныхъ; этимъ нисколько не отнято *право* у жителей пригородовъ и волостей присутствовать (когда они могутъ) на вѣчѣ старшаго города въ качествѣ полноправныхъ членовъ. Но если бы вѣче было собраніемъ жителей всей „волости“ (т. е. земли), то рѣшеніе, состоявшееся въ одномъ старшемъ городѣ, безъ всякаго участія жителей пригородовъ, было бы *не обязательно для этихъ послѣднихъ;* на дѣлѣ же господствовалъ обратный принципъ („на томъ и пригороди стануть“). Въ этомъ именно смыслѣ участіе пригорожанъ не *необходимо* (не для нихъ, а для законности вѣча). Если бы на вѣчѣ не было *ни одного пригорожанина*, то тѣмъ не менѣе рѣшеніе вѣча могло состояться и было обязательно.

Относительно участія пригородовъ въ политической жизни государствъ можно сдѣлать еще одно предположеніе: общеземскія дѣла рѣшились отдѣльно вѣчами всѣхъ городовъ (старшаго и пригородовъ),—вопросъ, рѣшенный въ одномъ городѣ, тотчасъ же рѣшается въ другомъ, въ третьемъ и т. д. Любопытно знать, что же воспослѣдуетъ, если вѣча всѣхъ городовъ дадутъ противорѣчивыя постановленія? Разумѣется, вопросъ можно рѣшить войной между ними; но это будутъ уже отдѣльныя государства, а не части одного государства. Нѣчто подобное, повидимому, произошло въ Кіевской землѣ въ 1146 году; кіевское вѣче избрало княземъ Игоря Ольговича; но затѣмъ явился новый претендентъ—Изяславъ Мстиславичъ; и вотъ Бѣлгородцы и Василевцы посылаютъ къ

Пригородныя вѣча, при нормальномъ теченіи дѣлъ, не имѣютъ политической власти (рѣшая лишь вопросы мѣстнаго управленія). Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда пригородное вѣче выступаетъ въ политической роли, центръ верховной власти временно переносится въ пригородъ, и на такихъ вѣчахъ участвуютъ лучшіе люди старшаго города (случай въ Друцкѣ—пригородѣ Полоцкой земли—въ 1159 г., когда дрючане, вмѣстѣ съ полочанами, принимаютъ новаго князя, такъ какъ въ старшемъ городѣ сидитъ и не уступаетъ свою власть прежній смѣняемый князь).

Вѣче состоитъ изъ *всѣхъ* гражданъ города. Главную массу участниковъ вѣча составляютъ *простые* граждане, „люди“. Когда въ 1068 году кіевскій князь и его дружина (бояре) противились продолженію войны съ половцами, то „людье Кыевстіи прибѣгоша Кыеву, и сотворища вѣче на торговищи, и рѣша, послався къ князю“... (Лавр. лѣт.). Въ 1147 году „Кіяномъ же всѣмъ сошедшимся отъ мала до велика къ святѣй Софьи на дворъ“ (по призыву князя, для обсужденія дѣла о войнѣ съ черниговскими князьями). Въ новгородскомъ вѣчѣ участвовали и меньшіе люди, черные, смерды, Въ вѣчевомъ собраніи имѣютъ, однако, право участвовать лишь *полноправные* граждане, т. е. мужи свободные, совершеннолѣтніе и не подчиненные семейной власти: въ 1147 году кіевское вѣче отказывается вести войну противъ Юрія Долгорукаго такъ: „не можемъ на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей пойдемъ *и съ дѣтьми*“ (Ипат.); слѣд. „дѣти“, хотя и способныя носить оружіе, не участвуютъ въ вѣчѣ. Вѣче, состоя главнымъ обр. изъ простыхъ гражданъ и выдѣлившись отъ совѣта старѣйшинъ, есть демократическая форма власти, т. е. главная роль при рѣшеніи дѣлъ принадлежитъ простому народу. Однако, при нормальномъ порядкѣ съ вѣчемъ сливается и боярская дума; *бояре* присутствуютъ на вѣчѣ наравнѣ съ прочими гражданами: въ 1177 г. во Владимірѣ Клязменскомъ, при борьбѣ съ княземъ, „всташа бояре и купцы... по малѣ же днiй всташа опять людье вси и бояре“ (Лавр.).

На вѣчѣ участвуютъ также и *лица и духовныя*: на кіевскомъ вѣчѣ 1147 г. предсѣдательствуетъ митрополитъ.

При обыкновенномъ теченіи дѣлъ, т. е. если вѣче составилось не для борьбы съ княземъ, на немъ присутствуетъ также *князь*; на томъ же кіевскомъ вѣчѣ 1147 г. присутствуетъ князь Владиміръ Мстиславичъ, управлявшій здѣсь за отсутствіемъ брата.

Такъ. обр. вѣче, несмотря на свой главный (простонародный) составъ, не есть органъ власти одного (низшаго) класса, а поглощаетъ въ себѣ и

нему съ заявленіемъ: ты нашъ князь, а Ольговичей не желаемъ. Здѣсь, повидимому, пригороды перерѣшили вопросъ, рѣшенный старшимъ городомъ. Но дѣло было далеко не такъ: кіевляне сами вскорѣ передумали и *послали къ Изяславу* въ Переяславъ (см. Ипат. и Лавр. лѣт.); когда на ихъ зовъ онъ явился за Днѣпромъ, тогда тотчасъ примкнули къ нему и пригородцы. Эти послѣдніе, очевидно, были недовольны избраніемъ Ольговича, но что же они дѣлали отъ времени его избранія до новаго призыва другого князя кіевлянами? Молчали и повиновались.

оба другихъ элемента власти и есть власть *общеземская*. Эта форма государственной власти создана не во имя борьбы съ двумя остальными (понятіе борьбы чуждо русскому государственному праву), а для единенія („одиначества"), т. е. для рѣшенія земскихъ дѣлъ согласною волею князя, бояръ и народа (см. вышеприведенную формулу приглашенія князя Олега въ 1096 г. Святополкомъ и Владиміромъ въ Кіевъ для установленія междукняжескихъ отношеній, предъ епископами, боярами и людьми градскими). Лѣтописи, разсказывая весьма часто о народныхъ собраніяхъ, соединенныхъ съ какимъ-либо переворотомъ, пропускаютъ обыковенныя мирныя собранія для рѣшенія текущихъ дѣлъ, а потому не легко возстановить обыкновенные порядки такихъ собраній. Въ частности—

Кто могъ собирать вѣче? Собираетъ вѣче князь, какъ и слѣдовало въ нормальномъ порядкѣ: въ 1146 г. кіевское вѣче созываетъ князь Игорь, въ 1147 г.—Изяславъ; а въ другой разъ, по его же распоряженію, братъ его кн. Владиміръ, митрополитъ Климентъ и тысяцкій Лазарь. Въ Новгородѣ въ 1148 г. тотъ же князь велѣлъ сзвонить вѣче. Въ 1097 г. Святополкъ „созвалъ бояръ и Кіянъ" для рѣшенія дѣла по обвиненію Давидомъ кн. Василька.—Но при несогласіи вѣча съ княземъ и боярскою думою, оно созывалось кѣмъ-мибо изъ гражданъ или сходилось само собою: въ 1067 г. кіевляне, разбитые половцами, прибѣжали въ Кіевъ, сами сошлись на вѣчѣ „на торговищи". Иногда народъ, самъ составивши вѣче, посылаетъ пригласить на него князя (вѣче въ Полоцкѣ въ 1158 г.). Но такія собранія составляются лишь тогда, когда готовится или совершается переворотъ.

Способъ созыва практиковался двоякій: чрезъ биричей (глашатаевъ) и чрезъ колоколъ; послѣдній способъ наиболѣе демократическій, призывающій всѣхъ, существовалъ во многихъ городахъ, но утвердился окончательно въ Новгородѣ.

Имѣя въ лѣтописи разсказы преимущественно объ экстраординарныхъ народныхъ собраніяхъ, мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о *срокахъ созыва обыкновеннаго вѣча*. Лишь предположительно можно сказать, что были періодическія собранія во время братчинъ, въ дни церковныхъ мѣстныхъ торжествъ: въ 1158 году „начаша (Полочане) Ростислава (князя своего) звати льстью у братьщину къ святѣй Богородици къ Старѣй, на Петровъ день...: княже, поѣди къ намъ, суть ны съ тобою рѣчи". Оказалось, что это было собрано враждебное князю вѣче (Ипат. лѣт.) [1]).

---

[1]) На братчину въ Петровъ день зовутъ *полочане* своего князя *лестію*, намѣреваясь схватить его. Кто же это „полочане"? Очевидно, весь городъ (приблизительно) собрался на годичную городскую братчину. Это собраніе рѣшило произвести важный политическій переворотъ—смѣстить князя. Так. обр. собраніе, составившееся для религіознаго пиршества, есть въ то же время вѣче; это же самое собраніе повторило свою попытку и на другой день, при чемъ лѣтописецъ прямо назвалъ его *вѣчемъ*. Ни откуда не извѣстно, что братчины продолжались непремѣнно одинъ день. Братчины имѣли оффиціальное значеніе, напр., пользовались судебною властію (Пск. Судн. Гр. ст. 113)

По мѣрѣ бо́льшаго и бо́льшаго упорядоченія вѣчевыхъ собраній, опредѣлялось и нормальное *мѣсто* ихъ. Такъ, въ Кіевѣ вѣче, вступившее въ открытое возстаніе противъ князя въ 1067 г. сошлось *на торговищи*. Но вѣче, дѣйствующее въ единеніи съ княземъ и созванное имъ, собирается *на Ярославовомъ дворѣ* (1146 г.), или *на дворѣ св. Софіи* (1147 г.). Точно такъ же въ Новгородѣ законными мѣстами собраній были: *Ярославль дворъ* и *у св. Софіи*. И въ самомъ дѣлѣ, когда князь призывалъ народъ для совѣщаній, то мѣсто такихъ собраній должно быть близъ княжаго дворца. Столь же законнымъ мѣстомъ является и центральная святыня земли, куда народъ и безъ того собирался періодически въ большіе праздники [1]). Что мѣсто собраній не мало значило для нормальности ихъ, можно привести въ примѣръ кіевское вѣче въ 1146 г., когда князь сначала созвалъ всѣхъ Кіянъ *подъ Угорскій*, гдѣ вѣче и согласилось избрать княземъ Игоря, если умретъ его братъ; но когда этотъ послѣдній дѣйствительно умеръ, то для окончательнаго утвержденія избранія новый князь созываетъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ; на первомъ было постановлено лишь предварительное соглашеніе, на второмъ актъ избранія за

почему же общегородская братчина не можетъ пользоваться именемъ и правами вѣча (особенно, съ точки зрѣнія тѣхъ, кто признаетъ всякое народное собраніе, гдѣ бы оно ни составилось, вѣчемъ)? Извѣстно, что боярская дума засѣдала и обсуждала дѣла съ княземъ за пирами (см., напр., въ Новг. 4-й лѣт. подъ 1226 рѣшеніе вопроса о войнѣ или мирѣ Суздальской земли съ новгородцами и смольнянами). Вѣче существовало не у однихъ русскихъ; въ сомнительныхъ случаяхъ полезно сопоставлять недостаточныя русскія извѣстія съ извѣстіями о таковыхъ же (тождественныхъ) учрежденіяхъ у другихъ народовъ: у древнихъ германцевъ народныя собранія (кромѣ экстренныхъ) составлялись каждое новолуніе и полнолуніе. Періодичность собраній у насъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ допустить, что вѣче занималось текущими дѣлами суда (см. ниже о правахъ вѣча). Въ Нов. Судной грамотѣ читаемъ: „если судья не оканчиваетъ дѣла о землѣ въ два мѣсяца, то истцу взять на него приставовъ у В. Новгорода, и онъ долженъ кончить тотъ судъ передъ этими приставами. Если же въ эти два мѣсяца не указали суда докладчики (т. е. они были виною проволочки, а не судья), то идти судьѣ съ истцомъ къ В. Новгороду и взять приставовъ на докладчиковъ“ (ст. 29). Никакъ не рѣшаемся допустить, что при каждомъ (довольно незначительномъ—свыше 2 мѣсяцевъ) замедленіи процесса по каждому дѣлу (б. м. весьма неважному) истецъ или судья имѣли право созывать весь городской народъ только затѣмъ, чтобы взять приставовъ для побужденія медлительныхъ органовъ суда. Еще менѣе можемъ допустить, чтобы судья или истецъ ждали случая бурливыхъ собраній вѣча по политическимъ вопросамъ и тутъ предъявляли свои скромныя требованія разъяренной толпѣ. Считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что народъ В. Новгорода собирался часто и періодически. Объ этихъ текущихъ собраніяхъ лѣтописи наши молчатъ, какъ о явленіи обыденномъ; онѣ не сочли нужнымъ упомянуть и о такихъ вѣчахъ, на которыхъ были утверждены Псковская и Новгородская Судныя грамоты; онѣ не описали бы намъ и кіевскаго вѣча 1147 г., если бы не событіе, выходящее изъ ряду вонъ—убіеніе князя Игоря.

[1]) При господствѣ обычнаго права законнымъ является обычное мѣсто собраній, обычнымъ же мѣстомъ (въ В. Новгородѣ) были св. Софія и Ярославль дворъ; тоже и въ Кіевѣ. Въ 1067 г. кіевляне, сотворивше вѣче *на торговищи* (на Подолѣ), изгнали своего князя Изяслава, который, возвратившись и занявъ опять столъ, „възгна торгъ на гору“ (Лавр. л.), чтобы отнять поводъ собираться на вѣче вдали отъ двора княжаго.

вершенъ. Правда, потомъ Кіяне опять скопились у *Туровой божницы* для требованія дополнительныхъ условій отъ новаго князя; но это было результатомъ неполнаго соглашенія съ княземъ, и самое собраніе поэтому не должно быть признано нормальнымъ [1]).

Способъ обсужденія дѣлъ на вѣчѣ и *постановки рѣшеній* упорядочивался съ теченіемъ времени, но окончательно сформированъ лишь въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ 1147 году, когда князь Изяславъ Мстиславичъ, находившійся въ походѣ, узналъ о предательскихъ замыслахъ черниговскихъ князей, то послалъ въ Кіевъ двухъ мужей своихъ—Добрынку и Радила, съ такимъ наказомъ къ своему брату князю Владиміру: „братъ, поѣзжай къ митрополиту и созови всѣхъ Кіевлянъ, пусть эти два мужа скажутъ о предательствѣ Черниговскихъ князей". Когда Кіевляне сошлись всѣ отъ мала до велика на дворъ св. Софьи и *сѣли* (по другой лѣтоп. — „встали"), то кн. Владиміръ сказалъ митрополиту: „вотъ прислалъ братъ мой двухъ мужей—Кіевлянъ, пусть скажутъ братьѣ своей". И выступили Добринко и Радило и сказали: „привѣтствовалъ тебя братъ, митрополиту кланялся, привѣтствовалъ Лазаря (тысяцкого) и всѣхъ Кіевлянъ". И сказали Кіевляне: „говорите, съ чѣмъ васъ князь прислалъ". Когда послы передали дѣло, то Кіевляне сказали: „Радуемся, что Богъ тебя избавилъ отъ великаго предательства; идемъ за тобою и съ дѣтьми". Но *одинъ человѣкъ* сказалъ: „за княземъ своимъ мы съ радостью пойдемъ;... но тутъ Игорь, врагъ нашего князя, сидитъ въ монастырѣ; убьемъ его и пойдемъ къ Чернигову за своимъ княземъ". Тщетно кн. Владиміръ, митрополитъ и двое тысяцкихъ противились; пагубное предложеніе увлекло толпу.— Въ Новгородѣ предложеніе и дерогація законовъ на вѣчѣ принадлежали посаднику, который въ обычномъ порядкѣ и есть предсѣдатель вѣча.

При постановкѣ рѣшеній требовалось *единогласіе* („едиными устами" или „единодушно"); въ дѣйствительности (фактически) подъ единогласіемъ скрывалось подавляющее *большинство;* но въ принципѣ требовалось именно единогласіе (какъ показываетъ аналогія польскаго сейма). При равномъ распредѣленіи партій, происходитъ физическая борьба и повтореніе собраній, пока не достигнутъ соглашенія: въ Новгородѣ въ 1218 году, послѣ битвъ одного конца противъ другихъ, вѣча по одному и тому же вопросу продолжались цѣлую недѣлю, пока „не сошлись братья всѣ единодушно".

Права вѣча. Вѣче есть *необходимая* составная часть общеземской власти, ибо участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ въ древнее время бываетъ самымъ непосредственнымъ и живымъ: „*нравъ* есть первыя чади всея предъ враты граду творити вѣще и суды" (Слов. Восток.).—Необходимость вѣчевой формы видна изъ ея *всеобщности.* По приведенному

---

[1]) Отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что *постановленія* такого вѣча незаконны; нарушеніе формъ и обрядовъ не всегда ведетъ къ признанію акта незаконнымъ (напр., совершеніе брака внѣ церкви, въ силу необходимости, не есть актъ нормальный, однако законный. См. Дополн. 3.

выше принципіальному выраженію лѣтописи, *изначала* Новгородцы, Смольняне, Полочане, Кіевляне и „*вся власти*“ собираются на вѣча, какъ на думу. Согласно съ этимъ, лѣтописи сообщаютъ факты вѣчевыхъ собраній во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ: кромѣ приведенныхъ выше и другихъ многочисленныхъ случаевъ народныхъ собраній въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Полоцкѣ, въ землѣ Ростовской, въ лѣтописяхъ упоминаются вѣча въ землѣ Волынской (1097 г.), Галицкой (1231 г.), Рязанской (1207 г.) и Черниговской. Но вѣче достигло неодинаковаго политическаго значенія во всѣхъ русскихъ земляхъ.

Права вѣча не могутъ быть ограничиваемы какимъ-нибудь однимъ родомъ дѣлъ (напр., законодательствомъ): они, подобно правамъ князя и думы, простираются на всю сферу высшихъ государственныхъ дѣлъ управленія и суда. Въ сферѣ *законодательства* вѣчу сначала принадлежали меньшія права, чѣмъ князю и думѣ: въ Рус. Правдѣ нѣтъ слѣдовъ вѣчевого законодательства; но потомъ, именно, въ Новгородѣ и Псковѣ, законодательство становится функціею *только вѣча* (см. Псковск. Судн. грамотѣ ст. 108 о порядкѣ составленія и отмѣны законовъ). Въ *сферѣ внѣшней политики и въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ* вѣчу принадлежатъ наибольшія права съ древнѣйшихъ временъ. Этого требовала фактическая необходимость заручиться согласіемъ населенія для веденія войны: договоръ Игоря съ греками въ 945 г. заключенъ отъ имени „великаго князя русскаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій русскія земли“. Въ соблюденіи этого договора клялся весь народъ въ Кіевѣ, крещеный и некрещеный. Въ 1015 г. Ярославъ въ Новгородѣ, избивши много гражданъ за своихъ варяговъ, получивъ извѣстіе, требовавшее немедленной войны съ Кіевскимъ княземъ Святополкомъ, тогда, собравъ „остатокъ Новгородцевъ“, онъ сказалъ: „о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ *быша надобь*“...; и рѣша Новгородци: аще, княже, братья наша изсѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти“. Въ Кіевѣ въ 1147 г. вѣче отказываетъ князю въ согласіи на войну противъ Юрія Долгорукаго и вскорѣ послѣ охотно соглашается воевать противъ черниговскихъ Ольговичей. Въ Новгородѣ князь (Мстиславъ 1179 г.: Новг. 4-я лѣт.) такъ убѣждаетъ вѣче идти на Чудь: „братья, се обидять ны поганые, а быхомъ, възрѣвше на Богъ и на св. Богородици помочь, помьстили себѣ и освободили быхомъ Новгородскую землю отъ поганыхъ“. Князь иногда начинаетъ войну и при несогласіи на нее вѣча (при помощи собственной дружины—двора и охотниковъ изъ населенія), но рѣдко ведетъ ее съ успѣхомъ. Войны съ варварами ведутся иногда безъ предварительнаго обсужденія на вѣчѣ, но съ молчаливаго согласія народа (вслѣдствіе полной популярности такихъ войнъ).

Въ сферѣ внутренняго *государственнаго устройства* значеніе вѣча одинаково важно. О необходимомъ участіи вѣча въ призваніи и смѣщеніи князей были приведены факты выше (см. въ особенности случай въ Кіевѣ 1154 г., когда боярская дума напоминаетъ новому князю, уже призванному ею, о необходимости „утвердиться съ людьми въ Кіевѣ“).

Въ сферѣ *судебной власти* вѣчу первоначально принадлежало право участія во всякомъ судѣ („предъ вратами градскими творить вѣще и суды"); судъ производился княземъ и боярами въ присутствіи народа. И впослѣдствіи вѣче (въ Новгородѣ) судило всякія дѣла, на которыя было обращено его вниманіе; новгородское вѣче 1290 г. судитъ людей, ограбившихъ торгъ. Отмѣна вѣчевого суда въ Псковской Судной грамотѣ (см. 4: „а на вѣчѣ суда ни судить ни князю, ни посаднику") указываетъ на предшествовавшій порядокъ, когда судъ княжескій и посадничій производился на вѣчѣ. По Новгородской Судной грамотѣ, за вѣчемъ оставлена высшая власть, контролирующая дѣйствія спеціальныхъ судебныхъ органовъ (ст. 29). Вѣчу принадлежитъ судъ политическій (надъ князьями и посадниками): въ 1097 году въ Кіевѣ судъ надъ Галицкими князьями по доносу князя Волынскаго предоставленъ боярамъ и вѣчу. Новгородское вѣче въ 1136 и 1270 г. производитъ формальный судъ надъ своими князьями съ изложеніемъ письменнаго приговора; въ Новгородѣ же въ 1141 г. производится судъ и казнь посадника Якуна за измѣну всѣмъ вѣчемъ; 1209 г. судъ, потокъ и разграбленіе надъ посадникомъ Дмитромъ.

Въ *сферѣ управленія* вѣче не принимаетъ постояннаго участія въ веденіи текущихъ дѣлъ, но оно участвуетъ въ назначеніи и смѣнѣ чиновниковъ; въ 1146 г. вѣче требуетъ отъ князя смѣны тіуновъ кіевскаго и вышегородскаго (которые и смѣняются); на мѣсто ихъ назначаются тіуны по волѣ вѣча („а се вамъ и тіунъ по вашей воли"). Ростовцы (бояре и народъ), говоря въ 1176 г. о своей власти надъ пригородомъ Владиміромъ, угрожаютъ или сжечь непокорный пригородъ или *посадить въ немъ своего посадника*. Въ особенности активное участіе принимаетъ вѣче въ военномъ и финансовомъ управленіи: средства для веденія войны, именно чрезвычайные налоги, устанавливаются самимъ народомъ на вѣчѣ: въ 1018 г. въ Новгородѣ, во время борьбы Ярослава съ Святополкомъ Окаяннымъ, вѣче рѣшаетъ: „хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ (польскимъ, союзникомъ Святополка) и съ Святополкомъ. Начаша скотъ (деньги) събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ; и приведоша Варягы, вдаша имъ скотъ" (Лавр. лѣт.).

Паденіе и прекращеніе вѣчевыхъ собраній. Независимо отъ татарскаго ига, были уже въ древности внутреннія причины для возвышенія княжеской и боярской власти за счетъ вѣчевой въ нѣкоторыхъ русскихъ земляхъ, что привело къ раннему паденію вѣча въ этихъ земляхъ. Общія же причины упадка вѣчевого начала заключается въ несоотвѣтствіи этой формы правленія широкой территоріи государства (см. ниже о земскихъ соборахъ).

Особенныя черты государственнаго устройства кѣкоторыхъ Русскихъ Земель.

Изложенныя три формы власти (князь, дума и вѣче), несмотря на свое стремленіе къ полному единенію, легко могли придти и въ противорѣчіе другъ другу, при чемъ одна изъ нихъ могла, не устраняя вполнѣ другихъ, возвыситься на счетъ двухъ остальныхъ. Это и случилось съ конца XII в. во всѣхъ русскихъ земляхъ, такъ что по преобладанію одной изъ трехъ формъ всю тогдашнюю Русь можно раздѣлить на три части: 1) южную и юго-западную, 2) сѣверо-западную и 3) сѣверо-восточную.

1. **Особенности Галицко-Волынскаго государственнаго устройства.** Типомъ группы юго-западныхъ земель служитъ земля Галицкая; но ея устройство повторяется и въ землѣ Волынской; сюда же отчасти примыкаетъ и Кіевская земля. Здѣсь беретъ преобладаніе боярская власть надъ княземъ и вѣчемъ. Предположительно зародыши такой особенности могли существовать въ галицкой землѣ съ древнѣйшихъ временъ, ибо обстоятельствами, содѣйствовавшими образованію ихъ, были природныя и мѣстныя условія этой земли. Природное богатство почвы по Днѣстру, Сану и Бугу дало могущество классу землевладѣльцевъ, т. е. бояръ по преимуществу. Но слѣдуетъ признать, что и сосѣдство съ Польшею и Венгріею (странами, въ которыхъ рано развился аристократическій элементъ), имѣло свою долю вліянія на особенный складъ государственнаго устройства Галиціи (хотя бы и безъ прямыхъ заимствованій). Червоная Русь принадлежала нѣкоторое время Польшѣ; затѣмъ не одинъ разъ правили ею мадьяры, члены королевскаго дома съ большимъ дворомъ. Волынь имѣла постоянно то дружественныя, то военныя столкновенія съ Польшею и находилась въ ближайшемъ бытовомъ общеніи съ населеніемъ этой страны. Въ 1149 г. польскій король Болеславъ, вызванный на помощь княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ, „пришедъ съ Луцку, и ту пребы три дня; и ту пасаше (препоясывалъ) Болеславъ сыны боярьскы мечемъ многы“, т. е. посвящалъ ихъ въ рыцарство. Съ конца XII вѣка въ замѣтной степени проявляются слѣдъ особенности Галицкаго устройства.

а) Бояре присвоиваютъ себѣ право *распоряженія княжескимъ столомъ* (приглашеніемъ и смѣщеніемъ князей). Пока правила въ Галиціи династія Ростиславичей, власть боярской думы не могла еще проявиться съ замѣтною силою, но, очевидно, образовалась уже въ то время. Въ 1188 г. когда княжилъ Володимеръ въ Галицкой землѣ и думы не любилъ съ мужами своими, то „увѣдавъ Романъ (волынскій князь), ажь мужи (бояре) Галичькіи не добро живутъ съ княземъ своимъ про его насилье..., слашеть безъ опаса къ мужемъ Галичькымъ, подътыкая ихъ на князя своего, *да быша его выгналъ изъ отчины своея*, а самого (Романа) быша пріяли на княженіе. Мужи же Галичькыи, пріимше съвѣтъ Романовъ, совокупивше полкы своя и утвердившеся крестомъ, и восташа на князь свой... Онъ же, убоявся, поимавъ злато и сребро много..., ѣха во Угры къ королеви. Галичане же... послашася по Романа“. Но на этотъ разъ Романъ не удержался и выгнанъ венгерскимъ королемъ, который посадилъ здѣсь

не прежняго князя, а сына своего Андрея. Недовольные этимъ, „Галичькіи мужи послашася къ Ростиславу къ Берладничю, зовуще его въ Галичь на княженіе". Но и этотъ князь не одолѣлъ силы мадьярской и погибъ. Между тѣмъ наслѣдственный князь галицкій Владиміръ, сидѣвшій въ заточеніи въ Венгріи, успѣлъ уйти и заинтересовать въ своей судьбѣ германскаго императора и польскаго короля. Тогда „Галичькыи мужи", раскаявшіеся въ томъ, что его прогнали, „срѣтоша его съ радостью великою... а королевича прогнаша изъ земли своея". По прекращеніи прежней династіи, боярская власть особенно усиливается при Романѣ и его сынѣ Даніилѣ, несмотря на сильный характеръ и энергію этихъ князей, „самодержцевъ всей Русской земли". Хотя Романъ Великій убивалъ лучшихъ бояръ галицкихъ, зарывалъ ихъ живыми въ землю, четвертовалъ и разстрѣливалъ, но по смерти его власть боярская обнаружилась съ новою силою; дѣти Романа были изгнаны и приглашенъ одинъ изъ черниговско-сѣверскихъ князей (Владиміръ Игоревичъ съ братомъ Романомъ): „Галичькыи бояре послаша по нихъ и посадиша и̑: въ Галичѣ Володимера, а Романа во Звенигородѣ" (1202 г.). Однако, бояре не ужились съ этими своими избранниками; въ 1208 г. „совѣтъ сотворили" (князья) Игоревичи на бояръ галицкихъ, чтобы избить ихъ, и при случаѣ бояре были избиты: убитъ былъ Юрій Витановичъ, Илія Щепановичъ и иные великіе бояре; убито ихъ было числомъ 500, а другіе разбѣжались: Владиславъ Кормиличичъ бѣжалъ къ венграмъ, а также Судиславъ и Филиппъ. Бѣглецы призвали на помощь венгерскаго короля. Подступивъ къ Перемышлю, боринъ Володиславъ такъ говорилъ осажденнымъ Перемышльскимъ боярамъ: „братья, чего смущаетеся (не хотите предать князей Игоревичей)? Не они ли избили отцевъ нашихъ и братью вашу? Имущество ваше они разграбили, дочерей вашихъ отдали за рабовъ вашихъ, а имѣніями вашими овладѣли другіе—пришельцы. За нихъ ли хочете душу свою положить?". Игоревичи были взяты въ плѣнъ. „Тогда же бояре Володимерьстіи и Галичькыи... и воеводы Угорьскые посадиша князя Данила на столѣ отца своего—великаго князя Романа въ церькви св. Богородица Приснодѣвица Марья". Плѣнныхъ князей Угры хотѣли отвезти къ своему королю; „Галичаномъ же молящимся имъ, да быша и̑ повѣсили, мьсти ради: убѣжени же бывше Угре великими даръми, предани быша на повѣшеніе". Однако, и фамилія Романа принуждена была опять бѣжать изъ Галича.

б) Тогда произошелъ здѣсь единственный случай во всей русской исторіи того времени *пріобрѣтеніе княжеской власти бояриномъ* (не княжескаго происхожденія); въ 1210 г. „Володиславъ (бояринъ) воѣха въ Галичь, вокняжися и сѣде на столѣ". Но такой случай остался исключительнымъ и ненормальнымъ въ глазахъ современниковъ: король польскій говорилъ: „не есть лѣпо боярину княжити въ Галичи"; Владиславъ былъ схваченъ и заточенъ, „и въ томъ заточеньи умре, нашедъ зло племени своему и дѣтемъ своимъ, княженія дѣля; вси бо князи не призряху дѣтій его того ради".

в) Подобно этому здѣсь же произошелъ единственный случай *корпоративнаго удаленія всѣхъ бояръ*. Когда правилъ Галичемъ кн. Мстиславъ въ 1226 г., то одинъ изъ бояръ—Жирославъ—оклеветалъ князя предъ боярами, яко бы онъ хочетъ предать всѣхъ бояръ на избіеніе половецкому хану. „Они же, емше вѣры, отъидоша въ землю Перемышлескую, въ горы Кавокасьския, рекше во Угорьскыя, на рѣку Днѣпръ“ (?); оттуда и начались сношенія чрезъ пословъ между княземъ и боярами; посолъ княжескій, наконецъ, „приведе бояре вси къ нему“.

Однако, и послѣ этого миръ между княземъ и боярами былъ лишь наружный; одинъ ивъ бояръ говорилъ князю Мстиславу (совѣтуя ему отдать дочь за королевича и передать зятю галицкій столъ): „не можешь бо держати самъ, а бояре не хотять тебе“. Князь ушелъ.

г) *Для борьбы съ боярскимъ элементомъ народное вѣче было призвано* (кн. Даніиломъ въ 1231 и 1235 г.); но вѣче не могло сломить окончательно власть бояръ: въ 1231 г. „была крамола безбожныхъ бояръ Галицкихъ, совѣтъ сотворили они на убіеніе и преданье землѣ Даніила“, при возникшей по этому поводу открытой войнѣ съ боярами, Даніилъ остался лишь съ 18 вѣрными отроками: тогда, „созвавшу (ему) вѣче и рече имъ: хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изыду на враги мое? Онѣмъ же кликнувшимъ: вѣрни есмы Богу и тебѣ, господину нашему, изыди съ Божьею помощью. Соцкый же Микула рече: господине, не погнетши пчелъ, меду не ѣдать“. Въ 1235 г. Даніилъ воспользовался отсутствіемъ своего соперника-князя изъ Галича „со всѣми бояры“ и подошелъ къ Галичуославъ сказать гражданамъ („любяхуть же и гражане“): „о муки градьстіи, доколѣ хощете терпѣти иноплеменныхъ князій державу? Ониже воскликнувше рѣша: яко се есть держатель нашъ, Богомъ данный; и пустишася яко дѣти ко отчю, яко пчелы къ матцѣ... Бояре же пришедше на ногу его, просяще милости; яко согрѣшихомъ ти, иного князя держахомъ. Онъ же отвѣщавъ рече имъ: милость получисте, пакы же сего не сотворите, да не во горьшая впадете“.

д) *Бояре въ Галицкой землѣ владѣютъ пригородами на правахъ княжескихъ*: въ 1219 г. данъ Звенигородъ боярину Судиславу. „Бояре Галицкіе Даніила княземъ себѣ называли, а сами всю землю держали: Доброславъ вокняжился (въ 1220 году) и Судьичъ, поповъ внукъ...; онъ вшедши въ Бакоту все Понизье захватилъ безъ княжаго повелѣнія, а Григорій Васильевичъ горную страну Перемышльскую... Даніилъ же, увѣдавъ о томъ, послалъ Якова, стольника своего, съ великою жалостью къ Доброславу, говоря къ нимъ: я—князь вашъ, но вы повелѣніе моего не творите, землю грабите; черниговскихъ бояръ я не велѣлъ тебѣ. Доброславъ, принимать, а давать волости галицкимъ“ (такимъ образомъ князь самъ признаетъ исключительное право мѣстныхъ бояръ на волости). Князь особенно приказалъ не отдавать никому Коломыи (соляныхъ копей), какъ княжеской регаліи; но оказалось, что Доброславъ уже отдалъ ее боярамъ Лазарю Домажиричу и Ивору Молибожичу, „двумъ беззаконникамъ отъ племени смердья“. Посолъ князя такъ упрекалъ за это Доброслава: „како

можеши безъ повелѣнія княжа отдати ю сима, яко велиціи князи держатъ сію Коломыю на роздаваніе (содержаніе) оружьникомъ?" „Онъ же усмѣявься рече: то что могу же глаголати?.,. Даніилъ же скорбяше и моляшеся Богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею".

Подобное же преобладаніе боярскаго элемента въ Волынской (и отчасти Кіевской) землѣ можно видѣть изъ нѣкокорыхъ вышеприведенныхъ фактовъ, а также изъ слѣд.: въ 1204 г. Ингварь долженъ былъ уступить гор. Владиміръ Александру только потому, что бояре не любили его: „бояромъ же не любящимъ Инъгвара, Олександръ... прія Володимерь".

Особенности Галицко-Волынскаго государственнаго устройства отразились на судьбѣ Юго-Западной Руси въ слѣдующемъ періодѣ (польско-литовскомъ).

Новгородско-псковское государственное устройство. Въ Сѣверо-Западной Руси беретъ перевѣсъ *вѣчевая форма* власти. Такое государственное устройство утвердилось въ Новгородѣ, Псковѣ, восточныхъ колоніяхъ Новгородскихъ (Вяткѣ) и въ Полоцкѣ. Сюда же отчасти примыкаетъ и земля Смоленская.

Существуетъ мнѣніе, что *Новгородское устройство составляетъ исконное исключеніе* изъ общаго строя древне-русскихъ государствъ и что новгородскія особенности могутъ быть изъяснены только *заимствованіемъ учрежденій западно-европейскихъ свободныхъ городскихъ общинъ* (особенно ганзейскихъ). Мнѣніе объ исконномъ отличіи новгородскаго устройства очень древне: еще въ пол. XII в. думали, что Новгородъ получилъ отъ первыхъ князей особыя привилегіи на самоуправленіе, но и тогда уже книжные люди сомнѣвались въ существованіи такихъ привилегій. Лѣтописецъ. разсказавъ, что въ 1169 г. Андрей Боголюбскій посылалъ воевать Новгородскую землю, но что самъ Новгородъ не былъ взятъ, а на возвратномъ пути досталось много бѣдъ отъ голода суздальцамъ, заключаетъ: „Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ: *но аіце бы тако было*, то велѣли ли имъ предніи князи крестъ преступати..., а крестъ честный цѣловавше ко внукомъ ихъ (князей) и къ правнукомъ, то преступати?" (Лавр. лѣт.). Еще въ 1211 г. Всеволодъ III „вда имъ (новгородцамъ) волю всю и *уставы старыхъ князь* его же хотяху новгородци, и рече имъ: кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните". Сами новгородцы постоянно слылались на грамоты (привилегіи) Ярослава. Но такія привилегіи *не существуютъ* и, вѣроятно, не существовали вовсе. Псковъ не претендовалъ на исконныя привилегіи, однако имѣлъ одинаковое устройство съ Новгородомъ, а Вятка имѣла еще болѣе свободныя формы устройства, чѣмъ самъ В. Новгородъ. Подобныя же преданія о привилегіяхъ существовали и относительно Полоцка: Нарбутъ (не указывая источника) говоритъ, что князья полоцкіе Вячеславъ и Давидъ (сыновья Всеслава) дали городу Полоцку вольность, которую этотъ городъ долженъ былъ воспользоваться по смерти ихъ; поэтому Полоцкъ сдѣлался вольнымъ городомъ, а княжество Полоцкое республикою, которая управлялась вѣчемъ и 30-ю старѣй-

шинами или боярами (Narbutt, III, 1, 266). Такимъ образомъ мнѣніе объ исконности новгородскихъ порядковъ не можетъ быть принято. Особенности новгородскаго устройства быть можетъ коренились въ первоначальныхъ мѣстныхъ причинахъ, но проявились *не ранѣе половины XII в.* и не заключаютъ въ себѣ чего-либо чуждаго прочимъ русскимъ землямъ; онѣ состоятъ въ преобладаніи вѣчевой формы, узаконенномъ и признанномъ всѣми князьями.—Мѣстныя причины, направившія здѣсь обще-русское государственное устройство въ сторону преобладанія вѣча, заключались въ географическомъ положеніи страны и въ сношеніяхъ съ сѣверо-германскими городскими общинами. Страна, занятая новгородцами и кривичами, неблагопріятная по скудости почвы для земледѣлія, весьма благопріятна (по богатству торговыхъ путей) для *торговли*. Торговля вызываетъ сосредоточенность населенія въ большихъ городскихъ общинахъ, что и содѣйствуетъ преимущественному развитію вѣчевого начала (т. е. преобладанію средняго класса). Торговля же приводила новгородцевъ, псковичей и полочанъ въ столкновеніе съ свободными ганзейскими общинами. Не заимствуя отъ нихъ ничего прямо и непосредственно, граждане упомянутыхъ земель не могли не испытывать *косвеннаго вліянія* отъ этихъ послѣднихъ.

Городъ Новгородъ раздѣляется на двѣ *стороны: софійскую* на лѣвомъ берегу Волхова и *торговую* на правомъ. На первой былъ „дѣтинецъ“ (кремль), а въ немъ св. Софія и дворъ архіепископа, хранилище новгородской казны и законовъ. На торговой сторонѣ были дворъ Ярославль, торговище съ патрональною церковію св. Іоанна и иноземные дворы: варяжскій, нѣмецкій и готскій. Двѣ стороны, имѣя каждая отдѣльные интересы, нерѣдко враждовали между собою и созывали два одновременныхъ вѣча. Весь городъ подраздѣлялся на *5 концовъ:* три на софійской сторонѣ: Неревскій, Людинъ (Гончарскій) и Загородскій; и два на торговой: Славенскій и Плотницкій; но ни дѣтинецъ, ни Ярославль дворъ не включались въ концы. Самоуправленіе города, а именно управленіе, судъ и укрѣпленіе сдѣлокъ, сосредоточивалось въ концахъ; кончанскіе старосты (выборные правители концовъ) были представителями концовъ въ общегосударственномъ управленіи; ихъ печатями скрѣплялись грамоты В. Новгорода; въ переговорахъ съ иноземцами участвовали выборные отъ концовъ. Главное судилище Новгорода состояло изъ выборныхъ отъ концовъ (по 2 боярина и по 2 изъ житьихъ людей). Въ военныхъ походахъ концы выступали отдѣльными полками, каждый подъ своимъ знаменемъ. Всѣ эти черты предполагаютъ существованіе кончанскихъ народныхъ собраній.—Подраздѣленія концовъ—*улицы*—составляли также самоуправляющіяся общины, имѣя уличанскихъ старостъ во главѣ. Какъ концы, такъ и улицы обнимали всѣ классы общества, при чемъ сословное устройство вполнѣ поглощалось территоріальнымъ.—*Земля* Новгородская состояла изъ пригородовъ и волостей; первые пользовались значительною долею самоуправленія, принимали угодныхъ и изгоняли неугодныхъ посадниковъ, присылаемыхъ имъ изъ В. Новгорода. Хотя раздѣленіе Новгородской земли на

пятины есть явленіе позднее, но несомнѣнно, что съ древнѣйшихъ временъ части земли были подѣлены между концами В. Новгорода для ближайшаго управленія ими; во всякомъ случаѣ позднѣйшія пятины соотвѣтствуютъ древнѣйшимъ „землямъ“ или волостямъ В. Новгорода (Бѣжецкой, Водской, Шелонской, въ древности Ржевской, Деревской, въ древности Яжелбицкой, и Обонежской); догадываются (на основаніи устава о мостовыхъ, приписаннаго къ Рус. Пр.), что 1-я зависѣла отъ Славенскаго конца, 2-я отъ Неревскаго, 3-я отъ Загородскаго, 4-я отъ Людина, 5-я отъ Плотницкаго (см. Рус. Достопр. II, стр. 305—306).

Городъ Псковъ имѣлъ подобное же устройство: тамъ также былъ дѣтинецъ и торговище; городъ также дѣлился на концы (вѣроятно, 6 концовъ), между которыми были подѣлены для управленія части территоріи (по два пригорода на конецъ).

Существенныя особенности Новгородскаго устройства слѣд.:

а) Право вѣчевого самоуправленія (и соотвѣтственное ограниченіе княжеской власти) укрѣпляется формальными письменными договорами (дошедшіе до насъ начинаются съ 1260 года); такъ какъ ихъ содержаніе весьма сходно, то всѣ они вмѣстѣ составляютъ какъ бы хартію, обезпечивающую самоуправленіе.

б) *Право избранія* князя вѣчемъ *признано всѣми князьями* на съѣздѣ 1196 года: „вси князи выложиша Новгородъ въ свободу, гдѣ имъ любо, туже собѣ князя поимаютъ“.

в) Въ договорахъ князья обязываются „не замышлять войны безъ Новгородскаго слова“. Участіе народа въ *правѣ объявлять войну и заключать миръ* практиковалось и въ прочихъ русскихъ земляхъ, но нигдѣ не обезпечивалось формальнымъ договоромъ. То же замѣчаніе относится и ко всѣмъ послѣдующимъ особенностямъ новгородскаго устройства.

г) *Ограничивается административная власть* князя; *князь не можетъ назначить правителями волостей не-гражданъ* новгородскихъ: „Что волостей всѣхъ новгородскихъ, тогоже, княже, не держати своими (княжими) мужи, но держати мужи новгородскими“. И въ Суздальской землѣ народъ возмутился, когда князья, пришедшіе съ юга, привели съ собою „русскихъ“ (южно-русскихъ) дѣтскихъ и раздали имъ посадничества. Но нигдѣ это право не было оформлено, кромѣ Новгорода.

Князь не имѣетъ права смѣщать должностныхъ лицъ безъ суда: „А безъ вины ти, княже, мужа волости не лишити“. Въ 1218 г. князь Святославъ сказалъ на вѣчѣ: „не могу быть съ Твердиславомъ и отнимаю у него посадничество“. Новгородцы спросили: „а какая вина его“? „Безъ вины“, отвѣчалъ князь. Тогда Твердиславъ сказалъ: „Я радъ, что на мнѣ нѣтъ никакой вины. А вы, братья, вольны и въ посадничествѣ и князьяхъ“. Новгородцы отвѣчали князю: „Князь! если Твердиславъ ни въ чемъ не виноватъ, то ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности...; мы того не допустимъ, чтобы отнято было у него посадничество безъ вины“. Князь уступилъ.

д) *Ограничивается судебная власть* князя: князь не имѣетъ права судить безъ посадника: „А безъ посадника ти, княже, не судити". Новый князь не можетъ перерѣшать дѣла, уже прежде рѣшенныя: „ни грамотъ не посужати".

е) Полную особенность новгородскаго устройства представляетъ *существованіе выборнаго посадника при князѣ.* Прежде посадникъ назначался княземъ, какъ его помощникъ и замѣститель; но съ XII в. онъ становится выборнымъ; думаютъ, что первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, избранный вѣчемъ въ 1126 году. Но вѣче овладѣвало правомъ избирать посадника постепенно, не устраняя и потомъ участія въ этомъ дѣлѣ князя. Въ Новгородѣ посадникъ былъ всегда *одинъ* (такъ какъ онъ, замѣняя лицо князя, представляетъ монархическій элементъ власти). Онъ избираемъ былъ сначала пожизненно; но затѣмъ управленіе его сдѣлалось весьма *краткосрочнымъ* (безъ опредѣленія срока). Выборъ посадника, несмотря на демократическую краткосрочность, падалъ обыкновенно на членовъ немногихъ, однѣхъ и тѣхъ же фамилій и иногда переходилъ преемственно отъ отца къ сыну: въ началѣ XII в. посадничалъ въ Новгородѣ Гюрята Роговичъ; въ 1126—1134 (съ промежутками) его сынъ Мирославъ Гюрятиничъ; съ 1137 до 70-хъ годовъ XII вѣка (съ промежутками)—Якунъ Мирославичъ; съ 1211 г.—Дмитрій Якуновичъ; съ 1220 г.—Иванко Дмитровичъ. Такимъ образомъ цѣлый вѣкъ одна фамилія стоитъ во главѣ управленія. Кругъ власти посадника почти равняется княжеской власти: ему принадлежитъ иниціатива установленія и отмѣны законовъ, судебная власть наравнѣ съ княземъ и преимущественно власть правительственаая.—Подобно посаднику, и *тысяцкій* сдѣлался выборнымъ правителемъ (въ другихъ русскихъ земляхъ его назначаетъ князь).

ж) Формальному опредѣленію подверглось не только отношеніе князя къ вѣчу, но и самая *внѣшняя сторона вѣчевыхъ собраній*: въ Новгородѣ была вѣчевая „изба", т. е. канцелярія вѣча, вѣчевые дьяки (секретари), особая печать В. Новгорода.

з) Точно также въ Новгородѣ болѣе опредѣленно сформированъ *составъ боярской думы.* Правительственный совѣтъ (Herren—Rath) весьма обширенъ: по нѣмецкимъ источникамъ, въ немъ 300 господъ, а именно: новгородскій владыка, княжескій намѣстникъ, посадникъ, тысяцкій, „старые" (смѣненные) посадники и тысяцкіе и просто бояре. Члены имѣли отличительные знаки. Совѣтъ засѣдалъ во дворцѣ архіепископа.

Тѣ же черты повторяются и въ *Псковскомъ государственномъ устройствѣ* съ нѣкоторыми отмѣнами, а именно: здѣсь было два посадника, а не одинъ, что означаетъ большее развитіе демократическихъ началъ; не было тысяцкаго. Князь и вѣче назначали правителей въ провинціи въ двойномъ числѣ (одинъ отъ князя, другой отъ вѣча).

Вятка (древній *Хлыновъ*) есть новгородская колонія, основанная во 2-й половинѣ XII в. въ бассейнѣ р. Вятки; здѣсь повторено внутреннее устройство метрополіи: „обычаи Новгородскіе имѣяху"; впрочемъ под-

робности устройства Вятки мало извѣстны; здѣсь не существовало совсѣмъ княжеской власти.

3. **Особенности государственнаго устройства Сѣверо-восточныхъ земель.** Въ землѣ Суздальской (и отчасти въ Рязанской и Черниговской, которыя подпали вліянію Суздальской) беретъ перевѣсъ *княжеская власть* съ конца XII в., именно въ эпоху Всеволода III, который въ лѣтописяхъ начинаетъ именоваться великимъ княземъ. Право наслѣдованія становится здѣсь исключительнымъ способомъ преемства княжеской власти: Всеволодъ еще при жизни такъ пріобщилъ своего старшаго сына къ участію во власти: „не токмо Богъ положилъ на тебя старѣйшиньство въ братьѣ твоей, но и въ всей Русской земли: и азъ ти даю старѣйшинство". Власть княжеская усиливается во внутреннемъ управленіи; лѣтописецъ говоритъ о Всеволодѣ Суздальскомъ, что онъ „украшенъ всѣми добрыми нравы, злыя казня, а добромысленныя милуя; князь бо не туне мечь носитъ въ месть злодѣемъ, а въ похвалу добро творящимъ".—Значеніе боярской думы понижается; тотъ же Всеволодъ „судилъ судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица силныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работящихъ сироты и насилье творящихъ".—Вѣче въ Суздальской землѣ исчезаетъ во 2-й четверти XIII в., и впослѣдствіи именемъ вѣча называются здѣсь возстанія и заговоры.—Обстоятельства, вызвавшія на сѣверо-востокѣ усиленіе княжеской власти, заключались въ мѣстныхъ особенностяхъ этой страны, именно уединенности ея отъ центра междукняжескихъ усобицъ, и въ такихъ экономическихъ условіяхъ, которыя препятствовали образованію здѣсь сильнаго боярства и большихъ городскихъ общинъ.

Начала государственнаго объединенія всѣхъ Русскихъ Земель.

Земли перваго періода не были объединены въ одно цѣльное государство, но существовали уже на лицо нѣкоторыя *начала будущаго государственнаго единства*. Противорѣчіе между дѣйствительнымъ раздѣленіемъ Руси и идеальнымъ сознаніемъ ея единства изъясняется тѣмъ, что три элемента государства (территорія, населеніе и власть) развивались не съ одинаковою быстротою и не одновременно.

1. **Національное единство** населенія и сознаніе о немъ (хотя и не совсѣмъ полное) достигло гораздо раньше большей ясности и твердости, чѣмъ единство власти.

Съ точки зрѣнія національной вся Русская земля представлялась уже единымъ цѣлымъ даже въ глазахъ враждующихъ князей. Ихъ общія предпріятія совершаются во имя этого сознанія; въ 1095 г. князья Святополкъ и Владиміръ Мономахъ звали черниговскаго кн. Олега въ общій походъ на половцевъ; когда онъ отказался, то его поступокъ осуждается прочими князьями такъ: „вотъ ты не шелъ съ нами на поганыхъ, которые разорили *землю Русскую*"... На Любечскомъ съѣздѣ 1097 г. побужденіемъ

къ соглашенію было слѣд.: „почто губимъ *Русскую землю*, сами на ся котору дѣюще? А Половци землю нашю несуть розно и ради суть, оже межю нами рати; да нынѣ отселѣ имемся въ едино сердце и блюдемъ *Рускыя земли*... Да аще кто отселѣ на кого будетъ.... да будетъ нань хрестъ честный *и вся земля Руськая*". Такимъ образомъ съ національной точки зрѣнія князья называютъ взаимныя войны *междоусобіями* („сами на ся"). Планы галицкаго князя Василька (ослѣпленнаго въ Кіевскомъ княжествѣ) были таковы: „на землю Лядьскую наступлю... и мьщу (за) *Руськую землю*... Посемъ хотѣхъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за *Русскую землю*". На Увѣтичскомъ съѣздѣ 1100 г. всѣ прочіе князья упрекали Давида Волынскаго такъ: „се ти молвятъ братья: не хочемъ ти дати стола Володимерьского, зане вверглъ еси ножь въ ны, его же не было въ Руськѣй земли". Соглашеніе князей на Долобскомъ съѣздѣ 1103 г. идти на половцевъ закончено слѣд. рѣчью Мономаха къ Святопокку: „то ты, брате, велико добро створиши *земли Рускый*". Вообще Владиміръ Мономахъ, приводившій князей къ соглашенію во имя національнаго единства Русской земли, славенъ былъ, какъ „добрый страдалецъ за *Русскую землю*". Само населеніе старается прекратить междоусобіе князей во имя общихъ интересовъ Русской земли: въ 1097 году, когда наступали на кіевскаго князя Святополка прочіе князья, кіевляне умирили князей, пославъ сказать имъ: „молимъ васъ не погубите Русской земли..., которую стяжали отцы и дѣты ваши, поборая по Русской землѣ". Въ 1130 г. черниговцы во время наступленія кіевскаго князя на ихъ князя Всеволода говорятъ этому послѣднему „ты надѣешься бѣжать къ половцамъ, а волость свою погубишь, проси мира; мы знаемъ милосердіе Ярополка, ибо онъ бережетъ землю Русскую". Изъ представленныхъ примѣровъ видно, что въ отношеніи къ иноплеменникамъ вся Русская земля является, какъ одно цѣлое, именно благодаря національному единству населенія. А такъ какъ населеніе есть одинъ изъ трехъ элементовъ государства, равный по важности двумъ остальнымъ, то мы должны признать за національнымъ единствомъ (хотя и не вполнѣ сознаннымъ) значеніе государственное [1]).

Были попытки установить политическій центръ въ Кіевѣ—„матери градовъ русскихъ". Нѣсколько разъ рѣшеніе общерусскихъ дѣлъ было передаваемо на разсмотрѣніе кіевскаго вѣча и кіевской боярской думы, напр. судъ надъ галицкимъ княземъ Василькомъ, разсмотрѣніе притязаній черниговскаго князя Олега. Территоріальное значеніе города Кіева такъ выразилось въ 1096 г.: когда Олегъ послѣ войны принужденъ былъ просить мира, то Святополкъ и Владиміръ дали ему миръ въ такихъ словахъ: „иди къ брату твоему Давиду и приходите въ Кіевъ на столъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, потому что это есть старѣйшій городъ въ Землѣ всей—Кіевъ,

[1]) См. выше о неполнотѣ національнаго сознанія и остаткахъ племенной розни.

тутъ слѣдуетъ съѣзжаться и положить порядокъ" (Лавр. лѣт.). Но изъ старѣйшинства Кіева не образовалось общеземской власти.

2. **Государственная власть** вообще заключала въ себѣ мало началъ единства.

Каждая изъ указанныхъ формъ власти (князь, дума и вѣче) простирается на каждую землю въ отдѣльности, а не на цѣлую совокупность русскихъ земель. Такой государственной власти, которая бы простиралась на всю Русскую землю, не было. Тѣмъ не менѣе между князьями всѣхъ русскихъ земель была нѣкоторая постоянная и живая связь. Проявилась ли она въ какихъ-либо государственныхъ учрежденіяхъ?

а) По теоріи Карамзина и его предшественниковъ, общерусскою властію былъ *великій князь* Кіевскій, а потомъ (съ пол. XII)—Владимірскій; власть его, вполнѣ единодержавная при Олегѣ и Владимірѣ, хотя и ослабѣла въ періодъ удѣловъ, но въ идеѣ сохранилась. „Ярославъ, говоритъ Карамзинъ, раздѣливъ Россію на княженія, хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, называясь великимъ княземъ, былъ главою отечества и меньшихъ братьевъ, и чтобы удѣльные князья, оставляя право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ Кіевскаго, какъ *присяжники* и знаменитые *слуги* его... Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею, но преемники ихъ лишились сей власти" (И. Г. Р. т. III, гл. VII). Словомъ въ идеѣ государство оставалось единодержавнымъ и лишь фактически единодержавіе нарушалось неповиновеніемъ великому князю нѣкоторыхъ слугъ его. Но, во-первыхъ, титулъ „великаго князя" въ описываемую эпоху вовсе не существовалъ; онъ приписывался нѣкоторымъ изъ сильнѣйшихъ князей какъ кіевскихъ, такъ и другихъ, въ литературныхъ памятникахъ (надгробныхъ похвалахъ) подобно тому, какъ уже тогда такихъ князей именовали „царями" и „самодержцами". Въ лѣтописяхъ постоянно усвояется титулъ великаго князя однимъ суздальскимъ князьямъ лишь со времени Всеволода III. Во-вторыхъ, Ярославъ отдалъ своимъ дѣтямъ не всю Россію, а Кіевскую и Черниговскую землю съ Переяславскою; въ его распоряженіе не входила земля Полоцая, имѣвшая отдѣльный родъ княжескій. Въ-третьихъ, власть, врученная Ярославомъ старшему сыну, не есть власть государственная, а отеческая: братья не сдѣлались его подданными, или слугами. И впослѣдствіи ни Владиміръ Мономахъ, ни Мстиславъ В., ни Андрей Боголюбскій ничѣмъ не управляли въ другихъ земляхъ за предѣлами своей—Кіевской или Суздальской. Если одинъ изъ нихъ желалъ пріобрѣсти что-либо въ чужой землѣ, то дѣлать это не иначе, какъ силою (войною), или съ согласія мѣстнаго князя. Далѣе, князь кіевскій (яко бы великій) не управляетъ и внѣшними дѣлами цѣлой Россіи такъ, чтобы князья другихъ земель воевали и мирились съ иноземцами лишь по его приказанію и являлись въ общій походъ по призыву великаго князя. Напротивъ, князь каждой земли имѣетъ свои суверенныя права. Итакъ, мысль о великокняжескомъ достоинствѣ, какъ единой государственной власти для

цѣлой Россіи, должна быть отвергнута не только de facto, но и въ принципѣ.

б) По теоріи С. М. Соловьева, единою государственною властію для цѣлой Русской земли была *коллективная власть всего княжескаго рода*: владѣлъ частію Русской земли тотъ или другой князь въ отдѣльности, но не на правахъ личныхъ, а на правахъ члена рода; части Земли (удѣлы) распредѣлялись между членами рода, по степени близости этихъ послѣднихъ къ старшинству; почему князья, приближаясь къ старшинству, передвигались отъ одного удѣла на другой—лучшій. Старѣйшій князь, родоначальникъ, занималъ старѣйшій столъ—Кіевъ. Онъ имѣлъ власть надъ младшими князьями, но не государственную, а родовую („въ отца мѣсто"); тѣмъ не менѣе „старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ..., имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости... Младшіе князья обязаны были... ходить въ его послушаніи, являться ко нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ".

Въ этой теоріи нужно отличать мысль о *единствѣ княжескаго рода* отъ идеи власти старшаго князя надъ всѣми князьями-сородичами. Эта послѣдняя идея столь же мало подтверждается фактами, какъ мысль о великокняжеской власти.

в) *Единство княжескаго рода и союзъ князей.* Но мысль о единствѣ княжескаго рода имѣетъ дѣйствительное значеніе: во времена, ближайшія къ Владиміру и Ярославу, мысль о совокупномъ владѣніи цѣлаго рода всею Русскою землею была близка къ осуществленію. Хотя потомъ, благодаря политической раздѣльности русскихъ земель, княжескій родъ разложился на нѣсколько самостоятельныхъ линій (изъ которыхъ каждая разсматривалась уже, какъ самостоятельный родъ: Мономаховичей—Кіевскихъ, Юрьевичей—Суздальскихъ, Ольговичей—Черниговскихъ, Изяславичей—Полоцкихъ, Ростиславичей—Галицкихъ, но для *князей* мысль о единствѣ правъ всего рода на цѣлую Русскую землю осталась руководящею идею во все теченіе періода удѣловъ. Въ 1195 году князь кіевскій Рюрикъ и его союзники послали мужей своихъ къ Ольговичамъ Черниговскимъ съ такимъ предложеніемъ: „цѣлуйте къ намъ крестъ, что вы не будете искать отчины нашей Кіева и Смоленска ни подъ нами, ни подъ нашими дѣтьми, ни подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ; какъ насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ, то вамъ нѣтъ дѣла до Кіева". Такое предложеніе клонилось къ полному и окончательному раздѣленію Русской земли на самостоятельныя государства. Ольговичи, посовѣтовавшись, отвѣчали: „какъ мы обѣщались блюсти Кіевъ подъ тобою, такъ въ томъ и стоимъ; но если ты приказываешь намъ отказаться отъ Кіева навсегда, то мы не Угры, не Ляхи, но единаго дѣда внуки: при вашей жизни мы не ищемъ Кіева, послѣ васъ, кому Богъ дастъ" (Ипат. лѣт.).

Единство княжескаго рода и его исключительное право на Русскую землю есть одно изъ самыхъ сильнымъ объединительныхъ началъ того времени. Изъ него произошли слѣд. частныя послѣдствія.

Народъ во всѣхъ земляхъ русскихъ избираетъ князей *только изъ рода Рюриковичей* (избраніе Литовскихъ князей относится къ слѣдующему періоду). Если какою-либо землею овладѣвалъ иноземецъ, то князья стремились со всѣхъ сторонъ для изгнанія его; когда въ 1189 г. Галицкимъ столомъ завладѣли венгерцы, то кіевскій князь Рюрикъ говорилъ князю Святославу; „аже хочешь ити на Галичь, да се азъ съ тобою готовъ; молвящеть бо и митрополитъ Святославу и Рюрикови: *се иноплеменницы отъяли отчину вашю*, а лѣпо вы бы потрудитися (Ипат. лѣт.).

Князья ищутъ владѣній *только въ Русской земли*: кромѣ попытки Святослава Игоревича основаться въ Дунайской Болгаріи, былъ только одинъ случай княженія малоизвѣстнаго русскаго князя въ чужихъ за-Карпатскихъ странахъ. Родовыя традиціи княженія сохранили память о единствѣ Русской земли даже послѣ раздѣленія ея на два совершенно независимыхъ государства—Литовское и Московское, и внушили московскимъ великимъ князьямъ раннюю мысль о правахъ ихъ на Полоцкъ, Кіевъ и Волынь (такія широкія притязанія вовсе не соотвѣтствовали средствамъ ихъ первоначальнаго маленькаго княженія).

На единствѣ княжескаго рода и національномъ единствѣ Русской земли основывается *союзъ князей*, постоянно признаваемый въ принципѣ, хотя весьма часто нарушаемый въ дѣйствительности. Союзъ состоитъ изъ *равныхъ другъ другу* членовъ; нарушеніе равенства служитъ нарушеніемъ союза: когда въ 1174 г. Андрей Боголюбскій началъ самовластно распредѣлять столы между князьями, то князья признали это нарушеніемъ братскаго союза. Члены союза именуются *братьями*. Союзъ основывается не на договорномъ началѣ; напротивъ, иногда частные договоры двухъ или нѣсколькихъ князей клонятся къ его нарушенію и потому признаются незаконными. Между братьями Ярославичами не было никакого договора объ общемъ союзѣ и неподыскиваніи другъ подъ другомъ столовъ; но когда двое изъ нихъ заключили въ 1073 году договоръ противъ третьяго (Изяслава Кіевскаго) и выгнали его изъ Кіева, то такой договоръ былъ признанъ современниками за нарушеніе общаго братскаго союза, стоящаго выше частныхъ договоровъ: „въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичехъ“, говоритъ лѣтопись; поступокъ двухъ братьевъ приравненъ лѣтописцемъ къ преступленію Исава (Лавр. лѣт.).

Дѣйствіе союза простирается какъ на *внѣшнія*, такъ и на внутреннія (междукняжескія) отношенія. По отношенію къ иноземнымъ народамъ (въ особенности восточнымъ варварамъ) всѣ русскіе князья составляютъ одно цѣлое (союзъ оборонительный и наступательный, основанный также не на частномъ договорѣ). Въ 1096 г. князья зовутъ черниговскаго князя Олега въ Кіевъ договориться объ оборонѣ Русской земли „отъ поганыхъ“; Олегъ не пошелъ ни на совѣщаніе, ни на половцевъ. Тогда прочіе князья послали сказать ему: „если ты ни на поганыхъ не идешь, ни на совѣтъ къ намъ, то, значитъ, ты мыслишь противъ насъ и хочешь помогать поганымъ“, и объявили ему войну. Договоры объ общихъ дѣйствіяхъ противъ половцевъ касаются не установленія союза, а лишь удобствъ времени и

мѣста совершенія похода: въ 1170 г. „вложи Богъ въ сердце Мьстиславу Изяславичю мысль благу о Русской земли (о походѣ на половцевъ)... и созва братью свою и нача думати съ ними и река имъ тако: братье, пожальтеся о Русской земли... И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце, а намъ дай Богъ за крестьяны и за Русскую землю головы свое сложити“ (Ипат. лѣт.). На Долобскомъ съѣздѣ дружина кіевскаго князя возражала Владиміру Мономаху на его предложеніе общаго похода на половцевъ: „не годится весною итти и отрывать крестьянъ отъ работы“. Въ 1183 году князья уже двинулись на половцевъ, но на дорогѣ встрѣтилъ ихъ черниговскій и сказалъ: „нынѣ, братья, не ходите, но срекше время, оже дасть Богъ, на лѣто пойдемъ; Святославъ же и Рюрикъ (старшіе князья), послушавше его, возвратишася“. Въ томъ же году, при вторичномъ общемъ походѣ, въ которомъ участвовало 13 князей, черниговскіе князья не участвовали по такой причинѣ: „далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемь своеѣ землѣ пусты оставити; но же поидеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Сулѣ“ (Ипат. лѣт.). Такіе примѣры не доказываютъ права отдѣльныхъ членовъ союза вступать въ соглашеніе съ варварами противъ русскихъ земель.

Во *внутреннихъ отношеніяхъ* союзъ князей распредѣляетъ столы между своими членами. На Любечскомъ съѣздѣ постановлено: „Почто губимъ Руськую Землю, сами на ся котору дѣюще?... Кождо де держитъ отчину свою: Святополкъ—Кыевъ Изяславлю, Володимерь—Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославль—Святославлю; а имже роздаялъ Всеволодъ городы, Давыду—Володимеръ, Ростиславичема: Перемышль—Володареви, Теребовль—Василькови“. Союзъ князей устанавливаетъ отношенія князей и къ такимъ землямъ, которыя не были отчиною какой-либо линіи княжескаго рода: въ 1196 г. всѣ князья предоставили новгородцамъ право выбирать себѣ князя, гдѣ хотятъ.

Союзъ князей судитъ и наказываетъ своихъ членовъ за преступленія, совершенныя однимъ княземъ надъ другимъ, и за нарушеніе общесоюзнаго мира. Когда Святополкъ кіевскій схватилъ и выдалъ Давиду Игоревичу кн. Василька, а Давидъ ослѣпилъ его, то Владиміръ Мономахъ, услышавъ о томъ, „ужасеся и всплакавъ, и рече: сего не бывало есть на Руськѣй земьли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла“. Затѣмъ онъ послалъ къ Давиду и Олегу Святославичамъ, говоря: „приходите въ Городецъ, чтобы исправить это зло, которое содѣлалось въ Русской землѣ и среди насъ—братьевъ...; если мы этого не поправимъ, то еще бо́льшее зло встанетъ въ насъ и начнетъ братъ брата закалать и погибнетъ земля Русская, а враги наши Половцы, пришедше, возьмутъ землю Русскую“. Союзъ князей послалъ такой запросъ Святополку: „Зачѣмъ ты сотворилъ такое зло въ Русской землѣ? Зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? Если ты узналъ за нимъ какую вину противъ тебя, то *обличилъ бы его предъ нами* и, доказавъ обвиненіе („упрѣвъ бы и̑“), наказалъ бы его. Теперь объяви вину его“. Извиненіе Святополка не было признано

уважительнымъ и князья готовились наказать его войною. Но кіевляне успѣли примирить своего князя съ наступавшими, напомнивъ Владиміру Мономаху, что борьбѣ князей будутъ радоваться поганые, которые возьмутъ землю Русскую, „которую стяжали отцы и дѣды ваши: они де пріискивали иныхъ земель, поборая по Русской землѣ трудомъ и храбростью, а вы хотите погубить землю Русскую". Но прощеніе Кіевскому князю дано подъ условіемъ наказать главнаго виновника—Давида, который, послѣ долгой войны, дѣйствительно былъ наказанъ, именно союзомъ князей на Увѣтичскомъ съѣздѣ 1100 г. Здѣсь Давидъ явился не членомъ съѣзда, а подсудимымъ: „Давыдъ Игоревичь сѣдяще кромѣ (отдѣльно) и не припустяху его къ собѣ, но особь думаху о Давыдѣ". Рѣшеніе съѣзда было таково: „не хочемь ти дати стола Володимерьского, зане ввергъ еси ножь въ ны, его же не было въ Руськѣй земли; да се мы тебе не имемъ *(не лишаемъ свободы)*, ни иного ти зла не створимъ, но се ти даемъ: шедъ сяди въ Бужьскѣмь" (т. е. вмѣсто главнаго стола Владимірскаго, назначила ему маленькій подручный удѣлъ и, сверхъ того, 400 гривенъ деньгами въ видѣ добавки). Бояре, подустившіе Давида на ослѣпленіе Василька, были еще раньше повѣшены. Отнятіе волости было единственнымъ наказаніемъ, какое могъ назначить совѣтъ князей виновному членукнязю; но за нарушеніе междусоюзныхъ постановленій со стороны боярина могла быть назначена ему смертная казнь: въ 1177 г. Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій такъ говорилъ кіевскому князю Роману: „рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову" (преступленія бояръ противъ своего князя, конечно, не подлежали междукняжескому суду). Что такое постановленіе не было частнымъ договоромъ между названными князьями, соблюдалось всегда безъ особаго договора, это показываетъ вышеприведенный случай наказанія Давида Игоревича и его бояръ.

Союзу князей принадлежитъ право издавать законы, дѣйствіе которыхъ должно простираться не на одну какую-либо землю въ частности: Рус. Правда Ярославичей выработана на съѣздѣ трехъ князей-братьевъ; отмѣна мести постановлена съѣздомъ тѣхъ же князей; новыя постановленія Владиміра Мономаха составлены при участіи посла Черниговскаго князя („Иванка Чюдиновича—Олгова мужа", см. Р. Пр. Кар. 66).

Права и постановленія союза осуществляются преимущественно посредствомъ *княжескихъ съѣздовъ*, или „думы князей". Думы князей не имѣли сроковъ для созыва; съѣзды составлялись по мѣрѣ надобности. Болѣе важные изъ нихъ указаны въ вышеприведенныхъ цитатахъ, это именно съѣзды князей Ярославичей, съѣздъ Любечскій 1097 г. для установленія порядка, нарушеннаго междоусобіями, возбужденными черниговск. княземъ Олегомъ; съѣздъ Городецкій того же 1097 г. для наказанія кіевскаго князя Святополка; Увѣтичскій, или Витичевскій 1100 г.—для установленія порядка, нарушеннаго Волынскимъ княземъ; съѣздъ Кіевскій 1170 г. и др.—Съѣздъ для рѣшенія общерусскихъ дѣлъ *предполагаетъ* участіе *всѣхъ князей* („братья вся"); но въ дѣйствительности ни одинъ

съѣздъ не имѣлъ фактической полноты, что не лишало думы князей ея общерусскаго значенія. Постановленія думы были обязательны для прочихъ, не участвовавшихъ въ съѣздѣ; неисполненіе ихъ и отказъ отъ участія въ съѣздѣ безъ причины (изъ нежеланія подчиниться его приговору) влекли наказанія для виновныхъ: въ 1096 г. Олегъ Черниговскій, отказавшійся явиться на Кіевскій съѣздъ, былъ наказанъ союзною экзекуціей князей; сейчасъ было разсказано, какъ въ 1097 г. Давидъ Волынскій, нарушившій постановленія Любечскаго съѣзда, наказанъ Кіевскимъ княземъ по порученію союза князей. Время, въ которое союзъ дѣйствуетъ съ особенною ясностію и силою, есть эпоха Владиміра Мономаха.

Ни національное единство, ни постоянный союзъ князей, ни временные съѣзды ихъ не образовали, однако, изъ всей Руси одного цѣльнаго государства; въ этихъ явленіяхъ лежали лишь зачатки будущаго государственнаго единства [1]).

Г. Управленіе.

Государственная власть призвана: 1) управлять, 2) установлять правовыя нормы (законодательствовать) и 3) судить. Въ древнѣйшемъ періодѣ на первый планъ выступаетъ послѣдняя изъ упомянутыхъ трехъ функцій, т. е. судъ; однако и обѣ первыя уже и тогда входятъ въ задачи государственной власти (особенно военное управленіе).

Управленіе („володѣніе“ въ тѣсномъ смыслѣ слова) по преимуществу отражаетъ въ себѣ частно-правный характеръ власти, но отнюдь не есть частная власть (dominium) какъ по органамъ, такъ и по предметамъ управленія.

1) Органы управленія.

Органы управленія бываютъ: *а*) **Центральные.** Но въ древне-русской землѣ центральные органы не выдѣлялись вполнѣ, такъ какъ общеземское управленіе непосредственно ведетъ самъ князь, дума боярская и вѣче (см. выше). Впрочемъ, уже съ X вѣка можно различать въ центральномъ управленіи двѣ системы органовъ: собственно княжескую (*дворовую*) и *земскую*.

Князь въ управленіи (какъ и въ судѣ) замѣнятъ себя *тіунами*, управляющими отъ его лица. Они назначаемы были изъ дворовыхъ слугъ князя, первоначально несвободныхъ („тіунство“ вообще есть наемъ въ услуженіе, который не велъ къ холопству лишь тогда, когда былъ постановленъ о томъ особый договоръ: см. Рус. Правду Кар. 121; но, повиди-

---

[1]) См. Дополненіе I.

мому, такія условія были рѣдки, а потому тіуны вообще не пользовались полною правоспособностью: см. Рус. Пр. Кар. 77). Тіуновъ назначаетъ князь иногда по согласію съ вѣчемъ: „а вотъ вамъ и тіунъ по вашей воли", говоритъ князь кіевлянамъ въ 1146 г. Но это относится только къ тіунамъ, облеченнымъ судебною властію. Разряды тіуновъ различались по разрядамъ служебныхъ порученій, которыя могъ дать князь: такъ, были *тіунъ огнищный* или *дворскій* (названіе „дворскій" встрѣчается уже во 2-й пол. XII в.); онъ завѣдывалъ дворомъ (отроками) и домашнимъ хозяйствомъ князя; съ половины XII в. онъ назначается изъ бояръ и причисляется къ лучшей дружинѣ. Подчиненные ему служители называются *ключниками*: въ 1154 г. „посла (Ростиславъ) мужи отца своего Вячеслава и тіуны и ключники; каза нести имѣніе отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро" (Ипат. лѣт.). Управленіе дворскаго замѣняло собою всѣ послѣдующіе органы финансоваго управленія. Впрочемъ, были нѣкоторые органы и спеціально-финансоваго управленія: таковы *данщики* и *мытники*. Особенная вѣтвь княжескаго хозяйства, тогда наиболѣе важная, вызвала должность *тіуна конюшаго* (впослѣдствіи чинъ столь важный въ Московскомъ государствѣ). Есть указанія, что уже въ XIII в. были зародыши администраціи вполнѣ государственной: въ договорѣ Смоленска съ нѣмцами 1229 г. между прочимъ постановлено: „Если *тіунъ* на волокѣ услышитъ, что пришелъ латинскій гость, то онъ долженъ послать людей съ телѣгами перевезти товаръ черезъ волокъ". Въ связи съ должностью тіуновъ стоитъ подчиненная имъ должность *мечниковъ*: въ 1146 г. кіевляне, вытребовавъ отъ князя смѣны тіуна Ратьши, „бросились дворъ его грабить и на мечники". Вообще въ системѣ органовъ дворового управленія нельзя различить частно-хозяйственные органы отъ государственныхъ.

Система *земскаго управленія* (болѣе древняя, чѣмъ княжеская) построена по численному (математическому) дѣленію общества: какъ цѣлое государство составляло тысячу, а старшіе города и провинціи дѣлились на сотни и десятки, такъ центральнымъ правителемъ былъ *тысяцкій*, а подчиненные ему—*сотскіе* и *десятскіе*. Происхожденіе должности тысяцкаго—доисторическое; можно принять гипотезу о томъ, что тысяцкіе замѣнили прежнихъ племенныхъ князей; иногда тысяцкіе именуются князьями (если управляютъ цѣлою землею безъ князя, напр., Юрій Шимановичъ, управлявшій Суздальскою землею при Мономахѣ); счетъ годовъ лѣтописцы обозначаютъ иногда именами князей и тысяцкихъ. „Въ лѣто 6597 священа бысть церкви Печерьская... при благородьнѣмь князи Всеволодѣ, державному Русьскыя земля..., воеводьство держащю Кыевьскыя тысяща Яневи" (Лавр. лѣт.). Первоначально тысяцкіе народные совершенно противопоставлялись тысяцкимъ и посадникамъ княжескимъ: въ-то время, какъ посадникъ Владиміра Св. Добрыня и тысяцкій Путята старались понудить новгородцевъ къ крещенію, тысяцкій новгородскій Угоняй противился тому (Іоак. лѣт.); вѣроятно, что тогда должность тысяцкаго была наслѣдственною. Затѣмъ тысяцкихъ сталъ назначать князь изъ мѣстныхъ

бояръ, часто изъ одной и той же фамиліи преемственно (при Ярославѣ въ Кіевѣ былъ тысяцкимъ Вышата, затѣмъ сынъ его Янъ). „Держи ты тысячу, какъ у брата моего держалъ", говоритъ новый князь кіевскій Игорь въ 1146 г. Улѣбу, кіевскому тысяцкому. Въ Новгородѣ эта должность сдѣлалась выборною. Каковъ бы ни былъ способъ усвоенія должности тысяцкаго, этотъ сановникъ всегда оставался представителемъ интересовъ народа: въ 1043 г. кн. Ярославъ отправилъ сына своего Владиміра въ походъ на Византію; предводителемъ народнаго ополченія былъ тысяцкій Вышата, а княжимъ воеводою (предводителемъ дружины) былъ Иванъ Творимиричъ; когда буря разбила русскіе корабли (кромѣ корабля, на которомъ была княж. дружина) и выбросила воиновъ на берегъ, то народное ополченіе рѣшилось возвратиться въ Русь (сухимъ путемъ), но „не идяше съ ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата: азъ поиду съ ними; и высѣде исъ корабля къ нимъ, и рече: аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною" (Лавр. лѣт.). Хотя иногда тысяцкій и его сотскіе расходились въ своей дѣятельности съ интересами и волею народа (напр., по смерти кн. Святополка въ 1113 г. до прибытія въ Кіевъ Владиміра Мономаха, народъ бросился грабить дворъ тысяцкаго Путяты и сотскихъ), но это относится къ нѣкоторымъ лицамъ, злоупотреблявшимъ этою должностію. По разсказу Татищева, кіевскій тысяцкій Улѣбъ въ 1146 г., когда Всеволодъ Ольговичъ старался передать кіевскій столъ своему брату Игорю, заявилъ, что кіевляне привержены къ Мономаховичамъ, а не къ Ольговичамъ, и что кн. Изяславъ Мстиславичъ есть сущій и прямой наслѣдникъ. „Симъ отвѣтомъ Всеволодъ весьма озлобился". По уставной грам. новгор. князя Всеволода церкви св. Іоанна, князь поставилъ отъ житьихъ людей старостъ и отъ черныхъ тысяцкаго. Такимъ образомъ тысяцкій является какъ бы народнымъ трибуномъ, уравновѣшивающимъ власть княжескую; по этой причинѣ власть тысяцкаго уничтожена князьями восточныхъ земель (въ Москвѣ казнію послѣдняго тысяцкаго въ 1374 г.). Такою ролью тысяцкаго отчасти опредѣляется и его должность: онъ прежде всего есть *предводитель народнаго ополченія:* въ 1195 г. во время войны смоленскаго князя Давида съ Черниговскими, княжимъ полкомъ предводительствовалъ князь, а „Смоленскимъ полкомъ"— тысяцкій Михаилъ. Тысяцкій предсѣдательствуетъ на вѣчѣ въ отсутствіе князя (въ Кіевѣ въ 1147 г. вмѣстѣ съ митрополитомъ). По уставн. грам. Всеволода, тысяцкому поручается „управливати всякая *дѣла торговая*, и гостиная, и судъ торговый"; вышеприведенный фактъ возстанія кіевлянъ на тысяцкаго, сотскихъ и „жидовъ" указываетъ на прямое отношеніе тысяцкаго къ торговлѣ. Ему же и сотскимъ принадлежитъ и *охранительная полиція*: волненіе въ Кіевѣ 1147 г. усмиряетъ тысяцкій. Отъ тысяцкихъ народныхъ надо отличать княжихъ тысяцкихъ—предводителей княжей дружины (двора)—и тысяцкихъ пригородныхъ (см. Р. Пр. Кар. 66), замѣнявшихъ собою посадниковъ.

Подчиненные тысяцкому *сотскіе* и *десятскіе* упоминаются уже во время Владиміра Св.: на пиры къ Владиміру приходили бояре, гриди,

сотскіе, десятскіе и нарочитые мужи. Состоя предводителями частей ополченія, они оставались постоянными гражданскими правителями частей государства (сотенъ и десятковъ).

Въ земской системѣ органовъ администраціи съ особенною ясностью выдѣляются *государственныя* начала управленія.

б) **Мѣстное управленіе.** Органами мѣстнаго управленія называются тѣ, которые управляли пригородами и волостями. *Составныя части земли* не всегда однородны: пригороды входили въ составъ земли иногда цѣлыми группами; иногда цѣлыя земли, по завоеваніи, дѣлались провинціями другой земли; иногда же отдѣльныя волости входили въ составъ земли, какъ самостоятельныя провинціи. *Сложныя провинціи* именуются иногда прежними *племенными* названіями: въ 1149 г. упоминаются „вси Дрегвичи", какъ новая провинція Черниговской земли; въ 1147 г. „вси люди Голядь верхъ Поротвѣ" и „волость—Вятичи", какъ провинціи той же земли. Иногда имъ усвояется названіе *географическое*: „Посемье" (по р. Сейму)—провинція той же земли. Иногда (но очень рѣдко) такія провинціи именуются *тысячею*. Въ 1149 г. упоминается „Сновьская тысяча" (по р. Снову), какъ провинція той же земли. Чаще встрѣчается наименованіе *полкъ*: полкъ Бѣлгородскій, полкъ Кіевскій („Когда выйдемъ въ сильный полкъ Кіевскій, то я знаю, что они будутъ биться за меня", говорилъ 1150 г. Изяславъ Мстислав., ободряя свою дружину).

Подраздѣленія провинцій, кромѣ нормальнаго наименованія *волость,* именуются еще погостами и вервями.

Погостъ есть терминъ сѣверно-русскій: погосты находимъ въ Новгородской, Псковской, Суздальской и Смоленской земляхъ; въ остальныхъ не встрѣчаемъ. Погостъ есть древнѣйшая зачаточная клѣточка земскаго государства. Уже Ольга устанавливала по р. Мстѣ погосты, но это не означаетъ ихъ первоначальнаго установленія: погосты—происхожденія доисторическаго (какъ мѣста сходбищъ для общественнаго богослуженія и какъ мѣста торговли, возникающей при такихъ сходбищахъ). Словомъ, погостомъ называется какъ центральный пунктъ округа, такъ и самый округъ. Что касается до числа погостовъ, то въ Новгородской землѣ къ XVI в. число это дошло до 419; въ Смоленской землѣ (по Устан. грам. 1150 г.) перечисляется до 45 погостовъ. Погостъ, обнимая собою лишь сельское населеніе, былъ единицею, по которой распредѣлялась дань, а потому погостомъ иногда называется самая дань, и въ этомъ смыслѣ слово погостъ замѣняется словомъ „потугъ". Вмѣсто термина погостъ, та же единица провиціальнаго дѣленія какъ въ южныхъ, такъ и сѣверныхъ земляхъ называется *вервію* (корень слова общій индоевропейскій—Warî). Той же единицѣ соотвѣтствуютъ и наименованія *сотня* не только въ городскомъ, но и въ провинціальномъ дѣленіи, и *губа*—въ Псковской и Новгородской земляхъ.

Провинціи-*колоніи („свободы)* состоятъ въ менѣе тѣсной связи съ государствомъ. Таковы сѣверныя провинціи Новгородской земли: Теръ, Пермь, Печора, Югра, Вологда. Примѣромъ неустойчивости связи отда-

ленныхъ колоній съ метрополіею можетъ служить Вятка. Въ нихъ, какъ населенныхъ преимущественно инородцами (кромѣ Вятки), не могло быть такихъ же порядковъ внутренняго управленія, какъ въ коренныхъ частяхъ земли. Онѣ были источникомъ богатства для метрополіи, но вмѣстѣ источникомъ смутъ и переворотовъ со стороны могущественныхъ бояръ-колонистовъ.

Пограничныя провинціи иногда находились *въ совладѣніи* двухъ или нѣсколькихъ государствъ, которыя управляли ими (и пользовались данью) или поочередно, по годамъ, или совмѣстно, дѣля доходы управленія: такъ, Смоленская земля (по Уст. грам. Ростисла) претендовала на старинную дань съ Суздальско-Залѣсскихъ волостей; Вел. Луки, Ржева и Холмовскій погостъ находились въ совладѣніи В. Новгорода, Литовскаго, а потомъ Московскаго государствъ.

Органы мѣстнаго управленія двоякіе: одни существуютъ для связи провинціи съ государствомъ—*органы централизаціи.*—Это *посадники,* именуемые иногда и тысяцкими. Назначеніе куда-либо посадника означаетъ присоединеніе мѣстности къ государству: по завоеваніи Волыни при Святополкѣ, назначается изъ Кіева посадникъ въ Луцкъ; Олегъ Черниговскій, захвативъ землю Ростовскую, сажаетъ тамъ своихъ посадниковъ; Мстиславъ Кіевскій, изгнавъ Полоцкихъ князей, назначаетъ въ ихъ землю своихъ посадниковъ. „Взять посадника“ у какого-либо князя значитъ добровольно покориться ему: въ 1147 г. „Куряне послаша (къ сыну Юрія Долгорукаго) и пояша у него посадникъ къ собѣ“. Возвращеніе старшимъ городомъ власти надъ пригородомъ ознаменовывается посылкою туда посадника (Ростовъ и Владиміръ); наоборотъ, достиженіе пригородомъ независимости выражается отказомъ въ принятіи посадника (Псковъ и Новгородъ). Посадники назначались въ каждый пригородъ или изъ подручныхъ (младшихъ князей, или изъ бояръ: въ 1195 г. „да Всеволодъ Торцькій (гор. Торческъ) зятю своему Ростиславу, а въ иныи городы посла посадники своя“. Хотя подручные князья не назывались прямо посадникамя, но власть ихъ одинакова съ посадничьею. Посадникъ въ пригородѣ обыкновенно былъ одинъ (исключеніе для Псковской земли, см. выше). Выборъ посадника совершался не безъ согласія пригорода. Власть посадника имѣетъ смѣшанный частный и государственный характеръ. Частный характеръ замѣтенъ особенно въ правахъ пригородныхъ князей: „печаль бысть ему (Всеволоду Яросл. кіевскому) отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другие; сей же, омиряя ихъ, раздаваше власти имъ“ (Лавр. лѣт. подъ 1093 г.). На такихъ же частныхъ правахъ назначались пригороды и пришлымъ членамъ владѣтельныхъ домовъ: въ 1165 г. „прибѣже изъ Царя-города братанъ царевъ Кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичь и прія и Ярославъ съ великою любовью, да ему Ярославъ нѣколико городовъ *на утышеніе*“ (Ипат. лѣт.). Такой же характеръ (но въ меньшей степени) имѣла власть посадниковъ-бояръ; она сходна съ московскою *системою кормленія;* кормленіе состояло въ сборѣ корма натурою (*коробейщинѣ*), судебныхъ пошлинахъ и княжескихъ

экономическихъ доходахъ. Однако, ни власть пригородныхъ князей, ни власть посадниковъ-бояръ отнюдь не есть вполнѣ власть частная: они обязаны заботиться о военной защитѣ провинціи, давать правый судъ. Неугодныхъ посадниковъ пригороды изгоняютъ.

Впрочемъ, посадники, преслѣдуя интересы кормленія, мало вмѣшиваются во внутреннее управленіе провинціи. Дѣйствительное мѣстное управленіе находится въ рукахъ *органовъ мѣстнаго самоуправленія,* именно пригороднаго и волостного вѣча и выборныхъ чиновниковъ: старостъ, сотскихъ, десятскихъ и добрыхъ людей (Догов. 1229 г. ст. 33). Нѣкоторые изъ первыхъ были избираемы для управленія цѣлою провинціею (Уст. Двинск. гр., вступл.), другіе для подраздѣленій ея (волостей погостовъ).

2) Предметы управленія.

Государство перваго періода, по задачамъ управленія, совершенно отличается отъ государства послѣдующихъ періодовъ, особенно 3-го (когда оно становится полицейскимъ по преимуществу). Древнѣйшее государство есть по преимуществу военное.

а) Полиція въ собственномъ смыслѣ почти не входитъ въ задачи государства; въ частности относительно *полиціи охранительной* государство сознавало свои обязанности, но имѣло слишкомъ мало средствъ для ихъ исполненія: въ 1024 г. безпорядокъ въ Ростов. землѣ по поводу голода прекращенъ кн. Ярославомъ (который нарочно поспѣшилъ для того изъ Новгорода) съ большимъ успѣхомъ. Но вотъ другой случай: когда воевода черниговскаго князя Святослава Яросл. Янъ (во 2-ой пол. XI в.) прибылъ въ Ростовскую и Бѣлозерскую землю для сбора дани, то засталъ тамъ возмутительные безпорядки, произведенные волхвами опять по поводу голода; они убивали женщинъ, яко бы открывая подъ ихъ кожею спрятанный хлѣбъ. Янъ призналъ своею обязанностью прекратить безпорядки, но у него было только 12 отроковъ. Только угрозою бѣлозерцамъ, что онъ не уѣдетъ отъ нихъ цѣлый годъ (жители обязаны были содержать княжихъ пословъ), онъ заставилъ ихъ выдать волховъ и наказалъ ихъ. При перенесеніи мощей Бориса и Глѣба толпа народная достигла такой величины, „яко страшно бяше видѣти народа множество“, и не давала пройти процессіи; Владиміръ Мономахъ приказалъ разбрасывать въ народъ куски цѣнныхъ тканей и деньги и тѣмъ только раздвинулъ народную массу. Въ 1147 году ни князь, ни тысяцкій не могли защитить кн. Игоря отъ убіенія толпою.

Относительно *полиціи экономической* князья для собственныхъ личныхъ и финансовыхъ цѣлей заботились объ охраненіи торговли (въ которой первоначально сами участвовали), именно охраняли почти ежегодными походами южные торговые пути греческій, соляной и Залозный, когда караваны двигались по степямъ мимо Днѣпровскихъ пороговъ (походы 1168, 1169 и 1170 гг.); войны новгородцевъ съ Чудью и сѣверныхъ князей съ Волжскими болгарами имѣли главнымъ образомъ ту же цѣль. Къ этой же цѣли напра-

влены договоры съ греками и нѣмцами, по которымъ русскіе князья обязывались къ принятію различныхъ мѣръ администраціи (паспорты купцамъ, устройство перевозовъ черезъ волоки и др.: см. Дог. Иг. ст. 2 и Догов. Смол. 1229 г. ст. 23). Къ поддержкѣ внутренней торговли вели заботы по охраненію правильныхъ единицъ вѣса и мѣры (хотя и порученныя церкви по церковн. уставамъ, но подъ высшимъ наблюденіемъ государства) и назначеніе мытниковъ на торги (см. Рус. Пр. Кар. 33). Сюда же относятся заботы о *путяхъ сообщенія* какъ для торговыхъ, такъ и для военныхъ цѣлей: Владиміръ Св., собираясь въ 1014 г. въ походъ противъ своего сына—кн. Новгородскаго, распорядился: „теребите путь, мостите мостъ"; но въ Рус. Правдѣ есть указанія на эту дѣятельность государства, какъ нормальную и постоянную („уроки мостовые": Ак. сп. ст. 43, Кар. 109); существуетъ при Рус. Пр. и особый „уставъ о мостовыхъ" (о замощеніи В. Новгорода). Замощеніе производится окрестнымъ населеніемъ, но подъ руководствомъ княж. „мостниковъ и „осменниковъ". Въ 1115 г. Владиміръ Мономахъ устроилъ мостъ чрезъ Днѣпръ у Вышгорода.

Что касается *мѣръ противъ голода* и мѣръ *призрѣнія,* то ихъ принимаютъ князья, какъ частныя лица, изъ побужденій религіозныхъ и моральныхъ. Въ языческую эпоху для этой цѣли уменьшали населеніе, убивая престарѣлыхъ и женщинъ (которыя тѣмъ приносились и въ жертву для умилостивленія карающаго божества). Христіанскіе князья прекращали эту безобразную мѣру, не принимая никакихъ другихъ болѣе раціональныхъ. Въ лѣтописяхъ отмѣчены, какъ голодные, годы: 1024, 1070, 1127, 1128, 1145, 1161, 1170, 1188, 1214, 1215, 1230, 1231, 1279, 1291, 1297, 1298. Преимущественно страдали голодомъ Новгородская и Ростовская земли. Населеніе иногда поголовно уходило для прокормленія въ чужія страны (въ 1214 г. изъ Ростовской земли „идоша вси людье въ Болгары"), или продавало иноземцамъ женъ и дѣтей (1128, 1215 г.). Иногда князья, руководясь личными и финансовыми цѣлями, усиливали тяжесть народной скудности въ свою пользу: кн. кіевскій Святополкъ Изясл., прекратившій войною съ галицкими князьями подвозъ соли изъ Галиціи, захотѣлъ воспользоваться дороговизною ея, обративъ продажу ея въ свою монополію (Патер. Печ. въ жит. Прохора). Но большинство князей получаетъ отъ лѣтописцевъ похвалу за *нищелюбіе;* кормленіе нищихъ учреждалось при каждомъ выдающемся событіи и торжествѣ (церковн. празднествѣ, восшествіи на столъ). Владиміръ Св. позволялъ „всякому нищему и убогому" приходить на княжескій дворъ, а для больныхъ, которые сами не могутъ придти, отправлялъ повозки, нагруженныя хлѣбомъ, мясомъ, рыбою, овощами, медомъ и квасомъ (по Іакову Мниху, это дѣлалось не въ одномъ Кіевѣ, но и „по всей землѣ Русской"). При перенесеніи мощей Бориса и Глѣба князья кормили убогихъ и странныхъ три дня. Владиміръ Мономахъ училъ дѣтей: „всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ". Кіевскій кн. Ростиславъ въ 1154 г. *все имѣніе* своего предшественника кн. Вячеслава роздалъ по церквамъ и нищимъ.

Тѣми же религіозными мотивами объясняются и мѣры *къ развитію народнаго просвѣщенія*. Владиміръ Св. „нача... люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ; послав нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача на ученье книжное; матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ... акы по мертвеци“; такимъ образомъ реформированное государство, опередивъ общество, употребляетъ даже насильственныя мѣры для его блага. Ярославъ вмѣнилъ сообщеніе народнаго образованія въ обязанность приходскимъ священникамъ: „веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ“. Иногда дѣтей раздавали по частнымъ учителямъ; въ житіи Ѳеодосія разсказывается, что онъ былъ отданъ, „на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учитель“.

Какъ учрежденія для призрѣнія (богадѣльни, страннопріимницы), такъ и для народнаго образованія поручены были государствомъ церкви. Впослѣдствіи государство, стремясь къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, признало, что пожалованіе такихъ имуществъ церкви имѣло единственною цѣлію исполненіе церковью задачъ призрѣнія и образованія. Слѣдов., церковныя учрежденія этого рода должны быть признаны и государственными.

б) Финансовое управленіе.

Первоначально совершенно сливается личный доходъ князя съ финансовыми средствами государства; но и интересы князя во многомъ совпадали съ интересами государства (особенно военная защита): бояре говорили Владиміру св. въ пользу возстановленія виръ: „рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди“. Гагемейстеръ дѣлаетъ попытку различать долю финансовыхъ средствъ, идущую на частныя нужды князей (именно $^1/_3$ доходовъ), отъ доли, идущей на общественныя потребности ($^2/_3$). Ольга брала $^1/_3$ дани съ Древлянъ на Вышгородъ, $^2/_3$ на Кіевъ; Ярославъ и другіе посадники новгородскіе уплачивали $^2/_3$ въ Кіевъ и $^1/_3$ оставляли себѣ; Мстиславъ Удалой, взявши дань съ Чуди, $^2/_3$ отдалъ новгородцамъ, а $^1/_3$—своимъ дворянамъ. Едва ли такая догадка можетъ быть принята безусловно. Иногда само общество назначаетъ экстраординарные налоги непосредственно на нужды общественныя: таковъ, напр., налогъ, сдѣланный новгородцами въ 1018 г. для войны съ Кіев. княземъ.

Доходы заключались въ *дани*, *пошлинахъ* и *повинностяхъ*.

Дань и *урокъ*. Дань (прямой налогъ) первоначально происходитъ изъ отношеній побѣдителя къ побѣжденнымъ; „Рекоша Козарѣ (Полянамъ) платите намъ дань“. „Поча Олегъ воевати Древляне и, примучивъ ѝ, имаше на нихъ дань“.—„Не хощю тяжки дани возложити“, говоритъ Ольга побѣжденнымъ Древлянамъ. Обращаясь въ подать внутреннюю и постоянную, дань получаетъ названіе урока (оброка) или уклада. Ольга до окончательнаго покоренія Древлянъ беретъ съ нихъ дань, а послѣ присоединенія Древлянской Земли къ Кіевской установляетъ тамъ „уставы и уроки“. Новгородскіе посадники ежегодно платили въ Кіевъ „урокъ“ въ 2000 гривенъ. Впрочемъ, такое употребленіе терминовъ не постоянно

выдерживается и въ древнѣйшее время: Ольга въ Новгородѣ уставила погосты, дани и оброки. Олегъ заповѣдалъ грекамъ давать „уклады“ на русскіе города. Впослѣдствіи (съ XI в.) терминъ „дань“ окончательно утвердился за внутреннею податью.

Способъ взиманія дани первоначальный было *полюдье,* какъ бы военные походы, періодически повторяющіяся завоеванія. Константинъ Порфирородный пишетъ о русскихъ князьяхъ: „когда наступитъ ноябрь, князья со всѣми русскими, оставивъ Кіевъ, отправляются на полюдье, такъ называется гира (Γῦρα), въ славянскія земли Вервянъ, Друговитянъ, Кривичей, Сервовъ (Сѣверянъ) и другихъ, платящихъ дань Руси. Проведши тамъ зиму, когда вскроется Днѣпръ, возвращаются въ Кіевъ въ апрѣлѣ“ (De admin imp., c. IX). Въ 945 г. „иде (Игорь въ Дерева въ дань... и насиляше имъ и мужи его“. Собравъ дань, онъ говоритъ дружинѣ: „идѣте вы съ данью домови, а язъ възвращюся и похожю еще“. Съ XI в. князья вмѣсто себя посылаютъ для сбора дани (въ полюдье) спеціальныхъ данщиковъ: „въ то же время (около 1071 г.) приключися прити отъ Святослава дань емлющи Яневи“ (на Бѣлозеро); но тогда уже полюдье не имѣло вида военнаго похода; такое значеніе оно сохранило въ XII и XIII вв. лишь относительно новопокоренныхъ инородческихъ странъ: въ 1193 г. „идоша изъ Новгорода въ Югру ратью“... но это было только средствомъ собрать дань (Новг. 1-я лѣт.). Хотя обычай княжескаго полюдья сохраняется и въ XII и XIII вв. (въ 1190 г. „великому князю сущу въ Ростовѣ въ полюдьи“...), но князь объѣзжалъ ради производства суда; при этомъ, однако, князь получалъ подарки, обратившіеся въ постоянный и таксированный доходъ: *полюдье даровьное и погородье.* Собственно же дань доставлялась изъ пригородовъ посадниками, и въ пригороды—самимъ населеніемъ.

Единицами обложенія были *дымъ* (дворъ) и *рало* (плугъ); но обѣ эти единицы въ сущности означаютъ одно и то же, именно участокъ земли, обрабатываемый силами одного домохозяина (соха здѣсь не орудіе земледѣлія, а участокъ земли): „Сдумавше Поляне и вдаша (Козарамъ) отъ дыма мечь“, Козаре имахуть на Полянехъ, и на Северехъ и *на Вятичихъ*... по бѣлѣ и вѣвериць *отъ дыма* (859 г.)“; между тѣмъ, когда кн. Святославъ пошелъ на Вятичей и сказалъ имъ: кому дань даете? то они сказали: „Козаромъ по шелягу *отъ рала* даемъ“ (стало быть дымъ и рало тождественны). Несомнѣнно, что та же единица обложенія оставалась и во все историческое теченіе 1-го періода: впослѣдствіи въ Западной Руси господствовала *подымная* подать, а въ Москов. государствѣ—*посошная.* Но распредѣленіе по дымамъ или сохамъ дѣлало само населеніе; *государство же исчисляло дань по погостамъ:* въ уставныхъ грамотахъ Новгород. кн. Святослава и Смоленскаго Ростислава, съ цѣлью опредѣлить десятину церкви, исчисляется дань въ Новгородской и Смоленской земляхъ; въ этой послѣдней всего дани приходилось 3053 гривны; количество дани съ каждаго погоста весьма неодинаково (смотря по величинѣ и богатству погоста) отъ 200 до 2 гривенъ. Данью собственно облагаются лишь тяглые (жители погостовъ) домохозяева; бобыли же—

истужники облагаются особымъ сборомъ „по силѣ, кто что мога“. Въ число дани идетъ особый видъ ея—*передмѣръ* (б. м. косвенный налогъ, исчисляемый впередъ). Въ число дани включается и „полюдье“. Данью не обложены города; съ нихъ взимается только *погородіе (урокъ* и *почестье)*. Дань взималась въ цифрахъ опредѣленныхъ и постоянныхъ. *Поголовной* (подушной подати) до татаръ не было: свидѣтельства о ней нѣкоторыхъ памятниковъ опровергаются другими достовѣрнѣйшими.

Предметы, которыми взималась дань въ древнѣйшее время, были *сырые продукты*: медъ, шкуры пушныхъ звѣрей, зерновой хлѣбъ, ленъ, домашнія животныя: „Ради даемъ и медомъ и скорою“, говорятъ Древляне Ольгѣ. Олегъ началъ брать на Древлянахъ дань „по чернѣ кунѣ“. Въ 1294 году Волынскій кн. Мстиславъ наказалъ жителей гор. Берестья за измѣну данью „со 100 по 2 лукнѣ меду, по 2 овци, по 15 десятковъ лну, и по 100 хлѣба, а по 5 цебровъ овса, а по 5 цебровъ ржи, а по 20 куровъ“. Впрочемъ, „почестье“ съ городовъ и вездѣ отчасти состояло изъ сырыхъ продуктовъ. Дань собственно уже съ довольно ранняго времени взимается *деньгами* (иностранными): Олегъ бралъ съ радимичей по щьлягу (шелягу—шиллингу) отъ рала. Собственная денежная единица первоначально состояла также изъ сырыхъ продуктовъ (деньги назывались: „скотъ“, „куны“; „гривна“—единица вѣса металловъ и др. вещей); но съ X вѣка гривна становится единственною денежною единицею.

Пошлины устанавливаются первоначально изъ цѣлей благоустройства, а не финансовыхъ. *Вѣсъ и мѣра* взимаются для покрытія расходовъ при взвѣшиваніи и измѣреніи товаровъ въ интересахъ торговли. По введеніи христіанства они были поручены церкви (см. церковные уставы Владиміра и Всеволода и договоръ Смолен. кн. Мстислава съ нѣмцами 1229, ст. 41); но потомъ опять взяты въ завѣдываніе государства. *Мытъ* (нѣм. Maut) и *перевозъ* взимается за доставленіе средствъ или помощи со стороны государства при перевозкѣ товаровъ черезъ рѣки и волоки (см. догов. съ нѣмц. 1229, ст. 35 и 23). *Корчмита*—пошлина съ содержателей корчемъ. *Гостинная дань и торговое*—пошлина за доставленіе (иноземнымъ) купцамъ мѣстъ для склада товаровъ и вообще за устройство рынковъ. *Уголовные штрафы и судебныя пошлины* (вира и продажа, помочное, желѣзное и др.) служили однимъ изъ главныхъ источниковъ финансовыхъ средствъ государства (лѣт. 996 г.). Пошлины обыкновенно не исчисляются впередъ („что ся сойдетъ“); но иногда жители откупались отъ уплаты виръ и продажъ общимъ ежегоднымъ взносомъ (см. Уст. Ростисл. 1150 г.).

Повинности установлены съ древнѣйшихъ временъ преимущественно для цѣлей военнаго управленія, а именно *повозъ*: „Радимичи... платятъ дань Руси и повозъ везутъ (со времени Владиміра Св.) и до сего дне“. Повозъ состоялъ въ доставленіи средствъ передвиженія для военныхъ дружинъ (лодокъ, телѣгъ), для княжескихъ даньщиковъ и гонцовъ. *Градодѣланіе*—постройка и поправка укрѣпленій всею волостью (см. Рус. Пр. Кар. 108). *Постройка и починка мостовъ* (см. Рус. Пр. Ак. 43, Кар. 109 и 134).

Государственными имуществами могутъ быть признаны тѣ недвижимыя имущества, которыя переходили, при смѣнѣ князей, отъ одного князя къ другому: таковы дворцы („дворы Ярославли“ въ Кіевѣ и Новгородѣ и др.), загородные замки (Городище въ Новгородѣ, Вышгородъ въ Кіевѣ, Бѣлчицы въ Полоцкѣ и друг.). Въ Новгородѣ, гдѣ князья не могли пріобрѣтать недвижимой собственности, на содержаніе ихъ были отдѣлены особыя земли („пожни“, см. Дог. съ Казим. ст. 19). Право охоты (по крайней мѣрѣ въ особыхъ заповѣдныхъ лѣсахъ) составляло княжескую привилегію и одну изъ самыхъ важныхъ статей дохода.

в) Военное управленіе.

Военныя силы состояли изъ двора княжескаго (дружины) и дворовъ боярскихъ и изъ народнаго ополченія. *Дружины* какъ княжескія, такъ и боярскія были иногда многочисленны: „имѣю своихъ отроковъ 8 сотъ“, говорилъ кн. Святополкъ, намѣреваясь въ 1093 г. отправиться на половцевъ съ одною своею дружиною. Симонъ-варягъ прибылъ на службу къ князю съ 3000 дворянъ. Содержаніе двора доставлялось княземъ (или боярином) непосредственно въ его резиденціи (дворѣ): при дворѣ Владиміра Св. для дружины постоянно „бывало множество мяса, скота, звѣрины, было изобиліе всего; когда они разъ подпили, то начали роптать на князя, говоря: горе нашимъ головамъ! мы должны ѣсть деревянными ложками, а не серебряными. Владиміръ велѣлъ выковать серебряныя ложки, сказавъ: „серебромъ и золотомъ не найду дружины, а съ дружиною найду серебро и золото“ (Лавр. лѣт.). „Мстиславъ (Владиміровичъ) любяще дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни яденья ни браняше“ (Лавр. 1036 г.). При увеличеніи числа дворовъ, дворяне въ мирное время распредѣлялись на прокормъ по пригородамъ и селамъ: въ 1164 г., подущая кн. Святослава захватить Черниговскій столъ, увѣдомляли его: „дружина (прежняго князя) ти по городомъ далече“. Въ другомъ случаѣ (1160 г.) увѣдомляли: „братъ ти Святославъ боленъ, а дружину пустилъ отъ себе прочь“. Нѣтъ сомнѣнія, что уже тогда боярамъ и дворянамъ назначались земельные участки во временное владѣніе.

Народное ополченіе составлялось изъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ городского и сельскаго населенія: возражая Мономаху, бояре Святополка говорили въ 1103 году, что нельзя воевать весною, отрывая смердовъ отъ пашни. Горожане на вѣчѣ говорили, что они готовы идти въ походъ и съ дѣтьми. Обыкновенно въ походъ выступало не все населеніе поголовно; но случаи дѣйствительно поголовнаго ополченія были. Когда въ 1185 г. въ знаменитомъ походѣ на половцевъ погибло сѣверское ополченіе, то половцы говорили: „пойдемъ на Семь (р. Сеймъ), гдѣ ся осталѣ жены и дѣти“. Когда Юрій въ 1215 г. прибѣжалъ съ пораженія въ Липицкой битвѣ въ г. Владиміръ, то тамъ остались одни старцы и дѣти, женщины и духовные, ибо на эту войну „бяшеть погнано и изъ поселей и до пѣшьца“ (Троицк. лѣт.). Въ этой битвѣ погибло суздальцевъ 9233 воина.

Если вѣче отказываетъ въ созывѣ народнаго ополченія, то князь могъ вызвать охотниковъ; въ 1147 г. Кіевскій князь Изяславъ сказалъ: „а тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ, и то рекъ, съвокупи множество вои и поиде“ (Ипат. лѣт.). Что касается до *числа* ополченцевъ, то „В. Новгородъ во 2-й половинѣ XII в. могъ выставлять 20 т. войска; области Новгородская, Ростовская и Рязанская (вмѣстѣ) могли выставить 50 т.“ (Соловьевъ Ист. Рос. III, 22). Въ составъ войска постоянно входятъ полки наемныхъ иноземцевъ (варяговъ), поселенныхъ варваровъ (Черныхъ Клобуковъ) и союзниковъ—половцевъ. Эти полки иногда превышали численностью ополченіе русскихъ земель: въ 1138 г. Кіевскій князь Ярополкъ повелъ въ Черниговъ между прочимъ 30 т. (?) берендѣевъ; въ 1185 г. у кн. Владиміра Глѣбовича берендѣевъ было 2100. Вооруженіе и коней ополченіе получаетъ отъ князя: „Оже вира, то на оружьи и на конихъ буди“, говорили при Владимірѣ Св. „Вдай, княже, оружья и кони, еще бьемся съ ними“ (половцами), требуютъ кіевляне отъ своего князя въ 1067 г. Во время похода и для дружины и для ополченія важнѣйшее средство продовольствія (и обогащенія) составляла военная добыча въ непріятельской землѣ и *зажитье* (реквизиція).

Войско состояло изъ *конниковъ* и *пѣшихъ*: князь говорилъ кіевлянамъ: „теперь, братія кіевляне, ступайте за мной къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика, у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ на лодьѣ“. Дворы княжескіе обыкновенно были конные; ополченіе же охотнѣе билось въ пѣшемъ строю; Новгородцы и Смольняне въ Липицкой битвѣ объявили, что не хотятъ умирать на коняхъ, но хотятъ биться пѣшими, и, сбросивъ съ себя верхніе одежды и сапоги, пустились въ битву босые. Дружина и ополченіе имѣли своихъ отдѣльныхъ предводителей—тысяцкихъ. *Вооруженіе* состояло изъ броней, шлемовъ и щитовъ; а *оружіемъ* были копья, стрѣлы, мечи, кіи (палки), сулицы, ножи, рогатины и топоры.

Д. Законодательство.

(Источники права).

Источниками права признаются обычай и законъ. Первый періодъ исторіи русскаго права есть время господства обычнаго права; законодательная дѣятельность власти хотя начинается съ древнѣйшихъ временъ и потомъ постепенно расширяется, но далеко еще не можетъ конкурировать съ сферою дѣйствія обычая.

1. Обычное право.

а) Исторія застаетъ восточныхъ славянъ во время полнаго господства у нихъ обычнаго права; древнѣйшіе *термины*, означающіе право вообще, относятся къ обычному праву; таковы: „правда“, „норовъ“, „обычай“, „преданье“, „пошлина“ (то́, что́ „пошло“—общепринято издавна).

Такое же значеніе имѣютъ и термины: „поконъ“ и „законъ“, хотя впослѣдствіи ими стали обозначать законъ въ собственномъ смыслѣ. Лѣтописецъ говоритъ о древнихъ славянахъ, что они „имѣяхуть *обычаи* своя, и *законы* отець своихъ и *преданья*, кождо свой *норовъ*“, употребляя эти термины какъ тождезначащіе. „Якоже се и при насъ, продолжаетъ лѣтописецъ, нынѣ половци *законъ* держатъ отець своихъ—кровь проливати,.. ядуще мертвечину“, и т. д. (т. е. изображаетъ обычаи половцевъ). Между тѣмъ тому же лѣтописцу извѣстно было различіе между закономъ собственно и обычаемъ; „комуждо языку—овѣмъ *исписанъ законъ* есть, другимъ же *обычай*“.

б) *Происхожденіе обычнаго права.* Вышеприведенные термины указываютъ и на происхожденіе обычнаго права и на его свойства.

Признавая *автономію* (дѣйствія частнаго лица) за первоисточникъ права вообще, полагаютъ возможнымъ установить слѣд. процессъ образованія обычнаго права: болѣе энергическое лицо поступаетъ, *какъ ему угодно*; другіе слѣдуютъ ему изъ пассивной *подражательности;* чрезъ установившуюся практику, образуется *привычка* поступать такъ, а не иначе, а затѣмъ *повальный обычай*, изъ котораго, наконецъ, слагается общее *убѣжденіе* о необходимости всѣмъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Но такимъ образомъ въ основѣ права былъ бы положенъ *произволъ*, т. е. отрицаніе права. Приведенная схема опровергается тѣмъ, что обычаи разныхъ народовъ, раздѣленныхъ пространствомъ и временемъ (не имѣвшихъ никакой возможности подражать одинъ другому), сходны, а часто и тождественны.

Первоисточникъ права есть *природа человѣка* (физическая и моральная), подчиненная такимъ же законамъ, какъ и природа органическая и неорганическая. Право на первой ступени является *чувствомъ* (инстинктомъ); такова месть, защита дѣтей родителями и обратно; таково первоначальное право владѣнія (вообще такой характеръ право сохраняетъ въ семейныхъ и родовыхъ союзахъ). Всѣ поступаютъ одинаково не по силѣ подражанія одному, а одновременно и повсюду, по силѣ дѣйствія одинаковаго чувства. На второй ступени право проникается *сознаніемъ* (въ союзахъ общинныхъ и государственныхъ), превращаясь изъ явленій природы въ дѣйствія воли; то, что́ *есть* (фактъ), превращается въ то, что *должно быть* (право); но законы сознанія и воли у людей также одинаковы, какъ и законы физической природы; сознаніемъ освящаются тѣ же самыя нормы, которыя были установлены природою; такимъ образомъ личная творческая дѣятельность въ правѣ совершенно сливается съ общественною. Привычка лишь *укрѣпляетъ* дѣйствіе однообразныхъ нормъ, а не создаетъ ихъ. Разнообразіе обычаевъ по племенамъ и націямъ объясняется разными ступенями культуры и условіями экономической общественной жизни[1]).

в) Обычное право *выражается* прежде всего въ *юридическихъ дѣйствіяхъ* (фактахъ): однообразное повтореніе однихъ и тѣхъ же дѣйствій

[1]) См. дополн. I.

есть вѣрнѣйшій указатель для *распознаванія* обычнаго права, но требующій значительной осторожности, особенно по отношенію къ праву государственному: лѣтописи и другіе однородные источники сообщаютъ съ одинаковою объективностью какъ факты, вытекающіе изъ права, такъ и нарушающіе его; отсюда научные споры о правахъ старшихъ городовъ относительно младшихъ и т. д.; но та же самая объективность русскихъ лѣтописей (спокойствіе и безпристрастіе облегчаетъ возможность правильныхъ выводовъ изъ фактовъ началъ правомѣрныхъ.—Важнѣйшею формою выраженія обычнаго права служатъ *акты юридическихъ сдѣлокъ и судебные акты,* служащіе преимущественно для распознаванія права гражданскаго и уголовнаго. Въ нихъ дѣйствующія лица стараются совершить дѣйствіе согласно съ правомъ, но не всегда достигаютъ этой цѣли. Отъ перваго періода нашей исторіи дошло весьма немного сдѣлокъ (жалованная грам. кн. Мстислава 1130; купчая Антонія Римлянина 1147, вкладная гр. Варлаама 1192, рядная Тѣшаты 1226—1299 г., духовная кн. Владиміра Волынскаго 1287 и духовная Климента XIII в. Сюда, впрочемъ, могутъ быть отнесены нѣкоторые древнѣйшіе акты новгородскіе и псковскіе—XIV в. (по своему содержанію).—Обычное право выражается также въ *символахъ* (условныхъ фактахъ, созданныхъ именно для выраженія правомѣрности явленія): „посаженье князя на столѣ“ означаетъ законность пріобрѣтенія власти.—Наконецъ, оно можетъ быть выражено въ *словесныхъ формулахъ*—именно юридическихъ пословицахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя послужили послѣ формою закона, и многія уцѣлѣли до нашихъ дней со временъ древнѣйшихъ; напр., „Молодой на битву, а старый—на думу“. „Молодой князь, молода и дума“. „На одномъ вѣчѣ, да не одни рѣчи“ (требованіе единогласія). „Холопъ—не смердъ, а мужикъ—не звѣрь“. „Мужъ крѣпокъ по женѣ, а жена крѣпка по мужу“ (см. Р. Пр. Кар. 120). „Братчина судитъ, какъ судья“ (см. Пск. Судн. Гр., ст. 113). „Легко воровать, какъ семеро норовятъ“—намекъ на седмеричное число послуховъ (см. Рус. Пр. Кар. 15). „Желѣза и змѣя боится“—намекъ на ордаліи. „Въ полѣ—двѣ воли, кому Богъ поможетъ“—о судебн. поединкѣ. „Воръ воруетъ—міръ горюетъ“. „Кинешма, да Рѣшма кутятъ да мутятъ, а Сойдогда убытки платитъ“—о круговой порукѣ при уплатѣ виръ и продажъ. „Чей хлѣбъ кушаешь, того и слушаешь“—ограниченіе правоспособности договоромъ личнаго найма. „На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день“. Многія и другія пословицы, не отмѣченныя такою ясною печатью древности, могутъ быть отнесены къ первымъ временамъ исторіи; напр.: „въ отперты двери лѣзутъ звѣри“ (см. Рус. Пр. Кар. ст. 38 и 39). Юридическія нормы выражаются въ нихъ не всегда въ положительной, но часто въ отрицательной формѣ (напр., „міръ не судья, были бы сватовья“). Лучшій сборникъ русскихъ пословицъ (въ томъ числѣ юридическихъ) сдѣланъ В. И. Далемъ.

г) *Свойства обычнаго права.* Согласно съ происхожденіемъ обычнаго права, оно, во-первыхъ, обладаетъ двойною *обязательностью—внутреннею и внѣшнею,* т. е. право измѣряется не одною личною совѣстью

и сознаніемъ права. Во-вторыхъ, для сообщенія ему внѣшней обязательной силы, ему придается *религіозное значеніе*, т. е. происхожденіе обязательныхъ нормъ возводится къ самому божеству: Русскіе клялись исполнять договоръ, постановленный Олегомъ, „яко Божіе зданіе по закону и по покону языка нашего". Въ-третьихъ, обычное право *считалось прирожденнымъ* извѣстному пламени или національности (*„русская правда"*); отсюда каждый въ странѣ чужой стремился сохранить за собою свои отечественныя права. Въ-четверт., какъ право, сохраняемое традиціею, передачею, оно въ высшей степени *консервативно:* ибо измѣненіе его грозило разрушеніемъ самого права, отсюда—поступать по старинѣ равносильно „поступать по праву". „Что старѣе, то правѣе", говоритъ пословица. Но, въ-пят., какъ право, не выраженное въ твердой (письменной) формѣ, оно способно *разнообразиться* вмѣстѣ съ жизнью; уже древнія племена славянскія „кождо свой нравъ имѣяху". Въ русскихъ земляхъ, при перевѣсѣ у нихъ территоріальнаго начала надъ племеннымъ, возможность разнообразія усиливается: „Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай" (пословица). Этимъ между прочимъ объясняется *переходъ отъ обычнаго права къ закону*, совершившійся подъ вліяніемъ и при пособіи рецепціи чужого права.

2) Вліяніе и рецепція чужого права.

Спокойная племенная (патріархальная) жизнь славянъ могла долго обходиться тѣмъ неизмѣннымъ запасомъ юридическихъ нормъ, которыя выработаны обычаями съ незапамятныхъ временъ. Но съ X вѣка восточные славяне вовлечены были авантюристическими дружинами варяговъ въ столкновеніе съ отдаленными странами—Византіею и западно-европейскимъ міромъ. Это возмутило прежній спокойный уровень обычнаго права двоякимъ обр.: усилило разнообразіе въ пониманіи юридическихъ нормъ и принудило согласить свои отечественныя нормы съ чужеземными. Отсюда возникли первые пріемы законодательства: *договоры съ иноземцами и рецепція чужихъ законовъ*.

а) Договоры съ Греками и съ Нѣмцами.

Весь X-й вѣкъ есть вѣкъ періодическихъ движеній цѣлыхъ массъ восточныхъ славянъ на Византію. Съ греками было заключено тогда 4 договора: въ 907 г. Олегомъ, въ 911 г. имъ же, въ 945 г. Игоремъ, въ 972 г. Святославомъ.

Первый договоръ. Въ 907 г. Олегъ пошелъ на грековъ, собравши множество Варягъ, Славянъ (Ильменскихъ), Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ. Стѣснивши самый Константинополь, онъ заставилъ грековъ заплатить единовременный выкупъ по числу воиновъ его и затѣмъ, нѣсколько отступивъ отъ города, заключилъ миръ съ царями Львомъ и Александромъ

чрезъ посредство пяти своихъ пословъ. Главные пункты договора заключались: 1) въ обязательствѣ грековъ платить дань русскимъ на каждый изъ старшихъ городовъ, въ которыхъ сидѣли князья—подручники Олега (Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и др.); 2) въ обязательствѣ грековъ давать кормъ тѣмъ русскимъ, которые приходятъ въ Византію, а гостямъ-русскимъ мѣсячное содержаніе. Греки съ своей стороны прибавили условіе, чтобы русскіе, приходящіе въ Византію, жили въ одномъ предмѣстьѣ Св. Мамы и чтобы входили въ городъ только одними воротами въ сопровожденіи императорскаго чиновника. Этотъ договоръ сохранился въ нашей лѣтописи не въ цѣломъ видѣ, а въ лѣтописномъ пересказѣ, съ буквальными, однако, выдержками изъ документа; отсюда составилось предположеніе, что это—не отдѣльный договоръ, а рядъ статей второго договора 911 г., выхваченныхъ и занесенныхъ лѣтописцемъ ошибочно подъ 907 годъ. Но отсюда слѣдовало бы, что Олегъ вовсе не воспользовался плодами побѣдоноснаго похода 907 г.,—не заключилъ тогда никакого договора, и что дань отъ грековъ потребована не подъ вліяніемъ одержанной побѣды, а 4 года спустя. Статьи договора 907 г. не противорѣчать обстоятельствамъ времени: побѣжденные греки согласились на все, что требовалъ Олегъ для руссовъ, только прибавили необходимую оговорку, чтобы эти руссы, приходящіе въ Византію, не разбойничали на улицахъ и въ окрестностяхъ Византіи.

Бѣдное содержаніе договора 907 г. казалось, однако, на первыхъ порахъ достаточнымъ (дань и кормъ были для русскихъ главнѣе всего): но въ слѣдующіе года сами греки должны были внушить имъ мысль о необходимости болѣе подробныхъ условій, и въ 911 г. заключенъ *второй договоръ* въ Византіи чрезъ пословъ Олега; онъ дошелъ до насъ въ полномъ видѣ: съ начальною формулою („копія другой грамоты"...), заключительною клятвою и обозначеніемъ даты; никакихъ поврежденій въ срединѣ содержанія грамоты не замѣтно. Этотъ договоръ гораздо богаче перваго юридическимъ содержаніемъ; онъ касается отношеній (уголовныхъ и гражданскихъ) между греками и русскими, находящимися въ Византіи, международныхъ обязательствъ русскихъ возвращать имущество грековъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, взаимнаго выкупа и возвращенія въ отечество рабовъ и плѣнниковъ.

Въ 944 г. миръ былъ нарушенъ русскимъ кн. Игоремъ, который опять пошелъ на Византію со всѣми почти подвластными племенами и союзниками —печенѣгами; но греки не были захвачены въ расплохъ и походъ былъ неудаченъ; тогда въ 945 г. былъ заключенъ новый *третій договоръ съ греками*, въ который включены статьи договоровъ 907 и 911 г. съ нѣкоторыми измѣненіями не въ пользу русскихъ и съ добавленіями о пограничныхъ странахъ.—Ольга жила съ греками въ мирѣ и сама ѣздила въ Византію; но сынъ ея Святославъ хотѣлъ совсѣмъ переселиться на Дунай въ Болгарію; въ войнѣ 971 года онъ былъ побѣжденъ греками и заключилъ *(четвертый) договоръ*, дошедшій до насъ также въ полномъ

видѣ, но весьма бѣдный содержаніемъ (ограничивается только клятвою Святослава быть въ вѣчномъ мирѣ съ греками).

Договоры (по своей древности и по своему содержанію) имѣютъ чрезвычайную важность для исторіи русскаго права; но прежде (Шлецеромъ) заподозрѣна была ихъ *подлинность*. Однако, важнѣйшія основанія для такого подозрѣнія (мнимые анахронизмы) уже давно основательно разобраны и опровергнуты Кругомъ, Погодинымъ и др.—Договоры были написаны на *греческомъ языкѣ* и тогда же (въ копіи, назначенной для русскихъ) были переведены на славянскій языкъ весьма неискусно и неправильно; отсюда—темныя мѣста (удачно реставрированныя П. А. Лавровскимъ). Право, выраженное въ договорахъ, *не есть ни право византійское, ни чисто-русское*: оно составлено искусственно договаривающимися сторонами для соглашенія русскаго обычнаго права съ столь отличнымъ отъ него культурнымъ византійскимъ правомъ, Однако, *въ договорахъ гораздо больше слѣдовъ русскаго права*, чѣмъ византійскаго (не потому, что русскіе взяли перевѣсъ надъ греками, а потому, что культурному человѣку легче приспособиться къ младенческому состоянію, чѣмъ наоборотъ). Такъ, за убійство постановлена смерть, что для грековъ означало смертную казнь, а для русскихъ—месть рукою родственниковъ убитаго (см. Дог. Олега 4; Иг. 13). Конфискація имущества (разграбленіе), взамѣнъ мести, по договорамъ допускается, но не простирается на имущество жены преступника. За кражу полагается имущественное наказаніе (двойное или тройное возвращеніе цѣны вещи), и, сверхъ того, воръ долженъ быть наказанъ „по закону греческому и по уставу и закону русскому“ [1]). Постановленія договоровъ обязательны не только для договаривающихся правительствъ, но и для подданныхъ—какъ грековъ, такъ и русскихъ въ Византіи и отчасти на территоріи русскаго государства (Дог. Олега ст. 8).

Поэтому договоры, не установляя нормъ для отечественнаго русскаго права, имѣютъ однако значеніе и для внутренней исторіи источниковъ русскаго права: подъ вліяніемъ народа высшей культуры, русскіе въ первый разъ пробуютъ выразить нормы своего права въ объективной (письменной формѣ) и притомъ сдѣлать ихъ для себя обязательными по силѣ внѣшняго принужденія и клятвы.

Подобное же значеніе имѣютъ *и договоры съ нѣмцами*, хотя и относятся ко времени гораздо болѣе позднему, именно къ XII и XIII в. Съ нѣмцами заключали договоры западно-русскія земли: Новгородская (важнѣйшіе договоры 1195 и 1270 г.), Смоленская (дог. 1229—30, 1240 г. и др.), Полоцкая (1264, 1265 г. и др.) и Галицкая. Договоры заключаемы были съ Ганзейскими городами, Готландомъ, Ригою, Нѣмецкимъ орденомъ и Швеціею. Въ отличіе отъ договоровъ съ греками, въ нихъ содержаніе юридическихъ нормъ (въ нѣкоторыхъ весьма богатое) почти тождественно

[1]) См. подробную мотивировку этихъ соображеній въ коментаріяхъ нашихъ къ тексту договоровъ въ „Христоматіи по исторіи рус. права“. Вып. I.

съ русскимъ правомъ (благодаря культурной близости обѣихъ договаривающихся сторонъ). Тамъ, гдѣ нѣмецкое право противорѣчитъ русскому, въ договорахъ беретъ перевѣсъ русское (см. дог. 1229 г. ст. 12, 17 и др.). Потомъ ими большею часть опредѣляется въ равной степени и положеніе нѣмцевъ на территоріяхъ русскихъ государствъ, и положеніе русскихъ на нѣмецкихъ территоріяхъ; а потому договоры имѣютъ значеніе внутренняго дѣйствующаго права.

б) Рецепція Византійскаго права.

Столкновеніе съ иноземцами не ограничилось однимъ косвеннымъ вліяніемъ ихъ на русское право. Въ концѣ X в. (988 г.) сношенія съ Византіею привели къ *принятію христіанства,* что произвело совершенный переворотъ во всѣхъ сферахъ правовой жизни: обычное русское право во многомъ прямо противорѣчило ученію христіанской морали и церковнаго права (многоженство, способы и условія совершенія брака, отпущеніе жены, наложничество и пр.); съ христіанствомъ явилась церковь, какъ учрежденіе внѣшнее, имѣвшее свои каноническіе законы, во многомъ несогласные съ обычаями русскихъ; наконецъ, съ церковію явилось множество лицъ изъ Византіи (духовныхъ и свѣтскихъ), образованныхъ и вліятельныхъ, привыкшихъ къ своему праву и не желавшихъ подчиниться ни лично, ни по имуществу праву русскому. Такой всеобъемлющій переворотъ могъ бы повести къ полной замѣнѣ мѣстнаго права чужимъ; но благодаря устойчивости русскаго обычнаго права, онъ привелъ только къ необходимому усвоенію церковнаго права и къ частичной и свободной *рецепціи нѣкоторыхъ кодексовъ византійскаго свѣтскаго права.* Что дѣйствительно такіе кодексы были рецепированы съ самаго принятія христіанства, это доказывается тѣмъ, что свѣтскіе кодексы включались въ составъ греческихъ номоканоновъ (и русскихъ кормчихъ), которые, въ своей сферѣ были обязательны въ полномъ своемъ составѣ. Кормчая (номоканонъ Іоанна Схоластика) принесена къ намъ, по всей вѣроятности, уже въ славянскомъ переводѣ (см. Павлова „Славяно-русскій номоканонъ“). Ссылки на номоканонъ, какъ на обязательный источникъ права, дѣлаются въ русскихъ законахъ (въ Уст. Ярослава и Всеволода; въ Новгородской судной грамотѣ: архіепископу „судити судъ свой.... по св. отецъ правилу, по манакануну“). Несомнѣнно, что въ Русской Правдѣ есть весьма близкія заимствованія изъ свѣтскихъ памятниковъ кормчей. Возможность заимствованія облегчалась тѣмъ, что византійскіе кодексы (особенно иконоборческой эпохи) составлены подъ явнымъ вліяніемъ славянскаго элемента въ самой Византіи. Впрочемъ, заимствованіе свѣтскаго византійскаго права совершалось съ нѣкоторою *свободою* и выборомъ кодексовъ: составъ нашихъ кормчихъ не вполнѣ тождественъ съ греческими номоканонами; у насъ составлялись и обращались сборники („Книги законныя“ и „Мѣрила праведныя“),во многомъ отличающіеся отъ кормчихъ. Наиболѣе важные изъ

рецепированныхъ кодексовъ суть: 1) *Эклога* Льва Исаврянина и Константина Копронима (739—741 г.), усвоенная въ самостоятельной передѣлкѣ; 2) *Прохиронъ* Василія Македонянина (870—878 г.), называемый въ нашихъ кормчихъ „законами градскими"—памятникъ, богатый содержаніемъ и близкій по духу къ римскому праву; но въ Книгахъ Законныхъ изъ него рецепировались только нѣкоторыя, наиболѣе необходимыя и пригодныя части. Свободное отношеніе къ византійскимъ кодексамъ обнаруживается особенно изъ состава т. н. *Судебника царя Константина* или *Закона суднаго людемъ*, который дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ (краткой и пространной) въ кормчихъ и мѣрилахъ праведныхъ. Этотъ памятникъ приписанъ Константину какимъ-либо переписчикомъ, а въ самомъ дѣлѣ есть выборка разныхъ статей изъ эклоги, новеллъ, закона Моисеева,— выборка, сдѣланная славянскими (болгарскими и русскими) юристами для практической цѣли [1]). Что законъ судный дѣйствительно имѣлъ практическое значеніе, это доказывается тѣмъ, что онъ въ рукописныхъ кормчихъ иногда излагается въ перемежку со статьями Русской Правды. Свобода рецепціи проявляется и въ *переработкѣ содержанія византійскихъ* источниковъ (приспособленіи ихъ къ русскому праву): напр., членовредительныя и болѣзненныя наказанія замѣнены денежными пенями и продажами; назначено опредѣленное число послуховъ, смотря по важности дѣла; законъ о поддѣлкѣ монеты (которой на Руси еще не чеканили) замѣненъ другимъ. *Сфера дѣйствія* рецепированнаго права простирается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на все гражданское общество (право семейное и нѣкоторыя части уголовнаго), и во всѣхъ отношеніяхъ на нѣкоторые классы общества („людей церковныхъ"). Для указанія предѣловъ непосредственнаго дѣйствія рецепированнаго права возникли церковные уставы нашихъ князей.

3. Уставы.

Переворотъ, произведенный въ русскомъ обществѣ христіанствомъ, кромѣ рецепціи, вызвалъ и самостоятельную законодательную дѣятельность среди русскихъ. Уже Владиміръ св. далъ нѣсколько уставовъ: онъ „съ новыми отцы нашими епископы снимаяся часто, совѣщашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ Господа законъ уставити". (Никон. лѣт, I, 104); онъ думалъ и съ дружиною „объ уставѣ земленѣмъ". Но реформа побуждала его иногда къ принятію законодательныхъ мѣръ преждевременныхъ и неудачныхъ (отмѣна виръ и введеніе смертной казни, по настоянію епископовъ). Во всякомъ случаѣ появился уже *законъ въ формѣ уставовъ* (т. е. отдѣльныхъ постановленій по одному или нѣсколькимъ вопросамъ, б. ч. съ реформаторскимъ содержаніемъ). Уставы издавали потомъ въ большомъ числѣ Ярославъ, его сыновья и послѣдующіе князья

[1]) См. обстоятельную статью Т. Д. Флоринскаго: „Древнѣйшій памятникъ болгарскаго права" въ „Сборникѣ статей по исторіи права". Кіевъ 1904 г. стр. 404 и слѣд.

(они вошли въ составъ Русск. Правды). Отдѣльные уставы, дошедшіе до насъ, суть *церковные уставы*, приписываемые Владиміру св., Ярославу, Всеволоду Новгородскому (до 1136 г.), другой—ему же (ок. 1135 г.), Святославу Новг. (1137 г.), Ростиславу Смоленскому (1150 г.). Подлинность всѣхъ этихъ уставовъ, особенно двухъ первыхъ, давно заподозрѣна: они: дѣйствительно, дошли до насъ въ такихъ редакціяхъ, которыя не могутъ быть отнесены къ упомянутымъ князьямъ (напр., въ одной редакц. устава Владиміра говорится, что онъ принялъ крещеніе отъ Фотія патріарха, который, однако, умеръ за 80 л. до Владиміра). Редакціи, дошедшія до насъ, разнообразны по объему и содержанію. Тѣмъ не менѣе необходимо предположить, что епископы и первые христіанскіе князья установили закономъ положеніе церкви въ новомъ обществѣ, хотя теперь невозможно возстановить дѣйствительный видъ уставовъ, данныхъ Владиміромъ и Ярославомъ. Первоначальный законъ допускалъ въ себѣ неопредѣленность формы; возможны были дальнѣйшія добросовѣстныя измѣненія его безъ нарушенія основныхъ началъ и безъ предположенія о подлогѣ. Въ уставахъ назначаются предѣлы святительскаго суда (по предметамъ и лицамъ), назначается содержаніе церкви (десятина); а въ уставѣ Ярослава содержится рядъ уголовныхъ постановленій, имѣющихъ связь съ семейнымъ правомъ и нравственностью.

4. Русская Правда.

Понятіе о ней. Русской Правдой называется рядъ сборниковъ, составленныхъ частнымъ лицами изъ княжескихъ уставовъ, обычнаго права и частію—византійскихъ источниковъ.

Происхожденіе ея. Русская Правда не есть кодексъ, данный Ярославомъ и дополненный его сыновьями и Владиміромъ Мономахомъ. Въ пользу мнѣнія о Рус. Правдѣ, какъ кодексѣ Ярослава, служитъ, во-перв., надписаніе ея: „Уставъ вел. князя Ярослава“, но такое надписаніе существуетъ въ полныхъ спискахъ Правды, заключающихъ въ себѣ не только древнѣйшую Правда, но и уставы позднѣйшіе (Владиміра Мономаха); во-вторыхъ, сказаніе лѣтописи: „Отпусти (Ярославъ) ихъ (новгородцевъ послѣ побѣды надъ кіев. кн. Святополкомъ) домовъ и давъ имъ Правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, того держите“; затѣмъ слѣдуетъ текстъ древнѣйшей Правды. Но Рус. Правда не заключаетъ въ себѣ никакихъ привилегій для новгородцевъ. Точно такъ же сыновья Ярослава издавали *нѣсколько разъ* отдѣльныя постановленія, но не кодифицировали законовъ (см. Р. П. Кар. 2 и 76 и Акад. 21). Надписаніе „А се уставилъ в. к. Владимеръ Всеволодовичъ Мономахъ“ (Кар. 66) относится къ однимъ законамъ о процентахъ, а не ко всей послѣдней половинѣ Правды (см. Кар. 76). Въ пользу предположенія о частномъ составленіи сборниковъ говоритъ, во-перв., разнообразіе состава Правды въ разныхъ спискахъ; во-втор., употребленіе 3-го лица въ отношеніи къ законодателю („яко уставилъ Изяславъ...“ Ак. 21;

„по Ярославѣ совокупившеся сынове его... отложиша убіеніе за голову", Кар. 2; „в. кн. то Ярославъ Володимеровичъ былъ уставилъ убити, но то сынове его по немъ уставиша на куны"—Кар. 76); въ-трет., внесеніе въ списки Рус. Правды незаконодательнаго матеріала (Кар. 49—65) и иногда смѣшанное изложеніе ея статей со статьями византійскихъ источниковъ.

Составъ Рус. Правды. Рус. Правда дошла до насъ во множествѣ рукописей (въ лѣтописяхъ и кормчихъ); древнѣйшая изъ нихъ (синодальная) относится къ XIII в. Въ этихъ спискахъ наименованіе памятника, порядокъ и число статей б. ч. различны. Однако, вообще въ нихъ можно различать три редакціи: краткую (сп. акад.), пространную (сп. синодальный, троицкій, карамз. и др.) и сокращенную изъ пространной (сп. кн. Оболенскаго). Въ первой изложены уставы Ярослава и его сыновей; во второй—Русск. Правда, сложившаяся въ XII и XIII в. изъ уставовъ упомянутыхъ князей и послѣдующихъ дополненій. 3-я ред. не имѣетъ никакого значенія. Так. образ. (различая въ краткой ред. два сборника и отбрасывая послѣднюю ред., какъ совершенно не самостоятельную) въ составѣ Рус. Правды различаютъ *три сборника*: Правду Ярослава, Правду Ярославичей и Правду пространную.

Правда Ярослава составлена не позже времени Ярослава (въ ней не упоминается объ отмѣнѣ мести, совершенной сыновьями Ярослава; сл. также Ак. 16 съ Кар. 76). Она имѣетъ систематическій, а не хронологическій составъ (объ убійствѣ—ст. 1; о ранахъ, увѣчьяхъ и личныхъ оскорбленіяхъ—ст. 2—9; о нарушеніи правъ имущественныхъ—ст. 10—15 и добавочн. ст. 16 и 17). Но не всѣ уставы Ярослава вошли въ нее (см. Акад. 42)

Правда Ярославичей есть сборникъ разновременныхъ уставовъ, данныхъ этими князьями, какъ всѣми тремя въ совокупности (см. надпись надъ ст. 18 Ак. сп.), так. и нѣкоторыми въ отдѣльности (Ак. 21). Составъ этой Пвавды хронологическій: законы, измѣненные и исправленные, сохраняются рядомъ съ позднѣйшими исправляющими ихъ (см. 20 Ак. и 38 Ак.). Мнѣніе Ланге объ этой Правдѣ, какъ совокупности 4-хъ уставовъ Ярославичей (ст. 18—27, 28—30, 31—40, 41—43), изданныхъ ими въ разные съѣзды, бездоказательно. Сборникъ не обнимаетъ всѣхъ уставовъ Ярославичей (въ немъ нѣтъ отмѣны мести: см. Кар. 2 и 76): но зато заключаетъ въ себѣ уставы, изданные раньше Ярославичей (Ак. 42). Правда Ярославичей есть сборникъ дополнительный къ Правдѣ Ярослава: въ немъ нѣтъ важнѣйшихъ постановленій—объ убійствѣ и пр.

Правда пространная имѣетъ двѣ половины; 1-ю законченную, вѣроятно, при Мономахѣ, 2-ю—дополнительную. Первая половина есть систематическій сводъ Правды Ярослава и его сыновей и послѣдующихъ узаконеній; вторая позднѣшія приписки (XII и м. б. XIII в.), вносимыя въ сборникъ цѣлыми уставами: таковы уставъ о закупничествѣ (Кар. ст. 70—75), о наслѣдствѣ (103—117) и о холопствѣ (119—132). Сюда же включенъ и

уставъ о мостовыхъ (134), приписываемый Ярославу. Мнѣніе Тобина и Ланге о томъ, что вторая половина есть цѣльный уставъ Мономаха основано на заглавіи 66-й ст. Кар. и не можетъ быть принято, потому что здѣсь есть постановленія и сыновей Ярослава (ст. 76 Кар.). Характеръ пространной Правды болѣе научный: въ немъ сводятся разновременныя постановленія въ одно (сл. Ак., 1, 18 и 21 съ Кар. 1), однородныя постановленія обобщаются (сл. Ак. 20 и 38 съ Кар. 37), уничтожается казуистическая форма законовъ (сл. Ак. 21 съ Кар. 10). Составъ пространной Правды окончательно сложился не позже половины XIII в., такъ какъ она внесена въ кормчую, написанную около 1284 г. („повелѣніемъ князя Новгородскаго Дмитрія и стяжаніемъ архіеп. Новгор. Климента").

Источники Рус. Правды. Русская Правда въ главной основѣ своей имѣетъ *княжескіе уставы*; въ ней упомянуты отдѣльно: „урокъ Ярославль" о пошлинахъ въ пользу вирника (Ак. 42), уставъ Изяслава о вирѣ за голову конюшаго (Ак. 21), всѣхъ трехъ Ярославичей уставъ объ отмѣнѣ мести (Кар. 2) и объ отмѣнѣ убіенія раба за оскорбленіе свободнаго человѣка (Кар. 76), уставъ Владиміра Мономаха о процентахъ (Кар. 66). Но тѣмъ же князьямъ принадлежатъ и другія постановленія, такъ какъ двѣ первыя Правды прямо надписываются именами Ярослава и Ярославичей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Правду вошли постановленія и другихъ князей, не упомянутыхъ въ ней; нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы движеніе законодательства вовсе остановилось на Владимірѣ Мономахѣ.—Княжескіе уставы возникали иногда по частнымъ поводамъ, когда князю приходилось судить кого-либо и дать приговоръ, не имѣющій основаній въ предшествующихъ уставахъ (см. Ак. 21). Такимъ образомъ, *судебные приговоры* могутъ быть признаны особымъ источникомъ Русской Правды. Но судебные приговоры основывались б. ч. на *обычномъ правѣ*; собирая ихъ, составитель собиралъ собственно постановленія обычнаго права (см. Ак. 1) Собиратели, несомнѣнно, включали въ сборники и выбранныя отдѣльныя постановленія изъ *византійскихъ кодексовъ*; наприм., постановленія объ отвѣтственности господина за преступленія его холопа (Кар. 131—132) взяты изъ эклоги: „тативаго раба господинъ аще хощетъ имѣти его раба безтщетно да сотворитъ украденному; не хотяй же имѣти раба того, да отдасть совершенно господину, пострадавшему окраденіе" (печ. кормч. гл. 49, зад. 16; подобное же въ прохиронѣ—печ. кормч. гл. 48, гр. 39, ст. 55). Можетъ быть слѣдуетъ признать, что статьи о холопствѣ и наслѣдствѣ составлены подъ сильнымъ *вліяніемъ* византійскихъ источниковъ (сл. Рус. Пр. Кар. 127 съ догов. 1229 г. ст. 12).

Прежде существовавшее мнѣніе (нѣмецкой школы) о томъ, что главное содержаніе Русской Правды взято изъ *древне-скандинавскихъ* и изъ *древне-нѣмецкихъ* законовъ, ни на чемъ не основано, кромѣ общаго сходства права всѣхъ младенчествующихъ народовъ.

5. Псковская и Новгородская судныя грамоты.

Русская Правда есть попытка неоффиціальной кодификаціи законовъ: кодификація законодательная предпринята лишь въ XIV и XV в., именно во Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ; оба эти памятника по времени выходятъ за предѣлы 1-го періода, но по содержанію относятся къ нему.

а) *Псковская Судная грамота*, по надписанію ея, издана „всѣмъ Псковомъ на вѣчи *въ лѣто 6905* (1397), по благословенію поповъ всѣхъ 5 соборовъ". Но здѣсь содержатся противорѣчивыя указанія, такъ какъ 5-й соборъ установленъ въ Псковѣ лишь въ 1462 г., а потому цифру 6905 обыкновенно считаютъ ошибкою перепесчика и предлагаютъ читать 6975 (1467). Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ числѣ своихъ источниковъ Псковск. Судн. грамота указываетъ грамоту кн. Константина, но такимъ княземъ можетъ быть признанъ только Константинъ Дмитріевичъ, княжившій въ 1407 г. Однако, есть возможность примирить эти противорѣчія слѣдующимъ образомъ: Псковскій кодексъ составлялся не въ одинъ разъ: первоначальная его редакція можетъ и должна б. отнесена къ 1397 г.: въ 1395 году отмѣнена была до тѣхъ поръ дѣйствовавшая во Псковѣ грамота Діонисія; надо было замѣнить ее новымъ законоположеніемъ; въ 1397 г. Псковъ, по договору съ Новгородомъ, достигъ полной независимости, а это должно было отразиться и на его внутреннемъ законодательствѣ, напр. о правахъ суда Новгор. владыки (см. ст. 2). Затѣмъ во 2-й половинѣ XV в. Псковская грамота была дополнена на новомъ вѣчѣ безъ уничтоженія и первой ея части; тогда и заглавіе ея дополнено указаніемъ на Константинову грамоту и на 5-й соборъ. Думаемъ, что въ концѣ XV в. грамота была дополнена и въ 3-й разъ.

Составъ Псковск. Суд. гр. Доказательства такого постепеннаго происхожденія грамоты находятся въ ея составѣ, въ которомъ явны слѣды хронологическаго наслоенія содержанія: болѣе раннія статьи, отмѣненныя или измѣненныя послѣдующими, удержаны однако въ грамотѣ (сл. ст. 50 и 82). Всю грамоту можно раздѣлить на 3 части: первая отъ 1 до 76 ст., вторая отъ 77 до 108, третья отъ 109 до конца. Каждая изъ нихъ начинается учредительными законами (о составѣ суда).

Источники Псков. Суд. грамоты всѣ указаны въ ея надписаніи: она „выписана изъ грамоты великаго князя Александра и гр. кн. Константина и изъ всѣхъ приписокъ псковскихъ пошлинъ". Итакъ, эти источники по своему значенію, тѣ же самые, какъ и источники Русск. Прав., а именно: во-первыхъ, *уставы княжескіе*; въ отличіе отъ древнѣйшихъ уставовъ, вошедшихъ въ Русскую Правду, псковскіе уставы обнимали уже значительную массу узаконеній (были попытками кодексовъ) и изложены въ особыхъ грамотахъ. Первымъ законодателемъ во Псковѣ былъ князь Александръ, по мнѣнію болѣе правдоподобному — Александръ Невскій (ок. 1242 г.), а не Александръ Михайл. Тверской (княжившій во Псковѣ 1327—1337 г.). Московское правительство относится къ грамотѣ Александра

съ уваженіемъ, въ которомъ оно, конечно, отказало бы своему врагу—Александру Тверскому. Грамота Александра была дополнена архіеп. Діонисіемъ (1382 г.); но такое вмѣшательство въ законодательную дѣятельность сторонняго лица вызвало протестъ москов. митрополита (Кипріана), который и отмѣнилъ гр. Діонисія. Затѣмъ кн. Константинъ Дмитріевичъ (1407 и опять 1414 г.)—братъ вел. кн. Московскаго Василія Дм.—далъ свою грамоту, которая самимъ псковичамъ вскорѣ показалась вредною; по ихъ просьбѣ, митроп. Фотій (1416) разрѣшилъ ихъ отъ клятвы признавать эту грамоту за законъ. Несмотря на то, въ ней могли заключаться и пригодныя постановленія, которыя и вошли во 2-ю ред. Въ редакціи, дошедшей до насъ, нельзя указать и отдѣлить эти источники.

Вторымъ источникомъ П. С. гр. были *псковскія пошлины*, т. е. обычное право, вѣроятно самый обильный источникъ.

Псковскій законъ черпаетъ все свое содержаніе изъ обычая; онъ отличается отъ обычая только внѣшнею принудительностью (выразившеюся въ наложеніи законодателями на самихъ себя церковной *клятвы*) и въ *письменной формѣ* (подлинникъ узаконеній хранится въ „ларѣ Св. Троицы"; „раздрать грамоту" значитъ уничтожить самый законъ). Иниціатива закона принадлежитъ посаднику, а принятіе его и отмѣна—вѣчу („господину Пскову"), разумѣется, съ участіемъ князя (ст. 108). Публикація закона, при народномъ составленіи его на вѣчѣ, не имѣетъ важности.

а) *Новгородская Судная грамота* дошла до насъ въ отрывкѣ (начальномъ). Она составлена около полов. XV вѣка „всѣми 5-ю концами, всѣмъ государемъ Вел. Новгородомъ на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ", и потомъ, по завоеваніи Новгорода вел. кн. Иваномъ III, переписана на его имя въ 1471 г. Содержаніе дошедшаго до насъ отрывка все состоитъ изъ уставовъ судоустройства и отчасти судопроизводства; но отсюда нельзя заключать, что и все содержаніе грамоты ограничивалось этимъ (и не касалось матеріальнаго права). Новгород. Судн. грам. не указываетъ своихъ источниковъ, но изъ содержанія ея видно, что она основана на обычномъ правѣ („по старинѣ": ст. 3). Затѣмъ грамота черпала изъ прежнихъ вѣчевыхъ постановленій (въ 1385 „бысть цѣлованіе... на вѣчѣ... въ томъ, что не зватися къ митрополиту, а судити владыкѣ Алексѣю въ правду по номоканону, на судъ поняти двѣма истцомъ дву бояриновъ со стороны, также и житьи по два жъ человѣка": Рост. лѣт.; сл. Нов. Суд. гр. ст. 1) и изъ договорныхъ грамотъ съ князьями (сл. 2 ст. Новгор. Судн. гр. съ 1 ст. Догов. съ Казим.).

Періодъ второй.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Отношеніе къ предыдущему періоду.

Въ XIII вѣкѣ на востокѣ Европы совершилось два весьма важныхъ событія, которыя должны были во многомъ измѣнить естественный ходъ развитія русскаго государственнаго права: разумѣемъ—нашествіе татарскихъ ордъ съ востока и усиленное движеніе нѣмцевъ съ запада. Отчасти подъ вліяніемъ этихъ событій изъ прежнихъ русскихъ земель созидаются два большихъ государства: Московское и Литовско-Русское, хотя оба—русскія, но во многомъ противоположныя другъ другу. Но еще больше противоположеній можно найти между этими обоими государствами и прежнимъ земскимъ строемъ государства перваго періода. Территоріи новыхъ государствъ, сравнительно съ прежними землями, громадны. Власть въ Московскомъ государствѣ (а первоначально и въ Литовскомъ) сосредоточивается въ лицѣ великаго князя и становится вполнѣ монархическою и вотчинною; вѣче исчезаетъ; населеніе закрѣпощается; самый терминъ, которымъ нынѣ обозначается на русскомъ языкѣ политическій союзъ, т. е. „государство“, слагается только теперь: „а напередъ того не бывало: никотораго великаго князя государемъ не зывали, но господиномъ“ (Воскр. лѣт. подъ 1477 г.). Наблюдая эти признаки противоположности, нерѣдко приходятъ къ мысли, что Московское государство (а равно и Литовское) не связаны ничѣмъ генетически съ прежнимъ государственнымъ устройствомъ древней Руси; признаютъ эти государства вполнѣ новымъ явленіемъ и происхожденіе ихъ объясняютъ случайными фактами внѣшними (татарскимъ и литовскимъ завоеваніемъ); а если иногда допускаются и внутреннія причины, то столь же случайныя (практическая ловкость Московскихъ князей и военная талантливость Литовскихъ). Такой антиисторическій взглядъ происходитъ какъ отъ недостаточно внимательнаго анализа явленій перваго періода, такъ и отъ превратнаго пониманія явленій второго періода. Какъ Московское, такъ и Литовское государство одинаково тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ государственнымъ бытомъ перваго

періода. По общему закону жизни великихъ историческихъ народовъ, территорія государства растетъ и расширяется: стремленіе къ основанію единаго государства на національныхъ началахъ замѣчается уже съ древнѣйшихъ временъ (см. выше о началѣ единодержавія до Монгольскаго завоеванія и „Начала государств. объединенія“ въ земскомъ періодѣ); единство власти, въ зачаточной формѣ, существуетъ уже тогда въ единствѣ княжескаго рода и союзѣ князей (см. тамъ же). Достаточенъ былъ лишь внѣшній толчекъ для того, чтобы дать этимъ началамъ восторжествовать надъ противоположнымъ явленіемъ земскаго раздробленія территоріи. Что касается до характера госуд. власти, то уже въ первомъ періодѣ (совершенно независимо отъ внѣшнихъ вліяній) въ сѣверо-восточныхъ русскихъ земляхъ беретъ перевѣсъ княжеская власть; но и вездѣ, кромѣ В. Новгорода, она ничѣмъ не была ограничена въ принципѣ. Несмотря на все это, несомнѣнно, что ни движеніе азіатскихъ ордъ, ни обратное движеніе западнаго міра на востокъ не оставалось безъ вліянія на судьбу и характеръ двухъ русскихъ государствъ.

Исходные моменты II-го періода: движеніе нѣмцевъ на востокъ и татарское нашествіе.

Міръ Летто-Славянскій самою географическою природою поставленъ между западомъ Европы и азіатскимъ востокомъ; ему предстояла двойная задача охранять себя съ этихъ двухъ равно враждебныхъ и чуждыхъ ему сторонъ.

Западная Русь съ XIII в. подвергается литовскому завоеванію и изъ нея образуется большое *государство Литовско-Русское.* Но самое движеніе Литвы на Русь было вызвано усиленнымъ движеніемъ западныхъ народовъ, въ частности нѣмцевъ, на востокъ, на міръ Летто-Славянскій. Это движеніе, начавшееся со временъ Карла В. и нѣсколько остановленное крестовыми походами, вновь усилилось съ конца XII и нач. XIII в. Нѣмцы явились на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря по согласію и по вызову самихъ славянъ въ борьбѣ ихъ съ литовцами: въ 1186 г. основана на З. Двинѣ миссія Мейнгарда съ согласія Полоцкаго князя; преемники Мейнгарда окружили себя рыцарями изъ нѣмецкихъ странъ и начали распространять католичество мечемъ. Въ 1200 году основана Рига, а въ 1201 г. орденъ Меченосцевъ. Рижскій епископъ оттѣснилъ русскія колоніи (Кукейносъ и Герцикъ) съ низовьемъ Двины и принуждалъ русскихъ князей быть его данниками. Рига и орденъ Меченосцевъ дѣйствовали непосредственно на финское населеніе (Ливь) и лишь отчасти тѣснили къ югу Литовцевъ. Но въ 1225 г. Конрадъ, кн. Мазовецкій, вызвалъ для борьбы съ литовцами Тевтонскій (нѣмецкій) орденъ, которому уже нечего было дѣлать въ Палестинѣ; Конрадъ предложилъ рыцарямъ землю Хельмскую (Кульмскую); но орденъ получилъ эту землю изъ рукъ императора Фридриха II, какъ непосредственный ленъ Германской имперіи; въ 1228 году рыцари поселились въ новыхъ владѣніяхъ и начали тѣснить Пруссовъ, раздѣленныхъ на 11 областей и безсильныхъ противъ опытности и искусства нѣмцевъ; тщетны были ихъ періодическія возстанія противъ новыхъ

господъ; имъ оставалось только или покориться или бѣжать въ единоплеменную Литву. Рыцари начали занимать и города, непосредственно подчиненные русскимъ князьямъ; но важнѣе всего было то, что Литва, усиленная бѣглецами-Пруссами и тѣснимая съ запада, начала сплачиваться въ одно государство, которое стало подвигаться на востокъ на русскія земли, гдѣ сила противодѣйствія была ослаблена татарскимъ опустошеніемъ. Съ половины XIII в. Литовскіе князья овладѣваютъ всею прежнею Полоцкою землею и смѣняютъ здѣсь собою Рюриковичей; въ первой четверти XIV в. они овладѣваютъ Волынскою и Кіевскою (при Гедиминѣ), а потомъ остальными при Ольгердѣ. Витовтъ сообщаетъ государству единодержавный строй. Это государство явилось лучшимъ оплотомъ для славянскаго востока отъ нападеній нѣмецкаго ордена; Грюнвальденская битва (1410) при Витовтѣ равняется по своему всемірно-историческому значенію съ Куликовскою на востокѣ. Хотя так. образ. это государство ордену не удалось онѣмечить и сдѣлать вполнѣ католическимъ, но оно во многомъ примкнуло къ западному міру: высшіе слои общества начали принимать католичество, средній городской классъ усвоилъ себѣ т. н. нѣмецкое право. Примкнувъ къ Польшѣ, вслѣдствіе опасности отъ того же ордена для самой Польши (чрезъ личную унію при Ягеллѣ 1386 г., и снова Городельскую унію 1413 г., и потомъ реальную унію—Люблинскую 1569 года при Сигизмундѣ-Августѣ) оно во многомъ сдѣлалось враждебнымъ для русскихъ историческихъ началъ, проявившихся въ первый періодъ, именно: получило исключительно сословное устройство (съ преобладаніемъ шляхетства).

Движеніе западнаго міра не ограничилось основаніемъ двухъ орденовъ съ ихъ послѣдствіями для судьбы западной Россіи. Какъ орденъ Меченосцевъ, такъ и сѣверныя скандинавскія государства непосредственно начали дѣйствовать и на сѣверную Русь, руководясь міровыми задачами католической политики. Меченосцы захватили землю по Чудское озеро и, наконецъ, овладѣли самимъ Псковомъ. Король Датскій старался захватить Эстонію. Шведы въ 1240 г. подъ вліяніемъ папскихъ посланій предприняли общій крестовый походъ противъ русскихъ; борьба съ ними выпала на долю однихъ новгородцевъ, которые подъ предводительствомъ знаменитаго князя Александра, прозваннаго Невскимъ, поразили шведовъ на Невѣ и тѣмъ надолго обезопасили русскіе предѣлы съ этой стороны. Тотъ же Александръ побѣдилъ нѣмцевъ ордена Меченосцевъ въ 1241 и особенно въ 1242 г. въ знаменитомъ Ледовомъ побоищѣ, на Чудскомъ озерѣ, освободивъ предъ тѣмъ Псковъ. Точно такъ же и Литва, безпокоившая уже непосредственно предѣлы Суздальской земли, а также Псковской и Новгородской, была отражена тѣмъ же Александромъ въ битвѣ подъ Торопцемъ (1245 г.).

Всѣ эти битвы происходили почти въ тѣ же самые годы, когда совершалось съ другой стороны опустошеніе русскихъ предѣловъ полчищами Батыя: Александръ сражался со шведами на Невѣ въ тотъ моментъ, когда на югѣ Батый разрушалъ Кіевъ. Для сѣверной Руси (будущаго Московскаго государства), несомнѣнно, большое значеніе имѣетъ это обратное

движеніе азіатскихъ ордъ. Древняя Русь сама постепенно распространяла свои владѣнія на востокъ. Настала иная пора. Темный переворотъ внутри Азіи выбросилъ въ Европу цѣлыя народонаселенія первой страны, что грозило совершеннымъ подавленіемъ европейской цивилизаціи. Въ 1223 году всѣ южно-русскіе князья разбиты татарами на рѣкѣ Калкѣ; въ 1237 г. татары завоевали и опустошили Землю Рязанскую, въ 1238—Землю Суздальскую и отчасти Новгородскую; въ 1239—Землю Черниговскую; въ 1240 г.—Землю Кіевскую, Волынскую и Галицкую. Непосредственному нашествію татаръ не подвергались только сѣверо-западныя Земли: Полоцкая, Смоленская, Псковская и отчасти Новгородская; но предъ ними стоялъ врагъ не менѣе опасный и сильный, уже извѣстный намъ. Первымъ слѣдствіемъ нашествія татаръ было ослабленіе матеріальной силы русскихъ государствъ, именно уменьшеніе числа населенія и экономическихъ средствъ: въ г. Владимірѣ (Волынскомъ) не осталось ни одного живого человѣка; изъ гор. Берестья нельзя было выйти отъ трупнаго смрада во всей окрестной странѣ; въ Кіевѣ насчитывалось не болѣе 200 домовъ; „по окрестностямъ (Кіева) путешественники находили безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ, разбросанныхъ по полямъ“ (Соловьевъ, И. Р. III. 211). Въ Переяславѣ (южномъ) татары перебили половину жителей, а другую отвели въ плѣнъ. На сѣверѣ, въ Торжкѣ истребили всѣхъ жителей; въ Козельскѣ перебиты всѣ не только способные носить оружіе, но и жены и дѣти ихъ; подобной участи подвергались и всѣ страны земли Рязанской и Суздальской. При повторяющихся нашествіяхъ татаръ, жители разбѣгались изъ городовъ и селъ и крылись по лѣсамъ. Вообще татарское опустошеніе привело къ уменьшенію городского, „лучшаго“ населенія; жители открытыхъ мѣстъ, селъ, не были опасны для завоевателей; сила военной обороны, съ паденіемъ городовъ, пала.—Вторымъ слѣдствіемъ нашествія татаръ было уменьшеніе нравственной энергіи, стойкости въ населеніи. Въ лучшемъ случаѣ населеніе могло отстаивать свои плоды христіанской цивилизаціи путемъ пассивнаго сопротивленія—мученичества. Вѣрнѣйшимъ выходомъ представлялось безусловное подчиненіе тому, кто взялся бы защищать населеніе отъ татаръ мирными или военными средствами. Такъ, югъ и западъ Россіи легко и почти добровольно подчинился Литовскимъ завоевателямъ и тѣмъ рано освободился отъ татарскаго вліянія.

Другимъ выходомъ изъ гнетущей бѣды естественно представлялась тогда необходимость скученія силъ въ большія массы для общей защиты. Разбросанныя и разъединенныя силы русскихъ Земель были легко поражены татарами; зато потомъ всякая попытка свергнуть иго вызывала единодушное подчиненіе мѣстныхъ князей одному вождю: когда Олегъ Рязанскій уклонился отъ общаго похода князей на Куликово поле, то современники покрыли его за то самою позорною репутаціею. Таковы *отрицательныя* стороны татарскаго вліянія, подъ которыми преимущественно образовалось Московское государство. Какъ борьба съ западомъ отразилась

на характерѣ Литовскаго государства, такъ борьба съ востокомъ не могла не наложить свою печать на внутреннемъ складѣ Московскаго государства.

Положительныя стороны этого вліянія весьма спорны какъ относительно предметовъ, такъ и относительно способовъ заимствованія монгольскихъ порядковъ.

а) Н. И. Костомаровъ предполагаетъ, что самое *единство госуд. территоріи* (*единодержавіе*) обязано своимъ возникновеніемъ татарской власти; онъ выводитъ этотъ результатъ изъ фактической власти хана надъ русскою землею. Ханъ признаваемъ былъ верховнымъ государемъ, царемъ русской земли, которая составляла одну провинцію его обширнаго царства, а русскіе великіе князья—его подручными провинціальными правителями; так. обр. общія главныя начала монгольскихъ госуд. порядковъ примѣнимы и къ Руси, а затѣмъ по освобожденіи перелиты на русскихъ великихъ князей, унаслѣдовавшихъ власть хановъ. Въ частности вся земля, обладаемая ханомъ, считалась его частною собственностью; такъ стали смотрѣть на свое государство и русскіе князья.—Но противъ этой мысли говоритъ то весьма важное обстоятельство, что русская земля не находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ монголовъ (что составляетъ ея особенность между всѣми другими улусами монгольскаго ханства); лишь въ началѣ татарскаго ига были назначены баскаки въ разныя княжества, но не столько въ качествѣ правителей, сколько въ роли сборщиковъ податей; вскорѣ и эти чиновники хана исчезаютъ, и вся власть опять переходитъ въ руки туземныхъ князей. Далѣе, въ сознаніи населенія власть хана всегда оставалась узурпированною и не признана была правомѣрною. „Который пророкъ пророчьствова, или апостолъ который, или святитель научи сему богостудному и скверному, самому называющуюся царю (т. е. татарскому хану) повиноватися тебѣ, великому рускыхъ странъ христіанскому царю (т. е. вел. князю Московскому)? Точію нашего ради съгрѣшенія... паче же отчаянія... попусти Богъ на прародитель твоихъ и на всю землю нашу окаяннаго Батыя, иже пришедъ разбойнически въцарился надъ нами, а не царь сый, ни отъ рода царьска" (изъ посланія Вассіана къ в. кн. Ивану Васильевичу).—Кромѣ уплаты дани, единственное непосредственное отношеніе хановъ къ русскому государственному праву состоитъ *въ утвержденіи князей на ихъ княжескихъ столахъ*. Обыкновенно ханы утверждали какъ великимъ, такъ и мѣстнымъ княземъ того, кто имѣлъ на то право по родовымъ или отчиннымъ основаніямъ, указаннымъ въ русскомъ обычномъ государственномъ правѣ. Рѣшеніямъ хана, не согласнымъ съ обычнымъ порядкомъ распредѣленія столовъ, иногда открыто противилось само населеніе: „въ 1371 г. вышелъ изъ Орды князь Михайло Александровичъ на великое княженіе и восхотѣлъ сѣсть на столѣ во Владимірѣ и *не приняли его,* говоря такъ: „взялъ ты ложью великое княженіе" (Троицк. лѣт.). Поѣздка въ Орду и утвержденіе со стороны хана означали лишь фактическое укрѣпленіе власти; ѣздили за татарскою помощью теперь точно такъ же, какъ въ древности—за помощью половецкою. Впрочемъ, такъ какъ само русское государственное

право выработало уже издревле власть князя старшаго города надъ князьями мѣстными той же земли, съ помощью татаръ усиливается и это явленіе: когда, по смерти Ив. Калиты, великое княженіе получилъ сынъ его Семенъ Ивановичъ (Гордый), то „вси князи русскіи подъ руцѣ его даны". Здѣсь разумѣются собственно князья Суздальской земли. Ниже будетъ указанъ путь образованія единаго государства изъ естественнаго развитія древнеземскихъ началъ.

б) Другіе указываютъ слѣдъ татарскаго вліянія во *внутреннемъ характерѣ власти Московскаго государства*, именно въ закрѣпощеніи всѣхъ классовъ общества (genti adscriptio), что спеціально характеризуетъ монгольское государственное право; способомъ перехода этого явленія въ русское право считаютъ *прямое заимствованіе письменныхъ законовъ монгольскихъ*. Но частный характеръ власти государя надъ землею и населеніемъ коренится въ древнѣйшемъ строѣ всякаго общества (во власти домовладыки) и не чуждъ и русскому праву 1-го періода. Съ другой стороны, понятіе о вотчинномъ характерѣ власти Московскихъ государей преувеличено. Что касается способа заимствованія, то законы монголовъ (Чингизова Яса, Цааджинъ—Бичикъ и др.) совершенно не были извѣстны на Руси.

в) Наконецъ, С. М. Соловьевъ совершенно *отвергаетъ слѣды татарскаго вліянія* въ русскомъ государственномъ правѣ, утверждая, что родовыя основанія власти одинаковы какъ въ до-монгольскую, такъ и послѣ-монгольскую эпоху, и что они путемъ естественнымъ переходятъ въ XIV и XV вв. въ государственныя. Но и съ этою мыслію, какъ преувеличеніемъ, согласиться нельзя.

Ни самое Московское государство, ни существенныя его особенности дѣйствительно не созданы татарскимъ завоеваніемъ: между древнею Русью и этимъ государствомъ существуетъ прямая связь преемственности; но 200-лѣтнее иго, отразившись на характерѣ порабощеннаго населенія, сообщило и государству нѣкоторыя частныя черты азіатскаго строя—черты, которыя уясняются ниже.

Московское государство въ той же мѣрѣ усвоило чужія восточныя особенности, въ какой Литовско-Русское—чужія западныя.

А. Территорія Московскаго Государства.

1) **Элементы, изъ которыхъ составилась территорія Московскаго государства,** суть: а) сѣверно-русскія земли: Суздальская (съ отдѣлившеюся отъ нея Тверскою), Рязанская, Псковская, Новгородская (съ Вяткою и колоніями на финскомъ сѣверо-востокѣ) и Смоленская; б) поволжскія, донскія и сибирскія татарскія страны.—Такимъ образомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, во-перв., образованіе единой государственной территоріи (*единодержавія*) изъ сѣверно-русскихъ Земель, во-втор., расширеніе территоріи на страны нерусскія. Первое совершилось въ XIV и XV, второе—въ XVI и XVII вв.

2) **Начало единодержавія; государственный строй сѣверной Руси въ XIV в.** Зерномъ Московскаго государства послужила Земля Суздальская; въ XIV в. государственное единство простиралось только на одну эту землю, и только одна она именовалась Московскимъ государствомъ; въ XV в. единодержавіе распространилось на прочія сѣв.-рус. земли.

Объединеніе Суздальской земли. Суздальская земля была наиболѣе цѣльною изъ всѣхъ русскихъ земель 1-го періода; она сохранила свое единство при Юріи Влад. (сынѣ Мономаха) и его дѣтяхъ: Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III; но въ XIII в. она раздѣлилась на четыре главныхъ княжества, а именно: *Ростовское,* занимавшее сѣверъ этой земли (Ярославль, Угличъ, Бѣлоозеро); *Суздальско-Нижегородское,* занимающее востокъ ея—по низовьямъ Оки и по Волгѣ (въ потомствѣ сына Ал. Невскаго—Андрея); *Московское* въ центрѣ и на югѣ Суздальской земли (въ потомтсвѣ сына Невскаго—Даніила) и *Тверское* (въ потомствѣ брата Невскаго—Ярослава). Каждое изъ этихъ княженій стремилось къ полной самостоятельности, и нѣкоторыя изъ нихъ именовались великими княженіями. Каждое изъ нихъ претендовало на всѣ внутреннія и внѣшнія суверенныя права: право войны и мира, право высшаго суда и управленія. Но полной самостоятельности и совершеннаго выдѣленія изъ Суздальской земли достигло лишь вел. княжество Тверское.

Каждое изъ этимъ княжествъ дѣлилось на свои *удѣльныя княжества,* что было неизбѣжно при частномъ (вотчинномъ) наслѣдованіи всѣхъ членовъ княж. рода. Вотчинный взглядъ на княжества былъ естественнымъ послѣдствіемъ торжества принципа наслѣдованія столовъ, съ устраненіемъ уже всякаго участія въ преемствѣ князей со стороны населенія. Народныя вѣча являются только въ видѣ возстанія массъ преимущественно противъ татаръ (мы видѣли, что татарами было истребляемо именно городское населеніе, собиравшееся прежде на вѣча). Высшіе классы населенія оставались еще при прежнихъ своихъ правахъ (право выхода бояръ съ сохраненіемъ отчинъ); и вообще на населеніе вотчинныя права князей еще не простирались; князья имѣли лишь государственныя права суда и управленія; но зато этими послѣдними распоряжались по частнымъ сдѣлкамъ (по завѣщаніямъ, по куплѣ, залогу и т. д.). Владѣнія дробились болѣе и болѣе и сдѣлались черезполосными, такъ что государство должно было, повидимому, исчезнуть въ мелкихъ вотчинахъ. Поворота къ цѣлости государственной (земской) территоріи нельзя было ожидать отъ интересовъ самихъ князей, такъ какъ сильный князь, овладѣвъ большимъ участкомъ, снова дробилъ его между своимъ потомствомъ.

Однако, цѣлость земли Суздальской (равно и другихъ: Рязанской, Тверской) не была разрушена этою дробностію владѣній и вскорѣ возстановлена еще съ большею крѣпостію. *Идея единаго государства сохранилась въ сознаніи о политическомъ единствѣ Земли;* такое сознаніе, выработанное исторіею въ 1-мъ періодѣ, и теперь сохранилось какъ въ населеніи, такъ и въ князьяхъ. Измельчаніе княжествъ, обезсиливая ихъ, лишь облегчало ихъ присоединеніе. Упомянутая идея выражалась въ су-

ществованіи одного старшаго, *стольнаго города* и понятія о *власти князя этого города надъ пригородными*,—князя, называемаго теперь великимъ. Въ цѣлой прежней Суздальской землѣ былъ сначала общій стольный городъ Владиміръ (въ Рязанской—Переяславль, въ Тверской—Тверь). Въ XIV в. въ Суздальской землѣ совершилось перемѣщеніе такого центра изъ Владиміра въ Москву по слѣд. причинѣ. Мѣстные князья считали свои наслѣдственныя земли отчиною, потомственною собственностію, и, дѣлаясь великими, не переходили уже на жительство во Владиміръ и не уступали своихъ прежнихъ удѣловъ другимъ младшимъ, а старались перенести символы власти старшаго города изъ Владиміра въ свой удѣлъ: такъ, при Калитѣ Суздальскій князь Александръ Васильевичъ хотѣлъ перенести старинные символы обще-земской власти въ своей Суздаль, но неудачно: „Сей князь Александръ изъ Володимеря вѣчный колоколъ св. Богородици возилъ въ Суздаль, и колоколъ не почалъ звонить, якоже былъ во Володимерѣ; и видѣ Александръ, яко сгрубилъ св. Богородици, и повелѣ его паки везьти во Володимеръ; и поставиша его въ свое мѣсто и пакы бысть гласъ, якоже и прежде, богоугоденъ“. Это, однако, удалось князю Московскому. За велико-княжеское достоинство и за обладаніе городомъ Владиміромъ шла постоянная борьба между упомянутыми мѣстными княжествами: между Тверскимъ и Московскимъ (1304—1328), и между Суздальскимъ и Московскимъ (1359—1364). Борьба кончилась побѣдою Московскаго княжества, въ которомъ цѣлый рядъ князей потомственно обладалъ одинаковыми качествами ловкости, осторожности и практической мудрости (Даніилъ Александровичъ † 1303, Юрій Даниловичъ † 1325, Иванъ Даниловичъ Калита † 1341, Симеонъ Ивановичъ Гордый † 1353, Иванъ Ивановичъ † 1359, Дмитрій Ивановичъ Донской † 1389, Василій Дмитріевичъ † 1435). Великое княжество Владимірское почти постоянно принадлежало этому роду, съ незначительными прерывами (въ нач. вѣка и въ малолѣтство Дмитрія Ивановича). Въ теченіе этого времени всѣ символы великокняжеской власти перешли окончательно въ Москву, что впрочемъ означало лишь новую побѣду пригорода надъ старшимъ городомъ подобно тому, какъ въ XII в. гор. Владиміръ оттѣснилъ собою Ростовъ и Суздаль. Это передвиженіе для правовой исторіи совершенно безразлично, т. е. все равно, станетъ ли во главѣ будущаго государства Тверской, Суздальскій или Московскій князь. Во всякомъ случаѣ значеніе старшаго города и соединенное съ нимъ великокняжеское достоинство утвердилось за Москвою.

Кто владѣлъ старшимъ городомъ, тотъ былъ и именовался *великимъ княземъ* и имѣлъ нѣкоторыя значительныя права надъ князьями мѣстными (*удѣльными*). Права эти образовались еще въ 1-мъ періодѣ и теперь укрѣплены съ помощью татаръ. Когда Семенъ Ивановычъ Гордый былъ утвержденъ въ Ордѣ великимъ Княземъ, то „вси князи рускіи подъ руцѣ его даны“ (Воскр. лѣт. 1341). О Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ пишется, что онъ „призва вся князи рускіе земли, сущая подъ властію его“ (ibid подъ 1389 г.). Сношенія иностранныя (съ Ордою) принадлежатъ великому

князю, но не удѣльнымъ, особенно платежъ выхода въ Орду, что служило къ обогащенію великихъ князей и усиленію ихъ военнаго могущества и вліянія; хотя удѣльные князья и содержатъ свои военныя дружины и нерѣдко вступаютъ въ войну какъ между собою, такъ и съ великими князьями, но это право не признается за ними въ договорахъ и есть возстаніе противъ власти великаго князя. И внутреннія права ихъ суда и управленія подлежатъ ограниченіямъ; въ судебныхъ дѣлахъ иногда аппеляція и докладъ идутъ къ великому князю, а къ удѣльному только тогда, когда онъ—въ Москвѣ (см. Губн. Моск. запись XV в.); право уголовнаго суда иногда вовсе не принадлежитъ удѣльныхъ. Удѣльные князья, болѣе могущественные и имѣвшіе своихъ „подудѣльныхъ", болѣе или менѣе высвобождались фактически изъ-подъ такой зависимости, но никогда вполнѣ не отрицали правъ и власти великаго князя.

Такое значеніе князей старшихъ городовъ одинаково какъ въ Московскомъ велик. княжествѣ, такъ и въ Рязанской и Тверской земляхъ: въ 1340 г. вел. кн. Рязанскій, Иванъ Коротополъ, встрѣтилъ кн. Пронскаго (удѣльнаго) Александра Мих., который везъ въ Орду выходъ; вел. князь схватилъ его, ограбилъ и приказалъ потомъ убить въ своемъ стольномъ городѣ. Въ 1412 г. вел. кн. Тверской, Иванъ Михайловичъ, противопоставляетъ притязаніямъ своего удѣльнаго князя Юрія слѣдующ. принципъ: „Ярлыкъ царемъ данъ ми есть на всю землю Тверскую, и самъ Юрій въ ярлыцѣ царемъ данъ ми есть" (П. Сбор. Рус. лѣт. XV, 480). Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ другихъ земляхъ по разнымъ обстоятельствамъ (многочисленности членовъ княж. рода) объединеніе власти совершалось гораздо медленнѣе и съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Московскомъ.

Московскіе вел. князья не только успѣшно укрѣпляли старинную власть великаго князя надъ удѣльными, но и удачно пользовались ею для увеличенія своего наслѣдственнаго удѣла на счетъ прочихъ княжествъ, что при вотчинныхъ началахъ государства совершалось б. ч. частными средствами, именно: куплею (такъ *Бѣлоозеро, Угличъ и Галицкое княжество* куплены у владѣтельныхъ князей этихъ странъ Иваномъ Калитою); пріобрѣтеніемъ по завѣщанію (такъ *Переяславское княжество* досталось Даніилу Александровичу въ 1302 г. по завѣщанію послѣдняго мѣстнаго князя) и, наконецъ, завладѣніемъ безъ войны: „наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое Московское досталось Ивану Даниловичу, купно же и *Ростовское* къ Москвѣ. Увы, увы тогда граду Ростову, *паче же и княземъ ихъ*, яко отъяся отъ нихъ власть, и имѣніе, и честь, и слава и потягнуша въ Москвѣ"... (Пов. о св. Сергіи въ Никон. лѣт. IV, 204). Полное уничтоженіе самостоятельности всѣхъ ростовскихъ князей относится ко времени вел. кн. Василія Дмитріевича; тѣнь самостоятельности ярославскихъ князей продолжалась до Ивана III. Въ 1392 г. присоединено обширное *княжество Суздальско-Нижегородское* по ярлыку ханскому: „бояре Московскіе, въѣхавъ въ городъ (Нижній-Новгородъ), ударили въ колокола, собрали жителей, объявили Василія (Дмитріевича) ихъ государемъ. Тщетно Борисъ (кн. Нижегородскій) звалъ къ себѣ дружину свою"

(Кар. И. Г. Р. т. V, 76). Населеніе мѣстныхъ княжествъ находило для себя болѣе выгоднымъ принадлежать одному сильному государству, способному защищать его. Такимъ образомъ къ *концу XIV в. вся прежняя Суздальская земля* (кромѣ Твери), именуемая теперь Московскимъ великимъ княжествомъ, *соединилась вокругъ Москвы*, чѣмъ, впрочемъ, лишь возстановлено единство ея, бывшее при Юріи Долгорукомъ, Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ.

3. **Отношеніе вел. княжества Московскаго къ прочимъ сѣверно-русскимъ землямъ** *(сѣверно-русскій союзъ)*. Внѣ Суздальской земли были еще совершенно самостоятельныя вел. княжества Тверское и Рязанское, были еще Новгородъ и Псковъ. На эти земли власть вел. князя Московскаго не простиралась. Однако, начавшійся процессъ развитія единодержавія не остановился на предѣлахъ Суздальской земли, т. е. не ограничился тѣмъ, что было создано еще въ I періодѣ. Но и въ дальнѣйшемъ движеніи единодержавія дѣйствовали начала, возникшія также въ 1 періодѣ. Рязань, Тверь, Новгородъ, Псковъ и сильнѣйшія княжества самой Суздальскй земли (до ихъ присоединенія) не подлежатъ непосредственной власти великаго княжества московскаго; между тѣмъ всѣ эти земли составляютъ уже въ XIV в. одинъ тѣсный и постоянный *союзъ*, который попрежнему опирается на родствѣ правящихъ князей, на княжескихъ съѣздахъ для рѣшенія общихъ дѣлъ (уже при участіи ханскаго посла, который сообщаетъ рѣшеніямъ съѣздовъ внѣшнюю обязательность), на церковномъ единствѣ но всего больше на единствѣ національномъ.

Признаки дѣйствительнаго существованія такого *союза* можно извлечь (изъ многочисленныхъ договорныхъ грамотъ того времени) слѣдующіе: а) *единство политическихъ интересовъ*. Хотя фактически войны между членами союза не прекращаются, но между ними установленъ постоянный *третейскій судъ* (третьимъ назначается незаинтересованный членъ союза); если приговоръ третейскаго судьи не исполненъ одною стороною, то противная сторона можетъ привести его въ исполненіе силою, каковой поступокъ уже не считается нарушеніемъ правъ союза: „а то ему не въ измѣну“. Союзъ имѣетъ оборонительный характеръ противъ иностранныхъ государствъ: Орды, Литвы и нѣмцевъ: при нападеніи татаръ на одного члена союза другіе обязаны защищать его, какъ себя: рѣшеніе наступательной войны противъ татаръ, или уплаты имъ „выхода“—дани—должно быть по общей „думѣ“ (соглашенію).—б) *Единство дѣйствія гражданскаго и уголовнаго права* во всѣхъ частяхъ союза: бояринъ, переходящій на службу въ другое княжество, не лишается въ прежнемъ своихъ земельныхъ владѣній (за исключеніемъ бояръ В. Новгорода, что служитъ признакомъ большей госуд. обособленности этого государства). Власти одного княжества обязаны исполнить приговоры судовъ другого: „суженое, положеное, даное, поручное... судъ отъ вѣка“; каждый изъ гражданъ одного государства можетъ преслѣдовать должника или холопа на территоріи другого государства: „татя, разбойника и душегубца выдати по исправѣ“. При искахъ гражданъ одного княжества предъ властями другого устана-

вливаются одинаковыя вездѣ судебныя пошлины. Для рѣшенія пограничныхъ распрей между гражданами двухъ или нѣсколькихъ государствъ устанавликаются *суды общіе* изъ судей, назначенныхъ обѣими сторонами; если общіе судьи, по несогласію, не рѣшатъ дѣла, то оно переносится въ высшую инстанцію, именно къ князю третьяго, незаинтересованнаго государства.—в) Всѣ сѣверно-русскія государства составляютъ *постоянный торговый союзъ*: „а мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и у торговцевъ: а путь имъ дати чистъ“ (см. Догов. гр. вел. кн. Дмитрія Ивановича Москов. съ вел. кн. Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ 1368 г. въ нашей Христ. по ист. рус. пр. вып. II).—Хотя каждое изъ этихъ отношеній можетъ существовать и въ международномъ правѣ, но совокупность ихъ образуетъ такой тѣсный (особенно для тогдашнихъ временъ) союзъ, который приближается уже къ государственному единству.

Въ союзъ включаются всѣ государства сѣверной Руси (Москва, Рязань, Новгородъ, Псковъ), такъ что въ частный договоръ между двумя княжествами обыкновенно включаются и всѣ прочія.

Основанія союза тѣ же, какія были указаны въ 1-мъ періодѣ для всѣхъ древне-русскилъ земель (см. „Начала объединенія“), съ тою разницею, что на болѣе тѣсномъ пространствѣ одной сѣверной Руси начала объединенія проявляются съ большею энергіею [1]). Общаго наименованія для союза, какъ одного государства, еще не подыскано; онъ называется иногда: „наша братья князья“, чѣмъ указывается на старый принципъ единенія Руси—родовое единство князей, которое теперь становится б. ч. фиктивнымъ, т. е. степень зависимости одного князя отъ другого опредѣляется названіями степеней родства („братъ младшій, сынъ“ и т. д). Иногда союзъ называется: „вси князи рустіи крестьяньстіи“, въ отличіе отъ государствъ западныхъ въ томъ числѣ Литвы) и басурманскихъ. Въ этомъ выразилась, что государство сознается прежде всего, какъ *христіанскій* (православный) союзъ. *Церковное единство* предупредило государственное, послужило образцомъ для него и отчасти вызвало его къ жизни. Митрополиты, жившіе въ Москвѣ, ради церковныхъ интересовъ настаивали на установленіи государ. единства и помогали въ томъ всѣми средствами (церк. клятвою, поученіями, посланіями). Но большею частію союзу усвояется именованіе: „Русская земля“ или „Русь“: „обычай бо поганыхъ, говоритъ лѣтопись (подъ 1319 годъ), и до сихъ поръ вмещуще вражду межи братьи князей русскихъ... И бывше прѣ (спору) велицѣ межи ими, и бысть тягота велика въ Русской земли“; 1328 г. сѣлъ на великомъ княженіи кн. Иванъ Даниловичъ, „и бысть тишина велика христіаномъ по всей Русской земли“. Отъ этого великіе князья Московскіе уже въ XIV в. называютъ себя вел. кн. русскими или даже „всея Руси“ (со временъ Ив. Калиты), хотя ихъ

---

[1]) Всѣ отмѣченныя черты союза взяты нами изъ многочисленныхъ договоровъ князей того времени; но отсюда не слѣдуетъ, что союзъ *основанъ этими договорами;* напротивъ, частные договоры были лишь проявленіями союзной организаціи, возникающей изъ другихъ началъ, указываемыхъ ниже.

власть (относительная) простиралась только на одну Суздальскую землю и лишь отчасти на другія сѣверно-русскія земли. Отсюда слѣдуетъ заключить, что *главнымъ основаніемъ союза было сознаніе національнаго единства* въ самомъ населеніи; созданіе единаго государства было вызвано національною потребностію. Жители не видѣли иностранца въ другомъ сильнѣшемъ русскомъ князѣ, который смѣщалъ ихъ мелкаго владѣтеля, и въ худшемъ смыслѣ оставались лишь равнодушными (за исключеніемъ высшихъ классовъ Новгорода и Пскова, дорожившихъ своимъ свободнымъ государственнымъ устройствомъ). Это и облегчало переходъ отъ союзнаго государства къ единодержавному въ XV в.

4. **Установленіе единодержавія въ XV в.** Союзная организація государства, несмотря на кажущуюся ея плотность, была очень шатка: между членами союза происходили частыя войны и распри. Къ тому же уже сначала обнаружилось неравенство силъ между членами союза: прежняя Суздальская земля (вел. княжество Московское) превышала и населенностію и величиною вел. княжества Рязанское и Тверское, а также Псковъ. В. Новгородъ страдалъ внутреннею слабостью борьбы партій. Какъ въ мірѣ физическомъ сила притяженія увеличивается по мѣрѣ увеличенія объема тѣла, такъ и въ мірѣ политическомъ болѣе сильное княжество пріобрѣтало тѣмъ самымъ новыя силы: въ Москву стекались выходцы изъ разоренныхъ земель Кіевской, Черниговской и др. Этимъ воспользовались в. князья Московскіе, руководясь б. ч. личными и династическими интересами, но иногда возвышаясь и до сознанія великихъ общерусскихъ задачъ; таковые были: Василій Дмитріевичъ, сынъ Донского (1389—1425), который противодѣйствовалъ Витовту расширить предѣлы своего государства на счетъ в. кн. Смоленскаго, Новгорода и Пскова; Василій Васильевичъ Темный (1425—1462), при которомъ возстановлено (силами населенія и духовенства) единодержавіе внутри в. княжества Московскаго, когда оно было нарушено борьбою среди самого потомства Калиты (съ дядею его, Юріемъ Дмитріевичемъ, и его сыновьями): но всѣхъ болѣе дѣло установленія единодержавія принадлежитъ Ивану Васил. III (1462 г.— 1505) и сыну его Василію (1505—1533). Въ то время сила двухъ государствъ Московскаго и Литовскаго возросла до того, что прочимъ сѣверно-русскимъ землямъ предстоялъ уже выборъ не между независимостію и подчиненіемъ Москвѣ, а между подчиненіемъ тому или другому изъ названныхъ великихъ княжествъ; *В. Новгородъ* давно уже управлялся вмѣсто самостоятельныхъ князей намѣстниками того, кто былъ великимъ княземъ въ данное время, т. е. въ XIV в. вел. кн. Московскаго, который тѣмъ не менѣе издавна старался присоединить къ своей родовой отчинѣ пограничныя Новгородскія волости: Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ и сѣверную Двинскую землю; здѣсь вездѣ боярскій классъ стоялъ за Новгородъ, а черные люди тянули къ Москвѣ (напр., въ Торжкѣ при Симеонѣ Гордомъ). Не разъ между В. Новгородомъ и Москвою происходила открытая война, но б. ч. Новгородъ откупался деньгами. Въ 1470 г. новгородцы (боярская партія рѣшились примкнуть къ Литвѣ. Такое отступленіе Новгорода было признано измѣною

русскимъ національнымъ и религіознымъ интересамъ; побѣдами 1471 г. при Шелони и въ Двинской землѣ Иванъ III заставилъ Вел. Новгородъ отказаться отъ союза съ Литвою, но оставилъ ему еще внѣшніе атрибуты государст. независимости. Въ 1477 г. и въ 1478 г. при новомъ военномъ походѣ Иванъ III уничтожилъ политическую независимость Новгорода (вѣче, посадничество) и присоединилъ его къ великому княжеству.—Въ 1489 г. покорена Новгор. колонія *Вятка*.—Подобно Новгороду, и *Тверское вел. княжество* хотя колебалось между Москвою и Литвою, но постепенно приводимо было къ покорности в. княж. Московскому: въ 1484 г. послѣдній князь Тверской Михаилъ Борисовичъ задумалъ прибѣгнуть къ Литотскому вел. князю, но Иванъ III предупредилъ его, занялъ Тверь, а мѣстный князь бѣжалъ къ Казиміру.—При Иванѣ III уничтожена и государственная самобытность внутреннихъ удѣловъ въ самомъ в. княжествѣ Московскомъ: власть удѣльныхъ князей равнялась уже власти провинціальныхъ правителей, назначаемыхъ государствомъ.

Сынъ Ивана III—Василій (1505—1533) довершилъ дѣло основанія единодержавія *присоединеніемъ Пскова* (1509) и *Рязанскаго вел. княжества* (1520), и то и другое безъ всякой борьбы, такъ какъ и прежде упомянутыя земли сохранили лишь тѣнь независимости.

Два русскихъ государства (Московское и Литовское), уже вполнѣ сложившіяся, не могли мирно подѣлить между собою Русскую землю тѣмъ болѣе, что одно, пзъ нихъ (Московское) выставило на своемъ знамени объединеніе „всея Руси“. Пограничныя между ними *земли Смоленская и Черниговская* были постояннымъ предметомъ раздора. В. князю Василію Ивановичу удалось отнять Смоленскъ у Литвы (1514) и присоединить къ своему государству. Еще при Иванѣ III Черниговскіе и Сѣверскіе князья (выходцы изъ Суздальской земли) сами перешли къ вел. князю Московскому со своими владѣніями; при Василіи ихъ удѣлы непосредственно присоединены къ государству Московскому. Тогда между Московскимъ и Литовскимъ государствами установилась граница по Днѣпру (приблизительно), и силы обоихъ находились въ равновѣсіи. Но уже при Іоаннѣ Грозномъ начинается между ними борьба за самое бытіе того или другого государства,—борьба, склонившаяся въ началѣ XVII в. къ побѣдѣ Литвы (когда самая Москва была уже во власти Литвы и Польши), а съ половины XVII в., т. е. со времени Богдана Хмельницкаго и *присоединенія Малороссіи* (1654), къ побѣдѣ Москвѣ. Окончательно вопросъ о бытіи одного изъ двухъ русскихъ государствъ рѣшенъ уже въ періодъ имперіи.

5. Расширеніе территоріи Московскаго государства на востокъ. Территорія Московскаго государства сложилась окончательно къ половинѣ XVI в. Дальнѣйшее расширеніе ея означаетъ уже не внутренній ростъ государст. организма, а лишь внѣшнее его приращеніе (что, впрочемъ, не осталось безъ вліянія и на внутренній характеръ, введя въ составъ населенія огромный процентъ азіатскихъ народовъ и давши въ руки Московскихъ государей новыя громадныя силы). Приращеніе совершается на счетъ восточныхъ странъ. Татарское иго ослабѣвало постепенно, вслѣдствіе внутренняго

паденія Орды и усиленія Москвы; въ то время, какъ сѣверная Русь сплачивалась въ одно государство, Орда распалалась на разныя царства; важнѣйшія изъ нихъ: Кипчакское (Золотая Орда), Казанское и Крымское. Послѣдній походъ на Москву хана Золотой Орды Ахмата (1480 г.) окончился бѣгствомъ татаръ безъ битвы; платежъ дани татарамъ прекращенъ. Тогда начинается обратное движеніе русскихъ на востокъ по теченію Волги и Дона. Уже при Иванѣ III русскіе совершили нѣсколько походовъ подъ самую Казань, но затѣмъ начали медленно подвигаться къ ней острожками (укрѣпленіями) и подчиненіемъ окрестныхъ инородцевъ (черемисъ); окончательный ударъ ей нанесенъ былъ Іоанномъ Грознымъ въ 1552 году; *паденіе Казани* привлекло къ Московскому государству всѣ племна восточной Европы, подчиненныя и неподчиненныя Казанскому хану; въ 1554 г. покорена и (въ 1557 г.) присоединена *Астрахань;* въ 1555 году начали предлагать свое подданство *Кавказскіе владѣльцы*; въ 1586 г. присоединена *Башкирія* (южно-Уральскіе страны). Въ слѣдъ за покореніемъ Казани, началось распространеніе государственныхъ границъ на среднемъ и сѣверномъ Уральскомъ хребтѣ и въ Сибири. *Пермская земля* покорена была еще Иваномъ III въ 1472 г. Послѣ паденія Казани Сибирскій ханъ самъ прислалъ къ Іоанну IV съ предложеніемъ дани, но подданство его было лишь номинальное: сибирскіе наѣздники безпокоили на Камѣ русскія колоніи Строгановыхъ, которые вызвали для защиты ихъ отрядъ своевольныхъ Волжскихъ казаковъ подъ предводттельствомъ Ермака Тимофеевича, и въ 1581 г. двинулся этотъ отрядъ въ наступательный походъ; столица хана—гор. *Сибирь*—была взята (1582 г.). Съ тѣхъ поръ русскія завоеванія и колонизація въ сѣверной Азіи продолжались постепенно въ теченіе всего XVII в., пока не достигли береговъ Вел. Океана и не перешли въ Америку.

Какъ здѣсь, такъ и *на Дону* частная предпріимчивость отдѣльныхъ лицъ и общихъ (казаковъ) шла всегда впереди государственной. На Дону уже издавна (еще при существованіи в. княж. Рязанскаго) выходцы изъ государства, б. ч. недовольные новымъ государственнымъ строемъ, основывали свободныя казацкія общины, ведя борьбу съ татарами на свой собственный рискъ, и наконецъ въ низовьяхъ Дона сплотились въ одну большую землю, которая вступила въ союзъ съ Московскимъ государствомъ, не теряя своей самостоятельности; но въ 1549 г. Донскіе казаки уже именуются подданными, и затѣмъ земля ихъ инкорпорирована государствомъ съ незамѣтною постепенностію.

6. Неполнота принципа единодержавія въ Московскомъ государствѣ. Съ XVI в. единодержавіе, т. е. недѣлимость государственнаго организма, было уже признано и укрѣплено. Тѣмъ не менѣе до конца существованія Московскаго государства начало это не было вполнѣ выдержано. Смутное время показало, что сцѣпленныя части гдсударства еще не вполнѣ срослись, и нѣкоторыя изъ нихъ готовы были идти опять врозь: Новгородъ призналъ *своимъ государемъ* Шведскаго королевича; Псковъ примкнулъ къ отдѣльному самозванцу. Но именно смутное время было эпохою, когда

государство возсоздано было вновь уже силами самого населенія и по его собственному почину. Однако, въ законодательномъ языкѣ царство Московское представлялось еще суммою разныхъ государствъ: цари избираемы были на „всѣ государства россійскаго царства", въ чемъ выразилось понятіе, сходное съ характеромъ Германской Имперіи. Нѣкоторымъ провинціямъ оставлены атрибуты государственной власти: такъ, сношенія со шведами предоставлялись исключительно новгородскимъ властямъ. Но всего болѣе отступаетъ отъ принципа единодержавія тотъ видъ государственной уніи, на которомъ была присоединена Малороссія (съ сохраненіемъ почти полнаго внутренняго суверенитета).

Б. Населеніе.

1. Этнографическій составъ населенія.

а) Московское государство не есть созданіе политики Московскихъ князей и не есть результатъ внѣшнихъ столкновеній: оно создано въ XIV в. (и потомъ возстановлено въ XVII) силами самого населенія и есть *русское національное государство*. Общерусское національное самосознаніе, установившееся еще въ I-мъ періодѣ, не разрушено, а окрѣпло вслѣдствіе борьбы съ татарами; всякая же національность, достигшая самосознанія, стремится воплотить себя въ отдѣльный государственный организмъ. Признаки національнаго характера Московскаго государства указаны выше въ наименованіи его „Русью" и „Русскою землею". Лѣтопись такъ выражается о государствѣ, управляемомъ Димитріемъ Донскимъ: „внукъ же бысть (Димитрій) събрателя русской земли (Ивана Калиты);... пребысть единъ въ области великаго княженія (достигъ единодержавія), пріемщу ему скипетръ дръжавы русскія земля" (Воскр. подъ 1389).

б) Фактически это государство обнимало лишь часть (сѣверную) русской націи, но стремилось стать и именовало себя *общерусскимъ;* титулъ вел. князей Московскихъ „всея Руси" былъ употребленъ въ первый разъ Иваномъ Калитою; но такой титулъ не употреблялся въ сношеніяхъ съ Литовскимъ государствомъ до Іоанна III, который, объединивъ сѣверную Русь, тотчасъ сдѣлалъ вызовъ бытію Литовскаго государства,ославъ туда грамоту съ титуломъ „Іоаннъ, Божіею милостію, государь всея Руси", и началъ вступаться за русскіе (религіозные) интересы населенія сосѣдняго государства; съ тѣхъ поръ Московскіе вел. князья постоянно заявляютъ притязанія на Полоцкъ, Кіевъ и Волынь. Но существованіе другого—Литовско-русскаго—государства производило разладъ между идеею (общерусск. государства) и дѣйствительностію. Такой разладъ сообщаетъ трагическій характеръ борьбѣ этихъ двухъ государствъ и дѣлаетъ оба государства явленіями переходными и временными. Полнаго воплощенія общерусской идеи государство достигаетъ лишь въ періодъ имперіи.

в) Другое ограниченіе національнаго характера Московскаго государства составляетъ огромная *примѣсь въ населеніи* его *инородческаго начала,* вслѣдствіе расширенія государственной территоріи на востокъ. Но выше было указано, что это расширеніе состоялось не столько посредствомъ правительственныхъ завоеваній, сколько при помощи *народной колонизаціи;* посредствомъ колонизаціи чужіе этнографическіе элементы не вводятся въ государство, какъ инородное тѣло, а ассимилируются національнымъ организмомъ и перерабатываются въ немъ. Движеніе колонизаціи на востокъ началось еще при существованіи прежней Суздальской земли; первымъ ударамъ ея подверглись финскія племена Мордвы (Эрзя и Мокша) на средней Волгѣ (при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III); въ 1221 г. Юріемъ Всеволодовичемъ основана центральная колонія при устьѣ Оки—Нижній-Новгородъ, откуда начались ежегодныя экскурсіи въ земли мордовскія; съ пол. XIV в. начинается основаніе постоянныхъ русскихъ колоній за Окою. Въ то же время туда же шла колонизація изъ Рязанской земли. Въ мордовскихъ земляхъ, подъ давленіемъ русскихъ и татарскихъ набѣговъ, образовалось нѣсколько мелкихъ княжествъ, частію подъ властью мордовскихъ князьковъ (Арзамасъ, Ардатовъ и др.), частію—татарскихъ мурзъ (на р. Мокшѣ и Цнѣ, гдѣ владѣли родоначальники кн. Мещерскихъ, уже крещеные, до 1380 г., когда послѣдній князь Александръ продалъ свое владѣніе Дмитрію Донскому; на р. Сарѣ, въ Елатмѣ, на р. Тешѣ и на Мокшѣ). Многіе изъ владѣтельныхъ князей этихъ княжествъ вошли въ составъ русскаго дворянства; другіе ниспали въ разрядъ крестьянъ. Масса же прочаго населенія сохранила свою этнографическую отдѣльность до конца существованія Московскаго государства, хотя уже Іоаннъ Грозный раздавалъ мордву боярамъ для крещенія, отнималъ земли у некрещеныхъ. Болѣе успѣшные результаты имѣло основаніе монастырей (съ миссіонерскими цѣлями) и переселеніе русскихъ въ мордовскія села и обратно. Однако, Мордва и потомъ составляла особую часть населенія, б. ч. враждебную государству (въ смутное время она разоряла Москву и поголовно участвовала въ бунтѣ Стеньки Разина). Движеніе колонизаціи въ области Черемисъ и Чувашей началось преимущественно съ покоренія Казани. Сѣверо-востокъ (Пермь и Вотяки) колонизуемъ былъ еще новгородцами. Но прочныя основанія колонизаціи положены съ конца XIV вѣка миссіонерами (Стефанъ Пермскій) и промышленниками (Строгановыми). Юго-восточныя степи, занятыя кочевыми народами (татарами), колонизуемы были съ большею легкостью (Донскими, Волжскими и Яицкими казаками). Здѣсь подвижное населеніе очищало свободную территорію для русскихъ поселеній и не представляло труда ассимиляціи.—Вообще инородческіе элементы ассимилированы и вошли въ значительномъ объемѣ лишь въ высшій служилый классъ и не остались безъ вліянія въ соціальномъ строѣ государства; неассимилированныя же сплошныя массы инородцевъ оставались внѣшнимъ придаткомъ, который не обнаруживалъ никакого вліянія на внутренній складъ сѣверно-русскаго государства.

2. Соціальный составъ населенія (классы общества).

Если въ основаніи государства лежитъ главн. образомъ національный союзъ, то такое государство не можетъ уже быть союзомъ сословій: люди, сомкнувшіеся въ государство только ради своего національнаго единства, не могутъ раздѣляться на классы, совершенно чуждые другъ другу (какъ то было въ феодальной Западной Европѣ). Далѣе, населеніе одноroднаго этнографическаго состава не можетъ допустить такого отчужденія сословій другъ отъ друга, какъ, напр., въ Литовско-русскомъ государствѣ (гдѣ высшій классъ усвоилъ польскую національность, города наполнились пришельцами: нѣмцами, армянами и особенно евреями; сельское населеніе удержало русскую или литовскую національность). Наконецъ, государство безусловно монархическое (самодержавное), каково было Московское, не допускало развитіи сословныхъ правъ въ ущербъ общегосударственнымъ.—Несмотря на великое неравенство состояній, *Московское государство есть государство безсословное.* Населеніе его раздѣляется на *классы,* которые образовались изъ зародышей, данныхъ въ I-мъ періодѣ, но подъ вліяніемъ новой самодержавной идеи государства. Различіе ихъ истекало не изъ правъ, а обязанностей въ отношеніи къ государству: именно одни служатъ государству лично, другіе—уплатою денегъ въ пользу его.

Отсюда два класса населенія въ государствѣ: *служилый* и *тяглый*, изъ которыхъ каждый подраздѣляется на нѣсколько разрядовъ, которые соединяли оба класса неуловимыми оттѣнками.

а) Служилые люди.

Элементы, изъ которыхъ составился служилый классъ. Люди, призванные къ отправленію военной, придворной и приказной службы, называются людьми служилыми. Этотъ классъ образовался изъ земскихъ бояръ и княжескихъ дружинъ (дворовъ) I-го періода, которые (какъ намъ уже извѣстно) состояли изъ полноправныхъ бояръ и несвободныхъ или полусвободныхъ дворянъ. Тѣ же классы видимъ и въ XIV в. повсюду въ сѣверной Руси. *Бояре* были служилымъ классомъ только потому, что ихъ профессіею была высшая (военная и административная) служба; но служба эта не была обязательна для нихъ по отношенію къ тому или другому князю, они пользовались правомъ свободнаго перехода и служили по договору. Владѣя вотчинами (независимымъ правомъ собственности), они не утрачивали ихъ при переходѣ къ другому князю. Въ отчинахъ они пользовались нѣкоторыми правами суда и управленія надъ поселенцами; содержали свои дворы (дружины). Они получали отъ князей города и волости въ кормленіе съ судомъ и данью.—Низшій разрядъ свободныхъ землевладѣльцевъ—*дѣти боярскія;* ихъ важнѣйшее отличіе отъ бояръ состоитъ только въ меньшихъ земельныхъ имуществахъ. Это—обѣднѣвшіе потомки размножившагося боярскаго рода.

Слуги (*дворяне*). Люди, составлявшіе постоянный дворъ князей, именовались слугами; ихъ положеніе опредѣлялось не землевладѣніемъ, а только службою. Они раздѣлялись на *слугъ вольныхъ* и *слугъ подъ дворскимъ*. Первые были лично свободны и, подобно боярамъ, могли переходить отъ одного князя къ другому (см. Двин. Уст. гр. 1397 г., ст. 3. См. также Дог. Москвы съ Тверью 1368 г.: „А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобѣ къ намъ..., въ ты села намъ и тобѣ не вступатися"); нѣкоторые изъ нихъ владѣли вотчинами, но большая часть не пользовалась прочими правами боярства; они получали или готовое содержаніе при дворѣ, или временное пользованіе земельными участками.

Слуги подъ дворскимъ, или дворяне въ тѣсномъ смыслѣ слова, исправляли въ отчинномъ государствѣ дворовыя (которыя были въ то же время государственными) должности: казначеевъ, тіуновъ, дьяковъ, посельскихъ, ключниковъ. Отъ нихъ не отличались и слуги, исправлявшіе чисто экономическія порученія: бортники, садовники, псари, бобровники, бараши. Всѣ они были люди лично несвободные—холопы, доставшіеся князю по куплѣ или „по винѣ" (за преступленія), по браку: „А хто моихъ казначеевъ, или тіуновъ, или дьяки прибытокъ мой вѣдали, или посельски, или ключники, или хто холоповъ моихъ купленныхъ..., тѣхъ всѣхъ пущаю на свободу" (Дух. Вас. Дм. 1406 г. въ Собр. госуд. гр. и догов. I, № 39). „А хто будетъ казначеевъ, и тивуновъ и посельскихъ, или хто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, далъ есмь имъ волю. Также хто будетъ моихъ людій полныхъ, купленыхъ, грамотныхъ, далъ есть имъ свободу" (ibid № 25). Само собою разумѣется, что слуги этого рода не могли пользоваться наравнѣ съ боярами и слугами вольными правомъ перехода: „А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля. А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ" (ibid № 40). Дворы имѣли всѣ владѣтельные князья; по мѣрѣ присоединенія удѣловъ, дворъ вел. князя увеличивался; но эти провинціальные дворы не пользовались одинаковымъ положеніемъ съ старымъ дворомъ Московскихъ князей; отсюда впослѣдствіи образовалось различіе дворянъ Московскихъ и городовыхъ.

Способъ образованія служилаго класса. Изъ представленныхъ столь различныхъ элементовъ составляется одинъ служилый классъ въ XV в. *чрезъ пониженіе правъ бояръ* и *постепенное повышеніе правъ дворянъ*.

Первое (т. е. пониженіе правъ бояръ) совершалось слѣдующимъ путемъ: вмѣстѣ съ уничтоженіемъ удѣловъ, сами *удѣльные князья* начали поступать на службу къ вел. князю и входить въ разрядъ боярства; но князья не могли быть уравнены съ боярами относительно свободы вотчиннаго владѣнія: князья приходили на службу съ остатками своихъ удѣловъ и сохранили въ нихъ нѣкоторыя прежнія владѣтельныя права. Еще въ XVI в. князья-слуги, потерявшіе владѣтельный характеръ, остаются въ своихъ прежнихъ удѣлахъ: кн. Воротынскіе и Одоевскіе въ концѣ XV в. идутъ на войну съ своими удѣльными полками. Князья Оболенскіе

пользуются въ своемъ удѣлѣ полными правами суда: „приставъ в. князя къ нимъ въ Оболенскъ не въѣзжаетъ“. Когда въ 1493 году завоевана Вязьма и кн. Вяземскіе привезены въ Москву, то Іоаннъ III „пожаловалъ ихъ же вотчиною Вязьмою и повелѣлъ имъ себѣ служити“. Изъ Тверскихъ кн.—Микулинскіе владѣютъ частію своего удѣла, какъ вотчиною, даже въ 1570 г. Изъ кн. Ярославскихъ—кн. Сицкіе, Прозоровскіе, Ухтомскіе и пр., сдѣлавшіеся служилыми еще съ XIV в., остались владѣльцами частными въ своихъ бывшихъ удѣлахъ во втор. пол. XVI в. Отношенія государства къ удѣламъ служилыхъ князей можно видѣть на примѣрѣ Ростовскихъ и Оболенскихъ князей: первые сдѣлались служилыми еще съ нач. XIV в., а между тѣмъ въ 1462 г. вел. князь Василій Васильевичъ, отдавая Ростовъ своей женѣ, пишетъ: „а князи Ростовскіе, что вѣдали при мнѣ, ино по тому держатъ и при моей княгинѣ, а княгиня моя у нихъ въ то не вступается“. Оболенскіе продали Ивану III за два села и 5 т. рублей право на свое княжество въ случаѣ пресѣченія мужской нисходящей линіи въ ихъ родѣ.—При такомъ сохраненіи служилыми князьями ихъ владѣтельныхъ правъ, государи Московскіе не могли предоставить имъ полныя права распоряженія на ихъ владѣнія, ибо это означало не частную свободу распоряженія имуществами, а распоряженіе государственными правами по частнымъ сдѣлкамъ. Поэтому право свободнаго перехода съ сохраненіемъ вотчинъ прежде всего было отнято у служилыхъ князей, между тѣмъ какъ бояре еще сохраняли его: въ 1428 году договаривается вел. кн. Вас. Вас. Темный съ своимъ дядею Юріемъ: „А кто иметъ жити нашихъ бояръ и слугъ (въ) твоей отчинѣ, а тебѣ ихъ блюсти какъ своихъ...; а князей, ти, моихъ служебныхъ съ вотчинами... не пріимати“.

Лишь по примѣру князей, *ограничиваются* потомъ *имущественныя права и бояръ;* права эти обусловливаются уже службою; вотчинное право становится условнымъ. Въ 1504 г. Іоаннъ III пишетъ въ своей духовной: „А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями не отъѣхать отъ моего сына Василія, и кто отъѣдетъ—и земли ихъ сыну моему; а служать ему, и онъ у нихъ въ ихъ земли не вступается, ни у ихъ женъ, ни у ихъ дѣтей“ (Собр. госуд. гр. и догов. I, 391). Т. е. сначала частныя права (наслѣдованія и др.) еще не сокращались, но, благодаря служилому характеру владѣльцевъ, и частныя права распоряженія вотчинами ограничены потомъ (см. Ук. кн. казн. ст. XIX).

Къ этому повело особенно *сокращеніе личныхъ правъ бояръ и слугъ вольныхъ.* Право личнаго перехода ихъ было сначала ограничено, именно допускался переходъ отъ удѣльныхъ князей къ великому, но не наоборотъ, а затѣмъ было совсѣмъ отнято при Іоаннѣ III; съ уничтоженіемъ удѣловъ оно и не могло имѣть мѣста: оставалось переходить только въ Литву, которая не состояла въ союзѣ съ Русскими княжествами, считалась государствомъ чужимъ и враждебнымъ, а переходъ въ нее—измѣ-

ною. Лишеніе права перехода подобно уже личному кабальному холопству: вел. князья начали брать съ бояръ *крестоцѣловальныя записи* о непереходѣ (первая извѣстная взята съ кн. Холмскаго въ 1474 г.); такія записи почти равнялись записямъ на кабальную службу между частными лицами и имѣли тѣ же послѣдствія для закрѣпощенія высшихъ классовъ.—Тогда бояре начали занимать дворовыя должности наравнѣ съ дворянами: при Іоаннѣ IV должность казначея занимаетъ уже бояринъ; бояре начинаютъ получать помѣстья наравнѣ съ дворянами (а не кормленія только).

Въ то же время совершался обратный процессъ *возвышенія правъ дворянъ* слѣд. способами: съ присоединеніемъ удѣловъ число дворянъ у вел. князя увеличилось чрезмѣрно; главною службою ихъ дѣлается не дворовая, а военная. Содержатся они уже не при дворѣ, а испомѣщаются на земляхъ, составлявшихъ частную собственность князей, на *помѣстномъ правѣ* (т. е. на правѣ временнаго пользованія съ условіемъ службы подобно, какъ въ частныхъ отношеніяхъ—холопы, поселенные на участкахъ, именуемые „задворными“). И это—уже значительное право для лицъ несвободныхъ. Сдѣлавшись помѣщиками, они могутъ и сами пріобрѣтать имущества и передавать ихъ въ наслѣдство, однако право и на эти имущества остается еще также условнымъ и зависимымъ отъ правъ великаго князя. „А которые дѣти боярскіе (говоритъ вел. князь въ своемъ завѣщаніи) служатъ моей княгинѣ, и слуги ее, *и вси холопи* ее, и кому будетъ азъ кн. вел. давалъ свои села, или моя княгиня давала имъ свои села, или за кѣмъ будетъ ихъ отчина, или купля,—и въ тѣхъ своихъ людяхъ во всѣхъ вольна моя княгиня и въ тѣхъ селѣхъ“—По мѣрѣ увеличенія государства отношенія между вел. князьями и этими слугами ихъ становились все менѣе тѣсными и непосредственными, и имущественныя права ихъ возрастали.—Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и ихъ личныя права: они (даже бывшіе полные холопы) получаютъ до нѣкоторой степени право перехода съ потерею лишь земель: „А (кто) тѣхъ бортниковъ, или псарей не всхочетъ жити на тѣхъ земляхъ,—инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну—князю Ивану не надобѣ, на котораго грамоты полные не будетъ; а земли ихъ сыну—кн. Ивану“ (Собр. госуд. гр. и дог. I, 40). Хотя право перехода отнято потомъ у всѣхъ классовъ, но прочія пріобрѣтенныя дворянами личныя права остались за ними и так. обр. вполнѣ уравнялись съ правами бояръ.

Полное уравненіе бояръ и дворянъ послѣдовало при Іоаннѣ Грозномъ, отъ времени котораго сохранился указъ объ уравненіи службы бояръ, князей, дѣтей боярскихъ и „воиновъ“ (дворянъ) по ихъ вотчинамъ, помѣстьямъ и денежному жалованью. Тогда и бояре становятся дворовыми слугами и дворяне землевладѣльцами на равныхъ правахъ.

Составляетъ ли служилый классъ сословіе? Разряды служилыхъ людей. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что служилыми людьми называется классъ населенія, обязанный службою (придворною, военною, гражданскою) и пользующійся за нее частными земельными имуществами на условномъ

правѣ [1]). Основаніе для отдѣльнаго бытія этого класса дается не правами его, а обязанностями къ государству. Обязанности эти разнообразны и никакого корпоративнаго единства члены этого класса не имѣютъ. Сколь многоразличны служебныя обязанности, столь же различны и разряды, на которые дѣлился этотъ классъ. Это: а) *члены боярской думы:* бояре (высшій чинъ, жалуемый царемъ), окольничіе и думные дворяне (т. е. дворяне, введенные въ думу, допущенные къ участію въ ея засѣданіяхъ). б) *Придворные чины* какъ высшіе: спальники, стольники, стряпчіе, такъ и низшіе. в) *Военные люди*: жильцы (гвардія), дворяне Московскіе (испомѣщенны въ Московскомъ уѣздѣ), дворяне, городовые (самый многочисленный и центральный разрядъ служилаго класса, давшій имя будущему высшему сословію дворянства), дѣти боярскіе (прежде примыкавшіе къ боярскому классу, а съ XVI в. ниспавшіе въ самый низшій разрядъ служилыхъ людей). Переходомъ отъ военнаго служилаго класса къ тяглому населенію были разряды *низшихъ службъ*, образовавшіеся съ полов. XVI в.: стрѣльцы, пушкари, казаки, драгуны, ворóтники, рейтары и солдаты. г) *Лица гражданской службы*—дьяки и подъячіе (думные дьяки, дьяки приказные, дьяки городовые, площадные и другіе). д) Къ служилымъ царскимъ людямъ надо присоединить *дворянъ* и *дѣтей боярскихъ архіерейскихъ* и *знакомцевъ* боярскихъ (военныя дружины бояръ и служилыхъ князей); тѣ и другіе, вмѣстѣ съ частною службою, отправляли и государственную (военную въ походахъ и административную въ вотчинахъ).

Способы вступленія въ высшій классъ и выхода изъ него. Сообразно съ понятіемъ о служиломъ классѣ, основной способъ вступленія въ служилые люди есть *опредѣленіе въ тотъ или другой разрядъ государственной службы* (а не пожалованіе какихъ-либо правъ потомственныхъ или личныхъ). Переводъ лицъ изъ одного разряда въ другой есть возвышеніе чиновниковъ по степенямъ чиновъ и должностей. Опредѣленіе лицъ въ разрядъ военно-служащихъ называлось *верстаніемъ* (запись въ полковые списки и назначеніе жалованья помѣстнаго или денежнаго). Такое поступленіе на службу прежде не принадлежало исключительно какому-либо классу по происхожденію: въ XV, XVI и до пол. XVII в. „верстали (въ дѣти боярскіе) и холоповъ, крестьянъ и посадскихъ людей“ (Яблочковъ, стр. 260) [2]). Въ разрядъ гражданской службы набирались изъ „по-

---

[1]) По поводу этого г. Павловъ-Сильванскій замѣчаетъ: „авторъ (т. е. я) опускаетъ существенный признакъ—податную привилегію служилыхъ людей“ (Госуд. служилые люди“, стр. 326). Но если мы говоримъ, что *различіе служилыхъ отъ тяглыхъ* заключалось въ томъ, что первые служатъ, а другіе платятъ подати, то намъ казалось (и теперь кажется), что это для всѣхъ ясно.

[2]) Г. Павловъ-Сильванскій (стр. 324) признаетъ это утвержденіе ошибкою и ссылается на рядъ наказовъ XVII в., въ которыхъ запрещается верстать неслужилыхъ отцовъ дѣтей и холопей боярскихъ, посадскихъ людей, пашенныхъ крестьянъ. Чтобы не впасть опять въ ошибку, послѣдуемъ за самимъ г. П.-Сильванскимъ. У него (на стр. 96) находимъ, что въ XV в. „многіе *боярскіе послужильцы* въ 1483 г. были надѣлены помѣстьями въ Водской пятинѣ (боярскіе послужильцы—это дворовые люди бояръ);

повыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ, изъ черныхъ сотенъ всякихъ посадскихъ людей, изъ пашенныхъ людей и ихъ дѣтей" (Уст. кн. зем. прик. ст. XXIX). Хотя наборы дворянъ и подъячихъ изъ лицъ неслужилыхъ классовъ были запрещаемы указами 1639 и 1652 г., но на практикѣ поступленія такихъ лицъ на службу продолжалось и во второй полов. XVII в.; Котошихинъ пишетъ: „А кто изъ нихъ (людей посадскихъ, духовныхъ, боярскихъ слугъ) отпуститъ своего сына на службу въ солдаты, или рейтары, или въ приказъ подъячимъ и инымъ царскимъ человѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малыя чести дослужаться

здѣсь же приводится справка по дѣлу 1648 г. объ оскорбленіи одного дворянина другимъ, который назвалъ перваго „холопьимъ родомъ"; по изслѣдованію оказалось, что оба спорящіе происходятъ изъ боярскихъ послужильцевъ. Въ XVI в., при Грозномъ, въ украинныхъ мѣстахъ „правительство пополняетъ ряды (дворянъ), верстая казаковъ въ дворянскіе чины" (стр. 108). „Въ дѣдиловскомъ уѣздѣ даны были небольшія помѣстья двумъ сотнямъ рядовыхъ казаковъ за азовскую и черкасскую службу... Составъ дѣтей боярскихъ пополнялся въ этихъ мѣстностяхъ иногда изъ низшихъ служилыхъ чиновъ, казаковъ. Въ 1585 г. въ Епифани набрано было изъ казаковъ *200 челов.* дѣтей боярскихъ; имъ даны были небольшія помѣстья въ уѣздѣ этого городка" (стр. 111). Распоряженіе ц. Бориса въ этомъ смыслѣ авторъ почему-то считаетъ „частнымъ и случайнымъ отступленіемъ". Переходя къ XVII в., мы въ первый разъ встрѣчаемся съ *частными* (дѣйствительно) распоряженіями наказовъ, а затѣмъ съ конца 30-хъ годовъ и съ общими узаконеніями о воспрещеніи верстать „неслужилыхъ" отцовъ дѣтей; на эти узаконенія и мы ссылаемся, видя въ нихъ новость. Если мы встрѣчаемъ законъ, воспрещающій монастырямъ покупать вотчины, то, кажется, мы въ правѣ заключить, что раньше монастыри могли пріобрѣтать вотчины; не считаемъ возможнымъ думать наоборотъ: запрещается то, чего и прежде не было. Можно до нѣкоторой степени угадать и причины, почему именно *въ XVII в.* начинаются запрещенія верстать неслужилыхъ людей; на одну изъ такихъ причинъ указывается нами въ текстѣ (подготовленіе *сословныхъ порядковъ* съ полов. XVII в. по образцу Польши и Литвы); можно указать и другую; тогда всѣ классы были уже прикрѣплены: посадскимъ и крестьянамъ запрещалось переходить не только въ дворяне, но и въ холопы. Однако, многократное повтореніе запрещеній указываетъ, что законъ не скоро достигъ дѣйствительнаго исполненія: и въ XVII в. иногда верстали холопей и крестьянъ. Зато низшіе служилые чины (не дворяне) отнюдь еще не подвергались такому запрещенію. Обращаясь опять къ самому г. П.-Сильванскому, находимъ у него слѣд. (прим. 25 на стр. 325): „Вслѣдствіе донесенія стрѣлецкихъ и казацкихъ головъ было объявлено: „А нынѣ по нашему указу *бѣглыхъ* стрѣльцовъ и казаковъ въ дѣти боярскіе, станичники и пушкари верстать не велѣно"; этимъ указомъ (замѣчаетъ авторъ) *не воспрещалось, однако, еще верстать въ дворянскую службу стрѣлецкихъ и казацкихъ дѣтей*, не записанныхъ въ стрѣльцы или казаки".

Оставляя въ сторонѣ дворянъ, мы не должны забывать, что лица гражданской службы (дьяки и подъячіе), не причисляемые къ дворянству, дѣлятъ однако съ дворянами всѣ привилегіи этого послѣдняго (т. е. владѣютъ вотчинами и помѣстьями и не платятъ податей). А между тѣмъ никто не можетъ отрицать, что въ дьяки и подъячіе и въ XVII в. набирались люди изъ поповыхъ дѣтей, посадскихъ, пашенныхъ крестьянъ и вольноотпущенныхъ. Сейчасъ былъ приведенъ фактъ изъ книги г. П.-Сильванскаго о надѣленіи двухъ сотенъ рядовыхъ *казаковъ* помѣстьями; въ казаки поступали люди всѣхъ состояній; при постепенномъ сравненіи помѣстій съ вотчинами, эти казаки оказываются снабженными тѣми же привилегіями, какъ и дворяне. Неужели и они члены *сословія* дворянскаго?

повыше и за службу достануть себѣ помѣстья и вотчины,—и отъ того пойдетъ дворянскій родъ". Лишь въ концѣ XVII в. (указ. 1675 и 1678) окончательно предписано верстать только сыновей дѣтей боярскихъ, что́ впрочемъ относится уже къ періоду реформъ (къ началу образованія изъ служилыхъ людей—дворянскаго сословія).—Какъ лица, происшедшія не отъ служилыхъ людей, могли быть верстаны на службу, такъ и сыновья лицъ служилыхъ не получали никакихъ особыхъ правъ съ момента рожденія [1]); при совершеннолѣтіи (15 л.) они подвергались верстанію и только тогда уже принадлежали къ служилому классу. Разумѣется, бо́льшая часть дворянъ и дѣтей боярскихъ верстаны изъ сыновей прежнихъ служилыхъ людей; так. обр. *рожденіе* лишь косвенное вело къ усвоенію званія служилаго человѣка.

[1]) Г. Павловъ-Сильванскій (ст. 327) не согласенъ съ этимъ, ибо де дѣти боярскія наслѣдственно пользовались преимуществами вотчиннаго землевладѣнія и свободы отъ податей. Какъ видно изъ актовъ, они, даже если не были поверстаны въ спеціальную дворянскую службу, не зачислялись въ классъ податныхъ лицъ. Правительство лишь въ видѣ наказанія грозило неверстаннымъ дѣтямъ боярскимъ превратить ихъ въ „пашенныхъ мужиковъ", если они не станутъ писаться въ солдатскій строй. Служба въ солдатахъ была временной, и по окончаніи ея дѣти боярскія оставались дѣтьми боярскими. Какъ видно изъ Уложенія, неверстанныя дѣти имѣли право покупать вотчины (только не изъ казенныхъ земель)". Итакъ, наслѣдственныя преимущества дѣтей боярскихъ состояли въ *обязательной службѣ*: неверстанныя дѣти боярскія поступали въ солдаты; если же они уклонялись отъ такой участи, то имъ угрожалъ переходъ въ „пашенные мужики". Пусть они сохраняютъ наименованіе дѣтей боярскихъ, но соединяются ли съ этимъ какія-либо личныя привилегіи? Мы не знаемъ такихъ. Гораздо важнѣе другое: сохраняются ли вотчины за неслужилыми дѣтьми боярскими? Поищемъ отвѣта опять у самого г. П.-Сильванскаго: „Землевладѣльческое и податное преимущества дворянскаго класса московскаго времени *обусловливались лежавшею на нихъ обязанностію службы*. Дворяне и дѣти боярскія пользовались этими преимуществами *не въ качествѣ самостоятельнаго, привилегированнаго сословія, но въ качествѣ всецѣло зависящаго отъ правительства служилаго класса*" (стр. 227). Думаю, что отсюда будетъ *правильный* выводъ, что всякій дворянинъ, *отказавшійся по собственной волѣ отъ службы*, лишается не только помѣстій, но и вотчинъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности (см. Наказъ 1675 г.).

Авторъ еще добавляетъ одинъ аргументъ, именно слѣд.: казенныя земли, по Улож. 1649 г., „запрещено было продавать въ вотчину неверстаннымъ и не служащимъ государевы службы дѣтямъ боярскимъ" (стр. 226). И затѣмъ онъ продолжаетъ: „но дѣтямъ боярскимъ не возбранялось пріобрѣтать частно-владѣльческія земли, хотя бы они и не служили государевой службы" (ibid).Вотчинами владѣли и могли пріобрѣтать ихъ и неслужащіе дворяне и дѣти боярскіе, т. е. или не пригодные къ службѣ, или малолѣтніе, или отставные, равнымъ образомъ вдовы и дѣвицы; здѣсь владѣніе обусловливалось или будущею, или прошедшею службою; рѣчь идетъ объ *отказавшихся* отъ службы. Могли ли быть тогда *неслужилые дворяне*, владѣющіе вотчинами безъ всякихъ повинностей? Мы не знаемъ такихъ.

Остается еще вопросъ: было ли владѣніе вотчинами и помѣстьями *привилегіею* дворянъ и дѣтей боярскихъ, т. е. принадлежало ли это право имъ только исключительно? Кромѣ изложеннаго нами въ текстѣ (см. стр. 125), въ книгѣ г. П.-Сильванскаго находимъ еще слѣд. положенія: „право вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія, говоритъ онъ, пріобрѣталось также выслугой, не зависимо отъ происхожденія. Такъ, помѣстья

Опредѣленіе на службу не имѣетъ ничего общаго ни съ выслугою дворянства, ни съ пожалованіемъ (явленіями періода имперіи).

Одинъ изъ видовъ поступленія на службу составляетъ *запись на службу иностранцевъ и инородцевъ*. Всякій (не торговый) иностранецъ, пріѣзжая служить, записывался въ тотъ или другой разрядъ служилыхъ людей (смотря по годности его и милости царя), безъ удостовѣренія о дворянскихъ правахъ его въ прежнемъ отечествѣ и безъ условія пріобрѣтенія дворянскихъ имѣній. Большая часть дворянскихъ русскихъ родовъ

давались *выслужившимся* дьякамъ и подъячимъ, хотя бы они были и не дворянскаго рода; помѣстьями надѣлялись и дослужившіеся до начальныхъ чиновъ стрѣльцы и солдаты-разночинцы. Вотчинами владѣли также гости въ силу того, что они исполняли различныя службы по финансовому вѣдомству. Но (опять прибавляетъ онъ) однимъ лишь дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, служилымъ людямъ „по отечеству“ (?) принадлежало право владѣть вотчинами и пріобрѣтать ихъ *независимо отъ службы*, въ силу происхожденія“ (стр. 226). Это не вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что изложено на слѣдующей 227 стр. и выписано нами выше, т. е. что землевладѣніе *„обусловливалось* лежавшею на нихъ *обязанностію службы“*. Дьяки владѣли вотчинами (и не только помѣстьями), которыя могли они наслѣдовать и пріобрѣтать. Но дѣлались ли они чрезъ то дворянами? Нѣтъ, дьяки и дворяне—два совершенно различныхъ разряда. Гости могли владѣть вотчинами, ибо также отчасти служили; но дѣлались ли они чрезъ то дворянами? Конечно, нѣтъ. Идемъ дальше: могли ли принадлежать вотчины неслужилымъ людямъ? Въ Уложеніи (XVII, 45) читаемъ: „Порозжія земли приказалъ государь продавати..., и которыя порозжія помѣстныя земли... продаваны бояромъ и околничимъ и думнымъ людемъ и столникомъ и стряпчимъ и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и гостемъ и *всякимъ служилымъ и неслужилымъ людемъ въ вотчины* и тѣмъ людемъ, которымъ тѣ порозжія земли въ отчину проданы, владѣть тѣми вотчинами по купчимъ, и ихъ женамъ и дѣтемъ и вольно имъ тѣ свои купленныя вотчины продати и заложити и въ приданые дати“... Вотчинами владѣли и люди сельскаго состоянія; такъ, напр., именуетъ свой наслѣдственный участокъ волостной земли одна крестьянка въ 1610 г. (см. ниже о крестьянахъ). Люди городского и сельскаго состоянія оккупируя новыя земли на сѣверѣ, получали на нихъ пожалованіе съ правомъ поселенія на нихъ крестьянъ, т. е, владѣли населенною вотчиною (см. тамъ же фактъ 1524 г.). Самые „именитые люди“ Строгановы не были дворянами. Вообще всякое владѣніе землею на частномъ правѣ не воспрещалось никакому свободному лицу и именовалось вотчиною. Во всѣхъ случаяхъ владѣнія вотчинами неслужилыхъ лицъ, оно, разумѣется, было обложено другими повинностями. Лишь *фактически* главными вотчиниками были болѣе богатые люди служилые (и неслужилые).

Что касается до помѣстій, то не слѣдовало бы и говорить о нихъ, ибо помѣстьемъ называется жалованье за службу. Странно было бы о настоящемъ времени утверждать, что чиновники обладаютъ сословною привилегіею получать жалованье. Но полезно припомнить, что въ смыслѣ жалованья помѣстья давались не однимъ высшимъ служилымъ людямъ (боярамъ, окольничимъ, думнымъ и прочимъ дворянамъ и дьякамъ), а именно: копейщикамъ, рейтарамъ, драгунамъ и солдатамъ (что, впрочемъ, утверждаетъ и самъ г. П.-Сильванскій, хотя говоритъ лишь о „начальныхъ“ людяхъ; сл. Ист. царств. Петра В. Устрялова, I, стр. 299 и 302). Въ южныхъ украйнахъ масса мелкихъ помѣщиковъ составила въ XVIII вѣкѣ классъ однодворцевъ. Такое смѣшеніе дворянства съ низшими служилыми людьми (а чрезъ нихъ съ податными), извѣстное давно историкамъ дворянства (въ томъ числѣ и г. П.-Сильванскому), должно бы предохранить отъ повторенія выводовъ о сословномъ значеніи служилыхъ людей Московскаго государства.— Знатные роды, правильно ведущіе свое происхожденіе отъ основанія государства (кн. Рюриковичи и нѣкот. другіе), разумѣется, существовали и часто справедливо гордились

ведетъ себя (бол. или менѣе правдоподобно) отъ выходцевъ (потомковъ, Византійскихъ императоровъ—Ангеловъ, Палеологовъ, Кантакузеновъ Ласкарисовъ; египетскихъ царей (? изъ ногайскихъ князей); потомковъ императора Оттона (Челишевы), итальянскихъ герцоговъ и простыхъ рыцарей нѣмецкихъ, англійскихъ, венгерскихъ, французскихъ и т. п. [1]). Но достовѣрнѣе извѣстно усвоеніе въ служилый классъ простыхъ заграничныхъ выходцевъ и „плѣнниковъ въ государевѣ имени“ (т. е. военноплѣнныхъ, доставшихся на долю государя, между тѣмъ какъ плѣнники, доставшіеся частнымъ лицамъ, поступали въ холопство къ этимъ послѣднимъ: см. ук. 1558 г. въ ук. кн. вѣдом. казн. ст. XIII). Имъ отдѣлялись особыя помѣстья и вотчины въ уѣздахъ („иноземцовскія“); самые „иноземцы“ составляли хотя особый разрядъ служилыхъ людей отъ дворянъ городовыхъ, но совершенно равный этимъ послѣднимъ по правамъ (ук. 1613, 1616, 1630 см. въ ук. кн. Помѣст. прик.). Нѣтъ сомнѣнія, что именно примѣсь иноземнаго элемента (западнаго) въ служиломъ классѣ заронила въ него стремленіе къ западно-европейской сословной отдѣльности.—Что касается до служилыхъ татаръ (мурзъ) и мордвы, то они надѣляемы были помѣстьями и вотчинами преимущественно на восточныхъ окраинахъ, на основаніяхъ, совершенно одинаковыхъ съ дворянами и дѣтьми боярскими. Принявъ христіанство и обрусѣвъ, они дали начало многимъ родамъ русскаго дворянства (см. ук. 1635 г. апр. 30 въ Ук. кн. Пом. Прик.).

Выходъ изъ состоянія служилаго человѣка обусловливается подобными же причинами, какъ и вступленіе въ него, а именно оставленіемъ службы. Но дворяне были прикрѣплены къ службѣ ранѣе прикрѣпленія посадскихъ и крестьянъ; а потому дѣйствительно служащій лишенъ былъ права выхода вовсе: въ Судебникѣ постановлено: „дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріимати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ“ (Суд. цар. ст. 81); но въ 1558 г. было разрѣшено, что сынъ дворянина, которому уже больше 15 лѣтъ, но онъ службы не служитъ и въ десятню

услугами, оказанными государству. Но составляли ли эти князья и бояре одну корпорацію (сословіе) съ дѣтьми боярскими, подъячими, рейтарами и солдатами—это другой вопросъ. См. ниже о мѣстничествѣ. Всѣ эти недоразумѣнія будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока изслѣдователи въ вопросѣ столь важномъ не позаботятся напередъ установить понятіе сословія, что, впрочемъ, не особенно трудно, при помощи готовыхъ явленій западно-европейскаго, литовско-русскаго и общерусскаго права послѣпетровской эпохи. Тогда ясно выступятъ вопросы: 1) можно ли признать *весь служилый классъ* Московскаго государства за одно высшее сословіе (если такъ, то казаки, стрѣльцы, рейтары, пушкари, дьяки, и подъячіе и т. д. равны не только дворянамъ, но и боярамъ)? 2) Можно ли признать какой-либо *одинъ разрядъ* служилаго класса за дворянство въ тѣсномъ смыслѣ сословіа (если это только дворяне и дѣти боярскіе, то въ него не включаются ни бояре, ни окольничіе, ни думные дворяне, ни думные, ни другіе дьяки)?

[1]) По счету проф. Загоскина, было происходящихъ отъ Рюрика 168 родовъ, другихъ русскаго происхожденія—42, польско-литовскаго происхожденія—223, западно-европейскаго—229, татарскаго—120, изъ другихъ восточныхъ народовъ—36, неизвѣстнаго происхожденія—97 родовъ.

не записанъ (значитъ, въ службу не пригодится), можетъ давать на себя служилую кабалу частнымъ лицамъ (ук. сент. 1 въ Ук. кн. вѣдом. казн. ст. XII). Въ 1641 г. дворяне подали царю челобитную, что многіе изъ ихъ товарищей, „не хотя государевы службы служити и бѣдности терпѣти", перешли въ драгуны и въ другія службы, или били челомъ въ холопство во дворы боярамъ и дворянамъ; указомъ 1642 г. марта 9 велѣно всѣхъ такихъ (кромѣ неверстаныхъ) поворотить назадъ въ службу и на будущее время выходъ изъ служилаго состоянія совершенно воспрещенъ.

Права и преимущества лицъ служилаго класса. Въ то самое время, когда боярство сливалось съ дворянствомъ и общій уровень его правъ понижался, въ высшихъ слояхъ боярства зародилась мысль объ аристократическихъ привилегіяхъ въ управленіи государствомъ (въ малолѣтство Грознаго и снова при Ѳеодорѣ Іоан. и въ смутное время); эти попытки окончились новымъ приниженіемъ боярства; но и въ нихъ шла рѣчь не о правахъ „дворянскаго сословія", а о привилегіяхъ олигархіи немногихъ родовъ, случайно стоящихъ тогда близъ трона. Что же касается до общихъ правъ всѣхъ служилыхъ лицъ, то нѣкоторыя особыя права служилыхъ лицъ принадлежатъ имъ, какъ людямъ, состоящимъ на государственной службѣ, а не какъ членамъ сословія. *Право на охраненіе чести* не одинаково для разныхъ разрядовъ служилыхъ лицъ (Суд. 1550 г. ст. 26, Улож. ц. А. М. Х. 90 и сл.): „безчестіе" денежный штрафъ за оскорбленіе служилыхъ лицъ) соразмѣряется съ денежнымъ жалованьемъ или съ величиною доходовъ отъ кормленія „по книгамъ" (въ которыхъ исчислялись эти доходы); низшіе разряды служилыхъ лицъ получаютъ безчестья менѣе гостей и торговыхъ людей гостинной сотни (Ул. Х, 94—95). Привилегіи *въ уголовномъ правѣ* изъясняются отчасти также служебнымъ положеніемъ дворянъ; сначала господствовало равенство наказаній („дворяномъ... чинить по томужъ, какъ и инымъ воромъ": Уст. кн. Разб. прик. ст. 15); но потомъ (въ XVII в.) за непредумышленное убійство крестьяне наказывались кнутомъ, а дѣти боярскія тюремнымъ заключеніемъ (Уст. кн. Разб. прик., ук. 1625 г. февр. 17). Особенно же принципъ неравенства наказаній замѣтенъ въ Улож. (X, 133, 135; XXI 39 и 40, 69—73 79 и 80; XXIII, 10 и 12), но относящіяся сюда постановленія случайны и объясняются каждый разъ особыми мотивами (напр., если помѣщикъ побьетъ *своихъ* крестьянъ-разбойниковъ, не представивши ихъ въ губу, то наказывается лишеніемъ помѣстья, а слуга его за такое же дѣяніе подлежитъ смертной казни, очевидно потому, что помѣщикъ наказывается не за убійство, а за превышеніе предоставленной ему судебной власти надъ крестьянами). Особенныя права *при взысканіяхъ по обязательствамъ—правежъ*—состоятъ въ томъ, что за 100 руб. долга дворянинъ подвергается правежу (битью предъ приказомъ) два мѣсяца, а лица тяглыя—одинъ (ук. 1557 г., декабря 15); это privilegium odiosum объясняется тѣмъ, что тяглый человѣкъ затѣмъ выдается головою, а дворянинъ отстаивается только правежомъ; а это въ свою очередь зависитъ оттого, что служилый человѣкъ обязанъ службою и не можетъ вступить въ частную зави-

симость. Право выставлять за себя на правежъ своихъ слугъ и холоповъ принадлежитъ всѣмъ рабовладѣльцамъ. Изъ сферы имущественныхъ правъ дворянамъ принадлежитъ *право владѣть вотчинами и помѣстьями;* но право на владѣніе недвижимыми имуществами (на основаніяхъ тяглой службы) принадлежало и лицамъ тяглаго класса; вотчинами владѣли церковныя учрежденія и гости; право помѣстное принадлежитъ исключительно служилымъ людямъ потому, что это есть жалованье за службу, котораго не можетъ получать тотъ, кто не служитъ.—*Право на государственную службу* (какъ было указано выше) есть прикрѣпленіе къ службѣ, отъ котораго многіе изъ дворянъ бѣжали въ частное холопство; но мы видѣли также, что на службу верстаны были не одни дѣти служилыхъ людей, особенно на службу гражданскую (въ дьяки и подъячіе). Въ выборныхъ учрежденіяхъ тяглые люди или засѣдаютъ вмѣстѣ съ дворянами (въ губныхъ), или одни (въ земскихъ). Право быть избраннымъ на земскіе соборы (отъ котораго, однако, многіе уклонялись, о чемъ см. ниже въ главѣ о „земскихъ соборахъ") простиралось и на духовныхъ, посадскихъ и крестьянъ (въ Польшѣ и Литвѣ, при дѣйствительно сословномъ строѣ государства, на сеймѣ участвуютъ только шляхтичи и наиболѣе значительные города in corpore, но не мѣщане). Само собою разумѣется, что высшіе разряды службы и званія (боярское званіе, окольничество и пр.) доставались людямъ болѣе знатнымъ и богатымъ (особенно же—бывшимъ владѣтельнымъ князьямъ), и что каждый членъ такого рода хотѣлъ и сыновей своихъ поставить въ то же званіе, а главное—не занимать мѣста ниже рода равнаго или низшаго; отсюда возникаетъ мѣстничество.

Мѣстничество есть исключительная принадлежность Московскаго госуд. права и не можетъ существовать въ государствахъ, въ которыхъ господствуетъ сословный строй [1]). Оно образовалось не ранѣе XV в., т. е. со времени обращенія бояръ въ обязательно-служилыхъ людей. Сущность его состоитъ въ спорѣ боярскихъ родовъ между собою о служебномъ старшинствѣ. *Предметомъ спора* были не самыя мѣста или роды службы, а относительное положеніе на службѣ одного служилаго человѣка передъ другимъ. Причина происхожденія этого явленія заключается въ томъ, что *родовая честь зависитъ отъ служебной:* занятіе низшей должности можетъ понизить навсегда значеніе одного рода передъ другимъ (чего не можетъ быть въ сословіяхъ, въ которыхъ права членовъ не зависятъ отъ службы). Мѣста, о которыхъ споръ, или *разряды* суть степени служебныхъ должностей (классы). Такъ, въ военной службѣ различались большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой полки (равные) и лѣвая рука. Въ административной службѣ по разрядамъ распредѣлялись города—главные въ отношеніи къ пригородамъ; различались также и части города по

[1]) Соперничество знатныхъ родовъ вполнѣ противоположно корпоративному единству сословія: въ Польшѣ самый убогій шляхтичъ равнялся первому магнату королевства по правамъ шляхетства; ихъ взаимный титулъ „панове-братья".

своей важности (въ Москвѣ: Большой-городъ, Китай-городъ, Царевъ-городъ, въ другихъ городахъ—Вышгородъ, Кремль и Земляной-городъ) при назначеніи воеводъ и объѣзжихъ головъ. Различались также по важности приказы; здѣсь (какъ и въ городахъ) мѣстничались главные судьи (тамъ главные воеводы) съ товарищами. Тоже и въ посольствахъ. Въ придворной службѣ различались не только роды ея, но собственно мѣста при встрѣчѣ пословъ, за столомъ царскимъ и проч.; здѣсь мѣстничались не только мужчины, но и женщины (по службѣ при царицѣ).

Мѣстничавшіе ссылались на *случаи,* т. е. прежнее относительное положеніе ихъ предковъ по службѣ; иногда они указываютъ такіе случаи за предѣлами Московскаго государства (на прежней службѣ въ Рязани, Твери и даже въ Крыму, если то были выходцы изъ татаръ; но послѣднее не принималось въ расчетъ). Въ числѣ доказательствъ въ мѣстническихъ дѣлахъ представляемы были и родословныя, но не съ цѣлію доказать древность рода вообще и его заслуги государству, а съ цѣлію указать старшинство рода предъ другимъ на лѣстницѣ служебной іерархіи. Разсмотрѣніе мѣстничскихъ счетовъ принадлежало боярамъ, а рѣшеніе—царю; оно оканчивалось или признаніемъ притязаній, или наказаніемъ для поднявшаго споръ „за безчестіе“ того, противъ кого онъ былъ начатъ (выдача головою; см. примѣч. Татищева къ 55 ст. Суд. ц.).—Что мѣстничество не было проявленіемъ аристократическихъ тенденцій, на это указываетъ то обстоятельство, что мѣстничались между собою не одни родовитыя фамиліи, но и худородные люди (дьяки по приказамъ). Хотя при одномъ случаѣ мѣстничества князя Волконскаго съ бояриномъ Головинымъ бояре стали на сторону послѣдняго и сказали, что „за службу государь жалуетъ помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ“ (Разр. кн. I, 206), но этимъ выразили полное отрицаніе аристократическихъ началъ, ибо князь Рюриковичъ во всякомъ случаѣ аристократичнѣе боярина изъ простыхъ грековъ-выходцевъ; бояре только хотѣли сказать, что предки Головина *служили* въ высшихъ чинахъ, чѣмъ предки князя Волконскаго.

Какъ явленіе въ высшей степени вредное для государственной службы, мѣстничество было ограничиваемо царями еще въ XVI в. (см. ук. 1550 въ Ук. кн. вѣд. казн.). Въ XVII в. при частныхъ случаяхъ (особенно военныхъ походовъ) было часто объявляемо: „быть безъ мѣстъ“ (т. е. на данный случай не должны простираться мѣстническіе счеты). Въ 1681 г. предпринята и совершена общая реформа (по поводу новаго военнаго устройства): земскій соборъ (изъ представителей служилаго класса, подъ предсѣдательствомъ князя В. В. Голицына) рѣшилъ отмѣнить мѣстничество; царь и боярская дума (съ соборомъ духовенства) утвердили это рѣшеніе 12 января 1682 года, повелѣвъ прежнія мѣстническія дѣла предать огню (что и исполнено въ печкѣ государевой передней палаты въ присутствіи депутаціи отъ думы и архіереевъ).—Но съ уничтоженіемъ мѣстническихъ книгъ, тотчасъ же учреждены въ разрядѣ родословныя. Это означало переходъ отъ служебной іерархіи къ сословному равенству, отъ

состоянія служилыхъ людей къ состоянію „шляхетства“ (подъ сильнымъ вліяніемъ порядковъ Литовско-польскаго государства, съ которымъ во 2-й половинѣ XVII в. московскіе люди вошли въ ближайшія столкновенія).

б) Тяглые люди.

Какъ основаніемъ для служилаго класса была обязательная служба и частное (зависимое) землевладѣніе, такъ *тягло* (финансовая служба государству) и общинное землевладѣніе даетъ основаніе классу тяглыхъ людей. По этому главному основанію всѣ тяглыя общины—одинаковы; но фактическая разница между большими и торговыми общинами (*посадами*) и меньшими—земледѣльческими (сгруппированными въ *волости*) подала основаніе и для юридическаго различія посадскихъ людей и крестьянъ. Торговля концентрируется правительственными мѣрами въ однихъ городахъ ради удобства взиманія пошлинъ (см. Уст. Бѣлоз. гр. 1488 г., ст. 8; въ 1539 г. отмѣнены торги во всемъ новоторжскомъ уѣздѣ, кромѣ гор. Торжка).

Посадскіе люди (городское населеніе).

Посадомъ называется поселеніе вокругъ укрѣпленія (города); такъ какъ служилые люди, имѣвшіе жительство или осадные дворы въ „городахъ“, отдѣлились въ особый классъ, то остальное населеніе (не служилое) уже перестало именоваться горожанами; съ XVI в. ему усвоено названіе посадскихъ людей. Посады могли возникать и помимо укрѣпленій, называясь въ такомъ случаѣ *слободами,* а жители—слобожанами (каковое названіе, впрочемъ, поглощалось первымъ общимъ.

Разряды посадскихъ людей. Еще отъ 1-го періода осталось раздѣленіе городского населенія на *гостей*, простыхъ купцовъ и черныхъ городскихъ людей.—Полуслужилое состояніе гостей, начавшееся съ древнѣйшихъ временъ, укрѣпляется за ними въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь гость есть званіе, *пожалованное* вел. княземъ какому-либо торговцу; уже при Дмитріи Донскомъ даваемы были жалов. грамоты на гостинство (Доп. къ ак. ист. I, № 9). Въ 1598 г. царь Борисъ Годуновъ пишетъ: „пожаловали есмя нашея отчины В. Новгорода торговаго человѣка Ивана Онаньина, сына Соскова, гостинымъ имянемъ, велѣли ему быти въ гостехъ (ibid № 147). Пожалованіе давалось и за сторонніе услуги и именно иностранцамъ (въ 1665—фонъ-Горну „за поимку вора Тимошки Анкудинова“) и за устройство государственныхъ займовъ (ibid IV, 53). Сначала давалось пожалованіе каждому лично; въ 1613 г. выдана общая жалов. грамота классу гостей: но за потерею этою грамотою юридической силы, выдана новая въ 1648 г. (съ прописаніемъ содержанія первой). Сущность пожалованія заключается въ слѣд. *привилегіяхъ*: освобожденіе отъ суда подчиненныхъ властей и подчиненіе только суду царя; освобожденіе отъ общинныхъ податей и повинностей; освобожденіе отъ платежа мыта и мостовщины; право владѣть (до 1666 г.) вотчинами и

получать помѣстья и др. Но пожалованіе дается за службу и подъ условіемъ службы. *Служба гостей*—финансовая: завѣдываніе таможнями и кружечными дворами, оцѣнка и распредѣленіе царской казны (мѣховъ, получаемыхъ изъ Сибири). Въ присутственныхъ мѣстахъ, вѣдавшихъ эти отрасли управленія, гости занимали мѣста головъ и дьяковъ. Для отправленія этой службы, всякій торговый человѣкъ, возведенный въ званіе гостя, долженъ былъ переселяться изъ родного города въ Москву. Такимъ обр. лучшіе элементы мѣстныхъ городскихъ общинъ были отвлекаемы на службу. Впрочемъ число гостей даже въ концѣ существованія Московскаго государства было ограничено (по свидѣтельству Котошихина, въ его время было ихъ только 30 человѣкъ).

Торговые люди гостинной и суконной сотни составляютъ второй разрядъ послѣ гостей. Еще въ XIV и XV вв. послѣ гостей упоминаются обыкновенно „суконники“ въ качествѣ богатыхъ, но не привилегированнѣхъ купцовъ. По Судебн. 1550 г., это званіе (въ числѣ классовъ, между которыми росписана такса за безчестіе) не упоминается. Въ XVII в. изъ богатыхъ торговцевъ, не получившихъ личнаго пожалованія званія гостя, составляются особыя общины („сотни“), отличающіяся съ друг. стор. отъ черныхъ посадскихъ сотенъ. Члены гостинной и суконной сотни сгруппированы только въ Москвѣ, по назначенію правительства и по вызову изъ провинціальныхъ городовъ въ Москву лучшихъ мѣстныхъ торговцевъ. Въ такомъ, напр., смыслѣ состоялось распоряженіе въ 1647 г. и вызвало взаимную борьбу черныхъ сотенъ и посадовъ, не желавшихъ лишаться лучшихъ платежныхъ силъ, съ привилегированными сотнями, стремившимися къ увеличенію своего числа и, слѣдов., къ облегченію службы. Тогда было рѣшено возложить отправленіе службъ въ городахъ на мѣстныхъ торговцевъ. Хотя въ Уложеніи опять предписано назначеннымъ въ привилегированныя сотни продать свои имущества въ городахъ, „а самимъ жити на Москвѣ“ (Ул. XIX, 34), но въ пол. XVII в. члены гостинной и суконной сотенъ находятся во многихъ городахъ. Служба членовъ этихъ сотенъ состояла въ томъ, что они были товарищами при гостяхъ въ финансовомъ управленіи. Въ награду они получали привилегіи однородныя, на меньшія, чѣмъ гости (не нести общихъ повинностей съ посадскими общинами). Гостинная сотня считалась много почетнѣе суконной.

Посадскіе черные люди. Съ выдѣленіемъ изъ общины гостей и членовъ привилегированныхъ сотенъ въ разрядъ полуслужилыхъ людей, личныя силы городскихъ общинъ ослабѣвали („людишки бѣдные и молотшіе отъ того великаго тягла бѣгутъ розно, а которые были у насъ лутшіе люди, и тѣ взяты въ гостинную сотню и суконную“, заявляютъ посад. люди въ 1621 г. Ак. ист. V, 92, IV). Собственно городскую общину составляли уже одни простые, или черные посадскіе люди, что приводило общины къ постепенному обѣдненію и затѣмъ къ мѣрамъ прикрѣпленія посадскихъ людей. Каждый посадъ составлялъ общину на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сельскія волости, т. е. на общинномъ землевладѣніи, круговой уплатѣ податей и отправленіи повинностей и на выборномъ

управленіи. Городъ Москва, впрочемъ, не составлялъ одной общины, а дѣлился на *сотни* (древнѣйшія общины) и *слободы* (позднѣйшія на окраинахъ города); таковы сотни: Дмитровская, Ордынская, Ростовская, Ржевская, Новгородская, Срѣтенская, Покровская и Мясницкая; полусотни: Устюжская и Кожевенная; четверть-сотни: Митрополья, Арбатская и Черторская; слободы: Заяузская, Новая Кузнецкая, Екатерининская, Голутвинская и Воронцовская. Во главѣ сотенъ состоятъ сотскіе, во главѣ слободъ и провинціальныхъ посадовъ—старосты земскіе. Имущественныя силы общинъ постепенно ослаблялись внѣдреніемъ неподатныхъ классовъ (бѣломѣстцевъ) въ среду городовъ, иногда по распоряженіямъ самого правительства [1]). Такъ какъ тяглыми имуществами посады владѣли на общинныхъ началахъ, то и самое тягло (податная служба государству) возлагалось не на лица, а на общины: кромѣ уплаты прямыхъ налоговъ (при чемъ за пустыя мѣста платили наличные жители, за несостоятельныхъ—болѣе имущіе), на нихъ возложены выборы головъ и цѣловальниковъ въ кружечные и другіе дворы, съ отвѣтственностью за недоборъ, неисправность и злоупотребленія выборныхъ; далѣе, люди посадскіе не были освобождены и отъ личной службы государству—чрезъ поставку даточныхъ людей въ войска, постройку и поправку город. укрѣпленій и пр. На земскомъ соборѣ 1642 г. тяглые люди заявили: „А мы, сироты твои... нынѣ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ..., и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городового земляного дѣла, и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничь службъ... съ гостьми и опричь гостей“... Слѣдствіемъ этого было бѣгство посадскихъ людей изъ посадовъ въ села—въ крестьяне и въ частную зависимость (въ закладчики и кабалу) къ лицамъ богатымъ, что въ свою очередь еще болѣе уменьшало населенность городовъ и отягощало положеніе остальныхъ членовъ посадскихъ общинъ. Постепенное уменьшеніе город. населенія въ XVI и XVII вв. видно изъ слѣд. цифръ: въ 1545 г. въ Муромѣ было 111 дворовъ жилыхъ, 107 *пустыхъ* и 800 *пустыхъ дворовыхъ мѣстъ*, въ 1668 г. въ Ярославѣ было 3469 посадск. людей, а черезъ 10 лѣтъ—2862; въ Костромѣ тогда же 1322, а черезъ 10 л.—1044.

Образованіе отдѣльнаго класса городскихъ обывателей черезъ прикрѣпленіе. Государство, не имѣя возможности облегчить для посадовъ тягло, должно было прибѣгнуть къ *прикрѣпленію* городскихъ обывателей. Еще въ 1613 г. велѣно возвращать посадскихъ людей, бѣжавшихъ изъ Москвы: въ 1619 г. состоялось постановленіе земскаго собора о томъ, что вообще ушедшіе посадскіе люди должны быть возвращены на прежнія мѣста; затѣмъ то же подтверждалось частными указами и распоряженіями 1638, 1642 г., съ угрозами наказаній. Но окончательное прикрѣпленіе

[1]) Имущественныя и административныя отношенія город. общинъ будутъ изложены въ своихъ мѣстахъ.

формулировано въ Уложеніи ц. А. М. (гл. XIX): возвративъ (ст. 1—11) посадамъ отторгнутыя отъ нихъ земли (отъ бѣломѣстцевъ) и другія имущества: лавки, дворы (отъ крестьянъ), Уложеніе (ст. 18 и др.) старается возвратить посадамъ утраченное населеніе изъ поступившихъ въ частный закладъ (кабалу), изъ поступившихъ въ служилые люди (если только они сами, а не отцы ихъ поступили въ стрѣльцы, казаки и солдаты), изъ ушедшихъ вслѣдствіе брака (женщина посадская влечетъ обратно въ посадъ и мужа и дѣтей). Цѣлыя слободы служилыхъ людей, поселенныя около посадовъ и подрывавшія торговлю и промыслы горожанъ, отчасти привлечены къ общему съ посадами тяглу (пушкари, затинщики и пр.), отчасти къ уплатѣ однѣхъ таможенныхъ пошлинъ (стрѣльцы, казаки и драгуны). Впредь выходъ изъ посадовъ запрещается подъ угрозою ссылки въ Сибирь, на Лену. Запрещается также переходъ изъ одного посада въ другой (по ук. 1658 г. подъ угрозою смертной казни).

Этими мѣрами и здѣсь (какъ и въ служиломъ классѣ) не образовано средняго, или городского *сословія*, а лишь классъ, прикрѣпленный къ тяглу и мѣсту жительства.

Такой ходъ возникновенія этого класса какъ разъ противоположенъ процессу образованія средняго сословія въ Зап. Европѣ. Тамъ государство, имѣя также въ виду усиленіе собственныхъ финансовыхъ средствъ, надѣялось достигнуть того чрезъ развитіе богатства въ городахъ (промышленности и торговли), а потому снабжало город. общины привилегіями, или укрѣпляло за ними тѣ права, которыя захвачены были самими городами въ средніе вѣка. Это привлекало въ города населеніе изъ селъ, бѣжавшее туда отъ крѣпостной зависимости. У насъ, наоборотъ, населеніе бѣжало изъ городовъ въ частную кабалу. Территорія государства и его потребности росли не въ уровень съ населенностію и экономич. средствами, что въ особенности отразилось на судьбѣ сельскаго населенія.

Крестьяне (сельское населеніе).

Мы знаемъ уже, что въ I-мъ періодѣ значительная масса сельскаго населенія попала въ состояніе прикрѣпленныхъ путемъ личной экономической зависимости („ролейные закупы", „старые изорники", „смерды"), и что другая часть сельскаго населенія образовалась уже тогда изъ поселенныхъ несвободныхъ людей. Въ XIV и XV вв. въ Московскомъ государствѣ дѣлаютъ дальнѣшіе успѣхи *частныя формы зависимости*; въ XVI и XVII вв. установляется *общее прикрѣпленіе* сельскихъ обывателей.

Состояніе крестьянъ въ XIV, XV и XVI вв. Въ XIV в. вообще *наименованіе* всѣхъ тяглыхъ людей (обнимавшее и городскихъ обывателей) было *письменное* или *численные люди*, т. е. люди, записанные и исчисленные для уплаты податей; въ то же время, по отношенію къ монголамъ—нехристіанамъ, общее наименованіе всего населенія—*христіане* (крестьяне)—спеціализируется (въ XV в.) для обозначенія сельскихъ обывателей (см. Суд. 1-й, ст. 57 „о христьанскомъ отказѣ"). Вообще же права

и фактическое положеніе сельскихъ обывателей въ XIV и XV вв. равнялись правамъ и положенію городскихъ обывателей. Однако, между городскими и сельскими поселеніями была та разница, что первыя (по общему правилу) не попадали въ частное владѣніе и оставались въ непосредственномъ подчиненіи государству (даже у бывшихъ удѣльныхъ князей великіе князья старались выкупать города). Наоборотъ, въ сельскихъ поселеніяхъ развивалась власть частныхъ лицъ и церковныхъ учрежденій; рядомъ съ черными *волостями* были владѣльческія *села* и вотчины; судьба населенія тѣхъ и другихъ была неодинакова, пока, наконецъ, судьба первыхъ не подчинилась исторической участи вторыхъ.

Населеніе черныхъ волостей. Волостью называется союзъ нѣсколькихъ селъ и деревень (съ однимъ центральнымъ поселеніемъ), имѣющій одно (выборное) управленіе, владѣющій сообща землею [1]) и находящійся въ круговой зависимости по уплатѣ податей и отправленію повинностей. Имѣя въ виду не права волостей, а права лицъ, составляющихъ волость, находимъ, что они раздѣляются на людей тяглыхъ или „вытныхъ“ и „безвытныхъ“.

Тяглые, или *вытные люди*—это члены общинъ, владѣющіе податными участками („вытями“). Только они составляютъ полноправныхъ членовъ общинъ (участвуютъ въ выборѣ общинныхъ властей, въ раскладкѣ налоговъ, отвѣчаютъ за исполненіе податныхъ обязанностей). Въ *имущественномъ отношеніи* они—постоянные владѣльцы (но не собственники своихъ участковъ [2]); обыкновенно крестьяне становились къ волости въ такія же отношенія, какъ и къ частнымъ землевладѣльцамъ: условіе заключается б. ч. на одинъ годъ, съ подробнымъ описаніемъ получаемыхъ построекъ, съ обязательствомъ починивать ихъ и полученнаго жеребья въ пустѣ не покинуть. Но условіе на одинъ годъ есть лишь форма; обыкновенно на 1-й годъ давалась льгота; а затѣмъ поселенецъ входилъ въ общую круговую поруку по уплатѣ податей (Ак. Юр. № 187) и продолжалъ жить неопредѣленное время; онъ часто передавалъ свой участокъ по наслѣдству. Поселенцы могутъ даже отчуждать свои участки, но подъ условіемъ, если покупщикъ замѣнитъ продавца и въ тягловомъ отношеніи: „а кто будетъ покупитъ земли данные служни или черныхъ людей, а тѣ, кто возможетъ выкупити,—и нѣ выкупятъ; а не возмогутъ выкупити,—и нѣ потянуть къ чернымъ людямъ; а кто не всхочетъ тянути, и нѣ ся земль съступять, а земли чернымъ людемъ даромъ“ (Догов. Дмитр. Иванов. Донск. съ Влад. Андр. въ Собр. гос. гр. и дог. 1, № 33).

---

[1]) Администрація волостей излагается въ гл. объ управленіи, а имущественныя отношенія ихъ—въ исторіи гражд. права.

[2]) Проф, Сергѣевичъ неизвѣстно почему причисляетъ насъ къ категоріи писателей, признающихъ черныя земли казенными (Юр. Др. 1, 254); въ исторіи частнаго права (гдѣ излагается исторія собственности, см. ниже) мы очень ясно выражались всегда, что собственникомъ б. *не вел. князь*, а *волость*, т. е. совокупность ея населенія (крестьянъ), но не крестьяне въ отдѣльности.

Иногда участокъ (пустой, необработанной) земли сдается волостью новому поселенцу на условіяхъ простой *аренды*, при чемъ новый поселенецъ уплачиваетъ только оброкъ, но не входитъ въ общія права и обязанности волости: по одной правой грамотѣ времени вел. кн. Вас. Ивановича волость предъявляетъ свои права собственности на такой участокъ противъ арендатора, который стремится освоить его, такъ: „вси (которые) пахали ту землю, у насъ наимывали... у нашего старосты", который бралъ наемъ и деньги клалъ всей братьѣ на столецъ (Ак., изд. Ѳедот.-Чехов. I, стр. 31).—Изъ освоенія такихъ участковъ волостной земли и передачи ея по купчимъ возникаетъ частное владѣніе землею членовъ общины, именуемое „вотчиною"; такъ крестьянка закладываетъ „свою вотчину на Куростровѣ деревню Онфимовскую Невейницыну, отца своего оставленье (наслѣдство), дворъ со всѣми хоромы, и дворище и огородецъ и земли орамые горные, а луговые, и пожни, и перелоги съ займищи, и съ перевѣсищи, и съ рыбными ловищи и съ лѣтними ухожеи" (Ак., изд. Ѳед.-Чехов. I, № 91) [1]; между тѣмъ заложенная деревня входитъ въ Куроостровскую волость, чего не отрицаетъ и владѣлица.—Вообще равенства между членами волости быть не могло; издревле существовалъ классъ богатыхъ („лучшихъ") людей и классы среднихъ и меньшихъ (неимущихъ) людей. Среди волостей зарождалась своего рода частная собственность (на тягломъ правѣ).—Черномъ волостнымъ людямъ принадлежатъ полныя права на движимыя вещи.—*Личныя права* ихъ не были ничѣмъ ограничены; однако, обыкновенно тяглымъ черномъ людямъ не дозволяется переходъ изъ одного удѣла въ другой (наравнѣ съ слугами невольными: „А которые слуги потягли къ дворьскому при нашихъ отцѣхъ, а чорныи люди къ сотьскому, а тѣмъ намъ не примати, такоже и тобѣ" (Догов. в. к. Вас., Дмитр. съ кн. Влад. Андр. 1389 г. въ Собр. гос. грам. и догов. I, № 35; см. также №№ 45, 71, 78, 84). Но иногда и такой переходъ дозволялся: „И бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ и христіаномъ межъ насъ вольнымъ воля" (Ibid I, № 127). *Переходъ* изъ одной черной волости въ другую въ одномъ и томъ же княжествѣ (а по уничтоженіи удѣловъ—въ цѣломъ государствѣ) не подлежитъ ограниченіямъ (Суд. 1-й ст. 57; „а христіаномъ отказыватися изъ волости..."; Суд. 2-й. ст. 88 поясняетъ: „изъ волости *въ волость*" [2]), что м. б. разумѣлось и въ 1-мъ Судеб.). Переходъ изъ черныхъ волостей въ частныя вотчины ограничиваемъ былъ съ раннихъ временъ (партикулярными распоряженіями; напр., давая жалов. грамоту Покровскому монастырю, Углицкій князь Андр. Васильевичъ пишетъ: „а тяглыхъ моихъ людей письменныхъ и вытныхъ въ ту слободку

---

[1]) Фактъ относится къ позднему времени (1610), но явленіе—древнее.

[2]) Между тѣмъ проф. Дьяконовъ (стр. 16) говоритъ, что „ограниченіе перехода волостныхъ тяглыхъ людей не нашло никакого отраженія въ Судебникѣ". Конечно, неопредѣленное выраженіе Судебниковъ не означаетъ воспрещенія перехода для *всѣхъ* волостныхъ крес—нъ на частныя земли (см. ниже).

не пріимати" (Ак. Арх. Эксп. I № 102; см. также ibid № 34 грам. Отрочу монастырю 1437—61 г. и сводъ подобныхъ указаній у пр. Дьяконова: „Къ ист. крест. прикрѣпленія", стр. 21 прим.).

Безвытные люди—это лица, не входящія въ общину, т. е. не занимающія тяглаго участка, а обрабатывающія земли по частнымъ условіямъ съ отдѣльными членами общины; они именуются иначе „подсусѣдями", „половниками", „козаками" (т. е. батраками), а также *бобыли*, занимающіе дворы, но не пахатные участки. Ихъ личныя права не ограничены ничѣмъ и, повидимому, превосходятъ права вытныхъ людей, именно они могутъ переходить на частно-владѣльческія вотчины; но фактическое ихъ положеніе, какъ лицъ неимущихъ, ставило ихъ въ тѣсную зависимость отъ хозяина. Въ такомъ же положеніи находились и лица, зависимыя по семейному праву (дѣти при отцахъ, племянники при дядяхъ и пр.).

Тѣ же обстоятельства, какъ и въ посадахъ, привели и въ волостяхъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ, а именно: имущественныя силы волостей ослаблялись отторженіемъ селъ, деревень и пустошей въ руки лицъ, обѣленныхъ (служилыхъ людей и церковныхъ учрежденій) по захватамъ и по жалованнымъ грамотамъ самихъ вел. князей; черныя земли хотя и отличались отъ частныхъ имуществъ князей (дворцовыхъ), но состояли въ непосредственномъ распоряженіи вел. князей, какъ государей, которые и начали раздавать ихъ служилымъ лицамъ въ помѣстья и жаловать монастырямъ въ вотчины. Тягло съ остальныхъ частей волости соотвѣтственно съ этимъ не уменьшалось, а возрастало съ развитіемъ государственныхъ потребностей. Вслѣдствіе этого населеніе черныхъ волостей бѣжитъ къ частнымъ землевладѣльцамъ (б. ч. на земли церковныхъ учрежденій), гдѣ поселенцы надѣялись найти, хотя временно, льготу отъ трудностей тяглой службы, и гдѣ они получаютъ ссуду (подмогу) на обзаведеніе; черная волость не имѣла денегъ для такой цѣли, ибо не вела частнаго хозяйства [1]).

---

[1]) Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сельскій тяглый человѣкъ могъ достигать такой имущественной состоятельности, что не нуждался въ занятіи ни общиннаго участка, ни участка на землѣ частно-владѣльческой, а владѣлъ, какъ собственникъ, землею на частномъ (тягломъ, а не служиломъ) правѣ. Это такъ наз. *своеземцы*, замѣчаемые въ прежнихъ владѣніяхъ В. Новгорода (на сѣверѣ Россіи). Обыкновенно такія земли составляли результатъ первоначальной расчистки, и владѣльцы ихъ были колонизаторами дикихъ и пустыхъ мѣстъ, не входившихъ ни въ какую волость и ни въ чью вотчину; въ 1524 г. трое двинянъ нашли за Двиною соляные ключи въ черномъ лѣсу, „а дворы и пашни на тѣхъ мѣстахъ не бывали отъ вѣка; а отъ волости тѣ мѣста за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ; угодья къ тѣмъ мѣстамъ не пришли ни отъ которыхъ волостей"; вел. князь пожаловалъ находчиковъ этою землею съ правомъ созывать новыхъ поселенцевъ (Ак. Арх. Эксп. I № 385). Этотъ видъ тяглой собственности, уцѣлѣвшій только на сѣверѣ, въ остальныхъ мѣстахъ исчезъ безслѣдно: своеземецъ, подавленный тягостью налоговъ, продавалъ свой участокъ служилому владѣльцу, или бросалъ его въ пользу общины. Уцѣлѣло только оброчное владѣніе частными лицами изъ крестьянъ (см. Ак. Юр. № 172).

Но мы видѣли, что для тяглыхъ людей переходъ въ частныя вотчины былъ затрудненъ уже съ давнихъ временъ спеціальными предписаніями князей великихъ и удѣльныхъ. Чтобы согласить право перехода съ интересами государства и волости относительно исправнаго поступленія податей (при круговой порукѣ), установилось правило: тяглецъ можетъ уйти, посадивъ на свое мѣсто другого. Этимъ право переходовъ въ принципѣ не отнято и самый переходъ въ частныя вотчины не устраненъ общимъ узаконеніемъ для всѣхъ. Затѣмъ оставалось еще право перехода изъ волости въ волость (которое, однако, при изложенныхъ условіяхъ далеко не было заманчивымъ). Всѣ указанныя обстоятельства вели только къ тому, что черноволостные крестьяне въ большинствѣ засиживались въ волости долго тѣмъ болѣе, что волостные крестьяне имѣли гораздо болѣе побужденій къ осѣдлости, чѣмъ частновладѣльческіе: община разсматриваетъ волостную землю, какъ собственную; усадьбы, выстроенныя членами общины, передаются по наслѣдству. Поэтому въ волостяхъ несравненно больше старожильцевъ, чѣмъ новоприхожихъ. Но именно старожильство и повело ихъ къ прикрѣпленію: въ XVI в. переходъ воспрещается не для всѣхъ тяглецовъ, а именно тяглецовъ-старожильцевъ. Такъ, въ Уставной Важской грамотѣ 1552 г. читаемъ; „старыхъ имъ тяглецовъ-крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно“ (см. нашей Христом. по ист. рус. пр. вып. II, см. также Акты о тягломъ населеніи II, № 27). Такъ создается институтъ давности практикою, помимо закона (подобно тому, какъ постановленіе Литовскаго статута о 10-лѣтней давности прикрѣпленія крестьянъ задолго предупреждено обычнымъ правомъ о крестьянской засѣдѣлости) [1]).

Населеніе частныхъ вотчинъ. Когда князья осѣдаютъ на мѣстѣ (дѣлаются въ тѣсномъ смыслѣ отчинниками), то это въ высшей степени отражается на усиленіи частнаго землевладѣнія. Сами они увеличиваютъ свои недвижимыя имущества примыслами (прикупкою) селъ (см. Духовн. Калиты 1328 г. въ Христ. вып. II, стр.6—7). Существовавшія съ древнѣйшихъ временъ „села боярскія“ увеличиваются въ числѣ вмѣстѣ съ развитіемъ и осѣдлостью (начинающимся прикрѣпленіемъ) служилаго класса по жалованнымъ грамотамъ князей; особенно же расширяются вотчины церковныя (вслѣдствіе усилившагося религіознаго чувства послѣ ужасовъ татарскаго погрома и расширенія права князей жаловать земли); не исчезло

---

[1]) Проф. Дьяконовъ („Очерки“ и пр., стр. 19—23) говоритъ: „нельзя не отмѣтить одной общей черты... старожильства: это извѣстная давность поселенія..., (факты) даютъ нѣкоторое основаніе къ предположенію, что право перехода стало ограничиваться для старожильцевъ раньше, чѣмъ для другихъ разрядовъ крестьянъ“. А между тѣмъ онъ же отрицаетъ дѣйствіе давности, безъ содѣйствія „обстоятельствъ побочныхъ“ (стр. 22). „Побочныя обстоятельства“ суть условія *для возникновенія* давности, а разъ она возникла, то уже *ею одною* опредѣляются юридическія послѣдствія. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ раньше прикрѣплены „отчичи“, т. е. наслѣдственные владѣльцы тяглыхъ участковъ (см. ниже о владѣльческихъ крестьянахъ).

еще и право лучшихъ городскихъ людей (гостей) владѣть вотчинами въ уѣздахъ. Всѣ эти частныя имущества развиваются главнымъ образомъ на счетъ свободныхъ волостныхъ земель.—„Села“ (въ отличіе отъ волостей) населялись въ древности главн. образомъ несвободными и полусвободными людьми: холопами, закупами и изгоями (послѣдніе особенно на церковныхъ земляхъ, такъ какъ изгои гл. обр. доставались церкви). Но такими людьми обрабатываемы были только незначительные по величинѣ дворовые участки; остальная земля обрабатывалась свободнымъ пришлымъ населеніемъ.

Судьба свободнаго населенія (крестьянъ) была не одинакова, смотря *по исчисленнымъ родамъ частныхъ вотчинъ*. Велико-княжескія (или подклѣтныя, а потомъ дворцовыя) вотчины, а также княжескія (быв. удѣльныхъ кн.) и монастырскія были столь обширны, что составляли уже цѣлыя волости; иногда онѣ и по происхожденію своему были не что иное, какъ черныя волости, обращенныя въ частную собственность (сначала великій князь овладѣваетъ ими при присоединіи новыхъ княжествъ, а потомъ отъ вел. князя часть ихъ поступаетъ или „въ путь“ дворцовымъ чиновникамъ, или посредствомъ пожалованія въ вотчину церковнымъ учрежденіямъ). Въ такихъ волостяхъ-вотчинахъ условія быта поселенцевъ остаются почти такими же, какъ и въ черныхъ волостяхъ (лишь вмѣсто дани уплачивается частный оброкъ): община продолжаетъ функціонировать, избирая свое управленіе и даже распоряжаясь участками земли при сдачѣ новымъ поселенцамъ. Вообще же положеніе крестьянъ въ большихъ вотчинахъ-волостяхъ могло быть (и бывало) весьма различно; они могли получать отъ своихъ владѣльцевъ пожалованія цѣлыми деревнями на служебныхъ условіяхъ: въ 1527 г. митрополитъ Даніилъ пожаловалъ изстариннаго своего крестьянина Дементія 4-мя деревнями съ селищами и пустошами, съ озерами, рѣками и пр. съ тѣмъ, чтобы онъ не „окняжилъ, ни обоярилъ“ и вообще не отчуждалъ этихъ деревень (Ак. Ар. Эк. I, 74). Типомъ „вотчинъ“ въ собств. смыслѣ надо считать меньшія, отдѣльныя вотчины частныхъ свѣтскихъ владѣльцевъ (древнія „села“), нерѣдко вторгавшіяся въ середину черныхъ волостей и постепенно разрушавшія ихъ. Къ этому типу потомъ приравнялись и вотчины вообще, а равно и помѣстья.

Отношенія перехожихъ поселенцевъ къ землевладѣльцу опредѣлялись частными условіями между ними и отчасти (со времени Суд. 1-го) закономъ и уставными грамотами церковныхъ властей. *Условія* въ древности, конечно, были словесныя, но съ XVI вѣка начинаютъ преобладать письменныя (болѣе въ интересахъ землевладѣльцевъ); они называются „порядными“, или *„рядными записями“*. Условіе обыкновенно обезпечивается *поручительствомъ* и неустойкою; поручителями являются прежніе крестьяне той вотчины, въ которую входитъ новый поселенецъ; этотъ видъ частной круговой поруки обезпечивалъ владѣльца возможностью за неисправность новаго пришѣльца усилить свои права на прежнихъ. Частное поручительство дополнялось (въ уставныхъ грамотахъ церковныхъ учрежденій) общею круговою порукою извѣстной вотчины: „а который крестьянинъ выйдетъ изъ тѣхъ селъ за волость, дворъ огноивши,—и тотъ дворъ

ставить тѣхъ селъ крестьяномъ, которые останутся въ тѣхъ селѣхъ своими деньгами, потому, чтобы берегли другъ друга, чтобы дворъ не огноенъ былъ" (Уст. грам. патр. Іова 1590 г. Новинскому монастырю). *Неустойка* („зарядъ"), обезпечивающая условіе, обыкновенно была довольно высока (10 рубей въ рядн. 1586—Ак. Юр. № 186; пять руб. въ поручн. 1565—ibid № 290, I, что на наши деньги составляетъ 140—70 руб,). Существенныя части „рядной записи" касаются: а) *срока*. Переходы крестьянъ совершались въ различные сроки (сохранились условія, по которымъ крестьянинъ подряжался съ Пасхи и т. д.). Но болѣе общимъ срокомъ въ обычномъ правѣ былъ Юрьевъ день осенній (26 ноября); Судебникъ 1497 г. узаконилъ этотъ срокъ, какъ общій, но нѣсколько расширилъ предѣлы самого термина (за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю спустя послѣ этого дня), Такое постановленіе закона можно считать состоявшимся въ интересахъ обѣихъ сторонъ (какъ крестьянъ, такъ землевладѣльцевъ), для устраненія безпорядковъ при расчетѣ.—Хотя тѣ же сроки подтверждены и Судебникомъ цар., но на практикѣ и послѣ сего допускались и другіе, особенно при переходѣ изъ одной вотчины въ другую того же владѣльца (на Николинъ день вешній въ рядн. 1590 г. Ак. Юр. № 186; 25 марта въ рядн. 1585, ibid № 299, I). Въ рядныхъ 2-й половины XVI в. означается только срокъ начала дѣйствія обязательства, и вовсе не обозначается срокъ окончанія его,—какъ бы предполагается, что поселенецъ поряжается жить на вѣчныя времена. И дѣйствительно, хотя порядныя записи возобновляются, но не вслѣдствіе истеченія срока первыхъ, а вслѣдствіе занятія крестьяниномъ другого участка или измѣненія другихъ условій.—б) Другая главная часть рядной касается *пожилого*, т. е. платы при выходѣ, за *зданія* (*дворъ*), занимаемыя поселенцемъ; въ частныхъ рядныхъ условія, относящіяся сюда, были разнообразны; крестьяне обязывались частію выстраивать новыя зданія („во дворѣ намъ поставити изба новая полутретьи сажени"; рядн. 1582 г. въ Ак. Юр. № 181) и исправить старыя. Но, вѣроятно, эта часть условій возбуждала наибольшія недоразумѣнія, и потому законъ поспѣшилъ прежде всего дать свое опредѣленіе на этотъ счетъ: Суд. 1-й (ст. 57) установилъ общую оцѣнку крестьянскаго двора въ степной полосѣ въ рубль (Судеб. цар. прибавилъ еще два алтына), а въ лѣсной—въ полтину; законъ предполагаетъ, что пользованіе этимъ имуществомъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ равняется полному истребленію двора (зданій); а потому, если крестьянинъ, просидѣвшій 4 года, уходилъ, то платилъ по полной оцѣнкѣ двора; прожившій меньшее количество времени платилъ по расчету (за 1 годъ—$^1/_4$ цѣны, за два—$^1/_2$ цѣны, за три года—$^3/_4$). Изъ приведенной выше Уставной гр. видно, что такія опредѣленія закона казались недостаточными: землевладѣльцы прибѣгали и къ другимъ средствамъ охраненія зданій; но во всякомъ случаѣ могли предъявить къ крестьянину искъ за „пожилое", будетъ ли цѣло зданіе или нѣтъ. Далѣе, на практикѣ землевладѣльцы не исполняли таксы, предписанной закономъ, и взыскивали за пожилое по 5 и даже по 10 р.—в). Третья часть условій касается *уплаты государ. податей*: „А живучи намъ на

той деревни, тягло государьское всякое тянуть съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ“ (рядн. 1576 въ Ак. Юр. № 178). При переходѣ крестьянина являлся вопросъ, кому платить подать съ оставленнаго засѣяннаго участка; Суд. ц. (ст. 88) рѣшаетъ: что, если останется у крестьянина (озимый) хлѣбъ въ землѣ, то онъ можетъ (на другое лѣто) сжать его, уплативъ въ пользу владѣльца боранъ и два алтына; но пока рожь его была въ землѣ, онъ долженъ платить царскую подать съ этого своего прежняго участка, хотя за это время всѣ отношенія его „къ боярину“ (землевладѣльцу) прекращаются.—д) Дальнѣйшія условія касаются *обработки земли:* въ этомъ отношеніи возможны двоякія условія: или крестьянинъ садится *на льготу* на необработанномъ участкѣ, или на готовомъ участкѣ; въ пврвомъ случаѣ онъ обязывался построить вновь зданія (въ числѣ и размѣрахъ, точно обозначаемыхъ въ условіи), а затѣмъ „пашню распахать, поля росчистить, городьбу около полей городить и луга росчистить“ (рядн. 1590 г. Ак. Юр. № 186); за это поселенецъ пользовался въ теченіи извѣстнаго количества лѣтъ (2, 4 и болѣе) свободою какъ отъ уплаты оброка за землю и издѣльныхъ повинностей, такъ и отъ государственныхъ податей.—При занятіи обработаннаго участка, крестьянинъ обязывался „пашню пахать и земли не запереложить“ (т. е. не запустить, не оставить необработанной). *Участки,* занимаемые крестьяниномъ, были весьма неодинаковы (полвыти, $^1/_4$ выти, $^1/_5$ выти, полуплугъ, обжа, $^1/_2$ обжи, $^1/_6$ обжи и т. д.). Выть не есть постоянная мѣра: пространство ея измѣнялось, смотря по качеству земли (отъ 2 до 10 десят.). Обжа=10 „четвертямъ“ (т. е. 5 десят. земли) „Обыкновенный участокъ земли, на который садился крестьянинъ, простирался отъ $3^1/_2$ до 5 десят.“ (Хлѣбниковъ: „О вліяніи общ. на орг. госуд., стр. 50). Къ каждому участку пахатной земли прибавлялось соотвѣтственное количество сѣнокосовъ (на 5, 10, 20, 40 копенъ сѣна).—д) За занятый участокъ крестьянинъ ежегодно вноситъ арендную плату—*оброкъ,* который обыкновенно уплачивался натурою (хлѣбный оброкъ), или въ видѣ части урожая, или въ опредѣленномъ—условленномъ количествѣ хлѣба съ выти, но иногда переводился на деньги (денежный оброкъ). Законъ не входилъ въ опредѣленіе величины оброка, и рядныя записи предполагаютъ ее извѣстною, такъ какъ б. ч. она опредѣлялась не для каждаго отдѣльнаго крестьянина въ особенности, но устанавливалась надолго для цѣлой вотчины или села. Можно думать, что для цѣлыхъ большихъ частей государства и для значительныхъ періодовъ времени высота оброка была одинаковою; лишь изрѣдка крестьянинъ въ рядной прямо обязывается къ опредѣленной уплатѣ въ деньгахъ. При опредѣленіи величины оброка для конца XV в. могутъ служить Новгор. писцовыя книги, по которымъ въ имѣніяхъ дѣтей боярскихъ крестьянинъ уплачиваетъ 5-ю или 4-ю часть урожая, а если эта часть переводилась на деньги, то отъ $2^1/_2$ до 5 гривенъ (до 70 денегъ) съ обжи (Новг. писц. кн. I, стр. 415). Четвертая часть уплачивалась и по Псковской судной грам. изорниками. Для половины XVI в. примѣрнымъ показателемъ можетъ служить Устав. грамота крест. Соловецкаго мон. 1561 г.; въ ней съ выти назначается по

4 четверти ржи, 4 четверти овса, по сыру сухому на Успеньевъ день (или за сыръ деньгами—2 деньги), по 50 яицъ, по хлѣбу и по калачу—на Покровъ (Ак. Арх. I, № 258). По этому примѣру трудно сдѣлать вычисленіе того процента урожая, который слѣдовалъ въ пользу землевладѣльца, ибо дѣло идетъ о мѣстности сѣверной—весьма неплодородной. Для конца XVI в. могутъ быть приведены слѣд. примѣры: въ 1586 г. крестьянинъ садится на $^1/_6$ обжи и обязывается уплачивать оброку по 1 руб. въ годъ (А. Ю. № 178). Въ 1590 г.—съ обжи 5-й снопъ (ibid № 186; тоже № 189, 1599 г.). Въ Славетинскомъ погостѣ при 111 жилыхъ обжахъ съ 444 крестьянъ получалось оброка 471 руб. 11 алтынъ (по 4 р. 21 алт. на обжу, или 1 руб. 4 алт. на участокъ, приблизительно въ четверть обжи. См. еще уставн. грам. всѣмъ селамъ Кирилло-Бѣлозер. монастыря 1593 г. въ Ак. Арх. Эксп. I, № 357). Хлѣбный или денежный оброкъ (какъ видно изъ предыдущаго) дополнялся поборами въ видѣ хозяйственныхъ продуктовъ (сыръ, яйца, мясо, хлѣбъ печеный, пиво, ленъ, куры и проч.); впрочемъ высшее количество этихъ поборовъ понижало нормальный оброкъ и обратно.—е) Важнѣйшая часть отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ состоитъ въ *издѣльныхъ (барщинныхъ) повинностяхъ*. Когда и изъ какихъ основаній возникла барщина? Явленіе это, несомнѣнно, весьма древнее; ролейный закупъ Рус. Пр. исправлялъ разныя службы на господина. Потомъ мы видѣли, что, по Псков. судн. гр., барщинными услугами были обязаны „старые“ изорники [1]). Думаютъ, что барщиной обязывались только серебреники, т. е. крестьяне, получившіе ссуду; слѣд., барщина есть послѣдствіе договора займа (Бѣляевъ: Крест. на Руси, стр. 43). Но личная работа могла также явиться въ видѣ дополненія, или замѣны оброка. Во всякомъ случаѣ уже въ древнѣйшихъ письменныхъ свидѣтельствахъ Московскаго государства находимъ, что *всѣ* крестьяне обязаны были и барщиною: по грамотѣ м. Кипріана Константиновскому монастырю 1391 г., крестьяне „церковь наряжали, дворъ тынили, хоромы ставили, пашню пахали на монастырь изгономъ, убирали хлѣбъ *и* сѣно (на монастырскихъ запашкахъ), прудили пруды, сады оплетали, на неводъ ходили, хлѣбы пекли, пиво варили, ленъ пряли“. Если такъ было въ концѣ XIV вѣка, то нельзя видѣть большого преувеличенія въ словахъ Герберштейна о началѣ XVI в., а именно, что поселяне работаютъ на своего господина 6 дней въ недѣлю; седьмой же день предоставленъ имъ на собственную работу (Зап. въ пер. Аноним., стр. 85). Суд. цар. говоритъ о барщинѣ, какъ явленіи

---

[1]) Г. Дебольскій („Къ вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ“, стр. 7) находитъ наше изъясненіе ст. 75 Пск. Судн. гр. „тенденціознымъ“; но мы не дѣлаемъ никакого толкованія, а принимаемъ буквальный текстъ: „старый изорникъ долженъ возы возить на хозяина“ Кстати о Пск. Суд. гр.: на стр. 23 авторъ упоминаетъ постановленіе Витебскихъ земянъ 1531 г. держать вольныхъ (похожихъ) людей по „Полоцкому“, т. е. такъ, какъ установлено въ Полоцкой землѣ; авторъ заключаетъ отсюда: тутъ, очевидно, къ Витебску примѣнялось правило Псковской Судной грамоты (по Полоцкому). Здѣсь какое-то большое недоразумѣніе: Псковъ не Полоцкъ. Полоцкъ и Витебскъ находились въ Литовскомъ государствѣ, а Псковъ съ нач. XVI в.—Московскомъ.

общемъ и законномъ, позволяя „не дѣлать боярскаго дѣла“ такому крестьянину, который уже перешелъ, и лишь хлѣбъ его оставался въ землѣ. По уставн. грам. 1561 года, барщина на земляхъ Соловецкаго монастыря состояла въ слѣд.: крестьяне обязаны обрабатывать дворовую землю, при чемъ съ каждой выти надѣла они обязаны были засѣять по четверти ржи и по 2 четв. овса; они обязаны молоть рожь и солодъ для приказчика, слуги и доводчика; возить съ выти по 3 воза дровъ; вести повозъ къ Вологдѣ съ выти по лошади (или за подводу по 4 гривны); поправлять монастырскій дворъ и гумна и ставить новыя хоромы взамѣнъ обветшавшихъ; барщинная работа начинается отъ восхода солнца, какъ десятскій вѣсть подастъ; за неявку на работу платится заповѣди 2 деньги (Ак. Ар. Эк. I, № 258). Въ рядныхъ записяхъ конца XVI в. уже обыкновенно пишется: „всякій оброкъ хлѣбной платити сполна, и издѣліе намъ монастырское дѣлати, какъ и прочіе крестьяне“.—Монастыри въ этомъ отношеніи должны были опередить свѣтскихъ владѣльцевъ, которые долго не жили въ своихъ вотчинахъ и не могли имѣть большихъ собственныхъ хозяйствъ. Съ XVI в. барщина распространяется повсюду.—ж) Самое рѣшительное вліяніе на судьбу крестьянъ обнаруживаютъ условія о *подмогѣ* или *ссудѣ* [1]): крестьянинъ, сверхъ всего изложеннаго, обыкновенно беретъ у землевладѣльца при поступленіи ссуду деньгами или вещами, безъ которыхъ не можетъ начать обработки (напр., безъ скота, безъ орудій). Величина ссуды могла б. различною: 2 руб., 5 руб. и выше; крестьянинъ обязанъ былъ возвратить ее при выходѣ. Такая ссуда называлось „серебро“, а крестьяне, получавшіе ее, „серебрениками“. Для такого крестьянина выходъ становится невозможнымъ фактически, ибо, при изложенныхъ условіяхъ аренды, капитализація излишка для уплаты ссуды невозможна. Выходъ могъ быть осуществленъ только тогда, когда новый владѣлецъ, къ которому переходитъ крестьянинъ, уплачиваетъ за него прежнему; въ такомъ именно видѣ акты уже съ XV в. и упоминаютъ о переходѣ крестьянъ; не крестьяне „отказываются“, а ихъ „*отказываютъ*“ новые ихъ владѣльцы: И вы бъ, пишетъ Бѣлозер. кн. Мих. Андреевичъ въ 1454 г., серебрениковъ, и половниковъ, и свободныхъ людей (Кирилло-Бѣлозер. монастыря) не о Юрьевѣ дни не отказывали, а отказывали серебреника и половника о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ“ (Ак. Арх. Эксп. I, № 48). Крестьянинъ, фактически не могшій воспользоваться правомъ перехода долгое время, становился „истариннымъ“ и терялъ это право навсегда. Къ XVII в. такой разрядъ крестьянъ, фактически прикрѣпленныхъ, сдѣлался самымъ многочисленнымъ; къ нему приравнялось положеніе и всѣхъ прочихъ крестьянъ. Что въ XVI, XV и (предположительно и гораздо ранѣе; см. выше стр. 134) было немало прикрѣпленныхъ крестьянъ, въ этомъ нынѣ уже не можетъ

---

[1]) Была высказана мысль о различіи „подмоги“ и „ссуды“; первая яко бы давалась за особые труды по раздѣланію необработаннаго участка, вторая—на обычный инвентарь крестьянскаго хозяйства. Источники не даютъ права дѣлать такое различіе. При занятіи невоздѣланнаго участка давалась не подмога, а *льгота*.

быть никакого сомнѣненія; приведемъ одинъ примѣръ: въ писцовой книгѣ Тверскихъ земель 1580 г. значится 2217 человѣкъ населенія; случаевъ перехода крестьянъ указано 305; но изъ этихъ 305 случаевъ „только въ 53 крестьяне вышли законно, въ 188—*вывезены* ааконно и незаконно, въ 22—*выбѣжали*, въ 16—*сбѣгли* безвѣстно, въ 11—сошли безвѣстно“ (Дьяконовъ: „Оч. изъ ист. сельск. населенія“, стр. 26). Если взять отношеніе числа 53 не къ 2217, а только къ 305, то и тогда оказывается, что правомъ перехода въ 80-хъ годахъ XVI в. пользуется лишь $^1/_6$ часть крестьян. населенія. Существуетъ немало актовъ, свидѣтельствующихъ о правѣ иска о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ (см., напр., акты 1577, 1587 и 1592, приводимые пр. Дьяконовымъ на стр. 25—27).

Далеко не такъ ясно разрѣшается вопросъ объ *основаніяхъ* прикрѣпленія. Одни (пр. Ключевскій, отчасти пр. Дьяконовъ и др. видятъ эти основанія непосредственно въ крестьянской задолженности, т. е. въ томъ, что крестьянинъ обыкновенно (почти всегда) при занятіи участка беретъ ссуду, а, сверхъ того, весьма часто и потомъ вступаетъ въ долговое обязательство къ своему помѣщику. Такимъ образомъ крестьянство ничѣмъ не отличается отъ кабальнаго холопства. Другіе (отрицая вообще фактическое прикрѣпленіе до предполагаемаго указа объ общемъ прикрѣпленіи), а именно пр. Сергѣевичъ, а за нимъ Н. Н. Дебольскій, утверждаютъ, что крестьянская подмога, или ссуда, не есть долгъ и нисколько не препятствуетъ (юридически) крестьянину уйти; для владѣльца открывается только право иска о взысканіи ссуды.

Полагаемъ, что первое мнѣніе не имѣетъ для себя никакихъ основаній: принявъ его, мы должны (съ точки зрѣнія тѣхъ, кто и для XVI в. допускаетъ обращеніе несостоятельнаго въ холопство) допустить неизбѣжно, что прикрѣпленныхъ крестьянъ вовсе ве было, а были только холопы; а такъ какъ къ концу XVI в. крестьянъ, потерявшихъ право перехода, несомнѣнно, было громадное большинство, то почти, все сельское населеніе должно б. признано холопскимъ. Ничего подобнаго источники того времени намъ не говорятъ, и наоборотъ, точно различаютъ крестьянъ отъ холоповъ не только въ XVI, но и въ XVII в. Далѣе, смѣшеніе состоянія кр.—нъ съ кабальнымъ холопствомъ недопустимо потому, что уже со времени судебниковъ несостоятельность по договору займа не вела къ холопству (см. ст. 90 Ц. С.); по Суд. Цар. (ст. 82), служба за ростъ во дворѣ кредитора воспрещается; служилая кабала становится сдѣлкою sui generis (см. Суд. Ц. ст. 78)—именно сдѣлкою о пожизненной личной службѣ и лишь внѣшняя форма ея долго сохраняется прежняя (долговая; см. о холопствѣ ниже въ исторіи права гражд.). Наконецъ, кр—нъ, задолжавшій своему помѣщику по ссудѣ, могъ бы (на основаніи судебника ст. 90) быть выданъ ему для отработки долга на срокъ [1]) только тогда, когда бы къ нему былъ предъ-

[1]) Проф. Дьяконовъ (и пр. Сергѣевичъ) предполагаетъ, что выраженіе Судеб. 1-го „на продажу“ значитъ—въ вѣчное холопство. Но что это—тождественное выражевіе съ тѣмъ, которое употреблено во второмъ Суд. „до искупа“, объ этомъ см. ниже въ отдѣлѣ о холопствѣ.

явленъ искъ, т. е. при своевольномъ выходѣ, а отнюдь не потерялъ бы права перехода ео ipso. Пока же жилъ кр—нъ у одного владѣльца, то по выданной ему ссудѣ онъ не состоялъ *должникомъ*, ибо безсрочная ссуда и дается для того, чтобы кр—нъ могъ обрабатывать землю. Такъ непосредственно изъ задолженности никакой кабалы для кр—нина не возникаетъ.

Не кабала, а *прикрѣпленіе* возникаетъ лишь въ силу давности, или „старожильства" крестьянъ на земляхъ извѣстнаго владѣльца. Старожильство же образуется изъ разныхъ причинъ. Во-первыхъ, крестьянинъ не можетъ возвратить помѣщику ссуды и долга (если онъ сдѣланъ). Пока онъ живетъ, ни того ни другого съ него не взыскиваютъ. Юридически онъ можетъ уйти, но знаетъ и послѣдствія: тогда ссуда превращается въ долгъ; при несостоятельности, судъ выдаетъ его головою до искупа тому же владѣльцу. Отработавши долгъ, онъ долженъ опять взять ссуду и т. д. Онъ можетъ, при переходѣ къ другому владѣльцу, лишь смѣнить одного кредитора на другого (на случай оставленія имъ этого послѣдняго). Нѣкоторое время (въ XV и XVI в.) это и дѣлалось весьма часто; но зато для крестьянина, взамѣнъ такого права перехода, возникало двойное обязательство: по уплатѣ долга новому владѣльцу и по ссудѣ, которую опять онъ неминуемо долженъ взять у него. Огромное большинство крестьянъ не прибѣгало къ этому отчаянному средству; говоримъ „огромное большинство" на томъ основаніи, что въ судебныхъ, особенно межевыхъ актахъ, постоянно встрѣчаемъ массы крестьянъ, которые живутъ на земляхъ одного владѣльца 15, 20, 50, даже 100 лѣтъ—это т. н. старожильцы. Мысль о бродячемъ характерѣ сельского населенія въ древней Руси есть крупное заблужденіе. Если самъ кр—нъ живетъ и помнитъ за 100 л., то фамилія его (со всѣми предками) могла жить и 200 и болѣе лѣтъ. Не было никакой возможности, при выходѣ такого крестьянина, произвести дѣйствительный расчетъ—сколько онъ задолжалъ помѣщику. Отсюда *обычное право и вырабатываетъ институтъ давности* (давность имѣетъ своимъ основаніемъ между прочимъ невозможность правильнаго разрѣшенія сдѣлки послѣ слишкомъ большого промежутка времени). *Обычнымъ правомъ* руководствуется администрація и суды; они предписываютъ возвращать не задолжавшихъ крестьянъ, а „старожильцевъ" (см. выше стр. 134). Во-вторыхъ, остается вопросъ: были ли побужденія у крестьянъ въ болѣе раннюю эпоху дорожить особенно правомъ перехода? Въ большинствѣ, конечно, нѣтъ. Никакія иныя права, кромѣ этого, не терялись у старожильца: онъ былъ такой же свободный гражданинъ, какъ и всякій другой. Сверхъ того, онъ дорожитъ насиженнымъ отеческимъ гнѣздомъ и вѣковою связью съ родомъ владѣльца и землею. Владѣльцы иногда жаловали заслуженнымъ крестьянамъ цѣлыя деревни. На обширныхъ вотчинахъ сильныхъ владѣльцевъ крестьяне составляли такія же самоуправляющіеся общины, какъ и въ черныхъ волостяхъ, распоряжаясь сами раздачею земель; сверхъ того, отъ податныхъ тягостей государственныхъ закрывались могущественною защитою сильныхъ бояръ и монастырей.—

Дѣло весьма измѣнилось въ XVI в., когда, съ надѣленіемъ дворянъ землею, главнымъ типомъ землевладѣнія сдѣлалась не боярская, а мелкая дворянская вотчина и помѣстье. Къ тому же времени относится огромная масса новооснованныхъ мелкикъ монастырей. Итакъ, *невозможность* выхода (задолженность) не была единственною причиною старожильства, или, что тоже, единственнымъ основаніемъ давности. Высказанныя соображенія составляютъ лишь приблизительное обозначеніе условій возникновенія давности; вообще же этотъ институтъ (во всѣхъ своихъ примѣненіяхъ) образуется въ скрытой для насъ средѣ зарожденія обычнаго права; законодательство является со своею санкціею тогда, когда этотъ институтъ уже образовался, и притомъ законъ опредѣляетъ лишь формальную сторону дѣла (сроки). Въ другихъ случаяхъ могутъ быть совершенно иныя условія: „старожильство“, какъ источникъ прикрѣпленія, существуетъ не на владѣльческихъ только земляхъ, но и на черныхъ—волостныхъ; здѣсь уже нельзя ставить въ основаніе давности задолженность, ибо на общинныхъ волостныхъ земляхъ новоприхожій крестьянинъ не получалъ ссуды (см. выше).

Такъ образуется и путемъ давности устанавливается прикрѣпленіе при отсутствіи общаго закона о прикрѣпленіи и даже при существованіи закона о правѣ перехода (Судебниковъ). Это явленіе нельзя назвать только фактическимъ; какъ вошедшее въ обычай, оно получаетъ юридическую силу (въ отмѣну закона)[1]). Срокъ давности (старожильства), какъ всегда въ обычномъ правѣ, не былъ установленъ; но для опредѣленія ея указывались оффиціальные документы (писцовыя книги и др. акты).

Но прикрѣпленное состояніе не есть состояніе холопства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что прикрѣпленіе развивалось и въ черныхъ волостяхъ; такъ, мы видѣли, что оно утверждено закономъ (уставною грамотою) въ Важской землѣ (Вага вся состояла изъ тяглецовъ, среди которыхъ болѣе видное положеніе занимали, конечно, не пришельцы, а коренные жители—старожильцы); но этимъ прикрѣпленнымъ важанамъ тотъ же законъ (уставная грамота) даетъ широкія права самоуправленія: имъ вручается вся административная и судебная власть до права смертной казни; на этихъ же самыхъ прикрѣпленныхъ важанъ законъ возлагаетъ и обязанность возвращать своихъ собратій-тяглецовъ изъ частныхъ вотчинъ (буде они уйдутъ); въ ихъ лицѣ сливаются, та-

---

[1]) Пр. Дьяконовъ видитъ здѣсь противорѣчіе съ тѣмъ, что ниже сказано: „при общемъ фактическомъ примѣненіи не было надобности издавать законы о прикрѣпленіи“. Трудно догадаться, въ чемъ здѣсь противорѣчіе: извѣство, что обычное право выражается въ фактахъ, но разъ оно образовалось, то не есть *только* фактъ. Мы это и говоримъ. Прикрѣпленіе есть явленіе фактическое (стр. 144), но *не только* фактическое (стр. 142). Собственность въ древнее время есть фактъ (никакого закона о ней не было), но не только фактъ. И таковы всѣ нормы обычнаго права. Въ книгѣ пр. Дьяконова (о сельскомъ населеніи) проводится подробно та же мысль о прикрѣпленіи. См. Доп. К.

кимъ образомъ, и субъектъ и объектъ прикрѣпленія. Никто не рѣшится сказать, что это—холопское населеніе.

Вообще нельзя смѣшивать развитіе состоянія прикрѣпленія съ развитіемъ холопства (полнаго или кабальнаго): холопство есть личная зависимость, крестьянство—поземельная. Кабала кончается или жизнію кабальнаго, или жизнію господина; прикрѣпленіе—вѣчно; кабала есть личная служба „во дворѣ", крестьянство—земледѣльческая работа, соединенная съ отправленіемъ государственнаго тягла; и прежде крестьяне не были и не именовались кабальными, хотя зависимость ихъ отъ землевладѣльцевъ была уже частною; но послѣ общаго прикрѣпленія были приняты государствомъ особыя мѣры, чтобы эти состоянія не смѣшивались. Прикрѣпленіе разрушаетъ холопство: ни служилые люди, ни посадскіе, ни (впослѣдствіи) крестьяне не могутъ поступать въ холопство, у котораго такимъ образомъ отняты всѣ источники, кромѣ рожденія. Фактъ ограниченія свободы крестьянъ, развиваемый частными мѣрами въ пользу частныхъ лицъ, государство обращаетъ въ общую мѣру въ пользу государ. службы.

Отношеніе закона къ прикрѣпленію. Уже съ давнихъ временъ (съ пол. XV в.) являются *партикулярныя мѣры законодательства* (въ *законахъ частныхъ*—жалованныхъ грамотахъ въ пользу того или другого владѣльца) о прикрѣпленіи крестьянъ: въ 1450 г. дана такая грамота Бѣлозер. кн. Мих. Андреевичемъ Кириллову монастырю; въ 1455—1463 и около 1478 г. даны такія же грамоты Троицкому Сергіеву монастырю по разнымъ его вотчинамъ: „также есми игумена съ братьвю пожаловалъ: котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца, и язъ, князь вел., тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ, и изъ деревень не велѣлъ выпущати никому" (Ак. ист. I № 59). „А которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣче; и язъ, князь вел., не велѣлъ тѣхъ людей пущати прочь".

При обширныхъ правахъ землевладѣльца на перехожаго крестьянина, самое прикрѣпленіе для б. ч. землевладѣльцевъ вовсе не было, особенно сначала, т. е. до XVI в., мѣрою желательною. Тогда населеніе все было скучено въ тѣсныхъ предѣлахъ верхняго бассейна Волги: предложеніе рабочихъ рукъ превышало запросъ ихъ; землевладѣльцу не было расчета держать крестьянина, когда онъ всегда могъ найти лучшаго. По свидѣтельству Вассіана Косаго, монастыри въ нач. XVI в., отнявъ все имущество крестьянина за недоимки, *выгоняли* изъ своихъ селъ его съ женою и съ дѣтьми и провожали побоями.—Поэтому *общіе законы* (Судебники) XV и пол. XVI в. не даютъ никакихъ постановленій ни за, ни противъ прикрѣпленія, ограничиваясь опредѣленіемъ лишь срока перехода, уплаты пожилого и внесенія государств. податей переходящими крестьянами.—Съ расширеніемъ въ XVI в. госуд. территоріи на востокъ (и вообще съ устраненіемъ опасности отъ татаръ), русская колонизація двинулась усиленнымъ образомъ по Волгѣ, Дону и къ Уральскому хребту; колонизаторами были крестьяне, которые въ степяхъ смыкались въ казацкія общины,

свободныя и отъ госуд. тягла и отъ частнаго оброка. Тогда для многихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ вопросъ о прикрѣпленіи становится болѣе жизненнымъ. Первые стараются усилить частныя мѣры зависимости крестьянъ всѣми способами: въ 1555 г. жаловались царю черныя общины, что дѣти боярскіе Псковскіе „крестьянъ изъ-за себя не выпущаютъ, а поймавъ де ихъ мучатъ и грабятъ, и въ желѣза куютъ, и пожилое съ нихъ емлютъ не по Судебнику, рублей по 5 и по 10“ (Доп. къ акт. ист. I, № 56). Къ концу XVI в. усиленіемъ частныхъ обязательствъ прикрѣпленіе установлено повсюду; тогда и законъ является съ своими мѣрами, не санкціонирующими только фактъ, но направляющими его къ другой цѣли.

Законы частные прикрѣпили владѣльческихъ (нѣкоторыхъ) крестьянъ; въ пол. XVI являются *законы мѣстные*, прикрѣпляющіе черныхъ крестьянъ. Такова (цитир. выше) важская уставная грамота; такова грамота крестьянамъ Моревской слободы 1530 г.

Мѣры Бориса Годунова. Къ концу XVI в., при общемъ фактическомъ прикрѣпленіи, не было надобности издавать законы о прикрѣпленіи: *перехода* не было; былъ лишь *вывозъ* крестьянъ. Предстояло не отнимать свободу у крестьянъ, а ограничивать произволъ землевладѣльцевъ. Накопилась масса исковъ о возвращеніи крестьянъ, которые уже именуются „бѣглыми“; тогда правительство должно было: 1) точнѣе обозначить прежніе неопредѣленные сроки *давности владѣнія* крестьянами и 2) вновь установить срокъ *исковой давности* о бѣглыхъ крестьянахъ. Первое достигнуто простымъ распоряженіемъ о томъ, что крестьяне, записанные въ предпринятыя тогда (въ 1592 г.) писцовыя книги, считаются старожильцами (чѣмъ обобщалась лишь старая практика). Это не есть законъ объ общемъ прикрѣпленіи, ибо дѣло идетъ о крестьянахъ, уже раньше потерявшихъ право перехода.

Для второй цѣли *въ 1597 г.* (см. нашей Христ. вып. III, стр. 94) въ царств. Ѳеодора Іоанновича (при управленіи Бориса Годунова) изданъ *общій законъ о давности* исковъ о крестьянахъ; давность установлена 5-лѣтняя [1]).

---

[1]) Отсюда прежде выводили, что за пять лѣтъ до 1597 г., значитъ въ 1592 г., долженъ былъ появиться общій законъ о прикрѣпленіи, не дошедшій до насъ. Но уже Погодинъ обратилъ вниманіе на то, что по закону 1597 г. запрещается искать о крестьянахъ, „выбѣжавшихъ лѣтъ за 6, за 7 за 10 и болши“; значитъ, крестьяне, ушедшіе и въ 1587 г. и даже въ царствованіе Грознаго, считались уже бѣглыми. Съ другой стороны, и въ послѣдующее время (1606 г.) установляется такая же 5-лѣтняя давность. Такимъ образомъ Погодинъ заключилъ, что Борисъ Годуновъ и Ѳеодоръ Іоанновичъ не издавали никакихъ общихъ законовъ о прикрѣпленіи (кромѣ ук. 1597 г. о давности). Н. И. Костомаровъ возвратился къ старому мнѣнію (см. его „Историч. мон.“ I, стр. 393), говоря, что именно въ 1592 г. послѣдовало общее прикрѣпленіе. Этого мнѣнія держатся и И. Д. Бѣляевъ („Кр. на Руси“, стр. 105) и В. И. Сергѣевичъ („Лекціи и Изслѣд.“, стр. 637), относящій предполагаемый указъ къ самому началу царствованія Ѳеодора Іоанновича.—Но уже давно проф. Энгельманъ („О давности“) старался указать, что мнимый

Что общаго и окончательнаго закона о прикрѣпленіи дано не было, о томъ свидѣтельствуютъ послѣдующіе факты. Если главная масса была уже и безъ того прикрѣплена, то для остальныхъ переходъ не былъ еще ничѣмъ воспрещенъ: въ 1597 г. въ цар. грамотѣ Введенскому монастырю на Ояти позволяется: „крестьянъ и бобылей на ту вотчину называти“ (Доп. къ ак. ист. I, 141); въ 1615 г. въ цар. грамотѣ воеводамъ въ пользу Іосифова Волоколамскаго монастыря пишется, что, если монастырь свѣдаетъ гдѣ своихъ бѣжавшихъ крестьянъ, то воеводы обязаны „обыскивати всякими людьми накрѣпко, *старинные* ли тѣ Іосифовы вотчины крестьяне“,—и въ такомъ только случаѣ возвращать ихъ монастырю. Въ писцовой книгѣ Бѣлевскаго уѣзда 1632 г. показано нѣсколько крестьянъ „ушедшихъ“ (но не бѣжавшихъ) и записанныхъ тутъ же писцевою книгою за новыми владѣльцами (Бѣлев. Вивл. I, 417 и 488). Существуетъ много рядныхъ записей въ крестьянство за время до половины XVII в. (см. Ак. Юр. №№ 187, 191, 193, 194, 196—три акта, 290). Потеряли право перехода только старинные тяглые крестьяне, записанные въ писцовыя книги, но не дѣти, племянники и бобыли.

искомый указъ и есть указъ 1597 г. о давности; въ своей книгѣ Die Leibeigenschaft“ онъ утверждаетъ ту же мысль съ большею доказательностію, говоря, что не могъ пропасть безслѣдно законъ такой великой важности и столь интересный для тѣхъ самихъ бояръ и дьяковъ, которые записывали и хранили узаконенія въ Приказахъ. Считаемъ не лишнимъ припомнить, что въ Польшѣ и Литвѣ не было издаваемо общихъ законовъ о прикрѣпленіи (кромѣ постановленій статута о давности); однако, крестьяне были прикрѣплены.

Не отыскивая мнимо-утраченнаго общаго закона о прикрѣпленіи раньше 1597 г., видимъ, что самый указъ 1597 г. означаетъ, что отношенія между крестьянами и землевладѣльцами государство беретъ подъ свою регламентацію и обращаетъ ихъ къ своимъ цѣлямъ. Самое назначеніе давности исковъ отстраняетъ отъ крестьянъ состояніе холопства, ибо для исковъ о холопахъ никогда не полагалось никакой давности.

На какую-то общую мѣру, принятую Годуновымъ при царѣ Ѳеодорѣ, указываетъ свидѣтельство современника, иностранца Шиля, который увѣряетъ, что во времена Бориса землевладѣльцы уже привыкли смотрѣть на своихъ крестьянъ, какъ на крѣпостныхъ, и что Борисъ будто бы намѣревался ввести нѣчто въ родѣ инвентарныхъ постановленій, опредѣливъ, *сколько крестьяне обязаны платить и работать* въ пользу землевладѣльца. Это дальнѣйшимъ обр. уясняетъ для насъ тотъ новый путь, по которому хочетъ направить государство экономическій фактъ прикрѣпленія крестьянъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ указовъ, именно 1607 г. марта 9 (который многими признается подложнымъ и извѣстенъ только по изданію Татищева: „Судебникъ“, изд. 1786 г., стр. 240—246), говорится, что: „царь Ѳеодоръ Іоановичъ, по наговору Бориса Годунова, *не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ*, выходъ крестьянъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, *книги* учинилъ, и послѣ оттого начались многія вражды, кромолы и тяжи“; затѣмъ содержится постановленіе, что и впредь прикрѣпленіе должно простираться на тѣхъ крестьянъ, которые „*въ книгахъ 101* (1592 или 1593 г.) положены“, чѣмъ указывается и на дату (1592) общихъ мѣръ Бориса. Но подъ этими „книгами“ можно разумѣть лишь писцовыя книги; Борисъ воспретилъ вывозъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ застала опись государства, предпринятая имъ; мѣра эта шла противъ желанія бояръ и не въ ихъ интересахъ. Указъ 1607 г., вопреки мнѣнію Костомарова, остается сомнительнымъ: въ немъ есть явныя противорѣчія между вступительною частью (мотивомъ) и

Общій дѣйствительный законъ о прикрѣпленіи есть XI-я глава Уложенія ц. А. М., гдѣ говорится (ст. 3): *„по нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было,* что ни кому за себя крестьянъ не пріимати. А будетъ кто съ сего государева уложенія учнетъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ принимать", тотъ не только долженъ возвратить ихъ „со всѣми ихъ животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченнымъ и съ земленымъ, безъ урочныхъ лѣтъ", но и уплатить 10 руб. за годъ.—Улож. ц. А. М. не только констатируетъ совершившійся фактъ, но и расширяетъ его: а) укрѣпленіе простирается не на однихъ только старинныхъ крестьянъ, но и на всѣхъ; б) оно простирается не на однихъ тяглецовъ, записанныхъ по писцовымъ книгамъ, но и бобылей, и подчиненныхъ членовъ семьи; в) давностные сроки исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ уничтожаются [1]).—Зато государственный характеръ прикрѣпленія выступаетъ уже со всею ясностью. Крестьянинъ не можетъ дать на себя служилую кабалу стороннему человѣку (Улож. XX,-6). Землевладѣлецъ не имѣетъ права (подъ угрозою наказанія) обратить своего крестьянина въ кабальнаго холопа: „А что тотъ ихъ боярин взялъ на нихъ (крестьянахъ) служилые кабалы, и ему за то, что государь укажетъ, для того, что по государеву указу никому на крестьянъ своихъ и на крестьянскихъ дѣтей кабалъ имать не велѣно" (Улож. ц. А. М., X, 113). Помѣщикъ не имѣетъ права освободить крестьянина съ помѣстной земли, и даже пріобрѣтатели вотчинъ считали себя въ правѣ искать на прежнихъ владѣльцахъ за освобожденіе крестьянъ (Ул. XV, 3). Котошихинъ говоритъ, что у помѣщиковъ, которые разоряли своихъ крестьянъ, имѣніе было отбираемо (Гл. XI, ст. 3).

опредѣлительною; въ немъ смѣшиваются холопы съ крестьянами, чего не дѣлаетъ ни одинъ законъ ни прежде, ни послѣ; въ немъ устанавливается 15-лѣтняя давность по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ, между тѣмъ какъ установленная въ 1597 г. 5-лѣтняя давность продолжала дѣйствовать и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; дворянамъ стоило большихъ усилій выхлопотать удвоеніе ея—въ 10-лѣтнюю, что даваемо было сначала нѣкоторымъ владѣльцамъ въ качествѣ привилегіи и наконецъ утверждено общимъ закономъ 1642 г.: (см. Ук. книгу земск. прик., въ Христом. вып. III, ст. XXXI, п. 1). Но указъ 1607 г., не будучи закономъ, тѣмъ не менѣе остается историческимъ памятникомъ.—Кромѣ сомнительнаго указа 1607 г., есть несомнѣнныя узаконенія 1601 и 1602 г., указывающія на характеръ начинающагося государственнаго прикрѣпленія; по этимъ указамъ царь Борисъ временно (на 1 годъ) разрѣшилъ переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня, кромѣ черныхъ земель, вотчинъ дворцовыхъ, церковныхъ и вотчинъ высшихъ служилыхъ лицъ, и за исключеніемъ всего Московскаго уѣзда; каждому изъ вотчинниковъ позволялось вывозить только по 1 или по 2 крестьянина, но не болѣе. Указы этого рода, очевидно, даны не для облегченія крестьянъ (ибо касались одной части ихъ), а въ интересахъ службы мелкихъ собственниковъ. Очевидно, что мѣры Бориса Годунова состояли въ регулированіи уже установившихся отношеній между крестьянами и землевладѣльцами къ пользѣ государственной службы; простирались эти мѣры на тѣхъ только крестьянъ, которые уже и безъ того потеряли право перехода, и, наконецъ, совершались не посредствомъ общихъ узаконеній о прикрѣпленіи, а чрезъ сообщеніе новой силы писцовымъ книгамъ.

[1]) См. Дополн. К.

Значеніе прикрѣпленія и положеніе крестьянъ послѣ прикрѣпленія. Выше была указана сущность разницы между крѣпостнымъ состояніемъ (Hörigkeit) и холопствомъ (Leibeigenschaft). Крестьяне прикрѣплены по писцовымъ книгамъ и затѣмъ по общему закону, а не по кабаламъ. Государство обратило частныя мѣры зависимости въ прикрѣпленіе, въ общую государственную мѣру ради цѣлей государства, ради службы ему; оно руководилось не частною пользою землевладѣльцевъ, а своими интересами. Прикрѣпленіе крестьянъ имѣетъ совершенно тотъ же смыслъ, какъ и прикрѣпленіе служилыхъ и посадскихъ людей. „Крестьянинъ не былъ прикрѣпленъ ни къ землѣ, ни къ лицу: онъ былъ, если можно такъ выразиться, прикрѣпленъ къ государству; онъ былъ сдѣланъ государственнымъ работникомъ при посредствѣ помѣщика“ (Хлѣбниковъ; „О вліян. общ. на орг. госуд.“ стр. 273).

По идеѣ государственнаго прикрѣпленія, крестьяне не только могли, но и должны были сохранить всѣ общегражданскія права (личныя и имущественныя). И дѣйствительно, въ XVII в. крестьяне еще заключаютъ договоры съ своими землевладѣльцами, сохраняютъ права вещныя (на движимость) и всѣ личныя (кромѣ права избранія мѣстожительства); въ государственномъ правѣ они граждане полноправные (пользуются избирательнымъ правомъ въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ и на земскихъ соборахъ [1]). Однако, фактически изъ прикрѣпленія уже въ XVII в. возникло (въ частныхъ вотчинахъ) право помѣщика наказывать крестьянъ, усилилось старое право судебной власти перваго надъ послѣдними; начались отдѣльные случаи (сначала, какъ злоупотребленія) продажи крестьянъ (отдѣльно отъ вотчины).

Но полный переходъ крѣпостного состоянія въ новый видъ холопства (основанный на сословномъ началѣ) относится ко временамъ имперіи. Тогда же въ Московскомъ государствѣ все населеніе призвано было служить государству; всякіе интересы лицъ, классовъ и обществъ стояли безконечно ниже интересовъ государства: человѣкъ жилъ гораздо менѣе для себя, семьи и ближайшаго общества, чѣмъ для государства. Только при этомъ крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ населенія къ одной цѣли, это государство успѣло вынести свою громадную территорію при незначительности и бѣдности населенія. Это же обстоятельство предрѣшило и формы и характеръ государ. власти.

B. Власть.

Формы власти. Отличительная черта Московскаго государственнаго права есть торжество въ немъ неограниченной (или *самодержавной*) монархической власти; именно этою чертою оно отличается какъ отъ права 1-го періода, такъ и отъ современнаго ему Литовско-русскаго госу-

[1]) Почти всѣми этими правами пользуются не одни черно-волостные крестьяне, но и частно-владѣльческіе; см. проф. Куплеваскаго: „Состояніе сельской общины въ XVII в.“.

дарства.—Однако, и остальныя двѣ формы власти, дѣйствовавшія въ земкомъ періодѣ, не исчезли вполнѣ въ московскую эпоху; онѣ лишь подчинились преобладающему вліянію монархической формы: боярская дума Московская есть непосредственный преемникъ боярской думы древней Руси. Вѣче исчезаетъ въ Московскомъ государствѣ весьма рано, но взамѣнъ его въ XVI в. являются земскіе соборы.

а) Великій князь и царь.

Титулъ. Монархъ въ XIV и XV в. титуловался *великимъ княземъ*, съ XVI в. (окончательно—съ пол. XVI в.) титулуется *царемъ*.—Титулъ „великій князь" усвоялся уже въ I-мъ періодѣ старшимъ князьямъ Суздальской земли; въ XIV и XV вв. онъ усвояется и старшимъ князьямъ прочихъ самостоятельныхъ земель (Рязанской, Тверской, Смоленской, даже Суздальско-Нижегородской и Ярославской). Но съ того времени, какъ усилившееся Московское великое княжество начало стремиться къ установленію *единодержавія* на всемъ сѣверѣ Руси,—къ титулу великій князь присоединяется „всея Руси" (первоначально при Иванѣ Калитѣ—см. Ак. Арх. Эк. I, № 3 и 4, окончательно при Іоаннѣ III—во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ).—Старинный предикатъ, означающій вообще власть (dominimum, manus, imperium)—„господинъ" смѣняется теперь въ отношеніи къ великому князю титуломъ *„государь"* [1]).

Въ пол. XV в. была принята въ титулѣ формула *„Божіею милостію"* [2]). Въ актахъ внутренняго управленія такая формула титула встрѣчается съ нач. XVI в. (Ак. Арх. Эк. I, № 383).—Она указываетъ на *источникъ власти* теократическій, т. е. происхожденіе ея изъ воли Божіей (а не изъ воли подданныхъ). Но такъ какъ всѣ государи присвоили себѣ подобную же форму титула, то для означенія, что только власть

---

[1]) Хотя оба термина въ сущности означаютъ и власть частную (господинъ въ отношеніи къ холопу, см. въ Рус. Правдѣ Кар. ст. 123—124, 127—132; государь—землевладѣлецъ въ отношеніи къ крестьянину—см. Пск. Судн. грам. ст. 84, 87, 103 и др.), но съ XIV в. названіе „государь" пріурочивается къ лицу, владѣющему по отношенію къ принадлежащимъ ему несвободнымъ людямъ (см. Суд. 1497, ст. 9); слову же „господинъ" приписывается власть надъ людьми свободными. Усвоеніе термина „государь" или „господарь" въ публичномъ правѣ означаетъ развитіе *неограниченной власти*. Новгородцы до покоренія ихъ Іоаномъ III именовали великаго князя господиномъ и долго противились обязанности титуловать его государемъ (это и было поводомъ къ окончательному ихъ покоренію). Бытовое усвоеніе этого титула вел. князьямъ (въ грамотахъ церковныхъ властей) начинается съ половины XV в. („великій государь земьскій великій князь Василій Васильевичъ", въ грам. Ростов. архіеп. Іоны 1455; см. Ак. Ист. I, № 57; „великій государь русьскій"—въ грам. митр. Іоны 1455—1461,—ibid № 60). Но какъ прежде „господинъ", такъ и теперь „государь" употреблялось лишь въ обращеніи подданныхъ къ князю, а не отъ его собственнаго лица. Въ послѣднемъ смыслѣ оффиціально этотъ тутулъ принятъ Іоанномъ III (см. Ак. Ист. I, № 111, грам. 1500 г. № 383 и др.).

[2]) Въ первый разъ въ сношеніяхъ съ Литовскимъ государствомъ—въ дог. грам. Василія Васильевича Темнаго съ королемъ Казимиромъ; вѣроятно, по примѣру этого государства явилась такая прибавка и въ Москов. титулѣ; на западѣ еще въ нач. XV в.

православныхъ государей истекаетъ изъ воли истиннаго Бога, стали употреблять въ титулѣ со времени Іоанна Грознаго т. н. *богословіе*, т. е. краткое изложеніе православной вѣры.

Всѣ указанныя свойства власти совмѣщены въ титулѣ *царь*, который бытовымъ обр. усвоялся болѣе значительнымъ князьямъ и въ I-мъ періодѣ (въ литературныхъ памятникахъ), а еще чаще въ Московскомъ государствѣ въ XIV в. (особенно съ Куликовской битвы). Это почетное наименованіе обратилось въ титулъ при Іоаннѣ III въ сношеніяхъ съ Ливоніею и небольшими нѣм. государствами (Пам. дипл. снош. I, стр. 87); вскорѣ этотъ титулъ былъ признанъ Герм. императоромъ и Даніею (ibid, стр. 129); при Василіи Іоановичѣ, по свидѣтельству Герберштейна, „царскій титулъ употреблялся въ сношеніяхъ съ Римскимъ императоромъ и папой, съ королями Шведскимъ и Датскимъ, съ магистрами Прусскимъ и Ливонскимъ и, какъ я слышалъ, съ государемъ Турецкимъ“ (перев. Аноним. стр. 29). Для всѣхъ прочихъ внѣшнихъ сношеній и для внутреннихъ актовъ титулъ этотъ принятъ Іоанномъ IV (послѣ вѣнчанія на царство 16 янв. 1547 г.) и утвержденъ грамотою Цареградскаго патріарха 1561 г. Признанію этого титула долѣе всѣхъ государствъ противились Польша и Литва. Терминъ „царь“ происхожденія византійскаго и есть сокращеніе титула: „цезарь“ (въ Остром. евангеліи въ молитвѣ Господней читается: „да пріидетъ цесарствіе твое“); такъ титуловались государи у болгаръ и сербовъ. Хотя русскіе постоянно титуловали такъ хана татарскаго, но этотъ титулъ дали они ему сами въ ознаменованіе его власти надъ другими государями. Съ титуломъ царя дѣйствительно соединяется *международное значеніе* полной независимости отъ другихъ государствъ и, наоборотъ, признаніе за царемъ Московскимъ значенія единственнаго истиннаго государя и нѣкоторыхъ преимущественныхъ правъ надъ прочими государями. Римское понятіе о всемірной имперіи, усвоенное на западѣ съ Карла В., переносится теперь въ Москву (особенно послѣ паденія Византіи въ 1453 г.): „вся христіанская царства преидоша въ конецъ и спадошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, т. е. Россійское царство; два убо Рима падоша (Римъ и Византія), а третій стоитъ (Москва), а четвертому не быть“ (посл. старца Филофея).—Подобно титулу царя, и титулъ „самодержецъ“ сначала усвоялся вел. князю отъ лица подданныхъ (въ писаніяхъ духовныхъ лицъ и въ лѣтописяхъ; это переводъ греч. αὐτοκράτωρ); но отъ лица самого царя въ оффиціальныхъ актахъ начинаетъ употребляться со времени Лжедмитрія I.

употребляютъ ее князья Галицко-Волынскіе, напр., Юрій и вел. кн. Литовскіе со временъ Гедимина и Ольгерда (см. Даниловича: Skarb. Dypl. I, № 298 и слѣд., 352). Въ Москвѣ въ концѣ XIV в. употребляется въ грамотахъ прибавка „Божіею милостію и Пречистыя. Его Богоматери“ (см. Ак. Арх. Эк. I, 14) не въ видѣ титула, а какъ призываніе имени Божія для укрѣпленія и освященія акта.

Способы усвоенія и передачи власти. Изъ двухъ способовъ преемства—наслѣдованія и избранія—первый беретъ рѣшительный перевѣсъ въ Суздальской землѣ и потомъ Москов. великомъ княжествѣ (что́ обнаружило большое вліяніе на успѣхъ единодержавія и характеръ власти). Однако, съ конца XVI в. выступаетъ на видный планъ и принципъ избранія.

Наслѣдованіе, какъ исключительное основаніе преемства, господствуетъ въ XIV и XV вв. (*пожалованіе отъ хана* есть лишь утвержденіе правъ наслѣдства и внѣшняя инвеститура, какъ сказано выше). Здѣсь разумѣется наслѣдованіе *по закону* (обычаю) и именно—*родовое* въ порядкѣ старшинства, что́ соблюдалось строго въ XIII в. и признавалось въ принципѣ въ XIV [1]).

Но въ Москвѣ въ XIV в. фактически (по неимѣнію другихъ сыновей) утверждается преемство *семейное* (отъ отца къ сыну); въ XV в. этотъ послѣдній порядокъ утверждается принципіально и потому вступаетъ въ борьбу съ началомъ родо́вого преемства; послѣдняя и рѣшительная борьба дяди (Юрія Дмитріевича—сына Донского) съ племянникомъ (Василіемъ Темнымъ—сыномъ Василія Дмитріевича) кончилась побѣдою семейнаго начала. Семейное преемство могло бы привести снова государство къ полному уничтоженію, если бы оно получило тотъ видъ, какой свойственъ русскому частному праву наслѣдованія (т. е. раздѣлу наслѣдства поровну между всѣми сыновьями и съ участіемъ дочерей и женъ). Въ государственномъ правѣ утверждается противоположный порядокъ—*единонаслѣдія*. Первоначально (въ концѣ XIV в., со времени Дмитрія Донского) установляется лишь *преимущественное* право наслѣдованія старшаго сына (майоратъ); ему дается лишь большій удѣлъ „на старшій путь“; затѣмъ къ концу XV вѣка и въ I-й пол. XVI в. ему одному вручается государственная власть, хотя и прочіе сыновья получаютъ удѣлы съ властію въ нихъ, зависимою отъ в. князя (сыновья Вас. Вас. Темного, кромѣ старшаго—Ивана III: Юрій, Андрей, Борисъ, Андрей меньшой; а равно и сыновья Ивана III: Юрій, Андрей, Семенъ—всѣ получили удѣлы). Наконецъ, во 2-й половинѣ XVI в. (при Грозномъ) окончательно утверждаются право первородства и единонаслѣдіе (см. Ист. Рос. Соловьева IV, 177 и слѣд. и статью В. И. Сергѣевича: „Какъ образовалась территорія Москов. государства“? въ журн. „Новь“ 1886 г. кн. 6 и 7).

---

[1]) Для доказательства прилагается слѣдующая таблица преемства великокняжескаго достоинства въ XIII в.

Дѣти Всеволода:
Юрій († 1238), Ярославъ (†1247), Святославъ (1248).

Дѣти Ярослава:
Андрей (1252), Александръ Невскій (1263), Ярославъ (1272), Василій (1276).

Дѣти Александра:
Димитрій (1294), Андрей (1304), Даніилъ († 1303).

Сынъ Ярослава—Михаилъ (1319).

Наслѣдованіе по закону соединяется въ Москов. государ. правѣ съ наслѣдованіемъ *по завѣщанію;* оба титула не исключаютъ другъ друга взаимно, а дѣйствуютъ въ совокупности и одновременно (какъ и въ частномъ правѣ): в. кн. Андрей „благослови его (Михаила Яросл.) на свой столъ, ему же по старѣйшинству дошелъ бяше степень княженіа великаго (Воск. лѣт. 1319 г.). Въ XV в. завѣщательное начало беретъ нѣкоторый перевѣсъ предъ наслѣдованіемъ по закону; именно этотъ способъ преемства даетъ побѣду семейному наслѣдованію предъ родовымъ, принципу первородства и единонаслѣдія предъ удѣльнымъ: „государь нашъ кн. вел. Василей Дмитріевичъ великое княженіе далъ своему сыну в. кн. Василію", говорили Московскіе бояре въ доказательство правъ племянника предъ дядею. Въ началѣ XVI в. завѣщательное право вступило въ конкуренцію и съ принципомъ первородства: Іоаннъ III, когда умеръ его старшій сынъ Иванъ (при жизни отца), слѣдуя порядку первородства, „Божіимъ изволеніемъ *пожаловалъ* и благословилъ великимъ княжествомъ" внука своего Димитрія (сына упомянутаго сейчасъ Ивана) въ 1498 г. и даже вѣнчалъ его на царство; но затѣмъ (1502) „наложилъ на внука своего опалу... и не велѣлъ нарицати великимъ княземъ"; а „пожаловалъ сына своего (отъ Софьи) Василія, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Володимерское и Московское и всея Русіи самодержцемъ" (Воскр. лѣт.)—Чистое примѣненіе завѣщательнаго права къ преемству ни разу не было осуществлено (ибо Ирина, которой завѣщалъ престолъ мужъ ея, царь Ѳеодоръ Іоановичъ, отказалась отъ принятія власти).

Какъ при родовомъ наслѣдованіи, такъ и при первородствѣ *начало власти преемника* совпадало не съ моментомъ смерти предшественника, а со временемъ совершеннолѣтія наслѣдника; въ первомъ случаѣ ему назначался удѣлъ, во второмъ онъ призываемъ былъ къ соправительству [1]).

Избраніе. Участіе народа въ передачѣ власти (существовавшее въ I-мъ періодѣ рядомъ съ наслѣдованіемъ) не осуществлялось въ XIV и XV вв., когда унаслѣдованная власть укрѣплялась ханскимъ ярлыкомъ. Однако, и тогда „посаженье на столъ" хотя и совершалось ханскимъ посломъ, но при участіи духовенства и множества людей, по древнему обряду. По освобожденіи отъ татаръ, непрерывное законное преемство отъ отца къ сыну,

---

[1]) Вас. Вас. Темный правитъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ III, и оба именуются великими князьями (въ догов. 1456 г. съ В. Новгородомъ предписывается новгородцамъ „посольство правити обѣма великимъ княземъ и исправы просити у обѣихъ"). Іоаннъ III и его сынъ Іоаннъ правятъ вмѣстѣ и титулуются оба великими князьями. Объявляя потомъ наслѣдникомъ Димитрія и вѣнчая его, вел. князь-дѣдъ говорилъ ему: „благословляю (тебя) *при себе и послѣ себе* великимъ княженіемъ".—Хотя Грозный не привлекалъ къ соправительству дѣтей, но и въ XVII в. старинный отголосокъ родового усвоенія власти воскресъ снова: царю Алексѣю Мих. соправительствуетъ его сынъ царевичъ Алексѣй (см. Доп. къ ак. ист. IV, № 20, 39, 67 и др.). Двоецарствіе Іоанна и Петра Алексѣевичей хотя возникло по особымъ обстоятельствомъ, но возможно было лишь при привычкѣ смотрѣть на правящую фамилію, какъ на цѣльный органъ соправителей.

съ предварительнымъ участіемъ наслѣдника во власти, не оставляло мѣста проявленію избирательнаго начала. Лишь во время борьбы Вас. Темнаго съ дядею и двоюродными братьями (1425 и сл. годы) побѣда первому доставлена духовенствомъ, боярами и народомъ Москвы, которые не желали Юрія; когда побѣжденный и бѣжавшій вел. князь явился въ Коломну, то „отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, воеводы, слуги, откладываясь отъ Юрія, потому что не привыкли они служить Галицкимъ князьямъ". Съ конца XVI в. избирательное начало опять оживаетъ и не въ качествѣ способа чрезвычайнаго, при присѣченіи династіи. а въ видѣ способа постояннаго, какъ добавочный титулъ при наслѣдованіи. Въ 1584 г., предъ вступленіемъ Ѳеодора Іоановича на престолъ, былъ созванъ земскій соборъ, который, по свидѣтельству Горсея, выбралъ его, а по нашимъ лѣтописямъ, „умолилъ его" быть государемъ. Въ 1598 г., по прекращеніи династіи смертію Ѳеодора, Борисъ Годуновъ былъ избранъ сначала народомъ гор. Москвы (по предложенію патріарха), а потомъ—земскимъ соборомъ. Сынъ и законный преемникъ Бориса—Ѳеодоръ—былъ избранъ думою и народнымъ вѣчемъ („всенароднымъ множествомъ Росс. государства"). Проходя мимо узурпацію царской власти Лжедмитріемъ I-мъ (1605 г.), освященную будто бы всенароднымъ избраніемъ (судя по его окружной грамотѣ), знаемъ, что по убіеніи его (1606 г.) дума собрала народъ Москвы звономъ колокола на Красную площадь и съ лобнаго мѣста предложила избрать новаго царя, которымъ избранъ кн. Вас. Ив, Шуйскій. Каждый разъ при такомъ избраніи посредствомъ вѣча въ грамотахъ объявлялось, что новый царь избранъ „всякими людьми Московскаго государства". Но именно избраніе Шуйскаго не считалось вполнѣ правильнымъ потому, что онъ „сѣлъ не по выбору всей земли"; впослѣдствіи ((1610 г.) провинціалы свергли его, однако, опять при пособіи народнаго собранія на полѣ за Серпуховскими воротами, съ участіемъ думы и патріарха. Избраніе королевича Владислава состоялось въ думѣ и собраніи (подъ открытымъ небомъ) высшаго служилаго класса. Въ 1613 г. знаменитое избраніе родоначальника Дома Романовыхъ—Михаила—состоялось въ полномъ земскомъ соборѣ.—Сынъ и законный преемникъ Михаила—Алексѣй—былъ избранъ (1645 г.) также на земскомъ соборѣ: „всякихъ чиновъ люди послѣ смерти прежняго царя на царство обрали сына его нынѣшняго царя" (Котош. I, 6).—По смерти Алексѣя, дума разсуждаетъ, кому быть царемъ—старшему ли его сыну, больному Ѳеодору, или малолѣтнему Петру. Но по смерти Ѳеодора, дума сама не осмѣливается рѣшить вопросъ о преемствѣ и опредѣляетъ: „это должно быть рѣшено людьми всѣхъ чиновъ Московскаго государетва"; въ дѣйствительности вопросъ рѣшенъ такъ: патріархъ оповѣстилъ съ крыльца народу собраніе на обычномъ мѣстѣ и, вышедши туда съ духовенствомъ и думою, спросилъ: кому изъ двухъ царевичей быть царемъ? Народъ отвѣчалъ: Петру Алексѣевичу. Призваніе къ соправительству Іоанна (1682 г.) въ оффиціальныхъ актахъ также приписано рѣшенію патріарха, духовенства, бояръ, дворянъ, гостей и чернослободцевъ (Полн.

собр. зак. № 920). Избраніе каждый разъ укрѣпляется „утвердительною грамотою“, т. е. актомъ избранія за подписью избирателей.

Утвержденіе и религіозное освященіе власти. Активное выраженіе воли населенія въ дѣлѣ преемства престола не есть во всякомъ случаѣ основной способъ преемства; необходимая же форма участія населенія въ этомъ актѣ есть *крестное цѣлованіе* (присяга), которое, изъ обоюдной присяги князя и народа въ 1-мъ періодѣ, теперь (за исключеніемъ одного случая присяги царя Василія Шуйскаго) переходитъ въ присягу подданныхъ по предписанной формѣ—„подкрестной записи“, неодинаковой для разныхъ классовъ—служилыхъ и тяглыхъ; для первыхъ излагались спеціальныя обязанности политическія (членовъ думы) и служебныя, для вторыхъ—общегражданскія. Форма присяги измѣнялась также по тому, наступало ли законное преемство или избраніе (иногда ненадежное и шаткое); въ послѣднемъ случаѣ подробнѣе перечислялись дѣянія, которыхъ могъ опасаться противъ себя новый государь (это особенно въ формѣ присяги Борису Годунову).

Религіозные обряды, несомнѣнно, совершались при вступленіи новаго князя уже съ древнихъ временъ; въ началѣ XIV в. въ обрядѣ посаженія на столъ участвуетъ митрополитъ; въ 1319 г. „прійде благовѣрный кн. Михайло (Ярославичъ Тверской) въ Русь (изъ Орды) и посаженъ бысть на столѣ вел. княженія въ Володимери,.. митрополитомъ Кіевскимъ и в. Руси Максимомъ“ (Воскр. лѣт.); посаженье совершалось тогда въ церкви (сначала во Владимірѣ, потомъ въ Москвѣ—въ Успенскомъ соборѣ). Въ 1498 г. въ первый разъ появляется *вѣнчаніе*, совершенное Іоанномъ III надъ своимъ внукомъ Димитріемъ, т. е. возложеніе „вѣнца“ (короны) и бармъ и (со времени Ѳеодора Іоанновича) врученіе скипетра; при Вас. Ив. Шуйскомъ введена новая регалія—держава; при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ—облеченіе въ порфиру и произнесеніе исповѣданія вѣры. Въ церковномъ отношеніи важнѣйшимъ актомъ было возложеніе бармъ (предъ которымъ совершалось „рукоположеніе“, какъ и при посвященіи въ церковный санъ), въ государственномъ—возложеніе вѣнца. Въ XVII в. къ вѣнчанію присоединилось *миропомазаніе*. Обрядъ вѣнчанія совершается не непремѣнно митрополитомъ или патріархомъ: онъ можетъ быть совершенъ и соборомъ іерарховъ и никогда не возбуждалъ у насъ мысли о зависимости свѣтской власти отъ духовной.

Права власти великаго князя и царя. Власть великаго князя и царя именуется въ этомъ періодѣ *самодержавіемъ*, чѣмъ обозначается не только единоличность ея, но и неограниченная полнота правъ. Эта черта власти коренится въ деревнемъ стремленіи русскаго народа къ „одиначеству“ съ властію, т. е. въ предположеніи тождества воли верховной съ интересани населенія; въ I-мъ періодѣ лишь Новгородское государственное устройство перешло къ законодатетьнымъ ограниченіямъ княжеской власти. Въ Московскомъ государствѣ, съ установленіемъ единодержавія, параллельно и постепенно устанавливается и самодержавіе, замѣтнымъ обр. со времени Димитрія Донского, при значительномъ участіи политическихъ ученій ду-

ховныхъ писателей (Іосифъ Волоцкій, Вассіанъ). Оно слагается фактически при Іоаннѣ III и его сынѣ Василіи (о которомъ Герберштейнъ пишетъ: „онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными людьми и свободно распоряжается жизнію и имуществомъ всѣхъ"), а теоретически при Іоаннѣ IV, который писалъ: „Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи. Какоже и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ"? „Имѣю нужду въ милости Божіей,... наставленія человѣческаго не требую" (изъ писемъ Грознаго къ кн. Курбскому). Но и тогда самодержавной власти приходилось еще выдерживать борьбу съ остатками старинныхъ притязаній бояръ и удѣльныхъ князей, чѣмъ особенно ознаменовалось царствованіе Іоанна IV (который рѣшился выдѣлить себя изъ „Земли" въ опричину), сына его Ѳеодора, Бориса Годунова (который при вѣнчаніи далъ клятву, удивившую народъ, объ уничтоженіи смертной казни), Василія Шуйскаго (который далъ при воцареніи „запись", ограничивающую его право по отношенію къ жизни и имуществу подданныхъ; см. Собр. госуд. гр. и догов. II № 141, и Ак. Арх. Эк. II, 44) и смутное время вообще (см. договоръ, продиктованный боярами при избраніи Владислава, въ Ак. Арх. Эк. II, № 165). Нормальный порядокъ, свойственный Московскому государству, установился при царствованіи Дома Романовыхъ, когда самодержавная власть указала извѣстную долю участія во власти боярской думѣ и земскимъ соборамъ, какъ необходимую помощь въ дѣлахъ правленія для нея самой.—Впрочемъ, существо самодержавной власти не выражено было въ законѣ до самаго конца существованія Московскаго государства. На основаніи фактовъ и отдѣльныхъ узаконеній извлекаются слѣд. черты правъ царской власти въ отдѣльности.

По отношенію къ церкви (*теократическій характеръ государства*).—Исторію отношеній церкви къ государству въ Московскій періодъ можно разсматривать по 3-мъ эпохамъ: въ XIV в. церковь и государство находятся въ равновѣсіи; церковь помогаетъ образованію государства. Съ пол. XV в. и въ XVI вѣкѣ государство беретъ перевѣсъ надъ церковью. Такъ какъ русская православная церковь (со времени отдѣленія Кіевской митрополіи) совпадала съ границами государства, то всѣ высшіе чины церкви были подданными вел. князя и царя. Тѣсная связь церкви съ государствомъ усилилась особенно съ того времени, когда русскіе митрополиты посвящались уже не въ Царьградѣ, а въ Москвѣ изъ русскихъ людей. Но съ установленіемъ патріаршества въ Россіи (1589 г.) наступаетъ 3-я эпоха: значеніе церкви начинаетъ уравновѣшиваться съ значеніемъ государства. Нѣкоторые патріархи, стремясь къ независимости въ дѣлахъ церкви, считаютъ себя даже равными во власти съ царями и титулуются „великими государями" (Филаретъ—при Мих. Ѳеодор., Никонъ—при Алексѣѣ Мих.); тогда обнаруживается обратное вліяніе церкви на дѣла государственныя. Со времени паденія Никона равновѣсіе опять возстановляется.

Беря средніе выводы изъ этихъ эпохъ, можемъ установить, что великому князю и царю принадлежало *право участія въ выборѣ и низложеніи высшаго представителя церкви* (митрополита и патріарха) и

мѣстныхъ епископовъ. Когда центръ церковнаго управленія послѣдовалъ за установляющимся центромъ государства (митр. Петръ съ 1305 г. б. ч. времени жилъ уже въ Москвѣ, при Калитѣ), старинное *право рекомендаціи* кандидата на митропол. престолъ, принадлежавшее Кіевскому князю, перешло къ вел. кн. Московскому [1]).

Флорентійская унія ослабила прежнюю тѣсную связь русской церкви съ Византіею: въ Москвѣ рѣшились поставить митрополита (Іону) соборомъ собственныхъ епископовъ; тогда церковь становится въ ближайшую связь съ государствомъ; великій князь (Василій Вас.) выразилъ уже слѣд. общее начало: „старина наша, которая ведется со временъ прародителя нашего Владиміра, крестившаго русскую землю, состоитъ въ томъ, что *выборъ митрополита принадлежалъ всегда нашимъ прародителямъ* в. кн. русскимъ, а теперь принадлежитъ намъ...; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси“ (Ак. Арх. Эксп. I, 80) [2]).

Въ правленіе в. кн. Василія Іоанновича наступаетъ порядокъ, описанный Герберштейнемъ: „нынѣшній государь, обыкновенно призываетъ извѣстныхъ ему (кандидатовъ) и самъ изъ числа ихъ избираетъ одного по своему усмотрѣнію [3]).

---

[1]) Когда (послѣ преемника св. Петра Ѳеогноста) вел. князь послалъ ставиться въ Царьградъ Алексѣя, то патріархъ, не дождавшись того, уже посвятилъ въ митрополиты Романа, но не могъ не исполнить и просьбы вел. князя Московскаго и вслѣдъ затѣмъ посвятилъ и Алексѣя, Но тогда въ той же мѣрѣ казалась обязательною для патріарха и рекомендація Литовскаго вел. князя (Ольгерда); еще при жизни Алексѣя для западной Руси посвященъ особый митрополитъ Кипріанъ (1376 г.). По смерти Алексѣя вел. князь Московскій хотѣлъ видѣть митрополитомъ своего избранника—Митяя, который умеръ, не доѣхавъ до Царьграда; тогда вел. князь самъ вызвалъ изъ Кіева на Московскую митролію Кипріана, котораго потомъ самъ же лишилъ престола. Однако, еще тогда патріархъ рѣшался иногда высылать на Русь своихъ избранниковъ помимо рекомендаціи вел. князей; таковъ былъ Фотій (1409—1431 г.), при которомъ западно-русскіе епископы (подъ вліяніемъ Витовта) поставили для себя особаго митрополита Григорія Цамблака, чѣмъ западно-русская церковь окончательно обособилась отъ восточной (слѣдуя политической судьбѣ русскихъ государствъ). Послѣ Фотія патріархъ поставилъ на Московскую митролію грека Исидора, который потомъ участвовалъ во Флорентійскомъ соборѣ и принялъ унію съ папствомъ (1440 г.), за что по возвращеніи въ Москву вел. князь низложилъ его и заключилъ подъ стражу, откуда онъ бѣжалъ.

[2]) Такой порядокъ утвержденъ и Московскимъ соборомъ русскихъ епископовъ, которые обязались повиноваться тому, кто будетъ поставленъ „по избранію св. Духа,... по повелѣнію господина в. князя.. русскаго самодержца, въ соборной церкви св. Богородицы на Москвѣ“ (Ак. ист. I, № 61). Но въ правленіе Василія Темнаго и Іоанна III дѣло еще не доходило до простого назначенія митрополита волею вел. князя (прибѣгали и къ завѣщательному способу преемства волею предшествующаго митрополита); со времени м. Геронтія (съ 1472 г.) замѣчается борьба церковныхъ властей съ государственными; еретикъ Зосима былъ избранъ и потомъ низвергнутъ волею в. князя.

[3]) Слѣдующіе митрополиты, повидимому, назначены вовсе безъ соборнаго избранія: Варлаамъ—1511, Даніилъ—1522, св. Филиппъ—1566; этотъ послѣдній низложенъ и получилъ мученическій вѣнецъ отъ царя Іоанна Грознаго.

При введеніи патріаршества порядокъ выбора патріарха установился такой: царь избираетъ нѣсколько кандидатовъ и тайно запечатываетъ въ воскъ имена ихъ и пересылаетъ церковному собору для избранія (по жребію); избирающіе іерархи не знаютъ имени избраннаго ими (вынутый восковой жребій для вскрытія и объявленія имени отсылается къ царю).— Впрочемъ, фактически и выборъ патріарха также б. ч. зависѣлъ рѣшительно отъ воли царя (избраніе Филарета и Никона).

В. князю и царю принадлежитъ, далѣе, право *инціативы церковнаго законодательства* и участія въ самомъ обсужденіи законовъ; пирмѣромъ можетъ служить дѣятельность Грознаго на Стоглавомъ соборѣ 1551 г.— Въ среднюю эпоху государи вступаютъ непосредственно въ рѣшеніе обрядовыхъ и догматическихъ вопросовъ (таковы дѣйствія правительства относительно ереси жидовствующихъ). По ученію Грознаго, главная задача государственной власти есть религіозное воспитаніе поданныхъ: „тщюся съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога и отъ Бога даннаго имъ государя", т. е. власть государственная имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовныя цѣли.

По отношенію къ территоріи (*вотчинный характеръ государства*). Власть велкаго князя именуется *вотчиною* (терминъ, введенный въ науку К. Д. Кавелинымъ). Происхожденіе вотчиннаго начала (см. выше стр. 104) объясняется различно: С. М. Соловьевъ выводилъ его изъ наслѣдственности удѣловъ послѣ Андрея Боголюбскаго: К. Д. Кавелинъ—изъ прежней коллективной власти цѣлаго княжескаго рода надъ всею русск. землею; Н. И. Костомаровъ—изъ татарскаго государ. права, говоря: „верховный владыка, завоеватель Руси, ханъ, называемый правильно русскими царемъ, роздалъ князьямъ земли въ вотчины". Мы знаемъ уже, что явленіе это естесвенно объясняется изъ смѣшенія государственныхъ и частныхъ началъ, свойственнаго древнимъ временамъ исторіи всякаго народа. Изъ этого не слѣдуетъ, что *сущность* вотчиннаго начала состоитъ (какъ думаетъ Б. Н. Чичеринъ) *въ замѣнѣ госуд. права* частнымъ [1]).

---

[1]) Время особеннаго господства вотчиннаго начала относится къ XIII—XIV вв., т. е. не совпадаетъ съ полнымъ развитіемъ неограниченной великокняжеской и царской власти (XV, XVI и XVII вв.), что́ указываетъ на различіе основаній этихъ двухъ явленій. Признаки вотчиннаго вачала слѣд.: князья (великіе и удѣльные) отчуждаютъ свои удѣлы по купчимъ и дарственнымъ, завѣщаютъ ихъ стороннимъ лицамъ въ цѣломъ и частяхъ. Болѣе характерные изъ этихъ актовъ суть духовныя грам. князей (см. духов. Калиты во II вып. Христ. по ист. русскаго права); въ нихъ князья отказываютъ части территоріи сыновьямъ, вдовымъ княгинямъ, матерямъ и дочерямъ (Семенъ Ив. Гордый отказалъ все свое княжество женѣ своей Маріи); въ завѣщательныя распоряженія о государственной территоріи включаются и выдѣлы частныхъ имуществъ—недвижимыхъ и движимыхъ (в. кн. Иванъ Дан. Калита завѣщаетъ старшему сыну 18 волостей, 9 селъ, 4 золотыхъ цѣпи, 3 золотыхъ пояса, 2 золотыхъ чаши и т. д.). Но вотчинныя права на территорію отличаются отъ правъ на частныя имущества (въ самихъ духовныхъ грамотахъ того времени) какъ объектомъ этихъ правъ, такъ и сущностью ихъ. Въ первомъ отношеніи „села" (частныя имущества князей) отдѣляются отъ „волостей". Владѣніе

Сущность вотчиннаго начала состоитъ въ *распоряженіи путемъ частныхъ сдѣлокъ государственными правами.*—Отсюда изъ вотчиннаго начала нельзя выводить право государей Московскихъ на имущество ихъ подданныхъ.

По отношенію къ населенію власть велик. князя и царя имѣетъ *патріархальный характеръ*, то-есть истекаетъ изъ древнихъ основаній власти домовладыки и отца; общее наименованіе подданныхъ въ отношеніи къ государю (кромѣ служилыхъ, именуемыхъ холопами) есть „сирота". Отсюда распоряженія свободою, здоровьемъ, жизнью и имуществомъ подданныхъ дѣлаются не ради личныхъ интересовъ государя, а общественныхъ (за преступленія), при чемъ, однако, преступленія и наказанія измѣрялись б. ч. личнымъ усмотрѣніемъ государя („что государь укажетъ"). Государю принадлежало право устраивать брачную свадьбу своихъ подданныхъ (относительно бояръ—непосредственно; относительно прочаго населенія—эта власть передана намѣстникамъ). Къ концу Москов. государства власть замѣтно измѣняетъ свои основанія, принимая б. и б. полицейскій характеръ.

По отношенію къ самой власти. Царь иногда отрекается отъ власти, поручаетъ ее временно или постоянно другому лицу, раздѣляетъ власть. Іоаннъ IV раздѣлилъ власть на земскую и опричную, назначилъ русскимъ царемъ татарскаго князя Симеона Бекбулатовича (а себѣ оставилъ титулъ Ивана Московскаго), при чемъ всѣ государственные акты, дѣйствительно, исходили отъ имени царя Симеона; отнявъ потомъ власть у этого послѣдняго, онъ сдѣлалъ его вел. княземъ Тверскимъ. Впрочемъ, такія дѣйствія совершаемы были только Іоанномъ IV въ эпоху болѣзненнаго напряженія его борьбы за неограниченную власть; изъ сущности же теократическаго и патріархальнаго началъ не вытекаютъ такія права: власть есть *обязанность*, возлагаемая Богомъ на его носителя; онъ не можетъ уклониться отъ ея тяготы, какъ бы неподсильна она ни казалась. Въ смыслѣ обязанности власть понята сѣверно-русскими государями весьма рано. Когда въ 1319 г. бояре убѣждали вел. князя Мих. Ярославича не ѣздить въ Орду изъ самосохраненія, то онъ отвѣчалъ: „аще азъ гдѣ уклонюся, то вотчина моя вся въ полону будетъ, множество христіанъ избіени будутъ; аще ли послѣ того умрети же ми есмь, то лучше ми есть нынѣ положити душу свою за многія души" (Воскр. лѣт.). Онъ, дѣйствительно, сдѣлался мученикомъ государственныхъ обязанностей власти. Объ этихъ обязанностяхъ напоминала церковная власть во время вѣнчанія царя и въ отдѣльныхъ случаяхъ: когда, напр., Іоаннъ III хотѣлъ бѣжать предъ Крымскимъ царемъ Ахматомъ, то архіеп. Вассіанъ назвалъ его въ посланіи „бѣгуномъ и предателемъ христіанства".

волостями означало государственное управленіе ими и судъ въ нихъ, вознаграждаемые доходами отъ того и другого (а не хозяйственное пользованіе ими); отсюда государственныя пошлины именуютя волостями: князья распоряжаются „тамгою и иными волостями, а также и мыты".

б) Боярская дума.

Мѣсто боярской думы въ ряду другихъ государств. учрежденій опредѣляется ея отношеніями къ самодержавной власти. Это не есть учрежденіе административное или судебное, т. е. высшій центральный приказъ. Дума (равно какъ и земскіе соборы) есть вспомогательное учрежденіе при самодержавной власти; эта послѣдняя чрезъ нее осуществляла себя въ частныхъ явленіяхъ государственной жизни.

Главнѣйшіе моменты въ **исторіи боярской думы** *Московскаго государства* опредѣляются именно отношеніями ея къ верховной власти. Можно различать три эпохи въ ея исторіи.

1) *Въ первую эпоху,* т. е. XIV и XV вв., замѣчается бытовое совпаденіе дѣятельности думы съ дѣйствіями княжеской власти, основанное на единствѣ интересовъ. Возвышеніе Московскаго княжества было вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеніемъ могущества и богатства Московскихъ бояръ. Отсюда успѣхи Московскаго единодержавія (кромѣ поддержки духовенства) главнѣйшимъ обр. объясняются содѣйствіемъ бояръ; въ исторіи единодержавія были моменты ослабленія, которыми могли легко воспользоваться другія княжества и уничтожить всѣ плоды предшествующихъ усилій: послѣ Ивана Калиты и Симеона Гордаго княжилъ малоспособный и бездѣятельный Иванъ Ивановичъ; однако, дѣло, начатое первыми, продолжено при немъ боярами (и митроп. Алексѣемъ) какъ относительно Орды и другихъ княжествъ, такъ и при усмиреніи внутреннихъ смутъ: Московскій тысяцкій, соперничавшій съ великокняж. властію, былъ убитъ; по слухамъ, убили его бояре, между тѣмъ какъ народъ стоялъ за тысяцкаго и взволновался, такъ что многіе бояре уѣхали на время въ Рязань. Поэтому не даромъ Симеонъ завѣщалъ братьямъ слушать старыхъ бояръ. По смерти Ивана (1359 г.) наслѣдникъ его Димитрій остался дитятею и, разумѣется, не ему, а боярамъ (и св. Сергію) принадлежала побѣда надъ соперникомъ его—кн. Суздальскимъ (1361). Димитрій умирая далъ такое завѣщаніе дѣтямъ: „бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, безъ воли ихъ ничтоже не творите“ (Воскр. лѣт. 1389 г.). Преемникъ его Василій оставилъ (1425 г.) наслѣдника Вас. (Темнаго) 10 лѣтъ отъ роду; опять дѣло единодержавія спасено боярами и (митроп. Фотіемъ); процессъ въ Ордѣ между Московскимъ княземъ и его соперникомъ-дядею выигранъ въ пользу перваго Московскимъ бояриномъ—Всеволожскимъ (1431 г.); затѣмъ по изгнаніи Василія изъ Москвы его соперникомъ, этотъ послѣдній долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, пот, что въ Коломну, куда укрылся великій князь Василій, стали стекаться къ нему князья, бояре, дворяне и слуги изъ Москвы.—Наоборотъ, паденіе другихъ княжествъ объясняется измѣною мѣстныхъ бояръ и переходомъ ихъ въ Москву; Московскій вел. князь нарочито тѣснилъ удѣльныхъ бояръ, чтобы принудить ихъ къ переходу къ себѣ.—И по установленіи единодержавія въ первое время полное согласіе дѣятельности бояръ съ дѣйствіями вел. князей продолжалось: при Іоаннѣ III всѣ важнѣйшіе акты

государственной дѣятельности совершались по соглашенію съ боярами: женитьбу на Софьѣ Палеологъ Іоаннъ III предпринялъ такъ: „подумавъ о семъ съ митрополитомъ, матерью своею и бояры... послалъ къ папѣ“ (Воскр. лѣт. подъ 1469 г.). Предъ походомъ на Новгородъ „князь великій разосла по всю братію свою, и по всѣ епископы земли своея, и по князи и по бояре свои... и мысливше о томъ не мало, и конечное упованіе положиша на Господа Бога“, т. е. рѣшили войну (ibid 1471 г.).

2) *Во вторую эпоху,* въ XVI в., происходитъ борьба между самодержавною властію и боярами, начатая со стороны вел. князя и продолженная со стороны бояръ. Установившееся единодержавіе собрало изо всѣхъ княжествъ мѣстныя боярскія силы въ одну Москву; кромѣ того, здѣшнее боярство усилилось огромною массою служилыхъ князей, лишенныхъ удѣловъ, которые хотѣли вознаградить потерянную первую роль въ деревнѣ второю въ Римѣ. Съ друг. стороны, уничтоживъ удѣлы, лишивъ бояръ права перехода и обративъ ихъ въ служилыхъ людей, вел. князь не нуждался болѣе въ ихъ содѣйствіи для укрѣпленія своей власти (современники видѣли начало и причину перемѣны въ отношеніяхъ къ боярамъ—въ прибытіи Византійской царевны Софіи и въ ея вліяніи). Но Іоаннъ III еще допускалъ возраженія себѣ въ думѣ, даже любилъ ихъ и награждалъ за нихъ. Его сынъ началъ рѣшать дѣла самъ-третей у постели, въ чемъ видѣли тогда нарушеніе обычая (т. е. *беззаконіе*): „которая земля (писалъ Берсень Максиму Греку) переставливаетъ обычьи свои, и та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи князь велики перемѣнилъ“ (Ак. Арх. Эк. I, 142). О Василіи Іоанновичѣ тотъ же Берсень и Герберштейнъ сообщаютъ, что онъ „въстрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему встрѣчу говоритъ, и онъ на того опаляется“. Бояре уже не смѣли ему противорѣчить, и когда онъ (1525) обратился къ ихъ совѣту, намѣреваясь произвести разводъ съ женою своею Соломоніею (чтобы жениться на Еленѣ Глинской), то бояре одобрили это за исключеніемъ немногихъ.—При Еленѣ Глинской и въ малолѣтство Грознаго (1534—1546) обстоятельства склонили вѣсы въ пользу бояръ: соперникъ малолѣтняго Іоанна IV—князь Андрей Іоанновичъ—писалъ въ своихъ грамотахъ: „князь велики малъ, а держатъ государство бояре, и вамъ у кого служити“? Для многихъ это показалось достаточною причиною, чтобы отъѣхать къ Андрею. Но, несмотря на перемѣну обстоятельствъ, бояре еще разъ вынесли на своихъ плечахъ дѣло созданія государства въ малолѣтство царя, разумѣется, отмежевывая себѣ львиную долю въ благахъ этого государства. Однако, сказанія оффиціальныхъ „царственныхъ“ лѣтописей о крайнихъ злоупотребленіяхъ власти боярами и ихъ грабительствахъ въ малолѣтство Грознаго должны быть признаны не безпристрастными: лишь отдѣльныя лица—временщики (особенно Шуйскіе)—терпятъ справедливое порицаніе даже отъ такого крайняго приверженца боярской партіи, каковъ былъ князь Курбскій.—Со времени воцаренія Іоанна (1547 г.), этотъ царь открылъ сознательную борьбу съ боярской партіей сначала мѣрами разумными, приблизивъ къ себѣ людей худород-

ныхъ, обратившись къ совѣту всей земли (земскому собору) и создавши нѣсколько здравыхъ законодательныхъ мѣръ, ограничивающихъ значеніе удѣльныхъ князей и бояръ (см. Христ. по исторіи русск. права, III: ук. кн. вѣдом. казн. ст. XVIII и XIX), а потомъ мѣрами жестокихъ казней и гоненій (1560—1584), вызванныхъ б. ч. не мнимою измѣною бояръ, а сознательною цѣлью „не держать при себѣ совѣтниковъ умнѣе себя“ (совѣтъ, данный Іоанну Вассіаномъ Топорковымъ въ 1553 г.). Казни направлены были не на однихъ бояръ и князей (въ 1570 г. разрушенъ цѣлый В. Новгородъ и его пятины; разрушеніе продолжалось около 6 недѣль; собрано было 10 тысячъ тѣлъ, кромѣ унесенныхъ Волховомъ), но главною цѣлію ихъ были бояре. Одною изъ мѣръ борьбы было раздѣленіе государства на опричину и земщину; земскія дѣла оставлены въ рукахъ бояръ; даже ратныя дѣла должны были рѣшаться „государемъ, поговоря съ бояры“. Въ опричинѣ Іоаннъ надѣялся осуществить вполнѣ свой новый планъ. Но именно здѣсь обнаружилась неосуществимость и непрактичность его идей; въ учрежденіи земщины онъ самъ призналъ себя побѣжденнымъ, отдѣливъ верховную власть отъ государства и предоставивъ это послѣднее боярамъ. Послѣднимъ средствомъ борьбы его съ боярствомъ была литературная полемика съ кн. Курбскимъ, отъѣхавшимъ въ Литву; по этой полемикѣ мы можемъ сличить и оцѣнить государственныя воззрѣнія двухъ борющихся силъ; несомнѣнно, что „старина“, обычай (т. е. законность) была на сторонѣ Курбскаго, а новина (революціонное начало) на сторонѣ Грознаго. Курбскій отнюдь не стоитъ за возстановленіе удѣльно-княжескаго порядка; онъ, не посягая на верховную власть, доказываетъ только необходимость для царя „совѣта сиглитскаго“, т. е. совѣщаній съ боярскою думою, что́ съ древнѣйшихъ временъ практиковалось и въ Кіевѣ и въ Москвѣ, и что́ вызывается сущностію и интересами самой монархіи. Идеалъ Грознаго безсодержателенъ: „жаловати сами своихъ холопей вольны, а и казнити вольны есмы“. Ничто не препятствовало Грозному обходиться безъ боярской думы, не прибѣгая къ казнямъ, но онъ самъ нашелъ это неосуществимымъ.

Дѣятельность Грознаго, не достигши цѣли, принесла лишь тотъ результатъ, что временно отдѣлила интересы бояръ отъ царской власти и заставила бояръ, въ свою очередь, уже сознательно обезпечить власть за собою на счетъ власти монархической. Конецъ XVI в. (съ 1584 г.) и нач. XVII и (до 1612 г.) есть время такихъ попытокъ боярства и боярской думы. Котошихинъ сохранилъ слѣд. извѣстіе: „какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство, и на нихъ были иманы письма, чтобы имъ быти не жестокимъ и не опальчивымъ... и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми собча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати“ (сл. выше запись царя Василія Шуйскаго и грамоту Владислава). По смерти Ѳеодора Іоанновича бояре требовали присяги на имя думы боярской. Впрочемъ, вся новость такихъ попытокъ боярства заключалась лишь въ томъ, что допущеніе

бояръ къ участію во власти становилось для царя обязательными *на письмѣ*.

3) *Въ третью эпоху* (XVII) в. наступаетъ нормальное отношеніе боярской думы къ власти царя, т. е. нераздѣльность дѣйствій той и другой, безъ взаимныхъ посягательствъ на верховное значеніе послѣдней и вспомогательную роль первой: государь безъ думы и дума безъ государя были одинаково явленіями ненормальными.

Составъ боярской думы измѣнялся по указаннымъ выше эпохамъ.— Сначала въ составѣ ея были только *бояре* въ древнемъ значеніи этого слова, т. е. свободные землевладѣльцы. Но съ превращеніемъ ихъ въ служилыхъ людей и расширеніемъ территоріи послѣдовало между ними различіе бояръ вообще и бояръ служилыхъ въ точномъ смыслѣ; при нашествіи непріятеля земскіе бояре обязаны садиться въ осаду въ томъ городѣ, гдѣ кто живетъ (гдѣ его вотчина); но бояре *введенные и путные* отъ того освобождаются, потому что обязаны быть при своихъ должностяхъ у в. князя. Высшій классъ служилыхъ именуется „боярами введенными, т. е. введенными во дворецъ для постоянной помощи вел. князю въ дѣлахъ управленія; они же получали кормленія, т. е. намѣстничества въ городахъ. Другой низшій разрядъ такихъ же дворовыхъ слугъ именуется путными боярами или путниками, получившими „путь“—доходъ въ завѣдованіе. Судя по аналогіи западно-русскихъ явленій, эти послѣдніе (путники) должны занимать восьма невидное мѣсто на іерархической лѣстницѣ. Понятно, что совѣтниками князя—членами боярской думы—могли быть только первые, т. е. бояре введенные, именуемые иногда „большими“. Это и было переходомъ къ образованію изъ боярства чина (дававшаго потомъ право на засѣданіе въ думѣ).

Второй элементъ, вошедшій въ составъ боярской думы по мѣрѣ уничтоженія удѣловъ, это *князья*; они сначала дѣлались совѣтниками великаго князя по своему званію князей, не нуждаясь для того въ особомъ назначеніи въ чинъ боярина и, конечно, считая свое званіе выше боярскаго; это преимущество князей было признаваемо великимъ княземъ и при Іоаннѣ III, когда служилыхъ князей было уже множество; самый родовитый Московскій бояринъ Кошкинъ долженъ былъ уступилъ первенство въ командованіи войсками (во время Ведрошскаго похода) князю Щенятеву. Князья въ XV в. составляли особый разрядъ въ составѣ думы (см. выше: в. кн. Іоаннъ III созывалъ „князи и бояре свои“). Княжескій элементъ преобладалъ въ думѣ и въ XVI в., составляя бо́льшую половину ея, а иногда и $^2/_3$.—Но въ XVI в. уже далеко не всякій князь попадалъ въ думу; многочисленность служилыхъ князей принудила сдѣлать между ними выборъ и проводить въ думу лишь нѣкоторыхъ чрезъ чинъ боярина. Ни всѣ бояре, ни тѣмъ менѣе князья не могли быть призываемы каждый разъ въ думу; ежедневныя дѣла рѣшалъ вел. кн. лишь съ тѣми немногими, которые постоянно находились при дворѣ. Въ важныхъ случаяхъ созываемы были и бояре, намѣстничавшіе по городамъ и князья.

Для второй эпохи характеристическою чертою состава думы, кромѣ обращенія званія боярина въ чинъ и возведенія въ этотъ чинъ князей, служитъ опредѣленіе того, какія изъ придворныхъ должностей даютъ право на присутствіе въ думѣ; такою признана должность *окольничаго*, обращенная также въ чинъ. При Іоаннѣ III только бояре и окольничіе имѣли права центральнаго суда и управленія („Судити судъ бояромъ и околничимъ", Суд. 1497 г., ст., I), и только эти лица и были совѣтниками вел. князя. Впрочемъ впослѣдствіи мы находимъ въ составѣ думы дворецкаго, казначеевъ и иногда крайчаго, но это не были чины, а только должности.— Введеніе въ думу только нѣкоторыхъ изъ огромнаго числа прежнихъ (земскихъ) бояръ и князей и точное опредѣленіе двровыхъ должностей, дающихъ право на членство въ думѣ, есть первое и существенное отличіе Московской думы отъ древней.

Съ первой половины XVI в. великій князь началъ вводить въ думу людей худородныхъ—простыхъ дворянъ, которые и получили титулъ *думныхъ дворянъ*, что опять превратилось въ чинъ. Такъ какъ въ источникахъ встрѣчаются „дѣти боярскіе, которые въ думѣ живутъ", еще въ 1536 и 1542 годахъ, то слѣдуетъ думать, что подобное расширеніе состава думы было произведено вел. кн. Василіемъ Іоанновичемъ (и притомъ простиралось на дѣтей боярскихъ). Эту мѣру усилилъ и опредѣлилъ Іоаннъ IV во время борьбы своей съ родовитымъ боярствомъ: съ 1572 г. „думные дворяне" появляются въ спискахъ членовъ думы, какъ особый постоянный разрядъ думныхъ людей.

Ко времени борьбы съ боярскимъ элементомъ относится появленіе въ думѣ и *думныхъ дьяковъ*. При усиленіи письменнаго дѣлопроизводства естественно было ожидать и появленія канцеляріи при думѣ. Думнымъ дьякамъ поручалось завѣдываніе такими текущими дѣлами, которыя не могла вести постоянно дума in corpore,—именно дѣлами посольскими, разрядными, помѣстными и бывшаго Казанскаго царства; эти отрасли ввѣрены дьякамъ, но какъ делегатамъ думы. Поэтому думныхъ дьяковъ въ XVI в. было обыкновенно четыре. Такое положеніе выводило ихъ изъ разряда секретарей: они становились министрами, и каждый по своему вѣдомству имѣлъ право голоса въ засѣданіяхъ думы, хотя членами думы они не считались. При Алексѣѣ Михайл. число думныхъ дьяковъ дошло до 6, а при Ѳеодорѣ Алексѣев.—до 15. Такой исторически сложившійся составъ думы оставался неизмѣннымъ и въ XVII в. [1]).

---

[1]) Изложенный составъ думы, засвидѣтельствованный оффиціальными списками *думныхъ чиновъ* или людей и массою лѣтописныхъ указаній, не можетъ б. оспариваемъ: если есть *думные* дворяне и дьяки, то значитъ есть дума съ точно обозначеннымъ составомъ членовъ. Вопросъ сводится только къ тому, могъ ли вел. князь имѣть, кромѣ думы, своихъ, такъ сказать, домашнихъ совѣтниковъ и любимцевъ. Такое право нельзя отрицать не только у государей, но и у всякаго частнаго лица. Существуетъ мнѣніе, что между боярами всегда различались „близкіе", или „комнатные" бояре, съ которыми царь совѣтовался всегда, и просто бояре, составлявшіе общую думу, и уже въ XVII в.

Полученіе званія думнаго человѣка зависѣло отъ производства кого-либо въ одинъ изъ высшихъ чиновъ волею государя. Но государь въ этомъ случаѣ соображался съ породою жалуемаго; лица высшихъ преимущественно княжескихъ фамилій получали прямо званіе боярина, минуя низшіе чины; менѣе знатные начинали съ окольничества; прочіе проходили по низшимъ ступенямъ чиновъ, рѣдко достигая боярства. Лишь въ производствѣ въ думные дворяне и думные дьяки воля государя ничѣмъ не стѣснялась; въ думные дьяки производились изъ дворянъ, гостей и подъячихъ.—Актъ пожалованія въ думный чинъ заключался въ словесномъ объявленіи этого во дворцѣ чрезъ думнаго дьяка въ присутствіи ассистента изъ думныхъ чиновъ равнаго ранга съ жалуемымъ чиномъ (если жалуется боярство или окольничество).

Число членовъ думы не можетъ быть опредѣлено для первой эпохи, когда еще не установилось возведеніе въ чинъ боярина и, слѣд., назначеніе въ думу. Съ XVI в. оно становится опредѣленнѣе; со времени вел. кн. Василія Іоанновича ведутся уже списки членовъ думы: отъ Іоанна III къ сыну его перешло 13 бояръ, 6 окольничихъ, 1 дворецкій и 1 казначей; самъ Василій оставилъ своему преемнику 20 бояръ, 1 казначея, 1 окольничаго. При Іоаннѣ Грозномъ число бояръ понизилось вдвое, зато увеличилась неродовитая часть въ составѣ думы: онъ оставилъ сыну 10 бояръ, 1 окольничаго, 1 крайчаго, 1 казначея и 8 думныхъ дворянъ. Обратное явленіе произошло при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, который оставилъ 18 бояръ, 8 окольничихъ и только 2 думныхъ дворянъ. Далѣе общее число думныхъ людей возрастаетъ съ каждымъ царствованіемъ (за исключеніемъ царств. Михаила Ѳеодоровича): такъ, при Борисѣ Годуновѣ было ихъ 30, въ смутное время—47, при Михаилѣ Ѳеодоров.—19, при Алексѣѣ Михаил.—59, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ—167.

Въ постоянныхъ засѣданіяхъ думы участвовали далеко не всѣ, имѣвшіе званіе думнаго человѣка, а лишь тѣ, которые были въ то время на лицо въ Москвѣ (если не были одновременно заняты спеціальными слу-

---

(при ц. Алексѣѣ Мих-чѣ) изъ первыхъ составилось отдѣльное *учрежденіе*—комнатная, или тайная дума (см. г. Гурлянда: „Приказъ в. г. тайныхъ дѣлъ“, стр. 326 и сл.). Нѣтъ сомнѣнія, что изъ числа бояръ нѣкоторые (два—три) всегда пользовались особою близостію къ царю (напр., царь Михаилъ писалъ своему отцу: „и тѣ, государь, отписки мы слушали и ближнимъ бояромъ чести велѣли, и всѣмъ бояромъ чести не велѣли“). Царь, прежде представленія думѣ дѣла на рѣшеніе, совѣтуется съ этими болѣе близкими людьми, слѣдуетъ ли придать оффиціальный ходъ вопросу или отложить его. Когда во 2-й пол. XVII в. число членовъ общей думы возросло (при ц. Ѳеодорѣ 167), то, конечно, нельзя было собирать въ засѣданія каждый день всю эту массу; тогда установилось обычаемъ созывать въ постоянныя засѣданія лишь тѣхъ бояръ, которые постоянно находятся при царѣ, т. е. такъ называемыхъ „комнатныхъ“. Прочіе члены думы созываются въ болѣе важныхъ случаяхъ; такимъ обр. общая дума отнюдь не упраздняется и не замѣняется ни тайною думою, ни еще менѣе расправною палатою, которая была установлена для производства судебныхъ дѣлъ и отнюдь не есть законосовѣщательное учрежденіе.

жебными дѣлами и если не подвергались временной опалѣ). Возможно полныя засѣданія думы происходили въ особо-важныхъ случаяхъ, въ частности при созывѣ земскихъ соборовъ (которыхъ непремѣнную часть составляла дума).—Иногда къ думѣ присоединялся соборъ духовенства, когда особенно вопросъ касался правъ духовенства (см. ук. кн. вѣдом. казн. ст. I и XIX); иногда же соборъ духовенства призываемъ былъ къ обсужденію государств. вопросовъ въ отдѣльномъ засѣданіи.

Засѣданія думы происходили въ цар. дворцѣ—„на Верху“ и въ Золотой палатѣ; во время правленія патр. Филарета Никитича, дума иногда собиралась въ его дворцѣ. По словамъ Котошихина, „бояре, окольничіе и думные и близкіе люди пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить съ утра рано, на всякой день...; также и послѣ обѣда пріѣзжаютъ къ нему въ вечерни по вся дни“ (II. 14). Временемъ засѣданій думы, по свидѣтельству Маржерета, было отъ 1-го часа до 6 часовъ дня; вечеромъ же бояре собирались опять около 4 часовъ. Не все это время проходило въ засѣданіи: бояре дѣлили съ царемъ всѣ обыденные акты жизни: ходили въ церковь, обѣдали и проч. По свидѣтельству Флетчера, собственно для обсужденія дѣлъ назначены были понедѣльникъ, среда и пятница, но въ случаѣ надобности бояре засѣдали и въ другіе дни. Для выслушиванія докладовъ по вѣдомству того или другого приказа были назначены особые дни и часы.

Предсѣдателемъ думы былъ царь; но въ XVI и XVII вв. такое предсѣдательствованіе часто было лишь номинальное; государь не всегда присутствовалъ; бояре рѣшали безъ него или окончательно, или ихъ рѣшенія были утверждаемы государемъ. Члены распредѣлялись въ думѣ по порядку чиновъ, а каждый чинъ—по мѣстнической лѣстницѣ породы. Уложеніе ц. Алексѣя Мих. (X, 2) предписываетъ думѣ „всякія дѣла дѣлати вмѣстѣ“; этимъ косвенно утверждается начало единогласія при рѣшеніяхъ. Въ концѣ XVII в. возникаетъ особое отдѣленіе думы для судныхъ дѣлъ“.—Расправная Палата“, состоявшая изъ делегатовъ думы (по нѣсколько членовъ отъ каждаго чина; см. Дворц. Разр. IV, стр. 187, 483 и др.)[1]).

---

[1]) Проф. Сергѣевичъ (Р. Юр. Др. т. II, вып. 2, 413) говоритъ: „боярскую палату необходимо отличать отъ государевой думы. Это два совершенно разныя *учрежденія*“. По его мысли, расправная палата есть, дѣйствительно, „учрежденіе“, имѣющее опредѣленную компетенцію и составъ; она рѣшаетъ предоставленныя ей дѣла окончательно (безъ участія царя). Собственно по ходу разсужденія автора слѣдуетъ заключить, что это и есть настоящая дума: „возникновеніе высшаго *„учрежденія бояръ“* есть весьма позднее явленіе нашей исторіи. Окончательное учрежденіе его относится къ пол. XVII в.“ (стр. 406). Однако, исторію этого учрежденія авторъ начинаетъ издалека, именно съ 1564 г., т. е. со времени знаменитой опричины и земщины, когда будто бы была установлена особая „коллегія бояръ“. Какъ извѣстно, Грозный совершилъ странный переворотъ – отказъ отъ власти безъ отрѣченія и, выдѣливъ себѣ нѣкоторую часть территоріи и населенія, все остальное государство, т. е. земщину, предоставилъ управленію бояръ. Что можетъ извлечь историкъ права изъ этого неразумнаго событія? Кое-что можетъ, а именно слѣд.: когда царь бѣжалъ отъ государства, то кто-нибудь долженъ управлять этимъ послѣднимъ. Тогда естественно на первыя планъ выступаютъ учрежденія, которымъ участіе во власти принадлежало и при царѣ. Это и есть боярская дума.

Во время выѣзда бояръ съ царемъ изъ Москвы въ походъ, на мѣстѣ оставляется нѣсколько членовъ ея „для вѣданія Москвѣ". Въ эту комиссію думы шли всѣ доклады изъ приказовъ, но окончательно рѣшались ею только дѣла меньшей важности, прочія отсылались къ царю и находившимся при немъ боярамъ.

Права боярской думы. Дума есть учрежденіе, не отдѣлимое отъ царской власти; поэтому, подобно правамъ этой послѣдней, права думы не были опредѣляемы закономъ, а держались, какъ фактъ бытовой, на обычномъ правѣ. Въ законахъ находимъ частичное утвержденіе за актами дѣятельности думы значенія актовъ высшей власти. Такъ

Въ отношеніи къ законодательству нормальный процессъ творчества закона указанъ въ Судебникѣ цар. такой: „а которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати" (ст. 98) [1]). Уложеніе 1649 года законодательными источни-

---

Царь не назначилъ какихъ-либо особыхъ правителей—„коллегію бояръ", а просто ушелъ; править начали тѣ же лица, которыя и до того времени составляли боярскую думу (по точному тексту лѣтописи „*всѣ* бояре"). Впрочемъ, какъ справедливо говоритъ проф. Сергѣевичъ, дѣло тотчасъ свелось на старину: бояре съ важнѣйшими дѣлами шли на докладъ къ тому же царю въ его новую опричную столицу. Тѣмъ и кончилась игра въ республику съ боярами, какъ впослѣдствіи игра въ цари съ Семеономъ Бекбулатовичемъ все это есть игра болѣзненнаго воображенія царя. Такимъ образомъ „коллегія" бояръ 1564 г. совсѣмъ не годится въ предшественницы расправной судной палаты: это—та же общая дума съ обычною компетенціею и составомъ. Дѣйствительными зародышами расправной (судной) палаты проф. Сергѣевичъ вполнѣ справедливо считаетъ тѣ делегаціи изъ членовъ думы, которыя и въ XVI и въ началѣ XVII в. постоянно назначались для того или другого суднаго дѣла, чтобы не обременять общаго состава думы частными дѣлами. Учащеніе подобныхъ случаевъ, при возрастаніи числа дѣлъ, естественно привело къ мысли назначить постоянную делегацію думы для суда. Такъ образовалось и значительное число приказовъ, которые (напр., Разрядъ, Помѣстный пр. и др.) были первоначально также делегаціями думы (см. Суд. цар. ст. 7); но расправная палата не обратилась въ отдѣльный приказъ потому, что ей именно приходилось рѣшать дѣла по докладамъ изъ прочихъ приказовъ. Этимъ судебная функція обособилась и вышла изъ непосредственнаго вѣдѣнія верховной власти. Прочія функціи—правительственная и законодательная—продолжали оставаться въ рукахъ общей думы и, разумѣется, царя.

[1]) Проф. Сергѣевичъ признаетъ постановленіе ст. 98-й Судебника закономъ, ограничивающимъ власть царя, и считаетъ его явленіемъ исключительнымъ, именно дѣломъ той „избранной рады", которая окружила царя съ 1547 года (Сильвестра и Адашева). Но если такъ, то почему же Грозный, осудившій потомъ Сильвестра, Адашева, Курлятева и др. и обвинившій ихъ именно въ посягательствѣ на самодержавную власть, почему онъ въ теченіе послѣдующаго долгаго царствованія не отмѣнилъ этого закона, будто бы нарушающаго его права? Онъ не стѣснялся истреблять страшными казнями сотни и тысячи мнимыхъ враговъ самодержавія; полагаемъ, что не поцеремонился бы уничтожить такой вопіющій актъ ихъ посягательствъ на царскую власть. Далѣе, допустимъ, что „избранная рада" могла провести такой законъ; но имъ опредѣляются не права этой „рады", а права думы въ ея обыкновенномъ составѣ. Рада, о которой говоритъ Курбскій, это Сильвестръ, Адашевъ и нѣсколько другихъ лицъ (какіе-то „презвитеры", м. Макарій, Курлятевъ и м. б. еще кто-нибудь). Это кружокъ Сильвестра, дѣйствовавшій,

ками своими признало государевы указы и боярскіе приговоры. Общая законодательная формула была такова: „государь указалъ, и бояре приговорили“.— Это понятіе о законѣ, какъ результатѣ нераздѣльной дѣятельности царя и думы, доказывается всею исторіею законодательства въ Московск. государствѣ; Судебникъ 1497 г. „уложилъ князь великій съ дѣтми своими, и

не какъ правильное учрежденіе, а какъ партія. Большая часть людей этого кружка не могли быть членами думы (самъ Сильвестръ, „пресвитеры“). Адашевъ вошелъ въ думу только въ 1555 году; самъ же по происхожденію былъ „изъ батожниковъ“, какъ выражается Грозный. Изъ-за чего же эти „попы“, „презвитеры“ и „батожники“ хлопотали такъ объ интересахъ думы въ 1550 г.? Дума продолжала въ 1547—1560 гг. существовать въ своемъ обычномъ составѣ (бояръ, окольничихъ; см. списокъ ихъ въ прим. 79 къ исторіи Курбскаго въ Сказаніяхъ кн, Курб. I, стр. 237—239).

Но, говорятъ, самъ Грозный обвинялъ Сильвестра и Адашева съ товарищами въ посягательствѣ на самодержавіе.

Справедливы ли эти обвиненія? Они разслѣдованы историками въ достаточной степени и признаны плодомъ „клеветы“ (выраженіе Карамзина) или разстроеннаго воображенія больного царя. И въ самомъ дѣлѣ, ко времени вліянія Сильвестра и Адашева (1547—1555 г.) относятся самыя мудрыя мѣры ограниченій боярскаго произвола (созывъ 1-го земскаго собора, многія постановленія Судебника—ст. 3, 7, 24, 60, 62, 66, 68,— особенно послѣднія о повсемѣстномъ учрежденіи старостъ и цѣловальниковъ и о губныхъ и земскихъ властяхъ въ отношеніи къ суд. власти намѣстника), затѣмъ повсемѣстное введеніе земскихъ учрежденій 1552—1556 г., отмѣна намѣстничества и новая организація служилаго класса 1555 года.

Наконецъ, если законъ Судебника ограничилъ царскую власть, то интересно спросить: примѣнялся ли онъ, когда у власти стояли творцы его, именно въ эпоху господства „избранной рады“ (т. е. вліянія—Сильвестра и Адашева)? На этотъ вопросъ у проф. Сергѣевича находимъ два отвѣта, а именно: 98 статья Судебника—„это несомнѣнное ограниченіе царской власти“—„*никогда* не была приведена въ исполненіе“ (Рус. Юр. Древн. II, 1, 369); но въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что избранная рада, „имѣвшая цѣлью сдѣлать царя только предсѣдателемъ *своего* (?) совѣта... *иногда* и достигала этого. Въ выраженіяхъ указа 1556 г. можно видѣть примѣръ осуществленія желательнаго для избранной рады порядка: лѣта 7064 авг. 21 приговорилъ государь царь и в. кн. *со всѣми боляры*. Этотъ фактъ (продолжаетъ онъ) совершенно соотвѣтствуетъ порядку, установленному 98 статьей Ц. Судебника“ (стр. 387, прим.). Изъ этихъ двухъ мнѣній мы непремѣнно должны избрать второе: ибо законъ, проведенный избранною радою, долженъ былъ дѣйствовать, пока рада стояла у власти. Попробуемъ провѣрить. Формула „приговорилъ *со всѣми* бояры“ означаетъ ли „ограниченіе“? Въ 1550 окт. въ 11 день, значитъ тотчасъ по изд. Судебника, „царь и в. кн. Иванъ Васильевичъ всея Руси приговорилъ *съ боляры*“; слѣдуетъ (по толкованію пр. Сергѣевича), что царь далъ довольно важный законъ (о добровольныхъ слугахъ), безъ участія думы, а только переговорилъ кое съ кѣмъ изъ бояръ по собственному выбору. Затѣмъ слѣдуетъ вышеприведенный указъ 1556 г. авг. 21, когда тотъ же царь приговорилъ уже со всѣми бояры (о повальномъ обыскѣ и другихъ матеріяхъ). Но въ 1557 г. дек. 25 весьма важный законъ (общій мораторій въ долгахъ на 5 лѣтъ) данъ такъ: „приговорилъ (царь) съ бояры“; значитъ, опять безъ думы. Около 1557 г. данъ царемъ указъ (о формѣ отпускныхъ) *по докладу Алексѣя Адашева* безъ всякаго участія бояръ. 1558 г. янв. 11 данъ весьма важный законъ (о распространеніи моратоpія на долги, обезпеченные залогомъ) опять безъ помѣты объ участіи бояръ. Того же года февр. 17 (о невысылкѣ въ Москву обыскныхъ людей со списками повальнаго обыска) царь далъ словесный указъ боярамъ. Марта 9 (того же года) дано (незначительное) постановленіе однимъ царемъ. Сент. 1

съ бояры"; Суд. царскій изданъ царемъ „съ своею братью и съ бояры". Въ царствованіе Грознаго большинство законовъ носитъ обычную формулу: „уложилъ (царь) со всѣми бояры", такая совмѣстная законодательная дѣятельность царя и думы остается, какъ нормальная, во все остальное время

два закона довольно важныхъ (о правѣ дворянъ поступать въ холопство и объ искахъ по служилой кабалѣ) даны царемъ безъ бояръ. Итакъ, въ эпоху власти избранной рады законъ объ ограниченіи законодательной власти царя примѣненъ былъ лишь *одинъ разъ*; царь совѣщался съ нѣкоторыми боярами по собственному выбору *два раза*, а законодательствовалъ одинъ безъ бояръ *шесть разъ*! И что всего удивительнѣе: глава избранной рады Ал. Адашевъ именно обходилъ законъ Судебника, испрашивая у царя указъ безъ думы боярской. Такіе факты приводятъ насъ къ неизбѣжности совсѣмъ отказаться отъ идеи объ ограниченіи царской власти Судебникомъ. Формула „со всѣми бояры" означаетъ то же, что и „съ бояры", т. е. обычный порядокъ изданія законовъ царемъ съ участіемъ боярской думы. Такъ утверждать мы въ правѣ и потому, что въ 1582 марта 12 царь Грозный, въ эпоху наивысшихъ гоненій на бояръ, тѣмъ не менѣе приговорилъ „*со всѣми* бояры" (о ябедникахъ).

Если такъ, то статья 98-я Цар. Суд. должна же имѣть какой-либо смыслъ. Что значитъ, что законъ дается *съ государева докладу* и со всѣхъ *бояръ приговору*? Очевидно, что Судебникъ указываетъ на два фактора (а не одинъ) въ творчествѣ закона, т. е. этимъ отрицаются оба крайнія мнѣнія, заявленныя въ наукѣ: о принадлежности законод. власти только царю (мнѣніе проф Сергѣевича) и преимущественно думѣ (мнѣніе проф. Ключевскаго). Факты послѣдующей исторіи законодательства совершенно опредѣленно утверждаютъ эту двойственность. Приведемъ ихъ относительно боярской думы: „при государѣ царѣ и в. кн. Ѳеодорѣ Ивановичѣ в. Р. данъ въ Разбойной приказъ *боярской приговоръ*" (о собственномъ признаніи, какъ высшей уликѣ); „при государѣ царѣ и в. кн. Борисѣ Ѳеодоровичѣ в. Р. данъ въ Разбойной приказъ *боярской приговоръ* (о рецидивѣ при разбоѣ). „При госуд. царѣ и в. кн. Ѳеодорѣ Ивановичѣ в. Р. данъ въ Разбойной приказъ *боярской приговоръ*" (объ уголовной отвѣтственности дворянъ). „При госуд. царѣ и в. кн. Ѳеодорѣ Ивановичѣ в. Р. данъ въ Разб. приказъ *боярской приговоръ*" (объ отличіи розыскного процесса отъ суднаго), тоже при Ѳеодорѣ Ивановичѣ (объ опредѣленіи цѣны гражданскаго иска показаніями преступниковъ). Такъ было въ концѣ XVI и нач. XVII в., такъ продолжалось и при Мих. Ѳеодоровичѣ. Въ 1620 г. предсѣдатель Разб. приказа кн. Троекуровъ „противъ прежняго государева указу *говорилъ съ бояры*: такъ ли тѣмъ статьямъ (объ указной оцѣнкѣ людей и животныхъ) въ указѣ быть? И 129 окт. въ 13 день *бояре приговорили*" (измѣнили прежній указъ государевъ). Въ 1624 „окт. въ 14 день бояринъ кн. Дмитрей Михайловичъ Пожарской (глава Разб. приказа) о томъ (о взысканіи гражд. убытковъ по смерти преступниковъ-холоповъ) *говорилъ съ бояры. II бояре, сего дѣла слушавъ, приговорили* (дали новый законъ). Въ 1625 г. „февр. въ 17 день бояринъ князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской да дьякъ Семенъ Головинъ о той статьѣ (о неумышленномъ убійствѣ) въ Верху у Благовѣщенья *докадывалъ бояръ, и бояре приговорили* (также дали новый законъ). Въ 1628 г. „іюля въ 25 день бояринъ кн. Дмитрей Михайловичъ Пожарской говорилъ о томъ (объ отвѣтственности поручителей по уголовнымъ дѣламъ) *съ бояры*, какъ бояре сидѣли у великаго государя св. Филарета патріарха Никитича Московскаго и в. Р. передъ крестовою палатою въ сѣнѣхъ. *II бояре, сего докладу слушавъ, приговорили*". То же самое отмѣчается по поводу другого закона, даннаго въ тотъ же день. Въ предыдущихъ случаяхъ вовсе не упоминается о присутствіи царя при постановленіи закона; въ двухъ послѣднихъ—присутствуетъ патріархъ, но участіе его въ законодательствѣ не обозначено. Такъ совершалось все уголовное законодательство отъ Судебника до Улож. (за исключеніемъ одного закона).

XVI в. (за исключеніемъ нѣкоторыхъ законовъ 1557—59 годовъ, которые надписаны только именемъ царя). Въ послѣдующія времена иногда также упоминаются въ качествѣ законовъ царскіе указы безъ боярскихъ приговоровъ (см. Ук. кн. холоп. прик. V—VIII и многія статьи Ук. кн. зем. прик.).— Съ другой стор., есть рядъ законовъ, данныхъ въ формѣ боярскаго при-

---

Что касается законовъ гражданскаго права, то „1588 г. февр. въ 8 день всѣ бояре въ Верху приговорили“ (о взысканіи по кабаламъ). „122 года (1613) ноября 27... бояринъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій (глава думы) съ товарищи приговорили“ (о назначеніи иноземцевскихъ помѣстій только иноземцамъ). Въ боярскомъ приговорѣ, за приписью дьяка Герасима Мартеміанова 124 году (1616), написано: бояре приговорили“ (о томъ же). „124 году (1616) іюля во 2 день приговорили бояре“ (о неотдачѣ татарамъ помѣстныхъ земель дѣтей боярскихъ; при этомъ прибавлено: „и подъ тою статьею помѣта дьяка Петра Микулина: приговорили бояре“).

Изъ такихъ фактовъ, повидимому, можно сдѣлать заключеніе (какъ и дѣлаютъ иногда), что законодательная власть принадлежитъ собственно боярской думѣ, которая лишь въ случаяхъ необходимости, признанной ею самою, идетъ съ докладомъ къ царю. Но слѣдуетъ ли признать этотъ выводъ правильнымъ, показываетъ другой рядъ фактовъ, когда узаконенія, иногда очень важныя, даны были однимъ царемъ. Факты этого порядка подобраны проф. Сергѣевичемъ весьма тщательно и не требуютъ повторенія. Замѣтимъ только, что даже царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, при которомъ (какъ выше отмѣчено) состоялось столько боярскихъ приговоровъ безъ царскихъ указовъ, въ 1631 авг. 31, „слушавъ докладу *въ комнатѣ*, указалъ про обыски“ (повальные). Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ два очень важныхъ уложенія по существеннымъ вопросамъ обвинительнаго процесса и о другихъ предметахъ 1628 г. янв. 15 и 1628 ноября 17.

Сопоставивъ оба ряда фактовъ, мы обязаны признать *двойственность* законодательной власти въ Москвѣ, а слѣдов. и то, что Судебникъ даетъ не случайный законъ, а изображаетъ постоянный порядокъ дѣла (практиковавшійся и до изданія Судебника).

Но этимъ вопросъ далеко не разрѣшается окончательно. Какимъ обр. двѣ власти законодательствуетъ одновременно? *Дѣлятъ* ли онѣ эту функцію по предметамъ (напр., уголовное и часть гражданскаго права, а также процессъ предоставленъ думѣ; благоустройство, законы о состояніяхъ и законы о вотчинахъ и помѣстьяхъ—царю, такъ, пожалуй, можно подумать, судя по характеру приведенныхъ выше двухъ порядковъ фактовъ)? Такое заключеніе было бы совершенно ошибочно: какъ царь, такъ и дума касаются *всѣхъ предметовъ* государств. и частнаго права.

Вопросъ о взаимномъ соотношеніи двухъ факторовъ законодательства вполнѣ заслуживалъ бы внимательнаго разслѣдованія; для этой цѣли недостаточно сказать: „нельзя придумать никакой формы совмѣстимости“. Придумывать въ всякомъ случаѣ не приходится: историкъ обязанъ слѣдовать указаніямъ фактовъ. Дѣйствительно, предъ нами третій рядъ фактовъ, несравненно превышающій своею величиною два первыхъ,— именно указанія о *совмѣстной дѣятельности думы и царя*. Она выражается формулами: „приговорилъ царь со всѣми бояры“, или просто „съ бояры“ (1550, 1555 мая 9, 1556 г. авг. 21, 1557 авг. 5, 1557 дек. 25, 1558 сент. 1, 1558 ноября 30, 1562 янв. 15, 1572 окт. 9, 1582 марта 12, 1597 апр. 25, 1603 авг. 16 и др.); „царь указалъ, и бояре приговорили“ (1597 г. ноября 14—знаменитый указъ о бѣглыхъ крестьянахъ, 1642 марта 9—весьма важный законъ о владѣніи крестьянами и о другихъ правахъ дворянъ) и др. Сюда же примыкаетъ и формула, выраженная въ Судебникѣ: „съ государева докладу и всѣхъ бояръ приговору“. Въ фактахъ исторіи законодательства содержатся достаточныя изъясненія приведенныхъ формулъ. А именно:

говора безъ царскаго указа: „всѣ бояре на Верху приговорили“ (Ук. кн. вѣдом. казн. ст. XXI, см. также Уст. кн. разб. прик., ст. 9, 10, 15, 18, 29, 43, 45, 49, I, II, III и IV; Ук. кн. прик. холоп. ст. IV и VI; Ук. кн. пом. прик., ст. III, 4, 6)—Изъ такихъ случаевъ отнюдь нельзя заключить о раздѣльности законодательныхъ правъ царя и думы. Царскіе указы безъ боярскихъ приговоровъ объясняются или незначительностью разрѣшаемыхъ вопросовъ, не требовавшихъ коллегіальнаго рѣшенія, или поспѣш-

1) Царь и дума, засѣдая вмѣстѣ, обсуждаютъ и рѣшаютъ вопросъ. Такія совмѣстныя засѣданія засвидѣтельствованы массою показаній и не требуютъ здѣсь напоминанія; царь ежедневно дѣлилъ съ боярами не только занятія по управленію и законодательству, но и свои досуги и обѣды. Въ такомъ общемъ присутствіи царя и думы совсѣмъ нельзя различить отдѣльныхъ моментовъ творчества закона: предложеніе закона можетъ исходить отъ царя, отъ бояръ; можетъ вытекать отъ запросовъ приказовъ и провинціальныхъ властей, изъ прошеній и жалобъ частныхъ лицъ и т. д. Обсужденіе проекта принадлежитъ всѣмъ присутствующимъ. При принципѣ единогласія рѣшеніе есть дѣло общее (не по счету голосовъ). Санкція закона, принадлежащая царю, здѣсь не выдѣляется. Полагать, что царь каждый разъ объявляетъ по данному вопросу свою волю и приказываетъ боярамъ лишь облечь ее въ форму закона и придумать способъ осуществленія, отнюдь не позволяютъ намъ ни существо дѣла (сложность и трудность многихъ вопросовъ закона), ни извѣстныя личныя качества многихъ царей (Ѳеодора Ивановича, Василія Шуйскаго, Михаила Ѳеодоровича, Ѳеодора Алексѣевича), ни свидѣтельства памятниковъ (даже Котошихина).

2) Царь не присутствуетъ при обсужденіи закона въ Думѣ. Тогда составленіе закона и его санкція раздвояются. Законъ, обсужденный и составленный въ думѣ, восходитъ на утвержденіе царя. Въ 1636 г. дек. 15 царю Михаилу Ѳеодоровичу „докладывалъ думный дьякъ Михайло Даниловъ о помѣстныхъ и о вотчинныхъ статьяхъ, и госуд. царь и в. кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ въ Р. указалъ: тѣхъ статей слушать боярамъ, и что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложилъ себя, государя. И декабря въ 16 день бояре тѣхъ статей слушали, а что о которой статьѣ бояре приговорили, и о тѣхъ статьяхъ велѣли докладывать государя; и декабря въ 17 день госуд. царь и в. кн. Мих. Ѳ—чъ в. Р. слушалъ помѣстныхъ и вотчинныхъ статей и, что объ ихъ бояре приговорили, указалъ“. Что же онъ указалъ? Всѣхъ статей 14 и подъ каждою изъ нихъ подписано: „государь царь и вел. кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ в. Р. указалъ быть той статьѣ такъ, какъ бояре приговорили“. Но отъ рѣшенія одной статьи сами бояре отказались: „бояре говорили о той статьѣ доложить государю, какъ о той статьѣ государь укажетъ, а имъ, боярамъ, о томъ *приговаривать не можно*, потому что за ними за самими такія вотчины“. Государь рѣшилъ эту статью самостоятельно.—Вотъ цѣнный образецъ совокупной дѣятельности царя и думы при раздѣленіи моментовъ закон—ва: обсужденіе закона принадлежитъ думѣ, санкція—царю. И здѣсь мысль о томъ, что дума получаетъ приказъ, или порученіе отъ царя ad hoc и потому занимается законодательствомъ, не имѣетъ за себя никакихъ основаній: вышеприведенные факты показываютъ, что это ея постоянная функція. Приказаніе царя имѣетъ только то значеніе, что дума должна заняться этимъ дѣломъ *безъ него* и затѣмъ доложить ему.

3) Царь, не участвуя въ обсужденіи закона, даетъ впередъ полномочіе думѣ рѣшить вопросъ окончательно безъ послѣдующей санкціи; таковы законы, данные по формулѣ: „по указу в. государя бояре приговорили“ (П. С. З, № 14, 15, 16, 17, 682, 686 700—новоук. ст. 1677 г. и мн. др.).

Таковы формы *совокупности* законод. дѣйствій царя и думы. Но есть и (исключительные) факты *раздѣльности* (указанные выше).

ностію дѣла. Указъ 1609 года о холопствѣ данъ царемъ Шуйскимъ безъ бояр. приговора, но въ концѣ акта прибавлено: „и о томъ рекся государь говорить съ бояры". Боярскіе приговоры безъ цар. указовъ объясняются или полномочіемъ, даннымъ на этотъ случай боярамъ не только составить, но и утвердить законъ, или отсутствіемъ царя, или междуцарствіемъ. Полнота законодательной власти думы во время междуцарствія всего больше

Въ текстѣ нами высказаны нѣкоторыя соображенія для объясненія этой *раздѣльности*; между тѣхъ проф. Сергѣевичъ говоритъ, что нами представлено „объясненіе *самостоятельной* законодательной дѣятельности бояръ" (стр. 466). Нижеслѣдующія замѣчанія (надѣемся) не дадутъ мѣста такимъ недоразумѣніямъ. Если мы говоримъ, что законодательная дѣятельность принадлежитъ царю и думѣ въ *совокупности*, что при этой совокупности думѣ принадлежитъ *вспомогательная* роль, то о *самостоятельной* дѣятельности думы (кромѣ междуцарствія и малолѣтства царя), конечно, мы не говорили и не могли говорить.

Факты существованія отдѣльныхъ боярскихъ приговоровъ (рядомъ съ царскими указами) не подлежатъ сомнѣнію (см. выше); боярскіе приговоры, какъ отдѣльные акты, приняты въ числѣ источниковъ Уложеніемъ ц. А. М. Неужели же можно представить себѣ, что дума, безъ вѣдома царя, занялась когда-либо составленіемъ закона и затѣмъ, составивъ его и не увѣдомляя царя, публиковала и приводила въ исполненіе? Такой порядокъ не мыслимъ не только въ Московскомъ, но и ни въ какомъ государствѣ. Отдѣльные боярскіе приговоры предполагаютъ или *скрытую*, или *предполагаемую* санкцію царя. Выше былъ приведенъ фактъ засѣданія думы у патріарха Филарета, который, въ качествѣ „великаго государя", дѣлилъ съ царемъ и законодательную функцію. Патріархъ, несомнѣнно, присутствовалъ при составленіи закона; между тѣмъ въ текстѣ закона говорится, что „бояре приговорили". Какую же роль игралъ патріархъ, и зачѣмъ именно къ нему собирались въ этотъ день бояре для засѣданія? Очевидно, онъ (за царя) далъ санкцію закону, согласился съ мнѣніемъ бояръ. Между тѣмъ эта санкція въ изложеніи закона не выражена, просто потому что всѣмъ въ государствѣ извѣстно, что боярскій приговоръ безъ воли царя (или замѣняющаго его лица) не былъ бы объявленъ для исполненія.—Гораздо чаще были случаи приговоровъ съ *предполагаемою* санкцію царя. Масса законодательныхъ запросовъ (особенно по спеціальнымъ частямъ уголовнаго и гражд. права) идетъ въ думу ежедневно. Дума, не по порученію ad hoc., а по своей должности, разсматриваетъ ихъ. Неприсутствовавшій царь даетъ словесное согласіе на ея рѣшенія—и вотъ является боярскій приговоръ безъ санкціи царя, которая, однако, мыслится, какъ необходимый ингредіентъ закона. Затѣмъ боярскіе приговоры (безъ санкціи царя) являются вслѣдствіе общей *предварительной* санкціи; а именно: а) въ отсутствіе царя, каково было продолжительное удаленіе Іоанна IV въ Александровскую слободу; б) во время продолжительныхъ болѣзней царя, какъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ); в) сюда же относится малолѣтство царя и великаго князя (напр., Димитрія Донского, Василія Васильевича Темного и Іоанна IV—по смерти Елены), когда особое регентство не было учреждаемо. Изъ первыхъ двухъ случаевъ акты законодательной дѣятельности не дошли до насъ, но изъ эпохи малолѣтства Іоанна имѣемъ не мало актовъ. Такіе акты исходили съ титуломъ малолѣтняго великаго князя, но въ сущности были тодько боярскими приговорами. Дума „рѣшала дѣла внѣшнія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія—именемъ великаго князя и его матери", говоритъ Карамзинъ о малолѣтствѣ Іоанна IV (т. IX, 3). Во время малолѣтства Грознаго даны думою столь важные акты, какъ договоръ съ Ганзою, учрежденіе выборнаго (губнаго) суда во Псковѣ и нѣсколько др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дума пользуется полномочіемъ не только обсуждать законъ, но и утверждать и публиковать его (безъ послѣдующей санкціи).

указываетъ на думу, какъ на нормальный и постоянный элементъ законодательной власти, ибо во время междуцарствій дума не получала особыхъ полномочій регентства, а проявляла лишь въ отдѣльности и полнотѣ тѣ права, которыя принадлежали ей и при царяхъ.—Нѣкоторые слѣды дѣйствительныхъ противорѣчій между законодательною властію царя и думы замѣчаются только въ царствованіе Вас. Ив. Шуйскаго (см. Ук. кн. прик. хол., ст. V и прим. 32).

Относительно рѣшенія вопросовъ внѣшней политики такая же совмѣстная дѣятельность царя и думы съ конца XVI в. дополнялась еще участіемъ земскихъ соборовъ, которые, однако, часто ссылались на то, что

Мы относимъ сюда и акты *междуцарствія*. Пр. Сергѣевичъ выражается: „междуцарствіе къ дѣлу не относится. Отъ бояркой думы въ междуцарствіе нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ царской думѣ. Это *два совершенно разныхъ учрежденія*“ (стр. 466—467). Мы полагаемъ, что дума въ междуцарствіе не только „къ дѣлу относится“, но относится къ нему въ высшей степени. Это не два разныхъ учрежденія, а одно и тоже. Кто „учреждалъ“ особую думу во время междуцарствія? По самому понятію о междуцарствіи „учреждать“ было некому; боярская дума (которую почему-то предпочитаютъ титуловать „царская“, хотя она существуетъ не съ 1547 г.) ео ipso вступаетъ въ роль правителя, или, лучше сказать, продолжаетъ эту роль, усвояя тѣ стороны ея, которыя при царяхъ ей принадлежали лишь въ особыхъ случаяхъ, именно окончательно утверждать законы и давать высшія распоряженія. Лишь одинъ разъ (въ 1612 г.) приняли на себя эту роль вожди ополченія, но потому, что бояре всѣ разбѣжались изъ Москвы. Дума при наступленіи междуцарствія остается въ томъ же самомъ составѣ, въ какомъ была въ данную минуту (при царѣ) и не получаетъ ни отъ кого никакихъ новыхъ полномочій. Спрашивается: почему это? Отвѣтъ на это и указываетъ, какъ данное положеніе относится къ правамъ думы при царѣ. Единственно возможный отвѣтъ тотъ, что думѣ и при царѣ принадлежала та же власть (только въ совокупности съ царскою).

Таковы всѣ возможные случаи возникновенія боярскихъ приговоровъ безъ санкціи царской.

Съ другой стороны, существуетъ множество царскихъ указовъ безъ боярскихъ приговоровъ, что объясняется: а) тѣмъ, что царь въ дѣлѣ законодательства обладаетъ властію, которая не нуждается въ чужой санкціи, а нуждается лишь въ обсужденіи дѣла. Если же дѣло, по несложности, мѣстному или временному значенію, не требуетъ предварительнаго обсужденія, то царь отнюдь не стѣсненъ закономъ судебника и даетъ указъ безъ бояръ. Многіе изъ такихъ указовъ имѣютъ, впрочемъ, характеръ распоряженій, а не законовъ (см. ук. кн. зем. пр. II, III, VI, VIII, XI, XXI, XXVII, XXX, XXXV и др.).

б) Тѣмъ, что и здѣсь нерѣдко имѣетъ мѣсто обстоятельство, указанное относительно боярскихъ приговоровъ—именно участіе бояръ и предварительное обсужденіе закона въ думѣ скрываются въ общепринятой формулѣ царскаго указа: напр., въ указѣ 1558 года 11 янв. читаемъ: „посланъ прежде сего *царевъ и вел. князя указъ* въ старыхъ долгѣхъ“. Отсюда слѣдовало бы заключить, что царь далъ указъ одною своею властію безъ бояръ; но, къ счастью, самый указъ есть на лицо; это узаконеніе 1557 г. объ отсрочкѣ уплаты долговъ, а въ немъ читаемъ: „царь и вел. кн. Иванъ Васильевичъ в. Р. *приговорилъ съ боляры*“. Еще примѣръ: въ 1627 г. дек. въ 3 день данъ весьма важный законъ о жалованныхъ вотчинахъ съ помѣтами подъ каждою статьею: „указали государь и св. патріархъ“. Итакъ, дѣло, повидимому, обошлось безъ обсужденія въ думѣ. А между тѣмъ въ началѣ указа читаемъ: „царь и в. кн. Мих. Ѳедоровичъ и отецъ его государевъ..., *совѣтовавъ* о томъ въ крестной палатѣ, указали...“; съ кѣмъ же они со-

окончательное рѣшеніе этихъ вопросовъ, по обычаю, принадлежитъ царю и думѣ: „а на то дѣло ратное разсмотрѣніе твоего царскаго величества и твоихъ государевыхъ бояръ и думныхъ людей“, говорили духовныя власти на соборѣ 1642 г.—Необходимое участіе думы въ дѣлахъ этого рода выразилось въ постоянномъ учрежденіи т. н. „Отвѣтной палаты“ при думѣ: дѣльцы посольскаго приказа не могли сами вести переговоры съ иностранными послами; съ послами „въ отвѣтѣхъ (говоритъ Котошихинъ) бываютъ бояре“—два, окольничій одинъ или два, да думный посольскій дьякъ (V, 5).—Согласно съ этимъ фактическое участіе думы въ дѣлахъ внѣшней политики замѣчается постоянно съ древнихъ временъ: въ 1488 г. Іоаннъ III отказался выслушать цесарскихъ пословъ наединѣ безъ бояръ, чего тѣ требовали (Памятн. дипл. снош. I, стр. 1). Въ 1577 и 1578 гг. война за Ливонію рѣшена царемъ „со всѣми бояры“; въ 1586 г.—также война съ шведами.—Солидарность дѣйствій царя и думы и по этому вопросу столь же мало опровергается нѣкоторыми (весьма рѣдкими) случаями раздѣленія дѣйствій царя и думы: при Іоаннѣ III дума послала отъ себя грамоту Литовской радѣ (А. З. Р., I, № 192), но потомъ в. князь объяснилъ, что это онъ самъ „отъ своихъ бояръ написалъ“. Подобный же случай былъ въ 1580 г. (Ак. ист. I, № 206). Во времена междуцарствія и при самомъ началѣ правленія Мих. Ѳеодоровича дума, дѣйствительно, сносится съ иностранными государствами отъ своего имени (Собр. госуд. грам. и догов. III, № 24).

вѣтовали? Между собою? Но тогда зачѣмъ подробности: „въ крестной палатѣ“ (въ которой собирались бояре во время правленія Филарета Никитича)?

Указавъ случаи *раздѣльной* дѣятельности царя и думы, мы въ правѣ заключить, что эта раздѣльность *мнимая*, основанная всегда на предполагаемомъ согласіи воли царя и мнѣній думы. Такимъ образомъ совокупность дѣйствій царя и думы въ дѣлѣ творчества закона остается явленіемъ нормальнымъ, и постановленіе 98-й ст. Судебника есть законъ, постоянно исполнявшійся.

Такъ по закону и въ идеѣ. Но люди всегда люди: между ними возможны противорѣчія, несогласіе. Проф. Сергѣевичъ говоритъ: „нельзя придумать никакой формы совмѣстности, при которой не пришлось бы, въ случаѣ разногласія, кому-нибудь уступить“.

Позволимъ себѣ напомнить уважаемому ученому его схему отношеній вѣча къ князю, т. е. то идеальное „одиначество“, которое ежедневно нарушалось. Дѣйствительно, при противорѣчіи надо кому-нибудь уступить, и мы отнюдь не будемъ отрицать, что боярамъ м. б. не разъ приходилось уступать въ виду ясно выраженной воли царя; не беремся тоже утверждать, чтобы и царямъ (особенно такимъ, какъ Ѳедоръ Ивановичъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, Михаилъ Ѳедоровичъ въ нач. царствованія, да даже и такимъ, какъ Борисъ и Шуйскій—боярскіе ставленники) не приходилось никогда сознательно уступать боярамъ. Припомнимъ, что и при Іоаннѣ III случались рѣзкія „встрѣчи“, которыхъ умный государь не боялся и уважалъ.

Но уступчивость не есть всегдашній исходъ человѣческихъ столкновеній: бываютъ люди неуступчивые, какъ цари, такъ и бояре; были и такіе люди, какъ вел. кн. Василій Ивановичъ и царь Грозный. При такихъ отношеніяхъ, дѣйствительно, нельзя „придумать формы“ соглашенія. Государствовѣдамъ и историкамъ извѣстно, что такіе случаи столк-

Относительно суда и администраціи дума является не одною изъ инстанцій, а органомъ верховной власти, указывающій законъ подчиненнымъ органомъ. Судебныя дѣла восходили въ думу по докладу и по апеляціи (ук. 1694 г. въ Полн. собр. зак., № 1491). Въ томъ и другомъ случаѣ рѣшенія думы имѣютъ силу общаго закона (бо́льшая часть законовъ была дана по частнымъ случаямъ судебной практики, т. е. путемъ казуистическимъ). Для веденія текущихъ судебныхъ дѣлъ при думѣ (какъ сказано выше) учреждена въ XVII в. расправная палата изъ членовъ думы. Дума in corpore является собственно судебнымъ органомъ только тогда, когда судитъ въ качествѣ первой инстанціи, а именно—своихъ собственныхъ членовъ по дѣйствіямъ ихъ, какъ судей и правителей въ приказахъ, и по мѣстническимъ счетамъ: лишь иногда поручаются ей наиболѣе важныя дѣла по политическимъ преступленіямъ. Въ сферѣ администраціи думѣ (вмѣстѣ съ царемъ) принадлежало право назна-

---

новенія совокупно дѣйствующихъ элементовъ власти рѣшаются только борьбою. Мною выше была представлена исторія борьбы князя съ думою въ Землѣ Галицкой. Но и въ царелюбивой Москвѣ не все было тихо да гладко: цѣлый вѣкъ тянулась борьба государевой власти съ боярскою, при чемъ вел. князь прогонялъ бояръ, говоря; „иди, смердъ, прочь, ненадобенъ ты мнѣ“, и обходился иногда безъ думы; въ свою очередь бояре брали съ царей „записи“, чтобы имъ ничего не рѣшать безъ думы съ боярами. Первое осуждалось современниками, какъ нарушеніе права (обычнаго), второе удивляло и безпокоило народъ,—хотя здѣсь новаго было только *узаконеніе* (на письмѣ) извѣстнаго обычая. Историкъ права обязанъ выводить заключенія о *нормальномъ порядкѣ* не изъ этихъ эпохъ политическихъ бурь.

Въ обыденномъ теченіи законодательства столкновенія царя и думы отражались рѣдко, однако отражались; такова эпоха царствованія В. Ив. Шуйскаго, которая даетъ намъ очень поучительные примѣры въ этомъ отношеніи. Въ 1607 г. марта 7 царь Василій Ивановичъ „указалъ о добровольныхъ холопѣхъ“, т. е. постановилъ, что свободные слуги не отдаются въ кабалу своимъ господамъ противъ воли ихъ, сколько бы времени ни служили. Въ 1609 г. сент. 12 холопій приказъ объ этой же статьѣ, „которая въ 115 году въ Судебникъ приписана, въ Верху *боярѣ докладывали*, и бояре всѣ тотъ прежній приговоръ 115 года указали отставить, а приговорили“ руководствоваться закономъ Ѳедора Ивановича. Итакъ, царь далъ указъ безъ бояръ; черезъ два года дума безъ царя отмѣнила этотъ законъ. Въ 1608 г. февр. 25 судьи холопьяго приказа „*докладывали боярѣ* о разныхъ статьяхъ, и бояре, слушавъ статей, приговорили (подъ каждой статьей значится, какъ „бояре приговорили“); но въ тотъ же день тѣ же самые судьи почему-то объ одной статьѣ докладывали „государя царя“, и „государь сего докладу слушавъ и приказалъ“: бояре обошлись безъ царя, царь—безъ бояръ. Но царскій указъ опять не уцѣлѣлъ: въ 1609 г. мая 21 „государь приказалъ... сей приговоръ оставити“. При отмѣнѣ своего указа царь снова возвратился къ вопросу о добровольныхъ холопахъ, который, очевидно, его очень занималъ. Сдѣлавъ распоряженіе отдавать такихъ застарѣлыхъ слугъ ихъ господамъ, онъ оговорился, что распоряжается временно, до рѣшенія дѣла боярами; „о томъ рекся государь говорить съ бояры“. Очевидно, мы присутствуемъ при столкновеніи двухъ факторовъ законодательства, и побѣда остается далеко не на сторонѣ царя. Настойчивость обѣихъ сторонъ ведетъ къ замѣшательству въ законахъ и противорѣчію ихъ.

Повторяемъ, что не изъ такихъ ненормальныхъ явленій историкъ права извлекаетъ понятіе о законномъ порядкѣ: для него есть немало фактовъ, свидѣтельствующихъ о согласномъ участіи въ дѣлѣ законодательства царя и думы.

ченія центральныхъ и мѣстныхъ правителей (назначеніе и увольненіе городовыхъ воеводъ, судей въ приказахъ и полковыхъ воеводъ). Веденіе текущихъ дѣлъ управленія военнаго и помѣстнаго находилось подъ постояннымъ контролемъ думы, такъ какъ и самые приказы (разрядной и помѣстный) первоначально были только комиссіями думы.

в) Земскіе соборы.

Въ случаяхъ жизни государства наиболѣе важныхъ, съ пол. XVI до пол. XVII в., дѣятельность боярской думы дополнялась земскими соборами, имѣвшими то же значеніе при верховной власти (временно), какъ и боярская дума (постоянно). Впрочемъ въ первой пол. XVII в. и соборная дѣятельность является *постоянною*.

Возникновеніе зем. соборовъ. Земскіе соборы стоятъ въ связи съ вѣчемъ какъ по идеѣ (въ смыслѣ участія народа во власти), такъ и на фактѣ (соборы въ XVI и XVII вв. нерѣдко замѣняются вѣчемъ царствующ. гор. Москвы), но не состоятъ съ нимъ въ связи исторической послѣдовательности; по составу своему, вѣча и соборы—два явленія противоположныя (см. выше ст. 51—60). Въ исторической послѣдовательности соборы Моск. государства (подобно сеймамъ Литовско-Русскаго) стоятъ въ тѣсномъ соотношеніи съ боярскою думою въ ея распространенномъ составѣ. До установленія единодержавія великимъ князьямъ не приходилось созывать для совѣта подданныхъ; въ случаѣ общихъ предпріятій съѣзжались и совѣщались князья (напр., предъ общимъ походомъ противъ Мамая 1388 г.); въ первое время по установленіи единодержавія мѣстное населеніе было представляемо („естественно“) тѣми же князьями, уже служилыми, но жившими въ своихъ удѣлахъ, а также намѣстниками областей и епископами: „князь великій въ 1471 разосла по всю братью свою и по епископы земли своеа, и по князи и по бояре свои“... т. е. созвалъ ихъ для обсужденія вопроса о войнѣ съ Новгородомъ. При окончательномъ торжествѣ единодержавія, когда служилые князья уже толпились въ Москвѣ, созывать было некого, кромѣ лицъ духовныхъ. Духовные соборы не только дали форму и имя для будущихъ земскихъ соборовъ, но до нѣкоторой степени замѣняли собою эти послѣдніе. Въ то время, какъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ собранія князей и пановъ, включивъ въ себя простыхъ дворянъ, незамѣтно перешли въ сеймы (въ первой половинѣ XVI в.), въ Москов. государствѣ такія собранія признаны не вполнѣ отвѣчающими цѣли; и само населеніе и верховная власть въ XVI в. пришли къ мысли о необходимости присоединить къ боярской думѣ представителей всего населенія; тогда явился проектъ неизвѣстнаго лица созвать „вселенскій совѣтъ отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ“; представители должны засѣдать постоянно при царѣ, смѣняясь погодно; цѣль созыва: „да вѣдомо будетъ царю самому про все всегда“ и чтобы „скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы, и приказные люди и приближенныхъ своихъ отъ поминка (взяточничества), отъ посула и отъ всякія неправды“. Авторъ

проекта отнюдь не устраняетъ, однако, боярской думы („Бесѣда Валаамскихъ чудотворц.“ см. ст. проф. Павлова въ „Прав. Собесѣд.“ 1863 г. № 1). И въ эпоху зем. соборовъ засѣданія распространенной думы иногда смѣшиваются (иностранцами) съ земскими соборами какъ по названію, такъ и по сущности дѣла: такъ, Флетчеръ описываетъ подъ именемъ зем. собора засѣданіе распростр. думы (за что и подвергается незаслуженнымъ упрекамъ отъ нашихъ историковъ).

Исторія земскихъ соборовъ. *Первая эпоха (соборы XVI в.).* Іоаннъ IV, принявъ титулъ царя и вѣнчавшись на царство, рѣшился устроить государство, расшатанное боярскими смутами въ его малолѣтство. Это совпаденіе начала царской власти (высшей эпохи самодержавія) съ началомъ земскихъ соборовъ не есть фактъ случайный; но онъ отнюдь не означаетъ, что и наши земскіе соборы (подобно западно-европейскимъ парламентамъ) возникли вслѣдствіе борьбы сословій, что видно изъ того, что въ 1550 г. царь созвалъ „людей избранныхъ всякаго чина и состоянія“, въ томъ числѣ и высшаго. Онъ произнесъ имъ на площади рѣчь съ Лобнаго мѣста, прося народъ забыть неправды бояръ и обѣщаясь впредь „самъ“ быть судьею и обороною. Вѣроятно, это было только актомъ открытія собора, который потомъ занимался обсужденіемъ внутреннихъ дѣлъ государства (вслѣдъ затѣмъ, въ 1550—52 гг., послѣдовалъ рядъ большихъ реформъ и законодательныхъ актовъ). Во всякомъ случаѣ собраніе на площади показываетъ на тѣсную связь первыхъ соборовъ съ вѣчевою формою.

Въ 1566 г. во время войны съ польскимъ кор. Сигизмундомъ-Августомъ, когда начались неудачи, предстояло рѣшить вопросъ о томъ, принять ли (невыгодныя) условія мира, предложенныя Польшею. Царь созвалъ соборъ изъ духовенства (32 чел.), боярской думы (29 чел.), дворянъ (196), помѣщиковъ Торопецкихъ и Луцкихъ (9 чел.), какъ жителей пограничной спорной полосы, дьяковъ и приказныхъ (33 чел.), Московскихъ гостей и купцовъ (53); къ нимъ присоединены Смольняне (22), опять какъ знатоки мѣстности, служившей театромъ и предметомъ борьбы между Москвою и Литвою [1]). Соборъ, очевидно, неполный: въ немъ участвовали только лица, бывшія въ Москвѣ. Всѣ статьи собора единогласно высказались противъ уступокъ Польшѣ и слѣд. за продолженіе войны.—Въ 1584 году созванъ былъ соборъ избирательный, для рѣшенія вопроса о преемствѣ послѣ Грознаго, такъ какъ многіе хотѣли отстранить Ѳеодора, который и самъ не очень желалъ царствовать; впрочемъ, быть можемъ, этотъ соборъ былъ созванъ раньше, съ другою цѣлью, именно по вопросу объ уничтоженіи

---

[1]) По одной догадкѣ пр. Ключевскаго, здѣсь разумѣются московскіе купцы, которые „вели торговлю черезъ Смоленскъ“ (Рус. М. 1890, I, 171); по другой догадкѣ его же (Р. М. 1892, I, 164), здѣсь разумѣются смольняне, переведенные на жительство въ Москву; послѣдняя мысль вѣроятнѣе: нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно таковы; но трудно согласиться, что эти „смольняне“ суть та „суконная сотня“, которая впослѣдствіи является одной изъ высшихъ статей торговыхъ людей; „суконники“, какъ группа городскихъ жителей, извѣстны съ XV в.

привилегій (тарханъ); онъ состоялъ изъ духовенства, бояръ и дворянъ „отъ всѣхъ градовъ Москов. государства". Въ 1598 г. (съ 17 февраля) засѣдалъ соборъ, избравшій Бор. Годунова на царство и состоящій изъ 417 чел. (по счету пр. Ключевскаго, 512): духовенства (82), боярск. думы (42), стольниковъ (45), дьяковъ (10), дворянъ и др. служилыхъ (201); изъ нихъ выборныхъ городовъ 35), тяглыхъ людей (36—всѣ изъ гор. Москвы). Собору предшествовала попытка рѣшить вопросъ съ помощью Московскаго вѣча.—Въ 1605 г. при избрани Ѳеодора Борисовича соборъ замѣненъ вѣчемъ; соборъ того же года, осудившій Шуйскаго, и соборъ 1606 г., избравшій этого же Шуйскаго въ цари, не были земскими соборами, а засѣданіями думы бояр. съ участіемъ (въ рѣшеніи) гражданъ гор. Москвы. Собраніе 1610 г., низвергнувшее ц. Шуйскаго, было не земскій соборъ, а вѣче провинціальныхъ служилыхъ людей, скопившихся въ Москвѣ, съ насильственнымъ участіемъ патріарха и бояръ.

Вторая эпоха (соборы XVII в.). 1-ая сессія. При окончаніи смутъ временное правительство пригласило въ ноябрѣ 1612 г. выборныхъ отъ всѣхъ частей государства (даже Сибири) „крѣпкихъ и разумныхъ, по скольку пригоже"; они съѣхались въ нач. 1613 г.; 7 февраля послѣ долгихъ преній, состоялось избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова, который хотя 2 мая въѣхалъ въ Москву, а 11-го коронованъ, но соборъ не былъ распущенъ (существуютъ извѣстія, см. выше свидѣтельство Котошихина, что Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ „запись", подобную записи Шуйскаго); соборъ продолжалъ засѣдать и участвовать во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ актахъ 1613, 1614 и мож. б. 1615 года. Соборъ этотъ по всей справедливости можетъ быть названъ „великимъ" по полнотѣ его, важности совершенныхъ дѣяній и долговременности засѣданій; въ немъ участвовали и представители „уѣздныхъ людей", т. е. крестьянъ; всѣхъ городовъ, представленныхъ выборными, было 39 (по крайней мѣрѣ судя по подписямъ на избирательной грамотѣ царя, гдѣ содержится 255 подписей, но многіе подписались и за другихъ).—*2-я сессія.* Въ 1616 г. созванъ новый соборъ (призывъ данъ въ концѣ 1615 года), который также засѣдалъ нѣсколько лѣтъ (1616, 1617 и 1618 г.), занимаясь какъ внутренними дѣлами (сборомъ денегъ въ государ. казну, мѣстничествомъ), такъ и внѣшними (о мѣрахъ защиты Москвы отъ нашествія Владислава—въ засѣданіи 9 сентября 1618 г.); въ немъ, кромѣ бояръ, дворянъ и духовенства, участвовали выборные отъ посадскихъ людей „всѣхъ городовъ".—*3-я сессія.* Въ 1619 году находимъ новый соборъ, участвовавшій въ избраніи патріархомъ Филарета Никитича и сдѣлавшій весьма важное распоряженіе о новой описи государства, о прикрѣпленіи посадскихъ людей; онъ же создалъ учрежденіе для разбора жалобъ на „сильныхъ людей" и, наконецъ, рѣшилъ произвести выборы для новой соборной сессіи.—*4-я сессія.* На этотъ соборъ велѣно выбрать въ уѣздахъ изъ духовенства 1 или 2-хъ, изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ и изъ посадскихъ людей по 2 чел.; соборъ созванъ былъ къ 1 октября, а затѣмъ открытіе его отсрочено до 6 декабря. Въ 1620 г. этотъ соборъ занимался дѣлами

текущаго законодательства (объ утайкѣ помѣстій, о справкѣ ихъ за женихами вдовъ и дѣвицъ: см. ук. кн. пом. прик. III, 8 и 12), а въ 1621 году рѣшилъ важный вопросъ внѣшней политики о заключеніи союза съ шведами, турками и татарами противъ Польши и распорядился о разборѣ служилыхъ людей; въ исполненіе этихъ рѣшеній были посланы отъ собора грамоты въ провинціи для всенароднаго оповѣщенія.—*5-я сессія.* 1622—1632-й годы составляютъ пробѣлъ въ соборной дѣятельности (а мож. б. въ нашихъ свѣдѣніяхъ о соборахъ). Въ 1632 г., по смертн кор. Сигизмунда III, Московское правительство начало войну съ Польшею; въ то же время мы находимъ и зем. соборъ въ Москвѣ (неизвѣстно, когда созванный, но, по всей вѣроятности, еще до войны и рѣшившій войну); онъ засѣдалъ и въ 1633 и 1634 г.; главными его актами было вотированіе экстраординарныхъ налоговъ на войну („пятой деньги"), вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ правительства о томъ.—*6-я сессія.* 17 декабря 1636 г. были посланы въ города грамоты о призывѣ дворянъ и дѣтей бояр. по 6 чел. отъ уѣзда „для государева и земскаго дѣла" (впослѣдствіи на этомъ соборѣ участвовали также и „гости, и торговые всякіе жилецкіе люди"; въ дек. 1637 г. соборъ рѣшилъ вопросъ о защитѣ отъ Крымскаго хана (который намѣревался напасть на Москов. государство по поводу взятія казаками Азова) и назначилъ средства для этой войны. Быть можетъ, къ этому же собору относится мнѣніе духовенства о мщеніи Крымцамъ за оскорбленіе Московскихъ пословъ. Крымскій ханъ, однако, не напалъ и войны не было. Зато турки рѣшились отнять у казаковъ взятый ими Азовъ; хотя войско ихъ не успѣло отнять этого города, но Донцы видѣли впереди невозможность удержаться собственнымн силами и обратились къ Москов. правительству.—Тогда созвана *7-я сессія* 1642 г. (которая, впрочемъ, б. мож., засѣдала и раньше, такъ какъ при приближеніи турецкаго посла къ Москвѣ некогда было созывать выборныхъ); на соборѣ не участвовали выборные отъ провинціальныхъ посадовъ; всѣхъ членовъ собора насчитываютъ 195. Ему предложено было: 1) принять ли Азовъ отъ казаковъ, и, слѣд., воевать ли съ турками? 2) гдѣ взять для этого ратныхъ людей и денегъ? Всѣ чины собора высказались за войну; но всѣ въ то же время заявили о крайнемъ истощеніи государства; правительство не захотѣло эксплоатировать общаго патріотизма и поступило по смыслу (хотя скрытому, но истинному) соборнаго рѣшенія, т. е. отказалось отъ войны. При этомъ чины собора, каждый по своей части, представили вниманію царя множество внутреннихъ неурядицъ и средствъ исправленія ихъ.

Соборы при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ. По смерти ц. Михаила въ 1645 г. созванъ соборъ для избранія преемника ему (по два челов. отъ города дворянъ и посадскихъ людей); по свидѣтельству Олеарія, Михаилъ умеръ 12-го іюля, а 13-го уже бояре и народъ привѣтствовали царемъ его сына; если такъ, то новый соборъ созывать было некогда; но по свидѣтельству Котошихина, по смерти Михаила „мало времени минувши... на царство обрали сына его", что вѣроятнѣе.—Въ 1646—1647 гг. долженъ былъ засѣдать другой земскій соборъ (если только не продолжался тотъ

же избирательный—1645), который рѣшилъ привести законы государства въ общій кодексъ и дополнить ихъ. Въ исполненіе этого лѣтомъ 1648 г. царь и дума рѣшили созвать Москов. служилыхъ чиновъ по 2 чел., а также изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ большого уѣзда—по два, отъ малыхъ городовъ и отъ Новгородскихъ пятинъ—по 1, изъ гостей и привилегированныхъ сотенъ—по 2, изъ черныхъ сотенъ и изъ посадовъ по 1,—для обсужденія проекта Уложенія, составленнаго особою комиссіею. На подлинникѣ Уложенія подписалось 315 чел., но нѣкоторые члены (по крайней мѣрѣ—25) не подписались на немъ; выборные представляли собою 119 городовъ. Выборные были созваны къ 1 сентября; но нѣкоторые явились раньше и вошли въ составъ комиссіи, выработавшей проектъ Уложенія. Общія засѣданія начались съ 3 октября и продолжались въ 1649 г. (вѣроятно) до весны. Соборъ разсмотрѣлъ и утвердилъ проектъ уложенія, дополнилъ его новыми узаконеніями (преимущественно касавшимися правъ духовенства и быта посадскихъ людей); поэтому кодексъ 1649 года правильно носитъ наименованіе *Соборнаго* Уложенія.—Въ 1650 г. состоялся (соборъ) объ усмиреніи бунта въ Псковѣ. Въ 1651 г. созваны были въ городахъ (извѣстно о 44-хъ гор.) выборные дворянъ (по 2) и посадскихъ (по 2 же) къ сборному воскресенью по вопросу объ отношеніяхъ къ Польшѣ при возстаніи Богдана Хмельницкаго; засѣданія начались съ 19 февраля. Рѣшенія собора (кромѣ мнѣнія духовенства) неизвѣстны.—По тому же вопросу засѣдалъ соборъ 1653 г., изъ дѣятельности котораго сохранилось только торжественное рѣшеніе о принятіи Малороссіи, состоявшееся 1 октября, но онъ, несомнѣнно, засѣдалъ и раньше („въ прошломъ 161 году говорено на соборехъ", т. е. до 1 сентября 1653 г.).

Упадокъ и прекращеніе созыва земск. соборовъ. Послѣ 1653 года царь Алексѣй до своей смерти 1676 года не созывалъ соборовъ (комиссія экспертовъ 1660 г. торговыхъ людей гор. Москвы о причинахъ дороговизны въ гор. Москвѣ не есть соборъ, такъ равно и другія подобныя комиссіи 1667, 1672 и 1676 гг.). Причины ослабленія соборной дѣятельности въ пол. XVII в. заключаются въ томъ, что изданіе Уложенія надолго успокоило новые законодательные запросы, и въ томъ, что съ 1654 года начался рядъ безпрерывныхъ войнъ за Малороссію съ Польшею и Швеціею. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1681—82 гг. созванъ былъ полный и весьма важный соборъ, раздѣленный на двѣ палаты: служилыхъ и тяглыхъ людей (съ участіемъ крестьянъ), по вопросамъ о полной реорганизаціи этихъ двухъ классовъ. Результатомъ дѣятельности собора было уничтоженіе мѣстничества (12 января 1682 года); можетъ быть, тотъ же соборъ былъ призванъ къ избранію преемника Ѳеодору. Это былъ послѣдній соборъ (верховный судъ надъ Софью 1697 года есть *судъ*, а не соборъ).

Причина прекращенія созыва соборовъ заключается въ реформаторскомъ направленіи дѣятельности правительства, въ которой оно не надѣялось найти сочувствія и поддержки населенія.

Составъ и засѣданія земскаго собора. Земскіе соборы суть учрежденія *представительныя;* этимъ составъ ихъ отличается отъ состава древняго вѣча; поэтому вѣчевыя собранія гор. Москвы (1598, 1605, 1606, 1610 и 1682 гг.) не могутъ б. названы „фиктивными соборами". Но зем. соборъ есть не только представительное собраніе. Подобно тому, какъ вѣче, будучи народнымъ элементомъ власти, въ то же время заключало въ себѣ и князя и думу,—земскій соборъ не есть элементъ власти противоположный власти царской и бояр. думы: онъ есть органъ власти общеземскій, включающій въ себя и царя и думу; эти три *части собора—существенныя и органическія*, отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ. Что касается до участія *царя*, то избирательные соборы не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія: власть царская представляется въ этомъ случаѣ лицомъ, замѣняющимъ государя (патріархомъ или думою—въ качествѣ временнаго правительства). На прочихъ соборахъ царь обыкновенно присутствуетъ (1618, 1621, 1653 гг.), или замѣняетъ себя лицомъ уполномоченнымъ (1682 г.).—*Боярская дума* есть составная часть собора—столь же необходимая: въ 1613 г. выборные, съѣхавшись въ Москву, не приступили къ засѣданіямъ, пока не соберутся бояре, разсѣявшіеся изъ Москвы. Но боярская дума на соборѣ отличается отъ обыкновенной постоянной думы; на соборѣ она является (въ возможно полномъ составѣ), т. ск., верхнею палатою собора, и представляетъ собою не интересы какого-либо класса (бояръ); мнѣнія ея уравновѣшиваются съ мнѣніями всѣхъ прочихъ статей собора (соборъ 1648—49 гг.; рѣшеніе собора 1682 г. внесено потомъ на обсужденіе думы). То же нужно сказать и о *соборѣ духовенства*, который представляетъ на земск. соборахъ не интересы духовенства (какъ сословія), а интересы церкви въ государствѣ и общегосударственные. Третья составная часть собора, или земскій соборъ въ тѣсномъ смыслѣ, состоитъ изъ представителей. Представительство мож. б. свободнымъ и естественнымъ (безъ выбора): представителями стрѣльцовъ были ихъ головы и сотники, представителями черныхъ сотенъ и слободъ—ихъ старосты и соцкіе. За этими исключеніями, всѣ остальные представители были свободные (выборные)[1]. На соборѣ были представляемы *классы* и *мѣстности* государства (сословій въ Москов. государствѣ не существовало). Классное начало преобладало въ высшихъ чинахъ государства: такъ, высылаемы были особые представители стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, дьяковъ. Въ остальномъ составѣ преобладаетъ *территоріальное* начало. Что касается до классовъ, представляемыхъ на зем. соборахъ, то это были разные разряды служилыхъ и тяглыхъ людей (кромѣ упомянутыхъ: стрѣльцы, дворяне Московскіе, дворяне и дѣти боярскіе городовые, казаки, мурзы татарскіе, гости и

[1]) Можно согласиться съ проф. Ключевскимъ, что на соборахъ *XVI в.* начало выбора представителей уступало порядку призыва извѣстныхъ лицъ самимъ правительствомъ отъ классовъ, корпорацій и мѣстностей.

торговые люди, члены черныхъ сотенъ и посадовъ, крестьяне). По двумъ основнымъ классамъ (служилому и тяглому) соборъ раздѣлялся только въ 1682 г., что означало уже наступленіе сословнаго строя въ будущей имперіи. О выборѣ представителей духовенства упоминается только на соборѣ 1618 г. Не на всѣхъ соборахъ были представлены всѣ эти классы. Постоянно созываемы были (кромѣ высшихъ классовъ) дворяне и дѣти боярскіе. Посадскіе люди провинцій нерѣдко не созываются: ихъ замѣняютъ торговые и черные люди города Москвы (1598, 1642 г. и др. гг.). О призывѣ крестьянъ извѣстно только относительно двухъ соборовъ: 1613 и 1682 г.; но такъ какъ городское тяглое населеніе не вполнѣ отдѣлилось еще отъ сельскаго („Земская изба“ была общимъ органомъ управленія тяглецовъ уѣзда), то выборные посадскіе представляли и уѣздныхъ людей. Непризваніе того или другого класса не дѣлаетъ собора *неполнымъ*.—Что касается территоріальнаго начала, то государство заботилось, чтобы на соборахъ были представлены, по возможности, всѣ части государства; при медленности высылки депутатовъ изъ какой-либо провинціи посылались подтвердительныя грамоты; только самыя отдаленныя страны (Сибирь; но въ 1613 г. призвана и Сибирь) исключались изъ призыва, Съ XVII в. участвуютъ и Донскія казачьи общины. Судя по дошедшимъ до насъ памятникамъ, въ 1613 г. было представлено 39 уѣздовъ (смутное время помѣшало многимъ явиться на соборъ), въ 1648 г.—119 уѣздовъ. Неприбытіе депутатовъ изъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ не дѣлаетъ собора неполнымъ. Вообще терминъ „неполный соборъ“ не долженъ быть употребляемъ въ исторіи организаціи земскихъ соборовъ. Соборъ можетъ быть только болѣе или менѣе полнымъ, но если собравшіеся чины въ достаточной мѣрѣ представляютъ мысль и волю земли, то онъ—соборъ—законный; если же это сборище незаконное по составу и созыву (1610 г.), то—вовсе не земскій соборъ.

Право призыва зем. соборовъ принадлежитъ царю или той власти, которая замѣняла его во время междуцарствія — патріарху и бояр. думѣ (соборы 1598, 1645 гг.), или временному правительству (1613 г.). Впрочемъ и при царѣ *инициатива созыва* новаго собора могла исходить отъ боярской думы и предшествующаго зем. собора (1620. 1648 гг.). *Сроки созыва* не были опредѣлены: до и послѣ Михаила Ѳеодоровича соборы созываемы были для рѣшенія возникающихъ вопросовъ; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1613—1622 гг.) соборы засѣдали постоянно, время отъ времени обновляясь лишь новыми выборами.

Способъ созыва для провинцій былъ таковъ: отъ власти призывающей посылаемы были грамоты на имя мѣстныхъ воеводъ; въ нихъ указывалось обыкновенно число вызываемыхъ, срокъ прибытія ихъ къ Москвѣ и (рѣдко) цѣль созыва. Грамота должна быть прочитана въ главной мѣстной церкви въ присутствіи избирателей.

Избирательными округами были тогдашніе *уѣзды*, весьма неравные по пространству и населенности; въ избирательномъ отношеніи они дѣлились на большіе и малые; отъ первыхъ требовалось бо́льшее число

выборныхъ, чѣмъ отъ вторыхъ; въ Новгородской землѣ избирательнымъ округомъ ея была каждая пятина.

Избирателями (какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ) были, конечно, главы семействъ, домохозяева.

Для *избираемыхъ* не полагается имущественнаго *ценза* (иногда прямо предписывалось выбирать „лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей"—на соб. 1642 г., или „изъ лучшихъ и среднихъ"—на соб. 1616 г., а эти разряды различались по имущественной состоятельности). Нравственный цензъ обозначается въ призывныхъ грамотахъ терминами: „крѣпкихъ, разумныхъ, добрыхъ, постоятельныхъ," знающихъ народныя нужды и тѣсноты и умѣющихъ разсказать о нихъ,—людей, которымъ „государевы и земскіе дѣла за обычай".

Число выборныхъ б. ч. обозначалось въ призывныхъ грамотахъ, но иногда говорилось въ нихъ „сколько пригоже", предполагалось желаніе правительства, что, чѣмъ больше будетъ выслано, тѣмъ лучше. Высшіе служилые чины (стольники, жильцы и пр.) участвовали на соборахъ въ большомъ числѣ, почти поголовно (соб. 1598 г.), но потомъ и отъ нихъ требовалось выслать по 2 чел. отъ разряда (1648 г.); по стольку же требовалось отъ дворянъ городовыхъ каждаго уѣзда; отъ духов. по 1 или по 2; отъ гостей и привилегировныхъ сотенъ отъ 2 до 5; отъ посадскихъ людей б. ч. по 1 отъ посада (за исключеніемъ 1619 г., когда велѣно выслать по 2; отъ большихъ посадовъ и всегда требовалось по 2). Этими цифрами обозначается не maximum, а minimum требуемыхъ; классы и округи могли высылать и больше этого числа (въ 1648 г. Мценскъ вмѣсто 2 выслалъ 5, Рязань—8). Но обыкновенно города высылали менѣе требуемаго числа.—Общее число всѣхъ членовъ собора колебалось: 450—195 чел. (см. выше).

Способъ выбора. Хотя правительство требовало, чтобы выборы были произведены самимъ населеніемъ, но воеводы, непремѣнно обязанные выслать требуемое число, иногда распоряжались сами, особенно при малочисленности группъ избирателей (нѣкоторые получали за то выговоры, другіе нѣтъ). За избирателями-дворянами воеводы посылали пушкарей и др. прислугу въ уѣзды и нерѣдко съ трудомъ собирали ихъ. Избраніе производились дворянами въ съѣзжей избѣ, тяглыми—въ земской (судя по аналогіи другихъ выборовъ). Хотя каждый классъ естественно избиралъ изъ своей среды, но при маломъ числѣ избирателей можно было послать служилаго вмѣсто тяглаго (соб. 1651 г.), лишь бы было выполнено требуемое число, т. е. уѣздъ былъ представленъ надлежащимъ обр. Избиратели составляли письменный актъ избранія и давали выборнымъ *инструкціи*—наказы (такъ было предписано въ 1612 г.)—и снабжали ихъ содержаніемъ („запасомъ"). Впрочемъ, дворяне получали и жалованье отъ казны.—Выборные должны были явиться въ Москвѣ въ особую комиссію (изъ думныхъ дворянъ и дьяковъ) для повѣрки ихъ полномочій.

Засѣданія собора состояли: 1) изъ акта открытія собора (послѣ торжественнаго богослуженія въ Успенскомъ соборѣ, какъ на соб. 1653 г.)

и изъ перваго общаго собранія чиновъ во дворцѣ, гдѣ прочитывалась рѣчь или самимъ царемъ, или отъ его имени думнымъ дьякомъ. Сюда собирались иногда не всѣ депутаты, а избранные изъ ихъ среды (1642 г.). Въ рѣчи излагались поводы созыва собора и ставились вопросы для обсужденія (1642 г.); въ ней же иногда содержался отчетъ въ дѣйствіяхъ правительства, совершенныхъ по рѣшеніямъ прошлаго собора (1634 г.). Письменные экземпляры рѣчи раздаются потомъ каждой статьѣ собора.

2) Вторая часть соборныхъ засѣданій состоитъ изъ обсужденія предложенныхъ вопросовъ, для чего соборъ дѣлится на свои составныя части: обыкновенно и чаще всего по *разрядамъ* служилыхъ и тяглыхъ людей, а именно: на бояр. думу, соборъ духовенства, собраніе стольниковъ, московскихъ дворянъ, стрѣльцовъ; собраніе городовыхъ дворянъ, самое многочисленное, подраздѣлялось для удобствъ обсужденія „на статьи“ (4 на соб. 1642 г.), собраніе гостей и депутатовъ торговыхъ людей, черныхъ сотенъ, слободъ и посадовъ (всего 11 статей на соб, 1624 г.).—Иногда соборъ дѣлится по своимъ органическимъ частямъ на двѣ палаты: бояр. думу и собраніе представителей (1648—9 г.); иногда—на двѣ же палаты по двумъ главнымъ классамъ: служилому и тяглому (1682 г.). Каждая статья разсуждаетъ отдѣльно и подаетъ свое (письменное) мнѣніе, какъ скоро обсужденіе закончено. Каждый членъ собора могъ подать отдѣльное мнѣніе.

3) Сводъ мнѣній и постановка рѣшенія дѣлается во второмъ общемъ собраніи; источники не указываютъ его, но оно необходимо предполагается въ соборахъ избирательныхъ (не только по главному вопросу—избранію, но и по текущимъ дѣламъ, какъ на соб. 1613 г.) и всѣхъ тѣхъ, гдѣ требовалась подпись рѣшеній соборами (напр., подпись Уложенія 1649 года). Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ соборахъ неизбирательныхъ выводъ рѣшенія принадлежитъ царю съ боярской думой (соб. 1642, 1682).

Продолжительность соборныхъ сессій не можетъ б. опредѣлена потому, что соборы созываемы были то по одному извѣстному вопросу (1566, 1598, 1642, 1645, 1650, 1651, 1653, 1682 гг.), то для постояннаго обсужденія текущихъ вопросовъ законодательства и политики (1613, 1616, 1620, 1632 гг.); послѣднія засѣдали приблизительно около 3-хъ лѣтъ каждый.

Права и значеніе земскихъ соборовъ. Права земскихъ соборовъ, подобно правамъ власти царя и бояр. думы, не были установлены и опредѣлены закономъ (грамота при избраніи Владислава не получила силы закона, а запись ц. Мих. Ѳеодоровича намъ неизвѣстна); права соборовъ постепенно укрѣплялись *обычаемъ:* уже при Ѳедорѣ Іоановичѣ бояре отвѣчали посламъ польско-литовскимъ: „это дѣло (заключеніе вѣчнаго мира) великое; государю нашему надобно совѣтоваться о томъ со всею землею: сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею“ (Соловьевъ: „Ист. Рос.“ VII, 274); хотя поляки выражали недовѣріе къ такому новому для Москвы обычаю, но они вскорѣ убѣдились въ дѣйствительности его, когда самому Владиславу пришлось утверждать законода-

тельную власть соборовъ, и когда его собственное избраніе оказалось несостоявшимся потому, что онъ (подобно Шуйскому) не былъ избранъ всею землею. При осадѣ Смоленска Сигизмундомъ, русскіе послы не хотѣли дать приказъ о сдачѣ города „безъ совѣта со св. патріархомъ, боярами и со всѣми людьми".

По мѣрѣ укрѣпленія существованія соборовъ обычаемъ, и ихъ государственная роль изъ фактической становилась правомѣрною, изъ б. или м. пассивной—активною, укрѣпляясь волею самихъ государей.—По отношенію правъ соборовъ къ правамъ власти царя и думы нельзя именовать соборы ни совѣщательными, ни законодательными учрежденіями: соборъ есть учрежденіе нераздѣльное съ двумя первыми властями; рѣшенія его или принадлежали только ему съ думою боярскою (соборы избирательные и соборъ 1613 г. въ безгосударное время), или слагались изъ мнѣній собора и думы и воли царя (всѣ эти власти входятъ въ составъ собора; см. выше). Впрочемъ, по различнымъ вопросамъ госуд. жизни права собора были неодинаковы, а именно:

1) По вопросу объ *избраніи новаго государя*, хотя право рѣшенія принадлежитъ совмѣстно думѣ и собору, но главное значеніе въ немъ принадлежитъ собору, такъ что избраніе одною думою считается незаконнымъ (избраніе Шуйскаго и Владислава); Борисъ Годуновъ не довольствовался избраніемъ въ думѣ и на Московск. вѣчѣ; при избраніи Шуйскаго народъ заявилъ, что „слѣдуетъ разослать во всѣ города Московскаго государства грамоты, чтобы изъ всѣхъ городовъ съѣзжались въ Москву выборные люди для царскаго обиранія". По сверженіи Шуйскаго были разосланы грамоты въ города о высылкѣ депутатовъ для избранія государя (но соборъ не состоялся). Въ самомъ концѣ періода (1682), когда патріархъ предложилъ думѣ вопросъ, кому изъ двухъ царевичей (Іоанну или Петру) быть царемъ, то члены думы отвѣчали: это должно быть рѣшено людьми всѣхъ чиновъ Московск. государства. Соборы избирательные были слѣд.: 1584, 1598, 1613 и 1645 гг.

2) *По дѣламъ внѣшней политики.* Выше приведены слова бояръ польскимъ посламъ при Ѳеодорѣ Іоан. и отвѣтъ русскихъ пословъ полякамъ, свидѣтельствующій о томъ, что, по мнѣнію думы и населенія, важнѣйшія внѣшнія дѣла должны рѣшаться по совѣщанію съ думою и соборомъ. Вопросы о войнѣ и мирѣ разрѣшались соборами 1566, 1613, 1618 1632, 1637, 1642, 1651 и 1653 гг. Изъ нихъ наиболѣе активное значеніе въ данномъ вопросѣ обнаружилось на соборѣ 1637 г., рѣшеніе котораго было опубликовано въ такой формѣ: „Мы, вел. гос., *приговорили на соборѣ* съ патріархомъ и съ властьми, и съ бояры и со всякими чинми людми... противъ недруга нашего Крымскаго царя стоять со всѣми ратными людьми" (значеніе собора 1642 г. указано выше).

3) *По вопросу о наложеніи новыхъ податей*, тѣсно связанному съ предыдущимъ, обнаруживается наиболѣе активное значеніе соборовъ. На соборѣ 1634 г. государь, прося назначить новый экстраординарный налогъ

(5-ю деньгу), говорилъ такъ: „И вамъ бы властямъ и всему освященному собору, боярамъ и всѣмъ служилымъ и приказнымъ людемъ, видя такихъ злыхъ враговъ (Польши) злое умышленіе на Московск. государство... на жалованье ратнымъ людемъ дать денегъ. А гостямъ бы и всякимъ тяглымъ людемъ дати съ животовъ и съ промысловъ своихъ пятую деньгу, чтобъ вашимъ вспоможеньемъ истинная наша непорочная и православная христіанская вѣра и св. Божія церкви отъ такихъ враговъ Божіихъ въ цѣлости были... А то ваше нынѣшнее прямое даяніе пріятно будетъ самому Содѣтелю Богу. А государь... то ваше вспоможенье учинитъ памятно и николи не забытно и впередъ учнетъ жаловати своимъ государскимъ жалованіемъ во всякихъ мѣрахъ". Вопросы о налогахъ рѣшаемы были соборами 1613—15, 1616—1619, 1632, 1634, 1642 гг.—Зем. соборы въ безгосударное время и въ первую половину царствованія Мих. Ѳеодоровича принимали постоянное участіе во многихъ прочихъ частяхъ внутренняго управленія; нѣкоторые же созываемы были именно для установленія внутренняго порядка (соб. 1650 г.).

4) Въ дѣлѣ *законодательства* собору принадлежитъ такое же значеніе, какъ и боярской думѣ, т. е. законъ (предложенный собору) является результатомъ совокупной воли царя и собора; такой законъ носитъ техническое наименованіе „соборнаго уложенія": „въ государевѣ указѣ и въ уложеньѣ съ собору 128 г. написано" (о помѣстьяхъ: Ук. кн. пом. прик. III, 12). Отдѣльныя узаконенія издаваемы были соборами временъ Мих. Ѳеодоровича много разъ (соб. 1613, 1619, 1620 гг.); но главнѣйшая законодательная роль принадлежитъ собору 1648—1649 гг., созванному царемъ и думою для того, „чтобы царственное и земское дѣло (изданіе общаго кодекса) со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великіе дѣла по нынѣшнему его *государеву указу и соборному уложенію* впредь были ничѣмъ нерушимы" (предисл. къ Улож. ц. Ал. Мих.). Уложеніе 1649 г. было отчасти составлено и все въ цѣломъ разсмотрѣно и утверждено земскимъ соборомъ.

5) Важнѣйшее значеніе соборовъ заключается, однако, не въ исчисленныхъ частныхъ видахъ правительственной и законод. дѣятельности, а въ непосредственномъ сближеніи чрезъ нихъ царской власти съ народомъ: чрезъ нихъ царь имѣлъ полную возможность узнать нужды и желанія народа (иногда вызываемы были выборные именно для того, чтобы „разсказать про неправды и разоренія"; см. выше о созывѣ соб. 1620 г.); съ друг. ст., подданные имѣли вѣрное средство ознакомить съ ними власть. *Право петицій* принадлежало въ Московск. государствѣ и отдѣльнымъ лицамъ и классамъ, но только петиціи соборныя могли имѣть значеніе непререкаемаго голоса всей земли. Не имѣя нужды и возможнности раздѣлять свое благо отъ блага подданныхъ, государи только и нуждались въ томъ, чтобы не впасть въ заблужденіе въ распознаваніи этого блага. Въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ право соборныхъ петицій является правомъ законодательной иниціативы (представленія проектовъ закона) и правомъ контроля надъ дѣятельностью правительственныхъ органовъ. Выше было

сказано, что реформы Грознаго могутъ б. приписаны заявленіямъ собора 1550 г., что мысль объ изданіи общаго закона (Уложенія) вызвана просьбою зем. собора. Соборы постоянно пользовались своимъ правомъ заявленія даже и тогда, когда вопросъ, предложенный для рѣшенія, повидимому, не вызывалъ ихъ; именно въ этомъ отношеніи соборъ 1642 г. долженъ быть признанъ однимъ изъ важнѣйшихъ: на немъ (разсуждая о войнѣ съ Турціею) дворяне въ рѣзкихъ выраженіяхъ указываютъ на беззаконную дѣятельность и обогащеніе дьяковъ, требуютъ уравненія податей и повинностей съ имуществъ бояръ и духовенства, требуютъ контроля надъ расходованіемъ государств. суммъ. Другіе ссылаются на то, что они „разорены пуще Турскихъ и Крымскихъ басурмановъ Московскою волокитою и отъ неправдъ и неправедныхъ судовъ". Гости указываютъ на невыносимую тягость податей, на вредъ для государства отъ торговыхъ привилегій иноземцамъ и на то, что „торговые люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ" (задержанія и насильства въ проѣздахъ), и напоминаютъ, что „при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали (выборные) губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было".—Подобныя заявленія вели къ изданію узаконеній и распоряженій, которыя, хотя даны безъ соборовъ, но по справедливости должны быть приписаны всѣ соборной дѣятельности. Царь издавалъ, напр., такія распоряженія: „вѣдомо намъ учинилось, что въ городахъ воеводы и приказные люди... всякимъ людемъ чинятъ насильства и убытки, и продажи великія и посулы и кормы емлютъ многіе"; царь приказываетъ земскимъ людямъ не давать взятокъ воеводамъ, не продавать имъ ничего, кромѣ съѣстного, не давать имъ даровой прислуги, не пахать на нихъ пашни и пр. (А. А. Э. III, 111).

Вообще земскіе соборы Москов. государства указываютъ на тотъ же древній характеръ русскаго государ. права, который въ I-мъ періодѣ обозначается терминомъ „одиначества" всѣхъ формъ власти.

Г. Управленіе.

1) Центральное управленіе.

Исторія его. *Эпоха 1-ая* (XIV и перв. полов. XV в.). Земская система органовъ центральн. управленія (см. выше стр. 76—78) уничтожается въ Москов. государствѣ довольно рано: въ 1374 г. „сент. 17 представися на Москвѣ послѣдній тысячскій Василей Васильевъ сынъ Протасьевича въ черньцехъ и въ схимѣ"; въ 1375 г. сынъ его бѣжалъ въ Тверь къ князю Михаилу „со многою лжею и льстивыми словесы на христіанскую пагубу" (т. е. отъѣхалъ, оскорбленный отнятіемъ наслѣдственныхъ правъ на должность тысяцкаго); въ 1379 г. „авг. 1, во вторникъ, до обѣда, потятъ бысть (усѣченъ) мечемъ на Кучковѣ поли Иванъ Васильевъ сынъ тысячьского въ Москвѣ, повелѣніемъ в. кн. Дмитрія Ивановича".

Оставались лишь органы вотчиннаго (или *дворцоваго*) управленія. При маломъ объемѣ княжествъ, князь управляетъ *лично* самъ при помощи своихъ приказчиковъ, а именно: тіуновъ (дворскаго), казначеевъ и дьяковъ. Съ усложненіемъ дѣлъ (при расширеніи границъ княжества) въ дворцовомъ управленіи различаются уже вѣдомства—*пути*; сокольничій, конюшій, ловчій, стольничій, чашничій и др.—Впрочемъ для дѣлъ судныхъ въ самой Москвѣ были *намѣстники*: одинъ „большой", и два—„третники" (назначенные вслѣдствіе общаго участія потомковъ Калиты въ управленіи гор. Москвою). Существенною чертою управленія этой эпохи служитъ безразличіе органовъ центральнаго и мѣстнаго управленія.

Эпоха 2-я (съ пол. XV до пол. XVI в.). составляетъ переходъ отъ личнаго управленія къ организаціи учрежденій и вмѣстѣ отъ дворцоваго (вотчиннаго) характера ихъ къ государственному. Извѣстному лицу приказывается особое вѣдомство, какъ постоянное: „къ тому его послати, которому люди приказаны вѣдати" (Суд. 1497 г., ст. 2). Вѣдомства становятся сложными по своему составу; „а на судѣ быти у бояръ и окольничихъ дьякомъ" (ibid. ст. 1).

Эпоха 3-я (съ пол. XVI в. и XVII в.) есть время дѣйствія учрежденій—*приказовъ* (иначе именуемыхъ палатами, избами, дворами). Слово приказъ въ смыслѣ учрежденія встрѣчается въ первый разъ при в. князѣ Вас. Іоан. въ 1512 г. (въ грам. Успенскому Влад. монастырю). Но полное образованіе системы приказовъ должно быть отнесено ко времени Іоанна IV и Ѳеодора Іоановича. Изъ личнаго управленія дворецкаго и казначеевъ возникаютъ древнѣйшіе приказы дворцово-финансовые: большого дворца и большой казны. Затѣмъ древнѣйшими приказами нужно считать изъ военныхъ—разрядъ; изъ судебно-административныхъ—холопій пр., затѣмъ разбойный и помѣстный; изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ—посольскій; изъ центрально-областныхъ—нѣкоторыя четверти и судные приказы. Умноженіе и обособленіе приказовъ относится преимущественно ко времени Михаила Ѳеодоровича; попытка къ соединенію однородныхъ органовъ и упрощеніе системы относится ко времени Ѳеодора Алексѣевича (1680—81), что закончено Петромъ В. чрезъ учрежденіе коллегій.

Система органовъ центр. управленія слагалась въ Москов. государствѣ исторически и болѣе имѣетъ общаго съ англійскою, чѣмъ съ теоретическою системою французскою, и съ тою, которая взяла перевѣсъ у насъ со времени Петра В. Историческая система органовъ управленія имѣетъ, однако, большіе недостатки, а именно: во-первыхъ, одинъ и тотъ же родъ дѣлъ разсѣевался по множеству приказовъ; такъ судъ принадлежалъ всѣмъ приказамъ надъ лицами, подчиненными каждому изъ нихъ. Собственно судъ и придавалъ государственный характеръ прежнимъ вотчиннымъ учрежденіямъ; отъ этого члены приказовъ (хотя бы вполнѣ административныхъ) всегда именовались судьями. Въ системѣ приказовъ смѣшивалось три основанія для дѣленія органовъ: по роду дѣлъ, по классамъ лицъ и по территоріальнымъ районамъ. А потому подданные нерѣдко вовсе не знали, какому приказу они подвѣдомы по тому или другому

дѣлу.—Во-вторыхъ, въ вѣдомствѣ каждаго отдѣльнаго приказа заключалось множество разнородныхъ функцій: почти каждый приказъ, кромѣ своего спеціальнаго вѣдомства, получалъ, ради содержанія (въ кормленіе), нѣсколько городовъ, которые онъ и вѣдалъ во всѣхъ отношеніяхъ. Внѣ системы прочихъ органовъ центральнаго управленія стоятъ: *приказъ тайныхъ дѣлъ* (который возникъ ок. 1655 г, и, кромѣ тайнаго надзора, вѣдалъ гранатное дѣло, царскую потѣху—соколовъ, ястребовъ и пр., т. е. всѣ дѣла, почему-либо выдѣленныя царемъ для непосредственнаго завѣдыванія) и *челобитный* (для пріема прошеній, поданныхъ на имя государя), извѣстный съ 1571 г. [1]). Искусственно систему приказовъ можно представить въ такомъ порядкѣ.

а) *Органы дворцово-финансоваго управленія.* 1) Приказъ большого *дворца* (въ отличіе отъ удѣльныхъ „дворцовъ") завѣдывалъ тѣмъ же,

[1]) Рядъ учрежденій, вѣдающихъ надзоръ и контроль надъ общими органами суда и администраціи, начинается съ 1619 года, т. е. рѣшенія земскаго собора дать защиту гражданамъ отъ злоупотребленій сильныхъ людей; тогда былъ учрежденъ „приказъ сыскныхъ дѣлъ"; но такое же учрежденіе существовало при царѣ Михаилѣ п подъ другими наименованіями: „приказа приказныхъ дѣлъ", „приказа, что на сильныхъ бьютъ челомъ". Здѣсь производится аппеляціонный пересмотръ дѣлъ, рѣшаемыхъ приказами (преимущественно холопьимъ и помѣстнымъ, т. е. такими, въ которыхъ наиболѣе затрогивались имущественные и личные интересы гражданъ), совершался сыскъ по государственнымъ преступленіямъ высшаго порядка и отчасти финансовый контроль. Впрочемъ этимъ учрежденіямъ поручалъ царь и дѣла весьма неважныя (напр., реставрацію живописи Успенскаго собора). Очевидно, что контроль и надзоръ надъ органами управленія въ сущности могъ исходить только отъ царя, и учрежденія, вѣдавшія его, суть непосредственные органы дѣятельности самого царя такъ же, какъ въ XVIII вѣкѣ прокуратура („око государево"). Поэтому вполнѣ справедливо полагаютъ, что и приказъ в. г. тайныхъ дѣлъ, установленный ц. Алексѣемъ, есть продолженіе серіи такихъ же учрежденій, какъ и приказъ приказныхъ дѣлъ и пр., когда эти послѣднія потеряли свою первоначальную цѣль и значеніе (прик. сыскныхъ дѣлъ продолжалъ существовать и потомъ, но уже какъ учрежденіе для охраны отъ моровой язвы). Была ли въ нач. царствованія Ал. Мих-ча при царѣ собственная канцелярія изъ дьяковъ Большого дворца, превратилась ли она послѣ въ приказъ т. д., все равно значеніе этихъ учрежденій остается одно и то же—личный надзоръ царя надъ дѣйствіями госуд. механизма. Компетенція этого приказа такая же, что́ и прежняго приказа сыскныхъ дѣлъ: контроль, производство дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ, а затѣмъ всѣхъ дѣлъ по предметамъ, излюбленнымъ царемъ (соколиная охота и пр.). Съ концомъ царствованія Ал. Мих-ча совпадаетъ и конецъ существованія приказа тайныхъ дѣлъ. Но идея, вызвавшая подобныя учрежденія, не умираетъ. Каждый царь, особенно одаренный энергіею, въ родѣ Петра I, стремится найти средство для личнаго контроля надъ обыкновенными органами управленія и суда. Печальный опытъ прошлыхъ неудачъ не оказывался поучительнымъ: строить администрацію—надъ администраціею—мысль довольно несчастная.—Въ такихъ монархіяхъ, какъ Московское государство и Россійская Имперія XVIII в., единственно возможнымъ, а потому и болѣе прочнымъ средствомъ непосредственнаго вмѣшательства главы государства въ дѣла управленія было открыть возможность для подданныхъ обращаться прямо къ царю съ просьбами, въ случаяхъ отказа въ правосудіи со стороны всѣхъ нормальныхъ органовъ. „Челобитный приказъ", установленный Грознымъ, очень долго и довольно плодотворно исполнялъ свою функцію, будучи не только комиссіею прошеній на Высочайше имя, но и кодификаціоннымъ учрежденіемъ (см. въ нашей Христом. по ист. рус. права вып. III).

что прежде вѣдалъ дворецкій: содержаніемъ дворца и тѣми людьми и мѣстностями, которые доставляли это содержаніе (таковы дворцовыя села и оброчныя имущества, Московскія ремесленныя слободы, приписанныя къ дворцу для работъ). Но дворецкій (а потомъ и приказъ б. дворца) судилъ и тѣхъ привилегированныхъ лицъ, которыхъ вел. князь освобождалъ отъ суда обыкновенныхъ органовъ (преимущ. духовенство). Приказъ б. дворца упоминается съ 1547 г., но слѣды его есть въ 1501 году. Ему подчинены дворы: Кормовой, Хлѣбенный, Житный и Сытенный. Вѣдомство конюшаго перешло въ *приказъ конюшенный* (конюшен. дьяки упомин. съ 1553 г.). Къ собственно дворцовому вѣдомству относятся прик.: *ловчій, сокольничій*.—2) Изъ вѣдомства казначея образуется *приказъ большой казны*, именно для управленія прямыми доходами государства—податями и людьми податными (неслужилыми: гостями и торговыми людьми). Онъ упоминается со времени Іонна IV. Отъ него зависѣли: денежный (монетный) дворъ и горное вѣдомство. 3) *Пр. большого прихода* вѣдаетъ косвенные налоги государства (торговыя пошлины, мосты, перевозы и мостовщину). Упоминается съ 1575 г.—4) Впослѣдствіи возникъ *пр. счетныхъ дѣлъ* (упом. съ 1667 г.), т. е. вѣдомство контроля.

б) *Органы военнаго управленія:* 5) въ то время, когда все войско состояло лишь изъ дворянъ и народныхъ ополченій, все военное управленіе сосредоточивалось въ *Разрядѣ*, вѣдомство котораго, впрочемъ, простиралось и на другія отрасли государ. службы (по назначенію лицъ къ должностямъ), но преимущественно онъ вѣдалъ дворянъ, какъ военно-служилый классъ, дѣла по укрѣпленію городовъ и пограничныя мѣстности (Сѣверской Украины). Разрядные дьяки упоминаются до 1535 г., но самый приказъ извѣстенъ съ этого года.—6) Съ устройствомъ постояннаго войска—стрѣльцовъ (первонач. при Василіѣ Іоанновичѣ, окончательно при Грозномъ)—является *стрѣлецкая изба* (упомин. во времена Іоанна IV, а подъ именемъ стрѣл. прик.—съ 1601 г.), затѣмъ приказы: 7) *казачій* (упом. съ 1618 г.) и 8) *рейтарскій* пр. (съ 1651 г.); 9) *иноземскій* (начало котораго относятъ ко времени Ѳеод. Іоанн.) для завѣдыванія служилыми иноземцами; 10) и 11) *оруженный* и *бронный* приказы; для завѣдыванія и приготовленія холоднаго оружія (начало ихъ относятъ къ XVI в.) и 12) *пушкарскій* пр. (упом. съ 1582 г.) для завѣдыванія артиллеріею.

в) *Органы судебно-административные.* Хотя всѣ приказы вѣдали (какъ сказано) и судъ надъ лицами, имъ подчиненными, но были и такіе, преимущественное значеніе которыхъ заключалось въ судѣ; таковы 13) *помѣстный* пр. (упомин. дьяки, которымъ приказаны помѣстныя дѣла, съ 1566 г., названіе помѣстной избы—съ конца царст. Грознаго); онъ вѣдалъ роздачу и переходъ помѣстій и вотчинъ и тяжебныя дѣла объ этихъ имуществахъ. 14) *Холопій* пр. (извѣстн. съ 1500 г.); онъ вѣдалъ укрѣпленіе и освобожденіе холоповъ и тяжебныя дѣла о холопствѣ. 15) *Разбойный* пр. (извѣстн. съ 1539 г.—съ начала возникновенія губныхъ учрежденій и переименованный въ 1682 г. въ сыскной, съ какимъ наименованіемъ онъ существовалъ и въ XVIII в.); ему принадлежали уголовно-поли-

цейскія дѣла по искорененію разбоевъ, уголовный судъ, тюрьмы и учрежденіе выборныхъ губныхъ властей. 16) Городъ Москва не имѣлъ общегородского органа самоуправленія, который замѣнялся тамъ *земскимъ приказомъ* (иногда двумя), вѣдавшимъ въ судебномъ и полицейскомъ отношеніи тяглое населеніе города. Зем. прик. упоминается съ 1579 года (см. подробнѣе о вѣдомствахъ приказовъ холопьяго, земскаго и помѣстнаго въ Христ. по ист. рус. пр. вып. III).

г) *Органы центрально-областного управленія.* При присоединеніи удѣловъ въ Москвѣ, ихъ центральныя учрежденія (дворы) переносились въ Москву, сохраняя за собою тотъ же районъ вѣдомства. Такимъ образомъ въ Москвѣ возникли учрежденія мѣстныя по району дѣятельности и центральныя по степени власти, а именно: сначала три (т. н. *трети*), а затѣмъ 4, отчего и приказы названы четвертями [1]), которыхъ къ XVII в. образовалось уже 5 и даже присоединена 6-я (Новая); 17) еще по присоединеніи Нижняго Новгорода, въ Москвѣ составилось (вѣроятно) особое управленіе для этой области, которое затѣмъ перешло въ *Нижегородскую* четверть (извѣстн. со времени Іоанна IV); сюда же присоединено и управленіе В. Новгородомъ, Пермью и Псковомъ послѣ ихъ завоеванія. 18) Для управленія присоединеннымъ В. Устюгомъ образовано особое вѣдомство, поручаемое сначала дьякамъ и называемое по ихъ именамъ („четверть дьяка Петелина“ и т. д.), а затѣмъ постоянное учрежденіе—*Устюжская четверть* (съ присоединеніемъ къ ея вѣдомству разныхъ городовъ въ другихъ частяхъ государства). Тоже надо сказать о 19—21 четвертяхъ; *Костромской* (упомин. въ 1627 г.), *Галицкой* (упомин. съ 1606 года) и *Владимірской* (упомин. въ 1629 г.); послѣдняя вѣдала гор. Владиміръ и вел. кн. Тверское и Рязанское. Къ упомянутымъ четвертямъ присоединена потомъ 22) *новая четверть* (упомин. съ 1597 г.), но съ вѣдомствомъ чисто-финансовымъ (по питейному доходу), безъ всякаго областного характера. Вѣдомство и прочихъ четвертныхъ приказовъ было преимущественно финансовое, такъ какъ вѣдомство Большого прихода и Большой казны простиралось собственно на древнее княжество Московское. Но подобно, какъ и въ этихъ послѣднихъ приказахъ, и въ четвертяхъ вѣдомы были судомъ и лица, доставляющія доходъ государству, т. е. податные классы.

[1]) Мысль о происхожденіи четей, изложенная въ текстѣ, есть гипотеза А. Д. Градовскаго; но въ недавнее время вопросъ о происхожденіи четей, или четвертныхъ приказовъ, возбудилъ вниманіе нѣсколькихъ изслѣдователей: А. С. Лаппо-Данилевскаго, С. М. Середонина, П. Н. Милюкова и С. Ѳ. Платонова

Хотя каждый изъ названныхъ писателей признаетъ часть истины за мнѣніемъ другого, но въ сущности изложенные взгляды взаимно уничтожаютъ другъ друга и возвращаютъ вопросъ къ прежнему его состоянію, т. е. ко времени возникновенія гипотезы А. Д. Градовскаго. Пестрый составъ областей, подчиненныхъ каждой четверти (хотя и не вполнѣ удачно), изъясненъ г. Лаппо-Данилевскимъ („Организація прямого обложенія“ стр. 456 и слѣд.).—Очевидно, намъ придется еще ждать болѣе документальныхъ данныхъ, которыя бы поколебали гипотезу о возникновеніи четей путемъ присоединенія провинцій къ государству.

23—26) Четыремъ основнымъ четвертямъ соотвѣтствуютъ четыре *судныхъ приказа: Московскій, Владимірскій, Дмитровскій и Рязанскій.* Они вѣдали судомъ служилыхъ лицъ („служилые люди судомъ вѣдомы въ судныхъ приказахъ, а посадскіе люди въ четяхъ". П. С. Зак. № 67; сл. Котоших. VII, 32). Всѣ 4 судн. приказа упоминаются во времена Ѳеодора Іоанновича, но два послѣднихъ исчезаютъ въ XVII вѣкѣ. 27) Завоеваніе Смоленска при Василіи Іоанн. подало поводъ къ возникновенію разряда или прик. *княжества Смоленскаго* (упомин. съ 1564 г.). 28) Завоеваніе Казани вызвало учрежденіе *Казанской избы,* или *Казанскаго дворца,* для управленія царствами Казанскимъ, Астраханскимъ, понизовыми городами и инородцами Волжскими и южно-уральскими. 29) По завоеваніи Сибири, именнно въ 1596—1599 гг., управленіе дѣлами ея ввѣрено особому дьяку, и образовалась *Сибирская четверть,* затѣмъ переименованная въ *приказъ.* 30) Сношенія съ Малороссіею о присоединеніи ея вызвали особое учрежденіе при посольскомъ прик. (съ 1649 г.), а затѣмъ самостоятельный *Малороссійскій приказъ* (1663 г.).

д) *Органы спеціальныхъ вѣтвей управленія.* 31) Весьма рано для иностранныхъ сношеній при бояр. думѣ образовано вѣдомство посольскаго дьяка, преобразовавшееся потомъ въ *посольскую палату* (упомин. съ 1567), затѣмъ въ *приказъ* (съ 1601). Кромѣ своего главнаго вѣдомства, этотъ приказъ вѣдалъ иностранцевъ (неслужилыхъ), нѣкоторыя пограничныя и новоприсоединенныя страны (Донскихъ казаковъ), почтовое вѣдомство и нѣсколько городовъ, приписанныхъ къ нему для кормленія (Чердынь и пр.). 32) Самое отправленіе почтовой гоньбы подлежало вѣдомству *ямского пр.,* упом., какъ отдѣльное учрежденіе, въ 60-хъ и 70-хъ гг. XVI в.; ямскіе дьяки упомин. съ конца XV в., но въ вѣдомствѣ казначеевъ (см. Гурлянда стр. 298). 33) *Каменный пр.* (съ царствован. Ѳеодора Борис. Годунова) завѣдывалъ каменными работами и каменьщиками въ цѣломъ государствѣ. 34) *Приказъ книгопечатнаго дѣла* (со временъ Грознаго: начало книгопечатанія относится къ 1553 году) вѣдалъ печатный дворъ. 35) Для управленія медицинскою частію былъ учрежденъ (около 1620 г.) *аптекарскій приказъ, или палата.* 36) *Печатный пр.* удостовѣрялъ правительственные акты приложеніемъ къ нимъ печати.

е) *Органы государственно-церковнаго управленія.* Кромѣ собственно-церковныхъ приказовъ (патріаршій разрядъ, приказъ церковныхъ дѣлъ, патріаршій дворъ), для суда надъ самими церковными властями былъ учрежденъ земскимъ соборомъ 1648—9 г. 37) *монастырскій пр.* и дѣла этого рода изъяты изъ вѣдомства большого дворца.

Общее число приказовъ опредѣляется различно (42—47); но иногда къ органамъ управленія неправильно причисляются хозяйственно-промышленныя заведенія (въ которыхъ, конечно, всегда бываетъ и свое управленіе): напр., прик. золотого и серебрянаго дѣла, царская и царицына мастерскія палаты и нѣкот. друг. Иногда перечисляются временные приказы (скоро исчезавшіе): напр., Литовскій, панскій, Лифляндскій. Иногда на ряду съ главными управленіями перечисляются ихъ вѣтви. По приве-

денному выше счету мы принимаемъ 37 самостоятельныхъ приказовъ, кромѣ двухъ, поставленныхъ нами внѣ системы.

Все множественное разнообразіе органовъ управленія начали приводить къ большей простотѣ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, а особенно при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Тогда (1680 г.) соединены приказы рейтарскій и иноземскій; этому же управленію подчинены и прочія военныя дѣла, бывшія въ вѣдомствѣ другихъ приказовъ, что, подъ главнымъ надзоромъ Разряда, составляло какъ бы военное министерство. Около того же времени (1677—1685 гг.) соединены Московскій и Владимірскій судные приказы съ челобитнымъ и холопьимъ въ одно судебное вѣдомство. Въ этомъ же 1680 г. соединены (временно) Новгородская и Галицкая четверти съ Больш. приходомъ въ одно финансовое вѣдомство. Почти всѣ областные приказы стояли подъ вѣдѣніемъ посольскаго приказа. Но такія соединенія иногда были личными (т. е. нѣсколько приказовъ подчинялись одному лицу), и отдѣльность приказовъ легко возстановлялась опять.

Внутренняя организація приказовъ, подобно системѣ ихъ, складывалась также исторически. Самый приказъ возникалъ изъ личнаго порученія тогда, когда къ одному управляющему придавался дьякъ и заводилась канцелярія. Иногда при сложности управленія управляющему придавались товарищи—одинъ или нѣсколько. Отсюда составъ присутствія въ приказахъ *(судьи)* былъ неодинаковъ: ихъ было 3, 2 или 1. Одинъ изъ нихъ былъ главнымъ судьею, обыкновенно изъ числа членовъ думы, но иногда и стольникъ или дворянинъ; товарищами были б. ч. думные или простые дьяки. Даже въ случаѣ множественности членовъ, присутствіе не составляло коллегіи, и дѣла рѣшались не по большинству голосовъ. Важнѣйшая часть приказа есть его канцелярія—*подъячіе*, въ рукахъ которыхъ находилось фактически все управленіе государствомъ и которые крайне злоупотребляли своимъ положеніемъ, благодаря отсутствію высшаго и средняго образованія и недостаточности опредѣленія въ законѣ условій госуд. службы. Канцелярія раздѣлялась на *столы* и *повытья* (сообразно съ родами дѣлъ или вѣтвями управленія).

2) Мѣстное управленіе.

Отношенія центральнаго управленія къ мѣстному, какъ видно изъ существованія областныхъ приказовъ, были неопредѣленны и неясны: какъ въ центральномъ правительствѣ могли быть областныя учрежденія, такъ и въ областяхъ могли быть намѣстники съ судомъ боярскимъ, т. е. съ властію центральнаго правительства.

Исторія Московской провинціи (уѣзда). Уѣздъ Моск. государства *составился* или изъ прежнихъ частей земли—пригородовъ (I-го періода), или изъ цѣлыхъ земель, присоединенныхъ къ новому государству, или изъ завоеванныхъ не-русскихъ царствъ. Отсюда и наименованія провинціи различны: уѣздъ, земля, царство. Первоначальныя условія присоединенія земель оставляли провинціи почти въ ихъ прежней цѣлости; отсюда нера-

венство Московскихъ уѣздовъ, изъ которыхъ нѣкоторые заключали въ себѣ одинъ городъ съ пригородами; другіе состояли изъ нѣсколькихъ городовъ съ однимъ главнымъ. Но цѣльныя земли потомъ постепенно подвергались разложенію на ихъ составныя части, которыя дѣлались непосредственными провинціями государства; выдѣлены были болѣе значительныя *волости* въ особое управленіе. Наконецъ, создаваемы были и искусственныя единицы: *станы, трети, четверти*, которыя, впрочемъ, мало имѣютъ значенія въ исторіи провинціи.—Къ концу XVI вѣка понятіе уѣзда взяло перевѣсъ надъ единицами болѣе крупными (землями) и болѣе мелкими (волостями); границы уѣздовъ опредѣлены межевщиками (Акты Ѳед.-Чех. I, № 83). При первоначальномъ присоединеніи, землямъ оставляема была нѣкоторая самобытность: такъ, въ Новгородской землѣ и послѣ присоединенія судъ, военная повинность и финансы оставлены были отдѣльные; обыкновенно присоединеннымъ землямъ оставлялось и ихъ обычное право и законы.—Но тотчасъ принимаемы были *мѣры относительно состава населенія* провинцій, именно высшіе классы стараго населенія выводились, а взамѣнъ его вводилось новое или изъ центра государства, или изъ новыхъ другихъ провинцій: въ 1479 году выведено изъ В. Новгорода болѣе 100 семействъ дѣтей бояр. и купцовъ, которые поселены во Владимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ Новгородѣ и др.; вскорѣ еще болѣе 7000 семействъ переселено оттуда же въ Низовую землю; на мѣсто выселенныхъ испомѣщены Московскіе дѣти боярскіе; подобные же выводы произведены въ 1484, 1487 и въ 1488 гг., когда выведено 7000 житьихъ людей, а въ 1489 г. остальные житьи люди. Въ 1510 г. вел. князь Василій „лутчимъ людемъ (псковичамъ) велѣлъ ѣхати къ Москвѣ жити". Въ 1489 г. „воеводы вел. князя развели Вятку *всю*" (по другимъ извѣстіямъ—лучшихъ людей); переселенцы испомѣщены въ Боровскѣ, Алексинѣ и пр. Герберштейнъ пишетъ: „для того, чтобы рязанцы не сдѣлали когда-нибудь возстанія, великій князь распредѣлилъ значительную ихъ часть по разнымъ колоніямъ; этимъ обезсилено было все княжество". Населеніе восточныхъ царствъ выводимо было въ меньшихъ размѣрахъ, зато внутрь ихъ вводились военныя колоніи.—Составомъ провинціи и ея населенія опредѣляется исторія мѣстнаго управленія.

Исторія мѣстнаго управленія дѣлится на три эпохи: а) время дѣйствія *системы кормленія*, т. е. управленія чрезъ *намѣстниковъ* и *волостелей* (до пол. XVI в.); б) время дѣйствія *самоуправленія* (отъ пол. XVI вѣка до нач. XVII в.); в) время дѣйствія *приказно-воеводскаго управленія* въ соединеніи съ самоуправленіемъ (XVII в.).

а) *Система кормленія.* По присоединеніи новаго удѣла или княжества, взамѣнъ прежнихъ князей, назначались намѣстники съ властію, аналогичною прежней княжеской, именно здѣсь видѣнъ тотъ же вотчинно-государственный характеръ власти. *Назначеніе* намѣстникомъ именуется „пожалованіемъ" (пожаловалъ есми гор. Володиміромъ": А. Ист. I. № 110). Такое пожалованіе могли получить въ бывшемъ своемъ удѣлѣ и прежніе мѣстные князья (наприм., Ростовскіе). Съ подобною же властію получали

провинціи служилые цари татарскіе (въ Каширѣ и Касимовѣ). Въ послѣднихъ случаяхъ (при пожалованіи князей и царей) власть правителя передавалась иногда преемственно лицамъ одной и той же фамиліи (примѣромъ можетъ служить кормленіе Мещерою въ родѣ Протасьевыхъ отъ начала XV до конца XVI вѣка; см. Ак. Юрид. № 161); но такое преемство власти не есть, однако, наслѣдственность: пожалованіе каждый разъ зависитъ отъ воли царя.—Въ большей части другихъ случаевъ пожалованіе намѣстничествомъ было *краткосрочное* (до трехъ лѣтъ).—Частный характеръ власти ограничивался, далѣе, соучастіемъ въ управленіи однимъ городомъ двухъ намѣстниковъ или въ волости двухъ волостелей (Суд. 1497 года ст. 65).—*Цѣль назначенія* намѣстника—двоякая: частная—кормленіе и государственная—управленіе (въ 1499 году одинъ изъ Костромскихъ намѣстниковъ, Захарьинъ, жаловался Іоанну III, что на Костромѣ ему съ другимъ—бояриномъ Судимонтомъ—„сытому не быть“, и затѣмъ переведенъ во Владиміръ). Но провинція отдавалась не въ полное частное пользованіе: *кормъ* былъ опредѣленъ таксою въ уставныхъ грамотахъ для каждаго уѣзда и въ книгахъ центральнаго правительства (Суд. цар. 26). Онъ состоялъ изъ: „взъѣзжаго корма“ (при въѣздѣ намѣстника на кормленіе), періодическихъ (натуральныхъ или денежныхъ поборовъ два или три раза въ году (на Рождество, Пасху и Петровъ день), пошлинъ торговыхъ (съ иногородныхъ купцовъ), судебныхъ пошлинъ и, наконецъ, брачныхъ („выводной куницы“). За превышеніе таксы корма намѣстнику угрожаетъ наказаніе.—*Составъ подчиненныхъ органовъ намѣстничьяго управленія* также носитъ частно-государственный характеръ: намѣстникъ отправляетъ судъ чрезъ своихъ холоповъ—*тіуновъ* и *доводчиковъ*, между которыми дѣлитъ станы и деревни уѣзда, но отвѣтственность за дѣятельность ихъ падаетъ на него самого. Число тіуновъ и доводчиковъ, равно и срокъ ихъ службы опредѣляется уставными грамотами (см. Бѣлоз. уст. гр. 1488 г., ст. 3 и 5); закономъ опредѣляется, чтобы они при разъѣздахъ по уѣзду не отягощали населенія лишними лошадьми и людьми и долговременными остановками (ibid 4), чтобы не брали своихъ поборовъ на мѣстѣ—въ станахъ, а получали въ городѣ изъ рукъ соцкаго.—Не всѣмъ намѣстникамъ предоставлялась одинаковая *компетенція:* были намѣстники „съ судомъ боярскимъ“ и „безъ боярскаго суда“ (Суд. 1497 г. ст. 38 и 43); первые рѣшали дѣла по холопству (укрѣпленіе и освобожденіе) и уголовныя окончательно, вторые обязаны были отсылать ихъ къ докладу въ Москву.—На неправильныя дѣйствія намѣстника населенію дается право жалобы вел. князю. *Районъ власти* намѣстника простирается не на всѣ составныя части уѣзда: лица обѣленныя (служилые люди, церковныя учрежденія, „слободы“ и дворцовыя вотчины) обыкновенно освобождаются отъ власти намѣстника вполнѣ или частію. Эти т. н. на западѣ иммунитеты, а въ Московск. госуд. *тарханы* были уничтожены лишь въ XVI в., но далеко не вполнѣ.

Главное значеніе намѣстничьяго управленія заключалось въ приведеніи провинціи въ связь съ государствомъ, а не во внутреннемъ управленіи провинціи. Для послѣдней цѣли въ каждомъ уѣздѣ была своя *выборная система органовъ самоуправленія* такая же, какъ и въ 1 пер., именно: *соцкіе* и *старосты;* иногда въ провинцію подолгу не назначаемы были намѣстники, между тѣмъ управленіе шло; такъ, въ Двинской землѣ 1538—1541 гг. не было намѣстниковъ, „а были соцкіе, и жалованныя грамоты и всякіе указы и судебники присыланы на ихъ имя“ (Двин. Лѣт.). И при наличности намѣстниковъ управленіе налогами и полиціею находится въ рукахъ выборныхъ (см. Двин. грам. 1397 г. ст. 1;въ Уст. Онежской грам. читаемъ: скомороховъ „старосты и волостные люди вышлютъ вонъ“). Они же участвуютъ въ судѣ вмѣстѣ съ намѣстникомъ; „намѣстникомъ и ихъ тіуномъ безъ соцкихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ“ (А. А. Э. I, 123; сл. Суд. 1497 г. ст. 38 и Суд. цар. ст. 62); протоколы суда пишутся земскимъ дьякомъ (Суд. ц., ibid). Въ подраздѣленіяхъ провинціи были выборные подчиненные органы (пятидесятскіе, десятскіе).

б) *Земское самоуправленіе XVI в.* Въ XVI в. провинціи до нѣкоторой степени срослись уже съ государствомъ, а въ самомъ государствѣ сознается уже потребность чисто-государственнаго управленія. Это привело сначала къ учрежденію спеціальныхъ органовъ самоуправленія рядомъ съ намѣстниками (губныя учрежденія), а потомъ—къ полной отмѣнѣ намѣстничьей власти и къ введенію общаго земскаго самоуправленія (земскія учрежденія).

Губныя учрежденія. Кормленщики, преслѣдуя свои частныя цѣли, не обращали вниманія на благоустройство провинціи, а выборныя власти были стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ присутствіемъ власти намѣстника; тогда количество преступленій, особенно разбоевъ, возросло до крайней степени („сами межъ себя безъ нашего вѣдома обыскивати и имати разбойниковъ не смѣете“, пишетъ вел. князь жителямъ провинцій: см. Бѣлозер. губн. грам. 1539 г.). Тогда, по просьбѣ самого населенія, съ 30-хъ годовъ XVI в. въ каждомъ уѣздѣ устанавливаются выборныя губныя власти для преслѣдованія разбойниковъ и суда надъ ними. Хотя правительство (боярская дума) предприняло это учрежденіе, какъ общую мѣру для всего государства, но введеніе ея въ извѣстной провинціи обусловливалось просьбой самого населенія и полученіемъ на то грамоты. Населеніе многихъ провинцій встрѣтило мысль правительства съ большимъ сочувствіемъ и смотрѣло на эти учрежденія, какъ на величайшее благодѣяніе: „тоя же зимы (1541 года, говоритъ псковскій лѣтописецъ) бысть жалованіе государя нашего великаго князя Ивана Васильевича всея Руси *до всей своей Русской земли*, млада возрастомъ 11 лѣтъ и старѣйша умомъ: до своей отчины милосердова, показа милость свою и нача жаловати, грамоты давати *по всѣмъ градомъ большимъ*, и *по пригородамъ* и *по волостемъ*, лихихъ людей обыскивати самымъ крестьяномъ межъ себя по крестному цѣлованію, и ихъ казнити смертною казнію, и не водя

къ намѣстникомъ и къ ихъ тивуномъ лихихъ людей-разбойниковъ и *татей*. И бысть намѣстникомъ по городамъ нелюбка велика на христіянъ. А Псковичи *такову грамоту взяша* и начаша Псковскіе цѣловальники и соцкіе судити лихихъ людей *на княжи дворѣ въ судницы* надъ Великою рѣкою, смертною казнію ихъ казнити. И бысть намѣстникъ на Псковѣ одинъ князь Василей Репнинъ-Оболенской, и была ему нелюбка до Псковичь велика, что у нихъ, какъ зерцало, государева грамота; и бысть крестьянамъ радость и лгота велика отъ лихихъ людей, и отъ поклепцовъ, и отъ намѣстниковъ, и отъ ихъ недѣльщиковъ и отъ ѣздоковъ, кои по волостемъ ѣздятъ. И начаша псковичи за государя Бога молити...“ (Пск. 1-я лѣт.). Изъ этого видно, что первоначально губное учрежденіе не имѣло опредѣленной организаціи: каждая провинція приспособляла новую функцію къ своимъ существующимъ органамъ самоуправленія: во Псковѣ древними органами самоуправленія и суда были сотскіе; къ нимъ присоединены (новоизбранные?) цѣловальники. Мѣстомъ суда сдѣлался „княжій дворъ“—старинная „судница“. Самое учрежденіе не носитъ еще наименованія губнаго.—Губныя учрежденія, однако, не были введены повсемѣстно: сѣверныя провинціи государства (въ которыхъ не было служилаго класса) не получили губныхъ властей; но въ полов. XVI в., когда въ нихъ введены земскія учрежденія, этимъ послѣднимъ поручено и все губное вѣдомство. *Округами* губными сначала были города и волости; но затѣмъ въ каждомъ уѣздѣ устанавливается одно губное вѣдомство. Губныя вѣдомства иногда устанавливались въ отдѣльныхъ частныхъ вотчинахъ (напр., Троицкаго монастыря).—Губныя власти суть: *губной староста* (сначала нѣсколько на уѣздъ), избираемый изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ грамотныхъ; если выборъ губнаго старосты, за разногласіемъ избирателей, не состоялся, то его назначало правительство. Избранный являлся въ Москву и здѣсь получалъ утвержденіе и наказъ. При немъ *старосты, десятскіе и лучшіе люди*—человѣкъ 5 или 6. Впрочемъ эти послѣдніе уже были и при намѣстничьемъ управленіи; впослѣдствіи они замѣнены *цѣловальниками* (до 4-хъ); при нихъ—*губной дьякъ*. Всѣ вмѣстѣ эти власти составляютъ одно учрежденіе—*губную избу*.—Для общихъ обысковъ устраиваются періодическіе *съѣзды* всѣхъ классовъ уѣзда: князей, дѣтей боярскихъ, духовныхъ лицъ и крестьянъ. На такихъ съѣздахъ происходятъ и выборы упомянутыхъ властей, а именно: губнаго старосту и дьяка избираютъ всѣ классы, а губныхъ цѣловальниковъ—сошные люди (см. Уст. кн. Разб. Прик. ст. 56—58). Участіе въ избраніи было обязательно для избирателей, ибо они отвѣчали за избранныхъ предъ правительствомъ. Въ частныхъ вотчинахъ избраніе губныхъ властей предоставлялось владѣльцу, при чемъ старостою могъ быть кто-либо изъ людей, служащихъ частному вотчиннику, его приказчикъ. Власти избирались сначала безсрочно, но въ XVI в. велѣно перемѣнять цѣловальниковъ погодно (А. А. Э. III, № 210). Компетенція губныхъ властей простирается на уголовную полицію (поимку

преступниковъ), судъ надъ разбойниками, а послѣ и надъ татями, убійцами и поджигателями, и завѣдываніе тюрьмами.—Впослѣдствіи губныя учрежденія замѣняли собою все областное управленіе. При отмѣнѣ намѣстничьяго управленія въ уѣздахъ вовсе не стало органовъ правительства, которое, не имѣя на кого возложить приказныя дѣла (финансовыя и административныя), нерѣдко обращалось къ губнымъ старостамъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ до введенія воеводскаго управленія губные старосты правили на правахъ воеводъ (напр., въ Шуѣ).

Земскія учрежденія. Въ полов. XVI в. правительство рѣшилось покончить совсѣмъ съ началомъ кормленія: въ указѣ 1555 г. ц. Іоаннъ IV говоритъ: „что напередъ сего жаловали есмя бояръ своихъ... городы и волости давали имъ въ кормленіе,—и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники... чинятъ имъ продажи и убытки великія. И мы, жалуючи крестьянство..., намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили; .. велѣли есми во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити“ (А. А. Э. I, 242; сл. Важскую уставн. грам. въ Христом. по ист. рус. права вып. II, стр. 183, прим. 2). Реформа эта приведена была въ исполненіе повсемѣстно, кромѣ нѣкоторыхъ пограничныхъ городовъ, гдѣ намѣстничье управленіе непосредственно перешло въ воеводское; реформа вызвана просьбами самого населенія. Взамѣнъ намѣстничьяго корма установленъ оброкъ съ провинцій, получившихъ земскія учрежденія. — *Округи* этихъ учрежденій были разнообразны: именно и цѣлые уѣзды, но б. ч. волости. Кругъ лицъ, на которыя они простираются, суть тяглые люди, посадскіе и крестьяне (въ земскихъ учрежденіяхъ совмѣщаются и муниципальныя—городскія) и лишь отчасти церковныя учрежденія (служилые люди, какъ мы видѣли, изъяты были и изъ намѣстничьей власти). Отъ этого земскія учрежденія были не вполнѣ пригодны для общаго самоуправленія провинцій. *Власти земскія* суть *излюбленные головы*, впослѣдствіе повсюду именуемые *старостами* (сначала въ каждомъ округѣ нѣсколько, потомъ—одинъ), *земскій дьякъ* и *лучшіе люди* (цѣловальники въ различномъ числѣ отъ 10 до 2, именуемые также земскими судьями). Для полицейскаго управленія эти власти пользуются прежними выборными каждой общины: соцкими, пятидесяцкими. Избраніе совершалось на неопредѣленный срокъ, но населеніе всегда могло „перемѣнить“ выборныхъ (Уст. Двин. гр. 1556 г.). Но есть указанія и на ежегодный выборъ; вообще въ этомъ не было одного установленнаго порядка.—Компетенція земскихъ властей простиралась на всѣ вѣтви управленія (полицейское, финансовое, экономическое) и суда; по дѣламъ уголовнымъ имъ предоставляется окончательное рѣшеніе даже дѣлъ, ведущихъ къ смертной казни. Въ этомъ послѣднемъ родѣ дѣлъ земскія учрежденія должны были войти въ коллизію съ губными, которая разрѣшалась или тѣмъ, что земскія власти судятъ вмѣстѣ съ губными, или земскія власти вовсе не судятъ губныхъ

дѣлъ, или губныя учрежденія перестаютъ дѣйствовать въ тѣхъ округахъ, гдѣ введены земскія учрежденія [1]).

в) *Приказно-воеводское управленіе XVII в.* Въ нѣкоторые (преимущественно пограничные) города еще при намѣстникахъ назначаемы были и *воеводы* съ властію военнаго управленія, а также *дьяки* для управленія финансоваго; они оставались и въ эпоху земскаго самоуправленія. Такъ какъ эти лица вѣдали управленіе на государя, а не ради кормленія, то само населеніе еще при намѣстникахъ просило себѣ права судиться у воеводъ (въ В. Новгородѣ). Но всеобщее введеніе воеводъ въ уѣзды относится къ смутному времени: „при ц. Ѳедорѣ Иван. и при ц. Борисѣ по 113-годъ (1606 г.)—по Ростригинъ приходъ... воеводъ не было, а были судьи и губные старосты и городовые прикащики“ (Разряд. росп. воеводъ во Врем. общ. ист. и др. 1849 г., кн. 3). Причина введенія воеводъ съ дьяками заключается въ томъ, что смутная эпоха обнаружила необходимость имѣть въ каждомъ городѣ военную власть и, сверхъ того, такой органъ управленія, который бы связывалъ провинцію съ центромъ и простиралъ свою власть на всѣ классы провинціальнаго общества (а не на однихъ тяглыхъ людей). Во время смутъ само населеніе составляло общесословныя собранія и общесословное управленіе и само избирало себѣ воеводу (примѣромъ можетъ служить Устюжна Желѣзнопольская въ 1609 г.).—Цѣль назначенія воеводъ—не кормленіе а управленіе на государя; хотя воеводы попрежнему просятся „покормиться“, но это означаетъ уже не поборы, а государ. жалованье; царь писалъ въ 1615 г. въ Бѣжец. Верхъ: „воеводамъ кормовъ не давать, въ томъ самымъ себѣ убытковъ не чинить“.—Воевода назначаемъ былъ государемъ и думою, но иногда само населеніе просило о назначеніи того или другого лица или о продленіи власти прежняго воеводы.—Власть его была срочная и обыкновенно краткосрочная (1—2 года). Въ уѣздѣ управлялъ не всегда одинъ воевода: въ большихъ городахъ воеводъ бывало одновременно нѣсколько (напр., въ Астрахани 3—4, въ Псковѣ 2—3); изъ нихъ одинъ былъ главный; въ меньшихъ городахъ было по одному воеводѣ; но въ томъ и другомъ случаѣ при воеводахъ въ товарищахъ были дьяки или подъячіе „съ приписью“. Изъ этихъ лицъ составляется учрежденіе—*приказная изба*, иногда весьма сложная съ раздѣленіемъ на повытья. Но и здѣсь, какъ въ центральныхъ приказахъ, управленіе не было коллегіальнымъ.—Кругъ вѣдомства воеводъ опрелѣлялся *наказами*, которые давались каждый разъ, но потомъ сведены въ общую форму для каждаго города; по наказамъ воеводамъ предоставлялось: произвести ревизію управленія предшественника; вѣдать „городъ“—укрѣпленіе—и дру-

[1]) См. подробнѣе въ нашихъ комментаріяхъ къ Уставн. Важской грам. въ Христоматіи по исторіи рус. права, вып. II. Исчерпывающее значеніе для этого имѣетъ книга М. Богословскаго. „Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ“. М. 1910, гл. XIII—XVII.

гія средства обороны; иногда вести иностранныя сношенія (напр., Астрах. воевод.); вѣдать полицію, именно охранять безопасность и благочиніе (пресѣченія преступленій, мѣры противъ пожаровъ, охраненіе общественной нравственности); наконецъ, судить.

Отношеніе власти воеводъ къ самоуправленію. Обѣ формы самоуправленія (губныя учрежденія и земскія) продолжали существовать рядомъ и въ XVII в. при воеводской системѣ управленія. По отношенію къ тѣмъ и другимъ, воеводѣ принадлежитъ право контроля безъ вмѣшательства въ ихъ сферу дѣятельности. Это и соблюдалось въ нач. XVII в. (см. Ак. гор. Шуи № 16: донесеніе воеводы царю о злоупотребленіяхъ и небрежности губныхъ властей и донесеніе губныхъ властей на воеводу, что „онъ въ губные дѣла вступаетца"; сл. также наказъ 1672 г. Олонецкому воеводѣ „беречь накрѣпко, чтобъ мужики—горланы богатые... середнимъ и молодчимъ людемъ продажи не чинили и лишнихъ поборовъ... не сбирали"—въ Доп. ак. ист. VI, 56; III, 18, 67; IV, № 140). Но различіе надзора и управленія скоро утратилось: воеводы начали вмѣшиваться въ управленіе губное и земское.

По отношенію къ губнымъ властямъ воевода дѣлается начальникомъ, а губные старосты—его товарищами. Но такъ какъ чрезъ это власть губныхъ старостъ распространилась на всѣ вѣтви управленія, то правительство признавало по временамъ излишнимъ имѣть въ уѣздахъ двѣ однородныхъ власти и колебалось въ выборѣ одной изъ нихъ: такъ, въ 1661 г. воеводы были повсюду отмѣнены и все управленіе поручено губнымъ старостамъ; напротивъ, въ 1679 г., возвратившись къ воеводскому управленію, отмѣнили совсѣмъ губное; съ 1684 г. обѣ власти опять сопоставлены, что́ и держалось до Петра В., при которомъ губное управленіе было уничтожено.

По отношенію къ земскимъ учрежденіямъ воевода сдѣлался начальникомъ въ ихъ полицейской дѣятельности, но въ финансовомъ и экономическомъ управленіи земскія власти были совершенно независимы: воеводамъ запрещалось „въ денежные ихъ сборы и въ мірскіе дѣла вступаться и воли у нихъ въ ихъ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ отъимати..., (выборныхъ) не перемѣнять" (наказъ Чердын. воев. 1677 г. въ Ак. ист. V, № 16).

Городское самоуправленіе. Земскія учрежденіа и въ XVII в. были общими для всего тяглаго населенія. Но въ большихъ городахъ управленіе приближалось уже къ муниципальному: въ В. Новгородѣ исходнымъ пунктомъ самоуправленія были собранія градскихъ людей (общіе сходы въ земской избѣ) для выборовъ и для рѣшенія текущихъ дѣлъ; постоянное управленіе состояло изъ 5 старостъ, выбранныхъ по концамъ города. Во Псковѣ управляла коллегія общегородскихъ старостъ. Но здѣсь была сдѣлана попытка къ установленію собственно муниципальнаго учрежденія, именно въ 1666 г., во время управленія воеводы Ордына-Нащокина; введенное тогда городское устройство весьма сходно съ магдебургскимъ устройствомъ нѣмецкихъ и польскихъ городовъ: общее собраніе гражданъ

избираетъ 15 чел.—членовъ земской избы на три года; въ дѣйствительномъ управленіи ежегодно чередуются между собою пятеро изъ нихъ; компетенція выборныхъ простирается на посадскихъ людей и монастырскихъ крестьянъ; низшія уголовныя дѣла разрѣшаются совмѣстно губными и городскими властями, высшія—воеводою. Но впослѣдствіи новый воевода (кн. Хованскій) уничтожилъ это самоуправленіе.

Общинное самоуправленіе. Вообще земское самоуправленіе не исключало отдѣльнаго самоуправленія общинъ, входившихъ въ составъ земства или не входившихъ. Въ гор. Москвѣ, не имѣвшемъ общеземскаго самоуправленія, каждая сотня и слобода составляла самоуправляющуюся единицу. То же должно сказать о волостяхъ уѣздныхъ. Управленіе въ нихъ принадлежало не однимъ избраннымъ сотскимъ и старостамъ, но составляло цѣлое учрежденіе именуемое *братскій дворъ,* куда собираются сходы членовъ общины—„лучшихъ людей"—весьма часто (б. ч. по воскресеньямъ) не для однихъ выборовъ, но и для рѣшенія экономическихъ и даже судебныхъ дѣлъ (см. Забѣлина: „Опыты изуч. русск. древн. и исторіи", ч. II, 168 и др.).

3) Финансовое управленіе.

Завоеваніе татаръ отразилось съ особенною силою на финансовомъ управленіи Россіи какъ относительно прямыхъ налоговъ, такъ и пошлинъ.

а) *Прямые налоги—дань.* Съ завоеваніемъ татаръ подать опять превращается въ международную дань. Первоначально завоеватели хотѣли брать десятую часть всего, въ томъ числѣ людей; но потомъ довольствовались деньгами. Единицею обложенія взята была, по азіатскому обычаю, голова, т. е. введена подать *поголовная* (подушная) вмѣсто древней европейской—поимущественной; все населеніе было исчислено (что повторялось приблизительно черезъ 17 л.; второе исчисленіе было въ 1257 г., 3-е—въ 1275). „Число" болѣе всего возмущало тогда русскихъ, какъ печать осквернения варварствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ способъ взиманія введенъ былъ также азіатскій—откупъ. Возстанія народа (1290 г.) заставили татаръ обратиться къ русскимъ князьямъ и предоставить имъ сборъ дани, послѣ чего постепенно возстановлены національныя основанія податной системы, что окончательно установилось въ пол. XV в. (в. кн. Вас. Темный пишетъ въ своей духовной, что его наслѣдники должны послать писцовъ въ удѣлы и „обложить данью по сохамъ и по людямъ"). Отъ Іоанна III мы уже имѣемъ одну писцовую книгу (Вотской пятины).

Основаніемъ обложенія служили *писцовыя книги,* т. е. періодическіе кадастры государства, извѣстные со временъ Вас. Вас. Темнаго, но, конечно, производившіеся и раньше (см. А. А. Э. I, стр. 23, годъ 1435—1446). Нельзя сомнѣваться, что уже въ I-мъ періодѣ князья производили описи своихъ владѣній для цѣлей финансоваго обложенія (см. уставы Смолен. кн. Ростислава и Новгор. кн. Святослава XII в.), но, вѣроятно, тогдашнія описи ограничивались исчисленіемъ погостовъ, опредѣленіемъ (точнымъ)

количества прямыхъ налоговъ съ каждаго погоста и приблизительнымъ исчисленіемъ косвенныхъ налоговъ и пошлинъ. Татары, несомнѣнно, производили переписи населенія, состоявшія, вѣроятно, только въ исчисленіи лицъ мужеск. пола и движимаго имущества—скота (едва ли можно принять мысль Неволина, что татарская перепись отмѣчала все „податное имущество"). Въ серединѣ татарской эпохи, когда дань собирали для татаръ уже князья, эти послѣдніе возвратились къ старой системѣ описей (см. С. Г. Гр. и Догов. I, № 95), которая, измѣняясь и совершенствуясь, выработалась въ систему писцовыхъ книгъ. При весьма неустойчивыхъ и измѣнчивыхъ отношеніяхъ центральной власти къ удѣльнымъ князьямъ, до Іоанна III нельзя предполагать возможными единовременныя и періодическія описанія всего государства. Лишь со временъ Іоанна III дѣло кадастра получаетъ бо́льшую правильность; періодичность описей, однако, нарушалась тѣмъ, что опись производилась весьма продолжительное время, и потому, когда послѣдніе уѣзды еще переписывались, а уже возникла потребность начинать новый кадастръ.

Нынѣ намъ извѣстны слѣд. болѣе общія переписи: Новгор. и Тверской земель по ихъ присоединеніи (1491—1492); общая перепись, начатая при Іоаннѣ и продолжавшаяся при Василіи; общая перепись (вѣроятно, не одна) при Грозномъ (въ 40-хъ годахъ; въ 50—80 г.); общая перепись при Ѳед. Іоановичѣ (вѣроятно, законченная въ 1592 г.).

Въ XVII в., послѣ смутнаго времени, посланы были дозорщики въ разныя мѣста для досмотра, въ какомъ наличномъ состояніи находились платежныя силы населенія (въ неразоренныя посланы въ 1619 г. писцы для новаго обычнаго кадастра). Результатомъ дѣятельности дозорщиковъ явились т. н. *дозорныя книги*, которыя отнюдь не замѣняли собою писцовыхъ. Эти послѣднія продолжали составляться своимъ чередомъ и служатъ для насъ свидѣтельствомъ о двухъ общихъ кадастрахъ XVII вѣка (1625—1630 и 1680 г.). Между тѣмъ въ то же время правительство, предполагая отмѣнить прежнюю (посошную) систему обложенія, производило переписи другого рода, т. е. подворное исчисленіе населенія исключительно тяглаго безъ всякихъ другихъ данныхъ экономическаго характера. Такія переписи произведены были въ 1645—1646 и 1676—1678 гг. Результатомъ ихъ были *переписныя книги*.

На основаніи писцовыхъ книгъ каждой провинціи владѣльцу выдавались выписи изъ нихъ, т. н. *сотныя* (представляющія т. обр. лишь копіи части писцовыхъ книгъ). Переписныя книги сокращались въ *перечневыя* (указатели именъ владѣльцевъ съ общими итогами числа дворовъ, состоящихъ за ними); онѣ составлялись для удобствъ справокъ въ приказахъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Подобное сотнымъ книгамъ имѣли значеніе *приправочныя книги*, т. е. выписи изъ прежнихъ писцовыхъ книгъ, вручаемыя новымъ писцамъ для соображенія, какая разница обнаружится въ экономическомъ состояніи данной мѣстности сравнительно съ прежнимъ ея состояніемъ. Писцамъ, командируемымъ для новой описи, вручались, сверхъ того, *сошныя книги*, т. е. теоретическія руководства для опредѣ-

ленія числа сохъ, вытей и денежныхъ единицъ, снабженныя ариѳметическими таблицами (*скоромышленниками*).—Писцами были какъ спеціалисты, командируемые изъ Москвы, такъ иногда и мѣстные воеводы.

Писцовыя книги состояли въ описаніи *земель* по количеству и качеству; населенныхъ мѣстъ, гдѣ исчислялись *дворы*; доходности земли (*урожайности*); повинностей въ пользу землевладѣльцевъ и мѣстн. властей; наконецъ, сранительной вѣдомости о прибыли или убыли доходовъ по сравненію съ прежнимъ описаніемъ.

Окладною единицею была *соха*, которая не есть поземельная мѣра, а условная единица измѣренія всякихъ имуществъ; въ *посошную подать* входилъ поземельный, подворный и промысловый налогъ. Въ отношеніи къ землѣ, соха включала въ себѣ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ хорошей земли 800 четвертей, средней—1000, худой—1200; такое большое количество земли въ сохѣ на этихъ земляхъ объясняется тѣмъ, что помѣстья и вотчины обложены наименьшимъ окладомъ. По мѣстностямъ и по другимъ родамъ имуществъ эти цифры измѣнялись. На черныхъ земляхъ (податныхъ по преимуществу) въ соху включалось самое меньше количество четвертей (500—600—700); въ монастырскихъ и дворцовыхъ среднее: 600, 750, 900. Въ городахъ соха включала въ себѣ извѣстное число дворовъ (лучшихъ—40, среднихъ—80, молодчихъ—160; въ слободахъ—320; бобыльскихъ—960) [1]). Относительно промысловъ, напр. „црѣнъ“ (солеваренная сковорода), „ѣзъ“ (рыболовная перегородка въ рѣкѣ) примѣняются къ сохѣ (смотря по прибыльности).

Соха была неодинакова въ разныхъ мѣстностяхъ государства; кромѣ описанной московской сохи, была гораздо меньшая (новгородская), которая примѣнялась въ писцовыхъ книгахъ въ бывшихъ областяхъ В. Новгорода и послѣ его присоединенія; величина этой сохи опредѣляется такъ: „а въ соху два коня, а третьи припряжь, да тшанъ кожевничской за соху, лавка за соку, плугъ за двѣ сохи, кузнець за соху, четыре пѣшци за соху, ладья за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи“ (данная на черный боръ 1437—1460). Въ сѣверной Россіи (прежнихъ новгородскихъ владѣніяхъ) даже въ XVII в. величина „сошки“ была неодинакова почти въ каждой волости (средній размѣръ сошки около $10^1/_2$ четвертей).

Въ частныхъ хозяйствахъ экономическія средства населенія измѣрялись не сохами, а *вытями*, что́ приняло и государство въ своихъ частныхъ (дворцовыхъ) имуществахъ. Затѣмъ правительство рѣшило примѣнить эту единицу, какъ несравненно меньшую, а потому болѣе удобную, и къ финансовому обложенію посошному, раздробляя сохи на выти. Но такъ какъ самая вытѣ не была опредѣленною величиною (земли или другихъ реальныхъ предметовъ), а сообразовалась съ состоятельностію лицъ

[1]) Н. Д. Чечулинъ не соглашается съ такимъ распредѣленіемъ цифръ.

плательщиковъ [1]), и такъ какъ число вытей въ сохѣ также не всегда было постояннымъ, то введеніе вытнаго письма не упростило системы сошного письма и обложенія.

Въ малонаселенныхъ окраинахъ государства, а послѣ опустошеній смутнаго времени и въ центрѣ его такая крупная единица, какъ соха сдѣлалась малопримѣнимою: приходилось сообразоваться съ наличнымъ числомъ населенія, а потому (безъ полной отмѣны сошной системы) стали постепенно склоняться къ новой единицѣ обложенія—двору. Переходомъ отъ сохи къ двору служитъ *живущая четверть*, которая состояла изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ (число ихъ въ четверти измѣнялось по мѣстностямъ и времени; но нормальнымъ числомъ крестьянскихъ дворовъ въ живущей четверти можно признать десять; а такъ какъ тогда было установлено считать 1 крестьянскій дворъ равнымъ двумъ бобыльскимъ, то въ живущей четверти клали 10 крест. дворовъ и 20 бобыльскихъ; другою нормою было 16 кр. и 32 бобыльск. двора. Эти нормы примѣнялись къ помѣстьямъ и вотчинамъ (въ отношеніи къ монастырскимъ землямъ они понижались съ цѣлью бо́льшаго обложенія; монастырскія земли обложены въ $1^1/_2$ раза больше.)—„Живущая четверть“ служила окладною единицею (не примѣняясь, однако, къ чернымъ землямъ) до конца 70-хъ годовъ XVII в., когда обложеніе по этой системѣ смѣнилось *подворною податью*, которая и раньше примѣнялась къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ видамъ сборовъ (напр., полоняничнымъ деньгамъ), но затѣмъ поглотила большую часть ихъ [2]) (ук. 1679 г. сл. Ак. Ист. V, №№ 38, 39, 48, 49, 77). Но этимъ означалось лишь исчисленіе подати, слѣдующей съ извѣстнаго города, волости или вотчины; разложеніе же ея по плательщикамъ дѣлалось, „смотря по пожиткамъ и по промысламъ“; несмотря на то, переходъ отъ посошной подати къ подворной встрѣчалъ противодѣйствіе въ населеніи.

Рядомъ съ указанными въ XVII в. существовалъ и чисто-*подоходный* налогъ (для податей чрезвычайныхъ), именно: „пятая“ или „десятая деньга“ ($20^0/_0$—$10^0/_0$) и 15-я деньга, на особенныя военныя нужды разстроеннаго государства; впослѣдствіи она сдѣлалась постоянною добавочною къ посошной съ торговыхъ людей.

Наконецъ, *поголовная* подать существовала лишь для восточныхъ инородцевъ—это *ясакъ* (Ак. Ар. Э. II, 75 и др.).

---

[1]) Въ выти по *сошнымъ книгамъ* считались 12 четв. доброй, 14—средней и 16—худой земли.

[2]) По мнѣнію г. Лаппо-Данилевскаго, подворная подать повела къ увеличенію населенія двора (для избѣжанія платежей), а потому открыла дорогу къ подушной подати: „въ концѣ XVII в. встрѣчаемъ смѣшеніе (правильнѣе—соединеніе) подворной подати съ подушною: подати взимаются „по дворамъ—по душамъ“ („Орган. прям. облож.“ 260, прим.).

Величина и роды податей. Кромѣ общей дани, постепенно возникали новые налоги по мѣрѣ возрастанія госуд. потребностей, а именно: *ямскія деньги* (на содержаніе „ямовъ"—почтъ) по 10 рублей и болѣе на соху (въ XVI в.); *стрѣлецкая* дань (натурою и деньгами); *оброкъ* за отмѣну намѣстничьяго корма; *полоняничныя* деньги (правильн. обр. съ пол. XVI в.).

Лица, подлежащія обложенію. Податными классами были собственно тяглые люди (посадскіе люди и черныя волости). Но и имѣнія служилыхъ людей и церковныхъ учрежденій далеко не всѣ были обѣлены. Хотя въ древнѣйшее время давалось полное обѣленіе, такъ что обѣленныя имущества не подвергались и описи, но освобожденіе давалось отъ бывшихъ, но не отъ будущихъ налоговъ. Тарханы предположено уничтожить при Іоаннѣ IV; полное уничтоженіе ихъ относится къ 1672 г. Экстраординарные налоги вообще простирались на всѣ классы. Въ 1620—21 г. это распространено и на ямскія деньги и стрѣлецкій сборъ. Вообще крестьянское населеніе и частныхъ вотчинъ и помѣстьевъ признано также податнымъ.

Способъ взиманія податей. Провинціальныя власти обязаны были составлять „окладныя росписи" (проектъ доходовъ и расходовъ по данной провинціи) и „смѣтные списки" (отчетъ о дѣйствительномъ исполненіи смѣты прошлаго года). Иногда росписи уѣздныя сводились въ областномъ городѣ въ общую областную роспись. Изъ мѣстныхъ росписей въ Москвѣ составлялись общія по каждому отдѣльному финансовому вѣдомству (напр., четверти); быть можетъ составлялась даже (въ XVII в.) и общая государственная роспись.

Опредѣленные на извѣстную мѣстность налоги разводились потомъ выборными властями и представителями населенія по отдѣльнымъ плательщикамъ (*разрубъ*). Впрочемъ, если самоуправляющійся округъ обнималъ нѣсколько волостей, иногда цѣлый уѣздъ, то предварительно раскладка (*разводъ*) производилась въ центрѣ уѣзда общими органами самоуправленія (всеуѣзднымъ старостою или съѣздомъ земскихъ старостъ) по волостямъ; при этомъ участвовали выборные отъ волостей и владѣльцевъ (монастырей) окладчики. Въ волостяхъ обязанность раскладки падала на выборныхъ волостныхъ властей, съ участіемъ совѣта крестьянъ. Выборные окладчики приводятся къ присягѣ и обязываются „обложить и собирать тѣ деньги..., чтобы богатые и полные люди передъ бѣдными во лготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были". Для этого составляются „окладныя книги" за подписью земскихъ властей и окладчиковъ (А. И. V. № 48). Для взиманія экстраординарныхъ налоговъ избирались въ городахъ спеціальные окладчики изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, которые приводимы были къ присягѣ въ соборной церкви; окладчики отбираютъ письменныя показанія у посадскихъ и торговыхъ людей о ихъ движимомъ имуществѣ, о лавкахъ, заводахъ и промыслахъ; при неправильномъ показаніи плательщика, окладчики опредѣляютъ его доходъ сами „по розыску" (Ак. ист. V, № 23).

Налогоспособность отдѣльнаго лица въ селахъ измѣрялась количествомъ рабочихъ рукъ, величиною участка земли, обрабатываемой имъ, и урожайностію. Въ посадѣ она опредѣлялась величиною и положеніемъ двора (въ острогѣ или посадѣ), числомъ дворовъ одного владѣльца, торговыми оборотами. Въ обоихъ случаяхъ принималось во вниманіе и движимое имущество плательщика.—Самое взиманіе производилось въ посадахъ и въ черныхъ волостяхъ или постоянными (выборными) властями посада и волости или нарочно избранными сборщиками и цѣловальниками, во владѣльческихъ селахъ и дворцовыхъ—приказчиками, съ участіемъ самихъ крестьянъ. Собранныя деньги доставлялись самимъ населеніемъ въ уѣздный городъ или въ всеуѣздный земскій центръ (земскую избу) или прямо воеводѣ и его приказнымъ людямъ (въ съѣзжую избу). Но иногда сами плательщики (волости и владѣльцы) доставляли сборы прямо въ Москву. Воеводѣ принадлежало право контроля надъ всѣмъ процессомъ раскладки и взиманія, а иногда и право непосредственнаго взиманія (по нѣкоторымъ спеціальнымъ сборамъ); онъ же взыскивалъ и недоимки путемъ правежа. Это открывало дорогу для большихъ злоупотребленій со стороны воеводской власти.

б) *Косвенные налоги и пошлины*, возникшія въ 1 пер. изъ цѣлей благоустройства, именно: *вѣсъ*, *мѣра* и *мытъ*, остаются и въ Московскомъ государствѣ. Но завоеваніе татаръ и здѣсь произвело совершенный переворотъ: наравнѣ съ (числомъ", столь же ненавистна была и татарская *тамга*, т. е. торговая провозная пошлина, имѣющая чисто фискальное значеніе; изъ нея возникли безчисленные частные виды пошлинъ; *поворотное* (при ввозѣ товаровъ въ гостинный дворъ), *гостинное* (за помѣщеніе ихъ въ этомъ дворѣ), *анбарное* (за помѣщеніе въ закрытомъ хранилищѣ), *порядное* (при покупкѣ товаровъ изъ гостиннаго двора въ лавки), *отвозъ* (при вывозѣ товаровъ изъ города), *свальное* (при выгрузкѣ соли), *явка* (при объявленіи о прибытіи товара), *подъемное* (при свозкѣ сваленной на берегу соли въ склады), *поплашное* (при продажѣ лѣсу и дровъ), *привязная пошлина* и *роговая* (при продажѣ скота; это „тамга" въ тѣсномъ смыслѣ), *пятно* (при куплѣ-продажѣ лошадей и мн. др. Торговый уставъ 1653 г. и Уст. Грам. 1654 г., отмѣнивъ всѣ эти пошлины, ввели торговый налогъ по 10 ден. съ руб. съ продавца. Новоторговымъ устав. 1667 г. опредѣлены внѣшнія таможенныя пошлины.

Способъ взиманія пошлинъ, введеннный татарами, былъ *откупъ*, постепенно уступавшій потомъ мѣсто взиманію чрезъ выборныхъ людей (таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ).

в. *Регаліи*. Единственною регаліею Москов. госуд. надо считать *питейную*. Приготовленіе и продажа пива, меду и вина (водки) принадлежало исключительно правительству; общины и частныя лица получали, въ видѣ милости, право варить для себя питье въ извѣстные дни (праздники, свадьба и т. п.). Число кабаковъ и мѣсто нахожденія ихъ было ограничено, а также и количество потребляемаго вина однимъ лицомъ

(по 1 чаркѣ). Управленіе это регаліею ввѣрялось также общинамъ, которыя избирали „вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ“ на кружечные дворы и отвѣчали за недоборъ и злоупотребленія выбранныхъ. Общее управленіе кружечными дворами сосредоточивалось въ приказѣ Новая Четверть.

Количество госуд. доходовъ. Въ концѣ XVI в., по свидѣтельству Флетчера, весь доходъ Моск. государства равнялся 1.430.000 р. (прямые налоги 400 т., косвенные болѣе 800 т.); въ половинѣ XVII в. (по Котошихину) общій доходъ состоялъ изъ 2.229.009 р. (въ томъ числѣ отъ Сибирскихъ мѣховъ—600 т., таможенныхъ доходовъ—500 т., кружечныхъ—100 т.; судебныхъ пошлинъ 15 т.).

4. Военное Управленіе.

Какъ въ I пер., такъ и Москов. государствѣ вначалѣ было только два рода войскъ: народное ополченіе (пѣхота) и служилые люди—дворяне и дѣти боярскіе (конница). Съ полов. XVI, вводятся разныя системы постоянныхъ войскъ (различныхъ оружій).

а) *Народное ополченіе и посошная служба.* Въ началѣ періода (въ XIV в.) ополченіе по древнему обычаю собиралось поголовно (въ Мамаевомъ побоищѣ будто бы участвовало до 400 т. рус. ратниковъ); даже въ XV в. въ отдаленныхъ походахъ (на Казань въ 1470 г.) участвовали и сурожане, суконники, купецкіе люди и всѣ Московичи, по ихъ силѣ. Но съ XV в. отправленіе этой повинности приводится къ опредѣленной системѣ— именно, къ *посошной службѣ*: поставка ополченцевъ (какъ и всѣ другія повинности) разложена на сохи (съ духовенства, черныхъ людей, крестьянъ монастырскихъ и церковныхъ, съ вотчинъ и помѣстій такихъ лицъ, которыя сами не могутъ явиться на службу); на мѣстѣ происходитъ „разрубка ратниковъ“; количество ратниковъ съ сохи опредѣляется каждый разъ особо, по мѣрѣ надобности (въ 1480 г.—по коню и по человѣку съ 4-хъ сохъ; въ 1495 г.—съ 10 сохъ; бобыльскія сохи ставили только пѣхотимцевъ). Иногда вмѣсто сохъ эта повинность распредѣлялась по дворамъ (въ 1545 г. въ Новгородѣ—по одному коннику съ 3 двор. не тяглыхъ и съ 5 тяглымъ; съ гостинныхъ—съ каждаго двора по 1-му, съ суконническихъ—съ двухъ 1-го). Въ 40-хъ годахъ XVII г. и эта повинность распредѣляется по числу дворовъ. Общее число „посохи“ въ цѣломъ государствѣ въ каждомъ случаѣ было весьма различно (въ Полоцкомъ походѣ при Іоаннѣ IV было 80.900 чел. посохи). Сроки службы посошныхъ людей въ XVII в. были опредѣляемы заранѣе—при призывѣ (напр., въ 1633 г.—1 годъ; въ 1637 г.—8 мѣсяцевъ и т. п.)—*Содержаніе ополченія* и вооруженіе доставлялось тѣми же сошными людьми: псковичи въ Полоцкій походъ давали по 5 р. конникамъ, а пѣшимъ—по 2; иногда отпускали кормъ натурою (тѣ же псковичи въ 1535 г.); каждому пищальнику „сохи“ доджны дать по ружью и по 12 ф. пороху и свинцу (порохъ производили земскіе люди сами), они же должны были поставлять для ополченія опредѣленное количество телѣгъ и лодокъ. Въ посадахъ,

а иногда и въ селахъ (въ отдаленныхъ уѣздахъ) ратная повинность перелагалась на деньги (по 2 р. со двора въ XVII в.).

б) *Дворянскіе полки.* Значеніе посохи постепенно ослаблялось съ расширеніемъ границъ государства и съ успѣхами военнаго искусства (изобрѣтеніемъ пороха). Поэтому все внимніе обращено было на прежнія дружины, преобразованныя въ постоянныя дворянскія войска, вознаграждаемыя вмѣсто жалованья землями (помѣстьями): со 100 четверт. земли дворянинъ обязанъ быть самъ на конѣ и съ каждой слѣдующей сотни четвертей ставить конника въ своей свитѣ. Перевѣсъ дворянскихъ полковъ надъ ополченіемъ совершился съ начала XV в. Но еще въ XVI в иногда числа ратниковъ и дворянъ почти уравновѣшиваются (въ походѣ 1568 г. на Литву было дворянъ 10.309, ратниковъ 7.580). Флетчеръ насчитываетъ всѣхъ дворянъ, призываемыхъ къ оружію, до 80.000. По вычисленію Брикса, ко времени Мих. Ѳеодрровича однихъ дѣтей боярскихъ было до 300.000 чел. (изъ нихъ 20 т. составляли гвардію, 65 т. ежегодно охраняли Оку). Дворяне являлись съ собственнымъ вооруженіемъ. Сборъ дворянъ совершался повѣстками отъ воеводы, или губнаго старосты, или городскихъ приказчиковъ. Собирались въ главные города воеводства. Вмѣсто неявившихся („нѣтчиковъ") отправляемы были ихъ дѣти и люди, а сами нѣтчики подвергались наказанію. Независимо отъ походовъ, періодически производились „смотрины" напр., 1652, 1660, 1670, 1675, 1678 г. и т. д.), на которыхъ повѣрялась „людность, конность и оружность" дворянъ и записывались взрослые сыновья на службу; при 3-хъ сыновьхъ 1—въ полкъ, 1—въ городовую службу, а 1 оставлялся дома на хозяйствѣ.

в) *Постоянныя войска.* Уже въ XVI, а особенно въ XVII в. обнаружилась недостаточность дворянскихъ полковъ для правильной защиты государства (по отсутствію спеціальнаго военнаго образованія и по трудности созыва), въ особенности же для охраненія внутренняго порядка. Преимущественно для этой послѣдней цѣли в. кн. Василій Іоан. утвердилъ въ Москвѣ два полка пищальниковъ—конный и пѣшій; Іоаннъ IV умножилъ это число; при немъ новое *постоянное войско* стало именоваться *стрѣльцами*; главнѣйшею задачею его сдѣлалась внутренняя полиція. Это войско поселяемо было слободами вокругъ Москвы и другихъ городовъ и содержимо было на счетъ казны, получая, сверхъ того, земли на общинномъ правѣ и права торговли; въ него рекрутировались вольные охочіе люди всякаго класса (преимущ. податныхъ). Впослѣдствіи Московскіе стрѣльцы начали произвольно распоряжаться властію и, вмѣсто охраны государства, сдѣлались его язвою (подобно римскимъ преторіанцамъ). Стрѣльцы составляли собственно пѣхоту.—Въ XVII в. возникаютъ другіе спеціальные роды войскъ, а именно: регулярная конница—*рейтары*, образованная по иноземному строю; въ рейтары обязательно опредѣляемы были самые бѣдные дворяне и отчасти даточные люди; постоянная конница не дворянская были *городовые казаки*; тогда же составлена регулярная пѣхота—*солдаты*, преимущественно изъ тяглыхъ людей. Эти

роды войскъ, а также *пушкари* (артиллерія) поселяемы были въ слободахъ вокругъ городовъ, именно украинныхъ. Численность всѣхъ этихъ войскъ постоянно возрастала; такъ, *стрѣльцовъ* въ 1578 г. въ Литов. походѣ было 15.119 (при 10 т. дворянъ и $7^1/_2$ т. ополченія); въ 1634 г. на южныхъ границахъ было ихъ 22 т. и въ то же время подъ Смоленскомъ 4500. *Казаковъ* при Алексѣѣ Мих. было 1500, надѣленныхъ землями, и 5 т., получавшихъ жалованье. *Рейтаровъ* (по счету Брикса) въ концѣ XVII в. было 40 т., *драгунъ*—11.500; *поселенныхъ солдатъ*—3 т., непоселенныхъ—10 т., *Московскихъ выборныхъ* полковъ солдатскаго строю—12 т.

5) Ямское и почтовое управленіе.

Изъ другихъ видовъ управленія слѣдуетъ обратить вниманіе на *ямскую повинность и управленіе*. Первоначально снабженіе подводами и проводниками княжескихъ гонцовъ или самихъ князей и ихъ дружинниковъ, а также доставленіе имъ корма во время проѣзда составляло общую обязанность всего населенія, которая, однако, всею тяжестью падала на тѣ пункты населенія, которые лежали на болѣе проѣзжихъ путяхъ. Эту тяжелую повинность сдѣлали особенно памятною татары, отчего и названіе становъ перешло въ татарское названіе „ямъ“ (см. въ сборн. Мейера ст. О. Бржовскаго: „Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части“ и Гурлянда „Ямская гоньба“. стр. 34). Около пол. XV в. эта повинность приведена въ новый порядокъ такъ. чтобы она ложилась равномѣрнѣе на все населеніе: именно вмѣсто становъ устраиваются на большихъ путяхъ *ямы*, т. е. почтовые дворы, состоявшіе изъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, на разстояніяхъ отъ 30—40 и болѣе верстъ одинъ отъ другого. Въ нихъ поселены ямщики, выбираемые тяглымъ населеніемъ округа, приписаннаго къ ямѵ, въ количествѣ 1—2-хъ на каждомъ яму; на ямахъ бывали и дьячки для письмоводства и счетоводства. Къ ямамъ приписывались земля, иногда по 20 четв. въ полѣ, и сѣнокосы, иногда цѣлыя деревни. Поселенные ямщики, вѣроятно лично не отправляли гоньбы, а лишь распоряжались ею; гоньбу вело окрестное населеніе, которое обязано было ставить по очереди опредѣленное количество подводъ и проводниковъ за прогоны по таксѣ (за 10 верстъ по деньгѣ, а проводнику за 30 верстъ по $1^1/_2$ деньги; по Герберштейну, за 10—20 вер. по 6 денегъ); прогонныя деньги выдавало ямщикамъ правительство впередъ при утвержденіи ново-выбраннаго ямщика. Сами ямщики довольствовались, повидимому, земельнымъ надѣломъ яма, а гдѣ его не было, или онъ былъ недостаточенъ, то—подмогою отъ населенія. Для покрытія расходовъ на ямскую гоньбу со стороны государства служилъ спеціальный видъ налога—„ямскія деньги“, извѣстный во времена татарщины подъ именемъ „яма“ (въ XVI в. 10 р. съ сохи).

Около полов. XVI в. въ этой системѣ ямской гоньбы произведена реформа, впрочемъ естественно истекавшая изъ самой прежней системы:

населеніе, вмѣсто очередного отправленія подводъ на ямы, предпочитало пользоваться услугами охотниковъ, которые вызывались (за вознагражденіе) отбывать постоянно эту повинность за него. Правительство воспользовалось этимъ и организовало ямы чрезъ сосредоточеніе такихъ охотниковъ въ особыхъ ямскихъ слободахъ; въ слободы ямщики обязательно набираются со всего населенія (иногда по 4 чел. съ двухъ сохъ; см. Рус. Историч. Библіот. т. II). Для отдаленныхъ окраинъ (Сибири) само правительство подбирало охочихъ людей внутри государства. Каждая слобода снабжалась извѣстнымъ количествомъ земли (изъ земель тяглыхъ и пустыхъ помѣстныхъ); въ XVI в. на каждаго ямщика должно было приходиться не менѣе 4-хъ десятинъ (въ нач. XVII в. до 8 дес.). Надѣлы нарѣзывались и изъ частныхъ порожжихъ земель (съ условіемъ замѣны). Земля эта могла быть и населенною; въ такомъ спучаѣ крестьяне подчинялись слободѣ (какъ лицу коллективному) такъ же, какъ на помѣстныхъ земляхъ—помѣщику. Дворы должны быть выстроены также волостями. Землею ямщики пользовались на общинномъ правѣ: „пашню пахать и сѣно косить повытно всѣмъ“. Управлялъ слободою приказчикъ и выборный староста. Устройство каждой слободы укрѣплялось т. н. „строельною“ или „устройною книгою“. Лица, попавшія въ ямщики, передавали свою обязанность и право наслѣдственно; при запустѣніи яма, онъ наполнялся опять посредствомъ новаго набора съ сохъ. Сохи давали ямщикамъ подмогу какъ при поставкѣ ямщика—единовременную, такъ и ежегодно—постоянную (отъ 5 до 25 руб. каждому). Въ XVII в. какъ устройство ямовъ, такъ и выдачу жалованья ямщикамъ правительство взяло на себя, а потому въ XVII вѣкѣ прежняя спеціальная подать, „ямскія деньги“, несравненно возвышается (до 800 руб. съ сохи), хотя параллельно существуетъ другая ямская подать—„малая ямщина“. Цѣль учрежденія ямовъ—исключительно государственная (а не общественная), именно препровожденіе правительственныхъ гонцовъ и посланниковъ (но не корреспонденціи). Однако, всѣ высшіе классы, будучи служилыми людьми, и духовныя лица постоянно пользовались ямами законно или незаконно (см. Ак. Ист. V, № 25)[1]—Собственно почта (для передачи всякой коррепонденціи) учреждена при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ 1663—1665 гг. сначала по трактамъ въ Вильну и Ригу; почты содержимы были по подряду иностранцами.

6) Мѣры государства относительно народнаго просвѣщенія.

Московское государство не имѣло особыхъ органовъ для управленія народнымъ образованіемъ, ибо и самое образованіе не признавалось за

[1]) Въ нѣкоторыхъ частяхъ государства (преимущественно на сѣверо-востокѣ) ямская гоньба замѣнялась „мірскими отпусками“, т. е. наймовъ подводъ отъ населенія съ препровожденіемъ ихъ отъ волости до волости или до другого уѣзда. Это, вѣроятно, древнѣйшій способъ, уцѣлѣвшій, однако, до XVII в.

государственную потребность до конца XVII вѣка. Образованіе находилось подъ вѣдомствомъ церкви и низшихъ (приходскихъ) общинъ. Государство лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ побуждало церковь болѣе заботливо относиться къ этой функціи: такъ, Стоглавый соборъ „уложилъ по царскому совѣту“ слѣдующее: „въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ со всѣми священники и діаконы, коемуждо къ своемъ градѣ, по благословенію святителя, избрати добрыхъ духовныхъ—священниковъ и діаконовъ и діяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, и грамотѣ—чести и пѣти и писати гораздовыхъ; и у тѣхъ священниковъ, и у діаконовъ и діяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священницы, и діаконы, и всѣ православные христіяне въ коемждо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія налойнаго“. Подобнаго рода, такъ сказать, центральныя училища предназначались для спеціальной цѣли приготовленія священниковъ и причетниковъ къ церквамъ: „пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти священническому чину“ (Стогл. 26).—Гораздо большее значеніе имѣетъ *общее элементарное образованіе,* сообщавшееся въ каждой (по возможности) приходской общинѣ и начавшееся еще со введенія христіанства (см. выше стр. 82). Здѣсь учителями было приходское духовенство; ученики набирались не только для образованія, но и съ цѣлями призрѣнія, изъ сиротъ и бобылей. Изъ этого комплекта пополнялось приходское духовенство (по выборамъ прихожанъ); отсюда же выходили дьяки (земскіе и другіе) и подъячіе. Сущность этого образованія заключалась въ обученіи чтенію, письму (съ XVII в. и счисленію), а также и закону Божію (по богослужебнымъ книгамъ); къ этому присоединялось сообщеніе всѣхъ свѣдѣній, которыми располагали тогдашіе грамотеи: въ тогдашнихъ азбуковникахъ содержатся основные пункты вѣроученія, житія святыхъ, извлеченія изъ твореній св. отцовъ, краткіе словари, основныя начала грамматики, иногда географіи. Другая и главнѣйшая сторона этихъ школъ есть воспитаніе: „паче же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ“ (Стогл. ibid). Что касается до дѣйствительной распространенности этого образованія, то, конечно, до всеобщей грамотности было далеко (попадались безграмотные люди даже въ боярскомъ классѣ); но зато достойно замѣчанія количество грамотныхъ въ простонародіи (какъ и нынѣ между раскольниками) и широкая распространенность тогдашнихъ произведеній письменной литературы.

Въ концѣ XVII в. въ Москвѣ учреждаются и проектируются *училища для средняго и высшаго образованія* (по образцу южно-русскихъ братскихъ училищъ): въ 1649 г. возникло Андреевское братство, учрежденное Ртищевымъ; затѣмъ патріаршее Чудовское училище; съ 1666 г.—Іоанно-Богословское училище. Въ нихъ производилось „ученіе грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи“. Въ 1682 г. явился проектъ Московской славяно-греко-латинской академіи (см. по во-

просу о народномъ образованіи наше изслѣд. „Государство и народное образованіе въ Россіи“. Журн. мин. нар. пр. 1874 г.).

Д. Законодательство.

Общій ходъ исторіи источниковъ права въ Московскомъ государствѣ хотя и ведетъ къ окончательному торжеству закона надъ обычнымъ правомъ, но указываетъ, что самое законодательство старается лишь узаконить обычай. Установленіе произвольныхъ нормъ начинается лишь съ конца XVII вѣка. Поэтому мы въ правѣ назвать Московскій періодъ временемъ равновѣсія закона и обычая.

1) Жалованныя и уставныя грамоты (XIV—XV вв.).

Въ Московскомъ государствѣ уже съ XIV в. нѣтъ никакихъ слѣдовъ дѣйствія Русской Правды (кромѣ одной—55 статьи Судебн. 1497 г.). Напротивъ, несомнѣнно, что византійскіе источники получаютъ все бо́льшую примѣнимость, благодаря возрастающему вліянію духовенства и расширенію его имуществъ, но въ свѣтскихъ судахъ они не могли имѣть примѣненія. Извѣстны были въ Москвѣ и мѣстные кодексы—Новгородскій и Псковскій, но, конечно, не имѣли силы закона. Итакъ, почти вся юридическая жизнь народа предоставлялась въ продолженіе двухъ столѣтій дѣйствію обычнаго права и частной воли князей, не выраженной въ письменной формѣ закона. Единственными письменными формами закона того времени были: а) жалованныя, б) уставныя грамоты.

а) **Жалованныя грамоты** суть *привилегіи*, или частные законы (priva lex). Начало ихъ относится еще къ I періоду; сверхъ того, ихъ особенности проникаютъ отчасти въ княжескіе „уставы“ того времени. Но вполнѣ плодородная почва для развитія этой формы закона явилась лишь въ Московскомъ государствѣ, когда власть сосредоточена была въ лицѣ в. князя, который сталъ единственнымъ источникомъ правовыхъ нормъ. Число жалованныхъ грамотъ того времени весьма велико и виды ихъ разнообразны; уже Горбуновъ при своемъ изслѣдованіи: „Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ“ (Арх. историч. и практич. свѣдѣній, 1860 г., I, V и VI), имѣлъ предъ собою до 230 изданныхъ такихъ грамотъ; нынѣ число изданныхъ еще увеличилось, и большая масса остается неизданною (г. Мейчикъ въ своей работѣ: „Грамоты XIV и XV в. Москов. арх. минист. юст.“, М. 1883 г.,—указываетъ около 110 гр. того времени). Большая часть ихъ дается монастырямъ и друг. церковнымъ учрежденіямъ, меньшая—свѣтскимъ лицамъ. По источнику пожалованія, грамоты должны быть раздѣлены на исходящія отъ вел. князя и исходящія отъ церковныхъ властей и князей служилыхъ; но послѣднія могутъ

быть включены въ число законодательныхъ актовъ лишь тогда, когда пожалованіе укрѣплено государственною властію.—Что касается до предметовъ пожалованія, то подъ названіемъ „жалованныхъ грамотъ“ разумѣется три рода совершенно различныхъ актовъ правительственной дѣятельности: это грамоты: 1) *Жалованныя въ тѣсномъ смыслѣ*, т. е. дарственные акты на имущества отъ государства частнымъ лицамъ; они содержатъ въ себѣ пожалованіе недвижимыхъ имуществъ, угодьевъ и промысловъ, или укрѣпляютъ сдѣлки на недвижимыя имущества между частными лицами, равно между этими послѣдними и княземъ. Такой видъ грамотъ, какъ заключающій въ себѣ совершенно частную норму, не имѣетъ никакого значенія въ исторіи источниковъ права, если только пожалованіе не соединяется со льготами, при чемъ этотъ видъ грамотъ сливается съ слѣдующимъ.—2) *Льготныя* (иммунитеты), т. е. содержащія въ себѣ освобожденіе грамотчика отъ общихъ тягостей суда и дани; въ нихъ получившій пожалованіе освобождается отъ суда мѣстныхъ властей (съ подчиненіемъ суду князя), а лица, живущія въ его имѣніи, или вполнѣ подчиняются суду своего землевладѣльца, или только частію (послѣднее гораздо чаще; обыкновенно владѣльцу вручается судъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ). То же и относительно дани и повинностей въ пользу мѣстныхъ властей, и пошлинъ при проѣздѣ и перевозкѣ товаровъ. По этому послѣднему признаку грамоты этого рода именуются *обыльными*. Грамоты, содержащія полное освобожденіе, именуются тарханами. Обѣ льготы (отъ суда и дани) могутъ быть даны раздѣльно, но б. ч. соединяются вмѣстѣ въ одномъ пожалованіи. Заключая въ себѣ изъятія изъ общихъ нормъ, жалованныя грамоты уясняютъ намъ эти общія нормы лишь отрицательно, т. е. общимъ правомъ должно быть признано то, отъ чего освобождается грамотчикъ. Иммунитеты, или привилегіи, занимаютъ весьма важное мѣсто въ исторіи общихъ источниковъ права новоевропейскихъ народовъ: при огромномъ количествѣ пожалованій, частный законъ можетъ обратиться въ общій, исключеніе—въ общее правило; такимъ образомъ права лицъ всего высшаго класса общества (который одинъ и пользовался всѣми гражданскими правами) обращаются изъ частныхъ привилегій въ обще-сословное право, а затѣмъ въ общій законъ. Въ Московскомъ государствѣ этого не случилось, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что привилегіи не были столь многочисленны и обыкновенны (какъ, напр., въ Польшѣ); во-вторыхъ, потому, что содержаніе привилегій не было однообразно и одинаково полно и, наконецъ, въ-третьихъ, твердость привилегій (сохраненіе ихъ въ потомствѣ) ничѣмъ не гарантировалась, хотя иногда въ грамотѣ обозначается, что привилегія дается безъ отнятія: при пожалованіи частнымъ лицамъ иногда не указывается, что въ привилегіи участвуютъ и наслѣдники получившаго пожалованіе; каждый новый князь могъ взять пожалованіе назадъ. Отсюда, при перемѣнѣ лица князя и при вступленіи въ наслѣдство получившаго пожалованіе, каждый разъ обращаются съ просьбою о подтвержденіи грамоты. То же было сначала и въ иммунитетахъ западной Европы, а также

въ Польшѣ и Литвѣ, но тамъ вскорѣ подобное подтвержденіе обратилось въ обязанность новаго государя. У насъ уже Іоаннъ IV уничтожилъ тарханы въ принципѣ (см. выше), а потому изъ грамотчиковъ не успѣло выработаться привилегированное сословіе, а изъ жалованныхъ грамотъ—общій законъ. 3) Третій видъ актовъ, именуемыхъ жалованными грамотами, можетъ быть названъ грамотами *охранительными* (иногда называютъ ихъ *заповѣдными* или *указными*): это акты, утверждающіе *общую законодательную норму* въ примѣненіи къ частному случаю и лицу. Общія нормы не установляются этими грамотами, а лишь подтверждаются и санкціонируются угрозами наказаній за ихъ нарушеніе; самыя же нормы предполагаются уже существующими или въ силу обычнаго права, или въ силу пожалованія; напр., каждому гражданину принадлежитъ право иска и назначенія срока явки къ суду противъ разбойниковъ, воровъ и грабителей; но это право спеціально утверждается особою грамотою за извѣстнымъ лицомъ; всякій можетъ защищать свой лѣсъ отъ сторонніхъ порубокъ, свой прудъ—отъ чужой ловли; но всѣ эти права могутъ быть укрѣплены и укрѣпляются за нѣкоторыми частными лицами. Обычное право требовало отказывать крестьянъ отъ другого владѣльца въ одинъ срокъ въ году и разумѣется не иначе, какъ при полномъ удовлетвореніи прежняго владѣльца,—но Бѣлозерскій князь укрѣпляетъ это именно за Кирилловымъ монастыремъ.—Какъ акты, не установляющіе норму, а охраняющіе ее, грамоты этого рода мы могли бы относить не къ законамъ, а (выражаясь нынѣшнимъ терминомъ) къ распоряженіямъ, если бы нормы права были тогда въ точности опредѣлены и извѣстны; они иногда избираютъ для укрѣпленія одну изъ колеблющихся нормъ (напр., отказы крестьянъ совершались уже не въ одинъ Юрьевъ день; лѣса и воды могли быть и предметомъ частнаго владѣнія и общаго пользованія, пока не становились заповѣдными). Подобное же значеніе для источниковъ права имѣютъ и судебные приговоры князей (*правыя грамоты*) какъ укрѣпляющіе по частному случаю общую норму; въ Москов. государствѣ (XIV и XV в.) и законодательная и судебная власть сливалась въ одномъ лицѣ вел. князя. Самый важный видъ подобныхъ „заповѣдей“ относится къ воспрещенію беззаконныхъ дѣяній и превышенія власти со стороны намѣстниковъ и ихъ людей. Защита государства отъ этихъ послѣднихъ, обращенная ко всему населенію провинціи, составляетъ главное содержаніе другого рода грамотъ—*Уставныхъ*.

б) **Уставными грамотами** называются акты, опредѣляющіе мѣстное управленіе той или другой области. Къ эпохѣ XIV и XV вв. относится лишь одинъ видъ ихъ, именно *грамоты намѣстничьяго управленія;* прочія, т. е. губныя грамоты и уставныя земскія, относятся уже къ эпохѣ Судебниковъ (но по тѣсной связи предмета мы разсмотримъ ихъ тутъ же). Уставными намѣстничьими грамотами опредѣляются отношенія намѣстника или волостеля къ жителямъ уѣзда или волости, управляемыхъ ими (древнѣйшія и важнѣйшія грамоты этого рода, именно—Двинскую 1397 года и Бѣлозерскую 1488 г. см. въ нашей Христоматіи вып I и II; полный ука-

затель ихъ см. въ изслѣдов. проф. Загоскина: „Уставныя грамоты XIV и XV.“ вып. 1 и 2). Уставная грамота не есть наказъ, опредѣляющій обязанности правителя, а пожалованіе правъ населенію провинціи однажды навсегда: „вел. кн. Вас. Дмитріевичъ пожаловалъ... бояръ своихъ Двинскихъ.. и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли“. Въ нихъ безграничная государст. власть, представитемъ которой является намѣстникъ, приводится въ опредѣленныя границы, именно опредѣляется не то, что долженъ дѣлать намѣстникъ, а то, чего онъ не долженъ дѣлать. —Однако, уставная грамота отнюдь не есть привилегія: въ ней содержатся не исключенія изъ общихъ нормъ, а мѣстное примѣненіе ихъ: это есть *законъ мѣстный* (но не частный). Существенное *содержаніе* намѣстничьихъ грамотъ совершенно одинаково: въ нихъ опредѣляется кормъ намѣстника, судебныя пошлины и уголовные штрафы въ пользу намѣстника, пошлины за вызовъ къ суду и отъ ареста обвиняемаго въ пользу слугъ намѣстника (его дворянъ); торговыя и свадебныя пошлины; далѣе, опредѣляется отношеніе судебной власти намѣстника къ суду центральному, никто не можетъ вызвать провинціала въ Москву помимо мѣстнаго правителя, но на неправый судъ и беззаконныя дѣйствія самого намѣстника жители имѣютъ право жалобы вел. князю; потомъ опредѣляется составъ лицъ намѣстничьяго управленія (тіуновъ, праветчиковъ и доводчиковъ, назначаемыхъ самимъ намѣстникомъ), съ цѣлію оградить населеніе отъ излишнихъ поборовъ и издержекъ на нихъ. Далѣе, воспрещаются незаконныя дѣйствія со стороны слугъ намѣстиика (очевидно, тѣ, которыя были особенно обычны: напр., вторженіе незванными на пиры и братчины). Наконецъ, въ уставн. грамотахъ содержатся иногда немногочисленныя нормы матеріальнаго уголовнаго права, но лишь по связи ихъ съ правами намѣстника на уголовный судъ и пошлины.—Сравнивая уставныя грамоты Московск. государства съ земскими грамотами Литовско-Русскаго, находимъ, что послѣднія несравненно богаче содержаніемъ, именно въ нихъ опредѣляются всѣ отношенія подданныхъ къ государств. власти, а не отношенія ихъ лишь къ мѣстнымъ правителямъ. Другое важное отличіе уставныхъ грамотъ Москов. государства отъ земскихъ грам. Литовскихъ заключается въ томъ, что первыя, кромѣ одной Двинской 1397 г., всѣ обращены лишь къ тяглымъ—податнымъ классамъ; Литовскія—преимущественно къ высшимъ классамъ общества. Тѣмъ не менѣе, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Москвѣ изъ мѣстныхъ уставныхъ грамотъ выработался потомъ общій законъ, именно въ Москвѣ Судебникъ 1497 г.

Губныя грамоты. Съ тѣхъ поръ, какъ правительство обратилось къ устройству самоуправленія въ провинціяхъ, появился и новый родъ уставныхъ грамотъ. Грамоты, которыми установляются губныя учрежденія (см. выше стр. 195), именуются губными. Онѣ начинаются съ 30 годовъ XVI в. и продолжаются потомъ до конца XVII в. (несмотря на существовавшій уже общій законъ—Уставную книгу разбойнаго приказа). Губныя грамоты, хотя и даются по просьбѣ самого населенія, но менѣе имѣютъ характеръ пожалованія, ибо ими возлагается на населеніе обязанность

ловить и карать разбойниковъ. Важное отличіе губныхъ грамотъ отъ уставныхъ заключается въ томъ, что губныя обращены ко всему населенію (со включеніемъ служилыхъ классовъ). Содержаніе губныхъ грамотъ, кромѣ учредительной части, гдѣ опредѣпяется избраніе, составъ и обязанности губныхъ властей,—касается (болѣе, чѣмъ въ уставныхъ грамотахъ) матеріальнаго уголовнаго права. Общія черты ихъ содержанія составили потомъ общій уголовный законъ,

Уставныя земскія грамоты суть грамоты, опредѣляющія мѣстное земское самоуправленіе, какъ оно установлено реформами Грознаго. Онѣ начинаются съ 1552 г. и продолжаются до 2-й четверти XVII в. (важнѣйшія изъ нихъ: Важская грам. 1552 г. и Двинская 1556 г.). Хотя грамоты этого рода имѣютъ болѣе широкія задачи, чѣмъ губныя (такъ какъ земское самоуправленіе гораздо шире губнаго), но значеніе тѣхъ и другихъ среди источниковъ права одинаково. Вообще земскія грамоты поглощаютъ въ себѣ и отчасти перерабатываютъ содержаніе какъ уставныхъ намѣстничьяихъ, такъ и губныхъ грамотъ, касаясь финансоваго, полицейскаго, уголовнаго и отчасти гражданскаго права съ точки зрѣнія вѣдомства, компетенціи земскихъ учрежденій. Всѣ три рода уставныхъ грамотъ имѣютъ спеціальный *учредительный* характеръ. Внѣ этой черты б. ч. случайныхъ постановленій и нѣкотор. другихъ, вся область права подлежала еще дѣйствію обычаевъ. Впрочемъ, бѣдность нормъ, содержащихся въ губныхъ и земскихъ грамотахъ, изъясняется уже отчасти существованіемъ въ то время общаго кодекса въ формѣ Судебниковъ.

2) Судебники и Указныя книги (XVI и 1-я пол. XVII в.).

Судебникъ вел. князя Іоанна Васильевича 1497 г. Какъ ни однообразно было содержаніе уставныхъ грамотъ въ существенныхъ чертахъ, между ними были значительныя разницы въ подробностяхъ; центральному правительству приходилось каждый разъ справляться съ этими мѣстными законами. Далѣе, при многочисленныхъ мѣстныхъ законахъ, центральное управленіе и судъ не были опредѣлены никакимъ закономъ. Поэтому, когда въ концѣ XV в. всѣ области сѣверной Руси собрались вокругъ Москвы, то Іоаннъ III рѣшился объединить мѣстные законы въ одинъ общій. Проектъ такой работы былъ выполненъ дьякомъ Владиміромъ Гусевымъ, а затѣмъ получилъ силу закона въ 1497 г. съ сентября (тогдашняго новаго года), будучи утвержденъ вел. княземъ съ дѣтьми его и боярами. Новый общій законъ самъ не придалъ себѣ никакого названія, но онъ обыкновенно именуется *Судебникомъ* по аналогіи съ Судебникомъ Іоанна IV и по существу своего содержанія (этотъ памятникъ, послѣ появленія царскаго Судебника, былъ утраченъ, и до XIX столѣтія о немъ знали только по выдержкамъ, въ латинскомъ переводѣ, которыя приложилъ къ своимъ мемуарамъ бат. Герберштейнъ; лишь въ 1817 г. онъ былъ найденъ и напечатанъ въ 1819 г. Строевымъ и Калайдовичемъ). Судебникъ раздѣ-

ленъ на статьи, б. ч. которыхъ отдѣлена особыми заглавіями, остальныя—пунктуаціею и совершенно очевидною разницею содержанія [1]). *Источникъ*, изъ котораго заимствованы постановленія въ Судебникъ, составляютъ *уставныя грамоты* мѣстнаго управленія; это не только основной, но почти единственный источникъ первой и второй части памятника, съ тою разницею, что относительно суда центральнаго заимствуется содержаніе уставныхъ грамотъ въ выдержкахъ, а относительно провинціальнаго переписывается почти буквально. Но составитель Судебника имѣлъ также въ рукахъ и *Псковскую Судную грамоту*, изъ которой сдѣлалъ (весьма бѣдныя) заимствованія матеріальнаго гражданскаго права [2]). При этомъ московскій рецепторъ приспособлялъ вѣчевое законодательство къ особенностямъ Низоваго государства: такъ, законъ о послушествѣ (ст.50) получилъ здѣсь, несмотря на внѣшнее сходство, совершенно иной внутренній смыслъ: послушество уже не зависитъ отъ воли послуха; явка на судъ обязательна для послуха, какъ и для простого свидѣтеля. Затѣмъ, московскій рецепторъ сокращалъ узаконенія Псков. Судн. Гр., при чемъ иногда извращался ихъ смыслъ (по ст. 54 всякій наймитъ, безъ различія—будетъ ли то дворный, или для урочнаго дѣла, лишается всей заработной платы, если не дослужилъ срока). Иногда Судебникъ дополняетъ поясненіями текстъ Пск. Судн. Гр., совершенно излишними для юридическаго псковскаго языка, который былъ непонятенъ въ Москвѣ (см. ст. 9, гдѣ къ техническимъ словамъ: „живота ни дати“ прибавленъ плеоназмъ: „казнити его смертною казнію“). Иногда, напротивъ, Суд. зимствуетъ буквально изъ Пск. Судн. Грам. постановленія, противорѣчащія другимъ законамъ Москов. государства, которые внесены въ тотъ же Судебникъ (см. 49 и 52 ст. о послушествѣ). Вообще же Судебникъ гораздо бѣднѣе Пск. Судн. Грам. по содержанію, юридической концепціи и искуству редакціи.—Далѣе, предъ московскимъ законодателемъ была и *Русская Правда*, но онъ взялъ изъ нея (несомнѣнно) лишь одну статью (55—о займѣ, т. е. о взысканіи съ несостоятельнаго).—Благодаря своему одностороннему содержанію (о судопроизводствѣ), Судебникъ почти совсѣмъ не могъ воспользоваться живымъ *обычнымъ правомъ*, кромѣ нѣкоторыхъ единичныхъ понятій уголовнаго права (напр., о различіи вѣдомаго лихого человѣка отъ простого преступника), и немногихъ понятій гражданскаго права (ст. 63—о трехлѣтней давности; ст. 61—объ отвѣтственности за потраву сосѣдей, обязанныхъ огораживать поля; ст. 57—о переходѣ крестьянъ въ Юрьевъ день). Нѣкоторыя постановленія, несомнѣнно, должны быть приписаны, какъ но-

[1]) Въ нашемъ изд. Судебникъ *не раздѣленъ* нами на статьи, а готовыя статьи лишь перенумерованы, что, конечно, не только не измѣняетъ смысла, но и внѣшняго вида памятника.

[2]) Сл. ст. 9 Суд. съ 7 Пс. С. Грамоты; ст. Суд. 46 съ ст. 46 Пс. Суд. Грам. ск. 47 С. съ ст. 47 П. С. Г.; ст. 49 С. съ ст. 21 П. С. Г.; ст. 51 С. съ ст. 22 П. С. Гр.; ст. 52 Суд. съ ст. 36 Пск. Суд. Гр.; ст. 54 Суд. съ ст. 40 Пск. Суд. Гр.; ст. 58 Суд. съ ст. 105 Пск. Суд. Гр.

выя, Іоанну III: таковы, напр., запрещеніе отказывать въ правосудіи (ст. 2), законы о взяточничествѣ и лжесвидѣтельствѣ (67) и нѣк. другія.

Содержаніе и система Судебника опредѣляются отчасти его источниками. Его можно раздѣлить на три части: *первая* (ст. 1—36) о судѣ *центральномъ* (со вставочною частію уголовнаго содержанія); *вторая* (ст. 37—44) о судѣ *провинціальномъ* (намѣстничьемъ); такъ какъ содержаніе этихъ обѣихъ частей взято изъ уставныхъ грамотъ, то въ той и другой части постановленія иногда буквально повторяются (сл., напр., 8 ст. съ 39 о татьбѣ). *Третья часть* (ст. 46—66 съ добавочными ст. 67—68) содержитъ въ себѣ главн. обр. матеріальное гражданское право (о давности, наслѣдствѣ, договорахъ займа и найма, куплѣ-продажѣ, о переходѣ крестьянъ, о холопствѣ). Изъ такого состава Судебника само собою ясно, что основное содержаніе его есть *процессуальное право*: „уложилъ вел. князь... о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ"; так. обр., первая форма общаго закона въ Москов. государствѣ далеко не обнимаетъ всѣхъ правовыхъ нормъ, бывшихъ въ юридическомъ оборотѣ, а потому Судебникъ отнюдь не исключаетъ огромнаго примѣненія въ жизни обычнаго права.

Судебникъ царскій 1550 г. Такая односторонность и недостаточность 1-го Судебника обнаружилась вскорѣ по изданіи его; сынъ Іоанна III—вел. кн. Василій—дополнилъ законы отца; судебникъ Вас. Іоанновича не дошелъ до насъ; но сынъ Василія—Іоаннъ IV, создавая новый Судебникъ, конечно, имѣлъ передъ собою законы отца и включилъ ихъ въ свои.—Судебникъ, цар. изданъ такъ же, какъ и 1-й, царемъ съ участіемъ его братьевъ и бояръ. Говоря о земскихъ соборахъ, мы выразили предположеніе, что большія реформы 50-хъ годовъ XVI в. могли быть вызваны совѣщаніями съ первымъ земск. соборомъ. Хотя въ томъ же 1550 г. Судебникъ былъ изготовленъ, но на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. (на которомъ присутствовали не одни духовныя лица, но и „братья в. кн., князи, бояре и воини") царь предложилъ его на разсмотрѣніе и утвержденіе: „прочтите и разсудите", говорилъ онъ, ...аще достойно сіе дѣло, на св. соборѣ утвердивъ, подписати на Судебники и на уставной грамотѣ". Подлинникъ Судебника, подписанный членами собора, долженъ былъ храниться „въ казнѣ" (гдѣ хранились тогда вообще госуд. акты). Итакъ, Судебникъ долженъ былъ получить свою силу только съ 1551 г. Съ изданіемъ Уложенія ц. А. М., и этотъ Судебникъ, подобно 1-му, былъ забытъ и утраченъ; нѣсколько экземпляровъ его открылъ Татищевъ; сличивъ ихъ, онъ собралъ дополнительныя статьи, присоединилъ свои примѣчанія (съ учебно-практическимъ направленіемъ) и въ такомъ видѣ сдалъ рукопись въ Академію наукъ, но лишь въ 1768 г. появился въ печати этотъ памятникъ въ Татищевской обработкѣ. Съ тѣхъ поръ Судебникъ былъ издаваемъ нѣсколько разъ.

Основнымъ источникомъ для цар. Судебника послужилъ *1-й Суд.*, съ дополненіями вел. кн. Вас. Іоанновича и новыми узаконеніями самого Грознаго. Изъ сличенія обоихъ судебниковъ оказывается, однако, что цар. Суд. не просто заимствуетъ изъ 1-го, а перерабатываетъ заимствуемое двоякимъ обр.: а) въ Суд. 1-мъ нерѣдко постановленія не имѣютъ второй

существенной части (о послѣдствіяхъ нарушенія закона), которая и придается имъ въ Суд. царскомъ; напр., Суд. 1-й (ст. 2) запрещаетъ судьямъ отказывать въ правосудіи тѣмъ лицамъ, которыя имъ подсудны; но не полагаетъ никакого наказанія за такой отказъ; Суд. цар. (ст. 7) прибавляетъ: „быти отъ государя въ опалѣ". Суд. 1-й (ст. 1) запрещаетъ судьямъ брать взятки и рѣшать дѣла по пристрастію, но не полагаетъ за то никакого наказанія; Суд. цар. (ст. 3—5) назначаетъ нѣсколько наказаній за разные виды умышленнаго неправосудія. Вообще 1-й Суд. представляетъ собою законъ въ видѣ lex minus perfecta; Суд. цар.—lex perfecta.—б) Судебникъ царскій расчленяетъ постановленія 1-го Судебника, создавая нерѣдко изъ одной его статьи нѣсколько статей: такъ, въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ умышленное неправосудіе можетъ б. совершено по винѣ боярина (судьи), дьяка или подъячаго; оно можетъ быть слѣдствіемъ подкупа судьи, подлога или искаженія акта дьякомъ; все это раздѣлено въ цар. Суд. въ отдѣльныя статьи. Впрочемъ, гораздо чаще добавленія Судебника царск. вмѣщаются внутрь текста той же статьи, не создавая новыхъ (напр., ст. 7—15).—Значительную часть ($^1/_3$) Судебника царск. составляютъ *новыя статьи* (всѣхъ съ статьями разъяснительными—32), изъ которыхъ нѣкоторыя могли быть составлены при самомъ изданіи цар. Суд.; но большая часть ихъ должна быть отнесена на счетъ утраченнаго судебн. Вас. Іоанновича и вообще указовъ, дополнявшихъ 1-й Суд. отъ 1497 г. по 1550. Выдѣлить эти двѣ группы новыхъ статей одну отъ другой довольно трудно; лишь до нѣкоторой степени можно исполнить эту задачу, приписавъ самому Грозному тѣ статьи, въ которыхъ замѣтно направленіе къ сокращенію произвола бояръ и къ усиленію самоуправленія низшихъ классовъ. Можно указать слѣд. цѣльныя группы новыхъ постановленій: 1) статьи 20—26, 28—30 (о нѣкоторыхъ формахъ обвинительнаго процесса и о безчестьѣ); 2) ст. 64, 63, 68—71 и 73 (о намѣстничьемъ судѣ); 3) ст. 77—82, 85 (о холопствѣ, кабалѣ и о правѣ родового выкупа); 4) ст. 97—98 (о силѣ дѣйствія и порядкѣ составленія законовъ). Іоанну IV можно приписать постановленія объ уничтоженіи тарханныхъ грамотъ (ст. 43), дополнительныя постановленія объ участіи старостъ и цѣловальниковъ въ намѣстничьемъ судѣ (ст. 62, 68, 69, 70).

Сила дѣйствія закона и отношеніе его къ обычному праву въ эпоху Судебниковъ. Вообще же изъ сравненія содержанія двухъ Судебниковъ оказывается, что законъ въ пространство времени, раздѣляющее ихъ, сдѣлалъ весьма незначительные успѣхи, охвативъ собою немного новыхъ нормъ; и цар. Судебникъ есть памятникъ преимущественно процессуальнаго права; почти все право гражданское стояло еще внѣ сферы опредѣленій закона.—Несмотря на такую бѣдность юридическаго содержанія, Суд. царскій объявилъ законъ всеобъемлющимъ и единственнымъ источникомъ права: „впередъ всякіе дѣла судити по сему Судебнику" (ст. 97); если же возникнутъ дѣла о предметахъ, не предусмотрѣнныхъ Судебникомъ, то они должны рѣшаться не по обычному праву, а должны быть представляемы для разрѣшенія законодательной власти, которая, по

этимъ поводамъ, даетъ новые законы (ст 98). Едва ли такая идеальная всеобъемлющая сила закона тотчасъ же осуществилась въ практикѣ: многія дѣла и послѣ могли быть разрѣшаемы по установившимся обычаямъ судьями, не восходя къ законодателю.—Въ тѣхъ же статьяхъ ц. Суд. содержатся опредѣленія о способахъ составленія закона: инициатива закона (кромѣ непосредственной инициативы законод. власти, что само собою разумѣлось) могла исходить отъ подчиненныхъ властей, представляющихъ къ разрѣшенію новые вопросы, возникающіе на практикѣ. Самое творчество закона принадлежитъ царю и бояр. думѣ въ возможно полномъ составѣ ея („всѣхъ бояръ приговору"). Дѣйствіе закона начинается съ момента его изданія („съ котораго дни уложилъ"), что, впрочемъ, на практикѣ должно было сводиться къ тому моменту, когда законъ сдѣлался извѣстнымъ для подданныхъ. О публикаціи закона Судебники молчатъ; они предписываютъ чрезвычайныя мѣры публикаціи лишь для одного постановленія, вошедшаго въ нихъ, именно о воспрещеніи брать посулы и лжесвидѣтельствовать („велѣти прокликати по торгамъ на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ..."); особыя мѣры публикаціи (кромѣ обыкновенной разсылки списковъ закона въ присутственныя мѣста) едва ли и нужны были для такого закона, который, содержалъ въ себѣ процессуальныя нормы и обращенъ былъ къ судьямъ и правителямъ, а не къ населенію. Законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія: „которые дѣла прежъ сего Судебника вершены..., быти тѣмъ дѣломъ всѣмъ..., какъ прежде сего вершены..." (ст. 97, сл. ст. 78).—Общій законъ дѣйствуетъ на пространствѣ всего государства (сл. ст. 99 цар. Суд.) въ противоположность прежнимъ мѣстнымъ законамъ [1]).

Стоглавъ. Подъ именемъ Стоглава разумѣются постановленія церковно-государственнаго собора 1551 г. (раздѣленныя искусственно на 100 главъ по подражанію Судебнику царскому, имѣющему 100 статей). Посредствомъ этого собора царь думалъ произвести такія же реформы въ церковномъ управленіи, какія онъ въ то же время проводилъ въ государствѣ; вопросы для обсужденія (письменные) предложилъ собору царь. Постановленіе Стоглава и его судьба имѣютъ двоякое значеніе для исторіи свѣтскихъ источниковъ права: во-первыхъ, въ немъ содержится много опредѣленій, прямо касающихся свѣтскаго права: семейнаго права (о бракѣ гл. 18—24), гражданскаго (о церковныхъ вотчинахъ—гл. 75, гдѣ соборъ старается защитить церковь отъ начинающихся попытокъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, о договорѣ займа въ отношеніи къ церковнымъ учрежденіямъ—гл. 76), уголовнаго (о лже-присягѣ гл. 37—38; о нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ вѣры и церкви 92—94) и, наконецъ, государственнаго права (о святительскомъ судѣ—гл. 53—69, гдѣ церковь старается утвердить неприкосновенность церковнаго суда и вводитъ въ организацію его участіе выборнаго элемента духовнаго и земскаго). Второе значеніе Стоглава касается самой судьбы закона и отношенія его къ обычному праву;

[1]) См. дополн. Л.

побужденіемъ къ законодательству служитъ рознь обычаевъ, совершенно нетерпимая въ сферѣ церковной жизни; царь заявляетъ, что „обычаи въ прежнія времена... поисшатался..., преданія законы порушены, или ослабно дѣло и небрегомо". Законъ, напротивъ, стремится установить *вѣчно*-однообразныя нормы: соборъ исполнилъ свою задачу; но впослѣдствіи оказалось, что онъ узаконилъ нѣкоторые такіе вбычаи, которые противны ученію или практикѣ древней церкви и за которые потомъ держались и держатся наши раскольники. Поэтому соборъ 1667 г. совершенно отмѣнилъ всѣ постановленія Стоглава. Къ этому подало поводъ и то, что соборъ 1551 г. не выразилъ своихъ постановленій въ твердой общей письменной формѣ [1]) (послѣ въ провинціи посылаемы были „наказы" отъ митрополита о соборныхъ рѣшеніяхъ съ произвольною группировкою и формою ихъ; см. „Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г.", изд. Ил. Бѣляевымъ. М. 1863 г.), а потому списки соборныхъ опредѣленій измѣнялись и искажались въ народѣ (Стоглавъ изданъ Казанской академіею въ 1862 г. и въ Петербургѣ 1863 г.). Подтвержденіе нѣкоторыхъ постановленій Стоглава государственнымъ закономъ было дано одною изъ первыхъ дрполнительныхъ статей къ Судебнику (см. Ук. кн. вѣдом, каз. ст. II).

Указныя книги приказовъ. Дальнѣйшее уясненіе способовъ возникновенія закона и его свойствъ дается указными книгами приказовъ. *Способъ образованія ихъ* таковъ: недостаточность постановленій царскаго Судебника, предвидѣнная имъ самимъ, восполнялась отъ 1550 г. по 1649 г. отдѣльными указами, которые должны были приписываться къ Судебнику. Запросы о законѣ (иниціатива) исходили отъ приказовъ (каждаго по своему вѣдомству), при чемъ или представлялось для разрѣшенія самое дѣло, вызвавшее запросъ (судебно-законодательная иниціатива), или, по мѣрѣ накопленія такихъ вопросовъ, изъ нихъ составлялись и представлялись списки (независимо отъ дѣлъ), такъ называемые „статейные списки" законодательныхъ вопросовъ (собственно—законодательная иниціатива). Такіе списки подготовлялись преимущественно въ челобитенномъ приказѣ, куда стекались разнообразныя дѣла по всѣмъ вѣдомствамъ; а потому челобитенный приказъ обратился въ подготовительное законодательное учрежденіе и въ общее хранилище законовъ, куда обращались прочіе приказы, желая освѣдомиться, нѣтъ ли уже указа по вопросу, который приказу казался новымъ. Подобную же роль игралъ иногда и разрядъ (см. ниже объ Уставн. кн. разбойн. прик.). Впрочемъ, и другіе приказы не лишились права непосредственнаго представленія законодательныхъ вопросовъ. Выше была указана иниціатива законовъ со стороны членовъ земскихъ соборовъ. Допускалась также частная иниціатива гражданъ и цѣлыхъ классовъ общества (см. Ук. кн. зем. прик. ст. XXXI). По разрѣ-

[1]) См. изслѣдованіе А. Я. Шпакова въ „Сборникѣ статей по исторіи права". Кіевъ, 1904.

шеніи вопроса законодательною властію, новый законъ обращаемъ былъ въ тотъ приказъ, откуда вышелъ запросъ. Законъ могъ быть данъ словесно (см. Ук. кн. вѣдом. казн. ст. XI), могъ быть выраженъ не въ догматической, а въ діалогической формѣ (см. ibid. ст. VIII); самому приказу предоставлялось уже привести его къ *письменную догматическую форму*. Однородные указы могли быть даны въ разныя времена; самъ приказъ сводилъ ихъ вмѣстѣ и нерѣдко изъ двухъ создавалъ одну статью (см. Ук. кн. вѣдомств. казнач. ст. XVI) и подписывалъ (см. ibid ст. V, 17 и 18) ее къ тому экземпляру Судебника, который былъ у него. Такимъ образомъ, въ каждомъ вѣдомствѣ собирались указы одинаковаго содержанія и вмѣстѣ съ царскимъ Судебникомъ составляли, такъ сказать, спеціальныя уложенія.—Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а именно указы общаго содержанія, разсылались по всѣмъ приказамъ (см. Ук. кн. вѣд. казн. ст. VII); въ обыкновенномъ же порядкѣ законъ, обращенный въ подлежащій приказъ, не подлежалъ дальнѣйшей *публкаціи*. Результатомъ этого была: а) возможность утраты закона (пожаръ 1626 г. истребилъ всѣ узаконенія о помѣстьяхъ и вотчинахъ въ помѣстномъ прик.); б) повтореніе, закона, ибо одинъ приказъ могъ не знать, что требуемый законъ уже данъ и находится въ Ук. книгѣ другого приказа; отсюда в) справки о законѣ между приказами.

Число и содержаніе указныхъ книгъ. Изложеннымъ путемъ образовались слѣдующія спеціальныя уложенія: 1) *Указная книга судныхъ дѣлъ* (или *вѣдомства казначеевъ*, какъ названа она въ нашемъ изданіи, тахъ какъ указы, содержащіеся въ ней, обращены къ казначеямъ, вѣдавшимъ судъ гражданскій при Грозномъ: Указныя книги судныхъ приказовъ или утрачены, или не изданы еще); указы ея относятся ко времени Іоанна IV (1550—1582 гг.), за исключеніемъ одного (1588 г.); содержаніе ея составляютъ нормы обвинительнаго процесса, обязательственнаго и отчасти вотчичнаго права. 2) *Указн. кн. прик. холопьяго суда* (1597—1620 г.); въ ней законы о холопствѣ и прикрѣпленіи крестьянъ.—3) *Ук. кн. земскаго приказа* (1622—1648 г.)—сборникъ узаконеній, относящихся къ управленію гор. Москвою (о тяглыхъ городск. имуществахъ, о формахъ обвинительнаго процесса и полицейскія постановленія по гор. Москвѣ; важнѣйшія изъ статей: X, XIII и XXXI).—4) *Ук. кн. помѣстнаго прик*,, собранная послѣ пожара 1626 г. изъ отрывковъ уцѣлѣвшихъ дѣлъ въ самомъ помѣстн. пр. (1587—1624) г., изъ сообщеній („памятей“) изъ другихъ приказовъ о законахъ, подведенныхъ въ рѣшеніяхъ дѣлъ, производившихся въ этихъ приказахъ (1611—1625 г.), и, наконецъ, изъ новыхъ узаконеній послѣ пожара (1629—1651 г.). Безъ сомнѣнія, много узаконеній о помѣстьяхъ и вотчинахъ до 1626 г. совершенно исчезло,— 5) *Уставная книга разбойнаго приказа* составляетъ исключеніе изъ прочихъ: въ основаніи ея лежитъ не Судебникъ, а особое уголовное уложеніе, созданное Іоанномъ IV около 1555 г.; затѣмъ въ смутную эпоху дѣятельность разб. пр. и движеніе уголовнаго законодательства вовсе прекратились; а потому въ 1617 г. составлена новая Уставная книга въ

разрядѣ дьякомъ Трет. Корсаковымъ и подъяч. Никит. Постниковымъ изъ прежней Уставн. книги и дополнительныхъ узаконеній къ ней временъ царей Ѳеодора Іоанн. и Бор. Годунова. Затѣмъ къ ней присоединецы новые законодательные вопросы безъ отвѣтовъ (отвѣты были получены уже въ Улож. ц. А. М.). Наконецъ, съ 20-хъ годовъ XVII в. (1624—1631 г.) приписаны новые уголовные законы по запросамъ приказа.

Практическая рецепція чужого права въ эпоху Судебниковъ и Указныхъ книгъ. Изложенное движеніе законодательства не вполнѣ удовлетворяло потребностямъ въ законѣ. Приказные дѣльцы, лишенные живой связи съ народнымъ сознаніемъ обычнаго права, не могли обращаться къ этому послѣднему и потому принуждены были создать сами для себя *субсидіарные источники права* изъ постановленій Литовскаго статута (3-ей ред.). Къ этому открытъ путь постояннымъ сближеніемъ съ Литовскимъ государствомъ въ нач. XVII. в. Изъ статута дѣлались выписки (изъ раздѣловъ X, XI и XIII) дьяками, переводились (весьма неискусно) на московское нарѣчіе, расчленялись на статьи, приписывались въ Указныя книги (именно Устав. кн. разбойнаго прик.) и, несомнѣнно, примѣнялись къ практикѣ. Впослѣдствіи всѣ они, въ болѣе искусной редакціи, вошли въ Улож. ц. А. М. (см. прибавл. къ Уст. кн. разбойн. прик. въ нашемъ изд. Указныхъ книгъ—Христ. по истор. русск. права, вып. III).

3) Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича и новоуказанныя статьи.

При изложенномъ выше характерѣ движенія законодательства послѣ Судебника ц. (т. е. при разнообразіи и малоизвѣстности законовъ и при полной отмѣнѣ нормъ обычнаго права), право сдѣлалось трудно распознаваемымъ, что открыло дорогу для правителей и судей къ произволу и притѣсненіямъ управляемыхъ. Въ нач. царствованія Алексѣя Михайловича начались бунты въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ и др. городахъ, вызванные, между прочимъ, указанными обстоятельствами. Это побудило приступить къ новой полной кодификаціи.

Исторія составленія Уложенія. 16 іюля 1648 г. царь и дума вмѣстѣ съ соборомъ духовенства рѣшили согласить между собою всѣ источники дѣйствовавшаго права и, дополнивъ ихъ новыми постановленіями, свести въ одинъ кодексъ. Проектъ кодекса тогда же поручено составить комиссіи изъ бояръ: кн. Н. И. Одоевскаго, кн. Сем. В. Прозоровскаго, окольничаго кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго и дьяковъ Гавр. Леонтьева и Ѳед. Грибоѣдова (послѣдніе были образованнѣйшими людьми своего вѣка). Тогда же рѣшено было собрать, для разсмотрѣнія и утвержденія этого проекта, зем. соборъ къ 1-му сент. Активное участіе собора въ дѣлѣ составленія и утвержденія Улож. не подлежитъ сомнѣнію (см. выше стр. 184). Въ частности, напр., 30 окт. 1648 г. отъ дворянъ и посадскихъ была представлена челобитная отъ уничтоженіи частныхъ боярскихъ и церковныхъ слободъ и пашней вокругъ г. Москвы и др. городовъ, а также о

возвращеніи городамъ перешедшихъ къ тѣмъ же боярамъ и монастырямъ тяглыхъ городскихъ имуществъ внутри городовъ; предложеніе выборныхъ принято и вошло въ XIX гл. Улож. Около того же времени „выборные отъ всея земли“ просили о возвращеніи назадъ въ казну и о раздачѣ служилымъ лицамъ церковныхъ имуществъ, неправильно пріобрѣтенныхъ церковію послѣ 1580 г., когда всякое новое пріобрѣтеніе было уже ей воспрещено; законъ въ этомъ смыслѣ введенъ въ XVII гл. Улож. (ст. 42). Точно такъ же свѣтскіе выборные, не находя управы на обиды со стороны духовенства, просили подчинить иски на него госуд. учрежденіямъ; въ удовлетвореніе этого ходатайства, возникла XIII гл. Улож. (о монастырскомъ прик.). Но главная роль собора состояла въ утвержденіи всего Уложенія. Обсужденіе Уложенія закончено въ слѣд. 1649 г. Подлинный свитокъ Улож., отысканный по приказанію импер. Екатерины II Миллеромъ, хранится нынѣ въ Москвѣ. Уложеніе есть первый изъ русскихъ законовъ, *напечатанный* тотчасъ по утвержденіи его. Оно печатано было въ первый разъ отъ 7 апр. по 20 мая 1649 г.; а затѣмъ, когда всѣ экземпляры быстро разошлись, то въ томъ же 1649 г. Улож. напечатано въ 2-й разъ съ 26 августа по 21 дек. (съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками въ редакціи статей). Когда было сдѣлано 3-е изд. Улож. при Ал. Михайловичѣ, неизвѣстно. Съ тѣхъ поръ печатаніе законовъ входитъ необходимымъ условіемъ въ составъ публикаціи законовъ.

Источники Улож. отчасти указаны были законодателемъ при назначеніи редакціонной комиссіи, отчасти взяты самими редакторами. Это: 1) *Судебникъ ц. и Указныя кн. приказовъ;* первый составляетъ одинъ изъ источниковъ X-й гл. Улож.—„о судѣ“, которая, сверхъ того, по всей вѣроятности, черпала изъ Указныкъ книгъ приказ. судныхъ (нынѣ утраченныхъ). Указныя книги послужили источниками каждая соотвѣтствующей главѣ Улож. [1]) 2) *Источники Улож. греко-римскіе* взяты изъ кормчей, а именно изъ эклоги, прохирона, новеллъ Юстиніана и правилъ Василія В.: изъ нихъ болѣе обильнымъ источникомъ былъ прохиронъ (для гл. Ул. X, XVII и XXII); новеллы послужили источникомъ I г. Ул. („о богохульникахъ)“, Вообще же заимствованія изъ кормчей немногочисленны и фрагментарны и иногда противорѣчатъ постановленіямъ, взятымъ изъ туземныхъ источниковъ о томъ же самомъ предметѣ и включеннымъ въ то же Улож. (сл. Ул. XIV гл., ст. 10 съ гл. XI, ст. 27). Многія черты жестокости уго-

[1]) Ук. книга зем. прик. частью вошла въ X-ю же гл. Улож,, именно тѣми узаконеніями, которыя попали въ нее о гражд. судѣ (ст. X=гл. X-й Ул. ст. 10), 112, 116, 117, 118, 261, 262, 264, 151). Уставная кн. разбойнаго прик. почти буквально переписана въ XXI-й гл. Улож. „о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ“, лишь съ нѣкоторыми дополненіями (сл. Уст. кн. ст. 1—7 съ Ул. XXI, ст. 35—42); Уст. кн. ст. 11—35 съ Ул. XXI, ст. 43—65; Уст. кн. ст. 36—40 съ Ул. XXI, ст. 8—14 и т. д.), Указн. кн. прик. холопьяго суда послужила однимъ изъ источниковъ XX-й гл. Ул. „судъ о холопѣхъ“, которая, впрочемъ, несравненно обширнѣе нынѣ извѣстной Указной книги; надо думать, что эта книга дошла до насъ далеко не въ полномъ видѣ. Ук. кн. помѣстн. прик. вошла въ XV[1] и XVII гл. Улож. („о помѣстныхъ земляхъ“ и „о вотчинахъ“).

ловнаго права проникли въ Ул .изъ кормчей [1]).—3) Обильнѣйшимъ *источникомъ Ул. былъ Литовскій статутъ* 3-й ред. (1588 г.) [2]). Заимствованія изъ статута отмѣчены (но далеко не всѣ) на подлинномъ свиткѣ Уложенія. Путь для заимствованій былъ облегченъ тѣмъ, что уже раньше (какъ сказано) приказные дьяки брали и переводили изъ статута нѣкоторые пригодные артикулы. Способъ заимствованія разнообразенъ: иногда заимствуется содержаніе статута буквально; иногда берется только система и порядокъ предметовъ; иногда заимствуется только предметъ закона, а рѣшеніе дается свое; большею частію Улож. дробитъ одинъ артикулъ на нѣсколько статей. Заимствованія изъ статута иногда вводятъ Ул. въ погрѣшности противъ системы и даже разума узаконеній. Но вообще статутъ, какъ памятникъ также русскаго права, весьма сходный съ Русскою Правдою, можетъ быть признанъ почти туземнымъ источникомъ Уложенія (см. наше изслѣдованіе: „Уложеніе и Литовскій статутъ“) въ Сборн. госуд. знаній т. IV, 1877 г.)—Несмотря на такое множество заимствованій изъ чужихъ источниковъ, Уложеніе не есть компиляція иноземнаго права, а кодексъ вполнѣ національный, переработавшій чужой матеріалъ по духу старо-Москов. права, чѣмъ онъ совершенно отличается отъ переводныхъ законовъ XVIII в.—4) Что касается до *новыхъ статей* въ Улож., то ихъ, вѣроятно, не много (нѣкоторыя изъ нихъ указаны выше, какъ составленныя по просьбамъ зем. собора); надо думать, что комиссія (до собора) сама не сочиняла новыхъ узаконеній (кромѣ заимствованій).

Содержаніе и система Уложенія. Уложеніе состоитъ изъ XXV главъ, весьма неравныхъ, раздѣленныхъ (въ совокупности) на 967 статей. Система (впрочемъ довольно безпорядочная), усвоенная Уложеніемъ, въ 1-й части кодекса, копируетъ систему статута. Всѣ главы Улож. могутъ быть раздѣлены на пять группъ: 1) гл. I—IX составляютъ тогдашнее *государственное право*, здѣсь ограждается богопочтеніе (I), личность государя (II) и честь государева двора (III), воспрещается поддѣлка государ. актовъ (IV), монеты и драгоцѣнныхъ вещей (V), что включено сюда по-

[1]) См. указаніе (преувеличенное) византійскихъ источниковъ Ул. въ книгѣ Н. И. Тиктина: „Византійское право, какъ источникъ Улож. 1648 г., и новоуказанныхъ статей“ Од. 1888 г. Существуетъ (ошибочное) мнѣніе о заимствованіи *системы* Ул. изъ Юстиніанова кодекса.

[2]) Именно изъ него прямо или косвенно заимствована вся первая часть Ул. Гл. II—IX, касающаяся госуд. права (Г. II—IV передѣлываютъ Разд. 1 ст.: „Ображеніе маестату“, т. е. оскорбленіе величества, именно гл. 1 соотвѣт. арт. 3, 5 и 11; гл. III-я Улож. соотвѣтствуетъ 9—10 арт.; гл. IV—арт. 16; гл. V—артик. 17; гл. VII Ул.—разд. II Лит. стат. „О оборонѣ земской“; гл. IX-я Ул. передаетъ содержаніе артик. 29, 30 разд. 1). Затѣмъ почти цѣликомъ заимствована изъ статута (изъ разд. XI) глава XXII-я Улож., въ которой содержится дополненіе туземныхъ уголовныхъ законовъ иноземными. Здѣсь Улож. б. ч. смягчаетъ варварскій духъ уголовнаго права, проникшій въ статутъ изъ саксонскаго зерцала. Въ остальныхъ частяхъ Улож. есть отдѣльныя заимствованія изъ статута, особенно въ гл X.

тому, что поддѣлку монеты статутъ считалъ преступленіемъ противъ величества; здѣсь же паспортный уставъ (гл. VI) и уставъ военной службы и вмѣстѣ спеціальное военно-уголовное уложеніе (VII), законы о выкупѣ плѣнныхъ (VIII) и, наконецъ, о мытахъ и путяхъ сообщенія (IX)—2) Гл. X—XV содержатъ *уставъ судоустройства и судопроизводства,* здѣсь (въ гл. X-й) изложено и обязательственное право.—3) Гл. XVI—XX—*вещное право:* вотчинное, помѣстное, тяглое (гл. XIX) и право на холоповъ (XX).—4) Гл. XXI—XXII составляютъ *уголовное уложеніе* (1-я изъ Уст. книги разб. прик., 2-я изъ Литов. стат.), хотя и во всѣ прочія части Улож. вторгается уголовное право по частямъ.—5) Гл. XXIII—XXV составляютъ *добавочную часть* (первыя двѣ о стрѣльцахъ и казакахъ, послѣдняя—уставъ питейный: „о кормчахъ").

Форма постановленій Улож. отличается ясностью и опредѣленностію, за что́ такъ хвалила этотъ кодексъ Екатерина В. Этимъ Улож. обязано своему *конкретному* пріему выраженія (но не „казуистическому", какъ говорятъ нерѣдко).

Значеніе Уложенія. Несмотря на чужіе источники и на новыя статьи свои, Уложеніе есть не болѣе, какъ итогъ ко всему предшествующему законодательству Московскаго государства, *сводъ* его.

Новоуказныя статьи. Какъ ни казалось Уложеніе полнымъ, какъ ни старалось оно воплотить въ себѣ всѣ правовыя нормы, но опытъ тотчасъ показалъ, что оно (какъ и вообще какой бы то ни былъ кодексъ) не можетъ ни обнять всю сумму дѣйствующихъ нормъ, ни остановить дальнѣйшее развитіе юридической жизни народа. Въ самомъ дѣлѣ, въ Улож. вовсе нѣтъ многихъ главныхъ частей права (напр., т. н. законовъ основныхъ, законовъ о государств. учрежденіяхъ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ; нѣтъ семейнаго права, общаго наслѣдственнаго права и друг.). Во 2-й полов. XVII в. возникаютъ, во-первыхъ, законы, дополняющіе и измѣняющіе Уложеніе (новоуказныя статьи въ точномъ смыслѣ); во-втор., законы новые—уставы уже съ реформаторскимъ направленіемъ.

а) *Новоуказными статьями* въ обширномъ смыслѣ называются всѣ законы, изданные послѣ Уложенія: но въ тѣсномъ смыслѣ этимъ названіемъ обозначаются законы, касающіеся предметовъ, уже вошедшихъ въ Улож., но дополняющіе и измѣняющіе постановленія о нихъ этого кодекса. Таковы: 1) *Новоук. статьи о разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г.* (Полн. Собр. Зак. № 441)—уголовный кодексъ, превышающій своею полнотою уголовную часть Улож. и существенно дополняющій его; въ немъ уголовный законъ хотя постоянно обращается къ греко-римскимъ источникамъ, но значительно смягчаетъ ту строгость каръ, которая въ улож. навѣяна была кормчею и статутомъ; 2) *Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ 1676 г.* (П. С. З. № 633) и *Новоук. ст. о помѣстьяхъ и вотчинахъ 1677 г.* (П. С. З. № 700) показываютъ, что не всегда законодательство неуклонно идетъ къ усовершенствованію: первый изъ упомянутыхъ законовъ во многомъ безъ нужды отмѣняетъ постановленія Улож., 2-й—б. ч. возстановляетъ вотчинное право Улож.;3) *Пис-*

цовый наказъ 1684 г. (П. С. З. № 1074), и 4) *Новоуказныя ст. о чернослободскихъ и бѣломѣстцовыхъ дворахъ 1686 г.* (П. С. З. № 1157) дополняютъ вотчинное право Уложенія. Первый составленъ на основаніи прежнихъ наказовъ.

б) *Уставы* представляютъ новую форму закона преимущественно учредительнаго характера; они служатъ уже предвѣстіемъ Петровскихъ регламентовъ. Уставомъ именуется законодательный актъ, установляющій что-либо новое, по теоретическому усмотрѣнію законодателя. Духъ реформы начинаетъ вѣять уже вскорѣ по изданіи Уложенія; таковы уставы финансовые: *Уставная грамота 1654 г.* (П. С. З № 122), въ которой законодатель заявляетъ, что онъ дѣйствуетъ „на лучшее преуспѣвающе, якоже Богу угодно и намъ“, и старается искоренить „злодѣйство превзошедшее въ обычай“; самая форма этого закона имѣетъ характеръ церковнаго поученія. *Новоторговый уставъ 1677 г.* (П. С. З. № 408) хотя изданъ „по всенародному слезному челобитію“, но заключаетъ въ себѣ совершенную реформу торговаго права и управленія торговымъ классомъ (который превращается въ сословіе) по примѣру „всѣхъ государствъ окрестныхъ“, именно по системѣ меркантилизма. Но вполнѣ реформаторскій духъ и формы принимаетъ наше законодательство со времени царствованія Ѳеодора Алексѣевича: въ 1682 г. задуманъ законъ о призрѣніи „по новымъ еуропскимъ обычаямъ“.—Съ того времени (въ періодѣ имперіи) законъ идетъ впереди права, создаетъ его, а не слѣдуетъ за нимъ, фиксируя его, какъ было въ цѣлый Московскій періодъ.

Періодъ третій.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО ИМПЕРІИ.

Отношеніе къ предыдущему періоду.

Существенныя черты періода имперіи (съ нач. XVIII в.) заключаются въ томъ, что, соединивши въ себѣ постепенно обѣ половины Руси, ставши государствомъ общерусскимъ, имперія старается измѣнить Московскій государственный строй чрезъ усвоеніе западно-европейскихъ и западно-русскихъ формъ, путемъ *реформаторскаго* законодательства; почти всѣ учрежденія Моск. государства уничтожаются и замѣняются новыми; различные классы смыкаются въ сословія, самая верховная власть получаетъ новыя основанія; государство изъ вотчиннаго и патріархальнаго превращается въ полицейское. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что періодъ имперіи не имѣетъ никакой исторической связи съ предшествующимъ: напротивъ, при сліяніи двухъ русскихъ государствъ въ одно, преобладающимъ въ немъ остался типъ, выработанный въ Московскій періодъ [1]).

А. Территорія.

Существенное измѣненіе прежней территоріи, повліявшее и на перемѣну внутреннихъ свойствъ государства, составляетъ расширеніе его на западъ. Петръ I, стремясь овладѣть берегами Балтійскаго моря, столкнулся съ Швеціею; борба за гегемонію на сѣверѣ между двумя государствами (1700—1721 г.) кончилась въ пользу Россіи; тогда присоединены: Лифляндія, Эстляндія, т. н. Ингрія, часть Карелiи (древнее достояніе В. Новгорода и часть Финляндіи. Это ввело Россію непосредственно въ кругъ европейской жизни. Но для внутренней жизни государства гораздо важнѣе

[1]) Такъ какъ нормы государственнаго права 3-го періода входятъ б. ч. въ составъ дѣйствующаго права и излагаются въ наукѣ рус. госуд. права, то здѣсь мы ограничиваемся изложеніемъ явленій преимущественно такихъ, которыя уже вышли изъ состава дѣйствующихъ нормъ, именно б. част. не переходимъ за XVIII вѣкъ.

возсоединеніе западной Руси съ восточною. Оно началось еще въ XVII в. присоединеніемъ Малороссіи: сначала (въ 1654 г.) всей, т. е. цѣлой юго-западной Россіи, а потомъ только по правый берегъ Днѣпра (по Андрусовскому договору 1667 г.). Остальная часть западной Россіи присоединена при Екатеринѣ II (именно: въ 1772 г. сѣверная и восточная части Бѣлоруссіи; въ 1793—остальная часть Бѣлоруссіи и юго-западная Русь, а въ 1795 г.—Литва и Курляндія).—Дальнѣйшее движеніе территорріи русской на западъ было лишь слѣдствіемъ двухъ указанныхъ направленій, данныхъ Петромъ и Екатериною, а именно: при Александрѣ I присоединена вся Финляндія (1809 г.), часть бывшей Польши (Варшав. герцогство) подъ именемъ царства (1815 г.). Относительно всѣхъ этихъ европейскихъ пріобрѣтеній (за исключеніемъ Екатерининскихъ) нужно замѣтить, что присоединяемымъ странамъ даваемы были льготы, или удерживавшія за ними прежнія ихъ учрежденія, или даже создаваемыя для нихъ вновь при самомъ присоединеніи (отчего имперія не получила, однако, характера *союзнаго государства):* Малороссія пользовалась самостоятельнымъ (выборнымъ) управленіемъ и судомъ и прежними (литовскими) законами; право внѣшнихъ сношеній первоначально (при Богданѣ Хмельницкомъ по пунктамъ 1654 г.) было вполнѣ ограничено (съ Польшею и Турціею сноситься вовсе запрещено; пословъ прочихъ государствъ принимать, но тотчасъ давать знать въ Москву; этими правами пользовались и Астраханскіе воеводы въ Моск. государствѣ), а въ 1674 г. вовсе отнято. За Лифляндіею и Эстляндіею, потомъ и Курляндіею удержаны были особенности ихъ учрежденій въ качествѣ мѣстныхъ; для Финляндіи и Польши созданы самою Россіею особые престолы великокняжескій и царскій, съ особенными учрежденіями государственнаго характера (особенною законодательною властію, высшимъ управленіемъ и особенною военною силою). Но затѣмъ эти особенности уступали мѣсто общему единодержавному складу государства. Такъ, еще при Петрѣ фактически прекратилось избраніе гетмановъ Малороссіи (по смерти Скоропадскаго); хотя при Петрѣ II былъ избранъ вновь гетманъ (Апостолъ), а затѣмъ, послѣ новаго перерыва, при Елизаветѣ—Разумовскій, но эти гетманы были уже не болѣе, какъ особый видъ губернаторовъ: всѣ важнѣйшіе вопросы управленія разрѣшаемы были центральнымъ правительствомъ, а въ мѣстномъ генеральномъ судѣ участвовали чиновники, назначенные отъ короны. Государственныя права Польши утрачены ею послѣ возстанія въ 1831 г., а мѣстныя особенности—послѣ возстанія 1863 г. Съ отличіями государственными остается теперь Финляндія, и съ особенностями мѣстными—Остзейскій край.

Движеніе территоріи на югъ было продолженіемъ явленій 1-го періода русской исторіи; уже Петръ В. стремился овладѣть берегами Азовскаго и Чернаго морей (Азовскіе походы 1695—1696 г.). Продолжателями его въ этомъ направленіи явились имп. Анна Іоанн. (Бѣлград. миръ 1739 г.) и въ особенности Екатерина II, при которой Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 г. предоставилъ Россіи берега Азовскаго моря; въ 1783 г. присоединенъ весь Крымъ; а по Ясскому договору 1791 г. Россія стала, наконецъ,

на сѣверномъ берегу Чернаго моря до устьевъ Днѣстра; при имп. Александрѣ I по Бухарестскому миру 1812 г. къ Россіи присоединена Бессарабія. Это движеніе на югъ, не имѣя значенія для внутренняго склада государства, важно для международной роли имперіи: оно дало ей миссію стать на защиту славянскихъ націй и содѣйствовать ихъ государственному возрожденію, что и составляло до сихъ поръ единственное удѣльное значеніе Россійской имперіи въ Европѣ.

Движеніе на востокъ было продолженіемъ явленій Москов. государства; уже Петръ В. (1722 г.) открылъ походъ на Персію чрезъ Кавказъ. При Екатеринѣ II Грузинскіе цари были уже въ фактическомъ подчиненіи Россіи; при Александрѣ I Грузія присоединена окончательно; съ тѣхъ поръ велась постоянная борьба съ горцами Кавказа до царств. Александра II (1864 г.), при которомъ также послѣдовало завоеваніе средней Азіи (Туркестана—1865 г., Кокана—1876 г.), съ фактич. подчиненіемъ Бухары и Хивы (1873 г.) и расширеніе границъ Сибири до Амура (1858 г.) Это движеніе на востокъ дало имперіи весьма важную роль въ Азіи, раздѣляемую съ ней тамъ только Англіею: Громадное государство осталось и теперь особымъ міромъ между Европою и Азіею.

Б. Населеніе.

Уже при Петрѣ В. начинается образованіе изъ прежнихъ служилыхъ и тяглыхъ классовъ нѣсколькихъ *сословій* или *состояній*: именно изъ нѣкоторыхъ разрядовъ служилыхъ людей образуется *шляхетское (дворянское)*, изъ тяглыхъ-городскихъ—*мѣщанское* сословіе, изъ низшихъ разрядовъ служилыхъ лицъ и тяглыхъ людей сельскихъ—состояніе *казенныхъ крестьянъ*, изъ прикрѣпленныхъ и холоповъ—крѣпостное состояніе, изъ дѣтей бѣлаго духовенства—*духовное* сословіе.—Исторія образованія сословій дѣлится на двѣ половины отъ Петра В. до Екатерины: при Петрѣ государство, образуя сословія, оставляетъ за ними прежній служилый характеръ: Екатерина хотѣла создать сословія не только по формѣ, но и по духу западныхъ европейскихъ сословій.—Однако это не вполнѣ удалось и тогда, благодаря противорѣчію сословнаго строя древнему Московскому строю и благодаря тому, что моментъ заимствованія нами сословныхъ порядковъ совпалъ съ отмѣною ихъ въ самой западной Европѣ.

1) Шляхетство или дворянство.

а) При первоначальномъ образованіи дворянскаго сословія Петромъ, оно получило *наименованіе царедворцевъ* (до 20-хъ годовъ XVIII в. такъ именовались не придворные чины, а всѣ будущіе шляхтичи: см., напр., ук. 1719 г. мар. 23), потомъ *шляхетства*, по примѣру Польши и Литвы. Наименовать его дворянствомъ въ то время нельзя было потому, что въ Московскомъ государствѣ дворянами именовался низшій чинъ служилыхъ

людей, и такое названіе для боярина было бы оскорбленіемъ. Наименованіе шляхетство держалось до Екатерины II, хотя въ частныхъ случаяхъ началъ быть употребляемъ титулъ *дворянства*, который окончательно утверждается манифестомъ 1762 г. и актами комиссіи 1767 г.

б) *Время и способъ образованія* шляхетства не опредѣляется никакимъ точнымъ терминомъ, ибо общаго узаконенія о томъ не было дано: „и только извѣстно, что перемѣна сія послѣдовала по возвращеніи государя изъ перваго его въ чужіе краи путешествія", говоритъ Миллеръ Прежніе Московскіе чины были отмѣнены Петромъ указами 1695—1703 г., но имѣвшіе донашивали ихъ въ первой четверти XVIII в. Положительной мѣрой къ образованію шляхетства нужно считать указъ о единонаслѣдіи 1714 г., которымъ помѣстья присвоены шляхетству на правѣ собственности, т. е. положено основаніе первой и важнѣйшей привилегіи дворянъ владѣть населенными имуществами независимо отъ службы. Вторымъ актомъ образованія дворянскаго сословія былъ манифестъ Петра III 18 февр. 1762 г. объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы, послѣ чего все, чѣмъ они вознаграждались за службу, обратилось въ ихъ привилегіи. Окончательная организація сословію дана жалованною грамотою Екатерины II 1785 г., содержаніе которой основано на петиціяхъ самихъ дворянъ, заявленныхъ ими при воцареніи имп. Анны и въ законодательныхъ комиссіяхъ Елизаветинской и Екатерининской.

в) *Элементы, изъ которыхъ создано шляхетство*, суть придворно- и военно-служилые разряды Москов. государства, но, во-перв., не исключительно, а, во-вторыхъ, не всѣ: въ составъ шляхетства вошли дьяки и подъячіе, верстаные прежде помѣстьями и владѣвшіе вотчинами; во-втор., архіерейскіе дворяне и дѣти боярскіе, если ихъ дѣды и отцы были въ томъ же чинѣ (ук. 1721 г. П. С. З. № 3854). Въ дворянство введены члены фамилій малороссійской старшины (генеральной, полковой и сотенной), сначала фактически—посредствомъ владѣнія крестьянами, а потомъ съ 1839 г. законодательнымъ путемъ; впрочемъ еще въ 1785 г. жалованная грамота была распространена и на Малороссію. Далѣе, къ дворянству пріобщены князья и мурзы татарскіе (ук. 1784 г. П. С. З. № 15866); наконецъ—грузинскіе и бессарабскіе мѣстные дворяне (1818 г. и 1850 г.). Не вошла въ шляхетство цѣлая половина древнихъ Московскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, особенно поселенныхъ цѣлыми массами на окраинахъ государства (Сѣверной Украйнѣ и Сибири), гдѣ изъ нихъ образованъ особый классъ *однодворцевъ*, примыкавшій къ состоянію казенныхъ крестьянъ (П. С. З. № 3794). Въ Екатерининской комиссіи 1767 г. тамбовскій депутатъ Веденеевъ упоминалъ, что Бѣлгородскій и Сѣвскій разряды, состоявшіе изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, рейтаровъ, копейщиковъ и пр., въ 1724 г. были переименованы въ государст. крестьяне, и ходатайствовалъ о возвращеніи имъ названія дѣтей боярскихъ, но члены новаго сословія отвергли такія притязанія (Сборн. рус. ист. общ. IV, стр. 177; сл. Болтинъ: „Прим. на Леклерка" II, стр. 434). Въ Сибири, напротивъ, до 2-й полов. XVIII в. попрежнему производили изъ казаковъ

въ дѣти боярскіе, а изъ нихъ—въ дворяне не путемъ пожалованія отъ верховной власти, а простымъ повышеніемъ по службѣ.

г) *Способы пріобрѣтенія шляхетства* (до Екатерины) указываютъ на смѣшанный сословно-служилый характенъ новаго сословія. Первымъ и важнѣйшимъ была—*выслуга*. По „табели о рангахъ“ (П. С. З. № 3890) 1722 г., получившій чинъ не ниже 8 класса, какого бы онъ происхожденія ни былъ, причисляется „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству“, т. е. пріобрѣтаетъ потомственное дворянство (съ дѣтьми, рожденными послѣ полученія этого чина, а о рожденныхъ раньше позволялось ходатайствовать). Получившіе чины ниже 8 класса суть *личные дворяне* (явленіе невозможное въ сословныхъ государствахъ). Въ Елизаветинскомъ уложеніи (неутвержденномъ) было постановлено (ч. III, гл. XXII, п. 5), что выслугою не пріобрѣтаются права потомственнаго дворянства. Подобнымъ же обр. высказалась и Екатерининская комиссія: въ проектѣ „о правахъ благородныхъ“ источниками дворянства признаны только рожденіе и пожалованіе. Такой же проектъ былъ представленъ комитетомъ 1826 г. Но эти сословныя притязанія не были утверждены правительствомъ. Екатерина открыла дорогу для личнаго дворянства къ потомственному, если дѣдъ, отецъ и сынъ были личными дворянами (Жалов. гр, § 21).—Послѣдующими узаконеніями размѣры дѣйствія выслуги постепенно сокращались: чинъ, дающій дворянство, все отодвигался выше (1845 и 1856 гг.).—Къ выслугѣ относится также пріобрѣтеніе дворянства чрезъ полученіе *ордена* (Жал. грам. § 92). Къ этимъ двумъ источникамъ, въ которыхъ отражается служилый характеръ сословія, присоединяются два новыхъ, обозначающихъ новый собственно сословный строй—это *пожалованье* (таб. о рангахъ § 16). Къ пожалованью приравненъ и *индигенатъ иностранцевъ* (ibid § 5), т. е. и здѣсь требуется особый актъ, подтверждающій иностранное дворянство. Самый же важнѣйшій источникъ дворянства есть *рожденіе*. Актомъ, укрѣпляющимъ принадлежность къ дворянству, сдѣлалось внесеніе въ т. н. *бархатную книгу*, заведенную еще въ 1682 г. по уничтоженіи мѣстничества, а съ изданія дворянской грамоты 1785 года—внесеніе въ мѣстныя (губернскія) дворянскія книги, раздѣленныя на 6 частей по источникамъ дворянства (пожалованіе, военная выслуга, гражданская, индигенатъ, титулъ, давность). Сословіе подчинено особому вѣдомству герольдмейстера (впослѣдствіи въ 1848 г.—департаменту герольдіи) при сенатѣ.

д) *Права и преимущества дворянства (корпораціи) и дворянъ*. Дворянство стало корпораціею („корпусомъ“), члены которой взаимно равны, хотя фактически аристократія не охотно сближалась съ неимущими провинціальными дворянами, а эти послѣдніе съ завистью взирали на первую. Всему дворянству и только ему принадлежитъ титулъ *благородства* (прежде принадлежавшій лицамъ царской фамиліи), право имѣть *гербы* (утвержденные табелью о рангахъ и затѣмъ манифестомъ 1762 г.). Важнѣйшее корпоративное право дано законодательствомъ Екатерины (учрежд. о губ. 1775 г. и жал. гр. 1785 г.) и состоитъ въ правѣ составлять *дворянскія общества* и *собранія* (губернскія) и избирать должностныхъ

лицъ какъ для спеціально-сословнаго (предводителей и депутатовъ), такъ и для общаго (государственно-мѣстнаго) управленія (почти по всѣмъ отраслямъ администраціи и суда). Какъ общество, дворянство каждой губерніи есть и гражданское юридическое лицо (съ правами имущественными). Къ предметамъ дѣйствій дворянскихъ собраній относится право петицій (принадлежавшее только имъ).

Что касается до *личныхъ* и *имущественныхъ* правъ и обязанностей, то жалованною дворянскою грамотою установлена для дворянъ *свобода отъ тѣлесныхъ наказаній*[1]), но взамѣнъ этого усилены прочія уголовныя наказанія спеціально для дворянъ за нѣкоторые виды преступленій, „основаніямъ дворянскаго достоинства противные". Дворянамъ были предоставлены многія преимущества на государств. службѣ. Указомъ 1746 г. воспрещено владѣніе землею въ уѣздѣ купцамъ, цеховымъ, казакамъ и проч. разночинцамъ. Только дворянамъ было оставлено *право владѣнія землею* населенною, а до Александра I и ненаселенною (съ нѣкоторыми исключеніями для средняго сословія, которыя будутъ указаны). Когда еще крѣпостное право не вполнѣ опредѣлилось, то (по 1-й ревизіи) крѣпостные люди записывались за лицами всѣхъ состояній (посадскими, приказными, попами, крестьянами и пр.; см. указъ 28 февраля 1721 г., 10 мая и 1 іюня 1722 г.). Но съ 1739 года опредѣлено, что крестьянами могутъ владѣть только дворяне, церковныя учрежденія и фабрики (П. С. З. № 8836). Дворовыми людьми продолжали владѣть и послѣ этого лица не дворянскаго происхожденія (инстр. рев. 1743 г. § 7), что воспрещено указомъ 1746 г.—Дворяне лично были освобождены отъ податей и повинностей.

2) Мѣщанское сословіе.

Первоначальнымъ *наименованіемъ* средняго сословія было *граждане* (Регл. гл. магистр. гл. 7), затѣмъ—*мѣщане*, по образцу Польши и Литвы.—Мѣщанское сословіе создано путемъ узаконеній, касающихся управленія городовъ, а именно: регламентовъ глав. магистра 1719 года, наказомъ Екатерины II 1767 г. и грамотою на права и выгоды городамъ Россійской имперіи 1785 г. (жалованною грамотою городамъ). До изданія регламента Петръ, учреждая Бурмистерскую Палату, еще не раздѣлялъ посадскихъ людей отъ черныхъ крестьянъ округа. По регламенту, объемъ новаго сословія опредѣленъ уже точными границами нѣмецкаго бюргерства: „граждане"—это „банкиры, знатные купцы, доктора, аптекари, шкиперы", которые составляютъ 1-ю гильдію; затѣмъ ремесленники, которые входятъ во 2-ю гильдію и называются „подлыми гражданами", они дѣлились на *цехи;* наконецъ, прочіе „подлые люди", рабочіе, „между регулярными гражданами

[1]) По Воин. Уст, 1716 г., дворяне не подвергаются пыткѣ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ объ убійствѣ и государств. преступленіяхъ. По проекту Елизавет. комиссіи, дворянинъ „освобождается отъ всякаго неприличнаго его природѣ наказанія", какъ-то: кнута, кошекъ, батоговъ и плетей.

не считаются". Вообще жители городовъ, не принадлежащіе къ мѣщанскому сословію, именуются нерегулярными гражданами. По наказу Екатерины (XVI, 380), къ „среднему роду людей" (т. е. горожанамъ) относятся всѣ тѣ, кои, не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ торговлѣ, въ мореплаваніи и въ ремеслахъ". Такое же понятіе о городскомъ сословіи даетъ и жалованная грамота 1785 г. (стр. 77 [1]).—приведенными узаконеніями опредѣляются *элементы, долженствовавшіе войти въ мѣщанское сословіе*, именно двоякаго рода: одни дѣйствительные, другіе мнимые. Дѣйствительнымъ матеріаломъ новаго сословія послужили: а) гости и посадскіе люди, б) крѣпостные люди ихъ (П. С. З. № 4812), в) люди низшихъ военныхъ службъ (пушкари, воротники и пр. П. С. З. № 4336), г) вольные гулящіе люди (П. С. З. № 1972). д) Помѣщичьи крестьяне могли только приписываться временно къ посаду съ согласія помѣщика, платя ему оброкъ; крѣпостные крестьяне, по освобожденіи, могли проситься въ сословіе мѣщанъ, но пріемъ ихъ не былъ обязателенъ для города; е) переходъ казенныхъ крестьянъ въ мѣщане обставленъ извѣстными условіями (см. П. С. З. № 15,559), Наконецъ, ж) сюда входятъ иностранцы. Къ мнимымъ элементамъ мѣщанства (на самомъ дѣлѣ не вошедшимъ въ него) относятся: „кадеты", т. е. младшіе сыновья дворянскихъ фамилій (П. С. З. № 2789, II, I и 15), люди ученыхъ профессій (медицинской, художественной и др.), которые чрезъ службу вошли въ классъ личныхъ дворянъ, а не мѣщанъ.—Принадлежность къ сословію закрѣпляется внесеніемъ въ *городскую обывательскую книгу*, раздѣленную, подобно дворянской, на 6 частей (домовладѣльцы, купцы, ремесленники, иногородніе и иностранцы, именитые граждане, въ томъ числѣ ученые, и посадскіе).

Права и обязанности мѣщанъ и мѣщанскаго сословія истекаютъ изъ ихъ сословной исключительности: это, во-перв., исключительное право *на торговлю и ремесла*. Возбужденный въ 1711 г. вопросъ о правѣ всякаго рода лицъ торговать въ городахъ не привелъ ни къ какому результату; лишь розничная торговля въ Москвѣ дозволена всѣмъ (П. С. З. № 2770). Наказъ Екатерины (гл. XIII) полагаетъ, что торговля дворянъ въ городахъ „противна существу самодержавнаго правленія". Наоборотъ, мѣщане должны были отступиться отъ дворянскаго права владѣнія *населенною* и ненаселенною *землею*. Изъ этого Петромъ В. сдѣлано было изъятіе въ пользу *владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ*, при чемъ крестьяне были приписаны къ заводамъ, а не къ лицу владѣльца; но и это право исчезло во 2-й половинѣ XVIII в. Владѣніе *крѣпостными людьми безъ земли* продолжалось за нѣкоторыми лицами городского сословія до 1746 г. (П. С. З. № 9276. Сл. Полѣнова: „Истор. свѣданія о Екат. ком." II, 77, 85, 92—95, 98). Лица городского состоянія обязаны *жить въ городахъ*

[1]) Хотя къ городскому самоуправленію привлечены и жители города, принадлежащіе къ другимъ сословіямъ (см. ниже о муниципальномъ управленіи).

а не въ уѣздахъ, или, по крайней мѣрѣ, приписываться къ тому или другому городу. За мѣщанскимъ сословіемъ сохраняется *тяглый характеръ*, но купцы не подлежатъ подушной подати и рекрутчинѣ, что́ и послужило причиною раздѣленія сословія на два класса (за податнымъ классомъ утвердилось собственно названіе мѣщанъ). Первые освобождены отъ *тѣлеснаго наказанія* (П. С. З. № 14275). Корпоративное право сословія состоитъ въ *сословномъ самоуправленіи* каждаго города, чрезъ городского голову и думу (представительное учрежденіе). Что это самоуправленіе сословное, на то указываетъ судьба его до 1870 г. (см. нашу статью о сочин. Дитянина въ Унив. Изв. 1878 г.).

3) Состояніе сельскихъ обывателей и крѣпостное право.

Прежніе классы черно-волостныхъ крестьянъ, дворцовыхъ, крестьянъ церковныхъ или экономическихъ (послѣ отобранія церковныхъ имуществъ), наконецъ, ясачныхъ инородцевъ сливаются въ состояніе *казенныхъ крестьянъ*; при этомъ „казна“ есть частно-правное лицо, а не государственный союзъ. Поэтому зависимоть казенныхъ крестьянъ есть также крѣпостное состояніе; разница между государственными и частными крестьянами, столь явная впослѣдствіи, возникаетъ не изъ права, а изъ фактическаго различія характера владѣльцевъ.

Собственно *крѣпостное состояніе* относится къ частно-владѣльческимъ крестьянамъ. Начало его образованія замѣтно въ XVII в., но въ періодъ имперіи оно существенно измѣняется: именно становится частною зависимостью (а не государственнымъ учрежденіемъ) и поглощаетъ въ себѣ прежнее холопство. Единственное отличіе его отъ холопства заключается въ признаніи за крестьянами значенія тяглыхъ людей (обложенныхъ податями). Законовъ, образующихъ это состояніе, дано не было (хотя дворянство настаивало на этомъ и въ Елисаветин. и Екатеринин. комиссіяхъ); оно косвеннымъ обр. возникло изъ узаконеній о ревизіяхъ и тѣхъ законовъ, которыми опредѣлялось дворянское сословіе, въ особенности изъ манифеста объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы 1762 г., послѣ чего крестьяне подчинены владѣльцамъ по личному праву этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, основаніемъ крѣпостного права и въ XVIII в. все еще считалась не личная зависимость, а земельная.

Элементы, вошедшіе въ составъ крѣпостного состоянія, суть: а) прежніе частные прикрѣпленные крестьяне, *половники* сѣверныхъ уѣздовъ (т. е. крестьяне, жившіе на земляхъ людей тяглыхъ и сохранившіе еще право перехода) и *посессіонные* крестьяне (т. е. принадлежавшіе фабрикамъ и заводамъ); б) холопы полные и кабальные. Прежде всего съ крестьянами слились задворные холопы (поселенные на земельныхъ участкахъ: указъ 22 января 1719 г.), а потомъ и дворовые; по указу 1720 г., велѣно вносить въ перепись всѣхъ *подданныхъ* частныхъ владѣльцевъ (терминъ, заимствованный изъ польскаго и западно-русскаго права). Холопство, какъ отдѣльный институтъ, исчезаетъ, хотя наименованіе кабальныхъ

людей еще встрѣчается до 1737 г. (П. С. З. № 7438). Съ того времени всѣ источники частной зависимости сливаются въ крѣпостномъ состояніи. По законамъ о ревизіи, всѣ, живущіе на землѣ частнаго владѣльца, приписываются ему для вѣчнаго платежа подушныхъ податей, съ чѣмъ и соединялось вѣчное укрѣпленіе. Такъ, в) дѣти священно-церковно-служителей, оставшихся за штатомъ, записывались за владѣльцемъ, а при 2-й ревизіи сами обязаны избирать себѣ владѣльца, если впослѣдствіи кто-либо изъ нихъ (съ согласія владѣльца) будетъ посвященъ въ духовный санъ, то такіе попы и дьяконы не исключались изъ подушнаго оклада и оставались, такъ сказать, полукрѣпостными. Причетники (по ук. 5 и 19 янв. 1720 г.), отставные попы и дьяконы (по ук. 1722 и 1723 г.) подлежатъ записи въ подушный окладъ за мѣстными владѣльцами. Обращеніе лицъ духовнаго происхожденія въ крѣпостное состояніе прекращено Екатериною II. г) Малолѣтніе неизвѣстнаго происхожденія, незаконнорожденные и подкидыши записывались: первые за желающими, вторые—за тѣми, кому подкинуты (инструкц. ревиз. 1743 г. § 26), что продолжалось до указа Екатерины II 1765 г. (П. С. З. № 12340), по которому пріемыши отдаются въ услуженіе до 20 или 30 лѣтъ. д) Лица свободнаго состоянія („вольные гулящіе"), какъ тѣ, которые пребывали въ городахъ безъ опредѣленныхъ промысловъ, такъ и всѣ, которыхъ застала ревизія на частныхъ земляхъ, записываются за частными владѣльцами, при чемъ иногда желающіе владѣть ими вызываемы были чрезъ публикацію.

Такъ какъ крѣпостное состояніе поглотило въ себѣ прежнее холопство, то *источниками* пополненія его сдѣлались всѣ прежніе источники холопства, какъ-то: *бракъ*, до ук. Екатерины II 1781 г.; *договоръ займа—кабала* въ отношеніи къ инородцамъ, до ук. 1743 г. (П. С. З. № 8792)); *купля* инородцевъ и иностранцевъ азіатскаго происхожденія и вымѣнъ ихъ на товары, что поощрялось въ видахъ обращенія въ христіанскую вѣру (и что пресѣчено указомъ Екатерины II 1776 года); *наемъ въ услуженіе*: по 2-й ревизіи всѣ партикулярно служащіе у кого-либо записывались за владѣльцемъ вѣчно, кромѣ иноземцевъ, принявшихъ христ. вѣру; *плѣнъ*: плѣнники раздаваемы были частнымъ лицамъ въ вѣчную крѣпость (указъ 19 апр. 1737 г.), что прекращено Екатериною II (въ ук. 17 окт. 1776 г.); *преступленіе*, именно *бунтъ* (напр., раздача бѣжавшихъ ногайцевъ въ 1743 г.)—Какъ видно изъ предыдущаго, всѣ новые источники крѣпостного состоянія пресѣчены Екатериною В., при которой (сенатск. ук. 1780 года: П. С. З. № 14294 и 15070) вообще свободному человѣку запрещено записываться въ крѣпостное состояніе.—Но зато именно Екатерина болѣе всѣхъ другихъ государей увеличила фактическій объемъ крѣпостного состоянія чрезъ *пожалованіе государственныхъ населенныхъ земель частнымъ лицамъ*. Этимъ послѣднимъ путемъ узаконено возникшее фактически вновь крѣпостное право въ Малороссіи (гдѣ оно вполнѣ было уничтожено при Богданѣ Хмельницкомъ); здѣсь, впрочемъ, и безъ пожалованія крѣпостное право вводимо было простыми полицейскими мѣрами о воспрещеніи бродяжничества (перехода отъ одного владѣльца къ другому), ради

удобнѣйшаго взысканія податей. Пожалованіе населенныхъ имѣній прекращено имп. Александромъ I въ 1801 г.

Юридическое положеніе крѣпостныхъ. Благодаря различію характера владѣльцевъ (казны и частныхъ лицъ), юридическое положеніе *казенныхъ крестьянъ* обособилось отъ положенія крестьянъ частновладѣльческихъ. Первые раздѣляютъ со вторыми почти вполнѣ безправное положеніе въ имущественныхъ отношеніяхъ: въ 1730 году имъ запрещено пріобрѣтеніе недвижимой собственности въ городахъ и уѣздахъ, въ 1731 г. запрещено вступать въ подряды и откупа, въ 1761 г.—обязываться векселями и вступать въ поручительства; простыя заемныя обязательства допускаются съ дозволенія ихъ правителей; оставалось только право собственности на движимыя вещи.—Зато *личныя* права казенныхъ крестьянъ не подвергались такимъ ограниченіямъ, какъ *права крестьянъ частновладѣльческихъ.* Благодаря смѣшенію въ крѣпостномъ состояніи холопства и прикрѣпленія, въ правахъ владѣльцевъ смѣшиваются прежнія права господъ съ правами землевладѣльцевъ. 1) Крѣпостная зависимость *вѣчна,* вопреки временному характеру стараго кабальнаго холопства и согласно съ характеромъ вотчиннаго права на землю. 2) *Право распоряженія* крѣпостными перешло отъ прежнихъ правъ господина на полныхъ холоповъ: владѣльцы продавали, мѣняли на другіе предметы крѣпостныхъ поштучно (безъ земли и отдѣльно отъ семействъ). Хотя Петръ В. (въ указаніяхъ для комиссіи при составленіи новаго улож. 1721 г. апр. 15) порицалъ это („шляхетство продаетъ людей, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится"), но самъ же онъ разрѣшилъ продажу людей въ рекруты (ук. 29 окт. 1720 г.), на чемъ единственно опиралась послѣдующая практика (ибо законъ въ общемъ не разрѣшалъ этого; см. П. С. З. № 13074). Въ проектѣ Екатерининской комиссіи о правахъ „третьяго рода жителей" (ч. 2, ст. 46) было постановлено: „помѣщики не властны ихъ продавать и уступать мужа отъ жены, или жену отъ мужа, также и малолѣтнихъ ихъ дѣтей, коимъ отъ роду не болѣе 7 лѣтъ". Но проектъ не былъ утвержденъ, и отдѣльная продажа людей продолжалась. Продажа людей отдѣльными головами запрещена только въ 1843 году.—3) *Право хозяйственнаго пользованія* крѣпостными не было ограничено закономъ (вопреки желаніямъ лучшихъ людей того времени, напр., Посошкова: „О скудности и богат." гл. VII, и самой Екатерины II.—Наказъ, гл. XII п. 270) до указа 1797 г. (П. С. З. № 17904), по которому число рабочихъ дней въ недѣлѣ на помѣщика ограничено тремя, но законъ этотъ не вошелъ въ практику. Прежнее различіе видовъ труда между холопами (дворовая служба) и крестьянами (земледѣліе) уничтожается: владѣлецъ всегда имѣлъ право перевести крестьянина во дворъ (до закона 1858 года). Владѣлецъ имѣлъ право передавать свою власть надъ крѣпостными кому угодно (по арендному контракту на землю и лично по передачѣ отдѣльныхъ крестьянъ во временное пользованіе). Законъ прекращалъ лишь передачу крестьянъ лицамъ, не имѣющимъ права владѣть крѣпостными (ук. 1817 г. П. С. З. № 30040 и 2-е П. С. З. № 27405). Владѣлецъ могъ переселять своихъ

крестьянъ съ одной земли на другую, впрочемъ, съ дозволенія начальства: камеръ-коллегіи (П. С. З. № 4533), а потомъ земскаго суда (П, С. З. № 15549). Самимъ крестьянамъ не принадлежитъ никакихъ имущественныхъ правъ: всякое имущество ихъ есть имущество владѣльца. Въ вышеупомянутомъ проектѣ Екатерининской комиссіи (ч. 3-я, ст. 48) было постановлено: „все движимое имѣніе принадлежитъ имъ собственно ; при взысканіи недоимокъ (въ пользу казны или помѣщика) оцѣнка имущества крестьянъ производится выборными изъ крестьянъ. Но это не вошло въ законъ. 4) *Право устроять брачную судьбу крѣпостныхъ* перешло изъ права господъ на холоповъ, и вмѣшательство закона съ цѣлью ограничить произволъ владѣльцевъ въ этомъ отношеніи (ук. 5 янв. 1724 г., въ П. С. З. № 4406) не имѣло никакихъ благихъ послѣдствій. 5) *Право суда и наказанія* первоначально вовсе не регулировано закономъ; не дозволялось лишь примѣненіе смертной казни. Помѣщикамъ предоставлялось право ссылки крестьянъ въ каторгу на срокъ (указъ 1765 г. П. С. З. № 12311), опредѣленный самимъ владѣльцемъ; это право отмѣнено въ 1807 г. (П. С. З. № 23530). Въ сводѣ законовъ отнято у помѣщиковъ право суда и наказанія лишь по преступленіямъ, ведущимъ къ лишенію правъ состоянія; тѣлесныя наказанія ограничены 40 ударами розгъ или 20 ударами палокъ, а тюремное заключеніе въ сельской тюрьмѣ отъ 1 дня до 2-хъ мѣсяцевъ; впрочемъ, владѣльцамъ предоставлено право отсылать виновныхъ въ смирительный домъ отъ 2 недѣль до 3 мѣсяцевъ и въ арестантскія роты отъ 1 до 6 мѣсяцевъ (т. IX, ст. 1052). Право помѣщиковъ ссылать своихъ крестьянъ на поселеніе не за преступленія, а за пороки и проступки дано самими законодателями въ видахъ скорѣйшей колонизаціи Сибири (П. С. З. № 11166 и 11216: ук. 1860 г.); хотя эту мѣру отмѣняли и Екатерина II (въ 1773 г.) и Александръ (въ 1802 г.), но она вновь возстановлялась. Ссылка регулирована въ 1827 г.—Единственнымъ ограниченіемъ крѣпостныхъ правъ, по сравненію съ прежними правами на холоповъ, было запрещеніе *ставить крестьянъ вмѣсто себя на правежъ*.

Выходъ изъ крѣпостного состоянія. Много дверей вело въ это состояніе, но изъ него—ни одной. Отдача въ солдаты вела лишь къ временному освобожденію: владѣлецъ могъ требовать отставныхъ солдатъ себѣ обратно (ук. 1764 г. П. С. З. № 12060). Дѣти, рожденныя во время службы отъ солдата-отца, принадлежатъ военному вѣдомству. Доносъ на своихъ владѣльцевъ велъ также къ временному освобожденію; освобожденный обязанъ пріискать себѣ новаго владѣльца въ теченіе одного года. Воля самихъ владѣльцевъ освобождать своихъ крестьянъ была ограничена: личное освобожденіе позволено было лишь манифестомъ 1775 г., а освобожденіе съ землею указомъ 1801 года. Владѣльцы иногда подъ видомъ освобожденія выгоняли дряхлыхъ и больныхъ, чтобы не платить за нихъ подушныхъ податей (П. С. З. № 15603).

Ограниченія крѣпостного права. Крѣпостное право, какъ сказано выше, заключало въ себѣ и рабство на частныхъ основаніяхъ и прикрѣпленіе на

государственныхъ началахъ. Поэтому государство имѣло полныя основанія регулировать въ частныхъ случаяхъ власть помѣщика, но обыкновенно не пользовались этимъ правомъ. Вначалѣ оно за разореніе помѣщикомъ своихъ деревень отдавало такихъ „непотребныхъ“ подъ начало до исправленія, а имѣніе отдавало родственникамъ (ук. 1697 г., п. 7; подобное же повторено въ ук. о единонаслѣдіи), дозволяло крестьянамъ приписываться въ посады (безъ освобожденія). Но послѣ 1762 г. вмѣшательство государства становится все слабѣе: опека за жестокое обращеніе съ крестьянами дѣлается явленіемъ весьма рѣдкимъ.

Эманципаторскія идеи начинаютъ проявляться съ самаго начала крѣпостного права; представителемъ ихъ можно считать уже Посошкова (который утверждалъ, что „прямой владѣлецъ крестьянъ—всероссійскій Самодержецъ“), Замѣтнѣе онѣ становятся со временъ Екатерины. Сама Екатерина, какъ частное лицо, несомнѣнно была (до 1789 г.) на сторонѣ освобожденія, но, какъ государыня, поддерживала крѣпостное состояніе и даже развивала его; свидѣтельство о ея эманципаторскихъ наклонностяхъ можно видѣть въ Наказѣ (гл. XI, XIII и V), въ темѣ, предложенной Вольному экономическому обществу объ имущественныхъ правахъ крестьянъ, въ полемикѣ ея съ Сумароковымъ и въ сказаніяхъ о проектѣ ея, по которому всѣ, рожденные послѣ 1785 г., должны быть свободны. Въ комиссіи 1767 года многіе депутаты, особенно депутатъ Козловскаго дворянства—Коробьинъ, стояли за ограниченіе власти помѣщиковъ и признаніе за крестьянами правъ собственности. Ревностнымъ приверженцемъ освобожденія былъ въ началѣ царствованія импер. Александръ I, установившій (1804 г.) разрядъ свободныхъ хлѣбопашцевъ и дозволившій помѣщикамъ отпускать крестьянъ съ землею, освободившій (1816—1818 г.) крестьянъ Эстляндіи и Курляндіи. При имп. Николаѣ I было учреждаемо нѣсколько секретныхъ комитетовъ, посвященныхъ крестьянскому вопросу (1826, 1839 г.); послѣдствіемъ обсужденій ихъ были указы: 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ (т. е. о личномъ освобожденіи крестьянъ, съ сохраненіемъ за помѣщиками права собственности на землю); указъ 1843 г., запретившій продажу безъ земли; ук. 1848 г. о правѣ крестьянъ покупать землю съ согласія помѣщиковъ.

Дѣйствительное освобожденіе послѣдовало лишь въ великое царствованіе Александра II, 19 февраля 1861 г.

В. Власть.

Царская власть получаетъ новый *титулъ—императорскій*, съ сохраненіемъ и всѣхъ прежнихъ. Этотъ титулъ поднесенъ Петру В. высшими учрежденіями государства при окончаніи великой сѣверной войны въ 1821 г.,—войны, которая и вызвала всѣ новыя явленія періода имперіи. Новый титулъ, сходный по существу съ прежнимъ—царскимъ, заключаетъ

однако, въ себѣ и новый смыслъ: царскій титулъ дѣлаетъ нашихъ государей преемниками Византійскихъ цезарей, императорскій—дѣлаетъ ихъ усвоителями подобныхъ же традицій западно-европейскихъ.

Новыя основанія власти. Петръ В. и теоретически и практически измѣняетъ прежнія патріархально-вотчинныя основанія власти въ государственныя: власть существуетъ въ интересахъ государства и для государства. Теоретически такое ученіе проводилъ въ Москвѣ Юрій Крыжаничъ; затѣмъ тотъ же взглядъ выраженъ, по порученію Петра, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ „Правдѣ воли монаршей" (оффиціальномъ публицистическомъ трактатѣ, написанномъ въ защиту правъ Петра на устраненіе законнаго наслѣдника). Здѣсь основанія власти изложены согласно съ теоріею Гуго-Гроція, т. е. съ теоріею договорнаго происхожденія власти: „согласно всѣ хощемъ, да ты, государь, къ общей нашей пользѣ владѣеши нами вѣчно": практически Петръ проводилъ ту же мысль, издавъ новую форму присяги 1711 г. (П. С. З. № 2329) на имя государя и государства, затѣмъ проходя службу наравнѣ съ подданными, съ низшихъ чиновъ и повелѣвъ въ письмѣ изъ-подъ Прута сенату, что, если онъ попадетъ въ плѣнъ, то не исполнять его приказаній, хотя бы и собственноручныхъ, а если погибнетъ, то выбрать между собою достойнѣшаго въ преемники.

Переворотъ въ порядкѣ преемства. Согласно съ новыми основаніями власти, Петръ В. полагалъ (и рукою Прокоповича въ „Правдѣ воли монаршей" выразилъ), что воля царствующаго государя не связана порядкомъ законнаго наслѣдованія: если государь находитъ законнаго наслѣдника не соотвѣтствующимъ благу государства, то можетъ назначить себѣ преемникомъ кого угодно. Практическимъ поводомъ къ тому было желаніе Петра устранить своего сына Алексѣя отъ престола; онъ былъ дѣйствительно устраненъ (впрочемъ, чрезъ его собственное отреченіе, хотя и вынужденное) и послѣ бѣгства въ Австрію—судимъ и приговоренъ къ смертной казни. Тогда Петръ утвердилъ *завѣщательное преемство* (ук. 5 февр. 1722 г.), бывшее причиною многихъ смутъ въ 1-й пол. XVIII в., самъ онъ не успѣлъ назначить себѣ преемника; его супруга—Екатерина I—возведена на престолъ лишь по тому основанію, что была коронована Петромъ В., какъ супруга-императрица (первый случай пріобщенія къ коронаціи государынь-супругъ). Сама она оставила завѣщаніе, допустивъ въ немъ субституцію: первымъ преемникомъ назначенъ законный наслѣдникъ—сынъ царевича Алексѣя—Петръ, за бездѣтною смертію котораго престолъ долженъ былъ перейти къ дочери Петра I Аннѣ (Голштинской). Въ дѣйствительности же за смертію Петра открылось *избраніе* преемника волею верховнаго тайн. совѣта, которое пало на дочь царя Іоанна—Анну Курляндскую. Она хотя также назначила завѣщаніемъ преемника въ лицѣ малолѣтняго Іоанна Брауншвейгскаго, но онъ былъ свергнутъ, и на престолъ возведена дочь Петра Елизавета, которая объявила своимъ наслѣдникомъ Петра (III); Петръ, однако, былъ свергнутъ его супругою Екатериною II, Екатерина, хотя и признала съ самаго начала царствованія своимъ наслѣдникомъ сына своего Павла, но не отмѣняла закономъ завѣщательнаго порядка (по нѣ-

которымъ извѣстіямъ, имѣя въ виду устранить Павла и передать престолъ сыну его—Александру), Императоръ Павелъ I поспѣшилъ возстановить *законное преемство* (ук. 5 апрѣля 1797 г.) и установилъ тотъ порядокъ, который, безъ существенныхъ измѣненій, дѣйствуетъ донынѣ.

Права власти верховной. Вышеизложенное измѣненіе основаній власти привело къ точному законодательному опредѣленію неограниченной самодержавной власти, именно въ Воинскихъ Артикулахъ Петра В. (въ толкованіи къ арт. 20) читаемъ такъ: „Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчетъ дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомыслію управлять [1]). „Правда воли монаршей" учитъ, что, хотя власть возникла по договору и для пользы подданныхъ, но народъ разъ навсегда передалъ власть въ руки монарха безусловно. Екатерина II (Наказъ гл. II) указываетъ на другія основанія для того же: „Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ столь великаго государства" (п. 9—11); „Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ. Какой предлогъ (цѣль) самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра" (п. 12—16).

Въ 1730 году, когда задумали примѣнить въ преемствѣ принципъ избранія, задумали также ввести ограничительные пункты для власти новоизбранной государыни Анны Іоанновны, именно: аристократія—члены верховнаго тайнаго совѣта (главн. обр. кн. Голицынъ)—имѣла образцомъ шведское государственное устройство; дворянство увлекалось правами польскаго шляхетства; но проектъ олигархіи взялъ перевѣсъ, и императрица присягнула на соблюденіи слѣд. кондицій: она безъ согласія совѣта не можетъ объявлять войны и заключать миръ, налагать новыя подати, казнить дворянъ безъ суда, распоряжаться коронными землями, вступать въ бракъ и избирать себѣ наслѣдника [2]). По прибытіи государыни въ Москву шляхетство хотѣло измѣнить олигархическіе пункты въ свою пользу, но окончательный перевѣсъ взятъ приверженцами неограниченной монархіи; кондиціи были уничтожены.

Гораздо важнѣе этой безплодной попытки тѣ случаи, когда сама верховная власть призывала къ участію въ дѣлахъ правленія представителей населенія, отнюдь не думая ограничивать тѣмъ своихъ самодержавныхъ правъ. Этого не допускалъ Петръ В., но допускали не разъ его преемники по поводу составленія новаго кодекса. Современникъ Петра Посошковъ

[1]) Это—почти буквальный переводъ рѣшенія шведскаго рихсдага 1693 г.

[2]) Впрочемъ, Д. М. Голицынъ составилъ подробный планъ государственнаго устройства, въ которое, кромѣ в. т. совѣта, входитъ сенатъ (изъ 36 членовъ) и сеймъ, состоящій изъ двухъ палатъ: шляхетской (изъ 200 членовъ) и городскихъ депутатовъ.

(„О скудости и богатствѣ“) писалъ, что къ составленію „судебной книги“ (уложенія) слѣдуетъ призвать выборныхъ отъ духовенства, дворянства („отъ высокаго чина“) и отъ иныхъ чиновъ: отъ приказныхъ чиновъ, отъ купечества, отъ солдатъ и отъ людей боярскихъ. „Мнится мнѣ (продолжаетъ онъ), что не худо бы выбрать и изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ соцкихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывали и въ разумѣ смышленные. Я видѣлъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то какъ въ крестьянахъ не быть людямъ разумнымъ?“ При этомъ Посошковъ оговаривается, что подобнымъ проектомъ отнюдь не посягаетъ на права самодержавной власти. Мы увидимъ ниже, какъ неудачно осуществлялась эта мысль преемниками Петра I. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ *комиссія для составленія проекта новаго уложенія*, созванная Екатериною II въ 1767 г. (манифестомъ 14 декабря 1766 года). Созваны были представители *сословій* (дворянъ, горожанъ, казаковъ и свободныхъ сельскихъ обывателей, но не духовенства), чѣмъ представительство XVIII вѣка существенно отличается отъ территоріальнаго представительства земскихъ соборовъ. Лишь представительство двухъ городовъ—Москвы и Петербурга—было всесословное. Но и въ другихъ городахъ сословное начало не могло быть выдержано, потому что мѣщанскій городъ только что еще создавался: въ городахъ смѣшивалось дворянство, купечество, казаки и крестьяне и притомъ люди разныхъ національностей; всѣ они, вопреки призыву, избирали отдѣльныхъ депутатовъ. Избранные получали *наказы* отъ своихъ избирателей, исполненные самаго разнообразнаго содержанія, отъ высшихъ вопросовъ госуд. управленія до самыхъ мелкихъ мѣстныхъ нуждъ. Всѣхъ депутатовъ явилось: отъ дворянъ 161, горожанъ 208, казаковъ 54, крестьянъ 79, иновѣрцевъ 34; всего 536. Были представлены всѣ части имперіи, не исключая привилегированныхъ, имѣвшихъ свои особенныя узаконенія (Малороссіи, Остзейскаго края). Сверхъ представительства населенія, были и представители (всего 28) учрежденій (сената, синода, коллегій и главн. канцелярій). Такимъ образомъ общее число членовъ комиссіи было 564. Большинство членовъ приходилось на долю городск. сословій. *Засѣданія* комиссіи должны были совершаться по изданному императрицею „обряду управленія комиссіею“. При открытіи въ комиссіи предсѣдательствуетъ генералъ-прокуроръ, а потомъ—избранный депутатами маршалъ. Назначена была частная комиссія дирекціонная для упорядоченія занятій комиссіи. Но самая сущность дѣла, т. е. обсужденіе законовъ, первоначально совершалась въ общемъ собраніи комиссіи.—Комиссія была призвана къ исполненію невозможнаго дѣла: ей предстояло не обсуждать готовый проектъ новаго кодекса (какъ было въ 1648 г. и какъ бываетъ обыкновенно), а *сочинять проектъ*, что рѣшительно немыслимо въ 500-тенномъ собраніи. Притомъ же трудность составленія кодекса въ XVIII в. возросла неизмѣримо сравнительно съ затрудненіями, предстоявшими законодателямъ XVII в.: теперь законодательныхъ источниковъ накопились новыя тысячи, не приведенныя въ извѣнность и не собранныя, какъ нынѣ, въ Полномъ собраніи законовъ; но что̀ всего важнѣе, законодательство XVIII в. внесло

совершенно новыя начала, не примиренныя и несогласимыя съ началами Москов. права. Императрица думала облегчить работы комиссіи, давъ ей въ руководство свой знаменитый „Наказъ", но этимъ только усложнила работы комиссіи и сдѣлала ихъ еще болѣе невыполнимыми; наказъ не есть проектъ, ни даже программа кодекса, а общія философскія начала права, заимствованныя изъ Монтескье и Беккаріа, разумѣется, не имѣвшія ничего общаго съ фактическимъ состояніемъ Московск. права. Комиссія должна была также принять во вниманіе частные наказы депутатовъ (числомъ около $1^1/_2$ тыс.). Вотъ почему засѣданія общаго собранія были безъ системы и безъ результатовъ. Это не только должно было случиться въ то время, но должно повториться и всегда: предсѣдатель ком., Бибиковъ, совершенно справедливо видѣлъ невозможность вести дѣла въ такомъ большомъ собраніи: дирекціонная комиссія поспѣшила выдѣлить частныя комиссіи для разработки проектовъ спеціальныхъ уложеній, именно: вотчинную, юстицкую и о родахъ государственныхъ жителей (сословное право); не имѣя общаго плана, комиссія не могла сдѣлать болѣе раціональное распредѣленіе частныхъ комиссій. Государыня, сознавая свою ошибку, съ своей стороны, поспѣшила дать планъ новаго уложенія (8 апр. 1768 г.: „Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи проекта новаго уложенія"); сообразно съ главными частями этого плана для разработки права общаго назначено 11 частныхъ комиссій, а для разработки особеннаго—4. Эти частныя комиссіи продолжали долго работать; но „большая комиссія", т. е. общее собраніе, была распущена 18 декабря 1768 г. по случаю открывшейся войны съ Турціею, впредь до новаго созыва, котораго не воспослѣдовало (упоминанія о комиссіи, какъ существующей de jure, доходятъ до 1780-хъ год.). Работы частныхъ комиссій (закрытыхъ по указу 1774 года декабря 4) еще не всѣ изучены и сличены съ послѣдующими актами законодательства Екатерины.—Итакъ, о неудачахъ Екатерининской комиссіи рѣчи быть не можетъ: нельзя назвать неудачею неисполненіе того, что не можетъ быть исполнено. Дѣйствительное же значеніе комиссіи, т. е. выраженіе народныхъ мнѣній по разнымъ отраслямъ законодательства, ею исполнено въ наказахъ депутатамъ и рѣчахъ ихъ. Здѣсь, конечно, мы находимъ массу неправильныхъ (по взглядамъ нашего времени) мнѣній и партіозно-сословныхъ стремленій, но не мало и весьма благородныхъ и цѣнныхъ заявленій.

Императоръ Александръ I учредилъ конституціонный образъ правленія въ новоприсоединенныхъ областяхъ—Финляндіи и Польшѣ. Планъ общихъ преобразованій въ этомъ смыслѣ, составленный Сперанскимъ, не былъ приведенъ въ исполненіе и потому для исторіи русскаго государст. права не имѣетъ никакого значенія, за исключеніемъ *Государственнаго совѣта* установленнаго въ 1810 г. (или правильнѣе преобразованнаго изъ „постояннаго совѣта", учрежд. въ 1801 г.). Государственный совѣтъ есть установленіе законо-совѣщательное; это значеніе его существенно измѣнено реформою 1842 года.

Г. Управленіе.

I) Центральное управленіе.

СЕНАТЪ И ДРУГІЯ ВЫСШІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Около 1700 г. Петръ В. уничтожилъ боярскую думу, какъ учрежденіе; но совѣщанія съ боярами продолжались въ т. н. *Ближней канцеляріи* (упом. съ 1704 г.), которая сама по себѣ была не болѣе, какъ личною канцеляріею царя и учрежденіемъ постояннымъ, но съѣзды бояръ въ канцелярію—уже не учрежденіе, постоянно дѣйствующее. Въ послѣдующіе года, впредь до учрежденія сената, Петръ, во время отъѣздовъ своихъ изъ столицы, поручалъ веденіе дѣлъ нѣсколькимъ лицамъ (напр., въ 1706 г.), но не довѣрялъ имъ и не полагался на нихъ (въ 1707 г. онъ велѣлъ, чтобы всѣ министры подписывали дѣла: „ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ“). Въ 1711 г. 22 февр., объявляя о войнѣ съ Турками и собираясь уѣхать на театръ войны, далъ подобное же порученіе нѣсколькимъ лицамъ, назвавъ совокупность ихъ *сенатомъ* (терминъ могъ быть взятъ какъ изъ шведскаго, такъ и изъ польскаго госуд. устройства, безъ заимствованія сущности дѣла).

Сенатъ при Петрѣ В. прошелъ 3 формы: а) въ годы 1711—1718, какъ регентство, вполнѣ замѣняющее царя во время его отсутствія, сенатъ получилъ широкія полномочія: въ ук. 2 марта 1711 г. сказано: „мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучкахъ опредѣлили *управительный* сенатъ, котому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря“ (П. С. З. 2328). Инструкція, тогда данная сенату, опредѣляла не постоянный кругъ его вѣдомства, а нѣсколько временныхъ порученій, которыя надо было исполнить немедленно. Однако, ни въ одномъ родѣ дѣлъ сенатъ не могъ проявить самостоятельности: существенною задачею его была администрація, но *верховные господа—министры* (управляющіе войскомъ, флотомъ и иностран. дѣлами)—распоряжались сами, обращаясь въ сенатъ „указами“ именемъ царскаго величества, т. е. требованіями въ случаѣ надобности. Во всякомъ случаѣ сенату принадлежала тогда вся исполнительная власть. При немъ находятся по два комисара отъ губерній „для спроса и приниманія указовъ“ (П. С. З. № 2321 и 2339). Сенатъ состоялъ изъ особыхъ спеціально назначенныхъ членовъ (кн. М. В. Долгорукаго, кн. Волконскаго, Стрѣшнева, Опухтина, Мельницкаго); первоначальный ихъ выборъ былъ очень неудаченъ. б) Въ 1718 г., съ учрежденіемъ коллегій, всѣ административныя функціи сената отходятъ къ коллегіямъ; существованіе сената должно бы прекратиться, но для объединенія административныхъ мѣръ установлено общее собраніе президентовъ коллегій и на него перенесено названіе сената; этотъ новый сенатъ является опять не постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, а временнымъ собраніемъ президентовъ, которое составляется въ случаѣ, кто

изъ нихъ не можетъ рѣшить дѣла въ коллегіи. Собственное вѣдомство сената, независимо отъ доклада изъ коллегій, состояло въ предметахъ, не подлежащихъ ни одной коллегіи; но такъ какъ система коллегій обнимала (и должна была обнимать) всѣ отправленія государственной жизни, то на долю сената не осталось почти ничего (извѣстія о моровой язвѣ, о нападеніи непріятелей, „какихъ припадковъ"); впрочемъ, сенатъ баллотируетъ въ высшіе чины. в) Въ 1722 г. Петровскій сенатъ переходитъ въ 3-й фазисъ: въ ук. 12 янв. (П. С. З. № 3877) Петръ самъ осуждаетъ прежнее устройство сената, говоря: „сіе, сначала несмотря учинено"; а именно: президенты коллегій и такъ обременены своими прямыми обязанностями и притомъ не могутъ надзирать сами надъ собою. Сенатъ долженъ былъ получить свой собственный составъ, независимый отъ коллегій, однако далеко не вполнѣ: президенты военной, адмиралтейской, иностранной и бергъ-коллегій остались его членами. Законодательная функція (но не законосовѣщательная) теперь прямо воспрещена ему. Непосредственнымъ административ. органомъ онъ пересталъ быть съ устройствомъ коллегій. Сенату, повидимому, остался только контроль надъ прочими органами администраціи. Ревизіонъ-коллегія (вѣдомство финансоваго контроля) была уничтожена; ея роль передана сенату. Въ отношеніи къ судебнымъ коллегіямъ надзоръ выражался въ томъ, что въ сенатъ могутъ быть поданы какъ частныя, такъ и апелляціонныя жалобы на коллегіи, для чего учреждена при сенатѣ должность *генералъ-рекетмейстера* [1]).

Въ отношеніи же къ прочимъ коллегіямъ ему могъ бы принадлежать надзоръ, если бы въ то же время не была учреждена особая *охранительная власть*, простирающаяся и надъ самимъ сенатомъ. Въ одинъ годъ съ учрежденіемъ сената установлены *фискалы* (т. е. система тайнаго надзора); окончательная организація этому учрежденію дана въ 1717 г.; при юстицъ-коллегіи находится оберъ-фискалъ, назначаемый сенатомъ и ему подсудный; при оберъ-фискалѣ—4 помощника, изъ нихъ двое отъ купечества, „дабы могли тайно вѣдать купеческое сословіе"; въ губерніяхъ и провинціяхъ были провинціалъ-фискалы, въ городахъ и „у всякаго дѣла"—фискалы; впослѣдствіи учреждена должность генералъ-фискала,

---

[1]) Первоначально сенатскій секретарь, а съ 1722 г. рекетмейстеръ былъ только органомъ для пріема прошеній на Высоч. имя, такъ какъ апелляція не шла дальше юстицъ-коллегіи (и др. коллегій); государь, если находилъ просьбу уважительною, „подписавъ" ее, передавалъ на разсмотрѣніе сенату, будучи самъ обремененъ массою другихъ дѣлъ. Впослѣдствіи переносъ дѣлъ отъ коллегій въ сенатъ сдѣлался обычною апелляціею и рекетмейстеръ сталъ органомъ при сенатѣ, т. е. принималъ (или отвергалъ) прошенія и частныя жалобы, принятыя предлагалъ сенату для разсмотрѣнія. Въ 1740 г. была учреждена должность „рекетмейстера при Высочайшемъ дворѣ „съ правомъ принимать жалобы на самый сенатъ, но просуществовала всего нѣсколько мѣсяцевъ, ибо человѣкъ, назначенный и на этотъ важнѣйшій постъ, оказался взяточникомъ и былъ арестованъ; даже прежнее учрежденіе прекратило было свое существованіе, но возстановлено и–цею Елизаветою и продолжало существовать и при Екатеринѣ II.

назначаемаго государемъ [1]). Самъ сенатъ подлежалъ наблюденію сначала *генералъ-ревизора* (Зотова), затѣмъ (въ 1720 г.) *оберъ-секретаря*, въ 1721 г.—*оберъ-офицеровъ гвардіи*, которые могли арестовать сенаторовъ и по песочнымъ часамъ наблюдали время, назначенное сенату для того или другого дѣла. Впрочемъ, эта мѣра была принята временно, пока не будетъ выбранъ государственный фискалъ". Взамѣнъ этого при новомъ преобразованіи сената, въ 1722 г., учреждена *прокуратура* (П. С. З. № 3978 и 2979), которой подчинена и система фискаловъ; это—управленіе надъ управляющими, или „полиція надъ администраціею" (говоря словами Ѳ. М. Дмитріева). При сенатѣ состоитъ *генералъ-прокуроръ*—„око наше"; онъ наблюдаетъ, чтобы „сенатъ должность свою хранилъ"; онъ имѣетъ власть останавливать своимъ veto всякое рѣшеніе сената; онъ начальствуетъ надъ сенатскою канцеляріею и наблюдаетъ за исполненіемъ рѣшеній сената. И самъ сенатъ и частныя лица (Минихъ) поняли должность генераяъ-прокурора, какъ начальство надъ сенатомъ и власть вице-императорскую. Генералъ-прокурору подчиняются оберъ-прокуроръ при сенатѣ (его помощникъ) и прокуроры при коллегіяхъ. Впослѣдствіи прокуратура (исчезнувшая при учрежденіи тайнаго совѣта, но потомъ возстановленная) перешла въ особую, чрезвычайно важную вѣтвь администраціи (министерство юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ). Съ учрежденіемъ прокуратуры роль сената становится ничтожною.

Верховный тайный совѣтъ, кабинетъ и другія высшія учрежденія. Петровскій сенатъ отнюдь не имѣлъ прежняго значенія боярской думы, не былъ учрежденіемъ политическимъ, о каковомъ учрежденіи геніальный преобразователь Россіи хотя и думалъ, но не очень нуждался. Преемники его почувствовали въ немъ нужду: въ 1726 г. учрежденъ *Верховный тайный совѣтъ* (П. С. З. № 4830), противъ чего сенатъ протестовалъ, но напрасно, ибо онъ самъ и прежде политической роли не имѣлъ. Верхтайному совѣту принадлежало обсужденіе вопросовъ внѣшней политики, законодательства и контроль надъ администраціею и судомъ [2]).

[1]) Дальнѣйшая судьба учрежденія фискаловъ такова: почти всѣ, стоявшіе во главѣ его (Нестеровъ, Мякининъ, Косой), а равно многіе провинціалъ-фискалы, подверглись суду и жестокимъ наказаніямъ за вымогательство, превышеніе власти, опредѣленіе въ составъ фискаловъ первостепеннаго купечества (какъ одно изъ средствъ угнетенія и вымогательства у богатыхъ людей), а также воровъ и т. п. Въ народѣ это печальной памяти учрежденіе, возбудило великую ненависть (не принося пользы и государству), а потому Верх. тайный совѣтъ фактически отмѣнилъ его въ 1729 г. (чрезъ увольненіе наличныхъ фискаловъ безъ назначенія новыхъ). Остались фискалы „для купецкихъ дѣлъ", фискалы въ Остзейскомъ краѣ и военные фискалы. Слѣды учрежденія тянутся, впрочемъ, еще въ царст. Анны Іоанновны.

[2]) Что касается до дѣйствительнаго исполненія в. т. совѣтомъ его миссіи въ кратковременный періодъ бытія этого учрежденія, то, нужно отдать ему справедливость, онъ сдѣлалъ немало полезныхъ государственныхъ мѣропріятій (особенно по сравненію съ послѣдующимъ періодомъ бироновщины), а именно: имъ даны уставъ вексельный 1729 г., уставъ соляной 1727 г.; указъ объ улучшеніи внутреннихъ дѣлъ государства 9 янв. 1727 г. (произведшій „неописанную радость въ народѣ", по словамъ С. М. Соловьева);

Уже и при Петрѣ В. существовалъ „тайный совѣтъ“ (сначала не въ видѣ организованнаго учрежденія, но подъ этимъ именемъ), т. е. совѣщаніе съ министрами (президентами трехъ „государственныхъ“ коллегій и нѣкоторыми другими лицами) преимущественно о дѣлахъ внѣшней политики; члены этого тайнаго совѣта всѣ были и сенаторами. Затѣмъ указомъ 1720 г. 13 февр. тайный совѣтъ установленъ, какъ учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ (канцлеръ, подканцлеръ и дѣйств. тайн. совѣтники). Петръ, однако, находилъ, что это недостаточно и намѣревался устроить такую коллегію, которая бы „смотрѣла“, что исправить, отмѣнить, отставить, вновь сдѣлать, т. е. законодательное и высшее правительственное учрежденіе. При Петрѣ и послѣ него составлялись не разъ проекты такого высшаго учрежденія какъ иноземными теоретиками, такъ и русскими практиками (Курбатовъ). Им. Екатерина указомъ 8 февр. 1725 г. осуществила эту мысль (но въ иной формѣ): прежнему тайному совѣту придана опредѣленная организація и болѣе широкая компетенція. Совѣтъ получилъ добавочный титулъ: „верховный“. Онъ состоялъ изъ опредѣленнаго (ограниченнаго 6—8) числа членовъ по назначенію императрицы; предсѣдателемъ его былъ правящій государь. Это напоминаетъ составъ бояр. думы, но съ существенными отличіями, именно: малочисленностію и случайностію состава (что даетъ совѣту видъ олигархіи). Совѣтъ не есть самостоятельное учрежденіе, отдѣльное отъ верховной власти (не есть „особливое коллегіумъ“), а вспомогательное учрежденіе (подобно боярской думѣ) при верховной власти („ея В—ству на облегченіе служитъ“); отсюда: а) сфера его дѣйствій простирается на всѣ предметы, которые можетъ непосредственно вѣдать сама верховная власть („гдѣ власть монарха дѣйствуетъ непосредственно“); таковы главн. обр.: внѣшняя политика, законодательство, назначеніе новыхъ налоговъ („новыя подати... имѣютъ быть опредѣлены въ верх. т. совѣтѣ“), высшій контроль надъ административными органами и особенно финансовымъ вѣдомствомъ, назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ (членовъ сената, синода, коллегій, губернаторовъ, архіереевъ и пр.); пожалованіе чинами и имѣніями; въ сферѣ судебной пересмотръ дѣлъ по жалобамъ на высочайшее имя

сокращеніе излишнихъ органовъ центральнаго управленія (уничтоженіе главнаго магистрата, подчиненіе штатсъ-конторы камеръ-коллегіи; освобожденіе населенія отъ лишнихъ и тяжелыхъ налоговъ (отмѣна всякихъ сборовъ въ Малороссіи вопреки пунктамъ Б. Хмельницкаго; отмѣна „конвойныхъ и убогихъ“ денегъ); вольная продажа соли; смягченіе суровыхъ законовъ Петра В. о заповѣдныхъ лѣсахъ (ук. 23 дек. 1726 г.) и уничтоженіе вальдмейстеровъ и ихъ конторъ; уничтоженіе преображенской канцеляріи (этой знаменитой арены пытокъ и тайныхъ казней, составляющей темное пятно на памяти Петра) 4 апр. 1729 г.; смягченіе участи и полное возстановленіе правъ политическихъ преступниковъ, наказанныхъ при Петрѣ I (напр., Абр. Лопухина и его соучастниковъ).—Отношенія в. т. совѣта къ сенату (жалобы на „утѣсненія“ сената совѣтомъ) обыкновенно оцѣниваются не по надлежащей мѣркѣ: верховная власть (которой участникомъ былъ совѣтъ) не можетъ вступать въ споры о правахъ ни съ какими административными и судебными учрежденіями (каковымъ былъ всегда сенатъ, за исключеніемъ краткихъ періодовъ регентства при отсутствіи государя).

на окончательныя рѣшенія сената и коллегій (что, однако, называлось тогда „апелляціею"), надзоръ за дѣйствіями судовъ (волокитою) и право помилованія. Но такъ какъ носители верховной власти могли, по собственному желанію, заниматься и всякими (низшими) родами дѣлъ, то и совѣтъ фактически вѣдаетъ иногда разныя вѣтви администраціи и суда непосредственно (ему подчинена медицинская канцелярія и соляная контора).—Так. обр., компетенція главы государства и совѣта совершенно совпадаютъ.—Но б) это не два органа, *рядомъ* стоящихъ, а одинъ: совѣтъ не имѣетъ никакой *собственной* власти (подобно думѣ); онъ дѣйствуетъ только именемъ государя. Единственное отличіе отъ старой думы заключается въ томъ, что императрица обѣщается, что она не будетъ принимать никакихъ „партикулярныхъ доношеній" помимо в. т. совѣта: но это относится только къ частнымъ доносамъ и не имѣетъ значенія ограниченія ея власти вообще; точно такъ же, если импер—ца рѣшаетъ дѣла, по которымъ возникло разногласіе въ в. т. совѣтѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, что дѣла, рѣшенныя единогласно, не требуютъ ея утвержденія. В. т. совѣтъ можетъ издавать законы (подъ санкціею государя), но государь можетъ дать указъ и безъ в. т. совѣта. Совѣтъ можетъ пожаловать имѣніе, но государь жалуетъ безъ совѣта. Вообще въ учрежденіи в. т. совѣта не содержится ограниченій верховной власти государя, и оно совершенно отличается отъ *кондицій*, предложенныхъ императрицѣ Аннѣ въ 1730 г., именно, во-перв., тѣмъ, что это были „кондиціи", т. е. юридически *обязательныя* нормы (ограничительныя условія), во-втор., онѣ были и гораздо шире полномочій в. т. совѣта (простираются на личныя отношенія правящаго государя).

Въ 1730 г. верх. тайный совѣтъ уничтоженъ имп. Анною, но взамѣнъ его явился отчасти съ подобнымъ значеніемъ *кабинетъ* (1731 г.). Кабинетъ состоялъ изъ 3-хъ членовъ; съ 1735 года акты, подписанные всѣми членами кабинета, сравнены съ высочайшими указами [1]). Потомъ идетъ непрерывный рядъ подобныхъ же высшихъ учрежденій подъ другими наименованіями: *конференціи министровъ* (при Елизаветѣ), *совѣта при Высочайшемъ дворѣ* (при Екатерикѣ II), *непремѣннаго совѣта* (при Александрѣ I), пока этотъ видъ учрежденій не установился въ нынѣшнемъ „государственномъ совѣтѣ".

[1]) Впрочемъ, кабинетъ есть не болѣе, какъ личный совѣтъ при государѣ (наименованіе и предметъ, имъ означаемый, идутъ отъ временъ Петра В.). Когда имп. Елизавета, по восшествіи на престолъ, тотчасъ уничтожила кабинетъ, то это означаетъ только, что лица, составлявшія его, были удалены отъ дѣлъ. Но та же императрица опять образовала свой кабинетъ изъ другихъ (болѣе угодныхъ ей) лицъ, который, по словамъ Панина, сдѣлался „злоключительнымъ интерваломъ между государемъ и правительствомъ". Однако, имп. Елизавета не находила уже возможнымъ управлять только при помощи личнаго кабинета и, сообщивъ сенату значительную часть политической власти, въ то же время учредила *конференцію* (изъ 4 членовъ), сначала только для обсужденія „важныхъ иностранныхъ дѣлъ". Но затѣмъ къ концу царствованія Елизаветы (съ 1757 г.) вѣдомство конференціи расширено на всѣ „весьма важныя государственныя

Сенатъ при в. т. совѣтѣ и кабинетѣ. Ясно, что была постоянно сознаваема потребность высшихъ госуд. установленій, которой удовлетворяла прежде дума, но для которой вовсе не созданъ сенатъ (такое значеніе, какъ мы увидимъ сейчасъ, онъ имѣлъ лишь случайно при Елизаветѣ). Сенатъ, при верховн. тайн. совѣтѣ, именуемый уже не правительствующимъ, а управительнымъ (какъ вначалѣ и при Петрѣ) и высокимъ, становится одною изъ коллегій, непосредственно подчиненныхъ верх. тайн. совѣту; наравнѣ съ нимъ стоятъ коллегіи: военная, адмиралтейская, иностранная и духовная (синодъ); сенату подчинены собственно гражданскія (судебныя и администр. коллегіи), которыя т. обр. нисходятъ на 3-ю степень госуд. учрежденій (такая система, впрочемъ, слагалась уже и при Петрѣ). Въ царств. имп. Анны, т. е. при существованіи кабинета, сенатъ, однако, получаетъ нѣсколько большее значеніе, часто дѣйствуетъ въ смѣшанномъ составѣ съ кабинетомъ и обнимаетъ всѣ вѣтви управленія; онъ раздѣленъ на 5 департаментовъ (духовн. дѣлъ, военныхъ, финансовыхъ, судебныхъ и торгово-промышленыхъ), не разрушавшихъ, впрочемъ, общей цѣльности сената, пот. что дѣла рѣшались общимъ собраніемъ. Но въ существѣ всѣми дѣлами управлялъ кабинетъ.

дѣла"; въ качествѣ учрежденія, вѣдающаго и важнѣйшія внутреннія дѣла, конференція вступила въ коллизію съ сенатомъ.

Имп. Екатерина II, подобно Петру I, не нуждалась въ воспомогательныхъ политическихъ учрежденіяхъ, будучи сама энергическою и талантливою правительницею, а потому проекты, представленные ей въ началѣ царствованія (гр. Панинымъ) объ учрежденіи „императорскаго совѣта" (изъ 6 лицъ), какъ верховнаго мѣста „лежисляціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе", ею были отвергнуты. О значеніи проектовъ Панина изслѣдователи разногласятъ: проф. Щегловъ видитъ въ нихъ ограничительныя тенденціи, навѣянныя шведскимъ образцомъ олигархіи; г. Чечулинъ, напротивъ, не усматриваетъ въ нихъ ни того ни другого. Проектированное учрежденіе весьма напоминаетъ верх. т. совѣтъ, чего именно императрица не желала. Образованный ею въ 1768 г. *совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ*, благодаря личности государыни, никогда не имѣлъ значенія не только в. т. совѣта, но и конференціи. Совѣтъ учрежденъ по случаю войны съ Турціею, и потому въ его компетенцію входило только „все то, что касается до нынѣшней войны какъ по политическимъ дѣламъ, такъ и военнымъ". Онъ уцѣлѣлъ и послѣ войны, но имѣлъ значеніе лишь совѣщательнаго органа преимущественно по дѣламъ внѣшней политики. Хотя императрица обыкновенно предлагала на разсмотрѣніе совѣта и важнѣйшіе акты внутренняго законодательства, но самые эти акты исходили отъ нея и въ совѣтѣ могли получать лишь незначительныя редакціонныя поправки; равн. обр., административныя мѣры совѣта исходятъ обыкновенно изъ иниціативы самой государыни; поэтому надо признать правильнымъ выраженіе указа 1801 года, что совѣтъ „носилъ одно имя государственнаго установленія безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя". Однако, достойно вниманія, что совѣтъ, тѣмъ не менѣе, не былъ уничтоженъ ни самою Екатериною, ни ея преемникомъ, столь ревниво оберегавшимъ личную власть государя, ни при Александрѣ I, который въ первые годы царствованія, стремясь къ широкимъ реформамъ, окружилъ себя близкими и сочувствующими людьми (т. н. comité de salut public) и только чрезъ нихъ могъ надѣяться на безпрепятственное осуществленіе горячихъ молодыхъ стремленій. Тѣмъ не менѣе и онъ не только удержалъ совѣтъ, но и преобразовалъ (1801 г.), наименовавъ его *непремѣннымъ*, или *постояннымъ*, въ ознаменованіе того, что это есть

Елизаветинскій сенатъ стоитъ на апогеѣ правъ и значенія сената въ цѣлой его исторіи: онъ становится, дѣйствительно, высшимъ политическимъ учрежденіемъ, вѣдающимъ въ то же время всѣ отрасли госуд. дѣятельности. Такая роль утвердилась за нимъ фактически, именно, какъ объясняетъ Екатерина II, „неприлежаніемъ къ дѣламъ нѣкоторыхъ моихъ предковъ. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины.., деревни и утѣснялъ прочія судебныя мѣста". Дѣйствительно, въ эту эпоху сенату принадлежитъ нѣсколько законодательныхъ актовъ, и всѣ коллегіи обратились въ его канцеляріи. Лишь въ концѣ царств. Елизаветы сенатъ уступилъ значительную долю своей власти конференціи.

Сенатъ Екатерининскій. Екатерина II, считая необходимымъ отнять у сената его политическое значеніе, обратила его въ *центральное административно-судебное учрежденіе* (ук. 1763 г. П. С. З. № 11.989); онъ разложенъ на 6 самостоятельныхъ департаментовъ (съ правомъ окончательнаго рѣшенія дѣлъ въ каждомъ); изъ нихъ 4 въ Петербургѣ, 2—въ Москвѣ (1-й деп. вѣдаетъ „государственныя внутреннія и политическія дѣла", т. е. финансы, народную экономію и секретныя дѣла, 2-й—судебныя дѣла, 3-й—дѣла привилегированныхъ провинцій Малороссіи и Остзей-

твердое законодательное учрежденіе, а не явленіе, вызванное минутною волею государя или временною потребностію. Совѣту данъ наказъ съ обозначеніемъ его функцій, при чемъ оказывается, что, хотя совѣтъ наименованъ (подобно предшествующимъ подобнымъ учрежденіямъ) „мѣстомъ при особѣ государя для разсужденія и уваженія дѣлъ государственныхъ", но есть установленіе отдѣльное какъ отъ власти верховной, такъ и отъ подчиненныхъ органовъ управленія и суда. Его положеніе среди другихъ государственныхъ учрежденій обозначено (хотя и не вполнѣ удачно), какъ органа гл. обр. законосовѣщательнаго: онъ не можетъ издавать „отъ себя и своего имени никакихъ указовъ", но обсуждаетъ всѣ проекты законовъ. Онъ, повидимому, не доженъ вмѣшиваться ни въ судъ, ни въ администрацію; но во вторую полозину своего существованія (1805—1809 г.) совѣтъ постепенно опять пришелъ къ роли администратора и судьи во многихъ случаяхъ, именно когда приходилось примѣнять и истолковывать имъ же составленные законы. Ближе функціи совѣта опредѣляются устройствомъ его канцеляріи, которая раздѣлена на 4 отдѣленія: 1) иностранное и коммерческое, 2) военныхъ дѣлъ, 3) гражданскихъ и духовныхъ и 4) государственнаго хозяйства: хотя всѣ названныя здѣсь дѣла подлежатъ совѣту лишь съ точки зрѣнія законодательной, а не текущей администраціи, но такъ можно заключать лишь по идеѣ этого учрежденія; въ дѣйствительности же (какъ сказано) совѣтъ часто выходилъ изъ этихъ рамокъ въ сферу администраціи и суда. Лишь въ половинѣ царствованія императора Александра I, по плану Сперанскаго, осуществлено, наконецъ, учрежденіе чисто законодательное, безъ примѣси, съ одной стороны, политическихъ (верховныхъ) функцій, съ другой—административныхъ и судебныхъ; идея XVIII в. о раздѣленіи властей нашла здѣсь себѣ примѣненіе въ томъ смыслѣ, что верховная власть (самодержавіе) остается недѣлимою; а подчиненныя высшія учрежденія распредѣляютъ между собою три главныхъ функціи: судебную (сенатъ), исполнительную (министерства) и законодательную (*государств. совѣтъ*, образованный 1 янв. 1810 г.). Этимъ окончательно устраняется старинная система органовъ, раздѣляющихъ съ верховною властію всѣ ея дѣйствія (дума, сенатъ, в. т. совѣтъ, кабинетъ, конференція).

скаго края, 4-й—военныя дѣла, 5-й—мѣстно-административныя, 6-й—мѣстно-судебныя дѣла). Въ каждомъ департаментѣ дѣла рѣшаются единогласно; при разногласіи переносятся въ общее собраніе (въ которомъ впослѣдствіи имп. Павелъ въ 1797 г. допустилъ рѣшеніе по большинству голосовъ). Съ учрежденія о губерніяхъ 1775 г., когда прежнія коллегіи закрыты, сенатскіе департаменты должны были обратиться въ коллегіи (коллегіальныя министерства); однако, военныя коллегіи и коллегія иностранныхъ дѣлъ не только уцѣлѣли, но опять стали въ равное положеніе съ сенатомъ; въ остальныхъ вѣдомствахъ надъ сенатомъ господствуетъ власть генералъ-прокурора, превратившаяся изъ охранительной власти въ административную.

Сенатъ Александровскій. Въ 1802 г. послѣдовало первое учрежденіе министерствъ. Императ. Александръ хотя потребовалъ отъ сената точнаго опредѣленія его правъ, но не найдя его въ отвѣтѣ сената, передалъ все управленіе министрамъ, а за сенатомъ оставилъ значеніе *высшей судебной инстанціи*: изъ 9 департамент. одинъ первый остался административнымъ.

Так. обр. въ XVIII и XIX вв. подъ именемъ сената разумѣются совершенно различныя учрежденія, послѣдовательно смѣнившія одно другое. Но утвердившееся, наконецъ, за нимъ значеніе высшей судебной власти сообщило ему непоколебимую твердость и громадное значеніе въ государствѣ.

св. синодъ.

Въ 1700 г. умеръ послѣдній патріархъ Адріанъ; высшее управленіе церкви поручено „мѣстоблюстителю патріаршаго престола“. Съ установленіемъ сената въ 1711 г., многія дѣла церковнаго управленія вѣдались сенатомъ. Въ 1718 г., съ учрежденіемъ коллегій, явилась мысль объ установленіи *духовной коллегіи*, которая и учреждена въ 1721 г.; учредительный актъ ея—духовный регламентъ. Первоначально эту коллегію, наравнѣ съ другими, сенатъ хотѣлъ подчинить себѣ. Но духовная коллегія, переименованная въ св. синодъ, старалась достигнуть (въ своей сферѣ) равнаго положенія съ сенатомъ, хотя не всегда съ успѣхомъ. Хотя синодъ сдѣлался постояннымъ помѣстнымъ соборомъ съ значеніемъ прежней патріаршей власти (въ духовномъ отношеніи [1]), но, съ другой стороны, св. синодъ при Петрѣ былъ органомъ государственнаго управленія вообще духовными дѣлами, поэтому ему подчинены были и иновѣрческія церкви (лютеранская—во всѣхъ отношеніяхъ и католическая) и отчасти нехристіанскія исповѣданія. Первоначальный составъ св. синода былъ слѣдующій: президентъ, два вице-президента, четыре совѣтника и четыре асессора; въ немъ были представители всѣхъ классовъ духовенства: архіереи, настоятели монастырей и протопопы. Президентомъ былъ назначенъ мѣстоблюститель патріаршаго престола—Стефанъ Яворскій; но когда

[1]) Въ 1723 г. восточные патріархи (Константинопольскій и Антіохійскій) признали такое устройство русской церкви.

онъ умеръ (1722), то новый президентъ уже не былъ назначенъ. Званіе вице-президента было уничтожено въ 1726 году.

Въ 1722 г. царь приказалъ „въ синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, ктобы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе дѣла синодскаго знать и быть ему оберъ-прокуроромъ". По инструкціи, оберъ-прокуроръ при св. синодѣ—то же, что генералъ-прокуроръ при сенатѣ: онъ есть „око государево и стряпчій по дѣламъ государственнымъ"; ему дана власть останавливать незаконныя рѣшенія и доносить о нихъ государю. Подобно свѣтской прокуратурѣ, и въ духовномъ вѣдомствѣ явилось двѣ вѣтви ея: прокуроры при духовныхъ приказахъ и инквизиція, или фискалы (протоинквизиторы, провинціальные инквизиторы и инквизиторы); надзору ихъ подлежала и высшая духовная іерархія.—Въ 1726 г. синодъ былъ раздѣленъ на два департамента: собственно синодъ и коллегію экономіи, которая состояла изъ свѣтскихъ лицъ. Эта послѣдняя въ 1738 г. подчинена вѣдомству сената. При имп. Елизаветѣ права и власть синода утвердились въ томъ видѣ, въ какомъ остаются донынѣ

КОЛЛЕГІИ И МИНИСТЕРСТВА.

Учрежденіе коллегій на мѣсто прежнихъ приказовъ задумано Петромъ, по совѣту Лейбница и по примѣру шведскихъ коллегій, въ 1711 г.; но лишь 11 декабря 1717 г. назначены президенты въ будущія коллегіи, а затѣмъ совѣтники и асессоры (П. С. З. № 3128); въ 1718 г. приказано имъ сочинить регламенты каждому по своему вѣдомству „на основаніи шведскаго устава" (П. С. З. № 3197). Съ нач. 1719 г. коллегіи начали дѣйствовать, но еще „старымъ манеромъ"; лишь съ 1720 г., т. е. съ изданія генеральнаго регламента (28 февр.), новое учрежденіе организовано вполнѣ.

Система коллегій не вполнѣ выполнила проектъ Лейбница. Организовано 12 коллегій: военная, морская, иностранная, камеръ-коллегія (для завѣдыванія доходами), штатсъ-контора (для вѣдомства расходовъ), ревизіонъ-коллегія, юстицъ-коллегія (судебная), коммерцъ-коллегія (торговая), мануфактуръ-коллегія и отдѣльная отъ нея бергъ-коллегія; впослѣдствіи учреждены вотчинная коллегія и главный магистратъ. Лейбницъ проекировалъ еще ученую коллегію, но Петръ лишь имѣлъ въ виду учредить академію наукъ и вручилъ ей функціи министерства народнаго просвѣщенія. Изъ такого распредѣленія вѣдомствъ очевидно, что финансы и промышленность обращали на себя наибольшее вниманіе законодателя (всего съ главн. магистратомъ—7 коллегій). Почти всѣ эти коллегіи преобразованы изъ прежнихъ приказовъ (за исключеніемъ морского вѣдомства, горнаго, мануфактуртаго и торговаго); но затѣмъ оставалось нѣсколько вѣдомствъ, не вошедшихъ въ систему коллегій, а потому для нихъ оставлены прежніе приказы (ямской, аптекарскій, переименованный въ медицинскую канцелярію, каменный, переименованный въ канцелярію отъ строеній, разбойный подъ именемъ сыскного); уцѣлѣли даже нѣкоторые областные приказы: Сибирскій, Малороссійская коллегія. Так. обр., хотя система

приказовъ нѣсколько упрощена въ системѣ коллегій, но остается весьма сложною. Послѣ Петра возникли многіе новые органы центральнаго управленія (канцелярія конфискаціи, коллегія экономіи, камеръ-коллегія Лифляндская и пр.). Съ этой стороны петровскія учрежденія имѣютъ мало преимуществъ предъ прежними.

Вѣдомство коллегій. Каждая коллегія сама выработала для себя спеціальный регламентъ съ обозначеніемъ круга своего вѣдомства; однако, этимъ далеко не вполнѣ достигнута точность въ разграниченіи предѣловъ ихъ вѣдомствъ: такъ, горному вѣдомству (бергъ-коллегіи) подчинена артиллерія; особенно сталкивались между собою камеръ-коллегія и штатсъ-контора, мануфактуръ-коллегія и бергъ-коллегія т. д. Кромѣ начала вѣдомствъ, въ коллегіяхъ присутствуетъ и сословное начало (главн. магистратъ) и даже (какъ мы видѣли) территоріальное. Судъ и администрація попрежнему смѣшиваются почти въ каждомъ вѣдомствѣ.

Внутренняя организація коллегій. Коллегіальное начало, т. е. обсужденіе дѣлъ въ многочленномъ собраніи и рѣшеніе по большинству голосовъ, есть черта, наиболѣе отличающая петровскія учрежденія; преимущества его выражены особенно въ духовномъ регламентѣ: „въ коллегіумъ не обрѣтается мѣсто пристрастію“, коллегіальное обсужденіе возбуждаетъ уваженіе къ власти, содѣйствуетъ постоянству направленія и предохраняетъ отъ быстрыхъ перемѣнъ. Наоборотъ, противники коллегіальнаго начала попагаютъ, что административныя мѣры выигрываютъ въ быстротѣ при единоличномъ (министер.) началѣ, и что лишь судъ требуетъ коллегіальности.—Кромѣ президента и вице-президента, каждая коллегія имѣла по 4 совѣтника и по 4 асессора; при Екатеринѣ I это число сокращено: вмѣсто 4-хъ—два совѣтника и 2 асессора, всего 6 членовъ, но изъ нихъ по очереди засѣдала лишь одна половина. При трехчленномъ составѣ присутствія голосъ президента при разногласіи рѣшалъ дѣло, а потому коллегіальное начало сводилось на единоличное управленіе; и вообще единоличное начало управленія постоянно фактически брало перевѣсъ и при Петрѣ и потомъ, особенно путемъ преобладанія прокуратуры и обращенія ея въ административную власть. Начало министерское (и самый терминъ „министры“) идетъ непрерывно отъ временъ Петра В. [1]).

Учрежденіе министерствъ. Екатерина II, установивъ коллегіальное управленіе и судъ въ провинціяхъ (въ 1775 г.), обрекла центральныя коллегіи на уничтоженіе. Онѣ закрыты постенно въ 1771—1796 гг., кромѣ трехъ „государственныхъ“ коллегій (двухъ военныхъ и иностранной). Имп. Павелъ I возстановилъ было коллегіи, но не надолго.—Однако, центръ государства не могъ оставаться безъ органовъ управленія; планъ Екатерины законченъ имп. Александромъ I чрезъ *учрежденіе министерствъ*

[1]) Нельзя согласиться съ мыслію, что верх. тайный совѣтъ, кабинетъ, конференція и пр. были выраженіемъ министерскаго начала: всѣ эти учрежденія были коллегіальныя и обладали высшею политическою и законодательною властію, а единоличныя министерства суть органы исполнительной власти.

въ 1802 г. и окончательно въ 1811 г. Вопросъ о министерствахъ былъ разсматриваемъ въ т. н. „неоффиціальномъ комитетѣ“ и въ основу учрежденія былъ положенъ проектъ Новосильцева; состоявшееся учрежденіе было указано манифестомъ 3 сентября 1802 г.; въ немъ можно подмѣтить слѣд. черты: а) мысль о *солидарности* министерствъ (учреждается одно „министерство“, раздѣленное на 8 отдѣленій, хотя въ томъ же актѣ эти „отдѣленія“ именуются и „министерствами“. б) Затѣмъ въ манифестѣ совершенно ясно выражено правило объ *отвѣтственности* министровъ передъ сенатомъ, которому министры представляютъ для разсмотрѣнія свои ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты; сенатъ долженъ провѣрить эти отчеты по другимъ имѣющимся у него свѣдѣніямъ и по объясненіямъ, которыя онъ можетъ потребовать отъ каждаго министра; затѣмъ министерскій отчетъ, при представленіи его Государю, сопровождается мнѣніемъ сената о достоинствѣ управленія того или другого министра. На дѣлѣ эта отвѣтственность министровъ не осуществилась съ самого момента своего установленія („обрядъ“ представленія отчетовъ въ сенатъ былъ иногда соблюдаемъ нѣкоторыми министрами, а затѣмъ совсѣмъ забытъ). Причина такого оборота дѣлъ указана потомъ Сперанскимъ весьма правильно: не можетъ быть дѣйствительной отвѣтственности предъ такимъ учрежденіемъ (сенатомъ), которое „по существу своему (есть) исполнительное и отъ произволенія власти зависящее“. Съ другой стороны, отвѣтственное лицо выбрано самимъ Государемъ, который при постоянныхъ докладахъ соизволялъ и одобрялъ дѣйствія своихъ министровъ; такимъ образомъ, сенатская критика относилась бы не къ министрамъ, а къ Государю. Идея отвѣтственности была встрѣчена неодобрительно современниками (Карамзинымъ и др.). в) Первое учрежденіе министерствъ страдало неточностію распредѣленія дѣлъ между ними и недостаткомъ правилъ, по которымъ каждое министерство должно дѣйствовать; предположенныя въ маниф. 1802 г. инструкціи даны не были. Въ этомъ отношеніи особенно важно отсутствіе опредѣленныхъ отношеній между единоличнымъ и коллегіальнымъ началами управленія; коллегіи оставались на прежнемъ основаніи, но подчинены единоличной власти министра, въ чемъ очевидно внутреннее противорѣчіе. Всѣ эти несовершенства были предусматриваемы при обсужденіи дѣла въ „комитетѣ“, но удержаны вслѣдствіе разногласій во мнѣніяхъ.—При вторичномъ образованіи министерствъ въ 1810—1811 г., по плану Сперанскаго, устранены только послѣдніе, формальные недостатки; относительно же первыхъ, существеннѣйшихъ (т. е. солидарности и отвѣтственности министровъ) умолчано. Сперанскій, какъ извѣстно, предполагалъ установить отвѣтственность предъ Государственною Думою, но эта часть его плана не осуществилась.

Что касается до сената, то, по мысли Сперанскаго, онъ долженъ быть учрежденіемъ, объединяющимъ министерства: „министерство (нужно) считать не среднимъ и отдѣльнымъ установленіемъ, но самимъ Прав. Сенатомъ, коего министры суть члены, а министерства суть составныя части“, писалъ Сперанскій, Однако, на дѣлѣ объединительное значеніе оста-

лось (хотя не весьма удачно) за *комитетомъ министровъ*, который по второму образованію министровъ подлежалъ уничтоженію, а на дѣлѣ не только уцѣлѣлъ, но оказался однимъ изъ очень живучихъ учрежденій.

2) Мѣстное управленіе.

Организація мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ остановилась на сопоставленіи правительственныхъ органовъ съ органами самоуправленія безъ точнаго уясненія взаимнаго отношенія тѣхъ и другихъ.—Періодъ имперіи (до эпохи Александра II) отличается отъ московскаго періода въ этомъ отношеніи тѣмъ, что законодательство а) старается совмѣстить коронные и выборные элементы управленія въ однихъ и тѣхъ же органахъ и б) къ самоуправленію призываются не земства, а сословія. Впрочемъ въ этомъ отношеніи весьма разнятся учрежденіи Петра I и Екатерины II.

а) **Учрежденія Петра В.** Эпоха 1702—1708 г. есть время попытокъ комбинировать прежніе элементы мѣстнаго управленія: вмѣсто двухъ отдѣльныхъ управленій—губныхъ старостъ и воеводъ—Петръ (ук. 10 мар. 1702 г.) повелѣлъ „вѣдать всякія дѣла съ воеводы *дворянамъ*—тѣмъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ городовъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ"; въ большихъ городахъ такихъ выборныхъ было по 4 и по 3 чел., а въ малыхъ по 2. Одному воеводѣ безъ выборныхъ дворянъ велѣно никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу никакого ни чинить (П. С. З. № 1900). Впрочемъ, по ук. 1705 г. (П. С. З. № 2018), этихъ засѣдателей изъ дворянъ приказано выбирать самимъ воеводамъ.

Въ 1708 г. произведенъ переворотъ какъ въ дѣленіи, такъ и въ управленіи провинцій: тогда въ первый разъ вся имперія подѣлена искусственно на 8 *губерній*, которыя были слишкомъ крупны, чтобы сосредоточить въ центрѣ каждой изъ нихъ дѣйствительное мѣстное управленіе и слишкомъ неравномѣрны (въ Московской губерніи было 39 гор., Ингерманландской 29, Кіевской 56, Смоленской 14, Архангельской 20, Казанской 71, Азовской 25. Сибирской 30). Новые властолюбивые губернаторы (особено Меншиковъ) захватывали себѣ собственною властію сосѣднія провинціи. Впрочемъ власть губернаторовъ можно назвать центральномѣстною, потому что дѣйствительное управленіе осталось попрежнему въ городахъ, управляемыхъ *оберъ-комендантами* и *комендантами* (т. е. прежними воеводами). Губернское управленіе состояло изъ *губернаторовъ* и *вице-губернаторовъ* и заключалось лишь въ общемъ надзорѣ преимущественно за военно-финансовою функціею управленія.—Земскій элементъ въ мѣстномъ управленіи былъ забытъ при учрежденіи губерній и вновь организованъ лишь черезъ пять лѣтъ (ук. 1713 г. апр. 24): по образцу Лифляндскому, велѣно учинить *ландратовъ* въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8; при оберъ-комендантахъ ихъ было наполовину меньше; изъ нихъ составляется коллегіальное учрежденіе подъ предсѣдательствомъ губернатора: сначала они назначались

сенатомъ по представленію губернатора, но съ 1714 г. ихъ велѣно избирать дворянамъ [1]).

Съ эпохою большихъ реформъ 1718—1720 г. въ центральномъ управленіи совпадаютъ подобныя же реформы въ мѣстномъ управленіи (ук. 29 мая 1719 г. П. З. С. № 3381); число губерній увеличено до 10, губерніи подѣлены на *провинціи* съ неравнымъ числомъ ихъ въ каждой губ. (напр., въ Петерб.—12, Моск.—9, Нижегор. 3, Астрах. вовсе не дѣлилась на провинціи); всѣхъ ихъ числомъ 47. Провинціи дѣлились на дистрикты (старинные уѣзды) и управлялись воеводами. Воеводамъ дана подробная инструкція (П. С. З. № 3294), которою имъ ввѣрена власть полицейская въ обширномъ смыслѣ (въ томъ числѣ заботы о путяхъ сообщенія, о соблюденіи религіозныхъ обрядовъ, объ учрежденіи школъ, надзоръ за помѣщиками, разоряющими своихъ крестьянъ). Степень зависимости воеводъ отъ губернаторовъ не была опредѣлена, что на практикѣ отражалось полною безпорядочностію. Быть можетъ, по мысли законодателя, обѣ эти власти должны быть независимы одна отъ другой. Изъ власти губернаторовъ и воеводъ выдѣлены для двухъ функцій отдѣльныя вѣтви управленія: именно а) для финансовъ *земскіе камериры*, или бухгалтеры, имъ подчинены земскіе *комиссары*, до 1725 назначаемые камеръ-коллегіею, а съ 1724 г. (по дистриктамъ) выборные отъ дворянъ для сбора податей и для разныхъ вѣтвей полицейскаго управленія подъ надзоромъ губернаторовъ и воеводъ и подъ отчетностію своихъ избирателей; б) для судебной функціи установлены сначала единоличные *ландъ-рихтеры*, а потомъ (ук. 8 янв. 1719 г.) коллегіальные *надворные суды* (всѣхъ 10) изъ президентовъ и асессоровъ; въ большихъ городахъ (б. ч. при надворныхъ судахъ) установлены коллегіальные „провинціальные“ суды подъ предсѣдательствомъ оберъ-ландъ-рихтеровъ и *городовые судьи*— въ малыхъ городахъ. Здѣсь находимъ замѣчательную для своего времени мысль объ отдѣленіи суда отъ администраціи, хотя далеко не приведенную въ дѣйствительное исполненіе: губернаторы и воеводы, не вмѣшиваясь въ производство суда, могли своимъ протестомъ останавливать исполненіе рѣшеній, хотя и отвѣчали за неосновательный протестъ. На практикѣ и власти и населеніе постояно нарушали принципъ раздѣльности властей.

Съ реакціею 1722 г. въ центральныхъ учрежденіяхъ совпадаетъ такая же реакція и въ мѣстныхъ: судъ вновь соединенъ съ администра-

---

[1]) Въ 1715 г. въ уѣздахъ (кромѣ украинныхъ) вовсе были уничтожены коменданты и оберъ-коменданты и замѣнены ландратами, при чемъ уѣздъ раздѣленъ между ними на „доли“ (изъ 5536 дворовъ каждая) и затѣмъ (ук. 1 іюня 1716 г.) велѣно имъ жить постоянно каждому въ своей долѣ, чтобы не отягощать жителей разъѣздами и постоемъ. Такимъ обр. коллегіальное управленіе разложилось на единоличное (при губернаторахъ впрочемъ оставалось по 2 ландрата, перемѣняющихся поочередно), земскій элементъ перешелъ въ бюрократическій, а въ мѣстномъ дѣленіи между губерніею и „долею“ не осталось ничего посредствующаго.

ціею; въ надворныхъ судахъ предсѣдательствуетъ губернаторъ (что, впрочемъ, начало практиковаться съ самого открытія надворныхъ судовъ), въ провинціальныхъ судитъ воевода съ однимъ или двумя асессорами, которые иногда откомандировывались въ отдаленные города провинціи для единоличнаго суда [1]).

Так. обр. установилась совершенно бюрократическая форма управленія безъ всякаго участія мѣстнаго земскаго элемента, что и понятно: обращаясь вмѣсто земства къ дворянству, правительство находило въ провинціяхъ лишь дряхлыхъ и увѣчныхъ, ибо прочіе состояли еще на постоянной обязательной службѣ; городское населеніе имѣло свое сословное управленіе.

б) **Учрежденія Екатерины II.** Изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ Екатерины, наибольшую важность и прочность имѣли *учрежденія о губерніяхъ 1775 г.*, что и согласно съ сущностью дѣла, потому что, по ея воззрѣніямъ, всѣ отрасли государственнаго управленія, кромѣ политическихъ, должны заключаться въ провинціяхъ. Мѣстныя учрежденія Екатерины основаны на *самоуправленіи*, но не земскомъ, а исключительно *сословномъ*. Губерніи, уменьшенныя въ объемѣ и увеличенныя въ числѣ (каждая губ. должна была заключать въ себѣ 300.000—400.000 душъ), управляются намѣстниками или генералъ-губернаторами и правителями намѣстничества или губернаторами; впослѣдствіи намѣстники назначаемы были не на каждую губ., а на нѣсколько и притомъ не повсемѣстно. Губернаторъ управляетъ при помощи *намѣстничьяго правленія*, которое имѣетъ при немъ лишь совѣщательное значеніе. Губернія можетъ быть раздѣлена на провинціи, но по общему правилу дѣлится прямо на *уѣзды* (отъ 20 до 30 тыс. душъ); уѣздомъ управляетъ *земскій исправникъ*, или капитанъ, избираемый дворянствомъ уѣзда (за нимъ въ обществѣ долго сохранялось прежнее наименованіе комиссара). Подъ его предсѣдательствомъ состоитъ *нижній земскій судъ*, въ которомъ, кромѣ исправника, было два засѣдателя по выбору отъ дворянства; онъ вѣдалъ всю полицію безопасности и благосостоянія въ уѣздѣ. Города управляются *городничими*. Спеціальныя вѣтви управленія суть слѣд.: а) Для казеннаго управленія—*казенная палата* въ губерніи, состоящая изъ *вице-губернатора*,

[1]) Послѣ Петра начинается сокращеніе учрежденій, число которыхъ казалось неподсильнымъ для экономическихъ средствъ населенія и отяготительнымъ: „вмѣсто того, что прежде къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ своихъ, нынѣ къ 10, а можетъ быть и больше", говорилъ верх. тайн. совѣтъ въ 1727 г. Однако, мѣры 1726 и 1727 г. вовсе не достигали своей цѣли—упрощенія администраціи: назначивъ воеводъ во всѣ тѣ города, гдѣ они были въ московскій періодъ, правительство не уничтожило ни губерній, ни провинцій, и такимъ образомъ осталась тройственная іерархія мѣстнаго дѣленія и управленія, но всѣ петровскіе органы коллегіальнаго управленія были уничтожены; лишь при губернаторахъ состояло два товарища и при вице-губернаторахъ—по одному. Воеводы назначаемы были (по ук. 1730 г.) на два года; въ 1760 г. сенатъ предписалъ ихъ смѣнять чрезъ пять лѣтъ съ правомъ жителей ходатайствовать о продленіи этого срока.

директора экономіи, совѣтника, двухъ асессоровъ и казначея. б) Для дѣлъ призрѣнія и народнаго образованія—*приказъ общественнаго призрѣнія* (изъ 6 членовъ—по 2 выборныхъ члена отъ каждаго изъ 3 хъ сословій), в) Для суда установлено нѣсколько коронныхъ и сословныхъ учрежденій, а именно для цѣлой губерніи, коронныя *палаты* гражданскаго и уголовнаго суда (впослѣдствіи импер. Александръ допустилъ и здѣсь выборный элементъ отъ дворянства) и выборные верхній земскій судъ (для губ.) и уѣздный земскій судъ въ каждомъ уѣздѣ; эти суды для дворянъ и состоятъ изъ выборныхъ членовъ отъ дворянства. Для суда надъ крестьянами учреждаются въ уѣздахъ нижнія расправы и высшая инстанція для нихъ—верхняя расправа въ губерніи. Судъ надъ городскими жителями сосредоточенъ въ *магистратахъ*. Сверхъ того, въ каждой губерніи установленъ *совѣстный судъ* изъ выборныхъ отъ всѣхъ трехъ сословій для рѣшеній дѣлъ неформальнымъ порядкомъ. Надзоръ надъ этими органами ввѣряется *прокурорамъ* (надъ администраціею) и *стряпчимъ* (надъ казеннымъ управленіемъ и судомъ).

Эта сложная организація упрощена импер. Павломъ, именно уничтожены высшія инстанціи дворянскихъ и мѣщанскихъ судовъ и верхнія и нижнія расправы крестьянскихъ судовъ; но какъ при этомъ крестьяне оставались бы безъ своихъ представителей въ чужихъ судахъ, то импер. Александръ I допустилъ выборныхъ отъ крестьянъ въ земскіе суды. Такъ сложилось все мѣстное управленіе, дожившее (послѣ разныхъ перемѣнъ) до реформъ имп. Александра II; въ немъ выборное начало присутствовало въ судебныхъ органахъ и отчасти въ административныхъ. Основной порокъ его состоялъ въ исключительно-сословномъ строѣ, въ которомъ, сверхъ того, преобладало одно (дворянское) сословіе; главное достоинство его—это отдѣленіе суда отъ администраціи.

3) Муниципальное управленіе

Дворянство, со временъ Петра I, призвано къ участію въ общемъ государственно-мѣстномъ управленіи; крестьянство, попавшее б. ч. въ крѣпостное состояніе, не могло участвовать въ немъ. Новоорганизованное среднее сословіе мѣщанъ получило раньше дворянскаго право на участіе въ муниципальномъ управленіи. И въ этомъ отношеніи различаются эпоха Петра I и Екатерины II. а) Вначалѣ (1699 года), какъ сказано, Петръ руководился древне-русскимъ понятіемъ о единствѣ города и земли, и потому устроилъ *бурмистерскую палату,* которая, состоя изъ выборныхъ города Москвы, была мѣстнымъ общиннымъ управленіемъ этого города и въ то же время центральнымъ учрежденіемъ для высшаго управленія всѣми городами государства; по городамъ устроены *земскія избы* (правильнѣе—оставлены существующія) подъ предсѣдательствомъ земскихъ бурмистровъ; власть ихъ попрежнему простирается на все недворянское, но свободное населеніе округа, т. е. на посадскихъ и черныхъ крестьянъ.—Въ 20-хъ годахъ при общей перестройкѣ государства эти

учрежденія замѣнены *магистратами*, именно *главнымъ магистратомъ* въ Петербургѣ изъ чиновниковъ и выборныхъ и городовыми магистратами исключительно изъ выборныхъ (бурмистровъ). Это уже учрежденіе сословно-общинное; компетенція его (сборъ податей, нар. образованіе, призрѣніе, полиція и судъ) простирается только на горожанъ. Такая реформа имѣла громадное вліяніе на судьбу не только городского, но и сельскаго населенія, лишивъ это послѣднее самоуправленія.

б) Тѣ же учрежденія развиты Екатериною II въ узаконеніяхъ о созывѣ комиссіи 1767 г., въ учрежденіе о губерніяхъ и жалов. грамотѣ городамъ 1785 г. Къ магистратамъ, за которыми оставлена судебная функція, присоединены: *городской голова*, первоначально избранный для временной цѣли предсѣдательствованія при выборѣ депутатовъ въ комиссію уложенія; *дума*, раздѣляющаяся на *общую* и *шестигласную;* первая есть представительное собраніе, созываемое въ случаѣ нужды; она составляется изъ выборныхъ отъ каждаго изъ 6 разрядовъ город. обывателей (не въ равномъ числѣ); въ шестигласную думу (постоянно-дѣйствующую управу) избираются члены общею думою. Такъ какъ многія вѣтви городского управленія отошли къ общимъ госуд. органамъ управленія, то вѣдомство думы очень съузилось.

Сельское населеніе, не попавшее въ крѣпостное состояніе, по всей вѣроятности, сохранило древне-русскую волостную организацію, которую законъ, однако, игнорировалъ. Лишь при имп. Павлѣ она укрѣплена закономъ: волости казенныхъ крестьянъ (каждая до 3000 душъ) управляются выборнымъ *головою*, при которомъ состоитъ волостной писарь; въ отдѣльныхъ поселеніяхъ управляютъ *старшины*.

4) Предметы управленія.

а) Государство XVIII в. есть государство *полицейское* въ самомъ строгомъ смыслѣ слова: оно принимаетъ на себя заботы о многихъ даже маловажныхъ потребностяхъ жизни подданныхъ, особенно въ сферѣ *экономической* и бытовой, и регламентируетъ ихъ. Особыми указами предписывалось: изъ какого матеріала строить дома (ук. 1714 г. октября 9) и печи (инст. полицейск. канц. 1722 г.), изъ какого дерева приготовлять гробы для покойниковъ, какими орудіями воздѣлывать землю, изъ какихъ матеріаловъ изготовлять обувь (ук. 1715 г. сентября 1), какого покроя должно быть платье (ук. 1713 г. декабря 17 и 1714 г. декабря 29); законъ запрещалъ ношеніе бородъ (вопреки прямому обратному распоряженію закона Московскаго государства), предписывалъ, на сколькихъ лошадяхъ ѣздить какому чину; правительство давало обязательные образцы судовъ для судохозяевъ (ук. 1717 г. декабря 31 и др.). Полицейское вмѣшательство въ жизнь частную, ослабленное Екатериною II-ю, вновь съ особенною силою возникло при императорѣ Павлѣ, но не надолго. Сообразно съ новымъ взглядомъ на задачи государства, въ періодъ имперіи появляются въ первый разъ спеціальные органы для завѣдыванія полиціею

(которая прежде вѣдалась общими органами управленія—центральнаго и мѣстнаго). При Петрѣ такіе органы появились только въ Петербургѣ (генералъ-полицмейстеръ—1718 г.) и въ Москвѣ (оберъ-полицмейстеръ). Прочное устройство полиціи дано учрежденіемъ о губ. 1775 г. и уставомъ благочинія 1782 г., когда въ столицахъ установлены оберъ-полицмейстеры, въ городахъ—городничіе (и при нихъ управы благочинія), въ уѣздахъ—капитанъ-исправники и нижніе земскіе суды.

б) *Народное просвѣщеніе въ XVIII в.* признано одною изъ важныхъ функцій государства, но понятно только, какъ одно изъ условій государственной службы, а потому получило исключительно профессіональный и притомъ обязательный характеръ: училища, заведенныя правительствомъ, суть или духовныя (семинаріи), или военныя (корпуса), или подъяческія; лицамъ другихъ сословій запрещено отдавать дѣтей въ школы чужой профессіи. Эти мѣры имѣли косвенное, но большое вліяніе на происхожденіе сословій и замкнутость ихъ. Для общаго образованія преемниками Петра основаны: Академія наукъ (съ университетовъ и гимназіею) и Московскій университетъ (1755 г.); но до Екатерины успѣхи общаго образованія были ничтожны. Екатерина въ первый разъ создала особое учрежденіе для вѣдомства просвѣщенія—„Комиссію училищъ“, и открыла цѣлую систему народныхъ училищъ (уст. 1786 г.) по губерніямъ и уѣздамъ, преобразованныхъ потомъ въ гимназіи и уѣздныя училища. Правильная организація дѣлу народнаго образованія дана лишь при учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія императоромъ Александромъ I и основаніи имъ университетовъ (уст. 1804 г.) въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ.

в) Еще болѣе значенія для госуд. жизни имѣли *финансовыя мѣры* Петра и его преемниковъ. Для финансовыхъ цѣлей со времени Петра установлена періодическая перепись населенія, т. н. *ревизія* (1-я—1718—1720 г., а совершенно закончена лишь въ 1727 г.), которая существенно отличается отъ московскаго описанія въ писцовыхъ книгахъ: въ послѣднихъ описывалось имущество гражданъ; при ревизіи исчислялось тогдашнее населеніе поголовно. На основаніяхъ, данныхъ ревизіею, установлена *подушная подать* (спеціально на содержаніе войска). Позднѣйшіе писатели (кн. Васильчиковъ и др.) утверждаютъ, что Петръ I взялъ число душъ лишь для общаго количества податей, но что раскладка и при немъ происходила по имуществу (ссылаясь не реглам. камеръ-коллегіи: „чтобъ межъ великими и нижними, убогими и богатыми по пропорціи надлежащее равенство въ осмотрѣніи имѣть...; бѣдныхъ плачъ привлечетъ гнѣвъ Божій на все государство“); но современники Петра вѣрнѣе понимали значеніе введенія подушной подати; Посошковъ писалъ: „во счисленіи душевномъ не чаю я проку быть, понеже душа вещь неосязаемая... и цѣны неимущая ..; поборъ сей несостоятеленъ“. Императрица Екатерина I, учредивъ особую комиссію для уменьшенія подушной подати (П. С. З. № 5043), предписываетъ ей рѣшить: „по чему впредь съ крестьянъ и какимъ обр. удобнѣе и сходнѣе и пользою народною—*съ душъ (ли), такъ какъ нынѣ*, или, по примѣру другихъ государствъ, съ однихъ работниковъ, кромѣ

старыхъ и малолѣтнихъ, или тотъ платежъ съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли положить". Однако, этотъ вопросъ не былъ разрѣшенъ не только тогда, но и въ дальнѣйшее теченіе періода. Кромѣ неуравнительности, подать была отяготительна своею высотою и не могла быть понижена вслѣдствіе напряженія государственныхъ силъ во время великихъ войнъ XVIII в. Недоимки росли и были взыскиваемы (особенно при императрицѣ Аннѣ) мѣрами крайне жестокими; въ 1733 г. былъ учрежденъ особый „доимочный приказъ", хотя въ 1731 г. камеръ-коллегія получила новый регламентъ съ тою же цѣлію. Вообще введеніе подушной подати и ревизіи произвело въ населеніи такое же впечатлѣніе, какъ нѣкогда татарское „число" (подушная подать уничтожена при императорѣ Александрѣ III [1]).

г) Подобное же значеніе имѣло введеніе *рекрутской повинности* при Петрѣ I. Всѣ прежніе разнообразные роды войскъ (ок. 1699 г.) замѣнены одною *регулярною арміею* по европейскому образцу; въ ней (а такъ же въ нововозникшемъ *флотѣ*) обязаны были состоять пожизненно (или до увѣчья и совершенной дряхлости) какъ всѣ дворяне, такъ и тѣ изъ податного населенія, которые попадали по рекрутской повинности, т. е. по жребію (въ случаѣ особаго распоряженія о призывѣ). Съ введеніемъ европейской строгой дисциплины, въ армію введены Петромъ жестокія наказанія (шпицрутены и др.), а также непривычная (иногда весьма стѣснительная) обмундировка и тяжкое обученіе съ терминами новыми и заимствованными въ командѣ. Содержаніе войскъ было неудовлетворительно: по примѣру Швеціи, Петръ I установилъ постоянное квартированіе, что́ было обременительно какъ для населенія, такъ и для самого войска; недостаточность казеннаго содержанія заставляла солдатъ прибѣгать къ насильственнымъ захватамъ продуктовъ у жителей. Такая тяжкая служба не вознаграждалась ничѣмъ. Отсюда всеобщее уклоненіе отъ рекрутской повинности (на отдачу въ солдаты смотрѣли, какъ на смерть) и постоянные побѣги, вызывавшіе новые указы съ назначеніемъ новыхъ жесточайшихъ наказаній; бѣглые солдаты, не имѣя возможности открыто заняться какимъ-либо честнымъ промысломъ, обыкновенно смыкались въ шайки разбойниковъ. Тяжесть службы особенно усилилась во времена бироновщины; затѣмъ, послѣ облегченій при Екатеринѣ II, вновь проявилась съ большею силою при императорѣ Павлѣ I. Правильная организація военной повинности дана императоромъ Александромъ II въ 1875 г.

---

[1]) Другими источниками доходовъ были: 1) винная регалія, перешедшая съ 1775 г. въ откупное содержаніе, продолжавшееся (несмотря на большія несовершенства этой системы) до импер. Александра II; 2) соляная регалія, приносившая населенію великія бѣдствія (благодаря дороговизнѣ столь необходимаго продукта).

Д. Законодательство.

1) *Единственнымъ источникомъ* права XVIII ст. окончательно признанъ *законъ*, который по содержанію своему (въ то время большею частію былъ противоположенъ прежнему обычному праву, т. е. имѣлъ характеръ вполнѣ реформаторскій. Лишь во 2-й пол. XVIII в., при Екатеринѣ II, старались возвратиться къ примиренію закона съ „народнымъ умствованіемъ". Наказъ Екатерины рекомендуетъ „воздержаться отъ узаконеній, съ общимъ народа умствованіемъ невмѣстныхъ" (VI, 56), „ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности" (ibid 57). Однако, и Екатерина (согласно съ ученіемъ философіи XVIII в.) стремится къ установленію въ народѣ новыхъ правовыхъ понятій посредствомъ лучшихъ законовъ (т. е. считаетъ законъ не выраженіемъ сознанія народа, а только понятій и воли законодателя): по ея словамъ, за отговоркою, что умы еще не приготовлены, „нельзя установить и самаго полезнѣйшаго дѣла" (ibid 58).

2) Сообразно съ этимъ устанавливается и **понятіе о законѣ**, *способахъ его возникновенія и силѣ дѣйствія*. Въ періодъ имперіи установилось понятіе о законѣ, какъ о волѣ государя, правильно объявленной. Такъ какъ ни сенатъ, ни другія учрежденія не имѣли уже прежняго законод. значенія думы, то старинная формула „государь указалъ, и бояре приговорили" исчезла во времена Петра I. Также не удержалась и замѣна ея, установленная въ XIX в. при учрежденіи государственнаго совѣта: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта..."[1]). Хотя Петръ I выразилъ, что „словесные указы никогда отправляемы быть не подлежатъ", но въ дѣйствительности онъ самъ давалъ и потомъ *словесные указы* при всякихъ обстоятельствахъ, напр., въ 1723 г. въ св. синодѣ былъ записанъ именной указъ

---

[1]) Такая формула, примѣнявшаяся въ царств. имп. Александра I и затѣмъ исчезнувшая, возбуждала съ самаго начала своего появленія недоразумѣнія. Карамзинъ, хотя и зналъ, что это не болѣе, какъ переводъ французской формы: „le conseil d'etat entendu" (которая вовсе не имѣла значенія ограничительнаго для верховной власти), тѣмъ не менѣе признавалъ ее не согласною съ идеею русскаго самодержавія. Нѣкоторые русскіе ученые новѣйшаго времени понимаютъ ее въ томъ смыслѣ, что государь признаетъ и санкціонируетъ только такую норму, которая одобрена большинствомъ государственнаго совѣта. Напротивъ, проф. Коркуновъ и проф. Латкинъ не усматриваютъ въ ней этого значенія, однако не объясняютъ, для чего она была установлена и почему уничтожена потомъ. Полагаемъ, что анализируемая формула есть выраженіе того начала, на которомъ образованъ русскій госуд. совѣтъ, именно: водворить законъ твердый и постоянный и прекратить прежній порядокъ, когда „законы издавались въ тайнѣ, безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія", т. е. обсужденія (слова „записки" Сперанскаго). Такимъ обр. формула, о которой идетъ рѣчь, означаетъ, что извѣстный законъ дается послѣ надлежащаго зрѣлаго разсмотрѣнія его компетентнымъ учрежденіемъ. Здѣсь, какъ и въ самомъ установленіи государ. совѣта, говоря словами Сперанскаго, „сдѣланъ шагъ отъ *самовластія* къ истиннымъ формамъ *монархическимъ*" (Бар. Корфъ: „Жизнь гр. Сперанскаго", II, 120).

слѣд. об.: „Его Импер. вел., будучи въ саду ея величества... государыни императрицы сентября 5 дня, разсуждая о сумасбродныхъ и подъ видомъ изумленія бываемыхъ..., таковыхъ отнынѣ посылать (въ монастыри) отрекъ", т. е. запретилъ. При императрицѣ Екатеринѣ I словесные указы получили силу закона, лишь бы они переданы были (объявлены) чрезъ опредѣленное лицо; императоръ Петръ III въ 1762 г. указалъ, что такое объявленіе возлагается на сенаторовъ, генералъ-прокурора и президентовъ 3-хъ госуд. коллегій.—По ук. 10 іюня 1721 г., всѣ акты, которые имѣютъ дѣйствительный характеръ законовъ, а именно тѣ, которые изданы въ дополненіе къ регламентамъ и Уложенію, должны быть представляемы въ сенатъ „на апробацію", хотя бы эти указы были именные; сенатъ долженъ утвердить ихъ своею подписью, и затѣмъ уже они могутъ быть опубликованы. Печатаніе законовъ, какъ постоянное условіе публикаціи, утверждено указомъ 16 марта 1714 г.: „указы... для всенароднаго объявленія велѣть печатать и продавать всѣмъ". *Мѣры публикаціи* усиливаются по степени удаленія закона отъ народнаго сознанія о правѣ; обыкновенно указы прочитываемы были въ церквахъ монастырскихъ и приходскихъ и по ярмаркамъ въ торговые дни, а также списки ихъ были прибиваемы на видныхъ мѣстахъ; законъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ посѣщать церковь сколько ради богослуженія, столько же для ознакомленія съ указами; не ходящихъ въ церковь велѣно ловить, какъ воровъ и разбойниковъ, почитая ихъ „недобрыми людьми" (ук. 30 октября 1718 г.). Иногда повелѣваемо было переписывать бывшихъ въ церкви при слушаніи указа (ук. 23 февраля 1721 г.); нѣкоторые, особенно важные указы (напр., ук. 19 марта 1719 г. объ искорененіи бѣглыхъ солдатъ) велѣно прочитывать всякій праздникъ въ церквахъ. Иногда одинъ и тотъ же законъ нарочно повторяли нѣсколько разъ только для того, чтобы сдѣлать его общеизвѣстнымъ (4 декабря 1719 года и 28-го января 1720 г.). Правило, что невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться, повторялось при публикаціи почти каждаго новаго закона, пока не выражено было въ общей формулѣ въ ук. 22 января 1722 г. съ примѣненіемъ, впрочемъ, только къ лицамъ, облеченнымъ властію.—Что касается до силы дѣйствія закона, то правило „законъ *обратнаго дѣйствія* не имѣетъ" выражено въ ук. о единонаслѣдіи (23 март. 1714 г.), но тутъ же сдѣлано и важное исключеніе изъ него: „сей указъ не на прошедшіе времена, но съ сего 1714 г. дѣйство свое имѣетъ. И хотя въ прошедшіе два мѣсяца какіе раздѣлы (имѣній) и сдѣланы, то оные передѣлать по сему указу" (по объясненію Татищева, многіе, прослышавъ о готовящемся законѣ, совершили много сдѣлокъ вопреки ему). Въ томъ же 1714 г. (ук. іюня 15), когда были отмѣнены всѣ новоуказныя статьи и указы, противорѣчащіе Уложен. ц. А. М., дозволено было просить о перевершеніи всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ уже на основаніи этихъ узаконеній.—*Толкованіе закона* (ук. 17 апрѣля 1722 г.) предоставлено сенату, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ (при отсутствіи государя) и лишь въ примѣненіи къ данному дѣлу, а не въ общеобязательной формѣ. Вообще требовалось, чтобы законы имѣли столь *ясную форму*, чтобы не

было нужды въ особой интерпретаціи ихъ, и чтобы самъ законодатель, гдѣ нужно, присоединялъ отъ себя толкованіе къ закону; такъ поступалъ Петръ В. въ воинскихъ уставахъ и регламентахъ; такъ рекомендуетъ и Екатерина въ Наказѣ (XIX, 448) и указываетъ на возможность для той же цѣли и присоединенія *мотивовъ къ закону* (ibid 451). Несмотря на то, законы XVIII в., часто переводные съ нѣмецкаго и шведскаго и иногда изданные на двухъ языкахъ, отличались наименьшею ясностію и языкомъ, чуждымъ народу, и далеко уступали въ этомъ отношеніи Уложенію ц. А. М., которое Екатерина ставитъ въ образецъ ясности для своей комиссіи (Наказъ XIX, 457).

3) **Формы закона.** Благодаря новому (реформаторскому) характеру закона, являются новыя его формы. Екатерина II хотѣла установить теоретически три формы законовъ: а) законы въ собствен. смыслѣ, т. е. „тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться" (чего, конечно, въ дѣйствительности не бываетъ и чего въ особенности не встрѣчаемъ въ XVIII в., когда измѣнчивая воля законодателя содѣлала законъ явленіемъ весьма неустойчивымъ и мѣняла установленныя нормы такъ часто, что сознаніе о правѣ и уваженіе къ закону ослабѣло въ умахъ населенія); б) „временныя учрежденія" (наказы и уставы); в) „указы"— законы частные (Наказъ XIX, 444—446). Исторически сложились слѣд. формы:

а) *Уставы.* Подъ именемъ уставовъ разумѣются спеціальныя узаконенія для извѣстнаго вѣдомства или какой-либо части матеріальнаго права. Таковы возникшіе при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ: уставъ воинскій 1716 г., уставъ морской 1720 г., уставъ о векселяхъ 1729 г. и явившіеся при Екатеринѣ II и Александрѣ I уставъ благочинія 1782 г. и уставъ о банкротахъ 1800 г.

Воинскій уставъ содержитъ въ себѣ, кромѣ учредительной части, военно-уголовные законы, т. н. *артикулы* (отд. 2), и военно-судный уставъ (отд. 3). Источникомъ этихъ законовъ (по изслѣдованію г. Бобровскаго) послужили военные артикулы Густава-Адольфа 1621—1632 г., по редакціи ихъ 1683 г., сдѣланной при Карлѣ XI. Наши артикулы составляютъ буквальный переводъ шведскихъ, за исключеніемъ немногихъ изъ этихъ послѣднихъ, очевидно непримѣнимыхъ у насъ, напр., „о призваніи и должности военнаго пастора"; изложены они въ томъ же порядкѣ, какъ и шведскіе. Но въ русскихъ артикулахъ есть и лишніе противъ шведскихъ (въ русскомъ кодексѣ 208 ст., въ шведскомъ только 145). Эти добавочныя статьи русскій компиляторъ бралъ изъ разныхъ источниковъ, какъ-то: законовъ имп. Леопольда I, изъ датскихъ Христіана V и французскихъ ордонансовъ и регламентовъ. Источники процессуальной части неизвѣстны. Схема наказаній, присоединенная къ процессамъ, есть буквальный переводъ VII-й датской „инструкціи военнымъ судьямъ". Кодексъ изданъ (и вошелъ въ П. Соб. Зак.) на двухъ языкахъ: русскомъ и нѣмецкомъ.—Уголовные законы артикуловъ не согласованы съ дѣйствовавшими тогда общими уголовными законами (Улож. и новоук. стат.); съ друг. стор., имъ противорѣчатъ уго-

ловные законы морского устава, несмотря на то, что оба устава (особенно воинскій) при самомъ Петрѣ получили общее примѣненіе и въ гражданск. судахъ: напр., по воин. уставу за лжеприсягу полагается отсѣченіе двухъ пальцевъ, а по морскому—вырѣзаніе ноздрей и вѣчная каторга; за убавку вѣса у монеты по воинск. уставу—лишеніе чести, а по морскому—вѣчная ссылка на галеры. Кромѣ того, въ переводномъ кодексѣ встрѣчаются законы, совершенно непримѣнимые въ Россіи: такъ, по воин. уставу (гл. I, арт. I), если въ войскахъ найдется идолопоклонникъ, то его сжечь; въ шведской арміи идолопоклонниковъ не было, но въ русской арміи обязаны были быть въ большомъ числѣ язычники изъ сѣверныхъ финновъ, сибирскихъ инородцевъ и калмыковъ. Уголовныя наказанія уставовъ (благодаря военному характеру узаконеній) отличаются чрезмѣрною жестокостію.

Для исторіи гражданскаго права важнѣйшее значеніе имѣетъ вексельный уставъ Петра II, изданный (въ П. С. З. № 5410) на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ и составленный (по преданію) однимъ изъ профессоровъ лейпцигскаго универ.[1]), съ буквальнымъ заимствованіемъ изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ вексельныхъ уставовъ. Законодатель дѣлитъ векселя (по двумъ главамъ устава) на купеческіе и казенные.

б) *Регламенты и учрежденія* суть учредительные акты для тѣхъ или другихъ вѣтвей управленія. При основаніи коллегій Петромъ I, каждая изъ нихъ получила свой отдѣльный регламентъ, а именно: реглам. штатсъ-конторы 13 февр. 1719 г., реглам. коммерц.-кол. 3 марта 1719 г., камеръ-кол. 11 дек. 1719 г., регл. главнаго магистрата 15 февр. 1721 г., генеральный регл. 28 февр. 1720 г. и духовный регл. 25 января 1721 г. Послѣдній есть учредительный актъ св. синода. Духовн. регламентъ, составленный Ѳеоф. Прдкоповичемъ (разсмотрѣнный въ сенатѣ), наиболѣе замѣчателенъ; онъ, кромѣ гланнаго содержанія, заключаетъ въ себѣ уставъ духовныхъ училищъ, уставъ о церковной проповѣди и церковныя постановленія административнаго и судебнаго характера, а потому онъ замѣнялъ собою отчасти сводъ церковныхъ законовъ. Так. обр., регламенты иногда выходили за предѣлы учредительныхъ постановленій и касались матеріальнаго права. Изъ временъ Екатерины II важнѣйшій законъ этого же рода есть Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г.

в) *Указы*—форма законовъ наиболѣе обильная и важная; въ нихъ преимущественно отражаются всѣ свойства законодательства XVIII вѣка (неустойчивость, многочисленность и противорѣчивость законовъ, а равно смѣшеніе распоряженій, иногда весьма незначительныхъ, съ законами). Нѣкоторые изъ нихъ даютъ новыя и существенно-важныя узаконенія уголовнаго или гражд. характера: таковы, напр., ук. 1714 г. о единонаслѣдіи, табель о рангахъ 1722 г., указъ 1723 г. о формѣ суда и указъ 1781 г. „о судѣ и наказаніи за воровство разныхъ родовъ и о заведеніи рабочихъ домовъ“ (П. С. З. № 15147) и т. п. Сюда же относятся *инструкціи* при

[1]) Это не противорѣчитъ тому, что составленіе устава было поручено комиссіи о коммерціи, учрежден. Екатериною I: комиссія должна была прибѣгнуть къ содѣйствію науки; иначе трудно объяснить, зачѣмъ уставъ написанъ на нѣмецкомъ языкѣ?

ревизіяхъ и т. п. и *манифесты*, чрезъ которые совершались важнѣйшія преобразованія въ области государств. права (напр., отмѣна обязательной службы дворянъ, секуляризація церковныхъ имуществъ и т. п.). Вообще указами измѣнено все содержаніе Уложенія ц. Алекс. М. и новоук. статей, хотя эти кодексы продолжали считаться дѣйствующими.

г) *Кодификація*. Накопленіе новаго законодательнаго матеріала, измѣняющаго и дополняющаго Уложеніе, уже въ нач. XVIII в. было столь значительно, что вызвало мысль объ изданіи новаго полнаго кодекса: къ этому приступлено съ 1700 г.; но такъ какъ въ то же время слѣдовали постоянно новыя реформаторскія узаконенія, измѣнявшія въ существѣ прежнія нормы права, то попытки кодификаціи не могли достигнуть цѣли: самая жизнь правовая еще не улеглась въ спокойныя формы, не ассимилировала еще новое со старымъ. Кодфиикація XVIII в. существенно отличается отъ кодификаціи московской тѣмъ, что въ XVIII в. законодатель требовалъ не одного сведенія въ кодексъ туземнаго законодат. матеріала, но б. ч. образованія новаго кодекса по образцу западно-европейскихъ.—*Кодификація при Петрѣ I.* 18 февр. 1700 г. (П. С. З. № 1765) велѣно было согласить Улож. съ новоуказанными статьями и боярск. приговорами; выработка проекта кодекса была поручена комиссіи изъ членовъ боярской думы и простыхъ стольниковъ (всего 71 чел,), которая именуется *палатою о Уложеніи*; засѣданія палаты продолжались до 1703 г., и ею была составлена полная „Новоуложенная книга“, которая, однако, не обнародована и не утверждена. Въ 1814 г. законодатель, отмѣнивъ всѣ новоуказныя статьи и указы, противорѣчащіе Уложенію, повелѣлъ изъ остальныхъ и Уложенія составить новый проектъ кодекса; канцелярія земскихъ дѣлъ и помѣстный приказъ, которымъ была поручена эта работа, приготовили въ 1718 г. частъ „Своднаго уложенія“, также не получившаго утвержденія. Въ 1718 г. Петръ принялъ другую систему кодификаціи —заимствованіе цѣликомъ чужихъ кодексовъ: сенату велѣно слушать шведское уложеніе, а изъ своего выбрать только нѣкоторыя постановленія, которыя лучше шведскихъ; для помѣстнаго права приказано заимствовать законы эстляндскіе и лифляндскіе; работу велѣно окончить къ окт. 1720 г. съ угрозами жестокихъ наказаній; но работа, порученная сенатомъ особой комиссіи изъ нѣмцевъ и русскихъ, продолжалась даже при Екатеринѣ I; тогда велѣно было „быть у сочиненія Уложенія духовнымъ, гражданскимъ, воинскимъ чинамъ и изъ купечества по два человѣка“: но при переводѣ чужого кодекса народные депутаты мало могли оказать помощи, и дѣло кончилось ничѣмъ.—*Кодификація при преемникахъ Петра.* 14 мая 1728 года велѣно заняться сводомъ отечественныхъ источниковъ права и для этого „выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи по 5 челов. за выборомъ отъ шляхетства“. Выборные не явились; власти, въ наказаніе за то, брали у нихъ дворовыхъ людей и женъ и сажали подъ караулъ; къ ноябрю собралось 24 чел. (не доставало 16), но и тѣ оказались негодными; велѣно (16 мая 1729 г.) ихъ отпустить домой, а выбрать другихъ—лучшихъ—отъ губерн. по 2 чел.

Дѣло кончилось ничѣмъ. Въ 1730 году учреждена „уложенная комиссія“, которая закрылась въ 40-хъ годахъ безъ результатовъ. Тогда же (т. е. въ 1728 г.) учреждены были спеціальныя комиссіи для составленія особыхъ уложеній Лифляндіи и Малороссіи; послѣдняя, засѣдавшая бол. частью въ Глуховѣ, выработала (изъ статута и др. источниковъ) къ 1744 г. полный сводъ („Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“), который былъ тогда же представленъ въ сенатъ, но не получилъ утвержденія. Императрица Елизавета, оставивши попытки свода, возвратилась къ мысли составить новые законы и установила (1754 года) „комиссію о сочиненіи Уложенія“, которая была плодотворнѣе: она составила къ 1755 г. части судную и криминальную, но утвержденіе ихъ замедлялось, и работы комиссіи прекратились до преобразованія ея въ 1759 г. Въ 1761 г. велѣно собрать депутатовъ отъ каждой провинціи по 2 отъ дворянъ и по 1 отъ купцовъ для участія въ законодательныхъ работахъ; прочія сословія не были призваны; а такъ какъ дворянъ (при обязательной службѣ) было мало въ провинціяхъ, а купцовъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ вовсе не было, то неудивительно, что депутаты собраны съ трудомъ и не въ полномъ числѣ: многіе оказались „стары и хворы“ и ихъ замѣняли новыми, но тѣмъ не менѣе ими были разсмотрѣны уже 1, 2 и 3 части Уложенія, т. е. о судѣ, о розыскныхъ дѣлахъ и о состояніяхъ подданныхъ вообще; въ послѣдней совершенно ясны слѣды вліянія сословныхъ депутатовъ дворянъ и купечества [1]). Комиссія продолжала существовать и по смерти императр. Елизаветы, при Петрѣ III и Екатеринѣ II до 1767 г. (депутаты распущены еще въ 1763 г.). Изъ результатовъ ея дѣятельности нынѣ напечатаны: „Проекты уголовнаго Уложенія 1754—1756 г.“ Спб. (1882 г.) по двумъ текстамъ—первоначальному и комиссіи 1760 г. и „Проектъ новаго уложенія ч. 3-я“ подъ ред. В. Н. Латкина. 1893 г.—*Кодификація при Екатеринѣ II*. О знаменитой Екатерининской комиссіи 1767—68 гг., о ея заслугѣ и причинѣ неудачъ было сказано нами выше (см. стр. 242, 243); здѣсь предстоитъ сказать о важнѣйшемъ актѣ, вызванномъ ею—*Наказъ* Екатерины II. Наказъ не есть законъ, хотя въ послѣдующихъ узаконеніяхъ дѣлаются ссылки на него. Содержаніе его взято императрицею изъ соч. Монтескье De l'esprit de lois и отчасти Беккаріа: выдержки изъ перваго б. ч. буквальны; но много статей составлено самою императрицею. Наказъ состоитъ изъ 655 ст., раздѣленныхъ на 22 главы; 21 и 22—добавочныя главы. Всѣ они посвящены опредѣленію общихъ свойствъ законодательства (гл. IV, VI и XIX), государства (гл. I, II, III, V), сословій (XV, XVI, XVII), судопроизводства (IX), уголовнаго права (VII, VIII, X, XX), гражд. права (XVIII), народной экономіи (XII, XIII), народн. просвѣщенія (XIV), полиціи, (XXI) и финансовъ (XXII). Статьи Наказа имѣютъ научный (философскій) характеръ и по содержанію проникнуты человѣколюбивми началами: императрица вооружается противъ жестокости наказаній, противъ пытки, противъ рас-

[1]) См. наши замѣчанія на сочин. В. Н. Латкина: „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в.“ въ Унив. Извѣст. 1888 г.

ширенія понятія о политическихъ преступленіяхъ. Наказъ встрѣченъ въ Европѣ съ изумленіемъ предъ смѣлостью законодательницы и, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на духъ законодательства въ Россіи. Въ 1768 г. Екатерина дала комиссіи программу законовъ—„Начертаніе къ окончанію комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія".—Въ 1796 г. императоръ Павелъ назначилъ опять комиссію для составленія законовъ, которая также не имѣла результатовъ.

Кодификація въ XIX в. и изданіе свода. Императ. Александръ I составилъ комиссію, какъ *особое учрежденіе*, при министерствѣ юстиціи, а съ 1810 г. при государств. совѣтѣ; главнымъ дѣятелемъ въ ней былъ сначала бар. Розенкампфъ, а съ 1809 г.—Сперанскій. Тогда составленъ былъ проектъ граждан. уложенія 1809 г. и внесенъ въ госуд. совѣтъ; онъ есть передѣлка французск. côde civile какъ по системѣ, такъ и по нѣкоторымъ подробностямъ. Госуд. совѣтъ разсмотрѣлъ и утвердилъ первыя двѣ части проекта (о лицахъ и имуществахъ); но въ 1812 г., съ паденіемъ Сперанскаго, когда камиссія была составлена изъ новыхъ лицъ, ими было найдено, что слѣдуетъ пересмотрѣть всю работу сначала, ибо кодексу заимствованному слѣдуетъ во всякомъ случаѣ предпочесть сводъ отечественнаго права. Однако, въ 1814 г. внесена въ госуд. совѣтъ 3-я часть проекта гражданск. уложенія. Въ то же время разсматривали и проектъ торговаго уложенія, составленный также по франц. подлиннику. Тогда же былъ составленъ проектъ уголовнаго уложенія.—Съ 1826 г. дѣло кодификдціи передано имп. Николаемъ I опять въ руки Сперанскаго; создано, вмѣсто комиссіи, новое учрежденіе—*II отд. собствен. Его Величества канцеляріи.* Такъ какъ (по мысли самого государя) рѣшено было издать кодексъ не въ видѣ новаго уложенія, а свода, то приступлено къ собранію всѣхъ прежнихъ узаконеній, начиная съ Улож. ц. Алексѣя М. Гигантскій трудъ такого собранія отчасти облегченъ былъ тѣмъ, что комиссіи XVIII в. собирали узаконенія и составляли указатели къ нимъ. Полно собраніе законовъ, составленное Сперанскимъ, въ свою очередь, также не обнимаетъ всѣхъ узаконеній, несмотря на свою громадность. Оно было раздѣлено на двѣ части: 1-е полное собраніе, доведенное до царств. императ. Николая (12 декабря 1825 г.), и 2-е полное собраніе, продолжавшееся съ того времени [1]).—Изъ такого историч. матеріала, но съ сильнымъ вліяніемъ франдузскаго кодекса (въ гражд. уложеніи, т. е. X т. его) составленъ сводъ законовъ Россійской Имперіи, въ первый разъ изд. въ 1832 г., но начавшій свое дѣйствіе съ 1 января 1835 г. [2]).

---

[1]) Съ 1 марта 1881 г., т. е. со вступленія на престолъ имп. Александра III, начато 3-е полное собраніе законовъ.

[2]) Въ засѣданіи госуд. совѣта 19 янв. 1833 г. лично присутствовавшій имп. Николай Павловичъ поставилъ вопросъ: признавать ли дѣйствующимъ правомъ полное собраніе зоконовъ (а сводъ лишь вспомогательнымъ средствомъ при толкованіи), или обратно? Было принято (послѣ долгихъ преній) признать сводъ „закономъ, коимъ должно руководствоваться исключительно". Въ недавнее время, однако, проф. Коркуновъ поднялъ тотъ же вопросъ и полагалъ, что и нынѣ сводъ не имѣетъ характера закона, а лишь значеніе автентичнаго толкованія прежнихъ законовъ. Но смыслъ рѣшенія государствен. совѣта 19 января 1833 г. совершенно ясенъ.

Дополненіе къ 1-й части.

А.

Славянское право и отношеніе его къ русскому.

Относительно бытія славянскаго (а равно и нѣмецкаго) права въ начальный періодъ исторіи этихъ народовъ въ литературѣ заявлено сомнѣніе и даже, повидимому, полное отрицаніе такого предмета (проф. Дьяконовъ въ Журн. М. Юст. 1900, 3, стр. 293). Такой довольно неожиданный взглядъ на дѣло, столь существенное, нами не могъ быть предусмотрѣнъ раньше и предупрежденъ. Что касается до нѣмецкаго права, авторъ (выразившій свое сомнѣніе знакомъ вопроса) первый, сколько намъ извѣстно, высказываетъ столь оригинальный взглядъ; когда Эйхгорнъ, Байтцъ или Бруннеръ писали исторію права нѣмецкаго, то имъ не приходило въ мысль, что такого предмета вовсе нѣтъ, между тѣмъ предъ ними не было ни одного обще-нѣмецкаго источника права, а только партикулярные. Разнообразіе правовыхъ нормъ (какъ и языка) въ разныхъ частяхъ (племенахъ) одной націи ничуть не опровергаетъ бытія общихъ національныхъ нормъ. Эта истина очень давняя.—Что касается до отрицанія славянскаго права, то проф. Дьяконовъ имѣлъ предшественниковъ и въ этомъ случаѣ не столь оригиналенъ. Но мы полагали, что прежняя ученая литература устранила уже сомнѣніе на этотъ счетъ; въ книгѣ мы сослались на поляка Мацѣевскаго, могли сослаться на чешскую, хорватскую, а главное на нашу отечественную довольно обильную литературу (см. „Наука исторіи русскаго права“, проф. Загоскина и „Исторія русскаго права“ 1902 г. Ѳ. И. Леонтовича). Не имѣя возможности дебатировать такой большой вопросъ въ краткомъ примѣчаніи, сосредоточимся на томъ, что́ говоритъ проф. Дьяконовъ по поводу этого предмета о нашей книгѣ. „Прежде всего, говоритъ онъ, каждый въ правѣ спросить, откуда появилось обще-славянское или обще-нѣмецкое право?“ Откровенно признаемся, мы не совсѣмъ понимаемъ этотъ вопросъ и не ожидали, что кто-нибудь предложитъ его. Кажется, мы расходимся въ пониманіи самого предмета, о которомъ говоримъ. Обще-нѣмецкихъ и обще-славянскихъ кодексовъ,

конечно, не было. Да и какъ вспомнить о нихъ, когда рѣчь идетъ о древнѣйшихъ временахъ господства обычнаго права? Откуда появляется право вообще, мы, по мѣрѣ силъ, старались разъяснить въ отдѣлѣ о происхожденіи обычнаго права (стр. 88); тамъ мы пытаемся указать, что право не есть случайный продуктъ произвола отдѣльныхъ лицъ, а результатъ единства психическихъ и физическихъ законовъ человѣческой природы; этимъ объясняется сходство многихъ правовыхъ нормъ всѣхъ племенъ міра.

Этимъ же, конечно, объясняется *ближайшее* сходство нормъ одного народа, связаннаго единствомъ происхожденія, а первоначально и мѣстожительства. Проф. Дьяконовъ продолжаетъ: Авторъ (т. е. я), не давая отвѣта на этотъ естественный (?) вопросъ, ссылается на слова первоначальной лѣтописи, которая удостовѣряетъ, *какъ это явствуетъ изъ контекста*, только *общность языка* у славянскихъ племенъ и *ничего больше*" (рѣчь идетъ о текстѣ лѣтописи: „а славѣнескъ языкъ и рускый— одинъ"). Мы утверждаемъ (и теперь остаемся при томъ же мнѣніи), что слово „языкъ" употреблено здѣсь лѣтописцемъ въ смыслѣ „нація", а это обнимаетъ собою не только общность языка въ нашемъ смыслѣ слова, но и общность быта и права. Очевидно, проф. Дьяконову не пришлось провѣрить по лѣтописи *контекстъ* рѣчи, иначе онъ никакъ не могъ бы сослаться на него: лѣтопись (Ипат., изд. Арх. Ком. 1871 г., стр. 16) говоритъ слѣд.: „*Словѣньскому языку* учитель есть Павелъ, отъ *него-же языка* и мы есме Русь: тѣмъ-же и намъ Руси учитель есть Павелъ Апостолъ, понеже училъ есть *языкъ словѣнескъ* и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника *словѣньску языку*. А словѣнескъ языкъ и рускый одинъ; отъ Варягъ бо продзашася Русью, а первѣе быша Словѣне..." Таковъ *контекстъ*. „Апостолъ Павелъ и Андроникъ учили славянскую націю („языкъ") христіанской вѣрѣ, а такъ такъ русская нація тождественна со славянскою, то и нашимъ (русскимъ) вѣроучителемъ надо считать Ап. Павла"; таковы слова и смыслъ рѣчи лѣтописца. Не осложняя рѣчь другими многими (довольно извѣстными) примѣрами, приведемъ наиболѣе рѣшающіе дѣло: „По мнозихъ же временѣхъ сѣлѣ суть словени по Дунаеви...; отъ нихъ словенъ розидошася по земъли и прозвашася имены своими, кде сѣдше, на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Моравѣ и прозвашася Морава, а друзии Чесѣ... Такоже и тѣже словѣне пришедше сѣдоша по Днепру и наркошася Поляне, а друзии Деревляне" (и т. д.). „И тако розидеся *словѣнскъ языкъ*". Само собою очевидно, что разошлись *племена одной народности*. „Се суть инии *языцы*, иже дань даютъ Руси: Чудь, Весь, Меря, Мурома" и т. д. „Словеньску же языку, якоже рекохомъ, живущую на Дунаи, и придоша Болгаре..." „Глаголетъ Георгий въ лѣтописцѣ: комуждо *языку* овѣмъ законъ изписанъ есть, другымъ же обычаи"... Кажется, мы имѣемъ право истолковать и въ своей цитатѣ слово языкъ въ смыслѣ націи (въ первой половинѣ цитаты); на единство „рѣчи" славянъ лѣтописецъ указываетъ только, какъ на признакъ племеннаго единства ихъ (во второй половинѣ цитаты). Нѣтъ надобности высказывать, а тѣмъ болѣе аргументировать

такую элементарную аксіому, что единство національное содержитъ въ себѣ между прочимъ и единство правовыхъ нормъ (а не одно единство рѣчи). Далѣе, проф. Дьяконовъ усматриваетъ противорѣчіе идеи единства славянскаго права съ тѣмъ разнообразіемъ обычаевъ, которое отмѣчаетъ лѣтописецъ (а за нимъ и мы) у восточныхъ славянъ: „кождо свой нравъ имѣяху". Для обозначенія разнообразія мѣстныхъ обычаевъ часто приводится другое изрѣченіе: „что ни городъ, то норовъ; что деревня, то обычай". Пословица вѣрная, но изъ нея не слѣдуетъ, что въ огромной совокупности городовъ и деревень Россіи нѣтъ никакого общерускаго права. Вообще никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду высокое достоинство живого права—единства въ разнообразіи. Намъ бы не слѣдовало распространяться о такихъ общеизвѣстныхъ инстинахъ, если бы онѣ не забывались иногда по поводу вопросовъ чрезвычайной важности; кромѣ вопроса о славлянскомъ правѣ, таковъ вопросъ о западно-русскомъ правѣ (т. е. литовскомъ, которое нѣкоторымъ ученымъ никакъ не удается признать за русское и взять его за руководство при истолкованіи древнѣйшихъ памятниковъ обще-русскаго права. Признавая *въ древнѣйшую эпоху* единство славянскаго права (и не отвергая мѣстныхъ различій его), мы можемъ факты, находимые въ источникахъ исторіи одного народа славянскаго, приписывать и другому, но само собою разумѣется лишь тогда, когда у этого другого въ его собственныхъ источникахъ нѣтъ показаній о томъ же предметѣ.

Б.

Объ отношеніи земель къ племенамъ.

На замѣтку нашу проф. Сергѣевичъ въ позднѣйшемъ изданіи своихъ Русск. Юрид. Древностей (Т. I, стр. 9), именно въ примѣчаніи 1-мъ, возражаетъ слѣд. обр.: „Мы были крайна огорчены этимъ указаніемъ на недостатокъ у насъ вниманія къ труду почтеннаго ученаго. Мы поспѣшили взять первое изданіе [1]) (нашего „Обзора") и развернуть 4-ю страницу; тамъ напечатано; „Время происхожденія земскаго государства должно быть стнесено къ эпохѣ доисторической. Племена, перечисленныя въ начальной лѣтописи, суть земли-княженія (б. ч. тѣ же, какія мы находимъ въ XI и XII вв.). Лѣтописецъ, сказавъ о миѳическихъ 2 братьяхъ..." Мы (продолжаетъ проф. Сергѣевичъ) были этимъ совершенно успокоены; мы ничего не приписали почтенному автору, чего у него не было ска-

[1]) Мы не знаемъ, о какомъ *первомъ* изданіи нашемъ говоритъ проф. Сергѣевичъ: предъ появленіемъ его книги „Русск. Юр. Древности" было два изданія нашего Обзора: 1886 и 1888 г.; въ 1902 г. онъ имѣлъ 3-е издан.—1900 г. Во всякомъ случаѣ изданіе „Обзора" 1888 г., вѣроятно, было ему извѣстно.

зано, Сличеніемъ же его двухъ изданій мы были даже обрадованы. Во второмъ (т. е. въ третьемъ?) онъ высказываетъ *совершенно другую мысль*, чѣмъ въ *первомъ*, *и совершенно правильную*, не о земскомъ, конечно, государствѣ, а о томъ, что границы племенъ и княженій не совпадаютъ, а въ первомъ изданіи сказано: „Племена суть—земли княженія".—Такъ говоритъ нынѣ проф. Сергѣевичъ. Выходитъ, что, измѣнивъ свою собственную (неправильную) мысль на другую совершенно правильную, мы не имѣли мужества сознаться въ этомъ (хотя исправленіе собственныхъ заблужденій отнюдь не есть преступленіе). Не сознавшись, мы обвинили третье лицо, что оно ошибочно приписываетъ намъ чужую мысль. Если бы такъ, то намъ предстояло бы только извиниться, но произошло обстоятельство, довольно неожиданное; всѣ сейчасъ приведенныя слова В. И. Сергѣевича изложены имъ въ *примѣчаніи*; въ текстѣ же его книги, т. е. на главномъ мѣстѣ ея (Рус. Юрид. Др. изд. 1902 г., стр. 9), стоитъ нѣчто совершенно иное; здѣсь уже мы не измѣняли своей прежней (ошибочной) мысли на другую (совершенно правильную); мы попрежнему (и въ 1902 г.) не только раздѣляемъ мысль Соловьева, но идемъ дальше его, т. е. утверждаемъ по-старому, что границы волостей соотвѣтствуютъ границамъ племенъ. Затѣмъ дѣлается ссылка на 1-ое изданіе нашего „Обзора". Итакъ, чему же вѣрить; тексту ли книги проф. Сергѣевича, или его же примѣчанію? Я полагаю, что всякій согласится, что текстъ книги—дѣло гораздо болѣе существенное, чѣмъ примѣчанія, въ которыя иной читатель можетъ даже и не заглянуть. Во всякомъ случаѣ въ текстѣ книги проф. Сергѣевича содержится прежнее утвержденіе, что мы держимся мысли Соловьева, несмотря на то, что въ третьемъ изданіи своего „Обзора" мы (по словамъ проф. Сергѣевича) отреклись отъ него; тяжело еще разъ огорчать почтеннаго ученаго, но мы уже неповинны въ томъ.—Но обратимся къ сущности дѣла. Можно ли было и прежде, имѣя въ своихъ рукахъ только первое изданіе нашего „Обзора", приписать намъ мысль С. М. Соловьева о совпаденіи границъ земель съ границами племенъ? Дѣйствительно ли мы *исправили* свою прежнюю ошибочную мысль на новую въ слѣдующихъ изданіяхъ? Въ первомъ и во второмъ изданіи моего „Обзора" стоитъ слѣдующее: „*Время происхожденія* земскаго государства должно быть отнесено къ эпохѣ доисторической. Племена, перечисляемыя въ начальной лѣтописи, суть земли..." Намъ казалось яснымъ, что рѣчь идетъ о *времени происхожденія* земель, а не о границахъ ихъ и не объ этнографическомъ составѣ населенія (о чемъ говорится ниже). Вотъ слова, которыя послужили поводомъ къ недоразумѣнію. Какъ извѣстно всѣмъ, лѣтописецъ перечисляетъ „княженія" у восточныхъ славянъ, не называя ихъ ни племенами, ни землями; историки же, современные намъ, постоянно именуютъ ихъ племенами. Что же это за союзы по внутреннему характеру своему? мы и говоримъ, что эти „племена" суть „*земли*"; а что такое земля, читатель видѣлъ уже на 3 стр. нашей книги (изд. 1-ое), гдѣ сказано, что эта форма высшая всѣхъ предшествовавшихъ ей не только кровныхъ, но и простыхъ территоріальныхъ, что это есть (не союзъ

родовъ-племя), а союзъ волостей и пригородовъ подъ властію старшаго города. Казалось совсѣмъ излишнимъ сказанное нѣсколькими строками выше еще разъ повторить сейчасъ же. Совпадаютъ ли упомянутыя княженія въ своихъ внѣшнихъ границахъ съ племенами (кровными союзами), объ этомъ здѣсь рѣчи нѣтъ и не могло быть: для того есть спеціальный отдѣлъ (о составѣ населенія). Читателю (полагали мы) нельзя было впасть въ заблужденье уже потому, что въ томъ же маленькомъ отдѣлѣ, 10-ью строками ниже, онъ читалъ въ нашей книгѣ слѣд.: „Лѣтописный разсказъ о призваніи варяжскихъ князей можетъ имѣть историческій смыслъ только при томъ предположеніи, что это былъ обычный призывъ князей В. Новгородомъ съ *его владѣніями въ сѣверной части Кривичей* (*гдѣ Изборскъ, впослѣдствіи—Псковъ*) *и съ его колоніями* среди Веси (Бѣлоозера) и Мери (Ростовъ); въ этихъ предѣлахъ размѣстились потомъ братья Рюрика и его мужи". Здѣсь (для другой цѣли и мимоходомъ) указанъ составъ одной земли довольно пестрый въ племенномъ отношеніи: племя Славенъ есть земля Новгородная, но она заключаетъ въ себѣ, кромѣ Словенъ, часть Кривичей и два чужихъ не-славянскихъ племени. Этотъ же самый примѣръ приводитъ и проф. Сергѣевичъ, *возражая намъ* (см. стр. 10 Рус. Юрид. Др. изд. 1902 г.). Затѣмъ, черезъ двѣ страницы нашей книги читатель находитъ слѣдующее: „Начальная лѣтопись въ числѣ первобытныхъ княженій не упоминаетъ Волыни и Галиціи (называя *Дулѣбовъ* или *Волынянъ* и *Бужанъ* лишь въ числѣ *племенъ* (курсивъ прежній), но относительно Волыни не можетъ быть сомнѣнія въ ея доисторическомъ бытіи *въ качествѣ земли* (ст. 7).—Таковъ матеріалъ имѣлъ подъ руками читатель; это было достаточно для предохраненія его отъ недоразумѣнія, если бы взятая отдѣльная фраза показалась ему почему-либо неясною. Весь отдѣлъ о времени происхожденіи земель и посвященъ въ нашей книгѣ (1-ое изд.) доказательству того, что первобытныя „княженія" суть уже *территоріальные* союзы общинъ подъ властью старшей, а не племена въ кровномъ смыслѣ. Но можетъ быть и эти требованія отъ читателя чрезмѣрны? Допустивъ даже и это, мы остаемся въ правѣ предъявить необходимое желаніе, а именно искать въ книгѣ отвѣта на данный вопросъ тамъ, гдѣ онъ именно поставленъ въ ней эксплицитно; въ нашей же книгѣ есть такой отдѣлъ и недалеко отъ спорнаго мѣста (стр. 10 „Обзоръ" изд. 1-го и 25 стр. изд. 1888 года). Тамъ желающій могъ бы прочитать: *„Каждая изъ древне-русскихъ земель заключала въ себѣ или цѣлое племя или часть его.* Племя Кривичей раздѣлилось на двѣ самостоятельныя (и враждебныя) земли: Полоцкую и Смоленскую, и, сверхъ того, значительная часть этого племени вошла въ составъ Новгородской земли. Племя Вятичей не выработалось ни въ какую самостоятельную политическую форму... поглощено Черниговскою землею; племя Дреговичей подѣлено между Кіевскою, Черниговскою и Полоцкой землями. Нѣчто подобное случилось и съ Древлянами..." (см. изд. 1888 г. стр. 25). Кажется, дальше говорить не о чемъ. Мы не мѣняли своей мысли на другую болѣе правильную; мы принуждены были только,

замѣтивъ неправильное толкованіе нашихъ словъ, ту же самую мысль облечь въ другія выраженія (хотя и прежнія казались и кажутся намъ ясными).

В.

„Земское государство".

Проф. Дьяконовъ (I. с. стр. 298—299), слѣдуя за проф. Сергѣевичемъ, находитъ наши мнѣнія объ основахъ первобытнаго государственнаго союза недоказанными (мы смягчаемъ термины пр. Дьяконова). Споръ идетъ не о терминахъ только, т. е. предметѣ весьма второстепенномъ, а о томъ, какъ зарождается государственный союзъ, и въ чемъ онъ первоначально состоитъ: „споръ о терминахъ, говоритъ онъ, скрываетъ за собою болѣе серьезное разногласіе о характерѣ древне-русскихъ государствъ". Однако, сначала о терминахъ. Проф. Дьяконовъ соглашается съ нами, „что государство называлось „землей", и даже прибавляетъ, что противъ этого никто и не споритъ". „Никто" сказано по ошибкѣ, но пусть такъ, пусть не споритъ проф. Дьяконовъ. Но затѣмъ онъ старается доказать, что государство иногда называлось волостью, Кто споритъ объ этомъ? спросимъ мы въ свою очередь: рѣчь объ этомъ предметѣ начиналась въ нашей книгѣ и въ предыд. изданіи ея такъ же, какъ теперь: „Дли выраженія тогдашняго понятія о государствѣ памятники перваго періода употребляли нѣсколько терминовъ. Такъ, они именовали его иногда княженіемъ и волостію" (см. текстъ). Въ виду этого цитаты пр. Дьяконова изъ догогора 1229 года и изъ лѣтописи для насъ мало поучительны и, конечно, были у насъ въ виду. Проф. Дьяконовъ „вполнѣ присоединился" къ мнѣнію проф. Сергѣевича, что термины княженіе и волость лучше выражаютъ свойства древняго государства. Какія же это свойства? Измѣнять предѣлы и составъ свой чуть не ежегодно; это „является де однимъ изъ харахтеныхъ признаковъ всякаго древняго государства". Просимъ позволенія не согласиться съ этимъ относительно *всякаго* древняго государства: исторія многихъ древнихъ государствъ даетъ какъ разъ противоположный выводъ: сошлемся на древне-египетское, китайское и древне-еврейское государства; Аѳинская республика, съ начала исторіи и до конца ея, свидѣтельствуетъ о постоянной цѣльности этой политіи. Древне-римская республика измѣняла свои предѣлы только въ смыслѣ расширенія ихъ. Такъ остается цѣльнымъ и зерно всякаго жизнеспособнаго государственнаго союза. Но что намъ до *всякаго* государства, когда рѣчь идетъ о положительныхъ фактахъ исторіи одного изъ нихъ? Въ своей книгѣ мы старались подвести несомнѣнныя свидѣтельства, что понятіе о государствѣ пріурочивалось тогда не къ отдѣльнымъ „княженіямъ", которыхъ было много въ каждой землѣ; что дипломатическія сношенія (съ Царьградомъ) ведутся отъ имени земель, а не множества княженій, бывшихъ къ каждой

землѣ; что важнѣйшія основанія и княжескихъ усобицъ заключаются въ интересахъ и соперничествѣ земель; что границы земель охранялись неизмѣнно въ теченіе многихъ вѣковъ; что по яснымъ словамъ современниковъ, внутреннія связи государства опирались не на княж. власть, а на власть старшаго города и его вѣча. Но какая польза повторять здѣсь все, что можно прочитать въ текстѣ нашей книгѣ и что было уже не одинъ разъ напечатано нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Казалось бы, надо было принять все это во вниманіе и опровергнуть: безполезно для науки говорить: „присоединяюсь къ мнѣнію такого-то“.—Проф. Дьяконовъ, взявъ подъ свою защиту мнѣнія проф, Сергѣевича, упустилъ изъ виду, что самъ проф. Сергѣевичъ, написавшій въ 1867 г.: „волость, составлявшая народное собраніе, есть не что иное, *какъ отдѣльное княженіе*“, съ тѣхъ поръ уже не повторяетъ этой мысли, а, напротивъ, выражаетъ взгляды, сходные съ тѣми, которые и мы повторяемъ постоянно. Такимъ образомъ изсякаютъ мало-по малу причины разногласій; дебаты о предметахъ, интересныхъ для науки, должны бы прекратиться сами собою. Остаются, однако, кое-какія недоразумѣнія болѣе субъективнаго свойства. А именно въ новомъ изд. Рус. Юрид. Др-стей (т. I) проф. Сергѣевичъ два примѣчанія посвящаетъ снова нашему воззрѣнію на основы первобытнаго русскаго государства-зелли и, несмотря на наши совершенно опредѣленныя (и казалось бы ясныя) положенія, замѣчаетъ, что я „все же не разъясняю“, чѣмъ земское государство „отличается отъ государствъ не земскихъ“ (стр. 8, прим.). Попробуемъ еще разъ (можетъ быть, въ послѣдній) добавить кое-что при помощи самого проф. Сергѣевича. У него читаемъ (I. с. стр. 45); „Новгородцы бо изначала и Смольняне, и Кыяне и Полочане и вся власти на думу на вѣча сходятся; но что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть“. Въ этихъ немногихъ словахъ (продолжаетъ проф. Сергѣевичъ) вся *суть* древняго волостного устройства. Волости состоятъ изъ городовъ и пригородовъ. Обыкновенно въ каждой волости—одинъ городъ. Это главный пунктъ населенія, по имени котораго обозначается и вся волость. Остальные пункты населенія находятся въ зависимости отъ „города“. Они не сами по себѣ существуютъ, а состоятъ при немъ. Городъ является такимъ образомъ центромъ, вокругъ котораго образуется окружность волости“... Такъ думаетъ проф. Сергѣевичъ. Что же думаемъ и пишемъ мы? Вотъ что: „форма общества, составлявшая государство во весь первый періодъ, есть земля, какъ *союзъ волостей и пригородовъ подъ властію старшаго города* („Обзоръ Ист. Рус. Пр.“ изд. 3, стр. 12). Или такъ (ibid стр. 18): „Сохраненіе внутренней цѣлостности земель въ концѣ XII в. засвидѣтельствовано лѣтописцемъ въ знаменитой формулѣ: „Изначала Новгородцы, Смоляне, Кіяне, Полочане и всѣ власти на вѣча сходятся, и на чемъ старѣйшіе порѣшатъ, тому слѣдуютъ и пригороды“. Изъ этого мѣста слѣдуетъ (продолжали мы), что и въ концѣ XII в., по сознанію тогдашняго населенія, государственное устройство состоитъ не въ княжескихъ отношеніяхъ, а въ земскихъ (*старшихъ городовъ къ младшимъ*) и самое понятіе государства пріурочивается не къ княже-

ніямъ, а къ тѣмъ землямъ, которыя здѣсь перечислены". Читатель замѣтитъ большое сходство между этими цитатами изъ двухъ авторовъ (разница только въ терминахъ, ради которыхъ мы бы не желали длить споръ, и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, что будетъ указано ниже въ своихъ мѣстахъ). Разъясняя въ прошломъ изданіи (также по желанію проф. Сергѣевича), что такое *земское* государство, мы писали (и теперь повторяемъ), что „въ государствѣ такого типа преобладающимъ элементомъ служитъ *территоріальный*: государство есть *союзъ общинъ*; *старшая община правитъ* другими общинами... Государства другихъ типовъ могутъ быть союзомъ сословій (феодальное общество), или лицъ (ордена), или родовъ и т. д. Нѣтъ надобности напоминать, что изображаемый проф. Сергѣевичемъ (и нами) строй волости отнюдь не можетъ быть примѣненъ, напр., къ германскимъ государствамъ V—IX в.; что никакихъ старшихъ городовъ и пригородовъ тамъ нѣтъ, а есть король, герцоги, графы, центенаріи; что въ феодальную эпоху государственная власть состояла опять не въ зависимости меньшихъ общинъ отъ старшей, а въ зависимости подвассаловъ отъ вассала, а вассаловъ отъ верховнаго сюзерена. Въ этомъ (съ прибавленіемъ вѣчевого управленія) и состоитъ отличіе *земскаго* государства (или волости, по терминологіи проф. Сергѣевича) отъ государства другого строя.

Г.

Право собственности на землю, какъ основаніе власти старшихъ городовъ надъ территоріею.

Проф. Сергѣевичъ находитъ иное основаніе для власти старшихъ городовъ надъ пригородами и волостями, а именно говоритъ („Рус. Юр, Др." т. I, стр. 5, изд. 1902): „Земля, находящаяся въ предѣлахъ волости, составляетъ собственность ея жителей и прежде всего жителей ея главнаго города. Несмотря на крайнюю бѣдность нашихъ лѣтописей по всѣмъ вопросамъ, касающимся поземельныхъ отношеній, мы можемъ, однако, привести нѣсколько свидѣтельствъ, указывающихъ на связь земли съ городомъ,—связь, объяснимую *только тѣмъ*, что земля, часто на очень значительномъ протяженіи отъ города, составляла собственность его жителей. Такъ, въ 1067 году кіевляне требуютъ отъ князя своего Изяслава, только что потерпѣвшаго пораженіе отъ половцевъ, чтобы онъ еще разъ выступилъ противъ нихъ, и свое требованіе мотивируютъ тѣмъ, что „половцы разсыпались по землѣ" (Лавр.).—Но мы и теперь нерѣдко говоримъ что непріятель вторгся въ нашу землю, не выражая тѣмъ притязаній на всю землю, какъ нашу „собственность". Она „наша" только въ смыслѣ государст. территоріи. Самъ проф. Сергѣевичъ признаетъ, что терминъ земля употребляется (по его мнѣнію, иногда) для обозначенія государства

(стр. 1); да и весь отдѣлъ, изъ котораго взята приведенная цитата, трактуетъ о „государственной территоріи". Но можетъ быть здѣсь все дѣло затемняетъ терминъ „земля"? Однако, проф. Сергѣевичъ продолжаетъ (стр. 6): „Подобныя же указанія сохранились отъ Чернигова, Владиміра на Клязмѣ и Полоцка. Въ 1138 г. черниговцы побуждаютъ своего князя Всеволода къ миру съ Ярополкомъ Кіевскимъ на томъ основаніи, что въ случаѣ войны „онъ погубитъ *волость свою*" (Лавр.) въ 1176 г. владимірцы изгоняютъ Ростиславичей за то, что они грабили *„волость всю"* (Ипат.). А терминъ „волость", по мнѣнію проф. Сергѣевича, обозначаетъ именно территорію государства („терминъ „власть—волость" очень хорошо обозначаетъ *юридическую природу государственной территоріи*", стр. 3). Итакъ, казалось бы, что дѣло идетъ не о *правѣ собственности*, а о территоріи. Но можетъ быть проф. Сергѣевичъ не признаетъ никакого различія между государственнымъ и частнымъ владѣніемъ не только во времена доисторическія, но и въ концѣ XII в. (а по дальнѣйшимъ словамъ его—и до XVI в.? Но думать такъ было бы съ нашей стороны большою ошибкою. Мы болѣе его склонны къ признанію въ древнія времена смѣшенія частнаго права съ публичнымъ, но полное проявленіе его относимъ ко временамъ незапамятнымъ (см. стр. 527, 3 изд. нашего „Обзора": „Право государства, исключающее всѣ частныя права лицъ, можетъ относиться лишь къ древнѣйшимъ незапамятнымъ временамъ", и затѣмъ, согласно съ источниками, указываемъ въ историческое время и частныя права общинъ, самихъ князей, бояръ и церкви). Вообще В. И. Сергѣевичъ не склоненъ до признанія идей общиннаго землевладѣнія и всяческаго коллективизма. Итакъ, мы, очевидно, далеки отъ разгадки. Дѣло затрудняется ещъ тѣмъ, что по словамъ почтеннаго ученаго субъектъ права собственности весьма растяжимый: „Земля, находящаяся въ предѣлахъ волости, составляетъ собственность ея жителей и *прежде всего* жителей ея главнаго города", но въ волости находятся пригороды, князья, церковныя учрежденія, бояре и другія лица, владѣющія землею. Кому же принадлежитъ эта земля „прежде всего", т. е. на правахъ собственности? Чтобы выйти изъ затрудненій, мы должны бы конструировать это положеніе такъ: вся земля, на пространствѣ всего государства, принадлежитъ старшему городу, какъ общинѣ; а въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ (князей, бояръ, церкви, другихъ общинъ) остается только владѣніе. Но мы, конечно, ошибаемся; у проф. Сергѣевича приведенъ примѣръ, гдѣ черниговцы говорятъ своему князю, что къ случаѣ войны „онъ погубитъ волость *свою*". Это значило бы, что вся территорія принадлежитъ на правѣ собственности не жителямъ старшаго города, а одному князю; сами жители старшей общины, не говоря о своихъ правахъ, приписываютъ ихъ князю, но мы снова ошибаемся: проф. Сергѣевичъ приводитъ тутъ же примѣръ: „Увѣдѣвшіе людіе (о смерти Владиміра Ярославича)... плакашася по немъ; *бояры акы заступника ихъ земли* (курс. проф. Сергѣевича), убозіи акы заступника и кормителя"; стало быть, земля принадлежитъ боярамъ и только имъ; остальные („убозіи") въ правахъ не участвуютъ хотя бы и были жителями старш. города, которымъ „прежде

всего“ принадлежитъ земля. Разумѣется, мы опять ошибаемся, ибо бояре жили не въ одномъ старшемъ городѣ. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ затрудненій, предпочитаемъ думать, что земля есть государственная территорія а не „собственность“ какъ во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ, такъ и во множествѣ другихъ, которые можно привести.

Д.

Національное имя Русь.

Хотя вопросъ о происхожденіи имени Русь, какъ чисто фактическій, повидимому, далекъ отъ интересовъ историческаго правовѣдѣнія, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ совсѣмъ чуждъ исторіи права. Для исторіи національнаго права составъ націи—вещь весьма не безразличная, а одинъ изъ существенныхъ элементовъ этого состава обозначается, между прочимъ, названіемъ ея. Не имѣя вовсе намѣренія впутываться въ вѣковѣчный норманскій вопросъ, мы считаемъ своею обязанностью уяснить только мысль нашего лѣтописца, что *онъ думаетъ* о названіи Русь.

Отвѣтъ на поставленный вопросъ въ нашей лѣтописи отличается полной опредѣленностію: Русью называлось одно изъ варяжскихъ племенъ; другія племена той же національности были: Шведы („Свее“), Норманны („Урмане“—Норвежцы), Англичане (Анъгляне) и Готы (первон. лѣт. подъ 962 г.). „И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля“. Далѣе лѣтописецъ сообщаетъ, что имя Русь перешло на славянскія племена по мѣрѣ завоеванія ихъ варягами, что въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ Русью называлось не какое-либо одно славянское племя, а вся совокупность ихъ.

Лѣтописецъ выражаетъ эту мысль неоднократно и ясно въ слѣд., напр., мѣстахъ: „Словѣнескъ языкъ въ *Руси:* Поляне, древляне, Новъгородьци, Полочане, Дьрьговичи, Сѣверо, Бужане, зань сѣдять по Бугу послѣ же Волыняне; се суть инии языцѣ, иже дань даютъ *Руси*: Чюдь, Весь, Меря, Мурома, Черемысь, Мордва, Пѣрмь, Печера, Ямь, Литва, Зимѣгола, Корсь, Норома, Либь“. Итакъ, Русью называется вся совокупность восточныхъ славянскихъ племенъ, въ томъ числѣ: новгородцы, полочане и сѣверяне, а не только поляне; дань даютъ Руси между прочимъ Пермь, Печора и пр., отъ которыхъ кіевляне, конечно, никогда не получали дани. Лѣтописецъ сообщаетъ, что Олегъ, взявши Кіевъ, нарекъ его матерью городовъ Русскихъ“, и для ясности дѣла прибавляетъ: „и бѣша у него Словѣни и Варязи и прочии прозвашася Русью“, т. е. Кіевъ есть метрополія не только кіевскихъ пригородовъ (если они еще были въ то время), но всѣхъ городовъ, состоящихъ подъ властію Олега, ибо и словѣне (новгородцы), какъ и варяги, именовались уже Русью. Точка зрѣнія лѣтописца уясняется окончательно, когда онъ говоритъ: „А словѣнескъ языкъ и Рускый одинъ; отъ варягъ бо прозвашася Русью, а пѣрвѣе быша Словѣне;

аще и Поляне звахуся но словѣньская рѣчь бѣ; полянами же прозвашася, занемже въ полѣ сѣдяху; языкъ словѣньскый бѣ имъ единъ". Стало быть Русью называется то, что́ прежде называлось вообще словѣнами; а какія это были славянскія племена, объ этомъ онъ говорилъ и не одинъ разъ выше (т. е. поляне, древляне, полочане и проч.); теперь для примѣра онъ указываетъ на одно ближайшее ему племя полянъ. Изображая походъ Олега на грековъ, лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ взялъ съ собою множество Варяговъ, Словѣнъ, Чуди, Кривичей, Мерю, Полянъ, Сѣверянъ, Деревлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ, а затѣмъ передаетъ, что „*Русь* натворила много зла грекамъ". Кто же эта Русь? Очевидно, совокупность всѣхъ, исчисленныхъ племенъ не только славянскихъ, но и финскихъ, бывшихъ подъ властію Олега. Думаемъ, что всякій имѣетъ право заключить, что, по мнѣнію лѣтописца, спеціальное варяжское имя Русь перенесено на всю совокупность племенъ, подчиненныхъ варягамъ.

Простая ли это догадка лѣтописца, или историческій фактъ? У насъ есть способъ провѣрки другимъ источникомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, именно: договорами русскихъ съ греками. Въ походахъ на Византію при Олегѣ участвовали (какъ мы знаемъ) варяги и всѣ восточныя племена славянскія. Между тѣмъ договоры заключены *только отъ имени Руси*— „межы Грѣкы и Русью", или „межю Християны и Русью"; послы отправлены отъ „Олга великаго князя Рускаго", клялись, „по закону русскому": страна называется „Рускою землею" и „Русью"; отдѣльные жители страны называются „Русинами"; наказанія назначаются „по закону русскому". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь подъ Русскою землею, или Русью, разумѣется вся совокупность территорій славянскихъ, подчиненныхъ Олегу, ибо дань, которую должны платить греки, назначалась „на Рускіе городы: пѣрвое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъль, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь и на прочая городы". Итакъ, имя Русь здѣсь не означаетъ какого-либо спеціальнаго племени или отдѣльной территоріи (напр., племени полянъ), а есть наименованіе, перенесенное отъ одной владѣющей группы на всѣ другія, подчиненныя. Такой же выводъ получается и изъ договора Игоря.

Само собою разумѣется, что имя Русь распространялось на племена славянскія въ IX и X вв. *постепенно*, по мѣрѣ покоренія ихъ варяжскими князьями: такъ, древляне, до окончательнаго покоренія, суть просто древляне, и князь ихъ Малъ—деревскій князь; когда они убили Игоря, то говорятъ: „князя убили мы *рускаго*" (т. е. кіевскаго). Но послѣ разгрома произведеннаго Ольгою, вскорѣ спеціальное имя древлянъ исчезаетъ навсегда.—Этимъ и объсняется, почему и, долго спустя, въ лѣтописи имя Русь иногда спеціализируется на Кіевской землѣ, а затѣмъ на совокупности ближайшихъ окрестныхъ земель, т. е. южной Руси (см. текстъ, стр. 23), т. е. на тѣхъ территоріяхъ, на которыхъ раньше утвердилась власть варяговъ—Руси. Но уже во 2-й пол. X-го вѣка, когда Ярополкъ

убилъ брата своего Олега, а Владиміръ изъ Новгорода бѣжалъ за море, то Ярополкъ посадилъ посадника своего въ *Новгородѣ* „и бѣ володѣя *единъ въ Руси*“. Такимъ образомъ, къ концу X вѣка, т. е. ко времени Владиміра св., вся совокупность владѣній рода Рюрика именуется Русью.

Въ XI в. общее имя „Русская земля“ окончательно утверждается за совокупностію прежнихъ славянскихъ земель: два князя-братья „раздѣлиста и по Днѣпръ Рускую землю“, а затѣмъ по смерти Мстислава, „Ярославъ бысть единовластецъ Руской земли“. Этотъ единовластецъ „постави Ларіона митрополита Руси“. Вообще владыки кіевскіе именуются митрополитами Русскими или всея Руси; власть ихъ простиралась не на одну бывшую землю полянъ кіевскихъ, а на всѣ земли русскія. При усилившейся борьбѣ съ варварами (половцами) прежній племенной сепаратизмъ смѣняется уже единствомъ національнаго сознанія: въ 1061 году „пришли половцы въ первый разъ на Рускую землю воевать; Всеволодъ вышелъ противъ нихъ“, а Всеволодъ былъ княземъ Переяславльскимъ, а не Кіевскимъ, и половцы, очевидно, вторглись въ его владѣнія.

Е.

Добываніе княжескихъ столовъ.

Проф. Сергѣевичъ въ самомъ началѣ своей ученой дѣятельности (Вѣче и князь 1867 г.); говоря о „распредѣленіи волостей между князьями“, выразилъ совершенно опредѣленно, что „добываніе“ есть единственный способъ преемства столовъ: „княжеская Россія не знаетъ *законнаго* порядка (курсивъ автора) въ преемствѣ столовъ; столы не наслѣдовались, а *добывались*“ (тоже). Но это было написано около полустолѣтія назадъ. Въ юношеской работѣ естественно встрѣтить рѣшительный тонъ и рѣшительные приговоры о вещахъ весьма сомнительныхъ. Но затѣмъ въ многочисленныхъ послѣдующихъ изданіяхъ почтеннаго ученаго такой тонъ постепенно смягчается, пока, наконецъ, въ послѣднемъ изданіи юридическихъ древностей „добываніе“ вовсе исключено изъ числа нормальныхъ способовъ пріобрѣтенія власти. Любопытно прослѣдить этотъ путь постепеннаго торжества ученаго благоразумія. Въ изданіи 1883 года „Лекціи и изслѣдованія“ (стр. 323) проф. Сергѣевичъ уже говоритъ осмотрительнѣе: „Напрасно будетъ искать *одного* общаго порядка преемства... Князья получаютъ столы въ силу народнаго избранія. Но они не остаются пассивными зрителями распредѣленія столовъ по волѣ народа... Кромѣ соглашенія съ народомъ, они прибѣгаютъ и къ праву сильнаго... встрѣчаемся съ сылками и на родовое старшинство и на вотчинное право... На распредѣленіе столовъ оказываетъ вліяніе и воля князя... выраженная въ предсмертномъ соглашеніи съ народомъ и князьями, и въ

завѣщаніи". Словомъ право сильнаго является уже на ряду съ другими (правомѣрными началами) и притомъ, какъ кажется, въ качествѣ средствъ для осуществленія этихъ послѣднихъ. Наконецъ, въ 1893 г. въ новомъ изданіи: „Русскія юридическія древности", томъ второй (стр. 230—291) рѣчь идетъ о распредѣленіи волостей между князьями по такимъ рубрикамъ: „I, избраніе князей народомъ, II, начало отчины, III, распоряженіе владѣтельныхъ князей и IV, начало старѣйшинства", такимъ образомъ указываются только правомѣрныя начала: избраніе, наслѣдованіе нисходящихъ, завѣщаніе и наслѣдованіе боковыхъ. О добываніи эксплицитно уже вовсе не упоминается. Лишь въ концѣ всего отдѣла, на послѣднихъ страницахъ авторъ рѣшился прибавить: „всѣ четыре начала, подъ вліяніемъ которыхъ происходило распредѣленіе столовъ, въ дѣйствительности нерѣдко *нарушались*... Наши старые лѣтописцы хотя очень робко, но осуждаютъ такіе хищническіе захваты волостей... Возможность такого расширенія своихъ владѣній разжигала хищническіе инстинкты князей и подталкивала ихъ къ насиліямъ" (стр. 294—295). Итакъ, правомѣрныя начала преемства оказываются существующими, но по духу времени, они могли быть часто нарушаемы хищничествомъ, т. е. преступленіями.

Такъ осторожно шелъ старый учитель; но ученики его сразу вернулись къ юношескимъ взглядамъ учителя: „вообще не существовало какого-либо единаго порядка въ преемствѣ столовъ. Очень нерѣдко столы захватывались силою. Это называлось добывать столъ" (М. А. Дьяконовъ: „Очерки общественнаго и государственнаго строя", т I, стр. 143). „Захватная политика примѣняется и къ занятію вакантныхъ столовъ. Въ политикѣ захвата беретъ верхъ тотъ изъ соперничающихъ князей, на сторонѣ котораго перевѣсъ въ ловкости, энергіи, вліяніи, а *главное* въ силѣ" (стр. 144). Прочими началами князья лишь оправдываютъ иногда свой захватъ.

Словомъ передъ нами то *захватное право*, съ которымъ насъ ознакомила наша современность, т. е. то безмысленное понятіе, въ которомъ соединяются и право и его нарушеніе. И это опять ставится на первое мѣсто, а дѣйствительныя начала отодвигаются на задній планъ.

Историкъ права обязанъ рѣшить, дѣйствительно ли историческая истина заставляетъ его признать, что право возникаетъ изъ безправія, насилія и захвата (въ такомъ случаѣ исторія *права* будетъ звукъ пустой).

Вмѣсто этого проф. Дьяконовъ старается поставить *рядомъ* право и безправіе; есть и правомѣрныя начала преемства (физическое старшинство, начало отчины, народное избраніе); „но *кромѣ этихъ началъ*, столы распредѣлялись *еще* по волѣ занимающихъ ихъ князей". Впрочемъ на эти начала лишь ссылаются князья въ оправданіе своего образа дѣйствій. На самомъ же дѣлѣ событіями, стало быть, управляетъ сила, пропорція силъ борющихся. Но если даже и признать, что право и сила *стоятъ только рядомъ*, то необходимо указать соотношеніе между ними: что служитъ истиннымъ началомъ пріобрѣтенія власти; право или насиліе? Насильники стараются *оправдать* свой образъ дѣйствій; „въ

подтвержденіе своихъ лучшихъ (?) правъ князья приводятъ физическое старшинство, начало отчины и народное избраніе" (стр. 144). Такимъ образомъ историку слѣдовало отмѣтить, что и сами насильники признавали, что жизнію народовъ должно управлять право, а не сила, что силу можно (и должно) употребить лишь въ защиту права. Но историкъ такъ и оставляетъ насъ безъ всякаго вывода по вопросу величайшей важности.

Ж.

Объ отношеніи пригороднаго вѣча къ вѣчу старшаго города.

По мнѣнію проф. Сергѣевича (Вѣче и князь. 1867 г., стр. 93—95), „порядки пригороднаго вѣча и предметы его вѣдомства *ничѣмъ не отличаются* отъ порядковъ и предметовъ вѣдомства вѣча главнаго города... Если городъ не хотѣлъ допустить рѣшенія, принятаго на пригородномъ вѣчѣ, онъ могъ требовать его отмѣны; если его требованіе не уважалось, онъ *вступалъ въ борьбу* съ пригородомъ, и смотря по ея исходу, или совершенно отмѣнялъ неугодное ему рѣшеніе, или только видоизмѣнялъ его, или, наконецъ, самъ *бывалъ вынужденъ согласиться съ нимъ*... Какъ значеніе жителей пригорода на общемъ вѣчѣ съ жителями города условливается ихъ *силою,* такъ точно и значеніе отдѣльнаго пригороднаго вѣча условливается *силою* пригорода". Эта идея борьбы и пропорціи силъ, всегда послѣдовательно проводимая уважаемымъ авторомъ (взамѣнъ права) встрѣтила возраженіе съ нашей стороны какъ въ этомъ примѣненіи ея, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ. По данному вопросу мы говоримъ (стр. 60 прежняго, т. е. 3-го изд. „Обзора"): „Пригородныя вѣча, при нормальномъ теченіи дѣлъ, не имѣютъ политической власти (рѣшая лишь мѣстные вопросы управленія)". Дѣйствительно, случаи, приводимые проф. Сергѣевичемъ, всѣ относятся къ исключительнымъ явленіямъ такой борьбы пригородовъ со старшимъ городомъ, которая приводила или къ низложенію старшинства главнаго города и переходу его въ пригородъ (борьба гор. Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ), или къ раздѣленію одной земли (государства) на двѣ (Новгорода и Пскова). Но эти случаи исключительные, отнюдь не доказывающіе, что война есть постоянный, нормальный способъ рѣшенія государственныхъ дѣлъ. Чтобы уяснить, къ какимъ результатамъ ведетъ указанная мысль проф. Сергѣевича, мы (на стр. 56 того же изд.) говоримъ въ (въ примѣчаніи): „ Если пригородное вѣче совершенно равняется вѣчу старшаго города, то, значитъ, пригороды суть государства, а равно и волости и даже каждое село, гдѣ (предположительно) также были сходки. И такія собранія въ памятникахъ называются вѣчами". Чтобы еще нагляднѣе показать невозмож-

ность принять такое мнѣніе, мы (на стр. 59 того же изданія) замѣчаемъ: „Относительно участія пригородовъ въ политической жизни государствъ можно сдѣлать еще одно предположеніе. Общеземскія дѣла рѣшались отдѣльно вѣчами всѣхъ городовъ (старшаго и пригородовъ): вопросъ, рѣшенный въ одномъ городѣ, тотчасъ же рѣшается въ другомъ, въ третьемъ и т. д. Любопытно знать, что же воспослѣдуетъ, если вѣча всѣхъ городовъ дадутъ противорѣчивыя постановленія? Разумѣется, вопросъ можно рѣшить войной между ними, но это будутъ уже отдѣльныя государства, а не части одного государства". Затѣмъ (имѣя въ виду все тѣ же мысли проф. Сергѣевича) мы приводимъ примѣръ (Кіевской Земли 1146 года), когда пригороды, не согласные съ рѣшеніемъ старшаго города, тѣмъ не менѣе „молчали и повиновались", а не воевали съ нимъ. Итакъ, мы рѣшительно и ясно высказались противъ мысли о рѣшеніи политическихъ вопросовъ войною между городами одной и той же земли, говоря, что иначе провинціи одного государства были бы уже государствами.

Никакъ не могли мы ожидать, что кто-нибудь *припишетъ намъ самимъ эту мысль* и станетъ доказывать намъ ея невѣрность. Къ удивленію, это именно и случилось: проф. Дьяконовъ, хотя и приводитъ наши *подлинныя слова*, но, не докончивъ ихъ, говоритъ: „авторъ Обзора не всегда остается вѣренъ своей точкѣ зрѣнія и расширяетъ иной разъ понятіе о древнемъ государствѣ даже за предѣлы оспариваемаго имъ мнѣнія... *Полагаемъ, что авторъ не правъ* (конечно, мы какъ разъ опровергаемъ эту самую мысль въ этомъ самомъ мѣстѣ)... Возникаетъ борьба партій вѣчевыхъ, нерѣдко переходящая въ войну (?). Неужели и здѣсь въ предѣлахъ одного города, авторъ признаетъ два государства", и т. д. (Ж. М. Ю. 1900 г. III, стр. 299) доказыется противъ насъ наша собственная мысль. Проф. Дьяконову стоило только прочитать одну предыдущую (56) и одну послѣдующую (60) страницу нашей книги; но онъ могъ бы легко избѣжать столь странной ошибки даже и безъ этого, а только дочитавъ до конца то примѣчаніе, которое онъ цитируетъ. Habent sua fata libella.

3.

О законныхъ и незаконныхъ вѣчевыхъ собраніяхъ.

Изъ многочисленныхъ нашихъ разногласій съ проф. Сергѣевичемъ проф. Дьяконовъ соглашается съ нами въ одномъ лишь предметѣ (взглядѣ на боярскую думу, какъ учрежденіе); мы разногласимъ съ В. И. Сергѣевичемъ и по вопросу о вѣчѣ и притомъ въ пунктахъ весьма немаловажныхъ, какъ, напр., въ самомъ понятіи о вѣчѣ: было ли оно собраніемъ гражданъ старшаго города или жителей всей волости? всякое ли собраніе, наименованное въ лѣтописяхъ вѣчемъ, есть та политическая власть,

о которой говорятъ тѣ же лѣтописи (и мы за ними)? были ли періодическія (срочныя) собранія для рѣшенія текущихъ дѣлъ? Проф. Дьяконовъ обходитъ молчаніемъ всѣ эти предметы разногласій: полагать надо, что онъ молча соглашается съ проф. Сергѣевичемъ, не взвѣшивая вовсе нашихъ аргументовъ. Онъ выбралъ для своей оцѣнки лишь одинъ предметъ разногласій, и выборъ его нельзя назвать весьма удачнымъ, именно: на стр. 56—57 прежняго (т. е. 3-го изд.) мы устанавливаемъ (въ примѣчаніи) истинное значеніе „вѣча", какъ власти политической, отличая его отъ другихъ понятій, которыя иногда выражаются тѣмъ же терминомъ, и заключаемъ такъ: „Этими замѣчаніями о словѣ „вѣче" *отнюдь не предрѣшается вопросъ о различіи законныхъ и незаконныхъ народныхъ собраній*. Мы полагаемъ, что наши лѣтописные факты *не даютъ намъ основаній устанавливать такое различіе*". Яснѣе выразиться трудно. Между тѣмъ проф. Дьяконовъ пишетъ слѣдующее о нашемъ взглядѣ: „Попытка разграничить нормальныя вѣчевыя собранія отъ ненормальныхъ поставила автора (т. е. меня) въ весьма трудное положеніе: ему пришлось сдѣлать такія уступки, послѣ которыхъ настаивать на томъ разграниченіи совершенно невозможно". Какъ объяснить такой оборотъ, мы не знаемъ. Гдѣ были выражены наши попытки и уступки? Итакъ, проф. Дьяконовъ выбралъ для полемики такой пунктъ нашихъ разногласій (мнимый) съ проф. Сергѣевичемъ, въ которомъ мы никогда не спорили. Что же могло подать поводъ проф. Дьяконову впасть въ такое недоразумѣніе? Вѣроятно, совершенно другая наша мысль, которой мы держались и теперь держимся, а именно: внѣшняя форма вѣчевыхъ собраній постепенно упорядочивалась; утвердился обычай собираться на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ; опредѣлился способъ созыва колоколомъ; самый колоколъ („вѣчный") былъ спеціально для того назначенъ и сдѣлался символомъ народной свободы; на мѣстахъ собранія установилась даже канцелярія вѣча и завелось письменное дѣлопроизводство; обычаемъ опредѣлилось лицо, предсѣдательствующее на вѣчѣ. Не сомнѣваемся, что все это давно извѣстно проф. Дьяконову изъ Новгородскихъ лѣтописей и др. памятниковъ. Мы лишь рѣшились предположить (и даже подтвердить), что нѣчто подобное совершалось и въ другихъ земляхъ, напр., въ Кіевѣ. Едва ли кто-либо будетъ спорить, что и въ Кіевѣ *обычно* собирались на Софійской площади и Ярославовомъ дворѣ и лишь по исключенію въ другихъ мѣстахъ. Мы пытались даже объяснить эти самыя исключенія. Почему бы народъ, привыкшій собираться у св. Софіи или у княж. терема, ни съ того ни съ сего сбѣжался на торговищѣ—на Подолѣ? Думаемъ, что произошло что-нибудь необычайное, ненормальное. И дѣйствительно, въ 1067 г. произошло нѣчто весьма ненормальное: народъ окончательно разошелся со своимъ княземъ и его боярами; князь не находитъ возможнымъ продолжать борьбу съ половцами, а народъ рвется въ битву и требуетъ оружія. Странно было бы при такихъ условіяхъ собираться чинно къ княжескому дворцу и здѣсь творить спокойно свое совѣщаніе, результатъ котораго—изгнаніе князя, творить его на глазахъ князя и его бояръ!

Народъ сбѣгается, гдѣ ему удобнѣе, гдѣ больше всего бываетъ и безъ того людей—на торгу, поближе къ собственнымъ жилищамъ и подальше отъ князя. На гору онъ ломится уже тогда, когда дѣло рѣшено. Это—несомнѣнно вѣче, но происходящее при ненормальныхъ условіяхъ и формахъ. Впослѣдствіи Кіевляне сами назвали это „зломъ“ (а мы, однако, нигдѣ не называемъ и этого вѣча незаконнымъ: какъ говорить о законности въ минуту политическихъ переворотовъ?). Мы и дѣлаемъ выводъ, что соблюденіе формъ, установленныхъ обычаемъ, есть признакъ спокойнаго, нормальнаго отправленія вѣча, и наоборотъ.—Внѣшнія формы вѣча установлены обычаемъ; въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *обычныхъ*, мы употребляемъ слово „законность“. Но, какъ бы предчувствуя возможность недоразумѣній, поспѣшили въ примѣчаніи добавить, что нарушеніе даже установленныхъ обычаемъ *формъ* само по себѣ не ведетъ къ признанію вѣча незаконнымъ (если нѣтъ существенныхъ другихъ условій для такого признанія; напр., собранія шайки ночью по домамъ и т. п.) и привели примѣры другихъ правовыхъ явленій, показывающихъ это. Но тщетно: это не гарантируетъ насъ отъ недоразумѣній—не по нашему адресу.

И.

О феодализмѣ на Руси.

Около 15 лѣтъ тому назадъ выдвинутъ г. Павловымъ-Сильванскимъ вопросъ о томъ, что мысль о существованіи на Руси феодализма, прежде признаваемая нѣкоторыми (г. Павловъ-Сильванскій говоритъ главнымъ образомъ о С. М. Соловьевѣ), впослѣдствіи подверглась незаслуженному остракизму, такъ что между серьезными учеными „не принято“ упоминать о ней. Г. Павловъ-Сильванскій мужественно отстаивалъ ее въ цѣломъ рядѣ талантливыхъ работъ. Въ главной изъ нихъ („Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси“) онъ приводитъ точную (иногда—*буквальную*) параллель между отдѣльными явленіями западнаго феодализма и русскими удѣльнаго періода, каковы: вассальная служба, ленное землевладѣніе и раздробленіе суверенной власти. Все это—пункты весьма существенные: будучи взяты въ совокупности и исключительности, они составляютъ политическій и соціальный строй государства, совершенно непримиримый съ господствующими воззрѣніями на наше удѣльное государство. Для дѣйствія феодальныхъ порядковъ отводится около 700 лѣтъ (т. е. $^2/_3$ исторической жизни Россіи)—время достаточное для проявленія столь важной и столь выпуклой черты политическаго и соціальнаго быта. Нѣтъ надобности искать ее ощупью: она должна сама ярко выступать наружу.

Какъ могло огромное большинство историковъ и историковъ-юристовъ проглядѣть ее? Надо полагать, что они сознательно отстранили ее. Почему? Неужели потому, какъ говоритъ одинъ изъ современныхъ сторонниковъ идеи феодализма (г. Тарановскій; „Феод. въ Россіи“, стр. 45), что „и славянофилы и западники въ постройкѣ историческихъ теорій прошлаго руководились *политическими соображеніями о цѣлесообразномъ устройствѣ будущаго*“. Хотя эти, блаженной памяти, двѣ школы потомъ смѣнились теченіемъ, пытавшимся примирить ихъ, но уже сложилась извѣстнаго рода условность, въ силу которой „не принято даже говорить о феодализмѣ въ Россіи“ (16—46). Обвиненіе тяжкое: историки или приносили историческую истину сознательно въ жертву политикѣ, или безсознательно подчинились чужому не голосу, а молчанію. Чей-либо могучій голосъ еще можетъ гипнотизировать, но ничье молчаніе не можетъ служить извиненіемъ для другого молчальника.

Не для обсужденія теоріи феодализма по существу ея (для чего, какъ увидимъ, еще время не настало), а въ нѣкоторое оправданіе тѣхъ, кто молчалъ о ней, мы представимъ нижеслѣдующія соображенія.

Г. Павловъ-Сильванскій нигдѣ не ставитъ вопроса, какъ относится его теорія къ установленнымъ нынѣ воззрѣніямъ на исторію русскаго государственнаго порядка. Это создаетъ ему весьма благодарную позицію не вступать въ пререканія ни въ чемъ (кромѣ подробностей и фактовъ). Въ сущности же его теорія вноситъ не дополненіе или поправку къ существующимъ воззрѣніямъ, а полный пересмотръ господствующей историко-политической догмы или, точнѣе, разрушеніе ея до глубочайшихъ основаній. Теперь достаточно намѣтить существеннѣйшія черты противоположности его теоріи господствующимъ воззрѣніямъ.

Но чтобы сдѣлать такое сличеніе, нужно предварительно условиться насчетъ понятія объ „удѣльной Руси“. Если согласиться, что эта т. н. удѣльная Русь простирается отъ IX до XVI в. (а по книгѣ г. Павлова-Сильванскаго такъ и слѣдуетъ: см. стр. 4, 5, 7, 19 и др.), то провѣрка теоріи феодализма и сличеніе ея съ господствующими ученіями становится въ высшей степени труднымъ дѣломъ. На этомъ огромномъ пространствѣ времени смѣнились весьма различные фазисы исторической жизни Россіи. Считаемъ невозможною группировку явленій въ такую громадную массу времени: Русь временъ Олега и Игоря совсѣмъ не похожа на Русь временъ Іоанна III или даже IV. Полагаемъ болѣе правильнымъ остановиться на XIII вѣкѣ (до полов. его), находя, что съ полов. XIII в. главный интересъ жизни Россіи сосредоточивается не на удѣлахъ (т. называемыхъ), а на зарождающемся единодержавіи, т. е. образованіи Литовскаго и Московскаго государствъ. Особенно не слѣдуетъ присоединять вторую половину XV-го вѣка, т. е. правленіе такого первоначальника и творца самодержавія и единодержанія, каковъ былъ Іоаннъ III. XIV и XV-й вѣка—не удѣльная Русь, а Русь Московская (и Литовская). Главныя явленія этой эпохи имѣютъ очень мало сходства съ древними вѣчевыми и земскими порядками; даже въ XIV в. единодержавіе сдѣлало значитель-

ные успѣхи, такъ что союзъ князей, основанный на *равенствѣ* членовъ, уступилъ мѣсто подчиненію, а затѣмъ подданству мелкихъ князей великимъ. Т. н. великіе князья сохраняютъ еще въ идеѣ взаимное равенство (Московскій, Тверской, Рязанскій, Суздальскій). Въ XV в. и это равенство разрушается подъ напоромъ тенденціи къ единству государства. Ко времени Іоанна III государство уже сложилось, именно государство самодержавнаго типа. Но именно къ XIV и XV вѣкамъ г. Павловъ-Сильванскій пріурочиваетъ окончательное „господство феодализма на Руси". Полагаемъ, что самодержавіе и феодализмъ—два понятія несовмѣстимыхъ. Изъ нихъ надо выбрать какое-нибудь одно.

Обращаемся къ обзору отдѣльныхъ явленій феодализма, указываемыхъ намъ въ нашей отечественной исторіи.

Относительно I-го періода (отъ пол. IX до пол. XIII в.) нынѣ установлено, что государственный строй того времени зиждется на отношеніи старшихъ городовъ къ пригородамъ, т. е. на *территоріальномъ* подчиненіи; несмотря на нѣкоторыя частичныя разнорѣчія, сущность дѣла остается у всѣхъ изслѣдователей тою же.—Въ системѣ западнаго феодализма, напротивъ, государственный порядокъ строится на *личномъ* подчиненіи, т. е. *вассалитетѣ*. Но г. Павловъ-Сильванскій находитъ, что и въ удѣльной Руси общественный и государственный порядокъ строится также на вассалитетѣ. Онъ отмѣтилъ нѣсколько частныхъ явленій, напоминающихъ вассалитетъ, именно: личную зависимость бояръ-дружинниковъ отъ князя и боярскихъ дружинъ отъ бояръ. Но обнимаетъ ли вассалитетъ весь общественный строй и замѣняетъ ли онъ начало территоріальнаго подчиненія во всемъ населеніи государства, какъ въ феодальной Европѣ? По-видимому, г. Павловъ-Сильванскій такъ и думаетъ: онъ говоритъ: „Служебный князь былъ слугою великаго князя или удѣльнаго—сеньора. Въ свою очередь онъ имѣлъ военныхъ слугъ-вассаловъ въ лицѣ бояръ и дѣтей боярскихъ. Бояринъ въ свою очередь имѣлъ своихъ слугъ—мелкихъ помѣщиковъ. Получается то же, что́ и на западѣ: феодальная лѣстница землевладѣльцевъ, связанныхъ вассальною службою" („Феод. отнош." стр. 40). Неизвѣстно, къ какому времени относится эта картина; во всякомъ случаѣ не къ 1-му періоду, когда „служебныхъ князей" еще не было, когда о „помѣщикахъ" еще не упоминается. Но къ какому бы времени она ни относилась, существуетъ большое сомнѣніе въ ея правильности. У другого сторонника теоріи феодализма, г. Тарановскаго, мы находимъ слѣд. оцѣнку выводомъ г. Павлова-Сильванскаго: „іерархія феодализма, говоритъ г. Тарановскій, имѣетъ въ высшей степени существенное значеніе. Строго говоря, на западѣ внѣ іерархіи нѣтъ феодальныхъ отношеній... Къ сожалѣнію, нашъ авторъ (т. е. г. Павловъ-Сильванскій) по вопросу объ іерархическомъ строеніи русскаго феодализма ограничивается одними лишь случайными указаніями и общимъ неаргументированнымъ замѣчаніемъ", а потому г. Тарановскій считаетъ этотъ выводъ недостаточно обоснованнымъ („Феодал. на Руси", 40—41). Мы расположены къ менѣе строгому сужденію, зная прекрасную манеру г. Павлова-Сильванскаго извлекать изъ

источниковъ все, что́ они могутъ дать для его мысли (иногда даже болѣе того); поэтому полагаемъ, что не онъ виноватъ въ скудости фактовъ, а источники, которые больше ничего не дадутъ и всякому другому изслѣдователю. Мы отмѣчаемъ только, что скудные факты, подобранные имъ съ такою тщательностію, призваны, однако, къ тому, чтобы упразднить громадное количество матеріала, дающаго противоположные выводы, т. е. выводы о территоріальномъ строѣ древне-русскаго государства на пространствѣ 400 лѣтъ (1-го періода); вѣчевой строй долженъ быть вычеркнутъ изъ русской исторіи. Тѣ же скудные факты должны побѣдить и ту массу данныхъ, которыя говорятъ о нач. самодержавія въ XIV и XV вв. Мы не знаемъ на этотъ счетъ мнѣнія г. Павлова-Сильванскаго, а потому должны ждать.

Точно такъ же онъ не говоритъ намъ, примиримо ли установленное въ господствующей исторической догмѣ *отрицаніе сословной организаціи общества* съ его идеею феодализма, за что и упрекаетъ его послѣдователь той же теоріи г. Тарановскій (стр. 30 и 34), который признаетъ начало сословности „крайне важнымъ для феодализма“ и предрекаетъ (пока преждевременно), что этотъ пунктъ господствующаго ученія („древняя Русь не знала сословій“) обреченъ на отмѣну, такъ какъ своимъ установленіемъ онъ обязанъ будто бы одному проф. Сергѣевичу, склонному „къ неподвижному догматизму“, и „грѣшитъ противъ верховнаго начала исторіи—идея движенія“, а потому „нуждается въ пересмотрѣ въ предѣлахъ т. н. удѣльнаго періода“ (стр. 13, 14). Но такой пересмотръ—дѣло будущаго; пока его нѣтъ, и г. Павловъ-Сильванскій (какъ сказано) вовсе обходитъ данный предметъ молчаніемъ. А пока еще у насъ есть на лицо факты, отрицающіе сословный строй въ 1-мъ періодѣ, именно связь боярства съ общинами и отсутствіе сословныхъ привилегій (по землевладѣлію, госуд. управленію, гражданской правоспособности и уголовному праву). Несомнѣнно, что и до появленія книги „Вѣче и Князь“ многіе говорили объ этомъ предметѣ также, а послѣ появленія ея, у многихъ въ рукахъ была не одна эта книга, но и лѣтописи.

Господствующее ученіе признаетъ, что древняя Русь не знаетъ *боярскихъ владѣній съ государств. правами;* княжескіе дружинники (это главное подобіе феодальныхъ вассаловъ) сначала вовсе не обладали земельными имуществами, а потомъ, слѣдуя за непрочною судьбою князей, перемѣщались изъ одной земли въ другую, „лишаясь своихъ селъ и имѣній“ (о томъ, какіе воспослѣдовали порядки съ осѣдлостью князей и бояръ въ XIII и XIV вв., скажемъ сейчасъ). Земскіе бояре въ В. Новгородѣ или Псковѣ, обладая большими имуществами, не были чьими-либо вассалами, подчиняясь, наравнѣ со всѣми прочими гражданами, государю Великому Новгороду или Пскову, и ихъ права въ ихъ владѣніяхъ не были государственными,

Это признаютъ и приверженцы теоріи феодализма: по выраженію г. Тарановскаго (ibid, стр. 36), „у насъ, какъ указываетъ г. Павловъ-Сильванскій; ни одинъ бояринъ-вассалъ не сталъ суверенным или полусуве-

реннымъ владѣтелемъ". Иммунитетъ, какъ бы широко онъ ни примѣнялся на Руси, дѣйствительно, не превращался въ суверенитетъ. Правда, г. Павловъ-Сильванскій вмѣсто бояръ-сувереновъ указываетъ у насъ на князей сувереновъ, т. е. такихъ, которые, сдѣлавшись служебными, не потеряли верховенства въ своихъ удѣлахъ даже въ XVI в. („Феод. отн.", 53). Но князья не *пріобрѣли* суверенныя права, а временно *сохранили* нѣкоторыя изъ нихъ; эти права не возрастали, а напротивъ сокращались съ теченіемъ времени. Пріобрѣли же они ихъ первоначально, но не какъ чьи-либо вассалы, а какъ бывшіе владѣтельные князья. Почему же *бояре* не получали хотя бы и полусуверенныхъ правъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, который даетъ г. Павловъ-Сильванскій, оказался неубѣдительнымъ для послѣдователей его теоріи; именно бояре не сдѣлались суверенными владѣтелями будто бы по причинѣ весьма случайной—вслѣдствіе быстраго размноженія рода князей Рюриковичей: „окняженье" земли, въ противоположность западу, предупредило ея „обояренье" („Феод. отн." 52, „Феод. на Руси", стр. 21 и 36). Г. Тарановскій полагаетъ, что такой отвѣтъ „ровно ничего не объясняетъ... представленное въ такомъ видѣ „окняженье" способно развѣ только подорвать научный авторитетъ полученныхъ отъ изслѣдованія выводовъ и конструкцій... Пока указанный вопросъ не выясненъ, ученію автора (т. е. г. Павлова-Сильванскаго) о феодальныхъ отношеніяхъ удѣльной Руси можно дать лишь частичное признаніе, въ смыслѣ установленія феодализаціи недвижимой собственности, и *съ исключеніемъ вопроса о феодализаціи суверенной власти*, который остается открытымъ" („Феод. въ Рос.", стр. 37). Такъ говритъ г. Тарановскій. Не беремся судить, на сколько правиленъ такой суровый приговоръ; но, повидимому, для него есть основанія. Между тѣмъ т. н. феодализація власти, или *„раздробленіе суверенной власти"*, какъ называетъ это самъ г. Павловъ-Сильванскій („Феод. отн." стр. 50), есть краеугольный камень феодализма. Онъ приводитъ опредѣленіе, данное феодализму такимъ спеціалистомъ дѣла, какъ проф. Виноградовъ: „раздробленіе власти и переходъ ея къ помѣщикамъ принято называть феодализмомъ". Мы съ своей стороны, вполнѣ присоединяемся къ этому опредѣленію, считая всѣ прочія черты феодализма менѣе существенными.

Къ такимъ менѣе существеннымъ (но важнымъ) чертамъ феодализма относится *ленное владѣніе*. По господствующимъ воззрѣніямъ, на Руси существовало вотчинное землевладѣніе, а затѣмъ помѣстное право. Г. Павловъ-Сильванскій отказался отъ параллели феодальныхъ леновъ съ Московскими помѣстьями, говоря: „помѣстная система XVI и XVII вв. была принудительнымъ *испомѣщеніемъ* служилыхъ людей, обязанныхъ службой. Помѣстье было связано съ обязательной службой государству, „жалованье" же—съ свободнымъ вассально-служебнымъ договоромъ слуги съ господиномъ" („Феод. отн.", стр. 34). Однако, свою параллель онъ начинаетъ съ указанія точнаго соотвѣтствія помѣстій съ бенефиціями (стр. 28): „помѣстье и бенефиціи одинаково обозначаютъ землю, пожалованную лицу въ пожизненное (?) владѣніе подъ условіемъ воённой (и гражданской?)

службы". Затѣмъ для наглядности сравненія онъ показываетъ, „какъ близко совпадали система помѣстной службы, установленная Іоанномъ Грознымъ, съ порядками службы бенефиціальной при Карлѣ Великомъ (стр. 28—29), Г. Тарановскій упрекаетъ г. Павлова-Сильванскаго за такое смѣлое сопоставленіе явленій IX в. съ фактами полов. XVI в. Дѣйствительно, если эпоха Грознаго у насъ совпадаетъ по характеру съ эпохою Карла В., то развитіе нашего феодализма надо относить къ XVII и XVIII вв. и т. д., а не назадъ къ IX, X и т. д. Іоаннъ Грозный есть истинный творецъ „принудительнаго испомѣщенія", что́, по схемѣ г. Павлова-Сильванскаго, совсѣмъ не относится къ системѣ феодализна. Затѣмъ дѣйствительную параллель онъ начинаетъ съ XIV вѣка (т. е. со времени первыхъ извѣстій о помѣстномъ владѣніи) съ помѣстьями, служними землями и кормленіемъ (пожалованіемъ должности, при чемъ слово „кормленіе" производится отъ „кормить"—управлять).—Оставивъ въ сторонѣ кормленіе (у насъ ни одинъ кормленщикъ не превратился въ государя; кормленія давались на весьма краткій срокъ—одинъ, два года), сосредоточимъ свое вниманіе на поземельныхъ отношеніяхъ. Имѣя преимущественно въ виду помѣстья и служнія земли, г. Павловъ-Сильванскій, съ обычною ему добросовѣстностію, не упускаетъ изъ виду вотчинъ и говоритъ: „господствующимъ типомъ боярскаго землевладѣнія было землевладѣніе вотчинное" (стр. 37), но затѣмъ доказываетъ, что это послѣднее „тождественно съ вотчинно-феодальнымъ"; вотчинный феодъ—не бенефиція; онъ „принадлежалъ лицу на *правѣ собственности*" (стр. 56 и 39). Такъ какъ это совершенно несогласно съ феодализаціею имуществъ, то г. Тарановскій, кажется, основательно замѣчаетъ, что это „утвержденіе автора невѣрно, потому что... ленное право никогда не простиралось далѣе Gewere существенно отличнаго отъ Eigen, подъ которымъ понималось собственность" (стр. 34). Если такъ, то этимъ рѣшительно подрывается теорія феодализаціи имуществъ; непонятно только, почему г. Тарановскій, несмотря на собственныя только что приведенныя слова, изо всѣхъ пунктовъ ученія феодализма считаетъ доказаннымъ именно и только этотъ (см. выше). Если вотчинное землевладѣніе у насъ было господствующимъ (слова г. Павлова-Сильванскаго), и если вотчинное землевладѣніе противорѣчитъ феодализму (мнѣніе г. Тарановскаго), если помѣстья, равныя бенефиціямъ (по словамъ г. Павлова-Сильванскаго) противоположны феодальнымъ ленамъ,—то пунктъ о феодализаціи собственности нельзя назвать доказаннымъ.

Такъ падаетъ и этотъ пунктъ, одинъ изъ основныхъ устоевъ зданія, сооруженнаго г. Павловымъ-Сильванскимъ, разрушаемый не нами, а приверженцами феодализма на Руси.

Объ остальныхъ (впрочемъ не менѣе важныхъ) пунктахъ, а именно о *феодальной военной организаціи* (т. е. отсутствіи народнаго ополченія и феодальной милиціи подъ начальствомъ сеньора) г. Павловъ-Сильванскій „пока ничего не говоритъ и (тѣмъ) оставляетъ немаловажный пробѣлъ въ картинѣ феодальныхъ отношеній удѣльной Руси" (г. Тарановскій,

стр. 35). Да и что же можно сказать о томъ, когда у насъ народное ополченіе (преобладавшее надъ дворянскими полками) дожило до XVII в., и когда дворянскіе полки выступали подъ начальствомъ не какихъ-либо мѣстныхъ сеньоровъ, а воеводъ великаго князя и царя?

Так. обр. объ однихъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ исторіи феодализма мы ничего не знаемъ, о другихъ не имѣемъ доказанныхъ выводовъ. Вся теорія является дѣломъ будущаго, а пока прочимъ изслѣдователямъ отечественной старины приходится только ждать, имѣя передъ собою громадное количество историческихъ фактовъ, не согласныхъ съ этою теоріею, или по крайней мѣрѣ еще не примиренныхъ съ нею. Мы вовсе не расположены заранѣе предсказывать такую или иную судьбу какой-либо идеи; надо выжидать, когда она осуществится [1]). Подобранные же теперь отдѣльные факты обозначаютъ пока не феодализмъ, знакомый намъ по исторіи средневѣковой зап. Европы, а то всемірно-историческое явленіе смѣшенія госуд. и частныхъ началъ права, которое наблюдается и въ до-реформенной Японіи, и въ средне-азіатскихъ тарханахъ, и въ древне-римскомъ кліентствѣ, и въ византійскихъ помѣстьяхъ.

I.

О федеративномъ началѣ на Руси.

Проф. Дьяконовъ спрашиваетъ: „что же такое союзъ князей? Дѣйствительный фактъ, или актъ идеальнаго сознанія? Если онъ весьма часто нарушается практикой, то значитъ онъ существовалъ не въ дѣйствительности, а лишь въ сознаніи современниковъ“, и затѣмъ заключаетъ: „это общественный идеалъ, фактъ изъ исторіи общественнаго сознанія, а не изъ исторіи учрежденій“ (1 с. стр. 295—296). Прежде насчетъ признака бытія учрежденій: если что-либо часто нарушается, то тутъ нѣтъ будто бы нормы. Въ наши времена каждодневно и даже ежечасно нарушаются нормы уголовнаго права (ворами, разбойниками и даже порядочными людьми изъ-за мести, самоуправства и проч.); отсюда нельзя заключать, что у

[1]) Въ изданіи 1909 г. нашейкниги мы не могли остановиться на его новой работѣ по исторіи феодализма на Руси съ тою внимательностію, какой она заслуживаетъ. Мы разумѣемъ его этюдъ, помѣщенный въ сборникѣ „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка“. Спб. 1907 г. Здѣсь, наконецъ, дана опредѣленная схема основныхъ явленій исторіи Россіи (періодовъ ея) и въ ней указано точное мѣсто для господства феодализма, именно отъ XIII до полов. XVI в.,—цѣлыхъ $3^1/_2$ вѣка временн, почти совпадающаго съ эпохою господства феодализма въ Зап. Европѣ. Тогда уже признаки феодализма, относящіеся къ 1-му періоду (IX—XII в.) и къ Московскому государству (XVI и XVII вв.) сами собою отпадаютъ, а съ ними вмѣстѣ и наши замѣчанія по поводу ихъ, высказанныя на предыдущихъ страницахъ нашей книги. Теперь можно бы сосредоточить все свое вниманіе на одномъ, вновь указанномъ, періодѣ и сдѣлать болѣе опредѣленные выводы. Но, къ величайшему прискорбію, неожиданная и преждевременная смерть талантливаго писателя прекращаетъ всякіе полемическіе споры.

насъ не существуетъ нормъ уголовнаго права. Такъ, при законѣ; не меньше того подлежатъ возможности нарушенія нормы обычнаго права; тѣмъ не менѣе онѣ существуютъ. Итакъ, отъ нарушенія нормы никакъ нельзя заключать къ небытію ея. Отвергнувъ этотъ *отрицательный* признакъ, мы должны лишь имѣть достаточныя *положительныя* основанія для признанія бытія нормы. Есть ли таковыя у насъ въ данномъ случаѣ? Текстъ нашей книги содержитъ въ себѣ немало указаній для полной достовѣрности этой мысли. Теперь принуждены мы кое-что добавить не къ фактамъ, а къ разъясненію ихъ. Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что договоры (въ томъ числѣ междукняжескіе; см. Лекціи и изслѣдованія изд. 1903 года, стр. 35—36) *создаютъ* право; мы полагаемъ, что договоры *выражаютъ* право (но могутъ и не выражать, а нарушать его сообразно съ другими источниками распознаванія права; но теперь не объ этомъ рѣчь). Согласимся на время съ проф. Сергѣевичемъ (что́ для проф. Дьяконова вовсе не трудно). Предъ нами фактъ (1177 г.), по которому князья состоятъ въ договорѣ между собою относительно слѣд. предмета: „договоръ нашъ таковъ: если князь провинится (совершитъ преступленіе), то наказывается лишеніемъ власти, а бояринъ—смертію". Мы не знаемъ, когда, какіе князья заключили такой договоръ; но знаемъ, что такой порядокъ установленъ не въ 1177 г. и не двумя тогдашними князьями—Кіевскимъ и Черниговскимъ; мы знаемъ, что именно такой порядокъ соблюдался въ 1097—1100 гг., когда князья наказывали князя Давида Волынскаго. По теоріи проф. Сергѣевича, здѣсь договоръ создалъ новое право (по нашему мнѣнію, здѣсь выразилась норма, установленная обычнымъ правомъ). Во всякомъ случаѣ это—норма. Въ чемъ же она состоитъ? Всѣ князья признаютъ, что обладаютъ правомъ наказанія надъ кѣмъ-либо изъ князей, совершившимъ преступленіе, и надъ его боярами. Какія же это преступленія князей и бояръ могли подлежать суду прочихъ князей? Ни въ какомъ случаѣ не преступленія противъ права, господствующаго въ той землѣ, гдѣ преступный князь правитъ: тамъ судитъ его вѣче и смѣщаетъ. Еще менѣе бояре его могли подлежать наказанію со стороны какихъ-то чужихъ князей, когда надъ ними есть власть своего князя и народнаго вѣча. Да и нѣтъ надобности дѣлать какія-либо предположенія и догадки, когда приведенные факты ясно указываютъ, что дѣло идетъ о междукняжескихъ отношеніяхъ. Итакъ, въ этой сферѣ существуетъ *норма (учрежденіе)*, установленная договоромъ (по Сергѣевичу), или обычнымъ правомъ (по нашему рѣшительному мнѣнію), которая охраняется судомъ и санкціонируется *наказаніемъ;* здѣсь есть *власть*, производящая этотъ судъ и наказаніе, именно комплексъ (соборъ) прочихъ князей. Sapienti sat.

Остается сказать, какъ мирится существованіе подобнаго учрежденія съ раздѣльностію земель въ государственномъ отношеніи. Если даже въ настоящее время, при сравнительной точности понятій государств. права, возможно существованіе союзныхъ государствъ и государствъ-союзовъ (Bundes—Staat и Staaten—Bund), если теперь возможно существованіе нѣсколькихъ королевствъ въ одной имперіи и нѣсколькихъ государствъ

(штатовъ) въ одномъ союзѣ,—то нечего говорить о временахъ, когда еще только вырабатывалась идея государства въ нашемъ смыслѣ слова, когда переходные оттѣнки между государственнымъ и международнымъ правомъ были многочисленны и разнообразны. Въ нашей исторической литературѣ давно заявлена мысль о федеративномъ началѣ древней Россіи (Н. И. Костомаровымъ). Историки права совсѣмъ умалчиваютъ объ этой идеѣ, вѣроятно, потому, что находятъ ее несостоятельною. И мы находимъ ее нетостоятельною въ смыслѣ обозначенія *основной и главной* формы древнерусскаго государственнаго устройства; сверхъ того, у Н. И. Костомарова она и аргументирована шатко, безъ указанія юридическихъ основъ ея. Еще менѣе годится такая теорія, какъ идеалъ русскаго государства на всѣ его времена (мысль, которую нѣкогда приписывали Н. И. Костомарову).—Но мы не только не въ правѣ замалчивать эту идею, но можемъ и должны дать ей отдѣльное мѣсто въ ряду пережитыхъ формъ русскаго государственнаго порядка —Это переходная и временная форма, стоящая между государственною раздѣльностію русскихъ земель и наступившимъ за нею единодержавіемъ въ двухъ русскихъ государствахъ, наконецъ—въ одномъ (имперіи). Намъ казалось, что такая схема эволюціи формъ государства въ нашей книгѣ представлена довольно ясно и сознательно, а не по методологической ошибкѣ, т. е. обмолвкѣ. Судя по замѣчаніямъ проф. Дьяконова, намъ слѣдовало и здѣсь дважды подчеркнуть мысль о переходной формѣ отъ раздѣльности земель къ единодержавію и даже создать особую рубрику для нея (въ XII—XIII вв.). Но, увы, другой нашъ сотоварищъ по наукѣ упрекаетъ насъ въ излишнемъ яко бы множествѣ рубрикъ. Трудное положеніе!

Указанную переходную форму мы считаемъ временною и нетвердою. Идеальное представленіе людей XII и XIII вв. о единствѣ національнаго государства далеко не удовлетворялось такими суррогатами единства, каковъ былъ союзъ князей. Между тѣмъ проф. Дьяконовъ полагаетъ, будто мы къ этому союзу и относимъ идеальныя стремленія тоговременныхъ передовыхъ людей (напр., пѣвца Слова о полку Игоревѣ) [1]).

---

[1]) Проф. Дьяконовъ, не опровергнувъ приведенной выше аргументаціи, снова повторяетъ безъ измѣненій свое прежнее утвержденіе („Что такое союзъ князей и его органъ—княжескіе съѣзды? Дѣйствительные это факты (?), или акты идеальнаго сознанія?“ („Очерки общественнаго и государственнаго строя“. Т. I 1907 г., стр. 152 и сл.). Смѣемъ увѣрить, что съѣзды—это дѣйствительные факты и не выдуманы нами. Что на съѣзды собирались не всѣ князья, это истина такая же, какъ и то, что можетъ быть ни одно засѣданіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта не заключало въ себѣ всѣхъ членовъ этихъ учрежденій—безъ исключенія, а часто даже меньшинство ихъ. Но изъ этого еще никто не сдѣлаетъ вывода, что Государственная Дума „существуетъ лишь въ сознаніи современниковъ, а не въ дѣйствительной жизни“. Замѣтимъ мимоходомъ, что присутствіе обычнаго права констатируется, кромѣ фактическаго повторенія, и принципіальными признаніями нормы (Сборники обычнаго права). Проф. Дьяконовъ утверждаетъ, что Олегъ (Черниговскій) былъ наказанъ союзною экзе-

К.

а) Обычное право и „дифференцированіе индивидуальности".

Къ изложенной въ текстѣ схемѣ образованія обычнаго права нѣкоторые, признавая ее въ общемъ правильною, желали бы добавить еще одно положеніе, а именно: „индивидуальность еще не дифференцировались, психическая организація всей массы населенія почти одинакова" (Л. Рудневъ: „О дух. завѣщ.", стр. 30). Необходимость такой прибавки аргументируется тѣмъ, что, „какъ бы ни были однообразны причины и способъ ихъ дѣйствія въ приложеніи къ разнородному матеріалу, разнымъ *психическимъ организаціямъ*, онѣ могутъ не дать сходныхъ результатовъ, и общая для всѣхъ сознаній норма обычнаго права не будетъ создана". Мы считали и считаемъ эту добавку излишнею, ибо единство психическихъ (и физическихъ) законовъ природы человѣка не теряется ни при какомъ дальнѣйшемъ дифференцированіи личностей, группъ населенія и націй; главныя, основныя нормы остаются одинаковыми во всемъ родѣ человѣческомъ; по націямъ и частямъ ихъ (но не по *лицамъ*) видоизмѣняются лишь частности (въ зависимости отъ мѣстныхъ и экономическихъ условій), безъ разрушенія единства національнаго права (см. выше дополи. А.). Все это мы предполагали достаточно извѣстнымъ, между тѣмъ проф. Дьяконовъ упрекаетъ насъ въ „намѣренной" уклончивости отъ отвѣта.

б) Обычное право и договоры.

Проф. Сергѣевичъ признаетъ договорныя сдѣлки не однимъ изъ способовъ выраженія обычнаго права, но особымъ источникомъ, творящимъ новое право. Теперь договоры „опредѣляютъ отношенія сторонъ на основаніи существующаго уже права. Новаго права они не созидаютъ. Въ древнее время роль договоровъ была гораздо шире: они не примѣняли только извѣстное уже право, а установляли его вновь". Это стоитъ въ тѣсной связи съ автономическою теоріею происхожденія права: „Обычай... идетъ отъ дѣйствій автономной воли частнаго человѣка. Та же автономная воля во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не опредѣлены еще обычаемъ,

куціею князей—не за отказъ отъ участія въ съѣздѣ и тутъ же приводитъ мѣсто. изъ лѣтописи: *„да се ты не на поганыя идеши, ни на совѣтъ къ нимъ"*. Давидъ Волынскій наказанъ, по словамъ проф. Дьяконова, только въ силу принятаго князьями обязательства на „Любечскомъ съѣздѣ". Именно мы и утверждаемъ, что *съѣзды давали обязательныя постановленія для князей*. На наши довольно ясныя слова: „ни союзъ князей ни временные съѣзды ихъ, не образовали, однако, изъ всей Руси одного цѣльнаго государства", нѣ обращается никакого вниманія. При такомъ голословномъ постоянномъ *повтореніи* положеній; уже оспоренныхъ и опровергнутыхъ, никакая плодтворная полемика невозможна.

или относительно которыхъ онъ не ясенъ или споренъ, наконецъ, *онъ ей не нравится*, и она *желаетъ* отступить отъ него,—опредѣляетъ свои отношенія соглашеніемъ, и этимъ путемъ творитъ новое право... Даже отдѣльныя лица, опредѣляя свои частныя отношенія путемъ договоровъ, творили для себя новое право, неизвѣстное обычаямъ и уставамъ" (Рус. Юр. Др., изд. 1903, стр. 34—35). О международныхъ договорахъ (т. е. о томъ, что они не создаютъ нормъ для внутренняго, отечественнаго, права) было сказано въ текстѣ. Что касается договоровъ, какъ источниковъ (внутренняго) права государственнаго (договоровъ между князьями, или землями русскими, и „рядовъ" князя съ народомъ своей земли), то о первыхъ сказано уже, что они установляются не произволомъ сторонъ, а на основаніи обычнаго права; договоры, нарушающіе это право, признаются ничтожными; о рядѣ князя съ народомъ сказано въ отдѣлѣ о верховной власти въ землѣ, что отношенія князя къ вѣчу установляются не частными условіями каждый разъ, а опираются на извѣстные устои государст. строя: „*Изначала* Новгородцы и вся власти на вѣча сходятся". Разумѣется, фактическія частности, безразличныя для права, установляются произвольно, напр. смѣна тіуновъ Ратши и Тудора въ Кіевѣ въ 1147 г. и т. п. Что же касается договоровъ между частными лицами, то само собою разумѣется, что только тѣ изъ нихъ правомѣрны, которые возникли на основаніи права; прочіе или ничтожны, или даже преступны. Господину нравится продать своего закупа въ рабство другому; состоялась сдѣлка купли-продажи, но такая сдѣлка не только ведетъ къ уничтоженію ея гражданскихъ послѣдствій, но и къ высокому уголовному штрафу въ 12 гривенъ. Одному понравилось купить завѣдомо чужого холопа; но за то „кунъ ему лишену быти". Нѣкто поймалъ вора съ поличнымъ и вошелъ съ нимъ въ соглашеніе—взять съ него деньги и отпустить на всѣ четыре стороны; кажется, сдѣлка правильная; однако, нѣтъ, это—„самосудъ", подлежащій наказанію.—Часть этихъ примѣровъ взята изъ Русской Правды, которая въ главной основѣ своей есть сборникъ обычнаго права; другая часть изъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, относящихся къ эпохѣ обычнаго права. Вообще договоры должны быть изъяты изъ числа источниковъ права, каковыми весьма резонно признаются лишь обычай и законъ.

Л.

Добавочныя замѣчанія о прикрѣпленіи крестьянъ.

1. Объ основаніяхъ прикрѣпленія.

Въ текстѣ нашей книги изложена краткая исторія литературы о прикрѣпленіи; тамъ указано, что

а) старѣйшее и нѣкогда господствовавшее мнѣніе признаетъ единственнымъ основаніемъ прикрѣпленія волю законодателя (именно царя

Ѳеодора Іоанновича, т. е., точнѣе правившаго тогда государствомъ Бориса Годунова, и именно въ 1592 г.). Этого мнѣнія держались столь авторитетные историки, какъ Н. М. Карамзинъ, С. М. Соловьевъ, Н. И. Костомаровъ, И. Д. Бѣляевъ. Въ новѣйшія времена того же взгляда держится В. И. Сергѣевичъ (съ нѣкоторою незначительною поправкою даты).

б) Въ первый разъ правильность этого мнѣнія заподозрѣна М. П. Погодинымъ въ статьѣ его, появившейся въ 1858 году: „Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права"? Въ ней лишь отрицается прежній взглядъ, но недостаточно рѣшается вопросъ о другихъ основаніяхъ для прикрѣпленія. Въ 1884 г. проф. Энгельманъ примкнулъ къ воззрѣнію Погодина и присоединилъ къ нему нѣсколько новыхъ вѣскихъ соображеній. Въ 1885 г. появилось изслѣдованіе проф. Ключевскаго о томъ же предметѣ, въ которомъ онъ также, отвергая законодательное прикрѣпленіе въ концѣ XVI в., утверждаетъ, что прикрѣпленіе образовалось постепенно и раньше вслѣдствіе бытовыхъ (экономическихъ) условій жизни крестьянъ, или, какъ онъ самъ выражается, „изъ кабальнаго права, посредствомъ приложенія служилой кабалы къ издѣльному крестьянству", или „изъ принципа долгового холопства". Фактическая сторона изслѣдованія г. Ключевскаго очень любопытна, но юридическая конструкція его положеній (смѣшеніе прикрѣпленія съ служилой кабалой и выводъ этой послѣдней изъ долговыхъ сдѣлокъ) не состоятельна. Къ мнѣнію проф. Ключевскаго примкнулъ и г. Лаппо-Данилевскій, который, разбирая книгу проф. Дьяконова, упрекаетъ этого послѣдняго, что онъ „довольно случайно въ числѣ основныхъ причинъ, вызвавшихъ крестьянскую старину..., указываетъ на задолженность крестьянъ, сопряженную съ личной зависимостью должника отъ кредитора, и слѣд. намекаетъ на то (мы увидимъ ниже, что не *намекаетъ*, а прямо выражаетъ), что самая старина, по скольку она зависѣла отъ задолженности кр—нъ, не имѣла самостоятельнаго значенія въ процессѣ прикрѣпленія" (стр. 59). Самъ г. Лаппо-Данилевскій, вопреки г. Дьяконову, на первый планъ ставитъ задолженность, а старину (давность) считаетъ „производнымъ факторомъ.

в) Въ первомъ изданіи своего „Обзора ист. рус. права", вышедшемъ въ 1886 г., я имѣлъ передъ собою два упомянутыхъ воззрѣнія на предметъ. Остановивъ свое вниманіе на томъ, что въ многочисленныхъ случаяхъ бытового прикрѣпленія до Бориса Годунова рѣчь идетъ о „старинныхъ крестьянахъ", или старожильцахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь скрывается ключъ къ разгадкѣ. Въ то время я занимался вопросомъ о крестьянахъ западной Россіи, гдѣ какъ извѣстно, никогда не было издано закона объ общемъ прикрѣпленіи, между тѣмъ въ XVI вѣкѣ оно стало повсемѣстнымъ; законъ (статутъ) опредѣлилъ, что крестьянинъ, просидѣвшій на землѣ одного владѣльца 10 лѣтъ, теряетъ право выхода. Новаго въ этомъ законѣ было только назначеніе 10-лѣтняго срока давности. Сама же по себѣ давность существовала много раньше: „отчичи — наслѣдственные владѣльцы крестьянскихъ участковъ—издавна не пользовались правомъ перехода. Законъ лишь обобщилъ практику, не вводя

ничего новаго; уставъ о волокахъ, т. е. объ описаніи и измѣреніи земель полов. XVI в., вполнѣ соотвѣтствующій московскимъ писцовымъ книгамъ, разсматриваетъ кр—на, сѣвшаго на волоку, какъ на вѣчнаго колона, не имѣющаго права уйти, развѣ найдется охотникъ сѣсть на его мѣсто; но волочная система должна была обнять всю территорію государства, слѣд., такихъ охотниковъ не откуда было и взять. Такіе факты (которые для сѣверной Россіи нельзя даже назвать аналогическими, такъ какъ они относятся къ такому же русскому народу и одинаковому быту въ экономическомъ, культурномъ и прочихъ отношеніяхъ), а равно и свидѣтельства туземныхъ московскихъ памятниковъ (о давнемъ бытовомъ прикрѣпленіи) расположили насъ притти къ такому выводу въ первомъ изданіи нашей книги (стр. 115): „Крестьянинъ, фактически не могшій воспользоваться правомъ перехода долгое время, становился изстариннымъ и терялъ это право навсегда". Почему онъ не могъ воспользоваться правомъ перехода, это (въ приблизительныхъ чертахъ) было тогда же указано нами на стр. 111—115 нашего курса (1-го изд.). Но эти указанія имѣютъ, такъ сказать, обстаноночный характеръ: крестьянинъ могъ засидѣться и по другимъ причинамъ. Онъ могъ быть не только состоятельнымъ, но даже богатымъ (какъ тотъ, котораго митрополитъ пожаловалъ цѣлою деревнею), но во всякомъ случаѣ онъ „изстаринный". Юридическое основаніе прикрѣпленія есть только *давность*.

г) 12 лѣтъ спустя послѣ выхода 1-го изданія нашей книги, появилось спеціальное изслѣдованів проф. Дьяконова: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в.", 1898; эта книга была предварена его же брошюрою: „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія"—1895 г. Новому автору предстоялъ выборъ между тремя вышеизложенными мнѣніями, ибо трудно было допустить, чтобы явилась возможность четвертаго самостоятельнаго. Дѣйствительно, казалось, что онъ остановился также на мысли о давности, какъ основаніи прикрѣпленія, отвергнувъ мысль о единовременномъ законодательномъ прикрѣпленіи; въ главной первой части своей книги онъ трактуетъ о *старожильствѣ*, какъ причинѣ прикрѣпленія, и свой собственный общій выводъ формируетъ почти буквально сходно съ нашимъ, а именно: „крестьяне, лишенные возможности (вслѣдствіе задолженности) воспользоваться правомъ перехода, стали разсматриваться, какъ *утратившіе это право въ силу давности,* или старины" („Очерки", стр. 95). Сличая это положеніе съ нашимъ, только что приведеннымъ, находимъ разницу только въ упоминаніи о задолженности, остальное—сходно. При этомъ проф. Дьяконовъ говоритъ однако, будто я не рѣшился предложить какого-либо опредѣленнаго отвѣта относительно причинъ и условій старожильства (стр. 73). Хотя въ нашей книгѣ и содержалось, какъ упомянуто, приблизительное, довольно подробное изложеніе экономическихъ условій, но, дѣйствительно, отъ опредѣленія всѣхъ условій возникновенія давности мы и теперь отказываемся, ибо внутреннее творчество обычныхъ нормъ всегда скрыто отъ глазъ историка. Хотя *сроки* давности (до установленія ихъ

въ законѣ) могли быть очень разнообразны, но у проф. Дьяконова (стр. 48 „Очерк.“) отмѣчено: „Еще въ XV в. перезванные крестьяне *послѣ 10-лѣтняго жительства* приравниваются старожиламъ“. Мы не доводили рѣчи до такой точности. Итакъ, казалось, что мы вполнѣ согласны съ проф. Дьяконовымъ: прикрѣпленіе является результатомъ давности, а давность (между прочимъ) является послѣдствіемъ экономическихъ причинъ.—Но въ книгѣ проф. Дьяконова содержится нѣчто и совсѣмъ другое: онъ не согласенъ принять простое понятіе о давности. По его мнѣнію, изъ одной только давности прикрѣпленія произойти не могло. Въ видѣ возраженія намъ, онъ (на стр. 22—23 Очерковъ) говоритъ: „Самъ по себѣ принципъ давности не могъ бы найти примѣненія *въ договорѣ аренды*, если бы этому не содѣйствовали обстоятельства побочныя, въ родѣ, напр., хозяйственной зависимости (?), задолженности срочнаго арендатора собственнику земли“. Надо помнить, что въ сдѣлкѣ между владѣльцемъ и кр—номъ не владѣлецъ беретъ крестьянина въ аренду, а кр—нъ землю. Арендаторъ, конечно, не можетъ сдѣлаться собственникомъ по давности; но землевладѣлецъ не есть арендаторъ.—Казалось бы, что изслѣдователь, остановившійся на признаніи давности, какъ основѣ прикрѣпленія, уже не можетъ въ то же время перейти къ признанію другого основанія, противоположнаго ему. Если крестьянинъ попадаетъ въ крѣпость потому, что не можетъ заплатить владѣльцу долга, то, конечно, онъ можетъ попасть въ кабалу и черезъ годъ и менѣе того, т. е. отнюдь не будучи старожильцемъ; а главное онъ потеряетъ право перехода въ силу долговой кабалы, а не давности. Наоборотъ, крестьянинъ, просидѣвшій множество лѣтъ на одномъ мѣстѣ и не задолжавшій, будетъ старожильцемъ; онъ (согласно съ первою половиною мнѣнія проф. Дьяконова) станетъ прикрѣпленнымъ. Надо выбирать что-нибудь одно. Поэтому мы не можемъ признать удачнымъ соединеніе нашей мысли о давности съ мнѣніеиъ проф. Ключевскаго о „холопствѣ долговомъ“.

Справедливость требуетъ сказать, что въ послѣднее время мысль проф. Дьяконова становится опредѣленнѣе, склоняясь къ признанію давности за единственную (правовую) основу прикрѣпленія и вмѣстѣ къ признанію того, что эта давность могла возникнуть не изъ одной задолженности; въ статьѣ „Заповѣдныя лѣта и старина“ (помѣщеніемъ которой онъ почтилъ насъ въ „Сборникѣ статей по исторіи права“ 1904 г., посвященномъ намъ) онъ проводитъ параллель исторіи закрѣпощенія нашихъ крестьянъ и закрѣпощенія колоновъ по Фюстенъ-Куланжу, Эсмену, Шультену, Бодуэну и др. Бодуэнъ, между прочимъ, указывая причины, почему колонъ, будучи свободнымъ, заживался на землѣ владѣльца и допускалъ образованіе давности во вредъ себѣ, говоритъ: „по закону (droit), конечно, колоны имѣли право бросить эту землю, но въ дѣйствительности его удерживали всякаго рода обстоятельства: привычка жить именно здѣсь, естественная привязанность земледѣльца къ землѣ, бѣдность“ и т. д. Приведя такія выдержки, проф. Дьяконовъ заключаетъ: „Итакъ, въ западномъ средневѣковомъ правѣ и давность и задолженность играютъ замѣтную

роль въ исторіи прикрѣпленія сельскаго населенія. Въ литературѣ соотношеніе между этими явленіями не вполнѣ установлено. По крайней мѣрѣ въ числѣ условій для примѣненія давности *къ договору аренды (? см. выше)*, на ряду съ задолженностію, *указываются и другіе моменты, какъ привычка къ мѣсту поселенія, злоупотребленія землевладѣльцевъ*" и т. д. (стр. 120). Мы считаемъ большимъ несовершенствомъ нашей историко-юридической литературы, что она должна искать поучительныхъ выводовъ въ другихъ литературахъ, относящихся къ странамъ, весьма отдаленнымъ и несхожимъ съ нашею, тогда какъ подъ руками у нашихъ ученыхъ огромная масса богатыхъ параллелей въ русской странѣ, жившей въ условіяхъ, совершенно одинаковыхъ. Кіевъ, Полоцкъ, Витебскъ, Могилевъ, Минскъ не за горами, и памятники исторіи этихъ странъ изданы въ большомъ числѣ на русскомъ языкѣ. Изъ нихъ видно ясно, что *русскіе крестьяне,* владѣвшіе наслѣдственно землею со временъ Витовта, а можетъ быть и раньше—со временъ дотатарскихъ, зажиточные и не бродяги, когда ихъ село или волость пожалованы въ частное владѣніе какому-нибудь дворянину или монастырю, продолжали жить на собственныхъ (какъ они думали) земляхъ, ни у кого не брали подмоги и ссуды, никому не должали, а въ силу засѣдѣлости становились прикрѣпленными. Элементы же легковѣсные, бродяги бездомные, пользуются правомъ перехода.

2. Объ отношеніи Уложенія ц. А. М. къ прикрѣпленію крестьянъ вообще.

Высказанная въ текстѣ мысль объ Уложеніи, какъ дѣйствительномъ общемъ законѣ о прикрѣпленіи крестьянъ, встрѣтила возраженіе со стороны одного историка русскаго права. Проф. Дьяконовъ („Очерки ист. сельск. сост.", стр. 57) говоритъ, что, хотя ссылка на XI, 3 Улож. „обыкновенно выставляется въ подтвержденіе окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ по Уложенію, но выводъ *оказывается неправильнымъ*". Значитъ ли это, что Уложеніе само о себѣ говоритъ неправду, что до тѣхъ поръ „государевы заповѣди не было, чтобы никому за себя кр—нъ не пріимати", т. е. что уже до Улож. произошло *окончательное* прикрѣпленіе? или строгій, ясный законъ Уложен. *не установилъ окончательнаго прикрѣпленія?* Эти двѣ мысли, хотя очень несходныя, но обѣ принадлежатъ проф. Дьяконову, какъ увидимъ ниже. Первая утверждается тѣмъ соображеніемъ, что и въ 1-й полов. XVII в. случались взысканія за бѣглыхъ крестьянъ и пени за держаніе бѣглыхъ. Но всѣ предыдущія страницы книги проф. Дьяконова посвящены доказательству той истины, что и до Улож. было немало прикрѣпленныхъ кр—нъ; за нихъ, если они бѣжали и подлежали возвращенію по закону, т. е. до истеченія давности конечно, платились пеня и провладѣніе.

Въ частности, а) *по вопросу о прикрѣпленіи Уложеніемъ подчиненныхъ членовъ семьи*, проф. Дьяконовъ говоритъ, что, по общепринятому мнѣнію, мысль о прикрѣпленіи членовъ крестьянской семьи впервые

высказана въ писцовомъ наказѣ 1646 и проведена въ жизнь Уложеніемъ. *Однако, на практикѣ задолго до Уложенія дѣти крестьянъ и бобылей считаются старинными*" („Очерки изъ ист. сельск населенія" стр. 40). Но акты, которые приводитъ проф. Дьяконовъ, говорятъ нѣчто другое, а именно: изъ нихъ оказывается, что жены и дѣти крестьянъ, именуя себя старинными, заключаютъ новыя условія и дѣлаются крѣпкими не въ силу своего „старинства", а въ силу этихъ условій (стр. 40—41). Въ одномъ случаѣ (1623 г.) одинъ „старинный" кр—нъ выдается владѣльцу въ крѣпость потому, что онъ, покинувъ въ Троецкой вотчинѣ отцовскій дворъ и жеребей", жилъ, переходя въ Шуѣ, Гороховцѣ и Ярославлѣ (стр. 42). Но онъ покинулъ *отцовскій дворъ*, а не отца, т. е. ушелъ, когда по смерти отца самъ сдѣлался главою дома. Таковы же и другіе факты, кромѣ одного акта 1639 г. о крестьянскомъ „сынѣ" Гавр. Афанасьевѣ, который „по прежнему отца его бобыльству" отданъ Снетогорскому монастырю. Но это исключеніе кажущееся: во время своихъ похожденій Гаврило самъ пришелъ къ прежнему владѣльцу и „ему билъ челомъ"; но затѣмъ *сбѣжалъ*. Так. обр. выраженіе „по прежнему отца его бобыльству" оказывается лишь фразою. Впрочемъ авторъ самъ замѣчаетъ, что „было бы рисковано утверждать, что эта практика (прикрѣпленіе дѣтей до Улож.) не знала отступленій, или даже, *что она была господствующей*" (стр. 43). Если такъ, то нельзя было сказать того, что сказано на стр. 40 книги того же автора.

Совершенно справедливо, что законы Уложенія не выдуманы составителями его изъ своей головы, но приготовлялись предшествующею практикою, какъ и всѣ узаконенія древней Руси. Съ этимъ никто не споритъ. Такъ, напр., мысль о томъ, что слѣдуетъ прикрѣпить безъ урочныхъ лѣтъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ крестьянъ, ясно выражается въ писцовомъ наказѣ за три года до изданія Уложенія. Важно, что законъ окончательно закрѣпилъ и опредѣлилъ извѣстную норму. Почтенный ученый знаетъ и утверждаетъ, что послѣ Улож. крѣпостными, или, или какъ онъ выражается, „старинными" кр—ми, „становились *не только записанные въ писцовыя книги, но и рожденные въ крестьянствѣ* (стр. 46).— Сдѣлаемъ общее замѣчаніе объ *изъятіяхъ* изъ нормъ. Изъятія бываютъ всегда, но они предполагаютъ норму. Какъ нѣтъ правила безъ исключеній, такъ невозможны одни исключенія безъ правила. Жизнь безъ нормъ немыслима. Если мы ограничимся тѣмъ, что будемъ говорить: было то-то, но было и то-то, то мы ничего не скажемъ, а повторимъ факты безъ особой пользы. До Улож. были урочныя лѣта—это норма, но были и исключенія; послѣ Улож. давность отмѣнена—это норма, но были и исключенія.

б) О прикрѣпленіи бобылей Уложеніемъ ц. А. М. Что касается бобылей, то проф. Дьяконовъ признаетъ ихъ всѣхъ прикрѣпленными до Уложенія и, разсматривая (Ж. М—ства Юст. 1900, III) наши выводы по этому предмету (см. текстъ стр. 149), говоритъ: „Послѣдній тезисъ даетъ поводъ къ двумъ *неправильнымъ выводамъ*: 1) что бобыли не были тяглецами, и 2) что они не записывались въ писцовыя книги". Выводы,

дѣйствительно сдѣланы неправильно, но если кто-либо изъ нашихъ словъ дѣлаетъ неправильные выводы, то мы въ томъ не виноваты. Несомнѣнно, что и до Улож. многіе бобыли были тяглецами наравнѣ съ крестьянами (мы и указываемъ это тамъ, гдѣ слѣдуетъ); здѣсь же отмѣчаемъ такихъ бобылей, каковые тяглецами не были и въ книги не записывались. Что таковые существовали и послѣ ук. 1630—1631 годовъ до Улож. ц. А. М., на это есть свидѣтельства. Такъ, у проф. Сергѣевича (Р. Юрид. Др., изд. 1902 г., стр. 256) приведенъ актъ 1634 г., по которому „Петръ Никитинъ, государевъ бобылекъ, пришлый человѣкъ, порядился жить въ монастырской вотчинѣ въ крестьянахъ". До записи своей въ крестьянство этотъ государевъ бобылекъ могъ заниматься дворовою и даже полевою работою, но въ книги, конечно, нигдѣ не записывался. Мнѣніе проф. Дьяконова о томъ, что въ XVII в. бобыли были уже всѣ тяглецы, не встрѣтило признанія: проф. Сергѣевичъ правильно заключаетъ, что и въ XVII в. не всѣ бобыли были тяглые. Онъ же замѣчаетъ, что рѣчь можетъ итти не о бобыляхъ вообще, а лишь объ отдѣльныхъ видахъ ихъ. Вопросъ остается только о томъ, какой видъ бобылей надо считать типическимъ, т. е. такимъ, которому въ точномъ смыслѣ принадлежитъ названіе бобыльства. Это, конечно, не бобыли-тяглецы, которые въ сущности уже перешли въ крестьянство и лишь по старой памяти носятъ названіе бобылей; это крестьяне на не полномъ тяглѣ (о смѣшеніи понятій кр—нъ и бобыль, при чемъ и кр—нъ могъ быть непашеннымъ и бобылекъ сидѣть на пашнѣ, см. у г. Шумакова: „Темные пункты исторіи русскаго права"). Истинный смыслъ бобыльства до сихъ поръ живъ въ народномъ языкѣ и быту: бобыль—человѣкъ бездомный, безродный, безсемейный, неимущій. Г. Шумаковъ дѣлаетъ сближеніе между изгоемъ и бобылемъ: „бобыли преимущественно пришлые, выбитые изъ своей колеи люди". Такое же понятіе даетъ и самъ проф. Дьяконовъ въ своихъ „Очеркахъ", говоря: „бобыль непашенный, безземельный человѣкъ... Дворовый бобыль—типическая и господствующая форма бобыльства" (см. также его разборъ сочиненія г. Гурлянда; „Ямская гоньба", стр. 21). Многіе изъ бобылей примкнули къ крестьянству, многіе пошли въ холопство, нѣкоторые, при удачѣ, въ посадскіе люди и въ служилые (низшихъ службъ: въ казаки, солдаты); но немало ихъ оставалось въ качествѣ вольныхъ гулящихъ людей, не пріуроченныхъ къ другимъ состояніямъ. Тѣ изъ нихъ, которые проживали въ селахъ, были прикрѣплены Уложеніемъ ц. А. М. Прежде въ писцовыя книги попадали бобыли-тяглецы и этимъ теряли право перехода; теперь прикрѣпляются бобыли, въ точномъ смыслѣ, т. е. не занимавшіе никакого тягла. О нихъ и идетъ рѣчь у насъ здѣсь.—Понятіе о бобыляхъ, какъ „вольныхъ людяхъ", въ положеніи равномъ съ подчиненными членами семьи (до окончательнаго прикрѣпленія тѣхъ и другихъ по Уложенію) не нами измышлено: оно точно выражено въ актахъ 1-й полов. XVII в., напр., въ наказѣ Обонежскому приказчику дворцовыхъ волостей 1612 г. читаемъ: „старыхъ крестьянъ изъ тѣхъ погостовъ никуда не выпущати и возити ихъ изъ-за государя никому не

давати, а за государя въ тѣ погосты крестьянъ до государства указу ни изъ-за кого не возити жъ опроче *вольныхъ людей; а будетъ которые крестьяне—отъ отцовъ дѣти, и отъ братьевъ братья, и отъ дядь племянники, и бобыли* и иные какіе вольные люди похотятъ взяти пустые выти въ жило и на лготу,—и ему тѣхъ людей на пустые выти на пашню въ жило и на лготу сажати". Хотя этотъ актъ относится ко времени до указовъ 1630—31 гг., но въ немъ исчислены тѣ категоріи вольныхъ людей, на которыхъ означенные указы простираться не могли.

в) По мнѣнію проф. Дьяконова, *давность исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ*, уничтоженная Уложеніемъ, отнюдь не имѣла безусловнаго значенія и до изданія Улож.; здѣсь онъ опять говоритъ объ *изъятіяхъ*, и прежде всего ссылается на слѣд. выраженіе челобитья дворянъ 1641 года: „а въ прежнихъ годахъ и при прежнихъ государѣхъ въ тѣхъ бѣглыхъ крестьянахъ урочнихъ лѣтъ не выбывало". Мы считаемъ такое заявленіе дворянъ неправильнымъ (Христ. по исторіи рус. пр. III, стр. 154.). Но авторъ спрашиваетъ: „какъ могли служилые люди въ челобитьи на имя государя сослаться на небывалый и завѣдомо ложный фактъ" (стр. 67)? Однако, какъ же въ самомъ дѣлѣ? „Урочные года" несомнѣнно были установлены въ 1597 г. и существовали въ 1641 г., а дворяне пишутъ, что ихъ не было. Неужели они врутъ завѣдомо? Если они лгутъ, то мы невиноваты. Но говорить (или писать) неправильно не значитъ непремѣнно завѣдомо лгать: можно и ошибаться добросовѣстно. Въ данномъ случаѣ дворяне не лгали, даже не ошибались. Они вспомнили до-Годуновскую старину, когда дѣйствительно урочныхъ лѣтъ, т. е. *сроковъ*, не было (это не значитъ, что не было давности), и, говоря о „прежнихъ государяхъ", имѣютъ въ виду государей до Ив. Грознаго включительно и не оговариваются на счетъ преемниковъ его. Старина не особенно большая: до 1641 г. прошло только 44 года; помнить можно.—Такимъ образомъ этотъ фактъ вовсе не годится для доказательства мысли о небезусловномъ значеніи давности до Улож. Другіе приводимые авторомъ факты также плохо служатъ для этой цѣли, но уже по другой причинѣ. Извѣстно, что законы о давности имѣли въ виду установить *сроки* владѣнія, б. ч. обходя прочія условія давности. Между тѣмъ въ практикѣ цѣнились больше не сроки, а именно эти другія условія какъ до изданія законовъ о давности, такъ и послѣ нихъ. Такъ, Суд. 2-ой далъ законъ о 40 лѣтней давности выкупа родовыхъ имуществъ; между тѣмъ послѣ изд. Суд. у насъ есть немало судебныхъ рѣшеній, по которыхъ люди, искавшіе за 30 и менѣе лѣтъ, не получили выкупа, а люди, искавшіе болѣе, чѣмъ за 40 л., получили. Такъ и въ разсматриваемомъ вопросѣ: въ отдѣльныхъ случаяхъ владѣльцы получали выводъ крестьянъ за 8 л., за 12 лѣтъ и т. д. (см. „Очерки" стр. 68—69). Изъ такихъ указаній слѣдуетъ, что *сроки* давности, установленные въ законѣ, не примѣнялись безусловно, а не самая давность. При этихъ фактахъ отнюдь не подобаетъ дѣлать выводъ, каковъ сдѣланъ проф. Ключевскимъ и какой принятъ проф. Дьяконовымъ, а именно, „что на старинныхъ бѣглыхъ кре-

стьянъ, повидимому, не простиралась давность побѣга" („Очерки" стр. 70). Если до Улож. прикрѣпленными считались только „старинные" крестьяне, то на кого же простиралась давность иска о бѣглыхъ? Прочіе, имѣвшіе право перехода, бѣглыми быть не могли. Фактъ 1647, когда велѣно дворцовыхъ крестьянъ, записанныхъ за дворцомъ въ писцовыхъ книгахъ, вывозить назадъ безъ сыску, случился наканунѣ Ул. и указываетъ только на ясную тенденцію правительства уничтожить вовсе урочные года.

г) Съ другой стороны, проф. Дьяконовъ утверждаетъ (стр. 63), что „Москов. правительство и съ отмѣною урочныхъ лѣтъ (въ Уложеніи) *вовсе не отказалось отъ примѣненія начала давности къ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ*". Такое явное противорѣчіе закона самому себѣ (отмѣну давности и допущеніе ея) онъ видитъ въ томъ, что Уложеніемъ запрещено давать судъ въ бѣглыхъ крестьянахъ и бобыляхъ, если въ писцовыхъ книгахъ они записаны бѣглыми, ибо владѣльцы „во многіе годы о тѣхъ своихъ крестьянахъ ни на кого государю не бивали челомъ (XI, 5). Въ самомъ дѣлѣ, неужели двѣ статьи (2 и 5), стоящія почти рядомъ, такъ откровенно противорѣчатъ одна другой? Конечно, нѣтъ. Новый порядокъ закрѣпощенія, начинающійся съ Улож. и имъ установленный, не могъ получить *обратнаго дѣйствія*. Помѣщикъ, который до изданія Улож. провладѣлъ крестьяниномъ болѣе 10 л., вообще „до тѣхъ писцовыхъ книгъ", и признавалъ за собою полное право на этого крестьянина, съ изданія Улож. тотчасъ терялъ бы это право, уже пріобрѣтенное имъ на основаніи прежнихъ законовъ. Уже Судебникъ ц. знаетъ, что законъ обратной силы не имѣетъ, а потому необходимо было отдѣлить въ законѣ новый порядокъ отъ стараго. О томъ и говоритъ ст. 5-я XI Улож., отнюдь не противорѣча статьѣ 2. Но это есть мѣра единовременная, а не установленіе вновь давности на будущее время. Такая же единовременная мѣра установляется въ XIX, 5, по которой, при отпискѣ слободъ къ посадамъ, допускается возвращеніе владѣльцамъ ихъ старинныхъ крестьянъ; она вовсе не имѣетъ отношенія къ дѣлу, ибо такіе крестьяне не *бѣжали*, а отписаны по распоряженію правительства. Мало имѣютъ силы и другіе примѣры отступленія отъ началъ Улож., именно указъ 1682 г. о невыдачѣ бѣглыхъ крестьянъ, записавшихся въ военную службу въ украинныхъ городахъ, и ук. 1685 г. о невыдачѣ ихъ изъ дворцовыхъ слободъ. Все это спеціальныя узаконненія *въ изъятіе* изъ общаго закона въ интересахъ государства.

Въ концѣ концовъ утверждаемъ, что текстъ Ул. XI, 3 безусловно вѣренъ.

M.

О судебникѣ ц. Ѳеодора Іоанновича.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, найденъ памятникъ, носящій названіе Судебника Ѳеодора

Іоанновича и признанный издателемъ его за дѣйствительный кодексъ, вышедшій изъ рукъ законодательной власти (земскаго собора), но не опубликованный, а другими признанный за проектъ кодекса, представленный законодателю. Нами тогда же этотъ памятникъ былъ разсмотрѣнъ и результаты нашего изслѣдованія напечатаны въ особомъ сочиненіи; результаты эти таковы: 1) это не законодательный памятникъ, т. е. не кодексъ, разсмотрѣнный законодателемъ, и не проектъ кодекса; 2) это—памятникъ литературный, составленный въ концѣ XVI в. неизвѣстнымъ грамотѣемъ на сѣверѣ Россіи (въ Двинской странѣ); 3) онъ составленъ по судебнику царскому съ добавленіемъ двухъ дополнительныхъ статей къ нему безъ вниманія къ прочимъ многочисленнымъ законамъ, появившимся при Грозномъ (послѣ изд. цар. Судебника) и при ц. Ѳеодорѣ Іоанновичѣ; 4) составитель принадлежалъ къ числу самоучекъ-начетчиковъ, которыхъ было такъ много на сѣверѣ Россіи, и который весьма часто не понималъ смысла своихъ источниковъ; онъ переводилъ статьи цар. Судебника и дополнительныхъ указовъ на свое простонародное сѣверное нарѣчіе и произвольно распространялъ ихъ текстъ; 5) цѣлію работы было приблизить языкъ законовъ къ мѣстному народному пониманію и дополнить тѣмъ, что казалось необходимымъ для тамошняго крестьянскаго (вообще сельскаго) обывателя; 6) эти дополненія онъ бралъ изъ мѣстнаго обычнаго права.— Послѣ изданія нашего изслѣдованія появились въ печати замѣтки о томъ, что среди актовъ, относящихся къ той же сѣверной мѣстности, нашлись судебныя рѣшенія (земскихъ крестьянскихъ судовъ) со ссылками на (мнимый) Судебникъ ц. Ѳеод. Іоанновича, что́ можетъ навести на мысль объ оффиціальномъ (законодательномъ) значеніи этого памятника. Для отстраненія этой послѣдней мысли достаточно сказать, что въ *правительственныхъ* актахъ нѣтъ ни одной ссылки на него до самаго изданія Уложенія; наоборотъ, когда въ XVII в. Приказы одинъ у другаго справлялись о прежнихъ законахъ, то получали между прочимъ выписи изъ царскаго Судебника, буквально сходныя съ нынѣшнимъ извѣстнымъ его текстомъ, а не въ томъ измѣненномъ (и искаженномъ) видѣ, какой находимъ въ мнимомъ судебникѣ ц. Ѳеод. Іоан.: напр., въ *1627* г. дек. 28 Помѣстный приказъ запрашивалъ Московскій Судный о законахъ насчетъ родового выкупа и получилъ въ отвѣтъ правильную и точную выписку 85-й статьи цар. Суд., именно той статьи, которая совершенно искажена составителемъ судебника ц. Ѳеод. I-ча (см. Указн. к. Пом. приказа IV, 8, по нашему изданію).—Какимъ же образомъ объяснить ссылки на этотъ памятникъ въ судебныхъ актахъ? Повторяемъ, что судьи, пользовавшіеся имъ, крестьяне сѣверной Россіи (ближайшихъ мѣстностей). Надо имѣть въ виду, что не только крестьянскіе судьи, но и центральные приказы въ Москвѣ не всегда имѣли у себя всѣ существенно важные законы (иначе, зачѣмъ было Судному приказу посылать выписку изъ Судебника въ Помѣстный приказъ?); можно ли допустить при этомъ, что каждый земскій судейка былъ снабженъ экземпляромъ судебника царскаго? При тогдашней дороговизнѣ рукописей и малой распространенности юридическаго образо-

ванія, совершенно естественно допустить, что крестьянинъ-судья, запасшійся по сосѣдству рукописью своего земляка съ названіемъ судебника, пользовался ею, ни мало не сомнѣваясь, какъ книгою законною. Далѣе, надо имѣть въ виду, что ссылка на Суд. ц. Ѳеод. I-ча касается такихъ положеній, которыхъ нѣтъ въ цар. Суд., а есть въ т. н. Суд. ц. Ѳ. I., именно по вопросамъ, близко касающимся сельскаго хозяйства. При недостаткѣ же законовъ допускалось субсидіарное пользованіе всякими сторонними источниками даже въ центральныхъ Московскихъ приказахъ: такъ, Разбойный приказъ выписывалъ и примѣнялъ статьи Литовскаго Статута, не будучи уполномоченъ на то законодательною властію.—Но относительно Судебника 1589 г. и этого сказать нельзя: когда земскіе судейки посылали свое рѣшеніе въ Устюжскую Четверть, то этотъ Приказъ утвердилъ ихъ рѣшеніе, но совсѣмъ не на основаніи Суд. 1589 г., а по обстоятельствамъ дѣла, изложеннымъ въ протоколѣ суда. При этомъ Приказъ игнорировалъ ссылку на Судебникъ, и изъ этого не слѣдуетъ никакого заключенія ни въ пользу, ни противъ признанія этого памятника за законъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія русскаго уголовнаго права, гражданскаго права и процесса.

Исторія русскаго уголовнаго права.

1) **Понятіе объ уголовномъ правѣ** *и его отличительныя черты.*— Уголовнымъ правомъ называется право государства карать за преступленія и проступки.—Черты, опредѣляющія понятіе преступленія, суть субъективныя и объективныя. Первыя предполагаютъ въ дѣятелѣ присутствіе сознанія и злой воли. Присутствіе сознанія имѣетъ свои степени: возможно временное потемнѣніе сознанія (состояніе аффекта) и б. или м. полная потеря его (душевныя болѣзни). Сверхъ того, полнота сознанія развивается въ человѣкѣ вмѣстѣ съ возрастомъ. Подобнымъ же измѣненіямъ подлежитъ и дѣятельность воли: возможно сознательное нападеніе на чужое право, но безъ злой воли; таковы состоянія крайней необходимости, необходимой обороны и состояніе принужденія. На изложенныхъ чертахъ основывается ученіе о вмѣненіи въ уголовномъ правѣ.—Съ объективной стороны уголовное право отличается отъ другихъ сферъ права не съ такою ясностію. Преступному нападенію могутъ подвергнуться всякія правовыя нормы; но лишь нападеніе на личныя права (не по уполномочію со стороны государства), т. е. на жизнь, здоровье, честь и свободу лица, всегда относится къ сферѣ уголовной. Что касается до правъ имущественныхъ, то они могутъ быть объектомъ какъ уголовной неправды, такъ и гражданскихъ притязаній; здѣсь уголовная сфера можетъ быть опредѣлена только указанными субъективными признаками (т. е. если дѣятель сознательно нападаетъ на чужое право). Уголовными карами ограждаются также права непосредственно самого государства и другихъ союзовъ, которые оно поддерживаетъ.—Наказаніе есть возмездіе, налагаемое за преступленіе государственною (судебною) властію; въ то же время преступникъ отвѣчаетъ и предъ частнымъ (потерпѣвшимъ) лицомъ по мѣрѣ нанесенія ему вреда.—По указаннымъ чертамъ понятій о преступленіи и наказаніи различаются свойства уголовнаго права какъ по національностямъ, такъ и по періодамъ развитія уголовнаго права у всякаго народа. Такъ, однимъ народамъ болѣе свойственъ объективный взглядъ на преступленіе, т. е. оцѣнка его по мѣрѣ нанесеннаго вреда. У древнихъ и германскихъ народовъ находимъ множество случаевъ суда и наказанія животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ за вредъ, нанесенный ими человѣку; у славянскихъ народовъ не встрѣчаемъ вовсе подобныхъ случаевъ; здѣсь весьма

рано (сравнительно) преступленіе оцѣнивается по количеству злой воли дѣятеля. Принципомъ наказанія у однихъ народовъ остается воздаяніе зломъ на зло („око за око, зубъ за зубъ"), у другихъ—воздѣйствіе на преступную волю съ цѣлію произвести въ ней реакцію. У однихъ народовъ болѣе и дольше преобладаетъ въ наказаніи интересъ частнаго потерпѣвшаго лица; у другихъ больше и раньше беретъ перевѣсъ начало государственной кары.

2) **Періоды исторіи уголовнаго права** обыкновенно различаются по свойствамъ наказанія, именно: 1) періодъ мести и частныхъ композицій, 2) періодъ устрашающихъ каръ, 3) періодъ наказаній, основанныхъ на вмѣненіи. Тѣ же три періода различаются въ исторіи русскаго уголовнаго права, совпадая съ тремя періодами исторіи государственнаго права, имено: уголовное право Русской Правды, уголовное право Московскаго государства и уголовное право имперіи. По этимъ эпохамъ измѣняются не только свойства наказанія, но и понятіе о преступленіи.

Періодъ I. Уголовное право временъ Русской Правды,

Ступени развитія уголовнаго права въ 1-мъ періодѣ.

Время господства мести и денежныхъ выкуповъ обыкновенно считаютъ временемъ отрицанія уголовнаго права, а самую месть и выкупы—явленіями противоположными уголовной карѣ (самоуправствомъ, которое нынѣ само составляетъ дѣяніе преступное). Въ дѣйствительности не такъ: послѣдующее уголовное право развивается генетически изъ мести и выкуповъ, которые должны быть отнесены къ явленіямъ правомѣрнымъ. Лишь въ доисторическое время, быть можетъ, возмездіе имѣетъ совершенно животный характеръ (bellum omnium contra omnes): всякое право развивается изъ первоначальныхъ инстинктовъ и природныхъ чувствъ: мстительность свойственна и животнымъ. Но какъ скоро существуютъ союзы семейный, родовой и общинный, личная обида, нанесенная одному члену союза, чувствуется всѣмъ союзомъ (отсюда месть семейная, родственная и общинная и право союзовъ получать выкупы). Чѣмъ шире союзъ, чѣмъ дальше онъ отъ непосредственныхъ кровныхъ началъ, тѣмъ больше личное чувство раздраженія успокаивается, переходитъ въ хладнокровное сознаніе неправоты, требующей наказанія. Животное проявленіе инстинкта переходитъ въ человѣческое понятіе о правѣ. Въ союзѣ государственномъ личный элементъ мести не исчезаетъ, но уходитъ на второй планъ. Такъ какъ исторія нашего права застаетъ славянъ въ союзѣ государственномъ (земскомъ), то въ историческое время мы не находимъ уже явленій безграничной мести не только личной, но и родовой и общинной: месть регулирована властію и закономъ; дѣятельность мстителя постепенно обра-

щается въ орудіе интересовъ общественныхъ, хотя чувство раздраженія и мстительная жестокость каръ далеко не вполнѣ успокаиваются. Таковъ начальный моментъ исторіи уголовнаго права. Но и въ 1-й періодъ государственной (земской) жизни, уже на глазахъ исторіи, уголовное право проходитъ нѣсколько ступеней развитія: а) эпоха до Русской Правды (до XI в.) есть время господства *мести* (съ зарождающимся началомъ композицій); б) центральная и главная эпоха (XI—XIII вв.), или время дѣйствія Русской Правды, есть эпоха вымиранія мести и господства *композицій* (съ зарождающимся началомъ уголовныхъ каръ); наконецъ, в) послѣ Рус. Правды, въ эпоху судныхъ грамотъ (XIV—XV в.), *уголовныя кары* берутъ перевѣсъ надъ выкупами (но съ ясными еще остатками прежней системы композицій).

Обыкновенно полагаютъ, что въ эпоху полнаго господства мести нельзя уловить идеи права въ произвольныхъ карательныхъ дѣйствіяхъ потерпѣвшаго: это тѣмъ болѣе трудно сдѣлать, что время чистаго господства мести обыкновенно не оставляетъ по себѣ никакихъ законодательныхъ памятниковъ. По счастію, русское право составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: русскіе въ такую эпоху столкнулись съ народомъ весьма высокой культуры (византійцами) и должны были установить между собою и ими правовыя отношенія, между прочимъ (и главнымъ обр.)—отношенія уголовно-правовыя. Отсюда понятно, какую высокую важность для насъ имѣютъ договоры русскихъ съ греками при опредѣленіи исходнаго момента исторіи нашего уголовнаго права. Здѣсь въ соглашеніи права русскаго съ византійскимъ найдемъ яркое доказательство того, что періодъ мести не есть эпоха отрицанія права, если явленія мести можно было согласить съ такимъ чисто карательнымъ уголовнымъ правомъ, каково было византійское. Поэтому, прежде изложенія самой системы мести и денежныхъ выкуповъ, какъ она выразилась въ Рус. Правдѣ и современныхъ ей памятникахъ, остановимся на уголовномъ правѣ договоровъ русскихъ съ греками.

1) Уголовное право договоровъ съ греками.

Искусственный характеръ постановленій договоровъ съ греками (именно, компромисъ между обычнымъ правомъ руссовъ и византійскимъ правомъ) былъ уже указанъ нами въ своемъ мѣстѣ (см. ч. I, стр. 89); но тамъ же было сказано, что въ нихъ больше слѣдовъ русскаго права. Это и подтверждается преимущественно уголовными постановленіями договоровъ.— Благодаря вліянію грековъ, въ договорахъ мы встрѣчаемъ общіе термины (иногда переводные съ греч.) для выраженія понятій преступленія, именно: „проказа“ (Дог. Олега, ст. 3), „съгрѣшеніе“, и понятія о наказаніи, именно: „казнь“, „епитимія“. Но изъ этого не слѣдуетъ, что эти понятія были навязаны русскимъ византійцами; въ договорахъ ясно видны уголовныя воззрѣнія, свойственныя первобытному народу; въ частности:

а) Относительно *убійства* договоръ Олега (ст. 4) постановляетъ, что убійца долженъ умереть на томъ же мѣстѣ („идеже“), гдѣ совершитъ

убійство; договоръ Игоря (ст. 13) измѣняетъ и пополняетъ это такъ: „убійцу должны держать родственники („ближніе“) убитаго, чтобы потомъ убить его“. Здѣсь, очевидно, византійцы (редактировавшіе договоры) стремились примирить свои понятія о смертной казни за убійство съ русскимъ обычаемъ мести такъ, чтобы для руссовъ сохранилась полная возможность примѣненія мести. Именно: по договору Олега здѣсь разумѣется месть *досудебная*, требующая, однако (по аналогіи явленій другихъ народовъ), послѣдующаго оправданія судомъ; иначе даже побѣжденные греки едва ли бы согласились предать себя на произволъ руссовъ. Но при Игорѣ греки были побѣдителями и поспѣшили болѣе ограничить произволъ руссовъ, именно потребовали, чтобы месть совершаема была родственниками убитаго *послѣ суда*; это было обусловлено особою статьею (Дог. Иг., ст. 12): руссы не имѣютъ права казнить грека, подданнаго имперіи, ни за какое преступленіе, онъ получаетъ наказаніе по приговору судовъ имперіи, т. е. въ случаѣ совершенія убійства грекомъ надъ русскимъ, преступникъ, уличенный судомъ и подлежавшій смертной казни по византійскимъ законамъ, выдается (взамѣнъ казни) руссамъ—родственникамъ убитаго, которые совершаютъ надъ нимъ кровную месть (по древне-еврейскому законодательству, „смертоубійство злоумышленное наказывается смертію, что̀ совершается родственниками убіеннаго, которые ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права взять отъ убійцы выкупъ“. Неволинъ: Энциклоп. II, 188. Слич. Судебникъ Казиміра 1468 г., ст. 12).—Обратно, если русскій убьетъ грека, то право суда надъ нимъ принадлежитъ русскимъ; они выдаютъ его (въ случаѣ виновности) грекамъ, которые и совершаютъ надъ нимъ смертную казнь.—Такъ договоры примирили право мести, свойственное руссамъ, съ правомъ смертной казни по византійскимъ законамъ.—Но право мести не было безусловнымъ произволомъ и у самихъ русскихъ; соединеніе ея съ судомъ мы укажемъ ниже и въ національномъ русскомъ правѣ, а потому грекамъ легко было выговорить и другое ограниченіе мести. Именно месть непосредственная, допущенная договоромъ Олега, позволяется только въ моментъ совершенія убійства (delicto flagrante); такой смыслъ имѣетъ выраженіе: „идеже аще створитъ убійство“. Здѣсь указывается не мѣсто совершенія убійства, а моментъ времени, какъ видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ статьи договора: „если же убѣжитъ сотворившій убійство“, то наступаетъ двоякое послѣдствіе: въ случаѣ состоятельности убѣжавшаго преступника, взысканіе обращается на его имущество, которое поступаетъ въ пользу родственника убитаго, за исключеніемъ части, слѣдующей женѣ убійцы. Въ случаѣ же несостоятельности преступника, истцы ждутъ пока онъ не будетъ найденъ, и тогда могутъ убить его. Здѣсь ясна полная уступка со стороны грековъ въ пользу русскихъ обычаевъ (ибо по византійскимъ законамъ не существовало замѣны казни имущественнымъ выкупомъ); въ пользу греческаго права выговорена только неприкосновенность имущества невинной жены преступника. Случай замѣны мести денежнымъ выкупомъ, указанный здѣсь, т. е. бѣгство преступника, есть именно самый первоначальный поводъ возникновенія композицій у всякаго

народа. Представленное здѣсь изъясненіе статей объ убійствѣ одинаково устраняетъ какъ предположеніе о томъ, что въ договорахъ вовсе отмѣнена месть, вопреки обычному праву русскихъ (какъ думаютъ одни), такъ и предположеніе о томъ, что въ нихъ допущено безграничное право мести, вопреки интересамъ грековъ (какъ думаютъ другіе).

б) *Относительно нападенія на здоровье* (нанесеніе побоевъ и ранъ) договоръ Олега (стр. 5) и договоръ Игоря (стр. 14) постановляютъ, что за ударъ мечемъ или другимъ орудіемъ виновный платитъ 5 литръ сер. *по закону русскому*. Дѣйствительно, по русскому закону (Русской Правдѣ), за удары и раны полагается денежный штрафъ (различный по различію цѣли нападенія). Хотя Русская Правда допускала рядомъ съ денежными штрафами и месть за преступленія этого рода, но и византійское право, конечно, позволяло безнаказанный отвѣтъ оскорбленіемъ за оскорбленіе. Въ этой сферѣ уголовнаго права явленія мести дожили даже до нашихъ дней.—Изъ другихъ преступленій противъ личныхъ правъ договоры упоминаютъ о *лишеніи свободы*: „человѣка поработить“ (дог. Иг., ст. 9).

в) Относительно преступленій *имущественныхъ* и прежде всего *кражи*, въ договорѣ Игоря (ст. 6) содержится также ссылка на *законъ русскій* въ такой формѣ: воръ долженъ не только возвратить украденную вещь, но и уплатить еще столько же, сколько она стоитъ, и (сверхъ того) воръ будетъ наказанъ по закону греческому и по уставу и по закону русскому. Въ догов. Олега (ст. 6) постановлено тройное вознагражденіе потерпѣвшему, но нѣтъ указаній на уголовную кару. Двойное, тройное, или четверное вознагражденіе при воровствѣ-кражѣ находимъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ; по древне-римскимъ законамъ „poena manifesti furti quadrupli est“. Въ литовско-русскомъ правѣ установлено также двойное („совитое“) возвращеніе цѣны вещи. Подобное же находимъ у нашихъ сибирскихъ инородцевъ („Сборн. обычн. пр. Сибир. инород.“, ст. 152, 227 и др.). Въ Рус. Правдѣ принята не рыночная цѣна вещи, а назначенная законною таксою, и, сверхъ того, извѣстная сумма въ пользу общественной власти (продажа), иногда совершенно равная частному вознагражденію (см. Акад. сп. Русск. Пр. ст. 30 и Кар. 86). Несомнѣнно, что продажа и урокъ явились въ Русск. Пр. изъ первоначальнаго двойного вознагражденія.—Что касается до добавочнаго уголовнаго наказанія (по дог. Игоря), то его знаетъ византійское право, полагавшее за воровство болѣзненныя, членовредительныя наказанія и даже смертную казнь (за вторичную кражу). Этого не находимъ въ Рус. Правдѣ, но встрѣчаемъ въ другихъ памятникахъ, современныхъ ей: арабскіе писатели сообщаютъ, что у русскихъ за воровство наказывали висѣлицею; наши лѣтописи XII в. смертную казнь чрезъ повѣшеніе считаютъ спеціальнымъ наказаніемъ для воровъ (князь упрекаетъ галичанъ, что они князей Игоревичей повѣсили „какъ злодѣевъ“, т. е. воровъ). Въ своемъ мѣстѣ уяснимъ, какъ согласуется это съ постановленіями Русской Правды.

Къ постановленіямъ о кражѣ относится также позволеніе убивать противящагося вора на мѣстѣ преступленія (дог. Олега, ст. 6); если же

воръ сдается, то хозяинъ можетъ только связать его (взять). Это согласно съ византійскимъ правомъ (по которому позволялось „убивать въ нощи крадущаго вора, если нельзя было безъ бѣды пощадить его“, но также согласно и съ обычнымъ правомъ русскихъ; ниже будетъ представлено ученіе древнѣйшей Русской Правды о томъ, что позволяется убивать ночного вора лишь тогда, когда нельзя было его связать, и не позволяется убивать вора бѣгущаго. Ограниченія произвола надъ воромъ постановляютъ также и другія древнія славянскія законодательства (статутъ Винодольскій). И здѣсь соглашеніе права византійскаго съ русскимъ было возможно и легко.

Изъ другихъ преступленій противъ правъ имущественныхъ договоры (Олега ст. 7, Игоря ст. 5) отмѣчаютъ явное отнятіе вещи (грабежъ) и дружинное похищеніе (разбой), но назначаютъ за нихъ такое же наказаніе, какъ и за татьбу. Древнему русскому праву (равно какъ и большей части правъ первобытныхъ народовъ) неизвѣстенъ грабежъ, какъ преступленіе sui generis; но изъ этого не слѣдуетъ, что такое дѣяніе вовсе не считалось преступнымъ и не наказывалось; напротивъ, оно только не выдѣлялось въ особый видъ изъ цѣлой массы имущественныхъ преступленій, заключенныхъ подъ общимъ названіемъ татьбы (факты, доказывающіе это изъ временъ Русской Правды, приводятся ниже).

Общее значеніе уголовныхъ постановленій договоровъ съ греками для исторіи русск. уголовнаго права заключается въ томъ, что ими опредѣляется *исходный моментъ* развитія этого права: если право народа столь первобытнаго, каковы были руссы X-го вѣка, легко могло быть соглашено съ правомъ народа такой дряхлой цивилизаціи, каковы были византійцы, то, очевидно, что основныя уголовныя понятія тождественны у людей всякихъ ступеней развитія. И младенческіе народы признаютъ, что убивать, наносить побои, красть не позволительно. Уголовное право (какъ и всякое другое) исходитъ изъ общихъ законовъ физической и психической природы человѣка, а не изъ искусственныхъ воспрещеній закономъ тѣхъ или другихъ дѣяній. Оно не есть явленіе позднѣйшей цивилизаціи, наступившее вслѣдъ за паденіемъ института мести; напротивъ, оно зарождается вмѣстѣ съ самимъ обществомъ: рукою мстителя дѣйствуетъ (еще не ясно сознанное) чувство права.

2) Уголовное право Русской Правды и современныхъ ей памятниковъ.

Эпоха Русской Правды обнимаетъ собою время отъ начала XI в. до конца XIII в. Мы будемъ пользоваться памятниками всей этой эпохи въ совокупности, отмѣчая хронологическій ростъ уголовныхъ постановленій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

а) Преступленіе.

Терминъ „преступленіе“ хотя и извѣстенъ былъ въ эпоху Рус. Правды (въ переводной литературѣ съ греческаго языка), но самой Рус. Правдѣ не извѣстенъ, ибо ей чуждо то понятіе о преступленіи, которое выражается этимъ терминомъ, т. е. нарушеніе закона. Терминъ, употребляемый Рус. Правдою, есть *обида*. Въ этомъ иногда видятъ доказательство частноправнаго взгляда на преступленіе, какъ дѣяніе, оцѣниваемое только по количеству вреда, нанесеннаго частному лицу. Мы увидимъ ниже, что разрядъ преступленій, караемыхъ Рус. Правдою, дѣйствительно ограничивается т. н. частными преступленіями, т. е. направленными противъ личныхъ и имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что оцѣнка преступныхъ дѣяній совершается только съ точки зрѣнія интересовъ лицъ потерпѣвшихъ; напротивъ, штрафъ за „обиду“ платится не въ пользу потерпѣвшаго, а въ пользу общественной власти: такъ, за укрывательство бѣглаго раба, виновный, кромѣ возвращенія раба его господину, платитъ 3 гривны уголовной продажи въ пользу князя; древнѣйшая Правда не указываетъ прямо значенія этого штрафа, говоря только: „а три гривны за обиду“ (Акад. 10); но пространная Правда (Кар. 27) уясняетъ это вполнѣ: „а оному платити 3 гривны *продажи*“, (продажею называется уголовный штрафъ въ пользу князя). Даже такая личная обида, какъ позорный ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукоятью его, влечетъ за собою общественный штрафъ, а не личный выкупъ: „12 гривенъ продажи за обиду“ (Кар. 19).

Субъектъ преступленія. Благодаря указанной выше этнографической особенности рус. права, уже въ періодъ мести мы находимъ явственные, хотя и несовершенные признаки уголовнаго вмѣненія. Преступникомъ можетъ быть только *лицо,* обладающее свободною *волею и сознаніемъ*. Злодѣянія, совершаемыя холопами, не считаются преступленіями, и не влекутъ на дѣятеля уголовныхъ взысканій: „если ворами окажутся холопы, которыхъ князь продажею не казнитъ, *потому что они не свободны*, то вдвое платить истцу за обиду“ (Кар. 43); но „если съ ними свободные крали или хоронили (украденныя вещи), то тѣ подлежатъ княжеской продажѣ“ (Кар. 132). Отвѣтственнымъ лицомъ предъ потерпѣвшими является господинъ холопа, который или выкупаетъ холопа, или выдаетъ его лицомъ потерпѣвшему. Исключеніе изъ этого (впрочемъ, мнимое) составляетъ ударъ, нанесенный холопомъ свободному мужу, за что, по законамъ Ярослава, оскорбленный могъ убить его; но сыновья Ярослава уставили на куны (установили денежный выкупъ) съ правомъ схватить холопа-оскорбителя и бить его, но не убить (см. 16, Кар. 76). Во всемъ этомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ уголовныхъ взысканій (княжей продажи); напротивъ, если господинъ такого холопа укроетъ его у себя (не выдаетъ), то платитъ 12 грив. уголовной продажи.—Русская Правда молчитъ о возрастѣ при уголовномъ вмѣненіи; но объ этомъ молчатъ памятники законодательства вплоть до 2-й полов. XVII в. (кромѣ судебника Казимира); отсюда

нельзя, однако, заключить, что уголовныя взысканія примѣнялись одинаково и къ малолѣтнимъ всякаго возраста; напротивъ, это именно немыслимо при примѣненіи мести.—При совершеніи правонарушеній всѣми прочими, т. е. лицами дѣеспособными, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуется *присутствіе сознанія* неправоты дѣйствія. Такъ, въ случаѣ потери вещи или бѣгства холопа, стороннее лицо, нашедшее вещь, или принявшее бѣглеца, если не знаетъ о потерѣ или бѣгствѣ, можетъ добросовѣстно владѣть вещію; не если собственникъ „заповѣдалъ“ о пропажѣ (законъ предполагаетъ, что такая заповѣдь должна сдѣлаться общеизвѣстною въ своемъ міру въ теченіе 3-хъ дней), то всякій, удерживающій у себя чужую вещь, обращается уже въ преступника и подлежитъ уголовному штрафу (Кар. 22 и 27). „Если холопъ бѣжитъ и господинъ его заповѣдаетъ, а кто-либо слышавши, или вѣдая, или зная дастъ ему хлѣба или путь ему покажетъ, то платитъ за холопа 5 грив.“ (Кар. 123). Здѣсь хотя разумѣется не уголовный штрафъ, а частное вознагражденіе, но обязательство платить его возникаетъ изъ деликта. Точно такъ же для бытія преступленія считается необходимымъ элементомъ *злая воля* дѣятеля, напр.: „кто злонамѣренно (пакощами) зарѣжетъ коня или скотину, то платитъ продажи 19 грив., а за ущербъ хозяину платитъ урокъ—гривну“ (Кар. 98). Количество злой воли предполагается гораздо большимъ при истребленіи, чѣмъ при татьбѣ тѣхъ же самыхъ вещей: за кражу скота полагается уголовнаго штрафа 3 грив., т. е. вчетверо меньше. Элементъ злой воли съ особенною ясностью выступаетъ при оцѣнкѣ неисполненія гражданскихъ обязательствъ: „если кто будетъ взыскивать на другомъ долгъ, на тотъ начнетъ запираться, то въ случаѣ окажется, что онъ злонамѣренно (*обидя*) не возвращалъ ему денегъ, виновный платитъ за обиду 3 гривны“ (Ак. 14). Должникъ, набравшій мошеннически (*полгавши*) чужихъ денегъ и скрывшійся отъ кредиторовъ, разсматривается, какъ воръ (Кар. 133). Вообще въ этомъ отношеніи Рус. Правда различаетъ случайную несостоятельность (если товаръ, взятый въ долгъ, погибнетъ отъ кораблекрушенія, отъ непріятельскихъ войскъ или отъ пожара), несостоятельность, возникшую изъ порочности (culpa) должника (пропьется), и несостоятельность злостную (dolus); первый случай разсматривается, какъ дѣяніе невинное („якоже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ“; Кар. 68). Такое распространеніе уголовныхъ понятій на сферу обязательственнаго права подало поводъ Чебышеву-Дмитріеву сказать что въ Руск. Правдѣ не гражданская неправда покрываетъ собою уголовную, а наоборотъ; но это другая столь же ошибочная крайность.—Сознаніе и воля дѣятеля могутъ быть временно парализованы, вслѣдствіе чего дѣяніе теряетъ свой преступный характеръ; въ первомъ отношеніи является т. н. *состояніе аффекта*: „если кто ударитъ другого батогомъ..., а оскорбленный, не стерпѣвши того, ткнетъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтъ“ (Кар. 21). Въ этомъ именно лежитъ первоначальное основаніе права мести. Такого состояніе нельзя смѣшивать съ состояніемъ необходимой обороны: послѣднею предупреждается преступное нападеніе, а въ первомъ карается уже

совершенное. Что касается *необходимой обороны*, то это такое состояніе, при которомъ для лица не остается выбора законныхъ средствъ защиты своего права, когда ему угрожаетъ преступное нападеніе. Выше было упомянуто о правѣ хозяина убить вора на мѣстѣ преступленія. Если таковое право дается безусловно, то это не что иное, какъ месть. Въ 2-й Рус. Правдѣ (Ярославичей) содержится два постановленія о томъ весьма различныя: по первому (Ак. 20) – „если убьютъ огнищанина или тіуна у клѣти, или у коня, или у скотины, то убить его какъ пса", т. е. безъ отвѣтственности за то; никакихъ ограничительныхъ условій не постановлено. Напротивъ, по другому постановленію той же Правды (Ак. 28), позволяется убить (всякаго вора) на своемъ дворѣ, или у клѣти, или хлѣва, но если додержать вора до свѣта, то вести его на княжъ дворъ (къ суду): если же убьютъ вора тогда, когда люди видѣли уже его связаннымъ, то должны платить за него (уголовный штрафъ). Одинъ изъ списковъ Рус. Правды къ этому прибавляетъ, что можно убить вора только на своемъ дворѣ; а если поднимутъ ноги (убитаго) уже за воротами, то платить за него. Пространная Правда (Кар. 37) предоставляетъ право убить вора не только на дворѣ, но и повсюду, съ прочими прежними ограничительными условіями, назначая плату на незаконно убитаго вора въ 12 гривенъ (продажа, а не вира).—Изъ изложенныхъ постановленій видно, что позволялось убивать ночного вора, но именно такого, который не сдается, и не такого, который бѣжитъ. Это совершенно согласно съ тѣмъ, что было постановлено и русскими и греками въ договорѣ Олега, и есть не что иное, какъ необходимая оборона (воръ, который въ состояніи сопротивляться аресту, можетъ также унести и захваченныя вещи).—Но въ такомъ случаѣ какъ понять первую изъ приведенныхъ статей о безусловномъ правѣ убивать вора? Едва ли можно усматривать здѣсь усиленную строгость закона по отношенію къ лицамъ высшаго состоянія—огнищанамъ и тіунамъ, совершающимъ столь гнусное преступленіе. Но точно такъ же нельзя предположить, что здѣсь мы имѣемъ древнѣйшій законъ, соотвѣтствующій первоначальному безусловному праву убивать вора, а въ послѣдующихъ статьяхъ—ограниченія, обусловленныя новыми успѣхами права и цивилизаціи. Достаточно вспомнить, что тотъ и другой законъ включенны въ одну и ту же Правду Ярославичей и потому могутъ быть раздѣлены только весьма незначительнымъ промежуткомъ времени. Сверхъ того, гораздо раньше, въ договорѣ Олега съ греками, существовали уже указанныя ограниченія для произвола хозяина вещи, а, наоборотъ, гораздо позже, именно въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. (ст. 32), встрѣчаемся опять съ полнымъ произволомъ надъ воромъ, схваченнымъ на мѣстѣ преступленія: „если русинъ и латинянинъ поймаетъ татя, то надъ тѣмъ ему своя воля—куда его хочетъ, туда и дѣнетъ". Остается предположить, что въ 20 ст. 2-й Правды (и въ договорѣ 1229 г.) подразумѣвались тѣ же ограничительныя условія при убійствѣ вора, которыя потомъ особо выражены въ законѣ; можно думать, что случай татьбы, совершенной огнищаниномъ, возбудилъ вопросъ, можетъ ли собственникъ такъ же поступать съ княжими дружин-

никами, какъ и съ простыми людьми; законъ поспѣшилъ отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ только на это, не имѣя въ виду разрѣшенія всего вопроса о правѣ обороны.

Виновность преступнаго дѣятеля можетъ значительно измѣняться, если въ одномъ и томъ же дѣяніи проявилась *совокупность воли нѣсколькихъ дѣятелей:* или одинъ изъ нихъ можетъ подчинить себѣ волю другихъ (главное виновничество, подстрекательство и приказаніе совершить преступленіе лицомъ, имѣющимъ вліяніе или власть); или всѣ дѣятели совершаютъ преступленіе по взаимному уговору—съ равнымъ участіемъ воли каждаго (сообщество); въ первомъ случаѣ главный виновникъ несетъ бо́льшую отвѣтственность, во второмъ—всѣ равную. Рус. Правда знаетъ только преступное сообщество и караетъ каждаго преступника въ равной мѣрѣ; уже во 2-й Правдѣ (Ак. 40) находимъ, что, „если 10 человѣкъ украли одну овцу, то каждый платитъ по 60 рѣзанъ продажи". Правда пространная (Кар. 38) изъясняетъ точнѣе: за кражу скота изъ хлѣва или клѣти, если одинъ кралъ, платитъ 3 гр. и 30 кунъ, а если ихъ (воровъ) было много, то всѣмъ платить по 3 гр. по 30 кунъ (тоже ст. 39). Такимъ образомъ за преступленіе, совершенное сообществомъ, каждый участникъ карается такъ, какъ бы онъ одинъ совершилъ его. Если бы Русская Правда держалась частнаго взгляда на преступленіе, какъ на вредъ, нанесенный частному лицу, то она должна была бы назначить долевое вознагражденіе со всѣхъ участниковъ преступленія; сверхъ того, штрафъ, здѣсь положенный закономъ, есть уголовный штрафъ, независимый отъ частнаго вознагражденія.—Съ др. стор., Рус. Правда и не возвышаетъ уголовной отвѣтственности при сообществѣ, какъ нынѣ дѣйствующее право; это не опровергается испорченною статью (Ак. 29) 2-й Правды, по которой, если одинъ кралъ, то платитъ гривну и 30 рѣзанъ, а если было 18 воровъ, то—по 3 гр. и по 30 рѣзанъ каждый; здѣсь цифры въ текстѣ, очевидно, испорчены (вмѣсто 18 надо читать 10, а вмѣсто 30 рѣзанъ—3 грив. и 30 рѣзанъ). Не только соучастіе, но и *пособничество и неприкосновенность* караются наравнѣ съ главнымъ виновничествомъ, что видно изъ слѣд. статьи пространной Правды: если вмѣстѣ съ главнымъ виновникомъ-холопомъ крали или хоронили (плоды преступленія) свободные люди, то они въ продажѣ князю (Кар. 132). Какъ преступное сознаніе (умышленность), такъ и злая воля (преступная энергія) могутъ имѣть различныя степени, которыя знаетъ Рус. Правда и которыя будутъ указаны при анализѣ отдѣльныхъ видовъ преступленій личныхъ и имущественныхъ.

Преступное дѣйствіе. Для бытія преступленія необходимо, чтобы преступное сознаніе и воля перешли въ дѣйствіе (произвели измѣненіе въ объектѣ). Но уже Рус. Правда знаетъ и наказываетъ дѣйствіе, начатое, но не достигшее цѣли *(покушеніе)*; относительно преступленій личныхъ она выражаетъ это съ полною ясностью: „если кто вынетъ мечъ, но не ударитъ, то гривна кунъ" (Кар. 20): за преступленіе оконченное—ударъ мечемъ—положено 3 грив. продажи (Кар. 25); такимъ образомъ покуше-

ніе наказывается въ три раза слабѣе оконченнаго дѣйствія. Что касается покушенія при преступленіяхъ имущественныхъ, то думаютъ, что оно вообще ненаказуемо по древнимъ законодательствамъ, въ томъ числѣ и по Рус. Правдѣ; но это лишь недоразумѣніе: воръ, схваченный на мѣстѣ преступленія, т. е. не успѣвшій совершить кражи, могъ быть убитъ или схваченъ и представленъ на княжій дворъ для суда и наказанія, несомнѣнно равнаго наказанію за оконченную кражу, ибо здѣсь разумѣется покушеніе, неоконченное не по волѣ дѣятеля. О наказаніи за покушеніе на кражу, остановленное по волѣ преступника, молчатъ древніе законы потому, что такое покушеніе обыкновенно остается неизвѣстнымъ никому. Сообразно съ этимъ наказаніе за покушеніе на грабежъ и самый терминъ „покусится“, встрѣчаемые въ дог. Игоря (ст. 5), не могутъ быть отнесены исключительно на счетъ византійскаго права. Присутствіе понятія о покушеніи въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права доказываетъ, что преступное дѣяніе разсматривается въ нихъ не только, какъ вредъ, т. е. не исключительно съ точки зрѣнія *объективной*.— Но, при наличности злой воли, различіе *результатовъ* преступленія вліяетъ на уголовную оцѣнку дѣянія: ударъ мечемъ можетъ имѣть результатомъ или рану, или смерть жертвы; въ первомъ случаѣ штрафъ въ три гривны, во второмъ— вира (Кар. 25).

Объектъ преступленія. Сфера объектовъ по древнему праву очень тѣсная; это права лицъ физическихъ; такъ и опредѣляется она въ Русской Правдѣ; но практика въ то же время включала въ число объектовъ и права государства и общественныхъ союзовъ, защищаемыхъ государствомъ (религіи, церкви и нравственности). Физическое лицо, какъ объектъ преступленія, опредѣляется слѣд. чертами. Человѣкъ, не обладающій достоинствомъ лица, т. е. *холопъ или раба*, не можетъ быть объектомъ преступленія: убіеніе раба стороннимъ лицомъ „безъ вины“ не есть преступленіе убійства, а истребленіе чужой вещи: оно направлено не противъ раба, а противъ правъ хозяина: „за холопа и за рабу виры нѣтъ; но если безъ вины убитъ, то платить урокъ хозяину, а князю продажи 12 грив.“ (Кар. 120), т. е. столько же, сколько за зарѣзаніе коня или скотины. Убіеніе (неумышленное) собственнаго раба не наказуемо (Уст. Двин. грам. ст. 11). Точно то же нужно примѣнять и къ лицамъ, *лишеннымъ правъ* за преступленіе (чрезъ потокъ). Но права лицъ съ ограниченной правоспособностью ограждаются уголовнымъ закономъ въ одинаковой мѣрѣ съ свободными; таковы *закупы;* ихъ честь и здоровье ограждаются отъ произвола самого владѣльца ихъ: „какъ за свободнаго платить; такъ и за закупа“; за покушеніе на свободу ихъ господинъ платитъ уголовной продажи 12 гр. (Кар. 73). Таковы и *иностранцы*, именуемые въ Рус. Правдѣ „варягами“ (западно-европейцы) и „колбягами“ (восточные инородцы); въ процессуальной защитѣ ихъ правъ они даже имѣютъ нѣкоторыя преимущества предъ гражданами (Кар. 26). Договоры съ греками и съ нѣмцами установляютъ полную уголовную равноправность между гражданами и иностранцами: „если убьютъ купчину-нѣмца въ Новѣгородѣ, то за голову 10 грив.“,

что́ равняется 40 гривн. Рус. Пр. (догов. 1195 г. ст. 2). То же относится и къ *иноземцамъ* (т. е. гражданамъ другихъ русскихъ земель); поэтому неправильно мнѣніе (Чебышева-Дмитріева) о томъ, что сфера уголовнаго права исключительно опредѣлялась границами своей земли, и что вообще безродный и никому неизвѣстный человѣкъ не пользовался никакою защитою: оно основано на слѣд. ст. Рус. Правды (Кар. 15): „а на костехъ и по мертвецѣ не платити вири, оже имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его", которая, однако, имѣетъ другой смыслъ, а именно: община не обязана платить виру за скелетъ или трупъ человѣка, неизвѣстно отъ чего погибшаго.—Лица, *имѣющія полную правоспособность*, пользуются уголовною защитою своихъ правъ *не всѣ въ одинаковой степени*: именно въ этомъ отношеніи они различаются: 1) *По общественному положенію.* Въ преступленіяхъ личныхъ древнѣйшая Правда не различаетъ общественнаго положенія лицъ потерпѣвшихъ (Ак. 1); 2-я Правда ограждаетъ уже двойною вирою жизнь огнищанина, княжаго тіуна, княжаго конюха и подъѣзднаго (Ак. 18 и 21); 3-я Правда обобщаетъ эти классы въ одинъ—привилегированный, подъ именемъ княжихъ мужей" (Кар. 3): „если кто убьетъ княжаго мужа, то 80 грив., а если людина, то 40 гр."; сюда же относятся тіунъ огнищный и конюшій, хотя упомянутые отдѣльно, не въ числѣ княжихъ мужей (Кар. 10). Въ позднихъ спискахъ Рус. Правды (Кн. Оболенскаго) принципъ неравенства выраженъ такъ: „любо разсудити по мужу смотря"). Изъ остальныхъ нападеній на права личныя, неодинаковой карѣ подлежитъ „му́ка" (незаконное истязаніе, пытка) огнищанина, за что полагается 12 грив. продажи, и смерда, за что—3 гр. (Кар. 89 и 90). Одинъ изъ Смоленскихъ договоровъ съ нѣмцами различаетъ бороду обыкновеннаго человѣка отъ бороды боярина и куноемца. Въ этомъ отношеніи русское право имѣетъ, повидимому, сходство съ германскими законодательствами и противоположно славянскимъ, не допускающимъ общественныхъ различій въ уголовномъ правѣ: но въ германскихъ законодательствахъ различаются *родовыя* неравенства (по происхожденію) въ русскомъ служебно-общественныя; эти мнимыя привилегіи уже изъяснены нами въ исторіи классовъ общества (см. выше, часть I, стр. 31). Въ договорахъ съ нѣмцами двойною вирою ограждаются послы и попы (которые обыкновенно и бывали въ послахъ), т. е. лица общественныхъ положеній, важныхъ въ международномъ отношеніи. Наибольшимъ неравенствомъ наказаній обыкновенно отличаются преступленія противъ чести; но въ Рус. Пр. вовсе не отмѣчена такая разница за исключеніемъ одной неясной статьи (дополнит. 2), по которой высота штрафа опредѣляется происхожденіемъ лица не по мужеской, а по женской линіи (бабы и матери). Лишь въ позднихъ редакціяхъ церк. устава Ярослава штрафы за преступленія противъ чести, дѣйствительно, очень рѣзко различаются по общественнымъ классамъ (большихъ бояръ, меньшихъ бояръ, нарочитыхъ людей, простой чади). Въ отношеніи къ правамъ имущественнымъ, выше оцѣнивается собственность княжеская, но лишь въ частномъ вознагражденіи, а не въ уголовномъ штрафѣ (Ак. 25, 30).—2) *По по́лу.* Различіе уголовной защиты

правъ женщины отъ защиты правъ мужчины хотятъ видѣть въ слѣд. статьѣ 3-й Правды (Кар. ст. 101): „если кто убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судить, какъ и мужа; если будетъ виновата (по другимъ спискамъ „виноватъ"), то полвиры—20 грив.; принимая слово „жена" въ древнемъ значеніи женщины, находятъ, что жизнь женщины оцѣнивается вдвое меньше жизни мужчины (въ противоположность большинству германскихъ Правдъ). Другіе полагаютъ, что за убійство женщины полагается вообще такая же вира, какъ и за убійство мужчины; но если убитая вызвала нападеніе собственною виною, то полвиры. Но за убійство въ „свадѣ" (вызванное ссорою) та же Правда назначаетъ виру въ 40 грив. (Кар. 4); и вообще было бы не понятно, почему пониженіе наказанія допущено только тогда, когда рѣчь зашла о женщинѣ, а не вообще, когда убійство вызвано жертвою. Остается думать, что здѣсь рѣчь идетъ о женѣ, какъ супругѣ, и убіеніи ея мужемъ за преступленіе противъ семейныхъ правъ. Аналогія нѣмецкихъ законовъ не даетъ руководящихъ указаній. Важнѣе для насъ аналогія другихъ славянскихъ законодательствъ и позднѣйшаго русскаго права, по которымъ убійство женщины и мужчины оцѣнивается одинаково.

Классификація преступленій дѣлается въ Рус. Пр. на основаніи объектовъ ихъ; уже древнѣйшая Правда держится въ этомъ случаѣ опредѣленной системы, именно разсматриваетъ сначала преступленія противъ личныхъ правъ: убійство, нападеніе на здоровье и на честь, затѣмъ преступленія имущественныя; того же порядка держится и 3-я Правда. Ему будемъ слѣдовать и мы.

Преступленія противъ личныхъ правъ: убійство. Преступленія противъ жизни именуются „убійствомъ" (Кар. 3, надп.) и „разбоемъ" (Ак. 19 и Кар. 4); но первымъ терминомъ называется убійство вообще, вторымъ—предумышленное (въ уст. Ярослава оно именуется „душегубствомъ"). Различіе *непредумышленнаго и предумышленнаго убійства* не указывается въ древнѣйшей Правдѣ; съ нѣкоторою неясностью говоритъ о томъ 2-я Правда (Ак. 18 и 19); вполнѣ отчетливо различаетъ упомянутыя понятія 3-я Правда (Кар. 4 и 5), именно различаетъ убійство, совершенное въ „свадѣ"—ссорѣ, на пиру открыто (въ какомъ случаѣ община-вервь помогаетъ убійцѣ уплатить виру), и убійство въ разбоѣ, безо всякой свады (когда убійца выдается на потокъ, и община лишь въ такомъ случаѣ платитъ за него, если скрываетъ его и не выдаетъ князю). Совершенно подобнымъ обр. различаются оба понятія въ Полицкомъ статутѣ (XVII, 55—56): „гдѣ случится мертвая кровь, то 140 либръ, т. е. когда кто убьетъ другого въ ссорѣ; а если убьетъ способомъ ассасинскимъ (разбойничьимъ), изъ засады, или по какой корысти, или убивши ограбитъ, то слѣдуетъ vražda".

Увѣчье по древнѣйшей Правдѣ относится вполнѣ къ преступленіямъ противъ жизни, именно за него полагается вира (Ак. 5). 3-я Правда смягчаетъ на половину наказаніе, но не выводитъ увѣчья изъ разряда преступленій противъ жизни, назначая за него полувирье. По древнѣйшей

Правдѣ, увѣчьемъ называлось отнятіе руки или ноги, и тогда было понятно, почему оно равнялось убійству: увѣчный (лишенный средствъ защищать себя) умалялся въ своей правоспособности (въ христіанскую эпоху поступалъ подъ опеку церкви), т. е. выходилъ изъ ряда лицъ: для него наступала т. н. гражданская смерть. По 3-й же Правдѣ, понятіе увѣчья распространено на лишеніе глаза и носа; тогда уже не существовало основаній причислять это преступленіе вполнѣ къ убійству. Отнятіе прочихъ членовъ входитъ въ другой низшій разрядъ преступныхъ дѣйствій, а именно—

Преступленія противъ здоровья, каковы: легкія увѣчья—отнятіе пальца (Ак. 6), нанесеніе раны обнаженнымъ мечемъ (Кар. 25), побои и удары, не имѣющіе отношенія къ оскорбленію чести (Ак. 9). За всѣ эти виды преступныхъ дѣяній, между которыми есть весьма тяжкіе, взыскивается б. ч. средняя продажа (3 грив.).

Преступленія противъ чести. Рус. Правда знаетъ оскорбленіе чести только дѣломъ, а не словомъ, а потому преступленія этого рода по внѣшнему составу сливаются съ преступленіями противъ здоровья. Различія между тѣми и другими установляются гораздо бо́льшею наказуемостью нѣкоторыхъ дѣяній, несоотвѣтственною величинѣ матеріальнаго вреда ихъ; наприм., ударъ мечемъ необнаженнымъ или рукоятью, конечно, наноситъ гораздо менѣе вреда, чѣмъ тяжкая рана мечемъ; между тѣмъ за дѣяніе перваго рода полагается штрафъ вчетверо большій (12 грив.), чѣмъ за второе (Кар. 19). Точно такое же значеніе имѣетъ такой же высокій штрафъ за ударъ батогомъ, жердію, ладонью, чашею или рогомъ (орудіями пира), или тупою стороною меча (Ак. 3, Кар. 21). Наконецъ, сюда относится вырываніе *бороды* и *усовъ*, какъ символовъ мужества, особо-чтимыхъ многими древними народами (Ак. 7; Кар. 78). Сюда же относится и выбитіе зуба, очевидно, совершенное ударомъ по лицу (Кар. 79). Если за отнятіе пальца взыскивалось только 3 грив., то ничѣмъ инымъ нельзя объяснить штрафъ въ 12 грив. за вырванье уса, какъ понятіемъ психическаго оскорбленія. Так. обр. психическіе мотивы преобладаютъ въ оцѣнкѣ преступныхъ дѣяній надъ физическимъ вредомъ. Это особенно обнаруживается изъ привилегированнаго положенія *чести женщины*. Рус. Правда не отмѣчаетъ особой тяжести этого преступленія; но современный ей памятникъ (догов. съ нѣмц. 1195 г. ст. 7) назначаетъ за ударъ женщинѣ (замужней или дѣвицѣ) штрафъ, равный вирѣ за убійство свободнаго человѣка и столько же частнаго вознагражденія оскорбленной. Въ томъ же договорѣ есть постановленіе о наказуемости такихъ дѣяній противъ чести женщины, которыя не имѣютъ ничего общаго съ преступленіями противъ здоровья: „кто сорветъ у чужой жены головной покровъ, съ того 6 грив. за соромъ“ (ст. 8). Въ позднихъ редакціяхъ церк. устава Ярослава (ст. 22) появляется оскорбленіе *словомъ*, и именно въ отношеніи къ женщинѣ, при чемъ честь (вопреки Рус. Правдѣ) оцѣнивается уже весьма различно, смотря по обществ. состоянію оскорбленной.

Преступленія противъ свободы извѣстны Рус. Правдѣ въ двухъ видахъ ихъ. Это, во-перв., продажа полусвободнаго человѣка: „если господинъ продастъ закупа въ полное холопство, то за обиду 12 грив." (Кар. 73). Во-втор., лишеніе свободы по лживому обвиненію (Кар. 135); договоръ 1195 г. (ст. 4) объясняетъ, что дѣяніе этого рода каралось, какъ оскорбленіе чести: если свяжутъ мужа безъ вины, то 12 грив. за соромъ".

Преступленія противъ правъ имущественныхъ. Не всѣ нынѣ извѣстные виды преступныхъ дѣяній этого рода извѣстны Русск. Правдѣ. Именно она упоминаетъ о *разбоѣ*, только какъ о преступленіи противъ жизни, но предумышленное убійство, по Рус. Правдѣ, есть убійство съ корыстною цѣлью, что́ и приближается къ понятію разбоя въ нашемъ смыслѣ. Въ такомъ значеніи употребляется этотъ терминъ въ бытовыхъ памятникахъ временъ Рус. Правды: такъ, въ житіи Ѳеодосія разсказывается, что „нѣкогда были схвачены разбойники отъ людей, сторожившихъ *домъ свой*".—*Грабежъ*, хотя и не выдѣляется въ спеціальный видъ преступленія, но несомнѣнно наказывается наравнѣ съ татьбою и подъ именемъ татьбы; въ бытовыхъ памятникахъ встрѣчается и самый терминъ съ этимъ значеніемъ; въ Изборникѣ XIII в. читаемъ: „что есть мытоимьство? Грѣхъ, срама не имый, грабленіе насильное, то бо есть разбойничества злѣе; разбойникъ бо срамляется крадый, ась съ дерзновеніемъ грабитъ"; такимъ обр. всѣ три термина разбой, грабежъ и кража, употребляются для выраженія одного и того же понятія; но несомнѣнно, что каждый изъ нихъ имѣетъ и свой спеціальный смыслъ.—Рус. Правда не знаетъ также и термина—*мошенничество*, но имѣетъ въ виду нѣкоторые виды дѣяній этого рода: злостное банкротство (Кар. 133) и торговый обманъ при продажѣ коней (дополн. ст. 1); послѣдній случай, впрочемъ, ведетъ лишь къ гражданскому удовлетворенію.

Изъ имущественныхъ преступленій, извѣстнымъ Рус. Правдѣ, первое мѣсто занимаетъ *татьба*. Въ уголовной оцѣнкѣ татьбы по Рус. Правдѣ конкурируютъ субъективный и объективный взглядъ на преступленіе: тяжесть татьбы опредѣляется *цѣнностью* украденнаго; впрочемъ, всѣ предметы раздѣлены только на три категоріи: высшую, за предметы которой взыскивается 12 грив. продажи (холопъ—Кар. 34, бобръ—Кар. 81); среднюю съ продажею въ 3 грив. (рогат. скотъ—Ак. 29 и Кар. 38, пчелы—Кар. 87, охотничьи собаки и птицы—Кар. 93); прочіе предметы включаются въ низшую категорію съ продажею въ 60 кунъ. Но рядомъ съ этимъ уголовная тяжесть татьбы измѣряется и напряженностью преступной воли, именно такъ: „если кто украдетъ скотъ *въ хлѣвѣ*, то 3 грив. и 30 кунъ; а если кто украдетъ скотъ *на полѣ*, то 60 кунъ" (Кар. 38—39), т. е. *кража вещей, охраняемыхъ* собственникомъ, карается гораздо тяжелѣе кражи простой, такъ какъ въ 1-мъ случаѣ преступнику предстояло преодолѣть болѣе препятствій для исполненія преступнаго намѣренія. *О рецидивѣ* при кражѣ не упоминаетъ Рус. Правда, но быть можетъ этимъ понятіемъ изъясняется высокая уголовная кара за конокрадство

въ 3-й Правдѣ; именно коневый тать выдается князю на потокъ, тогда какъ клѣтный платитъ только 3 гр. (Кар. 31); между тѣмъ цѣнность предметовъ, сохраняемыхъ въ клѣти, можетъ много превышать цѣнность одной лошади. Зарѣзавшій коня злонамѣрено (Кар. 98), т. е. совершившій преступленіе высшее татьбы (см. ниже), карается лишь 12 грив. продажею. За простую кражу лошади полагается продажа, а не потокъ (Ак. 29, Кар. 33). Остается думать, что подъ коневымъ татемъ ст. 31-й разумѣется конокрадъ по ремеслу и рецидивистъ. *О святотатствѣ* лишь упоминается въ церк. уставахъ безъ назначенія опредѣленнаго наказанія.

Истребленіе чужихъ вещей, именно движимыхъ, съ точки зрѣнія матеріальнаго вреда, должны бы оцѣниваться наравнѣ съ татьбою тѣхъ же вещей; однако, оно наказывается въ три раза строже (Кар. 98 сл. съ Кар. 38; о *порчѣ* чужихъ вещей см. Ак. 17). *Поджогъ*, по Рус. Правдѣ, не есть истребленіе огнемъ какихъ бы то ни было вещей; поджогъ борти, наприм., есть преступленіе особаго порядка, наказываемое лишь 3 грив. продажею (Ак. 30); поджогъ въ собств. смыслѣ есть истребленіе огнемъ зданій, караемое потокомъ и разграбленіемъ; такое тѣсное и правильное понятіе не встрѣчается въ другихъ славянскихъ законодательствахъ; по Чешскому праву, за поджогъ лѣса—сожженіе (Maj Carol. XXXV); по серб. (Зак. Душана), за поджогъ сѣна внѣ села—сожженіе. Подъ зданіями Рус. Правда разумѣетъ дворъ и гумно, т. е. какъ зданія, назначенныя для жилища человѣка, такъ и для храненія продуктовъ (Кар. 97).

Незаконное пользованіе чужими вещами карается, по Рус. Правдѣ, наравнѣ съ татьбою: „кто поѣдетъ на чужомъ конѣ, не спросившись у хозяина, то 3 грив.“ (Ак. 11, Кар. 28). Истребленіе признаковъ частной собственности (знаменій, межъ) наказываются высшею продажею въ 12 грив. (Кар. 82—83).

Этимъ и оканчивается система преступленій по Рус. Прав., ограничиваясь, какъ сказано, дѣяніями, направляемыми противъ правъ частныхъ лицъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о другихъ видахъ преступныхъ дѣяній извлекаются уже изъ другихъ частію бытовыхъ, частію законодательныхъ памятниковъ той же эпохи.

Преступленія противъ правъ государства. Рус. Правда не содержитъ постановленій о преступленіяхъ этого рода частію по обыкновенной неполнотѣ закона въ сравненіи съ сферою дѣйствующаго права, частію же потому, что преступность нѣкоторыхъ дѣяній изъ этого разряда не вполнѣ была сознана. Такъ, понятіе о *верховной измѣнѣ* противорѣчило тогдашнему вѣчевому строю русск. земель: борьба населенія или одной части его со своимъ княземъ есть политическая обычная борьба партій, а не преступленіе; одолѣвшая партія могла потомъ принимать репрессивныи мѣры, которыя нельзя считать наказаніемъ. Примѣръ возстанія кіевлянъ на своего князя Изяслава въ 1067 г. и казней, которыя потомъ совершилъ этотъ князь, доказываетъ высказанное сейчасъ соображеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельствуетъ, что понятіе о верховной измѣнѣ

начало уже складываться: сами кіевляне называютъ свое возстаніе „зломъ"; лѣтописецъ осуждаетъ князя, что онъ произвелъ казнь безъ суда (Лавр. лѣт.): князь отрубилъ головы 70 чел., которые выпустили Всеслава, другихъ ослѣпилъ, а „иныхъ безъ вины погубилъ".—Понятіе объ *оскорбленіи величества* складывается въ особенности въ Суздал. землѣ и выражается лѣтописцемъ по случаю убіенія Андрея Боголюбскаго. Понятіе *земской измѣны* было доступнѣе и легче, но не въ отношеніяхъ между русскими землями: содѣйствіе стороннему князю, добывающему столъ, могло не казаться измѣною. Лишь тайный перевѣтъ съ врагами своего князя всегда осуждается (примѣръ Блуда, предавшаго Ярополка Владиміру). Въ Новгородѣ и Псковѣ вообще яснѣе и раньше, чѣмъ въ другихъ земляхъ, развивается понятіе земской измѣны: въ 1141 г. казнили въ Новгородѣ Якуна, который бѣжалъ за удалившимся кн. Святославомъ: обнаживши его, свергли съ моста въ Волховъ. Въ отношеніи къ врагамъ-инородцамъ земская измѣна вездѣ и для всѣхъ была ясна: въ 1194 г. въ Новгородѣ казнили измѣнниковъ, предавшихъ дружину Новгородскую Югрѣ.—Одновременно съ политическими преступленіями уясняются и *преступленія по службѣ*, при чемъ отвѣтственными лицами являются какъ сами князья, такъ и подчиненныя власти. Вообще во всѣхъ земляхъ князь, по преступленіямъ по своей должности, подлежалъ суду и наказанію союза князей: „рядъ нашъ такъ есть, оже ся князь извинитъ, то въ волость" (лѣт. Ипат., годъ 1177). Но въ Новгородѣ и въ Псковѣ, а отчасти и въ другихъ земляхъ князья подлежали также суду вѣча: въ 1136 г. Новгородцы судили князя Всеволода за неисполненіе имъ обязанностей князя, какъ вождя и правителя. Что касается подчиненныхъ властей, то, напр., въ 1209 г. въ Новгородѣ судили и казнили посадника за превышеніе власти (незаконное наложеніе податей). Въ другихъ земляхъ подобныя преслѣдованія высшихъ властей совершались еще въ формѣ народныхъ возстаній особенно при смѣнѣ князя (въ Кіевѣ по смерти Святополка); а это показываетъ, какъ неясно должно быть въ то время представленіе о *преступленіяхъ гражданъ противъ порядка управленія;* составленіе мятежныхъ скопищъ было обыкновеннымъ явленіемъ при вѣчевомъ складѣ общества: случай въ Новгородѣ, описанный подъ 1071 г., когда весь народъ сталъ за волхва и лишь князь Глѣбъ съ дружиною за епископа, показываетъ, какъ трудно было причислить подобныя явленія къ обыкновеннымъ преступленіямъ.—Точнѣе были понятія о *прест. противъ судебной власти*, почему только этотъ одинъ родъ государств. преступленій и отмѣченъ Рус. Правдою; такихъ преступленій не могло быть, когда право возстановлялось только самими потерпѣвшими; но во времена Рус. Правды, когда произволъ мстителей былъ совершенно ограниченъ, было постановлено, что за „му́ку" огнищанина или смерда безъ княжаго слова полагается продажа (Ак. 31—32; Кар. 89—90; сл. Кар. 135).

Преступленія противъ вѣры могли существовать и въ языческую эпоху (какъ показываетъ казнь въ Кіевѣ варяга-христіанина за отказъ

выдать сына на жертву богамъ при Владимірѣ); но нынѣшнее понятіе о нихъ образовалось съ принятія христіанства и формулировано по грекоримскому праву въ церковныхъ уставахъ. Въ уставѣ Владиміра отмѣчено два вида ихъ: *зелейничество* и *вѣдьство*. Уставъ Всеволода называетъ то же *чародѣяніемъ* и *волхвованіемъ*. Первое имѣетъ сложный объектъ: оно есть знаніе (знахарство) особенныхъ силъ природы (преимущественно „зелій"—травъ), соединенное съ пользованіемъ этими силами во вредъ другимъ (crimen maleficorum) почему зелейничествомъ называлось и отравленіе. Второе—это мнимое знакомство съ міромъ невидимымъ (crimen mathematicorum). Такъ какъ дѣйствія такого рода не только не преслѣдовались языческою религіею, но и возникли отъ нея, то первоначально трудно было преслѣдовать ихъ, какъ преступленія (выше былъ приведенъ случай, когда весь народъ сталъ на сторону волхва). Лишь въ XII и XIII вв. господство двоевѣрія ослабѣло, и тогда начинается повсемѣстное и частое преслѣдованіе волшебства: напр., въ Новгородѣ въ 1227 году „сожгли 4 волховъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они дѣлали потворы, а Богъ вѣдаетъ (правда ли это); ихъ сожгли на Ярославлѣвѣ дворѣ".— Другія дѣйствія, воспрещенныя, какъ противныя вѣрѣ и церкви, суть моленіе въ рощахъ или у воды и подъ овиномъ, ограбленіе труповъ, посѣченіе крестовъ (на могилахъ и на дорогахъ), отрѣзываніе частицъ отъ священныхъ предметовъ (для волхвованія) и введеніе въ церковь собакъ или птицъ.

Преступленія противъ семейнаго права и нравственности возникли также только со времени принятія христіанства и отмѣчены въ тѣхъ же церковныхъ уставахъ. Сюда относятся: а) преступленія противъ христіанскаго строя, семьи, подлежащія суду церкви и денежному штрафу въ пользу церковныхъ властей, но съ добавочнымъ уголовнымъ наказаніемъ со стороны князя, таковы: бракъ въ близкихъ степеняхъ родства или свойства (церк. уст. Яросл. ст. 12), двоеженство въ собственномъ смыслѣ, т. е. одновременное сожительство съ двумя женами (ibid 13), и двоеженство не въ собственномъ смыслѣ, т. н. женитьба на другой безъ правильнаго расторженія перваго брака (ibid 7); двоемужіе, при которомъ наказанію подлежатъ какъ самая двумужница, такъ и второй мужъ (по сп. Макарія); прелюбодѣяніе со стороны мужа (уст. Яр. ст. 6); самовольное отпущеніе жены мужемъ (разводъ—ibid, ст. 3) и разводъ по согласію супруговъ безъ воли епископа (ibid 14), при чемъ наказаніе весьма различается, смотря потому, былъ ли бракъ вѣнчанный, или нѣтъ; злоупотребленіе со стороны родителей брачною судьбою дѣтей, т. е. отказъ въ согласіи на бракъ или принужденіе къ нему (ibid 21); б) общія преступленія, совершаемыя въ семейной сферѣ, которыя подлежатъ суду князя или мож. б. общему суду церкви и князя; но вира и продажа дѣлится между церковною и государ. властями, таковы: убійство и душегубство (непредумышленное и предумышленное убійство), совершаемыя при свадьбѣ или сговорѣ (ibid ст. 26); поджогъ (ibid ст. 10; быть можетъ здѣсь разумѣется поджогъ церковныхъ зданій и зданій въ имѣніяхъ церкви)

кража между супругами (со стороны мужа конопли, льна, „жита“, подъ которымъ разумѣются продукты, необходимые на общее содержаніе семьи, и женскихъ одеждъ; ibid 24—25); в) преступленія противъ нравственности, именно: блудъ въ различныхъ видахъ; похищеніе дѣвицъ, съ тройственнымъ объектомъ, какъ оскорбленіе нравственности, какъ нарушеніе правъ родителей и какъ безчестіе похищенной (ibid 1); изнасилованіе, особенно квалифицированное (ibid 5), также съ объектомъ сложнымъ (какъ преступленіе противъ здоровья, чести и нравственности); скотоложство (ibid 16).

Какъ бы ни были сомнительны редакціи устава Ярослава, но старѣйшія изъ нихъ, несомнѣнно, относятся къ эпохѣ Рус. Правды, а потому содержаніе ихъ можетъ и должно выражать дѣйствительное состояніе уголовнаго права того времени.

б) Наказаніе.

Такъ какъ наказаніе есть возстановленіе нарушенныхъ преступленіемъ правъ общества, то основной интересъ историческаго изложенія права наказанія есть вопросъ объ общественномъ элементѣ его, объ очищеніи его отъ личной примѣси (начиная почти съ животной реакціи и самозащиты).

Понятіе о наказаніи. *Термины* общіе для выраженія этого понятія въ законодательныхъ памятникахъ не встрѣчаются, кромѣ слова „казнь“, упомянутаго выше по догов. рус. съ греками. Но въ памятникахъ бытовыхъ употребляются термины: *„наказаніе“* и *„месть“* (въ общемъ смыслѣ наказанія). „Месть“ въ обширномъ смыслѣ означаетъ наказаніе вообще: волхвы, наказанные Яномъ на Бѣлооозерѣ, приняли „месть отъ Бога“ (Лавр. лѣт.); въ Законѣ судномъ людемъ (по изд. Рус. Достопам., гл. 69) сказано: „аще кто бьетъ раба своего жезломъ, ти умретъ отъ руку его,— судомъ да ся мьститъ“. Въ частности терминъ месть примѣняется какъ къ карѣ, налагаемой частнымъ лицомъ, такъ и къ наказанію, назначаемому судомъ: „местникомъ“ въ догов. Олега (ст. 12) названа сторона въ процессѣ. Местникомъ называется также судья: въ Законѣ судномъ людемъ (того же изд. 76) говорится, что, если низшіе судьи отказываютъ въ правосудіи, то „взиидутъ къ великому отместнику, его-же постави власть наша“. Юридическій Сборникъ (изд. во II ч. Русскихъ Достопамятностей) начинается такъ: „нищаго не помиловати яко месть“, что составляетъ переводъ Исхода (XXIII, 3): „нищаго да не помилуеши на судѣ“; поэтому Дубенскій справедливо говоритъ: „месть то же, что судъ, κρίσις, lis“. Филологическій смыслъ слова „наказаніе“ есть „наученіе и исправленіе“: „наказаніе—institutio, poena; наказати—instituere („тыи въспита ме и наказа и наоучи), punire“ (Рѣчникъ Даничича). Въ смыслѣ слова „наказаніе“ (исправленіе) выраженъ основной взглядъ славянъ на *цѣль наказаній*, взглядъ, конечно, указывающій на будущее и мало примѣни-

мый къ самой эпохѣ Рус. Правды. Въ эпоху мести цѣлію наказанія является *возмездіе*, т. е. воздаяніе зломъ за зло, что впослѣдствіи усвоено и государствомъ. Въ эпоху денежныхъ выкуповъ къ этой прежней цѣли присоединяется другая, уже чисто государственная, именно *финансовыя выгоды:* когда Владиміръ Св. ввелъ было, по совѣту епископовъ, вмѣсто виръ, смертную казнь, то дума боярская настояла на возстановленіи виръ, по слѣд. единственному основанію: „оже вира, то на оружіи и на конихъ буди", т. е. вира дастъ средства пріобрѣтать оружіе и коней. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ главныхъ видовъ потока—обращеніе преступниковъ въ рабство князю—возникъ также изъ расчетовъ экономическихъ. До нѣкоторой степени финансовыми соображеніями объясняется долговременное существованіе общинной (дикой) виры (см. ниже) и возможность для населенія откупаться отъ уплаты виры постояннымъ (таксированнымъ налогомъ (см. Уст. Грам. Ростислава Смолен. 1150 г.), а также и то обстоятельство, что государство жалуетъ частнымъ лицамъ имѣнія „съ вирами". Изъ этого не слѣдуетъ, что государство за деньги отказалось вовсе отъ своего карательнаго права: право наложенія наказаній переходитъ къ общинамъ и м. б. частнымъ лицамъ [1]), но состоитъ подъ надзоромъ государства.

Вообще же *право наложенія и отмѣны наказаній* въ 1-й періодъ опредѣляется понятіемъ о мести и другихъ видахъ тогдашнихъ наказаній.

Виды наказаній въ историческомъ порядкѣ суть: 1) месть, 2) денежные штрафы, 3) уголовныя кары.

Месть въ тѣсномъ смыслѣ есть возмездіе за уголовную неправду, совершенное руками потерпѣвшаго. Въ томъ понятіи, какое даетъ о ней Рус. Правда, месть совмѣщаетъ и частный и *общественный* элементы наказанія, что̀ видно изъ нижеслѣдующаго: 1) месть не только *признана, но и предписана* закономъ (Рус. Пр. Ак. 1, Кар. 1); „если отсѣчетъ руку, то дѣти искалѣченнаго должны смирить" (Ак. 5). Обязательный характеръ мести ясенъ въ особенности въ догов. съ греками, при чемъ договаривающіяся стороны заботятся, чтобы преступникъ не остался безъ наказанія („да умреть"; „да убіютъ ѝ"). 2) Месть *соединяется съ судомъ*, т. е. требуетъ или послѣдующей за местію санкціи суда (какъ обыкновенно и бывало), или предварительнаго рѣшенія суда: древнѣйшая Правда требуетъ, чтобы окровавленный или раненый доказалъ на судѣ справедливость обвиненія и только послѣ этого можетъ или мстить, или взять за обиду 3 гривны (Ак. 2). Лѣтопись подъ 1070 г. разсказываетъ, что когда-то раньше (конечно, до отмѣны мести) воевода княжій Янъ схватилъ Ярославскихъ волховъ на Бѣлѣозерѣ, осудилъ ихъ за убійство многихъ женщинъ и наказалъ такъ: выдавъ ихъ родственникамъ убитыхъ,

[1]) См. грам. Мстислава Юрьеву монастырю 1130 г. въ Христ. выш. I и прим. къ ней 4-е. Вопросъ о частновладѣльческомъ карательномъ правѣ не можетъ быть разрѣшенъ съ точностью для древняго періода по недостатку источниковъ,

сказалъ имъ: „мстите своихъ“; родственники предали осужденныхъ смерти, 3) Законъ опредѣляетъ, *кто имѣетъ право* (и обязанность) *мстить*, а именно: за убійство мстятъ *члены рода* (отецъ и сынъ, братъ, дядя и племянникъ; Ак. 1, Кар. 1); въ 1-й ст. Рус. Правды, однако, содержится неполное опредѣленіе круга мстителей: не указано право мести за мать, сестру, жену и дочь, несомнѣнно существовавшее, какъ видно изъ приведеннаго сейчасъ лѣтописнаго факта. Но это есть результатъ обыкновеннаго недостатка обобщеній въ древнихъ памятникахъ, которые, вмѣсто того, стараются перечислить частичныя подробности, но всегда неудачно. Право мести за лицъ женскаго пола подразумѣвалось подъ соотвѣтствующими степенями родства муж. пола. За увѣчье полагалась месть *членовъ семьи*: „тогда чада смирять“ (Ак. 5). За личное оскорбленіе и побои—*месть личная*: „оже ли *себѣ* не можетъ мстити, то взяти ему за обиду 3 грив.“ (Ак. 2).—4). Этимъ опредѣляется и то, *за какія преступленія* полагалась месть? Именно: за убійство, увѣчье и нападеніе на здоровье и честь. Что касается убіенія вора, т. е. мнимой мести за татьбу, то мы говорили, что здѣсь не самоуправство, а состояніе необходимой обороны. — 5) *Въ чемъ состояла месть?* Въ каждомъ ли случаѣ преступникъ отдавался на полный произволъ мстителя? Думать такъ не позволяетъ соединеніе мести съ судомъ и ясное различеніе въ Рус. Правдѣ относительной тяжести преступныхъ дѣяній. За убійство должна была слѣдовать смерть, но не за увѣчье („смирять“ не значитъ лишить жизни) и не за личныя оскорбленія; это показываетъ аналогія постановленій о мести холопу, ударившему свободнаго мужа; при Ярославѣ было позволено убить его за то, но сыновья Ярослава, отмѣнивъ такой суровый законъ, не вполнѣ уничтожили месть и постановили, что оскорбленный можетъ или связать его или побить, т. е. месть состояла въ лишеніи свободы и тѣлесномъ наказаніи. 6) Съ замѣною родовыхъ союзовъ общинными и земскими (*месть вымирала* постепенно, ибо въ мщеніи участвуетъ уже земская (государственная) власть; несомнѣнно, что и христіанство имѣло сильное вліяніе на ослабленіе мести; случаи замѣны мѣсти выкупомъ по закону (при бѣгствѣ преступника) и по условію съ мстителемъ дѣлались чаще. Послѣднее не служитъ отрицаніемъ уголовнаго характера мести, ибо прощеніе преступнику (съ условіемъ имущественныхъ взысканій) совершалось при участіи общества, на что указываетъ обрядъ *покоры*, извѣстный не только у западныхъ славянъ, но и у русскихъ (галичанъ, см. Akta grodzkie и zemskie. T. VI, № 40) [1]). Уже при Владимірѣ св. осуществленіе мести было рѣд-

[1]) Г. Пр. Домбковскій, признающій покору институтомъ польскаго права и отвергающій бытіе ея у русскихъ, замѣчаетъ (стр. 48 отд. изданія) по поводу настоящей ссылки нашей на Львовскій актъ 1460 г., что этотъ поздній „фактъ относится къ тому времени, когда *польское право уже давно дѣйствовало въ Галицкой Руси*“; но затѣмъ онъ же прибавляетъ: „нужно еще присоединить, что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ объ актѣ городской юрисдикціи и о дѣлѣ между мѣщанами, *которые управлялись правомъ нѣмецкимъ*“. Такимъ образомъ остается неизвѣстнымъ: слѣдуетъ ли намъ припи-

кимъ явленіемъ; тогда, при рѣшеніи вопроса о наказаніи за разбой, рѣчь шла о выборѣ между казнію и вирою, безъ упоминанія о мести. Хотя месть не исчезла во второй полов. XI в., какъ видно изъ Ярославовой Правды и лѣтописныхъ фактовъ, но практическое ослабленіе ея дало возможность князьямъ Ярославичамъ отмѣнить ее закономъ: „послѣ Ярослава собрались сыновья его и отложили убіеніе за голову, и предписали выкупаться деньгами“ (Кар. 2); примѣненіе мести на Бѣлоозерѣ, записанное въ лѣтописи подъ 1070 г., не можетъ служить подтвержденіемъ той мысли, будто Ярославичи отмѣнили не месть, а смертную казнь, установленную Владиміромъ; послѣдняя отмѣнена самимъ Владиміромъ; случай на Бѣлоозерѣ только *записанъ* подъ 1070 г. Несмотря на указанныя ограниченія мести, одно существованіе ея указываетъ на важнѣйшее *значеніе частнаго лица* въ сферѣ уголовнаго права.

Денежные штрафы. Въ мести сливались нераздѣльно частный и общественный элементы наказанія; какъ скоро месть замѣнена денежными штрафами, то оба элемента тотчасъ выступаютъ въ своей раздѣльности; штрафы дѣлятся на уголовные (въ пользу общественной власти) и частное вознагражденіе потерпѣвшему, именно: за убійство—*вира* (въ пользу князя)

—

сать покору праву польскому, или нѣмецкому; считаемъ несомнѣннымъ, что нельзя приписать ее ни тому, ни другому: съ нѣмецкимъ правомъ въ русскихъ городахъ могло конкурировать не польское право, которое въ городахъ не дѣйствовало, а лишь русское *обычное*, которое сразу не могли истребить нѣмецкіе кодексы. Вотъ почему изъ многихъ актовъ покоры, относящихся къ Галицкой Руси, мы избрали *только одинъ* этотъ. Изъ временъ болѣе позднихъ мы могли бы привести нѣсколько типическихъ актовъ покоры въ литовско-русскомъ государствѣ, гдѣ, какъ извѣстно, право польское не дѣйствовало. Ограничимся однимъ слѣд. Въ 1541 г., февр. 14, Гродненскій земскій судъ разсматривалъ дѣло объ убійствѣ Вас. Воловича Матысомъ Кунцевичемъ; „когда тотъ Мат. Кунцевичъ изъ тюрьмы („съ казни“) приведенъ былъ въ судъ, то не чиня никакихъ возраженій противной сторонѣ и не желая вступать въ судебное разбирательство, какъ человѣкъ виновный, и упавши крестомъ (крыжемъ) передъ п. Яномъ и братомъ его Остафьемъ Воловичами (братьями убитаго) и предъ другими родственниками ихъ, съ плачемъ, признавая себя виновнымъ, просилъ ради Бога милосердія отъ п. Яна и п. Остафія и отъ другихъ родственниковъ ихъ, соглашаясь всякую кару, заключеніе и покору снести за убитаго, къ чему п. Иванъ съ братьею и съ другими родственниками своими приговорятъ его, и какую милость согласятся дать“. Судьи, выслушавши сознаніе Мат. Кунцевича, который самъ призналъ себя виновнымъ, выдали его въ руки п. Яну и брату его Остафью; воленъ будетъ п. Иванъ съ братомъ своимъ дѣлать съ нимъ, что хочетъ, согласно съ снисхожденіемъ и милосердіемъ ихъ (Акты Вил. Ком. XVII, № 727). Этотъ весьма поздній фактъ рисуетъ намъ, однако, древнѣйшую сущность покоры, когда она не была еще символическою формою прощенія, уже даннаго, а дѣйствительнымъ испрошеніемъ прощенія и полнымъ предоставленіемъ себя во власть мстителя. Само собою разумѣется, что „ласка и милосердіе“ мстителя при этомъ всегда наступали (въ данномъ случаѣ акты не даютъ намъ указаній о послѣдствіяхъ покоры). Впрочемъ, литовско-русское право XVI в. уже содержитъ въ себѣ нѣсколько точныхъ опредѣленій формы покоры (не употребляя этого термина) и ея послѣдствій въ отношеніи къ другимъ преступленіямъ (по службѣ, противъ чести: см. Г. В. Демченко: „Наказаніе по Лит. ст.“, стр. 177—178 и 259—266).

и *головничество* (потерпѣвшему), за прочія преступленія—*продажа* (князю) и *урокъ* (потерпѣвшему).

Вира и головничество. Слово „вира", не встрѣчающееся въ другихъ славянскихъ языкахъ, считаютъ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго языка (Wehrgeld), но корень его находится во множествѣ языковъ (между прочимъ въ финскомъ). Уголовное значеніе виры извѣстно со временъ Владиміра: когда онъ, по совѣту епископовъ, началъ было казнить разбойниковъ, то дума представила ему, что это не выгодно, ибо вира даетъ средства для пріобрѣтенія оружія и коней (Лавр. л. т. 696 г.). По Правдѣ Ярослава, вира взимается въ томъ случаѣ, если нѣтъ мстителя (Ак. 1); Ярославъ установилъ „урокъ" (таксу) въ пользу вирника, собиравшаго виры на князя (Ак. 42). Для XII вѣка уголовное значеніе виры не подлежитъ сомнѣнію: въ Суздальской землѣ княжескіе чиновники притѣсняютъ народъ вирами и продажами. Вира взыскивалась не всегда съ одного преступника, но иногда съ общины—*верви*, къ которой онъ принадлежитъ; въ такомъ случаѣ она называлась *дикою вирою* и взыскивалась въ двухъ случаяхъ: а) если совершено убійство не предумышленное, и преступникъ состоитъ съ членами своей общины въ круговой порукѣ; б) если совершено убійство предумышленное, но община не разыскиваетъ убійцы (прикрываетъ его и не выдаетъ). Въ первомъ случаѣ вервь платитъ съ участіемъ самого преступника (въ соотвѣтственной долѣ); во второмъ случаѣ уплата виры разсрочивается на нѣсколько лѣтъ (Кар. 4). Происхожденіе круговой поруки изъясняютъ иногда изъ полицейско-финансовыхъ цѣлей государства, т. е. изъ стремленія князей получать доходъ отъ приступленій во всякомъ случаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить общины предупреждать преступленія. Но оба эти соображенія могли явиться и явились впослѣдствіи при развитіи государственной власти; первоначальная же круговая порука не есть искусственное государственное учрежденіе, а возникаетъ повсюду какъ изъ имущественной и личной солидарности родовыхъ и территоріальныхъ общинъ, такъ еще болѣе изъ права общинъ налагать на преступниковъ наказанія. Право общинъ не только преслѣдовать преступленія, но и карать за нихъ въ древнѣйшее время не подлежитъ сомнѣнію, на основаніи соображеній съ послѣдующими явленіями русскаго права, напр., копными судами въ западной Россіи, которые служатъ лишь остаткомъ древнихъ болѣе полныхъ правъ общинъ. Но что это право общинъ не было безусловнымъ (независимымъ отъ государства), доказательствомъ служитъ именно дикая вира, а равно и нѣкоторыя фактическія указанія (въ упомянутомъ выше случаѣ, воевода черниговскаго князя Янъ требуетъ отъ бѣлозерцевъ поймать и выдать ему волхвовъ, производившихъ смуту). Вообще съ ослабленіемъ значенія частнаго лица (съ уничтоженіемъ мести) возвышается *значеніе общинъ* въ сферѣ уголовнаго права.— Высота виры постоянна: за свободныхъ людей вообще 40 грив., за лицъ привилегированныхъ—80 грив., за жену 20 грив.; столько же за увѣчье по 2-й Правдѣ. Высота головничества не опредѣляется закономъ; только

при изувѣченіи назначается опредѣленное вознагражденіе, имено въ половину противъ уголовнаго штрафа (10 грив.; Кар. 22).

Продажа и урокъ. Уголовное значеніе продажи видно изъ нѣкорыхъ приведенныхъ фактовъ относительно виры; во 2-й Правдѣ оно вполнѣ ясно, напр., изъ слѣд.: „если украдетъ лодью, то за лодью 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ“ (Ак. 34); 3-я Правда не оставляетъ въ топъ никакого сомнѣнія (см. Кар. 23, 25, 33, 43, 132 и др.). Цифры продажи постоянны, именно: 12 гривенъ (за убіеніе вора безъ требованія обороны, оскорбленіе чести, лишеніе свободы, за кражу холопа и бобра, за истребленіе коня и скота, за порчу межъ); 3 грив. (и 30 кунъ) за всѣ прочія преступленія, кромѣ самыхъ маловажныхъ, за которыя взыскивалось 60 кунъ или рѣзанъ.—Урокъ таксированъ въ законѣ относительно преступленій личныхъ, наносящихъ физическій вредъ (за зубъ Кар. 79, за палецъ Кар. 23, за рану Кар. 25—по 1 гривнѣ); за преступленія противъ чести Рус. Правда не даетъ таксы; между тѣмъ какъ церковн. уставъ Ярослава содержитъ подробную оцѣнку чести. При преступленіяхъ имущественныхъ или возвращается вещь, или цѣна ея, назначенная въ законѣ (Кар. 40, 41, 42).—Денежные штрафы въ опредѣленномъ количествѣ ихъ могли имѣть правильное уголовное значеніе лишь въ періодъ экономическаго равенства. При несостоятельности преступника должна была явиться *замѣна ихъ уголовными наказаніями*, что̀ дѣйствительно и находимъ прямо въ правахъ другихъ народовъ (наприм., сербскаго) и въ позднѣйшемъ русскомъ правѣ. Высшій штрафъ, именно вира, уплачиваемая безъ помощи общины, обыкновенно былъ не подъ силу для одного преступника, а потому въ 3-й Правдѣ вира и замѣнена уже въ законѣ потокомъ.

Потокъ и разграбленіе. Потокомъ называется лишеніе личныхъ правъ, а разграбленіемъ—лишеніе правъ имущественныхъ; и то и другое составляетъ одно наказаніе, а не два вида наказаній; хотя въ одномъ случаѣ (Кар. 31) упомянутъ одинъ потокъ безъ разграбленія (именно за конокрадство), но въ другомъ случаѣ терминъ „поточити“ употребленъ въ смыслѣ разграбленія (Кар. 97: за поджогъ изъ разграбленнаго имущества преступника прежде всего удовлетворяется потерпѣвшій, а „въ остальномъ князю поточити“). Потокъ и разграбленіе не только замѣнили виру за предумышленное убійство, но и распространены на конокрадство и поджогъ, а практика распространяла это наказаніе и на политическія преступленія (Новг. 1-я лѣт. подъ 1209 г.); несомнѣнно, что и за татьбу при несостоятельности слѣдовало то же. Первоначально потокъ и разграбленіе имѣли неопредѣленное значеніе: съ лишеннымъ правъ и его семьею можно было сдѣлать, что угодно: наприм., въ Новгородѣ въ 1209 году „Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажгоша, а животы ихъ поимаша, и села ихъ распродаша и челядь“: въ 1230 году тамъ же „заутра убиша Смѣна Борисовиця, и домъ его весь разграбиша, и села, и жену его яша“. Разграбленное имущество иногда дѣлили „по всему городу по 3 гривны“; въ княжествахъ оно поступало князю. При тѣсной солидарности имущественныхъ и личныхъ правъ семьи, естественно страдали жена и дѣти, при

чемъ, однако, могло слѣдовать и предположеніе о ихъ соучастіи въ преступленіи мужа и отца и, по крайней мѣрѣ, о пользованіи плодами его (сл. Суд. Казим. ст. 1 и 5). Изъ этой неопредѣленной сущности потока развились уже въ эпоху Русской Правды всѣ *виды уголовныхъ каръ*, а именно:

а) Наказанія, обращенныя на свободу: *изгнаніе и ссылка;* напр., въ 1024 г. Ярославъ „изымавъ волхвы, расточи); кн. Мстиславъ въ 1129 г. „поточи князя Полотскіе Царюгороду въ Греки". *Заключеніе* является однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ наказанія, при этомъ у русскихъ различаются двѣ степени: заключеніе *въ желѣза* (цѣпи)—болѣе легкая степень, и заключеніе въ *погребъ*—болѣе тяжкая (см. договоръ 1229 г. ст. 9 и прим. къ ней въ нашей Христом. по ист. рус. права, вып 1). О послѣднемъ находимъ свидѣтельства, относящіяся къ пол. XI-го в. (заключеніе князя полоцкаго Всеслава въ погребъ въ Кіевѣ и освобожденіе его оттуда народомъ). По свѣдѣніямъ изъ эпохи болѣе поздней, слѣдуетъ думать, что подземныя тюрьмы устраивались въ фундаментѣ крѣпостныхъ башенъ (почему нѣмецкое наименованіе башни—Thurm перешло въ русское названіе тюрьма).—Но заключеніе во всѣхъ его видахъ въ древнѣйшую эпоху имѣло не столько карательное, сколько предупредительное значеніе, и примѣнялось какъ къ преступникамъ до назначенія имъ дѣйствительнаго наказанія, такъ и къ плѣнникамъ. Заключеніе, соединяемое со ссылкою, давало новый видъ наказанія—*заточеніе*. Напр., въ 1141 г. „заточиша Якуна въ Чудь съ братомъ, оковавъше и руцѣ къ шыи". *Обращеніе въ рабство:* въ договорѣ съ нѣмц. 1229 г. (ст. 11) говорится: „если князь разгнѣвается на своего человѣка и отниметъ все—жену и дѣтей въ холопство, то платить напередъ его долги нѣмцамъ".

б) Наказанія, обращенныя на здоровье, *болѣзненныя и членовредительныя*: кромѣ фактическихъ свидѣтельствъ о примѣненіи ихъ въ XI—XII вв. (см. выше стр. 323), въ Рус. Правдѣ упоминается битье кнутомъ у колокольницы (Кар. 135), но это не наказаніе, а пытка; гораздо важнѣе то, что вмѣсто словъ „на потокъ" въ нѣкоторыхъ спискахъ Рус. Правды стоитъ „на бой", что, по мнѣнію Н. В. Калачева, можетъ означать не только побои, но и смертную казнь [1]).

в) *Смертная казнь*. Фактическія указанія на примѣненіе смертной казни относятся къ древнѣйшимъ временамъ; выше было упомянуто свидѣтельство арабскихъ писателей о томъ, что Руссы казнятъ воровъ чрезъ повѣшеніе. При Владимірѣ св. временно была введена смертная казнь за разбой. Въ Кіевѣ „розгнѣвася князь (Ростиславъ), повелѣ связати ему (Григорію Чудотворцу) руци и нозѣ и камень на выи его обѣсить и вьвреши въ воду, и тако потопленъ бысть" (Памятн., изд. Яковлевымъ, стр. CXL).

---

[1]) Тимофеевъ почему-то причисляетъ насъ къ писателямъ, отвергающимъ существованіе болѣзненнымъ и членовредительныхъ наказаній въ до-татарскую эпоху („Ист. тѣлесн. наказаній", стр. 51; см. нашу замѣтку по поводу соч. Ступина въ Университет. Извѣст. 1888 г.).

Въ Новгородѣ 1141 г. „Якуна мало не до смерти убиша, обнаживше, яко мати родила, и съвергоша съ моста; но Богъ избави, прибреде къ берегу и болѣ его не биша". Тамъ же въ 1228 году „возметеся весь городъ и поидоша съ вѣця въ оружіи... на Душильця—на Липиньского старосту, тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, нъ ускоци къ Ярославу" (Новгор. 1-я лѣт.; стр. 44). Въ 1224 г. тамъ же сожгли 4-хъ волхвовъ за волшебство (ibid.). Въ 1230 г. тамъ же жгли людей за людоѣдство (во время голода). Во многихъ изъ этихъ случаевъ можно видѣть расправу разгнѣваннаго народа или князя—месть за государственныя и религіозныя преступленія, при чемъ непосредственно оскорбленнымъ и мстителемъ является само государство или его представитель—князь (въ такомъ видѣ и зарождается первоначалнно кара за государственныя преступленія. Но есть свидѣтельства о назначеніи смертной казни по рѣшенію обыкновенныхъ судовъ: въ житіи Григорія Чудотворца разсказывается, что пришли къ нему трое, изъ которыхъ двое искушали его, ложно говоря о третьемъ: „это другъ нашъ; онъ осужденъ на смерть; просимъ тебя спасти его, дай ему, чѣмъ искупиться отъ смерти" (Памят., изд. Яковлевымъ, стр. CXXXVIII). Этотъ случай показываетъ, что смертная казнь назначаема была при несостоятельности преступника. Подобный же случай разсказывается въ житіи Агапита, къ которому привели уже не мнимо, а дѣйствительно осужденнаго на смерть (ibid. стр. CXXXII). Классическое мѣсто поученія Мономаха имѣетъ двойственный смыслъ: „не убивайте, ни повелѣвайте убити, *аще будетъ повиненъ смерти*"; очевидно, суды могли приговорить къ смерти. Но это же самое поученіе показываетъ, что смертная казнь противорѣчила національнымъ воззрѣніямъ русскихъ, и что послѣдующее чрезмѣрное развитіе ея можетъ быть изъяснено лишь внѣшними вліяніями, прежде и болѣе всего византійскаго права, а потомъ татарскихъ обычаевъ; церковные суды рано начали примѣнять членовредительныя наказанія (см. въ лѣт. разсказъ о Суздальск. епископѣ Ѳеодорѣ и судѣ надъ нимъ митрополита) и, вѣроятно, смертную казнь.

Такъ развивались виды наказаній одинъ изъ другого: въ случаѣ невозможности примѣненія мести наступали денежные выкупы; въ случаѣ несостоятельности имущественной наступали уголовныя кары.

3) Смѣшанная система судныхъ и древнѣйшихъ уставныхъ грамотъ.

Въ Псков. и Новгор. судныхъ грамотахъ и древнѣйшихъ уставныхъ излагаются уголовныя постановленія, весьма сходныя съ постановленіями Рус. Правды: изъ преступленій (кромѣ одной измѣны, Пск. Суд. Гр., ст. 7) отмѣчаются лишь частныя: душегубство, нанесеніе ранъ, оскорбленіе чести (уже сословной), побои, татьба (и „сводъ" для отысканія вора), порча межевыхъ знаковъ (Двин. Уст. Грам. 1397 г., ст. 1—5), поджогъ, разбой и грабежъ (Пск. Судн. Гр. 7 и др.). Наказанія состоятъ преимущественно въ денежныхъ штрафахъ—„винѣ" или „продажѣ" (Двин. гр., ст. 4, 5, 6),

равной частному вознагражденію; о вирѣ упоминается только, какъ о дикой (общинной), и именно въ случаѣ неотысканія общиною преступника (ibid ст. 1). Смертная казнь введена въ законъ; но болѣзненныя и членовредительныя наказанія еще не узаконены. Смертная казнь полагается за татьбу въ 3-й разъ, конокрадство, за татьбу кромскую (или храмскую), за поджогъ и земскую измѣну (Пск. Суд. Гр., ст. 7—8)[1]). Въ одномъ случаѣ упоминается *дыба* (за нарушеніе порядка въ судѣ: П. Суд. Гр., ст. 58). Очевидное преобладаніе имущественныхъ взысканій надъ уголовными карами и, сверхъ того, соразмѣрность уголовныхъ штрафовъ съ суммою частнаго иска весьма приближаетъ уголовное право судныхъ и уставныхъ грамотъ къ старой системѣ Рус. Правды; впрочемъ, при этомъ не слѣдуетъ забывать, что денежные штрафы могутъ получить (и получали) чисто карательное значеніе; такъ, напр., большое экономическое неравенство между классами общества, уже сложившееся въ эту эпоху, заставило законодателя въ нѣкоторыхъ случаяхъ разнообразить денежные штрафы по состоянію преступниковъ, именно назначать тѣмъ большій штрафъ, чѣмъ выше состояніе виновнаго (Новг. Судн. Грам., ст. 10). Поэтому однимъ преобладаніемъ имущественныхъ каръ еще нельзя измѣрять степень близости уголовнаго права этой эпохи къ прежней системѣ композицій. Существеннымъ и главн. вопросомъ является *право наложенія и отмѣны наказаній*, поскольку въ немъ конкурируетъ частное потерпѣвшее лицо съ государственною властію.

Извѣстно, что въ смыслѣ преобладанія правъ частнаго лица надъ правами государства система композицій удерживалась (рядомъ съ уголовными штрафами) весьма долгое время у многихъ народовъ, въ особенности въ западно-русскомъ правѣ, гдѣ до позднѣйшихъ временъ допускаемы были мировыя по уголовнымъ дѣламъ, преимущественно по преступленіямъ личнымъ (убійству и др.): стороны могли вступать между собою въ непосредственное соглашеніе, могли избирать посредниковъ (compositores—„еднаячей“). Даже судъ, когда къ нему обращаются съ жалобою по такимъ дѣламъ, приглашаетъ къ примиренію или обращаетъ споръ къ частнымъ посредникамъ. Условіями мировой могли быть денежный выкупъ (соединяемый съ покорою), а также назначеніе уголовнаго наказанія (преимущественно тюремнаго заключенія), на сроки, условленные въ мировой записи. Акты мировой записи вносятся въ книги суда и получаютъ силу судебнаго приговора (сл. Демченко: „Наказаніе по Литовскому статуту“, стр. 259—266, особен. послѣдняя). Правда, въ западно-русскомъ правѣ содержится довольно раннее ограниченіе мировыхъ по уголовнымъ дѣламъ (въ суд. Казимира 1468 г., ст. 12), а именно: „Когда выдадутъ злодѣя по приговору суда, то (тотъ, кому выдадутъ) долженъ „казнить“ его, какъ велятъ. Но

[1]) На практикѣ въ эту эпоху примѣненіе смертной казни увеличивается какъ въ Новгородѣ (въ 1442 г. совершена казнь надъ многими людьми по обвиненію въ поджогѣ), такъ и въ княжествахъ (въ 1444 г. въ Можайскѣ былъ сожженъ бояринъ Андрей Дмитр. за чародѣйство).

если тотъ, кому выдадутъ татя, не захочетъ его казнить, а возьметъ съ него выкупъ („заплату"), а его пуститъ, или его себѣ въ неволю возьметъ,—тотъ уже „изъ права выступаетъ" (совершаетъ правонарушеніе)... и намъ (вел. князю) его наказать". Но такъ какъ потомъ (въ XVI вѣкѣ) статутъ допускаетъ мировыя въ большомъ числѣ случаевъ, то слѣдуетъ думать, что судебникъ Казимира имѣетъ въ виду исключительно преступленіе татьбы. Статуты 2-й и 3-й расширили право композиціи и на это преступленіе.

Въ сѣверно-русскихъ памятникахъ XIV и XV вв. воля частнаго истца какъ въ преслѣдованіи преступленій, такъ и въ наложеніи наказанія раньше и больше ограничивается правами государства, хотя въ главн. чертахъ остатки системы композицій проявляются подобно, какъ и въ западно-русскомъ правѣ, а именно: мировыя по дѣламъ о татьбѣ воспрещаются раньше, чѣмъ по преступленіямъ противъ личныхъ правъ. Этому, повидимому, противорѣчитъ слѣд. постановленіе Псков. Суд. Гр. (ст. 52): „А на татіи и на разбойники же, чего истець не возметъ, и князю продажи не взяти". Если бы истецъ всегда могъ посредствомъ мировой отклонить всѣ послѣдствія уголовнаго преслѣдованія, то это противорѣчило бы другой ст. (97) того же памятника, по которой продажа въ пользу князя берется и тогда, когда преступленіе совершенно надъ отцомъ, или братомъ, т. е. когда нѣтъ частныхъ истцовъ. Всего больше возбуждаетъ недоумѣніе то обстоятельство, что въ приведенной статьѣ рѣчь идетъ именно о татьбѣ, т. е. такомъ преступленіи, которое, какъ мы видѣли сейчасъ, раньше другихъ изъемлется изъ сферы произвола потерпѣвшихъ лицъ. Эта ст., очевидно, означаетъ только соразмѣрность пошлинъ съ частнымъ искомъ.

Въ древнѣйшихъ Уставн. грамотахъ сѣверно-русскихъ стоитъ слѣд. постановленіе „о самосудѣ", какъ самостоятельномъ преступленіи (Двин. Уст. Гр., ст. 6): „а самосудъ то, кто, изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ и себе посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ". Рус. Правда взыскивала за самовольное наказаніе вора, здѣсь содержится запрещеніе самовольнаго освобожденія отъ наказанія, въ чемъ нельзя не видѣть дальнѣйшаго успѣха уголовныхъ понятій, вопреки мнѣнію Б. Н. Чичерина, который полагаетъ, что и въ эту эпоху общество прикрываетъ преступниковъ, а правительство преслѣдуетъ преступленія лишь ради доходовъ (и потому система кормленія намѣстниковъ принесла будто бы громадную пользу [1]). Запрещеніе самосуда вызвано, очевидно, не финансовыми цѣлями государства, а сознаніемъ государственнаго вреда преступленій. Запрещеніе мировыхъ по дѣламъ о татьбѣ съ поличнымъ не слѣдуетъ понимать совершенно буквально, т. е. въ томъ смыслѣ, что по всѣмъ прочимъ преступленіямъ мировыя оставались позволенными; мы уже знаемъ, что подъ татьбою

[1]) Что финансовые расчеты при этомъ имѣютъ свое удѣльное (не исключительное) значеніе, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: древнія цѣли наказанія (см. выше) не скоро уступили мѣсто карательнымъ задачамъ государства.

подразумѣвались и многія другія имущественныя преступленія (разбой, грабежъ). Однако, нѣтъ сомнѣнія, что такое раннее запрещеніе мировыхъ относилось преимущественно къ татьбѣ и притомъ только къ преступникамъ „вѣдомымъ“, какъ именно говорятъ о томъ послѣдующія узаконенія. Уставная книга разбойнаго приказа редакціи 1566 года постановляетъ, что, если кто начнетъ искъ передъ губными старостами противъ разбойниковъ и „татей вѣдомыхъ“, а затѣмъ предъявитъ старостамъ мировую, то такая мировая не имѣетъ силы, а обвиненныхъ судить *„для земскихъ дѣлъ*, чтобы лихихъ вывести“. Редакція 1617 г. той же книги назначила уже уголовное наказаніе за такія мировыя (см. Уст. кн. разб. прик. ст. 41 и Ук. кн. зем. прик. IV). То же повторено въ Улож. (XXI, 31) и въ Новоук. ст. 1669 г. По отношенію къ преступленіямъ противъ личныхъ правъ и къ лицамъ, не имѣющимъ репутаціи завѣдомыхъ воровъ и разбойниковъ, мировыя допускались долго (напр., мировая 1560 г. между Новинскимъ монаст. и крестьянами Кириллова монаст. о непредумышленномъ убійствѣ; 1684 г. между Дровневымъ и Аникѣевымъ объ увѣчьѣ и др.; см. Акты Юридич. № 270, 276 и др.). Во всякомъ случаѣ неполное запрещеніе мировыхъ по уголовнымъ дѣламъ, хотя и составляетъ важную особенность эпохи судныхъ и уставныхъ грамотъ, но указываетъ на продолжающееся значеніе *частнаго лица* въ уголовномъ преслѣдованіи, т. е. продолжающееся примѣненіи системы композицій.

Періодъ II. Уголовное право Московскаго государства.

Общая характеристика и движеніе уголовнаго права въ Московскомъ государствѣ.

Въ Московскомъ государствѣ русское уголовное право вступаетъ въ періодъ устрашающихъ каръ: преступленіе окончательно понято, какъ дѣяніе противогосударственное; значеніе лица (потерпѣвшаго) и общины въ преслѣдованіи преступленій и наказаніи постепенно ограничивается государствомъ. Но государство дѣйствуетъ еще, какъ частный мститель, стараясь воздать зломъ за зло, по возможности, въ равной, если не въ высшей степени, имѣя въ виду и другую цѣль—устрашить еще не совершавшихъ преступленія; поэтому наказанія принимаютъ вполнѣ уголовный и весьма жестокій характеръ.

Эти общія черты являются, однако, не сразу и не остаются неизмѣнными въ теченіе всего періода. Въ немъ надо различить эпоху Судебниковъ (XVI в.) и эпоху Уложенія (XVII в.). Судебникъ царскій объявилъ законъ единственнымъ источникомъ права (Судебникъ ц., ст. 97), а потому нужно было ожидать, что здѣсь установится *понятіе о преступленіи*, какъ нарушеніи закона, и сразу получить силу принципъ nullum crimen sine lege. Однако, въ дѣйствительности въ самомъ законѣ опредѣляется далеко не вся сфера дѣяній, признанныхъ на практикѣ преступными и под-

лежащихъ наказаніямъ; такова почти вся область политическихъ и религіозныхъ преступленій, множество преступленій противъ порядка управленія—финансовыхъ и полицейскихъ (напр., поддѣлка монеты, караемая со временъ в. кн. Василія Ив.), нѣсколько видовъ имущественныхъ преступленій [1]). Сверхъ того, почти вся уголовная сфера была предоставлена народной совѣсти: преступниками собственно признаются *вьдомые лихіе люди*, а такими людьми признаются, по приговору общества, люди, хотя бы не уличенные ни въ какомъ отдѣльномъ преступномъ дѣяніи: „скажутъ въ обыску про нихъ, что они—лихіе люди, а лиха про нихъ въ обыску именно не скажутъ,—и старостамъ тѣхъ людей по обыску пытати; не скажутъ на себя въ разбоѣ .. и старостамъ тѣхъ людей по обыску посадити въ тюрьму на смерть“ (Бѣлозер. губн. грам. 1571 г.). Въ Ул. эта черта отпадаетъ (повальный обыскъ является однимъ изъ многихъ судебн. доказательствъ). Такимъ обр. уголовное право судебниковъ (особенно 1-го) оставляетъ почти неприкосновенною роль *общины* въ оцѣнкѣ преступныхъ дѣяній. Преступленіе, *лихое дѣло*, совершаемое людьми, неопороченными обществомъ, подлежитъ наказанію, но гораздо меньшему. Въ губныхъ учрежденіяхъ предоставлено населенію преслѣдованіе и казнь преступниковъ, какъ право и какъ обязанность его предъ государствомъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется полное отсутствіе въ судебникахъ опредѣленія условій вмѣненія, хотя само собою разумѣется, что осужденіе людей, не уличенныхъ ни въ какомъ отдѣльномъ фактѣ преступленія, основывается не на *матеріальномъ* вредѣ отъ ихъ дѣяній, а на внутренней оцѣнкѣ ихъ нравственной испорченности. Напротивъ, въ Уложеніи находимъ хотя и несовершенныя, но обильныя указанія на условія вмѣненія.

Въ числѣ *наказаній* денежные штрафы, продажа и пени остаются въ судебникахъ, хотя и уступаютъ преимущество уголовнымъ, между которыми преобладаетъ смертная казнь (почти за всякое преступленіе, если преступникъ вѣдомый лихой, равно при 1-й рецидивѣ и при поличномъ); здѣсь же въ первый разъ узаконяются торговая казнь (битье кнутомъ), тюремное заключеніе (б. ч. какъ мѣра охранительная) и порука. Судебники не знаютъ членовредительныхъ наказаній (хотя въ современныхъ ихъ памятникахъ—губныхъ грамотахъ—они есть, а равно—изгнаніе въ формѣ выбитія вонъ изъ земли: см. губную гр. Кириллова мон. 1549 г.). Въ Улож. и новоук. ст. система наказаній становится исключительно карательною, направленною между прочимъ къ устрашенію. Права потерпѣв-

[1]) Кругъ дѣяній наказуемыхъ опредѣляется въ судебникахъ шире, чѣмъ въ Рус. Правдѣ и въ уставныхъ грамотахъ; кромѣ преступленій частныхъ, церковной татьбы и крамолы, сюда включаются и нѣсколько видовъ преступленій по службѣ: подлогъ, умышленное неправосудіе, взяточничество и нѣсколько видовъ преступленій противъ порядка суда и управленія (лжесвидѣтельство, ябедничество). Среди частныхъ преступленій спеціализируются такіе виды ихъ, о которыхъ молчала Русская Правда, именно: мошенничество, грабежъ, подметъ, кража людей, убіеніе господина. Но только въ Улож. классификація преступленій является полною (включая преступленія религіозныя, политическія и др.).

шаго на вознагражденіе съ осужденнаго преступника хотя уступаютъ въ судебникахъ праву государства на примѣненіе къ нему наказаній (если преступникъ осужденъ на смерть, а у него не будетъ имущества, чтобы вознаградить потерпѣвшаго, то уже 1-й Суд. запретилъ выдавать его истцу для отработки долга, а велѣлъ казнить его смертію; Суд. 1497 г., ст. 8, 11; Суд. цар., ст. 55), но еще принимаются во вниманіе: осужденный за 1-ю татьбу, при несостоятельности, выдается истцу головою до искупа (Суд. ц.; ст. 55). Уложеніе отмѣняетъ такую выдачу (XXI, 9). Право наложенія наказанія и освобожденія отъ него опредѣляется въ эпоху судебниковъ (особенно 1-го) такъ же, какъ и въ предшествующую, т. е. преслѣдованіе преступленій противъ личныхъ правъ (въ частности—убійства) вполнѣ предоставлено частному потерпѣвшему, т. е. ведется обычнымъ обвинительнымъ процессомъ, а слѣд. подлежитъ прекращенію по мировой на всѣхъ стадіяхъ. Наказаніе за убійство ограничивается уплатою за голову въ пользу родственниковъ убитаго и пошлины въ пользу намѣстника. Въ 1539 г. по дѣлу объ убійствѣ Пронякина Неѣловыми великій князь приговорилъ: доправить въ пользу жены убитаго за голову 4 рубля, долгу убитаго 1 р. и заграбленныхъ убійцами 2 руб., а судьѣ великій князь велѣлъ взять на отвѣтчикахъ пошлину по ихъ уставной—Медынской грамотѣ, а если нѣтъ грамоты, то по Судебнику. Въ случаѣ несостоятельности обвиненный отдается истцу головою до искупа, какъ именно и было въ данномъ случаѣ. Само собою очевидно, что частный истецъ могъ простить долгъ, и тогда для обвиненнаго оставалась лишь обязанность уплатить пошлины намѣстнику (см. Русск. Истор. Библіот., т. II, № 186).—Въ эпоху Улож. (Уст. кн. разб. прик., ст. II; Улож. XXI, 69—72) за убійство умышленное полагается уже смертная казнь, за непредумышленное—тюрьма (для дѣтей боярскимъ) и кнутъ (для крестьянъ и др.). О мировыхъ по такимъ дѣламъ законъ молчитъ (о мировыхъ по дѣламъ о татьбѣ и разбоѣ см. выше).

Прочія черты различія двухъ эпохъ будутъ указаны при разсмотрѣніи отдѣльныхъ вопросовъ о преступленіи и наказаніи.

а) Преступленіе.

Субъектъ преступнаго дѣйствія.

Съ конца XVI и въ XVII в. государство окончательно принимаетъ на себя прежнюю роль частныхъ лицъ и общинъ въ преслѣдованіи преступленій, обращая тѣ и другія въ свои орудія для означенной цѣли: сосѣди обязаны давать помощь жертвѣ преступленія (Уст. кн. разб. прик., ст. 25); село и деревня, куда приведетъ слѣдъ, обязаны его отвести, подъ угрозою наказаній (ibid. ст. 26); обыскные люди обязаны указать воровъ и разбойниковъ въ своей общинѣ, если они есть, подъ угрозою битья кнутомъ, если послѣ таковые сыщутся (ibid. 27); сотня, улица, волость, село или вотчина, если, поймавъ разбойника, не представятъ его въ губу (къ суду),

подвергаются имущественному взысканію (ibid. 28). Так. обр. древнее соотношеніе карательныхъ правъ государства и общинъ переходитъ въ групповую отвѣтственность общинъ предъ государствомъ. Это, однако, еще не можетъ быть признано однимъ изъ случаевъ примѣненія наказанія къ людямъ невиннымъ: общины несутъ отвѣтственность за дѣйствительную вину—неисполненіе своихъ полицейскихъ обязанностей [1]).

Взявъ на свою обязанность преслѣдованіе и оцѣнку преступныхъ дѣяній, государство должно было въ законѣ опредѣлить условія вмѣненія, что́ оно и дѣлаетъ въ Уложеніи и новоук. статьяхъ, хотя крайне несовершеннымъ образомъ.

а) Уголовная отвѣтственность распространена на всѣхъ, въ томъ числѣ на *холоповъ* (Устав. кн. разб. прик., ст. 13); господинъ отвѣчаетъ (отнятіемъ помѣстья) за непредставленіе къ суду своихъ холоповъ и крестьянъ-преступниковъ даже въ томъ случаѣ, если наложитъ на нихъ наказаніе самъ (ibid. и Улож. XXI, 79).

б) Прямого закона о *возрастѣ* въ уголовномъ правѣ и теперь нѣтъ; но въ Новоук. ст. есть ссылка на постановленіе кормчей, по которому отъ уголовной отвѣтственности освобождаются отроки до 7 лѣтъ и „бѣсные“, т. е. сумасшедшіе (Новоук. ст. 1669 г., ст. 108). Несовершеннолѣтніе свыше 7 лѣтъ подлежали уголовному преслѣдованію; но за преступленія, подлежавшія смертной казни, подвергались другимъ смягченнымъ наказніямъ.

---

[1]) Вообще „индивидуальность“ наказаній, т. е. примѣненіе ихъ только къ лицамъ виновнымъ, есть такое примитивное начало, что его признаніе можно видѣть еще въ періодѣ мести, когда она стала институтомъ закономѣрнымъ; тогда (въ Рус. Правдѣ и договорахъ) нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ примѣненія мести къ родственникамъ преступника. Но семейные, родовые и общинные союзы въ древнее время представляли тѣснѣйшія корпораціи *въ имущественномъ отношеніи*, а потому при наложеніи денежныхъ штрафовъ взамѣнъ мести и при потокѣ платились и союзы, къ которымъ принадлежалъ преступникъ (чѣмъ впрочемъ достигалась и уголовная цѣль): сверхъ того, въ союзахъ тѣснѣйшихъ (семьѣ) предполагалось знаніе о преступленіи главы семьи и пользованіе плодами преступленія со стороны членовъ семьи (см. выше о потокѣ). Понятіе о потокѣ естественно перешло на конфискацію, которая поражала всѣ имущественныя права преступника и так. обр. неизбѣжно задѣвала лицъ невинныхъ (его семейство) вовсе не съ цѣлью наказанія этихъ лицъ. Впрочемъ, въ русскомъ правѣ уже въ договорахъ съ греками (подъ вліяніемъ византійскаго права) начинается высвобожденіе членовъ семьи отъ этой имущественной отвѣтственности; въ западно-русскомъ правѣ съ XV в. (Судеб. Казимира) и особенно въ статутахъ огражденіе имущественныхъ правъ семьи достигаетъ окончательнаго успѣха. Въ сѣверно-русскомъ правѣ имущественная отвѣтственность семьи нигдѣ не была выражена, а въ Улож. ц. А. М. (II, 6) точно обозначенъ обратный принципъ съ голоса статута. Вообще въ потокѣ и конфискаціи нельзя усматривать *наказаніе невинныхъ*. Что касается до ссылки съ женами и дѣтьми, то здѣсь законодатель имѣлъ предъ собою обстоятельство, которое онъ не въ силахъ былъ побороть, именно церковное установленіе нерасторжимости семейнаго союза (супруговъ и малолѣтнихъ дѣтей). Сверхъ того, слѣдуетъ думать, что оставленіе осиротѣвшей семьи на мѣстѣ (особенно послѣ конфискаціи) было бы болѣе тяжкимъ наказаніемъ для невинныхъ членовъ семьи.

Итакъ, въ древнемъ правѣ мы не находимъ вовсе принципа наказанія невинныхъ людей (наказаніе 10-го при совершеніи преступленія массою, напр., при бунтѣ, есть *освобожденіе отъ наказанія* $^{9}/_{10}$).

в) *Психическія болѣзни* и неправильное устройство органовъ сознанія также не опредѣляется въ законѣ (кромѣ сейчасъ упомянутаго); практика, хотя и сознавала важность этого условія вмѣненія, но допускала иногда судъ и смягченное наказаніе для лицъ, не имѣющихъ его; „Оска Мосѣевъ пытанъ...; онъ, Оска, глухъ и нѣмъ, дураковатъ и не въ умѣ"; судья приговорилъ: бить его кнутомъ и освободить на чистую поруку (угол. дѣло 1697 г.).

г) *Степень участія въ дѣяніи сознанія и воли дѣятеля* уясняется въ законѣ болѣе подробными чертами, чѣмъ преже: такъ, имѣющій нарядныя письма (подложные документы), *не вѣдая* того, что они сдѣланы воровски, не подлежитъ наказанію (Ул. IV, 4). Различіе *умышленнаго и непредумышленнаго* дѣянія выражено ясно въ отношеніи къ убійству: „убійца пытаютъ: которымъ обычаемъ убійство учинилось—умышленьемъ ли, или пьянымъ дѣломъ—неумышленьемъ (въ дракѣ), за первое полагается смертная казнь, за второе—кнутъ или тюремное заключеніе (Уст. кн. разб. прик. ук. 1625 г.).—Но неправильный языкъ заимствованныхъ источниковъ иногда вводитъ Улож. ц. Ал. Мих. въ непослѣдовательность, наприм.: „А будетъ кто съ похвальбы, или съ пьянства, или умысломъ наскачетъ на лошади на чью жену, и лошадью ея стопчетъ или повалитъ, и тѣмъ ее обезчестить, или ее тѣмъ боемъ изувѣчить..., велѣть его бить кнутомъ нещадно" (XXII, 17); если потерпѣвшая отъ того умретъ, то его казнить смертію; но если „такое убійство учинится отъ кого безъ умышленія, потому что лошадь... разнесетъ и удержать ея будетъ не мощно, и того въ убійство не ставить и наказанія... не чинить" (Ул. XXII, 17, 18). Здѣсь смѣшаны умышленное дѣяніе съ неумышленнымъ, а это послѣднее съ *случайностью*; но такія обмолвки закона не выражаютъ дѣйствительнаго его смысла. Къ случайности примѣнена также *неосторожность* (ненаказуемая): „будетъ кто, стрѣляючи изъ пищали или изъ лука по звѣрю, по птицѣ, стрѣлой или пулькой убьетъ кого за горою, или за городьбою, или кто какимъ-нибудь обычаемъ убьетъ ненарочнымъ дѣломъ, безъ умышленія: и за такое убійство никого смертію не казнить и въ тюрьму не сажать, потому что такое дѣло учинилось грѣшнымъ дѣломъ, безъ умышленія" (Ул. XII, 20). Наказуемая неосторожность иногда смѣшивается съ умысломъ, благодаря той же неправильной редакціи заимствованныхъ источниковъ: если кто произведетъ лѣсной пожаръ „по недружбѣ", или если такой пожаръ произойдетъ „по небрежности" пастуховъ, раскладывающихъ огонь, то полагается пеня, которая не взыскивается, если пожаръ произведенъ „безъ хитрости" (Улож. X, 223). Вообще раздѣленіе дѣяній на „умышленныя и безхитростныя" не выражаетъ дѣйствительнаго взгляда на предметъ, изложеннаго моск. законодательствомъ еще въ Уст. кн. разб. прик. Византійскіе источники, съ которыми справлялись тогда постоянно, содержатъ въ себѣ слѣд. точное опредѣленіе: „убійства суть ово вольныя (умышленныя), ово невольная (случайныя), ово близъ вольныхъ" (непредумышленныя).

д) Условія *необходимой обороны* изложены слѣд. обр. въ статьяхъ, заимствованныхъ изъ литовск. стат. (ст. 19): кто убьетъ другого, обороняя себя, а прежде не былъ въ ссорѣ съ убитымъ, тотъ долженъ немедля извѣстить въ съѣзжей избѣ воеводѣ; здѣсь, принеся присягу, освобождается отъ наказанія. Уложеніе, не повторивъ этого, дало свое опредѣленіе: кто при нападеніи на его домъ, обороняя себя и свой домъ, убьетъ кого-либо изъ нападавшихъ, тотъ долженъ представить побитыхъ къ судьямъ, которые производятъ сыскъ; результатомъ сыска можетъ быть безнаказанность дѣянія (Ул. X, 200). Кромѣ этого основного условія (провѣрки судомъ), при оборонѣ требуется настоятельность опасности, но не требуется соразмѣрность средствъ обороны съ цѣлями нападенія (если кто въ присутствіи суда, поссорясь съ соперникомъ, начнетъ его *бить*, а тотъ, обороняясь, его *убьетъ*, то не подлежитъ наказанію (Ул. X, 105): допускается убіеніе при оборонѣ какъ жизни, такъ и собственности: позволяется убить вора съ поличнымъ на своемъ дому и во время погони за нимъ, когда воръ „учнетъ дратися“ и „изымать себя не дастъ“ (Ул. XXI, 88 и 89). Что здѣсь разумѣется не самоуправство, а оборона, доказывается тѣмъ, что, если кто, поймавъ вора, станетъ его пытать, то платитъ татю безчестье и увѣчье. Оборона чужихъ правъ не только дозволяется, но и вмѣняется въ обязанность сосѣдямъ и слугамъ (Улож. XXII, 16, 22), точно такъ же оборона правъ государственныхъ—всѣмъ гражданамъ (кто догонитъ измѣнника и убьетъ его, тотъ получаетъ награду; Ул. II, 15).

е) Къ ученію *о состояніи крайней необходимости* относится постановленіе о безнаказанномъ истребленіи чужихъ животныхъ при защитѣ отъ нихъ (Ул. X, 283), при чемъ, какъ признакъ дѣйствительной крайности, указывается на то, что животное убито „ручнымъ боемъ, а не изъ ружья“.

ж) Соотношеніе воли *нѣсколькихъ дѣятелей* въ одномъ преступленіи излагается гораздо полнѣе, чѣмъ въ памятникахъ 1-го періода. Въ отношеніяхъ интеллектуальнаго виновника (подустителя) къ физическому (исполнителю) различается приказаніе господина своему слугѣ, которое не освобождаетъ послѣдняго отъ наказанія, но смягчаетъ его; слуги, произведшіе „наругательство по наученію господина“, подвергаются битью кнутомъ, а слуги, совершившіе это преступленіе „собою, не по чьему наученію“, подлежатъ смертной казни (Ул. XXII, 12). Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ исполнитель наказывается или въ равной мѣрѣ съ подустителемъ (ibid 7, 26), или въ высшей, хотя бы подуститель былъ начальникомъ исполнителя (У. X, 12: „который дьякъ... велитъ судное дѣло подъячему написать не такъ, какъ въ судѣ было..., дьяку учинить за то торговую казнь—бить кнутомъ...; а подъячего казнить—отсѣчь руку“). При сообществѣ („скопъ и заговоръ“) Уложеніе различаетъ главнаго виновника—совершителя преступленія, и его „товарищей“: за убійство при наѣздѣ—смертная казнь „а товарищей его всѣхъ бить кнутомъ“ (Ул. X, 198). Въ такихъ преступленіяхъ, которыя могутъ быть совершены по способу раздѣленія труда (поддѣлка монеты), законъ уменьшаетъ нака-

заніе каждаго сообщника сравнительно съ тою степенью наказанія, которой подвергался бы виновникъ, если бы онъ одинъ совершилъ всѣ составные элементы преступленія. *Пособничество,* именно указаніе средствъ для совершенія преступленія („подводъ") и устраненіе препятствій при его совершеніи („поноровка"), наказывается наравнѣ съ совершеніемъ самого преступленія: „указъ имъ чинити такъ же, какъ разбойникомъ" (Уст. кн. разб. пр., ст. 31; Ул. ц. А. М. XXI, 63).—*Прикосновенность* въ нѣкоторыхъ видахъ своихъ также сравнена по тяжести съ самымъ преступленіемъ: такъ, „станъ", т. е. постоянное пристанодержательство, и „пріѣздъ", т. е. доставленіе временнаго убѣжища разбойникамъ, караются наравнѣ съ разбоемъ (Уст. кн. разб. пр., ст. 30); напротивъ, „поклажея", т. е. пріемъ на храненіе вещей, добытыхъ преступленіемъ, и покупка такимъ вещей ведутъ лишь къ отдачѣ на поруки или къ тюремному заключенію (ibid ст. 32 и 34; Улож. XXI, 64). Различные виды укрывательства преступниковъ отъ судебной власти переходятъ уже въ самостоятельныя преступленія (Ул. XXI, 19, 20, 77, 78, 79, 80, 83, 84): „А будетъ кто такихъ воровъ (татей, игроковъ, грабителей), видя гдѣ, не изымаетъ и въ приказъ не приведетъ, а изымать ихъ было мощно..., и на тѣхъ людяхъ имати заповѣди по полтинѣ" (Ул. XXI, ст. 15). *Недонесеніе* о преступленіи имѣетъ огромное значеніе въ разрядѣ преступленій политическихъ, именно оно наказывается наравнѣ съ самымъ преступленіемъ, если виновными въ немъ оказывались ближайшіе родственники преступника: жена, дѣти, отецъ, мать, братья родные и неродные, дяди и др. (Ул. II, 6 и 9)—законъ, идущій прямо въ разрѣзъ съ психологическими началами уголовнаго права, но объясняемый полицейскими цѣлями, ибо замыслы преступника всего ближе извѣстны его семьѣ и роднѣ.

Преступное дѣйствіе.

Ученіе о степеняхъ осуществленія преступной воли въ дѣйствіи принадлежитъ къ числу наименѣе развитыхъ въ московскомъ правѣ; причина этого, по мнѣнію однихъ, въ томъ, что законъ, считая и теперь преступленіемъ лишь внѣшній матеріальный вредъ, не могъ признать наказуемости дѣйствій, еще не нанесшихъ никакого вреда (пр. Богдановскій); по мнѣнію другихъ, наоборотъ, въ томъ, что, при субъективномъ взглядѣ на преступленіе, въ понятіи „вѣдомаго лихаго человѣка" исчезали отдѣльные моменты осуществленія преступной воли (Власьевъ). Во всякомъ случаѣ до Улож. законъ молчалъ о покушеніи; въ Уложеніи (преимущественно относительно преступленій политическихъ) различается: *умыселъ*, б. м. выразившійся въ какихъ-либо приготовительныхъ дѣйствіяхъ, ибо для обвиненія въ немъ требуется произвести сыскъ: „кто учнетъ мыслить на государево здоровье злое дѣло... казнить смертію" (Ул. II, 1). Умыселъ несвободнаго человѣка на жизнь своего господина наказывается наравнѣ съ покушеніемъ) отсѣченіемъ руки (Улож. XXII, 8). *Угроза* (относительно поджога) ведетъ къ сыску и затѣмъ отдачѣ виновнаго на поруки; если

пожаръ дѣйствительно произойдетъ, то угрозитель подвергается пыткѣ, и въ случаѣ оправданія не получаетъ удовлетворенія за муку (Ул. X, 202). Угроза въ убійствѣ (*похвальба*) можетъ вести къ непосредственному примѣненію наказанія, именно если виновнымъ оказывается безпомѣстный человѣкъ, съ котораго впослѣдствіи нечего будетъ взять; его заключаютъ въ тюрьму; съ помѣстнаго человѣка взыскивается „заповѣдь“ (спеціальное дополненіе наказанія—угроза, противопоставленная угрозѣ), если онъ дѣйствительно совершилъ преступленіе, хотя бы и не достигшее цѣли (если ранитъ, а не убьетъ). *Покушеніе* отмѣчается въ Ул. относительно преступленій личныхъ и государственныхъ: вынувшій мечъ, но не ранившій, подвергается тюремному заключенію (Ул. III, 5). Въ преступленіяхъ, требующихъ для своего совершенія сложнаго и долговременнаго приготовленія (дѣланіе фальшивой монеты), отдѣльные акты приготовленія подлежатъ различнымъ наказаніямъ; вообще же покушеніе въ этомъ случаѣ ясно отдѣлено отъ совершенія преступленія: если „деньги дѣлать хотѣли, а не дѣлали“, то слѣдуетъ усѣченіе пальцевъ, а если дѣлали, то усѣченіе руки (ук. 1661 г. сент. 18). Преступленіе не удавшееся не отличено отъ покушенія (равно какъ дѣйствіе, превысившее намѣреніе дѣятеля сравнено съ совершеніемъ преступленія).

Объектъ и классификація преступныхъ дѣйствій.

Понятіе объ объектѣ преступленія въ правѣ Моск. государства, сравнительно съ правомъ Рус. Правды и судныхъ грамотъ, измѣняется: уголовный законъ ограждаетъ не одни права лицъ физическихъ, но защищаетъ строй, установленный государствомъ, церковію, нравственнымъ ученіемъ и кодексомъ бытовыхъ приличій. Сверхъ того, уголовный законъ (въ Уложеніи, но не въ судебникахъ) создаетъ немало новыхъ видовъ преступленій путемъ запрета безразличныхъ дѣяній изъ цѣлей полицейскихъ и финансовыхъ, чѣмъ понятіе о преступленіи приближается уже (но не равняется еще къ понятію о немъ, какъ о нарушеніи закона (усвоенному въ пер. имперіи).—Законодательство того времени не задается мыслію объ основаніяхъ и правильности классификаціи преступныхъ дѣяній; но Уложеніе ц. А. М. даетъ понять свою классификацію тою послѣдовательностью, въ какой оно излагаетъ свои уголовныя постановленія, а именно: оно излагаетъ (хотя не безъ отступленій) сначала преступленія противъ религіи (гл. I) и противъ государства (гл. II), потомъ противъ порядка управленія (гл. IV, V, VI, VII, IX) и суда (гл. X, XIV), противъ законовъ о состояніяхъ (XIX), наконецъ, противъ правъ лицъ частныхъ (XXI—XXII). Этой классификаціи будемъ держаться и мы.

Преступленія противъ религіи и церкви.

Хотя Московское государство приняло въ значительной степени теократическій характеръ, но, по сравненію его съ современными ему католическими и протестантскими государствами, отличается меньшимъ вмѣ-

шательствомъ въ дѣло вѣры. По крайней мѣрѣ преступленія противъ вѣры, вовсе не упоминаемыя въ судебникахъ, отмѣчаются лишь въ Уложеніи ц. А. М. съ осторожною краткостію.

Богохульство. Такъ какъ государство ограждаетъ лишь христіанское вѣроученіе, то воспрещается хула на святыню христіанскую (Христа, св. Богородицу, св. крестъ и святыхъ); однако, это преступленіе могло быть совершено не только христіанами, но и людьми другихъ вѣроисповѣданій („Будетъ кто иновѣрцы какія-нибудь вѣры, или и русской человѣкъ возложитъ хулу на Господа..., того сжечъ"; I, 1).

Совращеніе (именно въ мусульманскую вѣру—обрѣзаніе) изъ православія, „насильствомъ" или по согласію—„обманомъ" безразлично, ведетъ совратителя къ смертной казни чрезъ сожженіе (XXII, 24). Законъ умолчалъ о совращеніи въ другія нехристіанскія религіи (буддизмъ, іудейство), конечно, потому, что не предвидѣлъ практической возможности подобныхъ случаевъ; но о совращеніи въ другія—христіанскія вѣроисповѣданія онъ могъ умолчать намѣренно; между тѣмъ практика распространяла примѣненіе этой статьи и на послѣдній родъ дѣяній.—*Вѣроотступничество* не подлежитъ уголовному суду государства: совращенный отдается на судъ церкви (ibid).

Насильственное обращеніе въ православіе не предусматривается въ кодексахъ, но опредѣляется въ наказахъ воеводамъ (Астраханскимъ 1628 г.); „наказати всякими мѣрами и накрѣпко съ угрозами, чтобы тайно въ неволю не крестили". Въ этомъ выразился остатокъ древней русской вѣротерпимости, которая постепенно ослабѣвала въ Москов. государствѣ, но поддерживалась и тогда существомъ вещей: огромная масса подданныхъ принадлежала къ нехристіанскимъ религіямъ.

Волхвованіе и чародѣяніе, на которыя было столько обращено вниманія въ 1-мъ періодѣ (въ церковн. уставахъ и въ практикѣ), теперь не такъ интересуетъ государство; впрочемъ, постановленія Стоглава объ этомъ были подтверждены особымъ указомъ: „къ волхвамъ бы и къ чародѣежъ и къ звѣздочетцамъ волхвовати не ходили", подъ неопредѣленною угрозой царской великой опалы и отвѣтственности предъ духовнымъ судомъ (ук. 1552 г.). Это постановленіе не принято въ Уложеніи ц. А. М. По мѣрѣ удаленія отъ временъ язычества, ослабляется вниманіе къ преступленіямъ этого рода: въ Московскую эпоху практика указываетъ весьма мало случаевъ уголовнаго преслѣдованія волшебства сравнительно съ современною ей практикою зап. Европы и нашею собственною XVIII ст., что можетъ быть объяснено тѣмъ, что, за ослабленіемъ языческихъ вѣрованій, мысль о волшебствѣ направляется на успѣхи научныхъ знаній и изобрѣтеній, которыхъ у насъ въ то время вовсе не было; но несомнѣнно, что въ этомъ имѣетъ нѣкоторую долю и практическое здравомысліе русскаго права; разсказъ Олеарія о медикѣ Квиринѣ, обвиненномъ въ волшебствѣ за нахожденіе у него скелета, яко бы двигающагося подъ звуки музыки, но помилованномъ и высланномъ изъ Россіи, доказываетъ вышеприведенныя соображенія.

Ереси и расколы также не входятъ въ кругъ предметовъ уголовнаго законодательства (въ Уложеніи), но практика съ XV вѣка заинтересована ими гораздо болѣе: ереси стригольниковъ и жидовствующихъ подрывали глубокія основы христіанства. Церковная власть (Геннадій Новгородскій и Іосифъ Волоцкій) обвиняла свѣтскую въ послабленіи еретикамъ-жидовствующимъ и указывала на примѣръ испанской инквизиціи; но русскій великій князь (Іоаннъ III) былъ остороженъ и долго не вмѣшивался въ вопросы совѣсти, пока соборъ 1504 г. не вынудилъ его прибѣгнуть къ казнямъ (сожженію, урѣзанію языка, заточенію). Послѣдующія преслѣдованія ересей (мнимыхъ и дѣйствительныхъ) изъясняются иногда сторонними мотивами (заточеніе Максима Грека при Василіи Іоанн.); наказаніе, постигшее въ 1554 г. еретиковъ Башкина и его товарищей, отличается мягкостію (ихъ заточили по монастырямъ; Косой бѣжалъ).—Самое активное участіе свѣтская власть принимаетъ въ дѣлѣ *раскола* XVII в., очевидно, по связи его съ вопросами госуд. характера; фактическое преслѣдованіе раскола узаконено статьями 1685 г., которыми положены: за состояніе въ расколѣ—ссылка, за распространеніе его—смертная казнь, за укрывательство раскольниковъ, передачу писемъ ихъ—кнутъ и ссылка.

Умышленный перерывъ литургіи, за который Улож. (1, 2) полагаетъ смертную казнь, есть не только преступленіе противъ церковнаго благочинія, но можетъ быть и проявленіемъ невѣрующаго фанатизма. Этимъ можно объяснить высоту наказанія сравнительно съ дѣяніемъ, опредѣляемымъ слѣдующею затѣмъ ст. Ул. (1, 3), именно оскорбленіе священнодѣйствующихъ въ церкви и произведенный этимъ „мятежъ“, т. е. тотъ же перерывъ богослуженія, карается лишь торговою казнію; въ послѣднемъ преступленіи объектъ сложный (противъ церкви и правъ чести частныхъ лицъ).

Несоблюденіе церковныхъ обрядовъ признано дѣяніемъ наказуемымъ въ отдѣльныхъ указахъ послѣ Улож.: указомъ 1674 г. предписано хожденіе въ церковь, исповѣдь и причащеніе, подъ угрозою наказанія, родъ котораго не опредѣленъ (П. С. З. № 570).

Преступленіе противъ нравственности. Въ свѣтскихъ законодательныхъ памятникахъ Московскаго періода открываемъ довольно вѣрный взглядъ на преступленія этого рода; наказуемою безнравственностію признана—общественная, именно: въ эпоху судебниковъ—азартная игра и общественный развратъ (содержаніе притоновъ его), въ Улож. запрещается сводничество (XXII, 25), но косвенно и блудъ (ibid, ст. 26). Еще въ уставныхъ грамотахъ запрещалось скоморошество какъ изъ цѣлей охраненія нравственности, такъ и соблюденія полицейскаго порядка. Въ законахъ, подтверждающихъ церковныя постановленія, кругъ запрещенныхъ дѣяній этого разряда распространялся на божбу, брань непотребными словами (ук. 1552 г.). Изъ дѣяній безразличныхъ законъ воспрещалъ, какъ преступныя, бритье и обстриженіе бородъ, подстриженіе усовъ (ibid), а въ наказахъ воеводамъ запрещеніе простиралось на пѣніе народныхъ пѣсенъ,

на праздничные обряды и игры, качаніе на качеляхъ и проч. Ничто изъ этого, однако, не попало въ Уложеніе [1]).

Преступленія государственныя.

Что касается до *политическихъ* преступленій, то въ судебникахъ отмѣчаются только два вида ихъ: крамола (верховная измѣна, хотя крамольниками называются иногда и ябедники, см. ук. 1582 г., октября 9), и земская измѣна (въ формѣ сдачи города непріятелю; Суд. 1-й, ст. 9; Суд. ц. ст. 61). Въ то же время практика, особенно въ эпоху Грознаго, знала и карала всѣ виды дѣяній этого рода. Вообще царствованія Грознаго и Бориса Годунова, а равно смутное время представляли самую плодородную почву для практическаго развитія ученія о политическихъ преступленіяхъ. Уложеніе довольно точно опредѣляетъ три вида политическихъ преступленій, а именно: а) *оскорбленіе величества* дѣломъ (объ оскорбленіи словомъ оно молчитъ, но по бытовымъ памятникамъ, „за поносныя слова, бивъ кнутомъ, вырѣзываютъ языкъ“: Котошихинъ, стр. 92). Въ качествѣ объекта этого преступленія признано не только лицо государя, но и его „дворъ“—мѣстожительство: общія преступленія и проступки, совершенные на государевомъ дворѣ, подлежатъ бóльшему наказанію, чѣмъ когда бы они были совершены въ другомъ мѣстѣ (Улож., гл. III). Зато Уложен. не распространяетъ понятія этого преступленія на другія лица и предметы (напр., поддѣлку монеты), что нерѣдко можно встрѣтить въ законахъ другихъ народовъ. *Верховная измѣна* опредѣляется, какъ покушеніе на ниспроверженіе власти (заговоръ и бунтъ), реализованное составленіемъ сообщества и сборомъ вооруженныхъ людей (Улож. II, 2); но здѣсь Уложеніе отступаетъ отъ своей осторожности и разумѣетъ какъ нападеніе на верховную власть, такъ и на подчиненные органы управленія (думу, воеводъ; II, 20, 21); недонесеніе о замыслѣ такого рода карается смертію (ibid 18, 19). *Земская измѣна* опредѣляется, во-перв., какъ передача непріятелю части территоріи, во-втор., какъ помощь непріятелю и для этой цѣли сношенія съ нимъ, въ-трет., какъ побѣгъ въ непріятельскую землю или армію (Улож. II, 2, VII, 20). Всѣ указанные три вида иногда Улож. сливаетъ въ одинъ подъ именемъ „измѣны“, что́ соотвѣтствуетъ римскому понятію „perduellio“, перешедшему къ намъ чрезъ статутъ, но также соотвѣтствуетъ и состоянію госуд. права въ московскій періодъ, гдѣ государево и земское дѣло совершенно отождествлялось.

Преступленія по службѣ. Въ эпоху кормленія не было почвы для образованія понятія объ этихъ преступленіяхъ: „обида“, причиняемая управляемымъ отъ намѣстниковъ, могла возбудить лишь частный искъ первыхъ противъ послѣднихъ (Уст. Бѣл. грам. 1488 г., ст. 23). Однако, преступле-

[1]) Табакокуреніе было запрещено указомъ 1634 г., но въ Сибири (см. А. Ист. IV, 19) и послѣ того была табачная регалія. Улож. XXV, ст. 11 и 16 воспрещаетъ табакокуреніе подъ угрозою кнута, урѣзанія ноздрей и ссылки.

нія этого рода проникаютъ въ законодательство уже въ эпоху судебниковъ, когда кормленіе, и прежде заключавшее въ себѣ государст. элементъ, начинаетъ превращаться вполнѣ въ госуд. службу. Изъ нихъ въ особенности правительство и законъ боролись съ *лихоимствомъ*. Посулъ (плата судьѣ или правителю отъ заинтересованныхъ лицъ) были сначала дѣяніемъ дозволеннымъ (Губ. Моск. зап., ст. 4); затѣмъ законъ таксировалъ эту плату и воспрещалъ взиманіе лишка (сверхъ таксы; отюда и терминъ „лихоимство"); наконецъ, вовсе запретилъ посулы (Суд. 1497 г., ст. 1). Но такой переходъ частно-правныхъ понятій въ государственныя совершался нелегко: по сказанію Герберштейна, въ Москвѣ все правосудіе (въ началѣ XVI вѣка) продажно; тогда господствовало мнѣніе, что человѣкъ, давшій больше, есть человѣкъ болѣе богатый и знатный, а потому ему нужно болѣе вѣрить, чѣмъ бѣдняку (пер. Аноним., стр. 84—85). Уличеннаго въ лихоимствѣ подвергали тѣлесному наказанію, навязывая ему при этомъ на шею кошелекъ или мягкую рухлядь или соленую рыбу, словомъ, ту вещь, которою онъ взялъ взятку. Судебники принимаютъ чрезвычайныя мѣры противъ *подкупа* и взяточничества, приказывая прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ и по всѣмъ волостямъ заповѣдать, чтобы истцы и отвѣтчики не давали посула ни судьѣ, ни приставамъ (Суд. 1-й, 67; Суд. ц. ст. 99). Самое взяточничество наказывалось въ связи съ преступными дѣяніями, происшедшими изъ него (умышленнымъ неправосудіемъ, подлогомъ, выпускомъ преступниковъ: „посулъ возметъ и обвинитъ кого не по суду"; Суд. ц. ст. 3; сл. ст. 4 и 53). Подобнымъ же образомъ разсматриваетъ взяточництво и Уложеніе (X, 5—8). Независимо отъ лихоимства слагается понятіе о слѣд. преступленіяхъ: *умышленное неправосудіе* вслѣдствіе мести или дружбы (Суд. 1-й, ст. 1); *отказъ въ правосудіи* (Суд. ц., ст. ст. 7); *медленность суда*—„волокита"; *доставленіе средствъ преступнику уклоняться отъ суда*. Что касается злоупотребленій *администраціи*, то наказуемость ихъ опредѣляется лишь въ Ул. (X, 150): если „приказные люди учнутъ... людямъ чинить продажи и убытки", то слѣдуетъ денежное удовлетвореніе истцовъ и пеня.

Преступленія гражданъ противъ порядка управленія. Выше было указано, что „бунтъ" противъ административныхъ властей сравненъ съ верховною измѣною; въ частности къ этому разряду отнесены нарушенія карантинныхъ постановленій и устава о проѣзжихъ грамотахъ (Ул. 1632 г. и Улож. VI, 4). Но законодательство болѣе интересовалось преступленіями противъ *финансовыхъ правъ* государства. Древнѣйшій видъ ихъ есть *корчемство*, которое, впрочемъ, сначала разсматривалось болѣе, какъ преступленіе противъ нравственности: церковная власть, а за нею и государственная запрещали его потому, что „въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ безъ покаянія и безъ причастія"; потому въ уставныхъ грамотахъ оно разсматривалось на ряду съ душегубствомъ, разбоемъ и татьбою. Въ XVII в. (именно въ Улож. гл. XXV) замѣтна уже двойственная точка зрѣнія на это преступленіе съ преобладаніемъ финансоваго элемента, такъ какъ винная продажа сдѣлалась окончательною регаліею

государства. Отвѣтственными лицами признаются „корчемники“ (самовольные продавцы питей), винопроизводители, сбывающіе питье въ незаконныя корчмы и „питухи“, т. е. потребители въ такихъ корчмахъ; наказаніе постепенно усиливается, смотря по повторенію преступленія до 4 разъ (когда, наконецъ, слѣдовала ссылка въ дальніе города и конфискація имущества). Въ XVII в., съ установленіемъ запрещенія къ вывозу нѣкоторыхъ товаровъ („заповѣдныхъ“), является понятіе *контрабанды:* такъ, запрещенъ былъ вывозъ за рубежъ соли, льну, сала, юфти и др. подъ угрозою смертной казни (Ук. 1662 и 1681 гг.). Ввозъ нѣкоторыхъ товаровъ запрещался въ цѣляхъ *карантиннаго* огражденіи отъ морового повѣтрія, при чемъ въ постановленія закона вкрадывались суевѣрныя понятія, свойственныя тому времени: въ 1632 г. царь увѣдомлялъ: „писали къ намъ изъ Вязмы воеводы наши: посылали они за рубежъ лазутчиковъ, и тѣ лазутчики пришедъ сказывали имъ, что въ литовскихъ городѣхъ баба-вѣдунья наговариваетъ на хмель, который изъ Литвы возятъ въ наши городы, чтобы тѣмъ хмелемъ въ нашихъ городѣхъ навести на люди моровое повѣтріе“ поэтому царь запрещаетъ ввозъ хмеля подъ страхомъ смертной казни безъ всякой пощады (А. А. Э. III, 197). Но это уже относится къ преступленіямъ, противъ полицейской власти государства, а не финансовыхъ правъ его. Изъ этихъ послѣднихъ важнѣйшая—монетная регалія, а потому *поддѣлка монеты* была тягчайшимъ видомъ преступленій этого разряда. Памятники 1-го періода не знаютъ такого преступленія, ибо монетной регаліи тогда не существовало (орудіями обращенія были металлы по вѣсу) можно предположить тогда только особый надзоръ государства за частными производителями денегъ, которые и подвергались наказанію за выпускъ ихъ ниже установленной пробы. Исключительное производство монеты государствомъ устанавливается только въ XVI в. и только съ того времени начинаются практическія преслѣдованія и узаконенія о поддѣлкѣ монеты: при в. кн. Вас. Іоанновичѣ (1533 г.) „казнили многихъ людей въ деньгахъ, а казнь была—олово лили въ ротъ, да руки сѣкли“. При Еленѣ карали за поддѣлку и за обрѣзку монеты; Михаилъ Ѳеодоровичъ смягчилъ было наказаніе, установивъ, вмѣсто залитія горла расплавленнымъ металломъ, вѣчное тюремное заключеніе; но поддѣлка монеты чрезмѣрно увеличилась, и царь въ 1637 г. возстановилъ смертную казнь въ ея прежней формѣ для „пущихъ воровъ“ (главныхъ виновниковъ) и простую для пособниковъ, укрывателей и сбытчиковъ (А. А. Э. III, 266); при царѣ Алексѣѣ Михаиловачѣ пособниковъ карали различно: отсѣченіемъ руки, урѣзаніемъ ноздрей. Ученіе Уложенія объ этомъ предметѣ, заимствованное изъ статута, весьма ошибочно: правда, оно не смотритъ на поддѣлку монеты съ точки зрѣнія статута (какъ на оскорбленіе величества), но полагаетъ одну казнь—залитіе горла оловомъ, не различая пособничества и укрывательства, и ставитъ рядомъ съ этимъ преступленіемъ мошеническую примѣсь въ вещи изъ благородныхъ металловъ мастерами золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ (Ул. V, 1—2). Въ 1654 и слѣд. годахъ неудачныя финансовыя мѣры правительства (уменьшеніе вѣса серебрян. монеты и выпускъ мѣдной въ

одинаковой стоимости съ серебряною) вызвали массу преступленій: въ числѣ поддѣлывателей были и высшія правительственныя лица, и казенные денежные мастера, и простые граждане; тогда (въ теченіе 9 лѣтъ) было наказано 22 тыс. фальшивыхъ монетчиковъ. Это привело къ изданію полнаго и точнаго закона о поддѣлкѣ монеты 1661 г. Къ преступленіямъ противъ монетной регаліи относятся: выдѣлка монеты, равной по достоинству съ казенною, частными лицами; посеребреніе мѣдной монеты для обмана и, наконецъ, выдѣлка монеты низшаго достоинства. Законъ 1661 г. различаетъ между преступниками главныхъ виновниковъ, именно: поддѣлывателей, доставителей металла, сбытчиковъ и пристанодержателей, и, во-вторыхъ, пособниковъ и покушавшихся. Первыхъ онъ караетъ усѣченіемъ лѣвой руки, вторыхъ—отсѣченіемъ двухъ пальцевъ на той же рукѣ. Впослѣдствіи эти казни замѣнялись: въ 1663 г. ссылкою въ Сибирь (П. С. З. № 348) и членовредит. наказаніемъ высшей степени, т. е. отсѣченіемъ руки и обѣихъ ногъ для главн. виновниковъ (П. С. З. № 510—ук. 1672).

Преступленія противъ судебной власти. Изъ преступленій, вводящихъ судебную власть въ ошибку и ведущихъ къ неправильнымъ рѣшеніямъ, *лжеприсяга* занимаетъ въ Моск. правѣ высшее мѣсто. Понятіе о ней, какъ преступленіи, не могло образоваться въ 1-й періодъ, когда присягали стороны и ихъ послухи, прибѣгая къ ротѣ, какъ суду Божію—безапелляціонному и не допускающему повѣрки Въ XVI в., когда послушество обратилось въ простое свидѣтельское показаніе, сдѣлалось возможнымъ принесеніе лживой присяги. Въ постановленіяхъ Стоглава и Улож. она имѣетъ двойственный объектъ, какъ преступленіе, противное религіи и государ. судебной власти; въ Уложеніи эта двойственность выразилась въ противорѣчащихъ постановленіяхъ двухъ главъ кодекса (XIV и XI); въ одной изъ нихъ выписываются постановленія кормчей книги (Василія В.), въ которыхъ за лжеприсягу полагаются церковныя эпитиміи („два лѣта да плачется, три лѣта да послушаетъ св. писанія“) и импер. Льва (объ урѣзаніи языка); напротивъ, въ другой главѣ московскій законъ даетъ свое простое опредѣленіе: „бить его кнутомъ по торгамъ, посадить въ тюрьму на годъ“ и лишить права исковъ.—*Лжесвидѣтельство* (безъ присяги) признано также дѣяніемъ преступнымъ (Суд. ц. ст. 99); обыскные люди повальнаго обыска, показанія которыхъ уже приравниваются къ свидѣтельскимъ, за лживыя показанія наказываются такъ: выбираются изъ 100 челов. лучшіе люди человѣкъ 5—6 и подвергаются битью кнутомъ; сверхъ того, на всѣхъ солгавшихъ возлагается удовлетвореніе того, кто былъ неправо обвиненъ или былъ пытанъ по лживому обыску (указъ 1556 г., ст. 5 и др.). Улож. еще усиливаетъ эти наказанія (X, 162, XXI, 36). Къ тому же разряду относится *ябедничество*, которое въ судебникахъ стоитъ въ одной категоріи съ убійствомъ и разбоемъ (Суд. 1-й, ст. 8; Суд. ц.—59—присоединяетъ сюда еще *подписку*). Субъектами этого преступленія могли быть какъ самые истцы, такъ въ особенности ихъ повѣренные; послѣднее вызвало особый указъ 1582 года (марта 12), въ которомъ преступники этого разряда раздѣляются на ябед-

никовъ, крамольниковъ и составщиковъ (т. е. лживыхъ обвинителей въ частныхъ преступленіяхъ, лживыхъ доносчиковъ въ государ. преступленіяхъ и составителей лживыхъ гражданскихъ исковъ); законъ къ нѣкорымъ изъ нихъ примѣняетъ тѣ же наказанія, какимъ подвергся бы ложно обвиненный ими. Объектъ преступленія ябедничества довольно сложный: кромѣ главнаго предмета (противъ судебной власти: „казнити смертью для того: въ жалобницѣ и въ судѣ не лай"), ябедничество имѣетъ и другой объектъ—права частныхъ лицъ, ложно обвиняемыхъ: „а будетъ лаялъ кого..., а не докажетъ, чимъ лаялъ, ино его бивъ кнутьемъ, доправити безчестье безъ суда". Особенный видъ преступленій того же порядка есть *подметъ* поличнаго съ цѣлію обвинить невиннаго въ татьбѣ (Ул. XXI, 56).

Преступленія гражданскія.

Права всѣхъ частныхъ лицъ пользуются равною защитою уголовнаго закона. Различіе тяжести взысканій по общественному состоянію потерпѣвшихъ удерживалось только въ преступленіяхъ противъ чести и связанныхъ съ ними преступленіяхъ противъ здоровья. Личныя права холоповъ и крестьянъ (прикрѣпленныхъ) признаны самостоятельнымъ объектомъ преступленія [1]): самъ господинъ не можетъ убить своего холопа даже въ томъ случаѣ, если холопъ попадется въ разбоѣ (Уставная кн. разбойн. прик. II; Улож. XXII, 70). Убіеніе чужихъ крестьянъ наказывается независимо отъ частнаго вознагражденія (Улож. XXI, 71).

Преступленія противъ жизни мало-помалу выдѣляются отъ преступленій имущественныхъ, именно убійство отъ разбоя; въ Судебникахъ душегубство и разбой являются самостоятельными и раздѣльными преступленіями: „а на кого доведутъ татьбу или душегубство, или иное какое лихое дѣло, *опричь разбоя*"... (Суд. цар. 60). Различіе умышленнаго и не предумышленнаго убійства отмѣчено выше. Въ уложеніи появляется опредѣленіе квалифицированныхъ видовъ убійства; лишеніе жизни другого можетъ быть болѣе или менѣе тяжкимъ преступленіемъ, смотря по отношеніямъ, въ которыхъ состоялъ убійца къ жертвѣ; изъ отношеній родства и служебной зависимости римское право создало понятіе „parricidium", что́ чрезъ нѣмецкое право перешло въ лит. статутъ, а оттуда въ Уложеніе ц. А. М. Но, по литов. статуту, изъ этихъ отношеній возникаютъ только болѣе тяжкіе виды убійства; по уложенію же, семейныя отношенія убійцы и жертвы могутъ быть причиною не только возвышенія, но и пониженія наказанія за убійство. Такъ, мужеубійство карается самою страшною казнію—зарытіемъ живой въ землю, а женоубійство вовсе не отмѣчается, какъ особый видъ (изъ тогдашней практики видно, что оно наказывалось иногда мягче, чѣмъ убіеніе сторонняго человѣка), Отцеубійство карается

---

[1]) Нѣкоторыя ограниченія равенства уголовной защиты, отмѣченныя въ 1-мъ періодѣ, теперь исчезаютъ.

смертію „безъ всякой пощады", дѣтоубійство—тюремнымъ заключеніемъ на одинъ годъ (но „дѣтоубійство" въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. убіеніе матерью незаконно-рожденнаго дитяти, карается смертію).

Убіеніе господина слугою еще въ Судебникахъ отмѣчается, какъ тягчайшее дѣяніе, наравнѣ съ государственною измѣною; по Уложенію, даже покушеніе на такое убійство наказывается отсѣченіемъ руки (XXII, 8—9). Изъ этого видно, что такое возвышеніе и пониженіе тяжести одного и того же преступленія основано не на субъективныхъ мотивахъ, а на стремленіи закона поддержать установленный гражданскій порядокъ (власть родительскую, власть мужа и власть господина). На этомъ основаніи соучастіе въ отцеубійствѣ и мужеубійствѣ стороннихъ лицъ карается наравнѣ съ главнымъ виновничествомъ: въ 1682 г. въ Москвѣ были окопаны *двѣ* женщины за убійство мужа одной изъ нихъ (Ак. Ист. V, 80).

Преступленія противъ здоровья. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что, по Русской Правдѣ, разрядъ преступленій противъ здоровья колебался между преступленіями противъ жизни (причиненіе увѣчья) и преступленіями противъ чести (легкіе побои). Въ московскомъ правѣ *нанесеніе увѣчья* вполнѣ выдѣляется изъ разряда преступленій противъ жизни: но зато въ Судебникахъ (Суд. цар., ст. 26) смѣшивается съ преступленіями противъ чести („смотря *по человьку* и по увѣчью"). Очевидно, что сохраняется еще остатокъ древняго взгляда на увѣчье, какъ на умаленіе личныхъ правъ. Въ свою очередь нанесеніе тяжкихъ побоевъ въ Судебникахъ всегда разсматривается въ связи съ грабежемъ. Такое смѣшеніе преступленій противъ здоровья съ преступленіями противъ правъ собственности изъясняется такъ же, какъ древнее смѣшеніе смертоубійства и разбоя, т. е. два разряда преступныхъ дѣйствій сливаются въ одинъ по единству цѣли преступленія (отнятія имущества); одно является лишь средствомъ другого. Въ Уложеніи причиненіе увѣчья, нанесеніе ранъ и тяжкихъ побоевъ болѣе изолируются отъ преступленій противъ чести и имущественныхъ правъ (Улож. XXII, 10—12), именно безчестіе соединяется съ тяжкими побоями; но не съ увѣчьемъ; побои наказываются независимо отъ предположенія о послѣдовавшемъ грабежѣ.

Низшій видъ преступленій противъ здоровья, *легкіе побои*, не упоминается въ Уложеніи и, по всей вѣроятности, сливается еще съ преступленіями противъ чести.

Мы видѣли, что уже въ эпоху Уставн. грамотъ опредѣлилось чистое понятіе объ оскорбленіи (словомъ), но тогда это понятіе примѣнялось только къ служилымъ людямъ. Московское право уже знаетъ чистую форму *преступленій противъ чести* въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ—„лай" и „непригожее слово" (Суд. ц., 26; Улож. X, 99). Благо, которое законъ въ этомъ случаѣ защищаетъ, отнюдь не признается благомъ равнымъ для всѣхъ; честь различается, во-первыхъ, по положенію въ обществѣ, церкви и государствѣ какъ оскорбленнаго, такъ и оскорбителя; Суд. ц., (ст. 26) имѣетъ въ виду лишь общественные класы, но Уложеніе (X, 27—28) перечисляетъ особо не только чины и званія, но и должности, назначая для каж-

дой категоріи особыя нормы возмездія. Во-вторыхъ, честь различается по происхожденію (роду); различіе, основанное на этомъ началѣ, примѣнялось въ мѣстническихъ счетахъ, но въ общихъ уголовныхъ кодексахъ его нѣтъ. Честь, какъ *личное* достоинство, не обнаруживается ничѣмъ въ уголовныхъ кодексахъ; но въ судебныхъ актахъ въ обозначеніи того, какія именно слова считались оскорбительными, можно уловить уже присутствіе и этого понятія; вообще оскорбленіе могло заключаться или въ простой брани, или въ ненадлежащемъ обозначеніи отчества и фамиліи, или въ названіи „малопороднымъ", уменьшительными титулами или „неслугою": но также считалось оскорбительнымъ и названіе мужчины „жонкою". Несмотря на это послѣднее обстоятельство, *оскорбленіе женщины* признавалось *квалифицированнымъ* (тягчайшимъ) видомъ преступленій противъ чести: за оскорбленіе жены взыскивается штрафъ вдвое противъ оклада мужа; за оскорбленіе дочери-дѣвицы—вчетверо (тогда какъ за оскорбленіе несовершеннолѣтняго сына—только въ половину). Первоначально изъ оскорбленія не выдѣлялась *клевета*, какъ особый видъ; причина этого въ томъ, что понятіе клеветы поглощалось въ понятіи „ябедничества"; считалось важнымъ не обвиненіе кого-либо въ противозаконныхъ и постыдныхъ дѣяніяхъ передъ обществомъ, а лживое обвиненіе въ томъ передъ судебною властію. Въ Уложеніи понятіе клеветы существуетъ, но только, какъ квалифицированный видъ безчестья, при чемъ, „безчестье" (штрафъ) взыскивалось вдвойнѣ. Въ составѣ этого преступленія заключался не только упрекъ въ постыдныхъ дѣйствіяхъ самого оскорбляемаго, но и упрекъ въ незаконности происхожденія, въ развратной жизни жены и т. д. При этомъ законъ допускалъ повѣрку на судѣ возведенныхъ обвиненій и наказывалъ оскорбителя лишь въ томъ случаѣ, если бы обвиненіе оказалось лживымъ (Ул. X, 270).

Преступленія противъ правъ имущественныхъ. Мы видѣли выше, что одною изъ особенностей древнѣйшаго уголовнаго права было отсутствіе въ немъ опредѣленій о явномъ отнятіи чужого имущества, но что въ практикѣ несомнѣнно существуетъ уже понятіе о грабежѣ. Въ московскую эпоху сюда присоединяется еще *разбой*, включаемый уже въ разрядъ преступленій противъ имущественныхъ правъ („будетъ повинится, что онъ разбивалъ впервые, а убивства не учинилъ..." ук. 1668 г.). Впрочемъ, объектъ этого преступленія и теперь остался сложнымъ: въ немъ все еще подразумѣвается и нападеніе на имущество, и нападеніе на жизнь и здоровье, но именно съ цѣлью отнятія имущества. Для полноты состава этого преступленія слѣдуетъ присоединить еще субъективныя черты: обращеніе преступленія въ ремесло и совершеніе его шайкою. Но обѣ послѣднія черты не необходимы для образованія понятія о разбоѣ: такъ, понятіе о разбоѣ, какъ о ремеслѣ, парализуется тѣмъ, что послѣ судебниковъ въ разбоѣ различаются рецидивы (двѣ по Уст. кн. разб. прик. ст. 10, а одна по Улож. XXI, 16—17). Такимъ образомъ, по уставн. книгѣ разб. прик., разбой совершено равняется татьбѣ; по Уложенію—лишь нѣсколько выше

ея, т. е. смертная казнь полагается за вторичный разбой; послѣ Улож. наказуемость разбоя то понижается, то возвышается [1]).

Грабежъ, по судебникамъ (Суд. цар., ст. 25), причисляется къ разряду преступленій наименѣе тяжкихъ: онъ, повидимому, считается не болѣе, какъ самоуправнымъ отнятіемъ имущества у другого лица послѣ драки, возникшей по какимъ-лобо личнымъ или имущественнымъ счетамъ. Затѣмъ взглядъ на него становится строже: онъ уже приближается къ разбою, такъ что въ началѣ XVII в. сами судьи спрашивали иногда законодателя: „тѣ статьи во что ставити: въ разбой или въ грабежъ?“ (Уст. кн. разб. прик., 65). Однако, и въ Уложеніи грабежомъ называется собственно самоуправство, напр., самовольныя реквизиціи ратныхъ людой въ походѣ (VII, 22, 30), при чемъ законъ назначаетъ или только двойное вознагражденіе потерпѣвшему, или, сверхъ того, наказаніе, не опредѣляя именно какое. Очевидно, что древній снисходительный взглядъ на явное отнятіе имущества еще не исчезъ вполнѣ (сл. XXI, 15).

Татьба, т. е. тайное похищеніе чужихъ (движимыхъ) вещей, съ древнѣйшихъ временъ привлекаетъ къ себѣ болѣе и болѣе строгое вниманіе законодателя. Въ первой половинѣ Московскаго періода рѣзко отличается татьба съ *поличнымъ* и безъ поличнаго, такъ что собственно татьбою въ уголовномъ смыслѣ называетоя лишь первая (см. Суд. 1497 года, ст. 10, 11, 13). Прежде поличнымъ называлось, когда преступникъ схваченъ на мѣстѣ преступленія; въ такомъ случаѣ раздраженное общество вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ или расправлялось съ нимъ на мѣстѣ, или сохраняло въ себѣ болѣе сильное непріязненное чувство, что́ и вліяло на бо́льшую наказуемость. Потомъ, когда поличнымъ уже называются вещи украденныя (и находимыя у похитителя подъ замкомъ), падаетъ и уголовное понятіе о татьбѣ съ поличнымъ, такъ что, наконецъ, въ уложеніи вовсѣ нѣтъ упомянутой разницы (Улож. XXI, 9 и 30). Другое обстоятельство, вліявшее на высшую наказуемость татьбы, есть *повтореніе*, именно, по Судебникамъ, татьба во второй разъ влекла къ смертной казни; по всѣмъ прочимъ памятникамъ уголовнаго законодательства, предшествующимъ и послѣдующимъ, къ смертной казни ведетъ лишь троекратная татьба (Суд. 1, ст, 11; Суд. цар, ст. 56; Уст. кн. разб. прик., ст. 37—39; Улож. XXI, 10 и 11). Въ законахъ повтореніе не отличается отъ *стеченія* преступленій. Кромѣ татьбы, понятіе повторенія примѣнено къ разбою и къ корчемству (см. выше); въ послѣднемъ случаѣ ясно говорится не о стеченіи, а о по-

---

[1]) Въ 1653 г. положенъ вмѣсто смертной казни кнутъ, отсѣченіе пальца и ссылка (П. Р. С. № 105); въ 1659 г., напротивъ, смертн. казнь за 1-й разбой; по указу 1663 г., вторичный разбой опять наказывается не смертію, а отсѣченіемъ обѣихъ ногъ и лѣвой руки (что́, впрочемъ, на дѣлѣ равняется мучительной смертной казни); по новоуказнымъ статьямъ 1669 г., возстановлены узаконенія Уложенія. Такія измѣненія, очевидно, возникали не изъ уголовныхъ воззрѣній, но изъ полицейскихъ соображеній, вызванныхъ обстоятельствами.

втореніи. Для характеристики древняго русскаго уголовнаго права достойно замѣчанія, что *цѣнность* украденнаго нисколько не вліяетъ на степенъ наказуемости татьбы (слѣды такой матеріальной оцѣнки преступленія, находимые въ Русской Правдѣ, теперь исчезаютъ). Въ этомъ отношеніи дѣлается только одно изъятіе, а именно: похищеніе мелкихъ предметовъ для непосредственнаго потребленія (въ садахъ, въ огородахъ) вовсе не подводится подъ понятіе татьбы, и грабежъ такихъ вещей наказывается также снисходительно (Улож. X, 221—222). Но московское право знаетъ и квалифицированные виды татьбы по предметамъ кражи; это именно *головную татьбу*, т. е. кражу людей—холоповъ (Суд. 1-й, 9; Суд. ц., 61); и святотатство—*церковную татьбу* (Суд. 1-й, 9; Суд. цар. 61; Уст. кн. разб. прик., 40; Улож. XXI, 14). Сущность церковной татьбы уясняется лишь въ „соборныхъ статьяхъ“ 1667 года (П. С. З. № 412) и новоук. статьяхъ 1669 г. Здѣсь святотатствомъ называется кража вещей изнутри алтаря и церкви и именно священныхъ („святыхъ сосудовъ“ и пр.), а не кража всякихъ вещей, находящихся въ церкви („аще ли кто украдетъ нѣчто, еже Богу не освящено, а поставлено быть въ церкви сохраненія ради, таковый не святотатецъ именуется, но токмо тать“, говор. статьи 1667 г.), не кража вещей, принадлежащихъ церкви, гдѣ бы они ни находились, и не кража священныхъ предметовъ изъ частныхъ домовъ. Новоук. статьи (ст. 12) различаютъ наказуемость кражи изъ алтаря и кражи изъ церкви, но не различаетъ священныхъ предметовъ отъ неосвященныхъ.

Мошенничество, какъ похищеніе чужихъ движимыхъ вещей посредствомъ обмана, не отмѣчено въ древнѣйшихъ законахъ. Въ Судебникѣ царскомъ (ст. 58), появляется въ первый разъ этотъ терминъ; но неясный смыслъ статьи Судебника подаетъ поводъ къ сомнѣнію, что́ разумѣется въ немъ подъ мошенничествомъ, преступленіе ил, называемое такъ нынѣ, или карманная кража (отъ слова „мошна“), какъ думаетъ проф. Фойницкій. Но несомнѣнно слѣдуетъ признать здѣсь первое, ибо рядомъ съ словомъ „мошенникъ“ стоитъ въ той же статьѣ—„оманщикъ„ (обманщикъ) [1]).

[1]) Въ Судебникѣ царскомъ статья (58) изложена такъ: „А мошеннику таже казнь, что и татю. А кто на оманщикѣ взыщетъ и доведетъ на него, ино у ищеи искъ пропалъ, а оманщика, какъ ни приведутъ, ино его бити кнутьемъ“. Проф. Фойницкій относитъ первую половину статьи къ мелкой (карманной) кражѣ; а вторую считаетъ совершенно отдѣльнымъ постановленіемъ о другомъ преступленіи, т. е. о стачкѣ повѣреннаго съ противной стороной. Но т. н. Судебникъ ц. Ѳеодора Іоанновича (въ ст. 112-й) даетъ весьма правдоподобный текстъ, относя обѣ половины статьи къ одному преступленію мошенничества въ нашемъ смыслѣ слова, а именно такъ: „А хто на мошеннике или на оманщике взыщетъ того, что его оманулъ, и хоти его трою днемъ изымаешъ и доведешъ на него: ино его бити кнутомъ, а исцова иску не правити, потому что одинъ оманываетъ, а другой догадываисе, а не мечися на дешевое“. Смыслъ постановленія вполнѣ ясенъ: кто представитъ искъ противъ мошенника или обманщика до истеччнія трехъ дней (послѣ совершенія преступленія) и докажетъ свой искъ, то мошенника бить кнутокѣ, а частный искъ не подлежитъ удовлетворенію, потому что, когда одинъ обманы-

Уложеніе (XXI, 11) подтверждаетъ это, противопоставляя мошенничества татьбѣ.

Изъ разряда преступленій, направленныхъ къ истребленію чужой вещи, *поджогъ* остается и теперь въ ряду тягчайшихъ: по Судебникамъ (Суд. 1-й, 9; Суд. цар., 61), это преступленіе на ряду со многими другими ведетъ прямо къ смертной казни (безъ другихъ условій, поставленныхъ относительно прочихъ преступленій); по Уложенію, низначается за поджогъ весьма тяжкій видъ смертной казни—сожженіе (X, 228). Составъ этого преступленія уясняется не болѣе, чѣмъ въ Русской Правдѣ (гдѣ упомянутъ поджогъ „двора“ и „гумна“): по Уложенію, поджогомъ называется именно поджогъ „двора“, ради вражды или разграбленія [1]); въ другихъ статьяхъ того же кодекса рѣчь идетъ о поджогѣ другихъ вещей (кромѣ зданій), чѣмъ уясняется главное понятіе поджога. Въ частности, поджогъ нивъ или лѣсу не карается уголовнымъ порядкомъ, а взыскивается лишь частное вознагражденіе (Улож. X, 223 -224). Зато Уложеніе знаетъ *квалифицированный видъ поджога*—поджогъ укрѣпленій („города“) съ цѣлью предательства непріятелю (II, 4); впрочемъ, въ наказаніи этотъ видъ отличается только тѣмъ, что преступникъ долженъ быть сожженъ „безъ всякаго милосердія“.

О порчѣ и истребленіи другихъ вещей (хмельника, птичьей привады, бортей, лѣса) Уложеніе (X, 214—220) говоритъ словами литовскаго статута, и потому здѣсь вовсе нельзя уловить характерныхъ свойствъ Московскаго права.

б) Наказаніе.

1) Несовершенства опредѣленій московскаго уголовнаго закона о наказаніяхъ.

Въ эпоху судебниковъ (именно 2-го) законъ (какъ замѣчено было выше) въ принципѣ призналъ себя единственныхъ источникомъ права) и слѣдов. только законъ могъ опредѣлить наказанія за всякія преступленія. Однако, въ дѣйствительности въ большой массѣ случаевъ воспрещенныя дѣянія въ законѣ не были обложены никакими наказаніями. Судебн. 1-й воспрещаетъ взяточничество, неправосудіе по мести и дружбѣ и отказъ въ правосудіи, но не назначаетъ за эти преступленія никакого наказанія

ваетъ, то другой долженъ догадываться, а не льститься на дешевизну. Это весьма напоминаетъ и теперешнюю народную точку зрѣнія на торговый обманъ: „бачили очи, що куповали“. Во всякомъ случаѣ мошенничество подлежитъ уголовной карѣ.

[1]) Это постановленіе почти буквально взято изъ кормчей, а туда изъ рим. права; но рим. право и кормчая различали поджогъ „во градѣ“ („intra oppidum“) и „внѣ града селища, села, или домы“ („casum aut villam“). По рим. праву, за послѣднее не полагалось смерт. казни; по кормчей—смертная казнь, но простая. Поджогъ перваго рода считался общеопаснымъ преступленіемъ. Уложеніе не усвоило этой разницы.

Суд. 2-й восполняетъ этотъ недостатокъ, но далеко не въ совершенной степени: напр., за отказъ въ правосудіи „быти отъ государя въ опалѣ“ (Суд., 2, 7). *Опала* не есть какое-либо опредѣленное наказаніе, а гнѣвъ государя, который могъ привести къ самымъ различнымъ видамъ наказаній, или окончиться прощеніемъ [1]). Если присоединить къ тому еще обстоятельство (указанное выше), а именно умолчаніе въ законѣ о многихъ преступленіяхъ, которыя карались въ практикѣ, то въ обоихъ случаяхъ мы видимъ огромное отступленіе отъ принципа: nulla poena sine lege. Въ этихъ случаяхъ *опредѣленіе рода наказаній* было предоставлено практикѣ, которая руководствовалась или усмотрѣніемъ судьи („что государь укажетъ“—Суд. ц., ст. 25), или обычнымъ правомъ. Хотя въ высшей степени трудно обозначить, какая часть изъ массы наказаній, примѣняемыхъ помимо закона, должна быть отнесена на счетъ обычнаго права, но нельзя сомнѣваться, что при обыкновенномъ теченіи уголовной юстиціи съ участіемъ представителей населенія (судныхъ мужей) наказанія примѣнялись согласно съ обычнымъ правомъ. Съ другой стороны, кары, измышляемыя иногда помимо суда (напр., Іоанномъ Грознымъ), должны быть, несомнѣнно, отнесены къ дѣйствію произвола.

Въ эпоху Уложенія законъ уже менѣе страдаетъ этимъ несовершенствомъ [2]). Зато другой недостатокъ его, именно отсутствіе *опредѣленія степеней наказанія*, одинаково присущъ и эпохѣ Судебниковъ и эпохѣ Улож.; напр., въ Суд. цар. стоитъ: „казнити торговою казнію, да вкинути въ тюрму“ (6, 8—10), при чемъ ни степень торговой казни, ни срокъ заключенія въ тюрьмѣ не опредѣляются. Уложеніе въ соотвѣтствующихъ статьяхъ (X, 8—9) опредѣляетъ: „въ тюрьму до государева указу“.

Въ памятникахъ уголовнаго законодательства XVII в., особенно въ Уложеніи ц. А. М., поражаетъ, далѣе *множественность* и *различіе наказаній за одно и то же преступленіе*. Такъ, за татьбу вообще (Улож. XXI, 9) полагается наказаніе кнутомъ, урѣзаніе лѣваго уха, тюремное заключеніе на два года, и по отбытіи его ссылка въ украинные города (это разумѣется о татьбѣ въ первый разъ). Но за кражу пчелъ (X, 219) полагается только „жестокое наказаніе—бить кнутомъ“. Изъ этой огромной разницы въ наказаніяхъ отнюдь нельзя заключать, что законъ почему-либо считаетъ кражу пчелъ дѣяніемъ менѣе преступнымъ. Это объясняется тѣмъ, что постановленія главы X-ой Уложенія взяты изъ литов. стат., а главы XXI-ой изъ туземныхъ источниковъ. Тѣмъ же разнообразіемъ источниковъ уголовнаго закона объясняется назначеніе нѣсколькихъ видовъ наказанія безъ обозначенія, какой изъ нихъ долженъ быть примѣняемъ:

[1]) См. возраженіе противъ этого нашего мнѣнія въ книгѣ проф. Сергѣевскаго: „Наказаніе въ рус. правѣ XVII в.“, стр. 284, и тамъ же его собственное понятіе опалы, весьма сходное съ нашимъ.

[2]) Однако, и въ Улож. встрѣчаются случаи безусловно-неопредѣленной санкціи: напр., за продажу и покупку табаку предписано „чинить наказанье большое безъ пощады подъ смертною казнію“.

напр., за лжеприсягу въ главѣ XI, 27—назначается кнутъ на торгахъ три дня, тюрьма на одинъ годъ и лишеніе права искать чего-либо по суду; а въ гл. XIV (10 ст.) выписываются каноническія постановленія и законъ императора Льва Философа, по которому за лжеприсягу слѣдуетъ урѣзать языкъ.

Но, несмотря на такія несовершенства закона, существенныя черты понятія о наказаніяхъ могутъ быть уяснены въ немъ.

2) Принципъ и цѣль наказанія.

Московское государство не задавалось вопросами, на какомъ основаніи и для какой цѣли оно примѣняетъ карательныя мѣры къ преступнымъ дѣяніямъ. Прежняя безсознательная реакція мстителя переходитъ естественнымъ обр. къ государству, когда оно становится на мѣсто мстителя. Но мы можемъ отчасти уловить и отвлечь тогдашнія цѣли наказаній изъ дѣйствительнаго примѣненія карательной дѣятельности.

Во-первыхъ, Московскому государству не чужды цѣли, которыми руководились мститель и власть 1-го періода исторіи—это возмездіе и имущественныя выгоды. Принципъ наказаній, который указываютъ въ московскомъ уголовномъ правѣ съ большою основательностью, есть *возмездіе* внѣшнее или матеріальное, т. е. воспроизведеніе въ составѣ наказанія состава преступленія, или лишеніе преступника того блага, котораго онъ лишилъ другого. Дѣйствительно, въ Уложеніи можно найти не одинъ слѣдъ этого принципа; особенно онъ ясно примѣняется къ наказанію за нанесеніе увѣчья („око за око, зубъ за зубъ“): „А будетъ кто... отсѣчетъ руку, или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ,—и за такое его наругательство самому ему тоже учинить“ (Ул. XXII, 10). То же слышится и въ наказаніи за смертоубійство:„ а кто кого убьетъ съ умышленія... и такова убійцу *самого* казнити смертію“ (XXI, 72). Принципъ матеріальнаго соотвѣтствія наказанія преступленію, сверхъ того, можно видѣть въ казни сожженіемъ за поджогъ, въ залитіи горла расплавленнымъ металломъ за подмѣсь простыхъ металловъ въ серебряныя деньги. Тотъ же принципъ матеріальнаго возмездія проявляется, наконецъ, въ направленіи казни на тотъ органъ, которымъ совершается преступленіе: за кражу—отсѣченіе руки, за лжеприсягу—урѣзаніе языка. Именно этимъ началомъ внѣшняго возмездія объясняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ явное нарушеніе внутренняго соотвѣтствія между тяжестію преступленія и тяжестью наказанія: мы упоминали выше, что дьякъ, приказавшій подъячему составить подложный протоколъ судебнаго дѣла, наказывается кнутомъ и лишеніемъ должности, а подъячій, дѣйствовавшій по приказанію и, стало быть, несравненно менѣе виновный, подвергается усѣченію руки. Почему? конечно потому, что рука, писавшая лживый протоколъ принад-

лежала подъячему [1]). Но принципъ (матеріальнаго) возмездія не можетъ считаться не только единственнымъ, но и главнымъ принципомъ московскаго уголовнаго права: именно, онъ замѣчается въ Уложеніи преимущественно въ постановленіяхъ, заимствованныхъ изъ чужихъ источниковъ, и прилагается далеко не ко всѣмъ видамъ преступныхъ дѣйствій.

Вторая цѣль наказанія, унаслѣдованная Московскимъ государствомъ отъ 1-го періода, есть *имущественныя выгоды*. Сюда нужно отнести только тѣ виды наказаній, которые избраны и установлены по соображеніямъ имущественнымъ, каковы: пеня, продажа, конфискація, ссылка (хотя въ то же время, конечно, они достигаютъ и чисто карательныхъ цѣлей); но нельзя относить сюда такихъ наказаній, которыя установлены по другому принципу, но допускаютъ при своемъ примѣненіи извлеченіе финансовыхъ выгодъ, иногда необходимыхъ для самого осуществленія такихъ наказаній; таковы обязательныя работы заключенныхъ въ тюрьму, необходимыя для содержанія сидѣльцевъ въ тюрьмахъ. И эта цѣль наказаній не имѣетъ уже въ Московскомъ правѣ самостоятельнаго значенія и совершенно подчиняется другимъ чисто карательнымъ соображеніямъ.

Этими двумя древнѣйшими цѣлями отнюдь не исчерпываются карательныя задачи Московскаго государства: напротивъ, уголовное право Московскаго государства отличается отъ уголовнаго права Русской Правды и судныхъ грамотъ именно новыми карательными задачами чисто государственнаго характера. Эти задачи состоятъ въ защитѣ общества отъ преступниковъ и преступленій. Такая обширная задача можетъ быть осуществляема весьма различными способами. А именно:

Существуетъ мнѣніе, что въ московскую эпоху основною цѣлью наказаній должно быть признано *истребленіе преступниковъ;* иногда, дѣйствительно, въ памятникахъ попадаются выраженія: „чтобъ лихихъ вывести“; но согласиться съ этимъ можно бы было лишь тогда, когда бы за всякое преступленіе полагалась лишь смертная казнь, или вѣчное изгнаніе и заключеніе; однако, мы видимъ, что тогда было множество другихъ разнообразныхъ видовъ наказанія, которыя отнюдь не вели къ указанной цѣли.

Съ большею основательностью указываютъ на *устрашеніе*, какъ главную цѣль наказаній въ Московскомъ правѣ: дѣйствительно, въ Уложеніи весьма часто повторяется: „чтобы инымъ, на то смотря, не повадно было такъ дѣлать“. Принципъ устрашенія можно отыскать только въ одномъ Уложеніи, въ Судебникахъ нельзя открыть слѣдовъ его. Однако, и въ Уложеніи онъ примѣняется главнымъ образомъ къ наказаніямъ за такія дѣянія, которыя, будучи сами по себѣ безразличны, сдѣлались пре-

---

[1]) Проф. Сергѣевскій не видитъ въ отсѣченіи руки признаковъ матеріальнаго возмездія, ибо де рукою совершались весьма многія преступленія. Въ приведенномъ примѣрѣ нельзя объяснить разницы наказаній дьяка и подъячаго безъ предположенія о возмездіи.

ступными лишь въ силу воспрещенія ихъ закономъ; напр., Уложеніе (X, 20), воспрещая подачу жалобы государю помимо низшихъ инстанцій и назначая за то наказаніе, прибавляетъ: „чтобы инымъ, на то смотря...“ Населеніе въ прежнее время не только не видѣло въ томъ ничего преступнаго, но полагало, что судъ государя есть лучшій и справедливѣйшій. Подобная же угрожающая прибавка присоединена къ назначенію наказанія за проѣздъ въ другое государство безъ паспорта (VI, 4), за употребленіе табаку (XXV, 16). Это начало развивалось въ Московскомъ правѣ отчасти подъ вліяніемъ византійскаго права: въ кормчей (Прохиронъ, грань 39) полагается слѣдующее наказаніе за разбой: „нарочитіи разбойницы на мѣстѣхъ, на нихъ же разбои творяху, повѣшени да будутъ, да видѣнія ради убоятся начинающіи таковая и да будетъ утѣшеніе сродникомъ убіенныхъ отъ нихъ“. Изъ русскихъ памятниковъ начало устрашенія въ первый разъ выражено въ Стоглавѣ („да и прочіи страхъ пріимутъ таковая не творити“).

Принимая во вниманіе пропорціональное отношеніе другъ къ другу видовъ наказанія, мы можемъ въ русскомъ правѣ того періода признать однимъ изъ главныхъ принциповъ наказанія—*лишеніе преступника средствъ* повторять преступленія, не примѣняя къ нему *безповоротныхъ казней;* на это указываетъ громадное примѣненіе тюремнаго заключенія, ссылки и уголовнаго поручительства, замѣняющихъ какъ другъ друга, такъ и другіе виды уголовныхъ каръ (см., напр., Суд. цар. 55—56 и др.). Къ указанной цѣли ведетъ прежде всего предположеніе объ *исправленіи* самого *преступника:* государство только тогда прибѣгаетъ къ безповоротнымъ карамъ (смертной казни, пожизненому заключенію), когда общество (черезъ обыскныхъ людей) признаетъ преступника неисправимымъ („лихуетъ“ его). Такимъ образомъ первоначальное понятіе о наказаніи, выраженное въ самомъ терминѣ („наказать“—научить, исправить), не совсѣмъ изгладилось подъ вліяніемъ новыхъ и отчасти чужихъ понятій.

3) Виды наказаній.

Московское право не даетъ *общей схемы* наказаній (какъ и классификаціи преступленій). Однако, въ болѣе древнихъ памятникахъ этого періода, близкихъ къ эпохѣ Русской Правды, можно уловить раздѣленіе наказаній на *пеню и казнь*, т. е. наказанія имущественныя и личныя (Губн. запись, ст. 6; Суд. цар., 25), Въ дальнѣйшемъ движеніи уголовнаго законодательства, имущественныя наказанія постепенно уступаютъ мѣсто личнымъ, а уцѣлѣвшія теряютъ самостоятельность (становятся добавочными къ личнымъ).

Имущественныя наказанія были слѣдующихъ видовъ; продажа, пеня и конфискація. *Продажа,* остатокъ временъ Русской Правды, въ началѣ Московскаго періода имѣетъ большое примѣненіе, именно замѣняетъ всѣ наказанія, кромѣ смертной казни; въ началѣ эпохи Судебниковъ продажа замѣняется или дополняется тѣлесными наказаніями; со

временъ губныхъ учрежденій она соединяется постоянно уже съ тѣлесными наказаніями и изгнаніемъ: „какъ намѣстники... на татѣ продажу свою учинятъ, и вы бъ, старосты губные, тѣхъ татей велѣли, бивъ кнутьемъ, да выбити ихъ изъ земли вонъ“ (Губ. Кирилл. грам.). Въ царскомъ Судебникѣ продажа исчезаетъ (ст. 55), замѣняясь тюремнымъ заключеніемъ или порукою. *Пеня* прежде, т. е. въ началѣ московскаго періода, означавшая то же, что и древняя продажа, дѣлается самостоятельнымъ видомъ наказанія по уничтоженіи продажи и примѣняется главнымъ образомъ къ преступленіямъ противъ порядка государственнаго управленія (Суд. цар., 2—4, 8—11, 69; Улож. X, 5 и др.). Одинаковое значеніе съ пенею имѣетъ *заповѣдь*, т, е. денежный штрафъ за проступки противъ полицейскихъ распоряженій правительства (Ул. XXI, 19—20; XXV, 1—2); заповѣдью этотъ штрафъ называется потому, что дѣяніе, наказываемое имъ, само по себѣ безразличное, „заповѣдуется“, запрещается изъ видовъ полицейскихъ или финансовыхъ. Другой видъ заповѣди—это добавочное денежное наказаніе за общія преступленія, если преступникъ раньше совершенія преступленія угрожалъ имъ и тѣмъ вызвалъ противъ себя угрозу со стороны власти въ видѣ заповѣди [1]). Что касается *конфискаціи* („взять на государя“), то она, какъ древнее разграбленіе“, сопровождаетъ собою смертную казнь: „которыхъ разбойниковъ казните, и тѣхъ бы разбойниковъ подворья, животы и статки... отдавали тѣмъ людемъ, которыхъ тѣ разбойники разбивали... А что будетъ у исцовыхъ исковъ останется разбойничьихъ животовъ, вы бъ то все переписали на списокъ, да клали, гдѣ будетъ пригоже, да о томъ бы естя отписывали въ Москву“ (Губн. Бѣлозер. гр.). „Которыхъ разбойничьихъ животовъ, за исцовою вытью, останется, и тѣ достальные животы оцѣня продать на государя“ (Уст. кн. разб. пр., ст. 54; Улож. XXI, 26). Но при смертной казни за измѣну (и вообще по политическимъ преступленіямъ) конфискація наступаетъ лишь въ томъ случаѣ, если законные наслѣдники преступника окажутся виновными въ знаніи и недонесеніи на измѣнника (Улож. II, 7, 9 и 10). Часто конфискація соединяется со ссылкою (ук. 1678 г. П. С. З. № 724) и др. наказаніями (Ул, XXV, 3, 11). Самостоятельное примѣненіе конфискаціи ничтожно.

Личныя наказанія всѣхъ разрядовъ (направленныя противъ свободы, жизни, здоровья и чести лица) были извѣстны въ московскую эпоху. Нормальное развитіе ихъ шло слѣдующимъ путемъ.

Одна изъ формъ древняго потока—*изгнаніе*—въ началѣ московскаго періода имѣетъ точно такое же значеніе, какъ и въ земскую эпоху, т. е. означаетъ изгнаніе изъ той земли, гдѣ жилъ преступникъ (а не изъ цѣлаго государства; см. Губн. Бѣлозер. гр.); но это не годилось уже при

---

[1]) См. выше стр. 341—342; сл. Н. Д. Сергѣевскаго „Наказаніе въ рус. правѣ XVII в.“, стр. 270 и 271, и нашу замѣтку на означенное сочиненіе въ Унив. Извѣст. 1888 г. Пр. Сергѣевскій, отвергая наше понятіе о заповѣди, самъ даетъ опредѣленіе ей, совершенно согласное съ нашимъ.

новомъ понятіи о государствѣ: одна провинція его изгоняла бы своихъ преступныхъ граждамъ въ другую. Поэтому уже въ XVI в. взамѣнъ изгнанія является *ссылка*. Въ первый разъ мы находимъ ее въ указѣ 1582 года противъ ябедниковъ, которыхъ велѣно ссылать въ Курскъ и Сѣвскъ. Ссылка въ этихъ случаяхъ соединяется съ тѣлеснымъ наказаніемъ (кнутомъ), членовредительными наказаніями и тюремнымъ заключеніемъ (см. Ул. XXI, 10 и др.). Въ Ул. этотъ видъ наказанія не получилъ надлежащаго развитія: въ Уложеніи оно примѣнено лишь нѣсколько разъ за кражу и разбой (XXI, 9—10), за самовольный переходъ изъ городского состоянія въ крестьяне или въ холопы (XIX, 13), за корчемство и употребленіе табаку (XXV, 3, 17), за невнесеніе суднаго дѣла въ книги изъ корыстной цѣли (X, 129) и за участіе въ наѣздѣ (X,198). Послѣ Улож. примѣненіе ссылки въ законѣ постепенно расширяется: за непредумышленное убійство (1657 г.), за ябедничество (1670), за укрывательство татей и разбойниковъ (Нов. ст. 1669, ст. 8, 17), за разбой при отсутствіи собственнаго сознанія (ib. ст. 24) и проч. (см. ib., ст. 47, 61, 103). Так. обр. лишь во 2-й половинѣ XVII в. ссылка становится однимъ изъ самыхъ употребительныхъ видовъ наказанія; въ особенности было важно примѣненіе ссылки къ раскольникамъ (въ статьяхъ 1685 г.), что привело къ колонизаціи Сибири преимущественно раскольниками. Всякая ссылка была вѣчною (или лучше—предполагалась такою). Ссылаемые лишь въ особыхъ случаяхъ заключались на мѣстѣ ссылки въ тюрьму; по общему же правилу, опредѣляемы были на мѣстѣ или въ службу (въ дворяне или низшіе роды службы), или въ посады, или на пашню (въ крестьяне; послѣднимъ на мѣстѣ выдавалась ссуда деньгами и вещами). Мѣсто ссылки въ законѣ, обыкновенно, не опредѣлялось, но каждый разъ назначаемо было правительствомъ. Кромѣ Сибири и Сѣверской украйны, такими мѣстами были сѣверныя страны Европейской Россіи и по-Волжскіе и при-Азовскіе города,—словомъ мѣста, куда государство распространяло свои границы путемъ укрѣпленій. Несамостоятельность этого вида наказаній и недостатки организаціи его заставляли обращаться къ другимъ видамъ наказаній.

Слѣдствіемъ этого было чрезмѣрное примѣненіе *тюремнаго заключенія* на счетъ ссылки. Въ болѣе старыхъ памятникахъ московскаго законодательства тюремное заключеніе не имѣло значенія собственно карательнаго: оно употребляется въ видѣ предупредительной мѣры взамѣнъ поручительства (когда его нѣтъ), а потому и не разнообразится по степенямъ (преступникъ заключается въ тюрьму, пока не найдется порука въ противномъ случаѣ—на всю жизнь; см. Суд. цар., ст. 55). Карательное значеніе тюрьмы начинается съ царскаго Судебника (ст. 41) и окончательно утверждается въ Уложеніи (заключеніе татей въ тюрьму на два года, XXI, 9). Но и этотъ видъ наказанія не могъ получить надлежащаго развитія въ Московскомъ государствѣ, потому что устройство и содержаніе тюремъ были крайне несовершенны: то и другое возлагалось въ провинціяхъ на посадскія и уѣздныя общины; цѣловальниковъ и сторожей къ

тюрьмамъ выбирали тѣ же общины, исполняя это съ большею небрежностью. Поэтому тюрьмы были немногочисленны и тѣсны [1]); заключенные постоянно уходили цѣлыми толпами („вырѣзывались") изъ тюремъ; питались они или на свой счетъ, или подаяніемъ, ходя артелями по городу и выпрашивая милостыню.

Это заставляло правительство предпочитать другія личныя уголовныя кары, какъ болѣе простыя и дешевыя, а именно: *наказанія болѣзненныя*, развившіяся, несомнѣнно, подъ вліяніемъ татарщины (хотя въ Европѣ они появились и безъ всякаго вліянія со стороны востока и у насъ начались еще до татаръ). Виды ихъ: *батоги*, наказаніе прутьями толщиною въ палецъ и *кнутъ*, наказаніе которое различалось, какъ простое и какъ торговая казнь, т. е. наказаніе повторяемое нѣсколько разъ на торгу во время сборищъ народа (Улож. X, 186—188; XI, 27). Болѣзненныя наказанія явились первоначально, какъ альтернатива продажи (въ случаѣ несостоятельности), и уже потомъ получили вполнѣ самостоятельное значеніе. Они примѣняются ко всѣмъ преступленіямъ, не влекущимъ за собой смертной казни, въ соединеніи съ другими (тюрьмою, ссылкою, изгнаніемъ).

Наказанія членовредительныя имѣютъ двоякое значеніе: полицейское—для того, чтобы сообщить преступнику навсегда отмѣтку („улику") его злодѣянія, и чисто-карательное. Къ первой категоріи относятся: урѣзаніе уха (за татьбу и мошеничество въ 1-й и во 2-й разъ, за разбой въ 1-й разъ: Улож. XXI, 9, 10, 15, 16, 90; за непредумышленное убійство: ук. 1657 г.); клейменіе (пятнаніе), извѣстное уже съ XIV в. (Двин. уст. Гр.), но въ XVII в. малоупотребительное (при существованіи другихъ болѣе тяжкихъ „отмѣтокъ").

Наказанія увѣчащія второй категоріи являются, такъ сказать, уменьшенною формою смертной казни, будучи примѣняемы къ тѣмъ же преступленіямъ, какія повели бы къ смертной казни, при обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину. Фактически они появляются уже въ земскомъ періодѣ; въ московскомъ правѣ особенно развились подъ вліяніемъ прохирона и литовскаго статута (Улож. III, 5; X, 12; сличи XXII, 10, взятую прямо изъ литовскаго статута).

Смертная казнь, развитію которой противились лучшіе князья земскаго періода, въ московскую эпоху получила громадное примѣненіе. Впрочемъ до Судебниковъ и въ Судебникахъ она назначалась только за самыя высшія уголовныя дѣла: измѣну, убійство господина рабомъ, крамолу, подметъ, святотатство. Прочія преступленія вели къ ней лишь при предположеніи о неисправимости преступника, т. е. при лихованномъ обыскѣ или рецидивѣ. Въ Уложеніи сфера ея примѣненія гораздо обширнѣе; она полагается за богохуленіе и совращеніе, за всѣ политическія преступленя

[1]) Для одиночнаго заключенія служили каменные „мѣшки" (ниши, закладываемыя камнемъ) и ямы въ землѣ. Въ общихъ тюрьмахъ преступники и подслѣдственные размѣщались по родамъ преступленій отдѣльно въ тюрьмахъ *губныхъ* и *опальныхъ*.

и участіе въ нихъ, за составленіе фальшивыхъ актовъ, дѣланіе фальшивой монеты, за умышленное убійство, за неумышленное убійство въ нѣкоторыхъ случаяхъ (на государевомъ дворѣ, въ походѣ, въ присутствіи суда), за изнасилованіе женщины, за поджогъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ усложнились и ея формы, изъ которыхъ не всѣ опредѣлены закономъ, а многія практикуются, не будучи установлены въ законѣ. Въ законѣ опредѣляется простая смертная казнь (повѣшеніе и обезглавленіе) и квалифицированныя формы ея (сожженіе, зарытіе живымъ въ землю, залитіе горла металломъ), Въ практикѣ употребляемы были и другія формы какъ простой (разстрѣляніе, отравленіе и утопленіе), такъ и квалифицированной смертной казни (колесованіе, разсѣченіе на части, перетираніе тонкими веревками, посаженіе на колъ, распятіе на крестѣ).

Безспорно, жестокость Московскаго уголовнаго права чрезмѣрна, но для правильной оцѣнки его нужно имѣть въ виду сравненіе съ современными нашему Уложенію кодексами западной Европы, напр., Каролиною, а сверхъ того, нельзя упускать изъ виду, что, по свидѣтельству историческихъ памятниковъ, большая часть смертныхъ приговоровъ не приводилась въ исполненіе, въ силу древняго обычая *печалованія*, одного изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ православнаго духовенства, которымъ оно и пользолось постоянно. Освобожденный отъ смерти по такому ходатайству обыкновенно пожизнено заключаемъ былъ въ монастырь [1]).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что послѣ Улож. и до Петра I жестокость уголовнаго закона постепенно смягчается; это смягченіе начинается уже въ новоук. статьяхъ. „Въ періодъ отъ новоук. статей до воинскихъ арти-

---

[1]) Проф. Сергѣевскій такъ объясняетъ (относительную) жестокость уголовнаго права XVII в.; „Обходиться гуманными мѣрами не было никакой возможности, потому что все государств. управленіе неизбѣжно построено было на постоянной борьбѣ съ массою элементовъ антигосударственныхъ". И затѣмъ авторъ приводитъ примѣръ изъ актовъ гор. Шуи 1639 г., когда *всѣ* шуяне учинились „сильны и супротивны" противъ сыщика Тарбѣева, присланнаго „для табачнаго и корчемнаго сыску" („Наказаніе", стр. 70). Приведенный примѣръ показываетъ противодѣйствіе населенія *ошибочнымъ* мѣрамъ государства (каковы *несомнѣнно* боли мѣры, относящіяся къ табакокуренію и корчемству). Что же касается до здравыхъ началъ государственности, то у того же автора мы находимъ слѣд. правильный взглядъ на дѣло. „XVII вѣкъ русской исторіи не только не былъ вѣкомъ разложенія, но наоборотъ—вѣкомъ созиданія и наибольшаго напряженія народныхъ силъ, хотя напряженія односторонняго...; это могучая, конструктивная сила служенія началу государственности". Затѣмъ авторъ ссылается на движеніе 1612 г., т. е. возсозданіе государства силами самого населенія (стр. 62 и 65). Трудно примирить это съ идею о „богатырскихъ" подвигахъ антигосударственныхъ элементовъ, будто бы вызвавшихъ героическія уголовныя средства (см. 66 и сл.). Жестокость карательной дѣятельности увеличивается по мѣрѣ увеличенія ошибочныхъ мѣръ государст. управленія; яркій примѣръ представляетъ вмѣшательство государства XVII в. въ дѣло религіозной совѣсти при возникновеніи раскола, а также ошибочныя финансовыя мѣры 1654 и сл. годовъ, въ особенности же наиболѣе роковая ошибка—прикрѣпленіе крестьянъ въ той формѣ, какъ это сдѣлано Уложеніемъ ц. А. М., т. е. съ слабою, недостаточною гарантіею правъ прикрѣпленныхъ крестьянъ—главный источникъ всѣхъ смутъ XVII в. (Стеньки Разина) и б. ч. обыковенныхъ преступленій.

куловъ смертная казнь за татьбу почти совсѣмъ была изгнана, и весь періодъ представляетъ исторію постепеннаго смягченія наказаній за общія преступленія, т. е. за татьбу, грабежъ и разбой" (Л. С. Бѣл.-Котляревскій: „О воровствѣ кражѣ", ст. 114).

Періодъ III. Уголовное право имперіи.

Хотя месть преступнику, совершаемая руками частнаго лица или государства, съ древнѣйшихъ временъ предполагаетъ и сознаніе объ общественномъ вредѣ преступленія,—но первою цѣлью ея остается воздать зломъ за зло. Въ послѣднемъ періодѣ исторіи нашего права постепенно уясняется мысль о томъ, что основная цѣль уголовнаго прави есть благо общества: раздраженіе противъ преступника смѣняется хладнокровнымъ изысканіемъ средствъ оградить общество отъ вреда; стараются устанавливать наказанія на основаніи тѣхъ условій вмѣненія, которыя могутъ быть приложены къ данному преступленію; наказанія естественно смягчаются, въ кодексахъ появляется терминъ наказаній „исправительныхъ". Впрочемъ такое направленіе русскаго уголовнаго права становится вполнѣ замѣтнымъ лишь со 2-й пол. XVIII в., особенно со временъ изданія Наказа. При Петрѣ и ближайшихъ его преемникахъ находимъ только попытку въ законахъ точнѣе опредѣлить условія вмѣненія; жестокость каръ при Петрѣ даже усиливается.

1) Преступленіе.

Преступнымъ дѣйствіемъ именуется теперь дѣяніе, воспрещенное закономъ, хотя практика XVIII вѣка подвергала иногда наказаніямъ за дѣянія не воспрещенныя [1]), или примѣняла законы по собственному выбору, въ виду ихъ противорѣчія, но это составляло лишь исключеніе изъ общаго принципа. Но какія именно дѣянія должны быть воспрещаемы подъ угрозой наказаній, въ первой половинѣ XVIII в. оставалось неопредѣленнымъ. Петръ I, воспрещая постоянно дѣянія безразличныя и невинныя изъ цѣлей полицейскихъ и финансовыхъ, высказалъ, однако, въ одномъ указѣ слѣд. мысль: „многіе, якобы оправляя себя, говорятъ, что сіе не заказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключити можетъ, суть преступленія" (ук. 1714 г. дек. 14); очевидно, и законодатель можетъ воспрещать только дѣянія, вредъ которыхъ ясенъ для каждаго изъ подданныхъ. Екатерина II (Наказъ VI, 41—42) говоритъ: „ничего не должно воспрещать законами, кромѣ того, что можетъ быти вредно или каждому особенно, или всему обществу: всѣ дѣйствія, ничего такого въ себѣ не заключающія, нимало не подлежатъ законамъ".

[1]) См., напр., Г. Липинскаго: „Къ исторіи уголовнаго права XVIII в.", стр. 10.

а) Субъектъ преступленія.

Равенство отвѣтственности предъ уголовнымъ закономъ, признанное вообще и теперь, подвергалось, однако, изъятіямъ въ сословныхъ учрежденіяхъ Екатерины II: дворяне, освобожденные отъ тѣлеснаго наказанія, подвергаются бо́льшему наказанію за преступленія позорныя (разбой и воровство). *Возрастъ* преступника при уголовномъ вмѣненіи оставался долго неопредѣленнымъ и въ XVIII в.; въ толкованіи къ артик. 195 воин. уст. Петр. I далъ слѣд. неопредѣленное положеніе: „наказаніе воровства обыкновенно умаляется или весьма ослабляется, ежели, воръ будетъ *младенецъ*, которыхъ дабы заранѣе отъ сего отучить, могутъ отъ родителей своихъ лозами наказаны быть". При импер. Елизаветѣ въ Сибири 14-лѣтняя дѣвочка убила двухъ дѣвочекъ; не имѣя въ виду закона о возрастѣ, генералъ-прокуроръ предложилъ сенату собрать президентовъ всѣхъ коллегій и сообща рѣшить вопросъ, который и рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что несовершеннолѣтними считаются до 17 л. и не подвергаются ссылкѣ, кнуту или смертной казни, а лишь наказанію плетьми и отсылкѣ въ монастыри на 15 лѣтъ (П. С. З., № 8601; сл. Соловьева Ист. Рос. XXI, 176). Но этимъ не разрѣшенъ вопросъ о возрастѣ полной невмѣняемости, лишь указъ 1765 г. мая 2 далъ болѣе точныя опредѣленія, именно: „по криминальнымъ дѣламъ мужескому и женскому полу совершенный возрастъ считать въ 17 л."; по преступленіямъ, влекущимъ къ смертной казни или къ кнуту, преступники до 17 л. предоставляются на усмотрѣніе сената, „гдѣ съ ними поступано быть имѣетъ по благоусмотрѣнію и по мѣрѣ ихъ винъ"; по прочимъ преступленіямъ преступники 15—17 л. могутъ подвергаться наказанію плетьми, отъ 10 до 15 л.—только розгами (а не батогами), 10-ти и менѣе лѣтъ отдаются для наказанія родителямъ или помѣщику, „не считая тѣ сдѣланныя ими преступленія впредь ни въ какое имъ подозрѣніе". Однако, вопросъ о несовершеннолѣтіи и малолѣтствѣ оставался неяснѣмъ для практики и въ XIX в.; по Учрежденію о губ., 1775 г., дѣла по преступленіямъ малолѣтнихъ предоставлены совѣстному суду; въ 1818 году Смоленскій совѣстн. судъ отказался разсматривать дѣло о поджогѣ, въ которомъ обвинялся имѣющій уже 15 лѣтъ отъ роду, ссылаясь на мнѣніе консисторіи, что съ 15 лѣтъ начинается уже возрастъ юношескій, тогда какъ, по мнѣнію губернатора, предѣломъ малолѣтства нужно считать 17 л., съ чѣмъ согласился сенатъ и выразилъ въ особомъ указѣ.

Умопомышательство. Въ томъ же толкованіи къ арт. 195 воин. уст. Петръ I, говоря о кражѣ, даетъ такое же неопредѣленное положеніе объ „умаленіи" или полномъ освобожденіи отъ наказанія, „если кто въ лишеніи ума воровство учинитъ". Практика, подобно московской, умаляла, но не освобождала отъ наказанія въ такихъ случаяхъ.

Законъ XVIII вѣка упоминаетъ о *состояніи аффекта* (раздраженія), какъ обстоятельствѣ, уменьшающемъ наказаніе. Московское право указывало на *опьяненіе*, какъ на признакъ непредумышленности дѣянія

(чѣмъ совершенно отстраняется мысль о намѣренномъ приведеніи себя въ опьяненіе для бо́льшей дерзости при совершеніи преступленія); воинскій уставъ Петра I смотритъ (неправильно) на опьяненіе, какъ на обстоятельство, отягчающее вину.

Понятіе о различіи *умысла и непредумышленности* въ узаконеніяхъ Петра В. стоитъ ниже опредѣленій этого, данныхъ въ Московскомъ правѣ: „кого кто волею и нарочно, безъ нужны и безъ смертнаго страху умертвитъ..., онаго кровь паки отомстить“ (Уст. XIX, 154); толкованіе Петра къ этому артик. изъяснено комиссіею 1754—1761 гг. такъ: „надлежитъ вѣдать, что то учинено было съ умысла къ убивству“ (гл. 25); вѣроятно, такому пониманію слѣдовала и практика, хотя воинск. уставъ (толкованіе къ артик. 158) прямо говоритъ, что непредумышленное убійство карается также смертію: „ежели кто кого съ ненависти толкнетъ, или что съ злости на него броситъ..., отъ чего умретъ, то оный обыкновенной смертной казни подверженъ“. Вообще опредѣленіе степеней вины исчезаетъ въ огульномъ примѣненіи безповоротныхъ каръ, такъ какъ законодатель всецѣло занятъ мыслію устрашить общество, а на преступника смотритъ, какъ на орудіе для этой цѣли. Воинскій уставъ знаетъ наказуемую неосторожность, за которую, сверхъ другихъ наказаній, полагаетъ церковное покаяніе (см. арт. 158). „Весьма неумышленнымъ и ненарочнымъ убійствомъ, у котораго никакой вины не находится“, воин. уставъ (XIX, 159) именуетъ случайность: напр., убійство человѣка при стрѣльбѣ войсками въ цѣль, если сама жертва очутится предъ или за цѣлью.

Необходимая оборона излагается въ воинскомъ уставѣ (XIX, 156) весьма ясно: „кто прямое оборонительное супротивленіе для обороны живота своего учинитъ, и онаго, кто его къ сему принудилъ, убьетъ, оный отъ всякаго наказанія свободенъ ; но въ послѣдующихъ артикулахъ оборона стѣснена различными условіями до невозможности ея примѣненія: требуется, 1) чтобы оборона соотвѣтствовала нападенію: противъ безоружнаго не позволяется дѣйствовать оружіемъ, если силы равны; 2) чтобы опасность уже не миновала (запрещается убивать бѣгущаго оскорбителя); 3) чтобы опасность уже наступила. Несоблюденіе условій обороны влечетъ виновнаго къ наказанію, хотя и не къ смертной казни. Объ оборонѣ имущественныхъ правъ здѣсь умалчивается; въ толкованіи къ артик. 185 говорится: „въ правахъ позволено вора, который въ ночи въ домъ ворвется, безъ страху наказанія, умертвить, ежели его безъ своего опасенія преодолѣть было невозможно; ибо надлежитъ разсудить, что воръ не для единой кражи, но уже и умертвить въ домъ ночью врывается“, т. е. и здѣсь имѣется въ виду лишь оборона жизни.

О состояніи крайней необходимости воин. уставъ говоритъ по поводу кражи (толк. къ арт. 195) слѣд.: наказаніе ослабляется или вовсе отмѣняется, „ежели кто изъ крайней голодной нужды (которую онъ доказать имѣетъ) съѣстное или питейное, или иное, что невеликой цѣны украдетъ“.

Стеченіе многихъ дѣятелей въ одномъ преступленіи законодательство Петра I разсматриваетъ съ прежней точки зрѣнія равенства отвѣтственности всѣмъ сообщниковъ („яко убійца самъ, такъ и прочіе имѣютъ быть наказаны, которые подлинно къ смертному убійству помогали или совѣтомъ или дѣломъ вступались; воин. уст. арт. 155); точно такъ же уравнена отвѣтственность интеллектуальнаго и физическаго виновника (ibid. артик. 160); въ случаѣ найма на совершеніе убійства, наемщикъ и наниматель подвергаются высшей, квалифицированной смертной казни (арт. 161). Исполненіе противозаконнаго приказанія начальниковъ подчиненными воспрещается; они должны донести о полученномъ приказаніи высшему начальнику (ук. 1724 г. янв. 20). Екатерина II (Наказъ, ст. 220) рекомендуетъ „положить наказанія не столь великія сообщкамъ..., какъ самимъ настоящимъ „исполнителямъ", за исключеніемъ опять наемныхъ злодѣевъ.

б) Преступное дѣйствіе.

Голый умыселъ (въ преступленіяхъ противъ Величества), по воинскому уставу, наказывается наравнѣ съ совершеніемъ преступленія, при чемъ ясно опредѣляется: „хотя въ дѣйство не приведено, но только воля и хотѣніе было". Практика 1-й пол. XVIII в. широко пользовалась такимъ толкованіемъ. Напротивъ, Наказъ отвергаетъ наказуемость голаго умысла и въ отношеніи къ политическимъ преступленіямъ: „законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромѣ внѣшнихъ и наружныхъ, дѣйствій".

Покушеніе, не оконченное по стороннимъ препятствіямъ, воинокій уставъ наказываетъ, то какъ преступленіе совершенное, то меньше (артик. 164—толк. о самоубійствѣ, арт. 161—толк. о наемномъ убійствѣ, при чемъ видъ смертной казни смягчается; но по арт. 167—толков.: „начатое изгнасильствіе женщины, а не оконченное, наказуется по разсмотрѣнію" безъ объясненія, почему оно не окончено. По артик. 185—толков. „ежели воръ... пойманъ, или отогнанъ, или помѣшаетъ ему кто, что ничего, съ собою не унесъ, шпицрутеномъ по легче наказать надлежитъ"). Екатерина II (Наказъ, ст. 201) утверждаетъ, что „законы не могутъ наказывать намѣренія", но что „нельзя сказать, чтобъ дѣйствіе, которымъ начинается преступленіе..., не заслуживало наказанія, хотя меньшаго, нежели какое установленно за преступленіе, самою вещью уже исполненное".

в) Объектъ и классификація преступленій.

Екатерина II раздѣляетъ (Наказъ, 68—72) преступленія по объектамъ ихъ на 4 группы: 1) преступленія противъ вѣры, 2) противъ нравовъ, 3) противъ тишины и спокойствія и 4) противъ безопасности гражданъ.

Преступленія противъ вѣры. Воин. уставъ крайне неумѣренно заимствуетъ изъ нѣмецкихъ источниковъ суевѣрныя средневѣковыя поня-

тія, безобразившія кодексы того времени: „Ежели кто изъ воинскихъ людей найдется идолопоклонникъ, чернокнижецъ, ружья заговариватель, суевѣрный и богохулительный чародѣй, оный... гоненіемъ шпицрутенъ наказанъ, или весьма сожженъ имѣетъ быть". Для примѣненія смертной казни законодатель требуетъ, чтобы „онъ своимъ чародѣйствомъ кому вредъ учинилъ, или дѣйствительно съ діаволомъ обязательство имѣетъ" (арт. 1). Введеніе этого преступленія въ кодексъ, несомнѣнно, подѣйствовало на практику, ибо масса дѣлъ о колдовствѣ XVIII в. несравненно превосходитъ число подобныхъ преслѣдованій въ XVII в. Впрочемъ, къ полов. XVIII в. вѣра въ колдовство, очевидно, ослабѣла, такъ что Елизаветин. комиссія назначила въ проектѣ смертную казнь за это преступленіе только въ томъ случаѣ, если „чародѣй кореньями, травами и проч. чье здоровье повредитъ", а за простое „шептаніе" назначила плети или батоги. Богохуленіе воин. уставъ отличаетъ отъ хулы Б. Матери и святыхъ, какъ особаго преступленія (арт. 3—4); но и различаетъ въ этомъ преступленіи злостность и легкомысліе, за послѣднее назначаются лишь шпицрутены (ар. 6; то же Морск. Уст. кн. IV, гл. I, ст. 5). Послѣ Петра было установлено, что богохульникъ отсылается къ духовному суду или для покаянія, если онъ православный, или для обращенія, если иновѣрецъ,—чѣмъ тотъ и другой могутъ избавиться отъ смертной казни (ук. 1738 іюля 4 и проектъ Елисав. ком. XVI, 1). Въ вѣроотступничествѣ проектъ Елисавет. ком. различаетъ (въ 1-й разъ) переходъ въ другое христіанское исповѣданіе (за что назначается вѣчное заключеніе въ монастырѣ) и принятіе нехристіанской религіи (за что вопреки Ул. А. М. полагается сожженіе). Совращеніе въ расколъ, по указамъ Петра (1722 и 1724 г.), карается вѣчною каторгою и конфискаціею; переходъ въ расколъ православныхъ священниковъ наказывается, какъ святотатство, т. е. смертною казнію и возложеніемъ тѣла на колесо (ук. 1722 мая 15 и іюля 16). Затѣмъ въ этомъ разрядѣ преступленій Воин. Арт. различаютъ божбу и клятву (артик. 7), неприсутствіе въ церкви при богослуженіи (арт. 10), прибытіе въ церковь въ пьяномъ видѣ (арт. 11).—Екатерина II (Наказъ, гл. XX, Г), рекомендуя вѣротерпимость (ст. 494—499), замѣчаетъ: „надлежитъ быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ..: тогда уже гражданинъ всегда будетъ въ опасности, для того, что ни поведеніе въ жизни самое лучшее, ни нравы самые непорочные... не могутъ быть защитниками его противу подозрѣній въ сихъ преступленіяхъ"; затѣмъ законодательница иллюстрируетъ свою мысль примѣрами изъ византійской исторіи.

Преступленія противъ нравственности воин. уставъ перечисляетъ въ такомъ же изобиліи (въ первый разъ появляются въ кодексѣ содомія и скотоложство: гл. XX, арт. 165—177) съ назначеніемъ б. ч. жестокихъ наказаній. Исправляя это, Екатерина II (Наказъ, ст. 77) рекомендуетъ назначать за эти преступленія „наказанія, зависящія отъ судопроизводства исправительнаго" (основанныя на „стыдѣ и безславіи"), которыя, по ея мнѣнію, достаточны, чтобы „укротить дерзость обоего пола. И воистину

сіи вещи не столько основаны на зломъ сердцѣ, какъ на забвеніи и презрѣніи самого себя". Но она исключаетъ изъ этого похищеніе женщинъ и изнасилованіе.

Преступленія государственныя составляли особый предметъ заботливости законодательства 1-й полов. XVIII в. Воинскій уставъ (Артик. 2) ввелъ въ прежній кругъ политическихъ преступленій словесное оскорбленіе Величества и осужденіе дѣйствій и намѣреній правящаго государя Такъ какъ практика того времени чрезмѣрно злоупотребляла этимъ закономъ, относя къ оскорбленію Величества иногда самыя невинныя выраженія, то имп. Екатерина II сочла нужнымъ въ Наказѣ (гл. XX, ст.) посвятить особый отдѣлъ доказательству того, что слова тогда только преступны, когда содержатъ въ себѣ призывъ къ дѣйствіямъ противъ верховной власти и государства (ст. 478, 480): „так. обр. человѣкъ, пришедшій, напр., на мѣсто народнаго собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію будетъ виновенъ въ оскорбленіи Величества". Впрочемъ (благодаря замѣчаніямъ сторонникъ совѣтниковъ) Екатерина признала наказуемыми и словесныя и письменныя оскорбленія, но въ низшей степени.

Преступленія по должности, составлявшія главнѣйшую язву государства того времени, когда начало самоуправленія замѣнено было бюрократическимъ, въ XVIII в. получили высшую степень интенсивности и вызвали усиленныя мѣры уголовной борьбы съ ними. Петръ I (въ ук. 1724 г. февр. 5) сравниваетъ ихъ съ измѣною во время битвы и считаетъ даже „вяще измѣны", такъ какъ они могутъ причинить государству не только бѣдство, но и конечное паденіе. Поэтому за означенныя преступленія въ упомянутомъ указѣ положена натуральная или политическая смерть (смотря по важности дѣла) и полная конфискація. Зло, однако, увеличивалось въ дальнѣйшемъ теченіи вѣка, и хотя учрежденіями Екатерины II одна причина его (бюрократизмъ) была подорвана, но зато другія (недостатокъ матеріальной обезпеченности и отсутствіе общаго образованія) продолжались и въ 1-й пол. XIX.

Что касается до преступленій гражданъ противъ порядка управленія, то мы выше указывали, какую массу новыхъ видовъ преступленій создалъ уголовный законъ временъ Петра I своими полицейскими и финансовыми запретами, большая часть которыхъ во 2-й полов. періода отпала.

Преступленія гражданскія. Въ разрядѣ *преступленій противъ жизни*, въ сферу parricidium, вводится убійство дитяти-младенца (безъ поясненія: собственнаго или всякаго) и убійство офицера (нужно разумѣть—солдатомъ), въ толкованіи присоединено „и жены" (арт. 163). Къ квалифицированнымъ видамъ убійства относятся также отравленіе и наемное убійство. Въ проектѣ Елисаветин. комиссіи различаются: умышленное убійство законорожденнаго дитяти (за что полагается вѣчное заключеніе въ монастырѣ), непредумышленное убійство того же дитяти (за что 1 годъ покаянія), вытравленіе плода (кнутъ и каторга), наконецъ, подкинутіе незаконорожденнаго въ опасномъ мѣстѣ (приравнено къ убій-

ству). Что касается убійства жены, то, по проекту Елизав. ком., за убіеніе мужемъ жены-прелюбодѣйцы на мѣстѣ совершенія преступленія полагается лишь церковное покаяніе. Далѣе, воинскій уставъ вводитъ (по образцу нѣмецкихъ источниковъ своихъ) преступленія противъ *собственной* жизни—самоубійство и поединки. При самоубійствѣ наказывается не только покушеніе, но и исполненіе: наказаніе совершается надъ трупомъ самоубійцы (палачъ влечетъ его по улицамъ или по обозу въ безчестное мѣсто); при покушеніи судъ опредѣляетъ причины самоубійства; если причины были мученіе, досада или безпамятство, то полагается (для военныхъ людей) безчестное изгнаніе изъ полка (что́ при обязательности службы едва ли когда могло быть примѣняемо), а если другія причины (которыя, однако, трудно придумать при самоубійствѣ), то назначается смертная казнь (артик. 164). По проекту Елизав. ком., въ первомъ случаѣ назначается не наказаніе, а лѣченіе, во второмъ—наказаніе плетьми или тюрьма. Для наказуемости поединковъ можно подыскать и другой объектъ этого преступленія, именно—нарушеніе правъ судебной власти. По воин. уст., оба соперника и секунданты подлежатъ повѣшенію, а если одинъ изъ нихъ или оба убиты, то наказаніе исполняется надъ трупами (воин. уст., арт. 139—140); за покушеніе, т. е. вызовъ на дуэль, полагалось лишеніе чести и конфискація части имущества. Екатерина II (Наказъ, 234) рекомендуетъ наказать только оскорбителя, подавшаго поводъ поединку; въ своемъ ук. 1787 г. она опредѣлила наказаніе не за самый поединокъ, а за тѣ дѣянія, которыя были совершены при немъ (раны, увѣчья, смерть), согласно съ проектомъ Улож. 1754 г.

Относительно *имущественныхъ преступленій* петровское законодательство заключаетъ въ себѣ важное отличіе отъ предшествующаго русскаго права, вводя въ оцѣнку преступленій (по образцу нѣмецкаго права) *цѣну вещи* (при кражѣ), различая кражу на сумму не свыше 20 р. отъ большой кражи (свыше 20 р.). Къ большой кражѣ отнесены также кража въ четвертый разъ, кража при наводненіи и пожарѣ, кража изъ военныхъ хранилищъ, кража у своего господина или товарища, кража, совершенная стоящимъ на караулѣ (арт. 191); за малую кражу полагаются различныя наказанія, смотря по *повторенію преступленія* (до 3 разъ), за большую—смертная казнь (здѣсь о повтореніи не мож. б. рѣчи). Въ Воин. Арт. не отличено *стеченіе* преступленій отъ рецидива. Но въ проектѣ Елизавет. комиссіи (на основаніи ук. 1726 г. іюля 18) эти два понятія различены ясно: а именно за всѣ случаи кражи, если они въ совокупности не превышаютъ 40 р., полагается наказаніе, какъ за воровство въ первый разъ: „ибо и за тѣ первыя кражи наказанія, отчего бы было можно имъ воздержаться, не было“ (XXXIII, 10). Къ кражѣ приравнены *утайка вещей*, взятыхъ на сохраненіе (арт. 193), *растрата* казенныхъ денегъ (арт. 194) и *присвоеніе находки* (арт. 195). Относительно *святотатства* законодательство XVIII в. уступаетъ въ достоинствѣ Новоуказаннымъ статьямъ, не различая мѣста и предмета кражи, особенно же кражи на малую

сумму „изъ убожества"; впрочемъ, практика XVIII в. примѣняла обыкновенно къ этому преступленію не Воин. артик., а узаконенія XVII в., и именно статьи о священническомъ и монашескомъ чинѣ 1667 г.—Какъ особенный видъ кражи, отмѣчается *казнокрадство*, подъ которымъ разумѣется не только присвоеніе казенныхъ вещей, но и употребленіе казенныхъ денегъ для личныхъ торговыхъ оборотовъ, а также злоупотребленія при подрядахъ; за эти дѣянія полагается смертная казнь чрезъ повѣшеніе (Воин. уст., арт. 191, инстр. 1719 февр. 16, Морск. уст. ст. 130; ук. 1720, ок. 3).

Мошенничество и въ XVIII в. не ясно отличено отъ кражи (см. проек. Елизавет. ком. XXIII, 22). Но изъ этого не слѣдуетъ, что никакой видъ обманнаго присвоенія движимыхъ имуществъ не былъ наказуемъ до Екатерины II: по проекту Елизавет. комиссіи, наравнѣ съ *подлогомъ*, наказываются слѣд. виды обманнаго присвоенія имуществъ: предъявленіе къ уплатѣ найденнаго и погашеннаго векселя (подъ угрозою наказанія кнутомъ и вѣчной каторги), злостное банкротство (подъ угрозою смертной казни), отказъ отъ своей подписки, употребленіе фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ (указъ 1758, дек. 25). Екатерина не наименовала бы мошенничествомъ обманнаго присвоенія чужихъ вещей, если бы и прежде подъ этимъ терминомъ, между прочимъ, не разумѣлся и этотъ видъ преступленій. Во всякомъ случаѣ Екатерина II (ук. 1787 г. апр. 3) вводитъ въ наше законодательство различіе понятій кражи, мошеничества [1]) и *грабежа*.

Воин. уставъ стоитъ ниже Уложенія въ опредѣленіи *поджога*, смѣшивая поджогъ зданій съ истребленіемъ и порчею частей зданія и движимыхъ вещей (артик. 178 и 180: „печи или нѣкоторыя дворы сломаетъ, такожъ крестьянскую рухлядь потратитъ"); всѣ эти дѣянія подлежатъ смертной казни чрезъ сожженіе. Проектъ Елизаветин. комиссіи различаетъ: а) поджогъ зданій (города, двора, лавки, мельницы, деревни, церкви, завода, гумна и корабля), за что назначаетъ смертную казнь чрезъ сожженіе; б) поджогъ хлѣба, лѣса и сѣна, за что полагается простая смертная казнь (XXXIX, 1 и 3).

2) Наказаніе.

Свойства уголовнаго закона въ періодъ имперіи совершенствуются сравнительно съ закономъ Москов. государства въ томъ отношеніи, что неопредѣленныя санкціи встрѣчаются все рѣже. Но зато въ эпоху Петра явился новый недостатокъ, который хотя и знала старая Русь, но не въ значительной степени—это разнообразіе и противорѣчіе законовъ другъ другу, обстоятельство особенно пагубное въ отношеніи къ уголовному закону. Здѣсь имѣемъ въ виду, во-перв., противорѣчіе петровскихъ законовъ

[1]) Мошенничество въ ук. опредѣляется такъ: „буде кто на торгу... изъ карман что выметъ..., или внезапно что отыметъ... *или обманомъ или вымысломъ продастъ, или вѣсомъ обвѣситъ, или мѣрою обмѣритъ*".

Уложенію ц. А. М. и Новоук. статьямъ. Эти послѣдніе кодексы не только удерживались, но считались еще главными источниками дѣйствующаго права, между тѣмъ массы новыхъ указовъ и Воинскіе Артикулы, получившіе при самомъ Петрѣ общегражданское примѣненіе, были также дѣйствующимъ закономъ. Если по Улож. ц. А. М. непредумышленное убійство карается тюрьмою, а по Воин. Артикуламъ—смертію, то произволу судьи предоставляется выборъ между столь различными видами наказанія и при каждомъ случаѣ судья будетъ правъ. По Уложенію, только поджогъ дома карается сожженіемъ, а о порчѣ недвижимыхъ вещей Ул. вовсе молчитъ; по Воин. Арт., къ одной категоріи съ поджогомъ отнесено (какъ мы видѣли) и это послѣднее преступленіе и даже порча движимыхъ вещей; все это также ведетъ къ сожженію. За татьбу вещей на всякую сумму въ 1-й разъ Уложеніе назначаетъ кнутъ, двухгодичное тюремное заключеніе и ссылку; по Воин. Артикул., татьба въ 1-й разъ на сумму свыше 20 руб. ведетъ къ смертной казни.—Во втор., самые указы и уставы Петра I нерѣдко противорѣчатъ другъ другу (см. выше о законодательствѣ).

Цѣль наказанія въ Воин. уставѣ указывается (яснѣе, чѣмъ въ законахъ XVII в.) съ древней точки зрѣнія—мести: „кто кого убъетъ..., онаго кровь паки отомстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь“ (арт. 154; см. также арт. 3, 196, 145 и др.). Но возмездіе и другія цѣли наказанія совершенно стушевываются предъ главнѣйшею (почти единственною)—устрашеніемъ: почти каждый указъ снабжается прибавкою: „подъ жестокимъ страхомъ“ (см. Филиппова, стр. 146 и сл. Воин. арт. 154). Отсюда увеличеніе жестокости наказаній и болѣе широкое примѣненіе высшихъ наказаній къ преступленіямъ низшаго порядка [1]). Екатерина II (въ Наказѣ) въ первый разъ опредѣляетъ ясно другую цѣль наказанія, именно—охраненіе общества отъ преступленій (ст. 144—147); иногда проскольз-

---

[1]) Проф. Филипповъ приписываетъ усиленіе жестокости наказаній при Петрѣ I „боевому“ характеру наказаній въ періодъ реформъ: ими пользовался законодатель-реформаторъ, какъ сильнѣйшимъ орудіемъ, для приведенія новыхъ началъ въ правѣ. На это возражаютъ (проф. Сергѣевскій), что карательное право всегда имѣетъ „боевой“ характеръ: этимъ оружіемъ сражается государство съ противниками государственнаго порядка. Но большая разница въ томъ, съ кѣмъ идетъ бой: въ обыкновенномъ теченіи юстиціи мечъ, „кривды карающій“, направляется на воровъ, разбойниковъ, поджигателей, измѣнниковъ и т. д.; въ эпохи ломки государства сила ломающая имѣетъ передъ собою врагами весьма часто людей, искренно и твердо стоящихъ за право, какъ оно понималось раньше, и какъ они понимаютъ его. Съ такими людьми сражаться труднѣе; приходилось усугубить жестокость нападенія, ибо въ такихъ случаяхъ другого стимула, кромѣ страха, нѣтъ (хотя и страхъ является тогда средствомъ сомнительнымъ). Блистательный примѣръ въ подкрѣпленіе этой мысли представляетъ дѣло извѣстнаго подъячаго Докукина. Онъ написалъ на формѣ присяги, которую должны были приносить всѣ новому порядку престолонаслѣдія, слѣдующее: „за неповиннее отлученіе и изгнаніе всероссійскаго престола... цесаревича Алексѣя Петровича... не клянусь и... не подписуюсь... и хотя за то царскій гнѣвъ на мя произліется, буди въ томъ воля Господа моего І. Христа; по воли его святой, за истину азъ рабъ Христовъ Иларіонъ, по реклу Докукинъ,

заетъ въ Наказѣ и мысль о томъ, что цѣль наказанія есть „возвратить заблудшіе умы на путь правый“ (ст. 93). Она считаетъ наказанія необходимымъ зломъ: „наказаніе дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь“ (ст. 84), а потому болѣе разсчитываетъ на предупредительныя мѣры, чѣмъ на карательныя (ст. 83), именно рекомендуетъ не запрещать въ законѣ дѣяній безразличныхъ (ст. 242), требуетъ, чтобы законъ не благодѣтельствовалъ однимъ во вредъ другимъ (ст. 243), чтобы „просвѣщеніе распространилось между людьми“ (стр. 245). „Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказаній, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ“ (ст. 222). Отсюда Екатерина выводитъ слѣдствіе относительно мѣры и родовъ наказанія; по ея мнѣнію, наказанія должны быть разсчитаны не на одинъ страхъ: страхъ притупляется по мѣрѣ усиленія жестокости наказаній: „въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими“ (ст. 85); „надлежитъ съ бережливостью употреблять средства естествомъ намъ подаваемыя“ (ст. 87). Если умы уже пріобыкли къ жестокости наказанія, слѣдуетъ поступать „скрытымъ и нечувствительнымъ“ образомъ, т. е. смягчать по возможности наказанія не въ законѣ, но при ихъ примѣненіи (ст. 93). Вообще „когда бы жестокость наказаній не была уже опровергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то бы къ отриновенію оныя довольно было и сего, что она безполезна; и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива“.

Виды наказаній. Въ 1-й пол. XVIII в. по количеству примѣненія за преступленія всѣхъ разрядовъ *смертная казнь* занимаетъ первое мѣсто. Воинскій уставъ ввелъ новые квалифицированные виды ея: колесованіе (за измѣну, отравленіе, отцеубійство грабежъ), четвертованіе (за оскорбленіе Величества дѣйствіемъ) и аркебузированіе (разстрѣляніе). Имп.

страдати готовъ“. Онъ и былъ колесованъ (Есиповъ: „Раскольн. дѣла“, стр. 157; Филипповъ, стр. 8). Люди эти шли на казнь, защищая иногда не свои частныя права, а права государственныя, которыя лично до нихъ не касались. Съ такими людьми, говоримъ, бороться труднѣе, чѣмъ съ ворами, а главное—окружающее общество нечѣмъ отвратить отъ протеста, кромѣ ужасающихъ примѣровъ казней. Мы говорили выше, что въ Улож. ц. А. М. начало устрашенія примѣнено къ такимъ дѣяніямъ, которыя сами по себѣ безразличны и прежде не воспрещались, напр., табакокуреніе. Теперь законодатель воспрещаетъ не безразличныя вещи, а правовыя нормы, освященныя вѣковымъ признаніемъ,—нормы, съ которыми срослось сознаніе многихъ поколѣній. Чѣмъ, кромѣ страха, можно было бороться съ ними ревностному реформатору? Слѣдуетъ имѣть въ виду, что петровская эпоха составляетъ самую высшую ступень карательной строгости въ цѣлой исторіи русскаго права (такъ какъ время Іоанна IV богато практическимъ примѣненіемъ казней въ уголовномъ же *законѣ* вичѣмъ не выдѣляется изъ предыдущей и послѣдующей эпохъ). Такимъ образомъ проф. Филипповъ былъ въ правѣ выдѣлить эпоху Петра въ особый предметъ для изслѣдованія по уголовному праву и охарактеризовать ее, какъ боевую.

Елизавета 25 мая 1753 г.[1]) дала указъ о непримѣненіи смертной казни по приговорамъ низшихъ судовъ и представленіи такихъ дѣлъ въ сенатъ. Дѣла эти во множествѣ накопились въ сенатѣ, и преступники, ожидая неизвѣстной участи, сидѣли въ тюрьмахъ; тогда (1754 года) сенатъ издалъ указъ, имѣющій временное значеніе (впредь до изданія общаго закона), чтобы такихъ преступниковъ, по наказаніи кнутомъ и вырваніи ноздрей, ссылать въ Рогервикъ. Комиссіи 1761 г. данъ былъ словесный ук. императрицы не вводить смертную казнь въ будущее уложеніе, которое однако не было издано. Екатерина II въ Наказѣ (ст. 209) ставитъ вопросъ: „смертная казнь полезна ль и нужна ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка?“ и рѣшаетъ: „при спокойномъ царствованіи законовъ... въ томъ не можетъ быть никакой нужды, чтобы отнимать жизнь у гражданъ. Двадцать лѣтъ царствованія имп. Елизаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія“ (ст. 210). Наказъ допускаетъ возможность примѣненія смертной казни „во время безначалія“[2]); этому слѣдовала императрица и на практикѣ: смертная казнь обыкновенно замѣнялась другими наказаніями, кромѣ такихъ волненій, какъ пугачевщина. Императоръ Николай I уже закономъ опредѣлилъ примѣненіе смертной казни исключительно къ преступленіямъ политическимъ, карантиннымъ и воинскимъ.

Законодательство Петра умножило прежніе виды *членовредительныхъ* наказаній, назначая ихъ, то какъ средство увеличить мученія при смертной казни (напр., за богохуленіе преступнику до казни прожигаютъ языкъ; Воин. уст., арт. 5), то какъ мѣру, препятствующую побѣгамъ преступниковъ (рваніе ноздрей и клейменіе при ссылкѣ), то какъ наказаніе самостоятельное (отсѣченіе рукъ, суставовъ и проч.). Екатерина II (Наказъ, 96) выразила слѣд. начало: „всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить“. При ней членовредительныя наказанія и не примѣнялись, кромѣ рванія ноздрей при ссылкѣ и каторгѣ, что́, наконецъ, отмѣнено было импер. Александромъ I. Точно такъ же примѣненіе *большенныхъ наказаній* увеличено Петромъ I; употреблялись шпицрутены (нерѣдко оказывавшіеся мучительнымъ видомъ смертной казни) для сухопутныхъ военныхъ и кошки для моряковъ; торговая казнь кнутомъ, которую ставили тогда по тяжести на второе мѣсто послѣ смертной казни (кнутъ уничтоженъ Уложеніемъ о наказ. 1845); затѣмъ наказаніе плетьми и розгами. Екатерина освободила отъ тѣлесныхъ наказаній дворянъ; вообще же этотъ видъ наказаній уцѣлѣлъ до общей отмѣны тѣлесныхъ наказаній импер. Александромъ II (17 апрѣля 1863 г.) и императ. Николаемъ II (1904 г.).

---

[1]) Впрочемъ еще въ 1744 г. данъ былъ подобный ук. сенатомъ, а 29 марта 1754 г. даже предписано: замѣнить вообще смертную казнь кнутомъ и вѣчною каторгою. Но согласить этотъ законъ съ послѣдующими трудно.

[2]) См. впрочемъ 79-ю ст. Наказа.

Къ древнимъ наказаніямъ, направленнымъ *противъ свободы*, узаконенія Петра присоединили принудительныя работы, или т. н. *каторжныя* (потому что первой формой ихъ были работы на морскихъ судахъ; затѣмъ при ссылкѣ въ Рогервикъ и, наконецъ, въ сибирскіе заводы). Со времени указа 1753 г. установлено два вида ссылки: на вѣчное поселеніе (съ обязательными работами) и на житье. Этотъ видъ наказанія получилъ организацію въ уст. о ссыльныхъ (Сперанскаго) 1822 г. Екатерина II желала упразднить смертную казнь, замѣнивъ ее *вѣчнымъ заключеніемъ*, соединеннымъ съ работою: „смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать беззаконія, нежели долговременный и непрерывно пребывающій примѣръ человѣка, лишеннаго своея свободы для того, чтобы наградить работою своею, чрезо всю его жизнь продолжающеюся, вредъ имъ сдѣланный обществу“ (Наказъ, ст. 212).

Законъ XVIII в. впервые установилъ *лишеніе правъ*, какъ добавочное при другихъ наказаніяхъ; при Петрѣ одинъ видъ его называли „ошельмованіемъ“ [1]); при немъ же возникъ и другой видъ „политическая смерть“, которая сопровождала вѣчную ссылку послѣ наказанія кнутомъ и означала лишеніе всѣхъ правъ.

Конфискація всего имущества, противъ которой высказывалась Екатерина, отмѣнена ею въ жалов. двор. грамотѣ въ отношеніи къ родовымъ имуществамъ дворянъ, что́ при импер. Александрѣ I распространено на всѣ имущества и сословія.

Изложенная исторія наказаній показываетъ, что кары, направленныя противъ жизни, здоровья и имущества преступниковъ, постепенно и въ силу исторической необходимости отпадали, уступая мѣсто наказаніямъ, направленнымъ на свободу преступника (тюремное заключеніе, ссылка и каторга). Новое отраженіе старыхъ взглядовъ на преступленіе и усиленіе жестокости наказаній, явившіяся въ Европѣ въ эпоху реакціи нач. XIX в., не коснулись Россіи и не отразились ни въ сводѣ законовъ, ни въ уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г.

---

[1]) Шельмованіе, по припискѣ самого Петра, означаетъ собственно лишеніе *чести*, какъ послѣдствіе другихъ наказаній; но при дальнѣйшемъ изъясненіи его же оказывается, что оно сопряжено съ лишеніемъ всѣхъ личныхъ правъ: всякій можетъ безнаказано ограбить, побить или ранить ошельмованнаго; не позволяется только убить его. Словомъ, это древняя банниція, или лишеніе огня и воды. По генер. регламенту, ошельмованіе соединяется съ церковною *анафемою*.

Исторія русскаго гражданскаго права [1].

А.

ЛИЦО (СУБЪЕКТЪ ЧАСТНАГО ПРАВА) [2].

1) **Понятіе о лицѣ** *и общіе моменты развитія этого понятія.* Въ основѣ гражд. права лежитъ понятіе *лица* (persona); лицу принадлежитъ власть (dominium) надъ вещами; оно можетъ входить въ соотношеніе съ другими лицами посредствомъ обязательствъ, и бытіе его можетъ быть продолжено въ безконечность чрезъ право наслѣдства. Понятіе лица, какъ субъекта частнаго права, кажущееся нынѣ столь простымъ, есть продуктъ долговременныхъ и сложныхъ усилій исторіи. Первоначально, при смѣшеніи публичныхъ и частныхъ началъ, лицами, владѣющими на частномъ правѣ, были союзы общественные: семейный, родовой, общинный и государственный; лицо физическое еще не выдѣляется. Въ частности, въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ отсутствіе понятія о лицѣ видно изъ отсутствія *терминовъ*, его выражающихъ; правда, въ литературныхъ и законодательныхъ памятникахъ съ древнѣйшихъ временъ встрѣчаются переводные термины: „лице"—съ греческ. πρόσωπον, и „особа" съ латин. persona; но изъ нихъ первый означаетъ не лицо въ нашемъ смыслѣ, а напротивъ—отрицаніе достоинства лица, именно, одинъ изъ видовъ рабства: по хронографу Эйнама, моравъ Богута, состоявшій на службѣ византійскаго императора, такъ говорилъ посламъ чешскаго короля Владислава II въ 1164 г.: „servus domino bellum illaturus venis, non tamen servus, cui per vim imposita est servitus, sed servus voluntarius, ut vos dicitis —„το λιζιον". Въ русскихъ памятникахъ (Догов. Олега съ гр., ст. 9) лицомъ

[1]) Для большей сжатости курса, этотъ отдѣлъ исторіи русскаго права излагается не по тремъ общимъ періодамъ, а по отдѣльнымъ частямъ гражданскаго права; періоды развитія будутъ указаны въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

[2]) Этотъ отдѣлъ ист. права вовсе не имѣлъ у насъ своей литературы; лишь въ 1903 г. появилась книга Н. Н. Дебольскаго: „Гражданская дѣеспособность по русскому праву".

называется или рабъ-плѣнникъ („взвратять искупленное лице въ свою страну"), или вещь (Рус. Пр. Кар. 29: „свое ему лицемъ взяти"). Неясность понятія о лицѣ физическомъ въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ открывается вполнѣ изъ явленій потока, изгойства и рабства, а также изъ древнихъ формъ семейнаго и вещнаго права (что̀ будетъ изложено въ своихъ мѣстахъ). Вообще цѣлый 1-й земскій періодъ (вопреки распространенному мнѣнію) представляетъ эпоху не безграничнаго преобладанія частнаго лица, а, напротивъ, полнаго подавленія его правами общественныхъ союзовъ. Во 2-мъ періодѣ Московскаго государства лицо высвобождается (хотя и не вполнѣ) изъ-подъ вліянія союзовъ семейнаго, родового и общиннаго, но права его подавляются правами государства, въ особенности въ сферѣ вещнаго права и права наслѣдованія; напротивъ, въ Литовскомъ государствѣ замѣчается раннее весьма сильное и чрезмѣрное развитіе правъ частнаго лица на счетъ правъ государства (благодаря вліянію права нѣмецкаго, а отчасти—римскаго), отчего всѣ институты частнаго права здѣсь быстро развиваются и спеціализируются. Въ періодъ имперіи въ общерусскомъ правѣ, особенно со временъ Екатерины II, постепенно указываются и опредѣляются должныя границы дѣятельности и власти лица по отношенію къ правамъ государства (сл. часть I, стр. 5).

Имѣя въ виду такой общій ходъ развитія понятія о лицѣ, мы не должны искать въ древнѣйшемъ правѣ какихъ-либо точныхъ опредѣленій условій правоспособности лица физическаго. Нѣкоторыя изъ нихъ мы найдемъ въ первый разъ лишь въ Московскомъ правѣ.

2) **Условія правоспособности** (и дѣеспособности) опредѣляются или физическими и духовными свойствами лица, или положеніемъ его въ обществѣ.

а) *Полъ.* Древніе законы бо́льшей части народовъ міра полное значеніе гражданскаго лица приписываютъ лицамъ муж. пола, ограничивая правоспособность, или, по крайней мѣрѣ, дѣеспособность женщинъ во многихъ отношеніяхъ. Существенною отличительною чертою русскаго права (разумѣется, въ цѣломъ его развитіи, а не съ древнѣйшихъ временъ), по справедливости, считается возможное приближеніе къ признанію равной правоспособности за мужчиною и женщиною. Это достигается въ исторіи съ слѣд. постепенностію. Какъ извѣстно, *въ первоначальныя эпохи* положеніе женщины въ гражданскомъ обществѣ подлежитъ гораздо меньшимъ ограниченіямъ, чѣмъ въ послѣдующіе затѣмъ періоды начинающейся цивилизаціи. И древне-славянскія общества въ язык. эпоху не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Языческіе браки заключались соглашеніемъ невѣсты съ женихомъ на игрищахъ; выборъ жениха для Полоцкой княжны Рогнѣды между Владиміромъ и Ярополкомъ предоставляется ей самой. Послы для заключенія договора съ греками при Игорѣ отправлены отъ каждаго члена княжескаго семейства, въ томъ числѣ отъ женщинъ, именно: отъ Ольги княгини, отъ Предславы, отъ жены Улѣба. Ольга управляла государствомъ съ полными княжескими правами даже при

взросломъ сынѣ и владѣла частными имуществами (с. Ольжичи). Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что въ то же время собственно гражданскія права женщинъ терпятъ значительныя ограниченія правами мужа.—Послѣ принятія христіанства къ намъ принесены, вмѣстѣ съ высокимъ ученіемъ самой христіанской религіи, воззрѣнія другого свойства, именно византійской литературы, проникнутой, идеями восточного дуализма, по которому два пóла представляютъ собою два начала—доброе и злое. „Сотворихъ тя, рѣче, равночьстьну...; не стрьпѣ свободы, то пріими работу; не умѣ власти, то буди убо обладаема и мужа позна(й) и господина, и тъ да господствуетъ ти“, учитъ древній книжникъ („О злыхъ женахъ“, и въ Изборн. Святосл.). Послѣдовавшія затѣмъ ограниченія гражданскихъ правъ женщинъ въ законѣ отчасти изъясняются этими наносными воззрѣніями, хотя и безъ того древній бытъ заключалъ въ себѣ самомъ много внутреннихъ основаній для такихъ ограниченій: по Рус. Правдѣ, дочери въ классѣ смердовъ не наслѣдуютъ въ имуществѣ отца; жена, вмѣстѣ съ дѣтьми, отдается на потокъ за преступленіе мужа; за убійство жены (мужемъ) платится не полная вира (см. впрочемъ, стр. 318—319), а полувирье: въ процессуальныхъ дѣйствіяхъ женщина не участвуетъ (послухомъ долженъ быть „мужъ“). Но положеніе женшины, какъ дочери и жены, не даетъ простора для точныхъ наблюденій за вліяніемъ пола на правоспособность, ибо дочь (какъ и сынъ) подлежатъ власти родителей, а жена—власти мужа. Дѣло больше уясняется въ положеніи вдовы. Въ древнѣйшія времена вдова, лицо эманципированное, подпадала въ силу этого подъ опеку церкви; въ церковныхъ уставахъ вдовы исчисляются въ разрядѣ людей церковныхъ. Въ Псковскомъ и Новгородскомъ законодательствахъ гражданскія права женщины замѣтно возвышаются сравнительно съ эпохою Рус. Правды; имущественныя права мужа и жены вполнѣ уравниваются (П. С. Гр. ст. 88, 89 и 91), женщина призывается къ активному участію во всѣхъ дѣйствіяхъ процесса, даже въ судебныхъ поединкахъ (женщины противъ женщины: ibid. ст. 119; въ искахъ противъ мужчинъ на поединкѣ женщина замѣняетъ себя наймитомъ, ibid, ст. 36). Вдовы не причисляются къ людямъ церковнымъ (ibid, ст. 109). Женщинамъ принадлежатъ права по обязательствамъ, въ частности право входить въ договоръ займа отъ своего лица (ibid, ст. 36). *Въ Московскомъ государствѣ* также замѣтно постепенное возвышеніе правъ женщины по сравненію съ пер. Рус. Правды, но меньшее, чѣмъ въ Псковѣ и Новгородѣ. Именно въ законахъ Московскаго государства уничтожается строгость древняго правила о вдовахъ и въ Судебникахъ именно обозначено, что въ разрядъ церковныхъ людей входятъ только такія вдовы, которыя питаются отъ церкви Божіей; „а которая вдова не отъ церкви Божіи питается, а живетъ своимъ домомъ, то судъ не святительской“ (Суд. I, ст. 59; Суд. ц., 91). Какъ главѣ дома, вдовѣ принадлежитъ вся сумма частныхъ правъ, какою могъ владѣть въ то время полноправный мужчина, именно: право собственности, право входить въ обязательства и полная процессуальная правоспособность; это послѣдняя обозначена въ судебникахъ и для женщинъ вообще, гдѣ, впрочемъ,

женщина становится въ одинъ разрядъ съ дитятею, старымъ, больнымъ, увѣчнымъ и лицами духовными. Весь этотъ разрядъ лицъ призывается не только къ веденію исковъ или отвѣту, но даже и къ послушенству, что въ древнѣйшее время было немыслимо. Уложеніе (X, 185), признавая также за вдовою и дѣвицею способность къ процессуальнымъ дѣйствіямъ, признаетъ, однако, что эти лица обыкновенно „не умѣютъ“ отвѣчать за себя, и потому даетъ имъ отсрочку для высылки въ судъ за себя „родимцовъ“—ихъ естественныхъ представителей. Изъ пользованія нѣкоторыми правами исключаются женщины только въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, именно обозначенныхъ закономъ: такъ, вдовы и дочери князей не могутъ владѣть родовыми княжескими вотчинами, по особому политическому характеру этихъ послѣднихъ. Дальнѣйшее расширеніе правъ женщины, какъ жены, совершается *въ періодѣ имперіи*, именно относительно права распоряженія имуществомъ и вступленія въ обязательства безъ согласія мужа (о чемъ ниже).

б) Что касается до *возраста*, какъ предѣла наступленія и окончанія дѣеспособности, то онъ опредѣленъ въ древнемъ законодательствѣ весьма не точно, лишь въ примѣненіи къ нѣкорымъ частнымъ юридическимъ отношеніямъ. Вообще срокъ наступленія совершеннолѣтія опредѣляется періодомъ отъ 15 до 20 лѣтъ возраста. Съ наступленіемъ 15 л. кочалось малолѣтство, съ наступленіемъ 20 л. кончалось несовершеннолѣтіе вообще. Первый срокъ былъ болѣе общимъ и признавался обычнымъ правомъ и закономъ съ древнѣйшихъ временъ. Въ *первомъ періодѣ* еще патерикъ печерскій извѣщаетъ насъ, что нѣкоторый славный мужъ отъ города Кіева Іоаннъ оставилъ умирая своего сына Захарію 5 лѣтъ, подъ опекою побратима Сергія, „заповѣдавъ тому, да егда возрастетъ сынъ его, тогда отдастъ ему сребро и злато; сія устроивъ, не по мнозѣ преставися. Доспѣвъ же Захарія пятнадцати лѣтъ, всхотѣ взяти сребро и злато свое у Сергія“ (пат. печ. изд. 1665 г, 117. См. Неволинъ, Т. III, стр. 396). Рязанскій вел. князь Василій, взятый подъ опеку вел. княземъ В. В. Темнымъ, освобожденъ отъ опеки 15 лѣтъ отъ роду. Хотя въ договорныхъ грамотахъ между князьями XV в. сроки совершеннолѣтія опредѣляются иногда и ранѣе 15 лѣтъ, а именно въ 12 лѣтъ, но это есть срокъ политическаго совершеннолѣтія, который обыкновенно бываетъ короче гражданскаго: „Цѣлуй ко мнѣ крестъ... и за свои дѣти, а исполнится, господине, твоимъ дѣтемъ по 12 лѣтъ, ино, господине, тогды целовати имъ самимъ по нашимъ докончалнымъ грамотамъ“, писалъ Можайскій князь въ своемъ договорѣ съ вел. кн. Московекимъ Вас. Вас. (ок. 1447 г. Собр. гос. гр. и. д. 1, 738). Однако, и политическое совершеннолѣтіе часто опредѣлялось 15-лѣтнимъ возрастомъ: „Нарече (в. кн. Василій) сына своего при своемъ животѣ вел. княземъ и приказа его беречи до 15 лѣтъ своимъ боярамъ немногимъ“ (Карамз. VII, прим. 322). Иногда, впрочемъ срокъ и въ этомъ случаѣ возвышался по причинамъ, которыя мы угадать теперь не можемъ. Такъ, Грозный отдалъ своего Ивана, собираясь

умирать, подъ опеку митрополита Макарія и кн. Василія Андреевича до 20 лѣтъ (Собр. гос. гр. и дог. 1, стр. 463).

Нормальный и общій срокъ совершеннолѣтія въ 15 лѣтъ примѣняемъ былъ въ *московскую эпоху*.

1) Къ правамъ пользованія помѣстьями для лицъ служилаго класса: съ 15 л. дѣти служилыхъ людей верстались помѣстьями. Впрочемъ, это право имѣетъ болѣе государственный, чѣмъ частный характеръ, оно означаетъ собственно право вступленія на службу (Доп, къ А. И. 1, стр. 94; сл. ук. 1652 года окт. 20 въ П. С. З. № 86). По Улож. ц. А. М., престарѣлый или увѣчный дворянинъ можетъ посылать за себя на службу своихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ только тогда, когда эти послѣдніе достигли 18 лѣтъ и отнюдь не ниже (Улож. VII, 17). Едва ли этотъ срокъ не имѣлъ приложенія только къ замѣщенію отца на службѣ, а не вообще ко вступленію на службу и обладанію помѣстьями: ибо въ томъ же законѣ говорится, что за отца на службу идутъ 18-лѣтніе такіе, которые „ни въ какіе государевы службы не написаны“, слѣдовательно, на службу могли поступать лица, и не достигшія 18 лѣтъ.

2) Къ праву дѣвицы владѣть своими прожиточными помѣстьями и сдавать ихъ постороннимъ лицамъ, подъ условіемъ содержанія ихъ и выдачи замужъ. По законамъ Ивана IV, дѣвицы могли владѣть прожиточными помѣстьями только до 15 лѣтъ (Доп. къ А. И. I, стр. 89, 108, 115); но впослѣдствіи, когда право обладать ими предоставлено было до выхода замужъ, то 15-лѣтній возрастъ назначенъ для сдачи помѣстій: „А здавати дѣвкамъ свои прожиточныя помѣстья, которая дѣвка будетъ въ возрастѣ 15 лѣтъ. А будетъ дѣвка въ малыхъ лѣтахъ, менши 15 лѣтъ... и дѣвкиныхъ прожиточныхъ помѣстій не справливать“ (Улож. XVI, 11).

3) Къ праву лицъ служилыхъ давать на себя кабалу. Это постановленіе Уложеніемъ ц. А. М. распространено на всѣхъ лицъ, дающихъ на себя кабалу: „А та будетъ на него кабала, по которой взыщутъ, писана въ тѣхъ лѣтѣхъ, какъ ему минуло пятнадцать лѣтъ, и по тѣмъ кабаламъ государь приговорилъ... судъ давати...; а меньше 15 лѣтъ,—и тѣ кабалы государь приговорилъ отставливати“ (Ук. 1559 г. сент. 1, Ук. кн. Казнач. ст. XII. Сл. Ул. XX, 20).

4) За родителями сохраняется право записывать своихъ дѣтей въ кабальное холопство заочно только до 15-лѣтняго возраста этихъ послѣднихъ. Дѣти же совершеннолѣтніе могутъ быть записаны въ кабальныя книги, только находясь на лицо: „А которые холопы учнутъ кому давать на себя и на дѣтей своихъ служилые кабалы, а дѣти у нихъ въ тѣ поры будутъ лѣтъ въ 15 или въ 20 и больше..., и тѣхъ холопьихъ дѣтей въ кабалы и въ кабальныя книги за очи не писать“ (Улож. XX, 110).

5) Родители-холопы сохраняютъ за собой право держать при себѣ свободныхъ дѣтей своихъ только до 15 лѣтъ возраста ихъ. По закону Шуйскаго, крестьянинъ, женившійся на бѣглой крѣпостной и потому отданный

въ холопство, беретъ съ собою дѣтей, рожденныхъ отъ 1-й жены, только до 15 лѣтъ возраста этихъ послѣднихъ (ук. 1607 г., марта 9).

Срокъ въ 20 лѣтъ возраста примѣненъ къ праву принимать крестное цѣлованіе въ судѣ. Лица, которымъ „перемѣнитца нѣкимъ", могутъ цѣловать крестъ, есля имъ нѣтъ еще 20 лѣтъ, но отнюдь не ниже 15 лѣтъ. За малолѣтнихъ цѣлуютъ крестъ ихъ представители: „А возрастомъ бы тѣ люди были, кому цѣловать крестъ, въ 20 лѣтъ, а менши 20 лѣтъ не цѣловать, а ко кресту такихъ не припускать" (Улож. XIV, 1). Такой же двойственный срокъ (15 и 20 л.) назначается для права жалобы на незаконныя дѣйствія опекуновъ и попечителей (промѣнъ помѣстій несовершеннолѣтнихъ на свои). Такое право иска наступаетъ для обиженныхъ въ 15 лѣтъ возраста и кончается въ 20 лѣтъ (Уложен. XVI, 54). Впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ думать, чтобы лица несовершеннолѣтнія или даже малолѣтнія не пользовались активно никакими гражданскими правами; напротивъ, изъ вышеприведенныхъ статей Судебниковъ и Уложенія видно, что они призывались къ личному участію въ процессуальныхъ дѣйствіяхъ и лишь, въ видѣ льготы для нихъ, имъ предоставлялось право выслать родственниковъ и людей своихъ: „А будетъ кто въ какомъ дѣлѣ нибудь приставить къ недорослю..., и учнутъ они бити челомъ государю, чтобы за нихъ отвѣчать родимцамъ ихъ на отсрочный срокъ, и такимъ недорослямъ... въ исцовыхъ искахъ срокъ давати" (Улож. X, 185).

Крайній предѣлъ старости, за которымъ оканчивалось бы признаніе за лицомъ правоспособности, не опредѣленъ въ законодательныхъ памятникахъ. Но изъ юридическихъ актовъ убѣждаемся, что совершенная дряхлость отца служила основаніемъ для того, чтобы допустить сына къ совершенію юридическихъ дѣйствій взамѣнъ его безъ уполномочія.

Въ періодѣ имперіи гражданское совершеннолѣтіе опредѣлено указ. о единонаслѣдіи (1714 г., марта 23, п. 4 и 6), а именно: для главныхъ наслѣдниковъ (недвижимыхъ имуществъ) въ 20 лѣтъ, а для наслѣдниковъ движимости двоякій срокъ: для мужчинъ въ 18 л., а для женщинъ въ 17; впрочемъ и женщина можетъ освободиться отъ опеки и уйти отъ своего родича-опекуна только по достиженіи 18 л. (п. 6). Тогда же и брачный возрастъ былъ опредѣленъ для мужчинъ въ 20 л., а для женщинъ въ 17; несовершеннолѣтніе не могутъ вступать ни въ какія гражданскія сдѣлки. Но по Воин. Уст. 1716 г. („Кратк. изображ. проц." Гл. III, п. 14), достигшіе 15 лѣтъ допускаются къ свидѣтельству на судѣ. Установленіе предѣловъ малолѣтства (14 лѣтъ) и несовершеннолѣтія (17 и 21 г.) принадлежитъ Екатеринѣ II (см. ниже объ опекѣ).

в) *Физическое и умственное здоровье и нравственное состояніе*, какъ условія обладанія частными правами и защиты ихъ, въ древне-русскомъ правѣ опредѣлены были еще менѣе точно. Физическіе недостатки вообще тогда только вліяютъ на правоспособность лица, когда они затрудняютъ или совсѣмъ уничтожаютъ способность активнаго упражненія правъ, таковы: слѣпота и глухонѣмота. Такимъ образомъ, лица, подверженныя

этимъ недостаткамъ, вполнѣ могутъ обладать вещами; но ихъ способность вступать въ обязательства, дѣлать завѣщанія и вести процессуальныя дѣйствія подлежитъ естественнымъ ограниченіямъ. Согласно съ этимъ, Уложеніе ц. Алексѣя М. призываетъ глухонѣмыхъ къ пользованію правами собственности наравнѣ съ лицами здоровыми: „А будетъ послѣ котораго умершаго останутся дѣти глухи и нѣмы, а братья ихъ, или сестры учнутъ обидить ихъ и отцова или матерни имѣнія учнутъ ихъ отлучать, раздѣлити по жребьямъ всѣмъ поровну, чтобы изъ нихъ никто изобиженъ не былъ“ (Ул. XVII, 15).

Ограниченія правъ такихъ лицъ вступать въ обязательства и вести иски мы находимъ въ памятникахъ того времени лишь въ связи съ предположеніемъ о малоуміи.

Ограниченія, возникающія изъ душевныхъ болѣзней (недостатка или потрясенія умственныхъ способностей), опредѣляются законами 1676 года (П. С. З. № 683, марта 10, ст. 2 и 23) и 1677 г. (№ 700, августа 10, отд. 1, ст. 5 и 27) не совсѣмъ одинаково. Первый законъ не допускаетъ никакихъ исковъ противъ сдѣланнаго кѣмъ-либо распоряженія имуществомъ на томъ основаніи, что лицо дѣйствующее—глупо, глухо-нѣмо: „которые всякихъ чиновъ люди глупы, и глухи, и слѣпы, и нѣмы, и службы не служатъ, а помѣстья свои учнутъ кому поступаться, а матери ихъ и жены, и дѣти, сродники учнутъ челобитьемъ спорить, чтобъ по той ихъ поступкѣ помѣстья не справливать для ихъ скорби...,—великій государь указалъ и бояре приговорили: помѣстья свои сдавать всякому вольно“. Второй законъ, оставивъ въ томъ же видѣ постановленіе о сдачѣ помѣстій, иначе рѣшаетъ дѣло относительно мѣны ихъ, а именно: „буде по розыску окажутся плуты, глупы и пьяницы,—и мѣновыхъ помѣстій не росписывать“.

Петръ Великій указомъ „о свидѣтельствованіи дураковъ въ сенатѣ“ (1722 г. апр. 6) ограничилъ семейныя и имущественныя права идіотовъ (сл. ук. 1723 г. дек. 6). То же понятіе (т. е. идіотизмъ) выражается терминомъ „безумные“ въ указѣ 1762 г. апрѣля 23 (и авг. 6), по которому велѣно отдавать ихъ не въ монастыри, а въ нарочно устроенные дома умалишенныхъ, съ отдачею имѣній въ опеку ихъ наслѣдникамъ. Въ Учрежден. о губ. 1775 г. (ст. 389) употребленъ терминъ „съ ума сшедшіе“, чѣмъ обозначается не только идіотизмъ, но и острые случаи душевныхъ болѣзней.

г) *Общественное состояніе*. Различіе правоспособности по общественному состоянію, повидимому, противорѣчитъ общему порядку постепеннаго возвышенія правъ лица съ теченіемъ исторіи; здѣсь замѣчается какъ бы регрессивный ходъ: незамѣтное въ началѣ исторіи различіе правъ по классамъ общества съ теченіемъ времени постепенно возрастаетъ по мѣрѣ развитія и обособленія классовъ и превращенія ихъ въ сословія (см. въ исторіи уголовнаго права постепенное появленіе различія виръ). Въ 1-мъ періодѣ такія различія гражданскихъ правъ есть, но едва за-

мѣтныя; они развиваются преимущественно въ московскую эпоху и въ періодъ имперіи, продолжаясь во многихъ отношеніяхъ до времени имп. Александра II, т. е. до освобожденія крестьянъ. Но ограниченія гражданскихъ правъ, возникшія изъ сословныхъ отношеній, касались лишь нѣкоторыхъ видовъ этихъ правъ, тѣсно связанныхъ *съ государственнымъ значеніемъ* того или другого сословія или класса, и потому не имѣютъ никакого значенія въ сферѣ собственно гражданской: такъ, служилыя лица вознаграждались вмѣсто денегъ помѣстьями, а потому естественно, что неслужилые не имѣли права владѣть помѣстьями; обратно, служилые люди лишались права владѣть городскими имуществами. Служилыя лица не могли давать на себя частной кабалы, чтобы не избѣгать службы. Крестьяне лишены были права измѣнять мѣстожительство (что̀ повело потомъ ихъ къ лишенію всѣхъ прочихъ гражданск. правъ). Посадскіе люди также прикрѣплены къ своему посаду. Всѣ эти и подобныя ограниченія указаны уже въ исторіи госуд. права, частію будутъ указаны въ соотвѣтствующихъ частяхъ исторіи гражданскаго права.

3) **Ограниченія правоспособности.** Что общественныя условія въ древнѣйшее время вліяли на правоспособность не меньше, а гораздо больше, чѣмъ въ послѣдующія времена, доказательствомъ служатъ ограниченія правоспособности иностранцевъ, изгоевъ и явленіе рабства [1]).

---

[1]) Г. Павловъ-Сильванскій въ своей интересной работѣ „Закладничество-патронатъ“ (Зап. И. Р. Арх. Общ. IX; отд. Спб. 1897 г.) защищаетъ мысль С. М. Соловьева о томъ, что и въ нашемъ древнемъ правѣ (подобно западно-европейскому феодальному) присутствуетъ состояніе кліентовъ, т. е. лицъ, которыхъ права ограничиваются правами патроновъ по добровольной сдѣлкѣ—закладничеству.

Слово „заложиться“ означаетъ не непремѣнно личный закладъ въ деньгахъ: имъ обозначаются разнообразныя формы зависимости: 1) „во холопство и во крестьянство ни за кого не заложиться“ (Дьяконовъ: Акты къ ист. тяглаго нас. № 4, 46 и др.); подобное въ XIX гл. Улож.: „ни за кого въ закладчики не записываться и ничьими крестьяны и людьми не называться“; здѣсь, очевидно, закладчики есть родовое понятіе для крестьянъ и людей.

2) „Въ посады не закладываться“ означаетъ припись къ посадамъ съ обязательствомъ тяглой службы.

3) „Заложиться за короля и со своими городы“ означаетъ государственное подданство.

4) „Закладывать, закладываться“ означаетъ и личный залогъ въ деньгахъ: „женъ своихъ и дѣтей закдадываючи“ (см. ниже).

Такимъ образомъ этотъ общій терминъ, обозначающій зависимость всякаго рода, не даетъ еще никакого вывода о кліенствѣ и патронатѣ.

Въ нѣкоторомъ отношеніи всѣ названные виды зависимости имѣютъ сходство съ патронатомъ, ибо всякій владѣющій защищаетъ своихъ подчиненныхъ,

Но для патроната *въ собственномъ смыслѣ* нужно искать другихъ указаній, которыя бы опредѣляли зависимость и покровительство, не будучи ни государственнымъ подданствомъ, ни холопствомъ, ни крестьянствомъ, ни тяглымъ городскимъ состояніемъ, ни личнымъ закладомъ. Есть ли такія отношенія? Быть можетъ они нашлись бы, если бы ихъ искать тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Г. Павловъ-Сильванскій находитъ ихъ: 1) во *вкладчикахъ* монастырскихъ, т. е. такихъ людяхъ, которые, поступая въ монастырь, вносятъ

а) Иноземцы и чужеземцы:

Иноземцами въ *древней Руси* назывались жители другихъ русскихъ земель, чужеземцами (теперешніе иностранцы)—жители странъ не русскихъ. *Права иноземцевъ* уясняются въ памятникакъ Новгородскаго права. Ст. 22-я Новгородской Судной грамоты не допускаетъ ихъ къ свидѣтельству на судѣ, а ст. 19 Догов. Новгородцевъ съ Казимиромъ запрещаетъ имъ владѣть недвижимою собственностью на новгородской терри-

вклады, именно свои земли; но „вклады" были общимъ и постояннымъ явленіемъ при каждомъ поступленіи въ монастырь, состояли ли они въ деньгахъ (какъ и бывало обыкновенно) или въ земельныхъ имуществахъ; чрезъ это не образовалось никакого особаго состоянія лицъ; вкладчики могли быть посвящены въ монахи; или могли оставаться въ прежнемъ состояніи; ихъ зависимость отъ монастырской общины опредѣлялась въ 1-мъ случаѣ монастырскихъ уставомъ, и ничѣмъ болѣе.—2) „Особый разрядъ закладчиковъ составляли *добровольные холопы*" (ibid.°22); но о вольныхъ холопахъ будетъ сказано ниже (см. отдѣлъ о холопствѣ), гдѣ будетъ указано, что это не кліентство, а холопство.—3) Затѣмъ, къ кліентамъ не могутъ быть отнесены тѣ такъ называемые закладчики изъ горожанъ, которые закладывались за частныхъ лицъ и церковныхъ властей, бросая свое тягло. Къ нимъ преимущественно въ памятникахъ прилагается терминъ „закладчики" по причинѣ весьма понятной: посадскіе люди, бѣжавшіе изъ посадовъ въ села къ частнымъ владѣльцамъ, поступали въ крестьяне или въ холопы; они такъ и именовались крестьянами или холопами. Но старый юридическій языкъ не выработалъ термина для обозначенія городскихъ жителей, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ; по нашей позднѣйшей терминологіи, это тоже крестьяне, занимающіеся торговлею и промыслами въ городахъ. Старые памятники именуютъ ихъ закладчиками. Въ самомъ дѣлѣ, мудрено было придумать особое наименованіе для такихъ людей, которые, живя въ посадѣ, никуда не уходили, а только перемѣнили состояніе, переставъ быть царскими тяглецами, заложились за частныхъ владѣльцевъ. Но ихъ состояніе, по правамъ, ничѣмъ не отличается отъ состоянія крестьянъ и столько же похоже на кліентство, сколько это послѣднее.

Авторъ, изображая исторію патроната (и затѣмъ феодализма), справедливо говоритъ, что „тотъ или иной характеръ патроната зависитъ отъ состоянія государства", именно патронатъ развивается „въ силу ослабленія государственной власти" (стр. 17). Именно вслѣдствіе этого феодализмъ развился въ западной Европѣ и въ Польшѣ, а подъ вліяніемъ Польши широкое развитіе патроната наблюдается и въ западно-русскомъ правѣ XV—XVIII вв. Во всѣхъ поименованныхъ странахъ государственная власть пасовала передъ могуществомъ частныхъ лицъ высшаго сословія. Этого отнюдь нельзя сказать о Московскомъ государствѣ, а потому явленія кліентства и феодализма не господствовали здѣсь, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не опредѣляли существенныхъ основъ государственаго и частнаго права въ Москвѣ.

Однако, было бы несправедливо отвергать вполнѣ присутствіе признаковъ патронатства и въ Московскомъ правѣ: историку права не мѣшаетъ для полноты картины отмѣтить и эту неважную черту въ старо-русской жизни. Но для этого надо искать признаковъ феодализма не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ г. Павловъ-Сильванскій, т. е. въ отношеніяхъ крѣпостничества и холопства, а тамъ, гдѣ дѣйствительно одно лицо, сохраняя свою личную свободу, вступаетъ въ добровольную зависимость отъ другого, поступаетъ въ „подданство" (терминъ западно-русскій) къ другому. Таковы были боярскіе „знакомцы" (или, какъ предпочитаетъ говоритъ г. Павловъ-Сильванскій, „держальники"), т. е. дворъ боярина, состоящій изъ свободныхъ людей, б. ч. благороднаго происхожде-

торіи. Другихъ ограниченій въ памятникахъ не встрѣчается [1]). Что касается *правъ чужеземцевъ*, или иностранцевъ, то надо сказать, что въ новой Европѣ вообще они не терпятъ столь рѣшительныхъ ограниченій въ правахъ, какъ у восточныхъ и классическихъ народовъ. По греческому, напримѣръ, понятію о гелленизмѣ, между греками и не греками, именуемыми общимъ названіемъ варварами, должна существовать постоянная война до полнаго истребленія варваровъ. Впрочемъ, у грековъ отношенія къ иностранцамъ были нѣсколько мягче, нежели у восточныхъ народовъ, гдѣ всякій иностранецъ, попавшій на чужую территорію, являлся безправною вещію. У грековъ же иностранцы только не могли пріобрѣтать недвижимой собственности на ихъ территоріи и должны были имѣть опекуна изъ гражданъ. Римское право тоже только путемъ длинныхъ постепенныхъ уступокъ провинціаламъ и иностранцамъ переродилось изъ узкаго строго-

---

кія—это древняя дружина боярская. „Знакомцы" не были холопами, хотя бы и добровольными, не исполняли домашнихъ работъ, а служили боярину военною службою и такъ сказать гражданскою (въ приказахъ и въ вотчинѣ). Таковы же были архіерейскіе дворяне и дѣти боярскіе, т. е. служилые люди церкви, иногда сами владѣвшіе вотчинами, но обыкновенно получавшіе отъ церкви помѣстья и служившіе за нихъ военную службу. По поводу этихъ выраженій г. Павловъ-Сильванскій („Феод. отнош.", 27) замѣчаетъ, что они яко бы находятся въ противорѣчіи съ тѣмъ, что сказано нами выше на стр. 118-й: „дворяне архіерейскіе и знакомцы боярскіе могутъ быть причислены къ *царскимъ* служилымъ людямъ, ибо они „вмѣстѣ съ частною службою отправляли и государственную". Но мы должны и теперь остаться при тѣтъ же выраженіяхъ, ибо не усматриваемъ въ нихъ противорѣчія; вѣроятно и самъ г. Павловъ-Сильванскій признаетъ, что ни бояре, ни церковныя власти, *не обладая правомъ войны и мира*, не нуждались въ отправленіи военной службы *для себя*, но, будучи обязаны отправлять ее въ пользу *государства*, держали для этой цѣли военныхъ людей и вознаграждали ихъ за то жалованьемъ и землею. Подобный же характеръ имѣетъ и гражданская, собственно судебная, дѣятельность архіерейскихъ дѣтей боярскихъ въ церковныхъ вотчинахъ (о боярскихъ „держальникахъ" въ этомъ отношеніи ничего не извѣстно: памятники молчатъ, конечно, потому, что права суда частныхъ свѣтскихъ владѣльцевъ были весьма ограничены): десятинники владычніе обязаны „судить (въ) правду по царскому судебнику и по уставнымъ грамотамъ. А учнутъ судити не прямо, а посулы имать и дѣлы волочить и продажу чинить..., возвѣщати и писати на нихъ ко мнѣ, митрополиту. А не управлюсь я, митрополитъ, и старостамъ и священникамъ о томъ писати ко царю и великому князю, и десятинникомъ... отъ царя быти въ великой опалѣ" (Наказн. списки соборн. Улож. 1551. И. Бѣляева, стр. 11; сл. Стоглавъ, гл. 68). Извѣстно, что назначеніе и перемѣна архіерейскихъ дворянъ совершается съ вѣдома и согласія царя. Такимъ образомъ намъ представляется безпорнымъ, что служба архіер. дворянъ *церкви* есть въ то же время служба *государству*. Подобное же надо разумѣть и о служилыхъ людяхъ бояръ и князей (невладѣтельныхъ).

[1]) Дебольскій не согласенъ признать различіе терминовъ иноземецъ и чужеземецъ, несмотря на точное выраженіе Рус. Правды: „а пришедъ гость изъ иного города или чюжоземецъ". Онъ не признаетъ также особой (ограничительной или привилегиро, ванной) правоспособности за гражданами другихъ русскихъ земель, полагая, что „благодаря подвижности въ составѣ волости—княженія, то соединенію нѣсколькихъ волостей, то дробленію и т. д., самое понятіе иностранца не могло быть примѣняемо къ русскимъ жителямъ отдѣльныхъ княженій". Авторъ, очевидно, находится подъ вліяніемъ

національнаго jus civile въ jus gentium, допустивъ послѣднихъ къ полному участію въ правахъ. Изъ новѣйшихъ европейскихъ народовъ нѣмцы обнаружили наибольшую строгость по отношенію къ иностранцамъ: до XVI в. у нихъ удерживались слѣдующія постановленія, касающіяся иностранцевъ: 1) Wild-fangiatus, т. е. право каждаго гражданина охотиться за иностранцемъ и въ случаѣ поимки обращать его въ рабство; 2) право берегового владѣльца на вещи и личность иностранца, потерпѣвшаго у его владѣній кораблекрушеніе, и 3) droit d'aubain—право государства наслѣдовать имущество послѣ иностранца. Славянское право въ своихъ отношеніяхъ къ иностранцамъ несравненно мягче. Оно не только надѣляетъ ихъ нѣкоторыми гражданскими правами, но даже иногда даетъ имъ привилегіи. Всѣ иностранцы дѣлились у насъ на иностранцевъ—временныхъ гостей и иностранцевъ осѣдлыхъ. *Гости*, по общему праву всѣхъ первобытныхъ народовъ, временно усвояются семьей, принявшей ихъ. Способы такого усвоенія были различны; самымъ же обыкновеннымъ и вмѣстѣ простымъ способомъ было прикосновеніе гостя къ семейному очагу, послѣ чего онъ становился освященнымъ членомъ семьи и подъ кровомъ ея считался неприкосновеннымъ. Такимъ образомъ въ основаніи отношеній къ иностранцамъ лежала временная натурализація въ семьѣ. У древнихъ же славянъ, по свидѣтельству императора Маврикія, гости получали такое временное признаніе правъ не только въ семьѣ, но и въ цѣломъ племени: „если чужеземецъ подвергнется несчастію по винѣ того, кто долженъ охранять его (домохозяина), то сосѣди идутъ войною на этого послѣдняго, вмѣняя себѣ въ благочестіе отомстить за иностранца". Однако, въ историческое время такая натурализація была недостаточна. 8-я ст. Договора Олега съ греками показываетъ, что до заключенія этого договора ино-

---

старыхъ предубѣжденій, что всякое княженіе есть земля—государство, а потому обходитъ безъ должнаго вниманія такія твердыя постановленія закона: „изъ своего города въ чюжу землю извода нѣтъ" (Рус. Пр. Кар. 36); онъ неправильно отождествляетъ это постановленіе съ другимъ, по которому сводъ въ одномъ городѣ отличается отъ свода „по землямъ" (по территоріи) того же города: въ послѣднемъ случаѣ *сводъ идетъ*, и даже облегчается для истца. Прямое постановленіе Новгор. Судн. Грамоты о томъ, что псковитяне не пользуются правомъ послушества въ новгород. судахъ, Дебольскій объясняетъ особою „враждою (новгородцевъ) къ своему бывшему пригороду" (стр. 238). Ссылка на то, что послухами могли быть даже иностранцы другихъ національностей (нѣмцы: см. Дог. 1229, ст. 13), основана на недоразумѣніи; дѣло идетъ о судѣ между русскимъ и иностранцемъ, когда уже никакъ нельзя отказать въ послушествѣ иностранцу. Впрочемъ, мысль Дебольскаго неясна: онъ говоритъ между прочимъ: „несомнѣнно, мы встрѣчаемъ рядъ указаній на ограниченія въ правахъ жителей иныхъ княженій въ предѣлахъ даннаго"; онъ отмѣчаетъ „повсемѣстное обязательство князей изъ одного княженія не имѣть земельной собственности въ предѣлахъ другого", но объясняетъ его „не ученіемъ объ иностранномъ подданствѣ, а заботой о неприкосновенности, или внутренней независимости княжескаго управленія въ предѣлахъ своего княженія"... а въ Новгородѣ „неприкосновенности республиканскаго госуд. устройства". Но подобными государственными мотивами вообще объясняются всѣ законы объ иностранцахъ, а не какими-либо лично имъ принадлежащими дефектами.

странецъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе у береговъ, населенныхъ славянами, подвергался возможности „убіену“, или, по крайней мѣрѣ, „біену быти“. Упомянутой 8-й ст. Договора эта опасность для грековъ уничтожена. Кромѣ этого „берегового права“, другія нѣмецкія постановленія, какъ Wild-fangiatus или droit d'audain, въ славянскомъ правѣ не имѣли мѣста. Послѣ принятія христіанства иностранцы („сторонники“) отдаются подъ опеку церкви, и „гостинницы“ и „страннопріимцы“ считаются церковными учрежденіями. Съ теченіемъ времени права, предоставлявшіяся иностранцамъ посредствомъ временной натурализаціи, становятся недостаточными. *Договорами* имъ была предоставлена большая сумма правъ, но не вся полнота ихъ: взамѣнъ того за ними были укрѣплены ихъ отечественныя права. Въ договорѣ съ нѣмцами 1229 года (ст. 16-я) читаемъ: „если латинскіе гости бьются между собою мечемъ или деревяннымъ орудіемъ, то князю (русскому) до того дѣла нѣтъ: они судятся сами между собою“. О правахъ ихъ пріобрѣтать недвижимыя имущества нѣтъ и не можетъ быть рѣчи, но ст. 30-ю того же договора нѣмцамъ предоставлено право пріобрѣтать движимое имущество; они могутъ также вступать въ обязательственныя отношенія съ гражданами и въ такихъ отношеніяхъ пользуются значительными привилегіями. Ст. 69-я Русской Правды Кар. постановляетъ, чтобы при конкурсномъ взысканіи съ должника изъ имущества его былъ выплаченъ сперва долгъ кредитору-гостю, если таковой, конечно, существуетъ, и потомъ уже оставшееся имущество дѣлится между „домашними“ кредиторами: „отдать прежде всего долгъ гостю, а домашнимъ, что останется“. Такими же привилегіями пользовались нѣмцы и при переходѣ имущества должниковъ по наслѣдству или въ фискъ: получавшій „статокъ“ (наслѣдство) долженъ былъ выплатить долги нѣмцу, если они были на этомъ наслѣдствѣ; при конфискаціи имущества (за преступленія) выплачивались долги иностранцамъ (Дог. 1229 г. ст. 12-я). Впрочемъ всѣ эти права и привилегіи весьма естественно обусловливаются экономической пассивностью древней Руси, получавшей необходимые товары изъ другихъ странъ при посредствѣ гостей-купцовъ.

Переходную ступень между гостями и осѣдлыми иностранцами составляютъ *гостинные дворы или факторіи*. Это были отдѣльныя замкнутыя общины, которыя иностранцы создавали для того, чтобы, при невозможности пользоваться лично, въ отдѣльности, полными правами гражданства, пользоваться ими въ совокупности—коллективно. Такіе дворы во множествѣ были разсѣяны въ древней Руси. Южная Русь вела торговлю преимущественно съ южной Германіей, и потому въ Кіевѣ былъ дворъ Регенсбургскихъ купцовъ. Въ сѣверней Руси—Смоленскѣ, Псковѣ, Полоцкѣ и особенно въ Новгородѣ—торговали съ весьма ранняго времени купцы скандинавскіе и преимущественно изъ сѣверн. Германіи. Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ упоминается въ XII вѣкѣ, но, несомнѣнно, существовалъ и прежде. Собственно въ Новгородѣ было два двора—нѣмецкій и готскій, но юридически они составляли одно учрежденіе. Населеніе двора мѣнялось два раза въ годъ между зимними и лѣтними гостями. Тѣмъ не менѣе

гостинный дворъ, какъ юридическое лицо, обладалъ своими постоянными правами по отношенію къ государству, которыми гости отдѣльно внѣ его не пользовались. Важнѣйшимъ изъ такихъ правъ двора было право владѣнія недвижимымъ имуществомъ и притомъ не только внутри его (домами, лавками, церковью), но даже и за его предѣлами, какъ, напримѣръ, лугами. Внутреннія права и вообще устройство двора были основаны на принципѣ полной экстерриторіальности: это было какъ бы государство внутри другого.

Кромѣ иностранцевъ, жившихъ въ факторіяхъ, съ древнихъ временъ извѣстно и частное осѣдлое населеніе городовъ изъ иностранцевъ. Названія „ворота лядскія", „ворота жидовскія" въ Кіевѣ указываютъ на части города, населенныя иностранцами этихъ націй. Особенно силенъ былъ наплывъ западно-европейцевъ въ землю Галицкую и Волынскую въ XIII в., послѣ нашествія татаръ: „идяху день въ день (въ новоотстроенный городъ Холмъ) мастерѣ всяци бѣжаху отъ татаръ, сѣдельници и лучници и тульници и кузнеци"... Они поселялись въ особыхъ частяхъ города и соединялись въ отдѣльныя общины съ внутреннимъ устройствомъ по отечественному образцу, но были подчинены общей системѣ податей и повинностей. Сперва они пользовались только въ высшей степени такими же правами и привилегіями, какъ и гости, но уже въ 1-й періодъ за ними былъ признано право пріобрѣтать недвижимую собственность. Впослѣдствіи, достигнувъ мало-помалу всѣхъ гражданскихъ правъ и удержавъ въ то же время прежнія привилегіи, они положили основаніе особому классу привилегированныхъ горожанъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ, и такимъ образомъ возникло нѣмецкое (магдебургское и др.) право въ мѣстечкахъ и городахъ всей Литвы.

Права иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ первоначально ничѣмъ не отличаются отъ правъ ихъ въ 1 періодѣ: иноземные выходцы-дворяне принимаемы были охотно и получали права на службѣ тотчасъ же безъ всякихъ условій индигената (см. ч. 1-ю, стр. 122—123). Иностранцы-художники и ремесленники были вызываемы самимъ правительствомъ со времени Іоанна III. Вообще иностранцы осѣдлые тотчасъ же дѣлались подданными государства и, слѣд., переставали быть иностранцами и пользовались всѣми личными и имущественными правами. Нѣкоторая нетерпимость къ иностранцамъ-*иновѣрцамъ* замѣчается лишь съ пол. XVI в., а права ихъ опредѣляются закономъ лишь въ XVII в. Въ частности права *иностранцевъ городскихъ жителей* опредѣлены указомъ 1643 г. марта 2 (Ук. кн. зем. прик. ст. XXXIV), по иниціативѣ православнаго духовенства, которое жаловалось, что нѣмцы ставятъ свои кирки („ропаты") близко къ церквамъ, принимаютъ къ себѣ на службу русскихъ людей и скупаютъ дворы у русскихъ. Законодатель установилъ тогда, что нѣмцы не могутъ вновь пріобрѣтать дворы у русскихъ въ Москвѣ: въ Китай-городѣ, Бѣломъ городѣ и за городомъ (пріобрѣтенные остаются за ними): „ропаты", стоящія близъ церквей, велѣно сломать. Вопросъ о правѣ иновѣрцевъ держать русскую прислугу оставленъ безъ отвѣта; по ук. патр. Филарета 1628 г.

было запрещено держать русскихъ людей только некрещенымъ иноземцамъ. Уложеніе ц. А. М. (XIX, 40) дополнило законъ 1643 г. постановленіемъ, что кирхи вообще не могутъ существовать внутри Москвы, а лишь за Земляным городомъ. Нѣмцы-иновѣрцы сосредоточились въ особой слободѣ за гор. Москвой (П. С. З. № 386). Точно такъ же права *иноземцевъ служилыхъ* равнялись правамъ русскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и терпѣли нѣкоторыя ограниченія лишь права *иновѣрцевъ*; въ XVII вѣкѣ, именно въ 1653 г. (П. С. З. № 103), вотчины и помѣстья неправославныхъ нѣмцевъ были отписаны на государя, „за утѣсненіе крестьянъ въ нашей православной и христіанской вѣрѣ“ („многіе безъ отцовъ духовныхъ безъ покаянія помирали, и въ великій постъ... всякой скоромъ съ ними нѣмцы ѣли...“).—Права иностранцевъ въ собств. смыслѣ, т. е. не русскихъ подданныхъ, именно торговыхъ *пріѣзжихъ людей*, опирались на привилегіяхъ, дарованныхъ англичанамъ въ XVI в. (со временъ Грознаго, т. е. съ открытія морского пути изъ Архангельска); по правамъ, утвержденнымъ за ними при Михаилѣ Ѳеод., они пользовались безпошлинною торговлею по всему государству, а для производства ея пріобрѣтали осѣдлость во всѣхъ городахъ и въ самой Москвѣ. Эти привилегіи потерпѣли существенное ограниченіе лишь въ 1649 г. (П. С. З. № 9), вслѣдствіе злоупотребленій со стороны самихъ англичанъ: они ввозили тайно табакъ и другіе заповѣдные товары, а равно ввозили товары другихъ націй, прикрывая ихъ своимъ флагомъ, закупали и вывозили изъ Московскаго государства товары, прибывшіе сюда съ востока, наконецъ, завладѣли и внутреннюю торговлею (покупая и продавая товары русскимъ внутри государства). Въ числѣ проступковъ англичанъ было выставлено и то, что они „всею землею учинили большое злое дѣло—государя своего Карлуса короля убили до смерти“. Англичане были лишены права жительства въ Москвѣ и имъ позволено торговать только въ Архангельскѣ. Торговыя права иностранцевъ установлены окончательно Новоторговымъ уставомъ 1667 г. (П. С. З. № 408).

Въ періодѣ имперіи уничтожаются и тѣ немногія ограниченія, которымъ подлежали иностранцы (иновѣрцы) въ Москов. государствѣ; наоборотъ, со временъ Петра Вел., иностранцы были привлекаемы на территорію государства особыми льготами, которыя усилились во времена Екатерины II въ отношеніи къ колонистамъ; привилегіи этихъ послѣднихъ во многомъ превышали права гражданъ. Въ періодъ имперіи въ первый разъ опредѣлены условія принятія подданства.

Принятіе подданства иностранцемъ можетъ или тотчасъ же сообщить ему всѣ права гражданства, или иногда (для нѣкоторыхъ категорій лицъ) дать лишь ограниченную правоспособность. Къ послѣдней категоріи относятся *права евреевъ*. Изгнанные въ XIII, XIV и XV вв. изъ многихъ государствъ Зап. Европы (Англіи, Франціи, Испаніи), и преслѣдуемые въ Германіи, евреи постепенно подвигались къ востоку и проникали въ Польшу и русскія земли. Послѣ возникновенія литовско-русскаго государства, они нашли здѣсь особое покровительство со временъ Витовта (при полной

свободѣ вѣроисповѣданія, они пользовались всѣми гражданскими правами, съ нѣкоторыми привилегіями шляхетства). Въ Московскомъ и Новгородскомъ государствахъ до XVI в. они пользовались правомъ въѣзда; такъ, въ Новгородѣ извѣстный Схарія сдѣлался ересеначальникомъ жидовствующихъ. Но съ XVI в. въ Московское государство въѣздъ евреямъ былъ воспрещенъ: Іовій пишетъ о москвитянахъ: „они не впускаютъ ихъ (евреевъ) въ свои предѣлы“, Въ 1550 г. ц. Іоаннъ Грозный далъ такой отвѣтъ польско-литовскому королю: „жидамъ ѣздити въ Россію не пригоже“. Московскіе бояре, составляя извѣстную избирательную грамоту для королевича Владислава, включили въ нее слѣд. пунктъ: „жидамъ въ Россійское государство съ торгомъ никоторыми дѣлы не ѣздити“ (см. также П. С. З. № 730). По присоединеніи Малороссіи евреямъ запрещенъ въѣздъ въ нее; отмѣна этого запрещенія, послѣдовавшая въ 1729 г., удержалась не долго (П. С. З. №№ 5324, п. 14, 5852, 6610, 6614, 6898, 7869 и 8169). Въ 1743 г. сенатъ представилъ императ. Елизаветѣ о дозволеніи евреямъ въѣзда въ пограничныя мѣста (Малороссію и Остзейскій край), но императрица дала слѣд. резолюцію: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“ (П. С. З. № 8840). Екатерина II, по присоединеніи части литовско-русскаго государства съ значительнымъ процентомъ еврейскаго населенія, объявила въ ук. 1786 г., что позволяетъ новымъ подданнымъ пользоваться правами „безъ различія закона (вѣры) и народа“ (П. С. З. № 16391); сообразно съ этимъ она въ 1791 и 1794 годахъ дозволила евреямъ селиться въ Малороссіи (въ Черниговской и Новгородъ-Сѣверск. губерніяхъ) и Новороссіи (П. С. З. № 17006, 17224 и 17605). Императ. Александръ I (въ положеніи 1804 г.) распространилъ районъ дозволенной для евреевъ осѣдлости на Астраханскую и Кавказскую губ. и разрѣшилъ имъ пріѣздъ во внутреннія губерніи по дѣламъ торговымъ. Въ то же царствованіе, именно въ 1813 г., состоялось узаконеніе о воспрещеніи евреямъ владѣнія населенными имѣніями (что́, какъ извѣстно, предоставлено было только однимъ дворянамъ), а въ 1819 г. воспрещено для нихъ право аренды такихъ имѣній (П. С. З. № 28240, 29501, 30543). Затѣмъ съ 20-хъ годовъ XIX столѣтія начинается поворотъ къ сокращенію района осѣдлости евреевъ: сначала они лишены права жительства изъ числа городовъ въ Кіевѣ, Николаевѣ и Севастополѣ, а въ селахъ вообще всѣхъ; по положенію 1835 года, потеряли право жительства въ Астраханской и Кавказской губ. При импер. Александрѣ II права евреевъ расширены въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (ук. 1861 г. ноября 27). Рядомъ съ этимъ идутъ усилія законодательства пріурочить главную массу еврейскаго населенія къ сельскому состоянію, обращая ихъ дѣятельность на земледѣльческій трудъ (Полож. 1804 г. п. 14—18; ук. 1829 г. о еврейскихъ колоніяхъ въ Новороссіи, и Общее Полож. 1844 г.); при этомъ колонистамъ были дарованы многія льготы (относительно отвода земли, путевыхъ издержекъ по переселенію, постройкѣ домовъ и льготы отъ податей и рекрутства); но зато были приняты весьма рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы удержать

ихъ въ состояніи земледѣльцевъ: выходъ изъ состоянія колонистовъ до 1837 г. былъ вовсе воспрещенъ, а потомъ дозволенъ съ ограниченіями. Эти мѣры, однако, не увѣнчались успѣхомъ.

b) Изгои.

Взглядъ нашей литературы на происхожденіе изгоевъ двоякій. Калачевъ, на основаніи филологическаго происхожденія слова „изгои“ (*изъ* и *гоить*—жить), признаетъ, что изгоемъ назывался тотъ, кто вышелъ изъ родового союза. Общинники же утверждаютъ, что изгоемъ становился вышедшій изъ *общинной* связи, ибо возможность существованія родовыхъ мстителей за убійство изгоя (Рус. Пр., ст. 1) указываетъ на возможность связи его съ родомъ. Чтобы рѣшить, какой изъ этихъ взглядовъ и насколько вѣренъ, обратимся къ памятникамъ. *Русская Правда* ставитъ изгоевъ рядомъ съ младшими членами княжеской дружины и ограждаетъ ихъ жизнь вирою, равною вирѣ за голову свободнаго человѣка. *Уставъ о мостовыхъ* разумѣетъ подъ изгоями людей епископскихъ. *Уставная грамота* Всеволода о церковныхъ судахъ называетъ ихъ людьми церковными и указываетъ *троякій источникъ изгойства:* безграмотность для дѣтей священника, банкротство для купцовъ и освобожденіе отъ рабства для холоповъ. Къ этимъ видамъ изгойства самъ князь прибавляетъ четвертый источникъ его—сиротство для самихъ князей. Ясно, что условіемъ изгойства былъ выходъ вообще изъ своего прежняго состоянія, ибо вполнѣ понятно, что безграмотный сынъ священника, обанкротившійся купецъ или вольноотпущенный холопъ—уже не могли оставаться въ немъ. Сиротство, какъ источникъ изгойства для князей, имѣетъ болѣе тѣсный смыслъ, именно лишеніе наслѣдованія въ удѣлахъ русской земли. На основаніи приведенныхъ же узаконеній, можно заключить, что изгои или примыкали къ княжескому двору, или принимались подъ опеку церковью. Что касается *правъ* изгоевъ, то они, несомнѣнно, ниже правъ свободныхъ лицъ. Уравненіе виръ за голову изгоя и за голову свободнаго человѣка еще не доказываетъ равенства всѣхъ прочихъ правъ. Члены младшей дружины князя (къ числу которыхъ принадлежали и нѣкоторые изгои) были въ уголовномъ отношеніи сравнены съ свободными лицами, а между тѣмъ они были б. ч. лица несвободныя.

Всѣ прочіе изгои, не входившіе въ составъ младшей дружины князя, составляли обыкновенно крѣпостное населеніе селъ. Ростиславъ Смоленскій своею грамотою 1150 г. передаетъ церкви „села съ изгоями и землей“. Это происходило оттого, что главнымъ (и типическимъ) источникомъ изгойства былъ либертинатъ. На это указываетъ „изгойство—иманіе“, т. е. увеличеніе платы за освобожденіе сравнительно съ покупною цѣною раба и взиманіе платы за дѣтей холопа при освобожденіи отца, противъ чего вооружалось духовенство въ своихъ поученіяхъ. Вольноотпущенные такъ же, какъ и въ римскомъ правѣ, не дѣлались въ силу своего отпущенія вполнѣ свободными, а оставались въ нѣкоторыхъ какъ бы зависимыхъ,

обязательственныхъ отношеніяхъ къ прежнему господину. Весьма часто случалось, что вольноотпущенный, не имѣя средствъ къ жизни, селился на землѣ своего господина и мало-помалу дѣлался его крѣпостнымъ. Изгои, попавшіе подъ опеку церкви, поступали или въ крѣпостное состояніе на церковныхъ земляхъ, или въ состояніе городскихъ обязанныхъ церкви ремесленниковъ [1]).

c) Холопы.

Состояніе холопства есть только наибольшее ограниченіе правъ, но не окончательное лишеніе ихъ; холопы обладали нѣкоторыми правами, почему и рѣчь о нихъ должна быть отнесена къ ученію о субъектахъ, а не къ ученію о вещахъ (объектахъ). Даже строжайшее (вообще и въ частности по отношенію къ институту рабства) изъ правъ—право римское—не вполнѣ низводитъ рабовъ на степень вещи; славянское же, отличающееся мягкостью своихъ основныхъ положеній,—тѣмъ болѣе.

Происхожденіе холопства. Факты языка указываютъ, что древнѣйшій первоисточникъ рабства находится въ связи съ семейнымъ правомъ. Слово „сѣмія“ (по словарю Востокова) означаетъ рабы, домочадцы. Вмѣсто термина „холопъ“ съ древнѣйшихъ временъ употреблялось слово „сирота“: такъ, еп. Лука (ок. 1036 г.) училъ: „и своимъ сиротамъ милостиви будете“. Въ Москов. государствѣ служилые люди въ отношеніи къ государю именовались холопами, а тяглые—сиротами. Термины челядь (чадь, чадо), рабъ (робя, робенецъ, ребенокъ), холопъ (въ малор. хлопецъ—мальчикъ, сынъ) одинаково примѣняются какъ къ лицамъ, подчиненнымъ отеческой

---

[1]) Дебольскій, не ознакомившись съ общеизвѣстными источниками, рѣшился назвать нашъ выводъ о либертинатѣ и о неполноправіи изгоевъ совершенно произвольнымъ: онъ не зналъ закона 1556 г. о воспрещеніи вольноотпущеннымъ *служить* у прежняго владѣльца, а сослался лишь на „Акты гор. Шуи“, Между тѣмъ анализъ этого закона могъ бы вывести его на истинный путь. Законъ пол. XVI в. запрещаетъ служить у прежняго хозяина. Значитъ, раньше это было очень распространенное явленіе. Далѣе, пребываніе вольноотпущеннаго въ домѣ господина есть *служба*. Какая же это служба? Вольная по найму? Но тогда ради чего законъ воспрещалъ бы ее? Очевидно, это то, что законъ тогда называлъ „добровольнымъ холопствомъ“, и что онъ преслѣдовалъ. А добровольное холопство есть „*холопство*“ только безъ крѣпости, чего именно и не хотѣлъ признать законъ. Выводъ о либертинатѣ ясенъ. Но даже и безъ этого, при помощи однихъ скудныхъ источниковъ 1-го періода, можно было бы избѣжать довольно грубой ошибки, т. е. признанія изгоевъ полноправными лицами. Никто не считаетъ людей, состоящихъ подъ опекою, вполнѣ дѣеспособными; подъ власть церкви съ древнѣйшихъ временъ отданы „задушный человѣкъ“ (освобожденный по завѣщанію) и изгои всѣхъ трехъ видовъ. А эта *власть* церкви въ отношеніи къ свѣтскимъ лицамъ, по меньшей мѣрѣ, есть власть опекунская. Въ этомъ Дебольскій могъ бы убѣдиться, если бы сравнилъ подчиненіе изгоевъ такому же положенію „вдовицъ“, какъ церковныхъ людей. Почему „вдова“—церковный человѣкъ? Конечно потому, что власть умершаго мужа должна быть замѣнена для женщины другою властію, что́ и продолжалось до Судебниковъ. Но и всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія объ изгояхъ сами собою ведутъ къ тому же выводу. Прежде всего, что это за классъ людей, для котораго потребовался особый терминъ и особыя узаконенія?

власти, такъ и къ рабамъ. Вслѣдствіе такой связи института рабства съ семейнымъ правомъ и самый характеръ его обусловливается характеромъ послѣдняго. У народовъ съ суровыми семейными отношеніями и институтъ рабства получаетъ строгій характеръ; напротивъ, у народовъ такихъ, у которыхъ отеческая власть менѣе сурова, и рабы почти приравниваются къ подчиненнымъ членамъ семьи. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ и славяне.

Источники холопства. Переходя къ уясненію юридическихъ источниковъ холопства, находимъ, что оно могло возникать изъ отношеній *международныхъ* (т. е. отношеній къ иностранцамъ), *семейныхъ*, *обязательственныхъ* (въ сущности экономическихъ) и *уголовныхъ* (лишенія права за преступленія). Къ этимъ основнымъ источникамъ потомъ присоединяются производные.

Отношенія къ иностранцамъ въ древнія времена могли доставлять рабовъ и независимо отъ войны, т. е. можно было овладѣть личностью иностранца и не въ видѣ военной добычи. У русскихъ (см. выше стр. 384, 385), только въ отношеніи къ азіатскимъ народамъ это сохранялось довольно

Какія общія черты соединяютъ вольноотпущенника (холопа выкупившагося) съ купцомъ обанкротившимся и съ съ поповымъ сыномъ безграмотнымъ? Говорятъ, это люди „бѣдне“; но бѣднымъ могъ быть и грамотный поповъ сынъ; а холопъ, у котораго достало средствъ на выкупъ, могъ и не быть бѣднымъ. Бѣдныхъ, конечно, было немало по городамъ и весямъ тогдашней Руси. Но это не изгои. Бѣднымъ уже никакъ нельзя признать осиротѣвшаго князя. Общая черта ихъ—выходъ изъ своего прежняго состоянія—обозначаетъ лишь источники изгойства; изгой могъ тотчасъ примкнуть къ новому состоянію, напр., поступить въ дружину князя, и такимъ образомъ долженъ бы перестать быть изгоемъ; однако, нѣтъ; онъ и въ состояніи дружинника именуется изгоемъ (Рус. Пр. Ак. I). Ясно, что изгойство составляетъ новое особое состояніе, которое должно отличаться по своимъ правамъ, или по умаленію ихъ. Такъ это и есть, судя по памятникамъ 1-го періода о главной многочисленнѣйшей массѣ изгоевъ. Если по жалов. грамотамъ этого періода дается кому-либо земля *населенная*, то въ грамотѣ такое населеніе именуется или челядью, или изгоями. Ростиславъ жалуетъ Смоленской церкви „село Дросенское со изгои и съ землею“, „село Ясенское и съ бортникомъ и съ землею и съ изгои, огородъ съ капустникомъ и съ женою (его) и съ дѣтьми“; игуменъ Варлаамъ даетъ Хутынскому монастырю „землю Хутынскую и съ челядію и скотиною“. Если можно передать землю не только съ „челядію“ (т. е. рабскимъ населеніемъ), но и со изгоями, то послѣдніе, не будучи рабами (они такъ не именуются), очевидно, *прикрѣплены* къ этой землѣ. А если прикрѣплены, то нельзя считать ихъ людьми полноправными. Конечно, какъ не холопы, они могли (подобно крестьянамъ послѣ Улож. ц. А. М.) заключать разныя сдѣлки; но неполноправіе (отсутствіе права измѣнять мѣстожительство и слѣд. состояніе) остается за ними. Изгои составляютъ цѣлыя поселенія, окружающія дворъ епископа, и исполняютъ государств. повинности нераздѣльно со своимъ владыкою: владыка новгородскій обязанъ мостить улицы „сквозь городная врата съ изгои“; такимъ образомъ эти захребетники владыки идутъ за нимъ и составляютъ постоянный объектъ его власти. Такова главная масса изгоевъ—сельскихъ и городскихъ жителей. Изгои-дружинники, какъ сказано въ текстѣ, хотя и ограждены вирою въ 40 гривенъ, но стоятъ наравнѣ со всѣми младшими дружинниками, которые были или несвободные, или полусвободные люди (см. стр. 25). Князья-изгои терпѣли ограниченіе правъ политическихъ, т. е. не могли пріобрѣтать высшіе княж. столы.

долго, но въ отношеніи къ европейскимъ народамъ это было предотвращено международными трактатами еще съ X вѣка. Съ того времени источникомъ рабства для иностранцевъ остается только плѣнъ, который въ то время имѣлъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ теперь. Цѣлью войны тогда было обогащеніе различнымъ имуществомъ и челядью, и слѣдовательно попавшій въ плѣнъ иностранецъ (воинъ, или мирный житель—безразлично) поступалъ въ рабство. Такому понятію о плѣнѣ, какъ объ источникѣ рабства, повидимому, противорѣчитъ извѣстіе о славянахъ императ. Маврикія, который говоритъ, что „плѣнники у нихъ остаются не въ вѣчномъ рабствѣ, какъ у другихъ народовъ, но назначается имъ опредѣленное время, по прошествіи котораго предоставляется ихъ произволу или остаться у нихъ въ качествѣ свободныхъ, или возвратиться къ своимъ, заплативъ выкупъ". Это можно объяснить тѣмъ предположеніемъ, что приведенное извѣстіе относится въ пастушескому быту славянъ, когда личность плѣнника не имѣла экономической цѣнности для нихъ, въ силу отсутствія спроса на рабочія силы. При захватѣ въ плѣнъ иностранца побѣдители разсчитывали не на трудъ его, а на выкупъ, который они могли получить за освобожденіе его; поэтому, при неосуществленіи ихъ расчетовъ, выгоднѣе было просто выпустить плѣнника на свободу. Доказательствомъ такого отношенія къ плѣнникамъ можетъ служить русское сказаніе о половчинѣ, долго сидѣвшемъ въ оковахъ у своего господина, и потомъ отпущенномъ послѣднимъ подъ честнымъ словомъ, что онъ принесетъ выкупъ. Содержаніе плѣнныхъ въ заключеніи и даже убіеніе ихъ случалось и въ болѣе позднюю христіанскую эпоху, въ XII, XIII и даже XIV в. (въ 1322 г. множество плѣнныхъ нѣмцевъ было повѣшено новгородцами у Выборга), но это были исключенія. Вообще же характеристическая мягкость славянскаго права имѣла мѣсто и здѣсь (освобожденный плѣнникъ, наприм., не бросался на проозволъ судьбы, но получалъ права гражданства, и очень часто опредѣлялся на службу къ князю).

Вообще плѣнъ, какъ источникъ рабства, извѣстенъ съ X вѣка. Но въ этомъ вѣкѣ плѣнные поступали въ рабство не къ частнымъ лицамъ, а къ предводителямъ на войнѣ, т. е. князьямъ, которые и дѣлили ихъ между своими сподвижниками въ смыслѣ дара: „Ольга (плѣнныхъ древлянъ) овыхъ изби, а другихъ работѣ предасть мужемъ своимъ". Съ XI вѣка и частные воины получаютъ непосредственно право на плѣненныхъ ими, какъ на военную добычу („плѣнилъ бояринъ—боярина, гражданинъ—гражданина, смердъ—смерда"). Тѣмъ не менѣе значительная часть плѣнниковъ и тогда отдѣлялась въ пользу князя (въ Москов. государ. эта часть называлась плѣнниками „въ государевѣ имени") и обращалась въ служилыхъ людей (см. „Обзоръ" часть I, объ иноземцахъ—служилыхъ людяхъ).

Въ вѣчное ли рабство поступали плѣнные, или же только во временное, кабальное? По договорамъ русскихъ съ болѣе цивилизованными народами (особенно греками), плѣнные должны были быть возвращаемы или въ обмѣнъ, или же за выкупъ, для чего выкупная цѣна плѣнныхъ была таксирована (20 зол. по Дог. Ол., ст. 9; и отъ 10 золотн. до 5 з.,

смотря по возрасту и качеству, по Дог. Игоря, ст. 7). Въ случаѣ несостоятельности плѣннаго и, слѣдовательно, невыкупа его, можно думать, примѣнялось на Руси правило Закона Суднаго, по которому такіе плѣнники остаются въ рабствѣ до отработки цѣны выкупа. Этому предположенію, на первый взглядъ, можетъ показаться противорѣчащимъ существованіе въ тотъ же періодъ права продавать плѣнныхъ. Но это кажущееся противорѣчіе разрѣшается тѣмъ же Закономъ Суднымъ: по его постановленіямъ, плѣнникъ продается не въ вѣчное рабство, а только до окончанія отработки выкупа; продается *право* на остающуюся отработку выкупа, при чемъ отработанная часть его засчитывается и покупщикомъ. Примѣненіемъ въ земскій періодъ правила Закона Суднаго можно объяснить образованіе въ Московскомъ государствѣ постановленія, что плѣнный поступаетъ не въ вѣчное, а пожизненное, кабальное холопство (его дѣти свободны; см. Указн. книгу вѣд. казначеевъ ст. V, 17). Удержался ли этотъ законъ въ послѣдующее время? Полагаютъ [1]), что нѣтъ: „въ Уложеніи отъ этого указа (говоритъ проф. Сергѣевичъ) не осталось ни малѣйшаго слѣда". Дѣйствительно, Улож. (XX, 61) постановляетъ, что предметами сдѣлокъ (приданой, купчихъ, завѣщаній и дарственныхъ) могутъ быть холопы полные, докладные, купленные *и полоняники* (но не кабальные). Однако, слѣдъ указа 1556 г., и слѣдъ довольно яркій, есть и въ Уложеніи, а именно: если литовскіе плѣнники, женившіеся на русскихъ крѣпостныхъ или старинныхъ рабахъ въ боярскихъ дворахъ, а также плѣнницы литовскіе, вышедшія замужъ за холоповъ, заявятъ, что не хотятъ ни возвращаться въ Литву, ни оставаться „*у своихъ* бояръ", то могутъ жить „на волѣ, гдѣ кто похочетъ", даже со своими супругами, но при этомъ прибавляется: „а которые литовскіе полоняники были у записки передъ бояры, и похотѣли жить у тѣхъ же, у кого прежде того жили, — и тѣ отданы тѣмъ людямъ, кто у кого живетъ" (XX, 69). Эта послѣдняя прибавка, думаемъ, составляетъ ключъ къ уразумѣнію предыдущаго узаконенія (ст. 71), т. е. плѣнники въ XVII в. вообще не остаются въ холопствѣ, если сами добровольно не вступятъ въ него, и тогда становятся уже полными холопами. По общему же правилу, при заключеніи мира, плѣнники могутъ возвратиться въ свое отечество или остаться жить въ своемъ новомъ отечествѣ въ качествѣ свободныхъ гражданъ (сп. ст. 37). Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Улож. говоритъ о *литовскихъ* плѣнникахъ и тѣмъ даетъ право предполагать, что не всякіе плѣнники пользовались такою льготою, что къ плѣнникамъ изъ восточныхъ народцевъ едва ли примѣнялись тѣ же правила (см. XX, 99), хотя и съ такими племенами уже заключались международные трактаты объ освобожденіи, выкупѣ или размѣнѣ плѣнныхъ (см. Дог. 1670 въ П. С. З. № 479). Зато правило, примѣняемое къ литовскимъ плѣнникамъ, не могло не примѣняться къ плѣнникамъ изъ другихъ европейскихъ государствъ, какъ это именно и постановлялось въ трактатахъ со Швеціею, напр., въ 1649 г.

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ: Рус. Юр. Др. I, стр. 133.

октября 19 (П. С. З. № 19). Впрочемъ, въ дѣйствительности, большая часть плѣнныхъ, попадавшая въ руки частныхъ лицъ, получала отъ своихъ владѣльцевъ земли и обращалась въ крѣпостныхъ крестьянъ (какъ и обыкновенные вольноотпущенные) или оставалась въ качествѣ дворовыхъ слугъ. Остальные же плѣнные, поступая на службу къ в. князю, получали привилегированное значеніе въ государствѣ.

Вообще плѣнъ, какъ источникъ рабства, все болѣе и болѣе сокращается уже въ XIII, XIV и XV вѣк. Причины этого лежатъ въ томъ, что прежній частный интересъ войны постепенно переходитъ въ политическій т. е. война обращается въ средство достиженія интересовъ исключительно государственныхъ, напр., пріобрѣтенія части территоріи и т. д. Этотъ переходъ ознаменовался запрещеніемъ захватывать въ плѣнъ мирныхъ жителей и ихъ имущество (въ первый разъ. по договору съ Ляхами, въ 1229 году).

Семейныя отношенія. Оба рода семейныхъ отношеній, какъ супружескія, такъ и отношеніе родителей и дѣтей, могли служить источникомъ рабства (впрочемъ, собственно производнымъ источникомъ, когда уже существовало рабство, какъ институтъ, отдѣльный отъ семьи).

Супружескія отношенія. Въ древнѣйшее время бракъ съ несвободнымъ лицомъ влекъ для свободнаго потерю свободы. Но въ Рус. Правдѣ это правило было существенно ограничено, именно по 120 ст. ея (Карам.) только женившійся на рабѣ безъ договора съ ея господиномъ лишался свободы и поступалъ въ рабство къ ея господину, договоромъ же такое послѣдствіе можно было устранить. Выходъ въ замужество за холопа, повидимому, всегда велъ для свободной женщины потерю свободы (хотя памятники объ этомъ не говорятъ). Въ Московскомъ правѣ разбираемое вліяніе брака между рабомъ и свободнымъ на правоспособность послѣдняго было опредѣлено весьма строго и безусловно: Судебникъ постановляетъ: по робѣ—холопъ, по холопу—роба (Суд. цар., ст. 76; Уложеніе XIX, 37 и XX, 31). Изъ этого можно бы заключить, что институтъ рабства идетъ къ усиленію; на самомъ же дѣлѣ это было не такъ. Въ XVII в. упомянутое постановленіе имѣло весьма небольшую возможность примѣненія. Въ это время населеніе всѣхъ классовъ строго прикрѣпляется къ своимъ занятіямъ, службѣ или землѣ. Поэтому служилый мужъ, женившись на рабѣ, не выходитъ изъ своего состоянія и не обращается въ раба, а напротивъ, влечетъ свою жену въ свободное же состояніе (уплативъ „выводъ“ за рабу 50 р. по таксѣ). Равнымъ образомъ посадская женщина, вступивъ въ бѣгахъ въ бракъ съ холопомъ, могла не только сама возвратиться въ посадъ, но и мужа ввести въ городскую общину, безъ всякаго возмездія его господину (ибо послѣдній, давъ согласіе на бракъ, конечно, въ силу желанія обратить посадскую женщину въ свою рабу, становился какъ бы нарушителемъ интересовъ государства, желавшаго увеличить численность посадскаго населенія). Точно такъ же и крестьянка, вышедшая замужъ за холопа своего помѣщика, освобождала его (см. Улож. XIX, 38 и XI, 17, 18). Такимъ образомъ и этотъ источникъ,

благодаря отсутствію поддержки со стороны государства, мало-помалу изсякалъ.—Что касается *отношеній родителей и дѣтей*, то здѣсь имѣло мѣсто то общее правило, что рожденный отъ холопа—холопъ. Русская Правда разсматриваетъ „отъ челяди плодъ“ (Кар. 111), какъ естественное приращеніе имущества господина. Но въ первоначальную эпоху христіанства на Руси, когда рядомъ съ законносупружескими отношеніями допускалось и наложничество, возможно было, что отецъ свободный давалъ жизнь сыну или дочери отъ наложницы; въ такомъ случаѣ становилось неяснымъ, въ какое состояніе долженъ поступать рожденный. Русская Правда разрѣшила этотъ вопросъ (ст. 110 Кар.) такъ: дѣти отъ рабыни до смерти отца не считаются свободными, но послѣ смерти его, хотя наслѣдства не получаютъ, но дѣлаются свободными вмѣстѣ съ матерью. Это подтверждается историческими фактами: Владиміръ св. былъ сынъ рабыни-ключницы, а между тѣмъ въ своихъ правахъ ничѣмъ не отличается отъ братьевъ, хотя въ общественномъ мнѣніи такое происхожденіе представляло неисправимый порокъ (какъ это видно изъ пріема, оказаннаго Владиміру Рогнѣдой). Наконецъ, о дѣтяхъ, рожденныхъ до поступленія ихъ родителей въ рабство, въ памятникахъ земскаго періода никакихъ постановленій нѣтъ. Въ Судебникѣ же опредѣляется, что дѣти, родившіяся до поступленія ихъ родителей въ рабство, остаются свободными; но несовершеннолѣтнія могли быть записаны отцомъ при поступленіи его въ рабство въ общую кабалу (ц. Суд., ст. 76; см. выше стр. 379).

Вопросъ о правѣ отца на свободу своихъ дѣтей, относительно древнѣйшаго времени, можно a priori рѣшить утвердительно. Отеческая власть въ то время равнялась власти господина надъ его рабами; слѣдовательно, и отецъ могъ распоряжаться своими дѣтьми на равнѣ съ рабами. Въ правѣ Московскаго государства въ этомъ отношеніи является нѣкоторая неясность, которая разрѣшается нами въ исторіи семейнаго права. Герберштейнъ, вѣроятно, по аналогіи съ римскимъ правомъ, утверждаетъ, что въ Москвѣ отецъ могъ продать своего сына три раза, послѣ чего отеческая власть будто бы прекращалась, но въ нашихъ источникахъ указаній на это нѣтъ.

Отношенія обязательственныя. Говоря вообще, обязательственныя отношенія древняго времени существенно отличаются отъ современныхъ: теперь право одного контрагента (обязывающаго) простирается только на извѣстное дѣйствіе другого (обязывающагося), тогда же оно б. ч. простиралось на всю личность послѣдняго (приближаясь къ вещному праву). Между обязательствами, какъ источниками рабства, надо различать: обязательства, самое исполненіе которыхъ влечетъ рабство, и обязательства, устанавливающія рабство только при невыполненіи ихъ. Къ числу первыхъ относится личный наемъ, къ числу вторыхъ—договоръ займа. Личный наемъ (locatio conductio operarum, а не operis), т. е. поступленіе въ личное услуженіе, при нѣкоторыхъ условіяхъ ведетъ къ лишенію свободы. По Русской Правдѣ, тотъ дѣлается холопомъ, кто приметъ тіунство,

или ключъ себѣ привяжетъ *безъ договора*; договоромъ же можно было предупредить это послѣдствіе. Однако, изъ другихъ мѣстъ Русск. Правды видно, что такіе договоры заключались рѣдко, такъ что тіуны вообще считались людьми несвободными (Кар. ст. 77). Въ Московскомъ государствѣ первоначально удерживались приведенныя постановленія Русской Правды, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями: именно, по Судебникамъ (Суд. 1-й, ст. 66, и Суд. ц., ст. 76), ключничество только въ селахъ сопровождается холопствомъ, въ городахъ же ключники остаются свободными. Кромѣ того, сельское ключничество и тіунство, по Судебн. цар., ведутъ къ холопству тогда лишь, когда они укрѣплены (письменно) „докладною грамотою". Съ конца XVI вѣка личный наемъ, повидимому, все ближе подходитъ къ рабству, и въ началѣ XVII в. устанавливается то общее правило, что всякое личное услуженіе ведетъ къ пожизненному (кабальному) холопству, если поступившій на службу пробылъ извѣстное количество времени у одного хозяина. Указъ 1597 г. всякое личное услуженіе, длившееся болѣе полугода, обратилъ въ источникъ кабальнаго холопства. Ц. Василій Шуйскій въ 1608 г. безъ совѣта и согласія боярской думы отмѣнилъ постановленіе 1597 г. и запретилъ выдавать обязательныя кабалы на такихъ вольныхъ слугъ; но въ слѣдующ. году боярская дума собственною властью отмѣнила этотъ указъ царя и возстановила дѣйствіе закона 1597 года. Уложеніе еще болѣе сократило срокъ свободной службы: давность полугодовая была уменьшена до трехъ мѣсяцевъ. Такой ходъ законодательства указываетъ, повидимому, на стремленіе законодателя усилить рабство; но надо припомнить, что полное рабство, сопровождающее личный наемъ, по Русской Правдѣ, съ XVII вѣка обращается уже только въ кабальное холопство. Сверхъ того, въ XVII в. дзоровая служба по договору вошла въ общій обычай и не влекла уже въ рабство (см. ниже о договорѣ личнаго найма, а также о службѣ и безъ договора, но и безъ укрѣпленія въ холопство „вольныхъ гулящихъ людей"). Особенно много было такихъ вольныхъ работниковъ при монастыряхъ и архіер. домахъ: „живутъ временно, Бога ради тружаются..., а иные изъ найма живутъ по году и по два и сколько кто захочетъ; а которые и есть работники устарѣлые, и тѣ живутъ по своимъ волямъ; не хотятъ жить—и прочь пошелъ, а неволить ихъ не почему" (см. „Челобит. XVII в.", изд. Купріяновымъ въ Отечест. Зап. т. CI).

Столь же обильнымъ источникомъ холопства служилъ первоначально *договоръ займа*, который, впрочемъ, велъ къ нему не прямо, а косвенными путями, а именно своимъ неисполненіемъ. Заемъ въ древнее время обезпечивался обыкновенно личнымъ закладомъ (т. е. закладомъ личности должника кредитору). Такимъ образомъ и устанавливалось временное холопство, именуемое въ земскій періодъ *закупничествомъ*, а въ Московскомъ государствѣ—служилою кабалою.

Закупничество продолжалось до отработки долга съ процентами или до уплаты его, а служилая кабала—до смерти или холопа, или его господина, не переходя къ преемникамъ ни того ни другого. Права господина

на закупа или служилаго холопа отличались отъ правъ на полнаго холопа; они состояли въ правѣ владѣнія и правѣ пользованія имъ наравнѣ съ полнымъ, но безъ права распоряженія, имѣющаго мѣсто въ полномъ рабствѣ. Въ случаѣ продажи закупа его господиномъ, по Русской Правдѣ, онъ становился свободнымъ (Кар. 73), а купившій его могъ получить заплаченную цѣну обратно; если же закупъ былъ перезаложенъ его господиномъ другому, то сдѣлка считалась недѣйствительной, но закупничество продолжалось. Къ полному рабству договоръ займа велъ въ случаѣ нарушенія его со стороны должника или несостоятельности этого послѣдняго. Относительно нарушенія его Русская Правда дѣлаетъ слѣдующія постановленія: если закупъ бѣжитъ, то „обель“ (полный холопъ, Кар. 70); если же закупъ не тайкомъ, но явно идетъ къ князю или судьямъ жаловаться на обиды господина, то ему должна быть оказана справедливость, очевидно, потому, что въ первомъ случаѣ онъ нарушаетъ свое обязательство, а во второмъ нѣтъ. Въ Московскомъ Правѣ „бѣглыя грамоты“ являются однимъ изъ источниковъ рабства; но въ самыхъ памятникахъ законодательства Московскаго государства нѣтъ соотвѣтствующихъ постановленій о бѣглыхъ кабальныхъ холопахъ. Несостоятельность (банкротсво) ведетъ къ полному холопству, хотя и не непремѣнно. Въ Русской Правдѣ различаются три рода несостоятельности: 1) несостоятельность, происшедшая не по винѣ должника, изъ случайныхъ причинъ (пожара, кораблекрушенія, истребленія имущества непріятелями); въ такомъ случаѣ наступаетъ обязательная разсрочка долга; 2) несостоятельность, возникшая по винѣ должника (пьянства, расточительности); при этомъ предоставляется выбору кредитора—или отсрочить уплату долга, или же продать должника въ рабство, и 3) несостоятельность мнимая (злостное банкротство), когда должникъ преслѣдуется и наказуется, какъ воръ, уголовнымъ порядкомъ (Кар. ст. 68 и 133). Для насъ интересенъ въ настоящее время по своимъ послѣдствіямъ второй родъ несостоятельности—несостоятельность, происшедшая по винѣ должника. При *конкурсѣ* нѣсколькихъ кредиторовъ несостоятельный, по Русской Правдѣ, можетъ быть проданъ съ публичнаго торга (Кар. ст. 69: „вести его на торгъ и продать“). То же можно разумѣть и при отсутствіи конкурса (ст. 68 говоритъ о несостоятельномъ вообще: „ждутъ-ли ему, продадутъ-ли его—своя имъ воля“). Впрочемъ нужно думать, что продажа въ холопство при одномъ кредиторѣ наступала лишь тогда, когда несостоятельность была *безнадежна вполнѣ*; если же долгъ могъ быть отработанъ, то несостоятельный былъ выдаваемъ кредитору для отработки долга. Если неясную 122 (Кар.) ст. Русской Правды: „Вдачь—не холопъ, и ни по хлѣбѣ робятъ, ни по придатцѣ“ перевести: „выданный головой для отработки (выдачь)—не холопъ, равно какъ и работающіе за прокормленіе (во время голода) и за проценты“,—то въ этой статьѣ мы получимъ категорическое отрицаніе холопства несостоятельнаго должника, отрабатывающаго свой долгъ. Въ этомъ убѣждаетъ опредѣленіе въ Русской Правдѣ таксы для отработки долга въ продолженіе извѣстнаго срока („года“): именно годичная работа жонки съ дочерью оцѣнивается

ею въ 1 гривну (ст. 65). Конечно, при такой таксѣ значительный долгъ не могъ быть отработанъ во всю жизнь должника и, переходя на дѣтей должника, приближалъ его къ состоянію полнаго холопства.—Въ Московскомъ правѣ несостоятельность никогда не ведетъ къ холопству, но должникъ выдавался головою кредитору до искупа, при чемъ, въ случаѣ невозможности для одного должника отработать долгъ, въ такое „закупничество“ поступала и семья его. Вообще же несостоятельность дебитора къ концу московскаго періода мало-помалу перестаетъ служить источникомъ холопства какъ полнаго, такъ даже и кабальнаго [1]).

---

[1]) Проф. Сергѣевичъ (Рус. Юр. Др. I, 142), разсматривая несостоятельность, какъ источникъ холопства по Судебникамъ, говоритъ: „подъ выдачей головою на продажу надо разумѣть предоставленіе должника на волю кредитора. Кредиторъ могъ или взять его къ себѣ во дворъ въ качествѣ раба, или продать его“. Авторъ относитъ это не только ко временамъ Рус. Правды, но говоритъ, что „этотъ порядокъ остается у насъ въ силѣ еще въ XV в.“ (см. Суд. 1497 г., ст. 55). Но это—недоразумѣніе. Продажею именуется всякая денежная плата, взыскиваемая понудительными мѣрами: уголовный штрафъ и частное вознагражденіе (см. Пск. Судн. Гр. 1, 27 и т. д.). Суд. 1-й (ст. 10), говоря о татьбѣ, совершенной въ 1-й разъ, назначаетъ за нее въ наказаніе торговую казнь: „да исцево на немъ доправя да *судьи его продати*; а не будетъ у того татя статка, чѣмъ исцево заплатити, ино... исцу его выдать *въ его гибели* головою на продажу“. Такимъ образомъ выходило бы, что за удовлетвореніемъ частнаго истца виновный отдается въ холопство судьѣ. Суд. 1-й (ст. 35) запрещаетъ недѣльщику, у котораго сидятъ тати (арестанты), освобождалъ ихъ на поруку безъ докладу и „продавать ихъ“; Суд. 2-й, вмѣсто слова „продати“, ставитъ „спродати“ (ст. 54), чѣмъ съ несомнѣнностію указывается, что здѣсь дѣло идетъ объ освобожденіи преступниковъ недѣльщиками за плату. Такое значеніе словъ „на продажу“ подтверждается вполнѣ актами эпохи 1-го Судебника; см., напр., дѣло объ убійствѣ 1539 года (Рус. Ист. Библ. II, № 156), гдѣ несостоятельный выдается „головою до искупа“; см. также Ак. Юр. № 10—1503 г. и мн. другихъ. Что касается до временъ болѣе раннихъ (XIV в.), то по недостатку источниковъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ съ полною несомнѣнностію; если князья въ договорныхъ грамотахъ говорятъ о людяхъ, которые достались имъ въ *вину*, то подъ этимъ выраженіемъ слѣдуетъ понимать вину уголовную: гражданскій долгъ не назывался виною. Эти факты и доводы, изложенные въ прежнемъ изданіи нашей книги, для проф. Дьяконова (Ж. М. Ю. 1900 г., III, стр. 330) оказались недостаточными; мы говоримъ, что рабство, по Рус. Правдѣ, наступаетъ при *конкурсѣ* (когда отработка долга поочередно каждому изъ многочисленныхъ кредиторовъ, очевидно, являлась бы нелѣпостью, особенно при обширномъ кредитѣ купца), при чемъ несостоятельный дѣлается рабомъ не своихъ кредиторовъ, а того, кто купитъ его на торгу; мы высказываемъ предположеніе, что, по Рус. Правдѣ, и несостоятельность въ отношеніи къ одному кредитору могла повести къ полному рабству, но несостоятельность *вполнѣ безнадежная*; затѣмъ утверждаемъ, что, по Московскому законодательству, это послѣдствіе не наступало никогда, такъ какъ выраженія Суд. 1-го ст. 55 и Суд. ц. ст. 90 тождественны („выдати головою на продажу“ и „выдати исцу головою до искупа“); если мы въ доказательство этой тождественности ссылаемся на акты въ періодъ дѣйствія Суд. 1-го (нач. XVI в.), гдѣ ясно означается способъ взысканія съ несостоятельнаго, именно выдача головою до искупа, то для того, кто рѣшился снова дебатировать этотъ рѣшенный сюжетъ, было обязательно или опровергнуть указанные факты и соображенія, или согласиться съ нами; онъ не дѣлаетъ ни того ни другого и соглашается съ проф. Сергѣевичемъ,—... sed magis amica veritas. Нельзя принять за убѣдительный доводъ слѣд. возраженія: ст. 55 Суд. 1-го заимствована изъ Рус. Правды, а потому де все, что есть въ ст. Судебника 1-го должно

Кромѣ этихъ обязательствъ, влекущихъ холопство, надо указать еще на договоръ купли-продажи, какъ на первоначальный источникъ его, т. е. на самопродажу. Въ Русской Правдѣ на ея существованіе нѣтъ указаній, но изъ того, что Судебниками (Суд. 1-й, ст. 76; Суд. ц., ст. 66) она допускается, можно предположить существованіе ея и прежде; вообще же большого значенія она не имѣла и къ XVII вѣку совершенно исчезла.

Преступленія ведутъ къ рабству въ трехъ случаяхъ: 1) въ наказаніе за извѣстныя преступленія полагалось полное лишеніе правъ (*потокъ*—лишеніе личныхъ правъ, и *разграбленіе*—лишеніе правъ имущественныхъ); при этомъ могло наступить и лишеніе жизни, но обыкновенно примѣнялось лишеніе свободы: преступникъ дѣлается рабомъ князя (Договоръ Смоленскаго князя съ нѣмцами 1229 г. ст. 11: „если разгнѣвается князь на своего человѣка, и отниметъ все, и жену и дѣтей въ холопство, то напередъ надо уплатить долги его нѣмцу“); 2) если преступникъ оказывается несостоятельнымъ для уплаты денежныхъ взысканій или штрафовъ за преступленіе, то онъ поступаетъ въ рабство или къ князю, или къ потерпѣвшему; 3) для закупа всякое преступленіе вело къ полному холопству: если закупъ, укравши что-либо, убѣжитъ, то господинъ его не отвѣчаетъ; но если онъ будетъ пойманъ, то предоставляется выбору господина или

быть то же, что было въ Рус. Правдѣ; но вѣдь Суд. цар. также черпаетъ изъ Рус. Правды (или изъ Суд. 1-го, что въ данномъ случаѣ одно и тоже), между тѣмъ въ немъ ясно сказано: „выдати... до искупа“. Нельзя также не считать простымъ недоразумѣніемъ слѣд. довода: „значеніе продажи (указанное нами) не подлежитъ сомнѣнію; но также несомнѣнно, что они (термины „на продажу“) употреблялись въ сдѣлкахъ купли-продажи за все это время“. Кто же здѣсь продавецъ и кто покупатель? Судья выдаетъ несостоятельнаго кредитору; неужели судья есть продавецъ? Нашу аргументацію можно было бы подтвердить большимъ количествомъ опубликованныхъ актовъ, напр., правою грамотою 1535 г. янв. 17 по дѣлу о взысканіи Казнаковымъ съ Кулешева $2^1/_2$ рублей; когда должникъ призналъ долгъ на судѣ, то на вопросъ судьи: „деньги тебѣ заплатить мочно-ль? А порука и переводъ по тебѣ въ денгахъ есть-ли?“ отвѣчалъ: „денегъ, господине, мнѣ заплатити не мочно, а поруки, господине, и перевода по мнѣ въ деньгахъ нѣтъ“. Судья велѣлъ „недѣльщику Летягѣ Измайлову выдать отвѣтчика Петрушку, Емельянова сына, ищеѣ Ивану Михайлову (представителю кредитора), человѣку Казнакова, въ его иску полутретьехъ рублехъ по кабалѣ съ росты до искупа головою“. Приведя тотъ же фактъ (для другой цѣли) г. Лаппо-Данилевскій говоритъ: „случай подобнаго рода можно было легко подвести подъ 55 ст. Судебника 1497 года. И дѣйствительно, согласно ей судья рѣшилъ дѣло“ („Разысканія...“ стр. 30). Не одинъ г. Лаппо-Данилевскій, но и всякій непредубѣжденный скажетъ то же; но для непредубѣжденныхъ было достаточно и нашихъ прежнихъ доводовъ, а потому плодить ихъ признаемъ дѣломъ совершенно безполезнымъ и считаемъ этотъ сюжетъ покончennымъ.

Проф. Сергѣевичъ утверждаетъ, что „возможность для должника сдѣлаться рабомъ существуетъ и въ XVII в... Людей, стоявшихъ на правежѣ можно было желающимъ выкупить... Если въ записи ничего не говорилось о срокѣ, въ теченіе котораго выкупленный долженъ былъ служить во дворѣ лица, заплатившаго за него долгъ, въ такомъ случаѣ судьи, если возникалъ споръ, должны были присуждать должника вѣчно оставаться въ работѣ“ (ibid, стр. 144). Но, во–1–хъ, здѣсь отношенія установляются записью (договоромъ), во–2–хъ, „отдавать во дворъ“ еще не значитъ отдавать въ рабство (съ чѣмъ, впрочемъ, согласенъ и самъ проф. Сергѣевичъ).

уплатить штрафъ и обратить закупа въ полнаго холопа (какъ нарушившаго обязательство), или же продать его и изъ вырученныхъ денегъ вознаградить потерпѣвшаго, а остальное взять себѣ въ удовлетвореніе нарушеннаго обязательства (Русская Правда, Кар. ст. 75). Въ Московскомъ правѣ преступленія уже не ведутъ къ холопству. Несостоятельный преступникъ въ эпоху Судебниковъ выдавался головою истцу (до искупа), но въ эпоху Уложенія и это было отмѣнено. Рабство за преступленія было почти во всѣхъ случаяхъ замѣнено лишеніемъ жизни.

Изъ производныхъ источниковъ холопства самымъ важнымъ является купля-продажа рабовъ (а не самопродажа, которая принадлежитъ къ первоначальнымъ источникамъ). Сдѣлка, купли-продажи, по Русской Правдѣ, считается состоявшеюся, хотя бы покупщикомъ былъ данъ незначительный задатохъ, но въ присутствіи самого продаваемаго раба (Кар. ст. 119). Этимъ выражается какъ бы необходимость согласія раба на его продажу, чѣмъ отличаются права на рабовъ отъ вещнаго права.

Виды холопства. Изъ предыдущаго можно было видѣть, что существовало рабство двоякаго рода: временное и вѣчное или, иначе, *неполное* и *полное* [1]). Рабство перваго рода отличалось отъ второго не только продолжительностію, но и существомъ правъ господина. Въ эпоху Русской Правды временное холопство опредѣлялось срокомъ дѣйствія обязательства, изъ котораго оно возникло, въ Московскомъ же правѣ (съ очень ранней эпохи) оно получило опредѣленность независимо отъ обязательствъ, именно сдѣлалось пожизненнымъ; предѣлъ его обозначался не только смертію холопа, но и смертію его господина, не переходя на наслѣдниковъ того и другого. Этотъ видъ рабства сдѣлался особеннымъ (sui generis) и самостоятельнымъ подъ названіемъ служилой кабалы. Онъ возникаетъ уже по особому договору (кабалѣ) независимо отъ договора займа или личнаго найма, хотя прежніе признаки личнаго заклада за долгъ все-таки сохраняются. Такое древнее понятіе служилой кабалы въ первый разъ оформлено въ законѣ 1597 г.

Права господина на кабальнаго отличались отъ его правъ на полнаго холопа отсутствіемъ права распоряженія; но кабальное холопство вообще представляло путь весьма скользкій къ полному холопству. Могло ли кабальное холопство повести къ полному? Извѣстно, что въ Москов. государствѣ до 1597 г. было множество случаевъ владѣнія холопами безъ крѣпостей, т. н. „старинныхъ“. Какой первоначальный источникъ можно предположить для такого вида холопства? Конечно, можно думать, что крѣпости на такихъ людей утратились, но можно также думать, что холопство могло образоваться путемъ давности. Если кабальный холопъ перешелъ по наслѣдству, что можно доказать духовною грамотою, и при

[1]) Проф. Сергѣевичъ (Юр. Др. I, 140) говоритъ, что составитель Рус. Правды „различилъ два вида холопства, обельное и полное“; но обельное и есть полное (послѣдній терминъ въ Рус. Правдѣ не встрѣчается); видъ неполнаго холопства—закупничество—проф. Сергѣевичъ не признаетъ таковымъ.

этомъ не протестовалъ (допустилъ такой переходъ), то онъ превращался изъ кабальнаго въ полнаго [1]). Правительство принимало мѣры противъ перехода кабальныхъ холоповъ въ полные, для чего установлена была спеціальная форма укрѣпленія ихъ у постельничаго; было воспрещено брать кабалу на отца и сына вмѣстѣ, а также на брата съ братомъ и дядею съ племянникомъ, чтобы такимъ образомъ фактически кабальное холопство не обращалось въ вѣчное, полное [2]).

Въ XVII в. источники полнаго холопства исчезли почти всѣ.

Укрѣпленіе холопства. Первоначально государство не вмѣшивалось въ отношенія рабства; въ періодъ Русской Правды нѣтъ ясныхъ слѣдовъ укрѣпленія государственною властью правъ господина на новоприобрѣтеннаго раба: извѣстно только, что пріобрѣтеніе раба посредствомъ купли требовало особаго условія въ формахъ заключенія договора, но это не означало еще вмѣшательства государства. Проф. Сергѣевичъ, относя ст. 119 Кар. сп. Р. Пр. не къ куплѣ-продажѣ холопа отъ сторонняго владѣльца, а къ самопродажѣ холопа, полагаетъ, что выраженіе „ногату дасть“ означаетъ не задатокъ, а пошлину, и видитъ здѣсь свидѣтельство объ укрѣпленіи холопства въ эпоху Р. Пр. Въ доказательство того же можно привести то, что въ нѣкоторыхъ спискахъ Р. Пр. при перечисленіи пошлинъ упоминается пошлина „отъ головы“. Но всѣ эти указанія не ясны и сомнительны. Лишь въ Московскомъ правѣ начали устанавливаться особыя формы государственнаго укрѣпленія, въ чемъ выразилось, что государство придаетъ значеніе этому институту и беретъ его подъ свою опеку. Сначала, до 1568 года, укрѣпленіе холопства совершалось или въ Москвѣ (у казначеевъ), или въ провинціяхъ у намѣстниковъ съ судомъ боярскимъ, т. е. такихъ, которымъ ввѣрялась вся полнота централной власти. Прочіе намѣстники, не обладавшіе правомъ высшаго уголовнаго суда, не могли и укрѣплять холопства. Но, по второму Судебнику, и намѣстники перваго рода не могутъ выдавать правыхъ и „бѣглыхъ“ грамотъ на холопство, а только полныя и докладныя. Въ 1586 и особенно въ 1597 году выданы закономъ подробныя правила укрѣпленія какъ для новыхъ будущихъ случаевъ, такъ для возобновленія старыхъ крѣпостей. По этимъ указаніямъ, укрѣпленіе должно совершаться въ Москвѣ, въ холопьемъ приказѣ, а въ городахъ—у приказныхъ людей.

---

[1]) Въ этомъ именно смыслѣ (гипотетически) можно истолковать статьи обоихъ Судебниковъ о духовной грамотѣ, какъ источникѣ холопства (Суд. 1, ст. 66) и Суд. 2, ст. 67), которыя, впрочемъ, могутъ имѣть и другой (общепринятый) смыслъ, а именно тотъ, что по духовной холопъ принадлежитъ тому изъ наслѣдниковъ, кому онъ назначенъ въ духовной. Въ видѣ предположенія мы выразили первую догадку въ своемъ толкованіи ст. 67 ц. с. (Христ. Вып. II, изд. 1887 г., стр. 163), употребивъ такія оговорки: „*повидимому*, дается (такой) смыслъ“; „если принять духовную за одинъ изъ источниковъ рабства“... Между тѣмъ проф. Сергѣевичъ (Р. Юр. Др. I, 145, прим.) приписываетъ намъ эту мысль, какъ положительное утвержденіе, и затѣмъ излагаетъ извѣстное общепринятое толкованіе, указанное тогда же и нами.

[2]) См. Дополн. Н.

Юридическое положеніе холоповъ *и права господина на холопа.* Относительно *правоспособности* холоповъ такъ же, какъ относительно правъ на нихъ господина, въ нашихъ памятникахъ замѣчается двойственность. По однимъ источникамъ, опредѣляющимъ юридически положеніе холоповъ, послѣдніе лишены всякой правоспособности; по другимъ же, говорящимъ о фактическомъ положеніи ихъ, они являются надѣленными нѣкоторыми правами. Русская Правда не допускаетъ для холопа права собственности и вообще имущественныхъ правъ (кромѣ права на peculium, т. е. на то, что находится всегда на немъ и съ нимъ); по ея постановленіямъ, если рабъ въ бѣгахъ пріобрѣтетъ имущество, то, такъ какъ онъ самъ принадлежитъ господину, и долги, которые онъ можетъ сдѣлать, падаютъ на господина, то и пріобрѣтенное имущество принадлежитъ господину же Холопы не могутъ по закону вступать въ самостоятельныя обязательства: по Русской Правдѣ, если холопъ задолжаетъ, то господинъ обязанъ или уплатить долги, или выдать кредитору самого холопа, если только кредиторъ не зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ холопомъ, въ противномъ случаѣ онъ лишался своихъ денегъ (Рус. Пр. Кар. 128—129 [1]). Наконецъ,

[1]) Полагаютъ (проф. Сергѣевичъ: Рус. Юр. Древн. т. I, стр. 116 и слѣд.), что между Рус. Правдою и современными ей памятниками нѣтъ противорѣчія въ ученіи о правахъ холоповъ, именно: „Въ Русской Правдѣ (будто бы) нѣтъ никакихъ запрещеній"; законъ ограждаетъ лишь интересы владѣльцевъ отъ обманныхъ сдѣлокъ рабовъ за счетъ владѣльцевъ. Законъ Рус. Правды (Кар, 127) очень точенъ: „Если холопъ выжетъ (обманомъ получитъ) деньги, и кредиторъ давалъ деньги, не зная (о рабскомъ состояніи контрагента), то господинъ долженъ или выкупить его (т. е. заплатить долгъ), или выдать холопа кредитору; если же кредиторъ, зная (о холопствѣ должника), далъ деньги, то *онъ лишается ихъ*". Говорятъ, что „отсюда не слѣдуетъ, что за рабомъ признается право не платить долги". Полагаемъ, что несомнѣнно слѣдуетъ именно этотъ выводъ, въ виду точнаго выраженія закона; иначе въ постановленіи Рус. Пр. было бы сказано: искать не съ господина, а съ самого холопа. Сверхъ того, предполагая противное, не было бы никакого основанія обратить искъ на господина въ томъ случаѣ, когда кредиторъ *не зналъ* о рабскомъ состояніи контрагента. Здѣсь нѣтъ предположенія о порученіи холопу сдѣлки со стороны господина, ибо въ этомъ есть другая—слѣдующая статья (128): „Если кто пуститъ холопа въ торгъ, и холопъ задолжаетъ, то господинъ обязанъ платить (выкупить) и не можетъ отдѣлаться выдачею холопа". Н. Н. Дебольскій (стр. 69) отмѣчаетъ особенность (весьма сомнительную) древняго права, будто бы допускавшаго дѣеспособность болѣе широкую, чѣмъ правоспособность. Полагаемъ, что способность совершать юридическія дѣйствія есть одна изъ важнѣйшихъ принадлежностей правоспособности. Дѣйствія неправоспособныхъ или идутъ взачетъ другихъ правоспособныхъ лицъ, или ничтожны. Если, по римскому праву, сдѣлка, совершенная холопомъ, создавала для него, *по освобожденіи*, obligatio naturalis, то это отнюдь не доказываетъ его права совершать сдѣлки отъ своего имени и за свой счетъ *въ состояніи рабства*. Впрочемъ примѣненія римскихъ началъ къ ст. 127 и 128 Рус. Правды могутъ считаться лишь натяжкою. Различіе „попущенія" отъ „порученія" (господиномъ рабу) есть простое недоразумѣніе: „попущеніе" („пустить въ торгъ") должно чѣмъ-нибудь обнаружиться (порученіемъ), иначе не будетъ основаній для полнаго удовлетворенія иска господиномъ. Это въ особенности ясно при сличеніи 127 ст. Рус. Пр. съ 128-ю; въ первой никакого „согласія господина post factum" на сдѣлку раба нѣтъ, а есть обязанность господина или удовлетворить контрагента, или выдать раба; тутъ, очевидно, „попу-

холопы не допускаются закономъ къ по лушеству на судѣ (Р. Пр. Кар. 99), кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ исключеній. Такова правоспособность рабовъ по опредѣленію закона. Фактически же они вовсе не были такъ безправны, что мы можемъ видѣть изъ другихъ памятниковъ. Въ договорѣ 1229 г. говорится, что, если нѣмецъ дастъ княжему холопу или другому доброму человѣку деньги въ долгъ, а онъ умретъ, не заплативши ихъ, то тотъ, кто получаетъ его наслѣдство, долженъ платить нѣмцу. Здѣсь холопъ уравнивается „доброму человѣку“ и ему приписываются права входить въ обязательства, владѣть имуществомъ и передавать его по наслѣдству. По новгородскому законодательству, холопъ обладаетъ и процессуальными правами иска, отвѣта и свидѣтельства (противъ холоповъ же; Нов. С. Гр. 12). По Договорамъ Новгорода (1195 г.) и Смоленска (1229 г.) съ нѣмцами, насиліе надъ рабынею есть дѣяніе наказуемое, какъ преступленіе противъ *чести*. Когда въ договорахъ между князьями постановлялось: „А хто холопъ или раба иметъ ся тягати съ осподаремъ“, то здѣсь разумѣется *искъ о свободѣ* предъ властями другого княжества, куда перешелъ отвѣтчикъ. Иски о свободѣ всегда допускались, какъ единственное средство противъ насильственнаго закабаленія. Быть можетъ, въ приведенныхъ выше случаяхъ разумѣются именно „княжіе холопы“, которые,

---

щенія“ не предполагается, тогда какъ въ ст. 128, гдѣ попущеніе на лицо (по нашему—порученіе), хозяинъ не можетъ отдѣлаться выдачею раба, а долженъ полностію удовлетворить по обязательству раба, какъ собственному (ибо кредитъ хозяина и субстратъ сдѣлки можетъ далеко превышать цѣнность раба). Во всѣхъ случаяхъ искъ обращается къ хозяину, а не къ рабу, и выдача раба не означаетъ выступленіе раба отвѣтственнымъ лицомъ, а уплату кредитору со стороны хозяина личностью раба. Вообще эти статьи Рус. Правды совершенно ясны и не нуждаются ни въ какихъ перехитренныхъ толкованіяхъ, которыя только затемняютъ дѣло. Точно формулированный законъ Рус. Правды противорѣчилъ бытовымъ явленіямъ; такое обстоятельство не есть какая-либо невозможная странность; оно встрѣчается нерѣдко, особенно если законъ формулируетъ какую-либо норму при помощи чужого (въ данномъ случаѣ—византійскаго) права. Изъ остальныхъ законодательныхъ памятниковъ древности ссылка Н. Н. Дебольскаго на Новгородскую Судную Грамоту особенно неудачна. Въ этой грамотѣ между прочимъ рѣчь идетъ объ обвиненіи какого-либо „человѣка“—владычняго, боярскаго, купецкаго, монастырскаго, кончанскаго, улицкаго—все равно въ уголовныхъ правонарушеніяхъ или въ холопствѣ, т. е. въ томъ, что холопъ выдаетъ себя за свободнаго (между тѣмъ Дебольскій говоритъ: „холопство не вина“ (!!); власти (владычній волостель, монастырскій заказчикъ и пр., а также власти концовъ и улицъ города) обязаны выдать обвиняемаго. Очевидно, рѣчь идетъ объ обвиняемыхъ свободныхъ лицахъ, проживающихъ на землѣ частныхъ владѣльцевъ. Улицы и концы города не владѣли холопами. Между тѣмъ Дебольскій счелъ въ этомъ случаѣ терминъ „человѣкъ“ тожественнымъ съ терминомъ „холопъ". Отсюда и пошла путаница въ родѣ вопроса: „Что же холопа обвинять въ холопствѣ?“ Отсюда и неправильное толкованіе статей 37 и 38-й (первая говоритъ о тѣхъ свободныхъ лицахъ, которыя, будучи обвинены по уголовному дѣлу, успѣли скрыться и дать на себя грамоту въ холопство кому-либо; такое лицо преслѣдуется, не какъ холопъ, а какъ свободный, какимъ онъ и былъ въ моментъ состоявшагося надъ нимъ приговора; а ст. 38-я опять говоритъ о свободномъ „человѣкѣ“ и не имѣетъ никакого отношенія къ холопству).

дѣйствительно, не только равнялись по правамъ съ свободными лицами, но и превосходили ихъ.

Въ Московск. государствѣ холопы пользуются правами личными, именно на честь (Суд. цар. 26; Ул. X, 94). Что касается имущественныхъ правъ, то холопы княжіе (великихъ и удѣльныхъ князей) владѣютъ вотчинами, купленными и пожалованными (А., от. до юр. быта I, № 130 и др.). Люди боярскіе также владѣли вотчинами по пожалованіямъ своихъ господъ; даже болѣе: слугами бояръ были нерѣдко богатые вотчинники древняго благороднаго происхожденія: по свидѣтельству Аврамія Палицына, бояринъ Борисъ Годуновъ и его родственники и клевреты привели къ себѣ въ неволю на службу въ домы свои многихъ не только изъ простыхъ, но и почетнѣйшихъ людей со многими имѣніями, съ селами и вотчинами ихъ. Иногда въ дарственныхъ на землю какому-либо помѣщику даритель обязывалъ этого послѣдняго, „чтобы онъ съ тою деревнею не отдавался въ холопы“ безъ вѣдома собственника (Ак., отн. до юр. быта, № V, 63 и № XVI). Такіе слуги сами владѣли холопами; Улож. ц. А. М. упоминаетъ въ числѣ рабовладѣльцевъ между прочимъ „дворовыхъ людей“ (XX, 4). Но все это уже не холопы, а скорѣе кліенты (см. выше стр. 381—382). Но въ московскомъ періодѣ многія права распространены (фактически) и на простыхъ холоповъ частныхъ лицъ, особенно того разряда ихъ, который называется *задворными холопами*, т. е. испомѣщенными на земляхъ господина. Они уже по одной необходимости имѣютъ право на движимое имущество („животы“), необходимое при обработкѣ земли; оно послѣ ихъ смерти переходитъ по наслѣдству къ ихъ родственникамъ. Обязятельства, заключенныя ими, признаются закономъ (Ук. 1624 и 1628 гг.). Указаній о правахъ холоповъ по обязательствамъ изъ договоровъ можно отыскать въ источникахъ весьма значительное количество (см., напр., Ак. юр. № 237). Улож. ц. Алексѣя Михаиловича упоминаетъ о холопахъ, владѣющихъ лавками и дворами въ посадахъ (и запрещаетъ это: XIX, 15—16). Законъ, 1582 г. говоритъ о холопахъ, какъ истцахъ и ходатаяхъ по дѣламъ, обращающихъ адвокатуру въ свое ремесло [1]). Все это показываетъ, что на практикѣ холопы обладали нѣкоторыми правами, и что права ихъ росли съ теченіемъ времени.

---

[1]) Въ означенномъ указѣ говорится объ искахъ *за себя*..., или за кого иного: отсюда слѣдовало бы, что холопы имѣютъ право иска по своимъ собственнымъ дѣламъ (что и признаетъ Ѳ. М. Дмитріевъ); но въ законѣ 1582 г. допущена грамматическая двусмысленность: „холопей боярскихъ *и иныхъ чиновъ людей*“... что можно понимать или такъ: холоповъ, принадлежащихъ какъ боярамъ, такъ и людимъ другихъ классовъ...; или такъ: боярскихъ холоповъ и (свободныхъ) людей другого состоянія. Мы отмѣтили эту *сомнительность* въ своемъ толкованіи означеннаго закона (Христ. по ист. рус. пр. III, 35). Проф. Сергѣевичъ, напротивъ, убѣжденъ, что здѣсь возможно только первое толкованіе (Рус. Юр. Др. I, 130, прим.); но согласиться съ этимъ отнюдь нельзя: въ томъ же указѣ читаемъ: „А которые дѣти боярскіе, бѣгая отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ“... Остается *сомнительнымъ*, могли ли холопы лично искать по своимъ дѣламъ, и не относятся ли слова указа къ ходатаямъ изъ свободныхъ состояній.

Что касается *правъ господина на холопа*, то первоначально они ничѣмъ не были ограничены. Нѣкоторые слѣды ограниченій замѣчаются съ христіанской эпохи, но эти ограниченія, болѣе нравственнаго, чѣмъ юридическаго характера [1]). Въ Двинской Уст. Гр.—памятникѣ XIV в.—говорится, что, „если господарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу и случится смерть, въ томъ намѣстники не судять и штрафа не берутъ“ (Уст. Двин. грам., ст. 11). Изъ этого можно вывести или, что убійство холопа считалось грѣхомъ, или же, что непредумышленное („огрѣшится“—ошибется) убійство его не караетя штрафомъ. Во второмъ случаѣ спеціальное упоминаніе объ отсутствіи штрафа за непредумышленное убійство холопа заставляетъ думать о существованіи штрафа за намѣренное убійство его. По уложенію ц. Алексѣя Михаиловича, господинъ уже не имѣетъ права на жизнъ своего холопа: „кому выдадутъ вновь его бѣглаго холопа, то господину приказать накрѣпко, чтобы онъ того бѣглаго своего человѣка до смерти не убилъ и не изувѣчилъ и голодомъ не уморилъ“ (XX, 92). Еще ранѣе закономъ было опредѣлено право холоповъ требовать отъ своего господина прокормленія во время голода (ук. 1603 г. и дано имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ право иска (напр., рабынѣ-наложницѣ) противъ своего господина (Ул. XX, 80). Наконецъ, указомъ 1606 г. было установлено, что господинъ обязанъ выдавать замужъ своихъ рабынь по достиженіи ими 18-лѣтняго возраста, женить холоповъ, достигшихъ 20 лѣтъ, и овдовѣвшую рабыню вновь выдать замужъ по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ смерти ея мужа.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что права господъ все ограничиваются, и рабство получаетъ все болѣе и болѣе мягкій характеръ. Этому смягченію содѣйствовали многія условія, главнѣйшимъ же образомъ слѣдующія три. 1) Относительная національная мягкость славянскаго права вообще. 2) Болѣе значительнымъ условіемъ было проникновеніе и распространеніе на Руси христіанскаго ученія и его началъ. Подъ вліяніемъ этого ученія, какъ ученія моральнаго (а не политическаго и юридическаго), юридическіе институты, не гармонирующіе съ нимъ, не уничтожаются, а только получаютъ извѣстный, соотвѣтствующій характеръ. Въ дошедшихъ до насъ поученіяхъ, и вообще въ духовной литературѣ мы дѣйствительно видимъ, что церковные учители стремятся всѣми силами ослабить рабство, смягчить отношенія господъ къ холопамъ. Въ виду человѣческаго и религіознаго равенства всѣхъ людей, они (еп. Лука, митр. Іоаннъ и др.) требовали отъ господъ давать рабамъ достаточное содержаніе, регулировали право наказанія (отъ 6 до 30 ударовъ лозою, по ученію XIII в., „а больше 30 ранъ

[1]) Въ статьяхъ, заимствованныхъ изъ Византійскихъ источниковъ, но приписываемыхъ къ Рус. Правдѣ, между прочимъ читаемъ: „Аще кто бьетъ раба своего или рабу свою жезломъ, а умреть отъ руку его, судомъ за ся мьстить (т. е. подлежитъ уголовной отвѣтственности). Аще ли пребудетъ день или два, да не мститъ, свое бо есть имѣніе“ (т. е. смерть, послѣдовавшая не тотчасъ за побоями, не влечетъ наказанія).

не велимъ"), запрещали увеличивать выкупную плату за раба (сравнительно съ покупкою), продавать раба-христіанина не христіанину и вообще совѣтовали относиться къ нимъ по-человѣчески. Іосифъ Волоцкій изобличаетъ тѣхъ, которые „только обременяютъ холоповъ работою и паказываютъ ударами, а одежды и пищи не даютъ, голодомъ морятъ и о душахъ ихъ не заботятся, между тѣмъ какъ мы всѣ одинаковы и по тѣлу и по душѣ". Особенно ярко выразилось ученіе церкви и обычнаго права о рабахъ въ Домостроѣ, гдѣ они приравниваются къ членамъ семьи. Все это не могло, конечно, не оказать сильнаго вліянія на весь институтъ рабства. 3) Наконецъ, послѣдней немаловажной причиной смягченія рабства было измѣненіе государственныхъ интересовъ. Очищаясь отъ началъ частныхъ, государство не находитъ для себя выгоднымъ укрѣплять массы гражданъ за единицами и, усиливая нѣкоторыхъ, ослаблять самого себя. Переставъ дорожить этимъ институтомъ, государство перестало и поддерживать его законодательными мѣрами.

Освобожденіе холоповъ. Освобожденіе холоповъ отъ рабства бываетъ или *по волѣ господина*, или при извѣстныхъ обстоятельствахъ *по требованію закона*. Освобожденіе по закону, какъ видно изъ памятниковъ, существовало только въ Московскомъ правѣ; въ первомъ же періодѣ исторіи нашей практиковалось одно освобожденіе *по волѣ господина*. Сперва мотивомъ освобожденія былъ только *выкупъ* за деньги. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что и тогда были случаи дарового освобожденія, преимущественно предъ смертію, по духовной господина—случаи, особенно умножившіеся съ принятіемъ христіанства подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя, какъ указано выше, содѣйствовали смягченію рабства. Впослѣдствіи это перешло въ обычай: нерѣдко по завѣщанію умирающій освобождалъ всѣхъ своихъ рабовъ, и, почти по общему обычаю, всякій освобождалъ по крайней мѣрѣ часть ихъ. То же нерѣдко примѣнялось по случаю какого-либо торжественнаго событія. Освобожденный получалъ обыкновенно „надѣлокъ", который въ большинствѣ случаевъ состоялъ изъ коня съ сбруею и платья; но все-таки оставался въ домѣ своего господина и въ нѣкоторой зависимости отъ него или его наслѣдниковъ. Въ Московскомъ государствѣ такой зависимости уже не существовало: законъ требуетъ отъ освобожденаго обязательнаго выхода изъ дома его господина подъ страхомъ новаго обращенія въ холопство. Господинъ обязанъ при освобожденіи холопа при жизни выдать ему за своей подписью отпускную грамоту; при освобожденіи же по завѣщанію такую грамоту выдавалъ душеприказчикъ. Эти грамоты укрѣплялись въ приказахъ, а въ городахъ—у намѣстниковъ, имѣвшихъ право боярскаго суда. Освобожденіе *по закону*, какъ уже сказано, встрѣчается только въ памятникахъ Московскаго права. Оно слѣдуетъ при извѣстныхъ отношеніяхъ или господина къ рабу, или господина и раба къ государству. Къ первому роду относятся слѣдующіе случаи (упомянутые выше: 1) если во время голода господинъ, не желая содержать холоповъ, прогналъ ихъ, то правительство освобождало ихъ (Улож. XX, 41, 42); 2) освобожденіе наступало также въ томъ случаѣ, если господинъ не вы-

давалъ замужъ, или не женилъ достигшихъ узаконенныхъ лѣтъ рабовъ (дѣв. 18 л. и парень 20 л.), а также препятствовалъ выходу вдовы въ новое замужество по прошествіи 2 лѣтъ послѣ смерти ея мужа, и 3) холопъ, принявшій христіанскую религію, становится свободнымъ, если его господинъ оставался некрещенымъ (Улож. XX, 71) [1]). Изъ отношеній второго рода освобожденіе возникаетъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 4) Если холопъ захваченъ въ плѣнъ и потомъ убѣжалъ или какимъ-либо образомъ освободился изъ плѣна, то онъ остается уже свободнымъ (Суд. пер. разумѣетъ только плѣнъ татарскій; Цар. Судебникъ и Уложеніе—всякій). Въ этомъ выразилась полная противоположность воззрѣній новыхъ народовъ античнымъ (гдѣ постлиминія имѣла всегда строгій характеръ). Холопы разсматриваются, уже, какъ граждане, потерпѣвшіе за свое отечество. 5) Наконецъ, освобожденіе холопа наступало и *по винѣ* его господина, именно въ случаѣ обвиненія его въ политическомъ преступленіи, какъ, напр., въ измѣнническомъ отъѣздѣ въ другое государство (Улож. XX, 33). Въ этомъ надо видѣть послѣдствія прежней полной конфискаціи. Если вмѣстѣ съ господиномъ перебѣжалъ и холопъ, то по возвращеніи послѣдній (по суд. Царск. 80) не освобождается, развѣ самъ государъ дастъ ему вольную грамоту [2]).

Освобожденіе убѣжавшаго холопа *по давности* вовсе не полагалось: бѣжавщаго господинъ могъ отыскивать когда бы то ни было („холопу и робѣ судъ отъ вѣка“); но пріобрѣтеніе бѣжавшимъ нѣкоторыхъ званій тѣмъ самымъ освобождало его, именно поступленіе въ духовный санъ (Улож. XX, 87); впослѣдствіи, въ XVII вѣкѣ, вступленіе холопа въ бракъ съ лицомъ свободнаго состоянія лишало его господина права надъ его личностью.

Кромѣ того, существовало фактическое освобожденіе—побѣгъ въ степи, въ казачину, Онъ практиковался въ обширныхъ размѣрахъ, но уже далеко не къ пользѣ государства, что́ и показываютъ событія начала XVII в.

Конецъ института рабства и новое его возникновеніе. Въ XVI в. на окраинахъ Русскаго государства образовались свободныя общины казаковъ: донскихъ и днѣпровскихъ. Въ нихъ выразился протестъ противъ существовавшихъ государственныхъ формъ; притомъ у первыхъ протестующихъ элементовъ было меньше, чѣмъ у вторыхъ, что обусловлено было характеромъ жизни государствъ, въ которыхъ они возникли, т. е. Московскаго и Литовско-Русскаго. До начала XVII в. эти общины были полезны для

---

[1]) При этомъ господинъ получаетъ выкупъ въ 15 руб. за человѣка. Но кто платилъ выкупъ? Проф. Сергѣевичъ говоритъ: „давался за нихъ выкупъ“; Уложеніе говоритъ: „И платить тѣ деньги имъ собою“.

[2]) „Опричь того, нѣчто кому государь пожалуетъ дастъ вольную грамоту“; Дебольскій подъ „государемъ“ здѣсь разумѣетъ рабовладѣльца, а „вольную грамоту“ считаетъ „отпускною“; но такой терминологіи не было (см. ст. 72-ю ц. С.). Равнымъ обр. выраженіе „государь пожалуетъ“ есть спеціальный терминъ для актовъ исходящихъ отъ царя.

государства, особенно въ борьбѣ съ мусульманами. Но съ теченіемъ времени усилившіеся побѣги холоповъ въ эти общины увеличили и сдѣлали ихъ опаснымя для государства. Этимъ государство должно бы было быть побуждено къ рѣшенію вопроса о жизни или смерти института холопства, особенно, когда смутное время показало всѣ невыгоды его послѣдствій. Татищевъ и Новиковъ (Древ. Рос. Вивл. XX, стр. 255), дѣйствительно, и указываютъ, что цари Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій издали законы о вольности холопской, но „сіи, получа свободу, употребили оную во зло"; по мнѣнію Татищева, вольность холоповъ и крестьянъ „полезна для государства", но будто бы „съ нашею формою монархическаго правленія не согласуетъ". Въ дѣйствительности же освобожденіе холоповъ не согласуется не съ монархическою властью, а съ интересами бояръ и другихъ владѣющихъ классовъ. Поэтому мы и думаемъ, что Годуновъ и Шуйскій едва ли могли стремиться къ полной эманципаціи, вовсе не соотвѣтствовавшей интересамъ ихъ избирателей; притомъ же они и сами были *бояре*. Поводомъ къ такому извѣстію о Борисѣ могъ послужить дѣйствительно изданный имъ указъ о временномъ позволеніи перехода крестьянамъ (а не холопамъ). Относительно же Шуйскаго извѣстіе это имѣетъ больше основаній, а именно: его указъ о добровольной службѣ и особенно указъ 1609 г. 21 мая, нѣсколько загадочный по своему содержанію, могли быть приняты за эманципаціонныя узаконенія. Указъ 1609 г. говоритъ: „которые дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди держатъ у себя людей по отцовъ своихъ крѣпостямъ, по кабаламъ и докладнымъ, а отцовъ ихъ не стало, и тѣхъ людей велѣлъ государь, по прежнему своему государеву указу, отпущать на волю, и кому они учнутъ на себя давать служилыя кабалы, тому они и холопы". Это не могло относиться къ кабальному холопству, ибо о немъ далѣе въ томъ же указѣ есть особый пунктъ; признаніе правъ господъ только на холоповъ, ими самими пріобрѣтенныхъ, и освобожденіе всѣхъ перешедшихъ по наслѣдству могло бы сильно ослабить холопство. Доказательствомъ дѣйствительнаго примѣненія закона 1609 г. въ указанномъ смыслѣ служатъ акты кабалъ 1610 г., по которымъ человѣкъ даетъ на себя служилую кабалу господину, у котораго онъ и прежде былъ стариннымъ холопомъ: „а въ распросѣ сказалъ: напередъ сего служилъ у него же по старинному въ холопствѣ" (Полн. Собр. Зак., т. I, стр. 121, примѣч. къ Уложенію ц. А. М.). Но во всякомъ случаѣ ни Годуновъ, ни Шуйскій не издавали общихъ узаконеній объ отмѣнѣ холопства. Оно уничтожилось путемъ естественнаго вымиранія за истощеніемъ его источниковъ. Къ началу XVIII вѣка его можно считать окончившимъ свое существованіе.

Но въ то же время возникло новое условіе для оживленія и расширенія его. Петръ I при первой ревизіи велѣлъ вносить въ одну категорію крѣпостныхъ крестьянъ и холоповъ. Такимъ образомъ оба эти состоянія были соединены въ одно. До нѣкоторой степени холопство потеряло свою прежнюю строгость, что иногда только и признаютъ результатомъ этой

мѣры Петра I. Съ другой же стороны, положеніе крестьянъ гораздо больше приблизилось къ холопству; послѣднее заразило его своимъ безправіемъ такъ, что въ концѣ XVIII вѣка оно почти ничѣмъ уже не разнилось отъ прежняго холопства: продажа отдѣльныхъ душъ безъ земли, легкость наказанія за убіеніе крестьянъ, полное лишеніе ихъ имущественныхъ правъ,—все это ничѣмъ не отличало положеніе крестьянъ отъ холоповъ.

Эманципаціонною мѣрою императора Александра II было уничтожено не только крѣпостное состояніе, но вмѣстѣ и прежнее рабство. Только съ 1861 года точно опредѣлилось въ нашемъ гражданскомъ правѣ понятіе лица.

Б.

ИСТОРІЯ РУССКАГО СЕМЕЙНАГО ПРАВА.

Понятіе о семьѣ. Семьею называется сложный союзъ супруговъ между собою и родителей съ дѣтьми. Для бытія семьи (въ теоретическомъ и законодательномъ смыслѣ) достаточенъ одинъ изъ этихъ двухъ союзовъ: семействомъ признаются мужъ и жена, не имѣющіе дѣтей; семейство также можетъ составлять одинъ изъ родителей вмѣстѣ съ дѣтьми. Но въ историческомъ, древне-славянскомъ значеніи для бытія семьи необходимы оба союза: такъ, союзъ супруговъ, не имѣющихъ дѣтей, не выполнялъ понятія семьи, и безплодіе было причиною расторженія брака. По древнимъ законамъ другихъ славянскихъ народовъ, смерть одного изъ родителей прекращала родительскую власть, и дѣти освобождались.

Въ юридическомъ основаніи перваго, т. е. супружескаго, союза лежитъ договорное начало, въ основаніи второго—кровное начало. Но и въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми можетъ присутствовать договорное начало: именно стороннее лицо, посредствомъ договора, можетъ получить значеніе и права сына (усыновленіе или сынотвореніе). Въ древне-славянскомъ значеніи семьи договорное начало преобладаетъ надъ кровнымъ, какъ видно изъ самого термина „семья“, который на древне-русскомъ языкѣ означаетъ товарищество, основанное на договорѣ, соглашеніи: такъ, техническое значеніе слова „семья“ на языкѣ Московскаго законодательства есть „стачка“, „заговоръ“: тогда предписывалось „не семьяниться ни съ кѣмъ на Государя“, т. е. не составлять заговоръ противъ государственной власти; запрещалось на повальныхъ обыскахъ „лгать семьями и заговорами“ (ук. 1556 г. авг. 21; см, ук. кн. вѣд. казначеевъ ст. V, 1). Что здѣсь не имѣются въ виду стачки по семействамъ въ нашемъ смыслѣ доказывается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ тѣхъ же узаконеній слово „семья“ замѣнено словомъ „артель“ (ibid, п. 13). Вообще термины семейнаго и договорнаго права смѣшиваются: люди, совершившіе сдѣлку купли-продажи, называютъ другъ друга сватами.

Преобладаніе договорнаго начала въ семейномъ правѣ древне-русскомъ и вообще славянскомъ (задруга) дало весьма важныя и характерныя отличія славянской семьи отъ семьи древне-римской и германской; именно отсюда проистекаетъ непримѣнимость къ слав. семьѣ понятій potestas и

manus (mundium), и вообще болѣе мягкія формы славянскаго семейнаго права.

Происхожденіе семьи. По теоріямъ новѣйшихъ европейскихъ писателей, семья не есть первоначальный и первый изъ кровныхъ союзовъ: до образованія семейнаго союза, общество жило въ родовомъ и даже племенномъ кровномъ союзѣ, въ которомъ не было индивидуальнаго брака не только моногамическаго, но и полигамическаго: женщины всего племени составляли достояніе мужчинъ всего племени. Такой союзъ можно наименовать *общеплеменнымъ супружескимъ союзомъ*. За этою первою ступенью наступаетъ вторая форма въ историческомъ развитіи кровныхъ союзовъ, именно т. н. *материнское право* (Mutterrecht); тогда племя дѣлится уже на отдѣльныя кровныя группы, каждая подъ властію матери, ибо мать всегда извѣстна, а отецъ неизвѣстенъ. Наконецъ, наступаетъ третья форма кровныхъ союзовъ—это индивидуальный бракъ и семья полигамическая, подъ властію отца-патріарха; отсюда форма общества—*патріархальная*. Объясненія происхожденія этой послѣдней формы изъ двухъ предыдущихъ до сихъ поръ даются весьма неудачныя (что служитъ доказательствомъ малоразработанности и малопригодности для науки выводовъ по этому вопросу).

Такъ, происхожденіе индивидуальнаго брака изъ родового Лёббокъ объясняетъ тѣмъ, что члены племени начали похищать женщинъ отъ чужеродцевъ. Но само это явленіе, въ свою очередь, требуетъ объясненія: почему не довольствовались женщинами своего племени, а прибѣгали къ похищенію? По мнѣнію Макъ-Леннана, это зависѣло отъ обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ (конечно, не всѣхъ). Но это объясненіе недостаточно: несмотря на дѣтоубійство, направленное на дѣвочекъ, взаимное отношеніе числа мальчиковъ и дѣвочекъ все-таки уравнивалось бы, по извѣстному статистическому закону, по которому смертность среди мальчиковъ несравненно выше, чѣмъ среди дѣвочекъ. Поэтому Морганъ даетъ другое объясненіе, именно воспрещеніе браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Но это объясненіе никуда не годится для коммунальнаго брака. Иногда объясняютъ переходъ отъ коммунальнаго брака къ индивидуальному вліяніемъ перехода изъ кочевого быта къ осѣдлому и водворенія земледѣльческаго труда. Не отвергая важности изслѣдованій объ общеплеменномъ бракѣ и материнскомъ правѣ, мы должны признать оба эти явленія доисторическими, относящимися къ эпохѣ животнаго состоянія человѣка и во всякомъ случаѣ ко времени до образованія правовыхъ идей. Семейное право, какъ и всякое другое, первоначально развивается изъ животныхъ инстинктовъ, которые превращаются въ человѣческія учрежденія лишь съ того времени, когда они проникаются сознаніемъ и разумною волею; лишь съ этого момента начинается историческая жизнь общества. Что касается древне-славянскихъ племенъ, то отсутствіе у нихъ коммунальнаго брака и материнскаго права въ историческое время не подлежитъ сомнѣнію. Всѣ факты, которые приводятся въ доказательство существованія этихъ явленій у славянъ, имѣютъ другой смыслъ. Такъ, Козма

Пражскій говоритъ о древнихъ чехахъ, что у нихъ будто бы „брачный союзъ длился лишь съ вечера до зари“; но стихотворное сказаніе Козмы есть поэтическій вымыселъ. Нашъ прозаическій и трезвый лѣтописецъ говоритъ, что „брака у нихъ (Древлянъ) не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця“; значитъ, бракъ былъ, но такой, который вовсе не согласовался съ христіанскими возрѣніями лѣтописца-монаха, именно бракъ, основанный на похищеніи. Подобное же онъ говоритъ о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ, а именно: „браци не бываху въ нихъ, но игрища межи селы: схожахуся на игрища, на плесаніе и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся“ (лѣт. Лаврент.); здѣсь опять описывается бракъ, основанный на похищеніи. Переяславская лѣтопись, на которую иногда ссылаются особенно, есть произвольная перефразировка первоначальной лѣтописи, сама обличающая позднѣйшія христіанскія воззрѣнія автора; онъ разсказываетъ, что древніе славяне браковъ не возлюбили, но сходились на игрища, гдѣ происходило физическое сближеніе половъ, послѣ чего нѣкоторыхъ изъ женщинъ мужчины брали за себя замужъ, а другихъ „поругавше“ оставляли на посмѣяніе до смерти. Здѣсь есть и прямая рѣчь объ индивидуальномъ бракѣ, но, сверхъ того, „посмѣяніе“ надъ брошенными женщинами при коммунальномъ бракѣ невозможно. Еще менѣе историческаго значенія имѣютъ проявленія половыхъ отношеній на народныхъ праздничныхъ сборищахъ въ новѣйшія времена у русскаго народа. Нельзя находить также историческаго свидѣтельства о материнскомъ правѣ у русскихъ въ тѣхъ сказаніяхъ былинъ, въ которыхъ богатыри часто, не упоминая о своемъ отцѣ, говорятъ лишь о матери; въ тѣхъ же былинахъ древнѣйшаго извода богатыри обыкновенно именуются и честятся по отечеству.

Вообще, хотя семья есть явленіе довольно высокой культуры, добытое путемъ долгаго предварительнаго процесса, но славяне уже съ незапамятныхъ временъ вышли изъ дикаго досемейнаго состоянія и мало сохранили о немъ воспоминаній.

1) Союзъ супружескій.

Супружескій союзъ возникаетъ изъ брака и предполагаетъ затѣмъ опредѣленныя юридическія—личныя и имущественныя—отношенія между мужемъ и женою.

Бракъ.

1) **Формы брака въ языческую эпоху.** Какъ видно изъ исторіи возникновенія семьи, *похищеніе* должно быть признано первою формою индивидуальнаго брака. Это именно указывается нашими лѣтописными сказаніями о Древлянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ; такимъ образомъ, похищеніе было господствующею формою брака у многихъ славянскихъ племенъ предъ принятіемъ христіанства, но не у всѣхъ. Въ обрядовой формѣ похищеніе сохранилось до сихъ поръ въ разныхъ краяхъ славян-

скаго міра: такъ, по свадебному обряду великоруссовъ, поѣзжане жениха, отправляясь за невѣстою, приносятъ клятву во взаимной вѣрности такъ, какъ бы отправляясь въ опасный военный походъ: „но цалуй же Божіе милосердіе, щобъ стоять другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь“ (Этногр. Сб. I, 254). II свидѣтельству Вука Караджича, „въ Сербіи доселѣ похищаютъ дѣвицъ: на отмицу (похищеніе) выходятъ съ оружіемъ, какъ на войну, иногда похитители поджидаютъ дѣвушку у стада, или когда она пойдетъ за водою, хватаютъ ее и уводятъ“ („Речникъ“, подъ словомъ „отмица“). Но похищеніе можетъ быть или дѣйствительнымъ, или мнимымъ; послѣднее бываетъ тогда, когда родители и невѣста согласны на бракъ и до похищенія. Въ такой формѣ совершаются браки и теперь у русскихъ—это свадьбы убѣгомъ или уходомъ; то же самое надо сказать о сербской отмицѣ и римскомъ *usus*. Практическое основаніе этого есть желаніе избѣжать сложныхъ и дорогихъ формъ религіознаго брака. Быть можетъ дѣйствительное похищеніе господствовало только уже у однихъ Древлянъ; у прочихъ племенъ похищеніе, повидимому, имѣло уже мнимое значеніе: „съ нею же кто съвѣщашеся“. Съ какого момента возникаетъ бракъ при похищеніи? Если съ момента похищенія, то основаніемъ брака служилъ бы грубый фактъ насилія. Бракъ при похищеніи (какъ показываетъ рим. терм. usus) возникаетъ съ момента истеченія извѣстной давности, правильнѣе съ момента примиренія обѣихъ сторонъ, соглашенія воли, признанія факта.

Вторымъ способомъ заключенія брака въ языческую эпоху была *покупка:* нѣкоторые изъ русскихъ историковъ не признаютъ ея за первоначальную форму, потому что при ней необходимо предположить весьма сильную отцовскую власть, чего нельзя признать при коммунальномъ бракѣ. Однако, продажа могла быть совершена не непремѣнно отцомъ, но и матерью, а также главою рода и родового союза. Послѣднее уцѣлѣло и при переходѣ родовыхъ союзовъ въ государственные, такъ что плата (выводная куница) взимаема была или княземъ, или его мѣстными правителями. Другой способъ происхожденія платы за невѣсту связываетъ его съ похищеніемъ: именно она явилась, какъ слѣдствіе примиренія жениха-похитителя съ родомъ невѣсты, при чемъ первый платилъ второму выкупъ. Несомнѣнно, что покупка была одной изъ древнѣйшихъ формъ у славянъ. Арабскій писатель Казвини говоритъ о руссахъ: „тотъ, у кого родилось двѣ или три дочери, обогащается, тогда какъ имѣющій двухъ—трехъ сыновей дѣлается бѣднякомъ“. Кромѣ того, свидѣтельство о покупкѣ невѣсты, какъ древнѣйшей формѣ брака у славянъ, содержится въ терминахъ брачнаго права: такъ, „вѣно“ (обезпеченіе приданнаго жены на имѣніи мужа) значитъ собственно *цѣна*: „не пять-ли птицъ вѣниться пѣнязема двѣма“, говорится въ древнихъ переводахъ Евангелія. Позднѣйшее вторичное распространеніе ея у сѣверо-руссовъ нужно приписать вліянію татаръ (она и называется *калымомъ*). О нынѣшней обрядовой формѣ покупки у русскаго народа этнографъ Терещенко свидѣтельствуетъ такъ: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ городѣ Нерехтѣ, покупаютъ невѣ-

сту за деньги. Не только бѣдные, но и богатые поселяне почитаютъ себѣ за безчестье отдать дочь безденежно: чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревнѣ. Продажная цѣна называется калымомъ („Бытъ русскаго народа“). У другихъ славянъ эта форма исчезла, и потому бракъ чрезъ покупку сдѣлался характерною особенностью германскаго брака въ отличіе отъ славянскаго. Эта форма брака состоитъ въ передачѣ (за извѣстную цѣну) власти отъ родителей или родственниковъ на женщину ея жениху. Но, судя по нынѣшнимъ свадебнымъ обрядамъ, простая передача купленной невѣсты уже въ древнія времена развилась въ весьма сложныя формы, очень напоминающія римскую форму брака черезъ *coemptio*. Она состоитъ изъ договора предварительнаго (запродажной сдѣлки), который въ свою очередь распадается на два акта: „сватовство“, т. е. осмотръ предмета сдѣлки (невѣсты), чрезъ постороннихъ, и „рукобитье“, т. е. заключеніе сдѣлки самими сторонами. Стороны, заключающія ее, суть родители жениха или самъ женихъ и родители невѣсты. Содержаніемъ сдѣлки служатъ условія о величинѣ выкупа и о срокѣ совершенія брака: форма совершенія ея обыкновенно—словесная и символическая (*„рукобитье, зарученье,* т. е. связыванье рукъ“); сюда впослѣдствіи присоединились нѣкоторыя религіозныя формы (*„богомолье“, „литки“* или пропоины, т. е. языческая жертва чрезъ возліяніе). Плата за невѣсту бываетъ и дѣйствительная (*„выводъ“* или *„кладка“*), получаемая отцомъ невѣсты (уже безъ всякаго участія родовой или общественной власти), и обрядовая *„выкупъ“*, получаемый братомъ невѣсты или подругами ея; но здѣсь также скрывается дѣйствительная продажа, какъ видно изъ слѣдующей свадебной пѣсни:

„Осударь ты мой, ясенъ соколъ, милый братъ,
„Ужъ не кидайкося ты на злато-серебро,
„Ужъ не продавайко ты меня въ цузи людзи“.

(Этногр. Сборн. I. 155).

Самый бракъ при покупкѣ состоялъ только въ передачѣ невѣсты жениху. Для понятія о семьѣ весьма важны вопросы, кто имѣетъ право передавать невѣсту, и что именно передается, личность ли невѣсты или власть надъ нею. Что касается перваго вопроса, то показанія русскаго обычнаго права двоятся: въ западныхъ частяхъ имперіи передаютъ оба родителя, въ восточныхъ—одинъ отецъ; первое совершенно согласно съ двойственною формою родительской власти у славянъ, второе должно быть изъяснено долговременнымъ вліяніемъ татаръ. Передается не невѣста, какъ вещь, а символы власти надъ нею. Въ различіи символовъ выражается разная степень такой власти: такъ, у германцевъ такимъ символомъ служитъ мечъ, а у русскихъ—плеть, т. е. въ послѣднемъ случаѣ передается не право жизни и смерти, а лишь право наказаній.

Уже въ доисторическую эпоху у одного изъ славянскихъ народовъ, именно *Полянъ*, появляется 3-я форма брака, основанная на свободномъ соглашеніи и на религіозныхъ обрядахъ, именно *приведеніе*. Сущность ея, по лѣтописи, состоитъ въ томъ, что не женихъ идетъ въ домъ невѣсты

за нею, а ее приводятъ къ нему въ домъ, и въ томъ, что не онъ платитъ за невѣсту, а за нею приносятъ приданое. Первою чертою приведеніе отличается отъ похищенія, второю—отъ покупки. Но по обрядамъ, понынѣ уцѣлѣвшимъ, можно полнѣе возстановить эту форму: она заключается въ религіозныхъ дѣйствіяхъ. Нынѣшіе свадебные обряды служатъ самымъ вѣрнымъ и самымъ точнымъ историческимъ свидѣтельствомъ о древнеязыческой религіозной формѣ брака, такъ какъ въ нихъ, съ одной стороны, ясно отображаются языческіе религіозные обряды, которые не могли образоваться въ христіанское время, а съ другой стороны, замѣчается полное сходство съ римскою формою брака чрезъ *confarreatio*, безъ всякой возможности заимствованія этой послѣдней славянами у древнихъ римлянъ. Какъ извѣстно, важную роль при конфарреаціи играетъ panis farreus, который есть не только символъ общенія имущественныхъ правъ въ бракѣ, но есть жертва богамъ; такую же роль занимаетъ въ русскихъ свадебныхъ обрядахъ т. н. коровай, который есть священная жертва божеству. Затѣмъ центральнымъ моментомъ религіознаго заключенія брака при конфарреаціи было посаженіе брачущихся на кожѣ жертвенныхъ животныхъ; точно то же значеніе имѣетъ у насъ т. н. „сажаніе на посадъ“ на шубѣ. Затѣмъ, какъ въ римской конфарреаціи, такъ и у насъ бракъ освящаетъ[ся] молитвою и священными формулами (благословеніемъ) и употребленіемъ символовъ огня и воды. Такимъ образомъ и въ языческую эпоху бракъ возвысился до своего послѣдняго, т. е. религіознаго значенія. Жена водимая уже существенно отличается отъ наложницы; бракъ получаетъ прочность и обязательность не только для жены, но и въ равной степени для мужа. Нѣтъ сомнѣнія, и въ языческую эпоху бракъ предварялся актомъ обрученія и требовалъ для совершенія извѣстныхъ условій. Но изъ языческихъ временъ мы не имѣемъ свидѣтельствъ о нихъ; лишь нѣкоторыя, которыя требовались и требуются обычнымъ правомъ, могутъ быть отнесены ко временамъ язычества. Они будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

2) **Бракъ въ христіанскую эпоху** установился постепенно въ теченіе столѣтій, представляя смѣшанный результатъ дѣйствія русскаго обычнаго права, византійскихъ свѣтскихъ законовъ и церковнаго права.

Обрученіе. Бракъ предваряется *обрученіемъ*, которое на языкѣ обычнаго права называется *сговоръ* или *своды*. Это есть договоръ между сторонами о будущемъ совершеніи брака. Но взглядъ церковнаго права и русскаго обычнаго права на обрученіе весьма различенъ: церковное право придавало обрученію все болѣе и болѣе самостоятельное значеніе: между родственниками обрученныхъ возникаетъ свойство, препятствующее совершенію брака; обрученіе признано нерасторжимымъ и получаетъ религіозное освященіе въ особомъ обрядѣ. Между тѣмъ, по обычному праву, этотъ договоръ есть только имущественный; неисполненіе его ведетъ къ уплатѣ неустойки—*заряда*; договоръ облекался уже съ древнихъ временъ (см. рядную Тѣшаты XIII в.). въ формальную письменную сдѣлку—*рядную запись*, совершаемую въ Московскомъ государствѣ крѣпостнымъ порядкомъ;

по ней стороны имѣли право иска въ судѣ. По словамъ Котошохина, если отецъ жениха или самъ женихъ провѣдаетъ послѣ сговора, что невѣста „въ дѣвствѣ своемъ не чиста, или глуха, или нѣма, или увѣчна, и что-нибудь худое за нею провѣдаетъ..., и тоѣ невѣсты за себя не возметъ; и тоѣ невѣсты отецъ или мать бьютъ челомъ патріарху, что онъ по сговору и по заряду тоѣ невѣсты на срокъ не взялъ и взяти не хочетъ; и по зарядномъ записямъ на виноватомъ возьмутъ зарядъ"... То же и въ обратномъ случаѣ—если отецъ невѣсты провѣдаетъ про жениха, что „онъ пьяница, или зернщикъ, или уродливъ".

Несмотря на то, что, по взгляду обычнаго права, обрученію придана гораздо меньшая сила, на практикѣ и въ этой формѣ обрученіе вело къ большимъ неудобствамъ: активными сторонами въ договорѣ обрученія являлись родители или опекуны и иногда совершали его въ малолѣтствѣ обручаемыхъ задолго до наступленія брака, и этимъ совершенно устранялось участіе въ дѣлѣ свободнаго произволенія брачущихся. Далѣе, хотя уплата заряда освобождала отъ необходимости совершать бракъ, но зарядъ обыкновенно назначался большой, и уплата его не всегда была возможна. Относительно церковнаго обрученія еще византійскіе императоры (Левъ) предвидѣли эти невыгоды и для обрученія назначали тѣ же условія, какъ и для брака (возрастъ 14 и 12 л.); тогда церковное обрученіе начали совершать вмѣстѣ съ бракомъ. Къ этому же способу прибѣгли (какъ увидимъ) и у насъ.

Петръ В., реформируя семейное право, имѣлъ предъ собою двойную задачу: во-1-хъ, лишить сговоръ имущественно-обязательной силы и, во-2-хъ, отнять у церковнаго обрученія его религіозную обязательность. То и другое совершено указомъ 1702 г. апрѣля 3 (П. С. З. № 1907), по которому рядныя и сговорныя записи велѣно отставить и впредь ихъ въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ не писать: вмѣсто того дозволено писать росписки приданому за руками, т. е. за подписью, Такимъ образомъ удержана одна часть прежняго договора, именно обязательство выдачи приданаго, если бракъ состоится; заряду же (неустойки) въ этихъ записяхъ никакого писать не велѣно. Такъ исчезла прежняя имущественная обязательность обрученія. Послѣ Петра и послѣдняя черта этой обязательности, именно роспись приданаго, отмѣнена обычаемъ. Но это только половина дѣла: оставалось церковное обрученіе съ его обязательностію. На этотъ счетъ тотъ же указъ продолжаетъ: обрученіе должно быть за 6 недѣль до вѣнчанія, и „буде обручатся, а послѣ обрученья женихъ невѣсты взять не похочетъ, или невѣста за жениха замужъ идти не похочетъ же и, въ томъ быть свободѣ по правильному св. отецъ разсужденію". Такая ссылка на св. отцевъ, какъ мы видѣли выше, совсѣмъ не оправдывается нашею кормчею: въ ней обрученіе имѣетъ почти такую же силу, какъ и бракъ. По каноническимъ постановленіямъ, причины для расторженія обрученія почти тѣ же, что и для расторженія брака. Русскій законодатель именно старается уничтожить эту строгость и потому опредѣляетъ: „обрученіе упражнятися можетъ винъ ради сицевыхъ: аще бы женихъ обручилъ себѣ

невѣсту сущу неблагообразну или во удеси коемъ пагубну, поврежденну, мнящи яко красна есть и благообразна, нескорбна и здрава; по обрученіи же аще бы увѣдалъ, яко есть безобразна, скорбна, нездрава, можетъ отъ нея быти свободенъ". Здѣсь основною причиною расторженія является то, что женихъ не хорошо ознакомился съ физическимъ видомъ и здоровьемъ невѣсты, или, говоря проще, ему невѣста не понравилась послѣ обрученія. Это вызвано предшествовавшимъ состояніемъ дѣла, когда обручались совсѣмъ незнакомыя другъ другу лица, а иногда взамѣнъ кривой, хромой, или рябой невѣсты, на смотринахъ подставлялась ея красивая сестра или служанка. Само собою разумѣется, что при этомъ удерживаются и каноническія причины расторженія обрученія. Естественно рождается вопросъ: зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было удерживать обрученіе и еще требовать 6-ти недѣльнаго промежутка между нимъ и бракомъ? Это опять объясняется обстоятельствами эпохи: до обрученія молодые люди могли вовсе не знать другъ друга; послѣ обрученія нравы того времени позволяли бо́льшую свободу обращенія между женихомъ и невѣстою; тогда могли установиться между ними симпатіи или антипатіи. Но этого же, конечно, можно достигнуть и безъ обрученія: съ перемѣною общественныхъ нравовъ, лица разныхъ половъ могли узнавать другъ друга, и не будучи обрученными. О томъ постарался именно самъ Петръ, уничтоживши азіатскую и нѣсколько лицемѣрную раздѣленность половъ въ обществѣ, наприм., посредствомъ своихъ знаменитыхъ ассамблей. Послѣ него, въ XVIII в., общество впало въ противоположную крайность, дошло до общественно распущенности; уже нечего было заботиться, что молодые люди до брака могутъ не знать другъ друга въ лицо. Въ 1744 г. сдѣлана была попытка возвратить обрученію его прежнюю кононическую строгость; тогда (П. С. З. № 9088) дѣла о расторженіи обрученія велѣно было представлять чрезъ синодъ на Высочайшее усмотрѣніе. Черезъ это вновь явились всѣ прежнія затрудненія изъ отношеній обрученія къ браку; но такой порядокъ удержался не долго: въ 1775 году существованіе обрученія, какъ отдѣльнаго акта, было уничтожено синодскимъ указомъ (П. С. З. № 14357); съ тѣхъ поръ обрученіе сдѣлалось простымъ церковнымъ обрядомъ, который совершается вмѣстѣ съ самимъ бракомъ, а сговоръ превратился въ семейный обрядъ безъ всякой юридической силы.

Условія совершенія брака.

а) **Возрастъ.** Опредѣленіе его въ законѣ необходимо не только въ виду физическихъ цѣлей брака, но и моральныхъ, т. е. для того, чтобы можно было предположить въ брачущихся ясное сознаніе и свободную волю при рѣшеніи вопроса о бракѣ.

Византійскіе источники колебались въ опредѣленіи возраста: прохиронъ назначаетъ для мужчинъ 14, для женщинъ 12; эклога—15 и 13 л. Сроки эти не исполняемы были на Руси; браки совершаемы были въ возрастѣ гораздо низшемъ: даже мужчины женились, имѣя 11 лѣтъ, а

женщины выходили замужъ 10 лѣтъ. По словамъ Орлеарія, „это доволно обыкновенно въ Московіи"; примѣры браковъ малолѣтнихъ въ княжескихъ семействахъ многочисленны. Русское каноническое право (Стоглавъ) установило свои сроки, взявши для мужчинъ высшій возрастъ (по эклогѣ) 15 лѣтъ, а для женщинъ низшій (по прохирону) 12 лѣтъ. Этотъ законъ при сильной борьбѣ съ обычнымъ правомъ не получилъ всеобщаго признанія не только въ XVII, но и къ концу XVIII вѣка (что̀ можно между прочимъ видѣть изъ приведеннаго свидѣтельства Олеарія и изъ случаевъ XVIII в.). Вопросъ о брачномъ возрастѣ въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка колеблется: по ук. объ единонаслѣдіи (см. выше), брачный возрастъ опредѣленъ для мужчинъ въ 20 лѣтъ, а для женщинъ въ 17 лѣтъ. Но съ отмѣною ук. объ единонаслѣдіи, надо думать, исчезло и это опредѣленіе брачнаго возраста: въ 1774 г. синодъ предписывалъ духовенству, между прочими обстоятельствами, развѣдывать, „чтобы они возрастъ имѣли, юноши не менѣе 15 лѣтъ, а дѣвицы 13 лѣтъ" (П. С. З. № 14229), т. е. синодъ возвращается къ постановленіямъ эклоги [1]). Возрастъ, назначенный указомъ 1774 г., въ текущемъ XIX в. признанъ чрезмѣрно низкимъ: въ 1830 г. не церковнымъ, а уже государственнымъ закономъ (указ. іюня 19, даннымъ синоду) установлены новые сроки. „Желая предохранить, говоритъ указъ, вѣрноподданныхъ отъ тѣхъ извѣстныхъ по опыту вредныхъ послѣдствій, кои происходятъ отъ сочетанія браковъ между несовершеннолѣтними и потрясаютъ добрые нравы, признали мы за благо повелѣть, дабы воспрещено было священникамъ отнынѣ впредь вѣнчать браки, если женихъ и невѣста не достигли еще первый 18, а послѣдняя 16 лѣтъ". Вредныя послѣдствія, которыя здѣсь видитъ законъ, двоякаго рода: физическія и нравственныя; послѣднія состоятъ въ непримѣнимости свободнаго произволенія къ мальчику и дѣвочкѣ. Но въ томъ же указѣ сдѣлано изъятіе для природныхъ жителей Закавказскаго края, гдѣ дозволенъ бракъ для мужчинъ въ 15 л., а для женщинъ—въ 13 лѣтъ, т. е. согласно съ постановленіями эклоги, но не согласно съ древне-русскими каноническими постановленіями.

Что касается до опредѣленія *крайняго старческаго возраста*, за предѣлами котораго запрещается бракъ, то ни въ византійскихъ узаконеніяхъ свѣтскихъ и церковныхъ (кромѣ правила Василія В.), ни въ законахъ древне-русскихъ не находимъ на то никакихъ опредѣленій. Въ инструкціи поповскимъ старостамъ 1697 г. декабря 26 (П. С. З. № 1612) патріарха Адріана между прочимъ приказывается писать въ вѣнечной памяти, чтобы попы о женихахъ и невѣстахъ розыскивали, вдовцы мужи и жены не въ престарѣлыхъ ли лѣтахъ. Но точнаго обозначенія возраста престарѣлости, препятствующаго совершенію брака, указано не было. Да притомъ въ

[1]) Въ проектѣ брачнаго права, составленномъ въ Св. Синодѣ (архіеп. Петербург. Гавріиломъ 1765—1767 г.), положено: „не вѣнчать жениха, коему нѣтъ отъ рожденія 17, такожъ и невѣсту, коей нѣтъ-же 15" (см. Павлова, стр. 346).

инструкціи почему-то говорится только о *вдовицахъ*. Мы не имѣемъ также фактовъ для уясненія, какъ справлялась съ этимъ древне-русская практика.

Послѣ Петра, при знакомствѣ съ узаконеніями зап. Европы, являются въ обществѣ запросы и на этотъ счетъ. Петръ повѣнчалъ извѣстнаго Никиту Зотова, имѣвшаго болѣ 70 лѣтъ. Когда потомъ сынъ Зотова Кононъ поссорился съ мачихою, то писалъ Петру: „ученѣйшіе меня легислаторы во Франціи положили, что человѣкъ, который перешелъ за 70 лѣтъ, не можетъ ничѣмъ и ни въ чемъ опредѣлять, и тако женитьба въ лѣтахъ отца нашего весьма не почитается женитьбою, что надлежитъ до наслѣдства. Дай, Боже, чтобы сенатъ всѣ сіи права зналъ". Но желаніе Зотова и друг. въ его положеніи о введеніи у насъ французскаго легислаторства исполнилось не скоро: постановленіе о старческомъ возрастѣ дано было лишь въ 1744 г.; но по частному случаю вступленія въ бракъ 82 лѣтъ отъ роду. Синодъ разлучилъ бракъ на слѣд. основаніяхъ: 1) бракъ отъ Бога установленъ для умноженія рода человѣческаго, „чего отъ имѣющаго за 80 лѣтъ надѣяться весьма отчаянно", ибо, по словамъ псалмопѣвца, человѣкъ можетъ быть въ силахъ только до 80 лѣтъ, „а множае трудъ и болѣзнь, которые трудъ и болѣзнь клонятъ къ смерти человѣка, а не къ умноженію рода человѣческаго". 2) Правило 24-е св. Вас. Вел. гласитъ: „аще по 60 лѣтамъ вдовица идетъ замужъ, безъ сообщенія да будетъ, дондеже отступитъ нечистоты". Получилъ ли этотъ указъ уже тогда и общее примѣненіе въ смыслѣ запрещенія брака, заключеннаго въ возрастѣ свыше 80 лѣтъ; неизвѣстно; но сводъ законовъ, установляя это общее правило, сослался на указъ синода 1744 г. Слѣдовало бы ожидать, что изъ упомянутаго указа будетъ сдѣланъ и другой выводъ: именно крайній старческій возрастъ будетъ установленъ не одинаковый для мужчинъ и женщинъ; ибо правило Василія Вел., единственное каноническое основаніе, приводимое синодомъ, именно говоритъ о женщинахъ, и назначаетъ предѣлъ брачнаго возраста въ 60, а не въ 80 лѣтъ; поэтому, если уже не распространять это правило на мужчинъ, то слѣдовало бы думать, что оно будетъ оставлено для женщинъ [1]).

По вопросу о *пропорціанальности лѣтъ* жениха и невѣсты ничего не находимъ въ узаконеніяхъ ни древнихъ, ни новыхъ, ни византійскихъ, ни нашихъ, хотя наше правительство не разъ обращало вниманіе на этотъ вопросъ, а именно еще въ 1756, 1765 и 1766 годахъ (П. С. З. № 10676). По дѣламъ, доходящимъ до синода, онъ, синодъ, узналъ, что въ Бѣлогородской и Воронежской епархіяхъ между однодворцами есть непотребный обычай, что они малолѣтнихъ своихъ сыновей, лѣтъ 8, 10 и 12 женятъ и берутъ за нихъ дѣвокъ лѣтъ по 20 и болѣ, съ которыми свекры ихъ многіе впадаютъ въ кровосмѣшеніе, за что нѣсколько изъ нихъ на украинской линіи и къ смерти приговорено". Въ 1774 г. синодъ узналъ, что нѣкая крестьянка Татьяна Иванова призна-

[1]) Въ помянутомъ проектѣ архіеп. Гавріила читаемъ: „не вѣнчать,... коему уже 60, такожъ и невѣстѣ, коей 50 лѣтъ отъ рожденія миновало".

лась въ Костромской провинціальной канцеляріи, что умышлено удавила мужа своего, малолѣтняго крестьянскаго сына Ивана Гаврилова, которому было тогда 12 лѣтъ. И по другимъ дѣламъ, говоритъ синодъ, такіе же поступки обнаруживаются; поэтому синодъ предписываетъ священно- и церковно-служителямъ не вѣнчать, „въ противность св. правилъ, таковыхъ малолѣтнихъ съ возрастными дѣвками"; за нарушеніе этого полагается лишеніе званія священникамъ и церковникамъ, а самый бракъ расторгается. Что собственно было предписано этимъ указомъ синода, и какъ поняла его практика—не знаемъ: слѣдовало ли не вѣнчать браковъ по непропорціональности лѣтъ жениха и невѣсты, или только не вѣнчать браковъ по недостиженіи кѣмъ-либо изъ брачущихся узаконенныхъ лѣтъ? Повидимому, практикою усвоена только послѣдняя мысль указа; идея же о пропорціональности лѣтъ жениха и невѣсты не принесла никакихъ плодовъ въ дальнѣйшихъ узаконеніяхъ. Въ 1775 г. послѣдовалъ новый указъ синода вообще о мѣрахъ къ отвращенію незаконнаго сочетанія браковъ (П. С. З. № 14.356 [1]), гдѣ указывается, что въ жизни не соблюдается ни одно изъ постановленій о бракѣ и между прочимъ вступаютъ въ бракъ *„въ лѣтахъ между собою весьма не сходственныхъ"*; женятъ же въ крестьянствѣ малолѣтнихъ ребятъ съ возрастными дѣвками, а сіи малолѣтнихъ своихъ мужей умерщвляютъ, за что нѣкоторыя по гражданскому и къ смертной казни были приговорены". Для предотвращенія этихъ и другихъ злоупотребленій синодъ предписываетъ завести метрическія книги и соблюдать вообще каноническія постановленія, не указывая, какія именно, и въ частности никакъ не опредѣляя относительный возрастъ брачущихся.

б) **Правильность сознанія** *(умственное здоровье)*. Византійскіе источники не оставили намъ яснаго ученія объ этомъ условіи совершенія брака. Правда, въ нихъ, именно въ брачномъ правѣ, нерѣдко упоминается *о бѣсноваціи*, какъ явленіи, имѣющемъ значеніе для совершенія правильнаго брака; но рѣчь идетъ о бѣсноваціи родителей, какъ обстоятельствѣ, уничтожающемъ родительскую власть; можно думать, что это понятіе могло быть примѣняемо и къ брачущимся. Но прямыхъ узаконеній о томъ не находимъ ни въ Византіи, ни у насъ до времени Петра I.

Въ 1722 г. (апр. 6, № 3949) вышелъ такой указъ подъ заглавіемъ „о свидѣтельствованіи дураковъ въ сенатѣ": „понеже какъ послѣ вышнихъ, такъ нижнихъ чиновъ людей движимое и недвижимое имѣніе даютъ въ наслѣдіе дѣтямъ ихъ таковымъ дуракамъ, что ни въ какую науку и службу не годятся, а другіе, несмотря на ихъ дурачество, но для богатства отдаютъ за оныхъ дочерей своихъ и свойственицъ замужъ, отъ которыхъ добраго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно..,; того ради повелѣваемъ какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людямъ, и ежели у кого въ фамиліи нынѣ есть или впредь будутъ таковые, которые ни въ науку, ни въ службу не годились и впредь не го-

[1]) Этотъ указъ положенъ въ основу постановленій о бракѣ Свода Законовъ.

дятся отнюдь жениться и замужъ идтить не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать". Имущество же ихъ отдается въ опеку родственникамъ, „а ихъ негодныхъ съ тѣхъ деревень кормить". Если же по свидѣтетельству (въ сенатѣ) донесеніе не подтвердится, то употреблять ихъ въ службу и науку и жениться въ урочныхъ лѣтахъ позволить. По толкованію госуд. совѣта (1815 г. іюня 18), этотъ указъ о дуракахъ относится къ людямъ, не имѣющимъ здраваго разсудка *отъ рожденія*. При Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ, когда военная служба и профессіональное образованіе были обязательны для дворянъ, изложенный указъ могъ имѣть примѣненіе именно къ дворянскому сословію: неявка въ школу и на службу оправдывалась только оффиціальнымъ признаніемъ скудоумія у неявившихся. Но по освобожденіи дворянъ отъ службы и въ отношеніи къ прочимъ сословіямъ едва ли этотъ законъ находилъ себѣ надлежащее примѣненіе. Священникъ, вѣнчающій бракъ, или церковная власть, выдающая вѣнечную память, не были компетентны въ разрѣшеніи этого щекотливаго и труднаго вопроса. Та же трудность остается и нынѣ, когда въ Сводѣ установлено: „запрещается вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими"; такое запрещеніе можетъ простираться только на тѣхъ, кто признанъ таковымъ по свидѣтельствованію надлежащей власти.

в) **Свободная воля и согласіе родителей.** По ученію византійскихъ кодексовъ, требуется при бракѣ непремѣнное участіе воли родителей или опекуновъ; безъ этого условія бракъ можетъ быть совершенъ лишь при слѣд. обстоятельствахъ: если отецъ (или дѣдъ, имѣющій власть) находится не въ здравомъ умѣ („неистовъ"); если онъ находится въ плѣну; если онъ пропалъ безъ вѣсти болѣе, чѣмъ за три года предъ тѣмъ (впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ бракъ можетъ быть заключенъ и до истеченія этого срока, но съ тѣмъ, что отецъ, возвратившійся до истеченія 3-хъ лѣтъ, можетъ, если захочетъ, расторгнуть бракъ). Во всѣхъ прочихъ случаяхъ не эманципированныя дѣти вступаютъ въ бракъ не иначе, какъ при дозволеніи родителей. Въ случаѣ безпричиннаго сопротивленія браку дѣтей со стороны отца, обиженный можетъ обратиться къ гражданской власти, которая въ такомъ случаѣ даетъ позволеніе взамѣнъ отца и выдаетъ *вѣно*. По наступленіи эманципаціи дѣти могутъ вступать въ бракъ безъ позволенія родителей; впрочемъ, для эманципированной дочери такое право наступаетъ лишь по достиженіи ею 25-лѣтняго возраста; эклога уничтожаетъ различіе между эманципированными и не эманципированными дѣтьми и потому требуетъ дозволенія родителей (уже не одного отца) безъ ограниченія временемъ. Что касается до *брака рабовъ*, то ихъ сожительство не есть бракъ въ юридическомъ смыслѣ, а потому и составляется ихъ господами безъ всякаго участія ихъ свободной воли (Прохир. гр. 34, гл. 2 и 4). Требованіе свободной воли для брачущихся заявлено христіанской церковью съ особенною силою. Въ нашей печатной кормчей (гл. 50) находимъ слѣд. опредѣленіе: совершающій бракъ, „вѣсть пріимъ о хотящихъ браку сочитатися, въ первыхъ да увѣсть...—аще своимъ воль-

нымъ произволеніемъ, а не принужденія ради отъ родителей и сродниковъ или отъ господій своихъ... сочетатися хотятъ".

Въ русскомъ обычномъ правѣ уже для языческой эпохи можно указать на требованіе согласія брачущихся при бракѣ чрезъ *приведеніе*. Когда кн. Владиміръ хотѣлъ жениться на дочери полоцкаго князя—Рогнѣдѣ, еще не прибѣгая къ насилію и похищенію, то родители невѣсты обратились за согласіемъ къ ней самой, предоставили ей выборъ между Владиміромъ и Ярополкомъ и получили въ отвѣтъ: „не хочу разувать (это символъ подчиненія мужу) сына рабыни" (какимъ дѣйствительно былъ Владиміръ). Но болѣе общимъ обычаемъ долго спустя и въ христіанскую эпоху оставалось, что браки составляемы были волею родителей, принуждавшихъ дѣтей или вступать въ бракъ, или не вступать въ него; церковь издавна боролась съ этимъ воззрѣніемъ; церковный уставъ Ярослава назначаетъ наказаніе родителямъ въ случаѣ, когда они принуждаютъ дочь къ браку, и она что-либо сдѣлаетъ надъ собою. Вмѣстѣ съ этимъ русская церковь не только допускаетъ, но и требуетъ свободнаго произволенія и для рабовъ. Несмотря на то, и въ Московскомъ государствѣ браки составляемы были не свободнымъ произволеніемъ самихъ брачущихся, а родителями невѣсты и женихомъ или его родителями: „А случится которому боярину и ближнему человѣку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити... и посылаютъ къ отцу невѣсты, или къ матерѣ, или къ брату говорити друзей своихъ... И тотъ человѣкъ, будетъ хочетъ дочь свою, или инаго кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и съ родичами... А дочерѣ, или комунибуди о томъ не скажутъ и не вѣдаетъ до замужества своего". Когда невѣста жениху по росписи приданаго понравится, и обѣ стороны назначатъ сговоръ, то женихъ пріѣзжаетъ въ домъ родителей невѣсты, пишутъ рядную запись и пируютъ; „а невѣсты ему не покажутъ, и невѣста его, жениха, не видаетъ" (Котошихинъ). Нѣкоторое отличіе царскихъ свадебъ въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что тогда женихъ самъ выбиралъ невѣсту изъ множества дѣвицъ, свезенныхъ со всѣхъ концовъ государства.

Петровскому законодательству предлежала трудная задача примирить двѣ противоположности: охранить свободное произволеніе брачущихся и дать въ то же время мѣсто для участія въ заключеніи брака волѣ родителей. Такую задачу Петръ надѣялся выполнить своимъ узаконеніемъ 1724 г. (января 5). „Въ прошломъ 1722 г. (пишетъ онъ сенату), въ бытность нашу въ сенатѣ, предлагали вы намъ пунктъ о принужденныхъ бракахъ, которые бываютъ въ дѣтяхъ за страхъ родителей, а въ рабахъ по принужденію господъ ихъ, безъ произволенія сочетанныхъ,—и требовали на оный рѣшенія: и по оному предложенію повелѣваемъ учинить во всемъ россійскомъ государствѣ такое запрещеніе, дабы отнынѣ родители дѣтей и всякаго званія люди—рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочетанію не принуждали и не брачили подъ опасеніемъ тяжкаго штрафо-

ванія". Но законодатель зналъ, что эта угроза штрафованія останется пустою фразою, обращаясь въ такую замкнутую среду, какъ семья, что провозглашаемый имъ принципъ свободы совершенно противоположенъ началу старорусской семейной власти, и потому изобрѣлъ слѣд. мѣру: „а понеже много случается, что и неволею сочетаемые не дерзаютъ во время брака смѣло спорить, одинъ за стыдъ, другіе за страхъ, что́ уже послѣ является отъ несогласнаго тѣхъ неволею сочетанныхъ житія,—того ради въ прилучающихся у знатныхъ персонъ и у шляхетства и прочихъ разночинцевъ бракахъ (кромѣ крестьянства), прежде вѣнчанія брачныхъ приводить родителей ихъ обоихъ совокуплящихся персонъ, какъ отцовъ, такъ и матерей, а которые въ живыхъ не имѣютъ плотскихъ родителей, то тѣхъ, которые вмѣсто родителей дѣйствительно вмѣняются,—къ присягѣ въ томъ, что одни не неволею-ль сына женятъ, другіе не неволею-ль замужъ дочь даютъ, также и господа съ рабами не такъ-ли поступаютъ". Присяга приносится чинами первыхъ классовъ въ синодѣ, прочими—въ епархіяхъ „при архимандрической персонѣ", а мелкими разночинцами при знатныхъ священникахъ, для того особливо назначенныхъ. Въ формѣ присяги, приложенной къ этому указу, говорится, что клянущійся подлежитъ истязанію церковному и политическому, если откроется впослѣдствіи, что онъ прибѣгалъ къ мѣрамъ принужденія. Слугамъ, по тому же указу, господа должны давать письма, „заруча подъ клятвою суда Божія и присяги своей, что онъ ихъ не неволитъ" (П. С. З. № 4406).

Эта гарантія свободы произволенія не удержалась въ нашемъ законодательствѣ; въ Сводѣ стоитъ голословное требованіе согласія на бракъ со стороны родителей, опекуновъ и попечителей, и о непринужденіи къ браку. Первое требованіе и послѣ изданія Свода возбуждало законодательные вопросы (1836 г.), однако оставлено въ своей силѣ. Нѣкоторое ограниченіе правъ брачущихся со стороны произвола опекуновъ содержится лишь въ мѣстныхъ законахъ (Черниг. и Полт. губ.), по которымъ дѣвица, состоящая подъ властію опекуна, можетъ объявить въ судѣ о препятствіи ей къ браку со стороны опекуна, желающаго продлить управленіе ея имѣніемъ. Но это ограниченіе вызвано особенностями опеки по Лит. Ст., по которому опекунъ не только управлялъ, но и владѣлъ имуществомъ, и притомъ опека продолжалась не до совершеннолѣтія, но до выхода въ замужество. По уничтоженіи этихъ отличій въ правѣ опекунскомъ для Малороссіи, падаетъ практическое значеніе приведеннаго закона. Впрочемъ, по уголовнымъ законамъ, было постановлено значительное различіе между вступленіемъ въ бракъ безъ дозволенія родителей и съ таковымъ же дѣйствіемъ безъ дозволенія опекуновъ.

г) **Дозволеніе начальства.** Это требованіе, не существовавшее въ византійскомъ правѣ, встрѣчаемъ лишь въ отечественныхъ памятникахъ и въ обычномъ правѣ. Первоначально оно имѣло общее примѣненіе не только для служилыхъ лицъ, но и для неслужилыхъ, такъ какъ бракъ, по русскому праву, есть не только личное и семейное дѣло, но и общественное.

Служилые люди испрашивали дозволеніе отъ князя (и царя), неслужилые—отъ мѣстнаго начальства.

Историческія основанія этого явленія недостаточно уяснены. Эверсъ думаетъ, что оно происходитъ отъ древняго родового начала, которое состояло не только во власти родоначальника, но и въ супружескихъ правахъ (jus primae noctis есть древне-русское „княжее", по мнѣнію Татищева и Срезненскаго). Неволинъ полагаетъ, что это выродилось изъ обычая принесенія подарковъ начальству при бракѣ.

Въ древнѣйшій періодъ князья активно устраивали браки своихъ слугъ, какъ это видно изъ остатковъ въ правѣ литовско-русскомъ. Формы этого права въ Московскомъ государствѣ суть: *выводная куница*—плата намѣстнику или волостелю, если дѣвица выходитъ за предѣлы общины или земли, и *новоженый убрусъ*, когда она выходитъ замужъ въ той же волости. Послѣдній имѣетъ, дѣйствительно, значеніе только *подарка*, первая есть *выкупъ*, получаемый мѣстною властію за потерю лица въ обществѣ. Это сдѣлалось особенно ясно, когда распространилось крѣпостное право; тогда помѣщики видѣли въ выводѣ продажу крѣпостной дѣвки другому владѣльцу. Но само начальство (государство или мірское) не имѣло уже дѣла съ женихомъ, а требовало платы отъ отца невѣсты, предоставляя этому послѣднему расчеты съ женихомъ (впрочемъ, иногда взимало и непосредственно съ жениха). Послѣ Петра долго оставалось это право неотмѣненнымъ, вымирая естественною смертію. Иногда воеводы и губернаторы не пользовались имъ, иногда пользовались, пока, наконецъ, въ 1775 г., по поводу мира съ Турціею, Екатерина II въ числѣ разныхъ льготъ установила и слѣд.: „гдѣ въ которой области имперіи нашей состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго или градоначальника, и за таковое дозволеніе собирается сборъ или деньгами или скотомъ, чрезъ сіе всемилостиво отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа" (№ 14275). Но затѣмъ тотчасъ возникли недоразумѣнія, выпускать ли свободно дѣвицъ и вдовъ изъ казенныхъ селеній въ городское сословіе, или замужъ за крѣпостныхъ. Законодательная власть разрѣшила эти вопросы въ положительномъ смыслѣ (№ 19443 и 26914) съ нѣкоторыми гарантіями правъ выходящей дѣвицы въ послѣднемъ случаѣ.

Со временъ Петра образовалось новое условіе брака—это *дозволеніе на бракъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ* отъ ихъ начальства. Оно исходитъ уже не изъ права начальства устраивать браки, а изъ обязанности государства опекать своихъ подданныхъ (заботиться о ихъ личномъ благосостояніи) и вмѣстѣ изъ обязанности подчинять личные интересы служебнымъ. Прежде всего (въ 1722 г.) запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія начальства сдѣлано для флотскихъ офицеровъ (гардемариновъ, Реглам. Адм. П. С. 3. № 3937) подъ штрафомъ 3-хъ годичной каторжной работы (въ 1765 году это постановленіе дополнено тѣмъ, что гардемарину вообще до 25 л. не дается разрѣшенія на бракъ); затѣмъ въ

1744 г.—для ландмилиціи (впрочемъ, послѣднее по представленію синода и изъ другихъ основаній); въ 1764 г.—для нѣкоторыхъ полковъ, гдѣ уже опредѣленно выражена цѣль такихъ узаконеній; „ибо ежедневная практика показываетъ, сколь много добрыхъ, молодыхъ офицеровъ отъ причины таковыхъ браковъ въ косность приходятъ“ (инструкц. пѣх. полка. П. С. З. № 12289); въ 1766 г. тоже распространено и на кавалерійскую службу. Впослѣдствіи явилось новое основаніе для удержанія въ силѣ этого постановленія, именно опасеніе двоеженствъ (П. С. З. № 18521). Въ 1800 г. былъ даже данъ указъ, по которому на каждый бракъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ должно быть испрашиваемо высочайшее соизволеніе (№ 19244), но это отмѣнено въ 1808 г. (№ 22823). Откуда явилось въ Сводѣ запрещеніе браковъ гражданскихъ чиновъ безъ дозволенія начальства—не знаемъ.

д) **Единоженство.** Бракъ не можетъ быть заключенъ при существованіи другого предшествующаго. Это правило образовалось только въ христіанскую эпоху; въ языческую эпоху господствовало *многоженство*. Впрочемъ, и тогда оно не было безграничнымъ: нашъ первоначальный лѣтописецъ о самыхъ нецивилизованныхъ изъ славянскихъ племенъ, т. е. о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ, говоритъ, „имяху же *по двѣ* и *по три* жены“, что̀ въ его глазахъ, очевидно, составляетъ высшую степень дикости и варварства. Подобно этому Козма Пражскій говоритъ о чехахъ: „*binas* vel *ternas* conjuges habuere *licuit*“. Итакъ, три жены для обыкновенныхъ людей считались высшею дозволенною мѣрою многоженства. Князья, особенно такіе, какъ Владиміръ, могли превышать эту норму, но и у нихъ число женъ было очень ограничено, при полной неограниченности наложничества: у Владиміра въ язычествѣ было 6 женъ водимыхъ, а наложницъ 800 (300 въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ и 200 въ Берестовѣ). По сказанію Ибнъ-Даста, „если у покойника (русса) было *три жены*..., то самая любимая приноситъ себя въ жертву“. Сожженіе вдовы (одной) указываетъ на наклонность славянъ къ единоженству, что̀, повидимому, было уже осуществлено у Полянъ.

Тѣмъ не менѣе и въ христіанскую эпоху слѣды многоженства оставались долго. Въ уставѣ Ярослава ясны слѣды борьбы христіанства съ старыми привычками: церковь боролась какъ съ тѣмъ, что люди произвольно отпускали женъ и потомъ вступали въ бракъ съ другими (это не есть двоеженство въ дѣйств. смыслѣ, а нарушеніе законовъ о правильности развода), такъ и съ двоеженствомъ въ собствен. смыслѣ: „если двѣ жены кто водитъ, то епископу 40 грив., а которая подлегла, ту взять въ церковный домъ, а первою держать по закону; если мужъ будетъ дурно обращаться съ нею, то подлежитъ казни“ (ст. 13). Преслѣдовалось и многомужіе, но опять въ смыслѣ нарушенія закона о разводѣ: „Если жена пойдетъ отъ своего мужа за иного замужъ, то взять ее въ домъ церковный, а новоженя митрополиту въ продажѣ“. Побѣда церкви въ земскую эпоху далеко не была полною: „безъ труда и безъ срама двѣ жены имѣютъ, вопреки вѣрѣ нашей“, говоритъ м. Іоаннъ. На то же указываетъ и то

обстоятельство, что церковные уставы послѣдующихъ временъ повторяли постановленія устава Ярослава: напр., уст. Смоленскаго князя Ростислава 1150 г. въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ епископскому суду, упоминаетъ двоеженство.

Въ Московскомъ государствѣ (преумущественно на окраинахъ его) частые случаи двоеженства въ несобств. смыслѣ происходили отъ неустойчивости формъ совершенія и расторженія брака. Во многихъ случаяхъ допускался, какъ увидимъ, бракъ невѣнчанный. Другое обстоятельство, ведшее къ тому же—это рабство. Уложеніе, говоря о двоеженствѣ холоповъ, озабочено только тѣмъ, кому должна принадлежать та и другая жена: именно, если холопъ сбѣжитъ и женится въ бѣгахъ на другой у другого боярина, то, если жива его первая жена у прежняго господина, холопъ возвращается безъ новой второй жены; если же первая жена умерла, то холопъ возвращался съ новою его женою (XX, 94).

Въ XVIII в. относительно двоеженства были разрѣшаемы слѣд. вопросы: *какой бракъ расторгается при двоеженствѣ?* По правилу основному, при двоеженствѣ первый бракъ признается дѣйствительнымъ, а 2-ой незаконнымъ. Но въ 1723 г. синодъ подвергъ разсмотрѣнію тотъ случай, когда одинъ супругъ произвольно оставляетъ другого и вступаетъ въ новый бракъ; по рѣшенію синода, въ такомъ случаѣ надо войти въ разсмотрѣніе того, не былъ ли оставленный супругъ самъ виноватъ въ бѣгствѣ другого; если такъ, то предписывается первый бракъ развести, а второй оставить въ силѣ. Затѣмъ, въ 1741 г. (П. С. З. № 8450) разсмотрѣнъ вопросъ, можетъ ли человѣкъ вступить въ новый бракъ, если онъ завѣдомо имѣетъ живую жену, но въ другомъ государствѣ (рѣчь идетъ о военноплѣнныхъ). Еще въ Московскомъ государствѣ митрополитъ разрѣшилъ князю Бѣльскому вступить въ Москвѣ въ новый бракъ, несмотря на то, что въ Литвѣ осталась у него жена, мотивируя тѣмъ, что, гдѣ нѣтъ сожительства, тамъ и брака быть не можетъ. Теперь (1741 г.) сенатъ рѣшилъ въ противоположномъ смыслѣ. Впрочемъ, здѣсь основная цѣль была сторонняя, чтобы предупредить насильственное закрѣпощеніе военноплѣнныхъ.

Вопросъ о судьбѣ супруговъ при возстановленіи перваго брака. Случаи двоеженства во множествѣ продолжались и въ XVIII в.: еще въ 1767 г. (П. С. З. № 12935) синодъ свидѣтельствовалъ въ своемъ указѣ, что изъ дѣлъ усмотрѣно, что въ епархіяхъ обыватели многіе отъ живыхъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей въ бракъ вступаютъ". Обстоятельсва, препятствовавшія утвержденію единоженства, были всѣ тѣ же, именно крѣпостное право. Возстановляя 1-е браки, законодатель каждый разъ былъ озабоченъ судьбою супруговъ при этомъ. Приведемъ примѣры: отставной поручикъ Мик. Апухтинъ, женясь на крѣпостной своей дѣвкѣ, Татьянѣ Даниловнѣ, потомъ, не хотя съ нею жить, выдалъ ее въ замужество за Елецкаго казеннаго кузнеца Ивана Маркина. Дѣло это рѣшаемо было нѣсколько разъ, именно въ 1-й разъ 1766 г. синодъ, согласно съ каноническими постановленіями, рѣшилъ: бракъ Татьяны съ кузнецомъ рас-

торгнуть, позволивъ кузнецу жениться (предполагается, что кузнецъ не зналъ о 1-мъ бракѣ); Татьяну признать законною женою Апухтина; а для того, чтобы онъ принялъ ее, какъ дѣйствительную жену, увѣщевать его, и въ случаѣ неудачи увѣщаній, заключить въ монастырь на покаяніе, пока не покается, а между тѣмъ на содержаніе Татьяны, какъ законной его жены, выдавать изъ имѣнія Апухтина. Но когда во второй разъ въ 1770 г. дѣло дошло до синода, то синодъ уже нашелъ вину и въ самой Татьянѣ, именно ту, что она при второмъ бракѣ не объявила о первомъ; поэтому рѣшено: быть имъ обоимъ (т. е. и Апухтину) безбрачнымъ, т. е. можно бы подумать, что и первый бракъ, подобно второму, расторгнутъ, оба они подвергнуты наказанію архіерейскому за прелюбодѣяніе. Но здѣсь, слѣдуетъ видѣть первый и единственный случай установленія у насъ separation du corps, какъ видно изъ нижеслѣдующаго. Въ 1764 г. то же дѣло вновь явилось уже въ сенатъ: именно Татьяна просила выдать ей и сыну ея отъ Апухтина на пропитаніе изъ имущества 1-го ея мужа указную часть, а равно отдать ей отца ея съ братьями ея, остающимися у Апухтина въ крестьянствѣ. Сенатъ нашелъ, что просьба ея заслуживаетъ вниманія, такъ какъ Апухтинъ отъ сожительства съ нею отрицается, „да и она, Татьяна, нынѣ къ тому съ нимъ сожитію объявляетъ уже свою опасность“. Однако, сенатъ затруднился удовлетворить ея просьбу, потому что указной части при живомъ мужѣ выдавать не велѣно; но, въ свою очередь, сенатъ призналъ ее законною женою Апухтина, а потому повергъ на Высочайшее усмотрѣніе, не уважитъ ли исключительныя обстоятельства жалобщицы и не выдать ли ей 4-ю часть изъ имѣнія мужа. Императрица согласилась (П. С. З. № 14160). Отсюда бы можно вывести слѣд. положенія: при двоеженствѣ 2-й бракъ расторгается; 1-й бракъ, хотя и возстановляется, но супруги разлучаются, и жена получаетъ вдовій выдѣлъ изъ имущества мужа. Но эти начала и въ XVIII в. нельзя считать постоянно дѣйствующими. Въ 1784 г. былъ другой, болѣе простой случай двоеженства: именно Осипъ Ганнибалъ (предокъ Пушкина), будучи женатъ на Марьѣ Пушкиной, женился во 2-й разъ на Устиньѣ Толстой. Дѣло рѣшено верховною властію (указъ данъ сенату, а не синоду) и рѣшено вполнѣ въ духѣ каноновъ: первый бракъ удержанъ въ силѣ, второй—расторгнутъ; Ганнибалъ въ наказаніе посланъ („для покаянія“) на корабляхъ на цѣлую кампанію въ Сѣверное море, „дабы онъ службою своею прегрѣшенія свои наградить могъ“. Въ просьбѣ Пушкиной о назначеніи ей указной части отказано; но самъ Ганнибалъ назначилъ часть имѣнія на воспитаніе дочери, рожденной имъ отъ Пушкиной; это имѣніе велѣно отдать въ опеку для означенной цѣли. Очевидно, законодательство, признавая 1-й бракъ за расторженіемъ 2-го, каждый разъ затруднено было вопросомъ, какъ урегулировать возстановленный бракъ, зная, что ни мужъ, ни жена не вступятъ опять охотно въ сожительство, которое было уже расторгнуто ими, и когда одинъ изъ нихъ имѣетъ уже другого супруга, конечно, болѣе любимаго.

Вопросъ о судьбѣ дѣтей, рожденныхъ отъ второго брака. Затѣмъ рождается вопросъ: какова судьба дѣтей при двоеженствѣ или двоемужіи, особенно если одинъ изъ супруговъ былъ признанъ невиннымъ (вовлеченъ въ бракъ невѣдѣніемъ о прежнемъ бракѣ)? Въ 1788 г. изъ сената поступилъ на Высочайшее разсмотрѣніе такой казусъ: опять Апухтинъ, будучи женатъ на крѣпостной своей дѣвкѣ, женился при живой женѣ на Марьѣ Бахтеяровой. Бахтеярова вступила въ супружество, не знавъ, что онъ женатъ, и полагалась на его увѣреніе, что онъ холостъ. Бракъ этотъ былъ расторгнутъ; но дѣло шло о судьбѣ дѣтей, прижитыхъ отъ Бяхтеяровой. Императрица рѣшила: „рожденныхъ отъ нея въ томъ бракѣ дѣтей допустить къ наслѣдству, званію и достоинству наравнѣ съ прочими его, Апухтина, дѣтьми тѣмъ паче, что не предъявлено ни отъ кого и никакого опроверженія на то, чтобы они рождены были не въ томъ бракѣ и не отъ него, Апухтина, и что вступленіе Апухтина во 2-й бракъ, будучи уже женатымъ на крѣпостной своей дѣвкѣ, не можетъ относиться къ виновности прижитымъ со второю его женою дѣтямъ, а виною состоитъ единственно онъ, Апухтинъ, за что и долженствуетъ съ нимъ поступлено быть по законамъ“ (П. С. З. № 16627).

Отъ этого мудраго и человѣколюбиваго начала послѣдующее законодательство уклонилось вполнѣ. Не только было признано, что дѣти, рожденныя во 2-мъ бракѣ при существованіи перваго, суть незаконорожденныя и потому никакихъ правъ на имущество и состояніе своего отца предъявить не могутъ; но однажды было постановлено, что такія же невыгодныя послѣдствія наступаютъ для нихъ и при предполагаемомъ двоеженствѣ.

Предполагаемое двоеженство или двоемужіе. Для предупрежденія двоемужія, въ 1812 г. было постановлено, что „солдатская вдова не прежде правомъ вдовства своего можетъ пользоваться, какъ по полученіи отъ инспекторской военной коллегіи экспедиціи паспорта, удостовѣряющаго о смерти мужа ея“, такъ какъ синодъ изъяснилъ, что „вторые браки безъ законнаго удостовѣренія о смерти первыхъ мужей суть противозаконны“. На этихъ основаніяхъ сенатъ въ 1812 г. постановилъ: „на семъ основаніи и съ прижитыми въ таковыхъ вторыхъ бракахъ дѣтьми надлежитъ поступать, какъ о незаконорожденныхъ отъ солдатскихъ женъ установлено“ (П. С. З. № 25140).

е) *Условія, возникающія изъ послѣдовательности браковъ одного за другимъ.* **Траурный годъ** установленъ византійскими кодексами для вдовъ изъ понятныхъ физіологическихъ причинъ (для различенія отца). Русскія узаконенія въ XVIII в. распространили его и на вдовцовъ, конечно, изъ чисто моральныхъ основаній. Нынѣ постановленіе о траурномъ годѣ не удержалось въ нашемъ законодательствѣ.

Повтореніе брака. Бракъ однимъ лицомъ можетъ быть повторяемъ, по прекращеніи предшествующихъ, лишь опредѣленное число разъ. Ученіе христіанской церкви въ этомъ отношеніи шло въ разрѣзъ съ древнеримскою практикою: церковь вовсе не одобряла повтореніе брака. Свѣт-

ское право Византіи въ христіанскую эпоху колебалось, воспрещая то 3-й бракъ, то 4-й и во всякомъ случаѣ съ повтореніемъ брака соединяя разныя невыгоды имущественныя. Церковь, уступая плотскимъ стремленіямъ, не расторгала повторительныхъ браковъ, но преслѣдовала ихъ эпитиміями. Когда христіанское ученіе принесено на Русь, то здѣсь языческое обычное право рѣшало неодинаково вопросъ для вдовца и вдовы. Конечно, для перваго бракъ могъ быть повторенъ неограниченное число разъ; но для вдовы не всегда, или лучше не для всѣхъ вдовъ: главная жена была сожигаема, въ чемъ выразилось, между прочимъ, понятіе, что она можетъ быть женою только одного мужа и здѣсь и на томъ свѣтѣ. Но прочія вдовы могли вступать въ повторительные браки, какъ показываютъ сватовство Ольги и примѣръ Владиміра, женившагося на вдовѣ брата. Словомъ, и здѣсь для строгаго ученія церкви почва была весьма неблагопріятна. Однако, это не помѣшало и у насъ церкви осноситься съ такою же строгостью къ данному порядку вещей: „на тотъ бракъ не ходи, иже двоеженецъ, или триженецъ", предписывала церковная власть еще въ 1499 г. Въ слѣд. вѣкахъ церковь сдѣлалась нѣсколько уступчивѣе, хотя лишь 1-й бракъ получалъ вѣнчаніе, а 2-й и 3-й только благословлялся. Въ случаѣ брака первобрачнаго супруга съ второбрачнымъ, первый изъ нихъ вѣнчался, а второму клали вѣнецъ на плечо. Свидѣтельства Герберштейна и Майерберга подтверждаютъ тотъ взглядъ, что церковь лишь первый бракъ признавала таинствомъ, а два остальные она терпѣла, какъ зло, и признавала лишь гражданскія послѣдствія такихъ браковъ. Но жизнь противилась этому строгому ученію, допуская и 5, 6 и 7-й браки (примѣръ Ив. Грознаго), даже 10, какъ показываетъ примѣръ Вятчанъ. А такъ какъ свѣтскій законъ не регулировалъ этихъ отношеній, то до Улож. царя Ал. Мих. четвертые браки признаваемы были за граждански законные. Лишь съ Уложенія (XVII, 15) и указа 1651 г. 4-й бракъ лишенъ былъ юридической силы: вдова послѣ 4-го брака и ея дѣти не получали наслѣдства послѣ смерти мужа и отца (П. С. З. № 64; Уложеніе запрещаетъ жениться на 4-й женѣ, а указъ 1651 г.—выходить замужъ за 4-го мужа). Что именно со времени изданія Улож. нужно признать это правило дѣйствующимъ, доказывается указами 1670, 1676 (П. С. З. № 633) и 1677 г. (№ 700), по которымъ тѣ жены, съ которыми мужъ вступилъ въ 4-й бракъ до Улож., могутъ получить прожиточныя помѣстья, а дѣти ихъ—помѣстья и вотчины ихъ отца. Здѣсь не установляется какого-либо искусственнаго срока давности; это видно изъ того, что за такими женами и ихъ дѣтьми не только оставляются тѣ помѣстья и вотчины, которыя даны имъ до Улож., но и такія, которыя даны были послѣ воспрещенія 4-го брака въ Улож. По ук. 1676 г., дѣти такихъ вдовъ пользуются правами наслѣдства и отъ боковыхъ родственниковъ своего отца.

По инструкціи старостамъ попов. патр. Адріана 1697 г., 4-й бракъ признается уже преступленіемъ: супруги разводятся по монастырямъ подъ началъ и содержатся въ смиреніи до указу (П. С. З. № 1612).

На окраинахъ Россіи и въ частности въ землѣ войска Донского такія постановленія исполнялись и въ XVIII в. не съ достаточною строгостью. Въ 1767 г. (П. С. З. № 12856) св. Тихонъ, еп. Воронеж., довелъ до свѣдѣнія синода о нѣсколькихъ четвертыхъ бракахъ у Донскихъ казаковъ какъ мужьевъ, такъ и женъ: изъ нихъ нѣкоторые въ 4-мъ бракѣ прожили уже 30 лѣтъ, другіе—19 л., и прижили дѣтей. „Да и впредь, прибавляетъ святитель, въ ономъ войскѣ Донскомъ уповательно таковыхъ же беззаконныхъ браковъ оказаться можетъ не малое число". Синодъ предписалъ немедленно развесть всѣ такіе браки, назначить церковную епитемію и воспретить вступленіе въ новые браки тѣмъ изъ супруговъ, которые сами вступили въ 4-й бракъ или знали, что вступаютъ въ бракъ съ лицомъ, бывшимъ уже въ бракѣ 3 раза; прочимъ, вступившимъ въ бракъ по невѣдѣнію о четверобрачности другого супруга, позволить, по разводѣ, вступить въ новые браки. О судьбѣ дѣтей отъ такихъ браковъ, ничего не сказано. Въ 1814 г. (П. С. З. № 25545) предписано и католическому духовенству при вѣнчаніи смѣшаннымъ бракомъ справляться о православномъ, въ какой бракъ онъ вступаетъ.

ж) **Отсутствіе извѣстныхъ степеней родства или свойства.** Исторію этого послѣдняго условія брака здѣсь излагать не будемъ, такъ какъ въ опредѣленіи его свѣтское законодательство не участвовало. Замѣтимъ только, что и въ этой части брачнаго права исторія идетъ тѣмъ же путемъ отъ безусловной строгости церкви (запрещенія брака до 8 й ст.) къ постепенному пониженію требованій (до 4-й ст. и даже ниже). Смягченіе это въ особенности становится замѣтнымъ по отношенію къ родству духовному.

Формы совершенія брака.

Формы совершенія брака зависятъ отъ различія понятій о самомъ бракѣ; по римскому и византійскому праву, бракъ есть договоръ. Такимъ понятіемъ римское право отличало его отъ простого физическаго сожитія. Поэтому формы его совершенія, по визант. источникамъ (прохирону и эклогѣ), ничѣмъ не отличаются отъ формъ совершенія прочихъ гражданскихъ сдѣлокъ. Бракъ можетъ быть совершаемъ или *письменно* или *символически*; но символы языческаго брака (coemptio, confarreatio) уже отброшены въ христіанскую эпоху визант. права; остался только одинъ—*приведеніе* жены въ домъ мужа—моментъ существенный и неизбѣжный. Что касается до письменной формы совершенія, то чрезъ нее бракъ можетъ быть совершенъ заочно и чрезъ адвоката. Византійскіе кодексы, заключенные въ нашу кормчую, ничего не упоминаютъ о церковномъ вѣнчаніи. Но императ. эдиктъ Льва Философа узаконилъ вѣнчаніе.

Церковь и въ этомъ расходилась съ свѣтскимъ правомъ Византіи, признавая бракъ не договоромъ, а таинствомъ и единственною формою совершенія его *церковное вѣнчаніе*. Впрочемъ, можно сомнѣваться, было ли это требованіе такъ настойчиво проводимо церковью съ самаго начала (въ Византіи и у насъ), какъ впослѣдствіи.

У насъ правила м. Іоанна въ XII в. засвидѣтельствовали, что въ то время, т. е. два вѣка спустя послѣ принятія христіанства, „не было на простыхъ людяхъ благословеннаго вѣнчанія, но бояре только и князья вѣнчались“. Какъ же совершался бракъ у простолюдиновъ? „Простымъже людемъ яко именемъ и плесканіемъ...“; въ этихъ неясныхъ словахъ памятникъ указываетъ, что браки у простыхъ людей продолжали совершаться при помощи языческихъ обрядовыхъ формъ. Церковь вооружалась именно противъ такихъ языческихъ формъ брака. Митр. Максимъ (1283—1305) писалъ въ своемъ поученіи слѣд.: „да держатся жены отъ св. соборныя и апостольскія церкви, зане жена спасенія ради человѣческаго бысть. Аще же ихъ держите въ блудѣ—безъ благословенія церковнаго, то что ти въ помощь есть? Но и молися и нуди ихъ, аще и стари суть, да вѣнчаются въ церкви“.

Строгія поученія духовенства противъ невѣнчанныхъ браковъ доказываютъ, что въ обычномъ правѣ такіе браки были въ употребленіи не только въ XII и XIII в., но и въ XV и XVI. Именно это находимъ у новгородцевъ, судя по посланію м. Фотія 1410 г. (А. Э. I, 461): „а который не по закону живетъ съ женою, безъ благословенія поповска понялися, тѣмъ эпитемія 8 лѣта, какъ блуднику, да пакы съвокупити ихъ“. Отсюда видно, что это не было наложничество, а бракъ. Тотъ же митрополитъ въ общемъ поученіи (Д. А. И. I, 329) опять возвращается къ этому вопросу, изъ чего слѣдуетъ, что такіе браки совершались не въ одномъ В. Новгородѣ. О томъ же у Вятчанъ свидѣтельствуетъ посланіе къ нимъ м. Іоны ок. 1456 г. (А. И. I, 498): „многіе христіане у васъ съ женами незаконно въ невѣнчаніи живутъ“. То же о Вотской пятинѣ говоритъ грамота Макарія 1534 г. (Д. А. И. I, 29): „а которые живутъ съ дѣвками и женками по любви снявся, и тѣ бъ отроки съ дѣвицами вѣнчалися, и вдовцы бы со вдовами молитвы имали у васъ, у отцовъ своихъ духовныхъ“.

Во всякомъ случаѣ въ Московскомъ государствѣ церковь успѣла, наконецъ, провести въ жизнь свое ученіе о сущности брака, какъ таинствѣ, и о единственно законной формѣ его совершенія—вѣнчаніи, дѣлая лишь разнообразіе въ этой формѣ для повторительныхъ браковъ, какъ мы видѣли выше; въ послѣднемъ случаѣ вѣнчаніе замѣнилось простымъ благословеніемъ.

Само совершеніе брака было обставлено въ Московскомъ государствѣ болѣе сложными формами, чѣмъ нынѣ. Власть, разрѣшавшая бракъ, была тогда власть епархіальнаго архіерея, а не мѣстнаго священника; послѣдній производилъ лишь самый обрядъ и приводилъ въ исполненіе рѣшеніе архіерея. Отъ этого послѣдняго къ первому даваема была т. н. *вѣнечная память*. Вѣнечная память, или „знаменныя грамоты“, не были установлены въ греческой церкви, а утвердились обычаемъ въ Россіи; стоглавый соборъ разсуждалъ о нихъ такъ: „о знаменныхъ грамотахъ... въ божественномъ писаніи и въ священныхъ правилахъ, ниже въ царскихъ законахъ... не обрѣтохомъ; то токмо писаніе глаголетъ: земскій обычай—не-

писанный законъ" (Стогл., гл. 46). Получивъ вѣнечную память, священникъ долженъ совершить еще нѣсколько дѣйствій чисто юридическаго (скажемъ—нотаріальнаго) характера: онъ долженъ произвести *обыскъ*, т. е. опросъ брачущихся и свидѣтелей о неимѣніи законныхъ препятствій къ совершенію брака (сл. Ак. Юрид. № 403) и, сверхъ того, сдѣлать извѣстнымъ предполагаемый бракъ своей приходской общинѣ черезъ троекратное *оглашеніе* въ церкви (которое повторяется, если бракъ не былъ совершенъ по прошествіи двухъ мѣсяцевъ). Постановленіе о предварительномъ производствѣ оглашеній въ первый разъ установлено печатною кормчею (1646—1653 г.), именно 50-ю главою ея, которая въ первой части своей заимствована не изъ древнихъ каноническихъ постановленій, а изъ требника Петра Могилы (1646 г.), въ этотъ же требникъ взята изъ ритуала римской церкви (польское изд. 1634 г.). Тѣмъ не менѣе на 50 гл. преимущественно опирается все послѣдующее установленіе брачнаго права въ Россіи. Проф. Павловъ (стр. 75 и сл.) полагаетъ, что постановленія объ оглашеніи оставались мертвою буквою въ XVII и даже XVIII вв., ссылаясь на то, что въ указѣ св. синода 1765 г. (по поводу отмѣны вѣнечныхъ памятей) говорится, что желающіе вступить въ бракъ обязаны объявить о своемъ намѣреніи *за недѣлю*, а по правиламъ кормчей, оглашенія должны совершаться *въ три воскресныхъ* или праздничныхъ дня до вѣнчанія. Какъ общая мѣра (по его словамъ), оглашеніе предписано синод. указомъ 5 авг. 1775 г. Но самъ проф. Павловъ приводитъ наказную грамоту Рязанск. митр. Павла 1683 г., гдѣ предписывается оглашать браки въ приходскихъ церквахъ по „Правильной книгѣ" (т. е. кормчей; см. Павлова: „50-я глава кормчей книги", стр. 76). Быть можетъ, церковное оглашеніе не вездѣ и не постоянно практиковалось (не будучи, однако, мертвою буквою). Слѣдуетъ думать, что постановленіе кормчей, какъ одна изъ мѣръ *публичности совершенія брака*, вполнѣ соотвѣтствовало исконнымъ формамъ брака, который и по обычному праву объявляется заранѣе.

Всѣ эти формы введены въ русской церкви; въ византійскихъ источникахъ о нихъ не упоминается. Поэтому естественно ожидать, что онѣ могутъ быть смягчены, и дѣйствительно упрощались въ XVIII в. Именно, по личному указу имп. Екатерины II въ 1765 г. (П. С. З. № 12433), отмѣненъ сборъ денегъ за вѣнечную память; но затѣмъ синодъ не нашелъ уже резоновъ для самого существованія вѣнечныхъ памятей и отмѣнилъ ихъ; совершеніе брака вполнѣ предоставлено приходскимъ священникамъ. Что касается до основного требованія, именно, чтобы бракъ былъ совершаемъ посредствомъ церковнаго вѣнчанія, то оно не только остается въ силѣ, но и получаетъ новое подтвержденіе въ XVIII в. Напримѣръ, тогда до свѣдѣнія синода дошло, что въ Малороссіи вѣнчаніе и свадьба не совпадаютъ, что первое предваряетъ послѣднюю, а затѣмъ повѣнчанные не считаются еще мужемъ и женою; послѣдняя возвращается въ домъ родителей впредь до свадьбы. Въ указѣ 1744 года октября 18 (№ 9052) читаемъ: „по отправленіи церковномъ брачнаго та-

инства тогожъ времени разлучився по нѣскольку лѣтъ до называемаго по ихъ обычаю брачнаго веселія, живутъ въ разныхъ домахъ; а нѣкіи изъ нихъ послѣ онаго таинства, къ вѣчному между собою разлученію поступаютъ". Синодъ осуждаетъ этотъ обычай, который косвенно истекаетъ изъ непризнанія вѣнчанія опредѣляющимъ моментомъ въ бракѣ.

Далѣе, въ XVIII в. точнѣе опредѣлено правило, что обрядъ вѣнчанія совершается *при личномъ присутствіи брачущихся*. Изъ этого правила сдѣлано въ 1796 г. (П. С. З. № 17505) изъятіе въ пользу особъ Импер. Дома при женитьбахъ ихъ на иностранныхъ принцесахъ и обратно: синодъ сослался на извѣстное уже намъ постановленіе византійскихъ свѣтскихъ законовъ о томъ, что „мужъ въ отсутствіи отъ дому своего можетъ ходатаемъ или посланіемъ писанія, сирѣчь грамотами, бракъ сотворити и жену въ домъ свой привести" (Прох. гр. 4, ст. 5). При этомъ требуется только, чтобы въ брачныхъ контрактахъ была обозначена довѣренность брачущихся лицъ присутствовать вмѣсто нихъ при обрядахъ обрученія и браковѣнчанія заочно, „потому что, прибавляетъ синодъ, обрученіе и браковѣнчаніе, по разуму благочестивой христіанской вѣры, имѣетъ все свое основаніе на взаимномъ сочетающихся согласіи".

Точнѣе опредѣлено также, что *браки могутъ быть совершаемы только въ церкви* (ук. 1853 г., 2-е П. С. З. № 27286), за исключеніемъ случаевъ прямой невозможности. Это есть подтвержденіе указа, даннаго еще въ 1769 г. (П. С. З. № 13334), „чтобы священники, мимо церкви, въ часовняхъ никого не вѣнчали; а если-же гдѣ по весьма дальнимъ разстояніямъ церквей, оказалась въ томъ необходимая нужда, оное оставляется на собственное разсмотрѣніе тѣхъ епархій преосвящ. архіереевъ". Тогда же (1775 г.) уяснено правило, что браки могутъ быть совершаемы только въ своей приходской церкви (П. С. З. № 14356).

Но въ то же время явились обстоятельства, принуждающія къ отступленію отъ основного правила о совершеніи брака, т. е. требованія церковнаго вѣнчанія. Явились *смѣшанные браки* лицъ православныхъ съ лицами другихъ христіанскихъ исповѣданій; этого обстоятельства не было въ Московск. государствѣ, ибо и браки такіе допускаемы не были. Смѣшанные браки въ 1-й разъ допущены при Петрѣ: въ 1721 г. отъ синода издано особое о томъ „разсужденіе", основанное на св. писаніи, именно, что „сіе православной церкви противности не заключаетъ"; тамъ приведены и примѣры изъ исторіи греческой и славянской, а въ частности примѣры браковъ дочерей русскихъ великихъ князей (что дѣйствительно и бывало часто въ земскую эпоху, когда разладъ между церквами восточною и западною не былъ еще такъ силенъ, но не въ Москвѣ). Однако, это обстоятельство не заставило еще отступать отъ требованія церковнаго вѣнчанія; ибо лица другихъ признанныхъ христіанскихъ исповѣданій допущены были и въ церковь для совершенія вѣнчанія по обрядамъ православнымъ. Но вотъ въ XVII вѣкѣ возникъ *расколъ*; исповѣданіе раскольниковъ не признано государствомъ: браки ихъ между собою не были признаваемы; поэтому и требованіе вѣнчанія при такихъ бракахъ не имѣло уже мѣста.

Но такъ какъ въ расколъ перешла огромная масса гражданъ, то государство не могло не регулировать ихъ брачнаго права въ виду большого значенія брака для многихъ юридическихъ отношеній (преим. правъ наслѣдованія). При Петрѣ, во время наибольшаго разгара раскольученія, вопросъ этотъ былъ самымъ настоятельнымъ. Но какъ относился къ нему Петръ, объ этомъ существуетъ разногласіе въ нашей литературѣ (Вельяминовъ-Зерновъ и Неволинъ). Дѣло въ томъ, что въ 1719 г. Петръ велѣлъ брать съ раскольниковъ, женящихся тайно, не у церквей, безъ вѣнечныхъ памятей, по три рубля съ человѣка, съ богатыхъ и больше (П. С. З. № 3340). На этомъ основаніи современники Петра думали, какъ можно думать и нынѣ, что браки между раскольниками, не освященные церковію, утверждались государствомъ со взятіемъ извѣстныхъ пошлинъ. Такое толкованіе, повидимому, правильное. Не даромъ же между современниками Петра укоренилось мнѣніе, что Петръ и его сподвижникъ Ѳеофанъ лишили бракъ значенія таинства. Однако при томъ же Петрѣ, въ 1722 году (П. С. З. № 4052), конференція сената и синода постановила, что раскольники не могутъ вѣнчаться у своихъ священниковъ, ясно не придавая такимъ бракамъ и государственно-юридическаго значенія. Такое состояніе дѣлъ продолжалось въ XVIII и въ прошломъ столѣтіи до недавняго времени. Ясно, что изъ коллизіи двухъ обстоятельствъ—непризнанія за раскольниками свободы вѣроисповѣданія и необходимости регулировать гражданскія послѣдствія брака—былъ единственный выходъ: дозволить имъ совершеніе брака гражданскимъ порядкомъ передъ свѣтскою властью, что, наконецъ, и было разрѣшено имъ указомъ 19 апрѣля 1874 года,

Другая форма допущенія совершенія законнаго брака (безъ церковнаго вѣнчанія) въ нашемъ законодательствѣ относится къ лицамъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Правда, совершеніе брака у евреевъ, магометанъ и буддистовъ предоставлено ихъ духовнымъ лицамъ—раввинамъ, мулламъ и ламамъ; но гражданскія послѣдствія брака разсматриются свѣтскимъ судомъ. Еще болѣе: когда изъ двухъ супруговъ-нехристіанъ одинъ принимаетъ православную христіанскую вѣру, то бракъ удерживается въ своей силѣ; тогда церковнаго вѣнчанія, очевидно, совершить нельзя (св. зак. X, 79). Еще въ 1729 году (П. С. З. № 5400) былъ данъ синодскій указъ: „которые калмыки супружество имѣли до воспріятія св. крещенія, и нынѣ какъ мужи, такъ и жены ихъ крещеніе приняли, тѣмъ бракосочетаваемаго вѣнчанія не чинить, но велѣть имъ жить въ томъ супружествѣ невозбранно". Здѣсь, повидимому, рѣчь идетъ объ обоихъ супругахъ, обращающихся одновременно въ христіанство. Но въ 1825 г., по поводу вопроса объ обращающихся изъ еврейства, синодъ именно постановилъ, что, если одинъ изъ супруговъ остается необращеннымъ, то бракъ не расторгается. Для магометанъ существуетъ лишь то ограниченіе, что мужъ иновѣрный долженъ отказаться отъ многоженства и жить съ одною женою христіанкою.

Прекращеніе и расторженіе брака.

Браки, совершенные съ нарушеніемъ главныхъ приведенныхъ выше условій, какъ акты незаконные, не суть браки. Уничтоженіе такихъ союзовъ не можетъ быть названо ни прекращеніемъ, ни расторженіемъ брака. Разводъ такихъ союзовъ тѣмъ въ особенности отличается отъ расторженія брака, что въ послѣднемъ случаѣ всѣ послѣдствія, возникшія при существованіи брака, остаются въ силѣ (напр., дѣти признаются законными); между тѣмъ въ первомъ случаѣ никакихъ законныхъ послѣдствій такой союзъ дать не можетъ. Здѣсь будетъ идти рѣчь лишь о прекращеніи и расторженіи дѣйствительнаго брачнаго союза.

По ученію церкви, бракъ прекращается только физическою смертію (и то не вполнѣ, ибо только этимъ можно объяснить сопротивленіе церкви допустить повтореніе брака); расторгается же бракъ единственно вслѣдствіе прелюбодѣянія. Византійское свѣтское право (Юстин. и Прохиронъ), регулируя прежнюю безусловную свободу развода, какая была допускаема древне-римскимъ правомъ, распространили причины расторженія брака, допускаемыя церковію. Причинами расторженія брака были признаны тогда слѣд. обстоятельства: 1) обстоятельства стороннія, но препятствующія осуществленію цѣли брака: а) безвѣстное отсутствіе супруга; именно для находящихся въ плѣну была назначена 3-хъ лѣтняя давность; для прочихъ случаевъ отсутствіе не служитъ причиною прекращенія брака: жена, не получая извѣстій отъ отсутствующаго мужа и даже услышавши, что онъ умеръ, должна идти на мѣсто предполагаемой смерти его и удостовѣриться въ ней письменнымъ свидѣтельствомъ. б) Неспособность мужа къ супружескому сожитію (если до брака она не была извѣстна). в) Болѣзнь, въ частности—проказа (заразительная болѣзнь). 2) Обстоятельства, зависящія отъ воли супруговъ, какъ непреступныя (поступленіе въ монашество, даже одного изъ супруговъ), такъ въ особенности преступленія, а именно; а) прелюбодѣяніе, доказанное судебнымъ порядкомъ, но съ различными опредѣленіями для мужа и жены (прелюбодѣяніе мужа тогда только признается причиною развода, когда оно ведетъ къ разрушенію семейной жизни, т. е. когда оно совершено въ домѣ, или когда мужъ заводитъ другую постоянную семью на сторонѣ). б) Дѣйствія жены, указывающія на возможность прелюбодѣянія: если она пьетъ съ посторонними мужчинами или моется съ ними въ банѣ; если проведетъ ночь (безъ вѣдома мужа) внѣ дома, кромѣ дома своихъ родителей; если она присутствуетъ на конскихъ ристалищахъ, въ спектакляхъ и на охотѣ. в) Другія преступленія, совершаемыя однимъ супругомъ по отношенію къ другому, какъ-то: покушеніе на жизнь, посягательство на цѣломудріе жены, ложное обвиненіе въ судѣ мужемъ жены своей въ прелюбодѣяніи. г) Общія преступленія, не имѣющія связи съ семейнымъ правомъ: необъявленіе другому супругу о заговорѣ противъ государя. Изъ этого видно, что причины расторженія брака, основанныя на преступленіяхъ и порокахъ, не одинаково оцѣниваются по отношенію къ мужу и женѣ. Та же

разница къ невыгодѣ жены замѣчается и въ послѣдствіяхъ развода: мужъ во всякомъ случаѣ могъ вступить въ бракъ, жена же, признанная виновною, заключалась въ монастырь, откуда въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ могла быть извлечена валею мужа, въ противномъ случаѣ оставалась тамъ невсегда.

По ученію древне-русскаго права, *прекращеніе брака* обусловливалось только **физическою смертію.** Въ языческую эпоху господствовало понятіе, что бракъ (съ одною женою) простирается и за предѣлы гроба: на это указываетъ сожженіе вдовы у руссовъ при смерти мужа, такъ подробно описанное арабскими историками. Между прочимъ Массуди разсказываетъ: „если умираетъ мужъ, то сжигаютъ вмѣстѣ съ нимъ и его жену живою; но если жена умираетъ, то мужа не сожигаютъ. Если умершій былъ холостъ, то его женятъ послѣ смерти, и женщины стремятся сами быть сожженными, чтобы войти въ рай“ (сл. Котляревскаго: „О погребальныхъ обычаяхъ“).

Смерть политическая (лишеніе всѣхъ правъ состоянія, потокъ и разграбленіе), а равно и отдача въ рабство не прекращали брака. На потокъ выдавали именно съ женою и съ дѣтьми (см. Рус. Пр. Кар. 5). согласно съ установившимся воззрѣніемъ на смерть политическую, и въ новой исторіи (послѣ Петра), хотя установился новый взглядъ на дѣло, уцѣлѣли остатки прежняго. Именно Петръ въ 1720 г. (П. С. З. № 3628) позволилъ женамъ сосланнымъ въ вѣчную каторжную работу или выходить замужъ за другихъ, или поступать въ монашество, или оставаться внѣ брачнаго союза. Но здѣсь не указано, должна ли въ такомъ случаѣ жена испрашивать на то особое разрѣшеніе отъ духовной власти, т. е.. иначе, неизвѣстно, признана ли здѣсь ссылка за обстоятельство, прекращающее бракъ, или за причину расторженія брака. Но потомъ въ указахъ, издаваемыхъ на основаніи предыдущаго, законодатель усвоихъ опредѣленный взглядъ на это, именно, что вѣчная ссылка ведетъ лишь къ дозволенію подать просьбу оставшемуся супругу о вступленіи въ новый бракъ, и что такое разрѣшеніе даетъ синодъ (ук. 1753), который, впрочемъ, въ 1767 г. делегировалъ это право епархіальнымъ архіереямъ (П. С. З. №№ 10086, 10101, 12934). Уже въ XIX вѣкѣ это право женъ расспространено и на мужей (1804 г. П. С. З. № 21276). Но какая именно ссылка ведетъ къ расторженію брака, или что называется вѣчною ссылкою, оставалось неуясненнымъ до 1808 г., когда, по особому запросу синода, было разъяснено, что подъ этимъ разумѣется всякая скылка на поселеніе. При этомъ, очевидно, имѣлось въ виду болѣе то обстоятельство, что супругъ, помимо воли своей, долженъ уйти на далекое разстояніе отъ мѣстожительства другого супруга, болѣе, говоримъ, чѣмъ лишеніе правъ состоянія, соединенное съ ссылкою. Этимъ объясняется, почему весьма поздно, именно въ 1843 г., то же правило распространено на женъ преступниковъ, заключенныхъ въ арестантскія роты. То же еще болѣе открывается изъ того обстоятельства, что въ случаѣ желанія другого супруга слѣдовать за осужденнымъ на мѣсто ссылки это ему позволяется (1818 г.

(П. С. З. № 27231) и бракъ въ такомъ случаѣ стается въ своей силѣ, чего, конечно, не могло быть, если бы опредѣляющимъ моментомъ прекращенія брака было лишеніе правъ (смерть гражданская). Это въ высшей степени утѣшительная черта непослѣдовательности закона, который, хотя и лишаетъ человѣка всѣхъ правъ, но не рѣшается лишить его самаго драгоцѣннаго изъ нихъ. Если оба супруга одновременно лишены правъ, бракъ между ними остается въ силѣ.

Поступленіе въ монашество одного супруга было въ древней Руси законною причиною для расторженія брака: „обычай же есть, говоритъ указъ 1712 г., что мужъ съ женою согласіе творятъ, чтобы мужъ въ монаха постригся, а жена-бы свободна была пойти за иного. Сей разводъ простымъ кажется быти правильный...“ (П. С, З. № 4022). Онъ и дѣйствительно правильный съ точки зрѣнія свѣтскаго византійскаго права. До насъ дошли и образцы такихъ условій между супругами изъ древнерусскаго быта. Однако, это обстоятельство обратилось къ невыгодѣ слабѣйшей стороны и прикрывало собою одностороннее расторженіе брака по другимъ цѣлямъ. По показанію Котошихина, „мужъ, найдя жену несовѣтливою или увѣчною, или самъ постригается, или умышляетъ надъ нею учинить, чтобы она постриглась: бьетъ и мучитъ всячески и вмѣстѣ съ нею не спитъ...“ По свидѣтельству приведеннаго выше указа, супругъ, получившій разводъ отъ другого, пожелавшаго поступить въ монастырь, получалъ (или выговаривалъ себѣ) право на вступленіе во 2-й бракъ. Но закономъ, впрочемъ, довольно позднимъ (ук. патр. Іоакима 1681 г.), это было прямо запрещено: „буде жена отъ мужа пострижется, и мужу ее иные жены не поимать; также и женамъ по постриженіи мужей своихъ не ити замужъ“. Какъ смотрѣла правительственная (церковная) власть на это раньше, сказать трудно: показанія памятниковъ неясны (см. примѣры рѣшеній патріарха 1642 г. по дѣлу Путилова и Иванова въ Рус. Ист. Библ. Т. II).

Петровское законодательство обратило особое вниманіе на эту причину расторженія брака, преслѣдуя съ большою энергіею вообще поступленіе въ монашество людей здоровыхъ и молодыхъ. Именно тогда было установлено, что а) самовольныя условія о разводѣ для поступленія въ монашество не дозволяются; б) запрещено поступленіе въ монастырь одного супруга (позволяется вступленіе въ монастырь одновременно обоимъ); в) это позволеніе обусловливается достиженіемъ извѣстнаго возраста (по прибавленію къ Дух. Регл., рѣчь идетъ только о женѣ, которая должна имѣть не менѣе 50—60 л.), и г) положеніемъ дѣтей: при малолѣтствѣ и необезпеченности дѣтей вступленіе въ монастырь не позволяется, если даже всѣ вышеуказанныя условія есть налицо.

Отсутствіе одного супруга *изъ мѣстожительства другого* опредѣляется въ нашемъ правѣ иначе, чѣмъ въ византійскомъ. 1) Обстоятельство это примѣняется одинаково какъ къ мужу, такъ и къ женѣ; 2) имѣется въ виду не одно безвѣстное отсутствіе, но и всякое, при которомъ является невозможнымъ брачное сожительство (примѣромъ можетъ слу-

жить упомянутый выше разводъ Бѣльскаго, по разсказу Герберштейна). Однако, и эти постановленія о безвѣстномъ отсутствіи далеко не были руководящими для практики, какъ показываютъ акты того времени. Изъ нихъ слѣдуетъ, что, хотя супруги не получали развода по отсутствію, но тѣмъ не менѣе оставшійся супругъ свободно заключалъ бракъ съ третьимъ лицомъ; что возвратившійся прежній супругъ въ какое бы то ни было время могъ предъявить свои права на жену, и что, наконецъ, именно тогда наступалъ разводъ бол. част. перваго брака, но могло быть, что и второго. Съ Петра В. въ законѣ формулировано именно безвѣстное отсутствіе, какъ причина расторженія брака (см. ук. 1722 г. № 3963 и ук. 1723 № 4190). Окончательно установлено нынѣ дѣйствующее правило въ 1810 г. (П. С. З. № 24360). Срокъ отсутствія общій—5-лѣтній и особенный—10-лѣт. для попавшихъ въ плѣнъ.

Изъ препятствій осуществленію цѣли брака при совмѣстномъ жительствѣ обоихъ супруговъ, русское обычное право знаетъ то, которое было въ виду и у византійскихъ законодателей, т. е. **неспособность мужа къ супружеской жизни.** Но въ русскомъ правѣ и въ этомъ отношеніи не были усвоены ограничительныя условія визант. закона: разводъ и по этой причинѣ требовалъ взаимнаго согласія супруговъ: бракъ расторгался только тогда, когда самъ неспособный подалъ о томъ заявленіе.

Но кромѣ этого обстоятельства, признаваемаго и нынѣ дѣйствующимъ правомъ, русское обычное право прежнихъ временъ знало другое обстоятельство, равносильное предшествующему, но приписываемое женѣ, именно *безплодіе*: извѣстенъ случай съ в. кн. Вас. Ивановичемъ и его супругою Соломоніею (1525 г., по Герберштейну; впрочемъ въ этомъ случаѣ наступилъ собственно не разводъ по безплодію, а насильственное поступленіе жены въ монашество, которое уже и привело къ разводу). Это обстоятельство въ новомъ правѣ отнюдь не считается причиною расторженія.

Проказа визант. права у насъ истолкована, какъ **болѣзнь** въ обширномъ смыслѣ слова, такъ какъ это обстоятельство состоитъ въ связи съ предыдущимъ. Убѣжденіе, что долговременная и неизлѣчимая болѣзнь есть достаточная причина для развода, замѣтно въ обычномъ правѣ съ древнѣйшихъ временъ: такъ, въ уст. Яр. читаемъ: „аже женѣ лихій недугъ болитъ, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ее не пустити; такоже и женѣ нельзя пустити мужа". Если церк. право воспрещало это, значитъ, жизнь подавала къ тому поводы. Примѣръ в. кн. Семена Ивановича (1350 г.) указываетъ, что даже мнимыя болѣзни приводили къ разводу съ правомъ для обоихъ супруговъ вступать въ новые браки. Что такой взглядъ удержался до самаго XVIII в., доказываетъ синодскій указъ 1723 года (П. С. З. № 4190), гдѣ между прочимъ въ п. 11 читаемъ: „разлучающихся мужа и жену отъ брачнаго союза за болѣзнями отнюдь безъ синодальнаго разсужденія не разводить и не постригать; токмо изслѣдовать о томъ обстоятельно и опасно, посвидѣтельствовавъ болѣзнь докторами, присылать доношенія съ письменнымъ свидѣтельствомъ въ синодъ

и ожидать синодской резолюціи". Изъ этого постановленія очевидно, что за причину развода признаваема была всякаа болѣзнь (продолжительная и неизлѣчимая); что и въ XVIII в. по этой причинѣ могъ быть данъ разводъ синодомъ; что, наконецъ, по общему порядку болѣзнь вела къ постриженію, т. е. и эта причина сводилась къ поступленію въ монашество, хотя въ дѣйствительности болѣзнь, а не поступленіе въ монашество здѣсь была причиною развода. Неволинъ замѣчаетъ, что эта самая неосновательная причина, потому что помощь больному супругу есть одна изъ высочайшихъ обязанностей другого. Но древнее право, очевидно, допускало эту причину не по волѣ здороваго, а по волѣ больного супруга, для котораго семейная жизнь могла быть только тягостію, а успокоеніе въ монастырѣ, служившемъ въ то время больницею, единственнымъ счастливымъ выходомъ. Въ одномъ изъ могилевскихъ актовъ развода для поступленія въ монашество заявленіе о разводѣ дѣлается не здоровымъ мужемъ, а больною женою, а именно, что она, „сдѣлавшись больною, не можетъ жить уже въ супружествѣ и служить мужу, а потому должна удалиться на покуту и хочетъ быть черницею" (1609 г.). Такая, причина, несомнѣнно, уважительнѣе требованій развода по нѣкоторымъ другимъ причинамъ. Вышеприведенный фактъ насильственнаго удаленія мнимо-больной жены в. кн. Семеномъ Ивановичемъ есть злоупотребленіе этимъ началомъ.

Нравственныя причины расторженія брака. Изъ нихъ византійское право знаетъ только одно—*прелюбодѣяніе*, такъ какъ всѣ другія порочныя дѣйствія жены, исчисленныя выше, сводятся къ предположенію о прелюбодѣяніи. Русское право отличается въ этомъ отношеніи отъ византійскаго двумя чертами. а) Равенствомъ условій для мужа и жены при разводѣ по этой причинѣ. Правда, это достигнуто было не вдругъ. Нечего говорить о временахъ язычества, когда допускаемо было не только многоженство, но и наложничество. Однако, мы видѣли, что и въ христіанскую эпоху по скоро исчезло многоженство; наложничество же оставалось въ полной силѣ весьма долго. Въ XII в. вопрошаніе Кириково свидѣтельствуетъ о томъ весьма наивно, но нѣсколько загадочно: „рѣхъ ему: а аже, владыко, се друзіи наложницы водять явѣ и дѣти родять, яко со своею, а друзи съ многыми отай рабами; которое луче?—Се не добро, рече, ни се, ни оно. Рѣхъ; владыко, аже пустити свободна? (вѣроятно: можетъ ли жена по этой причинѣ расторгнутъ бракъ?). Сдѣ, рече, обычай нѣсть таковъ; а лѣпше иного человѣка въскупити, абы ся и другая потомъ казнила" (можетъ быть, лучше наказать денежнымъ штрафомъ, чтобы и другимъ то было неповадно), т. е. здѣсь не позволяется расторгать бракъ по открытому прелюбодѣянію мужа. Въ концѣ концовъ, однако, устанавливается равенство условій для мужа и жены по отношенію къ этой причинѣ развода. б) Другое отличіе русскаго права касается послѣдствій расторженія брака по прелюбодѣянію: когда установлено правило, что это обстоятельство ведетъ къ расторженію брака и при виновности мужа точно такъ же, какъ и при виновности жены, то и запрещеніе новаго брака для виновнаго супруга стало простираться на обоихъ супруговъ. Замѣчательную черту

въ этомъ отношеніи въ обычномъ правѣ составляетъ требованіе, чтобы расторженіе брака и по этой причинѣ основано было на взаимномъ согласіи обоихъ супруговъ: изъ актовъ допетровской Руси видимъ, что, если бракъ уже былъ расторгнутъ духовною властію по причинѣ прелюбодѣянія, то супруги иногда продолжали его или потомъ окончательно расторгали по взаимному соглашенію.

Кромѣ указанныхъ выше причинъ, которыя сами по себѣ ведутъ къ расторженію брака, древне-русское право допускало расторженіе по **несогласной жизни супруговъ**, несмотря на то, что оба супруга отличаются вѣрностью, здоровьемъ и проч. Бракъ имѣетъ цѣлію, по выраженію памятниковъ обычнаго права, „совѣтъ", т. е. единеніе идей и чувствъ. Само собою разумѣется, что несогласія супружеской жизни должны проявиться въ фактахъ, опредѣленныхъ дѣйствіяхъ одного или обоихъ супруговъ; самыя же дѣйствія могутъ быть вызваны или экономическою невозможностію поддержанія семейной жизни, или несогласіями между родственниками жены и мужемъ (напр., въ княжескихъ семействахъ при войнѣ зятя съ тестемъ), или порочностію и даже преступленіями одного изъ супруговъ. Правда, въ актахъ попадаются случаи развода по соглашенію обоихъ супруговъ, ничѣмъ не мотивированные, кромѣ несогласія, „недоброй жизни", но здѣсь, очевидно, подразумѣваются объективныя фактическія проявленія несогласія (не простое „несходство характеровъ"). Объ этомъ свидѣтельствуетъ памятникъ XII в.: „ожели вельми зло будетъ, яко не мочи мужю держати жены, или жена мужа": если напр., жена найдетъ мужа задолжавшимъ и пьяницею, который начнетъ пропивать ея одежды, то разводъ допускается (слѣдуетъ думать, что здѣсь экономическое разстройство дѣлъ, мужа предполагается уже бывшимъ до брака и неизвѣстнымъ прежде женѣ, а зѣтѣмъ по наступленіи брака оно становится причиною развода лишь тогда, когда является результатомъ порочности мужа). Въ актахъ есть случаи разводовъ, мотивированныхъ просто одною *бѣдностію*; но подъ этимъ, конечно, скрывается несогласіе—естественный результатъ мелкихъ счетовъ, возникающихъ отъ гнетущей нужды. Точно такъ же разводъ по несогласію супружеской жузни мотивируется иногда преступными дѣйствіями одного супруга противъ другого; напримѣръ, одна статья уст. Ярослава съ сомнительнымъ значеніемъ говоритъ: „если жона ведетъ мужа покрасти клѣть или товаръ..." Это лишь отчасти напоминаетъ ученіе византійскихъ законовъ о такихъ преступленіяхъ одного супруга противъ другого, какъ, напр., покушеніе на жизнь, которыя могутъ повести къ лишенію правъ, а потому и къ расторженію брака; тѣ преступленія, о которыхъ говоритъ русское право, потому ведутъ къ расторженію, что указываютъ на несогласіе семейной жизни. Въ чистомъ видѣ эта причина, не осложненная ни бѣдностью, ни преступленіемъ, является въ сказаніяхъ *Котошихина*, *Мейерберга* и въ нѣк. *актахъ*. Котошихинъ разсказываетъ: „и будетъ которая жена бываетъ противна, побои его (мужа) и мученія не терпитъ, жалуется сродникамъ своимъ, что онъ съ нею живетъ не *въ совѣтѣ*, а бьетъ ее и мучитъ всячески,—и тѣ сродичи на того

человѣка бьютъ челомъ патріарху или большимъ властямъ", которые послѣ обыска черезъ домашнихъ и сосѣдей отдаютъ виновнаго въ монастырь на смиреніе на $^1/_2$ года или годъ; если мужъ по возвращеніи въ домъ не исправится, то „ихъ разведутъ и животы ихъ имъ раздѣлятъ пополамъ, и до семи лѣтъ имъ одному жениться на иной, а другой—за другого итти замужъ не поволено" (XIII. 10). Однако, этой причины развода нельзя смѣшивать съ произволомъ не только одной стороны, но даже и обѣихъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ расторженія брака даже по причинѣ прелюбодѣянія [1]).

Порядокъ совершенія развода въ древней Руси есть или письменный договоръ между супругами, явленный свѣтскому или духовному суду, или односторонній актъ—отпускная со стороны мужа женѣ. Въ Московскомъ государствѣ мало-помалу утвердилось правило, что разводъ дается епархіальною властію по жалобѣ одной стороны, или по просьбѣ обѣихъ. Однако, и тогда весьма часто разводныя письма утверждалъ мѣстный духовный отецъ—священникъ. Законодательство XVIII в., разрѣшивши совершеніе брака священникамъ, въ дѣлѣ расторженія шло обратнымъ путемъ къ большей и большей строгости требованій. Указомъ 1730 г. запрещено отцамъ духовнымъ прикладывать руки къ самовольнымъ разводнымъ письмамъ, подъ тяжкимъ штрафомъ и наказаніемъ и даже лишеніемъ священства (П. С. З. 5655). Но въ 1767 г. (П. С. З. № 12935) синодъ опять замѣтилъ, что „распускныя письма, въ противность Закона Божія и правилъ св. отецъ, священно- и церковнослужители пишутъ, а другіе, безразсудно утверждая оныя быть правильными, таковыя браки (разведенныхъ) вѣнчаютъ". Поэтому синодъ приказываетъ объявить священно- и церковнослужителямъ, „дабы они никому ни подъ какимъ видомъ разводныхъ писемъ не писали, и по онымъ... мужей отъ живыхъ женъ и женъ отъ живыхъ мужей не вѣнчали; а ежели кто за симъ обязательствомъ въ таковыхъ преступленіяхъ окажется, оные судимы и извержены булутъ отъ своихъ сановъ неотмѣнно, и о томъ ихъ всѣхъ обязать крѣпчайшими подписками". Затѣмъ право давать разводъ предоставлено было епархіальнымъ архіереямъ и лишь въ особыхъ случаяхъ синоду (для поступленія въ монашество и за болѣзнями). Но съ 1805 г. утвердился обратный порядокъ: бракоразводныя дѣла по общему правилу принадлежатъ синоду, по исключенію—епархіальнымъ архіереямъ (по лишенію правъ, по безвѣстному отсутствію).

Независимо отъ этого до начала прошлаго вѣка продолжали еще писать условія между супругами о раздѣльномъ жительствѣ; такія условія хотя и не принимаемы были за расторженіе брака, но были условіями *о разлученіи отъ стола и ложа* (separatio quod ad mensam et torum). Въ

[1]) Въ рѣшеніи св. синода по дѣлу Мусинъ-Пушкиныхъ 1805 года между прочимъ выражено: „что касается до раздоровъ, происходящихъ между супругами, то, по содержанію 9-го ст. Евангелія отъ Матѳея 19 гл., несогласія ихъ не могутъ служить основаніемъ къ расторженію ихъ брака" (О. Горчаковъ, прилож. № X).

этомъ смыслѣ гражданскіе суды считали себя въ правѣ принимать ихъ къ явкѣ и укрѣпленію. Такъ поступила гражданская С.-Петербургская палата, принявъ къ совершенію въ 1819 г. запись между отст. пор. Шелковниковымъ и его женою о раздѣльномъ жительствѣ съ обязательствомъ мужа выдавать на содержаніе жены; запись утверждена и сенатомъ. Но св. синодъ нашелъ такую запись противною каноническому праву; съ нимъ согласились мин. дух. дѣлъ, комиссія составленія законовъ и, наконецъ, государственный совѣтъ въ депар. законовъ и въ общемъ собраніи. При этомъ закономъ утверждено правило, что „никакія въ гражданскомъ управленіи мѣста и лица не должны утверждать между супругами обязательствъ и другихъ актовъ, въ коихъ будетъ заключаться условіе жить имъ въ разлученіи". Государственный совѣтъ распространилъ это правило на всѣ христіанскія исповѣданія, не исключая и тѣхъ, „въ коихъ брачный союзъ принимается за гражданскій актъ". Съ тѣхъ поръ въ дѣйствующемъ правѣ не существовало *развода* (separatio), который служилъ субсидіарнымъ средствомъ при невозможности расторгнуть брачный союзъ.

Взаимныя отношенія супруговъ: 1) личныя.

Личныя отношенія супруговъ могутъ быть установлены или на рабствѣ одной стороны (именно жены), или на власти и подчиненіи, или, наконецъ, на равенствѣ. На какомъ изъ этихъ основаній построенъ супружескій союзъ у насъ въ древнее время, изслѣдователи не согласились: одни склоняются къ признанію лишь власти мужа, другіе предпочитаютъ видѣть въ супружескихъ отношеніяхъ слѣды рабства жены. С. М. Шпилевскій, говоря о цѣломъ славянскомъ правѣ, находитъ слѣды рабства именно въ памятникахъ польскихъ и чешскихъ, т. е, въ памятникахъ славянскихъ народовъ наиболѣе культурныхъ. Онъ приводитъ изъ Вислицкаго стат. слѣд.: „mulier autem maritata non habet sui ipsius potestatem propter maritum suum". Для чешскаго права онъ же беретъ слѣд, мѣсто изъ Викторина Вшегердскаго: „każda żena jest neswobodna, dokudz muże ma, a jest wezen muża swého". Для русскаго права такихъ принципіальныхъ выраженій въ законахъ не находится. Зато для древнѣйшихъ временъ указывается нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, повидимому, доказывающихъ рабство жены.

Въ исторіи всѣ три указанныя отношенія могутъ быть найдены въ различныя эпохи развитія славянскаго права съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ для русскаго права, что рабство жены исчезаетъ уже въ началѣ исторіи, а власть мужа принимаетъ болѣе мягкій характеръ, чѣмъ у современныхъ другихъ культурныхъ народовъ.

а) **Времена древнѣйшія.** Существенныя черты рабства жены состоятъ въ правѣ мужа на жизнь и въ правѣ на свободу жены. Въ доказательство существованія перваго у древнихъ руссовъ нельзя привести ни одного древнѣйшаго свидѣтельства даже миѳическаго времени (сл. судъ надъ же-

ною кн. Владиміра Рогнѣдою). Въ доказательство права на свободу жены приводится обыкновенно разсказъ лѣтописи о поединкѣ Мстислава съ Редедею Касожскимъ (1024 г.). „Рече Редедя къ Мьстиславу: аще одолѣеши ты, то возьмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моя, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все. И рече Мстиславъ: тако буди". Если и признать это не баснословнымъ разсказомъ, во всякомъ случаѣ здѣсь дѣло идетъ объ условіи варвара Касога съ русскимъ княземъ, также одичавшимъ въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ. Общая ссылка на способы совершенія брака черезъ покупку и похищеніе, необходимо приводящіе къ рабству, уже ослаблена нами указаніемъ на то, что у восточныхъ славянъ съ древнѣйшихъ временъ имѣетъ мѣсто и бракъ чрезъ приведеніе, и что самое похищеніе есть фиктивное, что, наконецъ, различіе женъ и наложницъ ясно указываетъ на различіе брака и рабства. Затѣмъ въ доказательство права мужа на свободу жены можетъ быть приведенъ случай 1024 года, т. е. разсказъ лѣтописи о голодѣ въ Суздальской землѣ, когда мужи отдавали своихъ женъ челядинамъ для прокормленія; это выраженіе означаетъ, повидимому, что мужья передавали сами своихъ женъ своимъ рабамъ для прокормленія женъ. Но въ виду голодной смерти человѣкъ дѣйствуетъ не по сознанію права, а подъ давленіемъ крайней необходимости, нарушающей право.

Въ доказательство рабства женъ въ древнѣйшія времена могутъ быть приведены аналогическія, но болѣе рѣшительныя сказанія изъ временъ болѣе позднихъ, именно свидѣтельства о донскихъ казакахъ и Сибирскихъ піонерахъ. О первыхъ Ригельманъ разсказываетъ слѣд.: „если кому жена была уже не мила и неугодна, или неудобна ради какихъ-нибудь причинъ, оныхъ мѣнять, продавать и даромъ отдавать (мужъ) могъ, водя по улицамъ, вкругъ крича: кому люба, кому надобна? За продерзости, за чужеложство, за иныя вины, связавъ руки и ноги и насыпавши за рубашку полны пазухи песку, и зашивши оную, или съ камнемъ навязавши, въ воду метали и топили, а иногда убивственно мертвили" („Ист. о Донскихъ казак."). Но въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ бракомъ, а рабствомъ; выраженіе Ригельмана, что казаки стали „брать за себя" плѣнницъ-турчанокъ, калмычекъ и пр., принадлежитъ самому Ригельману, а не дѣйствительности исторической; ибо изъ его же разсказа видно, что то были некрещеныя плѣнницы-наложницы, а не жены. Что касается до сибирскихъ колонизаторовъ, то ихъ сожительницы, которыхъ они закладывали на время и продавали, хотя и названы въ указѣ патр. Филарета женами, но изъ другихъ свидѣтельствъ оказывается, что эти мнимыя жены ими похищены и служатъ имъ вмѣсто женъ и нѣкоторыя также некрещеныя. Во всякомъ случаѣ здѣсь эти явленія разсматривались, не какъ право, а какъ правонарушеніе, и преслѣдовались властію, слѣдовательно, являются для насъ фактами, а не свидѣтельствомъ о правѣ.

Отвергая существованіе рабства жены въ историческое, особенно христіанское время, мы отнюдь не отрицаемъ зависимости жены отъ власти

мужа, зависимости гораздо болѣе значительной, чѣмъ въ послѣдующія времена, даже въ Московскомъ государствѣ.

б) **Власть мужа надъ женою въ Московскомъ государствѣ.** Можно подумать, что и въ Московскомъ государствѣ брачное право не ушло далеко отъ состоянія рабства. А именно утверждаютъ, что мужу принадлежало *право распоряжаться личностью жены* какъ по обычаю, такъ и по закону. Относительно перваго можно привести актъ 1644 г. (Русск. Ист. Библіот. т. II, № 238)—жалобу крестьянъ Кижскаго погоста царю, гдѣ крестьяне, говоря вообще о тяжести податей и повинностей, пишутъ: „платимъ мы всякіе твои государевы доходы, женъ своихъ и дѣтей закладываючи". Что разумѣется здѣсь подъ закладомъ? Думаемъ, что не служилая кабала, а временное услуженіе, ибо въ записяхъ на служилыя кабалы мужъ всегда самъ съ женою и несовершеннолѣтними дѣтьми отдаетъ себя въ кабальное холопство (см. Акты, отн. до юрид. быта, II, стр. 26). Въ смыслѣ служилыхъ кабалъ нельзя истолковать извѣстное мѣсто Уложенія ц. А. М. (XX, 43): „а будетъ кто въ голодное время самъ себя съ женою, или сына или дочь отдастъ въ работу на прокормъ..." Здѣсь та разница отъ обыкновенныхъ служилыхъ кабалъ, что запись имѣетъ срочное значеніе (а не пожизненное). Въ текстѣ Улож. дѣлается различіе между правомъ мужа на жену и правомъ отца на дѣтей; первая идетъ въ услуженіе не иначе, какъ вмѣстѣ съ мужемъ, вторыя могутъ быть отданы отдѣльно (но только въ услуженіе).

Установленіе общаго мѣстожительства супруговъ и сообщеніе правъ состоянія, какъ извѣстно, имѣетъ то значеніе, что жена должна слѣдовать за мужемъ въ его домицилій и раздѣлять съ нимъ его общественное положеніе; это общее правило, имѣющее силу и теперь, въ древнѣйшемъ правѣ могло привести къ ограниченію и полному лишенію свободы жены. Общее мѣстожительство и сообщеніе правъ состоянія для древнѣйшаго времени имѣло весьма невыгодное для жены значеніе, потому что изъ него истекали выдача на потокъ съ женою и съ дѣтьми и продажа въ рабство за долги и за преступленія мужа. Но это изъясняется въ исторіи уголовнаго и гражданскаго (обязательственнаго) права. Въ Московскомъ правѣ оно не имѣетъ уже такой строгости: мѣстожительство можетъ быть даже опредѣлено домициліемъ жены: о томъ свидѣтельствуютъ тѣ акты, которыми опредѣляются имущественныя отношенія супруговъ, въ случаѣ вступленія мужа въ домъ жены. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ, что мужъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ мѣняется ролью съ женою, приноситъ ей приданое и т. д. Но для обратнаго уравновѣшиванія такихъ фактовъ въ Московскомъ правѣ можно сослаться на затворничество женъ, при чемъ мѣстожительство является заключеніемъ жены, пожизненнымъ лишеніемъ ея свободы властію мужа. Такъ можно подумать, судя по сказаніямъ иностранцевъ, напр., Герберштейна и Мейерберга (о воспрещеніи женамъ выходить изъ дому, даже въ церковь, о гаремномъ заключеніи ихъ въ домѣ и о закрытыхъ выѣздахъ). Все это можетъ быть отнесено только къ высшимъ классамъ, заразившимся татарскими обычаями,

но не къ огромному большинству сельскаго населенія. Обратныя же свѣдѣнія объ уличной распущенности женщинъ, сообщаемыя тѣми же писателями, относятся къ городской черни.

Право наказанія жены. Свидѣтельства объ обычномъ правѣ въ этомъ отношеніи далеко не равнаго достоинства; наименьшее значеніе имѣютъ показанія иностранцевъ анекдотическаго характера (каковъ анекдотъ Герберштейна о мужѣ-нѣмцѣ и женѣ русской, яко бы свидѣтельствующій о привычкѣ женъ русскихъ къ наказаніямъ отъ мужа). Большее достоинство имѣютъ показанія источниковъ туземныхъ, каковъ, напр., Домострой, изъ котораго видно, что обычное право стремилось урегулировать право наказаній орудіями ихъ (допуская наказанія болѣзненныя, но не членовредительныя). Это подтверждается и судебными актами (напр., 1640 г.), гдѣ обычное право относительно этого вопроса выражено такъ: „смирять жена своя по вины и полюдцки, а не безвѣчьемъ“ (Ак. Юр. стр. 313). Способы регуляризаціи состоятъ: а) въ брачныхъ контрактахъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Коллинзъ (Чт. въ об. ист. и др. 1846); б) въ судѣ, и в) наконецъ; въ возможности расторженія брака по причинѣ жестокости обращенія.

Простиралось ли право наказанія до права мужа на *смертную казнь* жены за *преступленія*? Такое право, какъ извѣстно, принадлежало мужу, по законодательству почти всѣхъ даже культурныхъ народовъ; оно опредѣлено и въ памятникахъ византійскаго права, рецепированныхъ у насъ (Законѣ Судномъ людемъ). Прохиронъ и эклога позволяютъ мужу убить соучастника въ прелюбодѣяніи жены безнаказанно; слѣд., такое же право eo ipso предоставлено и относительно виновной жены. Въ примѣръ того же права у европейскихъ народовъ можно привести постановленіе Фризовъ, указывающее, что брачный мечъ не есть пустой символъ въ рукахъ мужа.

Въ русскихъ памятникахъ и законодательныхъ и бытовыхъ не находимъ этого права. Изъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ сошлемся на договоръ русскихъ съ нѣмцами 1229 года, гдѣ находимъ: если русинъ застанетъ латинина со своею женою, то платится 10 гривенъ (ст. 17). Постановленіе это тѣмъ замѣчательнѣе, что оно помѣщено именно въ договорѣ съ нѣмцами, у которыхъ, какъ мы видѣли, господствовало въ этомъ случаѣ право меча. Въ Русской Правдѣ (Кар. 101) находимъ: если кто убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, какъ мужа; если же будетъ виновата, то полъ-виры 20 гр. Статью эту (см. выше стр. 318—319) можно изъяснить такъ, что за убійство жены (мужемъ) мужъ платитъ полную виру; но если она была убита за вину (разум., прелюбодѣяніе), то наказаніе убійцѣ, хотя и понижается вдвое, однако полагается.

Именно въ такомъ видѣ мы находимъ это право въ Московск. государствѣ; хотя въ московскихъ законахъ о томъ ничего не постановлено, но судебные акты показываютъ, что убійство жены безъ вины съ ея стороны каралось точно такъ же, какъ и убійство посторонняго, т. е. смертію. Если жена убита за незначительное преступленіе общаго характера, напр., кражу, то наказаніе убійцѣ-мужу понижалось: именно назначались члено-

вредительныя наказанія (случай 1674 года). Если жена убита мужемъ за прелюбодѣяніе, то наказаніе убійцѣ назначалось еще менѣе тяжкое, именно кнутъ. Напр., въ 1664 г. „Ивашка въ убивствѣ жены своей винился, а убилъ-де жену свою до смерти за то, что она отъ него воровала блудно. Учинено ему наказаніе: бить кнутомъ и отдать на чистыя поруки“ (П. С. З. № 355). Во всякомъ случаѣ и это смягченное наказанів показываетъ, что убійство жены мужемъ за прелюбодѣяніе есть преступленіе, а не право мужа. Справляясь для аналогіи съ правами другихъ славянскихъ народовъ, находимъ въ нихъ свидѣтельства, что мужья отказываются исполнить рѣшеніе суда (основанное на рецепированномъ правѣ) казнить своихъ женъ за прелюбодѣяніе (сказаніе о Болеславѣ II и житіе Адальберта). Въ виду этого мы должны признать невѣрными разсказы иностранцевъ (Коллинза) о правѣ мужа казнить жену въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка.

в) **Время послѣ Петра I.** По общему закону исторической жизни (закону переживанія) и въ Московскомъ правѣ до самаго конца Московскаго государства (замѣны его имперіей) можно еще наблюдать устарѣлыя черты древнѣйшаго несвободнаго состоянія жены, между тѣмъ какъ жизнь уже давно ушла впередъ и создавала учрежденія, совершенно противорѣчащія рабству жены. Уже тогда наклонность къ установленію равенства супружескихъ отношеній выразилась какъ въ идеяхъ литературныхъ, такъ и въ учрежденіяхъ. Въ одномъ и томъ же хранилищѣ устной словесности, напр., въ пословицахъ, можно найти и слѣды рабства жены и высокія черты гуманнаго и цивилизованнаго права. Уже тогда выражается то же стремленіе и въ законѣ. Не будучи равными между собою во внутреннихъ отношеніяхъ, мужъ и жена пользовались равенствомъ въ своихъ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ—къ дѣтямъ и къ обществу. Правоспособность и дѣеспособность жены ничѣмъ не ограничены (см. Суд. I, 52 и 39). Что касается до времени *послѣ Петра*, то наше законодательство богато только опредѣленіями по вопросу о правѣ мѣстожительства жены: именно о правѣ жены не слѣдовать за мужемъ въ случаѣ ссылки за преступленія; объ обязанности женъ крестьянъ слѣдовать за мужьями при высылкѣ ихъ помѣщиками на поселеніе въ Сибирь (ук. 1760. П. С. З. № 11166); объ обязанности жены слѣдовать за мужемъ—иностраннымъ подданнымъ. Относительно же прочихъ правъ личныхъ мы находимъ здѣсь весьма немногое. Собственно ихъ коснулся только уставъ благочинія, или полицейскій 1782 г. Здѣсь объ обязанностяхъ мужа выражено слѣдующее общее правило: „мужъ да прилѣпится къ своей женѣ въ согласіи и любви, уважая, защищая и извиняя ея недостатки, облегчая ея немощи, доставляя ей пропитаніе по состоянію и возможности хозяина“. Здѣсь мало можно найти опредѣленныхъ постановленій, кромѣ послѣдняго—обязательства мужа доставлять женѣ пропитаніе по состоянію. Слова уст. благоч. вошли въ X-й томъ Св. Зак. почти съ буквальной точностью. Вообще личныя отношенія супруговъ съ положительной ихъ стороны не уловимы для законодательства. Столь же неполно могутъ быть опредѣлены и отношенія жены къ мужу, т. е. обязанности подчиненія мужу.

Въ томъ же уставѣ 1782 г. они выражены такъ: „жена да пребываетъ въ любви, въ почтеніи и послушаніи къ своему мужу и да оказываетъ ему всякое угожденіе и привязанность, аки хозяйка". И это постановленіе вошло въ Св. Зак., но уже не съ такою точностью, именно въ Сводѣ прибавленъ весьма характерный терминъ—„въ неограниченномъ послушаніи". Понятіе „неограниченности" власти было однажды выражено въ нашемъ законодательствѣ до изданія Свода, именно въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи 1802 г. (П. С. З. № 20519); тогда возникъ вопросъ объ отношеніи родительской власти къ власти мужа, при чемъ сенатъ выразился: „одно лицо двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы суть родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи, а особливо въ случаѣ могущей быть между изволеніями ихъ противоположности". Но это понятіе, противорѣчащее историческому ходу предшествовавшаго законодательства, высказанное сенатомъ мимоходомъ, и не должно бы было входить въ букву закона. Будучи взято въ буквальной точности, оно должно бы вести къ отказу женѣ въ правѣ иска на мужа по какому бы то ни было дѣлу, чего наше законодательство не отнимало у жены ни прежде, ни нынѣ. Что послѣпетровское право шло не назадъ, а поступательно въ дѣлѣ опредѣленія равенства въ отношеніяхъ супруговъ другъ къ другу, это доказывается характеромъ законодательства этого времени въ опредѣленіи имущественныхъ отношеній супруговъ.

2. Имущественныя отношенія супруговъ.

Имущественныя отношенія супруговъ могутъ быть установлены и, дѣйствительно, устанавливаются по тремъ началамъ: 1) подчиненія имущества жены праву мужа. 2) общности правъ на имущества обоихъ супруговъ, 3) раздѣльности правъ имущественныхъ каждаго изъ супруговъ. Типическимъ построеніемъ права по первому началу считается древне-римское; типомъ права семейной общности имуществъ можетъ быть признано нѣмецкое; наконецъ, образцомъ раздѣльности имуществъ супруговъ можетъ быть выставлено славянское право, преимущественно русское. Однако то, что сказано здѣсь о древне-римскомъ, германскомъ и славянскомъ правѣ, нужно принимать не безъ ограниченій: и въ древне-римскомъ правѣ можно наблюдать нѣкоторыя права жены на имущество, и въ нѣмецкомъ—нѣкоторые признаки раздѣльности имущественныхъ правъ супруговъ.

Что же касается до славянскаго права, то и въ немъ можно отыскать всѣ три указанные типа въ послѣдовательномъ историческомъ развитіи: древнѣйшее время, когда личныя отношенія основаны на зависимости жены, въ имущественныхъ отношеніяхъ нельзя отыскивать ни раздѣльности правъ супруговъ, ни даже общности ихъ: вмѣстѣ съ лицомъ жены и самое имущество ея подчиняется власти мужа. Во второй періодъ до XVIII вѣка у русскихъ господствуетъ начало общности семейныхъ имуществъ, съ существенными исключеніями въ пользу раздѣльности нѣкоторыхъ изъ

этихъ имуществъ. Только въ XVIII вѣкѣ устанавливается законовъ нынѣ дѣйствующее право полной раздѣльности имуществъ супруговъ.

а) **Древнѣйшая эпоха подчиненія имущества жены власти мужа** не можетъ быть изслѣдована съ надлежащею точностью по недостатку историческимъ данныхъ. Нѣкоторый свѣтъ проливаютъ только слова лѣтописи о бракѣ у Полянъ: „заутра приносятъ по ней, что вдадуче"—это приданое, которое отдается за невѣстою въ руки и во власть мужа. Впрочемъ, какъ въ личныхъ отношеніяхъ супруговъ, рабство жены исчезло въ доисторическія времена, такъ и въ имущественныхъ отношеніяхъ нельзя уже отыскивать полнаго поглощенія правъ жены правами мужа. Этимъ отчасти объясняются факты, на которые ссылается Неволинъ, находя и въ ту первобытную эпоху слѣды раздѣльности имуществъ, указывая на примѣръ Ольги, у которой былъ свой городъ (Вышгородъ), свое село Ольжичи, свои звѣриныя и птичьи ловли. Онъ сослался также на сагу объ Олавѣ, по которой русская княгиня имѣетъ свое отдѣльное войско. Всѣ эти примѣры взяты изъ княжескаго права, а княжеское право, несмотря на смѣшеніе въ немъ публичныхъ началъ съ частными, не можетъ быть признано образцомъ отношеній частныхъ: такъ, Вышгородъ называется городомъ Ольги потому, что въ то время, въ малолѣтство Святослава, Ольга была единственной представительницей княжеской власти; Вышгородъ же считался княжимъ городомъ по преимуществу для всѣхъ князей, правившихъ Кіевомъ. Извѣстія саги объ Олавѣ относятся къ періоду вдовства Ольги, а потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить для уясненія ея правъ на свои имущества по отношенію къ правамъ мужа. Затѣмъ, можно бы привести въ доказательство раздѣльности имущественныхъ правъ жены и мужа ту статью договора Олега, въ которой говорится о взысканіи съ убійцы, когда онъ скрылся, именно; все имущество убійцы поступаетъ родственникамъ убитаго, за исключеніемъ той части, которая слѣдуетъ по закону женѣ. Но это постановленіе явно составлено подъ вліяніемъ византійскаго права, ибо, по Русскому праву, даже позднѣйшему, умышленный убійца выдается на потокъ и разграбленіе вмѣстѣ съ женою и дѣтьми.

Однако, въ Русской Правдѣ содержится нѣсколько указаній на имущественныя права жены, что и приводится обыкновенно въ доказательство существованія принципа раздѣльности супружескихъ имуществъ уже въ то время (въ XI—XIII в.). Но всѣ указанія Русской Правды на этотъ счетъ заключаются въ той части ея, гдѣ она ведетъ рѣчь о наслѣдствѣ, т. е. заключаютъ въ себѣ указанія на права жены по прекращеніи брака, нисколько не уясняя вопроса объ отношеніяхъ мужа къ имуществу жены при существованіи брака. Такъ какъ постановленія Русской Правды объ этомъ предметѣ будутъ изложены въ исторіи права наслѣдованія, то здѣсь достаточно замѣтить, что по смерти мужа жена или остается распорядительницей общесемейнаго имущества, или получаетъ выдѣлъ наравнѣ съ сыновьями, по распоряженію мужа или по закону. Во всякомъ случаѣ постановленія Русской Правды относятся уже къ довольно поздней христіанской эпохѣ.

Ссылаются также на „вопрошаніе Кириково“ XII вѣка, въ которомъ между причинами развода находимъ и слѣд.: „Ожели вельми зло будетъ, яко не мочи мужю держати жены, или жена—мужа; или долгъ многъ у мужа застанетъ, а порты (одежды) ея грабити начнетъ, или пропиваетъ; или ино зло...“ Эта ссылка ослабляется тѣмъ, что а) по этому памятнику произвольное распоряженіе со стороны мужа имуществомъ жены относится къ ея одеждамъ, а право на одежду приписывалось и рабамъ; б) рѣчь идетъ о распоряженіи имуществомъ жены для цѣлей порочныхъ и не само по себѣ ведетъ къ разводу, а приводится лишь, какъ приблизительный признакъ полнаго несогласія супружеской жизни; обращеніе имущества жены на удовлетвореніе долговъ мужа не доказываетъ самостоятельности имущественныхъ правъ жены; в) единственнымъ средствомъ предотвратить расточеніе мужемъ имущества жены признанъ разводъ, чѣмъ косвенно утвердается мысль, что при существованіи брака нѣтъ средствъ гарантировать имущественныя права жены отъ произвола мужа. Подобное же указаніе могли бы имѣть статьи (24 и 25, по нашему изд.) Устава Ярослава о томъ, что мужъ, который уличенъ въ кражѣ конопли, льна, жита, бѣлья и женскихъ одеждъ, подлежитъ уголовному наказанію. Въ уст. Владиміра въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ суду церкви, упоминается „пошибанье (ссоры) между мужемъ и женою о животѣ“, т. е. движимомъ имуществѣ. Здѣсь, дѣйствительно, можно видѣть доказательство правъ жены на вещи, не только принесенныя ею въ видѣ приданнаго, но пріобрѣтенныя собственнымъ трудомъ ея во время брака; но нѣкоторыя изъ этихъ имуществъ должны быть признаны не собственными (отдѣльными) имуществами жены, а имуществомъ, предназначеннымъ на общее содержаніе семьи („жито“). Вообще же редакціи уставовъ Владиміра и Ярослава, дошедшія до насъ, могутъ изображать порядки довольно поздняго времени.

Итакъ, повторяемъ, для древнѣйшаго времени у насъ нѣтъ средствъ разрѣшить вопросъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ съ научной точностію. Но представленные факты и соображенія даютъ возможность предположительно установить такой порядокъ развитія этого института въ 1-й періодъ. 1) Когда бракъ совершается чрезъ похищеніе и покупку жены, то объ имущественныхъ правахъ жены не могло быть рѣчи. 2) Когда установился бракъ чрезъ приведеніе, съ которымъ соединялся вносъ приданаго, то нѣкоторыя имущества, именно движимыя и въ частности женскія одежды и украшенія, и вещи, пріобрѣтенныя личнымъ трудомъ жены, признаются имуществами жены (не безъ участія, однако, правъ мужа; см. вопрошаніе Кириково). 3) Послѣ принятія христіанства, подъ вліяніемъ церковнаго права [1]) и личныя и имущественныя права

[1]) Къ рѣшенію вопроса объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ въ древнѣйшую эпоху Русскаго права часто привлекаютъ *византійскіе источники права*, имѣвшіе до извѣстной степени практическое значеніе со времени принятія христіанства на Руси. Но самые эти источники, включенные въ нашу кормчую, даютъ неодинаковыя опредѣ-

жены возрастаютъ: именно, кромѣ правъ на приданое, составляющее, такъ сказать, peculium жены, за нею утверждается участіе въ правахъ на общесемейное имущество (о чемъ и свидѣтельствуетъ уставъ Ярослава). Такимъ образомъ къ концу 1-го періода относится начало порядковъ, развивавшихся во 2-мъ періодѣ, т. е. общности правъ супруговъ: а) на имущества, назначенныя для цѣлей брака; б) на имущества, пріобрѣтенныя общимъ трудомъ во время брака.

б) **Семейная общность имуществъ** *(XIV—XVII в.)*. Періодъ XIV—XVII в. какъ въ Московскомъ, такъ и въ Литовско-русскомъ правѣ есть періодъ господства общности семейнаго имущества. Неволинъ признаетъ и для этого времени основнымъ принципомъ раздѣльность имуществъ супруговъ, а признаки общности, именно заключающіеся въ ученіи о приданомъ и о правахъ наслѣдованія супруговъ одного послѣ другого, считаетъ исключеніемъ. Мы, на основаніи точнаго смысла памятниковъ, должны признать, наоборотъ, первое исключеніемъ, а второе общимъ правиломъ.

Общее право супруговъ на вещи простиралось: 1) на имущества, предназначенныя при заключеніи брака на общія цѣли семьи; 2) на имущества, пріобрѣтенныя обоими супругами при существованіи брака.

ленія по упомянутому вопросу: прохиронъ, болѣе близкій къ старому юстиніановскому праву, благопріятствуетъ раздѣльности имуществъ супруговъ; эклога, болѣе проникнутая началами обычнаго права новыхъ европейскихъ народовъ (преимущественно славянъ), склоняется къ общности имущественныхъ правъ супруговъ (см. *О. Пергаментъ*: „Къ вопросу объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнѣйшему Русскому праву", Ж. М. Н. Пр. 1894, № 11). Несомнѣнно, что вліяніе эклоги на Русское право началось гораздо раньше вліянія Прохирона, который лишь постепенно съ теченіемъ вѣковъ проникалъ въ правосознаніе руководящихъ сферъ русскаго общества. Такимъ образомъ, *предположивъ* сходство постановленій Русской Правды съ положеніями эклоги, мы могли бы отыскать въ первой сдѣды не раздѣльности, а общности имуществъ супруговъ (по такъ наз. дотальной системѣ). Но это только—„предположеніе", ибо статьи Русской Правды о правахъ наслѣдства жены не оправдываютъ выводовъ о сходствѣ съ эклогою (о приданомъ Рус. Правда прямо не говоритъ, а „часть, которую далъ ей мужъ"—„возложилъ на нее", не соотвѣтствуетъ понятію о donatio propter nuptias, ибо ни по юстиніановскому праву, ни по эклогѣ это послѣднее, т. е. donatio, не переходитъ къ женѣ, пережившей мужа, а переходятъ только lucra nupttalia, и именно по эклогѣ—$^1/_4$ имущества мужа, а по новоллѣ CLVII часть, равная частямъ дѣтей).

Вѣномъ называлось тогда не propter nuptias donatio (какъ послѣ), а плата за невѣсту ея родителямъ или вообще вдасть имѣющимъ: говоря о бракѣ Владиміра св. съ царевною Анною, лѣтописецъ прибавляетъ: „вдасть же за вѣно грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля". Подъ 1043 г. лѣтопись повѣтствуетъ: „въ си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людей 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава". Эта плата за лицо невѣсты, не имѣющая никакого отношенія къ будущимъ семейно-имущественнымъ отношеніямъ новаго мужа и жены его.

Итакъ, слѣдовъ прямого заимствованія изъ эклоги въ русскіе памятники 1-го пер., или непосредственнаго дѣйствія этого кодекса у насъ отыскивать нельзя. Но невозможно отрицать *вліянія* эклоги на самобытное развитіе русскихъ началъ семейнаго права.

Имущества, предназначенныя по заключеніи брака на осуществленіе цѣлей семьи, суть *приданое* со стороны жены и *вѣно* со стороны мужа.

Такъ какъ въ памятникахъ Московскаго права не съ достаточною ясностью изложено ученіе объ установленіи общесемейныхъ имуществъ, и въ изъясненіи свидѣтельствъ о томъ можетъ явиться произволъ, то мы приведемъ аналогическія постановленія Литовско-русскаго права, но лишь для уясненія права Московскаго государства. По праву статута, бракъ установляетъ такія имущественныя отношенія: жена приноситъ въ общую семейную массу имуществъ приданое, приноситъ его *не мужу*, а *семьѣ*. Если цѣль брака—рожденіе дѣтей—достигнута, то имущество, принесенное въ видѣ приданаго, остается навсегда въ распоряженіи семьи, т. е. идетъ въ наслѣдство дѣтямъ, подобно имуществу мужа. Но дѣтей можетъ и не быть, и жена можетъ пережить мужа, а между тѣмъ мужъ при жизни можетъ потребить имущество жены. Для предупрежденія этого, мужъ при совершеніи брака или послѣ совершенія его обезпечиваетъ цѣлость приданаго жены посредствомъ залога на извѣстной части своихъ собственныхъ имуществъ; это называется *вѣномъ*. Первоначально не было опредѣлено, на какой именно части его имуществъ можетъ быть дано мужемъ такое обезпеченіе. Но впослѣдствіи злоупотребленія въ пользу жены и во вредъ родственникамъ мужа заставили установить законъ, по которому мужъ можетъ записать вѣно женѣ лишь на третьей части своихъ имуществъ. Актъ установленія такого залога называется вѣновною записью. Сила его такова: по смерти мужа вдова можетъ владѣть записаннымъ ей имуществомъ въ видѣ вѣна до тѣхъ поръ, пока наслѣдники мужа не уплатятъ ей суммы, въ которой дано было это обезпеченіе, и которая, предполагалось, равняется внесенному ею приданому. Затѣмъ, при существованіи брака, и мужъ и жена распоряжаются всякимъ имуществомъ сообща, и сдѣлки совершаются всегда отъ имени обоихъ супруговъ. Слѣды такой общности имущественныхъ правъ супруговъ остаются и нынѣ въ Сводѣ законовъ—въ мѣстныхъ постановленіяхъ для губерній Черниговской и Полтавской. Въ изложенныхъ постановленіяхъ Литовск. статута весьма ясны черты римской дотальной системы (хоть и не безъ значительныхъ отличій). Трудно рѣшить, на сколько здѣсь выразилось естественное развитіе русскаго обычнаго права, и на сколько—вліяніе римскаго права (въ частности эклоги).

Подобныя же постановленія существовали и въ сѣверно-русскомъ обычномъ правѣ древнѣйшемъ (XIV и XV вв.), но затѣмъ приняли здѣсь нѣсколько иную форму.

Первоначально и здѣсь мужья, получая приданое, записывали, взамѣнъ его, женамъ недвижимыя имущества, что имѣетъ совершенно одинаковое значеніе съ вѣномъ, хотя такъ и не называется. Обыкновенно актъ, обезпечивающій приданое, давался въ формѣ завѣщанія, которое, однако, писалось тотчасъ по заключеніи брака. Результатомъ могло быть или возстановленіе приданаго, или (что чаще) переходъ въ собственность переживавшей супруги записаннаго ей мужемъ имущества. При существованіи

брака сохранялось общее право супруговъ какъ не приданое, такъ и на записанную женѣ часть мужнина имущества. При отсутствіи завѣщанія въ пользу жены той же цѣли обезпеченія приданаго служило законное установленіе, по которому пережившій супругъ или супруга пожизненно пользовались вотчинами другого, если не вступали во 2-й бракъ (см. Пск. судн. Грам., ст. 88, 89). Такія формы замѣняли въ сѣверно-русскомъ правѣ вѣно западно-русское и propter nuptias domatio—римскаго права. Онѣ же служили основаніемъ общности правъ супруговъ при жизни ихъ на имущества, назначенныя для цѣлей брака, т. е. достигали тѣхъ задачъ, которыя имѣлись въ виду въ дотальной системѣ и системѣ статута [1]).

Имущественныя отношенія супруговъ, по Московскому праву, строятся такъ въ отношеніи *къ приданому*:

Жена приноситъ приданое, б. ч. движимое имущество, въ частности одежды, украшенія и деньги; но въ приданое поступали также и недвижимыя вещи, что носило иное спеціальное названіе—„надѣлокъ". Изъ двухъ супруговъ *не всегда именно жена приноситъ приданое*: иногда эта роль выпадаетъ мужу, когда онъ входитъ въ домъ жены. Въ такомъ случаѣ судьба его имущества совершенно равняется судьбѣ приданаго жены, напримѣръ: „се азъ Марко, Клементьевъ сынъ... принесъ своего живота (въ домъ жены), и хлѣба, и платья, и денегъ (слѣдуетъ перечень, Ак. Юрид., стр. 394). Иногда по рядной записи исчисляется имущество обоихъ вступающихъ въ бракъ (см. ibid. № 305) съ очевиднымъ намѣреніемъ установленія общности правъ на него. Имущество получаетъ характеръ приданаго по особой сдѣлкѣ—*рядной записи*, въ которой ему составляется точный инвентарь по каждой вещи отдѣльно. На основаніи такой записи происходила впослѣдствіи реституція приданаго.

Родители невѣсты, не заключившіе рядной записи, конечно, не могли быть *принуждены къ выдачѣ приданаго* по закону (хотя случаи заключенія брака безъ рядной составляли рѣдкое исключеніе). Не законъ, а обычай ставилъ выдачу приданаго обязательною для родителей. Но если выдача замужъ производилась не родителями, а братьями или другими родственниками, или казною (когда имущество отца переходило въ государственную собственность), то выдача приданаго становилась обязательною для всѣхъ разрядовъ упомянутыхъ лицъ (Рус. Правда Кар. ст. 103 и 107; ук. 1562 г. о княжескихъ вотчинахъ). Однако, и въ этомъ случаѣ законъ не опредѣлялъ, какая часть семейнаго имущества должна идти въ приданое. Еще Русская Правда постановляла: „выдадутъ ее (сестру) братья замужъ, какъ могутъ.

---

[1]) Само собою разумѣется, что этимъ цѣлямъ не могутъ служить тѣ обычные подарки, которыми стороны обмѣниваются предъ свадьбою; поэтому, напр., если холмогорецъ Ѳедоръ Якимъ въ 1711 г., разсчитываясь съ тещею за приданое своей жены упоминаетъ о двухъ полотенцахъ брачнаго своего дара, то это не имѣетъ никакого отношенія съ donatio propter nuptias, ибо изъ доходовъ такого имущества нельзя было „обезпечить нужды брачной жизни", какъ справедливо опредѣляетъ самъ проф. Сергевичъ значеніе dos и donatio (Лекціи и изсѣд. 1899, стр. 363, сл. стр. 366).

Во время существованія брака приданое остается *въ общемъ распоряженіи обоихъ супруговъ*, а не одного изъ нихъ въ частности. Это обозначалось въ рядныхъ записяхъ, наприм. такъ: „се азъ Іовъ Мих. далъ есми дочери своей Настасьи и зятю своему Мине надѣлка"... (Ефименко: „О приданомъ", стр. 36). Изъ множества актовъ, свидѣтельствующихъ объ общности правъ супруговъ на приданое, приведемъ лишь слѣд.: „А что *моя* вотчина, говоритъ одинъ завѣщатель, *приданая жены* моей... и ту вотчину, *по совѣту* жены своей... *отдалъ* къ Троици" („Тверск. акты", изд. С, Шумакова, вып. 1, № 47). Отсюда возможность коллективныхъ завѣщательныхъ актовъ мужа и жены (и дѣтей) на одно и то же имущество: „духовную писалъ по Аннину велѣнію и по Григорьеву... церковный дьячекъ Ларка...; а до ся мѣстъ мы, Анна да Григорій, тою деревнею владѣемъ, и намъ съ тои деревни своее... подати государевы платить" (П. И. Бѣляевъ: „Древне-рус. завѣщаніе", стр. 17). Что жена не была единственною собственницею приданаго, это доказывается фактами отчужденія приданаго мужемъ. Что, однако, мужъ не можетъ считаться собственникомъ приданаго жены (какъ думаетъ Неволинъ), доказывается сдѣлками, гдѣ мужъ распоряжается приданымъ съ согласія жены (напр., мужъ покупаетъ имѣніе у своей жены, ея зятя и его жены; А. Ю. № 103), и законами, воспрещающими такое отчужденіе безъ согласія жены: новоук. ст. 1676 г. запрещаетъ мужьямъ продавать приданыя вотчины своихъ женъ (П. С. З. № 650); ук. 1679 г. воспрещаетъ укрѣплять такіе акты въ помѣст. приказѣ (П. С. З. № 751). Въ частности отношенія къ приданому обоихъ супруговъ таковы: владѣніе—общее; пользованіе нѣкоторыми вещами—раздѣльное; распоряженіе недвижимостью—общее: „и мы, съ своею женою поговоря, дали есми по любви то село сыну своему Ивану", говорится въ одномъ актѣ (Ак. Федотова-Чех. № 94).

По прекращеніи брака смертію мужа, когда не осталось дѣтей, наступаетъ право жены на *возстановленіе* ея *приданаго*, а въ случаѣ ея смерти то же право переходитъ къ ея родственникамъ (Пск. Судн. Гр., ст. 91). Средство возстановленія есть преимущество, даруемое требованію приданаго предъ всѣми прочими требованіями. При этомъ наблюдались слѣд. правила: вещи потребляемыя (платье и пр.) возвращаются „по душѣ" (по совѣсти); вещи непотребляемыя возвращаются по рядной записи; имущества, хотя не принадлежащія къ приданому, но связанныя съ нимъ нерасторжимо (напр., холопы и крѣпостные мужа, женившіеся на рабыняхъ жены), возвращаются вмѣстѣ съ приданымъ (Ул. XX, 62). Принадлежности приданой вещи, отнятыя отъ нея во время существованія брака, возстановляются (П. С. З. № 644), Подобныя же правила наблюдаемы были и при расторженіи брака. Въ XVII в. описанный строй имущественныхъ отношеній супруговъ измѣняется, главн. образомъ, подъ вліяніемъ византійскаго права, именно узаконеніями патр. Филарета Никитича 1627—1628 годовъ; въ частности: право на пожизненное владѣніе родовыми и выслуженными вотчинами умершаго супруга уничтожается для пережившей жены; равнымъ образомъ отмѣняются и записи мужемъ вотчинъ въ

пользу жены за ея приданое, взамѣнъ этого женѣ дается право на $^1/_4$ *движимаго имущества* мужа; возстановленіе приданаго для нея гарантируется. При дѣтяхъ, однако, жена (какъ слѣдуетъ заключать изъ текста закона и изъ актовъ) остается попрежнему распорядительницею всѣхъ имуществъ, оставленныхъ мужемъ. Хотя указы Филарета ссылаются на византійское право и, дѣйствительно, отчасти воспроизводятъ его, но и существенно отъ нихъ отличаются: эклога для бездѣтной жены назначаетъ $^1/_4$ всѣхъ имуществъ мужа (зач. II, гл. 3); законы Филарета говорятъ только о движимости. Само собою очевидно, что этими узаконеніями совершенно устраняется участіе жены въ правахъ на родовыя и выслуженныя вотчины при существованіи брака. Послѣ улож. возникло право мужа на 4-ю часть приданаго умершей жены (на основаніи византійскаго права).

Общность правъ супруговъ на купленныя вотчины. Выше было сказано, что уже въ древнія времена (1-мъ пер.) вещи, пріобрѣтенныя общимъ трудомъ супруговъ („жито“) и назначенныя на общія нужды семьи, составляли общую собственность супруговъ. Это начало распространяется въ москов. періодѣ на всякія пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ во время брака возмездными способами. Въ купчихъ грамотахъ обыкновенно означается, что вочина продана такому-то и *жень его*; вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ: „Се азъ Василей Романовъ, сынъ Негановскаго, продалъ есмы Демиду Ивановичю Черемисинову и его женѣ и его дѣтямъ въ прокъ безъ выкупу вотчину отца своего и свою купленую“ [1]). Купленныя вотчины считаются общимъ имуществомъ супруговъ до Уложенія ц. Ал. Мих. и въ самомъ Уложеніи. На этомъ основаніи, по смерти мужа, жена eo ipso становится исключительною собственницею ихъ: „купленная вотчина—женѣ его; вольно ей въ тои вотчинѣ, какъ похочетъ, нѣтъ до нея никому дѣла“ (Ул. XVII, 2; рѣчь идетъ о бездѣтной женѣ; при дѣтяхъ, по общей древне-русской нормѣ, благопріобрѣтенное имущество составляетъ общую собственность семьи и могло быть подѣлено между матерью и взрослыми дѣтьми). Это начало и послѣ Уложенія оставалось нѣкоторое время дѣйствующимъ, хотя уже возбуждало сомнѣнія: именно, уже казалось неяснымъ, кому должны принадлежать купленныя вотчины послѣ бездѣтной смерти обоихъ супруговъ, если послѣднею умерла жена: „такія купленныя вотчины давать ея роду родственникамъ, или родственникамъ мужа ея“? спрашивали судьи-практики (П. С. З. № 643, ук. 1676 г.); законъ рѣшилъ: „та вотчина отдать въ родъ мужа ея, а ея сродникамъ не давать“. Такимъ образомъ къ концу XVII в. общность имущественныхъ правъ супруговъ постепенно разрушается и приготовляются порядки, восторжествовавшіе въ періодъ имперіи [2]).

---

[1]) С. Шумакова; „Угличскіе акты“ № LIX (1596—1597 г.).

[2]) См. дальнѣйшія разъясненія имущественныхъ правъ семьи въ Дополн. О.

Общность обязательственныхъ правъ супруговъ. Общность имущественныхъ правъ супруговъ съ большей ясностію проявляется въ отношеніи къ обязательствамъ. На это указываютъ слѣд. явленія: съ древнихъ временъ несостоятельные должники выдаваемы были кредитору головою до искупа, т. е. до отработки долга, вмѣстѣ съ женою и съ дѣтьми; это продолжалось до конца XVII в.; указомъ 1688 г. (П. С. З. № 1285) велѣно „выдавать мужей съ женами, а женъ съ мужьями“ [1]). Въ древнѣйшія времена то же примѣнялось и къ обязательствамъ, возникающимъ изъ преступленій (выдача на потокъ); но въ XVII в. въ Московскомъ государствѣ это было отмѣнено: „отдавать истцамъ безъ женъ“, говорятъ новоук. ст. 1668 г. (ст. 16 и 25). Равнымъ образомъ жена можетъ избѣжать отвѣтственеости по обязательствамъ мужа, возникшимъ вслѣдствіе порочности его: въ 1673 г. въ Вел. Новгородѣ жена посадскаго человѣка подаетъ явку, что мужъ ея пьянствуя даетъ кабалы на большія суммы, а она съ дѣтьми про то не вѣдаетъ“ (Челобит., изд. Купріяновымъ въ Отеч. Зап. 1855 г.). По прекращеніи брака смертію мужа, вдова отвѣчаетъ по обязательствамъ мужа не въ качествѣ наслѣдницы, а въ качествѣ жены; это весьма древнее нанало очень ясно обозначено въ Псковской Судной Грамотѣ, которая говоритъ, что жена и

---

[1]) Неволинъ отрицаетъ выдачу несостоятельныхъ кредиторамъ для отработки долга вмѣстѣ съ женою, говоря; „Чтобы жена должна была раздѣлять судьбу своего мужа и въ томъ случаѣ, когда онъ обращается въ рабство за долги или за нарушеніе частныхъ правъ, *на то нѣтъ доказательствъ*... обращеніе несостоятельнаго должника въ совершенное рабство впослѣдствіи времени было замѣнено выдачею его истцу головою впредь до выкупа. Въ судебникахъ Іоанновъ III и IV, въ другихъ законахъ, изданныхъ до Улож. ц. А. М., и *въ актахъ юридическихъ* весьма часто говорится о выдачѣ его одного, *не упоминая о женѣ*... Въ 1688 г., конечно, повелѣно было, въ случаѣ выдачи лицъ въ заживъ головою за иски, отдавать мужей съ женами, а женъ съ мужьями; но это постановленіе было только послѣдствіемъ законовъ церковныхъ о нерасторженіи союза супружескаго“ (П. С. З. т. III, стр. 100—103). Поэтому Дебольскій неправильно полагаетъ, что мы приписали Неволину не то, что онъ говоритъ. Предположеніе о нерасторжимости семейнаго союза Неволинъ дѣлаетъ именно по поводу только указа 1688 г., а не какихъ-либо другихъ постановленій и фактовъ (которые Неволинъ вовсе отрицаетъ). Но если *въ концѣ XVII в.*, т. е. наканунѣ реформы, предписывалось выдавать съ женами, то можно ли предположить другой порядокъ въ эпохи болѣе раннія и даже древнѣйшія? У насъ есть немало актовъ западно-русскаго права XVI в., по которымъ не только сами мужья отдавали кредиторамъ женъ своихъ для отработки долга, но судъ своимъ рѣшеніемъ постановлялъ одному кредитору выдать жену, другому—дѣтей должника (см. наши Очерки изъ исторіи западно-русскаго права II. Черты семейнаго права. Кіевъ 1890). Въ сѣверно-русскомъ правѣ имѣемъ свидѣтельство о закладѣ за долгъ женъ мужьями. Послѣ такихъ указаній не считаемъ нужнымъ приводить дальнѣйшія подтвержденія исконнаго порядка отвѣтственности женъ и дѣтей по обязательствамъ мужа и отца ихъ *вмѣстѣ* съ нимъ. Въ полов. XVII в., когда вообще усилилась индивидуализація правъ отдѣльныхъ членовъ семьи, иногда точно обозначалась неотвѣтственность женъ по обязательствамъ, возникшимъ изъ преступленій мужей, но относительно обязательствъ изъ договоровъ законъ 1688 года не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Если постановленіе закона 1688 г. вызвано нерасторжимостью семейнаго союза, то почему объ этомъ вспомнили только въ 1688 г., и какъ же было раньше?

дѣти ни въ какомъ случаѣ не могутъ отказаться отъ уплаты за ссуду, полученную покойнымъ мужемъ и отцемъ ихъ (ст. 85); между тѣмъ какъ наслѣдники боковые тогда только отвѣчаютъ за ссуду, полученную наслѣдодателемъ, когда предъявятъ права наслѣдства (ст. 86). Еще въ Уложеніи ц. А. М. можно найти слѣды того же начала; тамъ между прочимъ говорится: „послѣ умершаго долгъ платити женѣ его и дѣтямъ (X, 203) [1]). Но во 2-й половинѣ XVII в., подъ вліяніемъ византійскаго права, церковная власть начинаетъ проводить противоположный принципъ, какъ это именно находимъ въ одномъ рѣшеніи патр. Никона 1657 г. іюля 25 (П. С. З. № 210); однако, старое начало и до сихъ поръ живетъ въ обычномъ правѣ русск. народа. Благодаря общему началу солидарной отвѣтственности по обязательствамъ всѣхъ членовъ семьи, не было надобности требовать, чтобы договоры были заключены отъ имени всѣхъ членовъ

Предположеніе о нерасторжимости семейнаго союза совершенно падаетъ, когда мужья *закладываютъ своихъ женъ отдѣльно отъ себя*. Да и при выдачѣ женъ *вмѣстѣ съ мужьями* кредиторамъ предположеніе это не имѣетъ мѣста потому, что выданная жена не просто *состояла при мужѣ*, а вмѣстѣ съ нимъ отрабатывала долгъ. Дебольскій замалчиваетъ приводимое нами постановленіе Пск. Судн. Грам. о томъ, что жена (и дѣти) умершаго изорника не могутъ отказаться отъ исполненія обязательствъ мужа (и отца), тогда какъ боковые отвѣчаютъ только въ качествѣ наслѣдниковъ.

[1]) Неволинъ, возводя, по своему обычаю, принципы Свода Законовъ къ древнѣйшимъ временамъ Русскаго права, настаиваетъ, что и въ Уложеніи основнымъ началомъ является раздѣльность обязательственныхъ правъ супруговъ, говоря, что ст. 203-ю гл. X слѣдуетъ толковать въ смыслѣ послѣдующихъ статей 207, 245 и др., въ которыхъ отвѣтственность по обязательствамъ умершаго яко бы падаетъ на воспріявшихъ наслѣдство, на тѣхъ, „кто послѣ его во дворѣ и въ животахъ его останется“, будетъ ли то жена, дѣти, или боковые родственники. Мы думаемъ, что, наоборотъ, эти статьи надо изъяснять по смыслу статьи 203; прибавка „кто послѣ его во дворѣ и въ животахъ его останется“ относится именно къ боковымъ родственникамъ: у умершаго могло не быть жены и дѣтей; тогда родственники, воспріявшіе наслѣдство, отвѣчаютъ по долгамъ наслѣдодателя. Ниже, въ отдѣлѣ о правахъ наслѣдства, мы скажемъ, что собственно наслѣдницею мужа жена никогда не могла быть: наслѣдовали дѣти, если они были, или боковые родственники (въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ); благопріобрѣтенныя имущества (какъ сейчасъ мы видѣли) принадлежали обоимъ супругамъ и при жизни мужа. Движимое имущество мужа, по смерти его, переходило къ родственникамъ, а жена лишь возстановляла свое приданое, что́, конечно, отнюдь не есть право наслѣдства. Часть помѣстій, отдаваемая женамъ на прожитокъ, очевидно, не могла быть обременяема долгами мужа, ибо давалась государствомъ по смерти мужа въ видѣ пенсіи. Впрочемъ, о помѣстьяхъ Уложеніе и не говоритъ ни слова, имѣя въ виду только вотчины и животы. Такимъ образомъ въ эпоху Уложенія, при начинающейся индивидуальности семейныхъ имуществъ, объ отвѣтственности жены собственно и говорить было нельзя, если бы не сохранились еще старинныя традиціи, когда всѣ обязательства были общими для всѣхъ членовъ семьи и падали не на имущество, а на лица. Необходимая отвѣтственность жены по обязательствамъ мужа видна и послѣ Уложенія въ томъ самомъ фактѣ, который свидѣтельствуетъ о проведеніи церковною властью противоположнаго принципа, т. е., рѣшеніи Никона 1657 г. (см. текстъ): вдова, не наслѣдовавшая отъ мужа ничего („дворовъ и животовъ ничего не осталось“), стоитъ на правежѣ за долги мужа.

семьи; но тѣмъ не менѣе договоры, именно кабалы, всегда пишутся отъ имени мужа, жены и дѣтей ихъ [1]).

в) **Раздѣльность имуществъ супруговъ** (эпоха XVIII—XIX в. Уже и въ московскую эпоху оба супруга могли обладать и имуществами, принадлежавшими каждому изъ нихъ въ раздѣльсти; таковы изъ имуществъ мужа родовыя его вотчины и жалованныя; изъ имуществъ жены: вотчины, доставшіяся ей по наслѣдству отъ родственниковъ во время существованія брака; вотчины, полученныя ею въ видѣ дара, если дарственная совершена на ея имя.

Въ концѣ XVII в. замѣчается явная наклонность къ признанію раздѣльныхъ правъ каждаго супруга на отдѣльныя части общесемейнаго имущества; именно за мужемъ—исключительнаго права на купленныя вотчины (законъ ц. Ѳеодора Алекс. 1679 г. говоитъ: „а женѣ умершаго до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ"), а за женою—исключительнаго права на ея приданое (см. П. С. З. № 675). Въ XVIII в. указъ Петра Великаго о единонаслѣдіи установляетъ (п. 8) точную раздѣльность въ правахъ наслѣдованія дѣтьми въ имѣніяхъ отцовскихъ и материнскихъ: именно отецъ не можетъ сдѣлать кого-либо изъ своихъ дѣтей единонаслѣдниковъ какъ своихъ, такъ и жениныхъ имѣній; равнымъ образомъ и указъ, дополняющій законъ о единонаслѣдіи, т. е. ук. 1716 г. апрѣля 15 (П. С. З. № 3013), выражается между прочимъ такъ: „а ея (жены) недвижимое и движимое, съ чѣмъ она шла замужъ за него, или по родству ей данное, по свидѣтельству письменному, при ней да будетъ".

Въ полномъ смыслѣ понятіе объ отдѣльномъ имуществѣ жены окончательно установлено указомъ 1731 г. марта 17 (П. С. З. № 5717): „*собственнымъ* ихъ (женъ) приданымъ имѣніямъ, и что они, будучи замужемъ, куплею себѣ или послѣ родственниковъ по наслѣдству присовокупили, быть при нихъ, не зачитая того въ ту указную дачу, что надлежитъ дать (имъ) изъ мужня" (имѣнія, по смерти мужа). Но этимъ узаконеніемъ установлено только право жены на ея имущество по смерти мужа; права ея при существованіи брака не были уяснены долго. Имѣетъ ли право жена распоряжаться своимъ имуществомъ безъ согласія мужа? Еще въ 1753 г. сенатъ разрѣшалъ этотъ вопросъ по прошенію нѣкоей жены маора Головнина Аксиньи, которая объясняла: имѣетъ де она собственное

---

[1]) Неволинъ говоритъ, что „изъ XVI в. есть *два* заемные акта, написанные отъ имени мужа и жены вмѣстѣ"; но не два, *а всѣ* акты служилой кабалы (которыхъ опубликованы сотни) какъ XVI, такъ и XVII в. пишутся отъ имени мужа и жены (если только дающій кабалу состоитъ въ бракѣ; см. Ак., отн. до юр. быта т. II, № 127 и др.), Служилая же кабала, какъ извѣстно, сохраняетъ *старинную форму долговыхъ обязательствъ* (поэтому странно говорить, что здѣсь дѣйствуетъ правило „по холопу раба"). Да и чистыхъ договоровъ займа, заключенныхъ отъ имени мужа и жены, мы имѣемъ теперь не два, а множество, свидѣтельствующее о томъ, что всякая такая сдѣлка была солидарною для членомъ семьи. Подобнымъ же образомъ (отъ имени мужа и жены) пишутся порядныя въ крестьянство.

свое движимое и недвижимое имѣніе; въ продажѣ ей онаго никакого запрещенія нѣтъ, а юстицъ-коллегія не пишетъ ей крѣпостей (продажныхъ) отъ ея имени, требуя, чтобы она въ этихъ крѣпостяхъ прописала, что продаетъ съ согласія мужа; а она, Головнина, съ мужемъ своимъ за несогласіемъ жительства не имѣетъ и того ей написать невозможно. Начались длинныя справки въ законахъ; оказалось, что юстицъ-коллегія уже два раза представляла этотъ вопросъ (въ 1744 и 1752 гг.) на разрѣшеніе сената, но резолюціи не получила. Впрочемъ, сенатъ нашелъ, будто этотъ вопросъ ясно разрѣшается указомъ 1715 г. ноября 4, въ которомъ сказано, что дошло до свѣдѣнія сената, что въ Московской губерніи не хотятъ писать купчихъ и закладныхъ отъ имени женскихъ персонъ на недвижимое имѣніе; тогда (въ 1715 г.) сенатъ приказалъ „велѣть записывать въ приказахъ купчія и закладныя отъ женскихъ персонъ на вотчины и помѣстья". Однако, напрасно сенатъ считала этотъ законъ столь яснымъ: въ немъ идетъ рѣчь о правѣ „женскихъ персонъ" вообще распоряжаться недвижимими имуществами, а отнюдь не о правѣ женъ распоряжаться своими имуществами безъ воли мужа. Во всякомъ случаѣ теперь, т. е. въ 1753 г., рѣшеніемъ сената по дѣлу Головниной вопросъ былъ уясненъ и разрѣшенъ окончательно.

Однако, полная имущественная независимость жены и по новѣйшему законодательству подлежитъ нѣкоторому ограниченію. Супруги могутъ каждый независимо одинъ отъ другого *входить въ обязательства* къ стороннимъ лицамъ; но въ торговомъ состояніи женѣ запрещается давать на себя векселя безъ согласія мужа, „если она сама отъ своего лица не производитъ торговли". Узаконеніе это взято изъ устава о векселяхъ 1832 года, гдѣ это запрещеніе простирается какъ на женъ, такъ равно и на дѣтей, безъ дозволенія родителей.

Однимъ изъ частныхъ вопросовъ раздѣльности правъ обязательственныхъ между супругами служитъ вопросъ *о правѣ супруговъ заключать обязательства между собою*. Достойно замѣчанія, что право это допускалось у русскихъ обычаемъ съ древнѣйшихъ временъ, а между тѣмъ въ XVIII и XIX вѣкѣ вопросъ о немъ былъ поставленъ и подвергнутъ сомнѣнію; подобный вопросъ разсматривался еще при Екатеринѣ II сенатомъ въ 1763 г. въ присутствіи государыни и рѣшенъ тогда такъ, что продажа имѣній отъ женъ мужьямъ не должна быть допускаема, какъ потому, что на это нѣтъ законнаго дозволенія, такъ и потому, что жена, какъ находящаяся подъ властію мужа, въ дачѣ ему купчей противу воли его спорить не можетъ. Въ 1825 г. комиссія законовъ, разсуждая о томъ же по другому поводу и обозрѣвъ все законодательство отъ Улож. ц. А. М. до 1763 г., нигдѣ не нашла запрещеній совершать продажи имѣній отъ жены мужу, и нашла также, что упомянутый сейчасъ ук. 1763 г. данъ по частному дѣлу и не былъ опубликованъ; но и тогда (1825 г.) министръ юстиціи держался другого мнѣнія. Въ общемъ собраніи сената также не состоялось единогласія; но государь написалъ: „быть по мнѣнію большинства членовъ". Такимъ обр. принципъ свободы сдѣлокъ между супру-

гами восторжествовалъ. Въ частности, на вопросъ о правѣ *дареній* между супругами обращено вниманіе законодателей и судебной власти сложнымъ дѣломъ Демидова противъ его жены въ 1779 г. (Демидовъ требовалъ возвращенія ему имѣній, укрѣпленныхъ имъ за женою, такъ какъ она оказалась неблагодарною и распутною); но данный случай не привелъ ни къ какимъ постановленіямъ.

Общимъ результатомъ историческаго изученія вопроса объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ должно быть признано слѣд.: Русское право имѣетъ отличительнымъ характеромъ своимъ равенство имущественныхъ правъ обоихъ супруговъ; но это достигается въ немъ не одною раздѣльностію правъ супруговъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но также и общностью права ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Полная раздѣльность есть начало мертвое, противорѣчащее древнему справедливому понятію о бракѣ: „nuptiae sunt... consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio“ (Модестинъ).

I. Союзъ родителей и дѣтей.

1) **Составъ семейной власти.** *Двойственность* родительской власти въ Русскомъ правѣ не можетъ быть указана ясно въ фактахъ древней русской исторіи; но аналогія права другихъ славянскихъ народовъ указываетъ, что это устройство семейной власти явилось у славянъ съ незапамятныхъ временъ; доказательствомъ того, служатъ слѣд. явленія: а) дѣти по смерти одного изъ родителей освобождались изъ-подъ власти другого; б) дѣти освобождались изъ-подъ власти другого родителя, если онъ вступалъ въ повторительный бракъ.

Впрочемъ, нѣкоторыя (лѣтописныя) указанія есть и для древнѣйшаго Русскаго права: таковы слова первоначальной лѣтописи о послушаніи отцу и матери, по поводу разсказа объ отношеніяхъ князя Святослава къ Ольгѣ.

Въ московскую эпоху уже множествомъ явленій обнаруживается двойственность родительской власти; обоимъ родителямъ принадлежитъ: а) право распоряжаться брачною судьбою дѣтей. б) Право отдавать дѣтей въ монастырь. У Котошихина читаемъ: „А которые дѣвицы бываютъ увѣчны и стары,—и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастыряхъ безъ замужества“ (Котош. XII, 13). в) Право отдачи дѣтей въ рабство. Судебникъ царскій постановляетъ о правѣ совершеннолѣтнихъ дѣтей записываться во холопы такъ: „а отцу его и матери у полныя не стояти и изъ холопства не взяти, потому, что отецъ его и мать сами въ холопѣхъ“ (Суд. цар., 76). г) Право управленія дѣтьми и наказанія дѣтей: Улож. цар. А. М. говоритъ: „быть у отца и матери во всякомъ послушаніи“ (XXII, 5). д) Власть матери, не въ качествѣ опекунши, сохраняется ею и во вдовствѣ. Мать-вдова можетъ вести за собою своихъ дѣтей въ холопство: напр,, „била челомъ въ службу Татищеву вдова... съ своимъ сыномъ... 11 годъ, да съ другимъ меншимъ сыномъ... 5 годъ, и кабалу на себя служивую въ трехъ

рубляхъ велѣла записати" (Ак., отн. до юрид. быта II, стр. 121—122, гл. 117 и Улож. XX, 15). Матери-вдовѣ принадлежатъ и всѣ прочія права родительской власти, напр., выдача дочери замужъ (Ак. Юрид. XI., 392). Въ древнихъ княжескихъ семействахъ Московской династіи княгиня-мать сохраняла право суда въ распряхъ между ея дѣтьми-князьями: такъ, князь Владиміръ Андреевичъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: „о чемъ сопрутся (не согласятся) ихъ (князей) бояре,—и нѣ идутъ предъ мою княгиню, и княгиня моя на котораго сына помолвитъ и обвинитъ,—и ты, братъ старѣйшій, князь великій, на томъ то доправи" (Собр. гос. гр. и дог. I, 74).

2) **Лица, подчиненныя родительской власти,** суть *дѣти*. По древнѣйшему праву, семейная власть простиралась на всю совокупность лицъ, живущихъ въ домѣ (домочадцевъ); лица подчиненныя назывались *чадь*, каковое понятіе обнимало дѣтей, рабовъ, родственниковъ и прислугу, при чемъ отношеніе всѣхъ этихъ лицъ къ семейной власти не различалось. Но по мѣрѣ того, какъ изъ этого сложнаго союза выяснялись отдѣльные институты (холопскій, семейный, личнаго найма), лицами подчиненными, по семейному праву, остались только дѣти.

Понятіе это обнимаетъ лицъ, рожденныхъ въ бракѣ (или зачатыхъ въ бракѣ); лица, рожденныя извѣстною парою внѣ брака или въ бракѣ, который признанъ незаконнымъ, не подходятъ подъ это понятіе; эти послѣднія суть натуральныя, или т. н. *незаконнорожденныя дѣти*. Такое понятіе въ языческую эпоху не имѣло точной опредѣленности, какъ нынѣ, но существовало: Русская Правда различаетъ законныхъ дѣтей отъ рабьихъ. Въ Московскомъ правѣ изъ такихъ отношеній возникаетъ союзъ quasi-семейный, именно между матерью (но не отцомъ) и дѣтьми ея; по Улож. ц. А. М., кто прижитъ отъ наложницы до законной жены, или при законной женѣ отца, хотя бы отецъ его впослѣдствіи женился на его матери, тотъ къ законнымъ дѣтямъ не причитается, помѣстій и вотчинъ отца не получаетъ. Но отношенія матери и ея незаконорожденныхъ дѣтей до нѣкоторой степени признаются: она имѣетъ надъ ними законную власть, хотя гораздо слабѣйшую, чѣмъ надъ дѣтьми, рожденными въ бракѣ (за убійство матерью дѣтей незаконнорожденныхъ полагается смертная казнь, а не тюремное заключеніе только). Въ Петровскомъ законодательствѣ (Уст. Воин. арт. 176) уже обращено вниманіе на отношеніе незаконнорожденныхъ къ отцу; именно матери и ея дѣтямъ дается право на содержаніе и „плату" отъ отца, впрочемъ, только если незаконная связь была между холостымъ и дѣвицею. Выше приведенъ указъ Екатерины II о раздѣлѣ наслѣдства между дѣтьми, рожденными въ незакон. бракѣ и въ бракѣ законномъ, по равнымъ частямъ. Относительно наслѣдованія незаконнорожденныхъ ихъ матери узаконенія новаго времени молчатъ, но косвенно даютъ право предполагать его возможность: ук. 1800 г. марта 6 говоритъ: „о наслѣдованіи... въ *родовыхъ* имѣніяхъ послѣ родственниковъ съ отцовой стороны".

Что касается до искусственнаго *сыновства*, или усыновленія, нѣтъ сомнѣнія, что пріемъ сторонняго въ составъ семьи на условіяхъ сообщенія правъ сыновнихъ совершался у насъ издревле. Византійское право

принесло намъ точныя указанія о томъ; между прочимъ этими узаконеніями разрѣшался вопросъ, могутъ ли быть усыновляемы собственныя (незаконнорожденныя) дѣти посредствомъ гражданскаго акта или посредствомъ послѣдующей женитьбы на ихъ матери, и рѣшенъ отрицательно. Совершалось усыновленіе посредствомъ особаго акта, исходящаго отъ церковной власти; освящалось оно особымъ церковнымъ обрядомъ—*сыноутворенія*. Этотъ обрядъ совершался и у насъ, но вышелъ изъ употребленія въ XVIII в. Въ русскомъ обычномъ правѣ усыновленіе совершалось или чрезъ обрядъ фиктивнаго рожденія (если судить по аналогіи обычаевъ, сохранившихся у раскольниковъ при пріемѣ новыхъ адептовъ ихъ ученія), или (въ языческое время) чрезъ женитьбу на вдовѣ брата (примѣръ—усыновленіе Святополка Владиміромъ), или чрезъ фактическій пріемъ усыновленнаго въ домъ, или чрезъ особый договорный актъ между усыновителемъ и усыновленнымъ: напр., „принялъ... Сафоновъ въ домъ къ себѣ шурина своего Неѣлева, въ сына своего вмѣсто себѣ, жити вмѣстѣ до вѣку своего, а слушати ему его во всемъ... А пока онъ (усыновитель) живъ,—и ему владѣти всѣми своими крестьяны и людьми, по свой животъ;... послѣ его живота и по приказу его, весь животъ и крестьяне, и люди, и домъ и слобода—женѣ его (усыновителя) Ѳеодорѣ, да шурину его Андрею“ (усыновленному): актъ относится къ 1631 году (Ак. Истор. I, 165). Самый обыкновенный и частый случай усыновленія составлялъ и составляетъ пріемъ зятя („примачество“) за неимѣненіемъ сыновей.

Что касается до вопроса, всѣми ли правами дѣтей пользуются усыновленные, то онъ рѣшенъ только новѣйшими узаконеніями. По закону 1815 года, усыновленные личными дворянами, духовными и разночинцами приписываются къ государственнымъ крестьянамъ: по закону 1835 года, усыновленные купцами вводятся во всѣ права, роднымъ дѣтямъ принадлежащія (за исключеніемъ, однако, права почетнаго гражданства).

3) **Основаніе и сущность семейной власти**: *а) личныя отношенія родителей къ дѣтямъ.* Основаніе родительской власти не есть ни частное (dominium), ни государственное (imperium), а *potestas*. Но это понятіе у насъ ближе къ послѣднему, чѣмъ къ первому: титулъ власти у насъ—государь-батюшка, государыня-матушка. Право родительской власти состоитъ болѣе въ управленіи и судѣ, чѣмъ въ частной экономической эксплоатаціи силъ дѣтей. Отношенія дѣтей къ родителямъ характеризуются терминомъ *піэтетъ*, которымъ обозначается внутренняя свободная подчиненность, а не внѣшняя принудительность повиновенія. По русскому обычному праву, семейная власть не всегда принадлежитъ родителямъ, а иногда одному изъ дѣтей по выбору или семьи, или общины: у г. Ефименка приведенъ примѣръ семейства, состоящаго изъ отца и трехъ сыновей, въ которомъ домомъ управляетъ младшій сынъ (Сборн. нар. юрид. обыч. Арх. губ,, стр. 46).

Но въ историческомъ движеніи власть родительская проходитъ по разнымъ ступенямъ, сначала приближаясь къ частной, а потомъ постепенно отдаляясь отъ нея.

Первое проявленіе рабства есть *право родителей на свободу дѣтей*; о немъ находимъ свидѣтельства не только въ лѣтописныхъ сказаніяхъ о продажѣ дѣтей въ рабство въ голодное время (явленія, вынужденныя голодомъ, не суть явленія правомѣрныя), не только въ недостовѣрныхъ сказаніяхъ Даніила Заточника и Герберштейна, но и въ законодательныхъ кодексахъ Московскаго періода; по Суд. Іоан. IV, полный и докладной холопъ не можетъ продавать своего сына въ холопы, а равно чернецъ и черница; стало быть, лица свободныя пользовались этимъ правомъ, которое, впрочемъ, ограничивалось несовершеннолѣтними дѣтьми *и тѣмъ условіемъ, что и отецъ и мать поступаютъ вмѣстѣ съ ними въ холопство*. Право отдачи дѣтей въ вѣчное холопство исчезло безъ законодательной отмѣны его въ XVI вѣкѣ.

Его замѣнило лишь право отца и матери *отдавать дѣтей въ кабалу*, но съ условіемъ поступленія въ кабалу самихъ отца и матери вмѣстѣ съ несовершеннолѣтними дѣтьми.

Когда кабальныя записи *прекращаются въ XVII в.*, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ (безъ законодательной отмѣны) и право родителей укрѣплять дѣтей въ холопство. Взамѣнъ этого въ Уложен. ц. А. М. (XX, 45) является *право на отдачу дѣтей въ услуженіе:* „въ работу на урочные годы“. Но это истекаетъ столько же изъ правъ родителей на дѣтей, сколько и изъ обязанностей ихъ давать дѣтямъ обученье и заботиться о ихъ прокормленіи. Съ такою незамѣтностію въ исторической послѣдовательности рабскія отношенія дѣтей смѣняются исполненіемъ обязанностей со стороны родителей: разительный примѣръ для исторіи права вообще. Впрочемъ право родителей отдавать дѣтей въ закладъ за долги удерживалось весьма долго (см. Ак., отн. до юр. быта, № 84, I: „а что дочи Марица въ рублѣ, и нѣ рубль дадутъ, а дѣвочку возьмуть“).

Подобнымъ же образомъ древнее *право на жизнь дѣтей* переходитъ постепенно въ право наказанія ихъ въ интересахъ воспитанія. Безусловное право на жизнь дѣтей проявляется у большей части первобытныхъ народовъ въ томъ, что новорожденному дитяти жизнь оставляется лишь въ томъ случаѣ, когда даруетъ ее ему отецъ; въ противномъ случаѣ дѣти, особенно же дѣвочки, были предаваемы смерти. Изъ славянскихъ народовъ такой обычай приписывается однимъ поморянамъ (ср. Grimm's „Rechtsalterthüm.“ 445). Въ доказательство существованія подобнаго обычая у русскихъ едва ли могутъ быть приводимы позднія сказанія о Донскихъ казакахъ такого рода: „Сказываютъ, что, когда стали посягать женъ, то, по общему правилу, младенцевъ, родившихся у нихъ, сперва въ воду бросать установлено было для того, чтобы оные отцовъ и матерей для промысловъ ихъ не обременяли. Но потомъ обществомъ же приговорили, дабы мужескаго пола младенцевъ въ живѣ оставляли, а женскаго роду въ воду метали, что до нѣсколько времени и велося, даже напослѣдокъ (пока наконецъ), когда уже ихъ не мало чрезъ разныхъ пришельцевъ, въ коемъ числѣ и женатые были, набралося, то тѣмъ войско уже умножилось, а паче изъ жалости отцовъ и матерей, общимъ кругомъ своимъ опредѣлили,

чтобы дѣтей и женскаго пола уже болѣе не губили, но воспитывали-бъ для общей надобности" (Ригельманъ: Ист. о Донск. казак., стр. 9). О древнихъ восточныхъ славянахъ мы не имѣемъ подобныхъ исвѣстій. Въ XII в., въ „вопрошаніи Кириков." даже неумышленное причиненіе смерти—задушеніе дитяти во время сна—признано преступнымъ („убійство есть", если родители были пьяны). Однако, свѣтскій законъ долго не полагалъ никакого наказанія за дѣтоубійство (хотя несомнѣнно, что практика не оставляла этого преступленія безъ наказанія). Въ первый разъ Уложеніе ц. А. М. постановило наказаніе, но несравненно легчайшее наказанія за убійство сторонняго человѣка. Въ воин. арт. (163) за дѣтоубійство, равно какъ и за отцеубійство полагается высшая мѣра наказанія—колесованіе (хотя законъ говоритъ неясно: „кто убьетъ... дитя во младенчествѣ"). При этомъ дѣлается толкованіе: „ежели сіе убійство учинится ненарочно, или не въ намѣреніи кого умертвить, яко-бы кто похотѣлъ жену свою или дитя наказать, и оную такъ жестоко побьетъ, что подлинно отъ того умретъ, то правда, что наказаніе легче бываетъ".

Так. образомъ, право на жизнь дѣтей сводится *къ праву наказанія*, которое опять уже истекаетъ сколько изъ правъ родителей, столько изъ обязанностей ихъ. Впрочемъ, и право наказанія прежде ничѣмъ не ограничивалось. Домострой, этотъ достовѣрнѣйшій памятникъ московскаго обычнаго права, указывая на ограниченность права наказанія жены, свидѣтельствуетъ о неограниченности права наказанія дѣтей: „сына ли имаши, совѣтуетъ онъ, но не дошедъ внити въ юности, но сокруши ему ребра. Аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здоровъ будетъ. Дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою". Этотъ памятникъ обосновываетъ право наказанія обязанностію родителей отвѣчать за проступки дѣтей предъ Богомъ и государствомъ: „аще что (дѣти) сотворятъ,—и отцомъ и матеремъ съ дѣтями отъ Бога—грѣхъ... а отъ судей продажа и соромота". Уложеніе ц. А. М. не велитъ принимать исковъ отъ дѣтей на родителей (XXII, 6) и наказываетъ первыхъ по одной жалобѣ послѣднихъ безъ производства разслѣдованія (ibid. 4—5).

Законодательство XVIII в., въ томъ же Уставѣ благочинія 1782 г., которымъ опредѣлены личныя отношенія супруговъ, старалось опредѣлить и личныя отношенія дѣтей къ родителямъ и обратно: но исполнило это съ такою же неполнотою, а именно: „родители суть *властелины* надъ своими дѣтьми; природная любовь къ дѣтямъ предписываетъ имъ *долгъ* дать дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе доброе и честное по состоянію" (П. С. З. № 15397, ст. 41). Здѣсь власть родительская ничѣмъ не ограничена; долгъ, о которомъ упоминается въ законѣ, есть долгъ моральный; изъ него не вытекаютъ никакія исковыя права для дѣтей. Затѣмъ Екатерининское законодательство, не опредѣляя мѣры домашнихъ взысканій, предоставило право родителямъ заключать дѣтей въ смирительные дома, которые, между прочимъ, для этой цѣли и учреждены (Учрежд. о губ. 1775 г., ст. 391).

Всѣ изложенныя выше права родителей на дѣтей съ древнѣшихъ временъ относятся преимущественно къ малолѣтнимъ; съ возрастомъ дѣти фактически становятся полноправными членами семьи и участниками въ имущественныхъ правахъ отца и матери.

б) *Имущественныя отношенія родителей и дѣтей.* Семья, какъ субъектъ частнаго права, включаетъ въ себѣ не только обоихъ родителей, но и дѣтей (преимущественно—сыновей); само собою разумѣется, что активное упражненіе правъ дѣтей возвышается съ теченіемъ возраста ихъ. Скудные источники 1-го періода нашей исторіи не даютъ матеріала для уясненія состоянія этого вопроса въ то время; но аналогія древняго чешскаго и польскаго права не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что у славянъ вообще *общность вещныхъ правъ* родителей и дѣтей существовала уже въ древнія времена: по одному чешскому акту 1203 г., бояре уступаютъ монастырю свои имѣнія, „испросивъ напередъ согласіе на это у своихъ женъ и дѣтей и прочихъ наслѣдниковъ"; въ Польшѣ въ 1223 г. нѣкто Сулисавъ продалъ деревню „cum consensu omnium filiorum suorum" (см. Шпилевскаго: „Семейныя власти", стр. 214). Въ правѣ Московскаго государства то же явленіе открывается изъ многочисленныхъ актовъ купли-продажи, въ которыхъ имущества пріобрѣтаются и отчуждаются вмѣстѣ съ дѣтьми: напр., „Се азъ Андрей Нечай Ивановъ... (съ) своимъ сыномъ Никитою продали есмя Ивану Ѳедорову, сыну Межникову... полъ обжи земли" (Ак. Юрид. № 71, XXI и 86). Другой примѣръ: „А заложилъ ту деревню дѣдъ мой Никита и отецъ мой Александръ Кирилловскому игумену (прав. грам. 1511 г. въ Рус. Ист. Библіот., т. II, № 28). Неволинъ придалъ такой формулѣ сдѣлокъ иной смыслъ, а именно: она будто бы означаетъ не болѣе, какъ „пріобрѣтеніе и отчужденіе имущества на вѣчное и потомственное владѣніе", т. е. на правѣ полной собственности. Такое толкованіе не согласно съ истиною, ибо для означенной цѣли было бы полезнѣе упомянуть нарицательно о дѣтяхъ продавца, а не поименовывать ихъ; у продавца послѣ продажи могли быть и другія дѣти. Далѣе, дѣти и вообще нисходящіе, по закону, и безъ того не имѣли права выкупа имуществъ, отчужденныхъ отцомъ и дѣдомъ; такой законъ (Суд. 1550 г.) хотя и довольно поздній, но явленіе, формулированное въ немъ, несомнѣнно древнее. Законъ этотъ не означаетъ полнаго имущественнаго безправія дѣтей, а напротивъ, предполагаетъ всегдашнюю солидарность воли всѣхъ членовъ семьи. Наконецъ, въ сдѣлкахъ упоминаются дѣти не только продавца, но и покупщика; согласно съ толкованіемъ Неволина, это означало бы лишь пріобрѣтеніе въ потомственную собственность: между тѣмъ послѣ Уложенія ц. А. Мих., когда вообще личныя права индивидуумовъ начинаютъ выдѣляться изъ-подъ правъ союзовъ семейныхъ, родовыхъ и общинныхъ, было именно постановлено, что вотчины, купленныя отцомъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, составляютъ общую собственность отца и тѣхъ именно дѣтей, которыя упомянуты въ купчей (П. С. З. № 1020; ук. 1683 г.); тогда же было особымъ указомъ опредѣлено, что только тогда имущество считается исключительною собственностію отца, когда оно ку-

плено на его только имя, хотя бы при немъ были невыдѣленныя дѣти (П. С. З. № 1157, отд. 2, ст. 6). Какая была бы надобность въ подобныхъ узаконеніяхъ, если бы до того времени практика не разсматривала всякое имущество, какъ общесемейное, и всякое пріобрѣтеніе (а равно отчужденіе), какъ актъ солидарный для отца и его дѣтей?

Общность имущественныхъ правъ родителей и дѣтей съ особенною силою проявляются въ сферѣ *обязательственнаго права*. Древній общеславянскій принципъ выраженъ въ Полицкомъ статутѣ такъ: „добро и зло, корысть и тщета, и долги, кому они должны и кто имъ долженъ,— все за одно, пока не раздѣлятся". Подобное начало въ высшей степени примѣнялось и въ древній періодъ русскаго права, когда дѣти отвѣчали даже по обязательствамъ, возникшимъ изъ преступленій ихъ отца (выдача на потокъ съ женою и дѣтьми); впослѣдствіи отвѣтственность дѣтей въ этомъ отношеніи ограничивалась (ср. Суд. Казимира), а въ Московскомъ правѣ совсѣмъ отмѣнена. Зато отвѣтственность по обязательствамъ, возникающимъ изъ договоровъ, сохранилась до Уложенія ц. Алексѣя Мих. въ полной силѣ: такъ, дѣти отвѣчаютъ за долги умершаго отца не въ качествѣ наслѣдниковъ, а въ качествѣ дѣтей (Псков. Судн. Грам., ст. 85, ср. съ 86-ю). Равн. образомъ и родители отвѣчаютъ по обязательствамъ неотдѣленныхъ дѣтей: въ 1568 году нѣкто подалъ явку объ убіеніи сына своего, въ которой между прочимъ пишетъ: „а въ долгу его чтобы я въ конецъ не загибъ" (Ак. Юрид. № 45). Договоры обыкновенно пишутся отъ имени всѣхъ членовъ семьи, которые находятся между собою какъ бы въ постоянныхъ корреальныхъ отношеніяхъ: „а кой насъ заимщиковъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и служба". Начало семейной общности обязательственныхъ отношеній ослабѣваетъ со времени Уложенія ц. Алексѣя Мих. (см. Ул. X, 132, 245), по мѣрѣ развивающейся тогда вообще индивидуализаціи права; но и тогда требовались особые указы, чтобы отстранить въ частныхъ случаяхъ отвѣтственность дѣтей по долгамъ родителей, когда ими не оставлено никакого наслѣдства и когда въ сдѣлкахъ дѣти не участвовали (П. С. З. № 290).

Законодательство со времени Петра В., идя неуклонно по пути выдѣленія имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, особыми указами установило полную раздѣльность правъ родителей и дѣтей; между прочимъ неотдѣленныя дѣти при родителяхъ не имѣютъ никакихъ правъ на имущество этихъ послѣднихъ, между тѣмъ какъ въ практикѣ взрослые сыновья и теперь продолжали распоряжаться семейнымъ имуществомъ (П. С. З. № 5658; ук. 1730 г.). Но зато неотдѣленныя дѣти могутъ свободно распоряжаться своимъ собственнымъ имуществомъ безъ согласія родителей (ук. 1761 г., П. С. З. № 11272). Такая полная раздѣльность имущественныхъ правъ вступила, однако, въ противорѣчіе съ совершеннымъ личнымъ подчиненіемъ дѣтей родителямъ: тѣмъ же ук. 1761 г. было вполнѣ воспрещено дѣтямъ, хотя бы совершеннолѣтнимъ, но не отдѣленнымъ и не имѣющимъ своего имущества, входить въ какія бы то ни было обязательства безъ согласія родителей (сл. указъ 1766 г.; П. С. З. № 12593). Но

когда вопреки этого закона, сдѣлки такого рода были совершаемы, то онѣ сдѣлались прикрытіемъ обмана, ибо впослѣдствіи и получивши наслѣдство, обязавшіеся отказывались отъ исполненія обязательства, ссылаясь на ук. 1761 года, почему въ XIX столѣтіи этотъ законъ былъ отмѣненъ (указъ 1824 г.; П. С. З. № 29945).

4) **Прекращеніе родительской власти.** По византійскому праву, власть родительская можетъ прекращаться какъ по волѣ родителей (эманципаціею), такъ и по закону вслѣдствіе проступковъ отца. По воззрѣніямъ русскаго обычнаго права, власть родительская не есть юридическое учрежденіе, а фактъ, данный природою и поддерживаемый нравственными началами; поэтому она не можетъ быть никѣмъ искусственно прекращена до смерти родителей; но власть эта ослабляется постепенно по мѣрѣ возраста дѣтей и дряхлости родителей, такъ что семейная власть при жизни отца можетъ совсѣмъ перейти къ сыну. Изъ противоположныхъ началъ византійскаго и русскаго обычнаго права развились историческимъ путемъ слѣд. положенія нашего права.

Во-перв., что касается эманципаціи дѣтей въ силу *совершеннолѣтія* ихъ, то на существованіе ея въ Русскомъ правѣ какъ будто указываютъ сказанія древнихъ арабскихъ писателей о русскихъ, а также обряды „посаженья на коня“ въ 1-й періодъ нашей исторіи и „постриговъ“ въ Московскомъ государствѣ. Казвини разсказываетъ: „если у кого-либо родится сынъ, то отецъ заботится о немъ до тѣхъ поръ, пока онъ (сынъ) не достигнетъ совершеннолѣтія; тогда отецъ даетъ ему лукъ и стрѣлы, говоря: ступай и заботься самъ о себѣ. Съ того времени онъ отсылаетъ отъ себя сына и смотритъ на него, какъ на чужого“. Но это, очевидно, перетолкованный обрядъ посаженья на коня, извѣстный изъ отечественныхъ источниковъ. Самый же этотъ обрядъ означаетъ не расторженіе союза родителей и сына, а объявленіе сына совершеннолѣтнимъ и признаніе за нимъ достоинства полноправнаго члена семьи. Такое же значеніе имѣетъ и обрядъ „постриженія“; впрочемъ, онъ давно уже началъ совершаться въ ранней молодости и отнюдь не прекращалъ ни власти отца, ни заботъ о сынѣ.

Во-втор., *преступленія* родителей первоначально не прекращали власти ихъ надъ дѣтьми: отецъ-преступникъ былъ выдаваемъ вмѣстѣ съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе. Въ Московскоиъ государствѣ дѣйствовало то же правило при ссылкѣ родителей: велѣно было „ссылать въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми на вѣчное житье“ (П. С. З. № 772); однако вскорѣ по изданіи этого указа было разъяснено, что слѣдуетъ „ссылать съ дѣтьми, которые дѣти у нихъ будутъ трехъ лѣтъ, а которые дѣти больше трехъ лѣтъ, и тѣхъ не ссылать“ (П. С. З. № 846; указъ 1680 года); значитъ, вѣчная ссылка прекращала родительскую власть не только въ отношеніи къ совершеннолѣтнимъ дѣтямъ, но и малолѣтнимъ свыше 3-хъ лѣтъ; лишь младенцы, которыхъ трудно отдать на попеченіе сторонникъ, слѣдовали за своими родителями. Петровское законодательство сдѣлало еще шагъ дальше, признавъ (въ 1720 году) вѣчную ссылку въ

каторгу, или т. н. политическую смерть, за обстоятельство, совершенно прекращающее родит. власть (П. С. З. № 3628). Отъ самихъ дѣтей уже зависѣло продолжать сыновнюю связь, если они сами пожелаютъ слѣдовать за родителями.

Въ-трет., почти такое же значеніе для судьбы родительской власти имѣетъ *поступленіе въ монашество,* которое и въ московскую эпоху не лишало вполнѣ гражданскихъ правъ, въ томъ числѣ и правъ родительскихъ; но существенныя и важнѣйшія права родительской власти терялись и тогда при поступленіи въ монашество: напр., родители-монахи не могли отдавать дѣтей въ холопство (Суд. цар., ст. 76). Въ новыя времена монашество признано обстоятелвствомъ, вполнѣ прекращающимъ родительскую власть.

Въ-четв., *поступленіе въ холопство* также первоначально не вполнѣ прекращало родительскую власть: несовершеннолѣтнія дѣти, обыкновенно поступавшія въ холопство вмѣстѣ съ родителями, оставались въ подчиненіи этимъ послѣднимъ, хотя фактически права родительской власти ограничивались въ этомъ случаѣ правами господина. Совершеннолѣтнія свободныя дѣти, само собою разумѣется, освобождались отъ родительской власти (Суд. цар., 76).

Въ-пят., *выдѣлъ сыновей, поступленіе ихъ на государ. службу и замужество дочерей* ослабляли родительскую власть фактически, но не прекращали ея. Въ новѣйшія времена былъ поставленъ вопросъ о сохраненіи родительской власти надъ замужними дочерьми (о чемъ упомянуто выше); вопросъ о конкуренціи власти родительской и власти мужа рѣшенъ въ пользу послѣдней.

Наконецъ, только естественная смерть *обоихъ* родителей совершенно прекращала родительскую власть. Смерть одного изъ родителей переносила всю полноту власти на другого, оставшагося въ живыхъ.

III. Опека.

По прекращеніи естественной родительской власти, возможно и необходимо установленіе искусственной власти надъ семьею, если въ ней остаются малолѣтніе члены. Это установленіе именуется *опекою.*

Опека по Русской Правдѣ. Условія возникновенія опеки по Русской Правдѣ значительно отличаются отъ современныхъ намъ. По понятіямъ древняго права, семья по смерти главы ея можетъ быть поддержана въ своемъ прежнемъ составѣ естественно или посредствомъ главенства матери, или подъ властію старшаго брата. Но обоихъ этихъ условій можетъ и не существовать: мать также можетъ умереть или идти во второй бракъ; между тѣмъ дѣти всѣ могутъ быть малолѣтними. Такъ. образомъ открывается промежутокъ между смертію наслѣдодателя и моментомъ, когда наслѣдники могутъ вступить въ его права. Это промежуточное время и вызываетъ необходимость учрежденія опеки. Изъ сказаннаго видно, что опека учреждается въ двухъ случаяхъ: а) при малолѣтствѣ

всѣхъ дѣтей, б) при выходѣ матери замужъ и (разумѣется) смерти ея. Оба эти условія Русская Правда выразила такъ: „если будутъ (останутся) у мужа въ дому дѣти малыя, не могущія сами о себя печаловаться, а мать ихъ пойдетъ замужъ, то отдаются на руки ближнему“ (Кар. 111). Отсюда слѣдуютъ такія положенія относительно лицъ, принимающихъ опеку: мать, остающаяся съ дѣтьми, отнюдь не есть опекунша: понятія опеки и материнской власти взаимно исключаютъ другъ друга[1]). Правда, уже и тогда явилась мысль о необходимости особыхъ средствъ обезпеченія дѣтей отъ злоупотребленій со стороны матери, именно постановлено, что, если она растеряетъ имущество и пойдетъ замужъ, то должна возместить растрату (113); но это именно предполагается только на случай выхода матери замужъ. Ни о какой отвѣтственности матери законъ не говоритъ, если она остается при семьѣ главою ея. Во-вторыхъ, и въ случаѣ выхода матери во 2-й бракъ она можетъ сохранить нѣкоторое отношеніе къ своей малолѣтней семьѣ, потому что опекуномъ можетъ быть назначенъ *вотчимъ*. Можно бы подумать, что этотъ второй отецъ, есть также отецъ, а не опекунъ, но законъ стремится тотчасъ же устранить подобное предположеніе и настаиваетъ, что вотчимъ не можетъ передѣлывать распоряженій отца, если этотъ послѣдній оставилъ рядъ, и, само собою разумѣется, не можетъ самъ сдѣлать произвольнаго ряда. По общему же правизу, опекуномъ назначается (какъ при смерти матери, такъ и при выходѣ ея въ замужество) *ближній*, т. е. родственникъ. Власть опекунская замѣняетъ власть родительскую, но отличается отъ нея существенно (Р. П. Кар. 111); именно власть опекуна точно опредѣлена закономъ со стороны правъ и обязанностей ея: она простирается только до совершеннолѣтія дѣтей („донелѣже възмогутъ“); имущество сдается опекуну при свидѣтеляхъ съ тѣмъ, чтобы оно (капиталъ) было возвращено дѣтямъ въ цѣлости, прикупъ же, т. е. приращеніе, идетъ въ пользу опекуна за то, что онъ кормилъ и печаловался дѣтьми. За растрату принятаго имущества онъ отвѣчаетъ (платитъ) дѣтямъ. Обязательство это простирается и на опекуна-вотчима. Даже если вотчимъ умретъ, оставивши и сводныхъ и своихъ дѣтей малолѣтними, то при совершеннолѣтіи ихъ родной сынъ его обязанъ вознаградить своихъ единоутробныхъ братьевъ за растраты, сдѣланныя отцомъ его (115). Существованіе и величина растраты опредѣляются „людьми“ сторонними, третейскими судьями. Опека установляется общественною властью, какъ это можно видѣть изъ существа ея въ приведенныхъ постановленіяхъ. Полагать надо, что здѣсь разумѣется власть общинная, ближайшая къ семейной; но въ классахъ общества, ближе стоящихъ къ князю, можетъ подразумѣваться и власть княжеская. Однако установленіе опеки можетъ быть сдѣлано и

[1]) Проф. Сергѣевичъ говоритъ: „по Рус. Правдѣ *опека*, по смерти отца, принадлежитъ матери“, хотя и продолжаетъ: „здѣсь за матерью признана такая же власть, какая принадлежитъ отцу.“ (Лекц. и изслѣд. 1899 г., стр. 387).

умершимъ отцомъ, можетъ входить и въ содержаніе „ряда". Въ такомъ случаѣ отецъ можетъ назначить опекуномъ и совершенно стороннее лицо—не родственника; равнымъ образомъ при этомъ устраняется и участіе свидѣтелей при сдачѣ имущества (въ силу неограниченности правъ отца). О подобномъ случаѣ разсказываетъ патерикъ печерскій, говоря, что нѣкогда было два друга (побратима): Іоаннъ и Сергій, и первый умирая отдалъ второму сына своего Захарію на соблюденіе вмѣстѣ съ имуществомъ его (весьма значительнымъ: 1000 грив. серебра и 100 грив. злата). Но другъ оказался коварнымъ и обманулъ довѣріе побратима, желая завладѣть имуществомъ малолѣтняго. Затѣмъ слѣдуетъ чудесное открытіе замысла. Очевидно, что здѣсь нѣтъ участія свидѣтелей. Изъ этого же разсказа узнаемъ, что совершеннолѣтіе, до котораго должна была простираться опека, назначалось въ 15 лѣтъ.

Къ этимъ постановленіямъ Русской Правды послѣдующее законодательство и юридическіе акты не прибавляютъ ничего существенно новаго значеніе матери, какъ главы семьи, а не опекунши, удерживается, но нѣсколько ослабляется вліяніемъ родственниковъ мужа.

Въ періодѣ имперіи древнія начала опеки во многомъ измѣняются. По законамъ Петра В., наслѣдникъ главный (при единонаслѣдіи) есть необходимый опекунъ своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ (ук. 1714 г., П. С. З. № 2789, п. 4); но затѣмъ въ инструкціи магистратамъ 1724 г. (П. С. З. № 4624, п. 46) предписывается магистратамъ назначать опекуна въ томъ случаѣ, если онъ не былъ назначенъ завѣщаніемъ отца. Послѣднее нужно считать первымъ установленіемъ опеки, какъ особаго государствен. учрежденія, съ властію, контролирущею дѣятельность опекуновъ (роль, которая въ древности могла принадлежать церкви). Окончательное установленіе такихъ учрежденій принадлежитъ имп. Екатеринѣ II, именно, по Учрежд. о Губ. 1775 г., для дворянъ установляется дворянская опека при уѣздномъ судѣ, а для горожанъ—городовой сиротскій судъ при магистратѣ (Учр. о Губ. ст. 209—222 и 292—305; опека надъ малолѣтними изъ казенныхъ крестьянъ поручена въ 1797 г. волостному головѣ; опека надъ лицами духовнаго сословія поручена духовному начальству въ 1817 г.). Тогда въ законѣ опредѣляются качества, требуемыя отъ опекуна; опекуномъ не можетъ быть банкротъ и подсудимый; тогда же опредѣленъ порядокъ отдачи въ опеку, власть опекуна и прекращеніе опеки; если опекунъ не назначенъ въ завѣщаніи, его назначаетъ дворянская опека или сиротскій судъ; оставленному имуществу составляется опись съ участіемъ упомянутыхъ правительственныхъ мѣстъ. Обязанность опекуна не ограничивается управленіемъ имѣнія: онъ обязанъ воспитывать опекаемаго надлежащимъ образомъ (при чемъ законъ опредѣляетъ даже качества домашнихъ учителей и прислуги). Опекунъ обязанъ представлять ежегодные отчеты. Вознагражденіе за дѣятельность опекуна таксируется (5% дохода). Послѣ учрежденія о губ. при Екатеринѣ же (въ 1785 г. дек. 22; П. С. З. № 16300) установлено различіе

опеки и *попечительства*, опека можетъ быть окончена въ 14 л. возраста опекаемаго, который можетъ просить о назначеніи себѣ попечителя; совершеннолѣтіе и вступленіе въ управленіе имѣніемъ отнесены къ 17 лѣтъ возраста его, но съ ограниченіемъ права продажи и залога недвижимыхъ имѣній безъ согласія попечителя до достиженія 21 года, когда оканчивается вполнѣ власть попечителя. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ періодъ 14—17 л. несовершеннолѣтній самъ распоряжается имѣніемъ, лишь съ согласія попечителя; въ періодъ 17—21 г. онъ распоряжается самостоятельно во всѣхъ случаяхъ, кромѣ отчужденія недвижимыхъ имѣній, что потомъ измѣнено указомъ 1826 г.

В.

ПРАВО НАСЛѢДСТВА.

Происхожденіе права наслѣдства и періоды его развитія.

Историческимъ основаніемъ права наслѣдства служатъ союзы лицъ, устраиваемыхъ самою природою—семьи и роды. Первоначально всѣ права имущественныя (какъ мы видѣли) принадлежатъ всѣмъ членамъ семьи или рода въ совокупности. Смерть главы семьи или другого члена ея лишь переставляетъ порядокъ участвующихъ. Образцомъ этого порядка можетъ служить родовое владѣніе Рюриковичей русскою землею.

При полномъ господствѣ такой общности правъ семьи или рода наслѣдственнаго перехода имуществъ существовать не могло, ибо смерть лица не обусловливала перехода правъ. Но исторія застаетъ каждый народъ въ состояніи переходномъ къ правамъ личнымъ; лицо уже отчасти выдѣляется изъ общей родовой массы, хотя далеко не сразу завоевываетъ себѣ положеніе и значеніе. Однако, въ *первый періодъ* (у насъ періодъ Русской Правды) первобытныя основанія наслѣдственнаго права остаются ясными, именно въ слѣд. признакахъ: наслѣдуютъ только члены семьи; воля завѣщателя подчинена этому порядку; наслѣдодатель не можетъ завѣщать имущества стороннимъ лицамъ; если нѣтъ членовъ семьи, то наслѣдство переходитъ къ представителю общественной власти. Таково право наслѣдства въ Рус. Правдѣ.

Затѣмъ, во *второй періодъ* съ постепеннымъ освобожденіемъ личности получается возможность оставлять наслѣдство стороннимъ лицамъ, если нѣтъ у наслѣдодателя „своихъ“, т. е. нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ, хотя права наслѣдниковъ по завѣщанію рѣзко отличаются отъ правъ наслѣдниковъ по закону. Кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію по закону, расширяется, простираясь на ближнее и дальнее родство; ибо вообще сфера вліянія гражданскихъ правъ лица раздвигается съ теченіемъ исторіи, несмотря на новыя стѣснительныя условія, введенныя Московскимъ государствомъ. Таково право наслѣдства въ Псковѣ, Новгородѣ и Московскомъ государствѣ.

Третій періодъ исторіи права наслѣдства, т. е. время имперіи, отрываетъ бо́льшія права для наслѣдодателя въ отношеніи ко всѣмъ имуществамъ, кромѣ родовыхъ; кругъ призываемыхъ къ наслѣдству по закону простирается уже до бозконечности.

ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Періодъ Рус. Правды обнимаетъ собою не только самую Р. Пр., но и время, предшествующее ей. Въ догов. Олега находимъ слѣдующую статью (13): „если кто умретъ (изъ русскихъ въ Греціи), не урядивши своего имѣнія и не имѣетъ своихъ (т. е. нисходящихъ при себѣ въ Греціи), то имущество возвращается къ его милымъ ближикамъ (т. е. родственникамъ) въ Русь. Если же онъ (умершій) сдѣлалъ обряженіе (завѣщаніе), то имущество получаетъ тотъ, кому онъ записалъ наслѣдовать имѣніе; наслѣдникъ можетъ получить его отъ русскихъ, торгующихъ (въ Греціи), или другихъ, ходящихъ въ Грецію и „удолжающихъ“. Въ этой статьѣ находятъ: а) различеніе наслѣдованія по закону и наслѣдованія по завѣщанію; б) въ наслѣдованіи по закону различаются „свои“ (sui), т. е. нисходящіе, отъ ближиковъ, боковыхъ родственниковъ; о завѣщаніи говорится, какъ о письменномъ актѣ. На этихъ основаніяхъ одни полагаютъ, что въ ст. договора Олега отразилось только византійское право и византійское воззрѣніе на наслѣдство. По мнѣнію другихъ (Эверса), здѣсь нельзя различать ни русское, ни византійское право, а надо признать частное международное право. Статья имѣетъ въ виду не опредѣленіе порядка наслѣдованія послѣ руссовъ, жившихъ въ Греціи, а возвращеніе такого наслѣдства въ Россію. По праву Рус. Пр., какъ увидимъ, боковымъ родственникамъ не могло переходить имущество наслѣдодателя ни по завѣщанію, ни по закону: имущество бездѣтнаго переходило къ князю. Но въ Греціи не могли дѣйствовать права русскаго князя; русскіе не хотѣли допустить въ такомъ случаѣ и правъ визант. императора. Отсюда явилось требованіе о непремѣнномъ возвращеніи имущества въ Русь.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что право договора съ греками въ этой его части отнюдь не выражаетъ характерныхъ признаковъ древнѣйшаго русскаго права наслѣдств. [1]). Истиннымъ выразителемъ его служитъ Русская Правда.

[1]) Статья 13-я договора Олега относится только къ руссамъ и не касается грековъ. Зачѣмъ договаривающимся потребовалось говорить о наслѣдствѣ? Устанавливать порядокъ наслѣдованія между русскими не входило въ интересы грековъ: какое имъ до этого дѣло? Просить грековъ дать постановленіе о такомъ порядкѣ не входило въ интересы руссовъ. Единственное значеніе этой статьи есть международное, т. е. отказъ византійскаго фикса отъ права на имущество умершихъ въ Византіи руссовъ (права, въ то время весьма распространеннаго и у другихъ народовъ). Для этого достаточно было установить, что наслѣдство передается „своимъ“, т. е. родственникамъ (какимъ—неизвѣстно), находящимся при умершемъ въ Византіи, или (за неимѣніемъ таковыхъ въ Византіи) пересылается на Русь тоже родственникамъ умершаго. Если же умершій

Рядъ (*наслѣдованіе по завѣщанію*). Выше было сказано, что точное различеніе наслѣдованія по закону и по завѣщанію не можетъ быть приписано временамъ древнѣйшимъ. Въ исторической преемственности нельзя говорить ни о преимущественной древности завѣщательнаго наслѣдованія, ни наоборотъ. Первоначально оба способа наслѣдованія неразличимы, ибо законъ замѣняется обычаемъ, а обычай складывается изъ проявленій воли частныхъ лицъ.

Въ Рус. Правдѣ по внѣшности различаются завѣщаніе—„*рядъ*“—и наслѣдованіе безъ завѣщанія. Но по внутренней сущности того и другого между ними нѣтъ существеннаго различія. „*Рядъ*“, или, по терминологіи договора Олега, „*обряженіе*“, есть завѣщательное распоряженіе. Но содержаніе этого распоряженія не есть назначеніе наслѣдника (въ чемъ заключается вся сущность римскаго тестамента), а лишь распределѣніе имущества между готовыми (законными) наслѣдниками. Сообразно съ этимъ находимъ въ Рус. Правдѣ, съ одной стороны, твердое опредѣленіе *ненарушимости* воли завѣщателя: „также есть рядъ, яко же рядилъ“ (Кар. ст. 122); „кому мати всхочетъ, тому дастъ; дастъ-ли всѣмъ, и всѣмъ раздѣлять“. Но эта ненарушимая и священная воля простирается только на распредѣленіе имущества: „если кто умирая раздѣлитъ домъ дѣтямъ своимъ, на томъ и стояти; если-же умретъ безъ ряду,..“, то наступаютъ такія-то послѣдствія. Итакъ, „рядомъ“ названъ раздѣлъ дома. Да это такъ и естественно предполагать въ первобытныя времена: воля завѣщателя естественно наклоняется въ пользу собственныхъ дѣтей, если они есть. Отсюда въ послѣдующихъ духовныхъ грамотахъ XIV в. завѣщаніе пишется всегда, но всегда имущество завѣщается въ пользу законныхъ неслѣдниковъ. И это не значитъ, что воля завѣщателя стѣснена внѣшними предписаніями, что завѣщателю предписано ограничивать выборъ наслѣдниковъ только нисходящими; напротивъ, онъ, свободно распоряжаясь, оставляетъ наслѣдство всегда дѣтямъ; отсюда выработался обычай и законъ для преемства безъ завѣщанія. Въ духовной Климента говорится,

оставилъ рядъ—завѣщаніе, то берутъ наслѣдство тѣ, кому онъ завѣщалъ. Отсюда нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ ни о томъ, какіе это родственники наслѣдуютъ: нисходящіе или боковые, ни о томъ, могъ ли завѣщатель отказать стороннему помимо родственниковъ, и вообще заключаетъ ли въ себѣ „обряженье“ свойства рим. тестамента, или равняется русскому ряду? Точно такъ же изъ внѣшняго сходства статьи договора съ правиломъ XII таблицъ: „si intestato moritur agnatus proximus familiam habeto“ нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ для порядка наслѣдованія у руссовъ, кромѣ развѣ одного, что греки сочли возможнымъ русское право выразить не юстиніановскими формами права наслѣдства, а древнѣйшими римскими, такъ какъ старое агнатическое наслѣдованіе имѣло нѣкоторую аналогію съ порядками, господствовавшими тогда у руссовъ. Единственный цѣнный для русской исторіи права наслѣдства выводъ (сдѣланный Г. Рудневымъ, стр. 45) заключается въ томъ, что терминъ обряженье указываетъ на существованіе въ X в. такого же понятія о рядѣ, какой мы получаемъ изъ Рус. Правды, и что уже тогда завѣщанія могли быть писанныя.

что завѣщатель избралъ сторонняго наслѣдника, „*потому что* у меня не было ни брата, ни сына“ [1]).

Въ уясненіе такого характера завѣщанія могутъ быть приведены черты даже римскаго права изъ древнѣйшихъ его временъ: и у римлянъ первоначально завѣщатель всегда отдавалъ предпочтеніе нисходящимъ предъ боковыми и сторонними; далѣе, при назначеніи наслѣдникомъ стороннаго, этотъ послѣдній усыновлялся завѣщателю, и самое назначеніе наслѣдника совершалось первоначально въ куріатскихъ комиціяхъ. Для уясненія первобытнаго завѣщанія можетъ служить и нынѣшнее обычное право (см. Чубинскаго: „Народн. юридич. обычаи“, № 117 и др.).

Итакъ, первоначальное завѣщаніе есть лишь распредѣленіе имущества между законными наслѣдниками. Рус. Правда не даетъ ни малѣйшаго права предполагать, что завѣщатель могъ назначить наслѣдникомъ стороннее лицо ни тогда, когда у него есть дѣти, ни даже тогда, когда у него ихъ нѣтъ. Но изъ перваго дѣлается исключеніе при введеніи христіанства. Въ языческую эпоху, при господствѣ тѣснѣйшей и исключительной семейной связи для наслѣдодателя вовсе не было лицъ близкихъ къ нему за предѣлами семьи. Со введеніемъ же христіанства общественныя связи расширились: явился разрядъ лицъ, столь же близкихъ ко всѣмъ какъ и родные члены семьи,—это отцы духовные, духовенство. Каждый

[1]) Понятіе о „рядѣ“, какъ субъективномъ произволѣ, противорѣчитъ не только буквѣ памятниковъ, но и основнымъ началамъ древняго права наслѣдованія во всемірной исторіи права. Порядокъ законнаго преемства вырабатывается изъ проявленій свободной воли частныхъ лицъ, которая руководствуется не произволомъ (капризомъ), а извѣстными опредѣленными началами, которыя и созидаютъ впослѣдствіи весь порядокъ наслѣдованія. Въ первомъ случаѣ изъ отдѣльныхъ актовъ воли частныхъ лицъ не могло бы возникнуть никакого порядка законнаго преемства. Между *свободною волею* и произволомъ великая разница.

Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, будто буква источниковъ даетъ нѣкоторое право установить произволъ воли завѣщателя въ эпоху Русской Правды; а именно въ Синод. спискѣ Рус. Пр. читаемъ: „Аже кто умирая раздѣлитъ домъ, на томъ же стояти...“ (въ прочихъ спискахъ: „аже кто умирая раздѣлитъ домъ *дѣтямъ своимъ**); отсюда заключаютъ: „необходимыхъ наслѣдниковъ нѣтъ“; не обозначаются лица, „между которыми раздѣлъ долженъ произойти“. Оставлять, дарить и пр. можно кому угодно, но *дѣлить* можно только между опредѣленными лицами. Синодальный сп. просто здѣсь дѣлаетъ пропускъ (и это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ внутренней неисправности этого древнѣйшаго списка; см. прим. къ нашему изд. въ Христоматіи. Вып. I, изд. 1899 г.); однако, и въ немъ контекстъ рѣчи не оставляетъ сомнѣнія: „паки ли безъ ряду оумретъ: то все дѣтемъ“; вотъ тѣ лица, между которыми производится раздѣлъ. Далѣе говорятъ: „умирающій могъ отказать что-либо и не дѣтямъ“; совершенно справедливо; но рѣчь идетъ объ универсальномъ преемствѣ, а не о выдѣлахъ (которые, впрочемъ, также могутъ быть освящены обычаемъ). Затѣмъ утверждаютъ: „отецъ могъ оставить не всѣмъ (дѣтямъ), а кого-либо исключить“. И это дѣло возможное безъ нарушенія принципа семейнаго преемства (см. объ этомъ ниже въ отд. о наслѣдствѣ въ Псковѣ), хотя о томъ источники ничего не говорятъ. Въ примѣрѣ изъ современныхъ юрид. обычаевъ Арх. губ. утверждается какъ разъ послѣдняя мысль: „родители могутъ лишить (непокорныхъ дѣтей) наслѣдства; *между покорными дѣтьми они распредѣляютъ наслѣдство по усмотрѣнію*“ (Ефим. 70, 73; Сергѣевичъ „Лекціи и изслѣд.“ 1899 г., стр. 420 и сл.).

наслѣдодатель, распредѣляя имущество между дѣтьми, включалъ въ число своихъ близкихъ и церковь, отдѣлялъ часть имущества „по душѣ“. Такимъ образомъ открылся какъ бы большой просторъ для субъективной воли. Однако, сила обычая тотчасъ [1]) взяла перевѣсъ надъ субъективною волею и въ этомъ отношеніи: обычай утвердилъ обязательность этого выдѣла „по душѣ“, такъ что и въ томъ случаѣ, когда кто умираетъ „безъ ряду“, то при раздѣлѣ дѣтей слѣдуетъ выдача части по душѣ: „пакы ли безъ ряду умретъ..., на самого часть дати по душѣ“ (Кар. 105). Принципъ, что завѣщатель не можетъ распорядиться своимъ имуществомъ и тогда, когда у него не останется законныхъ наслѣдниковъ, ослабѣваетъ и отмѣняется уже въ XIII в. До насъ дошла отъ этого вѣка одна духовная, въ которой завѣщатель (новгородецъ Климентъ) отдаетъ свое имущество стороннимъ лицамъ, „потому что у него не было ни брата, ни сына“. По Рус. Правдѣ, въ такомъ случаѣ слѣдовала выморочность, и имущество переходило къ князю [2]).

Что касается до формы составленія завѣщанія, то, хотя Рус. Правда ничего опредѣленнаго не постановляетъ, однако даетъ право предполагать, что обычною формою было *словесное* совершеніе завѣщанія: именно говоря о правѣ матери завѣщать имущество, Рус. Правда продолжаетъ: „если же безъ языка умретъ“, то наступаетъ законное наслѣдованіе. Словесная форма вполнѣ согласна съ сущностію „ряда“; рядъ есть распоряженіе имуществомъ съ общаго согласія членовъ семьи. Это не частная воля, которая должна быть извѣстна другимъ со всею точностію, а коллективная воля цѣлой семьи, подъ руководствомъ отца. Впрочемъ отъ

---

[1]) Говорятъ, что не слѣдуетъ обозначать моменты времени между возникновеніемъ обычая и его признаніемъ въ качествѣ общеобязательной нормы (см. Рудневъ, стр. 37—38). Въ исторіи образованія обычнаго права—это такъ; но въ исторіи измѣненій обычнаго права—нѣтъ. Христіанство есть фактъ историческій, и распространялось оно не сразу, а постепенно. Это замѣчаніе, сдѣланное въ предыдущемъ изданіи нашей книги, мы считали (и считаемъ) совершенно яснымъ; но проф. Дьяконовъ „рѣшительно не можетъ понять“ нашей мысли (Ж. М. Ю. 1900, III, 297), хотя понять бы и нетрудно: у славянъ-язычниковъ не было обычая выдѣлять часть наслѣдства въ пользу христіанской церкви; обычай образовался послѣ принятія христіанства. Такимъ образомъ дѣло идетъ не о *возникновеніи обычнаго права*, а о возможности возникновенія новыхъ нормъ (особенно на основаніи чужихъ, заимствованныхъ началъ) въ эпоху обычнаго права. Законъ можетъ установить новыя, заимствованныя нормы сразу, не заботясь о томъ, доступны или не доступны онѣ общему сознанію. Обычное право лишено этой дѣйствующей сразу силы. Въ немъ такія нормы могутъ образоваться лишь постепенно во времени.

[2]) Полагаютъ (г. Рудневъ, стр. 46 и сл.), что „рукописаніе“, образцомъ котораго служитъ завѣщаніе Климента, ничѣмъ не отличается отъ „ряда“ Рус. Правды. Но воля завѣщателя, не имѣющаго „ни брата, ни сына“, не предопредѣляется съ такою неизбѣжностью, какъ въ рядѣ: обычай могъ поставить на мѣсто сына монастырь, но такой же обычай, о которомъ свидѣтельствуетъ Рус. Правда, ставилъ въ положеніе наслѣдника князя. Теперь выборъ между государствомъ и церковію предоставляется завѣщателю. Эта свобода выбора (условная) „сближаетъ“ рукописаніе съ тестаментомъ (но не равняетъ съ нимъ).

временъ Рус. Пр. дошли до насъ и письменные завѣщательные акты: именно (кромѣ упомянутой духовной Климента) духовная Антонія Римл. 1147 г. и два духовныхъ завѣщанія кн. Владиміра Васильковича Волынскаго. И тотъ и другіе изъ этихъ актовъ не выполняютъ, однако, понятія Рус. Пр. о рядѣ: первое есть завѣщаніе монаха, второе—князя, а у князей родовое начало преобладало надъ семейнымъ. Послѣдніе названы *рукописаніями*, т. е. такимъ терминомъ, который впослѣдствіи спеціально пріуроченъ къ завѣщаніямъ; писаны они, по приказанію князя, писцомъ его Ѳедорцемъ и имѣютъ форму, до сихъ поръ удержавшуюся за актами этого рода, т. е. начинаются словами: „во имя О. и С. и Св. Д.“. Изъ этихъ двухъ грамотъ первая, въ пользу брата его кн. Мстислава, есть актъ государственный—передача княжескаго стола; вторая, въ пользу жены завѣщателя, имѣетъ значеніе частнаго завѣщательнаго акта: въ немъ князь передаетъ женѣ городъ Кобринъ, три села и монастырь. Замѣчательно, что села завѣщатель называетъ своими, а объ одномъ говоритъ прямо, что купилъ его у такого то за такую-то сумму. Такимъ образомъ, для завѣщателя открывается въ первый разъ большій просторъ субъективной воли въ распоряженіи своими *благопріобрѣтенными* имуществами. Разумѣется, городъ Кобринъ не подходитъ подъ это понятіе; но завѣщатель и распоряжается не самимъ городомъ, какъ частнымъ имуществомъ, а лишь доходами съ этого города; очевидно, что пользованіе этими доходами есть выдѣлъ вдовьей части въ пожизненное владѣніе, тогда какъ села завѣщаны въ полную собственность княгини, что обнаруживается изъ весьма оригинальнаго конца этого завѣщанія: „а княгиня моя, послѣ моей смерти, если захочетъ идти въ черницы, пусть идетъ, если же не захочетъ идти, то какъ ей любо: мнѣ не смотрѣть, вставши изъ гроба, что кто будетъ дѣлать послѣ моей смерти“.

Право дѣлать завѣщаніе приписывается въ Рус. Правдѣ лишь отцу и матери въ отношеніи къ дѣтямъ и мужу на выдѣлъ женѣ, чѣмъ въ высшей степени подтверждается указанное нами понятіе о „рядѣ“ Русской Правды.

Наслѣдованіе по закону *(по обычаю)*. Первоначально законъ не вмѣшивался въ порядокъ наслѣдованія: каждый разъ отецъ семейства, по соглашенію съ прочими членами семьи, распредѣлялъ имущество на случай смерти. Постановленія Русской Правды о наслѣдствѣ явились на тотъ случай, когда кто умретъ безъ ряду. Каждый отецъ распредѣлялъ имущество между своими дѣтьми. Поэтому и законъ, когда не осталось завѣщанія, старается распредѣлить имущество умершаго такъ, какъ бы сдѣлалъ это самъ наслѣдодатель, если бы онъ успѣлъ распорядиться. Такимъ образомъ наслѣдство по закону является не ограниченіемъ воли завѣщателя, а восполненіемъ ея; и то и другое въ существѣ тождественны.

Кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству по закону, есть семья въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, т. е. какъ союзъ супружескій, и союзъ родителей и дѣтей. Наслѣдуютъ только дѣти умершаго, а равно въ раздѣлѣ имущества, т. е. въ наслѣдствѣ въ неточномъ смыслѣ, участвуетъ его вдова

и церковь. Никто изъ другихъ лицъ (напр., боковыхъ родственниковъ) къ наслѣдству не призывается. Русская Правда опредѣляетъ общій порядокъ наслѣдованія по закону въ двухъ первыхъ своихъ статьяхъ о наслѣдствѣ (103 и 104 Кар.); здѣсь она различаетъ порядокъ наслѣдованія въ классѣ смердовъ, съ одной стороны, и въ классѣ бояръ, боярской дружины и людей—съ другой. Въ первомъ случаѣ наслѣдство переходитъ „дѣтямъ“ въ собственномъ смыслѣ, т. е. мужескаго пола; если же ихъ нѣтъ, а есть дочери, то эти послѣднія, не получая наслѣдства, получаютъ лишь выдѣлъ приданаго. Въ остальныхъ классахъ общества, за неимѣненіемъ сыновей, наслѣдуютъ и дочери. Въ первомъ случаѣ при неимѣніи сыновей, во второмъ—сыновей и дочерей, оставшееся имущество становится выморочнымъ и идетъ князю [1]). Таковъ простой и ясный смыслъ статей Рус. Правды.

Но при этомъ возбуждается масса вопросовъ: призываются ли къ наслѣдованію боковые? Почему въ сословіи смердовъ исключаются отъ наслѣдованія дочери? Почему не упоминаются дальнѣйшіе нисходящіе—внуки и т. д.? Всѣ эти вопросы, подсказанные позднѣйшими условіями права наслѣдства, подали поводъ къ различнымъ перетолкованіямъ ясныхъ статей Русской Правды.

Такъ, однимъ изслѣдователямъ (Никольскій) казалось, что необходимо въ эпоху Русской Правды распространить кругъ наслѣдующихъ и на боковыхъ. Поэтому они думаютъ, что Рус. Правда въ упомянутыхъ двухъ статьяхъ изображаетъ не общій порядокъ наслѣдованія, а спеціальный: именно, будто бы общій порядокъ наслѣдованія всѣхъ свободныхъ лицъ призывалъ къ наслѣдованію и боковыхъ родственниковъ; но изъ этого порядка исключаются классъ смердовъ и классъ бояръ и дружинниковъ. Какъ тотъ, такъ и другой состоятъ изъ лицъ, зависимыхъ отъ князя по личнымъ отношеніямъ. Смерды—это низшій безземельный классъ, преимущественно сельскихъ обывателей, подобный проніямъ сербскимъ и кметамъ вислицкаго статута. Они жили и работали на княжескихъ или (что то же) общественныхъ земляхъ, владѣя имуществомъ лишь на правахъ пользованія. И въ Польшѣ до вислицкаго статута наслѣдство послѣ кметовъ шло въ пользу князя; но этотъ статутъ призналъ такой обычай несправедливымъ и допустилъ къ наслѣдованію ихъ родственниковъ (consanguineos vel affines). Въ подобной же личной зависимости отъ князя находился и классъ, стоявшій на противоположной ступени общественной лѣстницы—*бояре*. Сличая наше право съ сербскимъ, Никольскій находитъ

---

[1]) Такъ понимаетъ порядокъ наслѣдованія по Русской Правдѣ и Неволинъ, но у него эта мысль (о семьѣ, какъ исключительной сферѣ наслѣдованія) въ нѣкорой степени ослаблена гипотезою, что *до Русской Правды* господствовало наслѣдованіе цѣлаго рода. Данныя для подтвержденія этого очень слабы (договоръ Олега, лѣтопись о дани съ грековъ въ пользу рода руссовъ, порядокъ мстителей, церковный Уставъ Владиміра; см. о нихъ ниже въ слѣд. примѣч.). Нескладность теоріи бросается въ глаза: сначала наслѣдуетъ весь родъ, змтѣмъ только дѣти, а затѣмъ опять родичи. Впрочемъ, см. ниже стр. 493.

большое сходство между положеніемъ нашихъ бояръ и сербскихъ *властелиновъ*, которымъ, по закон. Душана, сербскій царь наслѣдовалъ въ ихъ движимомъ имуществѣ. Изъ нашего изложенія государственнаго права древней Руси видно, что въ замѣчаніяхъ о положеніи смердовъ есть нѣкоторая доля истины. Дѣйствительно, ихъ особымъ положеніемъ зависимости объясняется privilegium odiosum въ ихъ порядкѣ наслѣдованія не отъ общаго (мнимаго) порядка наслѣдованія, а отъ того, который дѣйствительно существовалъ для бояръ и „людей". По мнѣнію П. П. Цитовича, и здѣсь, т. е. въ отношеніи къ смердамъ, нѣтъ никакого исключенія; онъ полагаетъ, что и послѣ смердовъ наслѣдство только тогда идетъ князю, когда у смердовъ не осталось дѣтей вообще, т. е. какъ мужескаго, такъ и женскаго пола. Но если такъ, то тогда не зачѣмъ было отдѣльно говорить о смердьемъ наслѣдствѣ, въ противоположность боярскому и людскому. Что же касается до класса бояръ и боярской дружины, то выводъ Никольскаго долженъ быть признанъ совершенно ошибочнымъ: въ эпоху 3-й Рус. Пр., т. е. въ XII—XIII вв., классъ этотъ долженъ быть признанъ вполнѣ свободнымъ отъ личной зависимости отъ князя. Сверхъ того, сама Рус. Пр., ясно указываетъ, что порядокъ наслѣдованія, изображенный въ 104-й ст., есть порядокъ общій, а не спеціальный: именно статья эта надписывается (въ Кар. спискѣ): „о боярскомъ наслѣдствѣ и о людскомъ", т. е. о наслѣдствѣ „людей"—терминъ, подъ которымъ разумѣются всѣ свободные граждане. Такимъ образомъ несомнѣнно, что Рус. Пр. допускаетъ наслѣдованіе только дѣтей, но исключаетъ отъ наслѣдованія дочерей въ сословіи смердовъ [1]).

[1]) Всемірно-историческій фактъ узкаго круга наслѣдующихъ въ первобытныя эпохи и постепеннаго расширенія его въ исторіи есть фактъ, болѣе или менѣе признанный и имѣющій глубокую важность историческую и догматическую въ ученіи о наслѣдствѣ. Извѣстно, напр., что въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ наслѣдовали только „свои", т. е. члены семьи, которые даже „не считались наслѣдниками и не могли отказаться отъ наслѣдства" (Муромцевъ, стр. 119—122; Кавелинъ, стр. 60—61); затѣмъ допущены агнаты, т. е. одни подвластные; потомъ, когда установилось когнатическое наслѣдство, то первоначально простиралось только до 6-й степени. Въ старо-нѣмецкомъ правѣ (въ Lex Baiuvariorum до 7 степени; съ Саксонск. зерцалѣ, т. е. даже въ XIII в., наслѣдованіе допускалось лишь usque ad octavum gradum). До 8-й степени допускалось наслѣдованіе и въ польскомъ правѣ. Несомнѣнно тоже установленіе (сначала безъ точнаго опредѣленія степени, а помъ, согласно съ польскимъ правомъ, также до 8-й степени) наблюдается въ западно-русскомъ правѣ. Въ общерусскомъ древнѣйшемъ и потомъ Московскомъ постепенное расширеніе круга наслѣдующихъ обозначено весьма ясными чертами въ законахъ (Рус. Пр. Кар. 103, 104; Псков. Судн. Грам. 15; указ. 1562, 1572, 1627, 1650 и 1676; см. ниже). Рус. Пр. прямо отрицаетъ наслѣдованіе боковыхъ, говоря, что за неимѣніемъ дѣтей наслѣдство идетъ князю (становится выморочнымъ); со времени возникновенія бокового наслѣдованія, оно сначала идетъ только *ближнему племени*, т. е. простиралось до 4-й степени родства (что, впрочемъ, по переводѣ на способъ счисленія средневѣковой нѣмецкій, равняется осьмому „градусу"); затѣмъ въ XVII в. распространилось на „дальнее родство", которое въ законѣ опять точно ограничено 4-мъ „колѣномъ" (т. е. осьмою степенью). Лишь въ періодѣ имперіи кругъ наслѣдующихъ становится безграничнымъ. Такой громадный (и говоримъ общеизвѣстный)

Допускается ли при этомъ наслѣдованіе дальнѣйшихъ нисходящихъ, т. е. внуковъ и т. д.? Хотя Русская Правда объ этомъ не упоминаетъ, но допустить утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимо подъ тѣмъ только условіемъ, что внуки живутъ въ нераздѣльной семьѣ съ ихъ дѣдомъ-наслѣдодателемъ. Но Рус. Пр., очевидно, имѣетъ въ виду тотъ бытъ, когда каждый женатый сынъ выдѣляется въ особый домъ, основываетъ независимое хозяйство, т. е. имѣетъ въ виду не сложную семью, не родъ, а семью въ тѣсномъ смыслѣ, а потому и не считаетъ нужнымъ упоминать о дальнѣйшихъ нисходящихъ. Такова общая сфера наслѣдованія по Русской Правдѣ.

историческій фактъ имѣетъ глубокое значеніе для исторіи происхожденія права наслѣдства и для теоретической оцѣнки этого института въ настоящее время. Онъ свидѣтельствуетъ, что право наслѣдства возникаетъ не изъ искуственнаго измышленія, а коренится въ совладѣніи лицъ, живущихъ въ одномъ домѣ съ наслѣдодателемъ, раздѣлявшихъ вмѣстѣ труды пріобрѣтенія имущества и право пользованія имъ. Онъ показываетъ также, что дальнѣйшее расширеніе круга наслѣдующихъ, особенно же доведеніе его до безконечности родства въ періодъ имперіи есть явленіе до извѣстной степени искуственное и можетъ подлежать измѣненію въ законодательствѣ, подобно французскому праву, ограничивающему право наслѣдованія кровныхъ родственниковъ 12-ю степенью, что̀ повело бы къ смягченію того случайнаго характера права наслѣдства, который подаетъ поводы къ разрушительнымъ попыткамъ полнаго отрицанія этого права.

Такое высокое значеніе указаннаго историческаго факта, однако, мало оцѣнивается нѣкоторыми русскими писателями, наталкивавшимися на вопросъ о правѣ наслѣдства. Г. Сторожевъ, нашедшій въ Арх. Мин. Юстиціи списокъ указной книги помѣстнаго приказа и издавшій его, рѣшился присоединить къ тексту книги обширные комментаріи, касающіеся не одного вопроса о помѣстьяхъ и вотчинахъ, но и многихъ другихъ вопросовъ гражданскаго права, въ томъ числѣ и права наслѣдства и притомъ съ древнѣйшихъ временъ. Отвергнувъ авторитетное мнѣніе Неволина о семейномъ кругѣ наслѣдующихъ по Рус. Правдѣ и не принявъ во вниманіе, что это „мнѣніе“ не одного Неволина, а постановленіе древняго закона, понимаемое въ такомъ же смыслѣ всѣми историками права наслѣдства (И. Д. Бѣляевымъ, К. Д. Кавелинымъ, П. П. Цитовичемъ), кромѣ проф. Никольскаго, мнѣніе котораго оцѣнено уже въ достаточной степени, авторъ къ имени Неволина присоединяетъ и наше, какъ лица, раздѣляющаго заблужденіе Неволина (Историко-юридич. матеріалы, изд. Моск Архивомъ мин. юст. Вып. I, стр. 194). Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время мы излагаемъ тоже утвердившееся въ наукѣ мнѣніе, повторяя его не безсознательно (какъ видно изъ предыдущаго) и считая заблужденіемъ мнѣніе проф. Никольскаго. При этомъ между Никольскимъ и г. Сторожевымъ есть нѣкоторая разница; первый старался по мѣрѣ силъ доказать, что изображаемый Русскою Правдою порядокъ наслѣдованія есть спеціальный, о чемъ г. Сторожевъ совсѣмъ умалчиваетъ, предполагая взамѣнъ того указаніе, что Русская правда —кодексъ не *полный* (Рус. Правда этому предмету посвящаетъ 13 довольно обстоятельныхъ статей), и вообще подробно аргументируя извѣстную истину, что законы всегда менѣе полны, чѣмъ запасъ юридическихъ нормъ въ жизни (при этомъ вдобавокъ приводятся неловкіе примѣры: „Если судебники молчатъ о *помѣстномъ* правѣ, значитъ ли это, что въ эпоху судебника не существовало помѣстій“? Между тѣмъ, судебн. говоритъ: „Аще взыщетъ помѣщикъ на помѣшикѣ, за которымъ земли вел. князя...“). Но Рус. Правда не *умалчиваетъ* о наслѣдствѣ боковыхъ, а прямо *отрицаетъ* его, говоря, что, если у смерда нѣтъ сыновей, а у бояръ и бояр. дружины—и дочерей (послѣднее г. Сторожевъ опускаетъ), то наслѣдство идетъ князю. Для того, чтобы выступить противъ установившагося взгляда по вопросу

Опредѣливъ общую сферу права наслѣдства, мы должны ознакомиться въ частности съ отношеніями къ этому праву отдѣльныхъ членовъ семьи.

Наслѣдованіе сыновей. Въ этомъ отношеніи уже въ Рус. Правдѣ стоитъ твердо отличительный принципъ Русскаго права: къ одновременному наслѣдованію призываются *всѣ сыновья*: „пакы-ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ“ (105). Напротивъ, отличительная черта древне-германскаго права есть наслѣдованіе одного старшаго сына, по крайней мѣрѣ въ главномъ имуществѣ. Принципъ первородства, впрочемъ, не составляетъ особенности только германскаго права: извѣстно его значеніе у восточныхъ народовъ (напр., у евреевъ). Нѣмецкій историкъ Филипсъ весьма основательно объясняетъ господство принципа первородства слѣдующими бытовыми условіями: старшіе братья, способные носить оружіе, исключаютъ младшихъ, не достигшихъ совершеннолѣтія. „Старшій братъ—вмѣсто отца“, какъ говорилось и въ русскомъ княжескомъ родѣ. Но въ Русскомъ правѣ принципъ первородства, взявшій рѣшительное преобладаніе въ государственномъ правѣ, совершенно исчезъ въ порядкѣ частнаго наслѣдованія. Въ позднѣйшее время, при Петрѣ В., оба эти начала столкнулись въ указанной противоположности на русской почвѣ.

Способъ наслѣдованія сыновей можетъ быть двоякій: братья по смерти отца или остаются въ общемъ совладѣніи, или дѣлятъ имущество поровну. Первый случай представляетъ чистый типъ древнѣйшаго наслѣдованія, когда права на имущество не претерпѣваютъ никакого видимаго перехода; старшій замѣняетъ отца, второй способъ—раздѣлъ имуществъ на ровныя части—совершается или вслѣдствіе ряда, даннаго отцомъ, или

большой важности, нельзя довольствоваться аргументами, которые раньше уже имѣлись въ виду и признаны ненадежными, а именно: Договоръ Олега, будто бы различающій „своихъ“ (нисходящихъ) и „малыхъ ближиковъ“ (будто бы родственниковъ). Но тѣмъ, кто занимался этимъ памятникомъ (въ томъ числѣ и единомышленнику г. Сторожева проф. Никольскому) извѣстно, что договоръ говоритъ не о лицахъ, имѣющихъ право наслѣдовать, а о лицахъ, которымъ можно выдать наслѣдство въ Византіи или переслать въ Россію (см. выше примѣч. на стр. 473). Таковы же слѣд. аргументы: „наслѣдованіе боковыхъ родственниковъ по закону знаетъ и Псковская Судная Грамота“; но его знаетъ и Сводъ Законовъ Росс. Имперіи; что́ же изъ этого слѣдуетъ? Наука давно знаетъ, что *въ XIV—XV в.* наслѣдованіе боковыхъ уже существуетъ и старается объяснить, какъ оно могло возникнуть *послѣ* Русской Правды: см. ниже о правѣ наслѣдства въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ между прочимъ содержится и изъясненіе того, почему въ актахъ, современныхъ Русской Правдѣ (духовной Климента, церковныхъ уставахъ), говорится о наслѣдованіи *братьевъ*, именно, что здѣсь разумѣется агнатическое наслѣдованіе членовъ одной сложной семьи (когда братья остаются въ совладѣніи). А въ ссылкахъ на духовныя и церковные уставы заключаются всѣ остальные аргументы г. Сторожева, если не считать права мести, которое къ праву наслѣдства не относится: оно можетъ принадлежать и женѣ въ отношеніи къ мужу (примѣръ Рогнѣды) и стороннимъ лицамъ (примѣръ Варяжка).

„Так. образомъ, заключаетъ г. Сторожевъ, право наслѣдованія боковыхъ является исконнымъ въ русскомъ правѣ“. Такимъ образомъ, заключаемъ мы, право наслѣдованія боковыхъ есть позднее явленіе, смѣнившее въ XIV—XV вв. древнее семейное преемство.

по взаимному соглашенію братьевъ. Рус. Пр. говоритъ только, что, если отецъ умретъ безъ ряду, то домъ всѣмъ дѣтямъ, и не входитъ въ дальнѣйшія и подробнѣйшія объясненія; но изъ этого выраженія самъ собою вытекаетъ порядокъ равнаго раздѣла имущества. Изъ этого сдѣлано одно исключеніе, что отеческій дворъ во всякомъ случаѣ оставляется въ пользу младшаго: „дворъ безъ дѣлу отенъ всякои меншему сынови“ (Кар. 112). Что означаетъ здѣсь „безъ дѣлу“? То ли, что дворъ не включается въ раздѣлъ, или замѣняетъ для младшаго сына его законную часть наслѣдства? Слѣдуетъ думать, что онъ входитъ въ составъ слѣдующей младшему части. Объясненіе мотивовъ этого находимъ въ живомъ обычномъ правѣ (см. у Чубинскаго: Нар.-юрид. об. № 118: крестьянинъ завѣщаетъ свой собственный домъ съ принадлежащею къ нему усадьбою..., меньшимъ своимъ сыновьямъ, потому что старшій имѣетъ свою собственную усадьбу). Иногда обычай Русской Правды называютъ *минораторомъ*, но напрасно. Мотивъ закона не большее, а вѣрнѣйшее обезпеченіе младшаго, который можетъ остаться малолѣтнимъ и долженъ имѣть готовый кровъ.

Какъ сказано, Рус. Правда не вмѣшивается въ опредѣленіе наслѣдственныхъ долей сыновей. Но она предвидитъ, что споръ о раздѣлѣ наслѣдства возможенъ; въ такомъ случаѣ она предоставляетъ рѣшеніе волѣ князя, который посылаетъ своего дѣтскаго дѣлить дѣтей (Кар. 117). Между тѣмъ, по древнѣйшему уставу церковному (Владим.), споры о наслѣдствѣ вообще подлежатъ рѣшенію церковной власти: „братни ли дѣти тяжутся о задници...“ (здѣсь, кажется, слѣдуетъ читать: братія или дѣти...). Это обстоятельство выставляется, какъ аргументъ противъ подлинности церковныхъ уставовъ. Но извѣстно, что въ древней Руси все право наслѣдства, наравнѣ съ семейственнымъ, подлежало вѣдѣнію церкви. Противорѣчіе можетъ быть разрѣшено или тѣмъ, что въ Рус. Правдѣ отразились обычаи древнѣйшіе—дохристіанскіе, или тѣмъ, что, по буквальному смыслу Рус. Правды, князю предоставляется рѣшеніе споровъ (не о наслѣдствѣ, а именно о дѣлежѣ имущества) тогда, когда тяжущіеся сами пожелаютъ обратиться къ суду князя.

Наслѣдованіе дочерей. Въ выше представленной схемѣ круга наслѣдующихъ было показано, что по общему порядку дочери наслѣдуютъ только при неимѣніи сыновей; по спеціальному же порядку (въ классѣ смердовъ) дочери не наслѣдуютъ и тогда, когда сыновей не осталось. Исключеніе дочерей отъ наслѣдства при сыновьяхъ есть общій принципъ славянскаго и германскаго права. Изъ славянскихъ законовъ, древне-мазовецкое право выражается такъ: „ex antiqua consvetudine дочери не наслѣдуютъ въ отеческихъ имѣніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ имуществахъ при братьяхъ и ихъ дѣтяхъ, но всегда остаются у нихъ in dote, иначе—na posagu“. Древне-германскія законодательства, дѣлая такія же постановленія, отчасти указываютъ и на свои мотивы: такъ, англо-веринскіе законы отказываютъ дочери въ наслѣдствѣ и не только при братьяхъ, но и безъ нихъ, если наслѣдство состоитъ въ недвижимомъ имуществѣ, что́ и называлось въ собственномъ смыслѣ *haereditas*; къ наслѣдованію же денегъ

и движимости (mancipio) допускаютъ и дочерей, если нѣтъ сыновей. Недвижимое имущество при неимѣніи сыновей переходитъ не къ дочери, а къ ближайшему родственнику со стороны отца.

Нѣчто подобное было впослѣдствіи и въ нашемъ правѣ, когда, напр., въ княжескихъ вотчинахъ не призывались къ наслѣдству дочери: вотчины шли въ казну и были, по волѣ государя, передаваемы родственникамъ умершаго, а дочерямъ выдавалось приданое. Мотивъ этотъ понятенъ: недвижимое имущество обременено служебными обязанностями по отношенію къ государственной власти; обязанности эти (преимущественно военную службу) женщина лично исполнять не можетъ. Но въ Рус. Правдѣ такого мотива нѣтъ: имущество, о которомъ она говоритъ вообще въ своихъ статьяхъ о наслѣдствѣ, есть *дворъ*, *статокъ*, *добытокъ* (движимость). Здѣсь должна присутствовать другая причина болѣе общаго характера: эта причина есть первобытная семейная основа права наслѣдства: семью продолжаютъ сыновья, а не дочери; выйдя замужъ, дочь основываетъ другую семью. На этомъ мотивѣ держатся и нынѣшнія права наслѣдованія дочерей, повидимому, столь противныя справедливости.

Исключеніе незаконнорожденныхъ. Во всѣхъ предыдущимъ положеніяхъ разумѣются дѣти законнорожденныя. Но во время Рус. Пр. понятіе это было довольно шатко, такъ какъ не исчезло еще ни многоженство, ни свобода разводовъ. Было ясно только различіе женъ отъ *рабынь-наложницъ*. О дѣтяхъ, рожденныхъ отъ этихъ послѣднихъ, Рус. Правда опредѣленно постановляетъ, что наслѣдства имъ нѣтъ; но по смерти отца свобода имъ съ матерью (Кар. 110). Въ такихъ случаяхъ, по указанію позднѣйшихъ обычаевъ, слѣдовалъ *надѣлокъ* освобожденнымъ, состоявшій въ движимыхъ вещахъ.

Такой порядокъ наслѣдованія нисходящихъ по общей нормѣ, именно порядокъ наслѣдованія послѣ отца.

Наслѣдство дѣтей послѣ матери. Другой порядокъ наступаетъ, если наслѣдованіе идетъ отъ матери. Во-первыхъ, смыслъ текста Русской Правды даетъ понять, что матери принадлежитъ бо́льшая свобода въ распоряженіи своимъ имуществомъ, чѣмъ отцу: „а материня часть дѣтямъ ненадобна (т. е. на эту часть дѣти не могутъ заявлять притязаній); но кому мать захочетъ, тому и дастъ“ (Кар. 114). Это постановленіе, относящееся собственно къ завѣщательному праву, указываетъ, однако, на разницу наслѣдства послѣ матери, лежащую въ самомъ существѣ его, И дѣйствительно, далѣе Русская Правда такъ опредѣляетъ законный порядокъ наслѣдованія послѣ матери: „если она умретъ безъ языка, то у кого (изъ дѣтей) она жила во дворѣ, у кого умерла и кто ее кормилъ, тому и получать наслѣдство“. Другая статья (116) служитъ разъясненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ этого постановленія. Какъ сказано, дочери при сыновьяхъ не наслѣдуютъ послѣ отца; послѣ же матери можетъ ли наслѣдовать дочь, когда именно дочь, а не сыновья пріютила мать и кормила ее до смерти? Рус. Правда говоритъ: „мать можетъ отдать все кому угодно изъ сыновей перваго-ли, или второго мужа, кто только къ

ней былъ добръ. Если же всѣ сыновья ея будутъ непочтительны („лихи"), то можетъ дать дочери, которая ее кормила". Здѣсь опять Рус. Правда говоритъ о наслѣдованіи завѣщательномъ, но мы уже знаемъ, что завѣщательный порядокъ совершенно тождественъ, съ законнымъ. По сличенію съ предыдущей статьею, ясно, что, если мать умретъ безъ языка, то имущество получаетъ тотъ, у кого она жила, хотя бы то была и дочь. Мысль о томъ, что мать можетъ примкнуть со своимъ имуществомъ къ постороннему (при непочтительности всѣхъ дѣтей), отнюдь не вытекаетъ изъ текста Рус. Пр. Согласно церковн. уставамъ, надо думать, что въ такомъ случаѣ вдова находитъ пріютъ въ церкви.

На чемъ основывается эта разница въ порядкѣ наслѣдованія послѣ матери и отца? На томъ, что мать остается главою и продолжательницею власти въ семьѣ лишь тогда, когда семья остается нераздѣленною. Но если раздѣлъ послѣдовалъ, и вдова получила свой законный выдѣлъ, то она уже не принадлежитъ ни къ какой изъ новыхъ семей, Она можетъ примкнуть по собственной волѣ или выбору къ какому-либо изъ дѣтскихъ семействъ, къ которому въ такомъ случаѣ и пріурочивается принесенное ею имущество. Впрочемъ всѣ эти замѣчанія относятся только къ наслѣдованію послѣ матери-*вдовы*. Но если жена умерла при мужѣ, то ея имущество до смерти мужа, хотя бы онъ вступилъ во второй бракъ, остается въ составѣ общесемейнаго имущества. Лишь послѣ смерти отца дѣти ея наслѣдуютъ ея часть; но уже наслѣдуютъ *всѣ* дѣти, можетъ быть со включеніемъ и дочерей.

Наслѣдованіе восходящихъ. Изъ предыдущаго видно, что порядокъ наслѣдованія идетъ въ порядкѣ естественнаго поступленія поколѣній отъ старшаго къ младшему. Рус. Пр. умалчиваетъ о наслѣдованіи *восходящихъ*, конечно, не потому, что родительская власть исключала возможность существованія у дѣтей отдѣльнаго имущества. Въ одной семьѣ это, конечно, нужно предположить; но сыновья отдѣленные, безъ сомнѣнія, могли имѣть и имѣли свое независимое право на имущества: имъ могъ наслѣдовать отецъ. Но Рус. Правда молчитъ и не даетъ никакого права предполагать существованіе такого обратнаго порядка наслѣдованія, именно вслѣдствіе указаннаго выше общаго характера права наслѣдованія, опредѣляемаго сферою семьи.

Наслѣдованіе супруговъ. Въ понятіе семьи входитъ не только союзъ родителей и дѣтей, но и союзъ супружескій. Установляетъ ли древнее право порядокъ наслѣдованія въ этомъ послѣднемъ союзѣ? Рус. Правда содержитъ въ себѣ нѣсколько статей о правѣ жены на оставшееся послѣ мужа имущество. Поэтому можно думать, какъ и думаютъ обыкновенно. что Рус. Правда опредѣляетъ права наслѣдства жены послѣ мужа, хотя не устанавливаетъ обратнаго порядка, т. е. наслѣдованія мужа послѣ жены. Если признать вѣрнымъ первое, т. е., что, по Рус. Правдѣ, жена наслѣдуетъ мужу, то второе, т. е. ненаслѣдованіе мужа женѣ, можно бы изъяснить тѣмъ, что жена не имѣетъ никакихъ имущественныхъ правъ при мужѣ, а потому и не можетъ оставить никакого наслѣдства.

а) *Наслѣдованіе жены.* Однако, провѣримъ первое: даетъ ли Русская Правда женѣ право наслѣдовать послѣ мужа? Въ статьѣ 106-й Русская Правда между прочимъ говоритъ: „а наслѣдство ей (женѣ) мужнино не надобѣ“, т. е. она не можетъ имѣть притязаній на наслѣдство послѣ мужа. Думаемъ, что нашъ памятникъ точно различетъ понятіе наслѣдства отъ выдачъ и выдѣловъ, которые могутъ быть сдѣланы по смерти лица изъ его имущества кому-либо, и отъ другихъ правъ, которыя могутъ лишь казаться правами наслѣдованія. Поэтому тѣ права, которыя Рус. Пр. назначаетъ женѣ, не должны быть признаваемы и именуемы наслѣдствомъ. Что же именно Рус. Пр. назначаетъ женѣ? Она возвращается къ этому вопросу два раза (ст. 106 и 113) и имѣетъ въ виду два возможныхъ случая: 1) семья по смерти отца можетъ остаться не раздѣленною; тогда мать семейства, оставшаяся вдовою, остается главою семьи [1]) даже въ томъ случаѣ, если бы дѣти не хотѣли держать ее на дворѣ: „если она захочетъ остаться съ дѣтьми, то во всякомъ случаѣ исполнить ея волю, а дѣтямъ воли не давать“. Если семья не противится власти матери, то, очевидно, мать не нуждается ни въ какомъ выдѣлѣ имущества, какъ хозяйка. Доказательтвомъ того, что такое отношеніе къ имуществу мужа Рус. Пр. допускаетъ для вдовы, служитъ слѣдующее указаніе: „если жена, говорится въ этомъ памятникѣ, обѣщается сидѣть (вдовою) по мужѣ, но растеряетъ имущество и пойдетъ замужъ, то платить ей все дѣтямъ“ (113). Ея безотчетная родительская власть разрушается лишь вторымъ бракомъ ея. Но воспріятіе родительской власти не есть переходъ имущественныхъ правъ въ наслѣдствѣ. 2) Если же семья дѣлится по смерти отца, то какое положеніе наступаетъ въ этомъ случаѣ для матери? Тогда она получаетъ выдѣлъ изъ имущества мужа: „если жена останется вдовою послѣ мужа, то дать ей часть, взявши ее отъ дѣтей“. Часть эта можетъ быть ей назначена ея мужемъ въ завѣщаніи („а что на нее мужъ возложилъ, тому она госпожа“), можетъ быть и выдѣлена при раздѣлѣ дѣтей. Какая часть должна быть выдѣлена по закону, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь предположительно и по аналогіи съ правами другихъ народовъ, а именно часть вдовы должна равняться сыновней. Но этотъ выдѣлъ не есть наслѣдство. Единственное право на полученный законный выдѣлъ, предоставляемое вдовѣ, это распоряженіе имъ на случай смерти въ пользу своихъ всѣхъ дѣтей или одного изъ нихъ. Такой выдѣлъ есть то же, что называлось впослѣдствіи на *прожитокъ*. Лучшее уясненіе характера этого „прожитка“ заключается въ судьбѣ его въ такомъ случаѣ, когда вдова идетъ во 2-й бракъ. Судя по древнѣшимъ завѣщаніямъ, часть, данная на прожитокъ, въ такомъ случаѣ обыкновенно возвращается семьѣ—дѣтямъ (за немногими исключеніями, какъ выше въ духовн. кн. Владиміра). Косвеннымъ образомъ то же самое можно вывести и изъ самой Русской Правды, именно слѣд. выраженій ея: „аще жена

[1]) Изложенныя выше (стр. 377) узаконенія о причисленіи вдовъ къ людямъ церковнымъ относятся къ вдовамъ безпріютнымъ и безсемейнымъ.

сядетъ по мужи", т. е. если останется вдовою, „то дать ей часть"; очевидно, разумѣется, что, если жена не останется вдовою, то и части не получаетъ. 3) Наконецъ, приданое, принесенное женою и состоявшее въ распоряженіи мужа, по смерти мужа возвращается ей (на что намекаетъ ст. 106 Кар.), но это, очевидно, не имѣетъ никакого отношенія къ праву наслѣдства.

б) *Ненаслѣдованіе мужа.* Рус. Правда указываетъ выдѣлъ женѣ послѣ смерти мужа, но не говоритъ ни о какихъ правахъ мужа на имущество жены по ея смерти. Предположеніе, что мужъ потому не наслѣдуетъ послѣ жены, что жена не имѣетъ никакихъ имущественныхъ правъ по отношенію къ мужу, прямо опровергается текстомъ Рус. Правды. Именно Рус. Правда предвидитъ, что могутъ остаться дѣти отъ двухъ женъ, и постановляетъ, что каждый изъ дѣтей наслѣдуетъ въ имуществѣ своей матери. Относительно 2-й жены, оставшейся вдовою, можно еще подумать, что здѣсь рѣчь идетъ объ имуществѣ, выдѣленномъ ей мужемъ „на прожитокъ"; но относительно 1-й, умершей раньше смерти мужа, такое предположеніе невозможно. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о собственныхъ имуществахъ жены, принесенныхъ ею въ видѣ приданаго, или пріобрѣтенныхъ во время брака. Имущественныя права жены, подчиненныя правамъ мужа при существованіи брака (см. выше объ имущ. отношеніяхъ супруговъ), выдѣляются и спеціализируются при прекращеніи брака смертію того или другого супруга. Итакъ, не по этой причинѣ Рус. Правда обходитъ молчаніемъ право мужа наслѣдовать женѣ. Можно бы предположить для такого умочанія общую причину, именно неполноту и казуистичность памятника; но Рус. Правда очень полно затрогиваетъ всѣ стороны взаимныхъ отношеній членовъ семьи въ правѣ наслѣдства и два раза говоритъ о правахъ вдовы; такимъ образомъ были всѣ поводы для составителя памятника вспомнить и объ обратныхъ правахъ мужа. Слѣдуетъ заключить, что древнѣйшій законъ потому обходитъ это явленіе, что его не существовало въ дѣйствительности. Такъ оно и есть въ послѣдующемъ правѣ, въ особенности въ правѣ литовско-русскомъ, что́ удержалось и до сихъ поръ въ законахъ малороссійскихъ губерній. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что мужъ, по смерти жены, не лишается права владѣнія и пользованія женинымъ имуществомъ, что оно не отбирается у него, какъ это видно изъ приведеннаго выше постановленія о томъ, что по смерти отца единоутробные наслѣдуютъ каждый въ имуществѣ своей матери; стало быть, до смерти мужа имущество 1-й жены находилось въ его пользованіи и завѣдываніи. Но это пользованіе отнюдь не есть наслѣдство: мужъ лишь продолжаетъ пользованіе. Это обстоятельство окончательно уясняетъ намъ значеніе выдѣла женѣ. О немъ упоминаетъ Русская Правда (умалчивая о правѣ пользованія мужа) только потому, что по смерти отца семейства можетъ послѣдовать полный раздѣлъ семьи, а по смерти матери семейства при живомъ отцѣ этого быть не можетъ.

Итакъ, по древнѣйшему русскому праву, *супруги не наслѣдуютъ другъ другу* (что́ и согласно съ естественною преемственностью наслѣдства въ преемственномъ порядкѣ поколѣній), но тотъ и другой супругъ пользуются пожизненно или всѣмъ имуществомъ семьи, или (жена) частью этого имущества.

Таковы несложныя формы права законнаго наслѣдованія по Русской Правдѣ, истекающія изъ одного общаго начала и послѣдовательныя во всѣхъ подробностяхъ [1]).

Юридическая сущность наслѣдованія по Русской Правдѣ. Иногда встрѣчается предположеніе, что право наслѣдства есть явленіе искусственное, обязанное происхожденіемъ своимъ зэкону, ибо де первоначально вовсе не было понятія о правѣ наслѣдства, какъ переходѣ всѣхъ имущественныхъ правъ умершаго на другія лица; наслѣдствомъ первоначально назывались будто бы вещи, оставляемыя умершимъ (безхозяйныя), а *не права*. Но истинный взглядъ на юридическую сущность права наслѣдства замѣтенъ уже въ древнѣйшія времена Русскаго права. Мы упоминали о постановленіи Рус. Правды, по которому наслѣдникъ вотчима обязанъ вознаградить пасынковъ его за растерянное вотчимомъ имущество этихъ послѣднимъ (Кар· 115). Въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. опредѣленно постановлено: „если иностранецъ даетъ въ заемъ деньги княжему холопу или иному

[1]) Таковы болѣе или менѣе установившіяся въ наукѣ положенія о правѣ наслѣдства по Рус. Правдѣ,—положенія, извлеченныя изъ довольно яснаго текста памятника, поддержанныя несомнѣнными явленіями всемірно-историческаго характера развитія этого института и потому принятыя многими историками русскаго гражданскаго права. Впрочемъ, можно найти даже теперь въ нашей литературѣ иныя воззрѣнія на этотъ предметъ: а именно:

а) Русская Правда представляетъ смѣшеніе положеній русскаго обычнаго права и права византійскаго, при чемъ встрѣчаются и „прямо противорѣчивыя между собой постановленія“, что́ объясняется разновременнымъ происхожденіемъ статей Русской Правды.

б) Русская Правда „не различаетъ пола дѣтей“ (въ отношеніи къ наслѣдству): дочери наслѣдуютъ наравнѣ нъ братьями, хотя одна статья прямо противорѣчить этому, т. е. отказываетъ дочерямъ въ правѣ наслѣдства при братьяхъ.

в) Различія въ кругѣ наслѣдующихъ по классамъ общества не существуетъ: „слово смердъ употребляется въ широкомъ смыслѣ всего населенія“; о наслѣдствѣ бояръ Рус. Правда вовсе не говоритъ ничего: она ведетъ рѣчь лишь о „боярской дружинѣ“ съ цѣлью обозначить, что выморочное имущество послѣ боярскихъ дружинниковъ идетъ не князю, а боярину.

г) Право наслѣдованія боковыхъ не отрицается Рус. Правдою, а лишь умалчивается; что оно было въ XII в., о томъ свидѣтельствуетъ слова кіевлянъ объ Ольговичахъ, у которыхъ они (кіевляне) не хотѣли быть какъ бы предметомъ наслѣдства („акы въ задничы“). Фактъ (замѣтимъ), доказывающій только существованіе въ государств. преемствѣ права наслѣдованія (что, какъ извѣстно, отрицается проф. Сергѣевичемъ), но государств. наслѣдованіе всегда отличалось отъ частнаго: въ Московскомъ государствѣ господствовалъ принципъ первородства (единонаслѣдія), а въ частномъ—наслѣдованіе всѣхъ сыновей въ равныхъ доляхъ. См. В. И. Сергѣевича: „Лекціи и изслѣдов.“, изд. 1899 г., стр. 423—431. Въ разборъ всѣхъ такихъ положеній не входимъ.

доброму человѣку, а тотъ умретъ не заплативъ, то кто беретъ его наслѣдство, тотъ платитъ и долгъ нѣмцу". Ключъ къ изъясненію этого самый простой: преемство имущественныхъ правъ сосредоточивается въ семьѣ, которая и заключаетъ обязательства сообща и отвѣчаетъ по нимъ сообща, несмотря на совершающіяся перемѣны въ личномъ составѣ семьи.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

I. Право наслѣдства (въ XIV и XV в.) въ Новгородѣ и Псковѣ.

Нельзя принять мысль К. Д. Кавелина о томъ, что порядокъ наслѣдованія, изображенный въ Пск. Судн. Грам., есть порядокъ болѣе древній сравнительно съ порядкомъ, установленнымъ въ Русской Правдѣ: первый будто бы уцѣлѣлъ въ Новгородѣ и Псковѣ потому, что эти государства-общины менѣе подверглись потрясенію со стороны варяго-русскаго княж. элемента; вслѣдствіе этого (будто бы) въ Новгородѣ и Псковѣ семьи и роды разлагались медленнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи. Едва ли торговый бытъ содѣйствуетъ сохраненію семейной солидарности; напротивъ, сущность наслѣдованія въ Новгородѣ и Псковѣ представляетъ дальнѣйшій фазисъ развитія права наслѣдства сравнительно съ Рус. Правдою.

Наслѣдованіе по завѣщанію. По Псков. Судн. Гр., взаимное отношеніе завѣщательнаго и законнаго наслѣдованія уже не столь тѣсное: между ними является нѣкоторое противоположеніе. Очевидная разница обнаруживается въ самомъ наименованіи того и другого; второе называется *„отморшина"*, т. е. имущество, оставшееся послѣ умершаго, первое—*„приказное"*, т. е. имущество, переданное кому-либо по приказу другого (ст. 55). Наслѣдники по закону не имѣютъ особаго титула; наслѣдники по завѣщанію именуются „приказниками" (ст. 14). Болѣе существенная разница является въ самихъ правахъ наслѣдниковъ по тому или другому титулу. Разница эта состоитъ въ отвѣтственности наслѣдниковъ по обязательствамъ наслѣдодателя и правѣ ихъ искать на сторонних лицахъ по обязательствамъ этихъ послѣднихъ къ наслѣдодателю. Именно, если кто, не имѣя ни заклада, ни записи (формальнаго акта), станетъ искать на наслѣдникахъ по завѣщанію поклажи или ссуды, а между тѣмъ есть завѣщаніе законно укрѣпленное, то такой искъ не принимается. Равнымъ образомъ и наслѣдники по завѣщанію могутъ искать на сторонних лицахъ лишь въ томъ случаѣ, когда у нихъ въ рукахъ находится формальный актъ—закладъ или запись, а безъ того искать не могутъ (ст. 14). Напротивъ, наслѣдники по закону могутъ искать и безъ заклада и безъ записи, и на нихъ можно искать также (ст. 15). Само собою разумѣется, что къ этой категоріи причисляются и тѣ законные преемники, въ пользу которыхъ оставлено завѣщаніе, но не „сторонніе люди". Полное и точное понятіе о наслѣдствѣ даетъ только наслѣдство по закону; наслѣдники этого рода вполнѣ воспринимаютъ имущественную личность наслѣдодателя,

Наслѣдники по завѣщанію (сторонніе) продожаютъ ее лишь въ той мѣрѣ, въ какой она опредѣлена самимъ наслѣдодатемъ въ завѣщаніи.

Обращаясь къ наслѣдству по завѣщанію, находимъ слѣд. отличія отъ права Русской Правды. а) Субъективная воля завѣщателя получаетъ уже бо́льшій просторъ; личность уже не такъ поглощается правами семейнаго союза и государства. Въ силу этого завѣщаніе можетъ сдѣлать всякій членъ семьи: напр., жена при мужѣ можетъ оставить завѣщаніе: у кого умретъ жена безъ рукописанія, а у ней останется вотчина, то мужъ владѣетъ тою вотчиною до смерти" (ст. 88). Слѣдоват., жена посредствомъ завѣщанія можетъ уничтожить это право пользованія мужа и передать вотчину стороннему лицу. Рус. Правда говоритъ о правѣ вдовы сдѣлать завѣщаніе; здѣсь говорится о правѣ жены. Всякій можетъ посредствомъ рукописанія распорядиться всякимъ родомъ имущества, не стѣсняясь ни родовымъ характеромъ имущества, ни значеніемъ недвижимыхъ имуществъ. Это видно уже изъ приведеннаго примѣра (о завѣщаніи вотчины женою) и еще болѣе открывается изъ слѣд. статьи: „кто дастъ при жизни или передъ смертію самъ своею рукою своему родственнику движимое имущество или вотчину посредствомъ грамотъ на нее, то тому тѣмъ и владѣть, хотя бы не было рукописанья" (ст. 100). б) Законъ уже довольно точно опредѣляетъ формы составленія завѣщаній. Мы говорили, что, по Русской Правдѣ, завѣщанія предполагаются словесныя, потому что въ нихъ выражается не субъективная воля завѣщателя, а общій „рядъ" цѣлой семьи. Требованіе письменныхъ завѣщаній является тогда, когда въ нихъ выражена воля частнаго лица, ничѣмъ не руководящагося, кромѣ личнаго усмотрѣнія. Дѣйствительно, въ Псков. Судн. Гр. видимъ, что, по общему правилу, завѣщанія составляются письменно почему и называются *рукописаніями*. Рукописаніе не только должно быть написано, но и скрѣплено или утверждено. Утвержденіе совершалось посредствомъ положенія его въ ларь (архивъ) св. Троицы—центральной церкви Пскова. Можно подумать, что допускалось и словесное совершеніе завѣщачій, именно въ слѣдующ. формахъ: завѣщатель долженъ лично передать наслѣднику отказываемую вещь или акты на вотчину; такая передача должна быть совершена въ присутствіи священника или стороннихъ людей. Но это есть предсмертнѣй даръ, а не завѣщаніе и притомъ здѣсь—порядокъ исключительный, какъ это видно изъ оборота рѣчи приведенной статьи „тому тѣмъ даньемъ и владѣть, хотя бы и рукописанья и было". Составленіе письменнаго завѣщанія требуется, однако, лишь тогда, когда имущество отказывается стороннему лицу, а не наслѣднику по закону, что видно изъ содержанія приведенной выше статьи (14) о правахъ наслѣдниковъ по завѣщанію, гдѣ именно говорится, что ихъ права обусловливаются тѣмъ, если рукописаніе составлено и положено въ ларь св. Троицы. Наслѣдники же законные остаются при тѣхъ же правахъ и обязанностяхъ, оставлено ли въ ихъ пользу письменное завѣщаніе или нѣтъ. Это же видно и изъ постановленія, только что приведеннаго о томъ, что словесныя распоряженія могутъ имѣть силу, если имущество передается родственнику (ст. 100). в) Несмо-

тря на формальную свободу субъективной воли *по закону* въ дѣлѣ распоряженія имуществомъ на случай смерти, въ дѣйствительности *фактически* наслѣдованіе по завѣщанію стоитъ еще въ тѣсной близости къ наслѣдованію по закону. Попрежнему воля завѣщателя склоняется слѣдовать указаніямъ порядка законнаго наслѣдованія, или, правильнѣе, указаніямъ природы. Для провѣрки фактической стороны завѣщательныхъ распоряженій у насъ есть уцѣлѣвшія духовныя грамоты Новгородскія и Двинскія XIV—XV вв. (эти акты вмѣстѣ съ тѣмъ помогутъ намъ сдѣлать справку относительно новгородскаго права наслѣдованія, такъ какъ въ новгородскомъ законодательствѣ не сохранилось о немъ ничего).

На основаніи образцовъ новгородскаго завѣщательнаго права мы можемъ составить слѣд. понятіе о формѣ и содержаніи духовныхъ грамотъ того времени. Начальная формула завѣщанія (призываніе св. Троицы) указываетъ на то, что право наслѣдства находилось въ своемъ историческомъ развитіи подъ вліяніемъ церкви. а) Хотя завѣщаніе главнымъ образомъ заключается въ назначеніи главнаго наслѣдника, однако такимъ назначаются обыкновенно лица, имѣющія право наслѣдованія по закону: наприм., „приказываю животъ свой своей матери Онтоньи и сынови своему Ѳедору, отцыну и дѣдину землю и воду“. Такова первая существенная часть завѣщанія. б) Вторая часть завѣщанія состоитъ въ томъ, что завѣщатель опредѣляетъ основанія своихъ правъ на оставляемое имущество. Если рѣчь идетъ о вотчинѣ и дѣдинѣ, то онъ указываетъ „что то имущество получено имъ по отца своего рукописанію и по володѣнію“, т. е. имущество досталось ему по завѣщательному и вмѣстѣ законному праву отъ отца. Затѣмъ завѣщатель описываетъ составъ имущества, что вызывалось самою сущностью дѣла относительно родовыхъ недвижимыхъ имуществъ. Имущества *родовыя* нѣкогда находились въ общемъ владѣніи цѣлаго рода; но впослѣдствіи части ихъ постепенно усвояются въ отдѣльное владѣніе семействъ, другія остаются въ нераздѣльномъ владѣніи не только съ братьями наслѣдодателя, но съ дядьями и выше. Поэтому завѣщатель излагаетъ всю сложную исторію первоначальнаго общаго родового имущества, даже и въ тѣхъ частяхъ его, которыя уже окончательно отошли въ частную собственность стороннихъ лицъ. Но недвижимыя имущества могутъ быть и *купленныя* или полученныя по суду; указывая основанія правъ на нихъ. завѣщатель долженъ указать, гдѣ находится купчая грам. или „утягальная“. Точно такъ же ему необходимо описать свои права обязательственныя; что ему слѣдовало бы *взять* по жеребьямъ и по грамотамъ, и что ему слѣдовало *дать*. Здѣсь же онъ долженъ упомянуть, чѣмъ обезпечены эти обязательства: оставляетъ ли онъ наслѣдникамъ „закладъ“, или есть порука по должникѣ. Далѣе слѣдуетъ описаніе движимаго имущества; существевная сторона этой части состоитъ изъ распоряженій насчетъ *холоповъ*; по общему обычаю, слѣдуетъ освобожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, Вся эта 2-я часть духовной (такъ сказать, инвентарная) обыкновенно признается главною частію завѣщанія, ибо первая—назначеніе наслѣдника, падающее всегда на законнаго, кажется несущественною и даже излишнею.

Но мы уже знаемъ, что завѣщаніями опредѣляся весь порядокъ наслѣдованія. При утверждающейся свободѣ завѣщательнаго права назначеніе наслѣдника (хотя бы и законнаго) становилось совершенно неизбѣжнымъ и главнымъ содержаніемъ завѣщанія. Но и вторая фактическая часть завѣщанія лишь намъ теперь кажется только фактическою, для тогдашняго же права она имѣетъ существенное значеніе.

в) 3-я часть завѣщанія заключается въ назначеніи выдѣловъ; въ числѣ *легатаровъ* первое мѣсто занимаетъ *жена*, которая получаетъ условныя права: „аже всѣдить въ животѣ моемъ, ино господарыня животу моему, или пойдетъ замужъ, то ей надѣлки 10 рублей; а что принесла порты и круту и челядь, и то ей и есть".

г) Случайными частями завѣщанія служатъ, во-первыхъ, *субституціи*, т. е. перестановка наслѣдственныхъ правъ въ случаѣ наступленія будущихъ событій, напр., жена остается беременною; отъ нея можетъ явиться или сынъ, или дочь. Въ первомъ случаѣ измѣняется опредѣленіе главнаго наслѣдника; во второмъ прибавляется легатаръ; въ первомъ случаѣ обоимъ сыновьямъ имущество пополамъ, во-второмъ—сынъ обязанъ выдать сестру по силѣ. Но древнимъ правомъ допускалась и субституція въ собственномъ смыслѣ. Завѣщатель предвидитъ возможность смерти своихъ дѣтей въ малолѣтствѣ; въ такомъ случаѣ онъ не представляетъ дальнѣйшую судьбу имущества случаю (за неимѣніемъ порядка преемства, точно установленнаго въ законѣ); онъ назначаетъ самъ дальнѣйшаго наслѣдника; передаетъ свое имущество своему боковому родственнику (брату); но братъ—не сынъ; ему обыкновенно завѣщевается только $^1/_2$ имущества; другая же—*церкви* за душу самого наслѣдодателя, его отца и матери. Основанія допущенія субституціи совершено ясны: законныя опредѣленія о наслѣдованіи или вовсе не существуютъ, или слѣдуютъ за волею завѣщателей; весь (будущій) порядокъ законнаго наслѣдованія и о боковыхъ линіяхъ предопредѣляется въ завѣщаніяхъ. Но этотъ порядокъ, указанный завѣщательнымъ правомъ, весьма оригиналенъ: половину имущества угасающая семья несетъ съ собою, такъ сказать, на тотъ свѣтъ (оно достается церкви подъ условіемъ молитвъ о благосостояніи въ будущей жизни), и лишь другая достается роду, что составляетъ дальнѣйшій шагъ сравнительно съ Рус. Правдой, когда съ угасаніемъ семьи имущество становится выморочнымъ. Затѣмъ слѣдуетъ назначеніе *попечителя*, который назначается въ случаѣ малолѣтства главнаго наслѣдника даже и въ томъ случаѣ, когда остается мать наслѣдодателя и его вдова—„господарыня животу его". Но при этомъ послѣднемъ условіи значеніе этого попечителя не есть значеніе опекуна. Онъ не есть хозяинъ имущества, а лишь покровитель и защитникъ.

д) Наконецъ, 4-я и послѣдняя существенная часть духовной состоитъ въ назначеніи *душеприказчиковъ*—исполнителей завѣщанія.

е) Формы правильнаго совершенія завѣщанія требуютъ подписи *послуха*, которымъ былъ обыкновенно отецъ духовный, и въ такомъ случаѣ достаточно было одного послуха. Но, кромѣ того, требуется подпись *дьяка*,

писавшаго завѣщаніе. Явки завѣщанія въ новгородскихъ духовныхъ не видно.

Въ такомъ видѣ дошло до насъ завѣщательное право Пскова и Новгорода. Общій выводъ изъ него таковъ: завѣщаніями опредѣляется весь порядокъ наслѣдованія какъ собственно завѣщательный, такъ и законный (завѣщанія пишутся всегда, хотя бы наслѣдованіе шло по законному порядку); завѣщатель всегда предпочитаетъ законныхъ наслѣдниковъ стороннимъ.

Отсюда памятники завѣщательнаго права служатъ отчасти источниками для познанія права законнаго наслѣдованія. Субъективная воля, получившая уже значительный просторъ по закону, не пользуется своимъ произволомъ для измѣненія порядка древняго наслѣдованія за тѣми немногими исключеніями, которыя сейчасъ будутъ указаны.

Наслѣдованіе по закону. Общій характеръ законнаго наслѣдованія во Псковѣ К. Д. Кавелинъ опредѣляетъ справедливо такъ: „наслѣдство представляетъ нѣчто цѣлое, разсматривается не какъ имущество, а какъ *хозяйство*, которое не дѣлится между лицами, а достается вполнѣ тому или тѣмъ, кто остается послѣ умершаго въ его домѣ, на томъ же корню и завѣдываетъ его домашними дѣлами. Если сынъ отдѣлиться отъ отца или матери и не прокормитъ ихъ до смерти, то не наслѣдуетъ послѣ нихъ; кто жилъ съ умершимъ, тотъ наслѣдуетъ будутъ ли то отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра, или кто изъ ближнихъ родственниковъ... Наслѣдуетъ, если можно такъ выразиться, *домъ*, а не лицо. На томъ же основаніи жена послѣ мужа владѣетъ его имѣніемъ, а мужъ имѣніемъ жены послѣ ее смерти и до новаго брака, т. е. пока не будетъ основано новое семейство, новое хозяйство. Подобный этому порядокъ наслѣдованія существуетъ отчасти и теперь у великорусскихъ крестьянъ". Въ этой картинѣ невѣрно только одно: она приписана исключительно Пскову въ противоположность Рус. Праввѣ; между тѣмъ съ полною вѣрностью она прилагается именно къ Рус. Правдѣ, а для Пскова черты ея должны быть уже смягчены. 15 ст. Пск. Судн. Гр. перечисляетъ законныхъ наслѣдниковъ такъ: отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра, или кто ближняго племени. Въ частности наслѣдуютъ.

а) *Нисходящія—сыновья*, наслѣдующіе всегда вмѣстѣ съ ихъ матерью (если она остается). Это и есть нормальная и постоянная среда законнаго наслѣдованія; по 85 ст. П. С. Г., если у какого-либо господина умретъ его изорникъ (крестьянинъ), находившійся въ записи въ отношеніи къ своему господину относительно уплаты ссуды, и у него останется жена и дѣти, не включенныя въ запись, то они тѣмъ не менѣе должны платить ссуду по той записи и не могутъ ни въ какомъ случаѣ отказаться отъ уплаты ея. Если же между господиномъ и его крестьяниномъ не было записи, то рѣшать дѣло судомъ по псковскомъ обычаямъ. Такимъ образомъ наслѣдованіе нисходящихъ вмѣстѣ съ матерью отличается по правамъ наслѣдниковъ тѣмъ, что они не могутъ отказаться отъ наслѣдства со всѣми его обязательствами, должны отвѣчать по обязательствамъ

наслѣдодателя, хотя бы сами не участвовали въ обязательствѣ. Наоборотъ, если наслѣдниками остаются братъ или другіе родственники (по ст. 86), то господинъ только тогда можетъ искать съ нихъ покруты, когда они заявятъ желаніе принять наслѣдство.

Выше было указано, что наслѣдуютъ не всѣ сыновья, а лишь тѣ, которые остались въ дому, не вышли въ особое хозяйство при жизни отца или матери (ст. 53). Способъ наслѣдованія сыновей остается тотъ же, что и въ Рус. Правдѣ, т. е. равное участіе въ правахъ для всѣхъ братьевъ. Но Рус. Правда ничего не говоритъ объ оставленіи братьевъ въ совладѣніи, безъ дѣлежа; Пск. Суд. Гр. даетъ на этотъ счетъ нѣсколько постановленій (ст. 94, 95), именно постановляетъ, что управленіе принадлежитъ старшему брату, который платитъ долги отца изъ общаго имущества, а не изъ своей доли. Младшіе не должны „корыстоваться" (присвоивать себѣ въ частное обладаніе) общимъ имуществомъ во вредъ старшаго брата. Говоря о наслѣдствѣ нисходящихъ, П. С. Гр. не упоминаетъ о дочеряхъ, очевидно, преднамѣренно.

Далѣе, мы видѣли, что П. С. Гр. въ числѣ наслѣдующихъ называетъ уже *восходящихъ*: отца и мать. Что касается до матери, то способъ ея наслѣдованія можетъ быть уясненъ примѣромъ новгор. духовной грамоты: если послѣ умирающаго въ дому остается не только его жена, но и мать его, то она управляетъ имуществомъ вмѣстѣ со вдовою наслѣдодателя, разумѣется, пока внукъ малолѣтній. Она не управляла при жизни своего взрослаго сына, но вновь вступаетъ въ управленіе при малолѣтнихъ внукахъ. Въ такомъ же смыслѣ можно изъяснить и наслѣдованіе *отца*: престарѣлый отецъ сдаетъ управленіе взрослому сыну; но по смерти этого послѣдняго опять вступаетъ въ управленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что тоже нужно предполагать и относительно Р. Пр., но новость Псковскаго законодательства состоитъ въ томъ, что это обстоятельство отмѣчено въ законѣ, что права взрослыхъ сыновей при жизни отца признаны закономъ. Быть можетъ можно предположить тогда наслѣдованіе отца и отдѣленному сыну.

Другая новость Пск. закона состоитъ во включеніи *боковыхъ* въ число законныхъ наслѣдниковъ; именно говорится о братѣ, сестрѣ и другомъ ближнемъ племени; подъ послѣднимъ надо разумѣть племянниковъ. Прежде всего и здѣсь можно видѣть лишь 1-е упоминаніе въ законѣ объ обычаѣ, существовавшемъ изъ вѣка: именно при нераздѣленномъ хозяйствѣ братъ, конечно, наслѣдуетъ брату, а равно и сестра. Но изъ приведенныхъ примѣровъ новгородскихъ духовныхъ и изъ статьи Псков. Суд. Грам. о наслѣдованіи послѣ изорника знаемъ, что братья уже могутъ быть призваны къ наслѣдству, и не состоя въ нераздѣльномъ владѣніи имуществомъ; боковые могутъ наслѣдовать за неимѣніемъ нисходящихъ. Такой порядокъ уже составляетъ рѣшительную новость сравнительно съ Рус. Правдою. Мы видѣли, какъ установляется такой порядокъ частною волею завѣщателей. Но наслѣдованіе боковыхъ и теперь по своей юридической сущности рѣшительно отличается отъ наслѣдованія нисходящихъ,

какъ указано выше: наслѣдованіе боковыхъ до нѣкоторой степени сходно съ наслѣдованіемъ стороннихъ по завѣщанію.

Уже изъ приведеннаго выше довольно ясно, что новыя отличительныя черты Псков. законнаго наслѣдованія опредѣляются тѣмъ важнымъ историческимъ переворотомъ, по которому лицо съ своими правами постепенно выдѣляется изъ общей массы правъ семейства. Наиболѣе же это обнаруживается въ *наслѣдованіи супруговъ другъ другу*. Мужъ и жена пользуются пожизненно или до 2-го брака вотчиною того или другого лишь тогда, когда не оставлено завѣщанія (88—89). Подобно этому и движимое имущество супруга остается во владѣніи пережившаго лишь до 2-го брака (90). Но особенно интересно слѣд. (91) постановленіе грамоты: „у кого умретъ сынъ, а невѣстка останется и начнетъ искать на свекрѣ или на деверѣ своего приданаго, то эти послѣдніе обязаны возвратить ей платье или украшенія". Это возстановленіе своихъ правъ на приданое, конечно, не есть наслѣдство. Но интересно, что невѣстка въ сложной семьѣ получаетъ независимыя права по смерти своего мужа, дѣлается лицомъ самостоятельнымъ.

Общій выводъ о наслѣдованіи во Псковѣ и Новгородѣ таковъ: здѣсь право наслѣдованія истекаетъ изъ того же семейнаго начала, какъ и въ Рус. Правдѣ, но дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ впередъ вмѣстѣ съ развитіемъ личныхъ правъ на счетъ семейственныхъ какъ въ большей свободѣ завѣщательнаго права, такъ и въ большей раздѣльности личныхъ правъ въ законномъ наслѣдованіи и въ болѣе широкомъ кругѣ лицъ наслѣдующихъ.

2. Право наслѣдства въ Московскомъ государствѣ.

Московское право долго держалось тѣхъ же началъ, которыя, вытекая изъ основаній, данныхъ Рус. Правдою, развиты въ Новгородѣ и Псковѣ.

Преимущественное наименованіе завѣщаній въ Московскихъ памятникахъ есть *духовная грамота,* или просто *духовная* (см. Суд. 1-й ст. 60; Суд. 2-й, ст. 92), хотя употребляется и старинное наименованіе „рукописаніе". Терминъ „рядъ" встрѣчается только въ древнѣшихъ княжескихъ завѣщаніяхъ (1-я дух. Калиты 1328); но смыслъ термина „рядъ" уже иной: онъ сближается съ выраженіемъ „приказъ" и означаетъ бо́льшее господство субъективной воли, чѣмъ древній рядъ.

Не всякій актъ, именуемый духовною грамотою, есть завѣщаніе: существуютъ такія духовныя грамоты, въ которыхъ не содержится никакихъ частно-правныхъ распоряженій (а лишь совѣты и приказы моральнаго характера); есть акты, имѣющіе форму завѣщаній, но заключающіе въ себѣ не распоряженіе на случай смерти, а запись о какой-либо сдѣлкѣ (напр., купчей: „се азъ рабъ Божій... пишу рукописанье се при моемъ животѣ,.. продалъ есмы треть земли, свой участокъ, свою отцыну... св. Михаилу одерень; а взявъ есмь пять сороковъ бѣлки у св. Михаила..., на то Богъ

послухъ“ (А. юр. № 409, VII). Подобный актъ есть „изустная память“, т. е. письменная замѣтка о сдѣлкѣ, съ тою цѣлью, чтобы послѣ смерти писавшаго сохранилась память о ней и не было спора; актъ облекается въ форму завѣщанія потому, что контрагентъ пишетъ его передъ смертію. Эти замѣчанія надо имѣть въ виду при обсужденіи дѣйствительныхъ завѣщательныхъ актовъ, въ которыхъ, кромѣ распоряженія имущественными правами, нерѣдко содержатся подобныя замѣтки, не относящіяся къ праву наслѣдства.

Иногда завѣщанія пишутся отъ имени двухъ или нѣсколькихъ лицъ (мужа и жены и дѣтей). Этотъ весьма замѣчательный фактъ указываетъ на одно изъ внутреннихъ свойствъ духовной, приближающее его къ древнему (семейному) „ряду“ и совершенно отличающее отъ рим. тестамента; въ римскомъ правѣ подобные случаи были совершенно невозможны. Нѣчто подобное (т. е. коллективную волю нѣсколькихъ лицъ) можно наблюдать въ тѣхъ случаяхъ, когда пережившій членъ семьи исполняетъ завѣщаніе умершихъ членовъ (мужа, дѣтей) въ своемъ завѣщаніи, при чемъ имущество завѣщаемое обозначается, какъ принадлежащее ему, а не умершимъ: „по приказу (завѣщанію) мужа... и своихъ дѣтей даю *свое* село“ (см. П. И. Бѣляевъ, стр. 16).

Другое обстоятельство, сближающее духовную съ рядомъ, это то, что и въ Московскомъ государствѣ завѣщатель оставляетъ имущество обыкновенно въ пользу законныхъ преемниковъ (жены, мужа, восходящихъ, нисходящихъ и боковыхъ) или церкви. Что касается родственниковъ, то достойно замѣчанія, что въ сохранившихся духовныхъ имущество передается родственникамъ до 4-й степени и лишь изрѣдка до 5-й, но не далѣе. Церковь при другихъ наслѣдникахъ является постояннымъ легатаромъ. Сторонніе лица являются въ завѣщаніяхъ лишь легатарами, но почти никогда главными наслѣдниками (распоряженія о холопахъ, о прощеніи серебра крестьянамъ и пр. относятся не къ назначенію наслѣдниковъ, а къ распоряженію имуществомъ на дѣла благотворенія).

На тоже свойство духовныхъ грамотъ, общее для нихъ съ древнимъ рядомъ, указываетъ характеръ допускаемыхъ въ нихъ субституцій какъ въ формѣ subst. vulgrais, такъ sub. pupillaris: въ нихъ завѣщатель устраиваетъ будущую судьбу всей своей семьи, или рода, не довольствуясь передачею своихъ правъ одному ближайшему лицу. Всѣ субституціи вращаются въ семейной, или родовой сферѣ (за отсутствіемъ же родныхъ призывается церковь).

При расширеніи (какъ увидимъ ниже) круга родства, допускаемаго къ наслѣдству, воля завѣщателя получаетъ все большій просторъ въ порядкѣ легатарныхъ выдѣловъ; кромѣ передачи права главному наслѣднику, является пестрая толпа лицъ и учрежденій, пользующихся частями имущества. Отсюда ошибочное впечатлѣніе, будто бы „древне-русская духовная вообще есть не что иное, какъ легатъ“; говорятъ, что „русское завѣщаніе приближается къ римскому легату или къ назначенію ex certa re въ римскомъ test. militare. Нерѣдко встрѣчаются долевыя назначенія на

отдѣльные предметы или группы предметовъ. Даже въ тѣхъ немногихъ (?) случаяхъ, когда завѣщатель отказываетъ все свое имущество одному наслѣднику или нѣсколькимъ conjunctim, и въ этихъ случаяхъ завѣщаемое имущество фигурируетъ, повидимому, не какъ цѣлое, а какъ конгломератъ отдѣльныхъ частей“ [1]). Эта мысль „объ отсутствіи пониманія имущественныхъ отношеній, какъ цѣлаго“, навѣяна не только массою выдѣловъ (при постоянномъ, однако, назначеніи главнаго преемника), но и сложностію той семейной или родовой группы, которая составляетъ главнаго наслѣдника: напр., „по сей духовной отказываю отдать и взяти женѣ моей..., и сыну моему... да брату моему... деревню, и свой животъ и всякій житейскій заводъ, и по душѣ моей поправить [2]). Это не нѣсколько долевыхъ наслѣдниковъ, а одинъ, коллективный, т. е. семейно-родовая группа, которой завѣщается имущество въ цѣломъ, а не въ частяхъ [3]).

Расширеніе круга лицъ, связанныхъ съ завѣщателемъ узами духовнаго и житейскаго интереса, подѣйствовало на измѣненіе *отношеній воли завѣщателя къ закону*. Предъ завѣщателемъ временъ Рус. Правды была только семья; его свободная воля не могла склониться ни въ какую другую сторону; никому никакой обиды не предвидѣлось. Теперь завѣщатель можетъ отказать все своей женѣ и лишить такимъ образомъ наслѣдства родственниковъ боковыхъ. Онъ можетъ все отказать церкви и такимъ образомъ обидѣть жену и дѣтей и пр. Тогда въ первый разъ появляется противоположеніе завѣщательной воли закону, что мы и находимъ въ узаконеніяхъ XVI и XVII вв. Частное лицо можетъ, обойдя дѣтей и родныхъ, завѣщать все церкви; законъ (въ интересахъ государственныхъ) нашелъ такой порядокъ вреднымъ и запретилъ его (Стогл. и ук. 1580 г. въ А. А. Э. т. I, 308). Завѣщатель можетъ отказать родовыя имущества женѣ, обойдя родственниковъ (бывш. совладѣльцевъ родового имущества); законъ воспретилъ это (ук. 1627 г. см. ниже). Другихъ запрещеній законъ не дѣлаетъ, ибо не предвидѣлось другихъ случаевъ необходимости примѣненія ихъ („сторонніе“ лица Пск. Судн. Гр. обыкновенно не фигурируютъ въ завѣщаніяхъ московскихъ; практика не подавала такимъ образомъ повода говорить о нихъ). Отсюда совершенно правильный выводъ, что уже съ XVI в. родовыя вотчины не подлежали завѣщательному произволу по требованію закона (вопреки псковскому закону: см. выше стр. 490). Законное воспрещеніе завѣщаній (и дареній) на родовыя вотчины можно видѣть въ формѣ жалованныхъ грамотъ, вновь составленной въ 1627 г.; по этой формѣ жалованныя вотчины сравнены съ родовыми; между тѣмъ права

---

[1]) П. И. Бѣляевъ: „Древне-русское завѣщаніе“, 63—64.

[2]) Ibid.

[3]) Это замѣчаніе о юридической сущности наслѣдованія по духовной относится еще въ большей степени къ наслѣдованію по закону; законъ также дробитъ наслѣдство (призывая семью, родственниковъ и церковь), но не дѣлаетъ такихъ пестрыхъ выдѣловъ какъ завѣщатель; цѣлость имущественныхъ правъ, переходящихъ на главнаго наслѣдника, тамъ очевиднѣе.

собственника перечисляются въ нихъ такъ: „вольно ему и его дѣтямъ, и внучатамъ и правнучатамъ ту вотчину продать, и заложить, и въ приданое дать, и въ монастырь по душѣ до выкупу дать“; но о завѣщаніи (въ пользу чужеродцевъ) и о дареніи законъ умолчалъ. Этимъ довольно ясно утверждается та мысль, что указъ 1679 г., воспретившій безмездное отчужденіе родовыхъ вотчинъ, устанавливаетъ не новую норму, а утверждаетъ старый обычай. Говорятъ, что „этотъ указъ вызванъ жалобами дѣтей и другихъ родственниковъ“; но на чемъ же основаны эти жалобы, если дѣти и родственники искони вѣковъ знали о правѣ владѣльцевъ вотчинъ отчуждать ихъ всякими способами? Откуда взялось это притязаніе на *чужое* имущество? Сказанное относится къ завѣщанію (и дарению) въ пользу чужеродцевъ, но не относится къ завѣщаніямъ части имуществъ родовыхъ въ пользу церковныхъ учрежденій: съ древнѣйшихъ временъ вотчинники завѣщали *часть* по душѣ. Отсюда въ XVII вѣкѣ явились многочисленные случаи дареній при жизни (вкладовъ) взамѣнъ завѣщаній (такъ какъ завѣщанія въ пользу монастырей были запрещены закономъ).

Въ концѣ періода выражено признаніе завѣщательной воли единственнымъ основаніемъ перехода правъ въ наслѣдствѣ въ случаяхъ, допущенныхъ закономъ; тогда уже ясно формулировано отличіе родовыхъ вотчинъ отъ благопріобрѣтенныхъ по отношенію къ наслѣдованію въ нихъ (см. ограниченіе завѣщательнаго права въ отношеніи къ княжескимъ вотчинамъ ук. 1562 г. въ Указн. кн. вѣд. казн. ст. XVIII); полное запрещеніе завѣщать родовыя вотчины дано въ 1679 г. (П. С. З. № 764). Право жены при мужѣ распоряжаться своимъ имуществомъ въ завѣщаніи ограждено требованіемъ, чтобы въ такихъ завѣщаніяхъ мужъ не былъ назначаемъ душеприказчикомъ (см. Ук. кн. вѣд. казнач. V, 18; о лицахъ, могущихъ дѣлать завѣщаніе, см. ibid, ст. XVII).

Духовная грамота имѣетъ силу только тогда, когда она или подписана завѣщателемъ собственноручно или хотя подписана только свидѣтелями, но утверждена при жизни завѣщателя (ibid. ст. XVII). Утвержденіе духовныхъ грамотъ совершалось церковными властями (мѣстными епископами, сл. П. С. З. № 814). Словесныя завѣщанія допускаемы были закономъ (указами 1680 и 1690 г.) до самаго конца XVII вѣка, но это право ограничивалось лишь словеснымъ изъявленіемъ воли предъ духовными отцами, которые поэтому и опрашивались по смерти завѣщателя.

Болѣе новостей Московское право представляетъ относительно *круга лицъ, наслѣдующихъ* по закону, именно въ отношеніи къ наслѣдованію дочерей, супруговъ и боковыхъ. На этихъ сторонахъ дѣла мы остановимся.

Въ отношеніи къ праву наслѣдованія *дочерей* московская эпоха даетъ слѣд. двѣ особенности. Во-перв., въ Московск. правѣ остается начало, что сыновья исключаютъ дочерей при наслѣдованіи. Весь порядокъ законнаго наслѣдованія въ Судебникахъ изображенъ такъ: „а который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери; а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ его рода“ (Суд. 1497 г., ст. 60, и Суд. цар., 92). Но въ началѣ XVII вѣка

замѣтна была въ практикѣ наклонность призывать и дочерей къ наслѣдованію не только за неимѣніемъ сыновей, но и при нихъ (см. ук. 1628 и 1631 г. въ ук. кн. пом. прик. IV, 17 и 26) [1]). Лишь въ это время законъ окончательно устанавилъ: „вотчинѣ сынъ-вотчичъ, а дочь не вотчица, покамѣсть братья живы“ (сл. Ул. XVII, 2). Несмотря на это, выдѣлъ дочерямъ приданаго приближается постепенно къ праву наслѣдства ихъ при братьяхъ на опредѣленную закономъ часть имущества. Это совершается въ слѣд. порядкѣ: сначала приданое становится частью на прожитокъ, т. е. дается независимо отъ выхода въ замужество; а это можетъ случиться лишь по смерти отца, когда братья приступаютъ къ раздѣлу, Такимъ образомъ право полученія дочерью части на прожитокъ становится уже въ зависимости отъ смерти отца и тѣмъ получаетъ значеніе наслѣдованія. Но законъ первоначально опредѣляетъ часть на прожитокъ дочери по отношенію только къ государственнымъ имуществамъ, бывшимъ во владѣніи отца, т. е. помѣстьямъ. Какъ вдовѣ, такъ и дочери государство назначаетъ пенсію изъ помѣстныхъ окладовъ и назначаетъ ее въ опредѣленныхъ цифрахъ (см. ниже о наслѣдованіи вдовы; дочь получаетъ вполовину меньше вдовы). Пока за помѣстьями сохранялся характеръ временнаго пользованія, выдѣла этой части отнюдь нельзя было назвать наслѣдствомъ; но помѣстья приблизились въ концѣ XVII вѣка къ вотчинамъ, а части дочерямъ и вдовѣ, выдаваемыя изъ нихъ—къ части наслѣдства. Когда же помѣстья совершенно слились съ вотчинами, то выдѣлъ такой наслѣдственной части распространенъ и на вотчины. При этомъ нельзя упускать изъ виду и вліянія византійскаго права, все болѣе и болѣе усиливавшагося; а по византійск. праву сыновья и дочери призываются къ наслѣдованію на равныхъ основаніяхъ.

Второе отличіе права наслѣдства въ Московскомъ государствѣ въ отношеніи къ дочерямъ касается наслѣдованія ихъ при отсутствіи братьевъ. Московское право въ этомъ было болѣе неблагопріятно для допущенія такого наслѣдованія, чѣмъ право Рус. Пр. и право Вел. Новгорода и Пскова: недвижимыя имущества всѣхъ родовъ подлежали государственной служебной повинности. Поэтому можно бы ожидать здѣсь дальнѣйшаго сокращенія правъ дочерей. Дѣйствительно, въ княжескихъ вотчинахъ законъ 1562 г. отнялъ вовсе право наслѣдованія у дочерей. Но въ прочихъ родахъ вотчинъ права государства вступили въ компромиссъ съ правами частныхъ лицъ: женщины отслуживали посредствомъ другихъ лицъ, а также посредствомъ найма и поставки опредѣленнаго количества крестьянъ и людей въ ополченіе. На этомъ основаніи даже помѣстья переходили къ женщинамъ, но справлялись не за ними, а за ихъ женихами. Во всякомъ случаѣ наслѣдованіе дочерью при отсутствіи братьевъ основано на фикціи искусственнаго продолженія рода ея отца. Отсюда являлся вопросъ: если по смерти такой наслѣдницы не останется нисходящихъ, то какому

[1]) Быть можетъ, только въ жалованныхъ вотчинахъ; см. Христ. вып. 3-й, стр. 225, прим. 49.

роду должно принадлежать это имущество: роду ли ея мужа, или роду отца? Въ концѣ періода, т. е. въ 1680 г. (П. С. З. № 860), было постановлено, что имущество возвращается къ роду отца. Во всемъ этомъ Московское право не отступаетъ въ существѣ отъ основныхъ началъ древнѣйшаго Русскаго права. Но съ развитіемъ законодательства возни кали рядъ за рядомъ вопросы относительно частныхъ и дальнѣйшихъ примѣненій этихъ общихъ началъ, именно вопросы, возникающіе изъ *права представленія*. До послѣдней четверти XVII в. законодательство довольно правильно разрѣшало эти вопросы и твердо держалось указанныхъ общихъ принциповъ. Приведемъ въ примѣръ два казуса, разрѣшенныхъ въ законѣ, именно 1627 и 1650 гг.; въ первомъ разсматривается случай, когда у наслѣдодателя осталась дочь и дѣти мужескаго и женскаго пола отъ двухъ другихъ дочерей, умершихъ ранѣе отца. Законъ правильно допустилъ трехчленный поколѣнный раздѣлъ. Въ 1650 году разсмотрѣнъ такой казусъ: у умершаго остались дочери и внуки отъ сыновей; опять вопросъ правильно рѣшенъ въ пользу послѣднихъ. Но съ 1676 года (съ т. н. новоуказ. статей) начинается помраченіе законодательной мысли въ вопросахъ о наслѣдствѣ. Въ 1676 г. предусмотрѣнъ былъ такой казусъ: остается дочь и внучка отъ сына; законъ рѣшилъ равный раздѣлъ между ними, что впрочемъ было исправлено въ 1677 г. Второй казусъ: остается сынъ и внучка отъ другого сына; законъ (1676 и 1677 гг.) отказываетъ послѣдней въ правѣ наслѣдства. Причины всѣхъ этихъ колебаній заключаются въ предпочтеніи лицъ мужескаго пола женщинамъ и предпочтеніи ближайшей степени дальнѣйшей.

Подобный указанному перевороту въ правѣ наслѣдованія дочерей послѣдовалъ и переворотъ въ правѣ наслѣдованія супруговъ, говоря точнѣе, въ *правѣ наслѣдованія жены*. Сначала и въ Московскомъ правѣ удерживался строго древній принципъ, что супруги не наслѣдуютъ другъ другу. Однако, права вдовы на разные роды имуществъ начинаютъ разнообразиться и опредѣляться отдѣльно. а) Въ отношеніи къ родовымъ вотчинамъ примѣняется со всею строгостію принципъ о ненаслѣдованіи супруговъ. Принципъ этотъ въ Московск. государствѣ получилъ еще большую силу, чѣмъ во Псковѣ: пожизненное владѣніе, допущенное въ Пск. Судн. Гр., теперь уничтожается, именно закономъ 1627 г. [1]); „до вотчинъ имъ дѣла нѣтъ, опричь купленныхъ вотчинъ" (Ук. кн. пом. прик. IV, 6; Улож. XVII, 1). Родовыя вотчины передаются нисходящимъ и родственникамъ, а за неимѣніемъ ихъ– въ казну. Этотъ законъ представляетъ новость, потому что передъ изданіемъ его и въ Московскомъ государствѣ вотчины передавались женамъ въ пожизненное владѣніе (см. указъ 1562 г.). Само собою ясно, что здѣсь разумѣются бездѣтныя вдовы, ибо при дѣтяхъ вдова остается въ домѣ хозяйкою. б) Въ отношеніи къ выслуженнымъ вотчинамъ обычное право и законъ смотрѣли неодинаково: обычаемъ утверждено было, что выслуженныя вотчины равняются благопріобрѣтеннымъ и, слѣд.,

[1]) Этотъ указъ часто, но ошибкою относятъ къ 1628 году: онъ данъ 3 *дек.* 136 г.

поступаютъ по смерти одного супруга во власть другого, Обычай передавать жалованныя вотчины вдовамъ укрѣпленъ былъ самимъ государствомъ, т. е. жалов. грамотами, въ которыхъ прописывалось часто, что вотчина дается не только мужу, но и женѣ; поэтому, по смерти мужа, вдова пользовалась вотчиною пожизненно; по смерти ея вотчина должна бы перейти въ казну, но позволено было записывать ее по душѣ мужа и своей, а государство сохраняло право выкупа. Но это пожизненное право превращаемо было иногда жалов. грамотами въ полное право собственности, такъ какъ въ томъ случаѣ, когда вдова не выходила замужъ и не постригалась, она могла продать вотчину и заложить ее. Мало того, если она выходитъ замужъ, то вотчина, хотя и отбирается на государя, но изъ казны выдаются деньги по душѣ ея мужа, а изъ самой вотчины выдѣляется помѣстье ея новому мужу. Въ практикѣ и эти права казны на выслуженную вотчину нарушались обыкновенно въ пользу вдовы. Но этотъ взглядъ, очевидно, неправильный: выслугой пріобрѣтаются имущества не общими силами супруговъ, какъ купленныя. На нихъ, при отсутствіи нисходящихъ, имѣетъ наибольшее право государство. Упомянутый выше указъ 1627 г. отказалъ женѣ въ наслѣдованіи выслуженныхъ вотчинъ и придалъ имъ вполнѣ значеніе родовыхъ. Сначала этотъ законъ былъ проведенъ со всею строгостью, такъ что ему придано было обратное дѣйствіе: тѣ вотчины, которыя уже были получены вдовами, и которыми онѣ успѣли распорядиться, были отбираемы или въ пользу родственниковъ мужа, или въ казну; но указами 1631 и 1632 г. это неправильное примѣненіе обратной силы закона было уничтожено. в) Въ отношеніи къ купленнымъ вотчинамъ дѣйствовало древнѣйшее право, т. е. усвоеніе въ собственность вдовамъ благопріобрѣтенныхъ имуществъ. Указы 1627, 1628 и 1629 годовъ только укрѣпили и опредѣлили давній обычай, распространивъ права вдовъ и на вотчины, купленныя изъ казны (сл. Ул. XVII, 2). Но ни прежнее право вдовъ на полученіе выслуженныхъ вотчинъ, ни право ихъ на полученіе купленныхъ вотчинъ отнюдь не составляютъ права наслѣдованія вдовъ, такъ какъ и при жизни мужа жена была совладѣлицею, соучастницею правъ мужа. Вообще въ указѣ 1627 г. право наслѣдованія жены формулировано такъ: „женамъ умершихъ четверть живота, да приданое, а до вотчинъ имъ дѣла нѣтъ, опричь купленныхъ вотчинъ“. г) По отношенію къ помѣстьямъ: первоначально, при новой отдачѣ помѣстій, принадлежащихъ умершему, правительство обязывало новаго пріобрѣтателя содержать вдову прежняго. Но такой порядокъ, естественно, соединенъ былъ со многими практическими неудобствами и затрудненіями, а потому помѣстья стали отдавать женамъ и дочерямъ ихъ *на прожитокъ*. Какая часть помѣстья должна идти женѣ на прожитокъ, этого законъ не опредѣлялъ долго: въ XVI в. для каждаго случая слѣдовало особое распоряженіе правительства, и каждый разъ доля назначеннаго помѣстья была неодинакова; она колебалась между $^1/_3$, $^1/_5$ и $^1/_7$ частями. Въ 1644 году правительство рѣшило издать одинъ опредѣленный законъ на этотъ счетъ; однако, и въ немъ установлена не одна, а троякая доля вдовьяго прожитка: для вдовъ людей, уби-

тыхъ на войнѣ, 20%; для вдовъ людей, умершихъ въ походѣ, 15% (15 четв. со ста), умершихъ просто на службѣ $^1/_{10}$ (со ста по 10). Такое разнообразіе было неизбѣжно, потому что выдѣлъ помѣстья означалъ не болѣе, какъ нынѣшнюю пенсію, и долженъ быть сообразованъ съ заслугами умершаго (Ук. кн. пом. пр. IV, 52; Ул. XVI, 30—33). Впослѣдствіи, при обращеніи помѣстій въ вотчины, когда понятіе пенсіи уступило понятію наслѣдованія, изъ трехъ указанныхъ долей должно было выбрать одну постоянную; изъ нихъ взята *средняя*, т. е. со 100—15, или приблизительно $^1/_7$ часть недвижимаго имущества мужа, что, впрочемъ, окончательно опредѣлилось въ періодъ имперіи. д) По отношенію къ движимымъ имуществамъ никакихъ правилъ первоначально не было установлено законом Московскаго государства, пока патр. Филаретъ, вообще установляя порядки наслѣдованія на основаніи кормчей, примѣнилъ постановленія византійскихъ кодексовъ вполнѣ по отношенію къ движимымъ имуществамъ,—именно постановленія эклоги о бракѣ, заключенномъ безъ письменнаго акта; по этому узаконенію жена получаетъ $^1/_4$ часть мужнина движимаго имущества (Ул. XVII, 1). Такимъ образомъ къ концу Московскаго періода воспринятіе однимъ супругомъ имущества другого умершаго получило характеръ наслѣдованія, но зато лишь въ одной опредѣленной долѣ имущества.

Наслѣдованіе боковыхъ. Выше былъ объясненъ законъ Пск. Судн. Гр., по которому были допущены къ наслѣдованію боковые родственники и въ Московскомъ государствѣ подобный переворотъ, очевидно, совершился раньше Судебниковъ. Въ какой постепенности совершалось расширеніе круга наслѣдующихъ боковыхъ, уловить хотя трудно, но возможно; К. Д. Кавелинъ пытается опредѣлить это слѣд. образомъ: „Судебникъ век. кн. Ивана Васильевича призываетъ къ наслѣдству не только сыновей и дочерей, но и ближайшихъ боковыхъ родственниковъ, т. е. судя по аналогіи, *родныхъ братьевъ и сестеръ;* а Судебникъ Ивана IV идетъ еще далѣе и включаетъ въ число законныхъ наслѣдниковъ внуковъ (?); съ тѣмъ вмѣстѣ въ кругъ ближайшихъ боковыхъ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдству, вѣроятно (?), вошли *дяди и тетки*, двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы. При дальнѣйшемъ развитіи въ томъ же направленіи кругъ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, долженъ былъ все болѣе и болѣе расширяться, а права наслѣдованія вел. князя стѣсняться". Но изъ точныхъ словъ Судебниковъ (совершенно одинаковыхъ въ обоихъ памятникахъ, см. выше) можно вывести только, что наслѣдованіе боковыхъ тогда, т. е. въ 1-й пол. XVI в., допущено было лишь для *ближняго племени;* а подъ ближнимъ племенемъ разумѣются братья и ихъ нисходящіе. Впрочемъ указъ 1562 г. (ук. кн. вѣд. казн. ст. XVIII) опредѣляетъ понятіе ближняго родства тѣми степенями родства, въ которыхъ позволенъ бракъ (хотя именно говоритъ лишь о братѣ родномъ, двоюродномъ и племянникѣ отъ родного брата). Этотъ законъ продолжаетъ: „и ближняго роду... не будетъ, и та вотчина государя царя и в. князя". Законъ 1572 г. еще точнѣе опредѣляетъ кругъ наслѣдованія въ

боковомъ родствѣ; задавшись вопросомъ: „по которое колѣно отдавать вотчины наслѣдникамъ?“—онъ отвѣчаетъ: „та вотчина—роднымъ братьямъ, и дѣтямъ и внучатамъ“ (отъ братьевъ)... „а далѣ внучатъ вотчины неотдати роду...; та вотчина, тотъ жеребей взяти на государя; т. е. права наслѣдства не шли дальше 4-й степени родства.—Въ 1627 г. законъ (см. ук. въ указ. кн. пом. пр. IV, 6, въ 3-мъ вып. нашей Христ., стр. 210) сравнялъ жалованныя вотчины съ родовыми между прочимъ и въ правахъ наслѣдованія и выразилъ это такъ: „тѣ вотчины давати въ родъ того Умершаго, кого не станетъ: братьямъ роднымъ и двоюроднымъ въ родъ, кто кому ближе“. И только этимъ и ограничивается „родъ“.

Въ 1650 г. состоялость весьма важное узаконеніе: „а будетъ ближе того рода никто не будетъ..., отдавать и дальнимъ того рода родственникамъ“ (П. С. З. № 33). Новоуказными статьями 1676 года это дальнее родство опредѣляется, однако, извѣстными степенями: „дядья и братья двоюродные въ другомъ, въ третьемъ и въ 4-мъ колѣнѣ“ [1]). Поэтому напрасно К. Д. Кавелинъ говоритъ: кругъ родства къ концу XVII стол.,

[1]) Вопреки этимъ показаніямъ проф. Сергѣевичъ говоритъ: „боковые родственники въ вотчинахъ наслѣдуютъ, при отсутствіи нисходящихъ, безъ ограниченія степени родства“ („Лекціи и Изслѣдов.“ изд. 1899 г., стр. 342). Но на стр. 409 (прим.) тотъ же авторъ подробно анализируетъ законъ 1562 г. (содержащій въ себѣ первый случай опредѣленія круга наслѣдующихъ) и между прочимъ говоритъ: „наконецъ (кромѣ постановленій о княжескихъ вотчинахъ и вотчинахъ жителей Твери, Торжка, Ярославля и пр.) общее постановленіе, относящееся *ко всѣмъ вотчинамъ*, опредѣляетъ точно признакъ ихъ выморочности. Онѣ становятся выморочными, если объ нихъ не написано завѣщанія и законныхъ наслѣдниковъ не осталось. *Законные же наслѣдники ограничены ближнимъ родомъ*“.

Напротивъ, подобное же постановленіе указа 1572 г. (когда рѣшался вопросъ: „а у которыхъ вотчинники вымрутъ, и тѣ вотчины вотчинникамъ отдавати ли и по которое колѣно“?) авторъ относитъ не къ родовымъ, а къ жалованнымъ вотчинамъ. Но предъ тѣмъ въ томъ же указѣ о наслѣдованіи въ жалованныхъ вотчинахъ сказано точно и всесторонне, а именно: въ жалованныхъ вотчинахъ наслѣдованіе сообразуется къ жалованною грамотою: если въ этой грамотѣ написано: „ему, и его женѣ, и его дѣтемъ и *его роду*, по тому и быти“; если же вотчина пожалована „ему одному“, то по смерти его такая вотчина—на государя. Если у кого вовсе нѣтъ жалованной грамоты, то вотчина по смерти получившаго ее также идетъ на государя, „хотя у кого и дѣти будутъ“. Итакъ, вотчины, жалованныя въ одномъ случаѣ (1-мъ), могутъ идти въ родовое наслѣдованіе и, слѣдовательно, становятся родовыми. Если послѣ этого законъ заговорилъ о томъ, по какое колѣно идетъ наслѣдованіе въ вотчинахъ, то, конечно, говоритъ уже о вотчивахъ родовыхъ. Дѣйствительно, въ рѣшеніи вопроса законодателемъ говорится о наслѣдованіи въ „жеребьяхъ“—частяхъ вотчины того или другого наслѣдодателя, почему Неволинъ заключилъ, что, если здѣсь рѣчь продолжается о жалованныхъ вотчинахъ, то лишь о такихъ, которыя успѣли уже перейти по наслѣдству. Здѣсь открывался бы вопросъ: когда жалованная вотчина перестаетъ быть „жалованною“ или она во вѣки вѣковъ носитъ этотъ титулъ и особенныя свойства свои? Хотя этотъ вопросъ научною литературою не рѣшенъ и даже (сколько извѣстно) не поставленъ, но уже и безъ документальныхъ аргументовъ очевидно, что пожалованіе не вѣчно сохраняетъ свои прекарныя свойствв. Множество родовыхъ вотчинъ въ своемъ первоначальномъ источникѣ имѣютъ пожалованіе, однако, по прошествіи двухъ или нѣсколькихъ поколѣній именуются просто отчиною и дѣдиною (см. объединеніе вотчинъ родовыхъ и „старинныхъ“

кажется, ничѣмъ болѣе не ограничивался". Безграничное понятіе родства есть явленіе періода имперіи.

Другой вопросъ, касающійся наслѣдованія боковыхъ, есть слѣдующій *во всякомъ ли родѣ имуществъ допускался призывъ боковыхъ къ наслѣдованію?* Прежде всего слѣдуетъ исключить движимое имущество, о которомъ нѣтъ упоминаній въ законахъ (можно думать, что за неимѣніемъ нисходящихъ они шли въ церковь); въ нихъ рѣчь идетъ постоянно лишь о вотчинахъ. Но изъ вотчинъ законы имѣютъ въ виду лишь *родовыя*. Въ княжескихъ родовыхъ вотчинахъ боковое наслѣдованіе допускалось условно: если „государь пожалуетъ кого" (изъ родственниковъ). Относительно *жалованныхъ* вотчинъ въ первоначальномъ узаконеніи (1572 г.) было опредѣлено, что въ наслѣдованіе идетъ только та вотчина, о которой въ жалов. грам. именно сказано, что она дается не одному первому пріобрѣтателю и его дѣтямъ, но и роду. Впрочемъ, при сравненіи жалов. вотчинъ съ родовыми, судьба первыхъ совершенно сравнена съ судьбою послѣднихъ и въ боковомъ наслѣдованіи. Что же касается купленныхъ вотчинъ, то о наслѣдованіи ихъ боковыми законъ молчитъ до Уложенія и точнѣе до ук. 1676 г. Лишь въ этихъ законахъ состоялось постановленіе о передачѣ купленныхъ вотчинъ, за отсутствіемъ нисходящихъ, въ родъ мужа (вдовы), но съ тѣмъ, чтобы наслѣдники боковые уплачивали чрезъ помѣстный, приказъ въ церкви и монастыри по душѣ умершихъ по полтинѣ за четверть (что почти равняется покупкѣ ихъ). Слѣдовательно, и тогда право наслѣдованія боковыхъ въ купленныхъ вотчинахъ нельзя считать полнымъ.

Порядокъ наслѣдованія боковыхъ былъ подобенъ порядку наслѣдованія нисходящихъ, а именно опредѣляется двумя правилами: 1) сестры при

жалованныхъ въ ук. 1620 г.; прим. 10 къ ук. кн. пом. пр к. въ нашей Христ. и въ самой ук. кн. пом. пр. I, 6).

Но предположимъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ, спросимъ: почему законопроектъ 1572 года заговорилъ о пространствѣ права наслѣдства въ жалов. вотчинахъ, когда эти послѣднія пожалованы *роду*? Вѣдь если всѣмъ было извѣстно, что родовое наслѣдованіе безгранично, то это именно и означала формула пожалованія *роду*? Очевидно, что практика была другая, что понятіе рода было далеко отъ идеи безконечности. И дѣйствительно, прежніе законы (Псков. Судн. Грам.) говорили о „ближнемъ племени", но точныхъ границъ этого понятія въ законѣ установлено не было. Законъ 1562 г. не позволилъ наслѣдованія далѣе „ближняго роду", но это опять неопредѣлено. Правда, границы „ближняго роду" въ томъ же указѣ опредѣляются „какъ кому можно межъ собою женится", т. е. 4-ю степенью родства включительно, но это говорилось въ немъ по поводу княжескихъ вотчинъ. Вотъ почему въ 1572 г. практика запросила законодателя объ окончательномъ рѣшеніи дѣла для всѣхъ вотчинъ, и получила, наконецъ, точный указъ.

Вообще если въ 1562 г. право родового наслѣдованія „во всякихъ вотчинахъ" было „ограничено ближнимъ родствомъ" (проф. Сергѣевичъ о. с. 409), то какъ связать съ этимъ, что „боковые родственники наслѣдуютъ безъ ограниченія степенями родства"? (ibid, стр. 342). И какъ согласить со всѣмъ этимъ опредѣленіе „дальняго родства" въ новоук. статьяхъ 1676 г., какъ предѣла родового наслѣдованія? См. выше прим. на стр. 479 и сл.

братьяхъ не вотчиницы, 2) братья и нисходящіе отъ другихъ братьевъ имѣютъ равныя права на наслѣдованіе. Но оба эти начала нарушались постоянно при спутанности понятій о системѣ представленія; напр., сестры исключаютъ своихъ племянниковъ отъ братьевъ по закону 1676 г., который, впрочемъ, былъ отмѣненъ въ 1677 году. Потомъ по закону 1676 г. братья исключаютъ своихъ племянниковъ; но опять законъ 1677 г. возвратился къ правильному понятію системы представленія.

Судьба выморочныхъ имуществъ (наслѣдованіе церкви и государства). Если у наслѣдодателя, не оставившаго завѣщанія, нѣтъ ни семьи ни рода (до извѣстной степени), имущество становится выморочнымъ. Рус. Правда усваиваетъ эти имущества князю; но завѣщатели послѣдніе въ родѣ уже тогда парализуютъ этотъ законъ и передаютъ все церкви (Дух. Климента). Въ Московскую эпоху утвердился общій принципъ, что выморочныя имущества получаетъ церковь. Однако, государство, противившееся (съ XVI в.) умноженію церковныхъ имуществъ, вступило въ конкуренцію съ церковію; такимъ образомъ установился слѣдующій порядокъ: выморочное имущество получаетъ государство, которое, однако, выплачиваетъ церковнымъ установленіямъ полную стоимость вотчины. Ук. 1562 г. говоритъ еще неопредѣленно: „душу умершаго государь велитъ устроить изъ своей казны". Уложеніе (XVII, 45) выражается болѣе точно: „а деньги *за нихъ* (выморочныя вотчины) давати изъ государевы казны по ихъ душамъ въ монастыри, *смотря по строенію*". Выраженіемъ „за нихъ" такая уплата совершенно приравнивается къ выкупу. Это не какая-нибудь частица цѣнности вотчины, а полная цѣна, измѣняющаяся, смотря по устройству вотчины. Тоже подтверждается другимъ постановленіемъ Уложенія о переходѣ купленныхъ вотчинъ (даже купленныхъ у своихъ родичей) въ боковымъ наслѣдникамъ (за смертію бездѣтной вдовы). Это тоже своего рода выморочность: за неимѣніемъ семьи, на купленныя вотчины въ сущности нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ. Вводя новый порядокъ, т. е. установляя боковое наслѣдованіе и въ этихъ вотчинахъ, законъ говоритъ: „родственникамъ за ту вотчину *противъ купчей* дати деньги по его душѣ. А будетъ онъ въ той купленой вотчинѣ, что прибавилъ вотчиннаго строенія,—и родственникамъ за то прибылое строеніе потому же дати деньги по его душѣ" (Улож. XVII, 8). Смысль этихъ постановленій окончательно уясняется Котошихинымъ, который говоритъ: „у которыхъ людей на купленныя вотчины не останется наслѣдія и роду,—и тѣ вотчины возмутъ на царя, и отдадутъ за службы въ помѣстье инымъ людямъ; а по смерти его даютъ деньги за ту вотчину изъ царской казны, на поминаніе души, по монастырямъ и по церквамъ, *что та вотчина стоила*". Хотя Котощихинъ почему-то говоритъ только о купленныхъ вотчинахъ, но Уложеніе (въ приведенномъ мѣстѣ) имѣетъ въ виду всякія выморочныя вотчины. Опредѣленія закона подтверждаются актами: въ 1632 г. Вотчина Ефросиніи Колядинской, бездѣтно умершей, по указу патріарха Филарета, отдана ея свояку—князю Волконскому; но этотъ послѣдній обязывается отдать за

нее деньги по указной оцѣнкѣ—по два рубля за четверть—въ Троицкій монастырь (Сборн. Муханова, № 140) [1]).

Подлежало ли тому же порядку выморочное движимое имущество, остается неизвѣстнымъ. Но судя по тому, что государство начало конкурировать съ церковію именно въ правѣ на недвижимыя имущества (по особому значенію ихъ для государства), движимыя имущества безпрепятственно наслѣдовала церковь.

ПЕРІОДЪ III. ПРАВО НАСЛѢДСТВА ВЪ ПЕРІОДЪ ИМПЕРІИ.

Изложенныя выше начала наслѣдованія въ Московскомъ государствѣ, несомнѣнно, нуждались въ упорядоченіи и точнѣйшемъ опредѣленіи въ законѣ.

Но Петръ I и его супруга **указами о единонаслѣдіи**: 1714 г. марта 23 (П. С. З. № 2789), указомъ 1716 г. и затѣмъ уже по смерти Петра указомъ 1725 г. (П. С. З. № 4722) разрѣшили вопросы о наслѣдствѣ не на основаніи началъ, данныхъ предыдущею исторіею рус. права, а на основіи примѣровъ западно-европейскаго права (впрочемъ въ нѣмецкомъ правѣ того времени начало майоратства уже уступило мѣсто другимъ порядкамъ наслѣдованія; образцомъ для Петра могло служить только англійское право).

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что предпринятая реформа отнюдь не вытекала изъ аристократическихъ началъ и вообще сословныхъ интересовъ: она простиралась на всѣхъ гражданъ государства и имѣла въ виду не одно наслѣдованіе вотчинъ, но и лавокъ, амбаровъ и т. п., касалась не однихъ дворянъ, но и купцовъ и однодворцевъ. Цѣль реформы есть казенный интересъ (главный руководительный мотивъ всѣхъ внутреннихъ преобразованій Петра, хотя между прочими мотивами закона выражено и поддержаніе знатныхъ фамилій). Интересы же казенные заключаются въ ожидаемой большей правильности отправленія государственной службы и уплаты податей.

а) По петровскому законодательству, наслѣдодателю предоставляются слѣд. *права завѣщательныхъ распоряженій*: отецъ или мать, имѣющіе сыновей, могутъ среди ихъ выбрать одного главнаго наслѣдника (единственнаго для недвижимыхъ имуществъ) [2]), а имѣющіе только дочерей—одну для наслѣдованія всѣхъ недвижимыхъ имуществъ. Наслѣдодатель, не имѣющій нисходящихъ, можетъ назначить, посредствомъ завѣщанія одного для наслѣдства недвижимости изъ своего рода, а движимое имущество можетъ завѣщать и постороннимъ. Всѣ указанныя права принадлежатъ одинаково какъ отцу, такъ и матери; послѣдняя можетъ распоряжаться въ томъ же порядкѣ не только своимъ собственнымъ имѣніемъ, но и

---

[1]) См. о правѣ церкви на выморочныя имущества у Милютина, стр. 90—93.

[2]) По дополнительному указу 1730 года (П. С. З. № 5658), наслѣдодатель можетъ избирать единонаслѣдника не только между своими сыновьми, но и ихъ нисходящими, предпочитая внука сыну.

четвертою частью, доставшеюся ей по наслѣдству отъ мужа. Далѣе, всѣ права родительскія на назначеніе наслѣдниковъ переходятъ ко вдовѣ, если мужъ ея умеръ, не оставивши завѣщанія. Отсюда вытекали слѣд. отрицательные выводы: во-первыхъ, право завѣщательнаго распоряженія въ отношеніи къ предметамъ расширено на всѣ роды вещей (не исключая и родовыхъ вотчинъ); но, во-вторыхъ, завѣщательное право стѣснено относительно лицъ: наслѣдникъ (недвижимаго имущества) долженъ быть отысканъ или среди нисходящихъ, или среди родственниковъ. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ было существенное и явное противорѣчіе старымъ началамъ наслѣдованія: ибо древнее правило Рус. Правды, примѣняемое тогда лишь къ наслѣдству послѣ *вдовы,* т. е. къ наслѣдованію не въ собственномъ смыслѣ, теперь примѣнено къ наслѣдству въ точномъ смыслѣ, т. е. къ универсальному преемству. При этомъ никакой генетической связи между постановленіями Рус. Правды и закономъ 1714 г. предположить нельзя: послѣдній есть законъ заимствованный (какъ сказано выше).

Но въ этомъ реформаторскомъ законодательствѣ есть и другія стѣсненія завѣщательнаго права, не существовавшія раньше: именно, съ древнихъ временъ предоставлялось право послѣднему въ родѣ завѣщевать свое имущество постороннимъ лицамъ (см. духовн. Климента). Петръ еще въ 1712 г. именно запретилъ это (П. С. З. № 2471); указъ о единонаслѣдіи смягчилъ это узаконеніе только тѣмъ, что послѣдній въ родѣ можетъ назначить наслѣдницею одну изъ женщинъ своего рода, но съ тѣмъ, чтобы мужъ ея принялъ ея родовую фамилію. Такое запрещеніе завѣщательныхъ распоряженій простиралось не только на родовыя, но и на благопріобрѣтенныя имущества.—Сообразно съ признаніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ воли завѣщателя единственнымъ основаніемъ наслѣдованія слѣдовало и увеличеніе строгости требованій отъ порядка составленія завѣщаній. Еще въ 1700 г. было приказано составлять завѣщанія только крѣпостнымъ порядкомъ (№ 1740). Впослѣдствіи допущены были нѣкоторыя изъятія и лишь въ 1726 г. возстановленъ порядокъ Уложенія т. е. позволено писать духовныя завѣщанія на дому.

б) Относительно *наслѣдованія по закону* уже изъ приведеннаго видны существенныя отличія новаго порядка единонаслѣдія. Какъ по завѣщанію, такъ и по закону главнымъ наслѣдникомъ (недвижимыхъ имуществъ) можетъ быть одно только лицо. Такимъ лицомъ (при отсутствіи завѣщанія) долженъ быть старшій сынъ. Но право на майоратъ не переходитъ по праву представленія, если старшій сынъ умеръ раньше отца, то главнымъ наслѣдникомъ становится не его сынъ (внукъ наслѣдодателя), а слѣдующій по старшинству сынъ наслѣдодателя (по ук. 1725 г.). Если же нѣтъ сыновей—старшая дочь. Если старшая дочь вышла замужъ до смерти наслѣдодателя, то главною наслѣдницею дѣлается старшая изъ дочерей-дѣвицъ. Если же всѣ дочери вышли замужъ, то главною наслѣдницею становится старшая изъ нихъ. Если же нѣтъ ни сыновей ни дочерей, то одинъ изъ ближнихъ въ родѣ (вѣроятно старшій въ ближайшей степени родства). Если не оставалось и родственниковъ, и если то сто-

роннее лицо, которому завѣщано имущество подъ условіемъ женитьбы на одной изъ родственницъ наслѣдодателя и принятія его фамиліи, не исполнитъ этого условія, то имѣніе идетъ въ казну. Наслѣдниками неглавными (движимаго имущества) должны быть (поровну) прочіе сыновья наслѣдодателя, если главный наслѣдникъ сынъ; или прочія дочери, если главная наслѣдница—дочь; или прочіе ближніе родственники, если главный наслѣдникъ—родственникъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ движимое дѣлилось поровну между неглавными наслѣдниками, если завѣщаніемъ (при отсутствіи нисходящихъ) оно не было передано одному лицу.

Бездѣтная *вдова* получаетъ пожизненно право на все имущество мужа, которое послѣ ея смерти идетъ въ наслѣдованіе по закону. Въ 1716 г. этотъ порядокъ былъ измѣненъ: право пожизненнаго владѣнія замѣнено полученіемъ въ собственность четвертой части имущества мужа.

Право наслѣдованія *восходящихъ* не было опредѣлено указомъ о единонаслѣдіи, но въ 1725 г. постановлено узаконеніе насчетъ обезпеченія матери послѣ сына, умершаго бездѣтнымъ: ей въ такомъ случаѣ выдается на прожитокъ до смерти, или второго брака, $^3/_4$ имущества сына (за выдѣломъ $^1/_4$ его вдовѣ); а если онъ вдовы не оставилъ, то все его имущество. Взамѣнъ этого пожизненнаго права мать можетъ взять въ собственность $^1/_4$ часть имѣнія сына.

Время послѣ отмѣны единонаслѣдія. Результатомъ закона, противорѣчащаго обычному порядку, явилось слѣд.: „родители по равной любви ко всѣмъ своимъ дѣтямъ, употребляли всѣ средства для того, чтобы раздѣлить между ними свое имѣніе по равнымъ частямъ, прибѣгали для того къ подложнымъ продажамъ и закладамъ, обязывали дѣтей великими клятвами, чтобы получившій послѣ нихъ все имѣніе передалъ часть его своимъ братьямъ; изъ-за наслѣдства рождались между дѣтьми и родственниками ссоры, ненависть, смертоубійства“ (Неволинъ П. С. С. т. V, стр. 412). Вотъ причины отмѣны закона о единонаслѣдіи при имп. Аннѣ Іоанновнѣ (1731 г., марта 17, П. С. З. № 5717. См. также ук. 1730 г., дек. 9 и 23 и 1733 г., іюля 17).

Указы Анны Іоанновны простирались на случаи наслѣдства по закону, *о наслѣдствѣ же по завѣщанію* не дали никакихъ указаній. Въ этомъ отношеніи господствовали случайность и казуистичность до 1831 года (окт. 1), когда издано было „положеніе о духовныхъ завѣщаніяхъ“. Въ указанный промежутокъ времени допускалось фактически распоряженіе благопріобрѣтенными имѣніями; но относительно родовыхъ имѣній постановлялись противорѣчивыя рѣшенія какъ въ общихъ узаконеніяхъ (жал. грам. дворянству и гор. положеніи Екатерины II), такъ и въ отдѣльныхъ указахъ по частнымъ случаямъ. Въ сенат. рѣшеніяхъ 1740 г. (равно и во мног. другихъ) и двухъ упомянутыхъ грамотахъ Екатерины II распоряженіе родовыми имуществами (конечно, вопреки закону, т. е. несогласно съ порядкомъ родового преемства) воспрещается. Но сенатскимъ рѣшеніемъ 1791 года признана сила указа о единонаслѣдіи 1714 г. въ той его части, по которой бездѣтный можетъ назначить кого угодно изъ

своихъ родственниковъ наслѣдникомъ въ родовомъ имѣніи. То же подтверждено въ 1804 г. Высочайшимъ указомъ (по дѣлу Вердеревскихъ). Но сенатъ и послѣ этого признавалъ недѣйствительными завѣщанія бездѣтныхъ относительно родовыхъ имѣній (1811 г.—по дѣлу Шереметева, 1818 г.—по дѣлу Державина). Во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ рѣшеніяхъ основывались на ук. 1714 г., признавая его неотмѣненнымъ и различно толкуя его смыслъ.

Что касается наслѣдованія *по закону*, то нѣкоторыя общія правила были уже установлены въ самомъ указѣ имп. Анны Іоанновны; другія выработались постепенно въ теченіе XVIII и нач. XIX вв. А именно:

О наслѣдованіи нисходящихъ было установлено (на основаніяхъ, указанныхъ въ правѣ Московскаго государства), что дочь при братьяхъ ея получаетъ $^1/_{14}$ недвижимыхъ имуществъ и $^1/_8$—движимыхъ. Въ 1815 и 1824 годахъ были разрѣшены вытекающія отсюда затрудненія: если дочерей останется столько, что за выдѣломъ каждой изъ нихъ узаконенной части, сыновьямъ ничего не останется, или доли ихъ будутъ менѣе дочернихъ, то въ такихъ случаяхъ велѣно дѣлить имущество пополамъ, отдавая одну половину сыновьямъ, другую дочерямъ. Единонаслѣдіе удержано, какъ спеціальный способъ (ук. 1746 г. декабря 31) для военныхъ поселенцевъ, которымъ даны были надѣлы изъ госуд. земель.

О наслѣдованіи супруговъ. Имп. Анна Іоановна обобщила прежній законъ (Улож. ц. Алек. Мих.) относительно помѣстій, т. е. каждому изъ супруговъ предоставлено наслѣдованіе въ $^1/_7$ части недвижимыкъ и $^1/_4$ изъ движимыхъ въ собственность, что не обусловлено и вступленіемъ во 2-й бракъ. Этотъ выдѣлъ получаетъ полное значеніе права наслѣдованія, такъ что на него распространено и право представленія (невѣсткѣ послѣ свекра). Впрочемъ выдѣлъ обусловленъ *просьбою* о немъ, такъ что наслѣдники супруга, который не просилъ выдѣла, не имѣютъ права отыскивать его. Въ послѣдующее время былъ разрѣшенъ вопросъ: имѣетъ ли право мужъ распорядиться въ своемъ завѣщаніи благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ такъ, чтобы лишить жену ея узаконенной части? Сначала сепаратными указами это воспрещалось; напротивъ въ 1836 году было разрѣшено въ утвердительномъ смыслѣ.

О наслѣдованіи боковыхъ постановлено рѣшеніе о томъ, въ какой родъ должны идти благопріобрѣтенныя имѣнія, и именно въ родъ мужа. Вопросъ объ этомъ служитъ еще отголоскомъ древняго права, по которому благопріобрѣтенныя имущества признаваемы были собственностью обоихъ супруговъ. Линія родства распространена въ безконечность.

О наслѣдованіи восходящихъ было установлено, что отецъ и мать (но не дальнѣйшіе) воспринимаютъ опять въ свою полную собственность имущество, данное ими дѣтямъ, послѣ бездѣтной смерти этихъ послѣднихъ и пользуются пожизненно ихъ благопріобрѣтенными имѣніями.

Г.

ВЕЩНОЕ ПРАВО.

Понятіе о вещи и о правѣ на вещь.

Право лица на вещь есть право владѣть, пользоваться и распоряжаться вещію. Высшая и совершеннѣйшая форма вещнаго права есть *право собственности*, т. е. право исключительнаго и полнаго обладанія вещію. Нѣкоторыя составныя части права собственности могутъ быть и выдѣляемы (право пользованія, владѣнія, залога); сверхъ того, одному можетъ принадлежать право собственности, другому право на чужую вещь. Нѣсколько лицъ въ совокупности (нераздѣльно) могутъ владѣть одною вещію, тогда образуется право общей собственности.

Вещію въ юридическомъ смыслѣ называется предметъ природы, подлежащій частному обладанію лица. Съ теченіемъ времени кругъ власти человѣка надъ природою расширяется на счетъ предметовъ, которые прежде этой власти не подлежали; тѣмъ не менѣе въ природѣ существуютъ такіе предметы, которые никогда не могутъ подлежать частному обладанію. Понятіе вещнаго права распространяется и на нѣкоторые предметы духовной природы человѣка, если только они реализовались во внѣшнемъ мірѣ (напр., право литературной собственности).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вещныя права и высшее выраженіе ихъ—право собственности—появляется съ первыхъ моментовъ человѣческаго общежитія. Всѣ недоумѣнія, возбуждаемыя исторіею права собственности, относятся не къ вещнымъ правамъ вообще, а къ праву на недвижимыя вещи и въ особенности къ праву на землю.

Объекты вещныхъ правъ. Раздѣленіе вещей на движимыя и недвижимыя, нынѣ столь несущественное, имѣетъ огромное значеніе въ первобытныя эпохи исторіи человѣчества и сохраняетъ его до нѣкоторой степени и въ послѣдующія времена весьма долго.

Движимыя вещи. Предметомъ частнаго обладанія человѣка дѣлаются прежде всего движимыя вещи, ибо онѣ могутъ быть отдѣлены отъ прочихъ вещей, что́ въ первобытномъ кочевомъ состояніи представляетъ необходимое условіе владѣнія и пользованія. Поэтому въ древнѣйшихъ памятникахъ общее наименованіе вещей есть *имѣніе*, то, что можетъ быть отдѣлено отъ прочихъ вещей (взято въ руки); этимъ словомъ обозначаются именно движимыя вещи: Игорь желалъ взять у древлянъ больше „имѣнія"; русскіе въ византійской имперіи при Игорѣ „имѣнія не мало взяша". Названіе „вещь" (или „рѣчь") хотя и встрѣчается съ древнихъ временъ въ памятникахъ западно-славянскаго законодательства (также въ смыслѣ движимыхъ вещей) и въ переводныхъ русскихъ, но въ русскомъ правѣ оно является поздно. Что именно все имущество нашихъ отдаленныхъ предковъ состояло изъ однѣхъ движимыхъ вещей, доказывается и другими общими терминами, которыми обозначается имущество вообще: таковы „скотъ"—наименованіе, обозначавшее деньги и другіе предметы богатства; равнымъ образомъ „збоже" (собственно зерновой хлѣбъ). То же доказывается и лѣтописными указаніями, въ чемъ заключалось имущество самыхъ богатыхъ людей начала 1-го періода; это вооруженіе, одежды, украшенія, челядь, скотъ и нѣкоторые продукты промысловъ (шкуры, медъ). Древнѣйшая Русская Правда, желая опредѣлить предметы владѣнія, защищаемаго закономъ, говоритъ: если кто возьметъ чужое оружіе, коня или одежду"... (Акад. 12); говоря о поврежденіи чужого имущества, она упоминаетъ о копьѣ, щитѣ, одеждѣ (17). Древнѣйшая Русская Правда (Ярослава) вовсе не упоминаетъ о владѣніи недвижимымъ имуществомъ (сл. Дог. Ол. ст. 5), что, впрочемъ, не указываетъ на отсутствіе его и въ эпоху Рус. Правды.

Право собственности на движимыя вещи съ древнѣйшихъ временъ не было ограничено; собственникъ могъ владѣть, пользоваться и распоряжаться ими до ихъ уничтоженія. Самый древній памятникъ законодательства указываетъ достаточныя гарантіи, существовавшія тогда для защиты права собственности на такія вещи и для виндикаціи ихъ (Рус. Прав. Ак. ст. 11—14, 20).

Вещи недвижимыя. Полное отсутствіе обладанія недвижимыми вещами возможно, конечно, только въ кочевомъ быту народа (охотничемъ и пастушескомъ). Лишь только люди осѣдаютъ и переходятъ къ занятію земледѣліемъ, у нихъ является необходимость, во-первыхъ, права на часть земной поверхности для устройства постояннаго (осѣдлаго) жилища—*для дома* и, во-вторыхъ, права на отдѣльный участокъ *земли* для обработки и для другихъ цѣлей хозяйственнаго пользованія.

а) *Жилище.* Палатка кочевника, когда она не прикрѣплена къ поверхности земли, составляетъ, очевидно, движимое имущество, но когда она прикрѣпляется къ solum, тогда и часть земной поверхности, занимаемая ею, входитъ въ ея составъ, она является уже недвижимою, но не скоро: въ нашемъ правѣ до самаго XVII в. *домъ* разсматривается юридически, какъ движимое имущество. Такое правовое опредѣленіе весьма

естественно вытекало изъ экономическихъ условій русскаго государства: при малоцѣлности земельныхъ участковъ и, наоборотъ, при значительной цѣнѣ производства, въ экономическомъ оборотѣ важенъ былъ готовый обработанный матеріалъ, а не часть поверхности, занимаемая домомъ, вслѣдствіе чего послѣдняя и не входила въ понятіе его. Ниже, въ ученіи о правѣ владѣнія дворами въ городахъ, будутъ указаны особенности этого рода вещей, теперь же замѣтимъ, что владѣніе домомъ во всякомъ случаѣ составляетъ первый переходъ къ праву на недвижимыя вещи

б) *Земля.* Важнѣйшимъ предметомъ права вещнаго является земля. На глазахъ исторіи образуется и развивается этотъ видъ права собственности, не достигая, однако, долго той полноты и опредѣленности, которыми отличается право на движимыя вещи. Развитіе права собственности на землю съ объективной стороны идетъ въ такомъ порядкѣ; сперва утверждается частное право на *обрабатываемые* участки, между тѣмъ какъ *луга* и пастбища остаются въ общемъ владѣніи общинъ или родовъ; *лѣса и воды* принадлежатъ сперва или государству или же общинамъ и родамъ и позже другихъ видовъ земельныхъ имуществъ становятся пведметомъ обладанія частныхъ лицъ.

Права на земельныя имущества въ древнее время подлежатъ существеннымъ ограниченіямъ у всѣхъ народовъ.

Исторія человѣчества начинается на востокѣ картиною полнаго поглощенія личности государственнымъ союзомъ: но изъ всѣхъ частныхъ правъ лица наиболѣе ограниченнымъ является право на недвижимыя вещи. Исторія евреевъ, Египта, Лаконіи, древняго Рима (ager publicus), Византіи и средневѣковой Европы указываетъ, что во всѣхъ упомянутыхъ странахъ, съ дальнѣйшими успѣхами гражданской свободы, элементъ частно-правовой очищается; полномочія лица въ сферѣ вещныхъ правъ растутъ. Вообще всемірно-историческій ходъ развитія вещныхъ правъ, и въ особенности права собственности на землю, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ исторіею государственнаго права и есть не что иное, какъ постепенный прогрессъ правъ частнаго лица отъ момента первоначальнаго поглощенія ихъ государствомъ.

Наоборотъ, общій ходъ развитія права собственности въ русской жизни обыкновенно опредѣляютъ слѣд. схемою: а) въ 1-й періодъ (до татарщины) права собственности были наиболѣе полны и свободны отъ ограниченій со стороны государства. б) Ограниченія являются уже потомъ изъ случайныхъ причинъ монгольскаго и литовскаго завоеванія (мнѣніе Неволина и особенно Костомарова); впрочемъ нѣкоторые видятъ источникъ ограниченій права собственности въ событіи болѣе раннемъ—завоеваніи варяжскомъ (мнѣніе Лакіера). Это то же, что въ старинныхъ теоріяхъ феодализма ученіе о завоеваніи германцами римской территоріи, какъ источникѣ феодализма. Нѣкоторые, избѣгая объясненій историческими случайностями внѣшнихъ событій, останавливаются на фактахъ внутренней исторіи русскаго государственнаго права и утверждаютъ (Б. Н. Чичеринъ), что ограниченныя, условныя права собственности являются вслѣдствіе осѣд-

лости князей съ XII в., когда вся земля становится вотчиною князя, отъ котораго частныя лица заимствуютъ свои укороченныя права. Несмотря на различіе воззрѣній, всѣ названные писатели согласны въ томъ, что ограниченія правъ собственности явились впослѣдствіи, а первоначально права эти были полными и неограниченными. Исключеніе составляетъ проф. Энгельманъ, который полагаетъ, что въ древнѣйшее время, хотя владѣніе землею было полно и неограниченно, но зато это только владѣніе, фактъ не доросшій до права собственности, т. е. не имѣющій гарантій и признанія со стороны государства. Стремясь добыть это послѣднее (укрѣпить его), владѣльцы обратились къ власти государства и, получивши отъ нея требуемое, поступились въ пользу ея правами распоряженія. Владѣніе стало правомъ собственности, но правомъ ограниченнымъ и условнымъ. Такимъ образомъ и здѣсь мы имѣемъ въ конечномъ выводѣ положеніе, что условныя права суть явленіе сравнительно новое. в) Наконецъ, въ періодъ имперіи накопившіяся исторически ограниченія права собственности отпадаютъ постепенно, и лишь въ недавнее время это право достигаетъ той степени полноты, какую находимъ въ дѣйствующемъ законѣ.

Если представленная схема исторіи права собственности правильна, то мы имѣли бы въ русскомъ правѣ единственное исключеніе въ общемировой исторіи этого права, гдѣ, какъ мы видѣли, дѣло начинается съ ограниченной и условной собственности частныхъ лицъ и лишь постепенно, съ возвышеніемъ правъ лица, это послѣднее завоевываетъ мало-помалу независимое господство надъ вещами. Такая (мнимая) оригинальность русскаго права невольно становится подозрительной. Несомнѣнное явленіе ограниченій права собственности и историческій ходъ этихъ ограниченій въ русскомъ правѣ требуютъ иной конструкціи и другихъ объясненій. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы должны провѣрить представленную схему, именно на вопросахъ объ отношеніи владѣнія къ праву собственности, о способахъ пріобрѣтенія права собственности и о взаимномъ отношеніи субъектовъ права на одну и ту же вещь и возникающихъ отсюда видахъ правъ. Что касается до теорій завоеваній (варяжскаго, татарскаго, литовскаго), то онѣ окончательно признаны несостоятельными и не нуждаются въ опроверженіи.

Владѣніе и право собственности. Съ исторической стороны вопросъ о сущности права частныхъ лицъ на вещи въ начальную эпоху исторіи представляется весьма затруднительнымъ: было ли обладаніе вещью первоначально простымъ фактомъ, владѣніемъ (отвлеченный терминъ „собственность“ неизвѣстенъ древнему праву; тогда онъ замѣнялся описательными выраженіями „въ прокъ“, „на вѣки“ и т. д., чѣмъ обозначалась продолжительность права, а не полнота его), или же это обладаніе явилось уже въ древности со всѣми атрибутами отвлеченнаго права собственности (и слѣдовательно возможно было сохранить право собственности, переставъ владѣть вещью, и пріобрѣсть ее помимо владѣнія)? Если обладаніе вещью является сперва на степени фактическаго владѣнія, то когда и какъ возникаетъ изъ него дѣйствительное право собственности?

Постановленные вопросы разрѣшаются историками-юристами невполнѣ и неокончательно. По мнѣнію пр. Энгельмана, какъ мы видѣли, права *на землю* въ древнѣйшее время были только правами владѣнія; по мнѣнію другихъ, вообще въ древности и у насъ не различали владѣнія и собственности (пр. Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣд.“ 1899, стр. 401). Въ русскомъ терминѣ „владѣть“ заключается понятіе possessio и dominium; владѣніе (отъ индоевропейскаго walten, а не отъ „волю дѣяти, какъ думалъ Морошкинъ) есть общій терминъ для обозначенія вещныхъ правъ; въ смыслѣ права собственности оно особенно ясно въ западно-русскомъ языкѣ: „властная земля“ означаетъ собственность на землю. Этотъ терминъ начали пріурочивать къ понятію possessio тогда, когда для обозначенія dominium созданъ новый терминъ собственность (въ концѣ XVIII в.). Полное и неограничанное владѣніе становится собственностью тогда, когда получаетъ признаніе со стороны другихъ лицъ и общества: такъ, давностное владѣніе становится правомъ, когда нѣтъ оспаривающихъ это право. Нѣтъ сомнѣнія, что право собственности, независимо отъ факта владѣнія, сознаваемо было съ древнѣйшихъ временъ, что это сознаніе примѣнимо и къ праву на недвижимыя вещи, но выражено въ Рус. Правдѣ опредѣленно относительно движимыхъ вещей: „Если кто опознаетъ (свою вещь у другого), то не долженъ брать ее, говоря: „это мое“; но долженъ сказать ему такъ: „пойди на сводъ, гдѣ ты взялъ“ (Ак. 13). Владѣніе можетъ быть пріобрѣтено добросовѣстно, и потому владѣлецъ имѣетъ право получить обратно тотъ эквивалентъ, который онъ далъ за нее, въ случаѣ отысканія недобросовѣстнаго пріобрѣтателя. Отсюда слѣдуетъ, а) что собственникъ, при утратѣ владѣнія, не утрачиваетъ ео ipso права на вещь (что впрочемъ ясно и изъ множества другихъ статей Рус. Правды о сводѣ и татьбѣ, а также о находкѣ: см. Рус. Пр. Кар. 29, 30; Псковская Судн. Грам. 46); б) что добросовѣстное владѣніе, сталкиваясь съ правомъ собственности и уступая ему, пользуется тѣмъ не менѣе признаніемъ (вознаграждается на счетъ недобросовѣстнаго пріобрѣтателя). Очевидно, относительно движимостей спора быть не можетъ. Относительно недвижимости, въ частности—земли, дѣло не столь ясно. Есть какъ будто, дѣйствительно, признаки неразличенія владѣнія и собственности, замѣчаемые не только въ началѣ исторіи, но и въ довольно позднихъ временахъ; мы увидимъ ихъ при изложеніи правъ на волостныя и городскія имущества, права залога и т. д. Причина этого скрывалась въ соотношеніи нѣсколькихъ субъектовъ на одну и ту же вещь, а не въ отсутствіи утвержденія правъ государствомъ. Никакъ нельзя согласиться, что когда-либо идея владѣнія совершенно покрывала понятіе собственности. Напр., признакъ поглощенія понятія собственности понятіемъ владѣнія видятъ въ обычной формулѣ древнихъ актовъ для обозначенія границъ земельнаго участка: „куда коса, соха и топоръ ходили“. Но этимъ означается именно только фактическій объемъ вещи и (косвеннымъ образомъ) способъ пріобрѣтенія вещи—оккупація, а отнюдь не существо права на вещь. Присутствіе отвлеченнаго понятія о правѣ собственности на недвижимыя вещи въ первый періодъ исторіи

утверждается постановленіями Рус. Правды о межахъ и перетесахъ (Кар. 838—4) и другихъ юридическихъ знакахъ (ibid, 82). Внутри своей межи собственникъ можетъ ничѣмъ не проявлять фактическаго владѣнія, но остается собственникомъ; нарушеніе межи не есть еще завладѣніе („межу перетнетъ", т. е. перерубить; „бортъ разнаменуетъ"); но это есть дѣяніе воспрещенное и преступное. Къ тому же выводу наклоняютъ постановленія о давности—институтѣ, несомнѣнно древнѣйшемъ: владѣлецъ не тотчасъ устраняетъ собственника, а лишь при наступленіи условій, при которыхъ является предположеніе объ оставленіи вещи собственникомъ. Въ XV в. уже законъ совершенно точно отдѣляетъ понятіе собственности и юридическаго владѣнія: Псковская Судная Грамота—постановленіями о давности и пожизненномъ владѣніи (ст. 9, 72, 88, 79), Новгородская постановленіями о защитѣ владѣнія, независимо отъ вопроса о правѣ собственности: „до суда на землю не наѣзжать, а о землѣ позвать къ суду", т. е. собственникъ не въ правѣ самъ нарушить владѣніе собственною вещію сторонняго лица. Отвѣтчикъ можетъ предъявить искъ о наѣздѣ и грабежѣ нарушеніи (владѣнія) въ земномъ дѣлѣ отдѣльно отъ иска о правѣ на эту землю; если виновникъ наѣзда окажется дѣйствительно собственникомъ земли, то онъ тѣмъ не менѣе несетъ наказаніе за нарушеніе владѣнія (ст. 10—11). Такъ какъ эти памятники относятся къ XV вѣку, то вышеприведенныя указанія актовъ XV и XVI вв. отнюдь не могутъ быть истолкованы въ смыслѣ обратномъ.

Субъекты и виды вещевыхъ правъ. Въ первый періодъ нашей исторіи, названный нами въ исторіи государственнаго права земскимъ, замѣчаемъ тѣснѣйшее сліяніе правъ публичныхъ съ частными. Владѣніе государственное (imperium) и власть частная (dominium) вначалѣ неразличимы (само собою разумѣется, что *полное* господство указаннаго сейчасъ признака, т. е. сліянія государственныхъ началъ съ частными, относится лишь къ самымъ начальнымъ временамъ періода). „Земля" есть территорія государства, земля же ёсть объектъ частнаго права группъ лицъ, составляющихъ государство. Городская община Кіевъ (вмѣщавшая первоначально всѣхъ полянъ) владѣетъ окружающими ее лѣсами; это вся ея территорія; но ею вся она владѣетъ сообща: здѣсь въ „лѣсу и борѣ великомъ" звѣроловы-поляне „мудрые и смышленные ловили звѣря". Такой порядокъ знакомъ всякому этнографу, наблюдающему скотоводческій и звѣроловный бытъ: племя, захватившее извѣстную территорію, эксплоатируетъ ее сообща. И при началѣ земледѣльческаго быта дѣло измѣняется мало: люди, обыкновенно скученные (въ виду взаимной защиты) въ одномъ мѣстѣ, обрабатываютъ окрестную землю „наѣздомъ", гдѣ найдутъ удобнѣе сами, или гдѣ укажетъ общинная или родовая власть, какъ показываетъ примѣръ германцевъ временъ Юлія Цезаря, по свидѣтельству котораго, у нихъ никто не имѣетъ опредѣленныхъ и извѣстныхъ участковъ земли, но начальники и князья ихъ каждый годъ выдѣляютъ сколько гдѣ придется поля родамъ и семьямъ (gentibus cognationibusque), сошедшимся вмѣстѣ (на общій сходъ). Но повторяемъ, это относится къ самымъ

первоначальнымъ моментамъ исторіи и притомъ отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и въ самомъ началѣ исторіи право частной собственности вообще было вовсе неизвѣстно [1]). Слѣды общегосудавст. правъ частныхъ сохраняются въ историческое время лишь въ измѣненныхъ отголоскахъ. Рус. Правда передаетъ князю право наслѣдства всѣхъ имуществъ послѣ бездѣтно-умершихъ (см. выше). Въ XII в., когда уже давно явилась и частная собственность, слѣды государственнаго права появляются въ томъ, что оставляющій территорію лишается своихъ частныхъ владѣній.

---

[1]) При полномъ отсутствіи историческихъ свидѣтельствъ о первоначальныхъ формахъ землевладѣнія въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, считаемъ умѣстнымъ сослаться на аналогію позднѣйшихъ явленій, относящихся къ этому предмету, въ правовой жизни нашего народа. Имѣемъ въ виду образованіе разныхъ видовъ правъ на землю въ Донскомъ казачьемъ обществѣ. Оставляя въ сторонѣ не вполнѣ удостовѣренные факты въ XVI в. (о полномъ отсутствіи у казаковъ частной собственности и о дѣлежѣ на равныя части продуктовъ охоты и рыболовства), обращаемся къ свѣдѣніямъ о XVII и XVIII в., которыя сообщаются намъ въ „Матеріалахъ для географіи и статистики земли войска Донского“ г. Н. Краснова, въ „Свѣдѣніяхъ о казачьихъ общинахъ на Дону“ (вып. 1. 1885 г.) г. М. Харузина и въ сочин. нѣсколькихъ другихъ этнографовъ и юристовъ. Въ XVII в. на Дону совсѣмъ не занимались земледѣліемъ и даже запрещали его. Земля считалась принадлежащей всему войску; ею пользовались для пастбищъ и сѣнокоса каждый казакъ или артель казаковъ, гдѣ угодно, лишь обозначивъ выбранное мѣсто посредствомъ окашиванія его по краямъ, или посредствомъ поставленнаго знака. Съ началомъ земледѣлія, въ XVIII в., начинается выдѣленіе изъ общей войсковой земли общинныхъ (станичныхъ) участковъ. Сначала заимка земли каждымъ отдѣльнымъ обществомъ (станицею) дѣлается по собственному выбору; сами же общины и опредѣляли границы владѣній (живыми урочищами) отъ сосѣднихъ общинъ и лишь потомъ представляли объ этомъ запись въ „главное войско“, которое и выдавало имъ т. н. разводныя грамоты; разграничивались только удобныя мѣста по рѣкамъ и лишь нѣкоторая часть степи, прилегающей къ нимъ; остальное пространство оставалось въ общемъ владѣніи сосѣднихъ станицъ. Заимка обставлена бо́льшими формальностями со времени Высоч. ук. 1706 г., когда установлено не послѣ, а до фактической заимки выдавать желающимъ т. н. „заимочную грамоту“ отъ войска. Отведенная станицамъ земля хотя продолжаетъ считаться собственностью войска, но не находится въ его непосредственномъ владѣніи; а потому станичное владѣніе съ теченіемъ времени получаетъ всѣ свойства права собственности, не пріобрѣтая титула ея; непосредственныя права войска простираются на земли, не занятыя станицами (т. н. „запасъ“, котораго въ настоящее время осталось около 2 милл. десятинъ); это такъ сказать государственныя имущества войска. Внутри каждой станицы „юртъ“ (станичная участковая земля) первоначально состоялъ „въ общемъ пользованіи загонами“; каждый отдѣлялъ себѣ участокъ въ степи по мѣрѣ своихъ силъ для обработки, обошедши его кругомъ сохою; но если захватившій себѣ большой участокъ (напр., 150 дес.) не въ состояніи былъ его обработать и запускалъ, то по прошествіи опредѣленнаго срока (1—5 лѣтъ, б. ч. 3 года) всякій могъ захватить его. Однако, богатые умудрялись обрабатывать большіе участки чужими руками (пришлыхъ людей или своихъ же бѣдныхъ станичниковъ); такимъ образомъ водворилось неравенство, и маломочные вытѣснялись на границы юрта; отсюда возникали безпорядки и споры. А это заставило прибѣгнуть къ установленію передѣла. Первоначально передѣлъ установлялся въ разныхъ (не всѣхъ) станицахъ на весьма неправильныхъ основаніяхъ, а именно: черезъ каждые три года всѣ участки возвращаются въ непосредственную собственность станицы, и затѣмъ опять каждый захватываетъ, гдѣ и сколько можетъ. Лишь въ недавнее время начали прибѣгать къ „уравнительному раздѣлу“, т. е. къ установле-

Такъ, о Кіевѣ говоритъ въ 1156 г. кн. Изяславъ своимъ боярамъ, бѣжавшимъ за нимъ на Волынь: „вы есте по мнѣ изъ русскыя (Кіевской) земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизней лишився". Достойно замѣчанія, что здѣсь бояре лишились не только недвижимыхъ, но и движимыхъ имуществъ. Въ новгородскомъ государствѣ (весьма характерномъ и образцовомъ для этого вопроса, ибо въ немъ онъ не осложняется личными правами князей) до очень поздняго времени сохраняются слѣдующія начала· а) Никто не можетъ владѣть на частномъ правѣ внутри новгородской территоріи, не будучи гражданиномъ Новгорода; самимъ князьямъ и ихъ дворянамъ запрещалось пріобрѣтать села на новгородской землѣ (Догов. Новг. съ Казим., ст. 19). б) Никто не можетъ пріобрѣтать земли вновь на новгородской территоріи безъ пожалованья отъ В. Новгорода (ibid. ст. 17). в) Всякій, оставившій новгородское подданство и перешедшій въ другую землю, лишается своихъ имуществъ на новгородской территоріи, и это даже тогда, когда князья-вотчинники другихъ земель въ договорахъ между собою выговаривали уже для бояръ право сохранять вотчины при переходѣ (см. Догов. в. кн. Дим. Ивановича съ Твер. княземъ 1368 г. и наше примѣч. 5-е къ нему).

нію равныхъ „паевъ" съ обращеніемъ остальной земли въ общестаничный запасъ. Паи даются всѣмъ станичникамъ (офицерамъ, священнослужителямъ, вдовамъ, дѣвицамъ отъ 17 л. возраста). Они даются на опредѣленный срокъ (отъ 1 до 17 лѣтъ, но б. ч. на три года); въ теченіе этого срока владѣльцы могутъ передавать эти участки даже иногороднимъ („продавать", т. е. арендовать). Усадьбы не подвергаются передѣлу, но строенія, воздвигнутыя въ полѣ, снимаются, а земля подъ ними идетъ въ раздѣлъ. Люди, которымъ достаются паи на окраинахъ юрта, выселяются (для удобства обработки) на отведенные (или захваченные) паи; такимъ образомъ возникаетъ меньшая община, подчиненныя главной (станицѣ)—это „хутора"; станица можетъ не признавать отдѣльныхъ правъ хуторовъ и пускать хуторную землю въ общій передѣлъ, но обыкновенно хуторныя общества влацѣютъ своими участками пахатной земли отдѣльно; сѣнокосы и пастбища остаются въ общемъ распоряженіи всей станицы. Сѣнокосы подвергаются ежегодному передѣлу. Лѣса или состоятъ въ общемъ („вольномъ") пользованіи, или также дѣлятся на паи, но на сроки болѣе продолжительные (отъ 10 до 25 л.), за отдѣленіемъ „заповѣдныхъ" лѣсовъ въ общее владѣніе; рощею (возращенною частнымъ лицомъ) и садомъ каждый хозяинъ пользуется, „какъ собственностью, но земля, на которой будутъ они находиться, должна принадлежать всегда обществу" (выраженіе подлинное); общество можетъ потребовать эту землю у владѣльца; съ такими правами хозяинъ можетъ и продать свои рощу, или садъ даже иногородному. Вода лѣтомъ не подлежитъ раздѣлу, но по льду всѣ воды дѣлятся на паи для рыболовства. Такимъ образомъ всѣ права частныхъ лицъ (нерѣдко именуемыя собственностью) остаются на степени владѣнія, которое можетъ быть потомственнымъ (на сады, рощи), и подлежатъ нѣкоторымъ правамъ распоряженія. Такъ, изъ обще-земской (войсковой) собственности возникаетъ общинное владѣніе (станицъ) и права частныхъ лицъ—членовъ общины.

Подобнымъ же обр. изъ того же обще-земскаго владѣнія возникаютъ и *частная собственность* на землю, а именно: 1) казаки изъ старшины „успѣли захватить огромныя степныя пространства"; 2) войсковое начальство отводило большіе участки земли старшинѣ для пользы службы и „въ интересахъ скорѣйшаго заселенія". Оба эти источника частныхъ правъ на землю отнюдь не привели тотчасъ же къ утвержденію независимаго права собственности; земля продолжала быть войсковою, но предназначенною для цѣлей

Но право государства, исключавшее всѣ частныя права лицъ, можетъ относиться лишь къ древнѣйшимъ незапамятнымъ временамъ. Впослѣдствіи въ непосредственномъ, особенно частномъ обладаніи государства остаются лишь нѣкоторыя владѣнія—*государственныя имущества* въ тѣсномъ смыслѣ (см. часть I, стр. 85).

Размноженіе населенія и выводъ колоній, основаніе новыхъ *общинъ*, должны были раздробить непосредственныя права государства между нимъ и этими послѣдними. Начало общинной формы землевладѣнія не

службы: „надѣленіе чиновниковъ съ семействами поземельными участками вызвано было тѣмъ соображеніемъ, что жалованье въ казачьихъ войскахъ весьма не велико, и нѣтъ пенсіи, тогда какъ земли довольно“ (Харузинъ). Земли оккупированныя такъ же обложены службою, какъ и пожалованныя. Такимъ образомъ возникаетъ два вида владѣнія: а) потомственное; б) срочное и пожизненное. Первое пошло по пути къ праву собственности довольно быстро (благодаря вліянію новыхъ общерусскихъ условій дворянскаго владѣнія): владѣльцы поспѣшили заселить участки крестьянами, которые закрѣплены за ними указомъ 1796 г. (12 дек.). Однако, и послѣ этого „еще не существовало потомственное владѣніе земли на правѣ собственности (sic): земля переходила обыкновенно отъ отца къ дѣтямъ, но это дѣлалось на томъ же основаніи, на какомъ и при общинномъ владѣніи участки, обработываемые тѣмъ или другимъ лицомъ, продолжаютъ и послѣ его смерти оставаться въ пользованіи его семейства“ (Ветчинкинъ). Частныя владѣнія лежали среди станицъ, и угодья ихъ находились въ общемъ пользованіи со станицами. Условный характеръ владѣній обнаружился особенно въ Положеніи 1835 г., когда предписано было вывести частныя владѣнія изъ состава станицъ и „надѣлить помѣстныхъ чиновниковъ участками изъ свободныхъ земель по числу ихъ крестьянъ“ (а не по величинѣ прежнихъ владѣній); при этомъ переселеніи „ускользнули огромныя пространства земель, владѣемыя ими на правѣ перваго завладѣнія“ (Харузинъ). Но и послѣ этого полныя права собственности еще не были достигнуты: продать потомственную землю можно было только донскому чиновнику казачьяго сословія, и вообще право собственности на потомственные участки нигдѣ не было выражено и гарантировано закономъ до 29 янв. 1863 г., когда установлено: „донскимъ чиновникамъ владѣть и распоряжаться потомственными своими землями на основаніи общихъ госуд. узаконеній“. Такова исторія вотчиннаго землевладѣнія. *Срочное и пожизненное* владѣніе (соотвѣтствующее древнимъ помѣстьямъ) имѣло свою исторію: первоначально всѣмъ чинамъ войска, начиная съ наказного атамана, назначалась земля въ пожизненное владѣніе въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ высотѣ ранга. Въ 1858 г. такой порядокъ отмѣненъ и „установлено назначить безпомѣстнымъ и мелкопомѣстнымъ чиновникамъ Донского (и Кубанскаго) войска срочные поземельные участки въ пользованіе отъ 15 до 20 лѣтъ, пошлинное и безпошлинное. Они не подлежали распоряженію владѣльцевъ, но „до истеченія срока могли переходить въ наслѣдство и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставляемы были вдовамъ и дѣтямъ до истеченія положеннаго возраста“ (Харузинъ). Такимъ образомъ въ числѣ формъ помѣстнаго владѣнія мы находимъ здѣсь: срочное, пожизненное, а затѣмъ и потомственное. И этотъ видъ владѣнія довольно быстро пошелъ по пути къ праву собственности. Такой процессъ ускорялся примѣромъ и вліяніемъ другихъ губерній того же государства и, наконецъ, завершенъ закономъ 1870 года (по поводу 300 лѣтн. юбилея Войска), когда всѣ срочные участки предоставлены въ потомственную собственность чиновниковъ. Съ тѣхъ поръ надѣленіе землею прекращено, а взамѣнъ увеличено денежное жалованье. Такая же исторія повторяется и въ прочихъ казачьихъ земляхъ, воспроизводя предъ нашими глазами скрытый отъ глазъ историка процессъ зарожденія формъ землевладѣнія въ древнѣйшія времена.

засвидѣтельствовано въ нашихъ памятникахъ никакими ясными фактами, но послѣдующія явленія (въ Московскомъ и Литовскомъ государствахъ) въ эпохи весьма близкія къ 1-му періоду указываютъ, что право общиннаго владѣнія должно было возникнуть во времена первоначальныя.

Уясненіе начала общиннаго землевладѣнія будетъ дано на основаніи памятниковъ слѣд. періода.

Столь же рано выдѣляются и права на землю *родовъ* и частныхъ *лицъ* (правильнѣе, *семействъ*) и (съ принятіемъ христіанства) *церкви*. Такъ, о частныхъ владѣніяхъ *князей* есть свидѣтельства со временъ Ольги, которой лѣтопись приписываетъ село Ольжичи и особые участки охоты („ловища"). Русская Правда Ярославичей, содержащая уже нѣсколько свидѣтельствъ о правѣ частной собственности, говоритъ преимущественно о княжей собственности: она говоритъ (Ак. ст. 33) о *межахъ* и *перетесахъ* (знакахъ частной собственности на деревьяхъ), о княжемъ старостѣ *сельскомъ и ратайномъ* (ст. 22), о княжей борти (Ак. 30). Въ 1158 г. кн. Андрей (Боголюбскій) далъ церкви Богородицы во Владимірѣ много „имѣнья и свободы (слободы) купленныя и съ даньми и села лѣпшая" (Лавр. лѣт.). Въ 1150 г. Ростиславъ Смоленскій пожаловалъ церкви села, землю, озера, сѣножати, огородъ (см. выше о завѣщаніи кн. Владиміра Васильковича). Свѣдѣнія о пріобрѣтеніи земель правящими князьями въ частную собственность (за исключеніемъ В. Новгорода) продолжаются до конца XVI в.

Вотчинныя права частныхъ свѣтскихъ владѣльцевъ представляютъ наибольшій историческій интересъ, но по недостатку данныхъ не могутъ быть уяснены окончательно при помощи документовъ. Однако при пособіи фактическихъ указаній древнихъ памятниковъ, можно приблизиться къ правильному представленію объ этомъ предметѣ.

Изъ указанныхъ выше правъ государства на территорію видно, что права частныхъ лицъ на землю не могутъ быть всѣ безусловными и полными. Но такъ какъ въ нашихъ скудныхъ источникахъ исторіи того времени содержатся нѣкоторыя фактическія указанія лишь изъ XII и XIII в., то, конечно, мы застаемъ уже время окрѣпшей частной собственности, называемой уже тогда „отчиной" („отьчествіе"), въ рукахъ земскихъ бояръ. О владѣніи землею *боярскими родами* свидѣтельствуетъ уже Русская Правда 3-й редакціи, говоря о сельскихъ боярскихъ рядовичахъ (Кар. 11); затѣмъ, въ XII в. лѣтописныя свидѣтельства о томъ идутъ безпрерывно (см. въ лѣт. подъ 1156, 1177, 1219 и др.), при чемъ званія боярина и землевладѣльца отождествляются, особенно въ землѣ Галицкой.

Отсюда не слѣдуетъ, что въ то же время, рядомъ съ правами болѣе полными, не существовало другого типа правъ земельныхъ владѣній, соотвѣтствующаго будущему помѣстью: таковы (надо думать) были всѣ владѣнія дружинниковъ, пока эти послѣдніе не превращались въ земскихъ бояръ, ибо подвижная дружина, при постоянныхъ переходахъ изъ княжества въ княжество за своимъ княземъ, не могла освоить земель въ постоянную собственность. Князья распускали ее на прокормъ: давали ей

или волости для очереднаго управленія и кормленія, или участки земли для временнаго пользованія: въ 1240 г. кн. Даніилъ Галицкій послалъ къ узурпировавшему себѣ власть боярину Доброславу съ такими словами: „я вашъ князь, но вы повелѣній моихъ не исполняете, землю грабите я не велѣлъ тебѣ, Доброславъ, принимать Черниговскихъ бояръ, а давать волости Галицкимъ, а Коломыйскую соль отдѣлить для меня". Но оказалось, что Доброславъ успѣлъ уже отдать Коломыю двумъ беззаконникамъ отъ племени смердья. Тщетно княжескій посолъ протестовалъ, говоря: „како можеши, безъ повелѣнія княжа, отдати ю сима, яко велицыи князю держать сію Коломыю *на раздаваніе оружникомъ*; си бо еста недостойна ни Вотьнина держати". Такимъ образомъ это „держаніе" (впослѣдствіи въ западно-русскомъ правовомъ языкѣ „держава") есть временное владѣніе для извлеченія доходовъ дружинниками („оружниками"), жалуемое княземъ подъ условіемъ службы. Фондомъ для такой раздачи служили опредѣленные части государственныхъ земель (Коломыя, Вотнинъ). Владѣніе, очевидно, не было наслѣдственнымъ. Причина, почему князья прибѣгали именно къ этому способу вознагражденія за службу, есть полное господство натуральнаго хозяйства, когда уже нельзя было (по примѣру древняго Владиміра) всю дружину ежедневно кормить у себя во дворѣ деревянными или серебряными ложками.

Наиболѣе полный типъ частной собственности представляютъ *церковныя имущества* (Лавр. лѣт. подъ 1094 г. указываетъ на село, принадлежащее Суздальской церкви св. Димитрія: см. вышеуказанныя грамоты Мстислава и Ростислава; кн. Изяславъ Мстисл. пожаловалъ новгородскому Пантелеймонову монастырю село Витославичи, „испрошавъ у Новгорода"). Имущества поступали въ церковь чрезъ пожалованіе отъ князя, чрезъ вклады (дарственную) отъ частныхъ лицъ (см. вкладную Варлаама Хутынскаго ок. 1192 г.), чрезъ куплю отъ частныхъ лицъ (см. купчую Антонія Римлянина до 1147 г.), чрезъ заимку пустыхъ мѣстъ (см. лѣтописное свидѣтельство о занятіи горы Печерскимъ монастыремъ). Права церкви на недвижимыя имущества отличались наибольшею полнотою и независимостію, что́ объясняется двумя причинами: а) церковь, въ тѣ времена множественности и взаимной борьбы земель, пользовалась, т. сказ., экстерриторіальностію: ея права не колеблются отъ смѣны князей, ибо она есть учрежденіе одинаково дорогое для всѣхъ ихъ; б) церковныя власти, какъ греки, такъ и русскіе по происхожденію, руководствовались византійскимъ правомъ и, слѣдовательно, прониклись твердыми и ясными, понятіями о частной собственности, вошедшими въ него изъ римскаго права (впрочемъ далеко не могли провести ихъ во всей полнотѣ на новой почвѣ). Нельзя того же сказать о всѣхъ прочихъ (кромѣ церковныхъ) имуществахъ частныхъ лицъ: недвижимыя владѣнія ихъ состоятъ въ тѣсной зависимости отъ государства: князья и бояре, изгоняемые или бѣгущіе изъ земли, лишаются въ ней своихъ имуществъ; подчиненныя общины (пригороды и веси) работаютъ не только на себя, но и на государство. Взаимныя отношенія правъ государства, частныхъ лицъ и

общинъ еще не опредѣлились; болѣе точное опредѣленіе находимъ въ Московскомъ государствѣ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Права вещныя въ Московскомъ государствѣ, несомнѣнно, возрастаютъ интенсивно (развиваются и уясняются). Церковь ставитъ вопросъ о независимости своего частнаго права собственности принципіально.

Способы пріобрѣтенія права собственности. Въ Московскомъ государствѣ основными способами являются: оккупація, давность, находка и пожалованіе. 1. **Оккупація.** Древнѣйшій способъ пріобрѣтенія права собственности есть *овладѣніе* (оккупація), т. е. завладѣніе вещами, никому въ частности не принадлежами. Такой способъ характеризуетъ преимущественно древнѣйшее время (1-й періодъ), но не исчезаетъ и во второмъ періодѣ; мы скажемъ объ этомъ здѣсь, пользуясь и актами древними.

а) Оккупація *движыхъ вещей* есть главнѣйшій способъ пріобрѣтенія права на вещь въ звѣроловномъ и отчасти въ скотоводческомъ быту: „ловили (поляне) звѣрей въ бору, окружающемъ Кіевъ, ибо были мудры и смыслены“, т. е. основаніемъ оккупаціи являтся не одинъ фактъ завладѣнія, но и знанія и трудъ. Оккупированная вещь не должна быть непремѣнно и тотчасъ же въ рукахъ и въ домициніи овладѣвшаго: собственникъ можетъ оставить ее на мѣстѣ завладѣнія, снабдивъ ее *знакомъ* частной принадлежности: „убивши звѣря и не имѣя возможности тотчасъ же перенести его къ себѣ, охотникъ втыкаетъ палку, и уже никто посторонній не рѣшится присвоить его“ (Богишичъ: Pravni obić. u slow., стр. 167); дерево съ пчелами, найденное въ лѣсу, отмѣчаетъ охотникъ бортнымъ знакомъ (Рус. Пр. Кар. 82 и 84).

б) Тѣ же черты примѣняются и къ оккупаціи недвижимыхъ вещей въ быту осѣдломъ. Основаніемъ оккупаціи служила обработка ея: необработанная земля первоначально не имѣла никакой цѣнности. Но, съ др. стороны, оккупація недвижимости (земли) имѣетъ и существенныя отличія отъ завладѣнія движимыми вещами: земля есть и предметъ частнаго обладанія и вмѣстѣ часть госуд. территоріи. Уже въ нач. исторической жизни она не могла б. res nullius. Такъ какъ въ глубокой древности частное и публичное право сливались, то оккупаторъ земли внутри территоріи долженъ былъ обратиться къ госур. власти для осуществленія своего права и получить отъ нея пожалованіе. Такъ, основатели Кіево-Печерскаго монастыря, желая занять гору надъ пещерами для монастыря, обратились къ кн. Изяславу, и онъ „вда имъ гору ту“, и послалъ мужа своего отвести границы ея (Лавр. л. п. 1051 г.). Въ Москов. эпоху оккупаторы (частныя лица и монастыри), занимая въ лѣсахъ пустыя земли, не принадлежащія ни къ какой волости, просятъ велик. князя укрѣпить ихъ за ними. Казаки и промышленники, овладѣвая землею *внѣ терри-*

торіи государства, кланяются ею государю и получаютъ ее въ видѣ репрезентаціи (объ этомъ ниже).

2. Институтъ *давности* появляется въ законодательствѣ весьма поздно, именно въ первый разъ въ полов. XV в. въ Псков. Судной Грам., но отсюда не слѣдуетъ, чтобы самое явленіе возникло лишь съ этого времени, и что оно измышлено искусственно законодателемъ: законодательство лишь регулируетъ его, опредѣляя главнымъ образомъ случайныя условія (сроки).

Въ другихъ славянскихъ законодательствахъ институтъ давности встрѣчаемъ уже съ XIII в. По статуту Курцулы (пол. XIII в.): „если кто-либо владѣетъ безспорно (sine molestia) тридцать лѣтъ, какъ по документу, такъ и безъ документа, то уже не можетъ быть устраненъ никѣмъ“ (cap. CXIX). По полицкому статуту (62), давность опредѣляется такъ: „кто держитъ вотчину („племеницину“), тотъ не можетъ быть устраненъ отъ владѣнія безъ суда. И если онъ мирно держалъ 30 лѣтъ, то уже не можетъ быть лишенъ владѣнія ни силою, ни судомъ („не може усиловати, ни прити“).

Русскіе памятники, говоримъ, не сохранили намъ постановленій о давности въ столь раннее время, но уже съ перваго появленія актовъ о сдѣлкахъ мы встрѣчаемъ въ нихъ постоянныя ссылки на старину владѣнія, какъ основаніе права собственности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи института давности увидимъ, что не всякое владѣніе (изъ какихъ бы то ни было основаній) можемъ создать право собственности для владѣльца, и во всякомъ случаѣ это право не возникаетъ съ момента начавшагоця владѣнія.

Среди крестьянскаго населенія даже позднихъ временъ (XVII в.) господствовало столь твердое убѣжденіе въ неотъемлемости разъ обработанной земли, что у наблюдателя слагается убѣжденіе, что по отношенію къ крестьянской вотчинѣ обычай не зналъ погасительной давности для вотчинника или пріобрѣтательной для новаго владѣльца, получившаго ее по данной изъ приказной, или земской избы, такъ что послѣдній всегда оставался временнымъ держателемъ ея „до вотчинника“. Отсюда иски, спустя лѣтъ 10, 20 и больше (П. Ивановъ. Документы А. Ком. М. А. Об. I, 3, стр. 428). Не думаемъ, чтобы здѣсь выражалось общее отрицаніе давности: здѣсь проявляется только убѣжденіе, что не сроки составляютъ давность; въ тѣхъ же документахъ отмѣчено, что судьи становятся иногда на сторону владѣльцевъ противъ собственниковъ на томъ основаніи, что они „тѣ пустыя деревни распахали, и дворы строили, и сѣнные покосы расчистили и подати платили; а прежніе жильцы бродили въ міру, или бѣгади по инымъ городамъ, не хотя платить податей“ (ibid). Во всякомъ случаѣ эти (хотя и поздніе) факты указываютъ на исконное убѣжденіе, что выходъ изъ владѣнія недвижимою вещію самъ по себѣ не ведетъ къ утратѣ права собственности, которое сохраняется независимо отъ владѣнія даже тогда, когда владѣлецъ получитъ актъ отъ соотвѣтствующей власти (см. ниже объ условіяхъ давности).

Давность (какъ сказано) въ XV и XVI в. устанавливается и опредѣляется уже закономъ. Полнѣе изложенъ этотъ институтъ въ Пск. Суд. Грам., слабѣе въ Судебникахъ и позднѣйшихъ памятникахъ законодательства до Екатерины II. Основанія давности, по этимъ памятникамъ, таковы: а) *срокъ владѣнія*, какъ условіе случайное и искусственное, опредѣляется въ Псков. Суд. Грам. лишь приблизительно: „кто владѣетъ *4 или 5 лѣтъ*“...; Судебники опредѣлительно назначаютъ *трехлѣтній* срокъ давности между частными лицами, и двойной—*6-лѣтній*—при завладѣніи частнымъ лицомъ государственной земли (въ томъ числѣ и земель черныхъ общинъ). Такое привилегированное удвоеніе срока для государственныхъ земель объясняется или большею твердостію правъ государства на землю, или большею трудностію для органовъ государства замѣтить освоеніе земли. Несмотря на такую опредѣленность законныхъ сроковъ, практика не слѣдовала имъ въ точности. Уложеніе ц. А. М. молчитъ объ общемъ срокѣ давности (установляя ее лишь для выкупа родовыхъ имуществъ: XVII, 13 и 30). Установленіе 10-лѣтней давности относится ко времени Екатерины II (маниф. 1787). б) *Безпрерывность и спокойствіе владѣнія*: „если (говоритъ Пск. Судн. Грам.) въ тѣ лѣта собственникъ не наступалъ и не судился“. Такое условіе имѣетъ значеніе и относительно срока, ибо перерывъ владѣнія измѣняетъ и срокъ его, а главное, оно указываетъ на присутствіе мысли о томъ, что владѣлецъ признавалъ вещь своею, владѣлъ ею, какъ собственникъ (animus domini). в) Третье и важнѣйшее условіе давности, по Пск. Суд. Грам., есть *воздѣйствіе владѣльца на вещь*, или *трудъ*: „если онъ владѣетъ и *стражетъ* тою землею“..., говоритъ Пск. Суд. Грам. (страда—работа). Между прочими признаками владѣнія (землею) законъ полагаетъ: „дворъ и нивы рострадни“, т. е. постройки и обработанныя поля. На это же условіе указываетъ и 3-хъ-лѣтній срокъ давности, установленной въ Судебникахъ: при трехпольномъ хозяйствѣ въ три года обрабатывается весь участокъ. Эти замѣчанія объ основаніяхъ давности отчасти разрѣшаютъ вопросъ: признавало ли древне-русское право; *давность пріобрѣтающую* или только *погашающую*, т. е. пріобрѣталъ ли владѣлецъ права на землю чрезъ давность, или только собственникъ терялъ ихъ (утрачивалъ права иска)? Время само по себѣ не способно создавать права, оно можетъ лишь разрушать ихъ; но трудъ есть основаніе болѣе плодотворное; и потому древне-русское право, хотя всегда разсматривало вопросы о давности въ смыслѣ погашенія исковъ, но косвенно признавало и давность пріобрѣтающую, т. е. владѣлецъ по истеченіи давности получаетъ не только права вѣчнаго владѣльца, но и право собственности: вотчины „изстаринныя“, т. е. такія, на которыя владѣлецъ не могъ предъявить никакихъ актовъ, подлежали его распоряженію. г) Наконецъ, послѣдній вопросъ: признавало ли древне-русское право *justus titulus* за одно изъ существенныхъ условій пріобрѣтенія собственности по давности? Судъ, не довольствуясь удо-

стовѣреніемъ объ истеченіи срока давности, всегда требовалъ указанія основанія владѣнія [1]),

[1]) В. кн. Василій Дмитріевичъ (1389—1425) установилъ общій 15-лѣтній срокъ земской давности, о чемъ сохранилось такое извѣстіе въ грамотѣ Іоанна III отъ 1462 г. „Противъ Олексиня далъ смѣну дѣдъ мой в. князь въ домъ пресв. Богородицы и своему отцу Купріану митрополиту слободку Всеславлю (т. е вымѣнялъ у митрополита городъ Алексинъ за слободу Всеславлю)... опричь боярскія купли старыя (т. е. въ этой слободѣ митрополиту не отданы старыя боярскія владѣнія), или чья будетъ вотчина отъ сего времени за 15 лѣтъ взадъ, какъ дѣдъ мой *учинилъ князь великій въ своей вотчинѣ—въ великомъ княженьи судъ о земляхъ и водахъ за 15 лѣтъ*, такъ и мнѣ, князю великому, послати своего боярина; а хто будетъ отецъ нашъ митрополитъ въ нашей отчинѣ, и отцу нашему послать своего боярина; и они, ѣхавъ въ слободу, также учинятъ исправу за 15 лѣтъ землямъ". Фактъ не совсѣмъ ясный относительно примѣненія давности (къ однимъ и тѣмъ же землямъ примѣняется 15-лѣтній срокъ, когда уже прошло болѣе полустолѣтія); но относительно установленія давности, не оставляющій сомнѣнія. Но послѣдующіе факты конца XV в. (до изд. Судебника) показываютъ, что практика не слѣдовала установленію Василія Дмитріевича: около 1490 г. тягалась волость Залѣсская съ Троицкимъ монастыремъ о пустоши; сами исцы показываютъ, что монахи отняли у волости пустошь болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе судъ рѣшаетъ дѣло не по одному пропуску давности, а провѣряетъ титулъ владѣнія; оказывается, что монастырь не отнялъ землю, а купилъ ее у нѣкоего Захарьина (который, однако, не имѣлъ права продавать ее); только убѣдившись въ добросовѣстномъ источникѣ владѣнія, судья (в. кн. Иванъ Ивановичъ) присудилъ землю въ пользу монастыря (Акты Өед.-Чехов. № 34). Но вотъ другой фактъ, показывающій, что владѣніе можетъ быть оправдано задолго до истеченія 15 лѣтъ: въ 1491 году рѣшалось дѣло (въ удѣлѣ кн. Андрея Вас. Звенигородскаго) о городской землѣ; истцомъ былъ нѣкто Семянко, а отвѣтчикомъ Ивашко; оказалось, что послѣдній „дѣлаетъ землю" уже 6-й годъ; судья рѣшилъ дѣло въ пользу отвѣтчика на слѣд. основаніи: „и отъ тѣхъ лѣхъ Семянко *въ даетъ*, что Ивашко *дѣлаетъ* городскую землю, его двора выть, а онъ на немъ не искалъ" (Ак. юр. № 7). Отсюда Ив. Д. Бѣляевъ заключаетъ, что, стало быть, послѣ Василія Дмитріевича и до Судебника 1497 г. былъ изданъ еще одинъ законъ о давности, измѣнившій 15-лѣтній срокъ. Проф. Энгельманъ, признавая эту гипотезу произвольною, самъ создаетъ другое предположеніе: давность, установленная в. кн. Василіемъ Дмитріевичемъ „въ своей отчинѣ—вел. княженьи", примѣнялась не въ цѣломъ государствѣ, а только „въ отчинѣ" вел. князя. Но Звенигородъ былъ именно частью великаго княженія, старой отчины Московской династіи. Да и терминъ „вел. княженіе" въ XV в. означалъ не какой-либо удѣлъ, а всю совокупность княжествъ, подчиненныхъ в. кн. Московскому („а хто будетъ *митрополитомъ въ нашей отчинѣ*"). Итакъ, приведенныхъ догадокъ принять нельзя.

Такой обходъ законныхъ сроковъ давности практикою не есть фактъ единичный; сроки, установленные Судебниками (3 и 6 лѣтъ), на практикѣ также часто не принимались во вниманіе; срокъ въ 40 лѣтъ, установленный Судебникомъ 1550 г. для выкупа родовыхъ имуществъ, нерѣдко нарушается судьями; очевидно, что это явленіе общее, а потому и объясненіе его должно относиться не къ спеціальнымъ особенностямъ того или другого узаконенія, а къ общему характеру понятія о давности въ древне-русскомъ правѣ. Срокъ есть только одно изъ условій давности и притомъ наименѣе существенное, необходимое лишь для того, чтобы прочія условія успѣли проявиться, а именно воздѣйствіе на вещь владѣльца и намѣреніе собственника бросить вещь: если Ивашко „дѣлаетъ землю" 6-й годъ, а присутствующій при этомъ собственникъ вѣдаетъ и молчитъ, то судья находитъ, что нѣтъ надобности дожидаться 15 лѣтъ для того, чтобы установить, что существеннѣйшее условіе давности есть на лицо. То обстоятельство, которое за-

Давность владѣнія, по древне-русскому праву, примѣнялась лишь къ землѣ, но *не въ отношеніи къ вещамъ движимымъ*: „холопу, робѣ судъ

ставляло и другіе народы устанавливать различные сроки давности inter praesentes и inter absentes, имѣетъ важное значеніе по отношенію къ вопросу, зналъ ли собственникъ о завладѣніи, могъ ли противодѣйствовать ему или давалъ молчаливое признаніе факту. Возьмемъ другое условіе—*справедливость основаній владѣнія* (титулъ): для возникновенія права не все равно, истекаетъ ли оно изъ добросовѣстности или преступленія. Въ первомъ случаѣ судъ довольствуется меньшимъ срокомъ, во второмъ удлиняетъ его, ибо здѣсь уже можетъ имѣть мѣсто не давность владѣнія, а лишь давность, погашающая преслѣдованіе преступленія. Вотъ почему судья не довольствуется признаніемъ факта 25-лѣтняго владѣнія и присуждаетъ отвѣтчику землю лишь тогда, когда доказано, что онъ завладѣлъ не насильствомъ, а купилъ землю (у лица, не имѣвшаго права продать). Если Псковская Судная Грамота назначаетъ 4 *или* 5 лѣтъ, то на нашъ современный взглядъ даетъ этою неопредѣленностію полный произволъ судьѣ и совершенно разрушаетъ твердыя основы давности; напротивъ, древнее право не видѣло въ этомъ дефекта: требовалось только приблизительно обозначить „старину", а отнюдь не утвердить въ населеніи мысль, что достаточно достигнуть до послѣдняго дня назначеннаго срока, и право явится чистымъ отъ всѣхъ грѣховъ своего рожденіи и первоначальнаго образованія. Вотъ почему мы рѣшительно противимся установившемуся ошибочному воззрѣнію, будто русское право съ древнѣйшихъ временъ не обращало вниманія на титулъ владѣнія. Если судьи всякій разъ, убѣдившись, что срокъ давности истекъ, тѣмъ не менѣе допытываются источника владѣнія, то нѣтъ никакой возможности отвергать признаніе добросовѣстнаго начала владѣнія за существеннѣйшее условіе давности. Но изслѣдователи давно уже имѣли въ рукахъ и оффиціальное свидѣтельство о томъ же, не оставляющее сомнѣній: въ правой грамотѣ 1627 года (на которую ссылался Морошкинъ, какъ на рукопись, но которая потомъ издана въ Акт. Федотова-Чех. № 96) судья—патріархъ Филаретъ Никитичъ—въ своемъ рѣшеніи дѣлаетъ слѣд. ссылку на законъ: „А по государеву цареву и в. кн. Михаила Ѳеодоровича в. Р. указу и по Судебнику указано: родственныхъ вотчинъ искать *кто у кого завладѣлъ насильствомъ* за сорокъ лѣтъ, а болши сорока лѣтъ родственныхъ вотчинъ искати и отдавать вотчичемъ не велѣно" (сущность дѣла состояла въ томъ, что извѣстный дьякъ Щелкаловъ при ц. Ѳеодорѣ Ивановичѣ зазвалъ къ себѣ нѣкихъ Сурвоцкихъ и угрозами истязаній вынудилъ у нихъ въ свою пользу купчую и закладную на ихъ вотчину, но затѣмъ заграбленную землю отдалъ Боголюбову монастырю; патріархъ рѣшилъ въ пользу монастыря). Что это за законы, на которые ссылается патріархъ? Законъ Судебника намъ извѣстенъ: онъ говоритъ о родовомъ выкупѣ въ 40-лѣтній срокъ имуществъ, отчужденныхъ родичемъ, а не отнятыхъ насильственно у кого-либо. Законъ Михаила Ѳеодоровича намъ не извѣстенъ; мы знаемъ только указы, содержащіе дальнѣйшее развитіе того же закона Судебника при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но въ нихъ нѣтъ прибавки о насиліи. Неужели патріархъ, отецъ правящаго царя (на законъ котораго онъ ссылается) и его соправитель, совершаетъ намѣренную контрафакцію закона предъ лицомъ всѣхъ, которымъ этотъ законъ долженъ быть вполнѣ извѣстенъ? Невозможность такого неестественнаго предположенія должна побудить насъ искать другого объясненія. Ключъ къ болѣе правильному объясненію даетъ практика выкуповъ послѣ Судебника 1550 года: не въ одномъ случаѣ судья отказываетъ въ правѣ выкупа до истеченія 40-лѣтняго срока. Это не есть беззаконіе: стороны не протестуютъ и не аппелируютъ. Чѣмъ же руководится судья? Другими условіями давности, кромѣ срока. По мнѣнію судьи, выраженному Филаретомъ Никитичемъ, срокъ въ 40 лѣтъ есть крайній, maximum, покрывающій собою *всякое* владѣніе, именно владѣніе безъ justus titulus. Въ немъ скрыта и уголовная давность, покрывающая преступленіе. При другихъ условіяхъ въ выкупѣ можно было отказать и задолго до истеченія 40 лѣтъ. Только въ этомъ смыслѣ можетъ быть истолко-

отъ вѣка", говорилось въ договорныхъ грамотахъ XIV и XV в.; и въ послѣдующихъ памятникахъ древне-русскаго права о давности въ отношеніи къ движимымъ вещамъ не упоминается (см. Ук. кн. зем. пр. XXXI 2)[1]).

вана ссылка патріарха: „хто у ково завладѣлъ насильствомъ". Возьмемъ другой болѣе ранній примѣръ: въ 1499 г., т. е. черезъ годъ послѣ изданія 1-го Судебника, крестьяне ищутъ землю съ митрополита послѣ истеченія *40-лѣтней давности*. Какъ могли они предъявить подобный искъ, когда въ законѣ, только что изданномъ, назначена давность въ 3 и 6 лѣтъ? Они ищутъ на томъ основаніи, что митрополитъ *завладѣлъ* землею *насильно*. Судья отказываетъ имъ не въ силу истеченія давности, а потому, что истцы не могли указать, какой митрополитъ произвелъ это насильственное завладѣніе, и какъ это случилось (Ак. юр. № 8) Совершенно справедливы слѣд. слова проф. Энгельмана: „давность есть только одно изъ судебныхъ доказательствъ, подлежащее наравнѣ съ прочими, обсужденію судьи".

Этими соображеніями уясняется постоянное отступленіе на практикѣ отъ сроковъ давности, установленныхъ въ законѣ: въ періодъ времени отъ Судебниковъ до Улож. законными сроками были 3 и 6 лѣтъ; между тѣмъ, въ 1627 году Ростовскій митрополитъ Варлаамъ ищетъ своей домовой вотчины, отданной крестьянамъ Кубинской волости 1617 г., т. е. *10 лѣтъ назадъ*, и получаетъ (Акт. Ѳед.–Чех. № 98); въ 1628 г. Даниловъ монастырь ищетъ на Троицкомъ монастырѣ землю *за десять лѣтъ*, и получаетъ (ibid, № 97).

Тѣми же соображеніями объясняется и то обстоятельство, что и самъ законодатель назначаетъ по частнымъ поводамъ иные сроки давности, не отмѣняя прежняго общаго закона (см. ниже о родовомъ выкупѣ).

Наконецъ, тою же причиною можно объяснить дальнѣйшую исторію законодательства о давности до періода Имперіи. Уложеніе не постановляетъ общаго срока давности и говоритъ лишь о 40-лѣтнемъ срокѣ родового выкупа вотчинъ (XVIII, 30). Правда, въ Уложеніи тотъ же 40-лѣтній срокъ примѣненъ къ случаю продажи старшимъ братомъ общей вотчины вопреки интересамъ несовершеннолѣтнихъ младшихъ братьевъ, „для своего пожитку"; младшіе по достиженіи совершеннолѣтія, сохраняютъ право возвратить свои части вотчины безденежно въ теченіе 40 лѣтъ (ibid, 13). Отсюда иногда выводятъ, что Уложеніе признаетъ 40-лѣтнюю общую давность. Но то же Уложеніе въ разныхъ другихъ случаяхъ назначаетъ иные сроки давности, несравненно кратчайшіе: напр., срокъ для передѣла помѣстій, въ случаѣ недовольства со стороны кого-либо изъ участниковъ раздѣла, полагается въ 1 годъ (Улож. XVI, 55). Въ другихъ случаяхъ кодексъ вовсе не обозначаетъ сроковъ, довольствуясь неопредѣленнымъ терминомъ „старина", или „старинный": напр., примѣрныя земли въ „старинныхъ и родовыхъ вотчинахъ" оставляются за владѣльцами, но „не въ новыхъ дачахъ". Какая же это старина и новизна? Сколько же лѣтъ нужно провладѣть, чтобы вотчина сдѣлалалась старинной, законъ не говоритъ. Подобнымъ образомъ въ другихъ узаконеніяхъ крестьяне–„старожильцы" теряютъ право перехода; а сколько лѣтъ надо прожить за владѣльцемъ, чтобы стать старожильцемъ, о томъ законы молчатъ (см. выше о крестьянахъ). Поэтому полагаемъ, что Уложеніе не узаконяетъ сроковъ общей земской давности, довольствуясь сохраненіемъ высшаго максимума въ 40 лѣтъ для родового выкупа и для такихъ исковъ, которые основаны на вопіющей обидѣ собственника, какъ продажа вотчины малолѣтнихъ старшимъ братомъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что законодатель послѣдній случай, видимо, подводитъ подъ право родового выкупа (хотя и неосновательно); въ Уложеніи о правѣ младшихъ братьевъ возвратить вотчину, проданную старшимъ, говорится такъ: „учнутъ государю бить челомъ въ указные въ 40 лѣтъ". Почему эти 40 лѣтъ „указные"? Гдѣ они указаны? Только въ ст. 30-й той же главы, гдѣ рѣчь опредѣленно идетъ о родовомъ выкупѣ.

[1]) Энгельманъ полагаетъ, что давность владѣнія движимыми вещами (кромѣ холоповъ) установляется слѣд. статьею Уложенія (X, 285) „кто будетъ искать... какіе животины, или пчелъ съ приплодомъ на прошлые годы, лѣтъ на пять, и больше или

Въ отношеніи къ прочимъ вещамъ (кромѣ холоповъ) это уясняется ученіемъ древняго права о находкѣ.

2) *Находка* есть овладѣніе движимою вещію, принадлежавшею прежде другому (въ отличіе отъ овладѣнія вещами, никому прежде не принадлежавшими). Древне-русское право не признавало находку за способъ пріобрѣтенія права собственности, очевидно, потому, что для освоенія такой вещи не требуется никакого труда отъ находчика. Въ Рус. Пр. къ ученію о находкѣ должны быть примѣнены статьи о сводѣ (Ак. 12 и 13; Кар. 29, 30), по которымъ находчикъ обязанъ возвратить вещь собственнику, но наказанію за утайку подвергается лишь тогда, когда собственникомъ сдѣлана была закличь о пропажѣ. Подобнымъ же образомъ учитъ о находкѣ и Пск. Судн. Грам. (ст. 47). Точнѣе изъясняетъ дѣло. суд. Казимира (ст. 23), опредѣляющій древнѣйшее обычное русское право: нашедшій долженъ оповѣстить околицѣ; если собственникъ не отыщется въ теченіе 3-хъ дней, то находчикъ долженъ отнести найденную вещь на княжескій дворъ „по давнему“, и тамъ получаетъ свой „переемъ“ (плату за находку); утаившій наказывается какъ воръ.—По московскому праву постановлено: „если пригульныя лошади явлены, и собственникъ ихъ не находится, то ихъ продавать, а деньги въ государеву казну“ (Уст. кн. зем. прик. ст. 9). По уложенію ц. А. М., находчикъ получаетъ вознагражденіе въ половину цѣны вещи лишь тогда, когда онъ спасъ ее изъ воды или огня (XXI, 81). Такимъ образомъ найденная вещь или возвращается собственнику, или обращается въ пользу государства, а находходчикъ получаетъ вознагражденіе особенно тогда, когда употребилъ трудъ на спасеніе вещи отъ истребленія. Лишь въ Морскомъ Уст. 1720 г. въ первый разъ установлено, что, въ случаѣ неотысканія собственника, вещь обращается въ собственность находчика.

3) *Пожалованіе*, какъ источникъ права собственности, является съ древнѣйшихъ временъ (а не образуется въ 1-й разъ въ Московскомъ государствѣ): до насъ дошли грамоты жалованныя отъ 1-й пол. XII в. (грам. Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю 1130 г.; уставн. грам. Смол. князя Ростислава 1150 г.); нѣтъ сомнѣнія, что раньше пожалованія совершались и безъ письменныхъ актовъ. Въ княжествахъ XIV—XV вв. и въ Московскомъ государствѣ случаи пожалованія умножаются, и потому этотъ способъ представляется типичнымъ для московско-литовскаго пе-

меньше, и по суду и по сыску въ томъ своемъ иску истецъ будетъ правъ, и ему за свиньи... или иную какую животину и за пчелы править то, чѣмъ у него кто завладѣетъ, а въ приплодѣ отказати, для чего онъ того всего на немъ не искалъ въ томъ году, какъ у него кто чѣмъ завладѣлъ. Выраженіе „лѣтъ пять, больше или меньше“ считаютъ указаніемъ на приблизительный срокъ давности. Но законъ какъ разъ говоритъ обратное: животное, отысканное хотя бы и послѣ истеченія 5-лѣтняго срока, возвращается собственнику; онъ лишается лишь приплода. Если законодатель не сказалъ лѣтъ 15 и больше, то только потому, что дѣло идетъ о животныхъ, срокъ жизни которыхъ очень кратокъ. Приплодъ, по всей справедливости, удерживаетъ владѣлецъ, какъ вещь, не бывшую никогда въ рукахъ собственника главной вещи и пріобрѣтенную владѣльцемъ, благодарл хозяйственнымъ заботамъ этого послѣдняго. Уложеніе видитъ еще въ этомъ и штрафъ собственнику за его небрежность.

ріода. Пожалованіе присоединяется, какъ существенное добавочное основаніе, и къ прочимъ способамъ пріобрѣтенія правъ, а именно: а) при овладѣніи вещами, никому въ частности не принадлежавшими. Мы видѣли выше, что при построеніи Печерск. монастыря (XI в.) монахи испросили у князя гору, никому не принадлежавшую; В. Новгородъ жалуетъ пустую землю основателямъ Соловецкаго монастыря; князь жалуетъ монастырю ничьи болота—„освобождаетъ болота чистити“ (А. Юр. № 5); въ 1564 г. ц. Іоаннъ Васильев. жалуетъ Строгановымъ земли, лежащія по Камѣ—„мѣста пустые, лѣсы черные, рѣчки и озера дикіе“ (Доп. къ А. И. I. стр. 168 и 172). б) Пожалованіе можетъ явиться въ формѣ репрезентаціи: частное лицо поступается добровольно своими имуществами въ пользу князя, чтобы потомъ опять получить ихъ изъ рукъ князя, какъ имущество зависимое, но источникъ зависимости не есть *утвержденіе* владѣнія. Репрезентація имѣла мѣсто при подчиненіи удѣльныхъ князей и бояръ велик. князю: такъ, Муромскій бояринъ поклонился Московскому велик. князю своею вотчиною и пожалованъ ею опять (А. А. Э. I. 120). Здѣсь смыслъ тотъ же, какъ и въ тѣхъ фактахъ, когда казаки и Строгановы кланялись царю новыми землицами, ими завоеванными, т. е. присоединеніе новой территоріи. в) Элементъ пожалованія примѣшивается къ частнымъ договорнымъ сдѣлкамъ: на пземельной собственности лежатъ повинности государственной службы; перемѣна лицъ, владѣющихъ ими, интересуетъ государство; поэтому къ вел. князю обращаются съ просьбою купить или промѣнять вотчину, и князь жалуетъ—позволяетъ. г) Наконецъ, жалованіе можетъ быть самостоятельнымъ источникомъ пріобрѣтенія правъ собственности, когда государство даруетъ лицу землю за заслуги; изъ этого возникаетъ особый разрядъ вотчинъ, въ которыхъ прекарный характеръ правъ наиболѣе ясенъ (что будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ).

Изъ предыдущаго ясно, что пожалованіе въ своей древнѣйшей основѣ истекаетъ изъ права государства на всю свою территорію, но что оно обостряется и спеціализируется въ Москвѣ, благодаря тому, что права государства усвоены лично правящему государю. Наиболѣе ограниченными являются права владѣльцевъ на жалованныя вотчины (и помѣстья); но и всѣ прочія имущества, получившія и не получившія утвержденія отъ государства, состоятъ въ зависимости отъ государства, хотя и меньшей (вотчины, имущества тяглыя и даже церковныя).

Виды вещныхъ правъ спеціализируются въ Московск. государствѣ съ большею раздѣльностью по мѣрѣ выдѣленія правъ частныхъ лицъ (физическихъ и юридическихъ) отъ правъ государства и общинъ.

Изъ предыдущаго видно, что право собственности присуще сознанію самыхъ первобытныхъ людей; что оно проявляется не только въ отношеніи къ движимымъ вещамъ, но и недвижимымъ; что оно отнюдь не можетъ быть опредѣлено нынѣшнимъ терминомъ владѣнія, и что, слѣд., указанными обстоятельствами нельзя объяснить ограниченія правъ собственности частныхъ лицъ въ началѣ исторіи. Эти ограниченія простираются на недвижимыя вещи, землю, и потому дальнѣйшее относится исключительно

къ этому послѣднему виду правъ, который, дѣйствительно, подлежитъ ограниченіямъ съ древнѣйшихъ временъ. Причиною того служитъ *наслоеніе субъектовъ правъ на одну и ту же вещь*, т. е. государства, родовъ, общинъ и частныхъ лицъ (физическихъ и юридическихъ). Въ первоначальную эпоху высшіе субъекты—государство, затѣмъ общины и роды—должны быть признаны носителями правъ собственности, а низшіе (частныя лица)—владѣльцами; затѣмъ государство, а также родовые и общинные союзы отступаютъ все болѣе и болѣе отъ непосредственнаго отношенія къ землѣ, и права собственности постепенно переходятъ къ частнымъ лицамъ.

Изъ взаимнаго соотношенія высшихъ и низшихъ субъектовъ вещнаго права вытекаютъ ограниченія права собственности, постепенно исчезающія въ исторіи, притомъ ограниченія обоюдныя. Возьмемъ примѣры. Если собственникъ установляетъ вѣчное (чиншевое) владѣніе на своей землѣ въ пользу сторонняго, то онъ остается собственникомъ, тѣмъ не менѣе навсегда лишаетъ себя права распоряженія и пользованія вещью. Родъ перестаетъ быть общимъ собственникомъ имущества, когда родичи дѣлятся, но и послѣ этого каждый отдѣльный членъ рода не можетъ отчуждать своихъ имуществъ безъ согласія рода: здѣсь, очевидно, собственники—отдѣльныя лица, но ихъ права ограничены правами рода. Государство [1]) жалуетъ землю до смерти одаряемаго; здѣсь не болѣе, какъ пожизненное владѣніе, и государство остается собственникомъ; но если государство попустило переходъ такого имущества по наслѣдству, и затѣмъ мало-помалу утвердились за пріобрѣтателемъ права распоряженія, то это уже „вотчина", право собственности. Анализируемое явленіе особенно важно при переходѣ помѣстій (простого права пользованія) въ вотчины (въ право собственности). Государство владѣетъ землями сельскихъ и городскихъ общинъ, и даже въ очень позднее время земли этого рода именуются государевыми; во уже съ XIV в. государство стало такъ далеко отъ непосредственнаго упражненія права на эти земли, что уже тогда всѣ существенные элементы права собственности являются въ рукахъ общинъ, а государство сохраняетъ лишь свое отдаленное право, которое постепенно переходитъ въ право публичнаго управленія. Когда общины стали собственниками, то отдѣльные участки общинной земли попали въ постоянное наслѣдственное владѣніе членовъ общины—крестьянъ и горожанъ; такія права частныхъ лицъ заставляютъ иногда думать, что уже съ глубокой древности право собственности принадлежитъ не общинамъ, а частнымъ лицамъ, входящимъ въ общины (между тѣмъ какъ въ дѣйствительности такой переходъ совершился весьма поздно въ XVIII в., и только въ городахъ и лишь отчасти въ волостяхъ). Церковь пріобрѣтаетъ себѣ имущества, но въ виду смѣшенія въ ней задачъ государственныхъ (призрѣнія, народнаго здравія и народнаго образованія) и частныхъ, въ сознаніи людей того времени прокла-

[1]) Здѣсь вездѣ надо разумѣть государство, а не лицъ правящихъ (князей и царей), ибо одинаковыя явленія возникаютъ и на территоріяхъ республикъ—Новгородской и Псковской.

дывается путь для будущей секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Церковь отдаетъ свои имущества своимъ служилымъ людямъ—дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ—въ наслѣдственныя помѣстья, и эти послѣдніе становятся, наконецъ, собственниками ихъ.

Всѣ указанныя отношенія проявляются постепенно въ теченіе долгой исторіи, оканчивающейся XVIII-мъ вѣкомъ; изъ нихъ создаются отдѣльные виды вещныхъ правъ, смотря по характеру комбинаціи субъектовъ; имущества государственныя (дворцовыя), тяглыя, родовыя, жалованныя, помѣстныя, благопріобрѣтенныя и церковныя.

1. Дворцовыя вотчины (государственныя имущества).

Государство въ московскомъ періодѣ, сохраняя весьма близкое отношеніе къ частнымъ правамъ всѣхъ прочихъ лицъ, гораздо яснѣе, чѣмъ прежде, выступаетъ и въ роли частнаго собственника имуществъ, ему непосредственно принадлежащихъ,—является уже фискомъ, казною.

Непосредственныя имущества его образуются изъ трехъ источниковъ, совершенно различныхъ, а именно сюда входятъ: а) *земли, никому въ частности не принадлежащія*. Какъ непосредственная власть родовъ и общинъ простирается лишь на такія земли, которыя не находятся въ частномъ владѣніи физическихъ лицъ, такъ права государства простираются непосредственно на имущества, не занятыя родами, общинами или лицами. Это остатокъ прежняго права государства на всю территорію. Къ числу земель, не подлежащихъ частному обладанію (ничьихъ) и потому именуемыхъ землями „царя и вел. князя“, относятся „черные лѣса“, которыхъ не коснулась культура. Въ т. н. Судебникѣ ц. Ѳеодора Іоанновича читаемъ (ст. 175): „А черной лѣсъ пахати въ суземкѣ просто безъ делу, гдѣ не молодь, кто сколько можетъ; то лесъ вопчей—царевъ и великого князя“, т. е. каждому предоставляется право пользованія въ черномъ лѣсу (не въ новой заросли по бывшему пахатному полю); ибо это лѣсъ „общій царскій“. Въ томъ же памятникѣ такъ обозначается предѣлъ, за которымъ начинается „общее—царское“ владѣніе: „А гдѣ межъ деревнями случитца межа и межа до осека, а на осекъ ставъ топоромъ шиби, до какихъ местъ иметъ, а дале вопчей лесъ царевъ и великого князя“, т. е. межа между деревнями можетъ идти только до „осѣка“—просѣки, за которою начинается „общее“ государственное владѣніе; ширина этой просѣки опредѣляется пространствомъ, которое можетъ пролетѣть брошенный топоръ. б) Изъ земель, никѣмъ не занятыхъ, могли образоваться и дѣйствительно образовались имущества, сбработанныя, но тѣмъ не менѣе принадлежащія государству. Такія имущества эксплуатировались государствомъ не для извлеченія непосредственнаго экономическаго дохода, а употреблялись для цѣлей обезпеченія государственныхъ учрежденій, къ которымъ и приписывались для пользованія должностныхъ лицъ въ вознагражденіе за службу. Въ В. Новгородѣ изъ такихъ же имуществъ были отдѣляемы земли и на содержаніе князя во время его княженія. Отсюда

образовался второй видъ государственныхъ имуществъ—это такъ называемыя *подклѣтныя*, а съ XVI в. *дворцовыя* имущества.

в) Третій видъ государ. имуществъ имѣетъ источникъ уже совсѣмъ иной: большая часть ихъ образовалась изъ *частныхъ имуществъ князей*. Съ XIV вѣка многочисленныя свидѣтельства о покупкѣ частныхъ имѣній князьями можно найти главн. образомъ въ духовныхъ грамотахъ князей. Такъ было во всѣхъ русскихъ земляхъ, кромѣ Новгорода, который запрещалъ князьямъ пріобрѣтеніе частныхъ имѣній на его территоріи. Въ общую массу великокняжескихъ имуществъ стекались весьма часто и имущества князей удѣльныхъ по присоединеніи ихъ къ Московскому государству; лишь при добровольномъ подчиненіи удѣльныхъ князей за ними сохранялись частныя права на ихъ личныя имущества. При присоединеніи Новгорода, в. князь потребовалъ отъ него выдѣла изъ разныхъ разрядовъ вотчинъ извѣстнаго процента въ свою пользу. Въ московскомъ періодѣ этотъ разрядъ имуществъ слился съ предыдущимъ (подклѣтными землями), ибо, вслѣдствіе развитія самодержавія, права государства слились съ личными правами государя. Впрочемъ, разница между государственными и личными имуществами князя сохранялась довольно долго: въ древнѣйшихъ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ села, купленныя князьями, еще отличаются отъ селъ подклѣтныхъ. Позже *субъектомъ права* на всѣ государственныя имущества является уже не в. князь или царь и его родовые наслѣдники, а государство или въ болѣе конкретномъ видѣ—*дворецъ* (то же, что въ Зап. Европѣ „корона“). Ближайшей причиной такого поглощенія прежнихъ правъ князя правами государства было прекращеніе династіи Калиты и установившаяся затѣмъ избирательная форма престолонаслѣдія, въ силу чего новоизбранный царь наслѣдуетъ дворцовыя имущества, хотя бы онъ происходилъ совсѣмъ изъ другой фамиліи.

Сущность *правъ дворца* была совершенно частная, т. е. дворцовыя вотчины совершенно отличались отъ черныхъ земель. Для эксплуатаціи ихъ существовали частные приказчики князя (посельскіе), которые собирали въ пользу князя извѣстный оброкъ (частную ренту). Но съ измѣненіемъ субъекта правъ на дворцовыя имущества, измѣняется отчасти и самая сущность этихъ правъ. Крестьяне дворцовыхъ вотчинъ составляли общины, которыя пріобрѣтали все большія и большія права на землю; будучи въ XVIII в. причислены въ одну категорію съ прежними черными людьми, они составили вмѣстѣ съ послѣдними сословіе государственныхъ крестьянъ.

2. Церковныя имущества.

Мы говорили выше, что наиболѣе полныя права на имущества принадлежатъ церкви. Церковь конкурируетъ съ государствомъ въ правахъ частныхъ по объему и содержанію права. Поэтому въ высшей степени интересно столкновеніе этихъ двухъ субъектовъ въ борьбѣ за права на недвижимыя имущества,—въ борьбѣ, обусловленной какъ спеціальными

особенностями церковныхъ имуществъ, такъ и общимъ правомъ государства въ отношеніи ко всѣмъ владѣльцамъ земельныхъ имуществъ, *Субъектомъ правъ* на церковныя имущества въ древней Руси нельзя признать ни церковь, какъ цѣльное учрежденіе, ни духовенство, какъ сословіе: каждыми въ отдѣльности имуществами владѣли и самостоятельно распоряжались отдѣльныя церковныя учрежденія, а именно: а) *епископіи:* по свидѣтельству Котошихина (XI, 6), за патріархомъ въ XVII в. было больше 7000 дворовъ, за 4-мя митрополитами около 12000 дворовъ, за 10 архіепископами, да за однимъ епископомъ до 16 тыс. дворовъ крестьянъ: б) *монастыри* (по словамъ Котошихина, за монастырями, перечисленными въ Улож. ц. А. М., въ XVII в. числилось до 80 т. дворовъ, а за прочими до 3000 дворовъ); в) *соборныя и приходскія церкви*, которымъ, впрочемъ, отводилась земля лишь по писцовымъ книгамъ (см. Ак. ист. V, стр. 117).

Способы пріобрѣтенія имуществъ церковью и прекращеніе ихъ. Главнѣйшій способъ пріобрѣтенія имуществъ церковью есть пожалованіе ихъ со стороны государства. Къ этому основному способу пріобрѣтенія имуществъ церковными учрежденіями примыкаетъ и *заимка* пустыхъ земель, требовавшая непремѣнно также пожалованія со стороны государства. Изъ такого происхожденія церковныхъ имуществъ возникли между прочимъ впослѣдствіи притязанія государства на церковныя имущества и вмѣшательство его въ права церкви. Другимъ обильнымъ источникомъ церковныхъ имуществъ были *дареніе и завѣщаніе* со стороны частныхъ лицъ. Особенно интересно право церкви участвовать въ наслѣдованіи имущества частныхъ лицъ, впоспѣдствіи обратившееся въ право усвоенія всѣхъ выморочныхъ имуществъ. Когда образовался этотъ принципъ, рѣшить трудно. Въ земскомъ періодѣ мы видимъ только установившееся обычаемъ и укрѣпленное закономъ право церкви на часть наслѣдства при наличности наслѣдниковъ („часть дати по душѣ“, говоритъ Русская Правда). Видимъ также, что сами частныя лица, не имѣя законныхъ наслѣдниковъ, передаютъ по завѣщанію свое имущество церковнымъ учрежденіямъ (духовная Климента). Но при отсутствіи завѣщательныхъ распоряженій, выморочныя имущества, по Рус. Правдѣ, идутъ князю. Въ московскомъ періодѣ упомянутое начало мы застаемъ въ полномъ развитіи (см. выше стр. 504). Кромѣ указанныхъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія имуществъ, церковь могла пріобрѣтать ихъ и всѣми другими гражданскими способами наравнѣ съ частными лицами, а именно: *куплею* (напр., митр. Петръ купилъ городъ Алексинъ, см. Ак. Ист. I, № 215), *по залогу*: несмотря на воспрещеніе церковнымъ учрежденіямъ брать ростъ, они пользовались закладною вотчиною за ростъ и по просрочкѣ получали на нее право собственности (см. Ак. Юрид. №№ 233, 234, 236 и др.). Особый способъ прібрѣтенія имущества для монастырей—это *вклады*, т. е., такъ ск., обязательное дареніе при вступленіи лица въ монастырь, такъ что иногда населеніе жаловалось на высокую таксу вкладовъ въ ихъ мѣстныхъ монастыряхъ: „которые посадскіе люди и волостные

крестьяне въ Успенскомъ мон. хотятъ постричися, и архимандритъ и старцы вкладу у нихъ просятъ дорого—съ человѣка по 10 рублей, и по 15 и по 20, а съ убогова человѣка менши 10 рублей не взымутъ" (А. А. Э. II, № 11).

Указанными способами пріобрѣтенія имуществъ церковь располагала до XVI в. Съ половины этого столѣтія государство начинаетъ постепенно сокращать ихъ. Поводомъ къ тому послужило чрезмѣрное расширеніе церковныхъ имуществъ, занявшихъ цѣлую треть территоріи государства. Первое ограниченіе правъ церкви въ этомъ направленіи сдѣлано было на Стоглавомъ соборѣ; онъ постановилъ, чтобы каждое пріобрѣтеніе производилось съ разрѣшенія и утвержденія государственной власти; затѣмъ соборъ 1572 г. запретилъ большимъ (богатымъ) монастырямъ пріобрѣтать имущества по дарственнымъ; соборъ 1580 г. прекратилъ пріобрѣтенія по купчимъ, закладнымъ и по завѣщаніямъ (А. А. Э. I, № 308); наконецъ, соборъ 1584 г. обобщилъ всѣ эти частичныя ограниченія общею формою (Собр. гос. гр. и дог. I, № 202). Для церкви осталась такимъ образомъ возможность пріобрѣтать имущества только черезъ пожалованія со стороны государства, но этотъ источникъ уже не былъ такъ обиленъ, какъ прежде, при общемъ стремленіи государства къ сокращенію церковныхъ имуществъ.

Такія отрицательныя мѣры (не позволявшія церкви расширять свои имущества) переходятъ уже тогда въ положительныя попытки секуляризаціи; стремленіе къ ней проявилось съ XVI в. въ ученіи Нила Сорскаго и Максима Грека: государство основывало свои права при такомъ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ на томъ, что имущества эти были дарованы церкви для исполненія ею извѣстныхъ *государственныхъ задачъ*, а именно для призрѣнія бѣдныхъ, мѣръ противъ голода, распространенія народнаго просвѣщенія. „Церковное богатство—нищихъ богатство, возраста дѣля сиротъ и старости и немощи и въ недугъ впадшимъ прокормленіе..., страннымъ прилежаніе..., вдовамъ пособіе и дѣвицамъ потребы, въ пожарѣ, и въ потопѣ и полоненнымъ искупленіе, въ гладѣ прекормленіе, въ худобѣ умирающимъ... погребеніе, того ради на потребу церковную имѣнія свои люди давали" (см. Калачова: „О значеніи кормчей", стр. 122). Когда же выполненіе всѣхъ этихъ задачъ государство мало-по малу принимало непосредственно на себя, то полагали, что тѣмъ было уничтожено raison d'être церковныхъ имуществъ. Кромѣ этой спеціальной причины, къ церковнымъ имуществамъ главнымъ образомъ примѣняется и общая мысль о зависимости правъ собственности частныхъ лицъ и учрежденій отъ государства. Во время литературной полемики между сторонниками и противниками секуляризаціи, первые нерѣдко ставили принципъ, что имущества *дарованы* церкви государствомъ. Имъ (какъ и намъ теперь) было извѣстно, что громадное количество имуществъ попало въ руки церкви не отъ государства, а отъ частныхъ лицъ. Но противники имущественныхъ правъ церкви и не думали утверждать нелѣпую мысль, что всѣ имущества *пожалованы* ей государствомъ; они хотѣли выразить, что всѣ

имущества перешли къ церкви съ помощью авторизаціи государства. Изъ актовъ XIV и XV вв. мы видимъ, что монастыри просятъ великихъ и удѣльныхъ князей „освободить имъ купить землю“: въ 1421 г. вел. князь Василій Дмитріевичъ „далъ“ мит. Фотію купить деревню (А. А. Э. I, 20); въ 1437 г. Бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ дозволилъ Ферапонтовской пустынѣ купить себѣ пустоши (ibid. № 36); въ купчихъ писали: „доложа тіуна княжескаго... купилъ“ (А. Ю. № 72); удѣльные князья и ихъ жены жалуютъ монастырямъ землю, „доложа своего господина великаго князя“ (А. И. I, № 29); удѣльный князь завѣщаетъ (1481 г.) монастырю 40 деревень, но прибавляетъ: „господинъ мой и братъ мой старѣйшій князь великій велитъ имъ отвести 40 деревень“ (Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 272) и т. д. Это не простое утвержденіе, или укрѣпленіе частныхъ сдѣлокъ возмездныхъ и безвозмездныхъ. Дозволеніе предшествуетъ сдѣлкѣ, а не сопровождаетъ ее; государство вмѣшивается въ нее элементомъ своего пожалованія. Государство не только Московское, но и республиканское—Новгородское и Псковское—считало себя въ правѣ распоряжаться церковными имуществами, какъ имуществами общественными, въ виду наилучшаго достиженія выраженныхъ выше цѣлей; государственная власть считала себя въ правѣ передавать имущества одного церковнаго учрежденія другому, какъ, напр,, это сдѣлало Псковское вѣче въ 1471 г., отдавъ монастырю земли и угодья Троицкаго собора (П. с. р. л. IV, стр. 237—238). Въ В. Новгородѣ весьма нерѣдко совершались частные случаи экспропріаціи церковныхъ имуществъ для нуждъ государства, какъ это видно изъ посланій митрополитовъ къ новгородскому правительству: въ посланіи м. Ѳеодосія къ новгородскому владыкѣ Іонѣ читаемъ: „А вы бы, мои дѣти—посадники и тысяцкіе и бояре В. Новгорода, не вступалися въ церковныя пошлины, ни въ земли ни въ воды, блюлися бы казни святыхъ правилъ“ (Ак. ист. I, 77),

Та же точка зрѣнія усматривается и въ дѣйствіяхъ Московскаго правительства: вел. кн. Іоаннъ III, по присоединеніи Новгорода завладѣлъ частью церковныхъ имуществъ В. Новгорода, оправдывая свой поступокъ тѣмъ, что эти земли „занятей испоконъ вел. князей, а и захватили сами“ (такой неправильный текстъ, сообщаемый Татищевымъ—кн. V, стр. 67—исправляется пр. Павловымъ такъ: „зане тыи волости испоконъ великихъ князей, а захватили ихъ церкви сами“); здѣсь частныя права владыки и монастырей противополагаются правамъ государства, безъ воли котораго (пожалованія) ни чьи частныя права не сильны. Извѣстно, что Московкіе вел. князья никогда не признавали за Новгородскимъ правительствомъ полныхъ сюверенныхъ правъ. Принявъ, далѣе во вниманіе, что русское государство никогда не выдѣляло себя отъ церкви и задачи церковнаго управленія признавало своими, мы поймемъ, какъ легко было тому же Ивану III и его знаменитому внуку придти къ мысли о полной секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Само собою разумѣется, что въ попыткахъ секуляризаціи не малую роль играло вліяніе западныхъ идей реформаціи, но оно далеко не составляетъ сущности дѣла.

Попытку секуляризаціи сдѣлалъ вел. кн. Иванъ Вас. въ 1503 году: „восхотѣ отнимати села у св. церквей и монастырей“ (см. Павлова „Ист. очеркъ секуляр. церк. земель въ Россіи“, ч. I, стр. 39); попытка отражена анаѳемою: „вси обидящіи Божія церкве и монастыреве, отнимающе отъ нихъ данныя тѣмъ села..., да будутъ прокляти“ (чинъ православія въ нѣкоторыхъ кормчихъ). Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ отвергали право только монастырей и только на владѣніе населенными имуществами; противъ этого ученія Іосифъ Волоцкій выставилъ теорію о принадлежности имуществъ не монахамъ, а учрежденіямъ. Есть извѣстія о попыткахъ ц. Іоанна IV (1550 и 1580 г.), а также Лжедимитрія I совершить секуляризацію церк. имуществъ.

Государство XVI вѣка не могло достигнуть того, что́ суждено было осуществить государству конца XVIII в. Но тѣмъ не менѣе усилія его не остались тщетными: оно успѣло отчасти добиться того, что впослѣдствіи осуществилъ Петръ В., т. е. обращенія церковныхъ имуществъ подъ *контроль государства*. Уже на Стоглавомъ соборѣ было постановлено, что монастырская казна подлежитъ учету царскихъ дворецкихъ и дьяковъ; новый настоятель, усчитывая прежняго „во всякомъ приходѣ и расходѣ“, составлялъ описи и отправлялъ ихъ въ Приказъ Большого Дворца (Стоглавъ, стр. 235, 297—298, по Казанск. изд.); въ концѣ своего царствованія Иванъ IV достигъ и бо́льшаго: по сказанію Горсея, онъ потребовалъ точнаго „инвентаря всѣхъ сокровищъ и доходовъ церковныхъ“ и затѣмъ изъ излишка этихъ доходовъ взялъ (по словамъ Горсея, вымучилъ) у епископовъ 300.000 фунтовъ стерлинговъ на чрезвычайные расходы государства. Сличая это сказаніе съ текстомъ соборнаго приговора 1580 г. (Указ. Рос. Законовъ, Максимовича, I, стр. 303), видимъ, что мѣра Грознаго не была случайною и временною: тамъ читаемъ: „во-первыхъ, да исчислятся вся освященныхъ архіепископовъ, и епископовъ и монастырей оброки и уравняются по чину коегождо: архіепископамъ всѣмъ поровну, владыкамъ межъ собою поровну, также старцамъ и старицамъ всюду по числу ихъ поровну, елико на пропитаніе и одежды довольно да не оскудѣваютъ ни въ чемъ, ни избыточествуютъ въ пьянствѣ и непотребствахъ... А елико избытка, оное взяти на воинскій чинъ“ [1]). Если бы эта мѣра осуществилась вполнѣ, то она совершенно равнялась бы перевороту, совершенному Петромъ, когда церковныя имущества, не будучи присвоены государствомъ, были, однако, взяты имъ въ управленіе, а церковнымъ учрежденіямъ назначено содержаніе по штату. Но мѣра эта не удержалась въ XVII вѣкѣ. Послѣ попытокъ Лжедмитрія и до Уложен. ц. А. М. время было вполнѣ неблагопріятное для борьбы государства съ церковію за имущества (при Мих. Ѳеодоровичѣ управлялъ государствомъ отецъ его—патріархъ); Уложеніе и борьба ц. Алексѣя съ патріар. Никономъ приближали развязку вѣковой борьбы, но сами вовсе не были заключительными актами ея.

[1]) Полагаютъ, что приведенное мѣсто церковнаго акта не есть приговоръ собора, а требованіе царя, обращенное къ собору и попавшее въ приговоръ лишь по неправильности редакціи. Но результаты, о которыхъ говоритъ Горсей, наводятъ на иную мысль.

Противъ стремленій государства къ отобранію церковныхъ имуществъ, церковь выставила *принципъ неотчуждаемости* своихъ имуществъ (какъ и въ зап. Европѣ—manus mortua), ссылаясь на то, что этотъ принципъ имѣлъ силу и въ первыя времена церкви въ Византіи. Однако, такая мысль не подтверждается дѣйствительнымъ знакомствомъ съ древне-византійскимъ церковнымъ правомъ. Неотчуждаемость церковныхъ имуществъ была выражена лишь VII новеллой Юстиніана (а не церковными постановленіями): „Ne res ecclesiasticae alienentur aut permutentur aut creditoribus in specialem hypothecam dentur". Соборъ русскихъ святителей 1503 года далъ слѣдующее постановленіе: „святители и монастыри земли держали и нынѣ держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная—Божія суть, возложена и нарѣчена и дана Богу и не продаема никому же никогда же и въ вѣкъ вѣка". На Стоглавомъ соборѣ тоже начало выражено такъ: „Отчинъ и селъ, которыя даны на поминокъ церквамъ безъ выкупа, и иныхъ церковныхъ и монастырскихъ земель и прочихъ недвижимыхъ вещей, по священнымъ божественнымъ правиломъ, ни отдати, ни продати, но крѣпко хранити и блюсти" (подъ угрозою низверженія для епископа, изгнанія изъ монастыря для игумена и отлученія—для прочихъ: Стогл. Казан. изд., стр. 338—341). А. С. Павловъ полагаетъ, что здѣсь въ первый разъ установленъ и провозглашенъ принципъ неотчуждаемости церковныхъ имуществъ; постановленія же собора 1503 г. будто бы не относятся къ неотчуждаемости, а къ *неотъемлемости* церковныхъ имуществъ. Но съ этимъ согласиться трудно: соборъ 1503 г. говоритъ не только объ отнятіи церковныхъ имуществъ, но и о продажѣ ихъ.—Въ концѣ XVI в. (1580 г.) начало неотчуждаемости обращено въ общій принципъ: „елико есть земель..., что до того данная Богови..., изъ митрополіи, изъ епископіи и изъ монастырей не исходитъ и вотчины ни которымъ судомъ, ни тяжею, у митрополита, и у владыкъ и у монастырей не отъемлютъ и не выкупаютъ". Здѣсь устраняются притязанія государства на церковныя имущества, притязанія частныхъ лицъ—родичей—на выкупъ родовыхъ имуществъ, отчужденныхъ церкви (на что государственный законъ никогда не давалъ своей санкціи), и наконецъ отчужденіе вотчинъ по приговору суда (послѣднее вовсе не имѣло бы смысла, если не предполагать, что здѣсь рѣчь идетъ о томъ же выкупѣ имуществъ). Неотчуждаемыми имуществами признаны—земельныя (но не дворы въ городахъ: см. Ак. А. Э. I, 308). Въ древней русской церкви до Іоанна III принципъ этотъ нигдѣ и ни въ чемъ не проявился, наоборотъ, есть факты совершавшихся сдѣлокъ, по которымъ церковныя имущества были отчуждаемы всѣми способами (см. Ак. Юр. № 71, XXVI, № 78, № 257; Ак. ар. эк. III, № 202; Акт. отн. до юрид. быта II, № 156, I—VI и XVI; обыкновенно, впрочемъ, совершались возмездныя сдѣлки отчужденія, особенно мѣна) [1]. Тѣмъ не менѣе принципъ неотчуждаемости

[1]) Не слѣдуетъ, однако, относить къ случаямъ отчужденія выкупъ имуществъ родственниками (какъ дѣлаетъ М. И. Горчаковъ): это было не правомъ, а обязанностію церковныхъ учрежденій.

не былъ произвольно измышленъ отцами церкви русской въ началѣ XVI в. Это ученіе развилось естественно, находя себѣ въ Россіи самую благопріятную почву, ибо и всѣ прочія имущества (родовыя, общинныя) также въ существѣ были неотчуждаемы.

На огромныхъ территоріяхъ церковныхъ имуществъ возможенъ былъ такой же процессъ образованія условныхъ правъ частныхъ лицъ, какъ и на государственныхъ имуществахъ: церковныя учрежденія раздавали земли своимъ служилымъ людямъ или на правахъ жалованныхъ вотчинъ (безъ права свободнаго отчужденія), или на правахъ помѣстнаго владѣнія. Равн. обр., такъ какъ церкви принадлежали иногда цѣлыя волости, то въ этихъ послѣднихъ сохранялись и развивались права общиннаго (крестьянскаго) владѣнія съ такими же отношеніями къ правамъ церкви, въ какихъ стояли черныя волости къ государству.

3. Тяглыя имущества или черныя (общинныя) земли.

а) **Происхожденіе и виды общинъ.** При образованіи частныхъ правъ на землю, родовой характеръ получили только такія имущества, которыя принадлежали болѣе знатнымъ родамъ. Такіе роды, владѣя обыкновенно значительными участками, обрабатывали ихъ не собственными силами. Всѣ остальные роды, осѣвшись на мѣстѣ, обратились въ *общины* (см. часть I, стр. 10). Долго сохранялись въ общинахъ слѣды прежняго родового единства, но такъ какъ общинная связь была основана преимущественно на единствѣ мѣстожительства, и усвоеніе чужеродцевъ здѣсь было возможно въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, то общинная связь опиралась болѣе на тѣсномъ общеніи правъ поземельнаго владѣнія, чѣмъ на сознаніи родового единства.

Общиной въ тѣсномъ смѣслѣ называется союзъ домовъ, имѣющихъ общее (выборное) управленіе и общее владѣніе и пользованіе землею. Первое условіе создаетъ черты государственнаго права, уже указанныя (см. часть I, стр. 130—131); здѣсь рѣчь идетъ о вещныхъ правоотношеніяхъ общинъ. *Простая община* въ первомъ періодѣ называлась *„весью“*, въ Московскомъ же государствѣ—„селомъ“; но общины составляютъ концентрическіе круги; какъ внутри села (и деревни) могутъ быть меньшія (естественныя и договорныя) сообщества, такъ союзъ нѣсколькихъ селъ составляютъ *волость* (терминъ общій обоимъ періодамъ), которая и можетъ быть признана главнымъ *субъектомъ правъ* на землю. Союзъ волостей представляетъ государство („землю“), которое въ высшемъ смыслѣ и признается верховнымъ субъектомъ, обладающимъ правомъ надъ всею землею. Здѣсь-то всего яснѣе открываются основанія тѣхъ ограниченій правъ частныхъ лицъ, которыя такъ замѣтны въ Московскомъ и первую эпоху Литовско-Русскаго государства. Въ болѣе живомъ и конкретномъ образѣ обширная форма общины—*земля*—является въ казацкихъ земляхъ (Донской, Яицкой), но въ цѣломъ Московскомъ государствѣ это составляетъ лишь исключенія: точнымъ типомъ общины,

какъ субъекта въ частномъ правѣ, остается *волость* (права подчиненныхъ общинъ будутъ указаны ниже [1]).

Совершенно такое же значеніе имѣютъ простыя общины большого объема, т. е. *города* (*посады*). Частныя права ихъ должны быть разсматриваемы вмѣстѣ съ правами волостей. Нѣкоторые посады, именно самые большіе, дѣлятся на части—меньшія общины, называемыя *сотнями*. Послѣднія въ правахъ посада имѣютъ такое же участіе, какъ села въ правахъ волостей. Скажемъ сначала о черно-волостныхъ, потомъ о городскихъ имуществахъ.

б) *Черныя волостныя земли.* На сѣверѣ въ XIV и XV в. поземельныя общины несомнѣнно существовали повсюду, въ чемъ насъ убѣждаютъ поземельные акты тѣхъ временъ. Представители имущественныхъ (какъ и другихъ) правъ волости административныя выборныя лица—старосты и сотскіе; но такъ какъ лица эти мѣняются, то постояннымъ выразителемъ имущественныхъ правъ волости была волостная казна, технически называемая „столецъ“: напр., „та земля Оглоблино тянула къ столцу къ Залѣсью... Жилъ на Оглоблинѣ отецъ мой, а потуги тянулъ съ крестьяны всѣми къ Залѣсью къ столцу“ (Акты, изд. А. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, I, № 34).

Имущественныя права общины. Имущественныя права обшины возможно разсматривать, только начиная съ XV в. (т. е. съ того времени, когда о нихъ существуютъ достаточныя историческія свидѣтельства). Въ XV вѣкѣ община обладатъ всѣми гражданскими правами, а именно обязательственными, наслѣдственными и вещными.

Предметомъ общинныхъ вещныхъ правъ служатъ преимущественно недвижимыя вещи—*земли*, именуемыя въ Московскомъ государствѣ черными, и *дворы*. Здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть права общины на имущества, находящіяся въ непосредственномъ ея обладаніи, и отношеніе ея къ имуществамъ, отданнымъ частнымъ лицамъ (членамъ) въ пользованіе.

---

[1]) Существованіе общинъ на черныхъ волостныхъ земляхъ уже не подвергается болѣе спорамъ (по крайней мѣрѣ для XV, XVI и XVII вѣковъ). Но весьма спорными остаются вопросы о времени происхожденія такихъ общинъ и условіяхъ ихъ образованія: составляютъ ли онѣ исконное доисторическое явленіе, возникшее изъ первоначальныхъ основъ общежитія, или образуются въ сравнительно позднее время—въ XIV, или въ концѣ XV вѣка, или еще позже, въ XVII вѣкѣ? Образуются ли онѣ (въ послѣднемъ случаѣ) путемъ экспропріаціи частныхъ имуществъ великими князьями и затѣмъ путемъ примѣненія къ нимъ финансовыхъ мѣръ (обложеніе податями не отдѣльныхъ хозяйствъ, а цѣлыхъ группъ сосѣдняго населенія)? Или, наконецъ, общинное землевладѣніе возникаетъ (въ позднее время) изъ *общаго* владѣнія родовыхъ группъ (печищъ—родовъ и семействъ) и товариществъ (складствъ) посредствомъ договорнаго сближенія между собою этихъ послѣднихъ (опять подъ вліяніемъ финансовыхъ мѣръ правительства)? Въ текстѣ изложены положенія б. или м. безспорныя; дальнѣйшее же уясненіе поставленныхъ вспросовъ см. въ Дополн. П.

Въ непосредственномъ пользованіи общины находятся *воды, лѣса, луга, выгоны, необработанные участки (пустоши)*, а равнымъ образомъ обработанные, но запустѣвшіе. Что касается въ частности лѣсовъ и водъ, то въ ту эпоху они уже не считаются res nullius (сл. стр. 529) и въ писцовыхъ книгахъ приписываются къ извѣстной волости, какъ ея собственность. Впрочемъ, иногда лѣса и воды приписываются въ общее владѣніе нѣсколькихъ сосѣднимъ волостей; иногда же, право на нихъ дробится между селами, составляющими волость („лѣсъ у села и деревень вопче"). Лугами иногда пользовались безъ раздѣла; косьба производилась общими силами или на деньги общины; скошенная трава дѣлилась числомъ копенъ по тягламъ (Борисовъ: „Акты о раздѣлахъ, промѣнахъ и передѣлахъ земли въ XVII и XVIII в." въ Чтен. общ. ист. и др. Р. 1860 г., кн. III, смѣсь, стр. 5). Сущность правъ на имущества, состоявшія въ непосредственномъ пользованіи общины, заключается не только въ правѣ владѣнія, но и въ правѣ распоряженія: община (ея представители—староста и общій сходъ) *отдаетъ* въ срочное или безсрочное содержаніе новымъ поселенцамъ участки необработанной или запустѣвшей земли: „мнѣ тотъ лѣсъ дала волость—староста съ крестьяны, и я избу поставилъ", говоритъ на судѣ 1490 года одинъ крестьянинъ (см. Ак. Юр. № 6). Новый поселенецъ въ своей записи пишетъ: „се азъ Григорій, Филимоновъ сынъ, далъ есми на себя запись Тавренскаго стану Вахрамѣю Трофимову, сыну Воронину (т. е. старостѣ), и всѣмъ крестьяномъ Тавренскія волости, что азъ взялъ у нихъ 12-ю долю обжи пустого съ великаго дни Пасхи Хр. 104 г. до велика же дни 105 году... А покину (участокъ) и жилца не посажю, и на мнѣ взять старостѣ въ міръ рубль денегъ" (Ак. Юрид. № 187). Волость *мѣняетъ* деревни (пустыя) на другія имущества съ сосѣдними владѣльцами: напр., „деревни промѣняли Масленскіе волости крестьяне Кириллова монастыря старцамъ: а мѣняли старцы и волостные крестьяне, смотря по угодьямъ промежъ себя полюбовно" (тамъ же № 151). Однако, въ идеѣ община имѣла полное право распоряженія только внутри себя самой; право же распоряженія въ смыслѣ отчужденія волостной земли стороннимъ лицамъ, не членамъ общины, было ограничено (въ актахъ встрѣчается только мѣна). Напротивъ, права пріобрѣтенія имуществъ для общинъ не были ничѣмъ ограничены: такъ, община можетъ принимать въ даръ имущества отъ стороннихъ лицъ и покупать ихъ. Принадлежность права собственности выражается яснѣе всего *въ правѣ иска*. Въ болѣе древнее время община практиковала внѣсудебную защиту своихъ правъ не только по отношенію къ пахотнымъ землямъ, но и по отношенію къ необработаннымъ участкамъ; это послѣднее показываетъ, что она сознавала свое отвлеченное право на землю; въ житіяхъ нѣсколькихъ святыхъ разсказывается, что, когда отшельникъ (напр., Димитрій Прилуцкій) поселялся въ дикомъ мѣстѣ, то сосѣдніе крестьяне выгоняли его, боясь захвата и обращенія въ церковныя земли частей общинныхъ земель. Но для насъ, разумѣется, важнѣе судебная защита, которая предоставлялась волости по отношенію ко всѣмъ

видамъ ея имуществъ; иски велись всегда отъ ея лица (а не отъ лица казны), при чемъ земля черная именовалась „Божья да государева“ [1]).

Отношеніе правъ общины на *обработанныя земли*, находящіяся въ частномъ пользованіи членовъ ея, бываетъ двоякаго рода: или волость оставляетъ за собою право распоряженія ими, или же отдаетъ ихъ въ наслѣдственное пользованіе частныхъ лицъ. Въ первомъ случаѣ (но гораздо рѣже) осуществленіемъ правъ волости является періодическій передѣлъ участковъ между членами ея. О существованіи его свидѣтельствуютъ историческіе памятники довольно поздніе, напр., акты Шуи съ конца XVII в. (см. вышецит. соч. Борисова). Изъ нихъ можно заключить, что передѣлы происходили черезъ 10-лѣтніе періоды, совершались цѣлымъ сходомъ участниковъ и скрѣплялись особою записью въ земской избѣ. Перемѣны въ лицахъ, участвующихъ въ общинной землѣ, въ продолженіе періода передѣла, не вліяютъ на него; членъ общины можетъ отчудить свой участокъ, но если участокъ его переходитъ лицу, не принадлежавшему прежде къ общинѣ, а продавецъ самъ выходитъ изъ нея, то всѣ повинности съ этого участка падали на покупщика. Были также общинныя земли и подъ *городами* (въ городахъ), также будто бы подлежавшія передѣлу (по словамъ Борисова; но въ изданныхъ имъ актахъ говорится только объ отдачѣ ихъ на оброкъ). Впрочемъ, обыкновенно члены общины владѣли участками

[1]) Приведемъ слѣдующій примѣръ, свидѣтельствующій въ то же время о подобныхъ же правахъ (конечно, не такихъ же) на землю и крестьянъ частновладѣльческихъ въ пол. XVI в. „Се азъ Истома Васильевъ, сынъ Ковѣзиновъ, да азъ Василей Тимофѣевъ, сынъ Ресцова, да азъ Белова Иванъ, Васильевъ сынъ (перечисляется еще 14 именъ), всѣ есмя крестьяне, царя государя велик. князя Озимковскіе слободки и деревень, что есмя били челомъ царю государю вел. князю на бывшего архимандрита Симонова монастыря Олексѣя съ братьею, да на приказщиковъ и на крестьянъ села Веси Егонскіе: на приказщика на старца Симана, да на слугу на Третьяка на Малого, и на крестьянъ села Веси Егонскіе и деревень—на Ѳедора на Ѳалина, да на Наума на Патрика, да на Ивана на Исакова, да на Ивана, на Семенова сына, и на всѣхъ крестьянъ села Веси Егонскія и деревень, а искали есмя на нихъ по царевѣ государевѣ грамотѣ... въ Углецкомъ уѣздѣ четырехъ починковъ: починка Заборского, да починка Плоского, да починка Олексѣевскаго да починка Болшова Острова“. Царь, по суду и сыску судей и писцовъ, рѣшилъ въ пользу монастыря; лишь одинъ поселокъ, возникшій недавно, царь велѣлъ подѣлить пополамъ между спорящими сторонами. Но крестьяне Озимковской слободы и деревень нашли это для себя невыгоднымъ, по отдаленности присужденной имъ половины починка, и промѣняли ее на покосы въ 300 копенъ сѣна и лѣсъ на 2 версты отъ слободки. Затѣмъ стороны провели полюбовную межу, которую представили („дали“) въ Помѣстную избу дьяку Путилу Михайлову за своими руками“... „И намъ тое межи не рудить (не нарушать),... А учнемъ азъ Истома Васильевъ... Озимковскіе слободки и деревень крестьяне... впредь тое межу рудить...; ино на насъ... на всѣхъ крестьянахъ Озимковскіе слободки и деревень взяти слугѣ Симанова монастыря, да всѣмъ крестьяномъ села Веси Еговскіе и деревень по сей записи 70 рублевъ денегъ. И запись есмя написавъ полюбовно межъ себя розняли по противнемъ“—обмѣнялись копіями (С. А. Шумакова: Угличскіе Акты“ № LXVI. 1563). Итакъ, чернослободскіе крестьяне „царя государя“ судятся предъ царемъ, который и рѣшаетъ дѣло не въ пользу ихъ; недовольные рѣшеніемъ, они заключаютъ мировую съ противною стороною и совершаютъ мѣну, по которой уступаютъ одно имущество и пріобрѣтаютъ другое. Нѣтъ сомнѣнія, что предъ нами дѣйствуютъ

долгое время безъ передѣла (см. выше стр. 130; о владѣніи оброчномъ и частномъ владѣніи на тягломъ правѣ т. н. „своеземцевъ“ см. стр. 131, 132). Вѣчный владѣлецъ участка общинной земли можетъ продать его стороннему лицу—не члену волости. Пріобрѣтеніе участка „бѣломѣстцомъ“, т. е. не тяглымъ человѣкомъ, могло быть къ ущербу правъ общины; въ силу этого установлено было *право общиннаго выкупа*, какъ въ родовыхъ имуществахъ—право родового выкупа (см. фактъ XIV вѣка, приведенный на стр. 131).

Разрушеніе общинныхъ правъ правами частныхъ лицъ (членовъ общины) шло гораздо медленнѣе, чѣмъ въ родовыхъ имуществахъ и городскихъ тяглыхъ, чему способствовала меньшая привлекательность волостныхъ имуществъ по ихъ малоцѣнности; но несомнѣнно, что это разрушеніе шло.

Меньшія сельскія общины и кооперативные союзы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Москов. государства вмѣсто высшихъ общинъ (волостей), на первый планъ выступаютъ меньшія составныя части волости, а именно *села*, или *деревни*, а также родовыя общины—*дворы* (*печища*) и товарищества.

Что касается до сельскихъ общинъ и деревень, то уже довольно рано въ нихъ однихъ сосредоточиваются функціи волостей и вмѣстѣ частныя права на владѣніе землею. Не только въ средней, но и въ сѣверной Руси въ концѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ часто не волость, а деревня вѣдаетъ раздачу участковъ новымъ поселенцамъ: она производитъ раздѣлы участковъ, она владѣетъ сообща лѣсами и угодьями. Кеврольскій писецъ 1686 года встрѣтилъ фактъ, что нѣкто Шумилко Давыдовъ заложилъ покосы и пашни

собственники, но не каждый крестьянинъ въ отдѣльности, а вся община—слободка съ деревнями. Отмѣтимъ, что и частновладѣльческіе крестьяне въ большихъ вотчинахъ (дворцовыхъ и церковныхъ), здѣсь въ Веси Егонскій, являются соучастниками въ правахъ на землю со своими владѣльцами: они отвѣчаютъ по иску и въ ихъ пользу выговаривается неустойка, въ случаѣ нарушенія сдѣлки противною стороною (см. о крестьянахъ въ ист. госуд. права).

Въ 1531 г. вел. князь даетъ судей спорящимъ между собою сторонамъ—приказчику Симонова монастыря, съ одной стороны, и соцкому и крестьянамъ Велетовской волости, съ другой, по тяжбѣ о границахъ владѣній: монастырь жаловался, что Велетовцы „пріѣзжаючи изъ волости за 10 верстъ черезъ лѣсъ и черезъ болото, сѣно деи косятъ и лѣсъ сѣкутъ силно, а называютъ деи тѣ ихъ пожни и лѣсъ *своими пожнями волости Велетовской* (ibid, № XXIII).

Изъ актовъ, относящихся къ частновладѣльческимъ крестьянамъ, убѣждаемся, что община сельская могла владѣть и городскими имуществами, какъ лицо юридическое: въ 1613 г. нѣкто Титъ, прозвищемъ Семой, зеленщикъ, посадскій человѣкъ города Углича, продалъ „Сергѣева монастыря слугѣ села Прилукъ прикащику Ѳеоѳану, Степанову сыну Ивачеву, да селажъ Прилукъ соцкимъ Спиридону Денисову, да Ивану Якимову *и всѣмъ крестьянамъ села Прилукъ* дворъ свой въ городѣ“ (ibid. № LX). Въ 1616 г. Анна Горяинова продала „Живоначальныя Троици Сергіева монастыря села Прилука соцкимъ Ивану Семенову, да Матѳею Васильеву и *всѣмъ крестьяномъ Прилуцкіе волости* дворъ свой на Угличѣ въ острогѣ“ (ibid. № LXI). Въ первомъ случаѣ покупщикомъ является частный владѣлецъ вмѣстѣ съ крестьянами своими; во второмъ—только крестьянская община, волость.

кеврольцамъ; писецъ не призналъ этой сдѣлки потому, „что у него, Шумилка, та земля была чужая, а не своя, дали ему мірскіе люди“ (П. Ивановъ: „Къ ист. крестьян. землевл.“ Докум. Арх. Ком. М. А. О. I, III. 430). Деревнѣ принадлежитъ общинное право владѣнія угодьями: т. н. Судебникъ царя Ѳеодора (ст. 176) говоритъ: „А что за которою деревнею угодья есть путики, или иное что,—ино про то сыскивати старыми жилцы, и сыщутъ въ которой деревнѣ—или въ судной приписати (?) (можетъ быть: „или въ судной грамотѣ приписаны“ эти угодья),—ино далнимъ жилцамъ инымъ деревнямъ къ темъ путикамъ не ходити на чужіе деревни, никотораго угодья угодовати не полюбовно“ (т. е. безъ особаго соглашенія о томъ). Охраненіе деревни-общины отъ вторженія чужихъ владѣльцевъ было тѣмъ необходимѣе, что нерѣдко сами члены деревни подавали къ тому поводъ: или продавали свои доли сосѣдямъ, или сами переселялись въ другія деревни съ сохраненіемъ за собою земли въ прежнихъ деревняхъ. Такимъ образомъ происходитъ пользованіе землею *наѣздомъ*, т. е. жителями другихъ поселеній. Такое пользованіе утвердилось повсемѣстно въ XVI и XVII вв.; Судебникъ царя Ѳеодора (ст. 161), стремясь сохранить общинную связь деревни, пытался установить слѣдующее: „А кто наездомъ деревню пашетъ, и ему больше трехъ годовъ не пахати наездомъ,—любо скупат, либо спродавати с суда з жеребья; и огородъ ему по своей выте ставить“ (т. е. пока въ теченіе 3-хъ лѣтъ обязанность огораживаетъ лежитъ на владѣльцѣ). Предположенное Судебникомъ не исполнилось (ибо и самый памятникъ не есть законъ). Цѣль предположеннаго закона заключалась въ томъ, чтобы каждая община состояла исключительно изъ владѣльцевъ—мѣстныхъ жильцовъ—и не смѣшивалась съ сосѣдними общинами; трехлѣтній срокъ, назначенный для продажи участковъ (жильцамъ деревни) или скупки у нихъ остальныхъ участковъ, разумѣется, не могъ бы привести къ цѣли, даже если бы такой законъ былъ дѣйствительно объявленъ: времена наступали другія: съ XVII вѣка дѣло клонилось къ утвержденію частныхъ правъ членовъ общины на отдѣльные участки и къ свободному гражданскому обороту ихъ. Изъ актовъ XVII в. получается такой выводъ: „всѣ деревни въ хозяйственномъ отношеніи можно раздѣлить на три группы: въ однѣхъ вся земля распредѣляется между самими жильцами, и такихъ большинство; въ другихъ рядомъ съ жильцами есть владѣльцы иныхъ деревень, т. е. рядомъ съ дворовой есть наѣзжая пашня; количество ихъ значительно выростаетъ къ концу столѣтія“... (П. Ивановъ ор. с. стр. 433). Крестьяне все болѣе и болѣе дорожатъ правомъ отчужденія своихъ долей и практикуютъ его: архіепископъ Холмогорскій Аѳанасій запретилъ было своимъ Чухченемскимъ крестьянамъ продавать и закладывать участки, но крестьяне обратились къ нему съ такою жалобою: „пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, благослови насъ межъ собою земли свои, нужды ради, продавать и закладывать для того, что у насъ прокормиться ничѣмъ, только не продажею земляною и закладомъ“ (idid. стр. 429). Но пока, въ XVI в. и ранѣе, общинныя права были еще жизненны, участки обработанной земли и угодья подлежали владѣнію общины. Само собой

разумѣется, что тоже въ высшей степени относится къ лѣсамъ: въ мнимомъ Судебникѣ царя Ѳеодора Ивановича (ст. 174) постановлено: „А у которыхъ селъ и деревень есть молоди,—и тѣхъ молодей прежнихъ выпашетъ (выпашень?) и тѣхъ лѣсовъ складниками (складникамъ) межъ себя безъ делу и безъ жеребія ни сетчи, ни пахати; а кои складникъ безъ делу молоди высечетъ или пашетъ, а иной складникъ не секъ, а выть ему таковажъ въ хлебе, хоти онъ и ставилъ тогоже лѣсу". Т. е. если въ какомъ селѣ или деревнѣ есть молодыя заросли по прежнимъ пахотнымъ полямъ, то они не могутъ подлежать свободной эксплоатаціи каждаго: вновь распахивать ихъ могутъ товарищи (члены общины) по соглашеніи и раздѣлу (общее пользованіе всякому предоставлено лишь въ общихъ черныхъ лѣсахъ „царскихъ", какъ сказано выше). Здѣсь хотя употребленъ терминъ „складникъ", что̀ означаетъ членъ товарищества (а не общины), но въ данномъ саучаѣ этотъ терминъ примѣненъ къ членамъ общины ибо рѣчь идетъ о „селѣ и деревнѣ" (въ томъ смыслѣ, какой имѣютъ эти термины въ концѣ XVI вѣка).

Деревня представляетъ уже очень мелкую единицу, заключая въ себѣ въ большинствѣ случавъ три—четыре двора, и въ рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ до 15 дворовъ. Но есть деревни, состоящія изъ одного двора. Въ послѣднемъ случаѣ эта форма общины совпадаетъ уже съ послѣднею наименьшею клѣточкою общинныхъ формъ—*дворомъ*. Древній дворъ нельзя разсматривать, какъ нынѣшнюю семью, и еще менѣе, какъ индивидуальное лицо—владѣльца дома [1]).

Хотя складничество есть договорное отношеніе, и права товарищей на землю суть condominium, а не общинное право, но такое понятіе примѣняется и къ явленіямъ семейнаго быта; такъ, приданое (древнее складьство: см. рядную Тѣшаты въ Христ. по ист. рус. пр., вып. I) есть вступленіе въ товарищество одного лица (жены) съ другимъ (мужемъ); въ примачествѣ „изъ имущества зятя и тестя составляется складной животъ, откуда и сдѣлки иногда получали названіе складныхъ" („г. Ивановъ ор. с.) [2]). Если полноправный членъ семьи отчуждаетъ свою (идеальную) долю общесемейнаго имущества стороннему, то этотъ послѣдній становится складникомъ семьи взамѣнъ продавца, почему и образуется довольно пестрый составъ населенія двора: наприм., Мишка Ѳедоровъ владѣетъ по купчей

---

[1]) Г. Ивановъ, на основаніи прочитанныхъ имъ документовъ, говоритъ: „Субъектомъ „владѣнія" былъ дворъ, подъ которымъ понимался не одинъ только наличный составъ живущихъ въ немъ семейныхъ и товарищей, а рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ, одновременно во дворѣ жили или одинъ хозяинъ, или отецъ съ дѣтьми братья, братья съ ихъ дѣтьми, съ племянниками, дѣдъ съ сыновьями и внуками, двоюродники, свойственники, посторонніе складники... Въ одномъ дворѣ иногда жили посторонніе—товарищи, складники, согласившіеся сообща владѣть землей и вести хозяйство: „дер. Большая Жердь (Мезенск. уѣзда): дворъ Ѳедотко Ѳерапонтовъ, да съ нимъ же складникъ его Михайло Мелентьевъ. Иногда сообща владѣли землей, на дворѣ же съ однимъ изъ товарищей жилъ и велъ хозяйство половникъ другого" (о. с. 416).

[2]) А. Ефименко приводитъ интереный примѣръ превращенія семейнаго союза въ складство.

138 г., въ томъ же дворѣ Андрей Хомутовъ владѣетъ по старинѣ“ (г. Ивановъ, стр. 418). Такимъ образомъ какъ семья превращается въ товарищество, такъ договорное товарищество подчиняется формамъ семьи [1]).

[1]) Когда мы говоримъ о примѣненіи формъ семьи къ товариществу и обратно, то, конечно, ведемъ рѣчь о юридическихъ (личныхъ и имущественныхъ) отношеніяхъ членовъ семьи, а не о физіологической связи лицъ двухъ половъ и не о послѣдствіяхъ этой связи, т. е. рожденіи дѣтей. Изъ плотскихъ связей и рожденія дѣтей можетъ вовсе не образоваться семьи. Объ этомъ никакъ не позволительно забывать юристу. Наоборотъ, семья можетъ состоять изъ усыновителя и усыновленнаго. Извѣстно, что и супружескій союзъ есть не только conjunctio maris et foeminae, но и divini ac humani juris communicatio. Забвеніе того, что супружескій союзъ и союзъ родителей и дѣтей есть правовое установленіе, а не только физіологическое, ведетъ къ большому числу серьезныхъ заблужденій. Въ частности и понятіе складства лишается надлежащей точки опоры для правильнаго изъясненія. Съ какого времени появляется этотъ терминъ въ нашихъ памятникахъ? Въ текстѣ книги мы уже въ прежнемъ изданіи ея указывали, что употребленіе его относится еще къ XIII вѣку (фактъ, который почему-то игнорируется, а именно въ рядной Тѣшаты читаемъ: „Се порядися Тѣшата съ Якымомъ про *складство*“. Что же это за явленіе? Ученый, опубликовавшій этотъ актъ съ надлежащею вѣрностію, большой знатокъ стараго русскаго языка, И. И. Срезневскій, говоритъ что складство есть сговоръ, точнѣе—договоръ о приданомъ: „на дѣвцѣ Якымъ серебро взялъ, а мониста Тѣшатина у Якымовы жены свободна Тѣшатѣ взяти и ращетъ учинили промежи себя“. И въ нынѣшнемъ народномъ языкѣ складство или „кладка“ есть имущественный брачный договоръ, опредѣляющій приданое и вѣно (выкупъ за невѣсту взамѣнъ ея приданаго) По этому договору, стороны женихъ и невѣста (или ихъ родители), установляютъ изъ частей имущества того и другого общую массу для общихъ цѣлей союза; двѣ стороны складываются имуществами. Это—первое и самые типичные „складники“. Приданое и вѣно суть явленія семейнаго права, а потому и складство есть прежде всего терминъ *семейнаго права*. Тоже и въ усыновленіи: кому древнія имущественныя отношенія семьи рисуются по Своду Законовъ, долженъ прочитать обоюдныя рядныя записи супруговъ (см. текстъ стр. 453) и условія принятія зятя въ домъ. Затѣмъ складниками являются братья и ихъ нисходящіе—сонаслѣдники общаго имущества. Если они живутъ въ одномъ домѣ, то именуются семьею, хотя жена и дѣти у каждаго свои. Изъ первоисточника складничества возникаютъ потомъ виды его, все болѣе удаляющіеся отъ семейнаго права въ сферу права обязательственнаго. Члены дома могутъ потерять кровную связь (чужой можетъ купить долю семьянина и войти въ домъ); это будетъ уже товарищество, одна о образованное по типу семьи, ибо въ общемъ домѣ царствуютъ не республика, а есть домовладыка, которому прочіе подчиняются. По крайней мѣрѣ чужіе люди—пріемыши—прямо обязываются къ повиновенію семейной власти. Если иногда складники ссорятся и бьютъ другъ друга, то и во многихъ супружествахъ это случается. Въ интересномъ актѣ, приводимомъ г-жею Ефименко, люди посторонніе установляютъ общее жилище въ одномъ домѣ, общее производство и потребленіе всѣхъ имуществъ; теперь мы назвали бы это коммуною, но древніе люди о коммунизмѣ не слыхавали. Какъ бы они назвали этотъ союзъ? Для нихъ былъ единственный терминъ—семья, въ которой, дѣйствительно, всегда и повсюду осуществляются тѣ же идеалы общности (вопреки всякимъ законамъ о раздѣльности имуществъ). Такимъ образомъ товарищество строится по формамъ семьи.

Въ дальнѣйшемъ примѣненіи термина „складство“, онъ можетъ наконецъ потерять совсѣмъ прежнее правовое значеніе (родовое и договорное) подобно тому, какъ нынѣ слово товарищъ примѣняется къ отношеніямъ совсѣмъ неюридическимъ (товарищъ по гимназіи). А потому возможно, что складниками могутъ называться и лица, совершенно чуждыя другъ другу по личнымъ и имущественнымъ отношеніямъ: напр., два или три монастыря, положенныхъ въ одинъ окладъ по взиманію налоговъ; могутъ также называться и простые сосѣди. Намъ только надо помнить подлинный первоначальный смыслъ термина.

Между тѣмъ изъ родственнаго союза, составлявшаго первоначально дворъ, чрезъ разселеніе частей его по отдѣльнымъ дворамъ съ сохраненіемъ общихъ правъ на многія части имущества и возникаетъ территоріальная община—деревня, село. Извѣстны примѣры огромныхъ поселеній, сохранившихъ одну фамилію и несомнѣнно составлявшихъ прежде одинъ родъ, превратившійся въ территоріальную общину. Вотъ почему „дворъ“ мы вводимъ въ связь съ другими формами общинъ.

Но и чисто договорныя товарищества, безъ примѣси родственныхъ началъ, не могутъ быть исключены изъ числа субъектовъ права собственности на землю. Обширное и повсемѣстное распространеніе этого вида землевладѣнія, называемаго *складствомъ*, и сходнаго съ нимъ *сябренаго*, обратило на себя вниманіе въ концѣ XVI в. Т. н. Судебникъ ц. Ѳеодора Ивановича (какъ мы видѣли) членовъ сельской общины именуетъ складниками. Но тотъ же памятникъ содержитъ въ себѣ нѣсколько постановленій, относящихся къ имущественнымъ правамъ собственно складства: „А кои складникъ захочетъ на новое мѣсто дворъ ставить, или иную хоромину, и ему поставить отъ далныхъ хоромінъ въ любомъ местѣ, гдѣ похочетъ хотя на хмельникѣ; а отдать ему земля въ любомъ месте, гдѣ другой полюбитъ; а на какову землю наставитце дворомъ, или храминою, такова земля и отдати; а сверъхъ того по любьве“ (стр. 160); въ этомъ постановленіи (наполненномъ плеоназмами) простой смыслъ тотъ, чти при выходѣ члена одного двора на особое мѣсто жительства, выборъ этого мѣста предоставляется выселяющемуся. Другое постановленіе того же памятника (ст. 162) относится уже не къ моменту разселенія товарищей, а къ моменту приселенія ихъ другъ къ другу въ одинъ дворъ: „А складникъ у складника въ одной деревне наставитце хороминою на подворную землю: и ему земля очистить, снести хоромина, только другому на то мѣсто что ставити; а будетъ не ставитъ ничего на то мѣсто,—и ему земля противъ того взяти въ любомъ мѣсте,—новый приговоръ (?). Т. е. новому складнику нужно очистить во дворѣ мѣсто для его зданій; если же онъ не пожелаетъ воспользоваться дворовою землею, то можетъ взять землю (для построекъ) въ любомъ мѣстѣ. Этими постановленіями о дворовой землѣ ограничивается мнимый Судебникъ въ опредѣленіи отношеній складниковъ; прочія отношеній строятся частію по плану семейнаго права (совладѣніе и раздѣлы), частію опредѣляется договорнымъ характеромъ товарищества и могутъ быть отчасти уяснены при помощи актовъ XVI—XVII вв. Складство образуется общимъ пріобрѣтеніемъ земли (на общія средства), общія права складниковъ на землю скрѣпляются „купною грамотою“. Пользованіе землею было двоякое: или участки „вопчей земли“ мѣнялись между складниками каждогодно (по очереди), или жеребьи земли находились въ б. или м. продолжительномъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ товарищества. Въ отношеніи къ государству и стороннимъ лицамъ складство выступаетъ, какъ цѣльное лицо (единица); земля его облагается податями, какъ имущество одного собственника; процессуальная защита правъ на общее имущество (не касаясь участковъ, которые могутъ принадлежатъ каждому

складнику въ отдѣльности) ведется отъ имени товарищества; круговая обязанность товарищей по веденію исковъ скрѣпляется т. н. „одиношною записью“, копіи которой находятся въ рукахъ каждаго изъ товарищей [1]).

в) *Городскія тяглыя имущества.* Если обработанные участки въ сельскихъ общинахъ способны были создать конкуренцію правъ частныхъ лицъ съ правами общины, то тѣмъ болѣе надо ожидать этого въ городскихъ общинахъ, такъ какъ значительная цѣнность городскихъ дворовъ и другихъ однородныхъ имуществъ (лавокъ, амбаровъ и проч.) вызываетъ у частныхъ лицъ большее стремленіе къ освоенію ихъ въ исключительную собственность. Городской житель создаетъ своимъ трудомъ новыя большія цѣнности (постройки), признаніе на которыя правъ за общиною было бы нарушеніемъ простой справедливости.—Дворовыми мѣстами называются *участки земли*, лежащіе внутри посада, застроенные или пустые. Такого рода имущества (усадьбы) существуютъ, конечно, и въ сельскихъ обществахъ, но тамъ они являются, какъ придатокъ къ землѣ, и притомъ, будучи слишкомъ малоцѣнны, они не возбуждали никакихъ особыхъ юридическихъ опредѣленій.

Собственниками городскихъ усадьбъ признаются посады въ уѣздахъ и сотни внутри гор. Москвы. Повидимому, до начала XVII в. не возникало никакихъ вопросовъ о правѣ посадскихъ общинъ на усадьбы, занятыя частными лицами. Вопросъ о такомъ отношеніи правъ первыхъ и послѣднихъ выдвигается лишь тогда, когда посадская община начинаетъ уже разрушаться подъ вліяніемъ вторгающихся въ нее чуждыхъ элементовъ. Само собою понятно, что права частныхъ лицъ, составляющихъ общину, при отчужденіи городскихъ дворовъ членамъ той же общины, не подлежали никакому ограниченію. Но среди посада находится обыкновенно укрѣпленіе („городъ“ въ тѣсномъ смыслѣ), заключающее въ себѣ такъ называемые осадные дворы; часть дворянъ и дѣтей боярскихъ, приписанныхъ къ городу въ качествѣ служилыхъ людей, живетъ временно или постоянно въ этихъ дворахъ, а остальные поселяются въ своихъ помѣстьяхъ; но, желая пріобрѣсти себѣ постоянную осѣдлость близъ города, многіе изъ нихъ покупаютъ у посадскихъ людей дворы. Неся же личную службу въ пользу государства, они отказываются отъ службы податной тяглой, возложенной на посадскихъ людей, и просятъ у государственной власти освобожденія отъ нея (что́ и называлось „обѣлѣніемъ“). Такъ. образомъ право частныхъ лицъ распоряжаться посадскими имуществами стало весьма чувствительно отзываться на благосостояніи общины. Чтобы хотя нѣсколько ослабить эти послѣдствія, въ обычаѣ установился и здѣсь *выкупъ общиной* отчужденныхъ бѣломѣстцамъ городскихъ имуществъ (аналогичный съ правомъ родового выкупа). Но когда и въ этихъ случаяхъ контрагенты сдѣлки стали

---

1) См. Русскую Истор. Библіотеку т. XII, стр. 14, 29, 218, 219, 267, 431, 450; т. XIV, стр. 128, 130, 555, 570, 583, 760, 763, 764, 769, 832; Акты Ѳед.-Чехов. II, № 151.—См. „Критич. замѣтки по исторіи народнаго хозяйства въ В. Новгородѣ“ А. Лаппо-Данилевскаго, стр. 25—27.

въ актахъ искусственно помѣчать высокія цѣны (чтобы предотвратить выкупъ), то община обращается съ жалобами къ правительству. Тогда и появляется рядъ отдѣльныхъ узаконеній о правѣ владѣнія городскими имуществами, предварявшихъ и сопровождавшихъ Уложеніе ц. А. М. Первымъ изъ этихъ узаконеній было различено право частныхъ лицъ на зданія и право города на землю: именно было запрещено продавать, закладывать, отдавать въ приданое и завѣщать участки бѣломѣстцамъ; самими же зданіями владѣлецъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію (ук. 1621 г.): но такому разграниченію, установленному закономъ, практика подчинилась не сразу. Члены общины, пользуясь своимъ правомъ на зданія, продолжаютъ отчуждать дворы, а общинамъ оставалось выкупать ихъ, Тогда въ 1627 году (Ук. кн. зем. пр. VII) было предположено вовсе вывести бѣломѣстцевъ за черту посадскихъ земель; но эта мѣра по значительности числа бѣломѣстцевъ, подлежавшихъ ей, какъ видно изъ послѣдующихъ узаконеній, не была приведена въ исполненіе. Въ 1634 г. указомъ (Ук. кн. зем. прик. XXXIII) было установлено уголовное наказаніе за отчужденіе городского имущества бѣломѣстцу и въ то же время уничтожено право лица на зданія, которыя причислены къ общиннымъ имуществамъ. Такимъ образомъ частныя лица лишились всѣхъ вещныхъ правъ на дворы, кромѣ права потомственнаго пользованія. Къ этому указъ 1641 г. (Ук. кн. зем. пр. XXXIII) присоединилъ распоряженіе о томъ, чтобы при взысканіи съ тяглыхъ людей по личнымъ обязательствамъ дворы продаваемы были съ публичнаго торга только тяглецамъ. Уложеніе обобщило и завершило собою весь первый періодъ законодательства касательно тяглыхъ городскихъ имуществъ, предписавъ бѣломѣстцамъ окончательно выселиться изъ общинныхъ земель. Всѣ вышеприведенныя мѣры не могли, конечно, не стѣснять имущественнаго оборота для самихъ тяглыхъ людей, почему законодательство, начиная съ 1677 года, начало склоняться къ уступкамъ въ пользу правъ частныхъ лицъ. Указъ этого рода разрѣшилъ отчуждать дворы бѣломѣстцамъ, если только они согласятся нести съ нихъ тягло вмѣстѣ съ общинниками (что, впрочемъ, согласно съ прежними древнѣйшими правами общинъ). Самое важное и наиболѣе обширное узаконеніе объ этомъ предметѣ дано въ 1686 году—это „Статьи о чернослободскихъ дворахъ“ (П. С. З. № 1157), но, повторяя все предшествующее законодательство. этотъ законъ новаго даетъ только одно: именно онъ опредѣляетъ, что, въ случаѣ отчужденія бѣломѣстцами тяглыхъ дворовъ, эти послѣдніе могутъ быть пріобрѣтены только тяглыми людьми, и затѣмъ тотъ же законъ вновь призналъ за частными лицами право собственности на зданія.

Долговременныя усилія законодательства и обычнаго права, поддерживавшія права общинъ отъ разрушительнаго напора правъ частныхъ лицъ, оказались тщетными, когда въ первый годъ XVIII в. (1700 г.) данъ былъ указъ, позволившій свободное обращеніе дворовъ между бѣломѣстцами и тяглыми людьми. Всѣ участки внутри города, занятые частными лицами, сдѣлались ихъ собственностью; за городами остались имущества, находившіяся въ общемъ пользованіи всего города: площади, выгоны и

т. д. Правда, права частныхъ лицъ до изданія городового положенія при Екатеринѣ не были формулированы въ законѣ, но de facto всѣ постановленія положенія существовали и до его изданія. Остаткомъ прежнихъ общинныхъ городскихъ правъ является право города на усвоеніе выморочныхъ имуществъ.—Изложенная исторія законодательства о правахъ городскихъ общинъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, указываетъ на искусственное и довольно позднее созданіе послѣднихъ государствомъ ради фискальныхъ цѣлей, именно ради большей успѣшности поступленія податей и налоговъ подъ круговою порукою общины, а не на исконное историческое происхожденіе ихъ. Для отраженія этой мысли достаточно припомнить, что всѣ узаконенія по этому предмету издаваемы были по просьбѣ тяглыхъ общинъ, и самое первое изъ нихъ рисуетъ общинные порядки уже существующими, направляясь только къ укрѣпленію, а не къ созданію ихъ.

д) *Отношеніе имущественныхъ правъ городскихъ общинъ и волостей къ правамъ государства.* Многіе признаютъ общины, владѣвшія черными землями и дворовыми мѣстами, только владѣльцами ихъ; собственникомъ же ихъ считаютъ государство, и сообразно съ этимъ нерѣдко въ научныхъ изслѣдованіяхъ такія имущества называются „казенными“, „государственными“, иногда „государевыми“ (великокняжескими или царскими). Неволинъ опредѣляетъ ихъ юридическій характеръ такъ: „тяглыя казенныя имущества, которыя находились въ вѣчномъ владѣніи частныхъ лицъ, обществъ или установленій съ правами пользованія и *распоряженія*, принадлежащаго вотчинникамъ, съ обязанностію владѣльцевъ платить въ казну разныя подати и исправлять въ пользу ея повинности“. Этому, повидимому, соотвѣтствуютъ и выраженія древнихъ памятниковъ, въ которыхъ государи именуютъ черныя земли „нашими“, напр.: „А кто учнетъ жити на нашей черной землѣ сынъ боярской или приказной человѣкъ, ...и тѣ люди... намѣстнику судимы и тягло съ чернымъ деревень... тянутъ повытно, что на нихъ цѣловальники положатъ“ (1539—1540 г.). „То, господине, земля, на которой стоишь, Божія да государя великаго князя Есюнинскія волости“, говоритъ одинъ истецъ. Но гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ эти наименованія, могутъ какъ будто подтвердить мысль о принадлежности черныхъ земель государству нѣкоторыя постановленія законодательства и акты юридическихъ сдѣлокъ. Въ Судебникахъ черныя земли поставлены въ одинаковыя условія съ княжескими селами и помѣстными землями относительно привилегированной давности (шестилѣтней; см. Суд. 1-й, ст. 63). Акты сохранили нѣсколько случаевъ пожалованія государями черныхъ земель частнымъ лицамъ. Все это, повидимому, противорѣчитъ изложеннымъ выше фактамъ о правахъ общины на черныя земли, а равно и слѣд фактамъ объ отношеніи государства къ чернымъ волостямъ: уже съ начала XIV в. въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ села, принадлежащія князьямъ на частномъ правѣ, совершенно отличаются отъ „волостей“, въ которыхъ князю принадлежитъ лишь право суда и дани (см. въ Христ. по истор. рус. права, вып. II, духовную Калиты и наши примѣч. къ ней 4, 6, 7, 8, 9, 10). Когда потомъ (въ XVI в) частныя иму-

щества князей слились съ государственными въ общемъ наименованіи дворцовыхъ вотчинъ, то черныя земли не смѣшивались съ дворцовыми: послѣдними вел. князь управлялъ чрезъ частныхъ приказчиковъ (посельскихъ), первыми чрезъ государственные органы — намѣстниковъ и волостелей. Неволинъ думаетъ уничтожить это противорѣчіе тѣмъ, что изложенныя выше полныя права общинъ на землю считаетъ не общимъ явленіемъ, а исключительнымъ для нѣкоторыхъ общинъ, дарованнымъ имъ вслѣдствіе особаго пожалованія: „нѣкоторыя казенныя земли, отведенныя городскимъ и сельскимъ общинамъ, въ такой мѣрѣ подлежали распоряженію ихъ, что предоставленіе участковъ въ пользованіе и пр. совершенно принадлежало общинѣ“. Но нѣтъ не только особыхъ привилегій, но и слѣдовъ ихъ на какія-либо исключительныя права въ пользу той или другой общины. Въ однихъ и тѣхъ же актахъ можно наблюдать и права общины и права государства по отношенію къ черной землѣ. Изъ множества жалованныхъ грамотъ, дошедшихъ до насъ, нѣтъ ни одной въ пользу общины. Б. Н. Чичеринъ считаетъ возможнымъ распредѣлить права на одну и ту же землю государства и частныхъ лицъ и общинъ съ точки зрѣнія гражданскаго права, приписывая государству право собственности, а этимъ послѣднимъ jus in re altena. Но изложенныя выше права общинъ на распоряженіе черными имуществами отнюдь не подходятъ подъ понятіе о правѣ на чужую вещь.

Несомнѣнно, что, при мнимой коллизіи правъ государства и общинъ на черныя земли, собственникомъ на частномъ правѣ должно быть признано въ Москов. правѣ уже не государство, а городскія и сельскія общины. Государство вмѣшивается въ частныя права общинъ (а равно и вотчинниковъ), не какъ частно-правное лицо (фискъ, казна), а какъ политическій союзъ, ради цѣлей государственныхъ (напр., жалуя волостныя земли, оно первоначально жалуетъ въ нихъ лишь „судъ и дань“). Если и замѣчается нѣкоторая большая близость государства къ чернымъ землямъ, чѣмъ къ частнымъ вотчинамъ, то это объясняется особеннымъ характеромъ такого субъекта правъ, какъ общины: въ нихъ самихъ государственный характеръ (административный) смѣшивается съ частно-гражданскимъ.

Послѣдующая судьба правъ общинъ находилась въ зависимости отъ постепеннаго уясненія и возрастанія правъ казны и правъ частныхъ лицъ—членовъ общинъ: общинныя земли перешли или къ казнѣ (въ волостяхъ), или къ частнымъ лицамъ (въ городахъ); бывшія права собственности сохранялись лишь въ общинныхъ формахъ владѣнія на земляхъ казенныхъ и отчасти частно владѣльческихъ.

4. Вотчины частныхъ лицъ.

а) Родовыя имущества.

Понятіе о родѣ. Древнѣйшій изъ союзовъ, лежащихъ въ основѣ государственнаго и частнаго права, есть родъ. Родомъ называется союзъ лицъ, происходящихъ отъ одного родоначальника (хотя въ послѣдующія

эпохи типы рода отчасти уже осложняются ассимиляціею чужеродцевъ). Разростаясь родъ является уже группою лицъ, связанныхъ сколько родствомъ, столько же и даже преимущественно общностью правъ: именно, по мѣрѣ разростанія рода и удаленія отъ первоначаальнаго родоначальника, онъ можетъ распасться на нѣсколько частей, теряющихъ всякую фактически-родственную связь между собою: общее понятіе рода тогда состоитъ изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ, а именно центральный кругъ, это „ближній родъ", т. е. союзъ братскихъ семействъ (родъ, происходящій отъ одного отца), затѣмъ идетъ средній родъ—союзъ лицъ, происходящихъ отъ одного дѣла, и, наконецъ, „дальній родъ", т. е. союзъ лицъ, происходящихъ отъ одного прадѣда и другихъ дальнѣйшихъ родоначальниковъ, о которыхъ сохраняется память въ родѣ. По этимъ тремъ кругамъ распространяются и права на родовыя имущества (см. выше о переходѣ имуществъ по наслѣдству).

Родовыя имущества. Въ настоящее время родовыми имуществами могутъ быть однѣ лишь недвижимыя вещи. Движимыя же вообще менѣе допускаютъ совладѣніе, а большая часть ихъ, по своей потребляемости, неспособна быть предметомъ продолжительнаго (фиктивно-вѣчнаго) обладанія. Въ древнѣйшее же время при первоначальномъ тѣсномъ сожительствѣ всѣхъ членовъ рода и движимыя вещи были обще-родовыми. Домъ, въ точномъ смыслѣ, также не можетъ быть имуществомъ цѣлаго рода; и дѣйствительно, мы видѣли изъ Рус. Правды, что кругъ наслѣдованія движимостію и домомъ ограничивается предѣлами семьи (см. выше стр. 477). Но домъ въ обширномъ смыслѣ (дворъ, дворище) можно даже въ позднѣйшее время встрѣтить въ качествѣ объекта права цѣлаго обширнаго рода: у Хорватовъ задружный родъ („задруга") въ полномъ своемъ составѣ живетъ въ одномъ дворѣ; въ Великороссіи (особенно Курской, Тамбовской и Воронежской губ.) встрѣчались дворы, заселенные лицами, связанными родствомъ, въ количествѣ до 60 человѣкъ (слич. „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа" Н. И. Костомарова, стр. 40 и сл.).

Истиннымъ и точнымъ предметомъ родового владѣнія служитъ земля обработанная, а также пастбища, луга и лѣса. *Форма* осуществленія правъ рода на родовыя имущества, т. е. форма пользованія ими, на всемъ протяженіи исторіи не одинакова. Первоначальная форма—это общее совладѣніе имущества рода, т. е. общее для всѣхъ членомъ рода право владѣнія, пользованія и распоряженія. Пока родъ живетъ весь въ одномъ мѣстѣ, такое общее совладѣніе понятно и возможно; славянскія задруги и великорусскія семейныя общины—фактическое тому доказательство. Однако, Неволинъ отрицаетъ существованіе у насъ въ древнее время обще-родовыхъ имуществъ (въ личномъ началѣ онъ вообще видитъ отличіе русскаго гражданскаго права) и признаетъ только личную собственность („Ист. рос. гр. зак." часть 2, стр. 8—9). Между тѣмъ существованіе въ древнее время общеродового совладѣнія у насъ не можетъ подлежатъ никакому сомнѣнію, такъ какъ иначе нельзя объяснить слѣды его въ позднѣйшихъ смягченныхъ правахъ рода (а также и общинъ, возникшихъ изъ родовыхъ формъ).

Уже въ I-й періодъ, а еще болѣе въ началѣ московской эпохи эта форма владѣнія родовыми имуществами уступила мѣсто другой, уцѣлѣвши впрочемъ и потомъ на степени добавочной. Эта вторая позднѣйшая форма (въ XIV—XV в.) наступаетъ при раздѣлѣ родового имущества на составныя части: каждое выдѣлившееся колѣно и семейство получаетъ свою спеціальную часть въ пользованіе и владѣніе, но не имѣетъ права самостоятельнаго распоряженія, безъ согласія остальныхъ родичей; кромѣ того, нѣкоторыя части родового имущества все еще остаются въ общемъ совладѣніи всего рода (луга, лѣса). Такая форма существовала въ XIV и XV в. особенно на сѣверѣ. Существуетъ довольно значительное количество грамотъ Новгородскихъ, Двинскихъ, Бѣлозерскихъ и друг., относящихся къ этому времени и содержащихъ различныя сдѣлки на родовыя имущества. На основаніи этихъ грамотъ (и др. памятниковъ) можно сдѣлать слѣдующія заключенія относительно правъ рода на отдѣльныя части его имущества. 1) Отдѣльный родичъ можетъ отчуждать родовое имущество только съ согласія на то „остальной братіи". 2) Въ случаѣ отчужденія его безъ такого согласія родичи имѣютъ право иска противъ распорядившагося своею частью сородича. 3) Обыкновенно при каждомъ такомъ отчужденіи въ качествѣ дѣйствующаго лица при актѣ укрѣпленія является одинъ родичъ, но отъ имени всѣхъ, напр.: „се купи Окинфо и Еванъ и Марке и Ѳедоро у Жирятиничей: у Гашкуя, и у Якова, и у Бориса и Выгната Розуевъ острово; а болѣ Жирятиничѣмъ не надобѣ—у земли; увѣдаются Гакшуй и Яково и Борисъ сами съ своимъ племенемъ. А стояло у печати Гашкуй отъ всего племени" (А. Юр. № 71, I; см. еще факты, подобранные Неволинымъ: Ист. рос. гр. зак. ч. 2-я, стр. 159, прим. 187). 4) Бездѣтный вотчинникъ можетъ отчуждать только извѣстную часть родового имущества; въ противномъ случаѣ родичи имѣютъ право возвратить имущество (безденежно). У Татищева (Суд. изд. 1786 г., стр. 109) приводится узаконеніе царя Іоанна IV (приписанное въ одномъ спискѣ указныхъ книгъ къ 85 ст. его Судебника), по которому владѣлецъ родовой вотчины можетъ распоряжаться только въ случаѣ бездѣтности, и только половиною ея какъ по возмезднымъ, такъ и безмезднымъ сдѣлкамъ: „которые князи и бояре и дѣти боярскіе всякого чина люди дѣтей не имѣютъ, а похотятъ свои вотчины продати или заложити, или въ монастырь по душѣ дати, и имъ продати, и заложити и по душѣ отдати вольно всѣ свои *купли*. А не будетъ кому купли, ино изъ вотчинъ до половины, а болѣе половины вотчинъ, мимо отчичь, ни продати, ни заложити, ни по душѣ ни отдати. А продастъ кто или заложитъ, и о душѣ отдастъ болѣе половины, а отчичь будетъ бити челомъ о томъ, и ту лишнюю продажу отдати отчичу". 5) Наконецъ, родственники имѣютъ право преимущественной покупки отчуждаемой вотчины. По славянскимъ законодательствамъ (сербскому и польскому), всякій, намѣревающійся продать родовое имущество, долженъ дѣлать это открыто, „бѣлоденно", т. е. объявить о томъ заранѣе родственникамъ, которые могутъ, если желаютъ, купить его, отстраняя чужеродцевъ. У насъ это право сохранилось въ

Уложеніи ц. А. М.: „а будетъ послѣ кого умершаго вотчина его дана будетъ дѣтемъ его сыновьямъ, двумъ же или тремъ человѣкомъ вопче, и одинъ изъ нихъ тое отцовскія вотчины свой жеребій, для своихъ недостатковъ, похочетъ продать, или заложить—и ему тотъ самый вотчинной жеребій продать или заложить вольно. А будетъ братья его тое отцовскія вотчины съ нимъ раздѣлить не похотятъ, и учнутъ бити челомъ государю, чтобы государь пожаловалъ ихъ—велѣлъ у нихъ за тотъ брата ихъ вотчинной жеребей взяти брату ихъ деньги,—и у нихъ а тотъ брата ихъ вотчинной жеребей велѣти брату ихъ взяти деньги, по оцѣнкѣ, чего та вотчина стоитъ“ (Улож, XVII, 14). Въ XVII в. это право является лишь остаткомъ болѣе древняго и болѣе полнаго права родственниковъ: теперь только братья, и именно нераздѣленные, сохраняютъ право преимущественной покупки; въ старину имъ пользовались всѣ родственники, хотя бы уже владѣвшіе имуществами раздѣльно [1]).

Эта вторая форма отношенія рода къ его имуществамъ вырождается естественно изъ первой путемъ постепеннаго высвобожденія частныхъ правъ отдѣльныхъ членовъ родового союза. Прежде, напримѣръ, всякій членъ рода, пріобрѣтая что-либо собственными средствами, пріобрѣталъ

---

[1]) Полицкій статутъ (по изданію Ягина 49а и 49б) говоритъ слѣдующее о родовыхъ имуществахъ („племенщинахъ“): „Старинною вотчиною („бащиною“), которая унаслѣдована отъ предковъ, тотъ, кто ее держитъ, можетъ распорядиться („радовати“), и пользоваться („уживати и объ нои живити“); не позволительно („ниеподобно“) утрачивать ее и отчуждать безъ великой нужды, но по старому закону и обычаю, онъ долженъ оставить ее тамъ, гдѣ засталъ. Но если кто примыслитъ, или прибавитъ, или прикупитъ, или выслужитъ („издвори“), или какъ-либо иначе добудетъ самъ и своимъ трудомъ прибавитъ, то законъ повелѣваетъ, что онъ въ томъ воленъ и свободенъ какъ при смерти, такъ и при жизни...—Человѣкъ, находящійся при смерти, если имѣетъ нѣсколько дѣтей или наслѣдниковъ, кому его имущество остается, воленъ все сдѣлать съ этимъ имуществомъ; но не позволяется одному, мимо другого, отдать при смерти все, а другого совсѣмъ устранить...“ (Затѣмъ въ одной рукописи кодекса излагается 13 причинъ, по которымъ отецъ можетъ устранить дѣтей отъ наслѣдства: непочитаніе, покушеніе на жизнь родителей, общія преступленія, оскверненіе ложа родителя и т. д. Но, повторяемъ, это прибавленіе одной рукописи). Таковы права завѣщанія на родовое имущество; объ отказѣ его въ пользу постороннихъ, при наличности родовыхъ наслѣдниковъ, нѣтъ и рѣчи. Права распоряженія при жизни обозначаются въ томъ же законѣ такъ (51, 52 ibid.): „во-перв., по старому закону племенщину нельзя продать, ни заложить во тьмѣ, т. е. тайно, въ особенности отъ родственника (ближняго); она можетъ быть продана свѣтло, бѣлоденно и съ предварительнымъ опросомъ ближняго своего. По старому Полицкому закону, тотъ, кто думаетъ продать, долженъ оповѣстить на трехъ сборахъ (собраніяхъ)... говоря: я хочу продать; если кто изъ родственниковъ хочетъ купить, приступай; если нѣтъ, продамъ кому могу. Продавецъ не можетъ выкупить назадъ, а теперь Полица узаконила, что ближній можетъ выкупить въ теченіе года („до годища“); если найдется родственникъ болѣе близкій, чѣмъ тотъ, кто выкупилъ, то онъ можетъ выкупить у него; если оба, или нѣсколько находятся въ одинаковой степени родства, то могутъ выкупить въ такихъ же доляхъ, въ какихъ дѣлятъ племенщину (въ наслѣдствѣ)“. Промѣнъ родовой вотчины такъ же долженъ совершаться „свѣтло и бѣлоденно“; если при этомъ кто-либо изъ родственниковъ заявитъ, что онъ желаетъ вымѣнять эту вотчину, владѣлецъ долженъ согласиться.

въ собственность рода, т. е. имущества благопріобрѣтенныя становились родовыми. При значительномъ же высвобожденіи правъ родичей, это уже прекращается: родовыми имуществами уже не считаются пріобрѣтенныя отдѣльнымъ членомъ, если только это имущество пріобрѣтено не отъ членовъ того же рода.

Въ XVI вѣкѣ вторая форма права на родовыя имущества смѣняется позднѣйшей, остатки которой существуютъ еще и въ настоящее время. Эта форма отношенія рода къ родовымъ имуществамъ состоитъ изъ *права родового выкупа и права родового наслѣдованія*. Непосредственный владѣлецъ могъ уже отчуждать свое имущество, не испрашивая предварительнаго согласія родичей, но зато эти послѣдніе получили право выкупать обратно у пріобрѣтателя-чужеродца отчужденное имущество. Такъ происходитъ *право родового выкупа*. Неволинъ (и нѣкоторые другіе) оспариваетъ эту теорію происхожденія права родового выкупа. Онъ видитъ въ немъ не остатокъ или результатъ прежняго общаго владѣнія родовыми имуществами, не органически выросшій въ исторіи институтъ, а мѣру, извнѣ установленную государствомъ для искусственной поддержки знатныхъ фамилій. Къ такой мысли его главнымъ образомъ побудили слѣдующія два обстоятельства: 1) то, что право родового выкупа начинаетъ встрѣчаться въ памятникахъ лишь съ XVI вѣка, и 2) то, что право родового выкупа противорѣчитъ будто бы родовой собственности. Но очевидно, что эти обстоятельства не могутъ служить основаніемъ для отрицанія приведенной выше теоріи: они скорѣе подтверждаютъ ее. Право родового выкупа не могло явиться раньше, т. е. при полномъ господствѣ родового быта; тогда вовсе невозможно было отчужденіе имущества безъ согласія родичей. Что же касается кажущагося противорѣчія права родового выкупа родовой собственности, то слѣдуетъ припомнить, что право выкупа наступаетъ именно вслѣдствіе *паденія* непосредственной родовой собственности [1]). Относительно же самой теоріи Неволина замѣтимъ, что самодержавное Московское государство вообще несклонно было поддерживать аристократическія фамиліи [2]).

---

[1]) Нѣкоторые и теперь придерживаются мнѣнія Неволина (о независимости родового выкупа отъ родового совладѣнія), опираясь на его доводы, уже оспоренные (см. В. И. Сергѣевича. Лек. и изсл. 1899, 411 и сл.).

[2]) Проф. Сергѣевичъ предлагаетъ свою теорію происхожденія законовъ о родовомъ выкупѣ. По его мнѣнію, въ старину терминъ купить означалъ не только куплю-продажу, но и наемъ и залогъ; при этомъ всякая купля подлежала возможности поворота путемъ выкупа (что съ этою мыслію Энгельмана отнюдь нельзя согласиться о томъ см. ниже въ отдѣлѣ о куплѣ-продажѣ и залогѣ; право выкупа должно быть оговорено въ актѣ). Но если бы и такъ, то право выкупа, очевидно, должно было принадлежать тому, кто продалъ вещь, и отчасти его нисходящимъ. Законъ Ц. Суд. именно о первыхъ вовсе умолчалъ, а вторымъ отказалъ въ правѣ выкупа, а предоставилъ его боковымъ родственникамъ. На какомъ основаніи эти послѣдніе могли когда-либо претендовать на *обратное* полученіе („выкупъ“) *чужого* имущества (предполагая, что родичи никогда не имѣли никакихъ правъ на родовыя имущества сочленовъ)? Далѣе проф. Сергѣевичъ говоритъ,

Сущность права родового выкупа начинаетъ формулироваться въ законодательствѣ съ половины XVI вѣка: именно въ первый разъ она опредѣлена въ царскомъ Судебникѣ (ст. 85), потомъ въ Указной книгѣ помѣстнаго приказа (ст. IV, 8), въ Уложеніи (гл. XVII, ст.27—30) и въ новоуказныхъ статьяхъ 1679 г. Для уясненія сущности родового права выкупа разсмотримъ слѣдующіе вопросы [1]): на какія сдѣлки оно простиралось; кто

что законъ вызванъ необходимостію упорядочить народную практику". Въ чемъ же состояла эта практика? Одинъ предоставляетъ *себѣ и сыну* право выкупить проданную землю въ извѣстный срокъ; другой выговорилъ право выкупа *дѣтямъ своимъ*, если они у него родятся, „а если ихъ не будетъ, то послѣ моего живота женѣ моей, брату, племянникамъ и всему *роду до той вотчины дѣла нѣтъ*". Такая практика прямо противорѣчитъ праву родового выкупа, или вовсе не относится къ нему (впрочемъ приводимые авторомъ факты всѣ относятся ко времени *послѣ* Судебника Царскаго). Такимъ образомъ остается непонятнымъ возникновеніе права родового выкупа изъ понятія о куплѣ-продажѣ, какъ сдѣлкѣ, будто бы всегда подлежащей повороту. Одинъ изслѣдователь подъ впечатлѣніемъ практики крестьянскаго землевладѣнія (XVII в.) дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „родственники, устраненные отъ всякаго вмѣшательства въ распоряженіе (общеродовыми имуществами), *сохранили за собой* возможность возвращать отчужденное имущество въ свои руки путемъ выкупа... Мѣстные суды рѣшаютъ крестьянскіе споры на основаніи 40-лѣтней давности" (П. Ивановъ въ Докум. Арх. Ком. М. А. общ. 1, 3, стр. 421 - 422).

[1]) На какія вотчины простирается право родового выкупа? Судебникъ 1550 года говоритъ просто о вотчинахъ, не обозначая ихъ никакимъ предикатомъ (родовая, выслуженная). Нѣкоторыя, толкуя распространительно, полагаютъ, что право выкупа простиралось и на родовыя и на выслуженныя вотчины. Но въ XVI в., когда права вотчинника на пожалованныя имущества еще не были опредѣлены закономъ, а обозначались разнообразно въ каждой жалованной грамотѣ (см. ниже), когда основнымъ типомъ пожалованія считалось пожизненное,—нельзя было вовсе говорить о родовомъ выкупѣ такихъ имуществъ. Право выкупа жалов. вотчинъ возникло со времени ихъ уравненія съ родовыми (въ 1627 г.). Зато Судебникъ совершенно точно отличаетъ вотчины (родовыя) отъ „купель", т. е. благопріобрѣтенныхъ имѣній, и въ отношеніи къ послѣднимъ запрещаетъ выкупъ для родственниковъ. Такъ оно и должно быть по существу понятія о родовомъ выкупѣ. Однако, въ законахъ начала XVII в. находимъ ясныя упоминанія о выкупѣ и купленныхъ вотчинъ. Объясняя это весьма загадочное явленіе, г. Сторожевъ (Ист.-юр. мат. I, 163) говоритъ: „купля *по обычному праву* подлежала праву родового выкупа, *по закону*—нѣтъ". Такъ ли это?—Въ Указной книгѣ Помѣстнаго приказа содержится изложеніе указа 1619 г. (отдѣльно не дошедшаго до насъ), въ которомъ между прочимъ владѣльцамъ жалованныхъ вотчинъ предоставлено право „продать ихъ, заложить и въ приданое дать *и въ монастырь по душѣ дать до выкупу*, а кто буде роду его ту вотчину *изъ монастыря* похочетъ выкупить, и ему ту вотчину выкупать цѣною по государеву указу противъ дачь, сколько въ ней въ дачѣ четвертныя пашни написано, а дать за четверть по полтинѣ; а буде продастъ въ чужой родъ, а кто буде роду ихъ захочетъ ту вотчину выкупить,—и ему выкупать по прежнему уложенію, какъ ихъ родовыя *и купленныя* вотчины выкупаютъ; а буде *у него роду не останется, или останется, а выкупить не похотятъ*, и ту вотчину изъ монастыря взяти на государя, а деньги за нее дать въ монастырь изъ государевой казны" (Христ. вып. III, стр. 208). Если понимать слова указа по ихъ кажущемуся значенію, то купленныя вотчины, проданныя чужеродцамъ, подлежатъ родовому выкупу по (какому-то) „прежнему *уложенію*", а не по обычному праву. Но такой ли смыслъ въ дѣйствительности имѣетъ этотъ указъ? О выкупѣ какихъ вотчинъ онъ говоритъ? Если о проданныхъ чужеродцамъ, то какъ по-

могъ пользоваться имъ, и какія условія необходимы были для осуществленія этого права? Судебникъ установляетъ дѣйствіе права родового выкупа только на *сдѣлки возмездныя*: куплю-продажу, залогъ и мѣну; о безвозмездныхъ же сдѣлкахъ—дареніи, завѣщаніи—онъ (такъ же, какъ и послѣдующее законодательство) вовсе не упоминаетъ; только Новоуказныя статьи 1679 года обозначаютъ распространеніе его и на безвозмездныя сдѣлки. Отсюда Неволинъ заключаетъ, что право выкупа до этого узаконенія не простиралось на безвозмездные виды отчужденія, въ чемъ его убѣждаетъ еще и то соображеніе, что мотивами такого рода отчужденій служатъ моральныя побужденія, которыя не могутъ быть переложены на деньги (для выкупа). Но извѣстно, что для выкупа имуществъ, отчужденныхъ посредствомъ возмездныхъ сдѣлокъ, существовала (въ одно время) такса; она могла примѣняться и при даровомъ отчужденіи; если законъ не упоминалъ о выкупѣ отчужденныхъ безвозмездно имуществъ, то не потому, чтобы такой выкупъ былъ невозможенъ, а потому, что такія сдѣлки практиковались (безъ согласія всѣхъ членовъ рода) рѣдко. Изъ завѣщательныхъ распоряженій такими имуществами, дошедшихъ до насъ, видно,

---

нять непосредственно слѣдующія выраженія: „а буде у него рода не останется..., или выкупить не похотятъ“? При продажѣ чужеродцу въ такихъ случаяхъ нечего говорить о правѣ родового выкупа. Законъ дальше самъ объясняетъ, что дѣло идетъ о выкупѣ вотчинъ *у монастырей*. „А кто будетъ роду его вотчину изъ монастыря похочетъ выкупить, и ему та вотчина выкупать по прежнему уложенію. А буде у него роду не останется...“ и т. д.; о продажѣ въ чужой родъ ничего не говорится. Итакъ, выраженіе „купленныя вотчины“ попало въ фразу о выкупѣ у чужеродцевъ по винѣ плохой редакціи закона; предназначалось же оно спеціально для выкупа у монастырей. У монастырей же, со времени указа 1580 года, выкупу подлежали всякія вотчины—и родовыя и купленныя. Именно этимъ выкупомъ было заинтересовано государство въ XVI в., стремясь къ ограниченію вотчинныхъ правъ церкви, тогда какъ выкупъ частными лицами у чужеродцевъ мало интересовалъ его. Этимъ, думаемъ мы, вызванъ и указъ 1621 г., приводимый въ Ук. книгѣ помѣстн. приказа (см. Христ. III, стр. 219). Г. Сторожевъ дѣлаетъ и другое предположеніе (стр. 186), не отвѣчая, однако, за его состоятельность, а именно не подразумѣваетъ ли законъ подъ именемъ купленныхъ вотчинъ вотчины, купленныя у родичей. Но такія вотчины не переставали быть родовыми и не могли получить наименованіе купленныхъ. Что касается до выраженій купчихъ грамотъ „купилъ въ прокъ безъ выкупа“ въ примѣненіи какъ къ купленнымъ, такъ и родовымъ послѣ Судебника цар., то это есть отголосокъ старины, когда продавецъ могъ (при соотвѣтствующей оговоркѣ въ купчей) выкупить вотчину обратно. Судебникъ, какъ мы видѣли, умолчалъ о такомъ правѣ продавца (устранивъ нисходящихъ отъ права выкула). Что это за сдѣлка? Это не залогъ, который былъ извѣстенъ древнему праву подъ этимъ самымъ названіемъ; это купля-продажа, если только для выкупа не назначенъ опредѣленный срокъ: напр., въ 1568 г. продавцы выговариваютъ себѣ право уплатить назадъ взятыя ими у покупщика за вотчину 40 руб. въ опредѣленный срокъ; если деньги въ этотъ срокъ не возвращены, то *купчая становится купчею* („ся наша купчая въ купчую“). Такое странное выраженіе ясно указываетъ на сущность сдѣлокъ подобнаго рода, не имѣющихъ въ нынѣшнемъ правѣ соотвѣтствующихъ себѣ; лишь для аналогіи назовемъ такую сдѣлку запродажною записью. „Купчая“, которая выдается подъ такими условіями, не есть актъ, заканчивающій договоръ купли-продажи, а начинающій его: сдѣлка могла быть прекращена волею продавца (см. ниже о договорѣ купли-продажи).

что они отказывались обыкновенно (почти всегда) въ пользу родовыхъ же наслѣдниковъ, чѣмъ, очевидно, и исключалась возможность примѣненія родового выкупа въ случаѣ безвозмездныхъ сдѣлокъ. Итакъ, мы думаемъ, что право родового выкупа простиралось всегда на всякіе виды отчужденія имуществъ. Что касается *субъектовъ права* родового выкупа, то ими были всѣ члены рода (кромѣ участвовавшихъ въ сдѣлкѣ) или, правильнѣе, весь родъ. Фактически выкупъ производится однимъ лицомъ, но являющимся представителемъ цѣлаго рода; это видно изъ того, что выкупленное имущество остается родовымъ, а не благопріобрѣтеннымъ. Лица, участвующія въ сдѣлкѣ (въ качествѣ свидѣтелей), не получаютъ права выкупа потому, что своимъ участіемъ они заявляютъ согласіе на отчужденіе. Нисходящіе продавца также лишаются права выкупа, ибо дѣйствія отца или дѣда ихъ, въ силу солидарности семейныхъ правъ, всегда признавались для нихъ обязательными [1]).

Условія выкупа. Право родового выкупа заключаетъ въ себѣ принудительную обязанность покупщика продать обратно въ извѣстный срокъ и по извѣстной цѣнѣ купленное имъ родовое имущество продавца.

Что касается *срока,* до истеченія котораго право выкупа имѣло силу, то въ болѣе старыя времена онъ, по всей вѣроятности, вовсе не опредѣлялся: выкупить можно было всегда, если только не исчезла память о томъ, что извѣстное имущество было родовое. Судебникъ Іоанна IV установилъ 40-лѣтнюю давность для выкупа, но изъ юридическихъ актовъ видно, что иски о выкупѣ вчинялись и черезъ болѣе продолжительное время, а также встрѣчается, что судьи отказываютъ въ искахъ, начатыхъ раньше истеченія 40-лѣтняго срока; изъ этого можно заключить, что фактически давность, установленная Судебникомъ, не всегда принималась во вниманіе; не только практика, но и законодательство измѣняло этотъ срокъ по случайнымъ поводамъ [2]).

---

[1]) Выкупъ вотчинъ государствомъ (изъ монастырей) не относится къ праву родового выкупа.

[2]) Указъ 1622 (см. Ук. кн. пом пр. въ Христ. III, стр. 194) предписалъ не давать выкупа изъ монастырей вотчинъ, пріобрѣтенныхъ ими до Московскаго разоренія (т. е. за истеченіемъ 10-лѣтней давности). Г. Сторожевъ находитъ въ этомъ указѣ „странное пониманіе права собственности на основаніи давности владѣнія (стр. 159—160); между тѣмъ продолжаетъ: „по поводу этого указа нѣтъ надобности поднимать вопроса о томъ, на сколько законы о давности соблюдались у насъ на практикѣ". О „практикѣ", дѣйствительно, нельзя говорить, когда рѣчь идетъ о законѣ. Но когда рѣчь идетъ о законѣ, который отмѣняетъ на данный случай общій законъ, не упоминая о немъ, вообще, когда встрѣчаемъ странное пониманіе давности, надо уяснить эту странность. Онъ не уясняется тѣмъ, что мы назовемъ одинъ законъ „нарушеніемъ" другого (нарушать законъ могутъ лица, а не законъ); не уясняется дѣло и тѣмъ, что нарушеніе вызвано „желаніемъ предотвратить возможность возникновенія массы процессовъ", ибо этимъ желаніемъ вызываются *всѣ* законы о давности. Единственное резонное объясненіе заключается въ томъ, что отъ *всѣхъ прочихъ* условій давности *сроки* отличались въ нашемъ древнемъ правѣ своею неопредѣленностію и условностію (см. выше отдѣлъ о давности, стр. 522 и сл.). Что касается до практики, то намъ извѣстны три выкупныхъ

Цѣна, по которой выкупались вотчины, сперва не была опредѣлена закономъ, и обыкновеннно выкупъ совершался по той цѣнѣ, по которой совершена сдѣлка продажи [1]). Но когда контрагенты сдѣлокъ, чтобы парализовать право выкупа фактически, стали обозначать въ актахъ чрезвычайно высокую цѣну, тогда явилась потребность таксировать выкупную плату, и въ 1619 и 1621 г. были изданы узаконенія о томъ. Упоминаніе о цѣнѣ выкупа вотчинъ есть и въ Судебникѣ 1550 г., но только относительно однихъ заложенныхъ имуществъ и безъ опредѣленія таксы: „въ мѣру, чего та вотчина стоитъ“ (ст. 85). Царь Алексѣй Михайловичъ отмѣнилъ таксу, узаконенную въ 1619 г., и установилъ выкупъ опять по цѣнѣ, обозначенной въ купчихъ (Ул. XVI, 27). Кромѣ срока, условіемъ, ограничившимъ право родового выкупа, была обязанность для выкупающаго производить выкупъ на собственныя средства. По Судебнику, если продавецъ „доведетъ“, что его родичъ „выкупилъ вотчину чужими деньгами и держитъ ее не за собой“, то она возвращается къ отчудившему ее.

Кромѣ родового выкупа, другимъ позднѣйшимъ результатомъ бывшаго нѣкогда общеродового владѣнія служитъ *право родового наслѣдованія*, которое изложено въ своемъ мѣстѣ.

дѣла во времена, ближайшія къ Судебнику: именно 1547 г. апр. 16 (Ак. Юр. № 134), 1550 и 1559 (оба послѣднія въ правой грамотѣ, изд. Сандуновымъ). Первый и, можетъ быть, 2-й случай предшествуютъ Судебнику и могутъ не относиться къ дѣлу; но въ 1559 г. судья отказалъ въ выкупѣ потому, что истцы молчали 26 лѣтъ (въ 1550 г.—за истеченіемъ 17 лѣтъ).

[1]) У проф. Сергѣевича читаемъ (Лекц. и изслѣд, 1899 г., стр. 411): „Первоначально, въ XVI в. выкупъ вотчинъ происходилъ, кажется, не по цѣнѣ, указанной въ купчей, а по оцѣнкѣ; въ XVII вѣкѣ по цѣнѣ, означенной въ купчей“. Въ дѣйствительности дѣло происходило такъ: въ Судебникѣ оцѣнка (въ случаѣ спора) примѣняется лишь къ заложеннымъ вотчинамъ, о проданныхъ Судебникъ вовсе молчитъ. Затѣмъ „до Московскаго разоренья“, т. е. *въ XVI в.*, изданъ не дошедшій до насъ указъ о выкупѣ вотчинъ „*съ продажи*“, т. е. по цѣнѣ, обозначенной въ купчей; очевидно, этотъ законъ лишь дополнилъ умолчанное въ Судебникѣ. Такъ было дѣло въ XVI в. (если не считать неяснаго намека въ указѣ 1557 г.; см. Ук. кн. казн. VI). Въ XVII в., наоборотъ, введена узаконенная такса; именно указомъ 1619 года было опредѣлено выкупать по полтинѣ за четверть (г. Сторожевъ полагаетъ, что это относится только къ вотчинамъ, выкупаемымъ у монастырей; но въ текстѣ Ук. кн. пом. приказа говорится: „*по тойже* цѣнѣ“, а впереди рѣчь шла о выкупѣ у чужеродцевъ). Въ 1621 году вмѣсто прежней однообразной таксы введена другая, различная для разныхъ уѣздовъ не черноземныхъ и черноземныхъ, близкихъ къ Москвѣ и отдаленныхъ (см. Ук. кн. пом. прик. въ Христом. III, стр. 219). Указъ 1625 г. дополняетъ эти постановленія тѣмъ, что, если покупщикъ улучшилъ вотчину (назвалъ крестьянъ, расчистилъ лѣсъ, воздвигъ строенія и пр.), то выкупъ допускается уже не по таксѣ („по четямъ“), а по купчимъ и закладнымъ; сверхъ того, за улучшенія полагается вознагражденіе по оцѣнкѣ судомъ (см. Ук. кн. помѣст. прик. Христом. III, стр. 241—242). Такъ было *въ XVII вѣкѣ* до Уложенія. Уложеніе отмѣнило таксу и установило выкупъ по цѣнѣ, обозначенной въ актѣ отчужденія, присоединивъ къ тому указную таксу за разные виды улучшенія („строеніе“) вотчины.

Исторія формъ отношенія рода къ своимъ имуществамъ есть въ то же время и исторія отношенія правъ частныхъ лицъ къ правамъ рода. Мы видѣли уже, какъ отдѣльный членъ рода, совершенно теряющійся въ правахъ рода доисторической эпохи, мало-помалу путемъ постепеннаго выдѣленія своихъ правъ получаетъ сперва только въ пользованіе часть родовыхъ имуществъ, а въ послѣднее время почти всѣ права распоряженія ими.

Отношеніе правъ родовыхъ вотчинниковъ къ правамъ государства. Родъ былъ высшею автономною единицею лишь въ доисторическія времена. При соединеніи родовъ (и общинъ) въ государственный (земскій) союзъ, этотъ послѣдній прикрылъ своими правами и права родовъ, вошедшихъ въ него. Всѣ тѣ требованія, которыя предъявлялъ родъ къ частнымъ лицамъ, составляющимъ его, теперь государство предъявляетъ къ самому роду. Родъ требуетъ, чтобы имущество не было отчуждаемо произвольно родичемъ чужеродцу; государство запрещаетъ передавать его чужеземцамъ.

Въ московскій періодъ возникли новыя ограниченія, обязанныя своимъ происхожденіемъ вліянію служебныхъ повинностей, лежащихъ на вотчинахъ. Особенному ограниченію подлежали тогда *княжескія вотчины*, а именно князья не имѣли никакихъ правъ распоряженія своими вотчинами безъ согласія государя; дочери ихъ не наслѣдуютъ такихъ вотчинъ, а получаютъ отъ государя приданое; жена получаетъ только часть на прожитокъ. Словомъ, къ этимъ имуществамъ вполнѣ прилагаются черты постановленія Рус. Правды объ имуществахъ смердовъ. Прочія, т. н. боярскія вотчины (за немногими исключеніями: см. Ук. кн. вѣд. казн. ст. XIX) имѣютъ уже свойства болѣе свободныхъ имуществъ, хотя ограниченія правъ ихъ владѣльцевъ въ XVI и XVII вв. довольно существенны; они истекаютъ частію изъ прежнихъ земскихъ, частію изъ новыхъ служилыхъ отношеній: вотчины могли обращаться только между одноземцами, хотя „земли“ уже сдѣлались провинціями одного государства: „а что во Твери, и въ Торжку, въ Ярославѣ, на Резани, на Бѣлѣозерѣ и на Романовѣ *изстари* иногородцы вотчины ихъ (вотчинныхъ) земель не покупывали...; и нынѣ царь и вел. кн. приговорилъ... по тому жъ, какъ было изъстари“ (Ук. кн. вѣд. казнач., ст. XVIII; сл. Ул. XVII, 49—50). Вотчины могли обращаться только между лицами извѣстнаго служилаго класса; въ частности такое ограниченіе постановлено въ законѣ относительно: а) т. н. бѣлозерцевъ или казаковъ (т. е. смоленцевъ, которые послѣ взятія Смоленска поляками были испомѣщены на Бѣлоозерѣ: Ук. кн. пом. прик. IV, 36, 44, 61; Улож. XVI, 49—50, П. С. З. № 53; такое ограниченіе продолжалось до 1677: П. С. З. № 700, от. I, ст. 14), б) относительно иноземцевъ (Ук. кн. пом. прик. IV, 24), в) служилыхъ татаръ и мордвы (ibid. 34) [1]).

[1]) Вопросъ объ ограниченіи вотчиннаго права въ Московскомъ государствѣ возбуждаетъ споры въ историко-юридической литературѣ. Спорными являются какъ сущность ограниченій, такъ и источникъ и время образованія ихъ. Въ чемъ состояли огра-

б) Купленныя вотчины.

Выше мы слѣдили, какъ права частныхъ лицъ, конкурируя съ правами рода, постепенно оттѣсняютъ эти послѣднія (оставивши, наконецъ, за родичами одно право родового выкупа); какъ частныя права отдѣльныхъ членовъ общины, особенно городской, берутъ, наконецъ, перевѣсъ надъ правами цѣлой общины и окончательно утверждаются на участкахъ общиной земли, состоящей во владѣніи частныхъ лицъ. Ниже увидимъ, какъ то же самое явленіе можно наблюдать по отношенію частныхъ

ниченія (имѣемъ въ виду не жалованныя вотчины и не помѣстья, а вотчины родовыя)? Въ томъ, что вотчины обложены служебною повинностію: кто отказывался служить, тотъ могъ быть лишенъ вотчины. Это древнее свойство землевладѣнія, примѣнявшееся и въ первомъ періодѣ и въ В. Новгородѣ: бояринъ Новгородскій, переходящій на службу въ другую землю, терялъ свои имущества. Какъ въ княжествахъ земскаго періода, такъ и въ В. Новгородѣ бояре (земскіе) отправляли службу сообразно съ своею состоятельностію, т. е. съ величиною вотчинъ: одинъ выѣзжалъ со множествомъ слугъ, его дружина конкурировала съ княжескою; другой являлся или лично—одинъ, или съ двумя—тремя слугами. Полагать надо, что уже тогда количество службы было до нѣкоторой степени урегулировано, что̀ видно, между прочимъ, изъ новгородскихъ ополченій. „Дѣти боярскіе... помѣщики составляли обыкновенно новгородское ополченіе; кажется правдоподобнымъ, что въ В. Новгородѣ раздавали дѣтямъ боярскимъ земли съ такою же обязанностію“ (т. е. служебною: Костом. Сѣв. Народопр. II, 27); тоже видно изъ распредѣленія денежной воинской повинности въ XI в.: готовясь въ 1018 г. въ походъ противъ Кіевскаго князя, новгородцы начали собирать деньги на наемъ дружины: отъ мужа по 4 куны, отъ бояръ по 15 грив., отъ старостъ по 10 грив. Это же видно изъ очень старыхъ росписей службы Литовскаго государства (временъ Ягайла и Казимира). XIV-й вѣкъ составляетъ для восточной Руси какъ бы перерывъ въ этой традиціонной повинности бояръ въ княжествахъ сѣверной Руси: бояринъ, переходящій на службу къ другому князю, сохраняетъ за собою вотчины въ прежнемъ удѣлѣ, что повторяется почти во всѣхъ договорахъ князей между собою. Какъ согласить это съ предшествующимъ состояніемъ дѣла и съ интересами тогдашнихъ княжествъ? Перешедшій бояринъ *служитъ* другому князю; въ этой „службѣ“ весь смыслъ перехода и причина, почему его принялъ другой князь; скажемъ болѣе, въ этомъ весь смыслъ боярскаго званія. Бояринъ служитъ умомъ въ княжескомъ совѣтѣ, но одного этого очень мало: онъ служитъ дѣломъ въ управленіи и войскѣ. Если его новый князь вступаетъ въ войну съ прежнимъ, у котораго въ удѣлѣ лежатъ вотчины перешедшаго боярина, то неужели этотъ послѣдній князь будетъ благодушно смотрѣть, какъ бояринъ собираетъ въ его владѣніяхъ средства (людей и деньги) для войны съ нимъ? До такого благодушія не могли снизойти тогдашніе довольно свирѣпые нравы. И мы допустить того не можемъ. Проф. Сергѣевичъ совершенно справедливо говоритъ: „договоры допускаютъ право отъѣзда не безусловно, а въ опредѣленныхъ границахъ: между дружественными союзными князьями“ („Вольные и невольн. слуги“, Наблюдатель № 2, стр. 52). Къ этому необходимо добавить слѣдующее: постоянное повтореніе формулы „боярамъ и слугамъ вольнымъ межи насъ воля“ почти во всѣхъ договорахъ XIV и нач. XV в. указываетъ, что князья, несмотря на постоянныя усобицы, считали всѣ другъ друга союзниками. Всѣ удѣлы находятся въ (предполагаемомъ) союзѣ; приведенная формула есть лишь одно изъ условій и признаковъ общесоюзнаго строя сѣверной Руси XIV в. (см. выше стр. 108). Всѣ княжества мыслятъ себя, какъ одно государство, и переходы бояръ поэтому не считаютъ измѣною (между тѣмъ В. Новгородъ въ этомъ отношеніи стоитъ на почвѣ древней раздѣльности

лицъ къ помѣстьямъ. Но физическое лицо можетъ независимо и непосредственно пріобрѣтать право на недвижимыя имущества. Оно можетъ пріобрѣтать имущество или экономическими способами, или услугами государству. Изъ перваго образуется понятіе купленныхъ вотчинъ, изъ второго—выслуженныхъ вотчинъ и помѣстій.

Купленныя вотчины (нынѣ именуемыя благопріобрѣтенными) суть недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя частнымъ лицомъ у стороннихъ (а не у родичей). Хотя и существуетъ мнѣніе, что различіе благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ имуществъ въ нынѣшнемъ дѣйствующемъ правѣ

земель). Но такъ какъ печальная дѣйствительность постоянно нарушала союзный миръ, то и условіе о свободномъ выходѣ бояръ съ сохраненіемъ вотчинъ также постоянно нарушалось и не тотько во время войны, но иногда и среди мира: когда „послѣ докончанія и крестнаго цѣлованія кн. Дм. Шемяки съ в. княземъ, бояре и дѣти боярскія перваго „били челомъ“ вел. князю, а села и домы ихъ остались въ отчинѣ Шемяки, то онъ „чрезъ то докончаніе и крестное цѣлованіе, тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села и домы ихъ у нихъ поотымалъ, и животы и състатки всѣ и животину у нихъ поималъ“ (А. И. I, № 40). Такъ, постоянное повтореніе формулы не означаетъ еще дѣйствительной полной свободы вотчиннаго владѣнія (которая, какъ мы видѣли, и не осуществима). Когда союзный (федеративный) строй смѣняется единодержавнымъ, въ государствѣ остается одинъ государь, то переходить некуда, кромѣ государствъ чужихъ и враждебныхъ (Литвы, Швеціи, Орды). Такой переходъ есть очевидная госуд. измѣна; она приводила виновнаго не только къ конфискаціи имуществъ, но и къ казни. Свобода вотчиннаго владѣнія заключалась въ границахъ одного государства. Считать ли это ограниченіемъ правъ вотчинныхъ? Если и въ наши дни государства нерѣдко удѣляютъ право землевладѣнія только своимъ подданнымъ, то отнюдь нельзя сказать, что Московскіе вел. князья конца XV вѣка уничтожили свободу вотчиннаго права одною отмѣною сохраненія вотчинъ при переходѣ владѣльцевъ въ другое государство. Каждое государство въ своихъ предѣлахъ можетъ дать достаточный просторъ для правъ вотчинныхъ (какъ и другихъ). Въ чемъ же измѣнилось дѣло? Вотчинники продолжаютъ нести службу, какъ и въ первомъ періодѣ. Однако, развица есть и чувствуется въ Московскомъ государствѣ на каждомъ шагу; но эта разница опредѣляется не измѣненіемъ вотчинныхъ правъ, а перемѣною строя государства, которому служатъ вотчинники. Въ древнемъ періодѣ обязанности и объемъ службы опредѣлялись также госуд. властію, но эта власть была вѣчевая: сами подданные, и въ томъ числѣ прежде всего бояре, возлагали и опредѣляли эту повинность („и начали новгородцы деньги собирать...“). Теперь это власть великаго инязя и царя—власть сторонняя и строгая: она можетъ проявляться и въ произвольныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ противъ имуществъ, такъ и противъ лица бояръ; она можетъ взять у монастырей землю и раздавать ее помѣщикамъ (Иванъ III въ В. Новгородѣ); она можетъ испомѣстить въ Москов. уѣздѣ нужныхъ людей, заставивъ потѣсниться прежнихъ владѣльцевъ; она можетъ взять вотчину у князя или боярина и дать ему взамѣнъ что-нибудь на другомъ концѣ государтва (Иванъ IV въ опричинѣ). Такова *фактическая* обстановка вотчиннаго права, обязанная новому строю государства. Говоримъ „фактическая“, ибо проявленія великокняжеской власти отнюдь не опредѣляются постояннымъ произволомъ. Если бы такъ, то за весь этотъ періодъ нельзя было бы вести рѣчь ни о какихъ ни личныхъ, ни имущественныхъ правахъ. Въ дѣйствительности и въ самый разгаръ произвола (при Грозномъ) рядомъ существовалъ законъ и обычное право. Чѣмъ отразился на вотчинныхъ правахъ новый порядокъ въ законѣ? Къ этому сводится весь вопросъ объ ограниченіи вотчинныхъ правъ въ Московскомъ государствѣ. Онъ рѣшался бы просто и легко, если бы самый законъ былъ всегда ясенъ. Затрудненія въ толкованіи закона и служатъ причиною литературныхъ споровъ.

установлено лишь Екатериною II-ю (въ дворянской грамотѣ и городовомъ положеніи 1785 г., когда введенъ терминъ „благопріобрѣтенное"), однако Екатеринѣ принадлежитъ лишь точнѣйшее выраженіе древнихъ понятій о томъ же предметѣ. Внутренняя причина различенія имуществъ родовыхъ о благопріобрѣтеннмхъ доступна пониманію самыхъ простыхъ людей: первыя получаются независимо отъ труда или достоинствъ пріобрѣтателя; послѣднія требуютъ присутствія этихъ условій. Во-первыхъ, что касается *образованія благопріобрѣтенныхъ имуществъ*, то въ

Узаконенія о вотчинахъ были и въ болѣе раннюю эпоху: таковъ былъ законъ вел. кн. Василія Ивановича, но онъ не дошелъ до насъ; дошли лишь законы 1562 и 1572 годовъ; они-то и возбуждаютъ пререканія. Въ первомъ изъ нихъ находимъ ясныя постановленія о княжескихъ вотчинахъ (изложенныя нами въ текстѣ: см. стр., 117); въ немъ находимъ въ концѣ прибавку насчетъ наслѣдованія въ вотчинахъ вообще, но не возбуждающихъ пререканій съ точки зрѣнія вотчиннаго права (со стороны права наслѣдства см. выше прим. на стр. 500 и сл.) Во второмъ указѣ находимъ уже нѣчто затруднительное, а именно слѣд.: „которые вотчины княженецкіе и боярскіе не давалися въ продажу, ни въ мѣну, ни въ приданыя, ни роду, ни по душѣ, у иныхъ и родныхъ братій жеребей, котораго брата не станетъ,—и тѣмъ вотчинамъ быти по старому государеву уложенію въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ, про которые городы указъ государевъ есть: про Ярославскіе вотчины... и про всѣ вотчины такіяжъ—одинъ приговоръ". Изъ этого не совсѣмъ яснаго текста одно очевидно, что подъ типъ княжескихъ вотчинъ (весьма ограниченный относительно правъ распоряженія) подведены и нѣкоторыя боярскія вотчины: что это—нѣкоторыя, а не всѣ боярскія вотчины, это совершенно очевидно изъ текста закона: „*которые* вотчины княжен. и боярскіе..."; ясно также, что такой типъ вотчинъ опредѣленъ когда-то раньше, а законъ 1572 г. только подтверждаетъ старину. Ясно далѣе, что такія владѣнія совершенно повторяютъ типъ вотчинъ княжескихъ. Не ясно, какъ образовались такія вотчины. Быть можетъ это жалованныя вотчины? Но о жалованныхъ тотчасъ же начинается новый пунктъ: „А у котораго боярина такіежъ вотчины государского данія, а не ихъ старинныя вотчины...". Лишь гипотетически можно сказать, что боярскія вотчины ограниченнаго типа образовались изъ покупки боярами княжескихъ вотчинъ: доказательствомъ предположенія можетъ служить то, что рѣчь о нихъ идетъ вмѣстѣ съ княжескими вотчинами и заключается такъ: „про всѣ вотчины *княжія такіяжъ* одинъ приговоръ". Предыдущій законъ (1562) запретилъ покупку княж. вотчинъ и даже проданныя предписалъ конфисковать; указъ 1572 г. смягчилъ этотъ суровый законъ, оставилъ ихъ въ рукахъ покупщиковъ бояръ, но распространилъ на нихъ всѣ условія ограниченій, лежавшія на княжескихъ вотчинахъ. Мы отнюдь не настаиваемъ на этой гипотезѣ, если откроется основаніе къ другому толкованію его. Для насъ важно, что здѣсь мы имѣемъ лишь частное ограниченіе вотчиннаго права, не простирающееся на всѣ вотчины. Такихъ отдѣльныхъ типовъ ограниченнаго вотчиннаго права являлось потомъ немало и въ XVII и въ XVIII вв. Таковы вотчины, проданныя изъ казны по ук. 1573 г., на которыя вотчинники имѣли права распоряженія, но которыя не шли въ боковое наслѣдство; таковы же: посессіонное владѣніе, землевладѣніе однодворцевъ, поселенныхъ солдатъ, иностранныхъ колонистоюъ и пр. (см. ниже). Въ пониманіи приведенныхъ мѣстъ указа далеко разошлись проф. Сергѣевичъ и г. Рождественскій; послѣдній распространяетъ на *всѣ* родовыя вотчины ограничительныя условія княжескихъ вотчинъ, а тѣмъ впадаетъ въ поразительную и большую ошибку, противъ которой вооружается самъ тутъ же въ двухъ обширныхъ частяхъ своего труда: въ гл. I, о. т. н. „мобилизаціи" вотчиннаго землевладѣнія (замѣтимъ мимоходомъ, терминъ, вошедшій въ моду въ послѣднее время, но весьма неудачный: недвижимая вещь не можетъ быть движимою) и въ гл. 2 (объ аристократіи). Въ этихъ главахъ авторъ

Екатерининскихъ узаконеніяхъ сказано, что собственникъ въ отношеніи къ нимъ есть „первый пріобрѣтатель“; древнее же названіе—купленныя вотчины указываетъ, повидимому, только на одинъ способъ пріобрѣтенія—куплю (предположительно вообще возмездные способы); но въ этомъ видна лишь естественная неспособность древняго юридическаго языка къ обобщеніямъ; ни въ одномъ древнемъ свидѣтельствѣ нельзя отыскать указанія, чтобы имущество, пріобрѣтенное посредствомъ дара или же завѣщанія отъ чужеродцевъ, становилось ео ipso родовымъ. Не во всякомъ случаѣ, однако, имущество, пріобрѣтенное частнымъ лицомъ, становится благопріобрѣтеннымъ; если оно пріобрѣтено, хотя бы и возмезднымъ способомъ, у членовъ своего рода, то не перестаетъ быть родовымъ: равн. образомъ имущество, выкупленное у чужеродцевъ, остается родовымъ; наоборотъ, имущество, проданное чужеродцу, а потомъ купленное (но не на правахъ родового выкупа) членомъ прежняго рода, остается благопріобрѣтеннымъ въ рукахъ этого послѣдняго. Всѣ эти черты, тоннѣе выраженныя въ узаконеніяхъ имперіи, однако присутствуютъ и притомъ съ особенною жизненною силою въ узаконеніяхъ и юридическихъ явленіяхъ древней Руси (см. ук. 1680 г. марта 10).

успѣшно доказываетъ, что, несмотря, на всѣ усилія государства, боярскія вотчины дробились въ наслѣдствѣ по закону и завѣщаніямъ, переходя между прочимъ въ женскія руки не только по наслѣдству, но и по приданому, дѣлились между совладѣльцами переходили кредиторамъ по долговымъ обязатемьствамъ, поступали въ монастыри по дарственнымъ, покупались и продавались (что вызывало постановленія о родовомъ выкупѣ) и т. д. (стр. 63—126). И все это совершалось и до и послѣ указа 1572 г. Все это такъ, да и странно было бы доказывать, что вотчинникъ могъ продать, заложить и подарить вотчину: истина азбучная. Но вотъ мы встрѣчаемъ законъ, по которому будто бы всѣ вотчинники не имѣютъ права продавать, мѣнять, давать въ приданое, оставлять боковымъ родственникамъ въ наслѣдство никакихъ своихъ вотчинъ! И такой удивительный законъ сочинили „освященный соборъ и бояре“, т. е. боярская дума. Вполнѣ отрицаемъ такое совершенно невозможное положеніе, опровергаемое самимъ авторомъ. Но мы тѣмъ не менѣе не можемъ признать и мнѣніе проф. Сергѣевича, что въ данномъ указѣ рѣчь идетъ о жалованныхъ вотчинахъ: выше было уже сказано, что въ самомъ указѣ за анализируемымъ постановленіемъ сдѣлано прямое противоположеніе вотчинъ съ ограниченными условіями владѣнія вотчинамъ жалованныхъ: „А у котораго боярина *такія-же вотчины государскаго данья*, а не ихъ старинныя вотчины...“ слѣдуетъ опредѣленіе правъ на жалованныя вотчины, совсѣмъ другія: онѣ могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ. идти въ боковое наслѣдованіе; о продажѣ, мѣнѣ и проч. совсѣмъ не упоминается. Итакъ, полагаемъ, что здѣсь мы имѣемъ не ограниченіе правъ на жалованныя вотчины, а опредѣленіе правъ на нѣкоторые спеціальные виды родовыхъ вотчинъ, совершенно подходящіе къ вотчинамъ княжескимъ.

Несмотря на такія частичныя сокращенія вотчиннаго права, несмотря на перемѣны, зависѣвшія отъ новой (самодержавной) власти государства,—вотчинное право въ Московскомъ государствѣ несомнѣнно укрѣплялось и опредѣлялось болѣе, чѣмъ въ предшествующее время, когда вовсе не было никакихъ законовъ, ограждающихъ его, когда новый князь выгонялъ собственниковъ и отдавалъ „отечествія“ ихъ новымъ пришельцамъ.

Во-втор., способъ прекращенія характера благопріобрѣтенности и переходъ такого имущества въ родовое опредѣляется ясно и точно лишь въ узаконеніяхъ императорскаго періода. Однако, реальная почва для такихъ опредѣленій дана до-Петровскою юридическою жизнію. Благопріобрѣтенное имущество становится родовымъ лишь по переходѣ имущества въ порядкѣ наслѣдованія законнаго или завѣщательнаго (если въ послѣднемъ случаѣ наслѣдникомъ назначенъ наслѣдникъ по закону). Такой принципъ присутствуетъ и въ Улож. ц. А. М. и въ послѣдующихъ за нимъ узаконеніяхъ (ук. 1679 г. іюня 19).

Впрочемъ *субъектъ права* на купленную вотчину въ древней Руси существенно отличается отъ субъекта правъ на благопріобрѣтенное имущество по законамъ имперіи. По этимъ послѣднимъ, собственникомъ безраздѣльнымъ и единымъ имущества благопріобрѣтеннаго считается физическое лицо, пріобрѣтшее его. Въ древнемъ правѣ даже и въ эту сферу проникаетъ сложность субъекта правъ: именно купленныя вотчины принадлежатъ семьѣ, т. е. мужу, женѣ и, конечно, сыновьямъ. Общность правъ на такое имущество, не ясная при существованіи брака, является несомнѣнною при прекращеніи брака смертію мужа: въ такомъ случаѣ купленное имущество переходитъ женѣ и принадлежитъ ей независимо отъ правъ рода (см. выше о семейномъ правѣ); это опиралось на томъ предположеніи, что всякое новое пріобрѣтеніе имуществъ совершается на общія средства супруговъ. Дальнѣйшимъ же подтвержденіемъ такого же взгляда на купленныя имущества можетъ служить и тотъ фактъ, что въ законодательствѣ долго былъ спорнымъ вопросомъ о томъ, въ чей родъ должна переходить купленная вотчина по прекращеніи брака бездѣтною смертью обоихъ супруговъ, пока, наконецъ, вопросъ рѣшенъ въ указѣ 1676 года въ пользу рода мужа. Такой результатъ не могъ бы явиться послѣ того, какъ вотчина поступила въ полную собственность жены по смерти мужа и, слѣдовательно, должна бы идти въ ея родъ, если бы не присутствовало общаго скрытаго воззрѣнія на такія имущества, какъ общія обоимъ супругамъ.

Права лицъ на благопріобрѣтенныя имущества выше правъ на родовыя имущества. Хотя и въ этомъ отношеніи наши историки права иногда приписываютъ установленіе такого различія новому императорскому законодательству, но безъ всякихъ основаній. Именно (какъ мы говорили выше) въ древней Руси позволялось владѣльцу родового имущества отчуждать это послѣднее съ ограниченіями и съ правомъ выкупа; между тѣмъ владѣлецъ купленной вотчины могъ распоряжаться ею безъ всякихъ ограниченій. Между родовыми и купленными вотчинами была та разница, что въ отношеніи къ послѣднимъ родственникамъ не принадлежало право выкупа (см. выше о родовомъ выкупѣ).

Жалованныя вотчины.

Физическое лицо можетъ пріобрѣсти имущество своими заслугами государству. Способъ совершенія пожалованія состоялъ въ выдачѣ *жало-*

ванной грамоты и затѣмъ *отказа* (ввода во владѣніе, совершаемаго мѣстными властями, которыя, получивъ отказную грамоту, составляли „отказную книгу", т. е. самый актъ ввода). До нѣкоторой степени къ пожалованію примѣнялась и купля вотчинъ изъ казны. То и другое сдѣлалось самымъ обильнымъ источникомъ пріобрѣтенія правъ собственности на землю.

Вопросъ *о субъектѣ и его правахъ* на пожалованныя имущества разрѣшается въ разныя эпохи московскаго періода весьма неодинаково. *Общій* и первоначальный принципъ въ этомъ случаѣ былъ слѣдующій: дареніе не переноситъ полныхъ правъ собственности на одаряемаго: въ правахъ на даръ продолжаетъ участвовать и даритель. Принципъ этотъ еще съ большею силою примѣняется къ пожалованію отъ государства, которое ограничивало права собственниковъ и въ другихъ болѣе независимыхъ родахъ имущества.

а) Дареніе имѣетъ свое основаніе въ заслугахъ одаряемаго; если же такихъ заслугъ не было и вотчина добыта обманомъ, то она возвращается назадъ; въ 1611 и 1622 гг. состоялись указы о томъ, что получившіе вотчины за осадное сидѣнье, но не числящіеся въ осадныхъ спискахъ, лишаются этихъ вотчинъ (Ук. кн. пом. прик. III 3 и Улож. XVII, 17). б) Иногда причиною къ такому повороту правъ вела простая порочность или неблагонадежность одаряемаго: въ 1613 и 1615 гг. предписано, что Тушинцы, служившіе прежде самозванцу, а потомъ получившіе вотчины за московское очищеніе (при Пожарскомъ), должны предъявлять свои грамоты для записи за ними этимъ земель не въ вотчины, а въ помѣстья (Ук. кн. пом. пр. III, 6). в) Но всего болѣе права государства на пожалованныя вотчины проявляются въ тѣхъ правахъ распоряженія, которыя предоставлялись вотчинникамъ. Первоначально (до XVI вѣка) на этотъ предметъ не было поставлено никакого общаго правила: права вотчинниковъ опредѣлялись каждый разъ содержаніемъ жалованной грамоты и могли быть очень обширны (равнялись правамъ на вотчины, купленныя у чужеродцевъ), или нисходили до простого пожизненнаго пользованія (см. Неволинъ: Ист. рус. гр. зак., част. 2, § 277). Но, несмотря на разнообразіе жалованныхъ грамотъ XVI в., въ нихъ можно уловить и общее начало на этотъ счетъ: именно въ законѣ 1572 г. было постановлено слѣдующее принципіальное рѣшеніе вопроса о принадлежности жалованныхъ вотчинъ: если жалованной грамоты нѣтъ въ рукахъ вотчинника (вслѣдствіе потери или неполученія), то, по рѣшенію собора 1572 года, въ такомъ случаѣ вотчина по смерти вотчинника отбирается на государя, хотя бы у вотчинника оставались дѣти (Ук. кн. вѣд. казн. ст. XIX [1]). Въ началѣ XVII в. при силь-

[1]) Когда образовался этотъ прекарный характеръ жалованныхъ вотчинъ? Полагаемъ, что, несомнѣнно, съ первыхъ моментовъ пожалованія, т. е. съ древнѣйшихъ историческихъ временъ (см. выше о пожаловьніи, какъ способѣ пріобрѣтенія правъ). Это и утверждается фактами (немногими), дошедшими до насъ отъ XIV в. (см. Договоръ Донского съ Мих. Александр. Тверскимъ 1368 г. о нѣсколькихъ лицахъ, владѣвшихъ землею

нѣйшемъ участіи бояръ въ управленіи государствомъ (въ смутное время и въ первые годы правленія Михаила Ѳеод.) права вотчинныя частныхъ лицъ вообще возвышаются и въ частности права на жалованныя вотчины. Тогда открывался вопросъ, къ какому именно типу частныхъ вотчинъ примкнутъ вотчины жалованныя: къ родовымъ или купленнымъ? Такъ какъ выслуженная вотчина принадлежитъ пріобрѣтателю вслѣдствіе его личныхъ заслугъ и въ пріобрѣтеніи ея онъ ничѣмъ не обязанъ своему роду, то естественно, что практика склонялась ко включенію такихъ вотчинъ въ одну категорію съ купленными; въ такомъ случаѣ жалованная вотчина должна принадлежать семьѣ пріобрѣтателя (и тому роду, который отъ него произойдетъ). Отсюда, во-первыхъ, слѣдуетъ, что самъ пріобрѣтатель и его нисходящіе пользуются всѣми правами на вотчину, но не родъ его: и дѣйствительно, о родѣ пріобрѣтателя въ узаконеніяхъ того времени умалчивается: указомъ 1620 года ноября 23 (Ук. кн. пом. прик. III, 13) предписано, чтобы лицамъ, получившимъ вотчины за московское осадное сидѣніе при царѣ Василіѣ Ивановичѣ, даны были жалованныя грамоты по новой формѣ, въ которой обозначены всѣ права на жалованную вотчину, а именно вольны въ тѣхъ вотчинахъ они, дѣти ихъ, внучата и правнуки: они могутъ эти вотчины продать, заложить, отдать въ приданое, завѣщать въ монастырь, а о родовомъ наслѣдованіи ничего не сказано [1]), хотя и предоставлено право родового выкупа. Во-первыхъ, изъ приравненія жалованныхъ вотчинъ къ купленнымъ слѣдовало, что въ правахъ на нихъ имѣютъ такое же участіе жены пріобрѣтателей, какъ и въ правахъ на купленныя вотчины. Такъ это дѣйствительно и было и на практикѣ, и въ жалованныхъ грамотахъ до 1627 г. Но 1627 годъ составляетъ въ этомъ случаѣ поворотъ: въ этомъ году патр. Филаретъ

на условномъ правѣ), аналогіею другого русскаго государства (Литовскаго), гдѣ выслуга до самого XVII в. отличалась отъ вотчинъ, несмотря на множество жалованныхъ грамотъ шляхетству, уравнивающихъ ихъ права съ правами польскаго шляхетства (сл. Грам. Казимира 1457 г., ст. 6; см. наше „Помѣстное право въ Литовско-Русскомъ государствѣ"). Какъ цѣльный институтъ жалованныхъ вотчинъ, такъ и каждая вотчина въ отдѣльности постепенно измѣняютъ свою природу, превращаясь мало-помалу въ полное право собственности, вслѣдствіе утвержденія правъ наслѣдства на такія вотчины и затѣмъ полныхъ правъ распоряженія (см. выше цитир. наше изслѣдованіе). Къ нач. XVII в. типъ жалованныхъ вотчинъ постепенно приближается къ вотчинамъ благопріобрѣтеннымъ и родовымъ (см. выше прим. на стр. 500), а ограниченія, характеризовавшія этотъ типъ, отходятъ уже въ область исторіи. Между тѣмъ, въ нашей историко-юридической литературѣ можно встрѣтить иногда такія выраженія: „Пожалованныя вотчины въ XVII вѣкѣ были явленіемъ очень рѣдкимъ (?) и, какъ условное владѣніе, стали практиковаться довольно поздно и, очевидно, подъ вліяніемъ уже развившейся помѣстной системы; *только* соборный приговоръ 1573 года предписалъ обращать строгое вниманіе на то, одному ли лицу, или его женѣ, или, наконецъ, цѣлому роду жалуется вотчина" (Древности, Труды Ар. Ком. М. А. О. I, 3, стр. 142). Здѣсь указанъ путь развитія жалованныхъ вотчинъ совершенно обратный дѣйствительному: съ конца XVI в. такія вотчины уже сближаются съ купленными и родовыми.

[1]) Впрочемъ, въ жалов. грамотахъ начала XVII в. встрѣчается иногда: „к въ родъ ихъ", но это была далеко не общая норма.

представилъ своему сыну—царю Михаилу Ѳеодоровичу, что прежній порядокъ въ этомъ случаѣ незаконенъ, что, послѣ бездѣтной смерти вотчинника, женамъ ихъ слѣдуютъ лишь купленныя вотчины, но отнюдь не выслуженныя и не родовыя, которыя должны идти въ родъ мужа. Тогда состоялось узаконеніе, сравнявшее выслуженныя вотчины съ родовыми, а именно послѣ бездѣтной смерти вотчинника, жена его не получаетъ выслуженныхъ вотчинъ даже на прожитокъ и даже въ такомъ случаѣ, если у умершаго не осталось помѣстій, изъ которыхъ можно бы было обезпечить вдову (въ этомъ случаѣ предписано дать ей обезпеченіе изъ сторонніхъ помѣстныхъ земель); выслуженная же вотчина должна идти въ родъ мужа, а за неимѣніемъ рода—въ казну. Законъ придалъ себѣ даже обратную силу, предписавъ возвратить уже проданныя женами выслуженныя вотчины и, справивъ съ нихъ деньги, возвратить покупщикамъ, а земли или въ родъ мужа, или въ казну, впрочемъ, только въ такомъ случаѣ, если продавщицы еще живы и вступили во 2-й бракъ; если же онѣ померли или постриглись, то проданныя ими вотчины остаются за покупщиками (Ук. кн. пом. пр. IV, 6; Ул. ц. А. М. XVII, 1). На основаніи этого указа составлена новая общая форма жалованныхъ грамотъ въ 1628 г. Въ ней права на выслуженныя вотчины опредѣлены совершенно одинаково съ правами на родовыя вотчины (т. е. съ правомъ родового наслѣдованія и родового выкупа). Это не означало расширенія правъ физическихъ лицъ на выслуженныя вотчины, но во всякомъ случаѣ вывело изъ прежняго прекарнаго состоянія, сравнявъ ихъ съ родовыми. Въ 1679 году было рѣшено въ законодательномъ порядкѣ, что владѣльцы выслуженныхъ вотчинъ не могутъ отчуждать ихъ безмездными способами (по дарственной и по завѣщанію) мимо своихъ наслѣдниковъ.

Такія положенія о выслуженныхъ вотчинахъ дополняются и иллюстрируются постановленіями о вотчинахъ *купленныхъ изъ казны*. Такъ какъ казна продавала земли съ большою льготою для покупателей (по низкой цѣнѣ), то такая продажа была лишь уменьшенною степенью пожалованія, а потому права пріобрѣтавшихъ такія вотчины не равнялись правамъ на вотчины родовыя и купленныя у чужеродцевъ. Въ XVI вѣкѣ, при Грозномъ, такія вотчины могли переходить къ дѣтямъ и дальнѣйшимъ нисходящимъ; но если дѣтей не осталось, то родственники покупщика не наслѣдовали; вотчина возвращалась въ казну; впрочемъ за отобранную вотчину изъ казны выдаваемы были деньги по душѣ умершаго въ монастыри или „племени его“ въ такомъ количествѣ, какое онъ самъ заплатилъ казнѣ. Когда послѣ московскаго разоренья возобновлена была продажа казенныхъ пустыхъ земель, то выдача купчихъ была остановлена, такъ какъ покупщики не соглашались пріобрѣтать ихъ на прежнихъ правахъ, а требовали обозначить въ актѣ, что вотчины будутъ принадлежать имъ и ихъ дѣтямъ съ правомъ продажи, залога, отдачи въ приданое, и съ правомъ передачи въ родовое (боковое) наслѣдованіе. Въ этомъ смыслѣ состоялся указъ 1628 г., когда составлена была и особая форма купчихъ грамотъ на такія вотчины; но въ ней обращено особое вниманіе только

на право покупщиковъ отдавать вотчины въ приданое (согласно съ указ. Іоанна IV); о существенныхъ же и болѣе важныхъ правахъ умолчано, а именно о правѣ продажи и залога, что впрочемъ исправлено было въ 1636 г. (Ук. кн. пом. прик. IV, 13 и 39). Права женъ на такія вотчины опредѣлены были лишь Уложеніемъ, именно права эти ниже правъ ихъ на купленныя вотчины у чужеродцевъ: по смерти мужа, вотчина, купленная изъ казны, дается женѣ его лишь въ пользованіе до выхода въ замужество, до постриженія, или до смерти (Ул. ц. А. М. XVII, 8).

5. Помѣстья.

Понятіе о помѣстномъ правѣ. Помѣстьемъ называется жалованье, выдаваемое государствомъ за службу, въ видѣ пользованія недвижимыми имуществами. Отсюда въ помѣстномъ правѣ двѣ стороны: частноправная и государственная.

О первоначальномъ происхожденіи помѣстнаго права нѣтъ точныхъ историческихъ данныхъ. Распространенное прежде мнѣніе о томъ, что помѣстное право обязано своимъ установленіемъ Іоанну III, а окончательнымъ утвержденіемъ—царю Іоанну Грозному, не имѣетъ основаній. *Начало* его необходимо предположить въ земскій періодъ (со времени большей осѣдлости князей). Существованіе помѣстнаго права въ сѣверныхъ княжествахъ съ нач. *XIV вѣка* утверждается свидѣтельствами духовныхъ и договорныхъ грамотъ князей, въ частности духовной Калиты 1328 года (см. въ нашей Христоматіи по ист. рус. пр. вып. II, примѣч. 12 къ дух. Калиты). Въ XV в. находимъ свидѣтельство о существованіи помѣстнаго права (подъ этимъ собственнымъ его именемъ) въ Литовско-Русскомъ государствѣ (при Казимирѣ IV).

Впрочемъ до XVI в. типъ помѣстья не вполнѣ опредѣлился и обособился отъ прочихъ видовъ условнаго владѣнія землею [1]).

---

[1]) Вопросъ о происхожденіи помѣстнаго права подвергся пересмотру (см. книгу г. Рождественскаго и замѣчанія на эту книгу проф. В. И. Сергѣевича въ Сѣверн. Вѣстн. 1897, ноябрь и г. Середонина, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, май). Результаты этихъ новыхъ поисковъ сводятся къ утвержденію старой истины о происхожденіи помѣстій изъ надѣловъ землею князьями своихъ слугъ (дворянъ) подъ условіемъ службы (военной, гражданской и дворцовой), взамѣнъ прежняго содержанія ихъ натурою въ своемъ дворѣ и взамѣнъ (будущаго) денежнаго жалованья. Попытка уяснить происхожденіе помѣстій чрезъ сближеніе ихъ съ испомѣщеніями церковію своихъ слугъ на церковныхъ земляхъ можетъ служить болѣе къ уясненію вѣщныхъ правъ архіерейскихъ дворянъ, чѣмъ обратно государевыхъ помѣщиковъ, права которыхъ опредѣлялись законами многократно и точно. Сближеніе же помѣстныхъ дачъ съ частною арендою земель княжескихъ, боярскихъ и церковныхъ, какъ справедливо замѣтилъ пр. Сергѣевичъ, ведетъ къ смѣшенію двухъ совершенно различныхъ правовыхъ отношеній. Дѣло не въ томъ только, что въ помѣстьяхъ пользованіе землею оплачивается службою, а не деньгами, т. е. цѣль установленія ихъ не экономическая, а государственная, но главнымъ образомъ въ томъ, что изъ аренды никакъ нельзя бы было объяснить послѣдующей судьбы помѣстій при переходѣ ихъ въ вотчины. Въ изслѣдованіи г. Рождественскаго по этому предмету надо

Помѣстное право до в. кн. *Іоанна III* имѣетъ *свои особенности* отъ послѣдующаго его характера. А именно въ тѣ времена (XIV—XV вв.)

признать цѣннымъ лишь то утвержденіе, что до второй половины XV вѣка разные виды условнаго пользованія и владѣнія землею еще не сложились въ опредѣленный типъ помѣстья (какой является предъ нами въ XVI и XVII в.). Въ болѣе раннія времена понятія помѣстья и жалованной вотчины весьма близко соприкасаются. Такъ, въ западнорусскомъ правѣ „пожалованія“ вообще именуются въ полов. XV в. то помѣстьемъ, то держаньемъ, то выслугою, то вотчиною. Тамъ различаются три типа ихъ: пожалованіе ленное (потомственное), доживотья (пожизненное) и до воли и ласки государя. Притомъ и эти типы далеко не твердо отграничены одинъ отъ другого и способны переходить одинъ въ другой (см. наше „Помѣстное право Литовскаго государства“). Думать надо, что и въ первомъ періодѣ нашей исторіи условныя вещныя права слугъ были также весьма разнообразны. И въ Московскомъ государствѣ XV в. (какъ вѣрно замѣтили г. Лаппо: „Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ“ и г. Рождественскій, стр. 34 и сл.) были такія формы испомѣщенія свободныхъ и несвободныхъ дворовыхъ слугъ, которыя никакъ нельзя вполнѣ пріурочить ни къ типу помѣстій, ни къ типу пожалованныхъ вотчинъ въ точномъ смыслѣ этихъ терминовъ, какъ опредѣлились они впослѣдствіи. Пожалованья этого рода обыкновенно давались въ такой формѣ: пока служатъ великому князю и его дѣтямъ; изъ этого слѣдуетъ, что такой типъ пожалованія имѣетъ сходство и различія отъ послѣдующихъ типовъ помѣстія и жалованной вотчины: съ первымъ сходство заключается въ томъ, что земля дается подъ условіемъ будущей службы, а разница, въ томъ, что она дается потомственно; пожалованія XV в. допускали возможность сдѣлокъ по куплѣ, продажѣ и залогу. Но было бы невѣрно полагать, что такія пожалованія съ перваго разу являются жалованными вотчинами (и не имѣютъ никакого сходства съ помѣстьемъ): если пожалованіе получаетъ холопъ князя, то пока онъ лично не превратился въ свободнаго человѣка, его владѣніе отнюдь не могло быть вотчиннымъ: а помѣщики-холопы были не только въ XV, но и въ XVI в. (ст. Милюкова: „Спорные вопросы“, стр. 11: „деревня Спасское..., за великіе княгини за холопомъ за Митею за Липтевымъ: дворъ—самъ Митя, дворъ—его человѣкъ Парша, дворъ—христіанинъ Васюкъ“; такимъ образомъ холопъ великой княгини получилъ маленькій участокъ въ три двора; въ одномъ изъ нихъ живетъ самъ, въ другомъ—его „человѣкъ“, въ 3 мъ—крестьянинъ).

Можно ли допустить сопоставленіе такихъ пожалованій XIV—XV вв. съ кормленіями? Г. Рождественскій думаетъ, что можно, на основаніи одного факта изъ Новгородской писцовой книги (Деревской пятины) 1495 г.: „въ Шегринскомъ погостѣ вел. князя деревни Захарьинскіе Овинова за Гордѣемъ за Семеновымъ, сыномъ Сарыхозина, въ помѣстіѣ и въ кормленьѣ“. Едва ли одинъ такой фактъ рѣшаетъ дѣло: мы не знаемъ, означается ли этими двумя терминами одно отношеніе или два разныхъ для разныхъ деревень, и во всякомъ случаѣ не знаемъ, что здѣсь названо кормленіемъ, полученіе ли однихъ государственныхъ доходовъ или извлеченіе хозяйственныхъ выгодъ. Что кормленіе въ первомъ смыслѣ возможно было въ отношеніи не только цѣлыхъ уѣздовъ и волостей, но и отдѣльныхъ селъ и деревень, это утверждается существующими актами исковъ о правѣ суда надъ извѣстнымъ селомъ или деревнею. Вообще такое единичное и темное извѣстіе не въ состояніи конкурировать съ множествомъ ясныхъ и существенныхъ данныхъ о кормленіи, какъ государственномъ доходѣ за управленіе и судъ. Ссылка г. Рождественскаго на назначеніе помѣстій по должностямъ (стр. 246 и сл.) сюда не относится: намѣстникъ получалъ кормленіе съ своего уѣзда и, сверхъ того, въ видѣ добавочнаго содержанія—помѣстья въ томъ же уѣздѣ, приписанныя къ должности намѣстника („на рангъ“, какъ говорилось въ Малороссіи); такой очень извѣстный порядокъ назначенія помѣстій по должности не имѣетъ никакой связи съ кормленіемъ: напр., сотникъ стрѣлецкій получаетъ помѣстье для стрѣлецкаго дѣла въ Псковскомъ уѣздѣ, но этотъ сотникъ отнюдь не управляетъ Псковскимъ уѣздомъ или его частію (см. ibid.).

помѣстья даваемы были лишь непосредственнымъ слугамъ князя (дворянамъ) и преимущественно низшимъ (несвободнымъ и полусвободнымъ); высшіе же служилые люди—бояре—получали *кормленія* (было сказано, что смѣшивать понятія помѣстья и кормленія отнюдь не слѣдуетъ). Во-вторыхъ, въ то время помѣстья выдѣляются изъ собственныхъ частныхъ имуществъ князей (а потомъ и дворцовыхъ), но не изъ государственныхъ (черныхъ). По этимъ двумъ признакамъ, помѣстное право въ первую эпоху своего существованія въ Московскомъ государствѣ имѣетъ преимущественно частный характеръ.

Въ первый разъ слово „помѣстье" встрѣчается въ Судебникѣ Іоанна III. Тогда помѣстное право вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Со времени Іоанна III обѣ указанныя особенности помѣстнаго права исчезаютъ: помѣстья даются всѣмъ служащимъ лицамъ и изъ имуществъ черныхъ и дворцовыхъ безразлично. Помѣстное право проникается государственнымъ характеромъ, такъ какъ и въ самой службѣ элементъ государственный начинаетъ преобладать надъ частнымъ.

Наконецъ, въ XVII в. эта примѣсь госуд. начала опять ослабѣвать Но частно-правное значеніе помѣстій утверждается уже за помѣщиками (а не за государствомъ). Типъ помѣстнаго права, который мы здѣсь изобразимъ, относится преимущественно къ этой послѣдней эпохѣ (Улож. XVI).

Лица, могущія обладать помѣстьями. Изъ понятій о помѣстномъ правѣ и исторіи его видно, что: а) помѣстьями могутъ владѣть только лица, служащія государству, и никто другой; помѣстья, даваемыя отъ государства церковнымъ учрежденіямъ, составляютъ видъ установленія простого пользованія и сюда не относятся. б) Помѣстья могутъ получать лица всѣхъ родовъ государственной службы: бояре, дворяне, дьяки, подъячіе, придворные служители, гости, рейтары, драгуны и пр.; иногда лица, служащія по выбору (напр., старосты новгородскіе). Лицу каждаго изъ этихъ классовъ приписывается право на такое количество помѣстной земли, сколько назначено по общему расписанію членамъ этого класса. Такое расписаніе помѣстныхъ окладовъ измѣнялось по мѣстностямъ, по временамъ и по мѣрѣ успѣховъ службы каждаго отдѣльнаго лица, иногда въ видѣ награды за особыя заслуги (напр., въ 1649 г. всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, бывшимъ на земскомъ соборѣ 1648 года, прибавлено по 100 четей къ ихъ окладамъ). Вообще съ теченіемъ времени помѣстное жалованье увеличивалось для всѣхъ классовъ; нормальные оклады, назначаемые при верстаніи на службу въ 1621 г., были слѣд: 1-я статья—300 четвертей земли (въ одномъ полѣ), 2-я—250, 3-я—200, 4-я—150, 5-я—100 четвертей (для дѣтей боярскихъ, которые уже служили, окладъ увеличивается на одну статью, т. е. по 1-й ст.—350, по 5-й—150 четвертей). Въ полов. XVII в. (по Котошихину) помѣстные оклады соразмѣрялись съ денежными для каждаго разряда служилыхъ людей: на всякій рубль денежнаго жалованья давалось по 5 четвертей помѣстной земли; по этому расчету тогда получали:

бояре, окольничіе и думные люди . . . . . 1000 четв.
стольники . . . . . 500 „
стряпчіе . . . . . 400 „
дворяне московскіе, городовые и дьяки . . . . . 400—250 „
дворяне городовые средней и меньшей статьи и дѣти боярскіе 250— 30 „

(см. Котош. VII, 8). Къ нормальнымъ окладамъ присоединялись добавочныя раздачи помѣстій, именно каждый изъ служащихъ въ Москвѣ къ своему окладу получалъ добавочный въ Московскомъ уѣздѣ (Ул. XVI, 1). Затѣмъ помѣщикамъ украинным въ XVII в. давались добавочные оклады въ степныхъ—украинныхъ мѣстахъ (ради скорѣйшей колонизаціи и защиты южныхъ границъ: см. Ук. кн. пом. пр. IV, 60; Улож. XVI, 40). Въ число четвертей земли нормальныхъ окладовъ не включаются т. н. угодья (выгоны, сѣнные покосы и лѣсъ), которыя отводятся сверхъ оклада. Если дается земля худая, то она „одобривается", т. е. прибавляется къ окладу соотвѣтствующая доля четвертей: напр., на 100 четв. средней земли прибавляется еще 25 четв. такой же (Ул. XVI, 46, 48). Но между окладомъ и дѣйствительною дачею помѣстья была большая разница: правительство не всегда располагало достаточнымъ количествомъ годныхъ земель для полнаго удовлетворенія по окладамъ; нерѣдко предписывалось верстать въ половину оклада; впослѣдствіи такая недостача могла быть пополняема изъ земель, сдѣлавшихся вакантными, по указаніямъ и просьбамъ самихъ заинтересованныхъ лицъ (за ложныя показанія у получившихъ помѣстья они отбирались). Особенно такія затрудненія для испомѣщеній по окладу встрѣчались при массовомъ надѣлѣ на окраинахъ, вновь колонизуемыхъ: тамъ вмѣсто населенной земли приходилось отводить „дикія поля". Общій запасъ земли для раздачи въ помѣстья состоялъ изъ дворцовыхъ земель, земель, поступившихъ въ казну путемъ выморочности, конфискаціи и экспропріаціи; черныя земли давались не часто; давать дворцовыя вотчины запрещено указомъ 1627 г. Такимъ образомъ запасъ постепенно истощался. Сверхъ того, помѣстья обращались только въ извѣстномъ классѣ служилыхъ людей и въ извѣстномъ уѣздѣ: иноземцевскія помѣстія даются только иноземцамъ (ук. 1614 г.), помѣстья татаръ и мордвы запрещено давать русскимъ (ук. 1616); помѣстья лицъ погибшихъ на войнѣ, даютъ ихъ землякамъ (ук. 1618); помѣстья смольнянъ идутъ только смольнянамъ (ук. 1612 и 1614 гг.). Этимъ еще болѣе затруднялось правительство при отысканіи годной земли для раздачи въ помѣстья.

Такія обстоятельства привели къ постепенному введенію денежнаго жалованья, которые въ XVI и XVII в. дается въ добавокъ къ помѣстьямъ и соразмѣряется съ величиною помѣстной дачи. Съ теченіемъ времени оно возрастаетъ постепенно, съ успѣхами денежнаго хозяйства, приготовляя для будущаго (XVIII в.) полный переходъ къ денежному жалованью и прекращенію помѣстныхъ дачъ.

в) Величиною помѣстнаго оклада опредѣлялся размѣръ возложенной на помѣщика воинской повинности. Первое дошедшее до насъ

распредѣленіе этой повинности сдѣлано Грознымъ въ 1556 году, а именно: съ каждыхъ 100 четвертей доброй земли требуется на службу одинъ на конѣ съ полнымъ вооруженіемъ, въ дальнихъ походахъ—на двухъ коняхъ. Въ нач. XVII в., при общемъ стремленіи служилыхъ классовъ уменьшить служебныя тягости, лежавшія на нихъ, было опредѣлено (соборомъ), что впредь одинъ человѣкъ съ доспѣхомъ и конемъ выставляется не съ 100, а съ 200 четвертей. Но съ возстановленіемъ государственнаго порядка при ц. Михаилѣ эта затѣя пала: требовался (въ 1617 году) опять одинъ конный съ 100 четвертей. Съ 20-хъ годовъ XVII в. размѣръ повинности сталъ опредѣляться не количествомъ четвертей земли, а числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, состоявшихъ за помѣщиками.

г) Помѣстья получаются при дѣйствительномъ поступленіи на службу, что технически называлось „верстаньемъ“ и обыкновенно наступало при достиженіи сыномъ дворянина 15 лѣтъ.

д) Низшія службы, отправляемыя не лично, а массами, вознаграждаются не помѣстьями, а землями на общинномъ правѣ (стрѣльцы, пушкари, ямщики и проч.).

Объектъ помѣстнаго права есть всякое недвижимое имущество, т. е. не только *земли, населенныя и ненаселенныя*, но и дворы въ городахъ, т. н. „данные“, а также промыслы охоты и рыболовства. Помѣщику принадлежитъ въ этихъ имуществахъ право хозяйственнаго или экономическаго пользованія, а со времени окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ и право на трудъ крестьянъ въ размѣрахъ, установленныхъ обычнымъ правомъ. Отсюда вводъ во владѣніе помѣстьемъ сопровождается „послушною грамотою“, обращенною къ крестьянамъ. Злоупотребленіе трудомъ крестьянъ предупреждается тѣмъ постановленіемъ, что запустошившій помѣстье обязанъ нести съ него службу какъ бы оно не было пустымъ. Хотя право помѣщиковъ на трудъ крестьянъ, по Котошихину, равнялось праву вотчинниковъ („ а свои подати, кладутъ они [помѣщики и вотчинники] на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого что взяти“; XI, 3); но тотъ же Котошихинъ сообщаетъ слѣд.: когда боярамъ и друг. чинамъ „даются помѣстья и вотчины, то имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ отъ стороннихъ людей и всякихъ обидъ и налоговъ оберегати, и стояти, а подати съ нихъ имати по силѣ, съ кого, что можно взяти, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и вотчинъ не разогнать и въ нищіе не привесть, и насильствомъ у нихъ скота и животины никакой, и хлѣба всякого и животовъ не имати. А будетъ который вотчинникъ или помѣщикъ... учнетъ съ ихъ имати поборы великіе, не противъ силы, чѣмъ бы привести къ нуждѣ и бѣдности.., и будетъ на такого вотчинника и помѣщика будетъ челобитье, что онъ надъ ними такъ чинилъ, и сторонніе люди про то вѣдаютъ, и скажутъ правду, и у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстья ихъ и вотчины, которыя даны будутъ отъ царя, возмутъ назадъ на царя, а что онъ ималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежемъ, и то на немъ велятъ взять

и отдать тѣмъ крестьянамъ, а впредь тому человѣку, кто тамъ учинитъ, помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку. А будетъ кто учнетъ чинить такимъ же обычаемъ надъ своими вотчинными купленными мужиками..., и у тѣхъ крестьянъ возмутъ безденежно и отдадутъ сродственникомъ его, добрымъ людямъ безденежно жъ, а не такимъ разорителямъ". Пользованіе, увеличивающее цѣнность вещи, не воспрещается: распаханныя пустыя части помѣстья оставляются во владѣніи помѣщика, хотя бы число четвертей помѣстья такимъ образомъ становилось больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ ему по классу.

Кромѣ земель въ уѣздахъ, на помѣстномъ правѣ раздаваемы были (какъ сказано) *дворы въ городахъ* (т. н. „данные") и огороды, которые здѣсь отличались отъ тяглыхъ дворовъ такъ же, какъ помѣстныя земли отъ черныхъ (Ук. кн. зем. прик. XI и XXXV); владѣльцы ихъ не могли продавать и закладывать (ibid. ст. XXII); но если владѣлецъ былъ переводимъ на новое мѣсто по распоряженію правительства, то ему дозволялось продать прежній дворъ и данное мѣсто (ibid. XXVI). Благодаря особеннымъ свойствамъ городскихъ имуществъ, здѣсь скорѣе росли права частныхъ лицъ на „данное" имущество: владѣльцы такихъ дворовъ подлежали, наравнѣ съ черными, всѣмъ городскимъ повинностямъ и потому заявляли иногда, что имъ „дворовыя данныя мѣста стали пуще купленныхъ" (ibid.), а потому дозволяется переходъ дворовъ даже по купчимъ между служилыми людьми одного разряда. Сверхъ того, данные дворы даваемы были иногда и людямъ неслужилымъ, для которыхъ эти имущества были уже предметомъ вѣчнаго владѣнія (но не собственности); такіе люди сами обстраивались, а потому иногда получали право продавать дворы постороннимъ лицамъ и взамѣнъ ихъ покупать гдѣ угодно съ условіемъ обращенія купленнаго двора въ данный (ibid. № XXXIII). Вообще же съ частной точки зрѣнія помѣстное право есть только право пользованія.

Возрастаніе вещныхъ правъ лица на помѣстья, т. е. переходъ права пользованія въ право собственности, составляетъ наиболѣе интересный вопросъ помѣстнаго права.

а) Прежде всего развивается *право наслѣдованія* въ помѣстьяхъ, именно въ отношеніи къ сыновьямъ: отецъ при жизни „припускалъ" сыновей къ участію въ пользованіи помѣстьемъ. При отставкѣ отца и при малолѣтствѣ сыновей помѣстья хотя и отбирались, но сдавались на оброкъ ему же до возраста сыновей, а потомъ шли въ раздачу этимъ послѣднимъ. Такимъ образомъ уже со временъ Грознаго утвердился принципъ: отцовскихъ помѣстій не отнимать у сыновей, если они пригодны въ службу (А. А. Э. I, № 225). Начало наслѣдованія въ помѣстьяхъ утверждено въ особенности въ 1611 и 1618 годахъ (см. Ук. кн. пом. прик. III, 7 указъ 1618 г. августа 27, которымъ утвержденъ наслѣдственный переходъ помѣстій не только къ нисходящимъ, но за неимѣніемъ ихъ и къ боковымъ; сл. тамъ же III, 9, 10 и др.).

Въ отношеніи къ дочерямъ и женѣ подобный переходъ означалъ только пенсію. Сначала это было дѣломъ милости на каждый разъ; потомъ

при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ утвержденъ постоянный размѣръ пенсіи (см. выше о правѣ наслѣдов.), что обратилось потомъ въ прямое право наслѣдованія. Дочери давалось въ половину меньше, чѣмъ вдовѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ пенсія въ XVI в. давалась до выхода въ замужество и (дочерямъ) до совершеннолѣтія; съ 1615 г.—до смерти. Окончательно съ 1611 г. утвердился принципъ, что у вдовъ и дѣтей помѣстій не отнимать. Несмотря на сказанное, о наслѣдованіи въ помѣстьяхъ въ эпоху Уложенія (до указа 1684 года) можно говорить лишь не въ собственномъ значеніи слова: жена, дѣти и родственники получаютъ послѣ смерти помѣщика не право на его имущество, а лишь право получить отъ государства надѣлъ изъ его имущества, сообразно со степенью службы сыновей и пенсіонными долями лицъ женскаго пола; если, за удовлетвореніемъ ихъ надѣлами, еще останется какая-либо часть отцовскаго помѣстья, то законъ предписываетъ отдавать ее *боковымъ родственникамъ* безпомѣстнымъ или малопомѣстнымъ; если въ родѣ умершаго не окажется безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ, то велѣно отдавать остатокъ помѣстья *въ чужіе роды* (Уложеніе XVI, 13). Очевидно, понятіе о наслѣдствѣ не примѣнимо къ воспріятію части помѣстья послѣ умершаго, если боковые наслѣдуютъ вмѣстѣ съ нисходящими, а сторонніе вмѣстѣ съ родственниками. Поэтому Уложеніе правильно называетъ всякое помѣстье, оставшееся послѣ умершаго, *вымо-рочнымъ*. Только въ ук. 1684 г. велѣно послѣ смерти отцовъ оставлять за дѣтьми всѣ излишнія четверти (сверхъ ихъ собственныхъ окладовъ).

Подобное же надо разумѣть и о *завѣщательныхъ распоряженіяхъ помѣстьями*. Съ такими актами не удивительно встрѣтиться въ концѣ XVII в. (есть одинъ актъ 1697 г. въ Акт. Лихачева, дух. № 29), когда помѣстья окончательно близились къ слитію съ вотчинами; но есть также одна духовная 1610 г. (ibid. № 21), въ которой завѣщатель благословляетъ жену свою и дѣтей своихъ („Василья зъ братьею“) „царскимъ жалованьемъ и своею выслугою—помѣстьемъ и вотчиною“; при этомъ наслѣдодатель распредѣляетъ части помѣстья и вотчины между женою и дѣтьми („четвертью Ѳедоре, женѣ моей, помѣстьемъ и вотчиною владѣти до смерти до своей“); если жена выдетъ замужъ, то ея часть должна быть подѣлена между 3-мя сыновьями поровну; если же по смерти завѣщателя родится у него сынъ, то часть, назначенная женѣ, идѣтъ ему; если дочь, то братья обязаны ее поить, кормить и замужъ выдать съ приданымъ. Такая (мнимая) свобода распоряженія совершенно противорѣчитъ понятію о помѣстьѣ и можетъ быть изъяснена не иначе, какъ желаніемъ отца, чтобы жена и дѣти подѣлились такъ-то, буде государь пожалуетъ имъ это помѣстье. Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ смутное время, при сильномъ воздѣйствіи Польши и Литвы, Московскіе вотчинники и помѣщики стремились утвердить полную независимость своихъ владѣній.

б) *Мѣна* помѣстьями есть древнѣйшее изъ правъ распоряженія, дозволенныхъ помѣщикамъ. До Уложенія доволялась только мѣна помѣстья на помѣстья (Ук. кн. пом. прик. IV, 24 и 51), послѣ Уложенія—и на вотчины; сверхъ того, Уложеніе сняло и другія ограниченія мѣны, но зато

озаботилось объ установленіи равенства мѣняемыхъ предметовъ (чтобы населенное помѣстье не было промѣнено на пустую вотчину). Мѣна дозволена лишь съ согласія правительства (помѣстья „росписывались“ въ помѣстномъ приказѣ; Ул. XVI, 2—7).

Въ концѣ XVII в. мѣна, при отсутствіи права продавать и дарить помѣстья, стала прикрывать собою и эти сдѣлки, въ особенности дареніе (вклады) въ пользу монастырей. Симуляція б. ч. весьма прозрачная и даже грубая: напр., въ 1688 году Мануковы промѣняли Углицкому Воскресенскому монастырю свое помѣстье Болтино на четверикъ пашни въ монастырской пустоши Боръ и въ своей мѣновой прибавляютъ: „намъ... тою ихъ вымѣнною вотчиною землею четверикомъ не владѣть..., владѣть имъ архимандриту съ братьею по прежнему безъ повороту“ (Углицк. Акты, № LXXVII). Въ другихъ случаяхъ стороны стараются прикрыть сдѣлку добавочною платою, яко бы полученною при мѣнѣ, за что́ и уступаютъ монастырю вымѣненную ими землю обратно въ вѣчное владѣніе: въ 1684 г. такъ поступилъ Гутовскій, промѣнявъ Покровскому монастырю свою помѣстную пустошь Панино на монастырскую пустошь Доровъ и и присоединивъ въ добавочномъ актѣ, что онъ взялъ у монастыря прибавки 35 р. „и за тѣ денги... владѣть... игумену... тою моею вымянною пятью четвертями пустоши Доровъ безповоротно по прежнему (ibid. № LXXXVI). Здѣсь, вѣроятно, скрыта продажа. Въ другихъ случаяхъ подъ мѣновною записью стоитъ дарственная: напр., въ 1683 г. Ивановскій промѣнялъ монастырю половину помѣстной пустоши Жахина на монастырскую пустошь Селище и затѣмъ въ дополнительномъ актѣ заявилъ, что вымѣненною землею онъ поступился „въ вотчину“ тому же монастырю, въ качествѣ вклада. Здѣсь уже нѣтъ никакой замаскировки. Равнымъ образомъ сдѣлка другого рода ясно обнаруживается въ мѣновой записи тогда, когда вымѣненная на помѣстье земля уступается опять контрагенту за долги, яко бы сдѣланные раньше другою стороною (ibid. LXXXVII). Наконецъ, въ концѣ XVII вѣка заключаемы были прямо *данныя* (дарственныя) на помѣстья въ пользу монастырей (см. ibid. XLVIII).

Къ переходу мѣны въ другія возмездныя сдѣлки могъ подать поводъ указъ 1649 г. іюля 5, разрѣшившій мѣняться помѣстьями на кормовыя деньги, т. е. на жалованье (этотъ указъ былъ отмѣненъ въ 1679 г.).

Справка, сдача, продажа. Женщина, имѣя прожиточное помѣстье и выходя замужъ, могла справить это помѣстье за женихомъ, который, предполагается, такой же служилый человѣкъ и имѣетъ право на помѣстье (Ук. кн. пом. прик. III, 12). Но не всякая изъ женщинъ выходитъ замужъ и не всякая способна управляться съ землею съ выгодою для себя; поэтому многія предпочитали передать пользованіе помѣстьями стороннему человѣку съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній содержалъ сдатчицу (Ук. кн. пом. пр. IV, 49; Ул. XVI, 12). Къ этому средству прибѣгали и мужчины—престарѣлые отставные дворяне. Но выдача содержанія натурою могла стѣснять обѣ стороны, а потому казалось возможнымъ и лучшимъ получать отъ пріемщика деньгами; ничто не мѣшало получить деньги всѣ ра-

зомъ впередъ. Такъ образуется сдача помѣстій *за деньги*, равняющаяся продажѣ (но съ продажею не права собственности, а права пользованія; П. С. З. № 633, ст. 28 и № 700, ст. 31). Поступаться помѣстьями за деньги начали не только вдовы, дѣвицы и отставные, но и *служащіе* дворяне, но въ 1662 г. (см. П. С. З. № 583) состоялся указъ, по которому уступленное помѣстье возвращено назадъ, деньги взысканы съ покупщика; этотъ послѣдній, сверхъ того, наказанъ батогами.

г) Хотя сдача за деньги фактически уже равнялась *продажѣ*, но законодательство долго колебалось: допустить или нѣтъ открыто продажу помѣстій. Именно относительно лицъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, законъ 1685 г. разрѣшилъ безденежное *отчужденіе полоьины* помѣстья, но продажу воспретилъ. Однако, продажа помѣстья *за долги при несостоятельности*, допущенная указами 1673 и 1678 г., совершенно парализовала дѣйствіе закона 1685 г. (впрочемъ за долги продаются помѣстья не съ публичнаго торгу, а только или истцамъ, или родственникамъ должника) [1]).

Хотя всѣ упомянутыя сдѣлки могли быть совершаемы не иначе, какъ съ дозволенія правительства, чрезъ помѣстный приказъ, но и переходъ вотчинъ также утверждался въ томъ же приказѣ; понятіе „дозволенія“ сливается съ понятіемъ „утвержденія“ (въ слѣд. періодъ старыя формы помѣстнаго права и перешли въ общія формы укрѣпленія сдѣлокъ о недвижимыхъ имуществахъ. Во всякомъ случаѣ активной стороною при всѣхъ упомянутыхъ сдѣлкахъ уже является частное лицо (пользователь), а не государство (собственникъ).

Такъ бытовымъ образомъ *различіе мджду помьстьями и вотчинами исчезало* само собою; законодательное свидѣтельство о сравненіи помѣстій съ вотчинами даетъ указъ о единонаслѣдіи 1714 г.

Древне-русское право залога.

Изъ различныхъ формъ сочѣтанія основныхъ элементовъ права собственности (распоряженія, владѣнія и пользованія) наиболѣе важный видъ представляетъ право залога.

Формы залога; залогъ недвижимости. По мнѣнію, установленному Д. И. Мейеромъ, древне-русское право залога имѣетъ такое же значеніе, какъ древне-римское pactum fiduciae, а именно залогопріниматель полу-

[1]) Проф. Сергѣевичъ говоритъ: „Сдачею въ XVII в. стали пользоваться для того чтобы подъ видомъ сдачи продавать помѣстье. Правительство воспротивилось этому: въ 1685 г. послѣдовало запрещеніе сдавать помѣстья за деньги... Уложеніе дозволило, наконецъ, продавать помѣстья“ (стр. 417). Но Улож. издано въ 1649 г., и если бы уже оно дозволило продавать помѣстья, то не могло быть указа 1685 г. Уложеніе не дозволило продажи извѣстій: оно разъ упоминаетъ о продажѣ помѣстья (XVI, 45), въ другой разъ о закладѣ (69), и оба раза, какъ о дѣяніяхъ уголовно-наказуемыхъ. Какъ злоупотребленіе, продажа помѣстій (напр., продажа мужемъ женіныхъ приданыхъ помѣстій, см. ук. 1679, іюня 19) несомнѣнно практиковалась.

чаетъ вещь не только въ свое владѣніе и пользованіе, но и съ правами распоряженія. Залогодатель сохраняетъ лишь надежду, что ему будетъ возвращена вещь, если онъ когда-либо удовлетворитъ залогопринимателя, заплатитъ ему. Такъ какъ и купля-продажа совершалась въ древнее время обыкновенно съ правомъ обратнаго выкупа, то между сдѣлками купли-продажи и залога нѣтъ существеннаго различія. Такой взглядъ на древнерусское право залога опирается на акты закладныхъ сдѣлокъ, сохранившіеся до нашего времени (см. напр. Ак. Юр. № 241, 422, 106 и друг.), а равн. обр. на нѣкоторыя узаконенія Московскаго государства и на живое обычное право среди русскихъ крестьянъ. Несомнѣнно, что подобная форма залога существовала и существуетъ; но а) въ ней не слѣдуетъ усматривать такихъ преувеличенныхъ правъ залогопринимателя; б) въ древне-русскомъ правѣ существовали рядомъ съ нею другія формы залога, напоминающія не только римское pignus, но приближающіяся къ нынѣшней формѣ залоговаго права. Что касается до перваго, то залогопринимательполучаетъ права владѣнія и пользованія, но не получаетъ правъ собственности на вещь; залогъ всегда отличался отъ купли-продажи, ибо по обыкновенной формѣ актовъ закладная кабала и купчая грамота противополагаются одна другой: „а не будутъ денги на срокъ (пишется въ каждой закладной) и ся кабала—и купчая грамота“, т. е. права собственности для кредитора возникаютъ не съ момента начала обязательства, а со времени его неисполненія—просрочки; только тогда закладная превращается въ купчую, а право залога—въ право собственности. Далѣе право пользованія залогопринимателя истекаетъ не изъ залоговыхъ отношеній, а изъ условій о ростѣ, что прямо выражается въ закладныхъ и въ узаконеніи 1558 г., по которому ц. Іоаннъ IV предоставилъ должникамъ разсрочку платежей по закладнымъ на 5 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы кредиторы „тое вотчину за ростъ пахали“ (Ук. кн. вѣд. казн. ст. IX). Правда, тотъ же законодатель тогда же запретилъ взиманіе роста при установленной имъ всеобщей разсрочкѣ платежей (см. ibid. ст. VII); но это уничтоженіе роста прямо отнесено имъ къ обязательствамъ личнымъ и не распространено на займы, обезпеченные залогомъ. Можно согласиться даже, что выраженіе „за ростъ пахати“ обратилось къ формулу, не имѣющую буквальнаго значенія, подобно тому, какъ въ служилыхъ кабалахъ до XVII в, постоянно (по архаичеслой формулѣ) писалось: „за ростъ намъ служити по вся дни“, несмотря на то, что уже Судебникъ Іоанна IV прямо воспретилъ служить за ростъ (ст. 82); подъ этой устарѣвшей формой разумѣлось, что люди просто поступаютъ въ пожизненную кабалу; быть можетъ въ концѣ XVI в. то же означаетъ и вышеприведенная форма закладныхъ. Но для историческаго изученія закона въ высшей степени важно, что *первоначально* право пользованія на заложенную вещь возникло изъ условій о ростѣ (иначе не откуда было явиться и самой формулѣ); а стало быть въ первоначальномъ и древнѣйшемъ понятіи залога въ это право не включалось право пользованія.

Рядомъ съ указанной формой залога существовала со временъ довольно раннихъ другая, при которой заложенное имущество не переходитъ ни въ пользованіе, ни во владѣніе кредитора: послѣдній получаетъ лишь въ свои руки *акты на это имущество* и тѣмъ лишаетъ собственника возможности отчуждать вещь или заложить ее другому (Пск. Судн. Грам ст. 29 и 104). Такая форма залога, несомнѣнно, существовала во Псковѣ, гдѣ присутствіе ея можетъ быть изъяснено особенностями торговаго быта этого города; но и въ другихъ частяхъ государства существованіе ея несомнѣнно открывается изъ такихъ актовъ, въ которыхъ залогодатель пишетъ: „до сроку тою землею владѣти мнѣ заимщику. А не поставлю заимщикъ на срокъ денегъ, и послѣ сроку тою землей владѣть по сей закладной ему старостѣ“ (кредитору; актъ 1671 г.; см. Рус. Ист. Библ., т. XII; сл. Акты, отн. до юридич. быта X). Далѣе, въ нѣкоторыхъ закладныхъ опредѣляется, что кредиторъ получаетъ право пахать за ростъ землю только въ случаѣ просрочки; очевидно, до того времени вещь еще остается во владѣніи и пользованіи должника (Ак. юрид. № 244). Законъ Ивана IV 1558 г. о временной (на 5 лѣтъ) разсрочкѣ уплаты долговъ, обезпеченныхъ закладными, съ удержаніемъ заложенной вотчины въ рукахъ должника, хотя есть временная и исключительная мѣра, но указывающая на то, что въ сознаніи людей того времени возможно было представленіе о залоговомъ правѣ безъ передачи владѣнія. Полагаемъ также, что присутствіе подобной формы залогового права открывается и изъ такихъ актовъ, въ которыхъ должникъ указываетъ кредитору на свое имущество, какъ на *поруку* въ своемъ долгѣ: напр., „а заложили есмя въ сю кабалу въ тѣхъ денгахъ... дворъ свой. А въ серебрѣ есмя и въ ростѣ—съ дворомъ одинъ человѣкъ: кой насъ заимщиковъ въ лицѣхъ, на томъ денги и ростъ не развычивая“ (Ак. Юр. № 243, I); или „а въ серебрѣ есмя и въ росту подписали порукою дворъ свой“ (ibid. II). Мейеръ утверждаетъ, что въ подобныхъ сдѣлкахъ вовсе не установляется залога, а лишь указывается кредитору, что у должниковъ есть имущество, есть съ чего взыскать; но въ такомъ случаѣ должникъ не спеціализировалъ бы имущества, отвѣчающаго по обязательству (не говорилъ бы, что именно это, а не всякое его имущество отвѣчаетъ по обязательству). Наименованіе заложенной вещи „порукою“ совершенно ясно указываетъ на залоговое состояніе ея.

Закладъ движимыхъ вещей окончательно утверждаетъ насъ въ мысли о возможности такой залоговой сдѣлки, при которой права собственности не принадлежатъ залогопринимателю; ибо, несмотря на большую разницу заклада и залога въ древне-русскомъ правѣ, общая сущность института остается тою же. Заложенная движимая вещь (какъ и всегда) переходитъ въ руки кредитора; но кредиторъ не получаетъ права пользованія и распоряженія ею: залогопріниматель при выкупѣ обязанъ возвратить вещь такою же, какъ получилъ; закладъ разсматривается въ законѣ на одинаковыхъ основаніяхъ, какъ и поклажа; пріемщикъ освобождается отъ обязанности возвратить вещь только тогда, когда вещь украдена или погибла естественнымъ путемъ (напр., животное умерло) съ уменьшеннымъ

вознагражденіемъ залогодателю (Пск. судн. гр., 107; сл. Улож. ц. А. М. X, 194 и 197).

Закладъ личный (закупничество), имѣвшій большое примѣненіе въ эпоху Русской Правды, прекращенъ закономъ ц. Іоанна IV; существенное значеніе его состояло въ томъ, что кредиторъ получалъ, такъ сказать, права владѣнія и пользованія, но никакихъ правъ распоряженія на личность должника.

Прекращеніе залоговыхъ отношеній наступаетъ или при исполненіи обязательства (что технически называлось „выкупъ") или при несостоятельности должника. Въ послѣднемъ случаѣ заложенная недвижимая вещь переходила въ собственность залогопринимателя, но не eo ipso, а чрезъ запись въ помѣстномъ приказѣ, вводъ и отказъ. Движимая вещь, по ук. Іоанна IV, сохраненному Татищевымъ, подлежала публичной продажѣ при слѣд. условіяхъ: залогоприниматель не имѣетъ права, при наступленіи срока, продать или сбыть другимъ способомъ заложенную ему вещь безъ увѣдомленія должника: онъ долженъ послать къ послѣднему мужей двухъ или трехъ, извѣщая, что, если тотъ не заплатитъ долга въ теченіе недѣли или двухъ, то онъ продастъ его закладъ. Если это не приведетъ къ уплатѣ, то залогоприниматель долженъ отнесть заложенную вещь къ старостѣ и цѣловальникамъ и продать закладъ при многихъ людяхъ (съ публичнаго торгу), по справедливой цѣнѣ; изъ вырученной суммы кредиторъ получаетъ сумму долга и процентовъ; остатокъ ея возвращается залогодателю. Если же вырученной суммы отъ продажи недостаточно для покрытія долга съ процентами, то остающаяся часть долга взыскивается съ должника (Ук. кн. вѣд. казн. ст. VII, прим. 51). Полагаютъ [1]), что этотъ указъ есть не что иное, какъ интерполяція, заимствованная (отчасти буквально) изъ эклоги гл. 2, тит. 10, или по кормчей зач. 11, гл. 1) и не принадлежащая законодателю; доказывается это тѣмъ, что означенная прибавка сообщается только въ одномъ спискѣ Татищева; далѣе тѣмъ, что эта мѣра не могла бы исчезнуть безслѣдно (въ Ул. ц. А. М. о ней нѣтъ упоминанія); наконецъ, тѣмъ, что вообще невѣроятна въ XVI в. такая норма, до которой русское право не дошло и въ дѣйствующемъ сводѣ законовъ. На это замѣтимъ: заимствованіе законовъ изъ византійскихъ источниковъ для древняго русскаго права есть явленіе несомнѣнное (примѣромъ служитъ Ул. ц. А. М.); нѣтъ поэтому основаній предполагать въ каждомъ случаѣ интерполяцію частныхъ лицъ. Правда, иногда такія заимствованія дѣлались и частными лицами (дьяками въ приказахъ), каковы, напр., статьи изъ Литовск. статута, приписанныя къ указнымъ книгамъ (см. нашей Христомат. вып. III, прибавленія къ уст. кн. Разб. Прик.; всѣ приписанныя здѣсь статьи вошли потомъ въ Улож. ц. А. М.): это—общеизвѣстное явленіе стариннаго права, т. е. субсидіарное пользованіе чужими законами, при чемъ путемъ постояннаго примѣненія чужой законъ обращается, наконецъ, въ законную норму. Впрочемъ, кормчая не была

[1]) Л. А. Кассо: „Понятіе о залогѣ". Юрьевъ 1888 г.

чужимъ закономъ для древней Россіи; на нее могли и безъ того ссылаться, какъ на свой законъ. Выписка отдѣльныхъ мѣстъ изъ кормчей дьяками указываетъ только, какія нормы они, судьи-практики, считали примѣняемыми. Въ данномъ случаѣ нѣтъ признаковъ частной работы дьяка или переписчика, такъ какъ статья эклоги не переведена только, но и переработана и выражена правильнымъ законодательнымъ языкомъ того времени. Положеніе этой статьи въ общемъ составѣ указа 1557 г. вполнѣ нормально: законъ говоритъ здѣсь, во-перв., о долгахъ кабальныхъ, во-втор., о долгахъ, обезпеченныхъ закладомъ, и въ-трет., о долгахъ безкабальныхъ (и разумѣется безъ заклада). Въ Улож. ц. А. М. можно найти слѣдъ анализируемаго постановленія въ ст. 196, гл. X, которая изложена такъ: „А будетъ кто кому въ долгу въ денгахъ, или въ иномъ въ чемъ нибудь, заложитъ, что до сроку и кабалу закладную на тотъ свой закладъ дастъ, *а въ кабалѣ напишетъ: буде онъ того своего закладу на срокъ не выкупитъ, и на тотъ его закладъ та закладная кабала—и купчая*, и давъ онъ *такую кабалу*, того своего закладу на срокъ не выкупитъ: и ему впредь до того своего закладу дѣла нѣтъ, а владѣти тѣмъ его закладомъ тому, кому онъ заложитъ, и вольно тому такой закладъ продати, и заложить и въ приданые дать". Такимъ образомъ право собственности кредитора на заложенную вещь возникаетъ при просрочкѣ тогда, когда должникъ выразитъ это въ своемъ обязательствѣ. А если онъ не напишетъ такога условія? Тогда что? Конечно, слѣдуетъ взысканіе, обращенное на заложенную вещь (быть можетъ, не совсѣмъ въ формѣ указа 1557 г.). Что касается до дальнѣйшей исторіи залоговаго права, то возможность колебаній въ этомъ отношеніи и возвращенія вспять наглядно засвидѣтельствована судьбою указа 1737 г., который установилъ обязательную продажу недвижимости и движимости по просрочкѣ и оставленіе вещи за кредиторомъ лишь въ томъ случаѣ, если на торгахъ предложенная сумма будетъ ниже долговой; такое узаконеніе, совершенно равняющееся закону 1557 года, однако отмѣнено вскорѣ—въ 1744 году, когда было предписано опять возвратиться къ правиламъ Уложенія, но лишь относительно недвижимостей. Вопросъ о движимостяхъ остается открытымъ и тогда, но здѣсь очень важно (какъ и замѣтилъ Л. А. Кассо), что и до ук. 1737 г. въ операціяхъ монетной конторы, по частнымъ долгамъ ей подъ обезпеченіе драгоцѣнными металлическими вещами, была принята система оцѣнки такихъ вещей по просрочкѣ съ выдачей излишка цѣны должникамъ (ук. 1733. П. С. З. № 6300). Вообще о взысканіяхъ по закладу движимостей мы не имѣемъ узаконеній (кромѣ ук. 1737 г.) до устава Государственнаго заемнаго банка 1754 г., которымъ введена обязательная продажа заложенной вещи; если уставомъ о банкротахъ 1800 г. продажа предоставлена волѣ должника съ рискомъ для него доплатить сумму долга, если цѣна заложенной вещи не покроетъ ее всю, то изъ этого (по соображенію съ приведенными прежними постановленіями) отнюдь не слѣдуетъ, что нормальнымъ традиціоннымъ способомъ было обращеніе вещи въ собственность кредитора по просрочкѣ.

Другіе виды правъ на чужія вещи (сервитуты), обозначенные въ Уложеніи ц. А. М.: право запрудъ на рѣкахъ (Ул. X, 238), право угодій на чужой вотчинѣ (ibid. 239—243), сервитуты городскіе (ibid. 277—279), б. ч. заимствованы въ Уложеніе чрезъ литовскій статутъ изъ римскаго права, а потому и не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго для древнерусскаго права.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Изъ предшествующаго изложенія исторіи права собственности въ первомъ періодѣ и въ Московскомъ государствѣ видимъ, что лицо хотя и медленно, но неуклонно идетъ по пути завоеванія себѣ самостоятельности въ сферѣ вещныхъ правъ. Вѣковая работа почти уже завершилась *торжествомъ правъ лица* физическаго: оно получило возможность распоряжаться родовыми имуществами, оно поразило права общинъ въ городахъ и, наконецъ, пріобрѣло существенныя вещныя права по отношенію къ помѣстьямъ, оттѣснивъ права государства. Но каждое пережитое состояніе права оставляетъ по себѣ *формы*, которыя бываютъ *устойчивѣе самого содержанія* права и способны жить долѣе этого послѣдняго. Законодательству предстояло снять съ новыхъ явленій права традиціонную оболочку, задерживавшую ихъ дальнѣйшіе развитіе, чего не рѣшалось еще сдѣлать Московское законодательство; но это совершенно законодательствомъ имперіи, не отличавшимся уваженіемъ къ историческимъ традиціямъ.

Цѣлый періодъ имперіи можетъ быть раздѣленъ въ этомъ отношеніи *на двѣ половины:* отъ Петра до Екатерины II и отъ Екатерины до современнаго состоянія законодательства. Въ 1-ю эпоху законъ отвергъ большую часть ограниченій права собственности, унаслѣдованныхъ отъ древнихъ временъ; но зато государство ввело массу *новыхъ ограниченій,* истекающихъ уже не изъ вотчинныхъ правъ государства, а изъ *фискальныхъ и полицейскихъ* цѣлей. Во вторую эпоху уничтожены почти всѣ ограниченія послѣдняго рода, а главное, право собственности частныхъ лицъ утверждено принципіально.

1. Время отъ Петра I-го до Екатерины II.

Благодаря возрастанію правъ частныхъ лицъ и уясненію частныхъ правъ самого государства, прежніе *способы пріобрѣтенія правъ собственности*, а именно пожалованіе, выходятъ изъ разряда главныхъ, уступая мѣсто *договорамъ между частными лицами* и этихъ послѣднихъ съ *казною* (но договоры, по своему существу, не относятся къ вещному праву). Изъ владѣльческихъ способовъ удерживается и точнѣе опредѣляется (при Екатеринѣ II) давность.

Обращаясь *къ дальнѣйшему утвержденію правъ лица на вещи* въ различныхъ *разрядахъ имуществъ* въ указанную эпоху, слѣдуетъ главнымъ образомъ имѣть въ виду это явленіе въ сферѣ правъ на не-

движимыя вещи. Только теперь всѣ вещи этого разряда обобщаются въ одну категорію и получаютъ въ законѣ наименованіе *недвижимыхъ* вещей, именно въ указѣ Петра I о единонаслѣдіи (1714 г. марта 23): „всѣхъ недвижимыхъ вещей, т. е. родовыхъ, выслуженныхъ и купленныхъ вотчинъ и помѣстій, а также и дворовъ, лавокъ не продавать и не закладывать, но обращаться онымъ въ родъ". Этимъ, во-первыхъ, *помѣстья сравнены съ вотчинами*, и хотя для обоихъ видовъ имущества постановлено новое общее ограниченіе, но такое, какое могло быть поставлено только относительно вотчинъ, но не помѣстій (въ ихъ прежнемъ значеніи). т. е. помѣстья признаны окончательно родовою собственностію. Ограниченіе, поставленное Петромъ, не удержалось: импер. Анна, отмѣнивъ законъ о единонаслѣдіи, оставила въ силѣ уравненіе помѣстій съ вотчинами: „повелѣваемъ впредь съ сего нашего указа какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать равно одно—недвижимое имущество—вотчина"; такимъ образомъ законъ ясно истолковалъ, что новое понятіе „недвижимое имущество" равняется прежнему понятію—„вотчина". Но и это послѣднее понятіе имѣло разнообразный смыслъ въ древнемъ московскомъ правѣ. Какія же права распоряженія предоставлены вотчинникамъ на недвижимыя имущества (и въ томъ числѣ на бывшія помѣстья)? Уже законъ о единонаслѣдіи дозволялъ продажу по нуждѣ, отдачу въ приданое и распоряженіе на случай смерти. Но о прочихъ правъ распоряженія и вообще о полномъ правѣ собственности на эти имущества законъ молчитъ до Екатерины II. Итакъ, въ этой существеннѣйшей области вещныхъ правъ еще не было достигнуто ничего, кромѣ уничтоженія отдѣльнаго помѣстнаго права. Вообще права вотчинниковъ во время Петра I и Анны Іоанновны подведены къ среднему типу родовой вотчины, и если права на помѣстья возвысились, то права на купленныя вотчины (благопріобрѣтенныя имущества) понизились.

Уже съ конца XVII в. начинается торжество принципа индивидуальной сбственности на землю, окончательно завершенное въ XVIII в. Право родового выкупа осталось единственнымъ отголоскомъ старины, но зато съ отличіями весьма значительными отъ древнихъ формъ этого права. Всѣ недвижимыя имуществами, кромѣ посессіонныхъ, подлежатъ праву родового выкупа. Только въ 1799 г. сенатъ разъяснилъ, что выкупу подлежатъ родовыя, но не благопріобрѣтенныя имущества. По законамъ же Петра, оба эти вида имуществъ были слиты въ одинъ: выкупу подвергались и благопріобрѣтенныя имущества. При господствѣ начала семейной собственности право выкупа не могло принадлежатъ (и не принадлежало) нисходящимъ; теперь (по ук. 1737 и 1744 гг.) это право прежде всего принадлежитъ ближайшимъ нисходящимъ (по ук. Петра, только главному наслѣднику) и не идетъ далѣе племянниковъ продавца (послѣднее, впрочемъ, отмѣнено указомъ 1766 г.). Затѣмъ срокъ выкупа сокращенъ съ 40 лѣтъ на 3 года.

Земли лицъ низшихъ службъ, прежде состоявшія въ общинномъ пользованіи такихъ лицъ, подверглись разсортировкѣ при импер. Петрѣ II

(въ 1727 г.) и при имп. Елизаветѣ Петровнѣ (по межевой инстр. 1754 г.); большая часть такихъ лицъ распредѣлена по другимъ сословіямъ (въ солдаты, въ гражданскую службу, въ торговый классъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ лишена правъ на пользованіе землею: земли ихъ признаны казенными. Тѣ же изъ упомянутыхъ лицъ, которыя попали въ *государственные крестьяне*, продолжали пользоваться землею, но земля эта окончательно признана казенною. Однако, одна часть этихъ лицъ составила новый разрядъ—*однодворцевъ*, за которыми была признана владѣемая ими земля, какъ ихъ собственная, но не на личномъ, а на общинномъ правѣ съ воспрещеніемъ владѣльцамъ всякихъ правъ распоряженія этими имуществами. Люди, выслужившіеся изъ этихъ разрядовъ въ чины офицерскіе, получаютъ участки на личномъ правѣ. Одинъ изъ видовъ вѣчнаго владѣнія безъ права собственности составляютъ надѣлы отставныхъ поселенныхъ солдатъ: ихъ земли (по зак. Импер. Анны) не подлежали отчужденію, а могли только переходить по наслѣдству къ сыновьямъ. Другой видъ такого же права представлялъ владѣнія землями, отведенными иностраннымъ колонистамъ при Екатеринѣ II (П. С. З. 12503 и др.). Форма, весьма подобная чиншевому праву, установлена (ук. 1702 г.) на церковныхъ земляхъ, отданныхъ въ вѣчную аренду оброчникамъ. Послѣ присоединенія западнаго края къ Россіи, явилось нѣсколько новыхъ формъ условныхъ вещныхъ правъ типа польско-литовскаго (ленное право и др.) [1]).

Кромѣ этихъ видовъ ограниченныхъ правъ собственности, законами Петра и его преемниковъ установленъ особый видъ ихъ, т. н. *посессіонное право* [2]), т. е. право *вѣчнаго* владѣнія отведенными казною имѣніями и крестьянами, а также населенными имѣніями, которыя пріобрѣтены лицами, не имѣвшими права владѣть ими, даруемое фибрикантамъ и горнымъ заводчикамъ съ условіемъ постоянной поддержки этихъ фабрикъ и заводовъ. По прекращеніи дѣятельности этихъ послѣднихъ разрушалось и право владѣльцевъ на имѣнія и крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ и фабрикамъ. Къ такому результату могло привести даже *уменьшеніе* производства (П. С. З. № 5116). Законы XVIII в. именовали такія имѣнія „казенными“ и предписывали производить повсемѣстное „свидѣтельство о казенныхъ земляхъ и прочихъ посессіяхъ, къ частнымъ фабрикамъ и заводанъ приписанныхъ, точно ли онѣ употребляются для тѣхъ надобностей, которыя къ непремѣнному и дѣйствительному существованію заводовъ и фабрикъ необходимы“ (ук. 1797 г. П. С. З. № 18211). Посессіонный владѣлецъ могъ продать деревни, приписанныя къ заводамъ и фабрикамъ, но лишь вмѣстѣ съ этими послѣдними и съ разрѣшенія коллегіи.

---

[1]) Объ остаткахъ древнихъ формъ ограниченія права собственности на землю во времена Петра I и его преемниковъ см. *В. Якушкина:* „Очер. изъ ист. руск. позем. политики“. Приложенія I—VIII.

[2]) Есть мнѣніе, что уже съ XVI в. (въ жалов. грам. Строгановымъ) слѣдуетъ видѣть начало посессіоннаго права (сл. В. А. Удинцева, стр. 9 и др.) и продолженіе его въ XVII в. (въ грамот. Виніусу и др.: Ibid. стр. 16 и слѣд.).

Въ отношеніи правъ *черныхъ сельскихъ общинъ на землю* проведена рѣзкая разграничительная черта между правами казны и частныхъ лицъ. По межевой инструкціи 1754 г., вообще вся сельская земля, не состоящая за кѣмъ-либо изъ служилыхъ лицъ на вотчинномъ и помѣстномъ правѣ, признана казенною. Земли, отмежеванныя вновь *на цѣлыя общества*, считаются казенными, состоящими лишь въ пользованіи общинъ. Частныя лица, прежніе члены общинъ, которыя успѣли овладѣть участками прежней общинною земли и распорядиться ими посредствомъ продажи или отдачи въ монастыри, не признаны собственниками: сдѣлки ихъ уничтожены и отчужденіе ими земель, хотя бы оно совершено было 100 л. назадъ (т. е. послѣ Уложенія ц. А. М.), не признано законнымъ; земли возвращены въ казну; лишь сдѣлки, совершенныя крестьянами и посадскими одного уѣзда или города между собою, признаны дѣйствительными и, слѣдовательно, отчасти утверждено закономъ частное землевладѣніе, возникшее на развалинахъ общиннаго. Такимъ образомъ *общинное землевладѣніе*, существовавшее въ особенности на сѣверѣ Россіи, вытѣснено и отсюда частію правами отдѣльныхъ лицъ, а главнымъ образомъ правами казны.

Прежнее право государства, простиравшееся на всякія земли и общинныя и частныя, окончательно отстраняется. *Казна*, какъ фискъ, является *частнымъ* (юридическимъ) *лицомъ*, наравнѣ съ другими субъектами имущественныхъ правъ, на земли, ей собственно принадлежащія.

Въ сферѣ правъ *городской общины* произошелъ обратный переворотъ: здѣсь, по разрушеніи общины, беретъ перевѣсъ не право казны, а права частныхъ лицъ. Указъ 1700 г. позволилъ свободное обращеніе дворовъ въ городахъ между бѣломѣстцами и черными людьми, т. е. права послѣднихъ совершенно уравнены съ правами первыхъ.

Нѣчто аналогичное изложенной борьбѣ правъ казны, общинъ и частныхъ лицъ представляетъ внутренняя судьба *церковныхъ имуществъ*. Церковь выдѣляла своимъ служилымъ людямъ—архіерейскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ—помѣстья на такомъ же основаніи, какъ и государство. По межевой инструкціи 1754 г., такія помѣстья отданы въ собственность потомкамъ тѣхъ, которые получили церковныя помѣстья, если только эти потомки остаются на службѣ церкви.

Но тогда же возникъ гораздо болѣе существенный переворотъ: вопросъ *о секуляризаціи церковныхъ имуществъ* разрѣшенъ въ пользу государства. Вопросъ этотъ колебался до Екатерины II: съ 1701 года до учрежденія св. синода (1721 г.) Петръ заявлялъ намѣреніе совершенно отобрать церковныя имущества; но не приводя этого въ дѣйствительное исполненіе, онъ отдѣлилъ (ук. 1701 г. января 31) управленіе церковными имѣніями отъ прочихъ дѣлъ церковнаго управленія, подчинивъ первое государству (*въ монастырскомъ приказѣ*). Это аналогично со взятіемъ у собственника имущества въ опеку: церковнымъ учрежденіямъ выдавалось опредѣленное содержаніе, для чего были отдѣлены опредѣленныя вотчины, а остальныя находились въ непосредственномъ распоряженіи государства (т. н. „за-опредѣленныя вотчины“). Съ учрежденіемъ синода имущества

опять переданы въ завѣдываніе церкви, т. е. синода, но это только потому, что синодъ, по мысли Петра, былъ одною изъ государственныхъ коллегій. Распредѣленіе доходовъ съ этихъ имуществъ на государственныя и общественныя потребности оставалось обязательнымъ и для синода. Затѣмъ (послѣ Петра, при импер. Екатеринѣ I, въ 1726 г. ук. іюля 12) учреждена коллегія экономіи, которой переданы всѣ свѣтскія дѣла церкви, въ томъ числѣ управленіе церковными имуществами, что̀ подтверждено при импер. Аннѣ (ук. 1736 и 1738 г.); слѣдов., синодъ лишился своихъ правъ на эти имущества. Но въ 1744 г. при импер. Елизаветѣ синодъ испросилъ уничтоженіе коллегіи экономіи, обѣщаясь употреблять доходы съ церковныхъ имѣній по мысли Петра (на дѣла общественнаго призрѣнія и народнаго образованія). Однако, императрица, несмотря на свое благорасположеніе къ синоду, сама подняла вновь вопросъ въ конференціи (1757 г. сентября 30) о судьбѣ церковныхъ имуществъ, замѣтивъ, что управленіе деревнями и сборъ налоговъ есть суетность, не свойственная монашеству (Арсеній Мацѣевичъ приписывалъ себѣ честь отклоненія императрицы отъ этой новой попытки секуляризаціи); но синодъ остался до нѣкоторой степени самостоятельнымъ органомъ церковнаго управленія. Такимъ образомъ церковныя имущества были еще вполнѣ церковными, только *субъектъ права на нихъ совершенно измѣнился*: прежде владѣли ими церковныя установленія каждое въ отдѣльности (монастыри, епископіи), теперь владѣльцемъ ихъ сдѣлалась церковь, взятая въ совокупности, что облегчило путь къ послѣдующей полной секуляризаціи церковныхъ имуществъ, совершенной при Петрѣ III и Екатеринѣ II. Екатерина II, несмотря на то, что главная причина негодованія на ея предшественника заключалась въ актѣ секуляризаціи, тотчасъ по восшествіи (1762 нояб. 29) учредила „духовную комиссію“ по вопросу о церк. имуществахъ изъ трехъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ особъ; комиссія выработала основанія секуляризаціи, объявленныя ук. и манифестомъ 25 февраля 1764 года; цѣлію реформы признано „обратить даръ Божій на богоудныя дѣла“. Всѣхъ крестьянъ было отобрано (по тогдашнему счисленію) 910.866 душъ. Реформа сопровождалась возстановленіемъ коллегіи экономіи и изданіемъ акта объ учрежденіи церковныхъ имѣній. Доходы имѣній назначены на содержаніе архіер. домовъ и монастырей (назначеніе содержанія бѣлому духовенству лишь обѣщано), на содержаніе семинарій, церквей и на пенсіи (офицерамъ и пр.). Тѣ же мѣры секуляризаціи распространены на Малороссію въ 1786 г.

Новыя ограниченія частныхъ вещныхъ правъ, истекающія изъ полицейскихъ и фискальныхъ цѣлей государства, возникали изъ слѣд. вопросовъ: принадлежитъ ли собственнику только право на поверхность земли, или и *на ея нѣдра*? Вопросъ этотъ не ставился въ до-петровскомъ правѣ: кто хотѣлъ, могъ копать и добывать руду или камни безпрепятственно; такимъ образомъ фактически утверждалась мысль о принадлежности частному владѣльцу и нѣдръ земли. Петръ I, заботясь о расширеніи рудокопнаго дѣла, въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіи (1719 г.)

выразилъ противуположный принципъ: „намъ однимъ, яко монарху, принадлежатъ рудокопные заводы“: хотя въ томъ же указѣ выражено, что государь „милостиво соизволяетъ употребленіе ихъ (то-есть рудокопныхъ заводовъ) всѣмъ и каждому“, но это обозначало только наилучшій способъ осуществленія казною своего права: добыча металловъ и минераловъ осталась привилегіею казны: нашедшій руду или минералы обязанъ объявить правительственнымъ чиновникамъ, и если хочетъ устроить заводъ, то ситъ позволенія на то. Каждый можетъ отыскивать руду и устраивать заводы на чужой землѣ; въ послѣднемъ случаѣ собственникъ обязанъ предоставить предпринимателю участокъ въ 250 саж. въ длину и ширину. Но такъ какъ трудно разграничить право на поверхность земли отъ права на ея нѣдра, то право заводчика и землевладѣльца разграничены такъ: заводчикъ обязанъ собственнику давать 32-ю долю дохода; но казна имѣетъ преимущество: ей заводчикъ уплачиваетъ 10 долю прибыли; кромѣ того, добытые металлы продаются заводчиками въ казну по таксѣ, назначенной бергъ-коллегіею, и лишь тогда, когда казна не захочетъ или не въ состояніи купить, заводчикъ получаетъ право вольной продажи. Всякій, утаившій руду на своей землѣ или не допускающій устройства завода, подлежитъ или тѣлесному наказанію, или смертной казни и конфискаціи имѣнія. Ясно, что по мысли законодателя, частные предприниматели являются лишь промышленными агентами казны, которой принадлежитъ все, находящееся въ нѣдрахъ земли; уплата же собственнику 32-й доли прибыли дѣлается не за добытыя изъ земли сокровища, а за отнятіе пользованія поверхностію участка.

Право собственности на землю предполаетъ право на всѣ естественныя *произрастанія земли*. Мы видѣли выше, что *лѣса* долго не были объектомъ частнаго вещнаго права, будучи признаваемы общею собственностію общинъ или государства; но мы знаемъ также, что въ московскомъ періодѣ частныя права собственности на лѣса были уже признаны. Петръ I (ук. 1703 года и инструкціею вальдмейстерамъ и оберъ-вальдмейстерамъ 1723 г.) ограничилъ права собственниковъ лѣсовъ изъ видовъ государственныхъ (для надобностей флота). Екатерина I смягчила было эти узаконенія, но Анна Іоан. (инстр. 1732 г.) еще усилила строгость Петровскихъ указовъ. Всѣ лѣса въ извѣстныхъ мѣстностяхъ объявлены заповѣдными; нѣкоторыя породы деревьевъ въ этихъ мѣстностяхъ рубить собственникамъ совершенно воспрещалось. Такими мѣстностями признаны берега рѣкъ Волги, Дона, Днѣпра, Западной Двины и ихъ притоковъ, а равно притоковъ Ладожскаго озера и Ильменя, а также и рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море и Сѣверный океанъ; заповѣдная полоса простиралась по обоимъ берегамъ рѣкъ на 50 верстъ отъ большихъ рѣкъ и на 20 верстъ отъ малыхъ. Такимъ образомъ почти всѣ лѣса Европейской Россіи являлись заповѣдными. Запрещенными породами въ нихъ считались: дубъ, кленъ, ильмъ, вязъ и сосна. Лишь нѣкоторыя изъ этихъ породъ въ незрѣлыхъ экземплярахъ и лишь на крайнія нужды позволялось собственнику брать изъ его лѣса. За срубку же заповѣдныхъ деревьевъ всѣ, въ томъ

числѣ и владѣльцы лѣсовъ, отвѣчали денежными штрафами, кромѣ порубки дуба; за дубъ полагалась смертная казнь. Наказанія эти усиливались или ослаблялись послѣдующими узаконеніями (по инстр. 1732 г., за порубку заповѣдныхъ деревьевъ въ 3 разъ полагалось наказаніе кнутомъ и каторжныя работы на 10 лѣтъ). Зато казна получала полное право *пользованія частными лѣсами* вообще (т. е. какъ заповѣдными, такъ и незаповѣдными), а именно не только казна и ея подрядчики, но и частныя лица для государственныхъ потребностей могли рубить всякія деревья, не платя ничего владѣльцу.

Такимъ образомъ, говоря вообще, вся лѣсная растительность изъята изъ правъ частнаго владѣнія собственника земли; этотъ послѣдній сохранилъ лишь нѣкоторыя права пользованія.

Права угодій и прежде выдѣлялись иногда изъ права собственности, такъ что нѣкоторыя угодья (борти, рыбныя ловли и пр.) отдаваемы были другимъ лицамъ въ отдѣльное помѣстное владѣніе; но, по до-Петровскому праву, такое выдѣленіе было исключеніемъ. Петръ (указомъ 1704 года) отобралъ всѣ частныя рыбныя ловли въ казну, а пчельники и бортныя ухожья, признавъ также казеными, обложилъ оброкомъ.

Право охоты было отнято у землевладѣльцевъ при Петрѣ только близъ Петербурга и Москвы; впослѣдствіи районъ этотъ относительно ловли нѣкоторыхъ животныхъ расширился; вообще неопредѣленное выраженіе близъ Москвы впослѣдствіи опредѣлялось нѣсколько разъ указами различно (отъ 10 до 100 верстъ). Запрещеніе простиралось *не на всѣ виды животныхъ*, а именно обозначенные въ законахъ, но иногда возвышалось до запрещенія ловить и убивать звѣрей и птицъ вообще; особеннымъ же покровительствомъ пользовались лоси, зайцы и соловьи.

Права *на промышленныя заведенія*, по скольку они существовали до Петра, составляли предметъ неограниченнаго права частной собственности. Петръ I въ 1704 г. объявилъ всѣ частныя мельницы казенными оброчными статьями и положилъ оброкъ въ видѣ уплаты въ казну 4-й части дохода, хотя поправлять ихъ и содержать обязаны были владѣльцы; въ случаѣ утайки доходовъ предписано отдавать мельницы на оброкъ стороннимъ лицамъ, впрочемъ съ уплатою $^3/_4$ оброчной суммы владѣльцамъ. Почти въ такой же степени ограничены права частныхъ лицъ на фабрики и мануфактуры. Истиннымъ хозяиномъ ихъ была мануфактуръ-коллегія: частные предприниматели не только обязаны испрашивать разрѣшеніе на устройство ихъ, но у тѣхъ изъ нихъ, которые запустили бы фабрики, онѣ отбираются въ казну; фабриканты ежегодно обязаны доставлять образцы своихъ издѣлій мануфактуръ-коллегіи.

2. Время отъ Екатерины II до свода законовъ.

Рядъ ограничительныхъ условій, которымъ подлежало право собственности (въ особенности на недвижимыя имущества) какъ до Петра I, такъ и при этомъ императорѣ, подалъ поводъ къ мысли, что вообще отвле-

ченное понятіе о правѣ собственности не существовало у насъ до Екатерины II. Къ этому подавало поводъ и то обстоятельство, что въ древнія эпохи въ языкѣ русскомъ не было *общаго термина* для обозначенія этого понятія, что принадлежность вещи лицу обозначалась титулами ея пріобрѣтенія: „купля“, „отчина“, приданое, „примыселъ“, или нѣкоторыми частными чертами, истекающими изъ вещныхъ правъ, напримѣръ, „вѣчное потомственное владѣніе“. Но подобный общій выводъ лишенъ основательности: право собственности вообще зарождается вмѣстѣ съ обществомъ; вопросъ можетъ существовать только въ отношеніи къ праву собственности на недвижимыя вещи; но и въ отношеніи къ этимъ вещамъ купленныя вотчины уже давно приблизились вполнѣ къ понятію собственности. Ко временамъ Екатерины II въ сознаніи общества уже готовы были представленія о полной собственности и на недвижимыя вещи и въ частности на населенныя земли, особенно когда Петръ III снялъ съ дворянъ обязанность военной службы государству.

Во всякомъ случаѣ Екатеринѣ принадлежитъ слава утвержденія общаго понятія о правѣ собственности въ законодательствѣ; къ этому она пришла не однимъ историческимъ путемъ развитія русскаго права, но главнымъ образомъ на основаніи ученій европейскихъ юристовъ и примѣра сосѣдняго польскаго государства.

а) Императрица въ первый разъ ввела въ своихъ указахъ терминъ „собственность“: именно въ актахъ учрежденія знаменитой комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія (въ наказѣ генералъ-прокурору) находимъ слѣдующее опредѣленіе права гражданскаго: „Разсужденіе о взаимности всѣхъ гражданъ между собою составляетъ право гражданское, которое сохраняетъ и въ безопасность приводитъ собственность всякаго гражданина“. По программѣ новаго уложенія, составленной императрицею, „право надъ вещами“ опредѣляется, какъ „право, которое каждый членъ общества гражданскаго имѣетъ надъ имѣніями, справедливо пріобрѣтенными“; имѣнія раздѣляются *на движимыя и недвижимыя;* слѣдовательно, здѣсь совершенно уравнивается отношеніе владѣльца къ тѣмъ и другимъ. Къ понятію недвижимыхъ имуществъ опредѣлительно отнесены указомъ Петра III (1762 г., апрѣля 20) дворы, заводы и фабрики со всякимъ строеніемъ; при Екатеринѣ (1762 г. октяб.) этотъ вопросъ вновь разсмотрѣнъ и утвержденъ, впрочемъ, въ смыслѣ закона Петра III.

Различіе имѣній *благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ,* исчезнувшее было при Петрѣ, возникло вновь при Екатеринѣ вслѣдствіе бо́льшихъ правъ распоряженія, предоставленныхъ собственникамъ благопріобрѣтенныхъ имѣній.

Права распоряженія имѣніями опредѣлены въ жалованной грамотѣ дворянству такъ: „благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить или завѣщать, или въ приданое или въ прожитокъ отдать или передать, или продать кому заблагоразсудитъ“. Здѣсь допущены въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ всѣ способы распоряженія, какіе

издревле практиковалились въ отношеніи къ движимымъ вещамъ, за исключеніемъ одной *мѣны*, которая не допущена и позднѣйшими узаконеніями, вопреки примѣрамъ до-Петровскаго права. „Наслѣдственнымъ же имѣніемъ (продолжаетъ грамота) да не распоряжаетъ инако, какъ законами предписано“ (ст. 22). Но такъ какъ въ законахъ прежняго времени не содержалось точнаго обозначенія правъ на родовыя вотчины, то лишь послѣдующія, а не предшествовавшія узаконенія уяснили это отличіе родовыхъ имуществъ.

Изложенное постановленіе о правѣ распоряженія имуществами не составляетъ привилегіи дворянскаго сословія: оно буквально повторено и въ городовомъ положеніи 1785 г. (ст. 88).

Прочность правъ на дворянскія имѣнія утверждается, во-перв., отмѣною конфискаціи имѣній за преступленія хотя бы и самыя тяжкія (жал. дворян. гр. ст. 23; но здѣсь разумѣются и называются лишь имѣнія наслѣдственныя—родовыя, о благопріобрѣтенныхъ умолчано); во-втор., запрещеніемъ отнятія имѣній безъ суда (ст. 24).

б) Утвердивъ так. обр. понятіе о правѣ собственности вообще, Екатерина затѣмъ освободила частныя имущества отъ тѣхъ *ограниченій*, которыя накопились какъ въ до-Петровскую эпоху, такъ и въ особенности при Петрѣ I и ближайшихъ его преемникахъ; однако, и Екатерина въ свою очередь удержала и даже болѣе точно опредѣлила нѣкоторыя изъ такихъ ограниченій. Дворянамъ предоставляются права на такія вещи, которыя при новомъ сословномъ строѣ не могли бы имъ принадлежать и должны бы составлять исключительную собственность лицъ городского состоянія: именно имѣть фабрики и заводы (въ деревняхъ), имѣть дома въ городахъ и въ нихъ производить ремесла, заводить въ своихъ имѣніяхъ мѣстечки и въ нихъ торги и ярмарки. Но, обратно, для лицъ прочихъ сословій не было дозволено владѣть въ собственность землею въ уѣздахъ не только населенною (съ крестьянами), но и ненаселенною. При Петрѣ I было разрѣшено купцамъ, заводящимъ фабрики или заводы, пріобрѣтать къ нимъ деревни съ крестьянами съ разрѣшенія Бергъ-или Мануфактуръ-коллегіи и съ тѣмъ, что крестьяне составляютъ неотъемлемую принадлежность фабрики и могутъ быть отчуждаемы только вмѣстѣ съ этою послѣднею. Петръ III и Екатерина II воспретили новое пріобрѣтеніе крестьянъ купцами къ фабрикамъ. Относительно ненаселенной земли, лежащей въ уѣздахъ, владѣніе ею воспрещалось для недворянъ уже и раньше, но воспрещеніе это обобщено узаконеніями Екатерины, съ исключеніемъ въ пользу именитыхъ гражданъ, которымъ предоставлено право имѣть загородные сады и дворы. Разрѣшеніе владѣть ненаселенными землями для лицъ всякаго состоянія дано лишь при Александрѣ Первомъ (1801 г. декаб. 12); „признали мы нужнымъ (говоритъ этотъ государь) право пріобрѣтенія всякихъ подъ разными именами извѣстныхъ земель безъ крестьянъ и владѣнія всѣмъ тѣмъ, что на поверхности и въ нѣдрахъ ихъ находится, распространить на всѣхъ россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ.

И вслѣдствіе того предоставляемъ не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ пріобрѣтать покупкою землю отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу. Въ 1804 г. это право распространено на людей духовнаго состоянія.

Во всемъ остальномъ Екатерина II уничтожила тѣ ограниченія права собственности, которыя установлены Петромъ I изъ цѣлей казенныхъ. А именно, манифестомъ 28 іюня 1782 года дворянамъ подтверждено „право собственности не только на поверхности земли, каждому изъ нихъ принадлежащей, но и въ нѣдрахъ той земли и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на всѣ сокровенные минералы и произрастенія и на всѣ изъ того дѣлаемые металлы“; это вновь подтверждено жалов. грамот. дворянамъ 1785 г. (ст. 33). Такое постановленіе включено въ дворянскую привилегію потому, что, по мысли Екатерины, какъ мы видѣли сейчасъ, право на землю принадлежитъ исключительно дворянамъ. Изъ приведеннаго общаго принципа сама законодательница сдѣлала слѣд. частные выводы: каждый можетъ въ своихъ имѣніяхъ разрабатывать ископаемыя богатства; никто не можетъ заниматься этимъ въ чужихъ имѣніяхъ (безъ согласія владѣльца), а равно требовать казенныхъ лѣсовъ къ своимъ заводамъ; добытое составляетъ собственность владѣльца; лишь за золото и серебро онъ обязанъ уплатить въ казну 10 долю. Ограниченія, постановленныя Петромъ I относительно лѣсовъ, Екатерина II смягчала постепенно, пока, наконецъ, въ манифестѣ 1782 г, всѣ частные лѣса, въ томъ числѣ и заповѣдные, предоставлены въ полное распоряженіе владѣльцевъ: они могутъ пользоваться въ нихъ всякими родами деревьевъ, и, обратно, никто сторонній, въ томъ числѣ и казна, не можетъ пользоваться лѣсомъ безъ воли владѣльца; сторонніе могутъ пріобрѣтать отъ владѣльца лѣсъ по договору. При этомъ императрица выразила надежду, что владѣльцы сами позаботятся о сохраненіи лѣсовъ для собственной пользы. Въ жалованной грамотѣ дворянству выражено тоже постановленіе такъ: „подтверждается благороднымъ право собственности въ лѣсахъ, растущихъ въ ихъ дачахъ, и свободнаго ихъ употребленія“.

Ограниченія *въ угодьяхъ*, рыбной ловлѣ и пчеловодствѣ уничтожены уже приведенными узаконеніями, которыми предоставлено право полной собственности частнымъ лицамъ на воды и лѣса. Но еще раньше, въ 1775 г., императрица отмѣнила сборъ съ рыбныхъ ловель, чѣмъ эти послѣднія естественно перешли въ полную собственность обладателей водъ. Точно такъ же возстановлено и право собственности на мельницы.

Свобода личной собственности, установленная Екатериною въ видѣ привилегій для двухъ сословій, обобщалось постепенно при ея преемникахъ, по мѣрѣ освобожденія прочихъ классовъ общества и, въ частности, сельскихъ обывателей, такъ что во времена имп. Алекасандра II Екатерининскій принципъ, переставъ быть привилегіею, сдѣлался общею правовою нормою всего населенія: казенный интересъ, столь замѣтный еще

въ первыхъ изданіяхъ свода, смѣняется господствомъ полноправія въ гражданскихъ отношеніяхъ.

Остались и удержаны въ законѣ лишь тѣ ограниченія вещныхъ правъ лица, которыя необходимы для сохраненія свободы имущественныхъ отношеній другихъ лицъ, т. е. *сервитуты*. Въ пользу государства удержано *право экспропріаціи* для государственныхъ потребностей. Новый типъ гражданскихъ правъ, въ особенности же вещныхъ отношеній, ждетъ выраженія въ новомъ гражданскомъ уложеніи.

Общій обзоръ исторіи права собственности на Руси.

Изъ представленныхъ фактовъ исторіи права собственности, въ особенности на землю, слѣдуетъ, что исторія собственности развивается въ соотвѣтствіи съ исторіею другихъ гражданскихъ правъ лица: право собственности растетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ свободы лица и понижается вмѣстѣ съ пониженіемъ ея. И наоборотъ, возрастаніе или упадокъ права собственности влечетъ за собою или возвышеніе, или пониженіе личныхъ правъ. При полномъ стѣсненіи лица союзами родовымъ или общиннымъ, т. е. *въ древнѣйшія времена*, почти нѣтъ слѣдовъ права частной собственности, разумѣется поземельной. Когда роды и общины сливаются въ государствѣ и стѣсняются имъ, то права частныхъ лицъ (какъ личныя, такъ и имущественныя) высвобождаются изъ прежнихъ узъ; зато на нихъ налагаетъ руку государство: *московскіе государи* склонны считать себя единими верховными собственниками. Но въ государствѣ, сферѣ несравненно обширнѣйшей, права частныхъ лицъ могутъ обращаться и возрастать съ большимъ просторомъ, чѣмъ въ прежнихъ тѣсныхъ союзахъ родовыхъ и общинныхъ. Наконецъ, когда государство *въ періодѣ имперіи* очищается отъ примѣсей частно-правныхъ, и личныя права гражданъ высвобождаются, то вмѣстѣ съ тѣмъ условныя и ограниченныя вещныя отношенія этихъ послѣднихъ, сложившіяся въ предшествующія эпохи, дорастаютъ до полнаго права собственности, сначала для нѣкоторыхъ классовъ общества, потомъ для всѣхъ. Такъ постепенно одерживается одна изъ величайшихъ побѣдъ человѣческихъ обществъ.

Д.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО.

Общее ученіе.

1. *Понятіе объ обязательствѣ въ древне-русскомъ правѣ.* Истинное понятіе объ обязательствѣ, какъ о правѣ на *дѣйствія* другого лица, не сразу достигается въ исторіи. Вмѣсто права на дѣйствія лица въ древности практикуется право *на лицо:* изъ обязательствъ постоянно возникаютъ, т. ск., вещныя права на обязанное лицо. Такія права возникаютъ б. ч. съ момента заключенія обязательства: такъ, при договорѣ займа обыкновенно (кромѣ случаевъ торговыхъ сдѣлокъ) наступаетъ личный закладъ должника вѣрителю (закупничество и служилая кабала); договоръ личнаго найма прямо ведетъ къ установленію полнаго и неполнаго холопства (подробнѣе объ этихъ явленіяхъ см. выше о холопствѣ). Отвѣтственность по обязательствамъ падаетъ только на лицо, а не на имущество его, ибо обязательства имѣютъ вполнѣ личный характеръ— приражаются лицу и неотдѣлимы отъ него. Въ силу этого при исполненіи обязательства взысканіе не обращается на недвижимое имущество должника, хотя бы оно у него и было, а на лицо должника: этотъ послѣдній выдается кредитору головою до искупа.

Московская эпоха дѣлаетъ шагъ впередъ въ приближеніи къ истинному понятію объ обязательствахъ. Судебникъ 1550 г. (въ ст. 82) воспрещаетъ при договорѣ займа должнику служить у своего вѣрителя за ростъ: „жити имъ о себѣ, а на деньги ростъ давати"; этимъ, очевидно, воспрещается личный закладъ при договорѣ займа. Тотъ же Судебникъ старается ограничить силу договора личнаго найма, какъ источника холопства (см. его ст. 78 и 76). Узаконенія этого времени запрещаютъ выдавать несостоятельнаго должника вѣрителю въ вѣчное рабство. Въ 1558 г. приказъ обращался съ вопросомъ къ законодательной власти такого рода: нѣкоторые изъ несостоятельныхъ должниковъ сами просятъ, при выдачѣ ихъ кредитору, дозволить имъ поступить въ полные холопы къ этому послѣднему. Царь не разрѣшилъ этого, а приказалъ выдавать головою

только до искупа (т. е. для отработки долга въ опредѣленный закономъ срокъ). Наконецъ, въ XVII в. (съ ук. 1626 г. янв. 15 и 1628 ноября 17; см. Ук, кн. земск. прик. ст. X, 7 и XIII, 9) разрѣшается обращать взысканіе съ лица на имущество: сначала на дворы и животы, потомъ на вотчины и помѣстья. Позже тоже примѣнено и къ посадскимъ людямъ (см. ук. 1643 г., дек. 27; Указн. кн. зем. прик. ст. XXXIII), а именно тѣхъ изъ нихъ, которые стоятъ на правежѣ, а окупиться имъ нечѣмъ, велѣно не отдавать истцамъ головою, а продавать (съ публичнаго торгу) ихъ дворы и лавки. При залоговыхъ сдѣлкахъ имущество заложенное *олицетворяется*, становится „порукою“, или корреальнымъ должникомъ (см. выше стр. 576).

Вотъ слѣды новаго взгляда на обязательственныя отношенія. Въ связи съ такимъ взглядомъ на существо обязательства стоитъ рѣшеніе вопроса о переходѣ или непереходѣ обязательствъ по наслѣдству. Если обязательства падаютъ только на лицо обязанное, тѣсно срастаются съ его личностью, то понятно, что и переходъ ихъ по наслѣдству былъ бы невозможенъ, ибо личныя права въ наслѣдство не переходятъ. Уложеніе допускаетъ этотъ переходъ только въ наслѣдованіи по закону (между родственниками) и притомъ выражается объ этомъ такъ: „А *похотятъ* истцы по тѣмъ крѣпостямъ (на умершаго) исковъ своихъ искати на женѣ и на дѣтехъ, или на иныхъ роду его, кому животы его и вотчины достанутся...“ то это имъ позволяется (X, 245, сл. 132 и 207 и ук. 1676 г. марта 13, ст. 5). Тотъ же взглядъ замѣчается въ законодательствѣ и послѣ Уложенія ц. А. М.: именно ук. 1676 г., іюня 20 позволяетъ искать по обязательствамъ „на родственникахъ ихъ (умершихъ должниковъ), кому послѣ ихъ даны будутъ помѣстья ихъ и вотчины, и дворы и животы“.

Этотъ вопросъ уяснится сейчасъ, когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію лицъ, участвующихъ въ обязательствѣ. Впрочемъ мы знаемъ уже, что обязанность жены, дѣтей (а отчасти родственниковъ) должника отвѣчать послѣ его смерти по его обязательствамъ, установленная еще Рус. Пр., основывалась (какъ и самое право наслѣдства) на личныхъ отношеніяхъ ихъ въ семьѣ и въ родѣ.

2. Лица, участвующія въ обязательствѣ.

По существу понятія объ обязательствѣ, оно можетъ имѣть силу только между лицами, его заключившими или въ него вступившими, не простираясь ни на какое третье лицо. Но этотъ принципъ видоизмѣняется въ древне-русскомъ правѣ.

а) **Необходимое участіе третьихъ лицъ въ обязательствѣ.** Понятіе о лицѣ физическомъ неясно еще и въ московскомъ правѣ: подобно вещнымъ правамъ, и обязательственныя права принадлежатъ прежде всего семьѣ: было уже говорено, что супругъ отвѣчаетъ за супруга, отецъ за дѣтей и дѣти за отца не только по смерти обязавшагося, но и при жизни его; весьма часто въ актахъ договоровъ прямо именуются, какъ обязанные, прочіе

члены семьи; если же этого нѣтъ, то участіе послѣднихъ подразумѣвается; нисходящіе не могутъ выкупать родового имущества, отчужденнаго ихъ отцомъ.

Подобная этому необходимо-корреальная связь возникаетъ въ отношеніяхъ господина къ слугамъ его и крестьянамъ. Вѣритель, при наступленіи срока исполненія обязательства, не имѣя подъ руками главнаго должника, можетъ предъявить искъ къ любому его человѣку, который попадается ему подъ руку, и тотъ обязанъ отвѣчать. На этомъ же основано узаконеніе о томъ, что, при несостоятельности кредитора-господина, взысканіе производится съ его слугъ и крестьянъ; „кто не учнетъ на правежѣ отстаиваться, и тѣхъ людей посылать въ вотчины и помѣстья, и велѣти правити на людей ихъ и на крестьянѣхъ (“Ук. кн. зем. пр. XIII, 9). На томъ же основывается дозволеніе господамъ замѣнять себя людьми и крестьянами на правежѣ. Въ 1629 г. приказъ спрашивалъ царя: городовые дворяне и дѣти боярскіе сами на правежѣ стоять не хотятъ, а ставятъ въ свое мѣсто людей своихъ для волокиты; спрашивается: допускать ли это? Приказъ не видитъ ничего незаконнаго въ такой подставкѣ вмѣсто обязаннаго лица другого; онъ затрудняется только волокитою. Царь не призналъ нужнымъ отмѣнить такую замѣну лицъ (ibid. X, 8). Обратно, обязательства слугъ и крестьянъ (по крайней мѣрѣ обязательства, возникшія изъ деликтовъ) въ то же время падаютъ и на господъ ихъ: „выти (частное вознагражденіе лицу, потерпѣвшему отъ преступленія, совершеннаго слугою) имати на дворянехъ и на дѣтехъ боярскихъ и на приказныхъ людехъ, кому кто служитъ“ (Уст. кн. разб. прик., доп. ук. 1625 г). Такая взаимная солидарность обязательственныхъ отношеній между господиномъ и его слугами особенно открывается изъ ст. 22 и 23 Цар. Суд., которыя позволяютъ предъявлять искъ къ намѣстнику или волостелю по претензіямъ какъ на нихъ самихъ, такъ и на ихъ слугъ („людей“).

б) **Необходимое вступленіе въ обязательство третьяго лица** (*взамѣнъ обязавшагося*). Московское право знаетъ и предвидитъ случаи, когда третье лицо, не участвовавшее въ обязательствѣ, должно по необходимости замѣнить одного изъ участниковъ. Такихъ скучаевъ мы находимъ въ немъ два. Первый случай наступаетъ тогда, когда, при судебномъ спорѣ объ исполненіи обязательства, дѣло рѣшено неправо вслѣдствіе подкупа. Тогда судья или дьякъ, виновные въ неправосудіи, должны уплатить истцовъ искъ. По требованію разумности, слѣдовало бы въ такомъ случаѣ возстановить дѣло и, по ходу его, присудить къ удовлетворенію одной стороны другою, а лицо, допустившее неправосудіе, наказать. Между тѣмъ московское право удовдетворяетъ неправо обвиненную сторону на счетъ судьи, оставляя совершенно безъ отвѣта вопросъ, какія же послѣдствія это имѣетъ для стороны, неправо выигравшей искъ (Суд. цар. ст. 3 и 28; попытку объяснить эту странность см. въ нашемъ прим. 58 къ ц. Суд.). Второй случай необходимой замѣны лица въ обязательствѣ стороннимъ лицомъ есть возложеніе на убійцу или причинившаго увѣчье

обязанности удовлетворить по долгамъ убитаго или изувѣченнаго имъ; Обязательства имѣютъ столь личный характеръ, что отнявшій жизнь тѣмъ самымъ усвояетъ себѣ и обязательства, лежавшія на лицѣ, хотя при этомъ могутъ остаться наслѣдники и имущество, въ которомъ они наслѣдуютъ (Улож. X. 258; Новоук. ст. 1669 г., ст. 70).

в) Кромѣ случаевъ необходимаго вступленія въ обязательство, московское право знало **добровольную замѣну лица въ обязательствѣ другимъ.** Изъ актовъ конца въ XVI в. видно, что кредиторъ могъ, независимо отъ воли должника, передать свои права по обязательству всякому стороннему лицу, лишь бы только это лицо было правоспособно вообще и въ отношеніи къ данному роду обязательствъ въ частности. Мы говоримъ здѣсь о такъ называемомъ „выданныхъ кабалахъ", когда кредиторъ передаетъ свое право (кабалу) третьему лицу или въ даръ, или за свой долгъ этому третьему. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ вмѣстѣ съ обязательствомъ вручить и „данную", т. е. совершить новый актъ. Однако, благодаря личному характеру обязательствъ, законодательство долго не признавало такой цессіи законною; по крайней мѣрѣ ук. 1588 г. (Ук. кн. вѣдом. казн. ст. XXI) говоритъ: „по тѣмъ кабаламъ и по памятемъ суда не давати"; но ук. 1628 и 1646 (Ук. зем. пр. ст. XLII) и Улож. (X, 258), описывая составъ выданной кабалы точно также, признаютъ силу этихъ кабалъ; Улож. отказываетъ имъ въ признаніи только тогда, когда такая кабала не подписана, т. е. актъ передачи не означенъ на ней самой, или когда у предъявителя нѣтъ данной на нее. Затѣмъ такая форма бумагъ на предъявителя сдѣлалась общею и даже примѣнялась къ закладнымъ. Так. обр. подготовлялись элементы вексельнаго права, которое, однако, явилось лишь въ періодъ имперіи и установлено закономъ, заимствовавшимъ свое содержаніе изъ нѣмецкихъ источниковъ.

Но должникъ могъ передать свое обязательство только съ согласія кредитора; если тотъ, на кого онъ ассигнуетъ, откажется отъ исполненія обязательства, то кредиторъ всегда сохраняетъ регрессъ къ первому должнику. Цессія отъ должника технически называлась *переводомъ*. Переводъ при неисполненіи обязательства давалъ вѣрителю право на лицо должника.

3. Возникновеніе обязательства.

Обязательственныя отношенія между лицами могутъ возникнуть или вслѣдствіе обоюдной воли обѣихъ обязывающихся сторонъ, или противъ воли одной изъ сторонъ. Первое отношеніе называется договоромъ, второе—обязательствомъ, возникающимъ изъ вины (преступленія, проступка, неосторожности, неисполненія обязательства договорнаго). Къ гражданскому праву въ точности можетъ относиться только первый родъ обязательствъ; существенныя условія вторыхъ разсматриваются въ уголовномъ правѣ. Поэтому далѣе мы будемъ говорить объ обязательственномъ правѣ только по отношенію къ договорамъ.

Для возникновенія договора главное и необходимое условіе есть свободная воля и сознаніе договаривающихся сторонъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что договоръ, заключенный по принужденію, не имѣетъ никакой силы. Какъ ни просто это требованіе, однако московская практика едва могла сладить съ явленіями противоположными; акты того времени содержать въ себѣ частыя жалобы на то, что долговое обязательство или контрактъ купли-продажи вымученъ у контрагента истязаніями, или угрозою истязаній. Разбирать подобныя дѣла было тѣмъ труднѣе, что такіе акты могли появляться въ полной крѣпостной формѣ того времени: обидчикъ могъ стакнуться съ площадными подъячими (тогдашними нотаріусами), взять ихъ къ себѣ въ домъ и туда же обманно зазвать жертву или вмѣстѣ съ подъячими наѣхать на его домъ и отрѣзать ему такимъ образомъ путь отъ всякихъ сообщеній съ сторонними лицами, которыя могли быть свидѣтелями. Именно такой случай имѣетъ въ виду Улож. (X, 251). Отсюда возникло законодательное требованіе, чтобы о такихъ событіяхъ подаваема была судебной власти явка тотчасъ же послѣ событія, въ срокъ не свыше недѣли, т. е. споръ о вынужденности обязательства можетъ быть заявленъ лишь въ семидневный срокъ.

Требованіе свободной воли отъ заключающихъ договоры не выдержано, однако, вполнѣ и въ самомъ законодательствѣ того времени. Оно само иногда требуетъ, чтобы договорныя отношенія возникали по необходимости. Такъ, при началѣ процесса договоръ поручительства (о явкѣ къ суду) обыкновенно совершался невольно или одною стороною, или обѣими; это тогда, когда судебная власть насильно отдавала на поруки обвиняемого его родственникамъ или общинникамъ.

Въ другомъ случаѣ договоръ составляется помимо воли одного изъ контрагентовъ. Такъ, квартирные хозяева лицъ военныхъ, во время похода, считаются по закону депозитарами ихъ вещей. Хозяинъ долженъ принять вещь на сохраненіе при всытупленіи квартиранта въ походъ. Въ законѣ только содержится намекъ на это (Улож. X, 190). Но процессуальные акты того времени указываютъ, что такой порядокъ дѣла усвоенъ былъ повсюду: такъ, псковичи жалуются, что „ищутъ на нихъ, посадскихъ людѣхъ, казаки, браняся, поклепомъ, поклажеевъ и поставленья, воровски, рублевъ по 5 и по 10 и болши“ (Русск. Ист. Библ. II, № 177).

Договоръ, заключенный при отсутствіи яснаго сознанія (напр., въ состояніи опьяненія), недѣйствителенъ (Пск. суд. гр., ст. 114). Обязательства, основанныя на обманѣ и ошибкѣ, недѣйствительны. Обманъ возможенъ относительно лица обязывающагося (его тождества и правоспособности), относительно права лица (продажа чужой вещи), относительно предмета обязательства (его тождества и качествъ). Эта сторона обязательственнаго права уясняется въ московскомъ правѣ такъ же мало, какъ мошенничество въ уголовномъ правѣ. Законодательство того времени заинтересовано всѣми этими понятіями преимущественно по отношенію къ договору купли-продажи и служилой кабалѣ и притомъ преимущественно съ уголовной точки зрѣнія. Купившій вещь, на которую продавецъ не имѣлъ права

собственности, подвергается опасности не только потерять вещь, но и быть привлеченнымъ къ суду объ участіи въ кражѣ или утайкѣ (см. Суд. цар. ст. 93—95; Уст. кн. разб. прик. 34—35 и Дополн. ст. къ ней IV); ук. 1628 г.; Улож. XXI, 64—65). Во всѣхъ этихъ узаконеніяхъ постановляются, что покупщикъ долженъ доказать, что онъ не зналъ ничего о порокѣ въ правѣ. Для этого законъ требуетъ, чтобы покупщикъ покупалъ вещи съ „порукою", или даже съ купчею и съ записью ея въ книги. Съ одинаковою строгостью примѣняются эти постановленія и къ продажѣ чужого недвижимаго имущества—вотчины (Улож. XVII, 35), но при этомъ Уложеніе впадаетъ въ абсурдъ: оно предполагаетъ, что чужую вотчину можно продать только „по стачкѣ съ тѣмъ, кому онъ ту вотчину продастъ", а между тѣмъ далѣе говоритъ: а по купчей, или по закладной деньги на продавцѣ доправя, отдать тому, кому онъ ту чужую вотчину продалъ или заложилъ", т. е. участнику въ обманѣ даетъ право личнаго иска на другого своего товарища по мошенничеству.

4. Совершеніе договоровъ.

Уже изъ предыдущихъ замѣчаній видно, какую важность имѣетъ совершеніе договорнаго акта для существа его. Взаимно выраженная воля договаривающихся сторонъ должна оставить внѣшній слѣдъ для убѣжденія стороннихъ лицъ въ существованіи сдѣлки.

Однако, по древней терминологіи, вмѣсто *сдѣлки* (акта соглашенія, выраженнаго на дѣлѣ) было только совѣщаніе (Дог. Ол. 15, Иг. 16), сгода, смолва, сговоръ. *Въ 1-й періодъ* договоры обыкновенно были *словесные* (за исключеніемъ купли-продажи недвижимыхъ вещей), но съ употребленіемъ уже и тогда *символическихъ* формъ (литки или могарычъ—возліяніе богамъ, рукобитье, или связываніе рукъ—obligatio) и послуховъ (Рус. Пр. Ак. 14, Кар. 44). Даже въ Пск. судн. грам. договоръ именуется „смолвою", хотя въ ней уже рѣчь идетъ не только о неформальныхъ письменныхъ договорахъ („доскахъ") и о формальныхъ („записяхъ"), но и объ укрѣпленіи актовъ (см. ст. 30, 38, 92, 101 и нѣк. др.); заемъ безъ записи и безъ заклада позволяется совершать только до 1 рубля.

Но въ *Московскомъ государствѣ* продолжалось не малое время словесное совершеніе договоровъ; въ этомъ московское право осталось далеко позади законодательства псковскаго. Еще Суд. Іоанна IV допускалъ иски о договорахъ безъ кабалы (ст. 15) и въ процессѣ позволялъ при этомъ доказательства чрезъ свидѣтелей и поединокъ. Въ практикѣ письменное совершеніе ихъ въ XVI в. дѣлается болѣе общимъ и законъ предписываетъ, напр., чиновникамъ, при уплатѣ должникомъ денегъ въ разные сроки, дѣлать отмѣтки объ этихъ уплатахъ на кабалахъ и на записяхъ,—впрочемъ не отвергаетъ еще возможности безкабальныхъ договоровъ (Уст. Важ. грам., Христ. вып. II). Акты, бывшіе тогда въ ходу, были *кабалы, записи и памяти.*

Письменная форма актовъ хотя въ XVI в. сдѣлалась всеобщею, но еще не была обязательною по закону. Въ первый разъ эта обязательность появилась въ XVII в. Въ 1635 г. іюня 7 данъ былъ царскій указъ, въ которомъ государь говоритъ, что ему вѣдомо учинилось, что многіе ищутъ по договору поклажи и займа безкабально—безъ письменныхъ документовъ. Государь указалъ отказывать въ пріемѣ челобитныхъ по договорамъ займа, поклажи и ссуды, если челобитчики не представятъ крѣпостей: кабалъ, записей и памятей (Ук. кн. зем. пр. ст. XXIV). Тѣмъ, которые до изд. этого закона уже совершили безкабальную сдѣлку, предоставляется право подавать явки и челобитныя о томъ до 1-го сент. того же года (для жителей гор, Москвы), по прошествіи котораго и имъ будетъ отказано въ искѣ. Законъ считалъ это столь важнымъ, что велѣно было публиковать его чрезвычайнымъ образомъ чрезъ биричей въ Китаѣ и Каменномъ городѣ по улицамъ и переулкамъ. Сверхъ этого узаконенія, были изданы спеціальные законы о формахъ совершенія сдѣлокъ для нѣкоторыхъ классовъ общества въ особенности: „а прежнихъ государей по указамъ и по уставнымъ грамотамъ съ посадскими людьми казакамъ больши рубля ссужатца безъ письма не велѣно“ (Русск. Ист. Библіот. II, № 178). Въ XVII в. строгость исполненія закона о письменной формѣ совершенія сдѣлокъ была, по Котошихину, такова, что „у кого кабалъ нѣтъ, или утеряются, иди подерутца, или иная какая шкода учинитца, и въ бескабальныхъ дѣлахъ суда не даетца и вѣрить не велѣно ничему, хотя бъ на какое дѣло дватцать человѣкъ свидѣтелей было, все то ни во что безъ крѣпостей“ (VII, 43).

Письменный актъ договора долженъ быть собственноручно подписанъ обязывающимися. За того, кто не умѣетъ грамотѣ, по закону 1629 г. февр. 5 (Ук. кн. зем. прик. ст. XIII. 7), можетъ подписаться отецъ его духовный, и лишь въ случаѣ невозможности добыть такую подпись (отца духовнаго близко нѣтъ, или съ нимъ вражда), дозволяется рукоприкладство ближнихъ родныхъ: именно братьевъ родныхъ или племянниковъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что ничье рукоприкладство, кромѣ этихъ лицъ, вовсе не допускается; въ частности не упоминается о возможности рукоприкладства нисходящихъ за отцовъ и обратно (сл. Улож. X, 246).

Письменная форма не считается, однако, вполнѣ достаточною для полной достовѣрности акта. Она переходитъ постепенно въ *крѣпостную*.

Сначала въ видѣ исключенія, крѣпостная форма примѣняется только къ нѣкоторымъ договорамъ: именно раньше другихъ эта форма обязательно примѣнена къ полнымъ грамотамъ на холопство, служилой кабалѣ и отпускной грамотѣ (см. Суд. 1-й, ст. 20 и Суд, ц. 67; ук. 1558, 1597, 1606 и 1608 гг.). Этому же условію подчинена купля-продаж лошадей; по Суд. царскому (94—96), договоръ этотъ совершается съ непремѣннымъ участіемъ общественной власти: покупщикъ обязанъ представить лошадь для наложенія на нее пятна. Въ Москвѣ властію, скрѣпляющею эту сдѣлку, были особые пятеньщики, а въ городахъ—намѣстники и волостели. Тавро записывается въ книги, нарочно для этой цѣли заведенныя

у цѣловальниковъ. Изъ этого общаго постановленія изъятіе дѣлается только для ратныхъ людей во время похода.

Другой случай примѣненія крѣпостной формы, до общаго установленія ея для всѣхъ договоровъ, относится къ куплѣ-продажѣ и залогу недвижимостей. Первое законодательное установленіе крѣпостной формы для актовъ на недвижимость содержится въ законѣ 1558 г., янв. 11 (Ук. кн. казн. ст. IX), но со ссылкою уже на установившійся обычай. Здѣсь еще говорится, что купчія и закладныя записываются *у дьяковъ*; впослѣдствіи это совершалось въ Помѣстномъ Прик. Здѣсь внесеніе въ книги приказовъ имѣло не одну цѣль укрѣпленія актовъ.

Таковы способы совершенія сдѣлокъ до Улож. Въ Уложеніи для всѣхъ родовъ ихъ предписаны слѣд. правила.

Всякіе акты („заемныя кабалы, записи или иныя какія-нибудь крѣпости"), болѣе важные (купчія и закладныя на вотчины и дворы), или совершенные на значительныя суммы, должны быть писаны площадными подъячими (въ Москвѣ или въ провинціальныхъ городахъ), которые вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ писаться и послухами на нихъ. Актъ долженъ быть скрѣпленъ свидѣтелями (въ актахъ, самыхъ значительныхъ по цѣнности, 5-ю или 6-ю, а менѣе значительныхъ—2 или 3-мя; меньше двухъ не допускается). Но если актъ написанъ собственноручно или, по приказанію обязывающагося, человѣкомъ его, а имъ самимъ подписанъ, то онъ и безъ участія площадныхъ подъячихъ имѣетъ равную силу. Акты менѣе значительные какъ по роду ихъ, такъ и по цѣнности (заемныя памяти до 10 р., свадебныя записи, отдача въ наемъ угодій) могутъ быть писаны и на дому (не у площадныхъ подъячихъ), и хотя бы на нихъ не было подписи послуховъ, имѣютъ силу, лишь бы были подписаны обязывающимися. Въ селахъ и деревняхъ акты второго рода (т. е. менѣе значительные) могутъ быть писаны земскими или церковными дьячками другихъ селъ. Если же актъ будетъ написанъ попомъ или дьячкомъ села, принадлежащаго вѣрителю, то такіе акты не имѣютъ силы, потому, что предполагается, что эти лица находятся въ зависимости отъ вотчинника и могутъ составить или вполнѣ подложный актъ, или отягчить въ немъ условія для должника, помимо воли послѣдняго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рукоприкладство за неграмотнаго дозволяется всѣмъ, „кому они въ томъ вѣрятъ", чѣмъ совершенно разрушается строгость прежнихъ постановленій на этотъ счетъ.

Акты, надлежащимъ образомъ составленные, но подлежащіе, сверхъ того, укрѣпленію въ приказахъ, при неисполненіи этого послѣдняго, теряютъ силу (Улож. XVII, ст. 39 и др.; Ук. кн. пом. прик. IV, 51; Улож. XVI, 6).

Въ періодѣ имперіи сначала (при Петрѣ I) *всѣ* акты подлежали укрѣпленію; мѣстами укрѣпляющими признаны были: оружейная палата (1701 г.), потомъ московская ратуша (1706 г.) и, наконецъ, юстицъ-коллегія (съ 1719 г.). Составленіе актовъ ввѣрено было опять подъячимъ Ивановской площади, съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ порядка ихъ на-

значенія и отвѣтственности и подъ наблюденіемъ Приказа крѣпостныхъ дѣлъ (П. С. З. № 1833 и 1838). Въ городахъ, сначала центральныхъ („разрядахъ"), а потомъ при надворныхъ судахъ позволено было совершать всякіе акты. Въ портовыхъ и болѣе значительныхъ городахъ установлены маклеры изъ купцовъ (П. С. З. № 3708, годъ 1711). При Екатеринѣ II установилось правило, что крѣпостнымъ порядкомъ должны совершаться лишь акты о переходѣ недвижимой собственности; отъ крѣпостной формы отдѣлилась *явочная* (для довѣренностей, запродажныхъ, арендныхъ контрактовъ и пр.).

Предметъ обязательства.

Ученіе о предметѣ обязательствъ составляетъ объективный моментъ обязательственнаго права. Разумѣется, родъ обязательства и размѣръ его предоставляется волѣ сторонъ. Но и тогдашній законъ зналъ и предупреждалъ возможность сдѣлокъ о безнравственныхъ дѣйствіяхъ, напр., объ отдачѣ женъ въ Сибири въ ссуду „для блуда". Долгъ по карточной игрѣ признанъ не подлежащимъ удовлетворенію (ук. 1761 г., іюня 15, п. 5). Сверхъ того, древній законъ вмѣшивался въ размѣръ обязательства гораздо болѣе, чѣмъ нынѣшній, установляя для нѣкоторыхъ классовъ законный maximum ихъ. Такъ, условія о пожиломъ при договорѣ аренды земли крестьяниномъ опредѣлены для всѣхъ случаевъ Судебниками (Суд. 1497 г. ст. 57; Суд. ц. ст. 88). Суд. цар. опредѣляетъ, сверхъ того, что посадскіе люди не могутъ искать на другихъ болѣе того, сколько объявлено ими имущества при обложеніи налогами. Требованія крестьянъ повѣряются судомъ слѣдственнымъ порядкомъ (ст. 72—73). Наконецъ, тотъ же Суд. запретилъ заключать служилыя кабалы болѣе, чѣмъ на 15 руб. (ст. 78; но объ этомъ см. стр. 399).

Кромѣ главнаго предмета (dare, facere), всякое обязательство можетъ повлечь за собою рядъ послѣдствій, которыя можно назвать второстепенными или привходящими предметами обязательствъ—это условія, обезпечивающія исполненія обязательства.

Условія, обезпечивающія исполненіе обязательствъ, могутъ относиться или къ моменту совершенія договора (какъ поручительство, залогъ), или къ моменту исполненія. Здѣсь мѣсто сказать только о послѣднихъ. Всѣ они состоятъ въ усиленіи и увеличеніи обязанности контрагента, не исполнившаго обязательства въ срокъ. Важнѣйшее изъ нихъ—неустойка; она можетъ состоять или въ опредѣленной штрафной суммѣ, предусмотрѣнной въ самомъ договорѣ, или въ возмѣщеніи убытковъ, послѣдовавшихъ для кредитора отъ неисполненія должникомъ договора. Въ древней Руси практика охотнѣе прибѣгала къ послѣдней формѣ условія о неустойкѣ. Понятно, какъ она открывала для кредитора возможность увеличить свои требованія до произвольныхъ широкихъ границъ; поэтому указомъ 1628 г. ноября 21 (Ук. кн. зем. прак. ст. XIII, 8) было постановлено: если убытки пишутъ глухо: „будетъ полягутъ деньги по

сроцѣ..., на заимщикѣхъ убытки всѣ сполна", то размѣръ этихъ убытковъ опредѣляется особымъ искомъ, а не безспорнымъ производствомъ. Впрочемъ, на практикѣ судъ, по собственному усмотрѣнію, уменьшалъ размѣръ неустойки даже тогда, когда она условлена въ опредѣленной суммѣ. Такъ, крестьяне условились съ монастыремъ объ уступкѣ спорной земли и обезпечили это неустойкой въ 50 р.; судъ призналъ невозможнымъ дѣйствительно взыскать такую громадную по тогдашнему сумму для бѣдной деревни. „А въ заставѣ по записи въ пятидесять рублехъ Климецкаго монастыря служкѣ отказано для того, что *деньги неданые* (условлены не для того, чтобы ихъ въ самомъ дѣлѣ отдавать),—погостъ бы отъ того пустъ не былъ" („Ак. Өед.-Чех." I, № 86).

Прекращеніе обязательства.

Договоръ прекращается или исполненіемъ его, или неисполненіемъ въ срокъ, или давностію, или смертію одного изъ контрагентовъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ).

а) **Исполненіе договора.** Срокъ обязательства обыкновенно устанавливается сторонами добровольно въ актахъ обязательства. Толко въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство считало необходимымъ само опредѣлять общій срокъ сдѣлки: такъ, относительно крестьянской аренды имуществъ (перехода крестьянъ) въ Пск. судн. грамотѣ и въ Суд. установленъ одинъ общій срокъ въ году. Другихъ ограниченій, напр., назначенія maximum'а срока для аренды недвижимостей, существующихъ теперь, не находимъ въ древнемъ правѣ.

Иногда вѣритель заинтересованъ въ томъ, чтобы должникъ не исполнилъ въ срокъ обязательства; это именно бываетъ при исполненіи займа, обезпеченнаго залогомъ, когда по уплатѣ для кредитора прекращалось право пользованія заложенною вещью. Уже тогда было установлено, что должникъ, въ случаѣ отказа кредитора принять уплату, можетъ представить уплачиваемыя деньги судьѣ, а отъ этого послѣдняго получаетъ отпись, расписку въ полученіи.

Иногда срокъ исполненія по обязательству отдаляется по распоряженію верховной власти или для извѣстныхъ лицъ въ опредѣленныхъ случаяхъ, или для цѣлаго населенія въ извѣстный періодъ. Эти moratorium у насъ называются *полътными грамотами*. Разсрочка взысканій съ несчастнаго несостоятельнаго, отмѣченная уже въ Рус. Правдѣ (Кар. 68), уясняется московскими памятниками во всѣхъ существенныхъ условіяхъ ея: именно она дается непремѣнно верховною властію (Суд. цар. ст. 43: „а велитъ государь кому какову грамоту дати... полѣтную"), но в. князь могъ поручить это дѣйствіе боярамъ („бояринъ, обыскавъ, да велитъ дати тому діаку *великаго князя* полѣтную грамоту *съ великаго князя печатію*"... Суд. 1497 г. ст. 55). Moratorium теряетъ силу, какъ скоро исчезаетъ обстоятельство, его вызвавшее (потерявшій имущество отъ разбойниковъ и получившій поэтому полѣтную грамоту, перестаетъ пользоваться

льготою, „какъ своего разбою доищется". Суд. цар. ст. 90). При выдачѣ полѣтныхъ грамотъ извѣстному разряду лицъ вслѣдствіе общаго несчастія (пожара), несчастныя обстоятельства кредитора не уничтожаютъ привилегіи полѣтной грамоты для должника, находящагося въ такихъ же обстоятельствахъ (Ук. кн. вѣд. казн. ст. XVI, указъ 1560 г. октября 15). Общее moratorium для всего населенія примѣнено было въ Москов. государствѣ лишь одинъ разъ въ 1557 г., когда уплата долговъ была разсрочена до 1562 года (25 дек.). Эта мѣра а) простирается только на обязательства, возникшія изъ договора займа и притомъ письменныя; ни ссуда, ни рядныя записи не подлежатъ ей. б) Она простирается только на обязательства, заключенныя до установленія moratorium, а не имѣющія возникнуть въ льготныя 5 лѣтъ. в) Уплата производится ежегодно, стало быть, въ 5 сроковъ; неисправный должникъ теряетъ свою привилегію moratorium'а. Это же узаконеніе въ янв. слѣд. года примѣнено и къ займамъ, обезпеченнымъ залогомъ недвижимыхъ имуществъ. Улож. ц. А. М. (X, 203—206) позволяетъ давать разсрочку несчастнымъ несостоятельнымъ до 3-хъ лѣтъ.

б) **Несостоятельность,** по московскому праву, ведетъ, какъ уже замѣчено, къ выдачѣ должника кредитору головою до искупа, т. е. обыкновенно обязательство одного рода (напр., заемъ) переходитъ чрезъ неисполненіе въ обязательство другого лица (личный наемъ).

в) Относительно **невозможности исполненія** находимъ въ московскомъ правѣ узаконенія, относящіяся къ договору поклажи и залогу. Если вещь, отданная на храненіе, украдена у депозитара, то онъ совершенно освобождается отъ обязательства (Улож. X, 194). Въ другихъ случаяхъ, когда вещь, находящаяся въ поклажѣ или въ залогѣ, исчезаетъ не вслѣдствіе кражи ея, депозитаръ или залогопріниматель отвѣчаетъ по мѣрѣ участія въ пропажѣ ея вины съ его стороны; но во всякомъ случаѣ вещный искъ замѣняется личнымъ.

г) Что касается до прекращенія обязательствъ **смертію** обязаннаго (физическаго) лица, то въ московскомъ правѣ установилось, что только обязательства вполнѣ личныя подлежатъ прекращенію вслѣдствіе смерти, именно служилая кабала.

д) Наконецъ, обязательства прекращаются **давностію**. Въ началѣ московскаго періода этотъ принципъ вовсе не имѣлъ силы; напротивъ, въ договорахъ между князьями постановлялось: „должника..., поручника выдати по исправкѣ;... судъ *отъ вѣка*". Первое указаніе о такой давности явилось (или намъ стало извѣстно) въ указѣ 1588 г. февраля 8 (Ук. кн. вѣд. казн. ст. XXI); оно установило 15-лѣтній срокъ исковъ по договорамъ (разумѣется, съ момента исполненія, а не заключенія договора); тотъ же срокъ остается и во всѣхъ послѣдующихъ узаконеніяхъ о томъ же въ москов. періодѣ, а именно въ указахъ 1622 г. (Ук. кн. зем. прик., ст. 1) и 1626 г. (ibid. ст. XII) и въ Уложен. ц. А. М. (X, 256—267). Неволинъ находитъ какое-то таинственное соотношеніе между этимъ срокомъ и 15-лѣтнимъ срокомъ совершеннолѣтія. По указу 1622 г., давность простирается только на обязательства, возникшія изъ договора займа (поклажа и обяза-

тельства изъ delicta подлежатъ погашенію „отъ московскаго разоренія“). Затѣмъ давность простирается только на „неподписанныя“ кабалы, что̀ изслѣдователями толкуется различно, или въ смыслѣ не подписанныхъ собственноручно должникомъ и, слѣд., не признанныхъ имъ, или въ смыслѣ не явленныхъ ко взысканію. О строгости примѣненія законовъ о давности свидѣтельствуетъ Котошихинъ такъ: „а велѣно всякимъ людемъ долговъ своихъ всякихъ денежныхъ и иныхъ искати по кабаламъ и по записямъ и по инымъ крѣпостямъ въ 15 лѣтъ; а по 15 лѣтехъ, хотя одинъ день перейдетъ за лишекъ, всякіе крѣпости поставлены ни во что и суда не даетца“ (VII, 43).

Изъ обзора этихъ узаконеній ясно, что давность по обязательствамъ есть явленіе искусственное, установляемое законодательствомъ; въ обычномъ правѣ слѣдовъ ея нѣтъ.

Система договоровъ.

На основаніи главныхъ предметовъ обязательства (dare, facere) слѣдуетъ установить такую классификацію договоровъ: купля-продажа, залогъ, поклажа, дареніе, заемъ, наемъ имущества, личный наемъ, довѣренность, товарищества. Здѣсь отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ.

Система договоровъ въ древнѣйшее время существенно отличается отъ нынѣ установленной: тогда всѣ роды сдѣлокъ сводились къ немногимъ группамъ ихъ: такъ, купля-продажа совершенно сливалась съ мѣною (при отсутствіи денегъ, какъ орудія обращенія цѣнностей). Остаткомъ этого въ московскомъ періодѣ было постоянное прибавленіе въ купчихъ грамотахъ къ цѣнѣ вещи т. н. „пополонка“ въ видѣ какой-либо движимой вещи (коня, одежды и пр.). Договоръ займа сливался съ договоромъ ссуды и найма движимыхъ вещей. Въ формѣ договора закупничества, по Рус. Правдѣ, сливались договоры займа, найма имущества и личнаго найма.

Но уже въ Рус. Пр. можно замѣтить черты раздѣльности понятій о всѣхъ упомянутыхъ договорахъ.

1. М ѣ н а.

Древнѣйшій изъ договоровъ есть договоръ мѣны имуществъ; онъ можетъ быть совершенъ даже при отсутствіи личныхъ словесныхъ сношеній; лѣтописцы разсказываютъ о молчаливой мѣнѣ товаровъ между русскими и инородцами, не понимавшими языка другъ друга. Не только купля-продажа, но даже и другіе договоры развиваются изъ договора мѣны. Русск. Правда не говоритъ объ этомъ договорѣ; но, несомнѣнно, что мѣна допускалась издревле не только по отношенію къ движимымъ вещамъ (см. Псковск. судн. гр., ст. 114), но и къ землямъ; отъ московскаго періода до насъ дошло немало мѣновыхъ актовъ на земли. Договоръ мѣны вошелъ въ особое употребленіе въ XVII в. вслѣдствіе запрещенія другихъ способовъ отчужденія недвижимыхъ имуществъ въ пользу церкви: мѣною можно было легко прикрыть и куплю-продажу и дареніе: стоило только промѣнять имѣніе большой стоимости на ничтожную вещь. Если при этомъ выгова-

ривается придатокъ, то это будетъ купля-продажа; если нѣтъ, то дареніе (примѣры см. выше). Быть можетъ это обстоятельство заставило въ періодъ имперіи законодателя отнестись къ договору мѣны на недвижимыя имущества отрицательно. Указъ о единослѣдіи 1714 года прекратилъ мѣну вмѣстѣ съ прочими способами распоряженія недвижимыми имуществами; впослѣдствіи, при возстановленіи другихъ способовъ, такое дозволеніе не распространено на мѣну. Здѣсь могла имѣть мѣсто и фискальная цѣль (т. е. предотвращеніе одной уплаты пошлинъ при двойномъ переходѣ имуществъ).

2. Купля-продажа.

Договоръ продажи *движимыхъ вещей*, по Рус. Правдѣ, заключается, какъ и теперь, простымъ словеснымъ соглашеніемъ и передачею вещи. Но изъ движимыхъ вещей исключались въ этомъ отношеніи *рабы*, продажа которыхъ должна совершаться предъ послухами въ присутствіи раба (Кар. 119). Быть можетъ, уже во времена Русской Правды былъ обычай совершать продажу лошадей при участіи чиновника-пятеньщика: въ Рус. Правдѣ дѣтей Ярослава (Ак. 25) находимъ: „А за княжь конь, иже тои съ *пятномъ*, 3 гривнѣ". Н. В. Калачовъ („Изслѣд.", стр. 83) думаетъ, что всякая купля-продажа движимыхъ вещей должна совершаться въ присутствіи двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника (Кар. 33). „Недостатокъ этого условія (говоритъ онъ) рѣшительно уничтожаетъ куплю". Но въ статьѣ Русской Правды и подобныхъ статьяхъ Пск. судн. гр. (46—47), а также Судебниковъ (Суд. 1-й ст. 46—47; Суд. цар. 93) рѣчь идетъ о покупкѣ на торгу старыхъ вещей и указываются средства процессуальной защиты отъ обвиненія въ кражѣ. Если одна сторона введена въ заблужденіе другою насчетъ качества предмета купли-продажи, то договоръ можетъ быть разрушенъ въ теченіе извѣстнаго срока: „А кто конь купитъ, княжь бояринъ, купечь или сирота, а будетъ въ конѣ червь, или проѣсть, а то поидетъ къ осподарю, у кого будетъ купилъ, а тому свое серебро взяти опять взадъ за три годы" (Русская Правда, доп. ст. 1; Пск. судн. грам., ст. 118).

Продажа *недвижимости* съ древнихъ временъ требовала написанія купчей грамоты (см. купчую Антонія Римлянина), а затѣмъ и докладной формы совершенія акта. Въ отношеніи къ этого рода вещамъ подвергается сомнѣнію основное начало договора купли-продажи: по договору купли-продажи переносится право собственности отъ продавца къ покупщику, за извѣстную плату. Если продавецъ не имѣлъ права собственности на проданную имъ вещь, то договоръ не имѣетъ никакой силы: такъ, если человѣкъ продаетъ свою свободу, которая уже ему не принадлежитъ (холопъ), то договоръ разрушается при двоякомъ видѣ послѣдствіи: если покупщикъ зналъ, что онъ рабъ, то лишается своихъ денегъ, а если не зналъ, то деньги ему возвращаются (Рус. Пр. Кар. 129; сл. Пск. судн. грам. ст. 72). Но въ отношеніи къ земельнымъ имуществамъ право собственности далеко не сразу опредѣлилось, какъ исключительное право частныхъ лицъ; даже

въ московскомъ періодѣ можно найти видимыя отступленія отъ общаго начала, что продавецъ долженъ имѣть право собственности на продаваемую вещь. Множество лицъ владѣли землею на правѣ вѣчнаго и потомственнаго владѣнія, съ правомъ отчужденія другимъ вещи на томъ же правѣ. Въ такомъ случаѣ актъ купчей принималъ характеръ и наименованіе *посильной грамоты* или *отступной*; именно чрезъ подобныя сдѣлки передавались тяглые участки. Но это обстоятельство, имѣющее значеніе для вещнаго права, не существенно для права обязательственнаго: продавецъ договоромъ купли-продажи передаетъ всѣ вещныя права, ему самому принадлежащія. Другое исключеніе изъ того же общаго начала представляетъ продажа вотчины, которою продавецъ владѣлъ на условномъ служебномъ правѣ: такія вотчины онъ могъ отчуждать продажею, но не иначе, какъ съ позволенія („доклада“) дѣйствительнаго собственника этихъ имуществъ; въ противномъ случаѣ сдѣлка признается ничтожною (Ак., отн. до юрид. быта, II, стр. 352). Повидимому, общее начало о перенесеніи куплею продажи правъ собственности терпитъ еще третье ограниченіе, а именно: куплею-продажею вообще покупщикъ не пріобрѣтаетъ полныхъ правъ собственности на недвижимую вещь, которая *всегда* могла быть выкуплена продавцомъ (купля-продажа есть будто бы безсрочный залогъ; см. мнѣніе Энгельмана, излож. въ нашемъ прим. къ 13 ст. Пск. суд. гр.). Быть можетъ, въ древнѣйшую эпоху (изъ которой, однако, мы не имѣемъ ясныхъ свидѣтельствъ) недвижимая собственность вообще была не отчуждаемою и подлежала выкупу; но съ XIV в. грамоты „одерноватыя“ (полныя) означаютъ именно полный переходъ права, если ограниченія его не выражены въ самой грамотѣ; лишь по искаженію терминовъ языка иногда въ одной и той же грамотѣ допускалось и употребленіе означеннаго термина (а также равнозначащихъ „въ прокъ“ и друг.), а вмѣстѣ условіе о выкупѣ. Неясная статья (13) Пск. судн. гр. отнюдь не разрѣшаетъ вопроса (о различіи залога и продажи см. выше стр. 575). Изложенныя выше правила о родовомъ выкупѣ имуществъ доказываютъ, что купля-продажа этого рода вещей не вполнѣ переносила право собственности на покупщика, потому что родовая вотчина не составляла исключительной собственности членовъ рода: право собственности окончательно утверждалось за пріобрѣтателемъ не договоромъ только купли, а истеченіемъ 40-лѣтней давности.

3. Даренiе.

Дареніе въ отношеніи къ движимымъ вещамъ не возбуждало никакихъ законодательныхъ опредѣленій. Что касается вещей недвижимыхъ, то законъ XVI и XVII в. обратилъ вниманіе на этотъ договоръ по отношенію къ дарственнымъ въ пользу церковныхъ учрежденій и воспретилъ ихъ (см. выше стр. 532). Однако, это запрещеніе оставалось метрвою буквою, благодаря тѣсной связи даренія съ „вкладами“, которые воспретить было трудно; поэтому мы имѣемъ множество актовъ даренія („данныхъ“) монастырямъ за XVI и XVII вѣка. Думаемъ, что этотъ договоръ и развивался

почти исключительно въ примѣненіи къ церковнымъ учрежденіямъ („данныхъ“ въ пользу частныхъ свѣтскихъ лицъ имѣемъ мало). Выше было сказано, что въ законахъ о родовомъ выкупѣ не упоминается о дареніи, какъ способѣ отчужденія, допускающемъ выкупъ, что это не означаетъ, будто бы выкупъ при дареніи вовсе воспрещается, и что это обстоятельство указываетъ лишь на рѣдкое примѣненіе такого вида отчужденій въ пользу сторонніхъ лицъ. Мы разумѣемъ именно частныхъ свѣтскихъ лицъ—неродственниковъ (данныя родственникамъ замѣняютъ наслѣдство и выдѣлы); къ церковнымъ же учрежденіямъ это не относится: здѣсь (какъ сказано) даренія и вклады были весьма обычнымъ явленіемъ. Но выкупъ недвижимыхъ имуществъ, отчужденныхъ такимъ путемъ, подлежалъ особымъ условіямъ, со времени законовъ, воспретившихъ новыя пріобрѣтенія земель монастырями: такія имущества были выкупаемы государствомъ. Дареніе въ пользу церковныхъ учрежденій нерѣдко сливается съ завѣщаніемъ и есть не что иное, какъ исполненіе завѣщанія наслѣдниковъ (см. С. Шумакова: „Углич. акты“ № XXXVI, XLI и др.). Данныя весьма часто обусловливается пожизненнымъ владѣніемъ дарителя (см. ibid. XXXIX, XL и друг.). Въ данныхъ XV и XVI вв. иногда ставится запрещеніе выкупа имущества родственниками; напротивъ, въ данныхъ XVII в. часто отмѣчаются условія о выкупѣ, при чемъ цѣна выкупа опредѣляется въ самой данной; выкупъ предоставляется дарителю, его женѣ, дѣтямъ и дальнѣйшимъ нисходящимъ и родственникамъ (ibid. № XL, XLIII и др.). Постояннымъ условіемъ даренія монастырямъ было вписаніе дарителей въ синодикъ на вѣчное поминовеніе („доколѣ монастырь стоитъ и міръ вселенной“; см. ibid. № XLI), а въ случаѣ поступленія дарителя въ монашество, ставится условіе постричь его въ одаряемомъ монастырѣ, поить, кормить и покоить, какъ и прочихъ вкладчиковъ“. Предметомъ даренія могли быть какъ земли населенныя и ненаселенныя, такъ и дворы въ городахъ и промысловыя заведенія („варница и половина колодезя, что у Соли и Галицкое“, въ данной 1391 г. Троицкому монастырю; см. Акты, отн. до юр. быта, II, № 63, IV; „въ рѣцѣ Шехстнѣ ѣзъ Берузовскій да двѣ ночи въ Выячевскому ѣзу“—ibid. VII). Иногда въ данныхъ присоединяется условіе о неотчужденіи имущества одаряемымъ церковнымъ учрежденіемъ ни продажею, ни мѣною, ни дарственною (ibid. VIII, XVIII). Данныя на имущества, которыми даритель владѣетъ не на правѣ собственности, подлежатъ такимъ же ограниченіямъ, какъ и купчія на подобныя имущества (см. данную Якшилова племяннику на землю въ митрополичьей волости 1533—1534 г. ibid. XVI).

4. Заемъ.

Заемъ, по Русской Правдѣ, еще близокъ къ найму движимаго имущества; *предметомъ займа* могутъ быть не только деньги, но медъ, жито и др. вещи (Кар. 47, 49—65). При этомъ отличіе договора займа заключается въ томъ, что предметомъ его должна быть такая вещь, которая должна быть возвращена вѣрителю не въ своей индивидуальности, а мѣ-

рою, счетомъ или вѣсомъ. Заемъ не въ деньгахъ, а въ продуктахъ (хлѣбѣ) продолжался и въ Московскомъ государствѣ (см. Важ. уст. гр.; Улож. X, 246) съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что иногда послѣ просрочки заемщикъ обязывается возвратить капиталъ уже не вещами, а деньгами (Ак., отн. до юрид. быта II, № 125).

Одну изъ важныхъ статей договора займа составляетъ *ростъ* или *рѣзъ*. Названіе „рѣзъ" объясняется, какъ прибавка, прирѣзка къ металлу; во Псковѣ ростъ именовался „гостинцемъ"; въ московскомъ правѣ ростъ при хлѣбномъ займѣ назывался „наспомъ" (насопъ). Церковныя правила и у насъ (какъ и на западѣ) осуждали ростъ: въ поученіяхъ рѣзоиманіе считается тяжкимъ порокомъ (Кириллъ Туровскій). Пастыри церкви, воружаясь противъ рѣзоиманія, ссылались на древнія каноническія постановленія: „Божественными правилами отлученная рѣзоиманія, еже убо о сихъ глаголетъ 44 правило св. Апостолъ" (поученіе Фотія псковскому духовенству въ Ак. Ист. I, 47—48). Лица духовнаго званія, занимавшіяся отдачею денегъ въ ростъ, подвергались изверженію изъ сана. Но свѣтскіе законы дозволяли взиманіе роста до XVII в. Въ эпоху Рус. Пр. высота дозволенныхъ процентовъ была чрезвычайно велика; именно тогда различались проценты годовые, третные и мѣсячные. Только количество первыхъ изъ нихъ точно опредѣлено въ Русской Правдѣ: именно по 10 кунъ на гривну (Кар. 67); въ гривнѣ, возникшей послѣ Ярослава, было 50 кунъ (Прозоровскій, стр. 567); слѣдоват., 10 кунъ составляли $^1/_5$ гривны, или $20^0/_0$. Неволинъ говоритъ, что прямо не запрещалось брать и больше; но изъ 67 ст. Кар. Рус. Правды, напротивъ, можно заключить, что выше 10 кунъ съ гривны брать не позволялось. Годичные росты были самые низшіе; третные, а тѣмъ болѣе мѣсячные далеко превышали ихъ.

Одну изъ причинъ огромной высоты роста находятъ въ общественномъ состояніи тогдашней Россіи, при которомъ не всякій рискнулъ бы отдать свои деньги въ долгъ, предвидя полную вѣроятность не получить ихъ совсѣмъ. Догадываются, что торговлею деньгами у насъ въ XII—XIII вѣкѣ, какъ и на западѣ, занимались евреи. Въ 1113 г., по смерти Святополка, „Кіяне идоша на жиды и разграбиша я" (Ипат.). Неправильная высота роста принудила общественную власть позаботиться о сокращеніи ея законодательнымъ путемъ. Быть можетъ, еще до Владиміра Мономаха былъ ограниченъ мѣсячный ростъ (Рус. Пр., Кар. 48): а именно постановлено брать мѣсячные росты только при займахъ на короткіе сроки („за мало дни"); если же заемъ продолжался до года, то мѣсячные рѣзы замѣняются третными. Затѣмъ Владиміръ Мономахъ (какъ видно, вынужденный народнымъ озлобленіемъ противъ евреевъ, злоупотреблявшихъ ростовщичествомъ при Святополкѣ), собравъ дружину, т. е. думу на Берестовѣ изъ представителей (тысяцкихъ) Кіева, Бѣлгорода, Переяслава и Чернигова („Ольгова мужа"), постановилъ ограниченіе и третныхъ процентовъ: а именно, заимодавецъ, два раза получившій третной процентъ, можетъ требовать возвращенія капитала („истое"); если же возьметъ въ третій разъ, то лишается права требовать капиталъ (Кар. 66). Очевидно, что

третные проценты, взятые за цѣлый годъ, превышали цѣну самого капитала. При конкурсномъ взысканіи съ несостоятельнаго должника, тотъ изъ кредиторовъ, который много бралъ процентовъ, не получаетъ ничего изъ капитала (Кар. 69 [1]).

Достойно замѣчанія, что въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Псковъ, законы о ростѣ гораздо стѣснительнѣе, чѣмъ въ Рус. Правдѣ; а именно, взысканіе „гостинца“ допускается только тогда, когда требованіе уплаты долга предъявлено въ срокъ, а не по истеченіи срока; если кридиторъ потребуетъ уплату до срока, то проценты не взыскиваются; но если должникъ предложитъ уплату до срока, то платитъ и проценты по расчету времени (Пск. судн, гр. ст. 73 –74).

Въ Московскомъ государствѣ весьма долго не подвергалась сомнѣнію законность взиманія роста; лишь въ XVI вѣкѣ чрезмѣрная высота роста ($20^0/_0$) заставила законодателя сначала ограничить его, а потомъ (въ XVII вѣкѣ) совсѣмъ воспретить. Ц. Іоаннъ IV сначала въ уставныхъ грамотахъ (см. Важскую уст. гр. въ Христом. по ист. рус. пр., вып. II) воспрещаетъ „понедѣльные“ росты, а велитъ взыскивать (въ годъ) на 5 шестой по расчету. Потомъ онъ же въ упомянутой выше общей полѣтной грамотѣ 1557 г. постановилъ, что въ льготные года капиталъ взыскивается безъ роста, а по обязательствамъ, возникающимъ вновь въ эти года, ростъ взыскивается вдвое меньше обычнаго ($10^0/_0$). По указу 1626 г., ростъ можетъ быть взыскиваемъ за 5 лѣтъ, когда сойдется истина съ ростомъ (Ук. кн. зем. пр. ст. XII). Наконецъ, Уложеніе ц. А. М. (X, 255) совершенно воспретило взиманіе роста, вооружившись противъ него съ религіозной точки зрѣнія, что и оставалось въ силѣ (разумѣется, въ законѣ, а не въ практикѣ) до 1754 г. (П. С. З. № 10235); тогда дозволено взиманіе процентовъ въ указной величинѣ ихъ ($6^0/_0$). На практикѣ уже въ XVII в. писались заемныя кабалы съ условіемъ, что, „если полягутъ деньги по сроцѣ, и намъ давати ростъ, какъ идетъ въ людехъ, по разсчету на 5 шестой“, т. е. $20^0/_0$ (Акт., отн, до юрид. быта II. № 122).

Вексельный уставъ 1729 года (см. выше о законод. въ пер. импер.), ввелъ обращеніе векселей между лицами торговаго званія; но практика распространила ихъ и на лица прочихъ сословій. Порядокъ совершенія займа былъ окончательно установленъ банкротскимъ указомъ 1800 года (П. С. З. № 19692).

5. Поклажа.

Договоръ поклажи имѣлъ особенное значеніе въ древности, когда всеобщее отсутствіе внутренней безопасности заставляло людей, при отправленіи въ путешествіе и въ минуты народныхъ волненій, отдавать вещи на сохраненіе въ надежныя руки: „Мужъ нѣкій (говорится въ патерикѣ), хотя отъити въ путь, имый-же и луконце мало, полно суще серебра, при-

[1]) См. произвольное и неправильное перетолкованіе ясныхъ статей Русской Правды Лонгиновымъ. (Журн. Мин. Юст. 1898 г., дек.).

несе въ монастырь блажен. отца нашего Ѳеодосія и предастъ на соблюденіе черицу Конону, яко ему другу сущу знаему. Таче видѣвъ одинъ отъ братіи, Никола именемъ, уязвленъ бысть отъ бѣса на не и тако украдъ скры"... (Памятники, изд. Яковлевымъ, стр. LXI). Русская Правда усматриваетъ въ поклажѣ болѣе нравственную услугу, чѣмъ обязательство („благо ему дѣялъ и хранилъ"—Кар. 46), и освобождаетъ договоръ поклажи отъ формальности заключенія его при послухахъ; въ случаѣ, если отдавшій вещи на сохраненіе начнетъ клепать (обвинять) пріемщика въ утайкѣ части ихъ, то пріемщикъ очищается личною присягою; безъ сомнѣнія, то же нужно разумѣть и въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ совершенно будетъ отрицать существованіе договора. Впослѣдствіи (во Псков. судной грам.) договоръ поклажи дозволяется совершать словесно только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, препятствующихъ формальному совершенію сдѣлки: именно въ случаѣ пожара и народнаго возстанія, также для пріѣхавшихъ изъ чужой земли и для лицъ, не имѣющихъ постояннаго мѣстожительства. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ поклажа должна быть совершена посредствомъ записи (а не „доски") и съ точнымъ перечисленіемъ вещей, отданныхъ на сохраненіе (ст. 16—19). Законами Московскаго государства (ук. 1635 г. въ Ук. кн. зем. прик. ст. XXIV и Улож. X, 189—195) поклажа опредѣляется въ сущности тѣми же чертами (см. выше стр. 600).

6. Личный наемъ.

Различіе личнаго найма въ услуженіе (locatio-conductio operarum) и для совершенія извѣстнаго дѣла (loc.-cond. operis), нынѣ столь несущественное, въ древности было чрезвычайно важно. *Наемъ въ услуженіе*, по Рус. Правдѣ, только тогда не велъ къ холопству для нанимающагося, когда это было именно выговорено въ договорѣ (Кар. 121); но на практикѣ договоры такого рода заключались рѣдко, а потому личный наемъ признанъ вообще источникомъ холопства (см. выше о холоп.). Хотя Рус. Правда говоритъ только о тіунствѣ и ключничествѣ, но о прочихъ низшихъ родахъ службы то же разумѣлось само собою. Во псковскомъ законодательствѣ наемъ въ услуженіе уже не имѣетъ такихъ послѣдствій; напротивъ, законъ даетъ особыя постановленія о правѣ иска на господина при взысканіи заработной платы: именно, наймитъ можетъ искать заработной платы, и не дослуживши до срока (по расчету времени); онъ можетъ искать въ „закличъ" (безъ документовъ и другихъ формальныхъ доказательствъ); но онъ можетъ искать только за одинъ послѣдній годъ службы, хотя бы и 10 лѣтъ (раньше) служилъ и не получалъ платы (Псков. судн. гр. ст. 39, 40). Напротивъ, въ Московскомъ государствѣ личный наемъ, подобно какъ и въ Рус. Пр., ведетъ къ холопству, за исключеніемъ нѣкоторыхъ видовъ службы, обозначенныхъ въ законѣ (Суд. 1-й ст. 66 и Суд. цар. 76; см. о холопствѣ). По Уложен., свободное личное услуженіе безъ договора дозволено было только въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ (XX, 16). При договорѣ личный наемъ не имѣетъ этихъ послѣдствій; такіе договоры вошли во все-

общую практику въ XVII в. и въ нѣкоторыхъ случаяхъ именно предписаны закономъ (относительно лицъ, которыя не имѣютъ права владѣть холопами и относительно родителей, отдающихъ дѣтей въ услуженіе). Отъ конца XVII вѣка сохранились договоры личнаго найма долгосрочные (на 3 года) съ условіемъ дѣлать все, что „хозяева ни заставятъ", кражи не чинить, воровъ не подводить, зернью и карты не играть, табаку не тянуть; хозяева выговариваютъ право смирять нанятаго всякимъ смиреньемъ; кромѣ урочной платы, въ концѣ службы выговаривается „надѣлокъ" въ видѣ движимой вещи (Ак., отн. до юр. быта II, № 162; сл. Улож. XI, 32, XX, 104—105). По Улож., акты договора найма въ услуженіе именуются „житейскими записями"; онѣ не могли быть заключаемы на срокъ болѣе 5 лѣтъ (XX, 116); запись укрѣплялась въ холопьемъ приказѣ и имѣетъ многія черты временнаго кабальнаго холопства (XX, 43—46). Наемные рабочіе въ монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ именовались *дѣтенышами*. Это метафорическое наименованіе не имѣетъ никакого отношенія къ возрасту нанимаемыхъ, подобно „отрокамъ и дѣтскимъ" временъ Рус. Правды, или „сиротамъ" въ смыслѣ домашней челяди. Оно только косвенно указываетъ на то, что церковныя учрежденія дольше сохраняли древній взглядъ на прислугу, какъ людей домашнихъ. Дѣтеныши могли быть набираемы изъ осиротѣвшихъ дѣтей крестьянъ и бобылей въ своихъ же вотчинахъ; въ дѣтеныши обращались и тѣ сироты, которыхъ государство, ради цѣлей призрѣнія, разсылало въ монастыри, хотя бы отцы ихъ были дѣти боярскіе; въ дѣтеныши нанимались и всякіе сторонніе гулящіе люди. Всѣ они не были крѣпостными, даже если происходили отъ собственныхъ крестьянъ и бобылей извѣстнаго монастыря (до общаго прикрѣпленія этихъ послѣднихъ). Приведенныя положенія видны изъ слѣд. примѣра: 1617 г. марта 5 слуга Вологодскаго архіепископа Шагринъ пишетъ своему господину; „Да велѣлъ ты, государь, мнѣ, холопу твоему, приговаривати людей въ дѣтеныши 6 человѣкъ; и язъ, холопъ твой, приговорилъ трехъ человѣкъ: старого коровника Оску, да брата его Гришку, да бобыля твоего, государь, Семку, съ нынѣшняго числа да по Дмитревъ день Селунскаго 126 году; а иныхъ, государь, припытываю жъ. А договоръ онѣ со мною чинили въ наймѣхъ, какъ въ иныхъ, государь, твоихъ селахъ—въ Ивановскомъ: деньги и хлѣбъ; и онѣ, государь, просятъ денегъ половины нынѣ, а хлѣбъ, государь, язъ сулилъ имъ мѣсешной, по твоему, государеву, приказу" (Рус, Ист. Библ., т. II, № 259; см. ibid. № 264; ср. пр. Дьяконова: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія", очер. 6-й). Изъ приведеннаго примѣра видно, что въ дѣтеныши нанимались и собственные бобыли того же владѣльца и старые слуги его. Иногда они были поселяемы въ особыхъ дворахъ, что, при веденіи подворной подати, повело къ записи ихъ въ тяглое состояніе и, наконецъ, въ закрѣпленіе.

Что касается до найма на извѣстное дѣло, то законъ не давалъ никакихъ опредѣленій по этому вопросу до Псков. судн. грам.; но практика временъ Рус. Правды указываетъ, что въ обычномъ правѣ того времени были уже нѣкоторыя точныя опредѣленія на этотъ счетъ: а именно, если

заказчикъ, условившись о работѣ, затѣмъ уже не нуждался въ ней, то онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ удовлетворить нанятаго по договору (Патер. печер., см. „Памятники“, изд. Яковлевымъ, стр. CLXX); если плата дана третьему лицу для передачи нанятому и не достигла этого послѣдняго, то работникъ сохраняетъ право требованія къ заказчику (ibid. стр. CLXXVIII).

Псков. судн. грамота распространяетъ на этотъ видъ найма приведенныя выше постановленія о дворовомъ наймитѣ съ тѣмъ различіемъ, что нанявшійся на извѣстное дѣло можетъ искать платы только послѣ полнаго окончанія этого дѣла (ст. 41).

7. Наемъ имущества.

Наемъ движимаго имущества, по Рус. Правдѣ, не вызвалъ никакихъ законодательныхъ опредѣленій. Но изъ условій найма недвижимыхъ вещей возникали сложныя отношенія закупничества ролейнаго (см. выше), или крестьянской аренды участка земли, съ чѣмъ обыкновенно соединялась отдача въ пользованіе крестьянину разн. движимыхъ вещей (коня, плуга, бороны). Благодаря послѣднему обстоятельству, ролейное закупничество соединялось съ наймомъ въ личное услуженіе (Рус. Пр. Кар. 71—73) и вело къ временному ограниченію личной свободы. Совершенно иначе поставлено изорничество въ Псков. судн. грам. (ст. 42—44, 51, 63, 76, 93); изорничество состоитъ изъ главнаго условія о наймѣ земли или воды (для рыболовства) и добавочнаго условія о покрутѣ, которое и здѣсь осложняло договоръ найма имущества личными отношеніями. Сложный составъ условій крестьянской аренды въ Московскомъ государствѣ изложенъ нами въ своемъ мѣстѣ.

Личный характеръ получаетъ и договоръ о наймѣ помѣщенія (квартиры): берущій помѣщеніе въ наемъ технически называется „подсусѣдникомъ“, а отдающій помѣщеніе въ отношеніе къ нему—„государемъ“ (Пск. судн. гр. № 103); личная зависимость перваго отъ послѣдняго изъясняется тѣмъ, что въ древности всякій, живущій въ чужомъ домѣ, становился подчиненнымъ членомъ семьи, „захребетникомъ“ (человѣкомъ alieni juris); фактически это объясняется тѣмъ, что плата за помѣщеніе обыкновенно замѣнялась работою на общую семью.

Въ Московскомъ государствѣ наемъ земли (взятіе въ оброчное содержаніе) имѣетъ уже простой видъ арендного контракта (Ак., отн. до юр. быта II, № 163; сл. Улож. X, 247—250). Когда тяглыя имущества нельзя было продавать бѣломѣстцамъ, то установилась отдача ихъ въ наемъ въ вѣчное пользованіе (см. Ак., отн. до юр. быта, II, № 164), что собственно сливается съ договоромъ купли-продажи черезъ посильную грамоту.

Исторія русскаго процесса.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Въ ученіе о процессѣ включается указаніе органовъ судебной власти (судоустройства) и дѣйствій какъ этихъ органовъ, такъ и сторонъ въ процессѣ (судопроизводства).

А. Судебныя власти.

Въ древнюю эпоху органы судебной власти могутъ быть или частные или государственные.

Частная власть возстановлять нарушенное право находится въ рукахъ частнаго лица, главы семьи или рода, господина и землевладѣльца.

Частный способъ возстановленія нарушеннаго права руками потерпѣвшаго или истца, т. е. месть въ точномъ смыслѣ (самоуправство), въ историческую эпоху не существуетъ: она входитъ въ различныя комбинаціи съ родовою, общинною и государственною судебною властію, которыя уяснены при изложеніи уголовнаго права.

Судебная власть главы семьи или рода (указанная при изложеніи семейнаго права) естественно переходитъ во власть судить „челядь“, т. е. рабовъ и изгоевъ. Существованіе у насъ владѣльческаго суда въ XI—XIV в. не подлежитъ сомнѣнію. „А холопа и половника не судити твоимъ судьямъ безъ господаря“, говоритъ Догов. новгор. 1307 года. Янъ на Бѣлоозерѣ спрашиваетъ о волхвахъ: чьи они смерды, предъ тѣмъ какъ приступить къ суду надъ ними. „Повѣсть о благочестивомъ рабѣ“ разсказываетъ, что одинъ господинъ приказалъ отсѣчь голову своему виновному отроку (сл. Уст. Двин. грам. 11). Жалованныя грамоты частнымъ владѣльцамъ имѣній даются съ *вирами и продажами* (см. грамоту Мстислава и Всеволода Юрьевскому монастырю 1130 г.). Приведенные факты указываютъ на *частное происхожденіе* владѣльческаго суда, такъ какъ населеніе частныхъ селъ первоначально состояло изъ холоповъ и изгоевъ. Пожалованіе права суда государственною властію не опровергаетъ этого, ибо жалованными грамотами передаются села съ такимъ же несвободнымъ населеніемъ. *Компетенція* этого суда не имѣетъ еще никакихъ ограниченій. Что ка-

сается до права *вотчиннаго суда* въ собствен. смыслѣ, то-есть суда надъ свободнымъ населеніемъ частныхъ имѣній, то оно не можетъ быть столь же естественно выводимо изъ власти домовладыки. Источники перваго періода молчатъ о такомъ судѣ. Думаемъ, что онъ могъ образоваться только путемъ пожалованія со стороны государства, которое впослѣдствія было менѣе щедро въ Москвѣ, чѣмъ въ Литвѣ, гдѣ право суда надъ крестьянами обратилось изъ привилегіи въ общій законъ.

Естественнымъ образомъ возникаетъ *судебная власть общины*, какъ обязанность сосѣдей помогать обиженному (призывъ о помощи къ сосѣдямъ—крикъ—есть терминъ, которымъ обозначается у нѣкоторыхъ народовъ исковое прошеніе—„Klage“). Въ эпоху Рус. Правды община обсуждаетъ уголовные иски (Кар. 4 и 5); представители ея „добрые люди“, рѣшаютъ иски, возникающіе изъ договоровъ (Ак. 14); они же и выборные чиновники общины (сотскіе и старосты) участвуютъ въ княжескомъ судѣ (Догов. съ нѣмцами 1229 года, 29, 33). Стремленіе рѣшать споры между общинами судебнымъ процессомъ, а не войною вызываетъ необходимость государственныхъ органовъ судебной власти.

Государственные (земскіе) органы суть 1) *князь*. Его судебная власть простирается на всю землю и внѣ резиденціи осуществляется имъ или лично чрезъ *прозжій судъ* (Догов. Новгор. съ Казиміромъ ст. 11), или чрезъ постоянныхъ чиновниковъ (посадниковъ и тіуновъ), дѣйствующихъ постоянно отъ имени князя. Мѣсто суда—„княжъ дворъ“—не резиденція только князя, но и тѣ дворы гдѣ сидѣли въ провинціяхъ княжіе чиновники (Русская Правда, Кар., 37) [1]). 2) *Бояре* или судятъ отдѣльно,

---

[1]) Судебная функція постоянно приписывается княжеской власти, какъ основная и главная; начиная съ призванія князей-варяговъ и во все дальнѣйшее теченіе періода дѣятельность князей оцѣнивается преимущественно по мѣрѣ должнаго отправленія ими суда: когда Всеволодъ Ярославичъ устарѣлъ, то до людей „не стала доходить княжая правда“, т. е. онъ лично не оказывалъ вліянія на правосудіе; Владиміръ Мон. въ своемъ поученіи приказываетъ своимъ потомкамъ-князьямъ каждый день заниматься лично производствомъ суда—„людей оправливати“; когда кн. Ростиславъ хотѣлъ постричься въ монахи, то Печерскій игуменъ Поликарпъ отговорилъ его отъ этого намѣренія, рекомендуя ему лучше исполнять свое княжеское призваніе, а именно „правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити“ (Ипат. лѣт. п. 1168 г.). Русская Правда указываетъ на княжій судъ: по иску о татьбѣ („вести его на княжъ дворъ“, Кар. 73), по иску о побояхъ и ранахъ („если придетъ на княжъ дворъ“..., Кар. 24), по иску объ обидахъ закупу („явлено ходить къ князю или судіямъ... Кар. 70), вообще по уголовнымъ дѣламъ („или смердъ умучатъ, а безъ княжа слова“..., Ак. 31, Кар. 89 и 90), о наслѣдствѣ („если братья будутъ тягаться передъ княземъ о наслѣдствѣ“... Кар. 117). Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что этимъ исключается всякая судебная власть вѣча, думы и общинъ (какъ мы видѣли выше и увидимъ сейчасъ). Въ своей резиденціи князь не могъ лично давать судъ постоянно, а потому делегировалъ свое право *тіуну*, дѣйствующему отъ его имени. Совершенная несамостоятельность суда тіуна видна, между прочимъ, изъ извѣстнаго сказанія о бесѣдѣ князя Константина Полоцкаго съ владыкою Тверскимъ Симеономъ: „князь въспроси владыки: гдѣ быти тіуномъ нашимъ на томъ свѣтѣ? И рече владыка: гдѣ и князь. Князь же о томъ не полюби на владыку, глаголя: тіунъ не право судитъ, мъзду емлетъ, зло дѣетъ; азъ что дѣю? И рече ему владыка: аще будетъ князь добръ и

замѣняя княжій судъ, или постоянно вмѣстѣ съ княземъ (см. выше стр. 52). *Вѣче* обсуждаетъ нарушенія права цѣлой земли (т. е. дѣла

жалуетъ люди, и того ради избираетъ властеля мужа добра, страха Божія полна, разумна и праведна; князь будетъ въ раи, и тіунъ его съ нимъ. Аще ли будетъ князь безъ страха Божія и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зда, невѣдуща; только бо ему кунъ добывалъ.... и князь будетъ во адѣ, и тіунъ его съ нимъ". Шли ли отъ суда тіуна дѣла къ докладу князю—рѣшить трудно; полагать надо, что въ затруднительныхъ случаяхъ докладъ былъ, но по общему правилу тіунъ рѣшалъ дѣла окончательно, какъ можно заключать изъ церковныхъ уставовъ Владиміра Св., Ростислава Смоленскаго и Всеволода Новгородскаго: „А кто иметъ преступити сія правила, или дѣти мои, или въ коемъ городѣ намѣстникъ, или тіунъ, или судія..., да будутъ прокляти". „Начаша тіуни грабити, людей продавати, сему не вѣдущу", говоритъ лѣтопись о времени старости Всеволода Ярославича (Лавр. п. 1093).

Судебная роль тіуна въ пригородахъ принадлежала посадникамъ; призванные въ Суздальскую землю князья Ростиславичи роздали посадничества южно-русскимъ дѣтскимъ, и эти послѣдніе начали притѣснять народъ вирами и продажами. Несмотря на присутствіе въ провинціяхъ этого постояннаго органа, князья весьма часто объѣзжали пригороды и волости лично, надзирая за управленіемъ и творя судъ. Впрочемъ, съ теченіемъ времени эти объѣзды получили исключительное значеніе сбора особыхъ налоговъ въ видѣ таксированныхъ подарковъ князю, а также и прочихъ неокладныхъ сборовъ (виры). Взамѣнъ себя для этой цѣли князья посылали вирниковъ, которымъ, слѣдоват., принадлежала судебная власть не какъ главная, а случайная функція; главная цѣль посылки ихъ—сборъ виръ; имъ предписано оставаться въ извѣстной волости не долѣе недѣли, чтобы не обременять жителей постоемъ. Этого нельзя было предписать судьѣ. Мысль (Ланге) о тождествѣ вирника съ посадникомъ отнюдь не можетъ быть принята.

Какъ при судѣ самого князя, такъ и его подчиненныхъ органовъ присутствуетъ народный элементъ въ лицѣ добрыхъ людей: „какое дѣло будетъ окончено въ Смоленскѣ передъ судьями и передъ добрыми людьми, въ другой разъ того не починать" (Договоръ 1229, ст. 38). Въ личномъ судѣ князя роль добрыхъ людей, полагать надо, принадлежитъ боярской думѣ; на судѣ провинціальныхъ органовъ добрыми людьми были „лучшіе люди" мѣстной общины (по положенію, а не по выбору и уполномочію), какъ это видно изъ послѣдующей исторіи судныхъ мужей. Значеніе ихъ на судѣ, по недостатку данныхъ, опредѣлить трудно, но можно думать, что оно не ограничивалось слѣдственною частью процесса, а простиралось и на приговоръ, что́ было необходимо при отсутствіи письменныхъ законовъ и господствѣ обычнаго права. Исполнительными органами суда, упоминаемыми въ Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ ея эпохи, были „метальникъ", или писецъ. Изъ этого не слѣдуетъ, что судъ давалъ всегда письменныя рѣшенія; несомнѣнно, въ главной массѣ они оставались словесными; но невѣроятно, чтобы тяжбы о земельной собственности уже тогда не требовали скрѣпленія рѣшеній на письмѣ. Нѣкоторыя судебныя рѣшенія уголовныя вошли въ составъ Русской Правды, будучи въ свое время записаны (см. выше стр. 96). На судѣ, сверхъ того, были „ябедники" и „мечники". Этими именами обозначается, думать надобно, одна и та же должность публичнаго обвинителя и исполнителя приговоровъ (хотя въ Русской Правдѣ, Ак. I, оба наименованія сопоставлены и быть можетъ иногда различались органы публичнаго обвиненія и приведенія приговоровъ въ исполненіе): „Ли мечникъ клеветивъ, ли соудия по мъздѣ судя, ли рѣзоимецъ, гноусны Богу таковыхъ приносы" (см. Рус. Правда Кар. ст. 100 и наше прим. въ Христом. 127). Мысль о публичномъ обвиненіи не должна казаться анахронизмомъ для временъ Русской Правды: Русская Правда во многихъ случаяхъ опредѣляетъ участіе государственной власти въ преслѣдованіи преступленій (что́ вполнѣ вѣроятно съ точки зрѣнія фискальныхъ интересовъ; сл. Рус. Пр. Ак. 41, Кар. 125 и др.); само собою разумѣется, что это участіе состоитъ лишь въ помощи частному обвинителю, при тогдашнемъ исключительномъ господствѣ обвинительнаго процесса.

о земской измѣнѣ и другихъ государственныхъ преступленіяхъ), но первоначально и всякіе иски (см. выше стр. 60). Иноземнымъ писателямъ казалось, что самое вѣче есть не что иное, какъ сборище народа для суда и казни надъ преступниками. Извѣстный Мѣховскій (въ сочин. De duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis, 1517 г.) такъ описываетъ новгородское вѣче: „Въ Новгородѣ начала было распространяться вредная наклонность къ грабежамъ и разбоямъ. Чтобы искоренить это зло, новгородцы ввели у себя слѣд. обычай: захваченный на дѣлѣ, или обвиняемый въ воровствѣ, либо разбоѣ представлялся въ преторію („вѣче“), въ которой засѣдало сто сенаторовъ, въ званіи судей, съ длинными, по обычаю страны, бородами. Потомъ ударяли въ вѣчевой колоколъ; по первому его звуку всѣ граждане, а также сыновья ихъ стекались въ преторію, имѣя въ каждой рукѣ по камню. Когда вина приведеннаго въ судъ была признана сенаторами и приговоръ произнесенъ, тогда присутствовавшіе граждане бросали принесенные ими камни въ преступника и такимъ образомъ умерщвляли его тутъ же, въ судилищѣ, послѣ чего гурьбою отправлялись въ домъ убитаго и расхищали все его имущество; домъ же виновнаго продавался впослѣдствіи съ публичнаго торга, и деньги, вырученныя отъ продажи, поступали въ казну“ (см. Библіографическіе отрывки“ въ Отечеств. Записк. 1854 г. декабрь, 145).

Княжескіе и вѣчевые органы суда дѣйствовали первоначально вмѣстѣ; инстанціоннаго порядка нѣтъ. Но въ Новгородѣ и Псковѣ (въ XIV и XV в.) отношеніе *вѣчевыхъ и княжескихъ органовъ суда опредѣляется закономъ точнѣе*. Здѣсь, съ отдѣленіемъ законодательной власти отъ судебной, между различными органами суда установляется закономъ прочное соотношеніе. Существуютъ двѣ формы такихъ соотношеній; одна въ Новгородскомъ судопроизводствѣ, другая во Псковскомъ.

Новгородское судопроизводство основано на раздѣленіи *подсудности* между княжескими и общинно-вѣчевыми органами суда. *Княжескіе органы*, т. е. самъ князь, его намѣстникъ и тіунъ, рѣшаютъ преимущественно уголовные иски. *Общинно-вѣчевые* органы суда судь слѣд.: судъ *посадника* (Новгор. судн. гр. ст. 2) вѣдаетъ преимущественно тяжебныя дѣла о поземельной собственности (ibid. ст. 28); судъ *тысяцкаго* (Новгород. судн. грам. ст. 4 и Догов. Новгор. съ Казим. ст. 6) вѣдаетъ преимущественно иски, возникающіе изъ договоровъ, особенно между лицами торговыми: „дѣла торговая, гостинная и судъ торговый“ (уст. гр. кн. Всеволода церкви на Окопахъ). Хотя личное возстановленіе права (самоуправство) воспрещено (Новгор. судн. грам. ст. 6, 7, 10 и 12), но личному элементу дано здѣсь участіе въ государственныхъ органахъ суда: „на судъ поимати двѣма истцомъ по два боярина и по два мужа житейска отъ каждыя страны тяжущейся“ (Никон. Лѣт. подъ 1384 г. и Новг. судн. гр. 25).

Эти различные трибуналы поставлены въ *инстанціонныя отношенія* двоякаго рода: *пересудъ* и *докладъ*. *Пересудъ*, или новое разсмотрѣніе дѣла въ высшей инстанціи, принадлежитъ органамъ княжескаго суда (Нов. судн. грам. 2 и 3). *Докладъ*, или переносъ дѣла самимъ судьею,

по неясности закона или факта, дѣлается коллегіи, состоящей изъ представителей общинъ (концовъ города), судей, назначенныхъ сторонами, и княжескихъ чиновникомъ (Новгор. суд. грам. 26).

Псковское судоустройство основано на двойственной организаціи всякаго суда, т. е. всякій трибуналъ состоитъ изъ княжескихъ и общинно-вѣчевыхъ органовъ, а именно *центральное судилище*—„госпóда"—состоитъ изъ князя, посадника и сотскихъ—представителей общинъ. Хотя и указывается на отдѣльный судъ княжій (Псков. суд. грам. 1) и посадничій (ст. 3 и 6), но въ дѣйствительности они судятъ всегда вмѣстѣ (ст. 4; см. также правую грамоту Свѣтогорскому монастырю въ Ак. Юрид. № 2, по который судъ происходилъ „предъ господиномъ Псковскимъ, т. е. княземъ, предъ посадниками степенными двумя и предъ соцкими"; о соцкихъ, какъ судьяхъ, см. Псков. судн. грам. 12, 20). Такой же двойственный составъ имѣютъ и служебные органы суда: а именно нераздѣльно дѣйствуютъ княжій человѣкъ и соцкій (Псковск. судн. грам. ст. 18); дьяки княжій и городской (ibid. ст. 79); подверники отъ князя человѣкъ и отъ Пскова человѣкъ (ibid. ст. 59)—для наблюденія за порядкомъ въ судѣ; дворяне и подвойскіе (ст. 81)—для вызова въ судъ. *Провинціальное судоустройство* имѣетъ такой же двойственный характеръ: въ пригородахъ управляютъ и судятъ посадники (Псков. судн. грам. ст. 77) и княжескіе намѣстники (послѣдніе съ 1469 г. во всѣхъ пригородахъ Пскова; см. ibid. ст. 5).

II. Судопроизводство.

Общая форма процесса уже съ древнѣйшихъ временъ заключала въ себѣ три стадіи: 1) установленіе сторонъ, 2) производство суда и 3) исполненіе рѣшенія. Но рядомъ съ общею существовали и другія особенныя формы, въ которыхъ недоставало той или другой изъ указанныхъ частей процесса.

1. Стороны.

Обѣ стороны именовались „истцами" (Рус. Пр. Кар. 17; Псков. суд. грам. 62; Новг. судн. грам. 13, 11 и др.) или „суперниками" („егда бо грядеши съ супьромъ своимъ на пути...", говорится въ Панд. Антіоха XI в.), или „сутяжниками" (Псков. суд. грам. ст. 58). Такое одинаковое наименованіе сторонъ указываетъ на отсутствіе процессуальныхъ преимуществъ и для истца, и для отвѣтчика, съ нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями для исковъ уголовныхъ (см. Рус. Правда Кар. 99). Въ Патерикѣ печер. разсказывается, что „Арефа (печерск. монахъ, будучи обокраденъ) отъ многія скорби, еже о златѣ, хотя самъ ся погубити, и тяжу велику вздвиже на неповинныя, много мучивъ безъ правды" (Памятн., изд. Яковлевымъ, стр. CXVIII).

Понятіе *о государствѣ, какъ истцѣ* (въ дѣлахъ уголовныхъ), еще не существуетъ; слѣдовательно, нѣтъ различія между уголовнымъ и гра-

жданскимъ, слѣдственнымъ и обвинительнымъ процессомъ. Но уже со временъ довольно раннихъ государство помогаетъ частному истцу въ преслѣдованіи обвиняемаго (Рус. Правда Ак. 41; Кар. 125; Новг. судн. грам. 36; Псков. судн. грам. 65, 98 и др.), возлагаетъ преслѣдованіе преступленій на общины (Рус. Пр. Кар. 80) и, наконецъ, активно участвуетъ въ интересахъ сторонъ, воспрещая потерпѣвшему лицу освобождать преступника отъ наказанія по мировой (Уст. Двин. грам. 6). Есть извѣстія, что уже въ XII в. государственная власть преслѣдовала преступленія даже тогда, когда частный истецъ отказался отъ иска, и что ближайшая причина этого явленія заключалась въ томъ, что органы власти не хотѣли отказаться отъ слѣдуемаго имъ уголовнаго штрафа. „Пришли тати къ св. Григорію Чудотворцу (разсказывается въ Патерикѣ печерскомъ); хозяинъ замѣтилъ ихъ и поймалъ". „Блаженный же, давъ имъ ясти, и отпусти ихъ. И се увѣдавъ городскій властелинъ и повелѣ *мучите* татіе тіи. Стуже си Григорій, яко его ради предани суть, и шедъ дастъ книги (единственное имущество, которое у него было) властелину, татіе же отпусти" (Памят., изд. Яковлевымъ, стр. CXXXVII). Но думать, что денежный интересъ былъ единственный, который руководилъ тогда государственною властію въ его уголовно-полицейской дѣятельности, было бы ошибочно (см. выше стр. 334).

Сторонами, по общему порядку, во всѣхъ дѣлахъ являются *частныя лица*. Но подъ частными лицами въ древнѣйшее время разумѣются не лица физическія: тогда истцами и отвѣтчиками выступали семья, родъ и община: „на борьбу эту родственники обѣихъ тяжущихся сторонъ приходятъ вооруженными и становятся; тогда соперники вступаютъ въ бой..." (Ибнъ-Дастъ).

Въ частности по искамъ, возникающимъ изъ такихъ преступленій, какъ убійство или увѣчье, искалъ весь родъ или вся семья. Впослѣдствіи явилось ограниченіе этого и было постановлено, кто именно можетъ мстить за отца, сына и брата.

Съ другой стороны, отвѣтчиками по преступленіямъ являются опять семья, рода и община. Впрочемъ, семья отдается въ потокъ и на разграбленіе за преступленіе главы ея (Кар. 5) не изъ уголовно-карательныхъ цѣлей (см. выше стр. 338, прим.). Изъ послѣдующихъ законодательныхъ отмѣнъ видно, что первоначально и по преступленіямъ татьбы отвѣчали жена и дѣти преступника (Судебн. Казиміра ст. 1 и 4) опять въ смыслѣ гражданскаго иска.

По русскому праву, первоначальная обязанность общины отвѣчать по искамъ объ убійствѣ не подлежитъ сомнѣнію; изъ нея выродилась круговая порука (при которой община является уже не только отвѣтчиксмъ, но и судьей по преступленіямъ).

Поэтому почти при каждомъ искѣ къ суду являлись съ той и другой стороны цѣлыя толпы родственниковъ и сосѣдей, при чемъ роль гдавныхъ дѣятелей совершенно скрывалась за дѣйствіями массъ *пособниковъ*. Это удержалось до изданія судныхъ грамотъ. Псковская грамота запрещаетъ ходить на судъ „помочью", приказывая лѣзть въ судебницу только двумъ

сутяжникамъ. Изъ ея словъ можно заключить, что еще въ то время пособники силою лѣзли въ судебню, били подверниковъ. По Новгор. судн. гр., стороны приводили съ собою толпы пріятелей (совершали „наводку“) и тѣмъ парализовали дѣйствіе правосудія (Новгород. судн. грам. 6, 13). Въ позднѣйшемъ, литовско-русскомъ періодѣ, чѣмъ богаче былъ истецъ или отвѣтчикъ, тѣмъ съ большею свитою являлся онъ на судъ, наводя ужасъ на судей и противника.

Кромѣ семьи, рода и общины, истцами и отвѣтчиками являлись *юридическія лица* въ собств. смыслѣ, обыкновенно въ полномъ составѣ своихъ членовъ—физическихъ лицъ. Это опять открывается изъ запрещенія, постановленнаго Псковск. судн. грам., чтобы за церковную землю въ судъ помочью сосѣди не ходили, чтобы искалъ и отвѣчалъ одинъ представитель юридич. лица—староста (Пск. судн. гр. 70). Съ постепеннымъ выясненіемъ понятія лица въ частномъ правѣ, опредѣляется и дѣятельность *физическаго лица*, какъ стороны въ процессѣ. Впрочемъ никакихъ условій процессуальной правоспособности физич. лица памятники этой эпохи не даютъ. Изъ нихъ можно извлечь только, что эта правоспособность имѣла безграничные предѣлы: могли искать не только *женщины* какъ замужнія, такъ и вдовы (Новг. судн. гр. 16, 17) и *дѣти* (Псков. судн. гр. ст. 21), но даже и *рабы*, какъ можно заключить изъ Новг. судн. грам. (ст. 22).

Отстранивъ участіе толпы родственниковъ и сосѣдей, законъ долженъ былъ опредѣлить, всякое ли лицо должно непремѣнно лично являться на судъ или могло выслать за себя *представителя* („отвѣтчика“, „пособника“)? Думать надобно, что первоначальное личное присутствіе сторонъ въ судѣ было общимъ правиломъ, такъ какъ процессъ долженъ совершаться личными средствами (наприм., испыт. огнемъ и водою, клятвою и полемъ) съ помощью семьи и рода. Поэтому Русская Правда молчитъ о представительствѣ вовсе. Въ эпоху же Новгор. и Псковск. судн. грамотъ судебное представительство получило широкое развитіе. Кто могъ имѣть представителей? По Новг. судн. гр., повѣренныхъ, которые въ ней называются *отвѣтчиками*, могъ имѣть всякій (ст. 15, 19, 82). Напротивъ, по Псков. судн. грам., право это принадлежитъ только женщинѣ, дитяти, монахамъ и монахинямъ, дряхлымъ старикамъ, глухимъ. Кто могъ быть представителемъ? Прежде всего люди, связанные съ истцомъ или отвѣтчикомъ семейными узами (это остатокъ древняго пособничества); такіе *естественные* представители суть сынъ за мать, мужъ за жену. Новгор. судн. гр., говоря объ этомъ, предоставляетъ право выслать за себя сына вдовамъ старѣйшимъ или по крайней мѣрѣ житьимъ, т. е. двухъ высшихъ классовъ общества. Но отсюда не слѣдуетъ, что вдовы прочихъ сословій лишены были права высылать за себя дѣтей. Относятся ли къ числу естественныхъ представителей слуги (холопы) и вообще домочадцы истца и отвѣтчика, на это памятники не указываютъ прямо, но порядки послѣдующихъ временъ дѣлаютъ такое предположеніе совершенно вѣроятнымъ. Кромѣ естественныхъ представителей, можно было выслать всякое стороннее лицо, какъ отвѣтчика, съ слѣд. однимъ исключеніемъ: лица, облечен-

ныя общественною (административною) властію, не могутъ быть частными повѣренными (Псков. судн. грам. 68, 69). Это, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы предотвратить невольное давленіе на совѣсть судьи.

Однако, несомнѣнно, что право того времени еще неохотно допускало развитіе ремесла повѣренныхъ *наемныхъ*; это видно изъ того, что Псков. судн. грам. воспретила одному и тому же повѣренному вести два дѣла въ одинъ и тотъ же день (ст. 71). Очевидно, что процесъ еще не далеко ушелъ отъ той формы, когда обѣ стороны должны были вести его лично, и теперь много еще оставалось такихъ процессуальныхъ дѣйствій, которыя не могли быть поручены наемнику: такъ, допустивъ наймитовъ къ судебн. поединкамъ, законъ не допускалъ, чтобы можно было нанять за себя цѣловать крестъ (Пск. судн. гр. 36). Естественные представители—не наемники—могли, по всей вѣроятности, исполнять всѣ процессуальныя дѣйствія (Новг. суд. гр. 19, сл. ст. 16). Это уясняетъ намъ *роль повѣренныхъ на судѣ*. Кромѣ уже указанныхъ ограниченій, въ другихъ отношеніяхъ повѣренный замѣняетъ довѣрителя вполнѣ: такъ, срокъ явки къ суду, принятый повѣреннымъ, обязателенъ для довѣрителя, если повѣренный умретъ до наступленія этого срока (Новг. судн. грам. 32).

Установленіе отношеній сторонъ до суда. Процессуальныя отношенія сторонъ установляются, по общему правилу, *договоромъ* между ними. Содержаніе этого договора существенно составляли слѣд. вопросы: предметъ спора, судья, къ которому слѣдуетъ идти за рѣшеніемъ, и срокъ явки къ судъ. Впрочемъ второй изъ этихъ трехъ предметовъ входилъ въ договоръ лишь въ древнѣйшее время: на это въ эпоху Рус. Правды есть прямыя указанія: „Русскій не долженъ звать латинянина на судъ другого князя, кромѣ князя смоленскаго; развѣ если самъ захочетъ, то пусть идетъ“ (Дов. 1229 г. 28); въ позднѣйшее время на это есть лишь намеки, именно въ слѣдующемъ постановленіи Новг. судн. гр.; если стороны взяли срокъ явки къ какому-либо судьѣ, и этотъ судья перемѣнится, то это не освобождаетъ ихъ отъ обязанности явиться въ срокъ къ новому судьѣ (Новг. судн. грам. 30).

Въ позднѣйшее время существеннымъ условіемъ договора становится *срокъ*. Важное значеніе этого условія опредѣляется тѣмъ, что сторона, не выполнившая его, т. е. не явившаяся въ установленный срокъ, тѣмъ самымъ теряла искъ; противная сторона получала безсудную грамоту (т. е. приговоръ, состоявшійся безъ суда). Между тѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда установленный срокъ отмѣняется судомъ и переносится на другое время, эти строгія послѣдствія исчезаютъ: къ неявившемуся посылается троекратный вывозъ, послѣ котораго взыскивается штрафъ за неявку, но теряется ли вмѣстѣ съ тѣмъ искъ, остается еще сомнительнымъ (Новг. судн. грам. 31, 39). Форма совершенія этого договора въ первобытныя времена весьма различалась отъ той, которая установилась въ концѣ эпохи. Прежде онъ заключался личными средствами сторонъ, имѣя все сходство съ условіями о пари, или битья объ закладъ. Спорящія стороны, въ присутствіи постороннихъ бьются въ закладъ, при чемъ, дѣйствительно,

имѣетъ мѣсто и закладъ (т. е. извѣстная вещь—м. б. вещь, о которой именно идетъ споръ, или извѣстное количество денегъ отдается на руки стороннимъ третьимъ лицамъ). Моментъ заключенія сдѣлки опредѣляется или рукобитьемъ („да по руцѣ ему ударити съ исцомъ своимъ"—Новгор. судн. гр. 24), или бросаніемъ шапокъ вверхъ, что называлось *выдачкою* (всѣ эти формы мы возстановляемъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ западнорусскаго права, въ которомъ сохранились вообще древнѣйшія черты русскаго права).

Въ болѣе позднюю эпоху договоръ совершался при участіи судебной власти, къ которой истецъ обращался за содѣйствіемъ уже по общему правилу. Судебная власть даетъ *дѣтскаго* (Дог. 1229 г., ст. 21), который въ послѣдующихъ памятникахъ называется *приставомъ*. Тѣ изъ приставовъ, которые исправляютъ свои обязанности внутри города, называются *подвойскими*. Дѣятельность этихъ лицъ не есть, впрочемъ, государственно-служебная: истецъ долженъ нанять ихъ (ibid.). Для облегченія сторонъ введена постоянная такса за хожденіе и ѣздъ приставовъ: во Псковѣ на 10 верстъ—деньга; въ Новгородѣ эта плата называется *погонь* и была различна, смотря по тому, отъ какого суда шелъ приставъ: если отъ суда владыки, то на 100 верстъ 4 гривны, отъ князя—по 5 кунъ, отъ его тіуна—по 2 куны (Собр. г. и догов. I, № 1). Если приставы, находящіеся при судѣ, не соглашаются ѣхать по таксѣ, то истецъ въ правѣ нанять за ту же плату кого угодно. Приставъ и истецъ получаютъ отъ суда *позывницу* (вызывную грамоту), и обыкновенно самъ истецъ вмѣстѣ съ приставомъ отправляется на мѣсто вызова (Новг. судн. грам. 40). По средневѣковымъ законамъ и обычаямъ, вызовъ, объявленный не въ установленномъ мѣстѣ (домициліи отвѣтчика) и не въ свое время, теряетъ значеніе вызова; практика того времени указываетъ, что отвѣтчики, не успѣвшіе скрыться изъ мѣстожительства, силою выгоняли позовниковъ, или овладѣвали ими, лишая ихъ свободы, а захвативъ истца, тѣмъ самымъ избавлялись отъ необходимости вести процессъ (Новг. судн. гр. 40). Это заставило псковское законодательство отмѣнить строгія требованія о вызовѣ въ домиліціи: позволялось прочесть позовницу на погостѣ передъ попомъ (и вѣроятно, собравшимся народомъ), хотя вызываемый при этомъ не присутствовалъ (Пск. судн. гр. 25). При такомъ способѣ вызова (т. е. при участіи и по уполномочію судебной власти) срокъ въ дѣйствительности опредѣляется уже не вполнѣ договоромъ сторонъ: при усложненіи судебной дѣятельности въ большихъ государствахъ, нельзя было суду судить тотчасъ и тогда, когда явились стороны. Поэтому срокъ назначается по условію сторонъ и пристава. Отсюда возможны злоупотребленія: приставы наметывали сроки въ провинціяхъ нарочно въ термины невыгодные для мѣстныхъ жителей, которые поэтому выхлопатывали себѣ общіе сроки явки для цѣлой провинціи.

Такъ установляются процессуальныя отношенія договоромъ сторонъ. Но въ большой массѣ случаевъ договоръ, очевидно, не можетъ быть заключенъ между сторонами; таковы почти всѣ обвиненія въ преступленіяхъ,

когда отвѣтчику всегда выгодно уклониться отъ суда. Тогда вмѣсто договора истцу позволялось связать отвѣтчика и вести его на княжъ дворъ. Возможныя при этомъ злоупотребленія силы отстранялись законами: если окажется, что человѣкъ связанъ „безъ вины", то истецъ платитъ большой штрафъ (Р. Пр. Кар. 90, 135; Догов. 1195 г. ст. 4; Дог. 1229 г. ст. 20). Уже въ эпоху Русской Правды, а тѣмъ болѣе въ эпоху судныхъ грамотъ *арестъ* могъ быть произведенъ не иначе, какъ по уполномочію власти. Арестъ всегда могъ быть замѣненъ *порукою*. Развитіе системы поручительства въ древнемъ русскомъ правѣ есть черта, ставящая высоко этотъ процессъ надъ послѣдующимъ, гдѣ развитіе слѣдственныхъ началъ заставило цѣнить свободу человѣка весьма низко.

Особенные виды установленія отношенія сторонъ до суда составляютъ: а) *сводъ*, б) гоненіе *слѣда*.

Сводъ состоитъ въ отысканіи истцомъ надлещажащаго отвѣтчика, посредствомъ закличи, свода въ тѣсномъ смыслѣ и присяги. Всякій, у кого пропала вещь, производитъ объявленіе на торгу—*закличь* (Рус. Пр. Кар. 27 и 29). Законъ предполагаетъ, что объявленная заповѣдь должна сдѣлаться извѣстною для того города, или того „міра", гдѣ она сдѣлана, въ продолженіе 3-хъ дней. Если истецъ найдетъ свою вещь по истеченіи 3-хъ дней послѣ закличи, то тотъ, у кого она найдена, признается отвѣтчикомъ, который не только возвращаетъ вещь, но и уплачиваетъ уголовный штрафъ—3 гривны за обиду. Если же закличь не была еще сдѣлана, или если собственникъ нашелъ вещь въ рукахъ другого до истеченія узаконенныхъ 3-хъ дней послѣ закличи, или, наконецъ, онъ нашелъ ее не въ своемъ градѣ (или „міру"), то начинается сводъ. Человѣкъ, у кого найдена вещь, отнюдь не признается еще отвѣтчикомъ: онъ могъ законнымъ путемъ пріобрѣсти ее отъ третьяго лица, ему извѣстнаго. Вотъ почему законъ, оставляя вещь во владѣніи купившаго ее, обязываетъ его вмѣстѣ съ первоначальнымъ хозяиномъ идти къ тому лицу, у кого первый пріобрѣлъ ее. Если это третье лицо ссылается также на законный способъ пріобрѣтенія вещи, то сводъ продолжается дальше всѣми заинтересованными лицами. Участіе первоначальнаго собственника въ этомъ искѣ подлежитъ, впрочемъ, ограниченіямъ: если сводъ вращается въ одномъ городѣ, то собственникъ идетъ до конца свода, но если цѣпь заинтересованныхъ переходитъ за предѣлы города въ область, подчиненную городу, то истецъ идетъ только до третьяго свода. Это, очевидно, для того, чтобы не затруднять его слишкомъ въ интересахъ добросовѣстныхъ владѣльцевъ. Тогда тотъ, до кого дойдетъ 3-й сводъ въ области, долженъ вручить истцу деньгами цѣну равную вещи, а самъ уже ведетъ сводъ далѣе (Кар. 32). Исключеніе изъ этого составляютъ иски о челядинѣ: истецъ долженъ идти до 3-го свода во всякомъ случаѣ, т. е. даже и тогда, когда сводъ вращается въ одномъ городѣ. Это потому, что при этомъ нѣтъ особенной надобности въ присутствіи хозяина: челядинъ самъ можетъ указывать, какими путями онъ переходилъ отъ одного владѣльца къ другому. Третій пріобрѣтатель

челядина долженъ выдать истцу своего раба, а самъ получаетъ украденнаго челядина и ведетъ сводъ дальше (Кар. 34).

Сводъ можетъ кончиться троякимъ бразомъ: или послѣдній владѣлецъ не докажетъ, что пріобрѣлъ вещь законнымъ образомъ отъ коголибо, или, если онъ въ состояніи доказать это, но не знаетъ человѣка, у кого купилъ, или, наконецъ, сводъ приведетъ къ границамъ государства. Въ первомъ случаѣ послѣдній владѣлецъ признается воромъ и подлежитъ уголовному штрафу и частному взысканію, которое идетъ на удовлетвореніе тѣхъ, кому онъ продалъ краденую вещь (Кар. 30). Во второмъ и третьемъ случаѣ послѣдній владѣлецъ долженъ доказать, что онъ купилъ, а не укралъ вещь. Доказать это можно только присягою двухъ свидѣтелей покупки (Кар. 33). Присяга двухъ свободныхъ мужей можетъ быть замѣнена присягою одного мытника. Послѣдній владѣлецъ лишается своихъ денегъ, заплаченныхъ за вещь; впрочемъ онъ сохраняетъ навсегда за собою право иска, если когда-либо встрѣтитъ лицо, продавшее ему вещь. Тогда опять начинается сводъ и кончается открытіемъ преступника, который и вознаграждаетъ потерпѣвшаго и уплачиваетъ уголовный штрафъ (Кар. 33, 36). Въ уст. двин. грам. конецъ свода, кажется, опредѣляется количествомъ сводовъ, именно 10-ю (если ранѣе этого не найденъ настоящій воръ; Уст. двин. грам. 5) По Псков. судн. грам., формы вещныхъ исковъ примѣнены были къ нѣкоторымъ искамъ, возникающимъ изъ обязательствъ, именно къ тѣмъ, которые возникаютъ не изъ формальныхъ договоровъ (Псков. судн. гр. 34, 39, 44, 46, 47, 54, 56, 110).

Слѣдъ. Если преступникъ не былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, то начинается разысканіе *слѣдовъ*. Предполагалось, что тамъ, гдѣ лежитъ „лицо“, тамъ скрывается и преступникъ. Отсюда, если найдена „голова“—трупъ убитаго, то та вервь, гдѣ лежитъ голова, должна разыскивать виновнаго и выдать, послѣ чего уже обвиняемый не пользуется никакими процессуальными средствами защиты, или сама вервь должна платить дикую виру. Если поличное—украденная вещь—найдена въ чьемъ-либо дому, то хозяинъ дома отвѣчаетъ за татьбу: онъ есть предполагаемый воръ.

Затѣмъ понятіе о „лицѣ“ расширяется еще болѣе: лицомъ признается самый *слѣдъ*, оставляемый преступникомъ или вещію. Разыскивая покражу по „слѣду“, истецъ можетъ всегда потерять эти слѣды; тамъ, гдѣ они теряются, тамъ предполагается преступникъ. Это положеніе основано на томъ, что всѣ общины и отдѣльныя поселенія, лежащія на пути слѣда, должны помогать истцу открывать его продолженіе. Если же какая община не „отсочитъ отъ себя слѣда“, не укажетъ его дальнѣйшаго продолженія, или еще болѣе, отобьется отъ слѣда, т. е. силою отстранитъ истца отъ розысковъ, то законъ предполагаетъ, что здѣсь скрывается воръ (Кар. 88). Если же слѣдъ потерянъ на большой дорогѣ или въ пустой степи, то всякій искъ оканчивается.

2. Судъ.

Судъ есть борьба сторонъ передъ судьею. То, что мы нынѣ называемъ судебными доказательствами, въ то время было средствами сторонъ; судъ лишь регулировалъ и уравнивалъ эти средства. А средства эти, извѣстныя древнему процессу, были слѣдующія: послухи, суды Божіи и акты.

Послухи и видоки. Въ литературѣ существуетъ двоякое производство названій „послухъ“ и „видокъ“. По первому, видокъ есть очевидецъ совершавшагося факта; послухъ—человѣкъ, свидѣтельствующій по слуху. По второму, видокъ и послухъ означаютъ двѣ процессуальныхъ роли, совершенно различныя другъ отъ друга. Видокъ есть простой свидѣтель въ нашемъ смыслѣ слова, а послухъ—пособникъ, на котораго „послался“ истецъ и отвѣтчикъ. Присоединяясь вполнѣ къ этому послѣднему мнѣнію (представители котораго В. Г. Демченко и Н. Л. Дювернуа), мы должны только оговориться, что въ памятникахъ церковнаго права появляется уже рано ясное сознаніе о послушествѣ, какъ свидѣтельствѣ въ нашемъ смыслѣ слова; является уже понятіе *лжесвидѣтельства*: въ правилѣ м. Кирилла (XIII в.) запрещается ставить въ попы того, кто „въ лживѣ послушествѣ былъ будетъ“ (Русск. Дост. I, стр. 114). И въ Рус. Правдѣ уже начинается смѣшеніе видоковъ и послуховъ: и тѣ и другіе одинаково играютъ ту роль, которая приписана *послуху* (доказательство замѣны одного названія другимъ въ одномъ и томъ же случаѣ см. въ Р. Пр. Ак. 2 и 28, Кар. 24).

Число послуховъ. Лучшимъ указаніемъ на различіе послуховъ отъ свидѣтелей въ нашемъ смыслѣ слова есть то, что законъ прямо требуетъ опредѣленнаго числа ихъ въ различныхъ родахъ дѣлъ: для дѣлъ о личныхъ оскорбленіяхъ требуется 2 свидѣтеля или, правильнѣе (какъ увидимъ ниже), по два съ каждой стороны (Ак. 9). Вѣроятно, столько же требовалось при искахъ о татьбѣ (и всѣхъ равныхъ тому); это можно видѣть изъ того, что при сводѣ послѣдній владѣлецъ вещи обязанъ выставить двухъ послуховъ (*„моужа“*) въ томъ, что онъ купилъ вещь, а не укралъ ее (Кар. 33). Это число (2) принято было и въ Договорахъ русск. съ нѣмцами (по двое съ каждой стороны: Дог. 1229 г. ст. 13). При искахъ объ убійствѣ обвинитель долженъ выставить 7 послуховъ (Кар. 15). Исключенія изъ этихъ общихъ постановленій приняты были слѣдующія: иностранцы въ первомъ случаѣ могутъ вовсе не выставлять послуховъ (Ак. 9), а во второмъ случаѣ обязаны выставить только двухъ (Кар. 15). Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было удостовѣрить покупку вещи на торгу у незнакомаго (чтобы отвести отъ себя подозрѣнія въ кражѣ), достаточно было свидѣтельство одного мытника (Кар. 33). Въ искахъ, возникающихъ изъ договоровъ, именно о взысканіи долга, который отрицается должникомъ, требуется свидѣтельство 12 послуховъ (Ак. 14, Догов. 1195 г. ст. 10).

Всѣ эти разнообразныя постановленія упрощаются въ эпоху Псковской и Новгор. грамотъ, когда во всякихъ дѣлахъ, требующихъ послу-

шества, выступаетъ только *одинъ послухъ*. Послухъ долженъ быть всегда одинъ (Новгор. 22, Пск. 27); свидѣтелей же, напротивъ, можетъ быть нѣсколько въ томъ же самомъ дѣлѣ, въ которомъ именно требуется присутствіе лишь одного послуха (Пск. гр. 27, 55).

Кто обязанъ выставлять послуховъ? Въ эпоху Р. Пр., несомнѣнно, каждая сторона могла выставлять послуховъ: это прямо утверждается относительно исковъ *о побояхъ* (Кар. 24). Аналогія историческихъ извѣстій о древнемъ правѣ другихъ славянъ подтверждаетъ, что и при всякихъ другихъ искахъ сторона обвиняемая могла выставлять свидѣтелей противъ свидѣтелей истца. Въ договорахъ съ нѣмцами, наконецъ, содержится прямое свидѣтельство о томъ для русскаго права (Дог. 1270; см. прим. къ ст. 9. Догов. 1195 г.).

Въ эпоху Пск. и Новг. судн. грам., когда было установлено, что послухъ долженъ быть одинъ, было постановлено вмѣстѣ правиломъ: „послуху на послуха не быть“, т. е. послуха обязанъ выставить только одинъ истецъ. Изъ этого дѣлается только то исключеніе, что, если отвѣтчикъ заявитъ, что послухъ истца самъ участвовалъ въ преступленіи (билъ отвѣтчика), то дозволяется и отвѣтчику ссылка на своего послуха; отъ усмотрѣнія суда зависитъ, кого изъ двухъ признать послухомъ; слѣд., для дѣйствій въ процессѣ все-таки остается одинъ послухъ. Напротивъ, свидѣтелей въ собств. смыслѣ могли выставлять обѣ стороны.

Качества, требуемыя отъ послуховъ. Послухъ долженъ быть *свободный* человѣкъ—„мужъ“; отсюда послушествовать и „мужевать“ было синонимами (Рус. Пр. Кар. 99, ср. 77; Новг. судн. гр. 22). Но изъ этого допускалось прямое исключеніе: а) холопы высшаго рода, именно дворскіе тіуны боярскіе (которые сами вѣдали судъ въ боярскихъ вотчинахъ) и люди полусвободные—закупы—могутъ, по требованію необходимости (т. е. за недостаткомъ послуховъ-мужей), быть признаны къ послушеству (Кар. 77). Второе исключеніе состоитъ въ томъ, что холопъ всякаго рода можетъ быть допущенъ къ послушеству въ несобственномъ смыслѣ, т. е. по словамъ холопа можетъ быть начатъ процессъ, но не оконченъ его показаніями; въ самомъ процессѣ холопъ не играетъ роли послуха, не принимаетъ присяги (Кар. 99). Наконецъ, въ Новг. суд. гр. постановляется, что „холопъ на холопа послухъ“ (Новг. с. гр. 22), т. е. въ искахъ противъ холопа послухомъ можетъ быть выставленъ холопъ же.

Второе качество, требуемое отъ послуха, есть то, что онъ долженъ быть *гражданинъ государства*, а не иноземецъ (Новг. судн. грам. 22). Изъ этого начала дѣлается необходимое исключеніе въ искахъ гражданъ съ иноземцами.

Наконецъ, изъ понятій о послухѣ, какъ мужѣ, слѣдуетъ, что послухомъ не могла быть женщина. Изъ роли послуховъ на судѣ мы убѣдимся, что это вытекало необходимо изъ духа древняго процесса.

Роль послуха на судѣ. Послухъ а) долженъ стать на судѣ: неявка его къ суду ведетъ за собою потерю иска для стороны, его выставившей (Пск. с. гр. 22). б) Долженъ былъ подтвердить словесно все, что гово-

рила сторона, выставившая его. Тождество показаній должно быть буквальное: „слово противу слова“ (Р. Пр. Кар. 24). Если онъ не договоритъ или переговоритъ, то его послушество теряетъ всякое значеніе (Пск. с. гр. 22). Формализмъ такого требованія изъясняется значеніемъ показанія послуха, какъ высшаго (безусловнаго) доказательства на судѣ, и въ свою очередь указываетъ на то, что послухъ вовсе не есть свидѣтель въ нашемъ смыслѣ слова.

в) Въ эпоху Р. П., если судоговореніе кончилось тѣмъ, что послухи обѣихъ сторонъ показали согласно съ словами тѣхъ, кто ихъ поставилъ, то послухи должны идти на роту, присягать. Въ эпоху же Новг. и Пск. судн. грам. послухъ долженъ выступать на судебн. поединокъ съ отвѣтчикомъ.

Суды Божіи. Суды Божіи собственно не могутъ быть поставлены въ одинъ разрядъ съ прочими суд. доказательствами: судъ Божій есть судъ совершенно отдѣльный отъ судовъ человѣческихъ. Собственно показаніями послуховъ исчерпываются всѣ обыкновенныя средства суда; отъ сторонъ зависитъ апеллировать отъ суда человѣческаго къ суду Бога.

Формы суда Божія различны; у насъ практиковались слѣд.: жребій, ротà, ордаліи и поле.

1. *Жребій.* Древнѣйшій способъ рѣшенія всякихъ сомнительныхъ дѣлъ—жребій—уцѣлѣлъ и до сихъ поръ въ практикѣ и признается законодательствомъ только не въ процессѣ. Внѣпроцессуальное значеніе жребія въ древнѣйшее время было велико и разнообразно.

Что же касается до процессуальнаго значенія, то жребій является или альтернативою роты, или имѣетъ вспомогательное значеніе: имъ рѣшается вопросъ, кому приносить присягу. Первое значеніе жребія подтверждается нѣкоторыми списками Рус. Правды, въ которыхъ статья о побояхъ изложена такъ.... „Оже будетъ Варягъ или Колобягъ крещенія не имѣя, а будетъ има бои, а видока не будетъ, ити има на роту, а любо на жребій“. Совершенно самостоятельнаго значенія жребій не имѣетъ. Правда, изложенная статья въ нѣкоторыхъ спискахъ читается иначе, именно слѣд. обр.: „аще видока не будетъ, ити имъ (боярину, людину или варягу) на жребій“: но это чтеніе представляетъ явное искаженіе предыдущаго и притомъ сравнительно новое („по ихъ пути платити безчестіе“). Другое болѣе важное и совершенно несомнѣнное значеніе жребія есть вспомогательное. Оно указывается въ Дог. съ нѣмцами (Дог. 1195 г., ст. 9). Мнѣніе Бѣляева, что здѣсь жребій есть алтернатива свидѣтельскихъ показаній, не можетъ быть принято.

2. *Ротà.* Слово ротà не вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнему понятію присяги (заимствованному изъ Польши): ротà, по древнимъ толкователямъ, означаетъ споръ, битву. Она служила первоначальнымъ источникомъ, изъ котораго развились впослѣдствіи ордаліи и суд. поединки. Мы не можемъ возстановить этого первоначальнаго способа совершенія роты. Въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ она является въ видѣ клятвы предъ богами,

или предъ Богомъ (см. форму ея въ догов. съ греками при Игорѣ). Въ послѣдующее христ. время она называется крестнымъ цѣлованіемъ.

Въ судебномъ смыслѣ рота имѣетъ двоякое значеніе: самостоятельное и вспомогательное. Рота, имѣющая самостоятельное значеніе, совершается самими тяжущимися, при неимѣніи послуховъ. Когда въ дѣлахъ, возникающихъ изъ преступленія, истецъ или отвѣтчикъ не могъ найти требуемаго количества послуховъ, то дѣло рѣшалось ротою, если цѣна иска была меньше двухъ гривенъ. Иностранцы, которымъ позволено было не представлять послуховъ по дѣламъ о личныхъ обидахъ, должны были приносить взамѣнъ того присягу. Въ искахъ, возникающихъ изъ договоровъ, которые совершались вовсе безъ свидѣтелей, дѣло рѣшалось ротою: таковы были, по Рус. Пр., заемъ между лицами торговаго класса, заемъ съ процентами не свыше 3-хъ гривенъ, поклажа. Въ эпоху Пск. и Новг. судн. гр. присяга признается окончательнымъ способомъ рѣшенія дѣлъ, возникающихъ изъ догов. личнаго найма между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ (Пск. судн. гр. 41—42, 51), между мастеромъ и ученикомъ (Пск. судн. гр. 102) и въ искахъ между родственниками-совладѣльцами. Самостоятельное значеніе присяги должно быть признано и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ присяга является альтернативою поля (Пск. судн. грам. 17, 92, 101, 20, 55).

Рота становится вспомогательнымъ средствомъ при свидѣтельскихъ показаніяхъ и при судебн. поединкѣ. Показанія свидѣтелей (послуховъ) въ эпоху Рус. Правды всегда оканчивается ротóю (Кар. 33; Дог. 1195 г., ст. 9). При судебн. поединкахъ рота предшествуетъ полю, составляя какъ бы необходимую первую часть этого послѣдняго (Пск. судн. гр. 36). Причина этого скрывается въ древнѣйшемъ значеніи роты, о которомъ мы говорили; впослѣдствіи къ этому основанію присоединилось другое: посредствомъ клятвы думали разрушить тѣ чародѣйныя средства, которыя употреблялись тогда предъ поединками для застрахованія себя отъ ранъ, смерти и вообще пораженія. Согласно съ этимъ можно думать, что рота сопровождала или предшествовала также и испытаніямъ водою и желѣзомъ.

Кто приносилъ присягу? По мнѣнію С. П. Пахмана, въ Дог. рус. съ греками присяга предоставляется исключительно истцу, а по Рус. Пр.—и истцу и отвѣтчику. Мы думаемъ, что во всѣхъ случаяхъ присяга принадлежитъ обѣимъ сторонамъ, по самому понятію о ротѣ, какъ борьбѣ сторонъ. Дѣйствительно, присягали или обѣ стороны—одна за другою, или право приносить присягу пріобрѣталось одною какою-либо стороною по жребію. Первое можно вывести изъ аналогіи съ правомъ прочихъ слав. народовъ, второе изъ—несомнѣнныхъ указаній нашихъ памятниковъ (Дог. 1165 г., ст. 9). Хотя во многихъ мѣстахъ Рус. Правды упоминается только о присягѣ одной стороны, или истца, или отвѣтчика, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что здѣсь же не подразумѣвается само собою и право присяги для другой стороны. Такъ, при искахъ о поклажѣ говорится: „тому ити ротѣ, у кого лежало“ (Кар. 46), т. е. отвѣтчику; наоборотъ, въ слѣд. ст. о взысканіи долга не свыше 3-хъ грив.: „ити ему про свои куны ротѣ

(Кар. 48), т. е. истцу. Пахманъ доказываетъ, что тамъ, гдѣ рота̀ является замѣною ордалій, „истецъ долженъ подтвердить свое показаніе, смотря по цѣнѣ иска, или присягою, или другими ордаліями“... (Кар. 17) Но тотъ же ученый при разборѣ другой статьи Рус. правды, имѣющей одинаковое значеніе, говоритъ, что очистить себя отъ обвиненій долженъ отвѣтчикъ (Кар. 99); въ обоихъ случаяхъ условія были одинаковыя.

Въ эпоху Пск. и Новг. судн. гр. присягали уже не обѣ стороны вмѣстѣ, и не жребіемъ рѣшался выборъ между ними, а слѣд. общимъ правиломъ: отвѣтчику предоставлялось или самому принести присягу, или предоставить присягу истцу (Пск. судн. гр. 92, 101, 20 и др.).

Всегда ли рота̀ имѣла рѣшающее значеніе въ процессѣ? Личная присяга истца или отвѣтчика всегда имѣла рѣшающее значеніе; но присяга послуховъ первоначально не всегда имѣла такое значеніе: всегда можно было перейти отъ присяги къ другимъ судамъ Божіимъ.

3. *Ордаліи.* Ордаліями въ тѣсномъ смыслѣ называются испытанія истины посредствомъ разрушительныхъ силъ природы, именно посредствомъ огня и воды. У насъ первое извѣстіе о нихъ даетъ простр. Рус. Правда, а въ договорахъ съ нѣмцами онѣ упоминаются въ послѣдній разъ. Вообще принято думать, что съ XIII вѣка ордаліи у насъ исчезаютъ; но судебные акты даже XVII в. указываютъ, что еще и въ то время испытаніе водою производилось. *Форма* этихъ испытаній у насъ остается мало извѣстною; извѣстно только, что испытаніе огнемъ производилось чрезъ раскаленное желѣзо (Рус. Пр. Кар. 100; Дог. 1229 г., 14). О формѣ испытаній водою получаемъ свѣдѣніе изъ поученія Серапіона. Серапіонъ, проповѣдникъ XIII вѣка, такъ говоритъ о рѣшеніи тяжбъ водою: „правила божественныя повелѣваютъ многыми послухы осудити на смерть человѣка. Вы же воду послухомъ постависте и глаголите: аще утопати начнетъ, неповинная есть, аще ли попловетъ, волхвовь есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣріе, подержати да не погрузится, дабы врещи въ душегубство? Яко оставивше послушьство боготвореннаго человѣка, идосте къ бездушну естьству—къ водѣ, пріясте послушьство на прогнѣванье Божіе“ (Творенія св. отц. годъ I, кн. 5, прибавл. стр. 202). „Предъ испытаніемъ дѣлали заклинанія надъ холодною водою и *освящали* ее; потомъ обвиняемаго бросали въ нее связаннаго; и если онъ погружался на дно, то объявляли невиннымъ; если же всплывалъ на поверхность воды—виновнымъ“ (Москвит. 1855 г. № 13—14, стр. 39—40, въ статьѣ „Поле“ Ильи Бѣляева). У другихъ народовъ формы были различны: такъ, испытанія водою у чеховъ производились слѣд. образомъ: истецъ долженъ былъ плыть чрезъ рѣку, а отвѣтчикъ на извѣстномъ разстояніи за нимъ; это повторялось 3 раза; потонувшій терялъ искъ. Но болѣе употребительнымъ является испытаніе горячею водою, чрезъ погруженіе руки въ кипящую воду. По мнѣнію С. П. Пахмана, у насъ было въ обычаѣ только испытаніе холодною водою: такъ думаетъ онъ потому, что у насъ испытаніе водою считалось болѣе легкимъ, чѣмъ испытаніе желѣзомъ.

Испытаніе водою примѣняется въ искахъ менѣе полугривны золота, а испытаніе желѣзомъ въ искахъ болѣе полугривны. Въ какихъ именно искахъ употреблялись испытанія? Русская Правда указываетъ только на иски объ убійствѣ („исца начнетъ *головою* клепати": Кар. 17) и о татьбѣ. Но Русская правда тутъ же прибавляетъ, что они примѣняются „и въ всѣхъ тяжахъ поклепныхъ" и не имѣютъ лишь примѣненія къ процессу съ поличнымъ; распредѣленіе ордалій по цѣнности исковъ именно указываетъ на иски не объ убійствѣ, въ которыхъ были приняты твердыя цифры виръ. Кромѣ татьбы, сюда относились иски объ истребленіи чужого имущества, но не иски, возникающіе изъ договоровъ (формы совершенія договоровъ опредѣляютъ и способъ рѣшенія споровъ, возникающихъ изъ нихъ, именно послушество; споры же, возникающіе изъ такихъ договоровъ, которые позволено было совершать безъ послуховъ, рѣшались присягою).

Какая сторона подлежала испытаніямъ? Думаютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подлежалъ испытанію истецъ, въ другихъ—отвѣтчикъ: а именно, когда истецъ представилъ какія-либо улики, но недостаточныя для полнаго убѣжденія въ виновности отвѣтчика, то подвергался испытанію отвѣтчикъ (Кар. 100). Если же истецъ не представилъ никакихъ доказательствъ, то испытанію подвергается онъ самъ (таково мнѣніе Пахмана). Мнѣніе, что испытаніямъ подвергались обѣ стороны всякій разъ, высказано еще Дубенскимъ. Рус. Правда (99 и 100 ст. Кар.) различаетъ послѣдствія испытаній, смотря по качеству уликъ, которыя повели къ испытанію: если истецъ ведетъ отвѣтчика къ желѣзу потому, что кто-либо изъ свободныхъ людей свидѣтельствуетъ противъ послѣдняго, или потому, что видѣли обвиняемаго проходящимъ около мѣста совершенія преступленія, или по другимъ уликамъ („запа нань будетъ"), то онъ (истецъ) не платитъ отвѣтчику за муку, если отвѣтчикъ выдетъ невредимымъ изъ испытанія. Если же, напротивъ, истецъ подвергаетъ отвѣтчика испытанію по рѣчамъ холопа, то платитъ оправданному отвѣтчику за муку. Пахманъ находитъ, что, „если бы подвергались испытанію и тотъ и другой, то никогда дѣла не могли бы рѣшаться, по свойству самого испытанія желѣзомъ, долженствовавшаго, по обыкновеннымъ законамъ природы, имѣть одни и тѣ же послѣдствія (стр. 75—76). Но Рус. Правда предвидитъ однако, что послѣдствія для испытуемаго могутъ быть и благопріятныя („оже не ожжется"). Если бы всякій разъ испытанія имѣли одни и тѣ же послѣдствія, то употребленіе ихъ было бы совершенною нелѣпостью и не могло бы продержаться и нѣсколькихъ лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ смыслъ испытаній и каковы могли быть послѣдствія ихъ? Здѣсь надо имѣть въ виду, что намъ неизвѣстно, когда свидѣтельствовался обжогъ, тотчасъ ли послѣ испытанія, или спустя нѣкоторое опредѣленное время. По аналогіи древне-польскаго права, слѣдуетъ думать, что дѣло происходило именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ; тогда, если испытанія сопровождались долговременными слѣдами (ранами) и страданіями, то человѣкъ признавался виновнымъ. Но не у всякаго могли оказаться именно эти послѣдствія. Испытанія имѣли окончательную рѣшающую силу.

4. *Поле* (судебный поединокъ). Всѣ изложенныя выше средства борьбы стоятъ между собою въ тѣсномъ соотношеніи: если есть послухи, то дѣло рѣшается ими; если нѣтъ послуховъ, то слѣдуетъ (смотря по цѣнности иска) рота или жребій, испытаніе водою или желѣзомъ. Совершенно внѣ этой лѣстницы стоитъ *поле*. Поле въ нашихъ источникахъ не упоминается до XIII в. (т. е. когда изъ законовъ исчезаютъ ордаліи); но потомъ непрерывно существуетъ до XVII в. Первое упоминаніе о немъ содержится въ Дог. съ нѣмц. 1229 г. (ст. 15 и 16). Здѣсь судебные поединки сопоставлены рядомъ съ ордаліями; но какъ поединки, такъ и ордаліи предоставлены на волю сторонъ. Въ иноземныхъ сказаніяхъ о русахъ свидѣтельства о поединкахъ восходятъ къ X—XI вѣкамъ: именно арабы Ибнъ-Даста и Мукаддези говорятъ, что недовольные рѣшеніемъ князя рѣшаютъ споръ своими мечами. Несомнѣнно, что судебные поединки зарождаются въ глубокой древности изъ самыхъ свойствъ первоначальнаго процесса (личной борьбы), столь же древни у насъ, какъ война (международный судъ Божій), и слѣд. отнюдь не заимствованы нами извнѣ. Надобно думать, что судебные поединки, существуя рядомъ съ ордаліями, какъ ихъ замѣна, зависящая отъ произвола сторонъ, къ XIII в. начали вытѣснять собою ордаліи. Доказательство этого мы найдемъ въ томъ, что дѣла, которыя вели къ полю, совершенно тѣ же самыя, которыя вели къ ордаліямъ.

Существенное *условіе* судебнаго поединка есть равенство сторонъ, которое понималось преимущественно въ смыслѣ физическаго равенства. Отсюда слѣд. положенія: на поединокъ могутъ выходить только мужчина противъ мужчины, женщина противъ женщины, но не мужчина противъ женщины (Пск. судн. гр. 119). Старые, увѣчные, дѣти и монахи не обязаны выходить на поединокъ противъ взрослыхъ и здоровыхъ. Въ обоихъ случаяхъ сторона слабѣйшая можетъ имѣть „наймитовъ“, наемныхъ борцовъ. Но такъ какъ въ такомъ случаѣ равенство положеній нарушалось, то и другая сторона получала право имѣть наймита. Послухъ ни въ какомъ случаѣ не могъ имѣть наймита (Пск. судн. гр. 21). Дальнѣйшее условіе поединка—равенство оружія: у насъ оружіемъ могли быть мечи и дубины („дерево“: Дог. 1227 г. ст. 16). Думать надобно (по соображенію съ послѣдующими порядками), что первое было оружіемъ лицъ высшихъ классовъ, второе—низшихъ. Третье условіе поединка—время и мѣсто его. По Новг. судн. гр., поединокъ можетъ послѣдовать не прежде двухъ недѣль послѣ того, какъ дѣло разсматривалось въ судѣ; если поединокъ въ этотъ срокъ не состоялся, то обвиняется та сторона, которая уклонилась отъ него. Мѣстомъ поединка было нарочно назначенное для того „поле“, особый театръ битвы за городомъ. При поединкѣ должны были присутствовать чиновники суда.

Въ какихъ дѣлахъ имѣло мѣсто поле? Мы уже сказали, что сфера примѣненія поединка совпадаетъ съ сферою примѣненія ордалій; слѣд., поединки присуждались по искамъ, возникающимъ изъ преступленій (Пск. судн. гр. 27). Далѣе, поле имѣло примѣненіе въ тѣхъ искахъ о поземель-

ной собственности, въ которыхъ право обѣихъ сторонъ утверждается равносильными письменными актами (Пск. судн. гр. 10). Наконецъ, поле примѣняется въ искахъ, возникающихъ изъ такихъ договоровъ, которые не требовали формальнаго заключенія сдѣлки (Пск. судн. гр. 92, 101). Во всѣхъ другихъ случаяхъ поле положительно запрещено (Пск. судн. гр. 28).

Кто долженъ выходить на поле? Съ одной стороны—отвѣтчикъ, съ другой—или послухъ, или истецъ. Отвѣтчикъ предъявляетъ вызовъ къ послуху; если послухъ уклонится отъ вызова, то вызывается истецъ (Новг. 35).

Послѣдствія судебныхъ поединковъ тѣ, что побѣдитель во всякомъ случаѣ признается правымъ. На основаніи выраженія Пск. судн. гр. „на трупу кунъ не имати", заключали (Энгельманъ), что, если поединокъ кончался смертію одного противника, то побѣдитель лишался права на полученіе исковой суммы, потому что съ смертію лица падали и всѣ обязательства, лежавшія на немъ. Но это толкованіе не вѣрно: приведенная фраза Пск. судн. гр. означаетъ слѣд.: прежде побѣдитель овладѣвалъ трупомъ убитаго на полѣ и требовалъ съ родственникомъ выкупа его; законъ воспрещаетъ это, позволяя побѣдителю взять лишь доспѣхъ съ убитаго (Пск. судн. гр. 37).

Поле возбуждало уже рано противъ себя осуждающую дѣятельность церковной власти: митр. Фотій въ 1410 г. въ грамотѣ къ новгородцамъ приказываетъ: „позванному на поле и потомъ явившемуся къ священнику не давать св. причащенія и цѣловать крестъ, подобно псу; который же священникъ удостоитъ его божественныхъ таинствъ, то онъ за сіе лишается своего сана. Если кто, вышедъ на поле, убьетъ человѣка и сдѣлается душегубцемъ, то, по слову Василія В., таковый не входитъ въ церковь 4 года и долженъ быть отлученъ на 18 л. отъ причащенія и вкушенія богородицына хлѣба; убитаго же не предавать землѣ; если же какой священникъ вопреки сему поступитъ, въ такомъ случаѣ лишается священства. Ежели кто, вышедъ на поле, сойдетъ не бившись, такового должно отлучить на 7 лѣтъ отъ причащенія и всего священнаго" (см. Русск. Истор. сборн., т. I). Вотъ всѣ древнѣйшія средства судебной борьбы. Посредствомъ каждаго изъ нихъ сами стороны рѣшаютъ дѣло.

Акты. Къ концу описываемой эпохи происходитъ переворотъ въ этой системѣ: а именно являются на судѣ письменныя доказательства (акты) въ большей части исковъ, возникающихъ изъ договоровъ, которые прежде рѣшались послухами, и въ тяжбахъ о недвижимомъ имуществѣ. Акты эти или неформальные—*доски*, или формальные—*записи*. Первые—домашніе акты, вторые—укрѣпленные. Укрѣпленіе во Псковѣ происходило чрезъ оставленіе копіи въ ларѣ Св. Троицы. Первые не исключали возможности ни свидѣтельскихъ показаній, ни судовъ Божіихъ; вторые рѣшали дѣло безусловно.

3) Приговоръ и его исполненіе.

Процессъ въ древнюю эпоху какъ начинается, ведется, такъ и оканчивается силами самихъ сторонъ. Рѣшеніе суда въ древнюю эпоху дава-

лось словесное, затѣмъ уже въ концѣ 1-го періода имѣетъ форму грамоты, или „правой", если судъ состоялся, или „безсудной", если сторона обвинена по неявкѣ. Обвиненный выдается правой сторонѣ для удовлетворенія ея. Удовлетвореніе, хотя и постановленное судомъ на основаніи закона, составляетъ, однако, предметъ новыхъ условій между сторонами, „переговоровъ" между ними (Новг. судн. грам. 31). Но если обвиненный не входитъ въ условіе, не удовлетворяетъ оправданнаго, то все государство въ совокупности призывается къ содѣйствію оправданной сторонѣ: Новгор. судн. грамота постановляетъ, что, если въ теченіе одного мѣсяца обвиненный не удовлетворяетъ судью и противную сторону, то позволяется взять пристава отъ вѣча и арестовать его въ городѣ или въ селѣ; а если онъ будетъ скрываться отъ приставовъ, то казнить его всѣмъ В. Новгородомъ (ст. 31).

ПЕРІОДЪ МОСКОВСКІЙ.

I. Судебныя власти.

Въ Московскомъ государсствѣ органы судебной власти могутъ быть раздѣлены на государственные, сословные и частные.

Государственные органы—*центральные*—составляютъ: а) самъ *великій князь и царь*. Въ первую эпоху московскаго періода (до XVI в.) великому князю принадлежитъ судебная власть по преимуществу: всякій судъ можетъ быть произведенъ имъ или непосредственно, или указанъ по докладу отъ судовъ низшихъ. Затѣмъ непосредственная судебная дѣятельность вел. князя ограничивается судомъ надъ лицами, получившими привилегію на то, и судомъ надъ высшими служилыми людьми, начиная отъ чина стольника. Въ XVII вѣкѣ уже закономъ было опредѣлено наказаніе за обращеніе къ суду царя помимо низшихъ инстанцій. б) Сначала великій князь всегда судилъ вмѣстѣ съ своими боярами, но уже въ XV вѣкѣ *судебная компетенція боярской думы* становится самостоятельной: судебники отличаютъ судъ великаго князя отъ суда бояръ; дѣла могли переходить отъ этого послѣдняго суда на усмотрѣніе великаго князя и дѣтей его (о судебн. власти боярской думы см. стр. 173). в) *Судебная власть приказовъ*. Всѣ приказы, хотя и чисто административные, обладали и судебной властью, каждый въ сферѣ своего вѣдомства. Но были и собственно судебные приказы, а именно для суда надъ служилыми людьми т. н. „Судные приказы": Московскій, Владимірскій, Дмитровскій, Рязанскій и Новгородскій; для суда надъ тяглыми людьми—„Четвертные приказы". Сверхъ того, вѣдомство приказовъ Земскаго, Разбойнаго, Холопьяго и Помѣстнаго было преимущественно судебное (см. выше стр. 188—189). *Областная* судебная власть принадлежала провинціальнымъ правителямъ, какъ ихъ главная функція. Такъ, *намѣстники* и *волостели* обладали или полною судебною властію, или неполною, чѣмъ и отличались намѣстники съ судомъ боярскимъ отъ намѣстниковъ безъ суда бояр-

скаго: первые могли рѣшать высшія уголовныя дѣла и нѣкоторыя дѣла о холопствѣ окончательно, вторые нѣтъ. Послѣ замѣны намѣстниковъ *губными* и *земскими* учрежденіями (въ XVI в.), уголовно-судебная власть первыхъ постепенно перешла къ губнымъ (сначала по дѣламъ о разбоѣ, а потомъ и по прочимъ преступленіямъ, кромѣ политическихъ); къ земскимъ перешла и гражданская судебная власть (кромѣ дѣлъ вотчинныхъ и помѣстныхъ).

Судебная власть *воеводъ* (въ XVII в.) различается, смотря потому, находятся ли при нихъ дьяки или нѣтъ: въ 1-мъ случаѣ они въ гражданскихъ дѣлахъ судятъ иски на всякую сумму (а по Котошихину, до 10 т. руб.); во 2-мъ—судятъ иски только до 20 руб. и не судятъ дѣлъ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ, только воеводы болѣе или менѣе отдаленныхъ областей могли казнить смертію безъ доклада.

Когда въ XVII в. земскія учрежденія опять разложились почти повсемѣстно на общинныя, то судебная власть первыхъ перешла ко вторымъ съ нѣкоторымъ сокращеніемъ компетенціи, совершенно одинаковой въ *городскихъ* и *волостныхъ* судахъ. О послѣднихъ Котошихинъ пишетъ такъ: „А въ царскихъ черныхъ волостяхъ... учинены судейки, человѣкъ съ 10 (каждой волости) выборные люди, тѣхъ же волостей крестьяне и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ и разбойныхъ дѣлъ“ (XI, I).

Сословные суды. Въ Московскомъ государствѣ, при отсутствіи сословій, характеръ сословнаго суда примѣняется единственно къ *судамъ духовнымъ*. Отъ этого понятія надо отличать суды „церковные“, власть которыхъ простиралась по извѣстнымъ родамъ дѣлъ на все населеніе, хотя органы духовнаго и церковнаго суда б. ч. были тѣ же. Лица, на которыхъ простирается духовно-судебная власть, перечисляются въ древнихъ церковныхъ уставахъ и въ судебникахъ. Сюда относились, кромѣ духовенства, увѣчные, получившіе чудесное исцѣленіе, вдовы, питающіяся отъ церкви Божіей. Центральною судебною властію церкви былъ митрополитъ, а потомъ (съ 1588 г.) патріархъ, окруженный, подобно царю, своими боярами. Впослѣдствіи (XVII в.) организуются учрежденія: „Патріаршій дворъ или Розрядъ“, „Тіунская изба“ или „Приказъ церковныхъ дѣлъ“ (первый можетъ быть болѣе отнесенъ къ сословнымъ учрежденіямъ, второй—къ церковнымъ); но компетенція послѣдняго, кажется, ограничивается предѣлами московской епархіи.

Подобныя же учрежденія были и въ каждой епархіи при мѣстномъ епископѣ; по постановленію соборовъ (стоглаваго и соб. 1667 г.), при архіереяхъ должны быть два судебныя учрежденія (приказа): одно изъ лицъ духовныхъ, другое изъ архіерейскихъ бояръ; первое вѣдаетъ церковный судъ, второе—судъ сословно-духовный, т. е. судъ надъ лицами духовными по дѣламъ общимъ. При этомъ главная судебная власть остается въ рукахъ архіереевъ, къ которымъ идетъ докладъ (Стогл. гл. 68).

Мѣстная церковная судебная власть распредѣляется по частямъ

епархіи—*десятинамъ*, изъ которыхъ въ каждой судъ вѣдалъ *десятильникъ*—лицо свѣтское (должность, образовавшаяся изъ чиновниковъ, посылаемыхъ для сбора десятины); права власти его скопированы съ государственно-намѣстничьяго управленія. Въ монастыряхъ судебная власть принадлежитъ „черному собору“ и спеціально „судебному старцу“.

Многіе изъ прочихъ классовъ общества подчинялись спеціальной судебной власти; но такъ какъ они не были сословіями, то судебная власть въ нихъ можетъ быть названа *профессіональною*: таковы были суды головъ стрѣлецкихъ, казачьихъ и мн. др., компетенція которыхъ ограничивалась гражданскими исками и низшими уголовными дѣлами (Ук. кн. зем. прик., ст. III).

Вотчинный судъ. Виды вотчиннаго суда соотвѣтствуютъ разрядамъ владѣльцевъ вотчинъ. А именно, а) *дворцовый* судъ для суда надъ крестьянами дворцовыхъ вотчинъ; центральный органъ его—Большой дворецъ въ Москвѣ; въ селахъ и волостяхъ судили посельскіе и приказчики (Котошихинъ XI, 1). б) Вотчинный судъ монастырей и др. церковныхъ учрежденій вѣдается патріаршимъ дворцомъ въ Москвѣ, мѣстными епископскими дворами въ епархіяхъ и монастырскими судебными властями, а въ селахъ тіунами и приказчиками. в) Судъ свѣтскихъ владѣльцевъ (Котошихинъ XI, 3) въ большихъ вотчинахъ составляетъ также сложное учрежденіе, въ которое входятъ „приказъ“ при особѣ боярина въ Москвѣ, главные приказчики для цѣлаго ряда вотчинъ одного боярина въ извѣстной мѣстности и „вотчинная съѣзжая изба“ и приказчики въ отдѣльныхъ вотчинахъ. Мѣстные вотчинные судьи получаютъ наказы, во всемъ сходные съ наказами царскимъ воеводамъ; въ нихъ кругъ власти опредѣляется точно. Между этими органами вотчиннаго суда во всѣхъ разрядахъ его существуютъ инстанціонныя отношенія (переносъ дѣлъ по апелляціи и по докладу). Предѣлы власти вотчиннаго суда ограничиваются исками и рѣшеніемъ низшихъ уголовныхъ дѣлъ: именно, по Котошихину дворцовый судъ вѣдаетъ, кромѣ „уголовныхъ и разбойныхъ, и татинныхъ и пожегныхъ дѣлъ“, вотчинно-церковный судъ—„кромѣ разбойныхъ и иныхъ великихъ уголовныхъ дѣлъ“, судъ вотчинниковъ свѣтскихъ—„кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ“ (XI, 1—3). Кругъ лицъ, подлежащихъ вотчинному суду, ограничивается людьми, зависящими отъ вотчинника; если иногда приказчики бояръ судятъ и пытаютъ церковныхъ людей (дьячковъ), то это—злоупотребленіе. Въ вотчинахъ были свои тюрьмы и колоды. *Основанія* вотчинно-судебной власти въ Московскомъ государствѣ суть не вполнѣ частныя, но частно-государственныя: право суда пріобрѣтается по частнымъ сдѣлкамъ (вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ вотчинъ), но судъ отправляется въ государственныхъ интересахъ; сначала государство опредѣляетъ въ жалованныхъ грамотахъ предѣлы вотчиннаго суда и самое право суда даетъ только тѣмъ, кому дана грамота; затѣмъ, когда утверждается общая норма этого суда для всѣхъ владѣльцевъ, регулируетъ его, именно участвуетъ въ назначеніи судей: архіерейскіе бояре назначаются съ согласія государя; въ вотчинахъ вво-

дятся губныя и земскія учрежденія (что, впрочемъ, при иномъ ходѣ права, могло усилить власть вотчиннаго суда; см. выше стр. 195).

Иногда право частнаго (не вотчиннаго) суда непосредственно исходитъ отъ государства: таковъ, напр., *судъ откупщиковъ*. Въ одной жалобѣ царю XVII вѣка читаемъ: „Во 133 году откупили мы, холопы твои, на 134 годъ (1626 въ Нижнемъ Новгородѣ) у воеводы Ивана Дмитреевича Плещеева да у дядька Семена Собакина кабацкой и зерновой и картовой и всякой кабацкой судъ (т. е. судъ объ игрѣ въ зернь и въ карты и вообще судъ по дѣламъ, возникающимъ въ кабакахъ), Но земскій староста Нижняго Новгорода „всякой кабацкой и зерновой и картовой судъ отнялъ и судити намъ, холопямъ твоимъ, не велѣлъ...“ и т. дал. (челобитная 26-ти нижегород. стрѣльцовъ-откупщиковъ 1627 г. іюля 9—Русск. ист. библ. т. II, № 223).

Участіе населенія въ судѣ. Какъ въ судахъ государственныхъ (провинціальныхъ), такъ и въ сословныхъ и вотчинныхъ судъ производится при участіи мѣстнаго населенія, именно выборныхъ правителей общинъ—*соцкихъ и старостъ и судныхъ мужей* (до XVI в.) или *цѣловальниковъ* (съ XVI в.). Судные мужи—это лучшіе или „добрые люди“, представлявшіе населеніе не по выбору, а по положенію своему въ мѣстномъ обществѣ, въ неопредѣленномъ числѣ (уст. Бѣл. гр. ст. 19; Суд. 1 й, ст. 38): это остатокъ древняго участія въ судѣ цѣлой общины. Съ пол. XVI в. институтъ судныхъ мужей переходитъ въ учрежденіе цѣловальниковъ, т. е. лицъ, спеціально выбранныхъ для суда и цѣловавшихъ крестъ; число ихъ въ каждой волости и посадѣ не опредѣлено закономъ. Въ вотчинно-церковныхъ судахъ къ составу судныхъ мужей присоединялся мѣстный священникъ (А. А. Э. I, № 258); въ вотчинно-свѣтскихъ судахъ избираются населеніемъ крестьяне „добрые, разумные, правдивые“; на нихъ присылается боярину „выборъ за поповою рукою“. Въ церковно-сословныхъ судахъ судными мужами были поповскіе старосты и десятскіе священники (Стоглавъ, гл. 68). Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что существованіе судныхъ мужей и цѣловальниковъ не отстранило вполнѣ участія цѣлыхъ общинъ въ дѣлѣ суда; при одномъ случаѣ суда, когда приказчикъ боярина Морозова жестоко пыталъ обвиняемую женщенщину, то за нее „міромъ вступилися“ и клеветникъ-обвинитель признался „при выборныхъ, при цѣловальникахъ и при всемъ мірѣ“ (Забѣлинъ: „Большой боярин“). Участіе населенія въ судѣ признано необходимымъ сначала по обычаю, потомъ по закону въ мѣстныхъ грамотахъ (Бѣлоз. уст. гр. ст. 19; „намѣстникомъ и тіуномъ безъ добрыхъ людей не судити судъ“) и Судебникахъ (Суд. 1-й, ст. 38, Суд. ц. 62). Роль судныхъ мужей и цѣловальниковъ опредѣляется слѣд. чертами: они удостовѣряютъ (при докладѣ), что судъ дѣйствительно былъ и именно такой, какъ записано въ судномъ спискѣ (Суд. ц. 62), отстраняютъ взяточничество и пристрастіе на судѣ (Уст. Важск. грам.), опредѣляютъ мѣры пресѣченія средствъ обвиняемому уклоняться отъ суда, т. е. могутъ замѣнить арестъ порукою (Суд. ц. 70 и 72) и, несомнѣнно,

участвуютъ въ рѣшеніи вопроса о правѣ, какъ знатоки мѣстнаго обычнаго права [1]).

Инстанціи. Въ началѣ московскаго періода инстанціонныхъ отношеній между органами суда не замѣтно, такъ какъ единый источникъ судебной власти—вел. князь—лишь делегировалъ на время свое право суда другимъ лицамъ [2]). Въ XV в., при системѣ кормленія, слагаютси двѣ инстанціи: провинціальный судъ намѣстниковъ и волостей и центральный судъ—бояръ и вел. князя. Въ XVII в. можно различить три инстанціи: суды провинціальные, приказы и боярскую Думу. Впрочемъ этотъ порядокъ далеко не можетъ быть признанъ правильнымъ: многіе приказы судили въ качествѣ первой инстанціи, наприм., земскій пр. для гор. Москвы. Съ друг. стор., губныя и земскія власти, а также воеводы болѣе важныхъ и отдаленныхъ городовъ получали право безапелляціоннаго суда. Дѣла могли переходить изъ низшихъ въ высшія инстанціи по докладу (Суд. 1-й, ст. 1б) и по жалобѣ, что называлось „пересудъ“ (Суд. 1-й, ст. 64 и Суд. ц. ст. 51). Апелляція каждый разъ являлась жалобою въ умышленномъ неправосудіи и имѣла видъ суда съ судьею, хотя законъ знаетъ уже и возможность добросовѣстнаго неправаго рѣшенія (Суд. ц. 2).

Подсудность. Въ Московскомъ государствѣ господствуетъ подсудность *территоріальная*. Правда, до Судебника лица служилаго класса не подчинялись суду мѣстныхъ воеводъ, но это объясняется не сословнымъ ихъ положеніемъ, а лично служебно зависимостію ихъ отъ в. князя. Съ устройствомъ земскихъ учрежденій, подсудность земскихъ судовъ ограничивалась тяглыми лицами; но съ возникновеніемъ воеводскаго управленія за первыми остался только одинъ низшій родъ дѣлъ, а судамъ

---

[1]) До какой степени было важно участіе населенія въ судѣ, показываютъ свойства суда центральныхъ учрежденій, гдѣ такого участія не было. „А судити указано въ Приказѣхъ бояромъ и околничимъ, и столникомъ, и дворяномъ, и дьякамъ, кому въ которомъ Приказѣ вѣдати приказано, всѣмъ вмѣстѣ и безъ единаго и единому безъ всѣхъ, въ правду, по св. евангельской заповѣди Христовѣ, не стыдится лицъ сильныхъ и другу не дружити, а недругу не мстити ни для чего, и по посуломъ и поминкомъ не дѣлати. Однакожъ хотя на такое дѣло положено наказаніе и чинятъ о тѣхъ посулѣхъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду..., ни во что ихъ есть вѣра и заклинательство и наказанія не страшатся..., руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ черезъ жену или дочерь... И ни ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ... И не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда близко приходити къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей“? (Котошихинъ VII, 37).

[2]) Среди особенностей московскаго процесса отмѣчаютъ порядокъ, по которому истецъ обращается къ вел. князю или царю съ жалобою, отъ него получаетъ судебную грамоту или наказъ судьѣ рѣшить дѣло: иногда при этомъ на судѣ царя происходитъ предварительно разбирательство (судоговореніе); судьею могъ быть данъ судья компетентный по общему порядку, но могъ быть данъ и спеціальный судья (иногда по указанію и желанію сторонъ—при третейскомъ, особенно межевомъ разбирательствѣ)—это собственно „данный судья“. Иногда эту черту московскаго процесса сопоставляютъ съ jus и judicium римскаго процесса хотя только съ внѣшней стороны (см. П. Бѣляевъ:

воеводскимъ подлежали всѣ остальные виды дѣлъ безъ различія классовъ извѣстной территоріи. Изъ общей территоріальной подсудности исключается духовенство по отношенію къ тому роду дѣлъ, который подлежалъ духовному суду. Въ XVII в. лица разныхъ служебныхъ профессій также освобождались, по нѣкоторымъ дѣламъ, отъ подсудности мѣстной: такъ, стрѣльцы въ провинціяхъ подлежали въ гражданскихъ дѣлахъ суду своихъ головъ, но по преступленіямъ низшаго порядка—суду мѣстныхъ воеводъ, а по преступленіямъ высшимъ—суду губнымъ властей. Если преступникъ и лицо потерпѣвшее оба стрѣльцы, то вмѣстѣ съ воеводою судитъ и голова. *Столкновеніе подсудностей* первоначально вело постоянно къ устройству *общихъ судовъ*, т. е. совокупнаго разбора дѣла судьею истца и судьею отвѣтчика (см. дог. Дим. Дон. съ Твер. кн. 1368 г.; Губн. моск. зап. ст. 5—8). Но впослѣдствіи „судъ вопчей“ остался только для дѣлъ между духовенствомъ и прочими гражданами (Суд. 1-й ст. 59 и Суд. ц. ст. 91), т. е. удержался при столкновеніи подсудности сословной, а также въ дѣлахъ между жителями разныхъ удѣловъ (Суд. ц. ст. 100). При столкновеніи же подсудностей территоріальныхъ, явились *суды смѣсные*, при которыхъ судья истца не судитъ вмѣстѣ съ судьей отвѣтчика, а лишь даетъ пристава, который присутствуетъ при судѣ для наблюденія за интересами истца и за исправнымъ полученіемъ пошлинъ, слѣдующихъ судьѣ его (Суд. ц. ст. 30); при этомъ встрѣчные иски разрѣшаетъ тотъ же судья. Въ эпоху Уложенія вполнѣ устанавливается принципъ о принадлежности права суда судьѣ отвѣтчика.

„Спеціальное назначеніе судей и пр.“). Прежде всего надо отмѣтить, что означенная особенность присуща главнымъ образомъ раннимъ временамъ Московскаго періода, т. е. XV и перев. пол. XVI в., и объясняется, думаемъ мы, неустановившимся инстанціоннымъ порядкомъ: всѣ идутъ съ своими дѣлами къ вел. князю; отъ него ждутъ наилучшей правды; вел. князь или прямо отсылаетъ ихъ къ компетентному, или спеціальному судьѣ, или выслушиваетъ стороны, но въ окончательное разбирательство не входитъ, что̀ при увеличеніи территоріи становится для него прямо невозможнымъ. Отъ фактовъ, относящихся къ анализируемому явленію, нужно отличать даваніе судей для слѣдственной части процесса. Вел. князь, по особымъ привилегіямъ для духовенства, дѣла церковныхъ учреждерій разбираетъ самъ, а въ болѣе раннее время всѣ дѣла дворянъ и дѣтей боярскихъ подлежали также его суду; такъ какъ бо́льшая часть этихъ дѣлъ (какъ по искамъ личнымъ, такъ и имущественнымъ) требовала осмотра на мѣстѣ, или опроса окольныхъ людей, или производства повальнаго обыска, то государь для этой части процесса (“обыскной“) указываетъ даннаго судью и даетъ ему грамоту (наказъ), а затѣмъ велитъ, (по окончаніи обыска „списокъ и чертежъ (опредѣленіе межъ) предъ собою положити“. Затѣмъ судъ и приговоръ даетъ самъ царь и великій князь. Затѣмъ также надо отличать „приказы“ царя кому-либо изъ бояръ и дьяковъ рѣшить дѣло вмѣсто него, ибо и въ привилегіяхъ лицамъ, получившимъ право судиться только у царя и вел. князя, обыкновенно говорилось: „сужу я самъ, или кому прикажу“.

Изъ этихъ „приказовъ“ и образовался впослѣдствіи судъ Приказовъ, какъ постоянныхъ инстанцій, когда компетенція ихъ перестала быть делегацію ad hoc и отдѣлились отъ непосредственной дѣятельности верховной власти (сл. выше о началѣ инстанціоннаго порядка въ В. Новгородѣ).

II. Судопроизводство.

Въ Московскомъ государствѣ единство процесса уже разрушается: образуется различіе между „*судомъ*“ (обвинительнымъ процессомъ) и „*розыскомъ*“ (слѣдственнымъ процессомъ).

Исторія постепеннаго образованія различія между судомъ и розыскомъ такова. До Судебниковъ всякій процессъ былъ обвинительнымъ. Со времени возникновенія губныхъ учрежденій изъ общей нормы выдѣляется особый процессъ для дѣлъ разбойныхъ, а потомъ для дѣлъ по убійству и татьбѣ съ поличнымъ. Первоначально это не былъ процессъ, а лишь средства поимки и наказанія вѣдомыхъ лихихъ людей. Но такъ какъ такими людьми начали считать не только схваченныхъ на мѣстѣ преступленія, но и рецидивистовъ и людей, облихованныхъ общиною, то пойманныхъ лихихъ людей стали распрашивать, не совершали ли они прежде преступленій стали доискиватьси мнѣнія общины чрезъ повальный обыскъ. Такимъ образомъ короткая процедура казни вѣдомыхъ лихихъ людей превращается въ процессъ. Къ этому присоединяются распросы пойманныхъ о ихъ сообщникахъ, чѣмъ уже обнаруживается, что государство само преслѣдуетъ лихихъ людей.

Процессъ, составившійся такимъ образомъ, до Уложенія стоитъ рядомъ съ обвинительнымъ и независимо отъ него. Послѣ Уложенія слѣдственныя начала проникаютъ и въ „судъ“, пока, наконецъ, при Петрѣ всякій процессъ дѣлается розыскомъ.

Границы между „судомъ“ и „розыскомъ“, по московскому праву, не совпадаютъ съ границами уголовнаго и гражданскаго судопроизводства по современному праву: всѣ дѣла гражданскія *крѣпостныя* рѣшаются розыскомъ; наоборотъ, всѣ дѣла уголовныя, совершаемыя не вѣдомыми лихими людьми, судятся обвинительнымъ процессомъ („бой и грабежъ“),

Судъ (обвинителеный процессъ).

Сторонами въ процессѣ могли быть всѣ (монахи, холопы, несовершеннолѣтніе; см. Суд. 1-й, ст. 49, Суд. ц., ст. 17; но сл. Улож. XVI, 23, XVII, 13; о правѣ холоповъ см. Ук. кн. вѣд. казн. ст. XX); не могутъ искать люди, обвиненные въ крамолѣ и „составѣ“ и въ клятвопреступленіи, а также дѣти на родителей (см. Ук. кн. вѣд. казн. ст. XX; Улож. XXII, 6).

Взаимное отношеніе сторонъ до суда (вызовъ) опредѣляется и здѣсь договоромъ; но въ заключеніе договора власть вмѣшивается гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ древне-русскомъ процессѣ. Отношенія устанавляются посредствомъ „челобитной“, „приставной памяти“ и „срочной“: первая опредѣляетъ границы спорнаго права, вторая—къ какому судьѣ идти (что, впрочемъ, въ московскую эпоху не слѣдуетъ понимать въ строгомъ смыслѣ при общемъ государственномъ распредѣленіи подсудности); третья

опредѣляетъ срокъ явки (который также уже зависитъ не отъ договора сторонъ, а отъ усмотрѣнія судьи, такъ что иногда сроки наметываютъ силою). Въ срединѣ московскаго періода нѣкоторыя мѣстности и классы выхлопатывали себѣ постоянные общіе сроки для вызова въ судъ; напр., крестьяне могли быть вызваны только отъ 1 октября по 1 апр. (см. ук. 1642 г.). Договорныя отношенія сторонъ постепенно отстранялись государствомъ; такъ, вызовъ чрезъ приставную память уступилъ въ эпоху Улож. мѣсто вызову чрезъ „зазывную грамоту“ (Улож. X, 100 и друг.); первая удержалась только для Москвы и ея ближайшихъ окрестностей. Различіе послѣдствій вызова чрезъ приставную память и зазывную грамоту состояло въ томъ, что неявившійся къ суду по вызову перваго рода тотчасъ обвинялся безъ сула; напротивъ, къ неявившемуся по вызову 2-го рода, но давшему по себѣ поруку посылались 2-я и 3-я зазывныя грамоты и лишь послѣ этого неявившійся обвиняемъ былъ безъ суда; если же отвѣтчикъ не давался въ поруку, то воевода бралъ его насильно чрезъ пушкарей и затинщиковъ. Кавелинъ отказывается понять эту разницу двухъ способовъ вызова; но основанія ея очевидны; въ первомъ случаѣ неявившійся самъ нарушаетъ договоръ; во второмъ его личная воля не участвовала (см. выше стр. 617). Лица, на которыхъ возлагалась власть вызова, именовались недѣльщиками и ѣздоками въ Москвѣ и доводчиками въ провинціяхъ (Суд. 1-й, сл. ст. 28—36; Суд. ц. ст. 44—50, 53, 54; уст. Бѣл. грам. 3—5, 16, 21). Договоръ скрѣпляется непремѣнно *поручительствомъ*; на поруки можно отдать насильно по распоряженію власти (Ул. X, 117, 140, 229). Необходимыми поручителями были сосѣди и сродники (которые составляли между собою круговую поруку), что, впрочемъ, исчезло въ эпоху Уложенія. Цѣлью поруки первоначально было не только представленіе отвѣтчика къ суду, но и обезпеченіе иска въ случаѣ его неявки; но въ Улож. ц. А. М. осталась только одна первая цѣль.

Стороны могли не являться на судъ лично; ихъ замѣняли естественные *представители*—родственники и люди (Улож. X, ст, 108, 109, 149, 156, 157, 185; сл. Указн. кн. зем. прик. V; XIIII, 3 и 12); только за неимѣніемъ такихъ допускаются свободные представители, которыми б. ч. были холопы (Ук. кн. вѣдом. казн. XX) и для которыхъ до 1690 года не требовалась довѣренность. Послѣдствіемъ этого была ничтожность права повѣренныхъ и легкая возможность возстановленія рѣшенныхъ дѣлъ.

На самомъ *судѣ* стороны подаютъ „ставочныя челобитныя“. Послѣдствіемъ неявки въ срокъ для отвѣтчика была выдача „безсудной грамоты“, т. е. утвержденіе права за исцомъ такъ, какъ бы судъ состоялся; неявка истца вела къ прекращенію иска. Явившіеся не должны были съѣзжать съ мѣста производства суда подъ угрозою тѣхъ же послѣдствій; въ 1645 г. сдѣлано изъ этого изъятіе для дѣлъ, основанныхъ на крѣпостныхъ актахъ (Ук. кн. зем. прик. ст. X, 1, 3, 4; XIII, 4, 5, 11; XXXVII, и XLVII; Улож. X, 108, 109, 118, 149, 185; XVI, 59; XVIII, 22—23; XX, 111, 119).

Отношенія сторонъ къ суду: стороны имѣютъ лишь отрицательное вліяніе на составъ суда (чрезъ *отводъ судей*). Въ эпоху Уложенія пассивная роль судьи въ процессѣ дѣлается все болѣе активною.

Судебныя доказательства: 1) *Послушество.* Послушество принимаетъ въ московскомъ процессѣ слѣдующія формы:

а) *Ссылка изъ виноватыхъ*, когда сторона ссылается на одного свидѣтеля съ условіемъ подчиниться обвиненію, если свидѣтель покажетъ противъ сославшагося. Ссылка изъ виноватыхъ имѣла безусловное значеніе для обѣихъ сторонъ по эпоху Судебниковъ оттого, что тогда еще существовало поле, на которое могла вызвать послуха противная сторона. Ея всегдашнее второстепенное значеніе есть обвиненіе той стороны, которая на нее сослалась. Безусловное значеніе ссылки, по уничтоженіи поля, признается въ слѣдующихъ случаяхъ: при ссылкѣ одной стороны на отца или мать другой, при ссылкѣ на нѣсколько лицъ (не менѣе 10) служилыхъ (при искѣ до 50 руб.) и остальныхъ (при искѣ до 20 руб.), если эти лица показываютъ единогласно (Ук. кн. вѣдом. казн. ст. V, 9; Улож. X, 158—159, 160, 176).

б) *„Общая ссылка“*—остатокъ третейскаго рѣшенія споровъ—есть ссылка обѣихъ сторонъ на одного и того же или на однихъ и тѣхъ же послуховъ. Однако, законъ ограничиваетъ право сторонъ въ выборѣ третьихъ: нельзя ссылаться на людей, слышавшихъ о фактѣ, но не видѣвшихъ его; общею ссылкою не можетъ быть лицо, зависимое отъ одной изъ сторонъ. Значеніе силы показаній общей ссылки ослабляется въ эпоху Уложенія: допускается обвиненіе общей ссылки въ подкупѣ и пристрастіи: допускается отводъ общей ссылки для другого дѣла, рѣшаемаго въ томъ же засѣданіи.

в) Свидѣтелями могутъ быть лица совершеннолѣтнія; не могли быть свидѣтелями жена противъ мужа, дѣти противъ родителей, холопы противъ господъ. Свидѣтель изъ высшихъ классовъ предпочитался свидѣтелю изъ низшихъ: „свидѣтельство одного человѣка изъ благороднаго класса (говоритъ Герберштейнъ) значитъ болѣе, чѣмъ свидѣтельство многихъ людей низкаго состоянія“ (въ пер. Аноним. стр. 84). Явка свидѣтеля обязательна; съ неявившагося безъ уважительной причины взыскивается весь искъ, убытки и пошлины (Суд. ц. ст. 18; Ак. Юрид. № 13).

г) *Повальный обыскъ* въ дѣлахъ судныхъ допускается за неимѣніемъ общей (поименной) ссылки или ссылки изъ виноватыхъ (см. Ук. кн. вѣд. казн. V, 1, 3—6; Уст. разб прик. VI; свѣдѣнія о повальномъ обыскѣ излагаются ниже въ исторіи розыска).

2) *Суды Божіи*, уцѣлѣвшіе въ московскомъ періодѣ, суть слѣдующіе.

а) *Поле* въ эпоху Судебниковъ еще общеупотребительно; оно происходитъ между истцомъ и отвѣтчикомъ, послухомъ и стороною и между послухами одной стороны при разнорѣчіи ихъ. Стороны должны имѣть стряпчихъ и поручниковъ, которые, наравнѣ съ сторонними, отклоняются отъ участія въ битвѣ; равенство сторонъ наблюдается только физическое.

Наймитство (Суд. ц. 13 и 14) допускается такъ же, какъ въ Пск. судн. грам. Поле допускается только въ личныхъ искахъ, каковы: бой, заемное дѣло, пожегъ, душегубство, разбой, татьба (Суд. 1-й, 4—7, 69; Суд. цар. 13—14; Ук. вѣд. казнач. V, 15). Поле исчезаетъ незамѣтно въ началѣ XVII вѣка.

б) *Крестное цѣлованіе*, т. е. присяга сторонъ допускается въ искахъ, превышающихъ 1 руб., для лицъ, совершеннолѣтнихъ и цѣловавшихъ крестъ не болѣе двухъ разъ въ жизни. Вспомогательное значеніе ея при „полѣ“ таково же, какъ и въ древнемъ процессѣ: она постепенно замѣняетъ „поле“. Право присяги рѣшается жребіемъ (Ук, кн. прик. холоп, суда, ст. X; Указ. кн. зем. прик. X, 6; XIII, 12, XXXI, 4; Улож. XIV). Форма присяги была обставлена особенною торжественностію: присягали сначала въ одной для того назначенной церкви гор. Москвы (Николы Стараго на деревянномъ крестѣ), затѣмъ въ приказахъ, но въ присутствіи дворянъ, цѣловальниковъ изъ сотенъ и подъячихъ, которые читали притомъ извлеченія изъ правилъ св. отцовъ и градскихъ законовъ о клятвопреступленіи; послѣ ук. 1673 г. (19 декабря) присяга совершалась въ Москвѣ въ Архангельскомъ соборѣ. Приводили къ акту присяги три раза, при чемъ въ первые два раза лишь увѣщевали намѣревающихся присягнуть; только въ 3-й разъ допускали къ присягѣ. Несмотря на эту религіозную торжественность присяги, присягающій могъ замѣнить себя естественнымъ (но не наемнымъ) представителемъ (мужъ за жену, сынъ за мать, люди за своихъ господъ).

в) „*Жребій*“, кромѣ вспомогательнаго (указаннаго выше) значенія, въ эпоху Уложенія получаетъ самостоятельное, именно въ дѣлахъ менѣе рубля и въ искахъ на лицахъ духовныхъ.

3) *Письменные акты* только въ эпоху Уложенія и только крѣпостные имѣютъ безусловное значеніе; въ эпоху Уложенія ихъ можно было отвергать только при уголовномъ обвиненіи противной стороны въ насильственномъ исторженіи акта или подлогѣ (Ук. кн. зем. пр. XXIV; Улож. X, 246—247).

Судебное рѣшеніе; сила судебныхъ рѣшеній. Прежде, при отсутствіи письменнаго дѣлопроизводства и личномъ интересѣ судей въ процессѣ, была легкая возможность возстановленія рѣшенныхъ дѣлъ. Возстановленіе дѣлъ было особенно часто при перемѣнѣ лицъ, бывшихъ субъектами спорнаго права (при переходѣ правъ, утвержденныхъ судомъ, по наслѣдству и другимъ путемъ), и при смѣнѣ лицъ, представлающихъ судебную власть (особенно же при наступленіи новаго царствованія). Судебникъ цар. косвенно запрещаетъ возстановленіе рѣшенныхъ дѣлъ (въ ст. 97-й). Уложеніе воспрещаетъ, подъ страхомъ наказанія батогами и уплаты проѣстей и волокитъ, повтореніе иска, если это тотъ же самый искъ, противъ того же самого лица; въ искахъ вещныхъ смѣна физическихъ лицъ—субъектовъ права, напр., епископовъ и игуменовъ въ церковныхъ вотчинахъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ въ частныхъ—не признается обстоятельствомъ, допускающимъ возстановленіе вершеннаго дѣла. Дѣла,

рѣшаемыя мировой сдѣлкою, требуютъ „записи“ о томъ, чтобы ихъ вновь не начинать (Улож. X, 154; XV, 1—5). Судебное рѣшеніе уже съ начала Московскаго государства облекалось въ форму „правой грамоты“.

Что касается до *способа исполненія судебныхъ рѣшеній*, то всѣ личныя иски обращаются на лицо. Отсюда „правежъ“, самая обыкновенная (но не единственная) форма, которая состоитъ въ битьѣ прутьями предъ приказомъ ежедневно, съ 1-го часу дня до окончанія засѣданія. За каждые 100 руб. полагается одинъ мѣсяцъ правежа для всѣхъ, и 2 мѣсяца для служилыхъ (которые не выдаются головою до ук. 1628 года января 15, когда велѣно было выдавать и ихъ головою до искупу: см. Ук. кн. зем. пр. X, 7). На правежъ могли до 1681 г. быть взяты холопы и крестьяне за господина; послѣ 1681 г. это право осталось только за самыми высшими лицами. При недѣйствительности этой мѣры слѣдуетъ *выдача головою* обвиненнаго оправданному. Выдаются должники съ малолѣтними ихъ дѣтьми, а по ук. 1688 г.—и съ женою; заработная плата мужчинамъ таксируется по 5 рублей, женщинамъ по $2^1/_2$, дѣтямъ свыше 10 лѣтъ по 2 рубля въ годъ. При конкурсѣ слѣдуетъ поочередная отработка долга. Со времени Уложенія взысканіе постепенно распространяется на недвижимую собственность: на пустыя вотчины, съ 1656 г. на пустыя помѣстья, а съ 1685 года на всякія имущества (Суд. ц. ст. 55; уставн. Важ. грам.; Ук. кн. зем. прик. X, 7—8; Ук. вѣдом. казн. ст. III, XII и XVI).

Розыскъ.

1) Стороны. Въ розыскѣ истецъ есть государство; это начало развивается съ медленною постепенностью: чрезъ запрещеніе самосуда (Уст. кн. разб. прик. 66; Улож. XXI, 79), возложеніе на общины обязанности отыскивать преступниковъ и большой повальный обыскъ; запрещеніе мировыхъ по уголовнымъ дѣламъ и обязанность частнаго лица продолжать начатый (уголовный) искъ (Уст. кн. разб. прик. ст. 41; Ук. кн. зем. прик. ст. IV). Твердое примѣненіе этого начала къ государственнымъ преступленіямъ совершенно понятно.

Въ розыскѣ отношеніе сторонъ до суда уже не договорное: вмѣсто приставныхъ, здѣсь практикуются „записи“ (см. Суд. ц. 75), „зазывныя грамоты“, приказъ арестовать и привести обвиняемаго и „погонныя грамоты“—приказъ мѣстнымъ властямъ и сосѣдямъ поймать обвиняемаго. Одно изъ характерныхъ отличій древне-русскаго права есть широкое развитіе *поручительства* взамѣнъ *ареста*; обыкновенно поручителями были родственники и члены той же общины (см. Судеб. 1-й, ст. 34—36; Губн. Бѣл. грам.; Судеб. цар. 53, 54, 70; Уст. Важ. грам.; Уст. кн, разб. прик. ст. 4 и V).

Положеніе сторонъ на судѣ. Въ розыскѣ самъ судъ изыскиваетъ доказательства, судоговореніе превращается въ „допросъ“ и *„очную ставку“*: за *говоръ* съ обвиняемаго истецъ подвергается самъ пыткѣ. Къ этому же ведетъ *„сыскъ“* (обзоръ слѣдовъ преступленія на мѣстѣ).

2) Средства розыска суть: а) *поличное*, которое имѣетъ силу лишь тогда, когда вещь вынута у обвиняемаго изъ-за замка (Уст. Бѣлоз. грам. ст. 11; Уст. кн. разб. пр. 21—23; Улож. ц. А. М. XXI, 50—57). Древнее безусловное значеніе поличнаго постепенно падаетъ.

б) *Повальный обыскъ* есть остатокъ стариннаго права общинъ участвовать въ судѣ; существуетъ мнѣніе, по которому обыскъ возникаетъ изъ *обязанности* общинъ ловить преступниковъ (см. объ этомъ стр. 336; сл. Суд. 1-й ст. 13). При возникновеніи розыскного процесса (въ губныхъ учрежденіяхъ) обыскъ превращается въ судебное доказательство, превышающее по своей силѣ всѣ другія; въ эпоху Указныхъ книгъ и Ул. онъ дѣлается однимъ изъ судебныхъ доказательствъ, сила котораго можетъ быть ограничена другими доказательствами (повальный обыскъ въ дѣлахъ судныхъ введенъ по примѣру розыскного процесса). Хотя онъ признанъ неотводимымъ, но при противорѣчіи обыска другимъ доказательствамъ, особенно собственному признанію, обыскъ ведетъ къ нерѣшительному приговору (т. е. нейтрализируетъ силу остальныхъ судебныхъ доказательствъ). Вообще сила обыска падаетъ по мѣрѣ обращенія его въ одно изъ судебныхъ доказательствъ (Суд. 2-й, ст. 52, 56). Форма обыска такова: по наказной памяти обыскные люди собираются въ городъ и подаютъ голоса лично. Прежде (до ук. 1588 г.) обыскные люди были высылаемы въ Москву для провѣрки обыска (Указ. кн. вѣд. казн. ст. X и ст. V, 3). Число обыскныхъ людей неопредѣленно: Судебникъ назначалъ 10—15 дѣтей боярскихъ, или 15—20 крестьянъ; Уставныя грам. отъ 50 до 100 человѣкъ. Въ періодъ Указныхъ книгъ и Уложенія различается большой и малый повальный обыскъ. При обыскѣ не должны быть ни стороны, ни ихъ повѣренные. „Порожжіе столбцы“—бланки—при обыскѣ запрещены въ 1691 г. Обыскной списокъ отсылается судьѣ. Показанія большинства рѣшаютъ дѣло; но единогласіе тѣмъ не менѣе требуется (Уст. кн. разб. пр. ст. 7; Улож. ц. А. М. XXI, 42); при раздѣленіи голосовъ на большинство и меньшинство, производится дознаніе—какая сторона солгала; солгавшая наказывалась денежнымъ штрафомъ или кнутомъ; при раздѣленіи на равныя части, обыскъ повторяется (Указ. кн. вѣд. казн. V, 4—5; Уст. кн. разб. пр. VI). Допускаемъ былъ отказъ обыскныхъ людей отъ опредѣленныхъ показаній, т. е. заявленіе ихъ о невѣдѣніи насчетъ лица или факта (Уст. кн. разб. пр. ст. 11). Эти обстоятельства уменьшали свободу и безпристрастіе въ показаніяхъ обыскныхъ людей; а уменьшеніе безпристрастія влекло новыя стѣсненія и уменьшеніе силы показаній повальнаго обыска (Уст. кн. разб. прик. ст. 6, 8—9). Безпристрастію показаній обыскныхъ людей мѣшала и полицейская обязанность общинъ указывать воровъ и разбойниковъ. Со времени новоук. ст. 1669 г. обыскъ переходитъ въ простое свидѣтельское показаніе.

в) *Собственное признаніе и пытка.* До узаконеній царя Ѳеодора Іоанновича собственное признаніе не было необходимымъ и послѣднимъ способомъ судебныхъ доказательствъ въ розыскѣ (Уст. кн. разб. пр. ст. 9; сл. ст. 6), хотя вынужденіе собственнаго признанія пыткою началось уже

въ первомъ періодѣ (см. выше). Судебникъ 1497 г. предписываетъ пытать татя „безхитростно“ (т. е. усердно); цѣлью пытки, впрочемъ, было тогда не столько вынужденіе собственнаго признанія, сколько оговоръ другихъ людей—соучастниковъ преступленія. Суд. ц. усиливаетъ значеніе собственнаго признанія, какъ цѣли пытки (Суд. 1-й ст. 34, Суд. ц. 56). Со временъ ук. ц. Ѳеодора Іоан. пытка дѣлается главнымъ средствомъ розыска и практикуется въ разнообразныхъ формахъ (преимущественно въ формѣ „дыбы“) до временъ имп. Екатерины II.

4) *Приговоръ и его исполненіе.* Въ розыскѣ возможны *нерѣшительные* приговоры, именно при противорѣчіи доказательствъ, а потомъ всегда при отсутствіи собственнаго сознанія; если нѣтъ собственнаго признанія, но обыскъ „лихуетъ“ обвиняемаго, то этотъ послѣдній, вмѣсто слѣдовавшей ему казни, заключается въ тюрьму пожизненно (Уст. кн. разб. прик. 12); если же на обыскѣ одобрятъ, то обвиняемый дается на чистую поруку съ записью, „что ему впредь не красти и не разбивати“ (Улож. XXI, 29, 36 и друг.).

Приговоры по розыскнымъ дѣламъ приводятся въ исполненіе силами самого государства. Въ отношеніи къ уголовнымъ дѣламъ, право государства на наказаніе преступника постепенно торжествуетъ надъ правомъ частныхъ истцовъ (потерпѣвшихъ) на вознагражденіе (см. выше стр. 334 и 337).

ПЕРІОДЪ ИМПЕРІИ[1]).

Уже въ концѣ московскаго періода слѣдственныя начала въ значительной степени проникли и въ обвинительный процессъ, а границы розыска (въ тѣсномъ смыслѣ) постепенно расширялись на счетъ формъ общаго процесса. Но до Петра Вел. вообще надо признать еще состязательныя формы процесса общимъ явленіемъ, а слѣдственная исключеніемъ. Петру I принадлежитъ обратная постановка дѣла. Ему не нравились сложныя и состязательныя формы суда; ему не нравилась свобода сторонъ въ назначеніи цѣны иска, наемъ повѣренныхъ („нанимаютъ за себя въ судъ... ябедниковъ, воровъ и душепродавцевъ“, говоритъ онъ съ укоризною). Сначала реформаторъ воспользовался готовыми (московскими) формами розыска, предписавъ въ 1697 г.: „суду и очнымъ ставкамъ не быть, а вѣдать всѣ дѣла розыскомъ“ (П. С. З. № 1572). Затѣмъ къ Воинскому уставу 1716 г. было приложено „краткое изображеніе процессовъ“, заимствованное изъ западныхъ источниковъ; здѣсь нашло себѣ мѣсто полное примѣненіе понятія слѣдственнаго (инквизиціоннаго) процесса; процессъ становится тайнымъ и письменнымъ (вмѣсто судоговоренія установленъ двукратный обмѣнъ бумагъ между сторонами). Повѣренные допускаются только при невозможности для сторонъ лично явиться

[1]) О реформахъ Петра В. и Екатерины II въ области судоустройства см. выше стр. 254—257.

въ судъ и только по нѣкоторымъ дѣламъ. Важнѣйшимъ недостаткомъ Петровскаго „процесса“ обыкновенно считаютъ введенное имъ ученіе о формальномъ значеніи доказательствъ (т. е. заранѣе установленной оцѣнкѣ ихъ закономъ, а не судьею). Но при исключительномъ господствѣ слѣдственныхъ началъ въ процессѣ, это скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ: ибо произволъ, данный судьѣ, былъ столь великъ, что безъ ограниченія его теоріею формальной силы доказательствъ, самое понятіе о судѣ утрачивалось бы: приговоръ являлся бы простымъ распоряженіемъ судьи по его усмотрѣнію [1]). Судебныя доказательства, допущенныя „процессами“, суть слѣд. а) Собственное признаніе—„это лучшее свидѣтельство всего свѣта“. Благодаря такому ошибочному взгляду, процессъ преимущественно направляется къ исторженію собственнаго признанія пыткою, примѣненіе которой еще болѣе возрасло сравнительно съ московскимъ періодомъ. б) Свидѣтельскія показанія. Здѣсь уже находимъ подробное обозначеніе качествъ свидѣтелей со стороны моральной, пола, общественнаго положенія и отношенія ихъ къ сторонамъ. Въ первомъ отношеніи къ свидѣтельству вовсе не допускаются люди опороченные, не только по infamia mediata, но и immediata (преступники, явные прелюбодѣи, люди, не бывшіе у исповѣди); во второмъ отношеніи сила свидѣтельскихъ показаній выше, смотря по тому, если свидѣтель мужчина (а не женщина), знатный человѣкъ (а не простолюдинъ), духовный (а не свѣтскій) и ученый. Въ третьемъ отношеніи свидѣтельство родственниковъ вовсе не принимается. Число свидѣтелей опредѣляется со стороны минимума: именно показаніе *одного* не считается совершеннымъ доказательствомъ. в) Въ Петровскомъ процессѣ уцѣлѣлъ одинъ изъ видовъ суда Божія, именно очистительная присяга, къ которой допускается обвиняемый въ томъ случаѣ, когда противъ него не было другихъ достаточныхъ уликъ; впрочемъ законодатель неодобрительно смотритъ на присягу, предпочитая лучше оставить человѣка въ подозрѣніи. г) Наконецъ, въ числѣ лучшихъ доказательствъ считались письменныя (разумѣется, въ дѣлахъ гражданскихъ).

Оцѣнка относительной силы доказательствъ выражается въ „процессахъ“ терминами „совершенное“ доказательство и „несовершенное“, но эти категоріи въ дѣйствительности вовсе не примѣняются къ исчисленнымъ видамъ ихъ. Всякое доказательство принимается за совершенное

---

[1]) Проф. Филипповъ („О наказаніи по законодательству Петра В.“, стр. 39—40) усмотрѣлъ въ этихъ нашихъ словахъ, что мы считаемъ введеніе инквизиціоннаго процесса „шагомъ впередъ“: мы говоримъ (и, повидимому, довольно ясно), что „*при исключительномъ господствѣ слѣдственныхъ началъ*“ было бы пагубно вручить судьѣ безконтрольную власть оцѣнки доказательствъ, и далѣе объясняемъ, что произволъ судьи безъ этого равнялся бы рѣшенію дѣлъ совсѣмъ безъ суда. Мы никакимъ образомъ не могли ожидать, что въ этихъ словахъ можно прочитать сочувствіе введенію такихъ формъ суда, при которыхъ возможенъ подобный произволъ. Вредъ исключительно инквизиціонныхъ началъ процесса былъ такъ великъ, что даже формальная оцѣнка уликъ (сама по себѣ весьма несостоятельная) могла быть нѣкоторымъ якоремъ надежды для подсудимыхъ.

только при извѣстныхъ условіяхъ: такъ, собственное признаніе („лучшее свидѣтельство всего міра") должно быть провѣрено; свидѣтельскія показанія оцѣниваются судомъ по лицамъ свидѣтелей и обстоятельствамъ; даже присяга (остатокъ прежнихъ безусловныхъ средствъ процесса) заподозрѣвается допущеніемъ возможности клятвопреступленія. Остаются однѣ косвенныя улики, совокупности которыхъ воинскій процессъ отказываетъ въ силѣ непреложнаго доказательства.

Законодатель не объяснилъ, къ какого рода судамъ и дѣламъ должно быть примѣнено „краткое изображеніе процессовъ". Думать надобно, что, по первоначальной его мысли, примѣненіе его ограничивается военными судами. Иначе трудно понять, почему черезъ 7 лѣтъ послѣ изд. воинск. устава послѣдовалъ (1723 г.) новый уставъ судопроизводства, озаглавленный: „*О формѣ суда*" (П. С. З. № 4344). Это есть возстановленіе стараго состязательнаго процесса съ нѣкоторыми (впрочемъ существенными) измѣненіями: всѣ измѣненія клонятся къ сообщенію судьѣ болѣе активной роли при борьбѣ сторонъ, такъ какъ „на судахъ много даютъ лишняго говорить"; тогда введена форма прошеній по пунктамъ, стѣсненіе сторонъ въ срокахъ явки къ суду.

„Судъ по формѣ" долженъ былъ имѣть примѣненіе во всѣхъ невоенныхъ судахъ, въ томъ числѣ уголовныхъ: „всѣ суды и розыски имѣютъ по сей формѣ отправляться (говорится въ указѣ), не надлежитъ различать какъ прежде бывало одинъ судъ, другой розыскъ, но только одинъ судъ". Нѣкоторыя главныя постановленія суда по формѣ не примѣняются, однако, къ дѣламъ объ измѣнѣ, „злодѣйствѣ", оскорбленіи величества и бунтѣ (ст. 5). Уже при самомъ Петрѣ I (1724 г.) дѣйствіе „процессовъ" и „формы" суда" распредѣлено по отношенію ко всѣмъ судамъ имперіи такъ: послѣдняя должна дѣйствовать при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ („партикулярныхъ"), первые въ дѣлахъ уголовныхъ („доносительныхъ и фискальныхъ") Въ 1725 г. мая 3 сенатъ истолковалъ, что подъ названіемъ „злодѣйства" разумѣются преступленія противъ вѣры, убійство, разбой, татьба. Итакъ, общее значеніе суда по формѣ исчезло: къ этому привели практика и послѣдующія узаконенія: съ одной стороны, воинскіе „процессы" рецепированы для невоенныхъ судовъ, съ другой—найдено было невозможнымъ руководствоваться въ уголовныхъ судахъ „судомъ по формѣ". Однако, такая двойственность формъ процесса (гражданскаго и уголовнаго) не удержалась: какъ узаконенія, такъ и практика рѣшительно наклонялись въ сторону инквизиціоннаго процесса. Екатерина II (ук. 1765 г. іюля 27), предписавъ руководствоваться „формою суда", тѣмъ не менѣе тутъ же отмѣнила устное судоговореніе, и ввела письменное производство (для судныхъ комиссій, учреждаемыхъ на счетъ обвиняемыхъ). Замѣчательно, что и депутаты Екатерининской комиссіи вооружаются противъ состязательнаго процеса, какъ онъ установленъ въ „формѣ суда"; но это и неудивительно, ибо отъ состязательнаго процеса остались, дѣйствительно, только *форма*, которая лишь усложняла и удлиняла процессъ, между тѣмъ какъ самыя дѣла рѣшались по инквизиціонному усмо-

трѣнію судей. Распредѣленіе при Екатеринѣ II гражданскаго и уголовнаго суда по двумъ палатамъ не привело къ установленію двойственности процесса. „Форма суда“ постепенно забывалась, существуя въ законѣ до послѣдняго времени (Сводъ Зак. т. X, ч. II ст. 1062—1125) [1]).

---

[1]) Исторія „формы суда“ въ XVIII в. весьма мало изслѣдована, а потому трудно опредѣлить моментъ, когда она сдѣлалась процессомъ исключительнымъ. Проф. Коркуновъ („Истор. филос. права“. Спб. 1898, стр. 342 и сл.), оцѣнивая юридическія сочиненія Горюшкина, склоняется къ мнѣнію этого послѣдняго объ общемъ примѣненіи „формы суда“ во все теченіе XVIII в. и видитъ въ Горюшкинѣ живого свидѣтеля тогдашнихъ порядковъ; но именно при жизни Горюшкина въ 1812 году Государственный совѣтъ въ своемъ мнѣніи выразился, что искать по формѣ суда *предоставляется иногда* просителямъ *опредѣленіемъ присутственнаго мѣста или Высочайшимъ повелѣніемъ*. Такимъ образомъ въ нач. XIX в. форма суда была не только исключительною формою процесса, но для примѣненія ея требовалось иногда испрошеніе Высочайшаго повелѣнія. Такъ какъ она никогда не была отмѣнена какимъ-либо закономъ, то къ такому результату могла прійти чрезъ продолжительное desvetudo не только въ началѣ XIX в., но и на значительномъ пространствѣ времени XVIII столѣтія. Ясныя указанія въ законодательствѣ о примѣненіи суда по формѣ доходятъ до начальныхъ годовъ царствованія императрицы Екатерины II; поэтому едва ли мы ошибемся, если примемъ за достовѣрное, что при этой императрицѣ, приблизительно съ 70-хъ годовъ XVIII в., примѣненіе „формы“ дѣлалось все рѣже и рѣже.

По вопросу о примѣненіи формы суда къ уголовнымъ дѣламъ также не установилось единогласія въ историко-юридической литературѣ. Неясность въ этотъ вопросъ вносится, между прочимъ, неточностью представленій о тогдашнихъ границахъ уголовнаго суда (розыска) и гражданскаго. Какъ въ допетровской Руси, такъ и въ XVIII в. обвиненія въ одномъ и томъ же преступленіи могли повести или къ суду, или къ розыску, смотря по обстоятельствамъ дѣла: напр., обвиненіе въ кражѣ безъ поличнаго ведетъ къ суду, а не къ розыску (по сенат. ук. 1725 г.). Дѣла, основанныя на частномъ обвиненіи (безъ поличнаго), несомнѣнно, велись судомъ по формѣ (въ 1-й пол. XVIII в.). Но относительно собственно розыскныхъ дѣлъ надо полагать, что уже по самому указу о формѣ суда (п. 5) и особенно со времени ук. 1724 г. (гдѣ они наименованы „доносительными и фискальными“) судъ по формѣ не примѣнялся. Правда, этотъ послѣдній указъ данъ изъ военной комиссіи для военныхъ судовъ, но это было только разъясненіемъ закона о судѣ по формѣ,—разъясненіемъ, подобное которому дано въ 1725 г. сенатомъ для гражд. судовъ. Если во всѣхъ этихъ указахъ говорится только о срокахъ, даваемыхъ сторонамъ, и врученіи списка съ челобитной отвѣтчику, то въ этомъ и состояла вся сущность отличій суда отъ розыска (состязательности отъ слѣдственнаго производства). Нѣкоторые (весьма несущественные) обряды формы суда соблюдались и въ уголовныхъ дѣлахъ: подписаніе сторонами протокола суда по пунктамъ (но Горюшкинъ устами своего „секретаря“, говоритъ, что ему и это „рѣдко случалось видѣть“).

Дополненія ко 2-й части.

Н.

I. Происхожденіе и значеніе служилой кабалы. II. Добровольное холопство.

1. Происхожденіе и дальнѣйшая исторія кабальнаго холопства не возбуждали никакихъ недоумѣній, когда, согласно съ источниками, признаваемо было, что кабала есть второй фазисъ закупничества, т. е. состояніе временнаго холопства, возникающее изъ личнаго заклада за долгъ съ отработкою процентовъ. Переходъ отъ закупничества къ служилой кабалѣ состоялъ въ томъ, что въ силу невозможности уплачивать долги при обязательной отработкѣ процентовъ, подобная сдѣлка потеряла характеръ долговой и обратилась въ сдѣлку о поступленіи во временное холопство съ удержаніемъ, однако, формы договора займа. Конечно, желательно было бы знать, когда именно образовался институтъ кабалы. Было бы удобнѣе, если бы мы могли опредѣлять возникновеніе сложныхъ юридическихъ институтовъ числами годовъ и мѣсяцевъ; къ сожалѣнію, этого не бываетъ: напр., нѣкоторые полагаютъ, что прикрѣпленіе крестьянъ нельзя не только опредѣлить 1592-мъ или 1587-мъ годами, но даже нельзя обозначить точно вѣкъ этого событія.

Мы полагаемъ только, что всѣ существенныя условія кабалы образовались весьма рано; во всякомъ случаѣ это явленіе существовало въ тѣ вѣка, когда памятники говорятъ намъ о кабальныхъ холопахъ: такія указанія до сихъ поръ открыты въ памятникахъ XV в., но нѣтъ сомнѣнія могутъ быть отысканы и гораздо раньше. Затѣмъ, мы можемъ съ несомнѣнностью обозначить только тѣ фазисы, которые отмѣчены въ законѣ, а именно Судебникъ 1550 г., воспретивъ личный закладъ за долги въ одной ст. окончательно опредѣлилъ сущность служилой кабалы, какъ сдѣлки отдѣльной отъ договора займа, въ другой своей статьѣ. Затѣмъ законъ 1586 г. утвердилъ особый способъ укрѣпленія кабалы, а указъ 1597 г. опредѣлилъ прочія условія ея, уже давно слагавшіяся въ обычаѣ. Такова, ду-

маемъ мы, несложная исторія кабалы. Между тѣмъ, нѣкоторые историки и юристы, считая кабалу явленіемъ новымъ, дѣлаютъ различныя попытки объяснить ея происхожденіе именно въ XVI в. Такъ, проф. Ключевскій предполагаетъ, что причиною возникновенія кабальнаго холопства былъ „какой-нибудь переломъ", совершившійся въ народномъ хозяйствѣ; хотя самъ прибавляетъ, что „трудно объяснить, что́ именно произошло тогда (въ XVI в.) въ народномъ хозяйствѣ", однако догадывается, что тогда чрезвычайно увеличилось количество свободныхъ людей, которые не хотѣли продаваться въ полное рабство, но не могли поддержать своего хозяйства безъ помощи чужого капитала". На это г. Павловъ-Сильванскій справедливо возражаетъ; какое могло быть собственное хозяйство у человѣка, который обязывается жить „по вся дни" во дворѣ господина и работать на него, прибавимъ—и съ женою и съ дѣтьми? но самъ г. Павловъ-Сильванскій допускаетъ тутъ же собственную догадку, весьма похожую на гипотезу проф. Ключевскаго: „возникновеніе условнаго холопства (т. е. кабалы), говоритъ онъ, не случайно совпадаетъ съ началомъ извѣстнаго отлива населенія на окраины", вслѣдствіе чего явилось „уменьшеніе наличнаго числа лицъ, готовыхъ продаваться въ рабство". Если есть возможность убѣжать на окраины, сохранивъ свободу, то зачѣмъ продаваться въ рабство хотя бы и временное? Да и зачѣмъ потребовалось отыскивать какой-то случайный „переворотъ" въ XVI в., когда мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ исконнымъ и всеобщимъ, каково временное рабство изъ личнаго заклада за долги? Предполагаемый переворотъ совершился около половины XVI в., а кабала подъ этимъ самымъ именемъ извѣстна съ XV в., подъ именемъ же закупничества—съ незапамятной древности. Такъ одно недоразумѣніе влечетъ за собою другія: проф. Сергѣевичъ отвергнувъ связь кабалы съ закупничествомъ, начинаетъ исторію кабалы не съ XVI в. (Юр. др. I, 147) и говоритъ, что кабальное холопство „возникло въ силу житейской практики", и „Московскіе государи нашли ихъ (каб. холоповъ) уже существующими". Какая же это житейская практика? „Изъ договора займа возникло кабальное холопство". Все это близко къ истинѣ. Но затѣмъ мы встрѣчаемъ неожиданное дополненіе: „появленіе въ нашей практикѣ заемныхъ расписокъ—кабалъ—никакъ не можетъ быть старѣе конца XIII в." (стр. 148). Почему это? Почему именно конца XIII, не начала или середины, или XII в.? Авторъ не объясняетъ. Загадка, однако, понятна: къ концу XIII в. относится пространная Русская Правда, а въ ней статьи о закупничествѣ, которыя какъ разъ соотвѣтствуютъ понятію кабалы, но которыя проф. Сергѣевичъ толкуетъ въ смыслѣ договора найма.

Дальнѣйшая исторія кабалы у нашихъ ученыхъ также наполнилась недоразумѣніями, такъ сказать, добровольными, ибо источники не даютъ повода къ нимъ. А именно: „Первое упоминаніе о нихъ (кабальныхъ холопахъ), говоритъ проф. Сергѣевичъ, относится къ 1509 г.", а г. Павловъ-Сильванскій нашелъ, однако, упоминаніе о нихъ въ 1481 г. (Соб. госуд. грам. и дог. I, № 112), При открытіи новыхъ памятниковъ, быть можетъ

найдется и болѣе раннее упоминаніе. Но не въ этомъ дѣло. Что содержится въ этомъ „первомъ“ извѣстіи? Кн. Дмитрій Ивановичъ отпускаетъ въ 1509 году на волю „приказныхъ своихъ людей, полныхъ холоповъ и кабальныхъ“. Что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, конечно, что кабальные люди суть холопы, хотя и временные; что, пока они не уплатили долга, они впослѣ подчиняются правамъ господина (кромѣ права отчужденія и, конечно, жизни). Проф. Сергѣевичъ, напротивъ, дѣлаетъ совсѣмъ другой выводъ: „кабальные въ это время не холопы. Они люди свободные. *Только фактически они не свободны*“. Кабальный лишенъ права уйти отъ своего господина; онъ не имѣетъ права на плоды своего труда; онъ подлежитъ наказаніямъ по усмотрѣнію господина. Поэтому предпочитаемъ держаться терминологіи памятниковъ и считать такихъ людей кабальными *холопами*, а не людьми свободными

На чемъ основывается это временное рабство въ половинѣ XVI в.? Проф. Сергѣевичъ утверждаетъ, что основаніемъ служить попрежнему договоръ займа. Однако, Судебникъ цар. прямо воспретилъ держать должника за ростъ у себя во дворѣ на службѣ: „А кто займетъ сколко денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ о себѣ, а на денги имъ ростъ давати“ (ст. 82). Здѣсь очевидное противорѣчіе понятію о служилой кабалѣ, какъ службѣ за ростъ кредитору. Между тѣмъ, тотъ же Судебникъ ни мало не запрещаетъ служилыхъ кабалъ, а напротивъ, опредѣляетъ ихъ въ другой статьѣ своей (78) такъ: „А которые люди вольные почнутъ бити челомъ княземъ, и бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ, а станутъ на себя давати кабалы за ростъ служити,—и болѣ пятнадцати рублевъ на серебряника кабалы не имати“. Такое крупное противорѣчіе памятника самому себѣ, очевидно, есть мнимое: не законъ противорѣчитъ себѣ, а мы противорѣчимъ ему, относя обѣ статьи къ одному и тому же явленію (договору займа). Въ нашемъ изданіи Судебника царскаго давно сдѣлана попытка изъяснить это кажущееся противорѣчіе; но проф. Сергѣевичъ, умалчивая о томъ, даетъ свое изъясненіе. „До половины XVI вѣка кредиторы выговаривали иногда въ свою пользу оба вида вознагражденія по одному и тому же долгу. Они обязывали должниковъ своихъ служить имъ и, кромѣ того, платить долгъ деньгами“. Слѣдуетъ ссылка на 82-ю ст. Судебника царскаго, которая именно и требуетъ объясненія. Съ тѣхъ поръ пущенъ въ ученую литературу терминъ, не существующій въ законѣ, *ростовыя кабалы*, т. е. акты договора займа, который могъ быть съ ростомъ и безъ роста и не имѣетъ ничего общаго съ служилой кабалой. Ни въ какихъ памятникахъ, а еще менѣе въ Судебникѣ не говорится о такомъ *двойномъ* ростѣ. Да онъ и не возможенъ, когда рѣчь идетъ о службѣ *за ростъ*. Подобнаго явленія не знаетъ ни одна правовая исторія какого бы то ни было народа; оно и практически невозможно: ибо человѣкъ, служащій во дворѣ, не имѣетъ никакихъ средствъ добывать имущество для уплаты роста.

Ключъ къ толкованію болѣе правильному даетъ самъ Судебникъ. Онъ ставитъ статью (78) о кабалѣ непосредственно за статьями о полномъ холопствѣ и говоритъ не о томъ, чтобы кто-либо занялъ деньги у другого, а о томъ, что „люди *волные учнутъ бити челомъ* княземъ и проч., *а станутъ на себе давати кабалы* за ростъ служити". Далѣе законъ предписываетъ: „болѣ пятнадцати рублевъ на серебряника кабалы не имати". Если это долгъ, то какъ могъ законъ предписать, чтобы заемъ не простирался свыше 15 рублей? Полагаемъ, что здѣсь уже мы имѣемъ дѣло съ фикціей займа, что въ дѣйствительности дающій на себя кабалу могъ не получать ни полушки (могъ что-либо и получить, но сущность сдѣлки не въ этомъ): онъ бьетъ челомъ *на службу* къ боярину, но не въ вѣчное холопство [1]).

Что такое превращеніе древняго закупничества въ служилую кабалу совершилось уже задолго до извѣстнаго указа 1597 г. и до указа 1586 г., это съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ слѣдующихъ выраженій перваго изъ нихъ: „А которые люди до государева царева и в. кн. Ѳеодора Ивановича и всеа Русіи уложенья *въ прошлыхъ годѣхъ, до лѣта 7094 году* (1586) іюня до 1 числа, *били челомъ въ службу* бояромъ... и всякимъ служилымъ людемъ, и гостемъ и всякимъ торговымъ людемъ, *и кабалы служилые на себя давали*" и т. д.

Такимъ образомъ служилая кабала и тогда, т. е. до законовъ 1586 и 1597 годовъ, не имѣетъ никакой связи съ договоромъ займа *по существу сдѣлки*.

Почему же удерживается въ актахъ служилой кабалы *форма* долговой сдѣлки (и не только тогда, но и послѣ 1597 г.)? Если мы не будемъ произвольно отрывать институтъ кабалы отъ древняго института закупничества, то вопросъ разрѣшится вполнѣ удовлетворительно; въ противномъ случаѣ останется навсегда загадкою. Надо припомнить, что, по Русской Правдѣ (и по Судебникамъ), поступленіе на службу (на ключъ) до закона 1597 г. вело къ полному, а не временному холопству; между тѣмъ какъ такая же служба, но возникшая изъ договора займа (закупничество), вела къ временному рабству. Вотъ почему люди, желавшіе избѣгнуть полнаго холопства, прибѣгали къ старинной формѣ долговыхъ сдѣлокъ.

---

[1]) Проф. Дьяконовъ (Журн. М. Ю. 1900 г., III, стр. 303—304) не удовлетворенъ этимъ объясненіемъ и ищетъ своего, которое оказывается вполнѣ загадочнымъ „На поставленный вопросъ (о назначеніе максимума займа въ 15 р.) можно отвѣтить словами автора (т. е. нашими): кредитъ займа по служилой кабалѣ (установленъ для обезпеченія возможности выкупа кабальному по суммѣ, обозначенной въ кабалѣ, и для устраненія возможности превращать службу за ростъ въ полное холопство. Но *чтобы обезпечить примѣненія этихъ правилъ въ интересахъ кабальныхъ*, законодатель установилъ правило, изложенное въ ст. 82: „А кто займетъ сколько денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ о себѣ, а на деньги имъ ростъ давати". Таково, полагаемъ (заключаетъ проф. Дьяконовъ), соотношеніе этихъ двухъ статей Судебника". Т. е. для облегченія *выкупа изъ службы* запрещено *совсѣмъ поступать на службу?* Мы искренно желали и старались найти другой смыслъ въ объясненіи проф. Дьяконова, но не нашли.

Временный характеръ такого холопства опредѣляется возможностію выкупа по суммѣ, обозначенной въ кабалѣ (была ли въ московскомъ обычномъ правѣ, подобно праву западно-русскому, установлена норма зачета службы, „выпускъ", остается неизвѣстнымъ). Сумма будущаго выкупа могла быть обозначена въ кабалѣ въ произвольныхъ цифрахъ, а такое опредѣленіе произвольною фиктивною суммою мнимаго долга легко могло повлечь за собою вѣчное рабство. Законъ (Судебн. ц. ст. 78) опредѣляетъ максимумъ этой суммы въ 15 рублей.

Но и это опредѣленіе закона не вполнѣ достигало цѣли, т. е. огражденія временнаго холопства отъ перехода въ полное. Сумма мнимаго долга, не уплаченная отцомъ, переходила на дѣтей; дѣти могли быть принуждены выдать на себя новую кабалу и т. д.

Дѣйствительно, уже съ XV вѣка состояніе кабалы приближается къ полному холопству, т. е. допускаются права распоряженія на кабальныхъ холоповъ (по актамъ раздѣльнымъ, приданому, по духовнымъ завѣщаніямъ, но не по купчимъ и не закладнымъ). Но такъ какъ это совершенно противорѣчило существу кабалы (временности холопства), то уже тогда обычное право наклоняется къ установленію пожизненности такого холопства (т. е. до смерти господина).

Уже вскорѣ послѣ Судебника, въ 1558 г., возникаетъ у насъ и въ законѣ форма холопства *пожизненнаго*, отмѣченная пока для плѣнниковъ (Ук. кн. вѣд казнач. ст. V, 17); но разъ установилась такая форма, она легко могла найти примѣненіе и въ другихъ направленіяхъ.

Идея пожизненности холопства легко могла возникнуть изъ постояннаго и всеобщаго обычая отпускать на волю предъ смертію или по завѣщанію не только временныхъ, но и вѣчныхъ рабовъ. Освобожденіе кабальныхъ по духовной находимъ въ завѣщаніяхъ 1509, 1534 гг. и друг. Въ отношеніи къ полнымъ холопамъ этотъ обычай не могъ обратиться въ норму, не разрушая рабства вполнѣ; зато въ отношеніи къ кабальнымъ людямъ онъ явился наилучшимъ способомъ выхода изъ затрудненій, возникающихъ изъ прежнихъ условій закупничества и кабалы. Что не законъ 1597 г., а обычай создалъ пожизненность кабалы, это съ несомнѣнностію видно изъ Новгородскихъ кабальныхъ книгъ 1598 и 1599 (изд. 1894 г.), гдѣ многіе изъ дающихъ на себя кабалу разсказываютъ о своемъ прежнемъ кабальномъ состояніи и освобожденіи, каждое такое освобожденіе поспѣдовало по смерти господина. Напр., Корнилъ Василій Сухой, поступая въ кабалу къ Обухову, показываетъ: „А напередъ сего служилъ въ Воцкой пятинѣ у Кузмы у Вочкасова лѣтъ съ десять по кабалѣ, *а какъ онъ умеръ, и тое кабалу ему отдали*, а онъ деи послѣ Кузмы жилъ въ Солцы въ Колесной слободы и т. д. Степ. Голосовъ показывалъ: „служилъ у Ив. у Шенгурскаго на Костромѣ, и Ивана деи не стало, а его отпустилъ, а жены и дѣтей у Ивана не осталось; а послѣ Ивана не служивалъ ни у кого, пожилъ въ Ноугородскомъ уѣздѣ на Ладожскомъ порогѣ, а иное въ Шелонской Пятинѣ въ Новой Русѣ на Пшагѣ"... Василій Ивановъ говоритъ: „Отецъ его и онъ напередъ сего въ холопствѣ служили

въ Пошахоньѣ у сына боярскаго у Грязного (по) кабалѣ, а кабала была на отца его, и отецъ и мать померли и Грязной представился (треть)ей годъ и ихъ велѣлъ (отпустить)". Константинъ Гр. Мянгинъ въ распросѣ показалъ: „прежъ сего служилъ у отца его (своего новаго господина) у Петра у Чертова по кабалѣ, а кабала написана въ трехъ рубляхъ, а нынѣ билъ челомъ ему, Ивану, на службу волею". Иванко Курышинъ заявлялъ, что отецъ его служилъ по кабалѣ у Вас. Ивашева, и Василія деи Ивашева не стало тому шестой годъ, а ихъ послѣ своего живота и велѣлъ роспустить на волю". Гришка Ивановъ показывалъ, что напредъ сего служилъ у сына бояр. Степ. Рохманинова по кабалѣ годы съ два: „и Степана въ животѣ не стало, и *послѣ Степана отпустили его на волю*". Олексѣйко Васильевъ показывалъ: „напередъ сего служилъ въ Ржевѣ въ Володимеровѣ у Ивана Обуткова, и родился (у него же); и Ивана не стало тому годы съ два и ихъ роспустилъ на волю. И онъ Олексѣйко послѣ Ивана билъ челомъ въ холопи Офросѣньѣ Ивановской, женѣ Косицкаго, и у Офросѣньи женился на волной рабѣ; и Офросѣнья деи постриглася, а его изъ женою отпустила на волю" и т. д.

Приведенные факты, извлеченные изъ кабальной книги 1599 г., свидѣльствуютъ, что 1) обычай отпуска кабальныхъ людей предъ смертію или по смерти господина обратился въ норму, что отпускныя зависятъ не всегда отъ прямыхъ завѣщательныхъ распоряженій владѣльца, а даются нерѣдко помимо завѣщанія наслѣдниками или душеприказчиками. 2) Всѣ упомянутые факты, несомнѣнно, относятся ко времени ранѣе 1597 года, что́ видно какъ изъ прямыхъ датъ, приводимыхъ въ докладѣ („лѣтъ съ семь" и т. д.), такъ и изъ обстоятельствъ дѣла, когда отпущенный по смерти господина успѣлъ совершить нѣсколько дѣйствій и переходовъ, которые никакъ не могутъ быть умѣщены въ пространство одного года (законъ 1597 г. начали приводить въ исполненіе въ 1598 г.; см. Новгор. кабальную книгу 1598 года). Но, быть можетъ, освобожденіе кабальныхъ людей при смерти господина узаконено уже указомъ 1586 г. (на который есть ссылка въ законѣ 1597 г.), какъ и думаетъ проф. Сергѣевичъ? Но на это нѣтъ никакихъ основаній; напротивъ, слѣдуетъ думать, что указъ 1586 года именно не касался этого вопроса, ибо въ противномъ случаѣ указъ 1597 года былъ бы ненужнымъ буквальнымъ повтореніемъ закона 1586 г.; этотъ послѣдній указъ установилъ только докладъ кабалъ у установленныхъ для того властей.

Итакъ, главное содержаніе указа 1597 г. взято изъ установившейся давней практики. А потому безусловно не вѣрны слѣд. выраженія г. Павлова-Сильванскаго: „въ исторіи кабальнаго холопства необходимо строго различить два періода: первоначальный и послѣ указа 1597 г. Сначала кабальные люли *не были холопами*; до 1597 г. кабальные люди—*это свободные должники*"... Въ множествѣ уже приведенныхъ фактовъ указывается какъ разъ обратное: кабальные холопы задолго до 1597 г. всегда именуются холопами, и отнюдь не суть свободные люди. Указъ 1597 года не составляетъ вовсе замѣтной грани въ исторіи кабалы. Единственнымъ

нововведеніемъ указа 1597 г. надо признать установленіе, что кабала не простирается на дѣтей холопа по смерти этого послѣдняго. Взглядъ на кабалу, какъ на договоръ займа (даже послѣ Судебника ц.), и затѣмъ мнѣніе о мгновенномъ переворотѣ, произведенномъ закономъ 1597 г., должны быть признаны крупнымъ недоразумѣніемъ.

II. Ошибочный взглядъ на существо и исторію кабалы легко могъ бы быть устраненъ, если бы изслѣдователи обратили должное вниманіе на явленіе *добровольнаго холопства*. Оно не только не создается закономъ 1597 г. и не возникаетъ изъ него, но прямо уничтожается имъ и послѣдующими указами, между тѣмъ носитъ на себѣ всѣ существенные признаки того же служилаго холопства. Оно отличается отъ служилой кабалы тѣмъ, что поступившій въ холопство не далъ еще на себя крѣпости. Это, съ одной стороны, не личный наемъ, какъ думалъ Неволинъ (въ кабальной книгѣ люди на докладѣ ясно различаютъ наемъ отъ добровольнаго холопства; Микита Истоминъ показывалъ, что „напередъ сего служилъ у князя у Ивана Самсоновича Туренина въ Олексинѣ *добровольно изстари*, и князя Ивана не стало, и князь Иванъ его *отпустилъ на волю* при своемъ животѣ, а послѣ князя Ивана жилъ у крестьянъ *ходилъ по наймамъ* въ Олексинскомъ уѣздѣ"). Это и не кліентство г. Павлова-Сильванскаго, ибо понятіе холопства противорѣчитъ понятію свободы кліента. Это не что иное, какъ поступленіе на службу безъ крѣпости, что, по Рус. Правдѣ и Судебникамъ, влекло къ полному холопству, при чемъ, однако, Судебники уже отличаютъ дворовую службу въ городскихъ домахъ отъ такой же службы въ сельскихъ и источникомъ полнаго холопства признаютъ только вторую; даже и между судебниками есть различіе въ этомъ отношеніи: Судебникъ 1-й признаетъ службу источникомъ холопства безъ докладу и съ докладомъ, 2-й Судебникъ—только при условіи доклада. Естественный ростъ началъ свободы вскорѣ видоизмѣнилъ опредѣленіе 2-го Судебника. Поступавшій на службу не тотчасъ обращается въ полнаго холопа: требуется для этого надлежащее укрѣпленіе. Промежутокъ службы между поступленіемъ и укрѣпленіемъ именуется „добровольнымъ" холопствомъ. Наконецъ, если доброволецъ холопства и даетъ на себя крѣпость, то уже обыкновенно не полную грамоту, а служилую кабалу. Этимъ путемъ одинъ изъ древнихъ источниковъ рабства подрывается; законы конца XVI и XVII в. стараются урегулировать укрѣпленіе по службѣ, назначая сроки добровольнаго холопства то въ 6 мѣсяцевъ, то въ 3 мѣсяца. Обращаясь къ существу добровольнаго холопства, находимъ въ актахъ слѣд. указанія: 1) это—холопство, а не свободное состояніе; оно можетъ окончиться отпускною, но не произвольнымъ уходомъ холопа: въ кабальной Новгород. книгѣ записано такое показаніе Шагая и Терюхи; „служили онѣ у Ѳеанасьева отца (Терпигорева)—у Ондрѣя и у него, Ѳеанасья, *старинные ихъ холопи* добровольно служили, а отцовъ ихъ и матерей не стало". Очевидно, что они перешли по наслѣдству Андрею Терпигореву и сами наслѣдовали холопство. Тарасъ Ѳедоровъ показывалъ, что отецъ и мать его жили въ холопствѣ у кн. Гагарина и умерли въ

холопствѣ, а онъ остался малолѣтнимъ и жилъ у того же князя Богдана Гагарина въ холопствѣ „лѣтъ съ двадцать безъ крѣпости“, и что его *отпустили* тогда, когда князя Богдана „не стало“; Сенка, прозвищемъ Ѳетка, жилъ въ Ивангородѣ у Ѳед. Аминева добровольно около двухъ лѣтъ, „и Ѳедоръ деи отпустилъ его на волю и отпускную ему за своею рукою далъ, а та деи отпускная у него утерялась, а изъ Ивана-города пришодъ въ Новгородѣ билъ челомъ на службу Ивану Мякинину, а у Ивана служилъ добровольно 3 года. Иванъ де его отпустилъ на волю и отпускную ему далъ“. 2) Обыкновенно (обязательно, съ точки зрѣнія обычнаго права) отпускная дается добровольному холопу при смерти господина. Сейчасъ было приведено показаніе, что по смерти господина (кн. Гагарина) холопа его Тараса Ѳедорова *отпустили*. Аманъ Юрьевъ сказывалъ: „напередъ сего служилъ у Ивана Мотянина изстари, и какъ Ивана Мотянина не стало, и онъ *послѣ Ивана* билъ челомъ въ службу сыну его Василью“. Точно то же показывалъ Спиридонъ Котовъ. Отпущеніе по предсмертнымъ распоряженіямъ дѣлается постоянно; напр., Гаврило Ивановъ служивалъ добровольно у Ѳед Вас. Осинина и родился у него во дворѣ; „и Ѳедора не стало тому лѣтъ съ семъ, а отходя сего свѣта Ѳедоръ его Гаврила отпустилъ на волю“. Тимофей и Марѳа Панфильевы на распросѣ сказали: „напередъ сего служили въ Старицкомъ уѣздѣ у Вараксы у Карцова добровольно, и Вараксы не стало лѣтъ съ пять, а ихъ Варакса отпустилъ на волю при своемъ животѣ, а послѣ Вараксы послужили у Доможира у Каменева въ Старицкомъ же уѣздѣ добровольно; и Доможира не стало, и ихъ отпустилъ на волю-жъ. Исачко Третьяковъ служилъ у Степана Рахманинова добровольно около двухъ лѣтъ, и какъ Степана не стало, и его *отпустили* на волю“. Онуфрій Ивановъ служилъ въ Ржевѣ Володимеровѣ у сына бояр. Безсона Кудряваго добровольно, „и Безсона не стало тому 3 годъ, а ихъ велѣлъ послѣ своего живота роспустить на волю“. Никита Истоминъ служилъ добровольно у Якима Нарбѣкова около 5 лѣтъ, „и Якима не стало, а ихъ послѣ своего живота велѣлъ выпустить на волю“ и т. д.

Такимъ образомъ состояніе добровольнаго холопства по существу ничѣмъ не отличалось отъ кабальнаго, кромѣ мнимаго права кабальнаго человѣка уплатить выкупъ по кабалѣ. И тотъ и другой виды холопства уже давно сдѣлались пожизненными. Но законъ смотрѣлъ на добровольное холопство нѣсколько иначе, чѣмъ обычай: законодатель не желалъ признавать холопства безъ акта укрѣпленія. Уже въ 1555 г. октября 11 состоялся указъ, по которому иски о возвращеніи бѣглыхъ добровольныхъ холоповъ, прикрытые исками о „сносѣ“, т. е. кражѣ при бѣгствѣ, оставляются безъ разсмотрѣнія „того для, что доброволному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости“. Несмотря на такой отказъ закона отъ поддержки добровольнаго холопства исковымъ правомъ, этотъ институтъ, какъ видно изъ кабальныхъ книгъ, процвѣталъ столько же, какъ и кабала. Для господъ удобство заключалось въ томъ, чтобы не платить пошлинъ при совершеніи крѣпости, для холоповъ—въ томъ, что

бѣгство ихъ можетъ остаться безнаказаннымъ. Однако, о бѣгствѣ, т. е. произвольномъ оставленіи господина безъ отпускной, акты ничего не говорятъ намъ; напротивъ, свидѣтельствуютъ о „старинномъ добровольномъ“ холопствѣ, которое, повидимому, уже замѣняло актъ укрѣпленія и давало право иска о возвращеніи бѣглыхъ, не прибѣгая къ ложному иску о сносѣ. Такъ мы въ правѣ думать потому, что терминъ „старинный“ холопъ указываетъ именно на то, что въ основаніи дѣйствительнаго рабства извѣстнаго человѣка лежала не какая-либо крѣпость, а именно фактъ поступленія на службу, но фактъ застарѣвшій. Старинныхъ же холоповъ господа виндицируютъ наравнѣ съ кабальными и полными. Законъ конца XVI в. (1597 г.) и нач. XVII в. стремился установить сроки такой давности (весьма краткіе), кладя въ основаніе давности экономическія причины („государь того добровольнаго холопа одѣвалъ и обувалъ и кормилъ“). Во всякомъ, однако, случаѣ добровольное холопство давало болѣе гарантій пріобрѣсти свободу, чѣмъ кабальное, а потому въ кабальной книгѣ находимъ (впрочемъ, единственный) случай, когда принимающій кабалу на распросѣ заявилъ, что онъ ушелъ произвольно изъ добровольнаго холопства (безъ отпускной), потому что господинъ послѣ полугодичной его службы хотѣлъ его окабалить.

Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ достаточно для убѣжденія, что 1) кабала въ Московскомъ государствѣ задолго до 1597 г. и до Суд. ц. является независимо отъ договора займа и есть актъ добровольнаго поступленія во временное холопство, что продолженіе ея до смерти господина не установлено въ 1-й разъ указомъ 1597 г., а возникло раньше изъ необходимости опредѣлить срокъ временнаго холопства не по суммѣ, обозначенной въ кабалѣ; 2) такъ называемое „добровольное холопство“ есть тоже временное холопство, возникшее изъ факта поступленія на службу безъ „крѣпости“; въ случаѣ застарѣлости такой службы добровольное холопство получаетъ исковое значеніе, но подлежитъ тѣмъ же условіямъ, какъ и служилая кабала, т. е. простирается лишь до смерти господина; 3) указъ 1597 г. далъ лишь то нововведеніе, что служилая кабала не переходитъ на потомство умершаго холопа, и что принятіе такой кабалы непремѣнно требуетъ укрѣпленія (впрочемъ, это согласно съ закономъ 1555 года).

О.

Общесемейныя имущества.

I. Общія имущества супруговъ.

Въ виду возраженій, и теперь повторяющихся, относительно нашего воззрѣнія на общія имущества супруговъ, считаемъ необходимымъ дополнить изложенное въ текстѣ книги нижеслѣдующими соображеніями.

Что касается до приданаго, то, повидимому, не существуетъ сомнѣнія о принадлежности его обоимъ супругамъ. Напротивъ, о купленныхъ вотчинахъ заявляются рѣшительныя возраженія. Н. Н, Дебольскій утверждаетъ, что единственное право жены на купленныя вотчины есть право наслѣдованія ихъ послѣ мужа. Прежде всего достойно вниманія, почему законъ, отказавъ женѣ въ правѣ наслѣдованія въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, предоставилъ ей безусловное право наслѣдованія въ купленныхъ вотчинахъ? Если не считать законовъ о наслѣдованіи произвольною выдумкою законодателя, если право родового наслѣдованія основано на прежней принадлежности имущества роду наслѣдодателя, если право семейнаго наслѣдованія—результатъ прежняго семейнаго совлалѣнія,—то наслѣдованіе жены именно въ купленныхъ имуществахъ, очевидно, указываетъ на принадлежность этихъ имуществъ женѣ и при жизни мужа.

Но прежде разсмотрѣнія правъ жены на наслѣдованіе купленныхъ вотчинъ, считаемъ необходимымъ привести нѣсколько фактовъ относительно общихъ правъ супруговъ на имущества при существованіи брака. Законы объ этомъ молчатъ, а потому намъ предстоитъ лишь анализировать юридическіе факты; беремъ самое незначительное число ихъ, ибо важно не количество фактовъ, а надлежащее пониманіе ихъ.

Въ 1680 г. попъ Стефанъ Феофилактовъ и тяглецъ Срѣтенской сотни Сила Петровъ Гребенщиковъ продаютъ въ качествѣ душеприказчиковъ: „Сила—по приказу и по духовной Александра Григорьева сына колокольника, а попъ Стефанъ—по приказу дочери своей духовной его Александровой жены—вдова Матроны Васильевой дочери,—*дворъ ихъ*, который дворъ онъ Александръ приказалъ отдать и въ духовной написалъ, а послѣ его Александра приказала отдать на церковное строеніе жена его Александрова Матрона къ церкви Сергія Радунежскаго“. Итакъ, мужъ, а потомъ и жена въ отдѣльныхъ завѣщаніяхъ распоряжаются однимъ и тѣмъ же дворомъ. У нихъ различные душеприказчики. Мы не знаемъ, чей именно былъ дворъ при жизни супруговъ; но въ актѣ онъ названъ *дворомъ ихъ*, т. е. общимъ (Акты, отн. до юр. б., 148, XX).

Въ 1691 г. думный дворянинъ Извольскій продаетъ дворъ свой въ Москвѣ стольнику „Толстово и женѣ его и дѣтямъ“. „А взялъ я... Извольскій у него стольника... Толстово *и у жены его и у дѣтей* за тотъ... дворъ... тысячю пять сотъ рублевъ денегъ. А будетъ у него и у жены его и у дѣтей его въ тотъ мой дворъ учнетъ кто по какимъ крѣпостямъ вступатца—и мнѣ думному дворянину и *женѣ моей и дѣтямъ* его Ивана и *жену его и дѣтей* ото всякихъ крѣпостей очищать... А будетъ я... не очищу, и ему Ивану *и женѣ его и дѣтямъ* взять на мнѣ... и *на женѣ моей и на дѣтяхъ* тѣ свои даные денги тысячю пять сотъ рублевъ всѣ сполна и тому двору очистка и убытки“ (ibid. XXI). Какія права могла имѣть жена покупщика на полученіе цѣны вещи, очистки и убытковъ, если имущество куплено мужемъ, а не ею? Очевидно, включеніе жены нельзя признать формою: оно опираетя на положеніе обычнаго

права, что купленное имущество принадлежитъ женѣ такъ же, какъ и мужу. Съ другой стороны, на чемъ основана обязанность жены продавца очищать проданное имущество и платить убытки? Если бы по смерти продавца былъ предъявленъ подобный искъ объ убыткахъ къ женѣ его, то, по точному смыслу акта, она должна отвѣчать. Это уже не пустая форма.

Интересно, что форма, въ которой выражаются обычныя оговорки насчетъ твердости купчихъ или мѣновныхъ, повторяется даже въ концѣ XVII в.: „не устою, и ему, Василью, взять на мнѣ, Алексѣѣ, *и на женѣ моей и на дѣтяхъ*, по сей записи, тѣ свои данные денги за перехожіе четверти...“ (1684 г.). „И впредь мнѣ, Григорью Мизгиреву, и *женѣ моей* и дѣтямъ... о промѣнной земли дѣла нѣтъ и не вступатца никоторыми дѣлы... А буде я, Григорей Мизгиревъ, въ чемъ нибудь въ маломъ противъ сей записи не устою..., и на мнѣ, Григорьѣ Мизгиревѣ, *и на женѣ моей* и на дѣтехъ взять ему, Алексѣю, *и женѣ его и дѣтямъ* по сей записи за неустойку двѣсти рублевъ денегъ, а ся запись и впредь въ запись“ (1698 г. Ак., отн. до юр. быта, № 156, XXIII и XXIV.) И это, конечно, не только *форма:* если бы дѣйствительно былъ предъявленъ искъ къ женѣ, то она должна отвѣчать въ силу записи (см. еще ibid. XXVIII). Анализируемая норма не есть явленіе позднѣйшее: ее можно наблюдать и въ нач. XVI в.

Въ 1526 г. митрополитъ Даніилъ покупаетъ „три полосы земли Жабинскіе, Завражицу, да половину трети земли Жабинское, Никитинское, Ѳедорова сына Жабина“, у подъячаго Григорія Каликина и у его жены у Олены „что *онѣ тѣ земли купили* у Ивана у Терентіева сына Жабина, да у Иванажъ, да у Филипа, да у Андрѣя у Ѳедоровыхъ дѣтей Жабина, да у Сидора у Ѳедорова сына Жабина ихъ отчину“... А два жеребья тойже деревни Жабинскіе язъ Олена Никитинская жена Жабина, чѣмъ меня благословилъ мужъ мой первый Никита Ѳедоровъ сынъ и своихъ дѣтей Данила и Ивана и Василья опослѣ своего живота своею отчиною,—и язъ тѣ два жеребья земли даю въ домъ причистой Богородицы... Данилу митрополиту... по своемъ мужѣ по первомъ по Никитѣ и по своихъ дѣтяхъ: Данилѣ: по Иванѣ и по Васильѣ“ (Ак., отн. до юр. быта, № 149, X). Фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что купля имущества дѣйствительно (реально) совершалась обоими супругами. Въ 1696 г. Пушечниковы мѣняются съ Страховыми помѣстьями, и прибавляютъ, что, если до срока росписки въ приказѣ кто-либо изъ мѣновщиковъ умретъ, то „тѣми помѣстьи на тотъ срокъ, росписатца *съ женами ихъ или съ дѣтьми*“ (Ак., отн. до юр. быта, № 156, XXVI). Фактъ, указывающій на то, что и въ самомъ концѣ XVII в. актъ отчужденья недвижимыхъ имуществъ, начатый мужемъ, можетъ и долженъ быть законченъ по смерти его женою.

Вотъ небольшое количество фактовъ, взятыхъ на удачу только изъ одного сборника актовъ, но совершенно достаточное для того, чтобы убѣдиться въ слѣд. положеніяхъ:

а) Жена включается въ акты отчужденія имуществъ и пріобрѣтенія ихъ не ради простой формы: на ней лежитъ отвѣтственность за правильность осуществленія сдѣлки; съ другой стороны, ей принадлежитъ право иска противъ другой стороны, т. е. стороны продавца.

б) Самая сдѣлка отчужденія можетъ и должна быть закончена женою въ случаѣ смерти мужа.

в) Подобный взглядъ на дѣло продолжается до самаго конца XVII в.

Имѣя въ виду эти положенія, мы можемъ судить правильнѣе о происхожденіи права наслѣдованія купленныхъ вотчинъ женою.

Законъ, какъ мы знаемъ, даетъ безусловное положеніе: „купленная вотчина женѣ; нѣтъ до нея никому дѣла".

Люди, придерживающіеся старыхъ воззрѣній, думаютъ подвергнуть сомнѣнію рѣшительный смыслъ закона тѣмъ, что о купленныхъ вотчинахъ есть и дальнѣйшія другія постановленія въ той же гл. Улож. Дѣйствительно, есть, и тѣмъ, кто спеціально разсматриваетъ эти вопросы, слѣдовало анализировать ихъ детально, не довольствуясь тѣмъ, что мы могли сказать въ краткой учебной книгѣ. Попытаемся сдѣлать это теперь. Въ ст. 5-й (XVII гл. Ул.) постановлено: „А будетъ послѣ котораго умершаго останется купленная вотчина, а родовыя и выслуженныя вотчины и помѣстья не останется, да послѣ тогоже умершаго останется другая или третья жена, да дѣти, которыхъ онъ приживетъ съ первою, или другою или съ третьею женою, и тѣмъ его дѣтемъ, которыхъ онъ приживетъ съ первою, или съ другою или съ третьею женою, опричь купленныя вотчины, помѣстья дать будетъ нечего: и купленная вочтина дати женѣ и дѣтемъ его всѣмъ, раздѣля по жеребьямъ, поскольку на жеребей достанется". Что за смыслъ этого закона? Зачѣмъ это, повидимому, ненужное многословіе о 1-й, 2-й и 3-й женѣ и дѣтяхъ отъ нихъ? Само собою разумѣется, что единокровныя дѣти всѣ призываются къ наслѣдованію. По поводу наслѣдованія въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ законъ не говоритъ ничего подобнаго. Предоставляя другимъ изыскивать какія угодно объясненія, мы предполагаемъ слѣдующее, единственно-возможное. Законъ, признавая купленныя вотчины собственностью жены (а при дѣтяхъ—и дѣтей, какъ скажемъ сейчасъ), натолкнулся на такое затрудненіе: ну а если умершій былъ женатъ нѣсколько разъ, а вотчина, конечно, куплена при одной изъ нихъ, то дѣти какой изъ этихъ женъ могутъ участвовать въ правахъ на купленную вотчину? Возможно предположить, что право это будетъ принадлежать дѣтямъ только той жены, при которой состоялась купля, или, наоборотъ, только дѣтямъ послѣдней жены.

Несомнѣнно, что, по обычному праву, купленныя вотчины принадлежатъ той женѣ, при которой совершалась купля, а равн. обр. и наслѣдовали это имущество только ея дѣти. Законъ Уложенія составляетъ лишь исключеніе изъ этого правила, вызванное тѣмъ особеннымъ обстоятельствомъ, что, кромѣ купленныхъ вотчинъ, умершій не оставилъ никакого другого имущества, которымъ можно было бы обезпечить дѣтей отъ прочихъ женъ. Въ доказательство этого можно сослаться на такіе факты, въ

которыхъ разсматриваются сложные вопросы о правахъ наслѣдства вдовы и другихъ преемниковъ. Напр., въ 1692 г. сложное дѣло Барятинскихъ, между прочимъ, вызвало слѣд. рѣшеніе царя и Думы: „князь Яковлевой женѣ Борятинской вдовѣ княжнѣ Аксиньѣ исъ помѣстья мужа еѣ дать на прожитокъ по Уложенью и по справкѣ съ помѣстнымъ приказомъ противъ еѣ сестръ съ окладу мужа еѣ и съ придачами, которые придачи мужу еѣ довелося справить съ 1000 чет.—200 четв. да купленые мужа еѣ *вотчины, которые мужъ ея купилъ при ней*“ („Сотницы“ и пр. С. Шумакова. М. 1904 г., стр. 136). Так. обр. законъ Уложенія (какъ и всѣ послѣдующіе законы его о томъ же) есть исключеніе, но исключеніе, подтверждающее общее правило.

Такъ стоитъ дѣло относительно жены при повторительныхъ бракахъ. Относительно второго (или 3-го) мужа вопросъ уясняется слѣд. примѣрами. Въ 1613 г. торговый человѣкъ съ Лубяницы (Новгорода В.) Вас. Афан. Вышеславцевъ „продалъ Михаилу Исакову сыну Суконнику съ Нутной въ саду на Городищѣ и въ вогородѣ, въ конюшемъ мѣстѣ и въ полоскѣ *свою и жены своей* Катерины треть.., А та была треть садку и огороду и полоска *за Плакушою-Яблоникомъ, прежнимъ мужомъ жоны своей. А взялъ есмя Василей съ своею женою Катериною* у Михайла за тое треть садку и за огородъ и за полоску за свою треть денегъ пятнадцать рублевъ Московскую. А нѣтъ *у насъ* тое трети... ни у кого въ закладѣ... А кто выищетца на тотъ садокъ... съ какою крѣпостью ни буди, или наши сродники *мои Васильевы и жены моей* учнуть у Михайла въ тотъ садокъ... вступатца, и намъ мнѣ Василью та своя треть... очищати“ (Ак., отн. до юр. б., № 148, XIV). Итакъ, продавецъ, называя имущество своимъ и женинымъ, указываетъ и основаніе своихъ правъ на продаваемое имущество, а именно оно принадлежало первому мужу жены продавца—нѣкоему Плакушѣ.

Полагаемъ, что второй мужъ ео ipso вступаетъ въ имущественныя права перваго мужа. Положеніе мужа, какъ главы семьи, существенно измѣняетъ дѣло, т. е. тотъ порядокъ, который мы наблюдали въ отношеніе къ женѣ. Для подтвержденія приведемъ еще одинъ актъ.

Въ 1668 г. дек. 1 состоялась продажа вотчины отъ Петра Аврамова Лопухина Давыду Исакову Племянникову и женѣ его и дѣтямъ. Покупщикъ вскорѣ умеръ, не успѣвши укрѣпить куплю въ приказѣ, а жена его вторично вышла замужъ за стольника Микиту Иванова Акинфова. Этотъ второй мужъ явился въ 1672 г. въ Помѣстный приказъ и предъявилъ упомянутую купчую для утвержденія. Но за кѣмъ же утверждается купленная вотчина, когда покупщика уже нѣтъ на свѣтѣ? Надо было ожидать, что за наслѣдниками покупщика или за вдовою его (по приведенной выше буквѣ Уложенія ц. А. М.). Къ величайшему удивленію, въ Приказѣ помѣчено: и *по сей купчей* та вотчина, въ Помѣстномъ приказѣ *за нимъ Микитою* въ записные вотчинные книги записана и пошлины... взяты“ (Ак., отн. до юр. б., 147, XXVIII), т. е. вотчина, купленная первымъ мужемъ, записывается за вторымъ безо воякихъ какихъ-либо новыхъ

актовъ передачи, а по той же первой купчей. Помѣстный приказъ не возбудилъ никакихъ вопросовъ и сомнѣній. По какому же основанію права перваго мужа переходятъ на второго? Очевидно, куплинная вотчина, по смерти мужа, ео ipso принадлежитъ вдовѣ; а такъ какъ у вдовы явился второй мужъ, то на него и простирается общность правъ супруговъ на благопріобрѣтенныя имущества.

И это не единственное исключеніе въ пользу правъ мужа: первый мужъ можетъ распорядиться, что выходъ вдовы во 2-й бракъ сокращаетъ право жены на благопріобрѣтенныя имущества, право мужа въ этомъ отношеніи имѣетъ нѣкоторыя основанія, ибо купленная вотчина принадлежитъ и ему столько же, какъ и женѣ. Поэтому понятіе о купленной вотчинѣ, какъ общемъ имуществѣ супруговъ при жизни ихъ, не стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ постановленіемъ Уложенія (XVII, 7), что мужъ можетъ завѣщать купленную вотчину женѣ въ пожизненное владѣніе или до вступленія въ монашество; право же собственности на нее передать родственникамъ своимъ. Но Ул. идетъ далѣе въ своихъ новшествахъ и постановляетъ, что мужъ можетъ отстранить въ своемъ завѣщаніи бездѣтную жену отъ права на купленныя вотчины въ случаѣ выхода ея во 2-й бракъ. Все это, однако, касается судьбы купленныхъ вотчинъ *по разрушеніи брака*, если есть на лицо *воля умершаго супруга*. Законъ же и по прекращеніи брака стоитъ безусловно на принципѣ усвоенія купленной вотчины женѣ, практика (обычай) распространяетъ бывшую общность правъ на второго мужа, какъ показываютъ приведенные сейчасъ примѣры.

Самъ законъ дѣлаетъ еще одно отступленіе отъ начала усвоенія вдовою купленныхъ вотчинъ, а именно по отношенію къ вотчинамъ, купленнымъ мужемъ *изъ своихъ же помѣстій;* въ такомъ случаѣ женѣ, по смерти мужа, принадлежитъ лишь право владѣнія пожизненнаго или до выхода во 2-й бракъ, или до постриженія (XVII, 8). И это вполнѣ понятно, ибо куплею помѣстій вообще не достигались права собственности: и боковые родственники умершаго покупщика не пользуются правами наслѣдованія на такія вотчины; онѣ только *могутъ* быть даны имъ государемъ: *„кому государь укажетъ по разсмотрѣнію“*.

Наконецъ, есть еще *мнимый* случай исключенія вдовы отъ правъ на купленныя вотчины, а именно когда мужъ купилъ вотчину родовую или выслуженную у родственниковъ своихъ (ibid.). Какъ извѣстно, купля родовыхъ имуществъ (и сравненныхъ съ ними выслуженныхъ) у родственниковъ не создавала понятія благопріобрѣтеннаго имущества („купли“): вотчина оставалась *родовою*. Словомъ, это не „купленныя вотчины“.

II. Общія имущества родителей и дѣтей.

Для правильнаго разрѣшенія вопроса о принадлежности имуществъ родителямъ и дѣтямъ вмѣстѣ, мы можемъ воспользоваться только сдѣлками объ отчужденіи имуществъ. Въ текстѣ книги была указана ошибоч-

ность мнѣнія Неволина, который отчужденіе имуществъ (а равно и пріобрѣтеніе ихъ) отъ имени отца или матери и ихъ дѣтей считаетъ формою, скрывающею другое содержаніе, т. е. обозначеніе перехода имуществъ въ собственность. Такъ какъ иногда встрѣчаются акты отчужденія отъ имени одного отца, то нѣкоторые видятъ въ этомъ основаніе придерживаться стараго мнѣнія Неволина (см. В. И. Сергѣевича: „Лекціи и изслѣдованія", 1899 г., стр. 389). Само собою разумѣется, что исключеніемъ изъ нашего вывода не могутъ быть признаны случаи неимѣнія дѣтей или наличность малолѣтнихъ дѣтей. Сверхъ того завѣдованіе имуществами, при общихъ правахъ собственности на нихъ, разумѣется, принадлежитъ домовладыкѣ; однако, и при этомъ взрослый сынъ замѣняетъ въ сдѣлкахъ отца безъ особой легитимаціи; а при полной дряхлости отца и всѣ права завѣдованія имуществомъ могутъ перейти къ сыну (см. выше объ избраніи большака изъ сыновей при живомъ отцѣ).

За этими оговорками значеніе актовъ отчужденія отъ имени отца и дѣтей остается въ полной силѣ. Мы можемъ лишь поставить въ ясность показанія актовъ, приведя большее количество примѣровъ, которые должны быть извѣстны изслѣдователямъ, но на истинный смыслъ которыхъ мало обращается вниманія. Такъ, въ XV в. не только сдѣлка купли-продажи, но и отводъ купленной вотчины совершается отъ имени продавцовъ—родителей и дѣтей:

„Се язъ Некидко, Ефросиньинъ ключникъ Ивановой жены Андрѣевича, въ государыни своей мѣсто въ Ефросиньино да въ сына еѣ мѣсто, въ Генадьево, отвелъ есмь село Спаское игумину Леонтью митрополичю земли и воды, и селище и пустоши..." (1453 г. Ак., отн. до юр. б., 147, 1). Эквивалентъ за продажное имущество получаютъ какъ родители, такъ и дѣти: „Се язъ митрополичь дворецкой Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Сурминъ купилъ есмь въ домъ преч. Богородицы..., у Ивана у Близнеца, у Иванова сына у Ларіонова и его дѣтей у Кости у Ширяя, да у Матѳѣя ихъ отчину деревню Усохи... А далъ есмь имъ на той деревнѣ... тридцать рублевъ, да овцу пополнка. А купилъ есмь у нихъ ту деревню и селищо въ прокъ безъ выкупа..." (1506—1509 г. ibid. VI). Дѣти даютъ позволеніе отцу на продажу вотчины: „Се язъ Ѳеодоръ Никитичъ Бутурлинъ купилъ есмь у Игнатья у Михаилова сына у Чертова, да у его дѣтей—у Степана да у Михаила ихъ вотчину село Хлябово..." (ок. 1511 г. ibid. VIII); къ этой купчей слѣдуетъ приписка: „Се азъ Донило Клобуковъ что купилъ Ѳедоръ Бутурлинъ у Игнатья у Чертова, у *моего тестя*, село Хлябово, и тому *селу Хлябову жена моя и дѣти мои отчичи*, и мы то село Ѳеодору ослободили купити, а намъ до того села дѣла нѣтъ". Дочь, при братьяхъ и притомъ вышедшая замужъ, тѣмъ не менѣе считаетъ себя отчичкой. Смыслъ общности имуществъ въ особенности ясенъ, когда дѣло идетъ о матери и ея дѣтяхъ: „Се язъ Русинъ Ѳеодоровъ сынъ Ѳомичя купилъ есмь въ домъ преч. Богородицы... у Онтониды у Порошинскіе жены Елдегина и у еѣ дѣтей: у Ивана у Сувора да у Аѳанасья у Буруна, да у Григорья у Мосла, да у Фрола, да у Герасима

у Шестака, да у Ѳеодора ихъ вотчину треть сельца Степановскаго Елдегина...“ (1526 г. ib. XVI).—„Се язъ Русинъ Ѳеодоровичъ купилъ есмь въ домъ пречист. Богородицы... у Ѳеодосіи у Остафьевны дочери Глѣбова у Мясоѣдовскіе жены Шумова сына Елдегина и у еѣ дѣтей: у Еремѣя у перваго да у Степана, да у Лаврентіа у Третьяка ихъ отчину деревеньку Жабинскую, чѣмъ еѣ благословилъ мужъ еѣ Мясоѣдъ Шумовъ сынъ Елдегина и своихъ дѣтей опослѣ своего живота...“ (1526; ib. XIX). Так. обр. вотчина послѣ смерти мужа переходитъ въ общую собственность жены и дѣтей. Покупщики называютъ купленную ими вотчину общею вотчиною продавца—отца и его дѣтей (1525—1526). „Се язъ архимандритъ Гирасимъ Пречистыя Симанова монастыря... купили есмя въ Пречистыя домъ у Матѳея у Тимоѳеева сына Воеводина да у его дѣтей, у Василья, да у Гаврила, Ѳедора, да у Коняя, да у Петруши, да у Ѳедора, да у Микулы *ихъ вотчину*, деревню Овсяниково“ (Углицк. акты, стр. 102; см. также Ак., отн. до юрид. быта, 147, XX, XXII и др.).

Прямое выраженіе участія сыновей въ сдѣлкахъ по недвижимымъ имуществамъ неоднократно и непререкаемо является въ актахъ. Въ 1509 г мѣнялись землями митрополитъ и Климентей Аѳанасьевъ Тутолминъ съ своими дѣтьми—съ Микитою да съ Алексѣемъ Скрябою да съ Иваномъ Образцомъ да съ Тимоѳѣемъ; митрополичій волостель вымѣнялъ митрополиту у Климентея и у его дѣтей ихъ отчину—дюрезню Ивакино на рѣкѣ на Мал. Киржачѣ; а промѣнялъ Климентію и его дѣтямъ деревню Зубцово—митрополичью домовую: „А язъ Климентей съ своими дѣтми промѣняли есмя свою отчину, а приняли есмя къ той деревнѣ къ Зубцову пятдесятъ рублевъ“. Затѣмъ, за послухами слѣдуетъ подпись: „По сей мѣновой грамотѣ *язъ Никита съ своимъ отцомъ съ Климентьемъ и съ своею братьею* съ митрополичимъ... волостелемъ... землями мѣняли и деньги приняли пятдесятъ рублевъ къ своей деревнѣ къ Ивакину по тому, какъ въ сей въ мѣновой грамотѣ писано, а подписалъ язъ Никита на сей грамотѣ своею рукою“ (Ак., относ. до юр. быта, № 156, XVI). Реальное участіе дѣтей доказывается также слѣд. актами: „Се язъ Михайло Колупаевъ сынъ Приклонскаго купилъ есми у Самойла у Ѳедорова сына Кутарина, да у его жены у Марьи у Баташевы дочери Лопатина, да у ихъ сына у Евсѣвья ихъ отчину... деревню Брудецъ... А далъ есми Самойлу, да его женѣ Марьѣ, да ихъ сыну Евсевью къ той деревнѣ... сто рублевъ и полсемидесятъ рублевъ... А у меня у Самойла и у моей жены у Марьи и у сына нашего у Евсѣвья та отчина не продана, ни промѣнена... А гдѣ на ту деревню... явится купчая или мѣновная... и намъ Самойлу и женѣ моей и сыну нашему Овсѣвью ту деревню... очищати... А что Михайлу въ той деревнѣ и въ лугу учинится убытка, и намъ Самойлу, и моей женѣ и нашему сыну тѣ убытки Михайлу и его дѣтемъ платить всѣ сполна; *а кой насъ продавцовъ, въ лицахъ, на томъ убытки и очищенье*“ (1560—1561: ibid. XXII). На оборотѣ купчей написано:... „къ сей купчей язъ Самойло руку приложилъ *и въ жены своее и въ сына своего мѣсто*“. „Се

азъ Иванъ Степановъ сынъ Урусовъ съ сыномъ своимъ Иваномъ продали есми въ прокъ... въ домъ преч. Богородицы... вотчину свою купленную... селцо Степановское... А взяли мы я Иванъ Урусовъ съ сыномъ своимъ Иваномъ за ту свою вотчину... двѣ тысячи рублевъ денегъ. А та наша вотчина... иному никому не продана... Отъ какихъ крѣпостей тоѣ своей вотчины не очистимъ, и на мнѣ Иванѣ и на сынѣ моемъ взяти... двѣ тысячи рублевъ"... А назади у подлинника купчей написано: „къ сей купчей Иванъ Урусовъ вотчину свою продалъ и деньги всѣ сполна взялъ и руку приложилъ. *Къ сей купчей Иванъ Ивановъ сынъ вотчину свою продалъ и руку приложилъ*" (1643; ib. XXVI). Въ первомъ случаѣ отецъ заключаетъ сдѣлку за себя и за сына; во второмъ—оба покупщика, отецъ и сынъ, расписываются каждый за себя. Такое же значеніе имѣютъ и слѣд. акты. Въ дѣлѣ Шарапа Баскакова съ Троицкимъ Махрищскимъ монастыремъ 1534 г. приведена между прочимъ закладная кабала упомянутаго Шарапа 1522 г. такого рода: „Се язъ Микита Шарапъ Семеновъ сынъ Гаврилова съ своими дѣтми, съ Иваномъ да съ Мишею, заняли есмя у Троицкаго у Махарищъскаго монастыря у казначея у Осафа монастырскихъ денегъ казенныхъ сорокъ рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ отъ Петрова заговѣнья до Рождества Христова, а ростъ нашъ ему дати по розчету какъ идетъ въ людехъ на пять шестой; а поляжетъ сребро по сроцѣ, и намъ ему дати ростъ по томужъ розчету: а въ сребрѣ есмя и въ росту всѣ три—одинъ человѣкъ; кой насъ въ лицахъ, на томъ сребро и ростъ. А въ томъ есми серебрѣ и въ росту заложили свое селцо Полосино да деревню Глинково со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селцу и къ деревнѣ истари потягло... А опричь мнѣ Микитѣ и моимъ дѣтемъ игумена Іоны съ братьею, будетъ намъ не до земли, и намъ не продати, ни заложити никому, ни по душѣ не дати, никоротою хитростію не ухитрити. А не заплачю язъ Микита денегъ на срокъ и мои дѣти, и—но ся кабала и купчая грамота" (Акты, относ. до юридич. быта, № 52, IV). Если признать солидарность обязательства результатомъ добровольнаго соглашенія, то общность вещныхъ правъ отца и дѣтей остается внѣ всякаго сомнѣнія: всѣ они вмѣстѣ закладываютъ одно общее имущество.—„Се язъ Савелей Сергѣевъ сынъ Колачникъ углечанинъ посадскій человѣкъ, да съ своими дѣтми съ Ѳедоромъ, да съ Петромъ, да съ Терентьемъ, дали есми въ домъ Пречистой Вогородицы и преподобному чюдотворному Кирилу Бѣлозерскому... дворъ свой на посадѣ". По формулѣ Неволина участіе дѣтей дарителя есть фикція тѣмъ болѣе, что даритель говоритъ далѣе отъ своего единичнаго лица: „далъ есми". Но на оборотѣ дарственной есть подписи, а именно первая слѣдующая: „священникъ Карпъ къ сей даной въ дѣтей своихъ мѣсто духовныхъ Савелья Сергѣева сына *и его дѣтей Ѳедора, да Петра, да Терентія руку приложилъ*". Это уже не фикція, а участіе живыхъ людей въ сдѣлкѣ. Актъ датируется 1568—9 годомъ; вотъ другой актъ—около того же времени (1576): „Се язъ Ѳедоръ Григорьевъ сынъ Юхнова съ своими дѣтми съ Уракомъ, а молитвенное имя Ѳедоръ, да съ Яковомъ дали есмя въ домъ Живона-

чальной Тройцѣ... вотчину свою старинную въ Угличскомъ уѣздѣ... А похочетъ *который насъ* постричись, и имъ пожаловати насъ постричи... А Богъ *насъ* пошлетъ по душѣ, и *насъ* положити у Живоначальные Троицы... и написати *насъ* въ вѣчной сенаникъ. А будетъ намъ, мнѣ Ѳедору и моимъ дѣтемъ Ураку да Якову и женамъ ихъ и дѣтемъ *до тоѣ вотчины дѣло*, и намъ дати... за тою вотчину сто рублевъ денегъ, чѣмъ душа наша поминати. А тою вотчиною *намъ владати по старинѣ*". На оборотѣ подписи: „къ сей даной язъ Уракъ въ оца своего мѣсто Ѳедорово *и въ свое* руку приложилъ. Къ сей даной язъ Яковъ руку приложилъ". Здѣсь нѣтъ признаковъ фикціи даже во внѣшнихъ формахъ выраженій: всѣ трое являются совладѣльцами вотчины и отчуждаютъ ее всѣ, распространяя право семейной общности на женъ и дѣтей своихъ (непоименованныхъ. С. Шумакова; „Угличскіе акты" № XXXVII и XL). Если пойдемъ въ глубь старины, то найдемъ, что тамъ черты семейной (и родовой) общности правъ на имущества еще яснѣе, тверже и обширнѣе: напр., въ купчей 1520 г. читаемъ: „Се язъ Иванъ Осюнинъ сынъ Сущова, да язъ Иванъ Ортемьевъ сынъ Сющова купили есми у братьи и у своихъ племянниковъ: у Остафія у Осюнина сына, *да у его дѣтей—у Ивана, да у Якова*, да у Левонтѣя у Осюнина сына *да у его сына у Давыдова* да у Нѣчая, у Онцифора у Степанова сына, да у Микиты у Ортемьева сына у Сущовыхъ, ихъ выти деревню Митяево да Деревню Козлино". Среди подписей послуховъ находимъ слѣд. подпись продавца: „По сей купъчой грамотѣ *язъ Иванъ (съ) своимъ отцомъ* и своими дядьями и *своею братьею землю продалъ* и руку свою приложилъ" (ibid. № LIII.). Если бы человѣкъ, напитанный индивидуалистическими понятіями нынѣшняго вещнаго права, возразилъ, что продавецъ дѣйствуетъ, какъ повѣренный, то довѣряющими являются не только отецъ его, но и „братья" (родной и двоюродные), т. е. также сыновья при отцахъ. Въ Акт. изд. Ѳеготовылъ-Чеховскимъ (№ 10), находимъ судебное дѣло, въ которомъ отвѣтчикомъ является „Гридка Афонасьевъ и въ отца своего мѣсто; онъ заявляетъ, что истецъ Ушакъ, намѣревавшійся искать земли и поженъ „на моемъ отци... да и на мнѣ, на Гридкѣ, не явился къ суду". „А то, господине (говоритъ отвѣтчикъ), земли отца моего Офонасьева, да и мои". Князь „присудилъ тѣ земли и пожни Офонасью и его сыну Гридѣ и велѣлъ дати Гридѣ и его отцу Офонасью грамоту правую безсудную". Представляемые примѣры беремъ не по выбору изъ многочисленныхъ нынѣ изданій актовъ, а изъ перваго подручнаго собранія ихъ и могли бы увеличить ихъ ad libitum. Но полагаемъ, что для безпристрастнаго наблюдателя ихъ достаточно: дѣло не въ количествѣ, а въ смыслѣ ихъ. Думаемъ, что, если бы Неволину можно было располагать такими же матеріалами, какими обладаемъ мы нынѣ, то и онъ, несмотря на свое постоянное подчиненіе понятіямъ дѣйствующ го Свода, не рѣшился бы настаивать на своей теоріи.

Само собою разумѣется, что общность вещныхъ правъ родителей и дѣтей имѣетъ, подобно общности супружескихъ имуществ. правъ, свои предѣлы. Обозначимъ одинъ изъ нихъ: отецъ при жизни своей допускаетъ

выдѣлъ дѣтей и беретъ часть на прожитокъ; этою частію онъ распоряжается одинъ; отсюда является рядъ такихъ актовъ, въ которыхъ отецъ, отчуждая вотчину, между прочимъ гарантируетъ неприкосновенность сдѣлки *и отъ дѣтей своихъ*. Другой случай: взрослый сынъ получаетъ при жизни отца помѣстье въ отводъ и тамъ заводитъ свое отдѣльное хозяйство, между тѣмъ родовыя вотчины остаются подъ управленіемъ отца; возникаютъ отдѣльныя имущества у невыдѣленнаго сына и отдѣльныя сдѣлки обѣихъ сторонъ. Вопросъ, могъ ли неотдѣленный сынъ имѣть собственное имущество, разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ уже съ древнихъ временъ: такъ, имущество умершей матери, уже по Рус. Правдѣ, принадлежитъ дѣтямъ, хотя и состоитъ въ управленіи вдоваго отца. Кромѣ наслѣдства, дѣти могли получить со стороны спеціальный даръ. Но другихъ источниковъ пріобрѣтенія особеннаго имущества неотдѣленными дѣтьми предположить нельзя: все пріобрѣтаемое дѣтьми путемъ возмездныхъ сдѣлокъ и труда составляло общую семейную собственность (Неволинъ, предполагая съ древнѣйшихъ временъ безусловно право и отдѣленныхъ и не отдѣленныхъ дѣтей на отдѣльную собственность, между прочимъ говоритъ: „между родителями и дѣтьми могли быть и тяжбы объ имуществѣ“, и ссылается на выраженіе устава Владиміра: „братья или дѣти тяжются о задницю“. Но это выраженіе означаетъ: братья или дѣти *умершаго* будутъ тягаться о наслѣдствѣ между собою.

Подобно тому, какъ общность имущественныхъ правъ супруговъ постепенно разрушается въ XVII в., и общность правъ родителей и дѣтей ослабляется законами 80-хъ годовъ этого вѣка (см. текстъ). Но мы говоримъ „ослабляется“, ибо разрушить столь прочное, вѣковое созданіе народнаго обычнаго права было нелегко. Поэтому оно совершенно ясно выступаетъ даже въ самомъ концѣ XVII вѣка, особенно, когда рѣчь идетъ о правахъ вдовы-матери и ея дѣтей. Приведемъ примѣръ: „Се язъ вдова Огрофѣна Прокоѳьева дочь Яковлева жена Вельяшева зъ дѣтми своими съ Иваномъ болшимъ, да съ Иваномъ меншимъ Яковлевымъ дѣтьми Вельяшева..., что примѣняла я Ографѣна съ дѣтми своими игумену Іонѣ съ братіею... изъ помѣстья своего въ Угличскомъ уѣздѣ... пустошь Шишкино... а противъ того вымѣнила я вдова Огрофѣна съ дѣтми своими у него игумена Іоны... изъ монастыръской ихъ вотчины въ пустоши Терениніъ четверикъ пашни... И къ допросу стать сыну моему Ивану большому въ помѣстномъ приказѣ, а мнѣ, Ограѳенѣ съ сыномъ же своимъ Иваномъ же меншимъ, къ допросу стать на Углечѣ... И впредь мнѣ... и дѣтямъ моимъ и женамъ ихъ и дѣтямъ до той *нашей* промѣнной пустоши... дѣла нѣтъ и тою промѣною пустошью *намъ не владѣть*. А буде мы..., хотя въ маломъ въ чемъ не устоимъ, и на мнѣ, вдовѣ Ограѳенѣ, и на дѣтяхъ моихъ.. и на женахъ ихъ и на дѣтяхъ взять... за неустойку 100 рублей денегъ“. На оборотѣ подписи такія: „Къ сей мѣновной записи села Воскресенскаго Воскресенъской попъ Діомидъ Ивановъ вмѣсто дочери своей духовной — вдовы Агрепѣны Прокопьевы дочери Яковлевскіе жены Вельяшева, по (ея) велѣнью, руку приложилъ. Къ

сей мѣновой записи Алексѣй Баранчеевъ вмѣсто Ивана большево да Ивана меньшево Вельяшева, по ихъ велѣнью, руку приложилъ" (С. А. Шумакова: „Углич. акты" № LXXVIII, 1692 г. надо читать 7200: см. актъ 97). Кто же былъ собственникомъ имѣнія: вдова, или два ея сына? Если вдова, то зачѣмъ сыновья не только участвуютъ въ сдѣлкѣ, но дѣйствуютъ отъ своего лица при ея подписи и утвержденіи? Лишь тогда, когда наступаетъ семейный раздѣлъ, члены семьи получаютъ личныя права на части общаго имущества (см. ibid. № XCVII, о тѣхъ же лицахъ). Отцы семействъ въ концѣ XVII в. пишутъ уже всегда только отъ своего лица.

Одно послѣднее замѣчаніе: зачѣмъ мы настаиваемъ такъ на возстановленіи отжившихъ порядковъ общесемейныхъ институтовъ, столь далекихъ отъ нынѣ дѣйствующаго права? Разумѣется, они и сами по себѣ дороги для насъ, какъ историческая истина. Но отжили ли они? Несравненно большая масса жителей Россіи и теперь подчиняется не началамъ Свода, а тѣмъ нормамъ, которыя мы иногда отказываемся допустить даже въ сѣдой старинѣ. Эти „древности права" суть весьма живая новость. Быть можетъ, онѣ заключаютъ въ себѣ какія-нибудь достоинства, кромѣ своей долговѣчности; но если научное правовѣдѣніе будетъ ихъ игнорировать, то практика подавно обречетъ ихъ на гибель.

III. Родовыя имущества.

Заканчивая рѣчь объ общесемейныхъ имуществахъ, считаемъ не лишнимъ дополнить сказанное въ нашей книгѣ *о родовыхъ имуществахъ*, въ частности о происхожденіи права родового выкупа. Мы знаемъ, что существуютъ мнѣнія о причинахъ возникновенія выкупа родовыхъ имуществъ, не имѣющихъ ничего общаго съ правомъ родового совладѣнія. Въ виду этого очень важно имѣть въ виду случаи присужденія права выкупа до изданія извѣстнаго закона о томъ въ Судебникѣ царскомъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ, опубликованный давно, не обращаетъ на себя вниманія изслѣдователей: мы говоримъ о тяжебномъ дѣлѣ 1534 года, напечатанномъ въ „Акт., относ. до юрид. быта" (№ 52, IV). Въ дѣло между Шарапомъ и Махрищскимъ монастыремъ въ качествѣ третьяго лица вступилъ братъ Шарапа Левонтій и заявилъ слѣд.: „продалъ, господине, нашъ братъ Шарапъ матери нашей Анны куплю селцо Полосино и деревню Гликово, а то *вотчина* наша, а братъ, господине, мой продаетъ *безъ моего вѣдома*, и язъ, господине, то селцо и деревню выкуплю, а вели, господине, въ денгахъ срокъ дать". На это истецъ, представитель монастыря, возразилъ, что въ купчей кабалѣ при продажѣ вотчинъ братъ Шарапа Левонтій *написанъ въ послухахъ*. Но самъ продавецъ заявилъ: „язъ, господине, брата своего писалъ за очи". И князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ недѣлщику... „на Левонтіи перевести по записи сто двадцать рублевъ, да и за пополонокъ за шубу за кунью пять рублевъ, да и ростъ на тѣ денги на два года доправити, а селцо Полосино и Гликово отдати Левонтью". Такимъ образомъ право на выкупъ получаетъ

братъ продавца потому, что „вотчина наша“, т. е. принадлежитъ роду; право это онъ могъ потерять, если бы подписался на купчей въ послухахъ. Слѣдов., всѣ существенныя постановленія Судебника цар. исполнялись задолго до изданія этого Судебника. Сверхъ того, существовало правило, что продающій родовую вотчину обязанъ до продажи заявить о томъ родственникамъ.

II.

Происхожденіе древне-русскаго общиннаго землевладѣнія.

Существованіе общиннаго землевладѣнія въ Московской Руси XIV—XVII вв. не подвергается сомнѣнію никѣмъ (или почти никѣмъ).

Почти единогласное мнѣніе господствуетъ и по вопросамъ о древнѣйшемъ доисторическомъ бытіи общинъ (родовыхъ или территоріальныхъ): его признавали какъ Б. Н. Чичеринъ и С. М. Соловьевъ, такъ и И. Д. Бѣляевъ, ровно какъ признаютъ и современные намъ изслѣдователи общиннаго начала. Изъ этого согласнаго признанія выдѣляется В. И. Сергѣевичъ.

Затѣмъ большое разногласіе существуетъ по вопросу: связана ли община Московской эпохи генетически съ первобытною (родовою, или территоріальною)? Прежніе изслѣдователи раздѣлились по этому вопросу на два лагеря: Чичеринъ, Соловьевъ и г. Милюковъ отрицали эту связь; Бѣляевъ считалъ ее несомнѣнною. Новѣйшіе писатели дѣлаютъ опыты объяснить переходъ отъ родовыхъ общинъ къ территоріальнымъ, при помощи фактовъ XVI и XVII вв, и при содѣйствіи аналогіи явленій задруги у западныхъ славянъ. Пріемы, результаты и даже понятіе объ общинѣ при этомъ весьма розличествуетъ, но задача остается тою же.

Остановимся сначала на мнѣніи, отрицающемъ вообще древнѣйшее бытіе общиннаго землевладѣнія. Проф. Сергѣевичъ утверждаетъ, что русская земельная община, извѣстная по актамъ XVI и XVII вв., происходитъ не изъ мнимой первобытной общины (которой не существовало): она является въ концѣ XV в. вслѣдствіе конфискаціи земель в. кн. Иваномъ Васильевичемъ; эти зели, отнятыя у прежнихъ владѣльцевъ-бояръ новгородскихъ, переданы во владѣніе крестьянамъ, у которыхъ потомъ утвердилось общинное право. Такой выводъ полученъ уважаемымъ ученымъ изъ изученія имъ односторонняго матеріала, именно новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Оказывается, что до отнятія земель у новгородскихъ бояръ и монастырей никакихъ общинныхъ порядковъ на земляхъ В. Новгорода отыскать нельзя: эти земли принадлежали частнымъ владѣльцамъ—вотчинникамъ, а отнюдь не крестьянамъ или ихъ общинамъ. Вотъ подлинныя слова В. И. Сергѣевича: „Изученіе писцовыхъ новгородскихъ книгъ дѣлаетъ совершенно яснымъ отсутствіе у насъ въ древности земельной собственности крестьянскихъ общинъ; *все крестьянское землевладѣніе возникло у насъ изъ земель, отписанныхъ на государя.* Всѣ конфи-

скованныя Иваномъ Васильевичемъ земли составляютъ *его собственность* и предоставляются имъ или въ условное владѣніе помѣщиковъ или въ оброчное владѣніе крестьянъ, которые и прежде сидѣли на нихъ по порядным, заключеннымъ съ прежними собственниками... Возникаетъ вопросъ, кому принадлежало это прекарное владѣніе: цѣлой общинѣ или отдѣльнымъ крестьянамъ? Даже это не было опредѣлено. По писцовымъ книгамъ отдѣльные участки показаны за отдѣльными крестьянами; они, надо полагать, и суть владѣльцы этихъ участковъ, а не община. Но въ *это же время впервые появляются и нѣкоторыя условія, при наличности которыхъ можетъ зародиться мысль о правахъ цѣлой общины на земли и воды царя и великаго князя...* Раскладки новаго оброка между отдѣльными членами становятся дѣломъ всѣхъ крестьянъ, т. е. общины, а вмѣстѣ съ этимъ должна зародиться и мысль, что земля— общинная. Что же касается *угодій*, принадлежащихъ прежнимъ господамъ, напр., озеръ, то они *прямо записываются* за всѣми крестьянами подлежащаго имѣнія" (Древности рус. права, т. 3. Спб. 1903 г., стр. 32—33).

Отдѣльныя положенія этой схемы происхожденія общиннаго землевладѣнія утверждаются и въ другихъ мѣстахъ книги того же автора. Такъ, разсматривая изслѣдованія г. Соколовскаго, проф. Сергѣевичъ (стр. 427—428 I. с.) говоритъ; „Г. Соколовскій составилъ прекрасную картину сельской общины въ XVI и XVII в... Крестьянскія общины распоряжаются своими землями, онѣ мѣняются, ихъ участки отдаютъ новымъ поселенцамъ, у нихъ есть общіе луга, лѣса, озера, онѣ защищаютъ свое владѣніе на судѣ и т. д.; все это вѣрно; но все это *со вчерашняго дня и на земляхъ, которыя составляли частную собственность* новгородскихъ бояръ и бояришекъ, а Иваномъ Васильевичемъ оставлены за крестьянами. Г-ну же Соколовскому все это представляется стародавнимъ исконнымъ явленіемъ".

Однако, при этомъ возникаетъ цѣлый рядъ недоумѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя разрѣшаются на страницахъ той же книги. Такъ, само собою разумѣется, что частный фактъ конфискаціи новгородскихъ земель никакъ нельзя поставить исходнымъ пунктомъ общиннаго землевладѣнія цѣлой Россіи. Общины существовали въ XIV, XV и XVI вв. не только на земляхъ, нѣкогда принадлежащихъ В. Новгороду и его боярамъ (и конфискованныхъ Иваномъ III), но повсемѣстно, между прочимъ на коренныхъ владѣніяхъ дома Калиты. Это и признаетъ потомъ В. И. Сергѣевичъ, а так. обр. фактъ конфискаціи Иваномъ III-мъ новгородскихъ земель имѣетъ лишь значеніе примѣра явленій, могущихъ быть вездѣ и всегда.

Далѣе, общинное землевладѣніе, по словамъ самого проф. Сергѣевича, возникаетъ не только вслѣдствіе конфискаціи, но и на всѣхъ земляхъ, принадлежащихъ великому князю Московскому (прибавимъ— и другимъ князьямъ), какимъ бы путемъ эти земли ни были пріобрѣтены князьями, какъ-то: куплею, дарственными и завѣщательными актами. Если такъ, то образованіе общиннаго землевладѣнія совсѣмъ становится въ сторонѣ отъ явленій захвата земель Иваномъ III-мъ или кѣмъ-либо другимъ. Наконецъ,

если общинное землевладѣніе возникаетъ независимо отъ погрома В. Новгорода Иваномъ III на всякихъ земляхъ великихъ князей, то становится очевиднымъ, что этотъ видъ землевладѣнія могъ появиться съ незапамятныхъ временъ, т. е. съ тѣхъ временъ, когда князья начали пріобрѣтать земли, а не *„со вчерашняго дня“*. Это также признаетъ В. И. Сергѣевичъ. „Какъ бы ни возникла частная собственность (великихъ князей), путемъ купель или конфискаціи, если только она не отдавалась служилымъ людямъ, она предоставлялась въ оброчное пользованіе крестьянъ и на ней возникло владѣніе крестьянскихъ общинъ, о которомъ крестьяне выражались такъ: земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія. Первые такіе опыты могли возникнуть *въ концѣ XIV в.*“ (ibid. стр. 423): это уже не „со вчерашняго дня“. Но почему именно съ конца XIV в.? Что произошло новаго въ концѣ этого вѣка? Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ уже о *половинѣ XIV в.*: „Московскіе государи съ пол. XIV в. вступаютъ на путь широкихъ земельныхъ пріобрѣтеній, они присоединяютъ къ Москвѣ села, и волости, и цѣлыя удѣлы и княженія, при чемъ земли опасныхъ и неугодныхъ имъ лицъ, конечно, конфискуются и передаются вѣрнымъ слугамъ или оставляются за крестьянами“.

Надо полагать, что нѣтъ причинъ отрицать возможность тѣхъ же явленій и ихъ послѣдствій и во времена болѣе древнія (XIII, XII вв.), хотя бы и въ меньшихъ размѣрахъ. Между тѣмъ проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ противоположный выводъ: „Древности до-Московскія и Московскія одинаково наши древности; но онѣ очень мало другъ на друга похожи. До Москвы *господствующій типъ землевладѣльца—своеземецъ-собственникъ*, въ Москвѣ господствующій типъ землевладѣнія—зависимый отъ правительства землевладѣлецъ. *На почвѣ конфискаціи* частной земельной собственности, произведенной въ громадныхъ размѣрахъ, возникаетъ какъ помѣстное владѣніе, такъ и *неизвѣстное древней Руси* землевладѣніе крестьянскихъ общинъ, которое, однако, *ежеминутно можетъ превратиться въ землевладѣніе служилыхъ*, а крестьяне-общинники изъ государевыхъ черносошныхъ людей стать крѣпостными (sic)“ (стр. 40). Съ этими положеніями трудно согласиться.

Почему князья земской (вѣчевой) Руси не могли сосредоточить массы земель въ своихъ рукахъ и потомъ передавать землю крестьянамъ на частномъ или общинномъ правѣ?

Потому, отвѣчаетъ В. И Сергѣевичъ (ibid. стр. 37), что, „при незначительности размѣровъ древнихъ княженій, приблизительномъ равенствѣ силъ противниковъ и необходимости при этихъ условіяхъ въ компромиссахъ, эти конфискаціи не могли достигать большихъ размѣровъ, а земли, такъ добытыя, предоставляться въ пользованіе крестьянъ. Хорошо, если ихъ было достаточно для нуждъ самого князя-побѣдителя и его ближайшихъ помощниковъ“. Здѣсь нашъ почтенный ученый опять говоритъ исключительно о конфискаціи и забываетъ о допущенныхъ имъ другихъ (мирныхъ) способахъ пріобрѣтенія имуществъ князьями. Но и конфискація въ земскій (вѣчевой) періодъ по временамъ производилась въ огромныхъ

размѣрахъ: такъ, всѣ сподвижники Кіевскаго князя, принужденнаго бѣжать на Волынь, лишились своихъ селъ и имѣній въ Кіевской землѣ; въ Галицкой землѣ единовременно избито князьями 500 бояръ и имущества ихъ конфискованы (см. выше 62); въ Ростовской землѣ побѣдитель Всеволодъ забралъ всѣ Ростовскія села боярскія (1177 г.; см. выше стр. 31).

Отрицая возможность широкаго примѣненія конфискаціи въ земскій (удѣльновѣчевой) періопъ, В. И. Сергѣевичъ утверждаетъ, что „въ Московскомъ государствѣ была произведена соціальная реформа великой важности, едва ли достаточно отмѣченная нашей исторіей: поземельная собственность изъ рукъ бояръ и боярышекъ перешла въ руки рабочаго населенія". Исторія не только не отмѣтила этого, но единодушно свидѣтельствуетъ, что въ Московскомъ государствѣ огромный запасъ черныхъ земель перешелъ въ руки бояръ и дѣтей боярскихъ, въ силу чего народное ополченіе, преобладавшее въ вѣчевой періодъ, уступило мѣсто дворянской милиціи, пока эта послѣдняя въ свою очередь, не спасовала передъ солдатчиною.

Но возвратимся къ другимъ источникамъ княжеской собственности. Какъ въ I-й періодъ нашей исторіи, такъ и въ Московскомъ государствѣ личныя имущества князей (великихъ и другихъ) обыкновенно именуются „селами купленными"; отсюда заключаемъ, что главный способъ пріобрѣтенія земель князьями суть возмездныя и отчасти безвозмездныя частныя сдѣлки. Примѣровъ пріобрѣтенія земель древними князьями посредствомъ этихъ способовъ можно указать немало. Достаточно вспомнить, что вел. Новгородъ видѣлъ для себя великую опасность въ покупкахъ земель князьями на его территоріи и воспретилъ ее. Но можетъ быть въ исторіи общиннаго землевладѣнія совсѣмъ нѣтъ нужды говорить о личной собственности князей.

Общинное землавладѣніе существуетъ (какъ извѣстно) не на земляхъ, лично принадлежащихъ вел. князьямъ (и нисколько не связано съ такимъ характеромъ этихъ земель), а на земляхъ черныхъ; по установившемуся (и совершенно правильному) мнѣнію, черныя земли отличаются отъ частныхъ имуществъ велик. князя и т. н. дворцовыхъ. На первыхъ крестьяне (владѣльцы этихъ земель) управлялись государственными органами—волостелями и намѣстниками; напротивъ, населеніе дворцовыхъ вотчинъ управлялось посельскими и приказчиками; первые платили дань, вторые—оброкъ (частно-владѣльческую ренту); хотя впослѣдствіи, особенно со времени отмѣны намѣстничьяго кормленія, терминъ „оброкъ" началъ распространяться и на денежные платежи черносошныхъ крестьянъ, но указанныя различія дожили до конца Московскаго государства, когда дворцовыя имущества слились съ черными; впрочемъ тоже различіе явилось потомъ вновь подъ именемъ государственныхъ (казенныхъ) земель и удѣльныхъ. Въ духовныхъ грамотахъ князей XIV в. князья очень ясно различаютъ свои села, пріобрѣтенныя частными способами, отъ волостей, на которыя простираются ихъ права суда и дани. Волости, конечно, были населены крестьянами. Проф. Сергѣевичъ отвергаетъ установленное различіе безъ

достаточныхъ основаній, ссылаясь только на то, что в. князья распоряжались иногда черными землями, жалуя ихъ частнымъ лицамъ. Но вел. князья были государями, и самъ В. И. Сергѣевичъ убѣдительно доказываетъ, что у Московскихъ князей было и частное и государственное владѣніе (стр. 24), и что мнѣніе Кавелина о вотчинномъ характерѣ государства, какъ безразличіи частныхъ и государственныхъ правъ, неосновательно.

Поэтому нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что возникновеніе общиннаго землевладѣнія связано съ какими-либо новыми правами власти Московскихъ вел. князей, и противополагать древности до-Московскія Московскимъ; это было бы понятно съ точки зрѣнія Кавелина и его послѣдователей, а не съ точки зрѣнія проф. Сергѣевича.

Существуютъ ли, однако, государств. имущества въ древнѣйшій періодъ въ особенности тамъ, гдѣ верховная власть принадлежала не князьямъ, а вѣчу? В. И. Сергѣевичъ весьма убѣдительно доказываетъ, что государственныя имущества въ точномъ смыслѣ существуютъ съ самого начала государственной жизни какъ въ княжествахъ, такъ и въ республикахъ—Новгородской и Псковской. Мы прибавимъ, что эти имущества въ каждой землѣ были весьма обширны: это были не только дворцы и пр., но и цѣлыя волости: напр., въ Галицкой землѣ Коломыя и другія волости, которыя отдаваемы были мѣстнымъ боярамъ въ управленіе и въ пользованіе „оружникамъ“ (см. выше стр. 63—64).

Оставалось только идти дальше и признать, что и на Новгородской территоріи ничто не могло препятствовать образованію общиннаго землевладѣнія на государственныхъ земляхъ [1]). А это и есть подлинная и несомнѣнная среда образованія общиннаго землевладѣнія. На государственныхъ земляхъ, т. е. такихъ, на которыхъ не простиралось ничье частное право ни князей ни бояръ, именно и могло легко возникнуть представленіе населявшихъ изъ крестьянъ о принадлежности земли имъ и ихъ общинамъ и никому другому, кромѣ отвлеченнаго права государства, столь же далекаго отъ реальныхъ основъ, какъ право Божіе на всю землю. Только здѣсь и могла возникнуть формула, часто потомъ повторявшаяся: „то земля Божія, да государева, а наше владѣніе“.

Проф. Сергѣевичъ не объясняетъ намъ, чьи владѣльческія права лежали на государственныхъ земляхъ, и какъ они распредѣлялись. Положимъ, въ княжествахъ частное право на нихъ принадлежало князьямъ, но въ республикахъ? Полагаемъ, что во всѣхъ русскихъ земляхъ древнѣй-

---

1) Темное извѣстіе объ аграрныхъ безпорядкахъ во Псковѣ въ 1485 г. никакъ не можетъ быть истолковано въ смыслѣ попытки бояръ ввести барщину: рѣчь шла тогда о томъ, „како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ *князю дань даяти и Пскову* и всякіи работы урочнии“. Посадники, бояре и житьи люди стоятъ за смердовъ и желаютъ исполнить волю в. князя: черные же люди—члены Псковскаго вѣча—идутъ противъ. Считаемъ несомнѣннымъ, что дѣло идетъ о крестьянахъ, жившихъ на государственныхъ земляхъ (см. текстъ нашей книги стр. 33 и прим.).

шаго періода одинаково право это принадлежало государству, а не князю, какъ частному лицу. Князья правящіе естественно распоряжались этими землями, ибо имъ принадлежала верховная власть точно такъ, какъ и въ Москвѣ (см. въ текстѣ нашей книги о пожалованіи княземъ пустой—ничьей горы—Печерскому монастырю). Часть земель могла лежать въ пустѣ, не состоять ни въ чьемъ частномъ владѣніи, но право государства на всю территорію вывело весьма рано на свѣтъ принципъ, что это земля Божья да государева. Когда кто-либо освобождалъ своего холопа, то говорилъ, что онъ отнынѣ вольный *государевъ* человѣкъ. Это не значитъ, что вольноотпущенный человѣкъ становится частнымъ холопомъ государя. Если въ т. н. Судебникѣ ц. Ѳеодора Іоанновича говорится, что за предѣлами частныхъ земель и лѣсовъ начинается лѣсъ царскій, то это значитъ, что этотъ лѣсъ никому въ частности не принадлежитъ. Но государственными были не однѣ пустыя (ничьи) земли: были цѣлыя волости необояренныя какъ въ Москвѣ, такъ и до Москвы; кто-нибудь жилъ на нихъ, кто-нибудь обработывалъ ихъ. Возможно предположить, что на этихъ земляхъ велась экономическая эксплоатація князьями преимущественно рабскимъ трудомъ; но цѣлыя большія волости заселены были несомнѣнно крестьянами, которые, какъ крестьяне государственные, именовались, смердами князя: такъ, посолъ князя Черниговскаго (около 1070 г.) въ Ростовской области допытывался, чьи люди производили мятежъ по поводу голода, и выражается такъ: „чьи это смерды"? И узнаетъ, что это смерды князя. Мы знаемъ также, что крестьяне владѣли землею отъ своего имени: такъ, на Долобскомъ съѣздѣ, когда обсуждался вопросъ о походѣ на половцевъ, противники Мономаха говорили, что нельзя отрывать смердовъ отъ пашни, а сторонники возражали, что половчинъ можетъ явиться на землю смерда и разорить ее.

Мы не имѣемъ данныхъ утверждать, что владѣніе такихъ крестьянъ было общинное, но точно такъ же ни мы и никто другой не имѣетъ основаній говорить, что оно было частное своеземческое. Знаемъ только, государственныя подати располагались не на отдѣльныя хозяйства, а на погосты (см. уставн. грам. Смоленскую и Новгородскую), а, по теоріи Чичерина и В. И. Сергѣевича, отсюда главнымъ образомъ и возникло общинное землевладѣніе.

Единственнымъ сильнымъ аргументомъ В. И. Сергѣевича о позднемъ образованіи общиннаго землевладѣнія остается только одно то, что онъ не нашелъ слѣдовъ его въ Новгор. писцовыхъ книгахъ; но объ этомъ скажемъ сейчасъ.

Точно такъ же не можемъ согласиться и съ тѣмъ положеніемъ В. И. Сергѣевича, что внѣдреніе частныхъ вотчинъ въ средину волостей есть простая передача собственникомъ (великимъ княземъ) земли отъ одного владѣльца (крестьянъ) другому (служилому человѣку), и что при этомъ не только тотчасъ же разрушаются права общинъ, но и сами крестьяне становятся крѣпостными (?) новаго владѣльца. Устойчивость вѣковѣчныхъ правъ волости была такова, что общинная связь долго не разрушалась

даже и тогда, когда *вся* земли волости поступили въ частное владѣніе. Разберемъ для примѣра слѣд. документъ 1555 года: судилъ судъ Устюжскій писецъ по жалобѣ крестьянъ Алмешской волости—18 деревень (было нѣсколько представителей, въ томъ числѣ старосты, отъ имени всѣхъ крестьянъ волости) на Митю Ѳомина Нефедьева, который, по словамъ крестьянъ, у всей волости отнялъ поскотинныя земли и къ своей землѣ пригородилъ. На судѣ истцы-крестьяне такъ опредѣляли свои права на защищаемую землю; „крѣпостей, господине, у насъ на тое землю нѣтъ никакихъ, а та, господине, земля изстари наше поскотины Алмешское восимнадцати деревень", и сослались на старожильцевъ, которымъ судьею былъ предложенъ вопросъ: „скажите Божью правду, по цареву и великаго князя крестному цѣлованью, чья то земля изстари, на которой стоимъ? Старожильцы отвѣчали: „та, господине, земля, на которой стоишь, изстари поскотинная Алмешскихъ осиминадцати деревень *княжескихъ, и монастырскихъ и церковныхъ*". Повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что спорныя земли крестьяне считаютъ собственностію волости, т. е. общины 18 деревень, что такъ же смотритъ на дѣло отвѣтчикъ, и въ этомъ же смыслѣ рѣшаетъ дѣло судья. Но вдругъ оказывается, что всѣ деревни этой волости-общины суть деревни частновладѣльческія, принадлежатъ князьямъ, монастырямъ и церквамъ („Акт., относ. до юридич. быта", № 52, VI). Почему же земля признается на судѣ не собственностью этихъ князей и церковныхъ учрежденій, а крестьянской общины? Почему не собственники, а владѣльцы-крестьяне ведутъ искъ? Единственный отвѣтъ на это таковъ: волость, разобранная вся частными владѣльцами, тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою цѣльность, и крестьяне продолжаютъ жить и хозяйничать такъ же, какъ и тогда, когда волость была черною. Новые владѣльцы замѣняютъ собою государство, получая съ крестьянъ то, что прежде крестьяне платили въ казну. Перехожіе бродячіе элементы составляли лишь исключеніе; между кореннымъ населеніемъ волости нашлись старожильцы, которые помнятъ за 40 лѣтъ („помнимъ, господине, всѣ четыре за сорокъ лѣтъ"); разумѣется нашлось бы, и кромѣ ихъ, немало помнящихъ за 30, 25 и т. д. лѣтъ. А потому мысль о томъ, что права *всякаго* свободнаго крестьянина опредѣлялись порядными грамотами съ владѣльцемъ, есть заблужденіе. Главное населеніе волости состояло изъ вѣковѣчныхъ владѣльцевъ-крестьянъ, продолжавшихъ признавать землю своею.

Тѣ же явленія общинныхъ порядковъ могутъ продолжаться и среди одного частнаго владѣнія, какъ это, напр., было въ обширныхъ владѣніяхъ Соловецкаго монастыря. Факты, приведенные въ нашей книгѣ о сдѣлкахъ по пріобрѣтенію имуществъ цѣлою общиною частновладѣльческихъ крестьянъ вмѣстѣ съ владѣльцами, въ этомъ отношеніи весьма поучительны (см. еще Акты., относ. до юридич. быта. 80, I, актъ 1600 года тяжебное дѣло о пустоши между Совьюженною волостью, которая принадлежала Годунову, и крестьянами сельца Одноушевскаго, принадлежащаго патріарху Іову),

Думаемъ, что этимъ объясняется то обстоятельство, что В. И. Сергѣевичъ не нашелъ въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ слѣдовъ общиннаго

землевладѣнія: за ширмами владѣльческихъ правъ бояръ и бояришекъ скрывались древніе общинные порядки волостей и погостовъ, тотчасъ же выявившіеся наружу, какъ скоро смѣстили этихъ бояръ и бояришекъ. Иначе образованіе общиннаго землевладѣнія составляетъ рѣшительную загадку, несмотря ни на какія попытки къ объясненію его конфискаціею частныхъ имуществъ; отдѣльные крестьяне, получавшіе землю на оброкъ, продолжали бы владѣть ею на частномъ правѣ.

Сводя все сказанное, находимъ, что возникновеніе общиннаго землевладѣнія отнюдь нельзя объяснить какими-либо явленіями, вновь возникшими въ Московскомъ государствѣ, наприм., конфискаціею частныхъ имуществъ великими князьями, нельзя относить его ни къ концу XV, ни даже къ концу XIV вѣка; Московская самодержавная власть, которая усиленно раздавала государств. земли служилымъ лицамъ, разрушала, а не создавала прежнія общинныя права волостей, —хотя устойчивость этихъ древнихъ правъ не сразу поддавалась такому разрушенію. Наконецъ, естественная связь явленій заставляетъ признать, что общинныя права волостей, которыя мы наблюдаемъ въ XIV—XVII вв., необходимо должны быть отнесены къ древнѣйшимъ временамъ, хотя письменныхъ свидѣтельствъ о томъ мы не имѣемъ ни pro ни contra. Отсутствіе указаній на общинные порядки въ новгород. писцовыхъ книгахъ должно подлежать другому изъясненію, и во всякомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ отсутствія самого этого предмета на всемъ пространствѣ Руси до-московской.

Не будемъ останавливаться на другомъ положеніи проф. Сергѣевича, именно, что древнѣйшей (родовой, или территоріальной) общины вовсе не существовало; для этого достаточно сказано въ текстѣ нашей книги, ибо не имѣется иныхъ средствъ, кромѣ аналогіи всѣхъ извѣстныхъ намъ первобытныхъ формъ у другихъ народовъ, а также согласныхъ мнѣній литературы (за очень немногими исключеніями).

Наукѣ предстоитъ теперь связать два явленія однородныя, но различныя, т. е. общину XIV—XVII вв. съ первобытною родовою или территоріальною. Попытки объяснить эту связь и переходъ отъ одной къ другой при помощи позднихъ, но зато документированныхъ явленій дѣлались въ нашей литературѣ неоднократно. Однако, результаты такихъ попытокъ нельзя назвать окончательными. Прежде всего предстояло изъяснить выходъ изъ родового (кровнаго) союза въ союзъ искуственный, договорный, не предполагая еще что такой договорный союзъ будетъ непремѣнно общиною.

Къ этому направлены были работы приверженцевъ т. н. задружной теоріи, которая (на основаніи аналогіи быта юго-западныхъ славянъ) весьма правдоподобно указываетъ на форму общежитія, переходную отъ кровныхъ союзовъ къ территоріальнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что та же самая форма можетъ быть наблюдаема и въ древне-русскомъ *дворъ* и въ т. н. сложныхъ семьяхъ современныхъ великорусскихъ крестьянъ. Здѣсь черты кровнаго союза ясны въ общеніи имуществъ, почти полномъ, и въ родовомъ характерѣ управленія обществомъ; черты же территоріальной (искусственной) общины проявляются въ легкой возможности усвоенія чужерод-

ныхъ элементовъ. Въ этомъ направленіи литературою сдѣлано немало весьма поучительныхъ указаній (имѣемъ въ виду труды Ѳ. И. Леонтовича и д-ра Кароля Кадлеца). Жаль только, что нѣкоторые послѣдователи задружной теоріи, въ увлеченіи новымъ ученіемъ, иногда произвольно расширяютъ черты задруги на явленія, не имѣющія съ нею ничего общаго (см. нашу замѣтку о книгѣ г. Блюменфельда въ Кіев. Унив. Изв.), а так. обр. утрачивается возможность правильно установить эволюціонную связь задруги съ дальнѣйшими формами общежитія. Хорватская задруга далеко не то, что старо-русская поземельная община XIV—XVII вв. Между тою и другою должны пройти новыя стадіи, еще недостаточно разъясненныя изслѣдователями. Попытку заполнить этотъ пробѣлъ находимъ въ изслѣдованіи г-жи Ефименко, отчасти примыкающей къ задружной теоріи. Исполненіе одной части задачи автора, т. е. уясненіе перехóда родового союза въ искусственный, договорный—„дворъ“, можетъ быть принято безъ оговорокъ; но другая главная тенденція автора, именно попытка представить выходъ изъ задружнаго союза въ союзъ вполнѣ территоріальный (переходъ двора въ деревню) возбуждаетъ недоумѣнія. Совладѣльцы деревни, прежніе сородичи и замѣнявшіе ихъ сторонніе (покупщики), владѣютъ „долями“ прежней обще-родовой собственности, но на частномъ, а не на общинномъ правѣ (что и замѣтилъ проф. Сергѣевичъ). Однако, съ точки зрѣнія г-жи Ефименко, можно сказать, что раздѣлъ „долей“ между соучастниками, очевидно, не есть окончательный, что, подобно родовымъ союзамъ, члены деревенскаго союза сохраняютъ многія права на всю совокупность прежняго общаго владѣнія, наприм., запущенные участки обработанной земли, поросшіе лѣсомъ, могутъ быть вновь эксплоатированы по общему согласію участниковъ (Суд. Ѳед. Іоан. ст. 174); далѣе угодья обыкновенно остаются нераздѣльными и на нихъ не простирается право общаго владѣнія въ идеальныхъ доляхъ. Самъ авторъ отнюдь не выдаетъ деревню за общинный союзъ, а говоритъ, что эта такая общественная форма, изъ которой могло развиться и общинное и подворное владѣніе; однако, при какихъ же именно условіяхъ могло возникнуть общинное землевладѣніе—не указано, а слѣдов. не дано выхода къ установленію дальнѣйшихъ, болѣе широкихъ формъ общины (погоста, волости). Не имѣя въ рукахъ никакихъ документовъ объ этихъ болѣе широкихъ союзахъ, авторъ не ограничивается умолчаніемъ о нихъ, но прямо отрицаетъ ихъ въ XV—XVII вв., говоря, что они образовались въ XVIII—XIX вв. изъ фискальныхъ мѣръ государства.

Однако, у другихъ изслѣдователей были въ рукахъ документы и о такихъ союзахъ XV—XVII вв., именно о волостяхъ, какъ общинахъ. Мы видѣли уже, что существованіе волостныхъ общинъ въ XV—XVII вв. есть фактъ, пользующійся общимъ признаніемъ не только послѣдователей И. Д. Бѣляева, но и его противниковъ, не только г. Соколовскаго, но и проф. Сергѣевича.

Если такъ, то между родовымъ (кровнымъ) союзомъ и волостью еще не установлены переходныя ступени. Попытку заполнить этотъ пробѣлъ

находимъ далѣе въ книгѣ г. Иванова („Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи"). Онъ различаетъ: складническія деревни, федераціи складническихъ союзовъ (при подворно-участковомъ владѣніи полевою землею), соединеніе деревень въ волостки (или станы), когда „деревни крестьяне сносили въ одно мѣсто", по выраженію документовъ, наконецъ, мірское владѣніе сложныхъ союзовъ (волостей). Картина такого движенія союзовъ къ образованію высшихъ общинъ нарисована при помощи фактическяхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ кеврольскихъ, пинежскихъ, холмогорскихъ, сольвычегодскихъ и мезенскихъ писцовыхъ книгъ. Основаніями для образованія договорнымъ путемъ болѣе сложныхъ союзовъ служили, по мнѣнію автора, какъ экономическія нужды самого населенія, такъ и правительственныя финансовыя мѣры. Результатомъ розысканій явилось у г. Иванова утвержденіе, что „общины представляли нѣсколько разновидностей: въ однѣхъ земля принадлежала дѣйствительно цѣлой волости, въ другихъ—группѣ поселковъ. Внутри волостной общины могли быть союзы нѣсколькихъ поселковъ, соединенныхъ между собою общиннымъ пользованіемъ какою-либо частью угодья, въ которомъ не участвовали остальныя селенія" (стр. 5).

Всѣ изложенныя попытки (и имъ подобныя, напр., г. В. В. „Къ исторіи общины въ Россіи" М. 1902 г. и А. А. Кауфмана: „Документы и живая исторія русской общины". Спб. 1904 г.) очень цѣнны и имѣютъ такъ сказать, теоретическое значеніе, и именно опредѣляютъ *возможность* образованія общины изъ родовыхъ союзовъ (съ участіемъ при этомъ мѣръ финансовыхъ и экономическихъ). Но дѣйствительное историческое появленіе общинъ въ XIV—XVII вв. остается загадкою, по совершенному отсутствію данныхъ. Остаются только бо́лѣе или менѣе правдоподобныя гипотезы. За невозможностію принять предположеніе объ образованіи общинъ въ Московскомъ государствѣ, прежняя гипотеза о доисторическомъ происхожденіи общинныхъ союзовъ изъ родовыхъ и объ исторической связи ихъ съ общинами XIV—XVII вв. остается пока непоколебленною. Она опирается на несомнѣнныя свойства древняго государственнаго союза, котораго права на территорію имѣютъ смѣшанный публично-частный характеръ; она подкрѣпляется позднѣйшими вполнѣ историческими фактами о новообразующихся государственныхъ союзахъ (примѣръ Донскихъ и другихъ казачьихъ обществъ), наконецъ, совершенною невѣроятностію утвержденія отдѣльнаго землевладѣнія въ началѣ исторической жизни, при полной необезпеченности обществъ отъ внѣшнихъ враговъ.

Библіографическій указатель.

А.

Исторія русскаго государственнаго права.

ПЕРІОДЪ I ЗЕМСКІЙ.

Въ обзорѣ литературы науки (стр. 5—8) указаны соч. Эверса, Рейца, Неволина, Кавелина, Бѣляева, Леонтовича, Сергѣевича, Самоквасова, Латкина, Дьяконова и Филиппова.

Н. Бруселовъ: „Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго государства" (Вѣстн. Евр. 1811, № 4, Ч. 55).

Тюринъ: „Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Россіи". 1850.

Погодинъ: „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи". т. VII.

И. Собьстіанскій: „Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ". Харьковъ, 1892.

Prof. Jos. Pervolf. Staroslovanski řady â obyčeje". V Praze 1885.

И. Д. Бѣляевъ: „Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика" (Временникъ, кн. VIII); „Кн. Рюрикъ съ братьями и дружиною" (ibid. XIV); „Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика" (ibid. XV).

Пассекъ: „Княжеская и докняжеская Русь". 1870 (Чтенія въ общ. Ист. и Древн. Россійскихъ).

Онъ же: „Общій очеркъ періода удѣловъ" (ibid. 1868, III).

С. М. Шпилевскій: „Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Ивана I" (Юрид. Журн. 1861).

В. Дьячанъ: „Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измѣненія ихъ устройства въ XIV и XV вѣкахъ". 1882.

А. Лимбертъ: „Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ древней Россіи". 1877.

С. М. Соловьевъ: „Исторія отношеній между рус. князьями Рюрикова дома". 1847.

Онъ же: „Начало русской земли" (Сб. госуд. знаній IV и VII; Спб. 1877 и 1879 г.).

Н. И. Костомаровъ: „Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси" (Истор. Моногр., т. I).

Д. Я. Самоквасовъ: „Замѣтки по исторіи русскаго государственнаго устройства и управленія“ (Ж. М. Н. Пр. 1869, нояб. и дек.).

Онъ же: „Главнѣйшіе моменты въ государственномъ развитіи древней Руси и происхожденіе Московскаго государства“. 1886.

А. Д. Градовскій: „Государственный строй древней Россіи“. 1868 (въ его сборн. „Политика, ист. и администр.“).

Затыркевичъ: „О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе Русскаго государства въ домонгольское время“. 1873 (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Россійск.).

В. Мстиславскій: „Огнищанинъ и княжъ мужъ, или слѣды быта древнихъ славянскихъ князей въ Русской Правдѣ“. М. 1861.

М. Евгеній: „Исторія княжества Псковскаго“. Кіевъ, 1831.

В. Пассекъ: „Новгородъ самъ въ себѣ“ (Чт. Об. Истор. и Древн. 1869, IV).

С. М. Соловьевъ: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“. 1845 г.

Н. И. Костомаровъ: „Сѣверно-русскія народоправства“, т. I—II, 1863.

„Verfassung und Verwaltung Nowgor.“ (въ „Studien zur gründliche Kenntnis der Vorzeit Russlands“, herausg. v. Ewers.). 1830.

А. И. Никитскій: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“. 1873.

Онъ же: „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода“. Москва. 1893.

Онъ же: „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 202—204).

Онъ же: „Очерки изъ жизни В. Новгорода. I. Правительственный Совѣтъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1869, 10).

Онъ же: „Военный бытъ въ В. Новгородѣ XI—XV ст. (Рус. Стар. 1870, I).

Д. И. Прозоровскій: „Древній Псковъ по двумъ псковскимъ лѣтописямъ“ (Записки Отд. рус. и слав. археологіи Р. Арх. Общества, т. IV, 1877).

Онъ же: „В. Новгородъ по четыремъ новгородскимъ лѣтописямъ“)ibid. 1887).

Зубрицкій: „Повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси“, пер. Бодянскаго. М. 1845.

М. Смирновъ: „Судьба Червонной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшею“. Спб. 1860.

Д. А. Корсаковъ: „Меря и Ростовское княжество“. 1872.

Д. И. Иловайскій: „Исторія Рязанскаго княжества“. 1858.

П, Голубовскій: „Исторія Сѣверской Земли“. 1881 г. Тоже *Д. Багалѣя.*

И. А. Линниченко: „Вѣче въ Кіевской области“. 1881.

М. Грушевскій: „Очеркъ исторіи Кіевской Земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст.“. Кіевъ, 1891 г.

А. Андріяшевъ: „Очеркъ исторіи Волынской Земли". Кіевъ, 1887 г. Тоже *П. Иванова* Одесса. 1895.

П. Голубовскій: „Исторія Смоленской Земли". Кіевъ. 1895.

В. Ляскоронскій: „Исторія Переяславльской Земли. Кіевъ. 1897.

П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій: „О древне-русской дружинѣ по былинамъ". Рѣчь. М. 1897.

И. Кальневъ: „Значеніе крестьянъ въ русскомъ обществѣ во времена Русской Правды". Одесса. 1879.

М. Н. Ясинскій: „Закупы Русской Правды и памятниковъ западнорусскаго права". Кіевъ. 1904.

Гагемейстеръ: „Разысканія о финансахъ древней Россіи". 1830.

Гр. Д.А. Толстой: „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины Екатерины II". 1848.

Н. Я. Аристовъ: „Промышленность древней Руси". 1867.

„Ганза. Ея законы и факторіи" (Библ. для чтенія. 1834, т. IV).

М. П. Погодинъ: „Древняя русская торговля" (Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 48).

Бережковъ: „О торговлѣ Руси съ ганзою до конца XV в." Спб. 1879.

Онъ же: „О торговлѣ Руси съ Ригою въ XIII и XIV вв. (Ж. М. Н. Пр. 1877, ч. 18).

С. А. Усовъ: „О древнихъ русскихъ деньгахъ по Русской Правдѣ" (Др. М. Арх. Об. 1883).

Шодуаръ: „Обозрѣніе русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Двѣ части. Спб. 1837 и 1841 г.

Казанскій: „Изслѣдованіе о древней русской монетной системѣ въ XI, XII и XIII вв." (Зап. И. Арх. Общ. т. III, Спб. 1851).

Д. И. Прозоровскій: „Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII ст." Спб. 1865.

По исторіи источниковъ права см. указатели въ нашей „Христоматіи по исторіи русскаго права", вып. I.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

I. Территорія и населеніе.

Д. А. Корсаковъ: „Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ". Каз. 1889.

М. Погодинъ: „Приращеніе Москвы" (Истор.-крит. отрывки). М. 1846.

И. Д. Бѣляевъ: „Городъ Москва съ его уѣздомъ" (Москвит. 1846 г., кн. I, V).

В. Н. Станкевичъ: „О причинахъ постепен. возвышенія Москвы“ (Учен. зап. Моск. Унив. № 1—2).

В. Вешняковъ: „О причинахъ возвышенія Московск. княжества“. Спб. 1851 г.

С. М. Соловьевъ: „Взглядъ на исторію установленія госуд. порядка въ Россіи“. М. 1852.

Н. И. Костомаровъ: „Начало единодержавія“ (Вѣст. Евр. 1870, дек.).

И. Е. Забѣлинъ: „Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія“ (Истор. Вѣстн. 1881 г.).

Ф. Миллеръ: „Извѣстія о дворянахъ россійскихъ, о ихъ начальномъ происхожденіи“ и пр. Спб. 1790.

„О началѣ и происхожденіи Россійскаго дворянства“ (Отеч. Записки 1826, № 7).

О. Морошкинъ: „Историческія розысканія о дворянскомъ сословіи“ (Ж. М. Н. Пр. 1836, X).

И. Д. Бѣляевъ: „Жители Московскаго государства, ихъ права и обязанности“ (Временникъ Общ. Ист. Др. Рос., кн. 1 и 3, 1849).

Порай-Кошицъ: „Очеркъ исторіи дворянъ отъ полов. IX до конца XVIII в.“ 1874 г,

Яблочковъ: „Исторія дворянскаго сословія въ Россіи“. 1876.

Бѣловъ: „Объ историческомъ значеніи боярства“. 1886.

Д. В. Валуевъ: „О мѣстничествѣ“ (Симб. Сборн. 1845).

М. П. Погодинъ: „Мѣстничество“ (Рус. Истор. Сбор. II, кн. 3—4).

А. Зернинъ: „Судьба мѣстничества, преимущественно при первыхъ двухъ государяхъ династіи Романовыхъ“ (Арх. ист.-юрид. свѣд. Н. В. Калачова. 1859, № 3).

С. М. Соловьевъ: „О мѣстничествѣ“ (Моск. Сборн. 1847).

А. И. Маркевичъ: „Исторія мѣстничества въ XV—XVII вв.“ Одесса. 1879.

Н. Павловъ-Сильванскій: „Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства“. Спб. 1898.

Онъ же: „Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси“. Спб. 1901 г.

Онъ же: „Иммунитетъ въ удѣльной Руси“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, 11).

Онъ же: „Люди кабальные и докладные“ (Ж. М. Н. Пр. 1895, 1).

Онъ же: „Феодализмъ въ древней Руси“. Спб. 1907.

Онъ же: „Закладничество—патронатъ“. Спб. 1897.

Ѳ. В. Тарановскій: „Феодализмъ въ Россіи“. Варш. 1902 г.

В. И. Сергѣевичъ: „Вольные и невольные слуги Московскихъ государей“ (Наблюдатель, 1887, № 1—2).

Барсуковъ: „Обзоръ источниковъ и литература русскаго родословія“. Спб. 1887,

Сторожевъ: „Матеріалы для исторіи русскаго дворянства (десятни и тысячная книга XVI в.“). Москва. 1892.

Онъ же: „Воронежское дворянство по десятнямъ XVII вѣка“. Воронежъ. 1894.

Гр. А. Бобринскій: „Дворянскіе роды, включенные въ общій гербовникъ Россійской Имперіи". Ч. I и II. Спб. 1890.

Б.: „О правахъ и обязанностяхъ купечества Россійскаго до начала XIX в." (Вѣстн. Евр. 1826, № 23, и 1827 г., № 7).

Вас. Болтинъ: „Разсужденіе о происхожденіи купеческаго сословія въ Россіи". М. 1827,

М. М. Михайловъ: „Исторія состоянія городскихъ обывателей въ Россіи съ самыхъ древнихъ временъ до настоящаго времени". М. 1849.

Л. О. Шлошинскій: „Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи отъ начала Руси до новѣйшихъ временъ". Спб. 1852.

С. М. Соловьевъ: „Московскіе купцы" (Современ. 1858 г., т. LXXI).

А. Пригара: „Опытъ историческаго изслѣдованія состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи". Ч. I. „Происхожденіе состоянія городскихъ обывателей въ Россіи и организація его при Петрѣ В.". 1868.

Н. Д. Чечулинъ: „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ". Спб. 1889 г.

С. М. Соловьевъ: „Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси до пол. XVII в." (Чтенія въ общ. ист. и др. Рос. 1847, № 6).

Колмыковъ: „Краткое обозрѣніе постепеннаго образованія разныхъ классовъ сельскихъ обывателей въ Россіи" (Арх. ист. и практ. свѣдѣній, Н. В. Калачова, кн. III, 1860).

В. Н. Лешковъ: „Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и крѣпостное право въ ихъ происхожденіи и значеніи" (Зритель, 1861 г., № 15—18).

К. П. Побѣдоносцевъ: „Замѣтки для исторіи крѣпостного права въ Россіи" (Русск. Вѣстн. 1858 г., №№ 11, 12 и 16).

К. С. Аксаковъ: „О состояніи крестьянъ въ древней Россіи" (Полн. Собр. Соч. 1861).

М. П. Погодинъ: „Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?" (Русск. Бесѣда, 1858 г., кн. XII).

Н. И. Костомаровъ—тоже (Ист. Моногр. I).

П. А. Соколовскій: „Очерки исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи". Спб. 1877 г.

Онъ же: „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ" (Ист Библіотека, 1878 г.).

Н. В. Калачовъ: „Очеркъ юридическаго быта великорусскихъ крестьянъ въ XVII в." (Лѣтопись занятій Археогр. Ком., в. 3).

Н. Куплевасскій: „Состояніе сельской общины въ XVII в. на дворцовыхъ земляхъ и земляхъ духовныкъ и свѣтскихъ владѣльцевъ. Историко-юридическій очеркъ". Кіевъ, 1877.

J. Engelmann: „Die Leibeigenschaft in Russland. Eine rechthistrorische Studie Dorp. 1884.

В. О. Ключевскій: „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи". (Русская Мысль, 1885).

М. Дьяконовъ: „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія". Спб. 1895.

Онъ же: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в." (Изд. Арх. Ком. Спб. 1898). (Въ это изданіе вошли болѣе ранніе очерки того же автора о бобыляхъ, половникахъ и задворныхъ людяхъ).

Онъ же: „Заповѣдныя лѣта и старина" (Сборн. статей по исторіи права. Кіевъ, 1904).

Н. Н. Дебольскій: „Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ". Спб. 1895.

А. Лаппо-Данилевскій: „Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.". Спб. 1900 (разборъ сочин. Дьяконова).

М Ф. Владимірскій-Будановъ: „Крестьянское землевладѣніе въ западной Россіи до пол. XVI в.". Кіевъ, 1892 (изъ Чтеній въ историч. общ. Нестора лѣт., кн. VII).

Онъ же: „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ западной Россіи XVI в." (Кіевскій сборникъ 1892).

М. Довнаръ-Запольскій: „Западно-русссая сельская община въ XVI вѣкѣ". Спб. 1897.

II. Власть.

Флетчеръ: „О государствѣ русскомъ, или образъ правленія русскаго царя". Изд. 1905.

Рычковъ: „О титулѣ бѣлаго царя" (Ежемѣсячн. соч. 1763 г. авг.).

Успенскій: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россійскихъ". Харьк. 1818 г.

Д. И. Прозоровскій: „О значеніи царскаго титула до принятія русскими государями титула императорскаго" (Изв. Имп. Рус. Археол. общ., т. VIII, 1877 г.).

Лакіэръ: „Исторія титула государей Рос." (Ж. М. Н. Пр. 1847, LXI).

Онъ же: „Россійскій государственный гербъ". 1847 г.

К. Артемовскій-Гулакъ: „Историч. взглядъ на образъ и порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи" (Опыт. соч. студ. Харьк. унив. I, X). 1846.

Катаевъ: „О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство". Спб. 1847.

Х. М. Лопаревъ: „О чинѣ вѣнчанія русскихъ царей" (Ж. М. Н. Пр. 1887, ч. 253).

И. Е. Забѣлинъ: „Домашній бытъ русскихъ царей". М. 1872.

Д. Я. Самоквасовъ: „Происхожденіе Московскаго государства. Исторія преемства великокняжеской власти въ Московскомъ государствѣ" (Изв. Варш. унив. 1866 г.).

А. В. Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ отъ 1238 по 1505 г.". Т. I—II. Спб. 1889 и 1901.

Ѳ. Кургановъ: „Византійскій идеалъ царя и царства и вытекающ.

отсюда, по сравленію съ идеаломъ церкви, отношенія между церковною и гражданскою властью". Казань. 1881.

М. Дьяконовъ: „Власть Московскихъ государей. Историч. Очеркъ". Спб. 1889.

П. В. Полежаевъ: „Московское княжество въ первой полов. XIV в.". Спб. 1878.

Н. П Загоскинъ: „Боярская Дума". Казань. 1879.

В. О. Ключевскій: „Боярская дума древней Руси". М. 1882.

Онъ же: „Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси" (Русская Мысль 1890, 1; 1891, 1; 1892, 1).

П. В. Павловъ: „О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII в." (Отеч. Записки 1859, CXX и CXXIII).

А. П. Щаповъ: „Земское соборы XVII вѣка. Соборъ 1642" (Вѣкъ. 1862, № 11).

Онъ же: „Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутат. 1767 г." (Отеч. Записки 1862, № 11).

К. С. Аксаковъ: „Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ" (День. 1862, № 13).

Онъ же: Земскій соборъ 1642 г." (День. 1863, № 9),

Б. Н. Чичеринъ: „О народномъ представительствѣ" (кн. III гл. 5, „Земскіе соборы въ Россіи"). Спб. 1866.

И. Д. Бѣляевъ: „Земскіе соборы на Руси". Рѣчь на актѣ 1867.

Н. П. Костомаровъ: „Старинные земскіе соборы" (Ист. Монографіи, XIX).

В. И. Сергѣевичъ. „Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ". Сборн. госуд. знаній, т. II, 1875 г.).

М. Владимірскій-Будановъ: Критич. замѣтка на предыдущее изслѣдованіе (Кіев. Унив. Изв. 1875 г. окт.).

И. И. Дитятинъ: „Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ исторріи права Москов. государства" (Русская Мысль. 1880 г., т. V).

Онъ же: „Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII в." (Рус. Мысль, 1883 г. XII).

С. Ф. Платоновъ: „Замѣтки по исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ" (Ж. М. Н. Пр. 1883, кн. III).

В. Н. Латкинъ: „Земскіе соборы древней Руси". Спб. 1885.

Онъ же: „Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII в.".

Н. И. Карѣевъ: „Земскіе соборы древней Руси" (Юрид. Вѣст. 1886).

А. Зерцаловъ; „Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—49 г.". М. 1888.

М, В. Клочковъ: „Земскіе соборы. Истор. очеркъ". 2-е изд., исправ. и дополненное. Петр. 1914.

Н. Н. Мазуренко: „Всероссійскіе земскіе соборы". Спб. 1905 г.

В. Алексѣевъ: „Народовластіе въ древней Руси".

Н. Стратоновъ; „Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ Московской Руси" (Учен. Зап. Импер. Казанскаго унив. 1907).

Н. М. Лихницкій: „Форма участія освященнаго собора въ засѣданіяхъ земскаго собора Москов. государства“ (Христ. Чтеніе, 1907, 1).

Н. Ѳ. Каптеревъ: „Царь и церковные соборы XVI и XVII вв.“ (Богослов. Вѣстн. 1906. т. 3).

III. Управленіе.

Котошихинъ: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича 1666—67 г.“ Гл. VI и VII.

Миллеръ: „Московскіе старинные приказы“ (Древн. Рос. Вивліоѳика. Т. XX).

Арсеньевъ: „Объ устройствѣ управленія въ Россіи XV—XVIII вв.“ (Матер. для статит. Россійской Имперіи. Спб. 1839).

Пановъ: „Московскіе приказы“ (Московск. Вѣдом. 1855 г., №№ 36, 79—82).

С. М. Шпилевскій: „О благоустройствѣ по Уложенію“ (Времен. О. И. и Др. 1856, 24).

О. Горчаковъ: „Монастырскій приказъ 1649—1725 г.“. Спб. 1878.

Н. П. Заіоскинъ: „Столы разряднаго приказа“. Каз. 1879.

Н. П. Лихачевъ: „Разрядные дьяки XVI в. Опытъ ист.-юрид. изслѣдованія“. Спб. 1898.

Н. Н. Ардашевъ: „Къ вспросу о коллегіальности приказовъ“ (Труды VIII Археол. съѣзда 1890 г.).

С. Ф. Платоновъ: „Какъ возникли чети?“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1892, № 5).

Викторовъ: „Описаніе записныхъ книгъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725“. Вып. I. М. 1877.

М. Дьяконовъ: „Дополнительныя свѣдѣнія о Московскихъ реформахъ половины XVI в.“ (Ж. М. Н. Пр. 1892, 4).

Н. Я. Гурляндъ: „Приказъ вел. госуд. тайныхъ дѣлъ“. Яросл. 1902.

Онъ же: „Ямская гоньба въ Москов. государствѣ до конца XVII в.“. Яросл. 1900 г.

Онъ же: „Приказъ сыскныхъ дѣлъ“ (1904).

Н. Ретвихъ: „Органы губнаго управленія въ XVI и XVII вв.“ (Сбор. Правовѣд. и Обществ. Знаній, т. VI).

И. Е. Андреевскій: „О намѣстникахъ воеводахъ и губернаторахъ“. Спб. 1864.

И. Д. Бѣляевъ: „О монгольскихъ чиновникахъ на Руси, упоминаемыхъ въ ханскихъ ярлыкахъ“ (Арх. ист. юрид. свѣдѣній. 1850, I).

М. П. Погодинъ: „Древнее раздѣленіе земли въ Россіи“ (Ж. М. Н. Пр. 1855, № 12).

Б. Н. Чичеринъ: „Областныя учрежденія въ Россіи“ въ XVII в.“. М. 1856.

А. Д. Градовскій: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“. Спб. 1868 г.

М. Богословскій: „Земское самоуправленіе на сѣверѣ Россіи въ XVII в.“. М. 1909.

С. Шумаковъ: „Губныя и земскія грамоты“ (Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1895, III).

Е. Осокинъ. „Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи“. Казань. 1850 г.

Онъ же: „Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи Русскаго финансоваго права“. Казань, 1855 (изъ Юрид. Сборн. Мейера).

Онъ же: „О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи“. Казань. 1856.

Кури: „О прямыхъ налогахъ въ древней Россіи“. Казань. 1855 (изъ Юрид. Сборн. Мейера).

К. С. Веселовскій: „Начало и постепенное преобразованіе системы поземельныхъ налоговъ въ Россіи“ (Жур. мин. госуд. имущ. 1841, ч. I).

В. А. Незабитовскій: „О податной системѣ въ Московск. государствѣ“ (Собраніе сочин. Кіевъ, 1884).

Н. И. Костомаровъ: „Очерки торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (Современникъ. т. LXV—LXX).

В. Н. Лешковъ; „Историч. очеркъ русскаго законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ“ (Москвитянинъ, 1852, № 1).

А. К. Фабриціусъ: „Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII вѣкѣ“. Спб. 1864.

Н. Н. Фирсовъ: „Правительство Московской Руси и Петра Вел. въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу“. Казань. 1892.

И. Миклашевскій: „Къ исторіи хозяйственнаго быта. Ч. I—Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в.“. М. 1894.

А. Лаппо-Данилевскій: „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“. Спб. 1890.

Онъ же: „Мостовыя и рѣшотчатыя деньги въ Новгородѣ и Москвѣ въ XVII вѣкѣ“. Спб. 1902.

Н. Д. Чечулинъ: „Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI вѣка“ (Библіогр. 1889, № 2, 41—61).

Л. Н. Милюковъ: „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства“ (рецензія на соч. Лаппо-Данилевскаго). Спб. 1892.

И. Ивановъ: „Сѣверныя писцовыя книги, какъ матеріалъ для исторіи обложенія“. М. 1900.

Е. Д. Сташевскій: „Опытъ изученія писцовыхъ книгъ Московскаго государства XVI вѣка“. Кіевъ. 1907.

М. В. Довнаръ-Запольскій: „Веревныя и разрубныя книги сѣвернаго края“. Спб. 1906.

И. Д. Бѣляевъ: „О русскомъ войскѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и послѣ него до Петра В.“. М. 1846.

Устряловъ: „Русское войско предъ Петромъ В.“. Спб. 1856.

Brix: „Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen von den

frühesten Zeiten bis zu den von Peter d. Gr. gemachten Veränderungen". Berlin. 1867.

В. И. Сергѣевичъ: „Военныя силы Московскаго государства". Спб. 1905 г.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО ИМПЕРІИ.

Гагемейстеръ: „О законахъ Петра I" (Журн. мин. нар. пр. 1836 г. іюль—августъ).

Кранихфельдъ: „Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра В.". 1845.

Вицынъ: „Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра вел. до изданія общаго учрежденія министерствъ". 1855.

Лешковъ: „Черты управленія въ Россіи по указамъ XVIII в. 1725—1762 г." (Русскій Вѣстн. 1863, № 7).

Онъ же: „Раздѣленіе Россіи на губерніи и области по законамъ Петра В. и Екатерины II" (Русскій Вѣстн. 1859, № 22).

А. В. Романовичъ-Славатинскій. „Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра Вел. до учрежденія губерній 1795 г.". 1859.

Онъ же. „Дворянство въ Россіи отъ нач. XVIII в. до отмѣны крѣпостного права". Спб. 1870 г.

Мулловъ: „Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ по второй полов. XVIII в.". 1859.

Смирновъ: „Предложенія объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ со времени Императрицы Екатерины II до 1836 г." (Журн. мин. госуд. имущ. 1862 г. № 11—12).

В. И. Семевскій. „Крестьяне въ царствов. императр. Екатерины II" Т. I. Спб. 1881.

Онъ же: „Крестьяскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и 1-й полов. XIX.". Т. I—II. Спб. 1886.

В. О. Ключевскій; „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи" (Рус. Мысль. 1886, V, VII, IX—X).

И. И. Дитятинъ: „Устройство и управленіе городовъ Россіи", т. I, 1875; т. II, 1877.

А. Ѳ. Бычковъ: „Къ пятидесятилѣтію II отд. собств. Е И. В. канцеляріи" (Русская Старина 1876, февраль).

Д. А. Корсаковъ: „Воцареніе Императрицы Анны". 1880.

Н. П. Загоскинъ: „Верховники и шляхетство 1730". Каз. 1881.

Бланкъ: „Екатерининская комиссія 1767—69 г." (Рус. Вѣст. 1876, № 1 и друг.).

Д. В. Польновъ: „Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комис-

сіи для сочиненія проекта новаго уложенія", т. I (1860), II (1871), III (1875).

В. И. Сергѣевичъ: „Откуда неудача Екатерининской законодательной комиссіи?" (Вѣст. Евр. 1878. № 1).

И. И. Дитятинъ: „Екатерининская комиссія 1767 г. о сочин. проекта новаго Улож. (Юрид. Вѣст. 1879. №№ 3, 4, 5).

Брикнеръ: „Екатерининская законодательная комиссія" (Журн. мин. народн. просв. 1881 г. № 8 и слѣд.).

В. Н. Латкинъ: „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст. Т. I", Спб. 1887.

Онъ же: „Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи" (XVIII и XIX ст.). Спб. 1899.

А. Д. Градовскій: „Высшая администрація XVIII вѣка и генералъ-прокуроры". Спб. 1866.

П. И. Ивановъ: „Сенатъ при Петрѣ В," (Ж, М. Н. Пр. 1859 I).

С. А. Петровскій: „О сенатѣ въ царствов. Петра В.". М. 1875.

А. Филипповъ: „Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіе в. т. совѣта". Юрьевъ. 1895.

Онъ же: „Кабинетъ министровъ и прав. сенатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ" (1731—1741 г.). Сборн. правовѣд. т. VII.

Онъ же: „Правительственная олигархія послѣ Петра В." (Русск. Мысль 1894. I, VIII, IX).

Онъ же: „Новыя данныя о кабинетѣ министровъ имп. Анны Іоанновны" (Русск. Мысль, 1901 г. I, IV, XII).

А. Филипповъ: „Историческій очеркъ образованія министерствъ въ Россіи" (Ж. мин. юст. 1902, XI, XII).

Онъ же: „Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ Верх. Т. Совѣтомъ". Юрьевъ. 1898.

Онъ же: „Докладъ импер. Елисаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти пр. сената" (Журн. мин. нар. пр. 1879. II).

Онъ же: „Бумаги кабинета министровъ" (Сб. Р. Истор. Общ. т. 104, 106 и 108). Юрьевъ 1898—1900 г.

С. М. Соловьевъ: „Императорскіе совѣты въ Россіи въ XVIII в." (Руск. Старина 1870, II).

Даневскій: „Исторія образованія государственнаго совѣта" 1859.

В. Г. Щегловъ: „Государственный совѣтъ въ Россіи". Т. I. 1892 г. и „Государственный совѣтъ въ царствованіе импер. Александра Перваго". Т. II. Ярославль 1895 года.

Проф. Алексѣевъ: „Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ вер. т. совѣта".

Токаревъ: „Ближняя канцелярія при Петрѣ В. и ея дѣла" (Докум. Архива мин. юстиціи V).

Пестовъ: „Императорскій кабинетъ съ 17 окт. 1740 по 25 ноября 1741" (Внутр. быть рус. госуд. II).

Чечулинъ: „Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II“ (Журн. мин. нар. просв. 1894, III).

В. М. Грибовскій: „Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ 1-ю пол. царств. имп. Екатерины II“. Спб. 1901 г.

Н. Варадиновъ; „Исторія м-ва внутр. дѣлъ“. Ч. I—III. Спб. 1862.

Образцовъ; „Первый годъ синодальнаго управленія“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г. т. CXL).

Востоковъ: „Св. синодъ при императорѣ Петрѣ I“ (Журн, Мин. Нар. Просв. 1875, №№ 7, 8 и 12).

Барсовъ: „Свѣтскіе фискалы и духовные инквизиторы“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, № 2).

В. Поповъ: „О св. Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра В.“. Спб. 1881.

Б. В. Титлиновъ: „Правительство имп. Анны Іоанновны въ его отношеніяхъ къ дѣламъ православной церкви“. Вильна. 1905.

А. А. Голубевъ: „Историческій очеркъ синода до 1740 г.“. 1886 г.

С. Г. Рункевичъ: „Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Прав. Синода“. Спб. 1900.

Т. В. Барсовъ: „Св. Синодъ въ его прошломъ“. Спб. 1896.

Онъ же: „Синодальныя учрежденія прежняго времени“. Спб. 1897.

Коркуновъ: „Время перваго учрежденія губерній“ (Журн. М. Н. Пр. 1903. № 2).

М. Богословскій: „Областная реформа Петра В. Провинція 1719 и 1727 г.“. Москва 1902.

Мрочекъ-Дроздовскій: Областныя учрежденія въ Россіи XVIII в до учрежденія о губерніяхъ“. М. 1876.

Ю. Готье: „Исторія областнаго управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II“. М. 1913.

А. Н. Куломзинъ: „Государственные доходы и расходы въ Россіи XVIII ст.“ (Вѣстн. Евр. 1869, № 5).

П. Н, Милюковъ: „Государственное хозяйство въ Россіи въ 1 четв. XVIII ст. и реформа Петра Великаго“. Спб. 1892 г.

Н. Д. Чечулинъ: „Очерки по исторіи финансовъ въ царствов. Екатерины II“. Спб. 1906 г.

По поводу исполнившагося въ 1902-мъ году столѣтія со времени перваго учрежденія министерствъ были изданы историческіе обзоры какъ отдѣльными министерствами и управленіями, такъ и комитетомъ министровъ. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ большую научную цѣнность по богатству матеріала и по обработкѣ его. Отмѣтимъ въ особенности:

„Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, подъ главн. ред. ст.-секр. Куломзина, въ 5 томахъ (подраздѣляемыхъ на нѣсколько частей).

Министерство внутреннихъ дѣлъ. „Историческій обзоръ“. Художественное изданіе съ двумя приложеніями.

„Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія: 1797—1897 (2-й томъ посвященъ исторіи крестьянъ дворцовыхъ, государевыхъ и удѣльныхъ).

Б.

Исторія русскаго уголовнаго права.

Ил. Васильевъ: „Извлеченіе изъ исторіи уголовнаго законодательства въ Россіи“ (Вѣстн. Евр., 1823, № 9).

А. Поповъ: „Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву“. М. 1841 г.

E. S. Tobien: „Die Blut-Rache nach dem alten russischen Rechte verglichen mit der Blut Rache der Istraliten und Araber, de Griechen und Römer, und Germanen“. Dorp. 1840.

Онъ же: „Взглядъ на основныя начала русскаго уголовнаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до Уложенія о наказаніяхъ 1845“ (рѣчь Журн. мин. нар. пр. 1847. іюнь).

Н. В. Калачовъ: „Объ уголовномъ правѣ по судебнику ц. Іоанна Васильевича“ (Юрид. записки Рѣдкина, т. II, 1842).

Вл. Линовскій: „Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Улож. ц. А. М.“. Од. 1847.

Я. И. Баршевъ: „О вліяніи обычая, практики, законодательства и науки на развитіе уголовнаго права, въ особенности русскаго (рѣчь). М. 1847.

Максимовичъ: „О развитіи идеи преступленія, по смыслу памятниковъ русск. законодательства“ (рѣчь). Кіевъ 1845.

Ф. Деппъ: „О наказаніяхъ существовавшихъ въ Россіи до ц. Алексѣя Мих.“. Спб. 1849.

А. М. Богдановскій: „Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра В.“. М. 1850.

Власьевъ: „О вмѣненіи по началамъ теоріи и древне-русскаго права“ М. 1860.

Ланге: „Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской правды“ (Архивъ Н. В. Калачова. 1859, №№ 1, 3, 5 и 6 и отдѣльно 1860).

Онъ же: „О наказаніи и взысканіи за безчестье по древнему русскому праву“ (Журн. мин. нар. пр. 1859, № 6).

Чебышевъ-Дмитріевъ: „О преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву“. Каз. 1862.

Колосовскій: „Вмѣненіе смертоубійства по уложенію ц. А. М.“ (Арх. ист. и практич. свѣдѣній, изд. Н. В. Калачовымъ. 1859, кн. 3).

Онъ же: „Очеркъ исторіи развитія преступленій противъ жизни и здоровья. Опытъ изслѣдованія по русскому уголовному праву“. М. 1857.

B. Utin: „Uber die Ehrenverletzung nach russisch. Recht seit d. XVII Jahrhund". Dorp. 1857.

Неклюдовъ: (въ перев. учебн. Бернера, 1865).

В. В. Сокольскій: „Beitrag zur Lehre von den Eigentumveletzungen nach dem Уложеніе des Zar Al. Mich.". Dorp. 1868.

Онъ же: „О нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ. Историко-юридич. изслѣдованіе". Кіевъ. 1873.

Hube: „Historya prava karnego rusktego". 1870.

И. Я. Фойницкій: „Мошенничество по русскому праву". Спб. 1871.

Ведровъ: „О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ". Спб. 1877.

Г. Д. Тальбергъ: „Насильственное похищеніе имуществъ по русскому праву (разбой и грабежъ). Историко-догматическое изслѣдованіе". Спб. 1880.

Л. С. Гальгрицъ-Котляревскій: „О воровствѣ-кражѣ по русскому праву". Кіевъ. 1880.

П. Ѳ. Бесѣдкинъ: „Историческій очеркъ преступленія поджога по рим., герм. и русскому праву". Яросл. 1885.

М. Липинскій: „Къ исторіи уголовнаго права XVIII в." (Журн. гражд. и уголовн. права 1885 г. кн. X).

Ив. Собьстіанскій: „Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства". Прага. 1884.

Fr. Miklosich: „Die Blurtache bei den Slaven". Wien. 1887.

М. Ступинъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ судебниковъ до настоящаго времени". Владикавказъ. 1887.

А. Г. Тимофѣевъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ". Спб. 1897.

Н. Д. Сергѣевскій: „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в.". Спб. 1888.

А. Филипповъ: „О наказаніи по законодательству Петра В. въ связи съ реформою". М. 1891.

Разборъ предыдущаго сочиненія, составленный *Н. Д. Сергѣевскимъ*. Спб. 1894.

Przemystaw-Dąbkowski; „Zemsta, okup i pokora na Rusi Halickiej w wieku XV i pierwzsej polomte wieku XVI" (въ Przegiand prawa i adminijstracyi; отд. оттискъ we Lwowie. 1898).

Н. А. Максимейко: „Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго статута". Кіевъ. 1894.

І. А. Малиновскій; „Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту". Кіевъ. 1894.

Г. В. Демченко; „Наказаніе по Литовскому статуту". Кіевъ. 1894.

Н. П. Загоскинъ: „Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи". Казань. 1892.

В. Есиповъ: „Поврежденіе имущества по русскому праву. Историко-юридическое изслѣдованіе". Спб. 1892.

В. Есиповъ: „Святотатство въ исторіи русскаго законодательства". Варшава. 1893.

П. О. Бобровскій: „Преступленія противъ чести по русскимъ законамъ до начала XVIII вѣка". Спб. 1889.

В.

Исторія русскаго гражданскаго права.

К. А. Неволинъ: Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ: Т. I—семейственное право; т. II—вещное право; т. III—обязательства и право наслѣдства. Спб. 1845—51 г. (Полн. собр. сочин. т. 3, 4 и 5. 1857—58 г.).

К. П. Побѣдоносцевъ: „Курсъ гражданскаго права". Ч. I—III. Спб. 1871—1889 г. (изложенъ историческимъ методомъ).

I. Правоспособность.

Н. Н. Дебольскій: „Гражданская правоспособность по русскому праву". Спб. 1903 г. (изложено историч. методомъ).

П. Васильевъ: „Ѳемида, или начертаніе правъ, преимуществъ и обязанностей женскаго пола въ Россіи". М. 1827.

В. Я. Шульгинъ: „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В." Кіевъ. 1850.

А. Добряковъ: „Русская женщина въ до-Монгольскій періодъ". Спб. 1864.

С. С. Шашковъ: „Очеркъ исторіи русской женщины". Спб. 1871 и (2-е изд.) 1879 г.

В. Н. Лешковъ: „Взгляды на состояніе права иностранцевъ" (Юрид. записки Рѣдкина). 1842.

Witte: „Die Rechtsvergeltnisse der Ausländer in Russland". Дерптъ. 1847.

И. Е. Андреевскій: „О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III на престолъ". Спб. 1854.

Г. Гамель: „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст." Спб. 1865—69.

А. С. Лаппо-Данилевскій: „Иноземцы въ Россіи въ царст. Михаила Ѳеодоровича" (Ж. М. Н. Пр. 1885, № 9).

Д. Цвѣтаевъ: „Иностранцы въ Россіи въ XVI и XVII в." 1887.

Н. А. Фирсовъ: „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ". Казань. 1866.

Онъ же: „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г." Казань, 1869.

Ѳ. Леонтовичъ: „Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи" (Сіонъ. 1861 и 1862 г.).

Онъ же: „Историческое изслѣдованіе о правахъ Литовско-Русскихъ евреевъ". Кіевъ. 1864.

„Историческій очеркъ русскаго законодательства о евреяхъ“. Одесса. 1882 г.

С. А. Бершадскій: „Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи“. 1388—1569 г. Спб. 1883.

А. Сапуновъ: „Польско-Литовское и Русское законодательство о евреяхъ“. Спб. 1884 г.

Н. Градовскій: „Торговля и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ“. Спб. 1886.

Никитинъ: „Столѣтній періодъ русскаго законодательства о евреяхъ: 1772—1872“. Два тома. 1886.

В. Н. Никитинъ: „Евреи-земледѣльцы. Историческое, законодательное, административное и бытовсе положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней (1807—1887). Спб. 1887.

Н. В. Калачовъ: „О значеніи изгоевъ и состояніе изгойства въ древней Руси“ (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній. 1850, кн. I; 1851 г. кн. II, пол. 1-я).

Б. Н. Чичеринъ: „Несвободныя состоянія въ древней Руси“ (Русс. Вѣстн. 1856, III).

II. Исторія русскаго семейнаго права и права наслѣдства.

Ил. Васильевъ: „О гражданск. состояніи женскаго пола въ Россіи“ (Вѣстн. Евр. 1826, №№ 18, 19, 21).

Д. Языковъ: „Изысканіе о старинныхъ свадебныхъ обрядахъ“ Библ. для чтенія. 1835, III).

А. Терещенко: „Бытъ русскаго народа“. Спб. 1848.

М. Морошкинъ: „Свадебные обряды древней Руси“ (Сынъ Отеч. 1848, 2).

И. Сахаровъ: „Сказанія русскаго народа“ (Спб. 1849 г.).

Крыжановскій: „Вѣнечныя памяти и пошлины“. 1859.

Алексѣевъ: „Объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнему русскому праву“ (Чт. въ общ. ист. и древн. Рос. 1868, кн. 2).

С. М. Шпилевскій: „Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ“. 1869 г.

И. Ф. Нильскій: „Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историч. очеркъ раскольничьяго ученія о бракѣ“. Спб. 1869.

А. Щаповъ: „Вліяніе общественнаго міросозерцанія на соціальное положеніе женщины въ Россіи“ (Дѣло. 1871, 7—8).

И. Я. Аристовъ: „Судьба русской женщины въ допетровское время“ (Заря, 1871, 3).

Н. В. Калачовъ: „Юридическіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ“ (Арх. ист. юрид. свѣд. 1859, 2).

П. Чубинскій: „Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи“ (Зап. И. Геогр. общ. по отд. этнографіи, 1869, 2).

П. С. Ефименко: „Народные юридическіе обычаи Архангельской губерніи“ (Арх. 1869).

Онъ же: „Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи“. Спб. 1872 г.

Г-жа Ефименко: „Народныя юридическія воззрѣнія на бракъ“ (Знаніе. 1874, № 1).

А. Смирновъ: „Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа“. М. 1878 г.

Дубакинъ: „Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества“. 1880.

Д. И. Азаревичъ: „Русскій бракъ“ (Журн. гражд. и уголовн. права 1880, сентябрь, октябрь, ноябрь).

О. И. Левицкій: О семейныхъ отношеніяхъ въ Юго-Западной Руси XVI и XVII в.“ (Русская Старина 1880, № 11).

А. Загоровскій: „О разводѣ по русскому праву“. Харьковъ. 1884.

Онъ же: „О незаконнорожденныхъ дѣтяхъ по русскому законодательству“ (Вѣстн. Евр. 1882, 3).

О. Ф. Ланге: „О правахъ собственности супруговъ по древне-русскому праву“. Спб. 1886.

А. Лебедевъ: „О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ“ (Чтенія въ общ. ист. и др. Рос. 1887, 3).

П. С. Бердниковъ; „Форма заключенія брака у европейскихъ народовъ“ (Правосл. Обозр. 1888, 3).

О. Пергаментъ: „Къ вопросу объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнѣйшему русскому праву“ (Ж. М. Н. Пр. 1894, 11).

Reutz: „Versuch einer geschichtlichen Entwickelung der Grundsaetze des Russischen Vormundschaftrechts“. Dorp. 1825.

А. Поповъ: „Объ опекѣ въ связи съ общественнымъ бытомъ древней Россіи“ (Юрид. Зап. Рѣдкина, т. 2, М. 1842 г.).

Онъ же: „Объ опекѣ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ“ (Сборникъ истор. свѣд. о Россіи, изд. Д. Валуевымъ, т. I, М. 1845.

И. Д. Бѣляевъ: „О наслѣдствѣ безъ завѣщанія“. М. 1858.

П. П. Цитовичъ: „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія“. 1870.

К. Д. Кавелинъ: „Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія“. 1860.

В, Н. Никольскій: „О началахъ наслѣдованія по древнему русскому праву“. 1859.

Онъ же: „Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія“. 1871.

Рудневъ: „О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому гражданскому праву въ историческомъ развитіи“. Кіевъ. 1895.

П. И. Бѣляевъ: „Анализъ нѣкоторыхъ пунктовъ древне-русскаго завѣщанія“. М. 1897.

III. Вещное право.

Тимковскій: „О помѣстьяхъ". Харьковъ. 1811 г.

Ил. Васильевъ: „Историческое извѣстіе о помѣстьяхъ и вотчинахъ въ Россіи" (Вѣстн. Евр. 1823 г. № 12).

Ивановъ: „Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей". М. 1836 г.

Ѳ. Морошкинъ: „О владѣніи по началамъ россійскаго законодательства". М. 1837.

Лакіэръ: „О вотчинахъ и помѣстьяхъ". Спб. 1848 г.

Седлаевъ: „Очерки и матеріалы по исторіи землевладѣнія Москов. Руси въ XVII в." М. 1912.

А. Изюмовъ: „Жилецкое землевладѣніе въ 1632 г.". М. 1913.

Кранихфельдъ: „Начертаніе Россійскаго гражданскаго права въ историческомъ его развитіи". Спб. 1853 г.

Турчиновичъ: „Общественный бытъ славянъ въ древности. О собственности и наслѣдствѣ въ древней Руси". Спб. 1853 г.

Бар. Врангель: „Исторія лѣсного законодательства Росс. Имперіи". Спб. 1841.

И. Д. Бѣляевъ: „Какъ понимали давность въ разное время и русское общество въ своей жизни и русскіе законы"? М. 1855 г.

Онъ же: „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ". (Врем. общ. ист. и др. Рос., XI). 1851 г.

Варадиновъ: „Изслѣдованіе объ имущественныхъ или вещественныхъ правахъ по русскимъ законамъ". Спб. 1855 г.

Гладковъ: „О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности, по началамъ древняго Россійскаго законодательства". М. 1855 г.

Станиславскій: „Изслѣдованіе началъ имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства" (въ Юридич. Сборн. Мейера. Каз. 1885 г.).

Д. И. Мейеръ: „Древне-русское право залога" (тамъ же).

В. Н. Лешковъ: „Общинный бытъ древней Россіи". Спб. 1856 г.

И. Энгельманъ: „О пріобрѣтеніи права собственности на землю". Спб. 1859 г.

Онъ же: „Die Verjährung nach russischen Privatrecht". Dorp. 1867. (Русскій переводъ. Спб. 1868 г.).

В. Н. Лешковъ: „Имущественныя и личныя права по указамъ Петра В." (Русск. Вѣстн. 1861 г., № 12).

Keussler: „Zur Geschichte des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland". 1876 г.

П. Соколовскій: „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи". Спб. 1877 г.

Н. П. Загоскинъ: „О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ". Каз. 1877 г.

А. С. Павловъ: „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи“. Ч. I. Одесса. 1871.

М. И. Горчаковъ: „О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода (988—1738 г.)“. Спб. 1871.

А. Завьяловъ: „Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при Имп. Екатеринѣ II“. Спб. 1900.

П. В. Верховской: „Населенныя недвижимыя имѣнія св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра В. Спб. 1909.

Милютинъ: „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи“. (Чтенія въ общ. ист. и др. 1859 г., № 4 и 1860 г., №№ 2 и 3).

Д. М. Мейчикъ: „О правѣ родственнаго выкупа по древне-русскому обычному праву въ пол. XVI в.“ (Юрид. Вѣстн. 1883).

В. А. Незабитовскій: „Замѣчанія по вопросу о чиншевомъ владѣніи въ западныхъ губерніяхъ“ (Собр. соч. Кіевъ. 1884 г.).

Л. В. Гантоверъ: „О происхожденіи и сущности вѣчно чиншеваго владѣнія“. Спб. 1884 г.

Спасовичъ: „Источники чиншеваго права“. Спб. 1885.

Г. Ф. Блюменфельдъ: „О формахъ землевладѣнія въ древней Руси“. Одесса. 1884 г.

В. Якушкинъ: „Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в. В. I. XVIII в. М. 1890 г.

В. А. Удинцевъ: „Посессіонное право“. Кіевъ. 1896.

С. В. Рождественскій: „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.“. 1897.

А. Ефименко: „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“ (въ „Изслѣдованіяхъ народной жизни“. В. I.).

В. И. Курдиновскій: „Къ ученію о легальныхъ ограниченіяхъ права собственности на недвижимость въ Россіи. Одесса. 1899 г.

Владимірскій-Будановъ: „Помѣстья Литовскаго государства“. Кіевъ. 1889.

Д. Я. Самоквасовъ: „Происхожденіе помѣстнаго права и общиннаго крестьянскаго землевладѣнія Москов. государства“. Москва. 1904.

Karol Kadlec. „Rodinny nedil ćili zádruga“. W. Praze. 1898.

П. Ивановъ: „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII в.“ (Древности. Труды Археогр. Ком. И. М. Археол. Общ. III. 1899).

Онъ же: „Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII в. у свободныхъ и владѣльческихъ крестьянъ“. Москва. 1901.

В. В. „Къ исторіи общины въ Россіи“. М. 1902.

А. А. Кауфманъ: „Документы и живая исторія русской общины“. Спб. 1904

М. Харузинъ: „Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону“. М. 1885.

К. Д. Кавелинъ: „Поземельная община въ древней и новой Россіи“ (Вѣстн. Евр. 1877, № 5).

V. Обязательственное право.

Капустинъ: „Древне-русское поручительство“ (Сборн. Мейера и отдѣльно. Каз. 1855).

Киндяковъ: „Опытъ разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ“ (ibid). Каз. 1855.

Д. И. Шихно: „Историческій очеркъ мѣръ гражданскаго взысканія по русскому праву“. Кіевъ. 1874.

А. Загоровскій: „Историческій очеркъ займа по русскому праву до конца XIII ст.“. Кіевъ. 1875.

А. Ѳ. Соколовъ: „Историческое изложеніе договора мѣны недвижимыхъ имуществъ по русскимъ законодательнымъ памятникамъ“. Кіевъ. 1880.

Н. Н. Товстольсъ: „Сущность залога въ историческомъ развитіи по русскому гражданскому праву“ (Журн. М-ва Юстиціи. 1898, окт.—ноябрь).

С. Никоновъ: „Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву“. Спб. 1895.

Г.

Исторія русскаго процесса.

М. Т. Каченовскій: „Разсужденіе о судебныхъ поединкахъ“ (Труды Общ. Ист. и др. т. I). 1811.

И. Васильевъ: „Судъ жребій“ (Вѣстникъ Европы 1826 г., № 6, ч. 146).

М. Евгеній: „О разныхъ родахъ присягъ у славяноруссовъ“ (Тр. и Зап. Общ. Ист. и др. Р. III).

Каченовскій: „О судебныхъ поединкахъ“ (Вѣстн. Евр. 1811).

И. Ѳ. Калайдовичъ: „Разсужденія о поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ“ (Русскій Истор. Сборн. I).

А. Куницынъ: „Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи“. Спб. 1843 г.

Палюмбецкій: „О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго германскаго права, сравнительно съ Русскою Правдою и позднѣйшими русскими законами“. Кіевъ. 1844 г.

Линовскій: „Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи“. Одесса. 1849.

К. Д. Кавелинъ: „Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводаства отъ Уложенія до Учрежд. о губерніяхъ“. М. 1844 г.

К. А. Неволинъ: „О пространствѣ церковнаго суда“ (Полн. Собр. Соч. т. VI).

А. Н. Поповъ: „Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1848 г. № 11).

М. М. Михайловъ: „Исторія образованія и развитія системы русскаго судопроизводства до Уложенія 1649 г.“. Спб. 1848 г.

М. М. Михайловъ: „Русское гражданское судопроизводство отъ Уложенія 1649 г. до изданія свода законовъ". Спб. 1856 г.

К. Троцина: „Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи". Спб. 1851 г,

С. П. Пахманъ: „О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи". М. 1851 г.

Бѣляевъ: „Поле. Изслѣдованіе о древнихъ судебныхъ поединкахъ" (Москвит. 1855 г. № 13 и 14).

П. Чоглоковъ: „Объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михаиловича" (Юрид. сб. Мейера. Казань, 1855 г.).

В. К. Курдиновскій: „Что такое сводъ нашего древняго права". Юрид. извѣстія. 1913. № 8.

А. Вицынъ: „Третейскій судъ по русскому праву". М. 1856.

Ѳ. М. Дмитріевъ: „Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ судебника до учрежденія о губерніяхъ". М. 1859 г.

В. Г. Демченко: „Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей по русскому праву до Петра В.". Кіевъ. 1859 г.

Арсеньевъ: „Судъ по формѣ. Историческое изложеніе причинъ, породившихъ судъ по формѣ" (Наше Время 1860 г. № 49).

И. Д. Бѣляевъ: „О судѣ намѣстничьемъ на Руси въ старину" (Юрид. Журн. 1871 г., № 7. 8 и 9).

Онъ же: „О вызовѣ въ судъ по древнимъ законамъ до Уложенія 1649 г." (Журн. Мин. Юст. 1860 г., № 2).

В. Мстиславскій: „О поклепной вѣрѣ, или понятіе объ обвинительномъ процессѣ по Русской Правдѣ" (Юридич. Журн. 1861 г., № 5).

Грицько: „Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ" (Архивъ Н. В. Калачова. 1860—61 г., кн. 5).

Н. Л. Дювернуа: „Источники права и судъ въ древней Россіи". М. 1866 г.

И. С. „О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи" (Чтенія въ О. Ист. и Д. Р. I).

Забѣлинъ: „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ" (Вѣстн. Европы 1871 г., 1 и 2)

В. В. Сокольскій: „Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска" (Университетскія Кіевскія Извѣстія 1871 г. № 5 и сл.).

К. І. Стефановскій: „Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права" (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1873 г., февр., мартъ).

Розенгеймъ: „Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій до кончины Петра В.". 1878 г.

Ланге Н.: „Древне-русское уголовное судопроизводство XIV, XV, XVI и пол. XVII вв.". Спб. 1884 г.

Ланге Н.: „Древніе русскіе вопчіе или смѣсные суды“. 1882.

П. Бѣляевъ: „Спеціальное назначеніе судей и судебная грамота въ древне-русскомъ процессѣ“ (Сборникъ правовѣдѣнія, т. VIII). 1897 г.

Онъ же: „Очеркъ права и процесса въ эпоху Русской правды“. М. 1895 г.

Д.

Источники права.

„Христоматія по исторіи русскаго права“, состав. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Вып. I: памятники 1-го періода (законы и акты). Вып. II: памятники Московскаго права до судебника цар. включительно. Вып. III: памятники послѣ судебника до Уложенія ц. Алексѣя Михайловича 1649 г. Здѣсь подробные указатели литературы каждаго вошедшаго въ изданіе памятника.

Къ тысячелѣтію договора Олега 911 года. „Договоры русскихъ съ греками и пр.“. М. 1912.

„Соборное Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г. Изданіе историко-филологическаго факультета И. Московскаго университета“. М. 1907.

С. В. Пахманъ: „Исторія кодификаціи гражданскаго права“. Т. I—II. Спб. 1876.

Памятники русскаго законодательства XVIII ст.“, изд. *В. М. Грибовскаго*. Вып. I (эпоха петровская). Спб. 1907.

„Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ“. Спб. 1833.

Н. В. Калачовъ: „Матеріалы для своднаго уложенія 1701 г. (Арх. Ист. и практ. свѣдѣній 1860, кн. V).

Д. В. Польновъ: „Матеріалы для ист. русск. законодательства. Вып. I—Палата объ Уложеніи“. Спб. 1865.

П. О. Бобровскій: „Происхожденіе воинскихъ артикуловъ и изображеніе процессовъ по уставу воинскому 1716 г.“. Спб. 1881 г.

Онъ же: „Артикулъ воинскій“. Вып. 2. Спб. 1906 г.

Зейдель: „Очеркъ исторіи морского устава“ (Морск. Сборн. 1860 г., кн. 9—10).

D-r Hermenegild Jireček: „Svod zakonuv slovanskych. (Сводъ законовъ славянскихъ)“. Прага. 1880 г.

„Русская правда въ четырехъ редакціяхъ“, изд. *В. И. Сергѣевича*. Спб. 1904.

„Судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича 1589 г.“. М. 1900 г., изд. Моск. Главн. Архива. М. И. Д.

М. Владимірскій-Будановъ: „Судебникъ 1589 г. Его значеніе и источники“. Кіевъ. 1902.

М. Богословскій: „Къ вопросу о Судебникѣ 1589 г.“ (Ж. М. Н. Пр. 1905, № 12).

„Наказъ И. Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія", подъ редакц. *Н Д. Чечулина* (Памятники русскаго законодательства 1649—1832 г., издав. Академіею Наукъ). Спб. 1907.

С. Зарудный: „Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ гл. X наказа Екатерины II". (Спб. 1879).

Н. Д. Чечулинъ: „Объ источникахъ наказа" (Журн. М. Н. Пр. 1902, апр.).

Ѳ. Морошкинъ: „Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи". М. 1839.

В. Строевъ: „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія". Спб. 1833 г.

Н. П. Загоскинъ: „Уложеніе ц. А. М.". Казань. 1879.

Верховскій: „Источники Уложенія ц. А. Мих." (Юридич. Вѣстн. 1889, III).

П. П. Смирновъ: „Нѣсколько документовъ изъ ист. Соборн. Уложенія и пр." (Чт. въ общ. ист. и Древн. Рос. 1913 к. 247).

С. Веселовскій: „Источники XVIII в. и Указы". (Труды Археолог. Ком. т. III.). М. 1913.

П. Е. Михайловъ: „Новыя данныя для комментарія Псковской Судной Грам. (Извѣст. 2 отд. Ак. Наукъ. 1913. т. XVIII, кн. 2).

Тихтинъ: „Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 г. и новоуказныхъ статей". Одесса. 1898.

Историко-юрид. матеріалы, изд. Архив. М. Юст. Вып. I. Указная книга Помѣстнаго приказа. М. 1889 г.

Д. М. Мейчикъ: „Грамоты XIV и XV вв. Моск. Ар. М. Ю.". М. 1883 г.

Онъ же: „Судныя дѣла XV ст. и ихъ значеніе для Судебника Іоанна III. По неизданнымъ грамотамъ Арх. М. Юст." (Юридич. Вѣстн. 1883 г., кн. 2).

А. Шахматовъ: „Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в.". Спб. 1903.

С. А. Шумаковъ: „Сотницы 1537—1597 гг. Грамоты и записи 1561—1696 г.". Изд. М. Общ. Ист. и Др. М. 1902.

Онъ же: „Сотницы, грамоты и записи 7068—7076 гг.". Изд. М. Общ. И. и Др. М. 1903.

Онъ же: „Зубцовскія сотницы 7096—7104 г.", Тверь. 1904.

Онъ же: „Сотницы (1554—1572 гг.), грамоты и записи (1628—1701 г.)". Изд. М. О. Ист. и Др. М. 1904.

Онъ же: „Угличскіе акты (1400—1749 г.)". М. 1899 [1]).

[1]) Общія собранія актовъ (юридическихъ и бытовыхъ), каковы: Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, Акты Арх. экспедиціи, Акты историческіе, Акты юридическіе, Акты, относ. до юрид. быта, Русская истор. библіотека и Лѣтопись занятій Археогр. комиссіи, книги разрядныя, писцовыя и пр., и также собранія мѣстныхъ актовъ (Кіев. и Виленской ком., Витеб. центр. Архива и частныхъ лицъ) и т. д. не вводятся въ указитель.

А. С. Павловъ: „Книга законная, содержащая въ себѣ въ древнерусскомъ переводѣ византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные. Изд. съ греческими подлинниками и историко-юридическимъ введеніемъ". Спб. 1885.

„Памятники древне-русскаго каноническаго права. Памятники XI—XV вѣковъ". (Русск. ист. библіотека, изд. Археогр. ком., т. VI). Спб. 1880.

„*Стоглавъ*, въ полномъ его видѣ по нѣсколькимъ рукописямъ". Изд. ред. Православн. Собесѣдника. Казань. 1862.

Стоглавъ съ предисловіемъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863.

Ил. Бѣляевъ: „Наказные списки соборнаго уложенія 1551 года, или Стоглава". М. 1863.

„Стоглавый соборъ". (Правосл. Собесѣдн. 1860, № II—III).

И. Д. Бѣляевъ: „Стоглавъ и наказные списки по Стоглаву" (Правосл. Обозрѣн. 1863, № 7).

В. Бочкаревъ: „Стоглавъ и исторія собора 1551 г. Историко-канонической очеркъ". Юхновъ. 1906.

А. Я. Шпаковъ: „Стоглавъ" (въ сборникѣ статей по исторіи права. Кіевъ. 1904 г.).

Бар. Розенкампфъ: „Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ". М. 1829.

В. Пахманъ: „De Nomocanone Ruthenici, qui Кормчая книга inscribitur". Одесса. 1844.

А. С. Павловъ: „Первоначальный слявяно-русскій номоканонъ". Казань. 1869.

Онъ же: „Номоканонъ при большомъ требникѣ". Одесса. 1872.

Н. И. Кедровъ: „Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра В.". М. 1886.

Н. В. Калачовъ: О значеніи кормчей книги въ системѣ древняго русскаго права". М. 1850.

„Древне-русское церковное право" (Правосл. Собесѣдникъ 1862 и 1863 г.).

М. И. Горчаковъ: „О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридич. значеніе и каноническое достоинство 50 гл. кормчей книги". Спб. 1860.

А. С. Павловъ: „50 глава кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права". М. 1887.

П. А. Муллovъ: „Значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ" (Ж. М. Юст. 1862, 1 и Вѣкъ 1862, № 15 и 16).

Н. В. Калачовъ: „Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству". Спб. 1877.

Ѳ. И. Леонтовичъ: „Старый земскій обычай". Одесса. 1889.

А. Филипповъ: „Очерки по обычному праву южно-славянскому и русскому" (Юрид. Вѣст. 1886 г.).

Онъ же: „Народное обычное право, какъ историческій матеріалъ" (Рус. мысль. 1886, № 9).

С. Пахманъ: „Обычное гражданское право въ Россіи. Юридическіе очерки“, т. I и II. Спб. 1877—79.

„Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ“, подъ ред. П. А. Матвѣева (Зап. И. Р. Географ. общества по отд. этнографіи, т. VIII). Спб. 1878.

И. Г. Оршанскій: „Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному“. Спб. 1879.

Н. Харузинъ: „Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“. Вып. I. М. 1889.

А. А. Суховъ: „Бытовыя юридическія пословицы“ (Юрид. Вѣстн. 1874, сент., окт.).

І. Иллюстровъ: „Юридическія пословицы русскаго народа“ (Юрид. Вѣстн. 1884, кн. 2).

Онъ же: „Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа“. М. 1885 г.

А. Г. Смирновъ: „О народныхъ способахъ заключенія браковъ“ (Юрид. Вѣстн. 1878, №№ 5 и 7).

П. Тютрюмовъ: „Имущественныя отношенія супруговъ по обычному праву русскаго народа“ (Русская рѣчь, 1879, №№ 2, 4, 7, 10).

Н. Лазовскій: „Личныя отношенія супруговъ по русскому обычному праву“. М. 1883.

В. Ф. Мухинъ: „Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“. Спб. 1888.

Н. В. Калачовъ: „О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи“ (Сбор. госуд. знаній. VIII). Спб. 1880.

Акты писцовыхъ дѣлъ и матеріалы для исторіи кодастра и т. д. М. 1913. (Чт. въ общ. ист. и Древн Рос., кн. 247).

Ц. 1 р. Ч. II. Геометрія въ пространствѣ, изд. 3-е. испр. и доп. К. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Жилинъ А. А., проф. Теорія союзнаго государства. Разборъ главнѣйшихъ направленій въ ученіи о союзномъ государствѣ и опытъ построенія его юридической конструкціи. К. 1912. Ц. 3 р.

Жукъ Н. Н. Лекціи по общей описательной анатоміи. К. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Забѣлинъ П. Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской церкви и по церковно-славянскимъ постановленіямъ русской церкви. 3-е изд. К. 1899. Ц. 3 р.

Зиловъ П. А. Курсъ физики. Ч. I. Движенія и силы. Свойства тѣлъ. Теплота Изд. 6-е. К. 1912. Ц. 2 р.

— Часть II. Звукъ. Свѣтъ. Электричество. Изд. 5-е. К. 1911. Ц. 3 р.

Ивановъ В. Н. Систематическій сборникъ задачъ на тѣла вращенія, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. К. 1911. Ц. 1 р.

Иконниковъ В. С. Опытъ русской исторіографіи, т. II, въ двухъ книгахъ. К. 1908. Ц. 10 р.

Кованько П. Реформа 19-го февраля 1861 года и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія. (Выкупная операція: 1861—1907 гг.). К. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

Лучицкій И. В. Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи и аграрная реформа 1789—1793 гг. К. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Мерриманъ М. Элементы санитарной техники (водопроводы и канализація). Съ 40 рис. и 16 табл. въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редак. проф. Д. П Рузскаго. К. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. 1 (XVI ст.) Михаилъ Литвинъ, Б. де-Вижинеръ, Л. Горецкій, Э. Ляссота. Переводъ К. Мельника (подъ редакціей В. Антоновича). К. 1890. Ц. 1 р. 30 к.

Новицкій О. Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. К. 1882. Ц. 2 р.

Нейманъ Б. В. Лермонтовъ, его жизнь и творчество. К. 1914. Ц. 20 к.

— Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. К. 1914. Ц. 75 к.

Огіенко И. И. Русское литературное удареніе. Изд. 2-е. К. 1914. Ц. 50 к.

— Наглядная таблица для изученія и повторенія придаточныхъ предложеній. Изд. 4-е. Ц. 6 к.

— Наглядная таблица для разстановки знаковъ препинанія. Изд. 2-е. Ц. 6 к.

— Наглядная таблица для изученія постановки бѣквы „Ъ“. Ц. 6 к.

— Наглядная таблица для изученія русской орѳографіи. Ц. 6 к.

— Орѳографическій словарь. Справочная книжка по русскому языку. К. 1914. Ц. 10 к

Парландъ О. Г., Рышковъ П. Н. Поперечные профили и укрѣпленія откосовъ земляного полотна желѣзныхъ дорогъ. Пособ. для студ. инженернаго отдѣленія Кіевскаго политехническаго института Императора Александра II. К. 1911. Ц. 1 р. 30 к.

Патонъ Е. О. Желѣзные мосты. Т. I. Фермы балочныхъ мостовъ, матеріалъ и заклепки, 2-е изд. К. 1911. Ц. 7 р.

— Т. II. Опорныя части балочныхъ фермъ и шарнирныя консольныхъ фермъ. К. 1913. Ц. 3 р. 70 к.

— Т. III. Проѣзжая часть и тротуары. К. 1913. Ц. 8 р.

— Т. IV. Связи между фермами. Изд. 2-е. К. 1909. Ц. 4 р.

— Деревянные мосты. Полный курсъ со включеніемъ деревянныхъ опоръ, составленный вмѣстѣ съ инженерами П. В. Рабцевичемъ и К. К. Симинскимъ съ 1923 фигурами. К. 1910. Ц. 9 р.

Перетцъ В. Н., проф. Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Корректурное изданіе на правахъ рукописи К. 1914. Ц. 4 р.

Петровъ И. И. Проекціонное черченіе. Курсъ дополнительнаго класса реальн. учил., съ атласомъ чертежей. Изд. 7-е. К. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Побѣдоносцевъ К. П. Курсъ гражданскаго права. Ч. I. Вотчинныя права. Ч. II. Права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя. Ч. III. Договоры и обязательства. Ч. IV. Указатели и приложенія. Спб. 1896. Ц. за всѣ 4 ч. 10 р.

Поповъ Г. Бесѣды по общей дидактикѣ. К. 1914. Ц. 1 р. Изд. 2-е.

Ренненкампфъ Н. К. Юридическая энциклопедія. Изд. 4-е. К. 1914. ц. 2 р. 75 к.

Родниковъ В. Очерки по исторіи русской педагогіи. К. Изд. 3-е. 1913. Ц. 70 к.

Родзевичъ С. И. Лермонтовъ, какъ романистъ. Съ предисл. А. М. Лободы. К. 1914. Ц. 75 к.

Савченко С. В. Русская народная сказка. (Исторія собиранія и изученія). К. 1914. Ц. 3 р

Свѣтловъ П. Я., проф. Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи. 4-е улучшенное, значит. дополненное и переработанное изданіе. Т. 1. К. 1914. Ц. 3 р. 50 к. Т. II. Ц. 3 р. 50 к.

— Курсъ апологетическаго богословія для студентовъ университета. Изд. 3-е. К. 1912. Ц. 2 р.

— Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія (Богословско-апологет. изслѣдованіе). Сер. Пос. 1906. Ц. 2 р. 25 к.

— Крестъ Христовъ. Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ (Опытъ объясненія догмата искупленія). Изд. 2-е улучшенное. К. 1907. Ц. 3 р.

— Что читать по богословію? Систематическій указатель апологетической литературы на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ (248—1906 гг.). К. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Сементовскій Н. Кіевъ, его святыни, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для путешественниковъ, съ рисунками и планами. Ц. 1 р. 50 к.

Сикорскій И. А. Душа ребенка съ краткимъ описаніемъ души животныхъ и души взрослаго человѣка. Съ 20 рис. К. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

— Основы теоретической и клинической психіатріи съ краткимъ очеркомъ судебной психіатріи. К. 1910. Ц. 7 руб. 50 коп.

— Всеобщая психологія съ физіогномикой въ иллюстрир. изложен. К. 1911. Ц. 5 р. 50 к.

— Начатки психологіи. К. 1909. Ц. 1 р. 35 к.

Слуцкій Е. Е. Теорія корреляціи и элементы ученія о кривыхъ распредѣленія (пособіе къ изученію нѣкоторыхъ важнѣйшихъ методовъ современной статистики). К. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

— **Сэръ Вилльямъ Петти.** Краткій очеркъ его экономическихъ воззрѣній. К. 1914. Ц. 40 к.

Соколовъ Пл. Русскій архіерей изъ Византіи и право его назначенія до начала XV вѣка. К. 1913. Ц. 00 к.

Сомовъ Л. Опытъ систематич. изложенія матеріала уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія въ Московск. государствѣ. Работа изъ семинаріи пр. М. В. Довнаръ-Запольскаго. К. 1914. Ц. 80 к.

Сухомлиновъ В. С. (Владиміръ С.). Зарницы. Т. I. К. 1913. Ц. 1 р.

Сусловъ К. Г. (проф.). Основы аналитической механики. Т. I, ч. I. Кинематика. К. 1911. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 20 к. Ч. II. Динамика точки. Ц. 1 руб. 20 к. Ч. III. Динамика системы. К. 1912. Ц. 2 р. 20 к.

— Т. II. Динамика твердаго тѣла. Мгновенныя силы и ударъ, съ 18 рис. К. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

— Теорія потенціала и гидродинамика. Т. I. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. II. Гидродинамика. Съ 14 фигурами. К. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Травинъ В. Справочная книжка для межевыхъ инженеровъ, межевыхъ техниковъ, топогр. и студентовъ. Собраніе вспомогательныхъ таблицъ и краткихъ свѣдѣній по чистой математикѣ, геодезіи и астрономіи. К. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Фелькнеръ Ил. Астрономія для любознательныхъ людей съ картою неба и 305 рисунковъ въ текстѣ. К. 1892. Ц. 3 руб. 50 коп.

— Общедоступный спутникъ механика-строителя. Для мастеровъ, монтеровъ, машинистовъ и мастеровыхъ. Изд. 6-е, переработанное и дополненное инженеромъ И. Мартыновымъ. Съ 296 гравюр. на деревѣ въ текстѣ, стр. 734. К. 1906. Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 30 к.

Хандриковъ М., проф. Курсъ анализа. I. Дифференціальное исчисленіе. II. Интегральное исчисленіе. III. Интегрированіе диффенціальныхъ уравненій. К. 1887. стр. 880, съ чертежами въ текстѣ. Ц. 6 р.

— Курсъ сферической астрономіи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, съ чертежами въ текстѣ. К. 1904. Ц. 3 руб. 50 коп.

— Описательная астрономія, элементарно-изложенная. Изд. 2-е, измѣненное и дополненное. К. 1896. Ц. 3 р. 50 к.

— Теорія фигуры земли. Высшая геодезія. Съ рисунками. К. 1900. Ц. 2 р.

— Анализъ безконечно-малыхъ. Т. I. К. 1905. Ц. 3 р. 75 к. Т. II. К. 1906. Ц. 4 р. Т. III. К. 1907. Ц. 4 р.

Цытовичъ Н., проф. Мѣстные расходы Пруссіи въ связи съ теоріей мѣстныхъ расходовъ. К. 1898. Ц. 4 р. 50 к.

Шмальгаузенъ И., проф. Краткій учебникъ ботаники для студентовъ медицины и начинающихъ натуралистовъ съ 298 рисунками, 2-е исправленное изданіе. К. 1899. Ц. 2 р.

Шульгинъ В. Курсъ исторіи древняго міра. Изд. 6-е. Спб. 1865. Ц. 1 р.

— Курсъ исторіи новыхъ временъ. Изд. 7-е. К. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Щеголевъ С. Современное украинство. Его происхожденіе, ростъ и задачи. К. 1914. Ц. 70 к.

Ѳаворовъ Н. Руководство къ церковному собесѣдованію или гомилетика. Изд. 12-е. К. 1914. Ц. 80 к.

Ѳедоровскій П. А. М. Ю. Лермонтовъ. (Изъ области забытыхъ литературныхъ вопросовъ) К. 1914. Ц. 25 к.

Съ требованіемъ обращаться въ Кіевъ на имя книжнаго магазина Н. Я. ОГЛОБЛИНА.